

ВЕРХОВНЫЙ СУД РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
СЕВЕРО-ЗАПАДНЫЙ ФИЛИАЛ
Федерального государственного бюджетного образовательного
учреждения высшего образования
«РОССИЙСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ ПРАВОСУДИЯ»



**РОЛЬ АКАДЕМИИ НАУК В РАЗВИТИИ
ГОСУДАРСТВЕННО-ПРАВОВОЙ СИСТЕМЫ РОССИИ
(К 300-летию Российской академии наук)**

Коллективная монография

Санкт-Петербург
2024

УДК 34.096

ББК 67.1

Р68

Рецензенты:

Пашенцев Дмитрий Алексеевич (Москва), главный научный сотрудник отдела теории права и междисциплинарных исследований законодательства Института законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации, профессор Московского городского педагогического университета и Университета Правительства Москвы, доктор юридических наук, профессор, Заслуженный работник высшей школы Российской Федерации, Почетный работник высшего профессионального образования Российской Федерации;

Матчанова Зоя Шарифовна (Санкт-Петербург), доцент кафедры международного права Российского государственного педагогического университета им. А.И. Герцена, кандидат юридических наук.

Р68 Роль Академии наук в развитии государственно-правовой системы России (к 300-летию Российской академии наук): коллективная монография / Под ред. А.А. Дорской. – СПб.: Астерион, 2024. – 714 с. – Системные требования: Windows 7/8/11; Adobe Reader. – https://asterion.ru/db/temp/Rol`_Akademii_Nauk_v_Razvitii_Gos_Prav_Sistemi_Rossii.pdf – Текст : электронный.

ISBN 978-5-00188-466-8

Монография посвящена исследованию роли академической науки в развитии государственно-правовой системы России в различные исторические эпохи. Особое внимание уделено вкладу академиков Российской академии наук в становление и развитие отечественных школ отраслевого права. Показано значение международно-правовой составляющей для национальной юридической науки, а также проведен сравнительный анализ опыта различных стран.

Для специалистов по теории и истории государства и права, международному праву, юристов-отраслевиков, студентов юридических факультетов, а также всех, кто интересуется дискуссионными вопросами юриспруденции.

ISBN 978-5-00188-466-8

© Коллектив авторов, 2022–2023

ОГЛАВЛЕНИЕ

ПРЕДИСЛОВИЕ	9
-------------------	---

Глава I. ЗНАЧЕНИЕ РОССИЙСКОЙ АКАДЕМИИ НАУК В СТАНОВЛЕНИИ И РАЗВИТИИ РОССИЙСКОЙ ЮРИСПРУДЕНЦИИ: ИСТОРИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ	11
---	----

§ 1. Академический период развития российской юридической науки (<i>Заиченко Я.И., Джура В.В.</i>)	11
§ 2. Академия наук в переломные периоды развития российской государственности (<i>Карасаева Л.В.</i>)	22
§ 3. Дореволюционная академическая школа историко-правовых исследований о специфике парламентаризма (<i>Бочкарев С.В.</i>)	32
§ 4. Роль Российской академии наук в развитии этнополитики государства: историко-правовой анализ (<i>Ботанцов И.В.</i>)	40
§ 5. Эволюция статуса судьи в России (1922–2021 гг.) (<i>Филонова О.И.</i>) ...	52
§ 6. Бремя доказывания в уголовном и гражданском процессе: научные взгляды А.Я. Вышинского (<i>Лаврищева О.М., Шиплюк В.А.</i>)	63
§ 7. Академик В.В. Лаптев – основоположник науки предпринимательского (хозяйственного) права (<i>Шишкин С.Н., Бородушко И.В.</i>)	77
§ 8. Научное наследие Александры Матвеевны Нечаевой как яркого представителя академической школы семейного права (<i>Левушкин А.Н.</i>)	92
§ 9. Вклад А.М. Нечаевой в развитие науки отечественного семейного права (<i>Малкин О.Ю., Смолина Л.А.</i>)	100

Глава II. ВКЛАД РОССИЙСКОЙ АКАДЕМИИ НАУК В РАЗВИТИЕ ТЕОРИИ ГОСУДАРСТВА И ПРАВА	110
---	-----

§ 1. Право как этносоциокультурный феномен в академических теориях правопонимания (<i>Первушина В.Н., Морозова Н.М., Остапенко В.С.</i>)	110
---	-----

§ 2. Эволюция категорий «право» и «закон» в научном наследии Российской академии наук (Волкова М.А., Кученин Е.С., Краснова К.А.).....	123
§ 3. Теория права: академическая наука в поисках новой парадигмы (Харитонов Л.А.)	133
§ 4. Безопасность личности в условиях изменяющихся правовых реалий XXI века (Воронцова М.А.)	139
§ 5. Неюридические средства в системе правового регулирования (Васильева Н.В.).....	151
§ 6. Академическое наследие России в системе студенческих научных исследований (Баукин В.Г.)	160
§ 7. Роль советской академической науки в становлении понятия «индивидуальная международная уголовная ответственность» (Дорская А.А., Дорский А.Ю.).....	169
Глава III. РОЛЬ АКАДЕМИИ НАУК В РАЗВИТИИ НОРМ МАТЕРИАЛЬНОГО ПРАВА.....	178
§ 1. Вклад Российской академии наук в развитие и совершенствование частного и публичного права в России (Сварчевский К.Г., Кузнецов Д.А., Тураева Э.В.).....	178
§ 2. Влияние советской школы административного права на современное понимание сущности административно-правового регулирования (Терентьев Р.В.).....	189
§ 3. Академические школы финансового права: проблемы интерпретации понятия финансовой системы государства в российском праве (Гонтарь Н.Н.)	199
§ 4. Вклад Российской академии наук в становление и развитие уголовного экологического права как инструмента защиты и охраны окружающей среды (Рахманова Е.Н.)	212
§ 5. Обусловленность процессов криминализации и декриминализации деяний (Писаревская Е.А.)	222
§ 6. Вклад А.И. Иойрыша в развитие атомного права (Лизикова М.С., Сварчевский К.Г.)	230

§ 7. Российская академия наук как участник международных отношений невластного характера (<i>Талимончик В.П.</i>).....	238
§ 8. Преддоговорная ответственность в гражданском праве: сравнительно-правовой анализ (<i>Демкина А.В.</i>)	252
§ 9. Вопросы развития законодательства в сфере интеллектуальной собственности Российской Федерации и Франции (<i>Рузакова О.А.</i>)....	268
§ 10. Роль уральской школы трудового права в развитии советской и современной науки (<i>Жильцова Ю.В., Клепалова Ю.И.</i>)	277

Глава IV. ВОПРОСЫ СУДОУСТРОЙСТВА И СУДОПРОИЗВОДСТВА В АКАДЕМИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЯХ287

§ 1. Перспективы организации гражданского и арбитражного судопроизводства России в цифровую эпоху (<i>Войтович Л.В., Катуюкова С.Ю., Латышева Н.А.</i>).....	287
§ 2. Системность гражданского процесса: понятие, значение и соотношение со смежными категориями (<i>Андрианова М.В.</i>).....	301
§ 3. Решение суда по делам особого производства в гражданском и арбитражном судопроизводстве (<i>Войтович Л.В., Латышева Н.А.</i>)	308
§ 4. Интерпретация отдельных положений теории доказательств академика А.Я. Вышинского в трудах профессора Г.А. Густова (<i>Конин В.В., Корсаков К.А., Сидоренко Е.В., Марьина Е.В.</i>).....	327
§ 5. Академическая модель уголовно-процессуального законодательства Союза ССР и РСФСР 1990 года и ее роль в развитии российского уголовного судопроизводства (<i>Смирнов А.В.</i>).....	336
§ 6. Проблема определения подсудности дел о хищении средств с банковского счета (<i>Васильев Ю.А.</i>).....	344
§ 7. Вклад международного правосудия в развитие государственной правовой системы России: участие академиков Российской академии наук в разрешении межгосударственных конфликтов (<i>Никитина И.Э., Краснова К.А., Шикуча И.Р.</i>)	353

Chapter I. THE RUSSIAN ACADEMY OF SCIENCES IN FORMING AND DEVELOPING RUSSIAN JURISPRUDENCE: A HISTORICAL ANALYSIS	364
§ 1. Academic period of Russian legal science development (<i>Zaichenko Ya.I., Dzhura V.V.</i>)	364
§ 2. Academy of Sciences during the turning points of the development of Russian statehood (<i>Karasaeva L.V.</i>).....	374
§ 3. Pre-revolutionary academic school of historical and legal studies on the specifics of parliamentarism (<i>Bochkarev S.V.</i>)	383
§ 4. Role of the Russian Academy of Sciences in the development of ethnopolitics of the state: historical-legal analysis (<i>Botantsov I.V.</i>)	390
§ 5. Evolution of a judge’s status in Russia (1922-2021) (<i>Filonova O.I.</i>).....	401
§ 6. The burden of proof in criminal and civil proceedings: scientific views of A.Ya. Vyshinsky (<i>Lavrishcheva O.M., Shiblyuk V.A.</i>)	411
§ 7. Academician V.V. Laptev – the founder of business (economic) law (<i>Shishkin S.N., Borodushko I.V.</i>)	423
§ 8. Scientific heritage of A.M. Nechaeva as a bright representative of the academic school of family law (<i>Levushkin A.N.</i>)	436
§ 9. Contribution of A.M. Nechaeva into the development of domestic family law (<i>Malkin O.Yu., Smolina L.A.</i>).....	443
 Chapter II. CONTRIBUTION OF THE RUSSIAN ACADEMY OF SCIENCES TO THE DEVELOPMENT OF THE THEORY OF STATE AND LAW	 453
§ 1. Academic theories on understanding law as an ethnical, social and cultural phenomenon (<i>Pervushina V.N., Morozova N.M., Ostapenko V.S.</i>).....	453
§ 2. Category evolution of “law” and “lex” in the scientific heritage of the Russian Academy of Sciences (<i>Volkova M.A., Kuchenin E.S., Krasnova K.A.</i>)	465
§ 3. Theory of law: academic science in search of a new paradigm (<i>Kharitonov L.A.</i>).....	473
§ 4. Personal security in the changing legal realities of the 21 st century (<i>Vorontsova M.A.</i>)	479

§ 5. Non-legal means in the legal regulation system (<i>Vasilyeva N.V.</i>).....	489
§ 6. Academic legacy of Russia in student scientific research (<i>Baukin V.G.</i>)...	497
§ 7. The role of Soviet academic science in the formation of the concept of individual international criminal liability (<i>Dorskaya A.A., Dorsky A.Yu.</i>).....	505

Chapter III. ROLE OF THE ACADEMY OF SCIENCES

IN THE DEVELOPMENT OF SUBSTANTIVE LAW513

§ 1. Contribution of the Russian Academy of Sciences into the development and improvement of private and public law in Russia (<i>Svarchevsky K.G., Kuznetsov D.A., Turaeva E.V.</i>).....	513
§ 2. The influence of the Soviet school of administrative law on the modern understanding of administrative-legal regulation (<i>Terentyev R.V.</i>).....	523
§ 3. Academic schools of financial law: challenges of interpreting the concept “financial system of the State” in Russian law (<i>Gontar N.N.</i>).....	532
§ 4. Contribution of the Russian Academy of Sciences into the formation and development of criminal ecological law as an instrument for environmental preservation and protection (<i>Rahmanova E.N.</i>).....	543
§ 5. Justifying the criminalization and decriminalization of an act (<i>Pisarevskaya E.A.</i>).....	552
§ 6. Contribution of A.I. Ioirysh to the development of atomic law (<i>Lizikova M.S., Svarchevsky K.G.</i>).....	559
§ 7. The Russian Academy of Sciences as a participant in non-power international relations (<i>Talimonchik V.P.</i>).....	566
§ 8. Pre-contractual liability in civil law: comparative legal analysis (<i>Demkina A.V.</i>).....	578
§ 9. Developing intellectual property legislation in the Russian Federation and France (<i>Ruzakova O.A.</i>).....	592
§ 10. The role of the Ural school of labor law in the development of the Soviet and modern science (<i>Zhiltsova Yu.V., Klepalova Yu.I.</i>).....	600

Chapter IV. ISSUES OF JUDICIAL ORGANIZATION AND JUDICIAL PROCEEDINGS IN ACADEMIC RESEARCH.....	609
§ 1. Prospects for the organization of civil and arbitration proceedings in Russia in the digital age (<i>Voitovich L.V., Katukova S.Yu., Latysheva N.A.</i>).....	609
§ 2. Systematicity of civil process: the notion, significance and linkage with the related categories (<i>Andrianova M.V.</i>)	621
§ 3. Court decision on the special proceeding's cases in civil and arbitration trials (<i>Voitovich L.V., Latysheva N.A.</i>).....	627
§ 4. Interpretation of certain provisions of academician A.Ya. Vyshinsky's theory of evidence in the works of professor H.A. Gustov (<i>Konin V.V., Korsakov K.A., Sidorenko E.V., Maryina E.V.</i>)	644
§ 5. Theoretical model of the criminal procedure legislation in the USSR and RSFSR of 1990 and its role in the development of the Russian criminal justice (<i>Smirnov A.V.</i>).....	653
§ 6. The problem of determining the jurisdiction of cases of embezzlement of funds from a bank account (<i>Vasilyev Yu.A.</i>).....	660
§ 7. Contribution of international justice into the development of the state legal system of Russia: participation of academicians of the Russian Academy of Sciences in the resolution of interstate conflicts (<i>Nikitina I.E., Krasnova K.A., Shikula I.R.</i>).....	669
 СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ	 678
 КОЛЛЕКТИВ АВТОРОВ	 709

ПРЕДИСЛОВИЕ

Со дня своего основания в 1724 году цели и задачи Российской академии наук были неразрывно связаны с необходимостью реформирования и укрепления государства, с реализацией его экономической и политической независимости.

Пожалуй, не было такой науки, отрасли знаний, в которую Академия не внесла бы выдающийся вклад, не являются исключением и общественные науки: история, право. С первых дней Академия взялась за ликвидацию пробелов в российской правовой науке. От переводов зарубежных трудов по юриспруденции и приглашения специалистов из-за границы Академия вскоре перешла к работе с молодыми российскими учеными, среди которых никогда не утихали дискуссии о сути и роли государства, об определении векторов развития его законотворческой деятельности.

В самые переломные моменты развития российского государства, несмотря на все структурные и организационные перемены, спады и подъемы, Академии удавалось выстоять, сохранить отечественную фундаментальную науку и основы ее дальнейшего развития, обрести и удержать высокий авторитет и признание как в отечественном, так и международном научном сообществе.

Среди ведущих правоведов – членов Академии наук – можно встретить основоположников школ конституционного, уголовного, гражданского, предпринимательского, семейного, трудового и других отраслей права, авторов многочисленных публикаций, научных и учебных трудов, востребованных в современном праве.

Юридические исследования Академии активно используются и влияют на правотворчество и правоприменение во всех сферах правового регулирования. основополагающие труды РАН являются необходимой составляющей процесса подготовки ученых-юристов, а ее историко-правовое наследие позволяет проследить ход развития российской политико-правовой теории и российской государственности.

Настоящая монография, подготовленная по итогам Всероссийского круглого стола, посвященного 300-летию Российской академии наук, стала своеобразным срезом наблюдений, итогов, оценок и критики вклада Академии в развитие государственно-правовой системы России, который будет интересен широкому кругу специалистов в области общественных наук в целом и юриспруденции в частности.

Глава I.

ЗНАЧЕНИЕ РОССИЙСКОЙ АКАДЕМИИ НАУК В СТАНОВЛЕНИИ И РАЗВИТИИ РОССИЙСКОЙ ЮРИСПРУДЕНЦИИ: ИСТОРИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ

§ 1. Академический период развития российской юридической науки

Введение. Начало формирования российской юридической науки, как говорят некоторые авторы, относится к XI веку, когда Иларион, первый русский митрополит, написал трактат «Слово о Законе и Благодати». Авторы отмечают, что появление данной работы есть причина и начало российской юридической науки.

Петербургская академия наук – принятое в литературе название высшего научного учреждения Российской империи в 1724-1917 гг. – основана 28 января (8 февраля) 1724 года в Петербурге указом императора Петра I. С февраля 1917 года она именуется как Российская академия наук.

Во время правления Петра I во многих сферах жизни происходили значительные изменения. Правление царя Руси была связана с реформаторской деятельностью. Петр Алексеевич положил начало многому. При нем издавались различные акты, например, в 1698 году Петром I была введена государственная пошлина на ношение бороды; 30 декабря 1701 года Петр издал указ, которым предписывалось писать в челобитных и прочих документах имена полностью вместо уничижительных полуимен (Ивашка, Сенька и т. п.), на колени перед царем не падать, зимой на морозе шапку перед домом, в котором находится царь, не снимать и т. д.

Пример Парижской академии, беседы со многими учеными за границей, советы Лейбница, неоднократные представления многих иностранцев, сподвижников Петра I, убедили его в необходимости завести академию наук и в России.

В 1718 году Генрих Фик, один из сподвижников Петра I, в ходе доклада представил ему записку «О нетрудном воспитании и обучении российских молодых детей, чтобы оных в малое время в совершенство поставить». Этот доклад и явился причиной издания Петром I указа: «Сделать академию, а ныне приискать из русских, кто учен и к тому склонность имеет, также начать переводить книги юриспруденции и прочия»¹. Actis testantibus, петербургская Академия должна была принципиально отличаться от европейских академий.

Потом был издан именной указ Сенату «Об учреждении Академии Наук и Художеств». В соответствии с данным указом каждый профессор-

¹ Пекарский П.П. История Императорской академии наук в Петербурге. Т. 1. – СПб.: издание Отд-ния рус. яз. и словесности Императорской акад. наук, 1870. – 774 с.

академик должен был подготовить учебное руководство в пользу учащегося юношества и каждый день по часу заниматься публичным преподаванием своего предмета. Также академик должен был из всего студенческого состава подготовить одного или двух студентов. Он должен был преподавать им таким образом, чтобы они досконально освоили предмет, дабы после могли заменить самого профессора-академика в случае его смерти или чего-то еще. По этому поводу Петр I сказал, чтобы такие были выбираемы из славянского народа, дабы могли удобнее русских учить. Для содержания академии было выделено 25 816 рублей.

После издания указа «Об учреждении Академии Наук и Художеств» первый президент Академии наук и художеств Л.Л. Блюментрост начал приглашать из-за границы в Российскую империю будущих профессоров-академиков. После смерти царя престол заняла Екатерина I, которая продолжила деятельность Петра по развитию Академии.

В 1725 году Блюментросту удалось заключить договоры с некоторыми профессорами из иностранных государств. Со временем академики приезжали в Санкт-Петербург, сразу же после приезда они приступали к выполнению своих преподавательских обязанностей.

Таким образом, Академия, основанная Петром I, постепенно начала свою научно-преподавательскую деятельность, результатом которой является выпуск квалифицированных специалистов, которые стали преподавать в той же Академии и передавать полученные ими знания следующим поколениям выпускников.

Основное исследование. Основные положения академического периода и развитие российской юридической науки. Академический период прогресса российской правовой науки.

Данный период является вторым после «семейно-монастырского» периода, который закончился в конце XVI века. Академический период де-юре начался в 1724 году, когда Петр I дал указ: «Сделать академию, а ныне приискать из русских, кто учен и к тому склонность имеет, также начать переводить книги юриспруденции и прочия»².

Как отмечает В. М. Сырых, академический период характеризуется конкретными и действенными мерами по формированию в России научных и образовательных учреждений, что было вызвано острым дефицитом специалистов в области технических, политических, исторических, юридических, медицинских и иных наук. Первым шагом в этом направлении явилось создание Петром I Академии наук, официальное открытие которой состоялось в 1725 г. уже после его смерти. На Академию возлагались две задачи: «науки

² Там же. – С. 774.

производить» и обучать молодежь наукам. В связи с этим при Академии были учреждены университет и гимназия. Большое внимание в этот период придавалось подготовке юридических кадров и совершенствованию законодательства. Соответственно, при Академии наук была создана кафедра правоведения, а в академическом университете преподавалась юриспруденция. В дополнение к ним в 1732 г. был образован Шляхетский корпус, где предусматривалось проведение занятий по теоретической юриспруденции. В 1755 г. был открыт Московский университет, в составе которого был юридический университет³.

Таким образом, Петр является первым основоположником Академии наук, которая стала после его смерти приобретать в глазах народа и власти авторитет и уважение. Данная академия является первым государственным образовательным учреждением, где осуществлялась подготовка специалистов в самых разных областях. На этом этапе больше внимание уделялось подготовке молодых специалистов, ибо дефицит в них возрос до предельного уровня.

Как известно, в академии не было своих собственных специалистов, которые могли бы преподавать, развивать российскую правовую науку, передавать свои знания другим, обучать молодых. В связи с этим необходимо было приглашать соответствующих специалистов из-за границы. В результате в российской Академии наук работали такие профессора, как Ф.Г. Баузе, И. Пургольд, Я.И. Шнейдер, И.М. Шаден, Ф.Г. Штрубе-де-Пирмон и другие. Все они внесли весомый вклад в развитие российской правовой науки и юридического образования.

Вместе с тем попытка поднять юридическую науку и образование до уровня западноевропейской юриспруденции таким путем оказалась несостоятельной. Приглашенные профессора не знали ни русского языка, ни российского законодательства. Лекции они читали на немецком и латинском языках, которые были малопонятны слушателям. Более того, на каждого профессора возлагалась обязанность читать несколько курсов. Так, Г. Дильтей на протяжении первых 10 лет с 1756 по 1766 года был единственным профессором юридического факультета Московского университета и поэтому читал все предусмотренные учебным планом курсы. Надо ли удивляться тому, что большая часть слушателей не горела желанием получать университетское образование. Так, в 1765 г. из 18 студентов, обучавшихся в академическом университете, половина подали прошение об отставке по мотивам отсутствия «склонности более обучаться наукам». Из-за хронического недобора студентов университет в 1766 г. был закрыт. Положение с юридическим

³ Сырых В. М. История и методология юридической науки. – М.: Норма: ИНФРА-М, 2016. – С. 175-176.

образованием значительно улучшилось лишь после того, как с 1767 года занятия стали вести первые русские профессора-юристы – С.Е. Десницкий и А.И. Третьяков – на русском языке⁴.

Говоря о попытке поднять уровень российской юриспруденции до западноевропейского уровня, необходимо отметить, что никакие профессора не могли помочь в этом своими работами. Дело в том, что западноевропейская правовая мысль развивалась тысячелетиями: она берет свое начало еще со временем Древнего Рима. Многие ученые подтверждали, что Римское право – это писанный разум. Российская юридическая наука не имеет таких глубоких корней, и дойти до уровня западной юриспруденции за несколько лет – невозможно, ибо сама западная юриспруденция развивалась веками.

Незнание иностранными профессорами русского языка и российского законодательства, т. е., иначе говоря, отсутствие в Руси переводчиков, специалистов в области лингвистики и не всем известное российское законодательство, – это прежде всего недосмотр верховной власти. Проблема заключается в том, что до XVII в. наше государство не занималось деятельностью, целью которой является подготовка специалистов в области лингвистики. Это и послужило причиной упадка российской юридической науки и прошения студентов об отставке по мотивам отсутствия «склонности более обучаться наукам». Но уже через год появились русские профессора-юристы, которые подняли нашу правовую науку, которые обучали наших, передали им знания, дабы они учили других – С.Е. Десницкий и А.И. Третьяков. Благодаря этим ученым уровень правовой культуры и юридического образования поднялся до неузнаваемости.

В академический период, иностранными докторами и профессорами не был обеспечен сколько-нибудь заметный прорыв и на научном фронте. Иностранцы, заседавшие в Академии наук или преподававшие в университетах, не были склонны обогащать правовую науку разработкой проблем российского законодательства и практики его совершенствования, равно как и вести поиск страниц истории Русского государства и права. Их научные экзерсисы представляли собой чаще всего переводы их прежних сочинений либо изложение известных основ естественного и римского права, проиллюстрированные некоторыми положениями из русского законодательства. Более того, усилиями западноевропейских ученых были обнаружены «явные следы» варяго-германского влияния на процессы становления древнерусской государственности⁵.

Нужно подчеркнуть, что такие иностранные профессора, по мнению В.М. Сырых, как Ф.Г. Баузе, И. Пургольд, Я.И. Шнейдер, И.М. Шаден,

⁴ Там же. – С. 176

⁵ Там же. – С. 176-177.

Ф.Г. Штрубе-де-Пирмон и другие профессора из-за границы, внесли свой личный весомый вклад в развитие российской правовой науки и юридического образования.

Незаинтересованность иностранных профессоров в обеспечении «прорыва на научном фронте» можно объяснить тем, что Русь для них не являлась родиной отцов, где они родились и выросли. Но обвинять их в том, что они не заинтересованы и не выражали яркое желание обеспечить прорыв чужой для них Руси на научном фронте, а также в том, что они не являлись патриотами чужой для них родины, – тоже не справедливо.

Все достижения российской правовой науки в XVIII в., составляющие ее наиболее славные страницы, подготовлены силами отечественных исследователей. Это работы первого российского профессора С.Е. Десницкого, который поднял академию наук в 1767 году, а также Я.П. Козельского, А.Л. Орден-Нащекина, И.Т. Посошкова, Ф. Прокоповича, А.Н. Радищева, Д.И. Фонвизина, М.М. Щербатова. Значительным явлением в истории политико-правовой мысли России стал Наказ, подготовленный Екатериной II и воспроизводивший ряд демократических положений западноевропейских мыслителей, которые императрица желала воплотить в своей стране. Даже М. В. Ломоносов не удержался от того, чтобы оказать заметную помощь юристам, и подготовил солидную монографию, опровергавшую наличие заметного варяго-германского влияния на древнерусскую историю⁶.

С.И. Десницкий написал «Слово о прямом и ближайшем способе к научению юриспруденции». Ярким научным трудом С.И. Десницкого является «Юридическое рассуждение о разных понятиях, какие имеют народы о собственности», где установление и развитие института собственности объясняется последовательными изменениями экономического быта⁷. Потом он написал труд «Юридическое рассуждение о начале и происхождении супружества», где, описывая происхождение семьи, выступает за защиту равноправности мужчин и женщин⁸.

⁶ Сырых В. М. История и методология юридической науки: учебник. – М.: Норма: ИНФРА-М, 2016. – С. 177.

⁷ Десницкий С. Е. Юридическое рассуждение о разных понятиях, какие имеют народы о собственности имения в различных состояниях общежителства. На высокаторжественный день рождения ее императорского величества всепресветлейшия державнейшия великия государыни императрицы Екатерины Алексеевны самодержицы всероссийския / Говоренное в торжественном Императорского Московского университета собрании апреля 21 дня 1781 года. Юриспруденции доктором и профессором Семеном Десницким. – М.: Унив. тип., у Н. Новикова, 1781. – 20 с. Перепеч. в кн.: Избранные произведения русских мыслителей второй половины XVIII века. Т. 1. / Под общей редакцией И.Я. Щипанова. – М.: Госполитиздат, 1952. – С. 268-286.

⁸ Там же. – С. 257-267.

Полагаем, что отечественные юристы сами подготовили себе почву, не дожидаясь помощи западноевропейских профессоров. Юридическая наука в то время находилась в трагическом положении, и любой труд научного деятеля, специалиста, юриста, любые их усилия ценились и имели для правовой базы России великое значение.

Правовая наука по-прежнему оставалась в сфере общих проблем теории государства и права, а основным предметом ее научного поиска выступали проблемы обоснования самодержавия как необходимой для русского народа формы правления, обеспечения реального действия законов и господствующего положения дворянства. В этот период в России, как и в Западной Европе, политико-правовая идеология, основанная на сочетании догматов христианства с анализом политико-правовых явлений и процессов, стала уходить в прошлое. Ей на смену пришла рационалистическая методология с частичным, неполным, стыдливым признанием и использованием некоторых положений теории естественного права для обоснования необходимости абсолютной монархии, крепостного права и действующих законов. Наибольших успехов в этом направлении достигли Ф. Прокопович, В.Н. Татищев, И.Т. Посошков и сама императрица Екатерина II⁹.

Ф. Прокопович разделял положение теории естественного права о договорном характере возникновения государства, но и истолковывал его в пользу абсолютной монархии. Он уверял, что царь-самодержавец обладает неограниченной властью в соответствии с соглашением, заключенным с народом, отказавшимся от всех своих права в пользу правителя. Форма правления – полагал Прокопович – напрямую зависит от формы государства. В некоторых небольших по территории странах, народным соглашением может устанавливаться республиканская форма правления. Однако в России, обладающей большой территорией, государство может развиваться успешно только в форме абсолютной наследственной монархии, т. е. монарх обладает абсолютными и неограниченными полномочиями. Народ же не вправе не только повелевать государем, но и даже осуждать его дела, поскольку сам добровольно передал свои права на управление страной государю. В.М. Сырых отмечает, что Ф. Прокопович грубейшим образом извращал примененную им теорию естественного права, абстрагировался от ее самого важного революционного принципа – права народа на восстание против правителя-тирана в случае попрания им прав и свобод индивидов¹⁰.

Иными словами, Ф. Прокопович утверждал, что абсолютная наследственная монархия – это обязательное и главное условие успешного развития

⁹ Сырых В.М. История и методология юридической науки. – М.: Норма: ИНФРА-М, 2016. – С. 177.

¹⁰ Там же. – С. 178.

государства в разных сферах жизни: во внутренней и внешней политике, внутренней и внешней экономике, культуре, производстве, торговле, военном деле, в обеспечении стабильности государства и т. д. Также Ф. Прокопович утверждал, что наличие территории создает необходимость установления абсолютной монархии; что народ должен передать свои права монарху, дабы он принимал решения за них или вместо них.

Сторонником данной теории выступает другой известный историк, географ, экономист и государственный деятель В.Н. Татищев, который точно так же искажает теорию естественного права в защиту абсолютной монархии и крепостного права. Утверждая, что абсолютная монархия – это главное условие успешного развития государства; он приводит те же доказательства, что и Ф. Прокопович, т. е. признает наличие общественного договора между народом и монархом. Отличие от взгляда Ф. Прокоповича заключается в том, что он считал, что власть будет эффективна, если наряду с монархом создать второй орган власти из дворян, который будет обеспечивать выработку справедливых и разумных законов, а также принимать результативные меры по борьбе с коррупцией.

Он разделял и другой основополагающий принцип теории естественного права – деление законов на естественные и волеустановленные государственной властью – и не отрицал способности естественного права выступать критерием позитивных, гражданских законов, позволяющим достоверно судить, что есть «право и неправое», и признать крепостничество состоянием, противоречащим естественной природе человека. Однако это положение он признавал справедливым где угодно, но только не в России, поскольку в ней свобода крестьянства не согласуется с монаршей формой правления, а кроме того, «коренившийся обычай неволи переменить небезопасно». Помещик, по мнению В.Н. Татищева, должен осуществлять действенный надзор за тем, чтобы крестьяне работали постоянно, «понеже от праздности крестьяне не только в болезнь переходят, но и вовсе умирают»¹¹.

В.Н. Татищев разрабатывал такую концепцию, которая оправдывала абсолютную монархию, он высказывал государственно-выгодные идеи и принципы правления. В его высказываниях «помещик должен осуществлять действенный надзор за тем, чтобы крестьяне работали постоянно...» крылся своеобразный эксплуататорский режим, который имел оттенки рабовладельческого строя. Можно даже сказать, что он был политико-правовым защитником государства.

Первым политико-правовым идеологом из купечества был И.Т. Посошков. Последовательный сторонник самодержавия, он был полностью

¹¹ Там же. – С. 178-179.

согласен с крепостным правом, как и В.Н. Татищев, признавал необходимым неусыпный надзор помещика за работой крестьян, испытывающих явное желание «лежебочить», а не преумножать свои трудом богатства. И.Т. Посошкова беспокоили лишь царские законы. Как купец он знал им «красную цену» и довольно резко порицал «обветшавшие и искаженные неправовыми судьями древние уставы». Для того чтобы коренным образом обновить законодательство, он предложил новый порядок законотворчества: подготовка законов должна осуществляться не чиновниками, а собранием представителей всего народа или представителей сословий, чьи интересы затрагиваются проектируемым законом или указом. На долю царя приходится лишь утверждение или неутверждение подготовленного собранием проекта закона или указа. Далее И.Т. Посошков предлагал осуществить реформу суда, изменив его состав, поручив осуществление судопроизводства лицам «из низких чинов», прежде всего из приказных людей, которые в делах искусны и страх Божий в себе имеют. Предложенная реформа суда должна была обеспечить решение двух задач: реальное действие законов и доступность суда для простого народа. Хотя предложенные им меры были отнюдь не беспочвенны, власть арестовала его «по важному секретному государственному делу» и заточила в Петропавловскую крепость, где он умер¹².

В своем трактате «Книга о скудости и богатстве, сие есть изъявление от чего приключается скудость, и от чего гобзовитое богатство умножается» он изложил свою позицию в политике и экономике. В своих трудах он требует ограничение крепостного права на позициях абсолютизма: «крестьянам помещики не вековые владельцы, того ради не весьма их берегут, а прямой их владелец – Всероссийский Самодержец»¹³. И.Т. Посошков выступал за разумность и предельность прав помещиков на крестьян. Далее он выступал против царских законов. Проблема «противонастроения» И.Т. Посошкова царскими законами заключалась в том, что издаваемые царем законы и указы часто противоречили интересам личности и общества и грубо нарушали некоторые их права. Поэтому он предлагал новый порядок законотворчества, в соответствии с которым представители народа или представители сословий подготавливали проект закона или указа. А царю предоставлялось право утверждать закон или неутверждать. Проблема предложения именно такого порядка законотворчества заключалась в том, что народ лучше знает, что ему надо, а что не надо – народ действовал бы в интересах большинства, и это справедливо. В таком случае государство выступает в качестве средства, с помощью которого удовлетворяются потребности большинства людей, общества. Возможность использования государства в целях определенной «кучки

¹² Там же. – С. 179.

¹³ Ключевский В.О. Курс русской истории. – М.: Альфа-книга, 2019. – 1197 с.

людей» – категорически исключалась. А в случае если правителю предоставиться право независимо от всех принимать законы и утверждать их, несмотря на то, что смысл этих законов и указов прямо противоречит интересам всего общества, то государство будет выступать в качества орудия угнетения народа, в качестве средства удовлетворения потребностей (потребностей любого характера) определенных людей, и это несправедливо. Таким образом, можно сказать, что взгляд И.Т. Посошкова как-то отличался от В.Н. Татищева. Но в итоге его разумная позиция не понравилась обладателям власти, и они заточили его в Петропавловскую крепость, где он и умер 12 февраля 1726 году, т. е. через 3 года после смерти Петра I.

Соблазна организовать государственное правление Россией на принципах естественного права не избежала даже Екатерина II. Она была второй и последней российской царственной особой, изложившей свои политико-правовые воззрения в виде отдельного письменного труда. Ею был подготовлен Наказ комиссии о сочинение проекта Нового уложения, содержание которого в основном было заимствованы из работ Ш. Монтескье и Ч. Беккариа. Хотя Наказ основывался на принципах теории естественного права, выводы Екатерины II были прямо противоположны этой теории: и абсолютная монархия, и крепостное право наилучшим образом подходят для России. «Всякое другое правление не только было для России вредно, но и разорительно». Наоборот, абсолютная монархия гарантирует «естественные вольности» в большей мере, чем иные формы правления¹⁴.

Екатерина II, Прокопович, Посошков и Татищев в своих трудах высказывали одинаковые точки зрения, как будто между ними был заключен договор «искажения положений теории естественного права». Они в своих трудах утверждали, что «немонархия» – это не для России. Татищев утверждал: «Абсолютная монархия – это главное условие успешного развития государства..., коренившийся обычай неволи переменить небезопасно». Прокопович писал: «Государство может развиваться успешно только в форме абсолютной наследственной монархии».

Резким диссонансом хору официальных политико-правовых идеологов прозвучали положения и выводы А.Н. Радищева, основанные на теории естественного права и последовательно примененные к российской действительности. Соответственно, беспощадной критике были подвергнуты и монархия, и крепостные порядки. В его работе «Путешествие из Петербурга в Москву» впервые в российской литературе суровый приговор выносится не отдельному «плохому помещику», а крепостному праву как способу общественного производства, основанному на зверском обычае «поработать себе подобного

¹⁴ Сырых В.М. История и методология юридической науки. – М.: Норма: ИНФРА-М, 2016. – С. 179-180.

человека». Самодержавие признается им «наипротивнейшим человеческому существу» состоянием, а царь – первейшим «убийцей, первейшим разбойником, первейшим предателем».

Взгляд А.Н. Радищева полностью противоречил учениям Екатерины II, Пропоковича, Посошкова, Татищева и другим из числа «группы хотящей власти». Радищев не был политико-правовым защитником «... сана и власти царской», что было понятно из его высказываний по поводу доктрин «реформаторов положения теории естественного права».

Высказывания Радищева в своих трудах имели негативные последствия.

После прочтения труда Радищева Екатерина II сказала: «Бунтовщик – хуже Пугачева! Тот хоть царем прикинулся, монархический строй исповедовал, а этот революцией надумал на Руси учинить республику!». Также негативные последствия выражаются в том, что после его высказываний Екатерина II издала указ, в соответствии с которым Радищев признавался «виновным в преступлении присяги и должности подданного изданием книги... наполненной самыми вредными умствованиями, разрушающими покой общественный, умаляющими должное ко властям уважение, стремящимися к тому, чтобы произвести в народе негодование против начальников и начальства и наконец оскорбительными и неистовыми изречениями против сана и власти царской»¹⁵. После этого его приговорили к смертной казни, но потом над ними «смиловались» и заменили на 10-летнюю ссылку в Илимский острог.

Взгляды Радищева были обоснованными, его утверждения – были истинными, его осуждения – справедливыми. Но несмотря на это, несмотря на то, что действовал он в интересах народа, – он был жестоко наказан, и весь народ его ему не помог в беде. Основатель Советского Союза В.И. Ленин сказал о Радищеве: «...он был первым русским революционером».

«Глетворное влияние» западных правовых теорий на умы российских политико-правовых идеологов испытал не только А.Н. Радищев. Оно было воспринято и развито в новых исторических условиях декабристами, а затем А.И. Герценым, народолюбцами и социал-демократами. Начиная с А.Н. Радищева, революционный дух на долгое время составил основу одного из радикальных направлений политико-правовой мысли России, целями которого были низложение монархии, отмена крепостного права и демократизация общественного и государственного строя¹⁶.

¹⁵ Бабкин Д.С. Комментарии: Радищев. Письмо А.Р. Воронцову, 20 января 1791 г. // Радищев А.Н. Полное собрание сочинений. – М.; Л.: Изд-во Академии Наук СССР, 1938-1952. – Т. 3 (1952). – С. 635-636.

¹⁶ Сырых В.М. История и методология юридической науки. – М.: Норма: ИНФРА-М, 2016. – С. 180.

Выводы. Исходя из всего вышеизложенного, предлагаем следующие выводы о предыстории академического периода и непосредственно самого академического периода. Как мы видим, академический период берет свое начало с того момента, когда один из сподвижников Петра I прочел доклад, после которого царь дал указ: «Сделать академию, а ныне приискать из русских, кто учен и к тому склонность имеет, также начать переводить книги юриспруденции и прочия»¹⁷. Данный момент является юридическим началом развития и становления российской правовой мысли.

После данного указа была основана РАН (Российская академия наук), где и начались первые лекции по юриспруденции.

После чего Л.Л. Блюментрост начал приглашать из-за границы профессоров-академиков, ведь в те времена юриспруденция Российской империи не была развита, и, соответственно, не было своих специалистов в этой области. Приглашенные профессора читали лекции на латинском и немецком языках, так как не знали русского языка. Студенты, для которых латинский и немецкий языки были непонятны, подавали в отставку, в результате чего Академию закрыли из-за «недобора студентов».

Иностранцы так и не смогли дать начало российской правовой мысли, хоть они и внесли свой вклад в развитие юриспруденции России, но не такой значимый и весомый.

Спустя 2 года в России появились первые русские профессора-юристы С.Е. Десницкий и А.И. Третьяков, которые дали начало нашей юриспруденции и внесли большой вклад в развитие и становление российской правовой науки. Они были первыми, кто прочли лекции в РАН на родном русском языке, который для слушателей и студентов был знаком с детства.

В 1767 году в России начались первые, поддерживаемые генеральной властью лекции. С этого момента правовая наука России стала развиваться и процветать, это начало формирования научно-теоретической базы российской правовой науки.

Суммируя научные наработки в этой области, можно сказать, что отечественные юристы сами подготовили себе почву, не дожидаясь помощи западноевропейских профессоров. Юридическая наука в то время находилась в трагическом положении, и любой труд научного деятеля, специалиста, юриста, любые их усилия ценились и имели для правовой базы России великое значение.

Именно в академическом периоде начались распространяться политико-правовые взгляды В.Н. Татищева, Ф. Прокоповича, учения которых утверждали, что монархия для России является наилучшей формой

¹⁷ Пекарский П.П. История Императорской академии наук в Петербурге. Т. 1. – СПб.: издание Отд-ния рус. яз. и словесности Императорской акад. наук, 1870. – 774 с.

правления, при которой государство будет осуществлять политическую власть успешно и результативно. Также Татищев и Прокопович придерживались того мнения, что крепостное право является необходимым Российской империи. Подобные взгляды были зафиксированы в Наказе Екатерины II, которые в свою очередь были основаны на трудах Ч. Бекариа.

Высказывался на этот счет и А.Н. Радищев, который за свои труды и принципиально отличающиеся взгляды был подвергнут наказанию. А сама Екатерина II назвала его бунтовщиком и мятежником. М.К. Треушников создал выдающийся труд об известных представителях науки гражданского процессуального права, истории становления процессуальной школы России, деятельности профессоров в университетах не только Москвы и Санкт-Петербурга, но и в таких городах, как Киев, Ярославль, Томск, Казань, Иркутск и пр. Высокий уровень профессиональной подготовки студентов основывается на передовых традициях, ко многим институтам возвращаются исследователи, многие фундаментальные труды ученых дореволюционного и советского периода становятся базовыми.

Исходя из вышеизложенного, становится ясно, что именно на академическом периоде были заложены прочные и устойчивые основы российской правовой науки. На данном периоде были своего рода научные падения и взлеты. Но в итоге правовая наука в результате научно-мыслительной деятельности приобрела теоретическую базу, сформировались соответствующие институты.

Таким образом, правовая наука России стала развиваться, видоизменяться, процветать и совершенствоваться.

§ 2. Академия наук в переломные периоды развития российской государственности

Введение. Переломных периодов в истории развития российской государственности было немало. При этом затрагивали они главным образом различные сферы общественных отношений. Исключением не стала и академическая наука, интерес к которой преобладает уже многие века. Постепенно развитие общества предопределяло необходимость трансформации Академии наук. Конкретного видения управления академической наукой не было, но в обществе господствовало мнение о необходимости внесения каких-либо изменений в ее функционирование. Однако сами члены Академии практически во всех случаях были против внесения новшеств и считали, что сторонники реформ являются врагами Академии. Существовало мнение, которое заключалось и в том, что в принципе Академию наук реформировать невозможно. Вместе с тем определенные новшества в

функционирование Академии наук все же вводились, в связи с этим актуально рассмотреть данный вопрос через призму переломных периодов развития российской государственности. При этом особое внимание будет уделено именно XX и XXI векам.

Основное исследование. Общеизвестно, что наука является одной из четырех сфер жизни общества. В таком качестве ее представляют как некоторую базовую форму деятельности, которая функционально связана с остальными сферами общественной жизни, играет важную роль в их развитии. Наука регулярно давала понять, что применение получаемых ею результатов позволит существенно повлиять на народ. Неудивительно поэтому, что ученые привлекались во власть тем или иным образом с целью руководства не только наукой, но и всем обществом на научных принципах. Однако история, в том числе и отечественная, знает много случаев, когда на развитие науки в целом или некоторых ее положений существенное влияние оказывало государство¹⁸.

Одним из периодов, в которых подобное государственное регулирование науки было выражено наиболее ярко, был период правления Петра Алексеевича Романова. Результатом его многочисленных реформ стало не только обновление системы управления государством, но и существенное развитие науки. В частности, он является создателем Императорской академии наук, на которую возлагалось снабжение государства научными и техническими новшествами, способствование его усилению и централизации. В условиях тогдашней России ей предстояло стать храмом науки и образования: например, вместе с Академией наук организованы университет и гимназия, в которых преподавали академики. Кроме того, подобная Академия требовалась, как ни удивительно, для совершенствования законодательной деятельности. Способы систематизации правового материала, которые довольно успешно использовались, например в XVII веке, уже не работали в XVIII столетии. Подобное явление объясняется значительным увеличением объема законодательного материала, а также появлением в результате реформ новых законов, несоответствующих прежним нормам. Требовалось разработать ряд приемов, основанных на научных критериях классификации правовых институтов и на теоретических принципах компоновки правового материала. А это приводило к необходимости развития теоретической и научной юриспруденции путем подготовки ее носителей ученых-правоведов. Хочется отметить, что в эпоху административных реформ Петра Первого возникали новые правительственные и судебные учреждения. Неудивительно, что в таких условиях

¹⁸ Смирнова Г.А. Влияние государства на развития науки (на примере создания Российской академии наук) // Архивариус. – 2017. – Т. 1. – № 4 (19). – С. 81.

обострилась проблема нехватки лиц, знающих законы и обладающих навыками ведения судебных дел¹⁹.

Для решения вышеуказанной проблемы Петр вначале старался привлечь иностранных ученых, обладавших юридическими знаниями и опытом работы в бюрократических учреждениях, отправлял молодых людей для обучения за границу.

Идея организовать в России Академию наук посетила Петра Алексеевича в самом начале его реформаторской деятельности, поводом послужило общение с иностранными деятелями науки, а также идеи Лейбница (которого Петр в 1711 году попросил составить план занятия науками и проект учреждения будущей академии). Особенностью данной Академии должно было стать преподавание наук в ней не иностранцами, а российскими учеными. Петр I 1 июня 1718 г. писал следующее: «Сделать академию, а ныне приискать из русских, кто учен и к тому склонность имеет; также начать переводить книги юриспруденции»²⁰.

В 1720-1721 гг. Петр I переписывался с Христианом Вольфом, учеником Лейбница. Вольф считал, что университет будет для России полезнее научной академии. К январю 1724 г. царь пришел к мысли о том, что Академия наук может в принципе совмещать функции университета и гимназии. Предполагалось, что академики будут заниматься не только научными исследованиями, но и преподаванием: готовить для себя достойную замену, обучая молодых людей.

Готовились к началу работы Академии в течение всего 1724 года. Велись переговоры о приглашении иностранных ученых, набирались на соответствующие должности канцелярские работники, обсуждались вопросы, касающиеся непосредственно деятельности академиков.

28 января 1724 года Сенату был направлен указ «Об учреждении Академии наук и художеств». Согласно этому указу каждый академик должен был составить учебное руководство и ежедневно в течение часа заниматься объяснением своего предмета. Кроме того, в обязанности академика входила подготовка молодых людей, которые бы со временем сменили его на преподавательской арене, причем преемники должны были «выбираться из славян для более удобного обучения других русских».

Академия открылась только при Екатерине I. Первое заседание было 12 ноября 1725 г., а 27 декабря того же года состоялось торжественное заседание в присутствии императрицы.

20 ноября 1725 года был издан именной указ императрицы Екатерины I «Об открытии предположенной к учреждению императором Петром Великим Академии наук и о назначении в оную президентом лейб-медика

¹⁹ Смирнова Г.А. Влияние государства на развития науки (на примере создания Российской академии наук) // Архивариус. – 2017. – Т. 1. – № 4 (19). – С. 81.

²⁰ Там же. – С. 82.

Лаврентия Блюментроста». Само же открытие Академии состоялось 27 декабря 1725 (7 января 1726) года. Академия включала в свой состав три отделения: математика, астрономия с географией и навигацией, механика; физика, анатомия, химия, ботаника; красноречие, древности, история, право. В штат Академии наук вошли 11 профессоров и несколько адъютантов, при Академии наук также созданы Академический университет и Академическая гимназия. Президентом Академии стал Блюментрост²¹.

На наш взгляд, открытие данной Академии стало для развития российской науки «зеленой улицей». Деятельность ее получила положительную оценку в европейских научных кругах, что способствовало укреплению связей между академиями и обществами иностранных ученых и между странами в целом. Кроме того, при трансформации Московского царства в Российскую империю четкие формы устройства государства не были созданы. В первой половине XVIII в. дальнейшее развитие общественной жизни было туманным. При таких условиях единственным центром, где могли бы концентрироваться научная работа или объединяться интересующиеся наукой люди, стала Академия наук. Она стала некоторым сосредоточением мощи государства, ведь можно было найти ответы на любые вопросы государственного управления и жизни, требовавшие научного знания.

Особое внимание следует уделить развитию Академии наук в XX веке, поскольку именно в данное время были совершены колоссальные изменения, которые были вызваны в первую очередь происходящими изменениями в государственном устройстве Российской Федерации.

Так, в XX веке в российской науке и в самой Академии наук стали происходить радикальные изменения, которые главным образом были связаны и с русскими революциями.

Так, Февральская революция 1917 года и отречение Николая II сразу же разорвали связь Академии с императорским тронem. Она сохранила государственный статус и, как и полагается национальной академии, стала называться Российской академией наук (РАН).

Последний назначенный императором президент Академии, великий князь Константин Константинович, умер в 1915 году. Его обязанности перешли к вице-президенту, но и тот вскоре умер. С мая 1916 года обязанности президента стал фактически исполнять выдающийся русский геолог, академик Александр Петрович Карпинский²².

В мае 1917 года Общее собрание Академии избрало А.П. Карпинского президентом Российской академии наук, установив пятилетний срок его

²¹ Там же.

²² Борисов В.В. Проблемы Российской академии наук // Управление наукой: теория и практика. – 2021. – Т. 3. – № 2. – С. 262.

полномочий. Карпинский стал первым президентом Академии, избранным самими учеными. Он также оказался первым президентом, избранным на основании его многочисленных научных достижений²³.

К Октябрьскому перевороту 1917 года Карпинский отнесся резко отрицательно, но в конце концов пришел к выводу, что в сложившихся обстоятельствах для российской науки было бы более спасительно сотрудничество с новыми властями. Он многократно направлял советским руководителям письма с призывом принять неотложные меры для «спасения русской науки и русских ученых». Им подписано множество требований освободить арестованных ученых²⁴. В свою очередь это привело к тому, что Карпинскому удалось сохранить отечественную фундаментальную науку и заложить основы для ее дальнейшего успешного развития. В дальнейшем он прошел еще через несколько переизбраний и оставался в роли президента до самой смерти, наступившей 15 июля 1936 года.

Достаточно важные изменения затронули структуру российской науки. Так, основная научно-исследовательская работа по конкретным научным направлениям стала в нарастающей степени перемещаться из петербургских кабинетов в специально организованные научно-исследовательские институты, которые начали возникать не только в столицах, но и во многих других регионах страны.

Первым российским академическим исследовательским институтом стал Императорский институт экспериментальной медицины в Санкт-Петербурге, основанный в декабре 1890 года принцем Ольденбургским (потомком древнего германского рода, состоявшего в близком родстве с династией Романовых). Одним из отделов этого Института заведовал Иван Петрович Павлов, первый русский нобелевский лауреат (премия за 1904 год), избранный академиком в 1908 году.

Процесс организации новых академических институтов особенно активизировался начиная с 1918 года. Первым исследовательским институтом, созданным декретом советского правительства (в марте 1918 года), стал Государственный рентгенологический и радиологический институт в Петрограде. В 1922 году из него выделились Физико-технический институт (теперь это Физико-технический институт РАН им. А.Ф. Иоффе) и Радиевый институт (ныне преобразованный в федеральное государственное унитарное

²³ Киселев М.Ю. Революция 1917 года в документах Архива Российской академии наук // Великая Российская революция 1917 г.: методология, источники, историография: сборник материалов Всероссийской научно-практической конференции, Стерлитамак, 29 сентября 2017 года. – Стерлитамак: Башкирский государственный университет, Стерлитамакский филиал, 2017. – С. 37.

²⁴ Борисов В.В. Проблемы Российской академии наук // Управление наукой: теория и практика. – 2021. – Т. 3. – № 2. – С. 262.

предприятие). В том же 1918 году появились еще Институт физико-химического анализа и Институт по изучению платины и других благородных металлов (объединенные в 1934 году в Институт общей и неорганической химии АН СССР им. Н.С. Курнакова).

В 1921 году был создан Физико-математический институт, который позднее дал начало Математическому институту РАН имени В.А. Стеклова, ФИАН и Институту физической химии им. Л.Я. Карпова.

В 1928 году в состав Академии входили 9 институтов, 3 лаборатории, 7 музеев, библиотека, архив, издательство и ряд других структур. А к началу 1941 г. в Академии наук СССР насчитывалось 76 институтов и других научных учреждений, 11 самостоятельных лабораторий, 6 обсерваторий, 42 станции и др.

В июле 1925 г. вышло Постановление Центрального исполнительного комитета и Совнаркома СССР «О признании Российской академии наук высшим ученым учреждением СССР».

Вскоре после этого Общим собранием Академии был принят новый академический Устав, в котором организация была уже названа Академией наук СССР. В июне 1927 г. Устав был утвержден Совнаркомом.

Число академиков увеличилось с 42 до 75, право выдвигать кандидатов для выборов в Академию было предоставлено также научным учреждениям, общественным организациям и группам ученых.

В мае 1930 г. Президиум ЦИК утвердил новый Устав Академии. В конце 1933 года Академия наук целиком перешла в ведение Совнаркома, который в ноябре 1935 года утвердил последнюю за советский период редакцию Устава. Формально он был разработан и принят самой Академией, его подписали президент А. П. Карпинский и непреременный секретарь Н.П. Горбунов (расстрелянный в сентябре 1938 года). Понятно, однако, что текст Устава был заранее согласован и с Совнаркомом, и с аппаратом ЦК.

Согласно Уставу, Академия имела три отделения: общественных наук, математических и естественных наук, технических наук.

В ее состав был включен основной штат научных сотрудников, работающих в учреждениях Академии. Но реального участия в решении важных вопросов жизни Академии научные сотрудники (если не считать директоров академических институтов) не принимали, и к этому настолько привыкли, что позднее члены Академии (академики и члены-корреспонденты) были твердо уверены в отсутствии у научных сотрудников каких-либо прав в этом отношении.

Наконец, в Уставе целый раздел был посвящен учреждениям Академии наук СССР. Он начинался с важнейшего положения, резко отличавшего Академию наук СССР от Академии наук досоветского периода: «Основными органами научно-исследовательской работы Академии наук являются ее научно-исследовательские институты».

При этом за членами Академии было сохранено то жалование, которое они получали в предшествовавшие периоды. Но тогда позиция петербургского академика была оплачиваемой государственной должностью, причем должностные обязанности академиков состояли почти исключительно в выполнении научно-исследовательской работы. Теперь, когда эти должностные обязанности они уже выполняли в институтах, они фактически стали занимать две должностные позиции, которым соответствовали одни и те же должностные обязанности. Так возникла уникальная конструкция «оклад за звание» – пожизненные выплаты за предыдущие достижения.

Этот «оклад за звание» почти всеми воспринимался как квалификационная надбавка – примерно такая же, какая выплачивается кандидатам и докторам наук, только существенно большего размера.

В отношении ученых мирового уровня такая надбавка выглядит вполне естественной. Гораздо труднее обосновать оклад за звание для академиков, избранных на основании их высоких административных позиций. Таким позициям и так соответствуют высокие оклады.

При этом финансовая составляющая в данном аспекте не имела никакого отношения. Академики не были «олигархами». Однако проблема заключалась в том, что для многих академиков их звание приобрело почти что кастовый характер, вследствие чего возникшие кастовые отношения стали весьма негативно отражаться на состоянии российской академической науки, творцом которой в весьма существенной степени является большая армия сотрудников академических научно-исследовательских институтов. Причем это высокомерное чванство вовсе не характерно для наиболее выдающихся российских ученых.

Следует еще отметить, что свои лучшие научные работы многие академики выполнили до своего избрания в Академию.

Таким образом, можно отметить, что в период революционных потрясений академическое сообщество быстро осознало, сколь недальновидно втягиваться в политическое противостояние с новой властью. Прагматических большевиков-технократов в то время мало интересовало отношение к ним ученых. Им необходимы были внешняя лояльность и квалифицированная экспертиза по вопросам запасов минеральных ресурсов и их разработки, химического оружия, авиа- и автомобилестроения и т. д. Финансировались и развивались те учреждения, которые могли принести практическую пользу. Понимая заинтересованность властей в их деятельности, ученые требовали равноправия, уважительного отношения, свободы научного творчества, демократизации науки²⁵.

²⁵ Колчинский Э.И. Академия наук и русские революции 1917 года // Вестник Российской академии наук. – 2017. – Т. 87. – № 2. – С. 176.

Как отмечает Э.И. Колчинский, «ученые не могли себе позволить длительную конфронтацию с большевистской властью и выстраивали свои приоритеты в соответствии с её интересами. Чтобы увеличить ассигнования, они в ущерб профессиональным интересам брались разрабатывать проекты, призванные сохранить и упрочить положение науки в новых условиях. Часть членов академии с энтузиазмом включились в работу правительственных ведомств, надеясь с их помощью реализовать также собственные планы и научные замыслы. Сотрудничество с правительством, первоначально воспринимавшимся как банда насильников, оправдывалось национальными интересами и необходимостью сохранить отечественную науку»²⁶.

Налаживание рабочих отношений Академии наук и советской власти шло непросто. Хотя обе стороны были заинтересованы в развитии науки, они по-разному понимали вопросы: кто должен развивать науку? Какова роль ученых в определении стратегии ее развития? Какие науки надо развивать в первую очередь²⁷? Однозначный ответ на первый вопрос дала власть: Российская академия наук стала первым научным учреждением, которому власть предложила диалог и сотрудничество. Выбор объяснялся ее высоким международным авторитетом. Прагматичным большевикам, нуждавшимся в международном признании, импонировало, что в ее составе были известные математики и естествоиспытатели. Восприятие науки как средства для создания материально-технической базы социализма предопределило ответ, который власть дала на третий вопрос. А вот второй вопрос не решен до сих пор...

Если обратиться к концу XX века, то можно проследить оставшееся высокомерное отношение многих академиков к сотрудникам институтов, которое особенно сильно сказалось в период экономического кризиса 90-х: каста академиков, объявившая себя высшим научным учреждением России, заботилась исключительно о собственных интересах, не обращая никакого внимания на тяжелейшие условия, в которые попали научно-исследовательские институты и их сотрудники.

Эти интересы хорошо просматривались в ходе выборов первого президента «воссозданной» российской академии.

Заслуги Юрия Сергеевича Осипова как ученого, достигшего значительных успехов в нескольких важных разделах математики, ни у кого не вызывают сомнения. Но его избрали президентом вовсе не за его научные заслуги, а за его «географическую» близость к президенту Б.Н. Ельцину – некий аналог близости президентов императорской Академии к трону²⁸.

²⁶ Там же.

²⁷ Перченко Ф.Ф. «Дело Академии наук» и «великий перелом» в советской науке // Трагические судьбы: репрессированные ученые Академии наук СССР. – М., 1995. – С. 203.

²⁸ Борисов В.В. Проблемы Российской академии наук // Управление наукой: теория и

И академики не ошиблись. Президента Российской академии наук стали приглашать на заседания российского правительства, и во многом именно благодаря этому размер оклада за звание, в отличие от зарплат институтских сотрудников, регулярно повышался.

Этот же способ Юрий Сергеевич великолепно использовал, когда в 2008 году избирался на свой четвертый срок: перед самыми выборами он добился удвоения «оклада за звание»²⁹.

Еще один характерный эпизод. Был период, когда академики были сильно недовольны какими-то действиями то ли правительства, то ли министерства. Как раз в это время проходило Общее собрание Академии. Одного из академиков после этого собрания спросили: звучали ли на собрании голоса недовольных? На что был ответ: «Нет, конечно, ведь Юрий Сергеевич – опытный президент. Он знает, кому следует предоставлять слово на собрании, а кому не следует». В устах этого академика это звучало как несомненная похвала³⁰.

После распада СССР в самом конце 1991 года права правопреемника СССР перешли к Российской Федерации. Соответствующие преобразования коснулись большинства государственных институтов СССР. Российская академия наук (РАН) была утверждена Указом Президента РСФСР от 21 ноября 1991 г. № 228 «Об организации Российской академии наук» «как высшее научное учреждение России». В Указе как бы предлагалось отсчитывать ее возраст с 1724 года (когда Петром I был издан соответствующий указ), но фактически она унаследовала основную часть собственности, в свое время закрепленной за АН СССР; всем академикам и членам-корреспондентам АН СССР было предоставлено право войти с тем же титулом в состав Российской академии наук. Кроме того, были проведены дополнительные выборы новых академиков и членов-корреспондентов. В состав Российской академии наук перешли также и все академические институты, находившиеся на территории РСФСР.

Но уже с начала 1992 года стали проводиться экономические реформы, сопровождавшиеся резким ростом инфляции. Некоторая индексация коснулась только «окладов за звание», тогда как оклады сотрудников академических институтов остались на прежнем уровне. Одновременно резко повысились расходы на коммунальные услуги.

Какие-то меры по спасению отечественной науки стало принимать Министерство науки РФ, которое возглавил Б.Г. Салтыков. Было принято решение оказывать поддержку лишь части научных организаций, обладавших, по оценкам Министерства, наибольшим научно-техническим потенциалом. Этим организациям был присвоен статус Государственных научных центров.

практика. – 2021. – Т. 3. – № 2. – С. 265.

²⁹ Там же.

³⁰ Там же.

Руководство Российской академией наук эту меру не поддержало – научные организации, получившие этот статус, уже не считались подведомственными Российской академии наук.

За Российской академией наук, а также специализированными российскими академиями (медицинской, сельскохозяйственной) было закреплено право иметь отдельную строку в государственном бюджете. Однако основные инициативы, связанные с формами финансирования научных организаций, исходили из правительственных структур, их практическая реализация возлагалась на Министерство науки РФ (официальное название министерства время от времени менялось).

За основу был принят принцип множественности источников финансирования, но все они в основном стали носить конкурсную природу. Конкурсы с соответствующими формами выявления победителя стали проводиться в рамках Российского фонда фундаментальных исследований (РФФИ), учрежденного Указом Президента РФ от 27 апреля 1992 года и находящегося в ведении Правительства РФ. Чуть позже был организован Российский гуманитарный научный фонд (РГНФ).

Другим источником конкурсного финансирования стали федеральные целевые программы, учреждавшиеся постановлениями Правительства РФ. Их реализация возлагалась на Министерство образования и науки РФ (или на входившее в его состав Федеральное агентство по науке и инновациям).

Что же касается роли Российской академии наук, она в основном сводилась к кадровому регулированию подведомственных научных организаций.

В рамках законодательного регулирования научной деятельности в 1996 году был принят Федеральный закон от 23.08.1996 г. № 127-ФЗ «О науке и государственной научно-технической политике»³¹. Данный Закон неоднократно видоизменялся, в него вносились различные поправки, однако это привело к тому, что Российская академия наук постепенно утрачивала свою независимость.

Выводы. На сегодняшний день мы можем говорить о том, что с развитием российской государственности претерпевало изменения и само функционирование Академии наук, особенно в переломные периоды, пришедшиеся на XX век. Безусловно, Российская академия наук и в самом деле нуждалась в реформах, но разрушение сложившихся связей между Российской академией наук и академическими научно-исследовательскими институтами с передачей управления этими институтами малокомпетентным бюрократическим структурам скорее ухудшило ситуацию.

³¹ Федеральный закон от 23.08.1996 № 127-ФЗ (ред. от 02.07.2021) «О науке и государственной научно-технической политике» // Собрание законодательства РФ. – 1996. – № 35. – Ст. 4137.

§ 3. Дореволюционная академическая школа историко-правовых исследований о специфике парламентаризма

Введение. Механизм государства включает в себя систему государственных органов, реализующих различные функции государства. Одним из элементов данного механизма является парламент. Месту, роле и функциям парламента уделялось значительное место в отечественной дореволюционной доктрине, главным образом начиная с конца XIX в., за исключением отдельных работ и проектов М.М. Сперанского, Н.И. Панина, Д.И. Фонвизина, Н.М. Муравьева, относящихся к более раннему периоду времени. Пристальное внимание к различным аспектам парламентарного государства связан с тем, что в России на рубеже XIX-XX вв. обсуждались проекты построения конституционной модели, основанной на принципах парламентаризма, которые затем были частично реализованы после Первой русской революции.

Проблематика парламентаризма, его специфики стала предметом научных исследований Б.Н. Чичерина (1828-1904), П.И. Новгородцева (1866-1924), С.А. Котляревского (1873-1939), работавших в Московском университете, профессора Юрьевского и Варшавского университетов А.А. Алексеева (1876-1924), профессора русского государственного права и истории русского права Гельсингфорского университета С.А. Корфа (1876-1924) и др. Однако если говорить об академической школе как о научной школе, в которой существовало оформленная система научных взглядов на парламентаризм и его специфику, то стоит обратиться к исследованиям правоведов Санкт-Петербургского университета – А.Д. Градовского (1841-1889), Н.М. Коркунова (1853-1904), Н.И. Лазаревского (1868-1921), В.М. Гессена (1868-1920), К.Н. Соколова (1882-1927). При этом данную академическую школу историко-правовых исследований, изучающую специфику парламентаризма, можно определить как школу, в которой наличествовали общие направления исследований и преемственность в анализе особенностей функционирования парламентарного государства, а в более широком контексте – государственно-правовая проблематика. Например, с 1898 г. под редакцией В.М. Гессена и Н.И. Лазаревского в Санкт-Петербурге издавалась еженедельная юридическая газета «Право», в которой освещались в том числе различные аспекты парламентаризма.

Основное исследование. Одной из характерных черт отечественной дореволюционной академической школы было широкое использование исторического и сравнительного методов при анализе парламентарного государства. Использование подобной методологии прослеживается в работах А.Д. Градовского, Н.И. Лазаревского, В.М. Гессена и др.

Представительные учреждения анализировались в ретроспективном дискурсе. В частности, А.Д. Градовский разделял развитие конституционных учреждений в Англии и в континентальной Европе. В Англии имели место преемственность политических институтов и их корреляция с общественными. По мысли А.Д. Градовского, в Англии «государственный порядок являлся выражением существующих общественных отношений». Напротив, а континентальной Европе «установление новых государственных форм являлось как бы преддверием последующих изменений общественных»³².

Н.И. Лазаревский при анализе парламентаризма выделял три исторических этапа, которые оказали влияние на место парламента в структуре государственной власти. Первый этап – средневековый, когда государственная власть определялась совокупностью полномочий, а «государственные сословия... являлись органом, ограничивающим саму государственную власть». Абсолютизм в качестве второго этапа характеризовался не только неограниченными прерогативами в руках монарха, но и «появлением представительных учреждений конституционного типа», которые ограничивали власть монарха, а не государства. В дальнейшем по мере развития демократических идей происходит демократизация представительных учреждений, что обусловило переход к третьему этапу, который Н.И. Лазаревский не датировал. Трансформировалось само понятие народного представительства, воспринимаемое как воплощение в народе, посредством его представителей, верховного органа государственного управления. Однако Н.И. Лазаревский оговаривался: подобный подход следовало понимать в контексте исторического прогресса, который в конечном счете приведет представительные учреждения к новой роли. В действительности существует «известное несоответствие нарождающихся представлений: на парламенты смотрят как на представителей народа, отражающих его волю и желания, а на деле связь парламента с народом и зависимость от народа лишь косвенные»³³.

В.М. Гессен выделял классическое народное представительство, реализованное во Франции в конце XVIII в., которое характеризовалось несколькими теоретически обоснованными предпосылками.

Первая предпосылка. Суверенитет принадлежит народу. В.М. Гессен делал многочисленные отсылки к доктринам Ж.-Ж. Руссо и Э.-Ж. Сиейеса, называя руссоистскую концепцию «анархической теорией народного суверенитета», поскольку общая воля большинства не могла априори совпадать с

³² Градовский А.Д. Собрание сочинений. Т. 4. – СПб.: Тип. М. М. Стасюлевича, 1900. – 829 с.

³³ Лазаревский Н.И. Лекции по русскому государственному праву. Т. 1. – 2-е изд. – СПб.: Слово, 1910. – 479 с.

индивидуальной волей. Как писал Ж.-Ж. Руссо: «Гражданин дает согласие на все законы, даже на те, которые принимаются вопреки его желанию, и даже на те, которые карают его, если он осмеливается нарушить какой-либо из них»³⁴. Следовательно, народный суверенитет в подобном контексте отрицает индивидуальную свободу. Напротив, Э.-Ж. Сийес отвергал руссоистский постулат о том, что воля не может быть представлена. Он видел в непосредственной демократии примитивную систему, которая несовместима с большим государством, где территория и численность населения не позволяют проводить коллективное обсуждение. Кроме того, неверно утверждать, что представительная система предполагает передачу гражданами своей воли: у нации не может быть другого голоса, кроме голоса ее представителей³⁵. В.М. Гессен резюмировал, что французская революция ознаменовала собой начало воплощения и реализации идей народного суверенитета.

Следующие предпосылки образования классического народного представительства взаимосвязаны между собой. Народ, обладая правоспособностью и дееспособностью применительно к своему представительству, делегирует полномочия депутатам, действовавшим на основе представительного мандата. В.М. Гессен подчеркивал, что «представительным строем мы называем совокупность институтов, обеспечивающих соответствие волеизъявление парламента интересам и нуждам народа»³⁶. Причем избиратели не наделяют своих представителей законодательными полномочиями. Граждане не являются законодателями, они лишь избиратели, которые формируют законодательный корпус, получающий свои законодательные прерогативы в соответствии с конституционными нормами. В.М. Гессен рассматривал парламентские выборы не как способ делегирования полномочий, а как средство, позволяющее составу парламента соответствовать интересам народа.

Таким образом, для отечественной правовой дореволюционной доктрины характерно определение парламентаризма в контексте теории представительства. При этом подчеркивалось необходимость наличия в парламенте двух палат, которые должны отличаться как по способу своего формирования, так и по своим прерогативам.

В частности, А.Д. Градовский определял парламент как учреждение, построенное на народном представительстве, которое наделено законодательными прерогативами. При этом бикамеральный парламент представлялся предпочтительней монокамерального по двум причинам. Во-первых, наличие верхней палаты служит сдерживающим фактором для нижней. Во-вторых,

³⁴ Руссо Ж.-Ж. Трактаты. – М.: Наука, 1969. – 704 с.

³⁵ Сийес Э.-Ж. Что такое Третье сословие? – СПб.: Голос, 1905. – 64 с.

³⁶ Гессен В.М. Основы конституционного права. – Петроград: Издание юридического книжного склада «Право», 1917. – 439 с.

«она (верхняя палата. – С.Б.) обсуждает законопроекты с иной точки зрения и в другом духе, чем это делает нижняя палата»³⁷. А.Д. Градовский аргументировал свою точку зрения тем, что наличие второй палаты служит нормальному управлению в государстве, что также определялось компетенцией парламента, где, помимо законодательных полномочий, он обладал прерогативами в финансовой сфере, осуществлял контрольные функции над администрацией, а также защищал права, гарантированные Конституцией.

Н.М. Коркунов парламентаризм также отождествлял с народным представительством, при котором в деятельности государственных учреждений участвуют представители общества: «Народ, непосредственно или через представителей, участвует в верховном управлении»³⁸. Как и А.Д. Градовский, Н.М. Коркунов подчеркивал, что участие в государственной деятельности это необходимость, заключающаяся в установлении «непосредственной связи между деятельностью учреждений и текущими запросами общественной жизни»³⁹. Он сводил различные формы представительства к трем основным типам. Во-первых, это представительство по личному праву, которое было наиболее распространено в Средневековье. Во-вторых, представительство по назначению правительства, которое имело свои достоинства (отсутствие влияния политических партий, назначение наиболее квалифицированных представителей) и недостатки (зависимость представителей от правительства, «кумовство»). В-третьих, выборное представительство, которое представлялось лучшим типом, поскольку наиболее полно отражало разнообразные и видоизменяющиеся общественные интересы. Основания представительства, т. е. систему формирования парламента, Н.М. Коркунов разделял на органическую систему, в основе которой лежит принцип сословного или классового представительства, и механическую систему, основанную на принципе количественного большинства, когда «индивидуальным интересам, индивидуальной воле противопоставлялись только общие интересы и общая воля всего общества»⁴⁰.

Н.И. Лазаревский, продолжая отечественную доктринальную традицию, определял парламент как орган народного представительства, который отражал взгляды, преобладающие в общественном мнении страны, а также выражал потребности народа⁴¹.

Поскольку парламент выполнял функцию по ограничению власти монарха, то и сам парламент, по мнению Н.И. Лазаревского, «должен был

³⁷ Градовский А.Д. Собрание сочинений. Т. 5. – СПб.: Тип. М.М. Стасюлевича, 1902. – 557 с.

³⁸ Коркунов Н.М. Русское государственное право. Т. I, II. – 6-е изд. – СПб.: Тип. М.М. Стасюлевича, 1909. – 623, 739 с.

³⁹ Там же.

⁴⁰ Там же.

⁴¹ Лазаревский Н.И. Лекции по русскому государственному праву. Т. 1. – 2-е изд. – СПб.: Слово, 1910. – 479 с.

поставлен в известные рамки». И таким ограничительным элементом («сдерживающей властью»), призванным не допустить абсолютизации парламентской власти, которая впоследствии была установлена во Франции в начале XX в., – воплощением «абсолютного парламентаризма»⁴², по мнению Р. Карре де Мальберга – должна быть вторая, верхняя палата парламента.

Место парламента в системе разделения властей отечественными дореволюционными правоведами определялось различно.

Н.М. Коркунов писал о парадигме «совместного властвования», при которой разделение функций между ветвями власти осуществляется тремя способами. Первый – разделение отдельных функций между различными органами государственной власти. Вторым способом предполагается, что одна функция выполняется несколькими органами. Третий – осуществление различных функций одним органом. Таким образом, реализация механизма «совместного властвования» происходит посредством взаимного сдерживания ветвей власти. «Нет государства, где бы законодательство, исполнение, суд были строго обособлены друг от друга»⁴³, – резюмировал Н.М. Коркунов.

Н.И. Лазаревский в своей концепции, признавая принцип разделения властей, акцентировал внимание на их вертикализации, поскольку они имеют подчиненную иерархическую структуру. Законодательная власть играет главенствующую роль, в силу того что она устанавливает общие правила государственной жизни, т. е. законы, которые также «возглавляют» иерархию нормативных правовых актов. Закон являлся основным источником права, и в нем же одновременно воплощалась верховная власть государства. Н.И. Лазаревский подчеркивал, что «отличительным формальным признаком закона должно являться участие народного представительства»⁴⁴.

При этом роль парламента в структуре органов государственной власти связывалось с формой правления и со способом функционирования парламентского правления.

Н.И. Лазаревский давал определение понятию «парламентаризм» в контексте его функционального предназначения – как «вид воздействия народного представительства на управление..., т. е. зависимость состава министерства от доверия, оказываемого ему народным представительством»⁴⁵. Исходя из этого, он

⁴² Carré de Malberg R. La loi, expression de la volonté générale. Étude sur le concept de la loi dans la Constitution de 1875. – Paris: Sirey, 1931. – 264 p.

⁴³ Коркунов Н.М. Русское государственное право. Т. I, II. – 6-е изд. – СПб.: Тип. М.М. Стасюлевича, 1909. – 739 с.

⁴⁴ Лазаревский Н.И. Лекции по русскому государственному праву Т. 1. – 2-е изд. – СПб.: Слово, 1910. – 479 с.

⁴⁵ Там же.

разделял дуалистические и парламентарные государства. Критериями, которые позволяли отнести государство к тому или иному типу, являлись взаимоотношения между парламентом и правительством, поскольку «в монархии (или республике) дуалистической (называемой иногда конституционной) министерство зависит исключительно от главы государства в том смысле, что он может назначить министром и лицо, негодное палатам. В государстве парламентарном министры всегда принадлежат к партии, составляющей парламентское большинство»⁴⁶. Отмечая, что в парламентарных государствах министры несут политическую ответственность перед парламентом, Н.И. Лазаревский заключал, что «судьей общей целесообразности действий министерства, судьей над общим направлением его политики является народное представительство»⁴⁷.

В.М. Гессен выделял два типа конституционного государства, при котором правительство назначается главой государства (президентом или монархом): парламентарное и дуалистическое. При парламентарном типе состав правительства зависит от партии или коалиции партий победившей на парламентских выборах, и таким образом правительство выражает мнение парламентского большинства. Следовательно, «правильное функционирование парламентаризма возможно лишь при наличии определенных политических условий, обеспечивающих преобладающее значение народного представительства в государственной жизни страны»⁴⁸. В дуалистическом конституционном государстве состав правительства не зависит от партийной принадлежности министров. В.М. Гессен подчеркивал, что форма государства не влияет на его тип, который, кроме того, определяется не конституционными нормами, а «нормами обычного конституционного права, слагающимися под влиянием совокупности условий политической жизни данной страны»⁴⁹, т. е. не формальной конституцией, а материальной.

В.М. Гессен подчеркивал, что в парламентарных государствах как деятельность правительства, так и его состав определяются нижней палатой, которой принадлежит преобладающее значение в системе высших органов государственной власти. Отличительным признаком парламентаризма, по мнению В.М. Гессена, было единство кабинета «в том смысле, что кабинет несет коллективную ответственность перед нижней палатой парламента: отдельный акт каждого министра рассматривается как акт всего кабинета, а

⁴⁶ Лазаревский Н.И. Народное представительство и его место в системе других государственных установлений // Конституционное государство. Сборник статей. – СПб.: Типография т-ва «Общественная польза», 1905. – 585 с.

⁴⁷ Там же.

⁴⁸ Гессен В.М. Теория правового государства // Политический строй современных государств. Т. 1. – СПб.: Слово, 1905. – 652 с.

⁴⁹ Гессен В.М. Теория правового государства // Политический строй современных государств. Т. 1. – СПб.: Слово, 1905. – 652 с.

недоверие, вотированное парламентом министру, – как недоверие, вотированное всему кабинету»⁵⁰.

К.Н. Соколов называл парламентаризм наиболее развитой формой представительства. Он, вслед за Н.И. Лазаревским и В.М. Гессеном, выделял дуалистический парламентаризм.

Отметим, что дуалистический или классический парламентаризм появился в Англии в конце XVIII в. (в 1782 г. после отставки правительства лорда Норта). Во Франции данный тип парламентаризма начинает утверждаться с 1814 г. с принятием Хартии как «система, в которой правительство несет ответственность перед двумя органами, с одной стороны перед палатами, а с другой – перед главой государства»⁵¹. Расцвет дуалистического парламентаризма во Франции пришелся на Июльскую монархию и на первые годы существования Третьей республики после принятия конституционных законов. Помимо дуалистического, в современной конституционно-правовой доктрине выделяют монистический парламентаризм, при котором в парламенте одна из партий, обладающая большинством, формировала состав правительства и несла ответственность только перед представительным органом власти.

К.Н. Соколов отмечал, что при парламентаризме у представительных органов существуют правовые механизмы воздействия на правительство, которые позволяют влиять на управление, «предуказывая правительству программу деятельности, и, располагая юридически гарантированными средствами, настаивать на выполнении этой программы»⁵².

К.Н. Соколов выделял различные специфические черты, характеризующие парламентаризм при монархической и республиканской формах правления, разграничивая парламентские и дуалистические монархии и республики.

Парламентские и дуалистические монархии являлись разновидностью конституционной (представительной) монархии, в которой сочетались начала монархического строя и народовластия. Различие заключалось в преобладающей роли монарха при дуалистической монархии или парламента при парламентском строе. К.Н. Соколов отмечал, что с точки зрения исторического развития сначала появилась дуалистическая монархия, а затем парламентская, которая завершала демократическую эволюцию конституционной монархии.

При республике основной чертой парламентаризма К.Н. Соколов называл «нейтралитет» главы государства. Впервые данный термин

⁵⁰ Гессен В.М. Основы конституционного права. – Петроград: Издание юридического книжного склада «Право», 1917. – 439 с.

⁵¹ Hamon F., Troper M. Droit constitutionnel. – 36-e éd. – Paris: LGDJ, 2015. – 830 p.

⁵² Соколов К.Н. Парламентаризм. Опыт правовой теории парламентарного строя. – СПб.: Печатный труд, 1912. – 432 с.

применительно к главе государства высказал Б. Констан, который ввел в научный оборот понятие «нейтральная власть». «Конституционная монархия, – писал Б. Констан, – создает нейтральную власть в лице главы государства. Подлинный интерес главы государства заключается вовсе не в низвержении одной власти другой, но в их взаимопонимании, взаимной поддержке и согласованных действиях... Она (власть главы государства. – С.Б.)... обладает силой одновременно высшей и опосредующей, будучи при этом заинтересована не в нарушении равновесия, но, напротив, в его поддержании»⁵³. Б. Констан, говоря о «нейтральной власти», описывал идеальную модель положения конституционного монарха. Позднее подобную идею развил Л.-А. Прево-Парадолль, согласно которому глава государства не только должен соблюдать «нейтралитет», но и его обязанность «оставаться арбитром сторон и не принадлежать ни к кому. Он должен быть авторитетом как для любого министерства, так и для любого человека и, если бы это было возможно, для любого мнения»⁵⁴. Таким образом, Л.-А. Прево-Парадолль сформулировал суть доктрины арбитража.

К.Н. Соколов подчеркивал, что нейтральный глава государства призван поддерживать баланс власти между парламентом и правительством. При парламентской республике, где состав правительства и его долговечность напрямую зависит от парламентского большинства, президент – это квазимонарх, который стоит на защите интересов государства, но его роль менее значима, чем при дуалистической монархии. В последней президент обладает большим политическим влиянием, но его полномочия ограничены.

К.Н. Соколов резюмировал, что «только парламентаризм способен удовлетворить политические потребности страны, тяготеющей к демократическому укладу государственного быта»⁵⁵. Таким образом, парламентаризм являлся той формой государственного устройства, которая занимает центральное место в эволюции от абсолютной монархии к непосредственной республике.

Выводы. Итак, исследования парламентаризма как государственно-правового понятия актуализируется в отечественной дореволюционной доктрине на рубеже XIX-XX вв., что было связано с политическими процессами и преобразованиями, происходящими в Российской империи. Академическая школа историко-правовых исследований, сложившаяся в Санкт-Петербургском университете, изучала проблематику

⁵³ Констан Б. Принципы политики // Классический французский либерализм. – М: РОССПЭН, 2000. – С. 23-259.

⁵⁴ Prévost-Paradol L.-A. La France nouvelle. – Paris: Michel Lévy frères, 1868. – 423 p.

⁵⁵ Соколов К.Н. Парламентаризм. Опыт правовой теории парламентарного строя. – СПб.: Печатный труд, 1912. – 432 с.

парламентаризма, используя различную методологию и различные контекстуальные измерения. Общим было рассмотрение парламента как органа народного представительства, который должен отражать изменчивое общественное мнение страны. Отсюда следовала необходимость образования бикамеральной структуры парламента, где верхняя палата должна отражать интересы консервативных слоев населения страны и быть сдерживающим элементом по отношению к нижней. Наличие парламента обуславливало теоретическое рассмотрение его роли в структуре органов государственной власти, которая зависела от типа конституционного государства: парламентарное или дуалистическое у В.М. Гессена; дуалистические и парламентарные государства у Н.И. Лазаревского; парламентарские и дуалистические монархии и республики у К.Н. Соколова. Независимо от типологизации, дореволюционные государствоведы постулировали, что наличие парламента предопределяет зависимость правительства от доверия парламента в дискурсе политической ответственности, что является ключевым признаком парламентаризма, его специфической чертой.

В тоже время в отечественной дореволюционной доктрине, несмотря на подчеркивание преобладающего влияния парламента в парламентарных государствах, отмечалась необходимость поддержания равновесия между ветвями власти, т. е. институционального баланса властей, который позволяет создать эффективный механизм государственной власти.

§ 4. Роль Российской академии наук в развитии этнополитики государства: историко-правовой анализ

Введение. Современная политико-правовая система, декларирующая приоритет прав индивида над правами коллективов (трудовых, этнических и др.), а также запрет на внедрение в обществе обязательной идеологии, открывает пути для ассимиляции этнических культур вестернизированной глобалистской масскультурой. Эта важная особенность наряду с отсутствием единого понимания национальной идеи современной России обуславливает отсутствие устойчивой концепции национальной политики. Таким образом, актуальность исследования заключается в отсутствии универсальной этнополитической парадигмы в современной России. Изучение опыта дореволюционных и советских академических исследований феномена межэтнического взаимодействия в целом и межнациональных конфликтов в частности продиктовано необходимостью управления и урегулирования таковых конфликтов, возникающих в нашей стране сегодня.

Объект настоящего исследования составляют общественные отношения, возникавшие в ходе правового регулирования этнической политики в различные периоды развития российского государства.

Предмет исследования составляют исследования этнополитических процессов в России, проводимые академиком Российской академии наук. В методологическую основу статьи был положен комплекс философских, общенаучных и частнонаучных методов. Эволюция национальной политики рассматривалась с помощью диалектического историзма, способствовавшего выявлению ключевых событий, детерминировавших развитие права в период. Индуктивный метод позволил обобщить и сформулировать исследуемый возможные общие элементы национальной политики разных эпох, а дедуктивный – сформулировать механизм урегулирования этнического конфликта с учетом исторического опыта и последовательно аргументировать свою позицию. Для создания выводов использовались другие формально-логические методы (анализ, синтез, обобщение, абстрагирование).

Теоретическая значимость настоящего исследования заключается в раскрытии влияния российской академической науки на этнополитику государства, а также в изучении вклада Российской академии наук в изучение национальной политики. Практическая значимость статьи заключается в возможности использования опыта академических исследований в области этнополитики как при написании современных работ по смежной проблематике, так и при составлении рабочих программ по управлению и урегулированию этнополитических конфликтов.

Основное исследование. И в теоретическом, и в политико-практическом плане для государственной власти характерны концептуальные метания из одной крайности в другую: от дезинтеграции – к интеграции, от нациикультуры к нации-государству. Если федеральному центру выгодно заручиться поддержкой национально-республиканских элит в демонтаже советской политической системы (первая половина 1990-х гг.), то провозглашается и реализуется идея «берите суверенитета сколько проглотите». Когда цель этого демонтажа достигнута, реализуется политика «укрепления вертикали власти», борьбы с сепаратизмом, унификации конституций РФ и республик, преференций Северному Кавказу и т. п.⁵⁶

Российское государство с момента своего возникновения существует в виде многонациональной общности и на всех этапах своего развития было вынуждено проводить определенную интеграционную политику, направленную на централизацию государственного аппарата и на деэскалацию центростремительных процессов, происходящих на национальных окраинах. Естественно,

⁵⁶ Ботанцов И.В. Этнополитика в России: историко-правовой анализ. – СПб.: Астерион, 2020. – С. 46.

как вышеуказанная политика сама по себе, так и непосредственно проблематика этнополитического конфликта начинают привлекать внимание исследователей со времен зарождения академической науки в России в конце XVIII века. В то же время национальная политика государства основывалась в большей степени на идеологических парадигмах, сформированных царским режимом, нежели на научных исследованиях в данной области.

Формирующееся новое советское государство столкнулось с необходимостью выработки новой концепции этнополитического взаимодействия населявших его народов. Национальная политика СССР в 1920-1930-е годы начинает использовать научную базу, которую создавали такие академики, как Михаил Михайлович Богословский, Григорий Максимович Бонгард-Левин, проводившие этнографические и этнополитические исследования. В поздние советские годы значительный вклад в национальную политику вносит действительный член Российской академии наук Юлиан Владимирович Бромлей, основоположник дуалистической концепции этноса, противник пассионарной теории историка Л.Н. Гумилева.

Перемены в сфере национальных отношений этого периода активно освещались в историографии. Данная тематика в советский период была представлена большим количеством исследований, что позволило в позднесоветский период издавать монографии соответствующей проблематики, разрабатывать принципы ее периодизации. В этой связи историографическая традиция советской национальной политики 1920-1930-х гг. может рассматриваться как отдельный научный феномен, а ее анализ поможет систематизировать накопленные знания по этой теме. Особенностью тематики советской национальной политики 1920-1930-х гг. является немалый интерес к ней англоязычных авторов, что благоприятствует проведению сравнительно-исторических исследований.

Немалый вклад в осмысление феномена национальной политики СССР внес Академик РАН, директор Института этнологии и антропологии им. Н.Н. Миклухо-Маклая РАН, доктор исторических наук, профессор В.А. Тишков. В своей монографии «Этничность и власть в полиэтничных государствах» он выделил и охарактеризовал основные черты национальной политики, связь со сталинской теорией иерархии этносов. Ученый отметил двойственность и противоречивость советской национальной политики, ее разрыв между идеями и воплощением на местах. Он же одним из первых стал рассматривать национальную политику в контексте политических процессов 1920-1930-х гг.⁵⁷

⁵⁷ Тишков В.А. Общая оценка этнополитики в Российской Федерации: материал, использованный в выступлениях в ГУ МДН (январь 2010 года) // Московский дом национальностей. – URL: <https://mdn.ru/articles/v-a-tishkov-obshhaya-otsenka-etnopolitiki-v>

Если сосредоточиться на современном состоянии данной проблемы, то можно отметить следующее. Утвержденная указом Президента Российской Федерации от 19 декабря 2012 г. № 1666 Стратегия государственной национальной политики Российской Федерации (далее – Стратегия) определила систему современных приоритетов, целей, принципов, основных направлений, задач и механизмов реализации данной политики. Но следует учитывать, что государственная национальная политика реализуется в условиях многонационального (полиэтничного) государства, в котором важную роль играют этносоциальные процессы и межнациональные (межэтнические) отношения, имеющие значительные региональные различия. Важно отметить, что хотя Стратегия признает факты многонациональности и наличие межнациональных отношений, она не рассматривает народы Российской Федерации в качестве активно действующих субъектов государственной национальной политики.

В отличие от Стратегии, отмененная ею Концепция государственной национальной политики Российской Федерации 1996 г. (далее – Концепция) исходила из признания значимости народов России и развития их субъектности по двум основным направлениям: совершенствование федеративных отношений и национально-культурное самоопределение народов России в организационной форме национально-культурных автономий. Теперь же акцент делается на сохранении и развитии этнокультурного многообразия народов России, консолидации этих народов в составе российской нации. Данные положения Стратегии, как представляется, нивелируют роль различных народов России до статуса объектов государственной национальной политики. Поэтому не случайно, что в качестве первого основного принципа государственной национальной политики Российской Федерации предложено считать государственную целостность, национальную безопасность Российской Федерации, единство системы государственной власти. Напомним, что Концепция первым принципом считала равенство прав и свобод человека и гражданина независимо от его расы, национальности, языка, отношения к религии, принадлежности к социальным группам и общественным объединениям.

В принятой Стратегии этот принцип сохранен, но не как первый, а как третий по значимости. Таким образом, в Стратегии по сравнению с Концепцией осуществлен определенный пересмотр принципов государственной национальной политики. Государственническая ориентация Стратегии и установка на формирование российской нации выражают, очевидно, дух модели нации-государства. Но в данном отношении, т. е. в отношении используемого теоретического базиса, Стратегия противоречива. Одновременная

целевая установка на сохранение и развитие этнокультурного многообразия народов России характеризует дух модели нации-культуры⁵⁸.

Принятие данной установки ориентирует на перспективу возрастающего этнокультурного многообразия, что представляется достаточно оправданным и вероятным в силу действия глобальных и трансграничных факторов, повышения интенсивности миграционных процессов. Неявно признается усиление многонациональности Российской Федерации: если в Концепции указывалось, что в России проживает более 100 народов, то в Стратегии фиксируется проживание в ней представителей 193 национальностей. Поскольку каждая национальность является носителем определенной национальной культуры, то прогнозируемый рост этнокультурного многообразия создает угрозу для консолидации российской нации. Перманентно осуществляемая гармонизация национальных и межнациональных (межэтнических) отношений будет нарушаться дисгармонией, возникающей вследствие развития этнокультурного многообразия. Из Стратегии не ясно, как предполагается разрешать это серьезное реальное противоречие. Видимая противоречивость отмеченного теоретического базиса Стратегии может быть объяснена дополнительностью моделей нации-государства и нации-культуры.

Национальное государство, реализующее модель нации-государства, признает мультикультурализм как исходную историческую данность, преодолеваемую в государственной национальной политике. Эта данность есть продукт исторического развития межэтнических отношений в тех странах, где в силу разных причин произошла ассимиляция одним этносом остальных или сложился определенный симбиоз этнических групп («плавильный котел», «слоеный пирог» в США, Швейцарская конфедерация, Бельгия и др.). При этом, как мы полагаем, были сведены к минимуму многие потенции преимущества этнического многообразия. В данный период оно скорее рассматривается не как ресурс развития страны, а как угроза ее целостности. Государственная власть обеспокоена в основном тем, чтобы этнические меньшинства (в первую очередь – мигранты) усвоили нормы и ценности принимающей нации, а если это не происходит, то констатируется «кризис мультикультурализма» (Германия, Франция, Великобритания).

Но доминанта государства, стоящего над нацией и конструирующего ее, объективно формирует ситуацию нетождественности, различия и даже дуализма культур – культуры разнообразных государственных структур и культуры нации. В системе нации-государства интериоризированный конфликт культур находит выражение в ограничении одних этнокультур и подъеме других.

⁵⁸ Botantsov I.V. History of women's political and civil rights in Sweden / I.V. Botantsov, A.A. Darkov, E.V. Maystrovich [et al.] // Вопросы истории. – 2020. – №. 2. – С. 124.

Дисгармонизация традиционно сложившегося этнокультурного баланса вызывает эмиграцию. А это в свою очередь ведет к упадку и кризису нации, что вынуждает национальное государство стимулировать трудовую иммиграцию. В результате культурное разнообразие национального государства возрастает, а государственная национальная политика сдвигается по направлению к мультикультурализму. На наш взгляд, концепция мультикультурализма, акцентируя внимание только на культурном разнообразии сообществ и индивидов и определяя решающую роль государства в поддержании равновесия между взаимодействующими культурными группами, не может быть основой национальной политики в многонациональной России, так как исторически нации формировались в ней в процессе интернационализации не только как культурные, но и как этносоциальные целостности (культурные, социальные, политические).

Российская Федерация – союз не только территориальных, но и национально-территориальных образований. Последние сыграли важнейшую роль в развитии народов России. В этом смысле политическая ограниченность концепции мультикультурализма по сравнению с концепцией интернационализации, в рамках которой нации как этносоциальные общности признаются субъектами, а не только объектами государственной политики. Реализация этой концепции как основы национальной политики в современной России не только не способна решить проблему интеграции – этнической и социальной – в стране, но и может привести к новым национальным и социальным катаклизмам. Мультикультурализм является практическим следствием реализации модели нации-государства. Его ограниченность наиболее отчетливо видна в тех странах, где сохранились этнонации, не получившие политического развития и статуса субъекта нации-государства. Их интенции к государственности квалифицируются как этнический сепаратизм (шотландцы в Великобритании, баски и каталонцы в Испании, фламандцы в Бельгии, бретонцы во Франции), проявляющийся в том числе в проведении референдумов о политической самостоятельности, о статусе субъекта федеративного устройства государства. Поэтому предлагаемая российскими этнологами и отчасти реализуемая ныне идея российской нации является, на наш взгляд, тупиковой. Не спасает и заимствованная у Мадлен Олбрайт из США идея «Америка – нация наций» в виде кальки «Россия – нация наций», так как не решает ни дилемму «этнонация – гражданская нация», ни вопрос соотношения русской и российской нации. Наиболее адекватно реалии России отражает, на наш взгляд, концепция интернационализации, понимаемая как рефлексивное взаимодействие национальных общностей. Под рефлексивным имеется в виду взаимодействие, в рамках которого развитие каждой национальной общности осуществляется через другую общность, не подавляя ее.

«Интернационализация ведет к установлению не унифицированного и однородного, а внутренне различного единства, в котором национальные общности, являясь субъектами взаимодействия, сохраняют себя в качестве обогащенных в процессе взаимного влияния, но относительно самостоятельных образований. Формируемая в процессе интернационализации новая системная целостность понимается как развивающееся единство многообразия». Концепция интернационализации – продукт историко-философского осмысления и проект для современной России. Национальные общности (нации, народности) понимаются здесь как целостные, а не частичные субъекты политики, реализующие свои интересы в социальной, политической, экономической и культурной сферах. Важную роль в содержании субъектности играет политико-правовой статус национальной общности (республики, округа), обеспечивающий наиболее полную и прямую реализацию этих интересов. Поэтому развитие России предполагается в концепции интернационализации как совершенствование и развитие национально-территориальных образований, сохранение России как федерации народов.

В 2004-2005 годах доктором политических наук М.В. Саввой были проведены исследования в городах Краснодарского края для выявления проблем взаимодействия «новых диаспор» и старожильческого населения, где было опрошено 20 курдов и 33 их соседа, представляющих другие этнические общности. В ходе чего были сделаны выводы о том, что отношения курдов со своими непосредственными соседями носят дружеский и конструктивный характер. При этом доминирующая в местных сообществах негативная установка создает ситуацию недоброжелательного общения вне сферы личной коммуникации. Возникновению негативной установки способствовала острая социальная конкуренция в условиях закрытости для общения женщин курдской общины, а также акцентирование культурных различий со стороны СМИ и органов власти⁵⁹.

Также конфликтные инциденты имели место в Тамбовской и Нижегородской области, а сейчас в Республике Адыгея.

По результатам исследования проблем социокультурной адаптации курдской этнической группы в Республике Адыгея А.Ю. Шадже были сделаны выводы о том, что адаптация курдов на сегодняшний день строится по типу близкому к интеграции, но мешает этому недостаточная открытость

⁵⁹ Смаль С.В. Адаптация мигрантов в Санкт-Петербурге: толерантность в контексте реализации ФЗ № 122 от 22 августа 2004 года // Межэтнические столкновения в поликультурной студенческой среде и пути их разрешения. материалы научно-практической конференции. Комитет по науке и высшей школе Правительства Санкт-Петербурга, Российский государственный педагогический университет им. А.И. Герцена; под научной редакцией: С.А. Гончарова, В.Г. Зарубина, В.Ю. Сморгуновой. – СПб: РГПУ им. А.И. Герцена, 2008. – С. 122-125.

принимающего мигрантов общества культурному многообразию и межкультурному общению⁶⁰.

Миграция – одна из важнейших проблем народонаселения, затрагивающая многие стороны социально-экономической жизни. Курды как уроженцы бывших Советских Республик в связи с тяжелыми экономическими условиями стали вынужденными мигрантами. Это доказывает и проведенный Т.М. Шовгеновым анализ причин, повлиявших на переселение курдов в республику Адыгея, где 41 % – это экономические и политические факторы, а 59 % – вынужденные факторы, связанные с переездом вместе с родителями и родственниками по тем же самым причинам.

М.Н. Маркова выделяет следующие проблемы пребывания в регионах иностранных граждан и лиц без гражданства:

1. Преобладание иммиграционных трудовых потоков из стран СНГ, для которых характерна низкая квалификация. Так, курды Адыгеи в большинстве своем занимаются сельским хозяйством (75 %), торговлей (15 %), работают в сфере услуг (6 %), а об уровне их образования говорилось выше.

2. Сложность социально-экономической адаптации иммигрантов (правовая безграмотность, незнание русского языка и традиций).

3. Сохранение тенденции к увеличению численности и повышению активности отдельных этнических групп⁶¹.

К особой группе причин этнополитических конфликтов можно отнести конфессиональные факторы. Конфессиональная идентичность является одним из основополагающих составляющих национально-этнической идентичности. В большинстве случаев этот конфликт является латентным и не так заметен, но в основе своей несет большую опасность. Религия – благодетельная почва для таких конфликтов. Говоря об эффективности методов воздействия на конфликт, можно сделать следующий вывод о том, что ни один из них не является идеальным во всех случаях, и не один из них не применяется на практике в чистом виде. Механизмы управления и урегулирования этнических конфликтов должны сочетать в себе несколько методов и типов публичной политики с учетом конкретной ситуации и ее динамики во времени.

В целом проводимую политику в области контроля миграции, поддержки и адаптации иммигрировавшего контингента следует признать недостаточной. В частности, одним из слабых мест в регулировании миграционного вопроса являются правовые технологии в национальной политике, в то

⁶⁰ Там же.

⁶¹ Савва М.В. Проблема взаимодействия «новых диаспор» и старожильческого населения (турки-месхетинцы и курды Краснодарского края в иноэтничном окружении) // Региональные конфликты в контексте глобализации и становления культуры мира / Под ред. Г.М. Гогиберидзе, Э.Т. Майборода, Е.И. Степанова. – М.; Ставрополь: Изд-во Ставроп. гос. ун-та, 2006. – С. 351-366.

время как они могли бы выступать как основа разрешения конфликтов в регионе. В Санкт-Петербурге существует всего 8 правовых актов в сфере миграции, при этом каждый из них содержит буквально несколько незначительных положений или статистические таблицы, не дающие понимания того, как именно государственные органы должны действовать при возникновении этнических конфликтов. При этом в соответствии со статьей 71 Конституции РФ права и свободы человека и гражданина, в том числе в сфере миграции, относятся к исключительному ведению субъектов федерации, а значит, именно региональное, а не федеральное законодательство должно детально регулировать этот вопрос.

Федеральное же законодательство далеко не всегда последовательно в управлении национальной политикой. Например, закон «О миграционном учете иностранных граждан и лиц без гражданства в Российской Федерации» ограничил права иностранных граждан на ведение торговли в определенных местах. В результате места на рынках опустели, поскольку россияне не занимаются торговлей в той сфере рынка, которая занята мигрантами. Непоследовательность данного закона проявляется также и в том, что многие торговцы являются выходцами из российских же республик, то есть гражданами Российской Федерации, и на них положения закона не распространяются.

Например, в США в рамках политической программы «мультикультурализма» общество предстает не совокупностью индивидов, как в классической либеральной концепции, а множеством отдельных культурных сегментов, принадлежащих к меньшинствам или большинству⁶². Мультикультурализм возник в США из неокантианской концепции нейтральности государства Д. Ролза, переросшей в методологический холизм и феноменологическую парадигму групповой идентичности канадца Ч. Тейлора. Государственная мультикультурная политика задумывалась как политический инструмент, призванный преодолеть социальный беспорядок и дезинтеграцию и обеспечить внутренний мир. Россия как многонациональное государство должна сформировать собственную концепцию интеграции различных этнических групп в свое социальное и правовое поле.

Подводя итоги, эксперты говорят, что проблема межнациональных отношений в России вышла на первый план. Новая угроза – рост ксенофобии и связанных с ней экстремистских идеологий. Протестные настроения, вызванные разными проблемами (социально-экономическими, политическими), все чаще выражаются в форме национализма, в том числе радикального.

⁶² Botantsov I.V. Efficient production system as part of sustainable environmental management / I.V. Botantsov, K.G. Svarchevsky, K.M. Mensah, D.D. Sayafarova // IOP Conference Series: Earth and Environmental Science. – 2021. – Iss. 723. – P. 042075.

Другой петербургский ученый, политолог Александр Конфисахор, также участвовавший в исследовании ЦИНКа в качестве эксперта, считает, что Петербург неправильно оказался в красной зоне на карте межнациональной напряженности. Руководители города уделяют межнациональным проблемам особое внимание, не скрывают их и не замалчивают. Поэтому получается, что количество конфликтов велико, что не всегда является объективным показателем этнической напряженности. «К сожалению, бывает так, что тот, кто честно работает, оказывается по конечным показателям не самым лучшим», – говорит политолог.

По информации сетевого журнала «Город 812», остроту межнациональной проблемы в Петербурге ощущают 51,7 % горожан. Больше всего властей и горожан беспокоит приток мигрантов из Узбекистана, Таджикистана, Азербайджана и Киргизии. Сейчас формируется общегородская база мест массового проживания и работы иностранных граждан.

На повестке в Смольном стоит вопрос о создании адаптационных центров для мигрантов и привлечении бизнес-структур к участию в их адаптации. Вместе с тем трудно согласиться с авторами исследования в том, что сегодня именно в Санкт-Петербурге сложилась самая напряженная ситуация в области межэтнических отношений. В то же время существует противоположная точка зрения о том, что, поскольку в 71 и 72 статьях Конституции не предусмотрено регулирование миграционных вопросов Российской Федерацией или ею совместно с субъектами, то, в соответствии со статьей 73 Конституции, регулирование этих вопросов относится к исключительному ведению субъектов федерации.

Эта позиция представляется не совсем верной, поскольку правовое положение мигрантов, несомненно, относится к вопросам регулирования прав и свобод человека, исключительное ведение которыми закреплено за Российской Федерацией.

Таким образом, вялая политика городских властей, деятельность СМИ, акцентирующая внимание на проблемах, причиняемых мигрантами жителям города, и почти полное отсутствие культурных центров, которые бы способствовали адаптации мигрантов к местным условиям, формируют у общественности резко отрицательное отношение к мигрантам, что не позволяет им конструктивно подходить к вопросу урегулирования этнических конфликтов. Как правило, единственный способ «решения» проблемы, который видят жители города, – это тотальное выдворение всех «приезжих», без права возвращения.

В то же время они не гнушаются нанимать мигрантов на работы, как правило не официально, нарушая при этом миграционное и трудовое законодательство. Поэтому необходима правовая работа с жителями города, которая

способствовала бы более глубокому пониманию ими сути проблемы, формированию последовательности в их суждениях и ответственности в их собственном поведении. Так, нужно бороться с правовым нигилизмом жителей Санкт-Петербурга и ужесточать контроль за соблюдением миграционного законодательства.

Санкт-Петербург – необычный с точки зрения сложившейся обстановки в области толерантности город. В нем исторически складывалась мультикультурная, полиэтничная и веротерпимая среда, с дореволюционных времен в городе существовали правовые основы для реализации гражданских прав и свобод представителями самых разнообразных вероисповеданий. В тоже время за последние годы прирост мигрантов многократно увеличился, и это не может не сказываться на обстановке в городе. Большая часть средств, направленных на развитие программ толерантности, легла на региональные бюджеты. Летом 2006 года принята программа гармонизации межэтнических и межкультурных отношений, профилактики проявлений ксенофобии, названная «Толерантность». В городе проводятся такие мероприятия, как «Весь мир в твоём городе», «Петербург объединяет людей». Основные направления национальной политики в Санкт-Петербурге – это:

1. Проведение оперативных мероприятий совместно с правоохранительными органами.
2. Проведение методической работы с правоохранителями.
3. Мероприятия по адаптации мигрантов. Данное направление реализуется с 2007 года.

В целом проводимую политику можно охарактеризовать, как универсализацию, которая ведет Россию к стиранию всех культурных различий и духовной деградации (толерантность превращается в насильственную ассимиляцию и приносится в жертву) или распаду на несколько унитарных независимых государств, сумевших отстоять свою культурную самобытность⁶³.

Выводы. Таким образом, в деятельности государственных органов наблюдается непоследовательность и, не смотря на всевозможные попытки, удачного регулирования миграционного вопроса не наблюдается. Отчасти это связано с отсутствием единой национальной политики (чем объясняется и столь скудная правовая база).

В то же время наблюдаются определенные тенденции формирования интеграционной национальной политики. Так, еще в 2004 г. В.В. Путин заявил следующее: «Мы имеем все основания говорить о российском народе как о единой нации... Представители самых разных этносов и религий в России ощущают себя действительно единым народом. Мы обязаны сохранить и укрепить наше национальное историческое единство». В 2008 г. Д.А. Медведев сказал: «Само

⁶³ Тишков В.А. Вынужденные мигранты и государство. – М.: ЭКОС, 1998. – С. 24.

историческое развитие российской нации в немалой степени основывалось на богатстве и сохранении этнокультурной и поликонфессиональной среды... Благодаря этому единство российской нации выдержало многие испытания. И в наши дни является важным фактором преодоления экстремистских настроений, национализма и религиозной нетерпимости». С учетом этих высказываний президентов Российской Федерации академик В.А. Тишков отмечает, что необходимость осуществления в России формулы «единства в многообразии» обусловлена тем, что «это еще и единственная реализуемая формула устройства многоэтнической страны. Новая идеология гражданского национализма ни в коей степени не означает отрицание или растворение российских национальностей (наций в этническом смысле слова) в некоей монокультурной общности под названием российская нация». Российскую нацию он понимает как форму надэтнической гражданской идентичности наших граждан, которые, обладая историческим и культурным единством, общей исторической судьбой, являются представителями одного, российского, народа, многообразного, но единого. Россия, с его точки зрения, – это «нация наций и суть современной национальной политики становится двуединой: с одной стороны, это обеспечение национальных интересов страны и ее народа на внутренней и внешней арене, в том числе и через национальные проекты, модернизационное развитие страны, систему национального образования, с другой стороны, это сохранение и поддержка историко-культурного и религиозного разнообразия проживающих в России представителей разных национальностей и конфессий. Одно не исключает другое, наоборот, все это возможно только в единстве и при эффективном, демократическом управлении»⁶⁴. В то же время нельзя отрицать «размывание» титульного этноса при длительном отсутствии грамотной национальной политики в России. В итоге, стремясь вобрать в себя все народы нашей страны, впитать их культуру и привить им, в свою очередь, русские ценности, русский народ утратил свое собственное единство, обособленность от других российских этносов и, будучи крупнейшим по численности в России, не обладает собственной национально-культурной автономией. В.А. Тишков посвятил немало исследований конфликтам на национальной почве в России⁶⁵.

В настоящее время на острие этнографической науки становятся вопросы европейской и евразийской интеграции. Так, рассматривается проблематика формирования единого народа в рамках ЕАЭС, СНГ и Союзного государства. Центр постсоветских исследований Института экономики РАН изучает вопросы евразийской интеграции в трех взаимосвязанных аспектах:

⁶⁴ Тишков В.А. Общая оценка этнополитики в Российской Федерации: материал, использованный в выступлениях в ГУ МДН (январь 2010 года) // Московский дом национальностей. – URL: <https://mdn.ru/articles/v-a-tishkov-obshhaya-otsenka-etnopolitiki-v-rossijskoj-federatsii> (Дата обращения: 30.08.2023 г.).

⁶⁵ Там же.

исходя из особенностей и факторов социально-экономического развития национальных экономик, динамики собственно интеграционного процесса, его проблем, институтов и эффектов, влияния на евразийский интеграционный процесс глобальных центров силы. Большое внимание уделяется оценке влияния на евразийскую интеграцию других региональных организаций и международных проектов, в которые вовлечены постсоветские страны: Восточное партнерство, ЕС, ОЧЭС, ШОС, «Пояс и Путь». Важным направлением исследований центра является оценка роли России в процессах евразийской интеграции в контексте ее интересов и достижения целей национального развития.

§ 5. Эволюция статуса судьи в России (1922–2021 гг.)

Введение. Центральным звеном судебной системы, главной движущей силой механизма судебной власти является судья – человек государственный, непосредственно вершащий правосудие⁶⁶. От судьбы и принимаемых им решений, от его профессиональных и личных качеств во многом будет зависеть эффективность работы судебной системы и уровень доверия населения к судебной власти, что обуславливает актуальность темы исследования.

Статус судьи в самых различных его аспектах является предметом внимания исследователей разных стран мира. Так, американские ученые Мона Вакилифати и Тэд Куссер на основе эмпирического анализа выясняют, какие судьи лучше отправляют правосудие – избранные судьи или судьи, непосредственно назначенные избранными должностными лицами. На основе использования объективного показателя эффективности судебной деятельности (коэффициента отмены судебных дел, обжалованных в порядке апелляции) по 2919 делам, рассмотренным 176 судьями, учеными был сделан вывод, что у избранных судей показатель возврата ниже, чем у судей, отобранных по заслугам⁶⁷.

Тайваньские ученые Фэн-Цзен Цай и Чан-Чуан Чань исследуют психофизиологические аспекты статуса судей, в частности связь между профессиональным стрессом и эмоциональным выгоранием среди судей с учетом возраста, пола, брака, количества детей, опыта работы, рабочего времени⁶⁸.

Канадский ученый Дэвид Дайзенхаус, отмечая, что не может быть правового порядка без судей, которые понимают принципы законности,

⁶⁶ Клеандров М.И. Конституционные изменения 2020 г. и механизм правосудия: плюсы и минусы // Государство и право. – 2020. – № 10. – С. 7-23.

⁶⁷ Vakilifathi M., Kousser T. Does Judicial Selection Affect Judicial Performance? // FORUM-A Journal of applied research in contemporary politics. – 2020. – Vol. 18. – Issue 1. – P. 25-50.

⁶⁸ Tsai F.-J., Chan C.-C. Occupational stress and burnout of judges and procurators // International archives of occupational and environmental health. – 2010. – Vol. 83. – Issue 2. – P. 133-142.

указывает, что ответ на вопрос «Что такое судья?» привлекает внимание как к идее законности, так и к конкретному авторитету закона⁶⁹.

Питер Соломон-младший выявляет особенности статуса судей в недемократических режимах. В частности, он указывает, что лидеры авторитарных режимов действительно наделяют судей полномочиями, хотя бы для того, чтобы обеспечить легитимность режима и обеспечить подотчетность его должностных лиц, но иногда это имеет цену независимости судебной власти. Сочетание независимости, власти и подотчетности судей в авторитарных государствах отличается от того, что наблюдается в демократических странах; в недемократических государствах неформальная практика часто определяет значение судебной власти⁷⁰.

В России статус судьи и его различные компоненты на протяжении более 20 лет исследует Михаил Иванович Клеандров – член-корреспондент Российской академии наук, судья Конституционного Суда Российской Федерации в отставке. В монографии «Статус судьи: правовой и смежные компоненты» М.И. Клеандров выделяет компоненты статуса судьи: правовой компонент (конституционное ядро и нормы, определяемые федеральными законами), морально-этический компонент, психофизиологический компонент⁷¹. Выделенные М.И. Клеандровым структурные элементы позволяют исследовать статус судьи не только в современной России, но и экстраполировать эти компоненты на кадровый состав судей в другие исторические периоды. Вносимые М.И. Клеандровым предложения по совершенствованию статуса судьи и механизма формирования судейского корпуса получают реализацию в российском законодательстве.

Особое внимание в своих исследованиях академик М.И. Клеандров уделяет ответственности судей, которую называет важнейшей составляющей статуса судьи⁷². Исследуя проблематику различных аспектов статуса судьи, М.И. Клеандров всесторонне анализирует организационно-правовой

⁶⁹ Dyzenhaus D. The very idea of a judge // University of Toronto law journal. – 2010. – Vol. 60. – Issue 1. – P. 61-80.

⁷⁰ Solomon P.H., Jr. Courts and Judges in Authoritarian Regimes // World Politics. – 2007. – Vol. 60. – Issue 1. – P. 122-145.

⁷¹ Клеандров М.И. Статус судьи: правовой и смежные компоненты. – М.: Норма. 2008. – 448 с.

⁷² Клеандров М.И. Конституционные изменения 2020 г. и механизм правосудия: плюсы и минусы // Государство и право. – 2020. – № 10. – С. 7-23; Клеандров М.И. Статус судьи: правовой и смежные компоненты. – М.: Норма, 2008. – 448 с.; Клеандров М.И. Институт присяги российского судьи: дефектность формулы и конституционная ответственность за нарушение // Журнал российского права. – 2020. – № 2. – С. 58-71; Клеандров М.И. О стратегии совершенствования механизма судейской ответственности // Вестник Тюменского государственного университета. – 2011. – № 3. – С. 8-16.

механизм формирования судейского корпуса⁷³. Изучая актуальную проблему целесообразности и возможности передачи в перспективе функции осуществления правосудия судьей-роботу, М.И. Клеандров делает обоснованный вывод об объективной невозможности осуществления справедливого правосудия судьей-роботом в силу неформализуемости ряда чисто человеческих качеств⁷⁴.

Судья – важный элемент в системе правосудия. От его профессиональных и нравственных качеств в конечном итоге будет зависеть эффективность системы правосудия и уровень авторитета судебной власти в обществе. Статус судьи и организационно-правовой механизм формирования судейского корпуса в России – это актуальная на протяжении длительного времени проблема, требующая глубокой и всесторонней научной разработки. Цель работы – исследование эволюции статуса судьи в России (с 1922 г. по настоящее время) – соответствует приоритетной задаче развития судебной системы.

Основное исследование. В советский период статус судьи имел по сути политическое значение, поскольку качества судей во многом определяли отношение населения к советскому суду и к Советской власти. Статус судьи составляли правовые и внеправовые компоненты.

Конституционно-правовая база статуса судьи основывалась на Конституциях РСФСР 1918 г. и 1925 г. Занять должность судьи мог тот, кто обладал конституционным правом избирать и быть избранным в Советы, а соответственно, тот, кто отвечал следующим закрепленным в Конституции требованиям:

- 1) являться гражданином РСФСР;
- 2) достичь возраста 18 лет;
- 3) соответствовать социальному положению – быть рабочим и служащим; крестьянином, не пользовавшимся наемным трудом с целью извлечения прибыли; солдатом советской армии и флота;
- 4) не быть признанным душевнобольным или умалишенным;
- 5) не являться осужденным за корыстные и порочащие преступления на установленный приговором срок (ст. 64 Конституции РСФСР 1918 г., ст. 68-69 Конституции РСФСР 1925 г.)⁷⁵.

⁷³ Клеандров М.И. Статус судьи: правовой и смежные компоненты. – М.: Норма, 2008. – 448 с.; Клеандров М.И. О необходимости психодиагностирования кандидатов на должности судей // Государство и право. – 2019. – № 6. – С. 5-17; Клеандров М.И. Конституционно значимые несовершенства судебной власти в Российской Федерации // Вестник Российской академии наук. – 2018. – Т. 88. – № 10. – С. 886-896.

⁷⁴ Клеандров М.И. Размышления на тему: может ли судьей быть робот? // Российское правосудие. – 2018. – № 6 (146). – С. 15-25.

⁷⁵ Конституция (Основной Закон) Российской Социалистической Федеративной Советской Республики (принята V Всероссийским съездом Советов 10 июля 1918 г.) // Собрание узаконений и распоряжений Рабочего и Крестьянского Правительства Российской Социалистической Федеративной Советской Республики (СУ РСФСР). – 1918.

Дополнительные требования к кандидату на должность судьи устанавливались Положением о судеустройстве РСФСР 1922 г.:

1) иметь стаж не менее двух лет ответственной политической работы в рабоче-крестьянских общественных, профсоюзных или партийных организациях или трех лет практической работы в органах советской юстиции на должностях не ниже народного следователя (для народного судьи);

2) не быть опороченным по суду или исключенным из общественных организаций за порочащие поступки⁷⁶.

Таким образом, морально-этический компонент статуса судьи частично имел законодательное закрепление: не являться осужденным или исключенным из общественных организаций за корыстные и порочащие преступления и поступки. Положением о судеустройстве 1922 г. предусматривалась возможность отстранения судьи от должности в порядке дисциплинарной ответственности за поведение или действие, несовместимое с достоинством и назначением судебных деятелей, имевшее место при исполнении служебных обязанностей и вне их.

К морально-этическому компоненту, не облаченному в законодательную форму, относились «чистки», инициируемые партией. В ходе «чисток» кадров судей от «чуждых элементов» судья мог быть отозван с должности за аморальное поведение, например за пьянство или за товарищеские отношения с кулаком.

Требование к наличию какого бы то ни было образования для судей законодательно не закреплялось. Но при этом руководством страны предпринимались меры для подготовки кадров судей – создавалась система юридического образования, включавшая в себя преимущественно разноуровневые юридические курсы.

Для понимания отношения к квалификации судей представляет интерес позиция Верховного Суда РСФСР, выраженная в Определении Гражданской Кассационной Коллегии от 3 января 1925 г. по делу № 34.146: квалификация судебных работников и суда в целом определяется умением разрешать вопросы права вообще и совсем не требует особых квалификаций по разрешению отдельных случаев, встречающихся в судебной практике, для установления которых суд может прибегать к экспертизе⁷⁷.

– № 51. – Ст. 582; Постановление XII Всероссийского Съезда Советов от 11 мая 1925 г. «Об утверждении текста Конституции (Основного Закона) РСФСР» // СУ РСФСР. – 1925. – № 30. – Ст. 218.

⁷⁶ Постановление ВЦИК от 11 ноября 1922 г. «О введении в действие Положения о судеустройстве РСФСР» // СУ РСФСР. – 1922. – № 69. – Ст. 902.

⁷⁷ Александровский С.В. Гражданский процессуальный кодекс РСФСР. С постатейно систематизированным материалом. – М.: Юридическое издательство Народного Комиссариата Юстиции, 1925. – 453 с.

В 1920-х гг. получил юридическое оформление институт юридической ответственности судей. Судьи могли быть привлечены к уголовной и дисциплинарной ответственности. Уголовная ответственность, согласно ст. 111 УК РСФСР 1922 г., наступала за вынесение судьями «из корыстных или личных видов» неправосудного приговора, решения, определения. Предусматривалось серьезное наказание: лишение свободы на срок не менее 3-х лет с отстранением от судейских должностей или высшая мера наказания при особо отягчающих обстоятельствах⁷⁸.

Дисциплинарной ответственности судьи могли быть подвергнуты по следующим основаниям, закрепленным Положением о судоустройстве РСФСР 1922 г.: а) проступки, поведение или действия судебных работников, хотя и не наказуемые уголовными законами, но не совместимые с достоинством и назначением судебных деятелей, имевшие место как при исполнении ими служебных обязанностей, так и вне их; б) отмена Верховным Судом РСФСР ряда приговоров и решений, вынесенных судебными работниками, по несоответствию таковых общему духу законов РСФСР и интересам трудящихся масс.

Видами дисциплинарных взысканий для судей являлись: замечание, выговор, перемещение или смещение на низшую должность, отстранение от службы с запрещением работы в судебных должностях на определенный срок. Согласно архивным данным, за первое полугодие 1925 г. к народным судьям в РСФСР были применены: 23 замечания, 25 выговоров, 14 отстранений от должности. По 10 дисциплинарным проступкам судей дела были переданы на рассмотрение в судебном порядке⁷⁹.

Элементом гарантии для судей являлся особый порядок их ареста. 16 ноября 1922 г. Декретом ВЦИК и СНК «О порядке ареста прокуроров, их помощников, председателей и членов революционных трибуналов и Советов народных судей, народных судей и следователей» предусматривался разрешительный порядок ареста судей. Он заключался в том, что арест судьи мог производиться только с предварительного разрешения прокурора⁸⁰.

В механизме отбора кадров для судейского корпуса важное место занимало идеологически обусловленное требование к судье быть членом Коммунистической партии или хотя бы обладать революционным правосознанием.

⁷⁸ Постановление ВЦИК от 01. 06. 1922 г. «О введении в действие Уголовного Кодекса РСФСР» (вместе с «Уголовным Кодексом РСФСР») // СУ РСФСР. – 1922. – № 15. – Ст. 153.

⁷⁹ Российский Государственный Архив Социально-Политической Истории. – Фонд 17. – Опись 68. – Дело 560. – Лист 28.

⁸⁰ Декрет ВЦИК, СНК РСФСР от 16.11.1922 г. «О порядке ареста прокуроров, их помощников, председателей и членов революционных трибуналов и Советов народных судей, народных судей и следователей» // СУ РСФСР. – 1922. – № 77. – Ст. 960.

Руководством страны подчеркивалось, что преобладание среди судей членов Коммунистической партии способствует реализации партийных директив.

Недостаточный уровень образования и квалификации среди судей компенсировался их рабоче-крестьянским происхождением и принадлежностью Коммунистической партии. Большое число указаний о мерах повышения образовательного, профессионального и морального уровня судей свидетельствует о поиске эффективного механизма отбора и подготовки кадров на замещение судебных должностей⁸¹.

Интересно различие источников формирования кадрового состава и уровня подготовленности гражданских и уголовных отделов губернских судов. Процент отмененных решений гражданских отделов губернских судов с 1 апреля 1923 года по 1 октября 1924 г. составил почти 50 %, что значительно превышало процент отмены по уголовным делам – 16 %. Причина такой разницы заключалась, помимо прочего, в том, что состав гражданских отделов судов был значительно слабее подготовлен в практическом плане, чем состав уголовных отделов, имевших трибунальный стаж⁸².

Таким образом, статус судьи в период нэпа включал в себя компоненты правового, в том числе конституционно-правового, характера: гражданство, возрастной ценз, социальное положение, стаж ответственной политической работы или работы в органах советской юстиции, отсутствие судимости, институт уголовной и дисциплинарной ответственности судьи, гарантии неприкосновенности судьи. В 1922-1929 гг. была организована система юридической подготовки судебных кадров от высшего звена (Институтов советского права и Высших юридических курсов) до окружных юридических кружков. При этом требования к наличию у судей юридического или общего образования законодательно не устанавливались. Большое значение имели внеправовые аспекты статуса судьи: наличие революционного правосознания, принадлежность к Коммунистической партии. Механизм отбора кадров для судебного корпуса не только основывался на правовых нормам, но и определялся политическими установками государства.

В последние годы существования советского государства правовой компонент статуса судьи получил развитие. В соответствии со ст. 8 Закона СССР «О статусе судей в СССР» 1989 г. законодательно закреплялось требование наличия у будущих судей высшего юридического образования; устанавливался возрастной ценз для кандидата в народные судьи – 25 лет.

⁸¹ Филонова О.И. Правовые основы статуса судьи в Советской России в период НЭПа (1921-1929 гг.) // Российское правосудие. – 2012. – № 4. – С. 91-97.

⁸² Александровский С.В. Гражданский процессуальный кодекс РСФСР. С постатейно систематизированным материалом. – М.: Юридическое издательство Народного Комиссариата Юстиции, 1925. – 453 с.

Закреплялись требования к стажу работы по юридической специальности: не менее двух лет для народных судей и не менее пяти лет (из них, по общему правилу, не менее двух лет в качестве судьи) для судей вышестоящих судов⁸³.

Статус судьи, сложившийся на сегодняшний день в России, по ряду критериев существенно отличается от статуса судьи Советской России 1920-х гг.

Согласно ст. 119 Конституции РФ судьями могут быть граждане Российской Федерации, достигшие 25 лет, имеющие высшее юридическое образование и стаж работы по юридической профессии не менее пяти лет⁸⁴. Федеральным законом могут быть установлены дополнительные требования к судьям судов Российской Федерации.

Непосредственно ст. 119 Конституции РФ закреплены четыре основных требования, предъявляемые к судье:

1. Наличие гражданства Российской Федерации. 1 июля 2020 г. конституционная норма была дополнена требованием постоянно проживать в Российской Федерации и не иметь гражданства иностранного государства либо вида на жительство или иного документа, подтверждающего право на постоянное проживание гражданина Российской Федерации на территории иностранного государства.

2. Достижение 25-летнего возраста. По мнению М. И. Клеандрова, такой низкий возрастной ценз для занятия должности судьи (для пяти шестых состава российских судей) нежелателен, так как позволяет занять такую ответственную должность молодому человеку с небольшим жизненным опытом⁸⁵.

3. Наличие высшего юридического образования.

4. Наличие стажа работы по юридической специальности не менее пяти лет.

Требования к кандидатам на должность судей в России, конкретизирующие и дополняющие конституционные, установлены Законом РФ от 26 июня 1992 г. № 3132-1 «О статусе судей в Российской Федерации»⁸⁶. Судьей может стать гражданин, не имеющий (не имевший) судимости. Подпункт 1 п. 1 ст. 4 в редакции 6 апреля 2015 г. конкретизирует конституционное требование к высшему юридическому образованию кандидата на должность судьи: 1) по специальности «Юриспруденция» или 2) по направлению подготовки

⁸³ Закон СССР от 04.08.1989 «О статусе судей в СССР» // Свод законов СССР. – 1990. – Т. 10. – С. 14-1.

⁸⁴ Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12 декабря 1993 г. с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 1 июля 2020 г.) // Российская газета от 25 декабря 1993 г. – № 237.

⁸⁵ Клеандров М.И. Статус судьи: правовой и смежные компоненты. – М.: Норма, 2008. – 448 с.

⁸⁶ Закон РФ от 26 июня 1992 г. № 3132-1 «О статусе судей в Российской Федерации» (ред. от 05.04.2021) // Ведомости Съезда народных депутатов Российской Федерации и Верховного Совета Российской Федерации от 30 июля 1992 г. – № 30. – Ст. 1792.

магистратуры «Юриспруденция» (при наличии диплома бакалавра по направлению подготовки «Юриспруденция»).

П. 2 ст. 4 Закона «О статусе судей в Российской Федерации» закрепляет конкретные требования к возрасту и стажу судей. В частности, судьей кассационного суда общей юрисдикции, апелляционного суда общей юрисдикции, кассационного военного суда, апелляционного военного суда, верховного суда республики, краевого, областного суда, суда города федерального значения, суда автономной области, суда автономного округа, окружного (флотского) военного суда, арбитражного суда округа, арбитражного апелляционного суда, специализированного арбитражного суда может быть гражданин, достигший возраста 30 лет и имеющий стаж работы в области юриспруденции не менее 7 лет.

К психофизиологическому компоненту статуса судьи можно отнести требования к состоянию здоровья. Ст. 4.1 Закона «О статусе судей в Российской Федерации» требует медицинского освидетельствования претендента на должность судьи для подтверждения отсутствия у претендента на должность судьи заболеваний, препятствующих назначению на должность судьи. Перечень таких заболеваний утвержден Постановлением Совета судей Российской Федерации от 26.12.2001 г.⁸⁷. По мнению М.И. Клеандрова, перечень далек от совершенства: 1) в нем почти нет наименований психических болезней, в то время как судья с психической болезнью явно общественно опасен; 2) нет таких болезней, как ВИЧ-инфекция, проказа (лепра) и сифилис мозга; человек, болеющий одной из этих болезней, не может быть судьей не потому, что способен заразить окружающих, а потому, что эта болезнь влияет на психику больного, следовательно, правосудие, осуществляемое больным судьей, будет деформированным⁸⁸.

К морально-этическому компоненту статуса судьи в России М.И. Клеандров относит опасность религиозного фанатизма (прежде всего сектантства) и увлечений (в частности, азартными играми)⁸⁹.

Этические требования к российскому судье различаются применительно к поведению в профессиональной деятельности и к поведению вне исполнения служебных обязанностей:

1. В судебной деятельности судья должен осознавать приоритет прав и свобод человека и гражданина при отправлении правосудия; он должен добросовестно и своевременно исполнять свои профессиональные

⁸⁷ Постановление Совета судей Российской Федерации от 26 декабря 2002 г. № 78 «Об утверждении перечня заболеваний, препятствующих назначению на должность судьи» // Российская газета. – 24 января 2004 г. – № 13.

⁸⁸ Клеандров М.И. Статус судьи: правовой и смежные компоненты. – М.: Норма, 2008. – 448 с.

⁸⁹ Там же.

обязанности; обязан быть беспристрастным, не должен проявлять предубеждения расового, полового, религиозного или национального характера.

2. Вне судебной деятельности судья не вправе принадлежать к политическим партиям, публично выражать свои политические взгляды, участвовать в политических акциях; ст. 21 Кодекса судейской этики содержит прямой запрет судье участвовать в политической деятельности⁹⁰. Судья должен избегать любых личных связей, которые могут причинить ущерб репутации, затронуть его честь и достоинство, должен воздерживаться от финансовых и деловых связей, которые могут поставить под сомнение его беспристрастность.

Встречаются примеры судебной практики по гражданским и по уголовным делам, связанные с передачей дела на новое рассмотрение в суд другого субъекта Российской Федерации из-за сомнений в беспристрастности суда.

Так, Судебная коллегия по гражданским делам Верховного Суда Российской Федерации посчитала необходимым передать дело в целях объективного и беспристрастного его рассмотрения в суд иного субъекта Российской Федерации, поскольку имелись обстоятельства, вызывающие сомнение в беспристрастности рассмотрения данного дела в судах Иркутской области. Судебная коллегия по гражданским делам Верховного Суда отменила вынесенные ранее судебные акты по делу о признании незаконным приказа об увольнении, восстановлении на службе в прежней замещаемой должности и направила дело на новое рассмотрение в суд первой инстанции, поскольку судами нижестоящих инстанций не были учтены в должной мере нормы национального и международного права, гарантирующие право каждого на рассмотрение спора беспристрастным судом. Судебная коллегия указала, что, во-первых, суд должен быть субъективно беспристрастным, т. е. ни один из его членов не может открыто проявлять пристрастие и личное предубеждение в конкретном деле; во-вторых, суд должен быть объективно беспристрастным, т. е. необходимы достаточные гарантии, исключающие какие-либо сомнения по этому поводу; всякий судья, в отношении беспристрастности которого имеются легитимные основания для сомнения, должен выйти из состава суда, рассматривающего дело⁹¹.

⁹⁰ Кодекс судейской этики (утв. VIII Всероссийским съездом судей 19 декабря 2012 г.) (в ред. от 08.12.2016 г.) // СПС «КонсультантПлюс». – URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_139928/ (Дата обращения: 30.08.2023 г.).

⁹¹ Определение Судебной коллегии по гражданским делам Верховного Суда РФ от 17 сентября 2018 г. № 66-КГ18-15 // ЮИС «Легалакт – законы, кодексы и нормативно-правовые акты Российской Федерации». – URL: <https://legalacts.ru/sud/opredelenie-verkhovnogo-suda-rf-ot-17092018-n-66-kg18-15/> (Дата обращения: 30.08.2023 г.).

Апелляционная коллегия Верховного Суда Российской Федерации нашла убедительными факты, которые могут поставить под сомнение объективность и беспристрастность суда при принятии решения по делу судебной коллегией по уголовным делам Ярославского областного суда, в том числе со стороны общественности. Поэтому в целях обеспечения интересов правосудия, защиты прав и свобод сторон коллегия определила изменить территориальную подсудность уголовного дела, передать его для рассмотрения в стадии апелляционного обжалования приговора в Костромской областной суд, который расположен на доступном расстоянии от г. Ярославля⁹².

Арина Дмитриева, исследуя порядок формирования судейского корпуса в России, на основе анализа 957 протоколов квалификационных коллегий судей делает вывод, что, несмотря на законы, вводящие меритократические принципы отбора судей в начале 1990-х годов, покровительство председателей судов продолжает значительно перевешивать все другие характеристики кандидатов, такие как образование и профессиональный опыт⁹³. Если такие выводы обоснованы, то процедура отбора судей в таком случае схожа с тем, что было в советский период, когда уровень профессионализма и образования тоже не был на первом месте среди критериев подбора судейских кадров.

Помимо вышеперечисленных компонентов, важнейшей составляющей статуса судьи является его ответственность.

Статья 12.1 Закона «О статусе судей в Российской Федерации» закрепляет возможность привлечения судьи к дисциплинарной ответственности за совершение дисциплинарного проступка, то есть за совершение виновного действия (бездействия) при исполнении служебных обязанностей либо во внеслужебное время, в результате которого были нарушены положения Закона «О статусе судей в Российской Федерации» и (или) Кодекса судейской этики, что повлекло умаление авторитета судебной власти и причинение ущерба репутации судьи. Предусматривается четыре вида дисциплинарного взыскания: замечание, предупреждение, понижение в квалификационном классе, досрочное прекращение полномочий судьи.

По мнению академика М.И. Клеандрова, «досрочное прекращение полномочий судьи – это вид не дисциплинарной, а конституционной ответственности»⁹⁴.

⁹² Апелляционное определение Апелляционной коллегии Верховного Суда Российской Федерации от 5 марта 2020 года № АПЛ 20-33 // СПС «КонсультантПлюс». – URL: <https://www.consultant.ru/> (Дата обращения: 30.08.2023 г.).

⁹³ Dzmitryieva A. Becoming a Judge in Russia: An Analysis of Judicial Biographies // *Europe-Asia Studies*. – 2021. – Vol. 73. – Issue 1. – P. 131-156.

⁹⁴ Клеандров М.И. Конституционные изменения 2020 г. и механизм правосудия: плюсы и минусы // *Государство и право*. – 2020. – № 10. – С. 7-23.

Принудительное прекращение полномочий судьи как его ответственность за определенные действия появилось в измененной в 2020 г. Конституции РФ, но не в главе о судебной власти, а в гл. 4 «Президент Российской Федерации» в тексте п. е.3 ст. 83: Президент РФ вносит в Совет Федерации представление о прекращении полномочий Председателя Конституционного Суда Российской Федерации, заместителя Председателя Конституционного Суда Российской Федерации и судей Конституционного Суда Российской Федерации, Председателя Верховного Суда Российской Федерации, заместителей Председателя Верховного Суда Российской Федерации и судей Верховного Суда Российской Федерации, председателей, заместителей председателей и судей кассационных и апелляционных судов в случае совершения ими поступка, порочащего честь и достоинство судьи, а также в иных предусмотренных федеральным конституционным законом случаях, свидетельствующих о невозможности осуществления судьей своих полномочий. М.И. Клеандров видит в этой норме сложность реализации: «Совету Федерации – его пленарному заседанию – придется досконально разбираться: есть ли в действиях судьи все названные квалифицирующие признаки дисциплинарного проступка судьи и в какой полноте это доказано»⁹⁵.

М.И. Клеандров обращает внимание на то, что «к дисциплинарной ответственности за нарушение судебской присяги судью привлечь невозможно, прежде всего из-за дефектности закрепленного действующим законодательством ядра формулы дисциплинарного проступка, позволяющего в качестве такового считать проступок этического характера»⁹⁶.

Выводы. Статус судьи с советского времени и до наших дней претерпел изменения. Можно проследить элементы новизны и преемственности в статусе судьи по судебной реформе 1922 г. и современной судебной реформе. Пожалуй, самый существенный элемент новизны – это законодательно закрепленное требование наличие высшего юридического образования (по специальности «Юриспруденция» или по направлению подготовки магистратуры «Юриспруденция» при наличии диплома бакалавра по направлению подготовки «Юриспруденция»).

За рассматриваемый период вырос возрастной ценз для судьи с 18 лет до 25 лет (для большинства составов судов). 25-летний возраст позволяет занять ответственную должность молодому человеку с небольшим жизненным опытом. В период становления советской государственности такой низкий возрастной ценз для судьи (18 лет) имел обоснование: революционные

⁹⁵ Там же.

⁹⁶ Клеандров М.И. Институт присяги российского судьи: дефектность формулы и конституционная ответственность за нарушение // Журнал российского права. – 2020. – № 2. – С. 58-71.

преобразования общественно-политического строя потребовали судей, приверженных коммунистической идеологии и революционному правосознанию, на замену судьям дореволюционного воспитания.

В отличие от советского времени, в современном российском законодательстве детально закреплены требования к качествам, составляющим психофизиологические и морально-этические компоненты статуса судьи. Но в перечне заболеваний, препятствующих занятию должности судей, отсутствуют некоторые заболевания, опасные своим влиянием на психику больного.

И в советское время, и сегодня для статуса судьи имели и имеют значение морально-этические качества. Сегодня недопустимо, чтобы судья принадлежал к политическим партиям, публично выражал свои политические взгляды. В 1920-х гг., напротив, одним из главных критериев отбора судей являлась принадлежность Коммунистической партии. В период становления советского государства было важно, чтобы судья не поддерживал личных связей с классовым врагом. Сегодня судья должен избегать личных, финансовых и деловых связей, которые могут причинить ущерб репутации, поставить под сомнение его беспристрастность. Верховный Суд Российской Федерации занимает четкую позицию по вопросу о беспристрастности судей: в случае выявления фактов, вызывающих сомнение в беспристрастности суда, дело передается на рассмотрение в суд другого субъекта Российской Федерации для достижения целей правосудия, защиты прав и свобод сторон.

Анализ статуса судьи показывает насколько важно, чтобы в механизме кадрового отбора судейского корпуса на первое место ставились образование и профессионализм, а не партийная принадлежность и личные связи.

§ 6. Бремя доказывания в уголовном и гражданском процессе: научные взгляды А.Я. Вышинского

Введение. Вопросам распределения бремени доказывания как одной из важных составляющих процесса доказывания по делу в уголовном и гражданском процессе традиционно уделяется достаточно много внимания в российской научной юридической литературе⁹⁷. Так, еще

⁹⁷ См., например: Баулин О.В. Бремя доказывания при разбирательстве гражданских дел. – М.: Городец, 2004. – С. 104; Владимиров Л.Е. Учение об уголовных доказательствах. – СПб: Законоведение, 1910. – 440 с.; Строгович М.С. Курс советского уголовного процесса: в 2 т. Т. 1. – Перераб. и доп. изд. – М.: Наука, 1968-1970. – 468 с.; Лилуашвили Т.А. Предмет доказывания и распределение доказывания между сторонами в советском гражданском процессе: автореф. дисс. ...канд. юрид. наук. – М., 1961. – С. 11-12; Познышев С.В. Элементарный учебник русского уголовного процесса. – М.: Изд. Г.А. Лемана, 1913. – 328 с.; Смирнов А.В. Презумпции и распределение бремени доказывания

И.Я. Фойницкий в своих работах указывал, что выражение «бремя или обязанность доказывания» употребляется в тройном смысле: в смысле правовой обязанности, формальной или материальной, или же обязанности фактической, отмечая при этом, что в смысле обязанности формальной это бремя означает процессуальную обязанность, лежащую на той стороне, которой, в случае если бы по делу не было представлено вообще никаких доказательств, закон угрожает опасностью потери ее требования. В смысле материальной обязанности бремя доказывания по закону ложится на сторону, на которую падает невыгода, проистекающая из неполного установления какого-либо отдельного обстоятельства. В смысле обязанности фактической бремя доказывания имеет в основании своем не предписания закона, а фактическое положение в процессе сторон, которые могут оказываться заинтересованными в том, чтобы суд принял или не принял то или иное обстоятельство как доказанное⁹⁸.

В доктрине советского цивилистического процесса юридическая природа бремени доказывания раскрывалась с различных позиций. Одни авторы полагали, что его нельзя рассматривать ни как юридическую обязанность, ни как субъективное право⁹⁹. Другие считали его фактической необходимостью, которая становится средством к достижению процессуальной цели, заключающейся в получении решения суда в свою пользу¹⁰⁰. Были обоснованы подходы к доказательственному бремени как к обязанности¹⁰¹, как к праву¹⁰² и как к праву и обязанности одновременно¹⁰³. А.Я. Вышинский резко критиковал последний подход, он писал: «Новая Конституция СССР прямо разграничивает права и обязанности. Мы наказываем по всей справедливости и строгости советских законов за нарушение обязанностей. Но никому не придет в

в уголовном процессе // Государство и право. – 2008. – № 1. – С. 62; Смирнов А.В. Формальные средства доказывания в уголовном праве и процессе. – М.: Норма, 2018. – С. 35-36, 40; Треушников М.К. Судебные доказательства. – М.: Городец, 2004. – С. 62; Фойницкий И.Я. Курс уголовного судопроизводства. Том II. – Изд. 3-е. – СПб.: Сенатская типография, 1910. – 572 с.

⁹⁸ Фойницкий И.Я. Курс уголовного судопроизводства. Том II. – Изд. 3-е. – СПб.: Сенатская типография, 1910. – С. 206-207.

⁹⁹ Яблочков Т.М. К учению об основных принципах гражданского процесса // Сборник памяти Г.Ф. Шершеневича. – М.: Бр. Башмаковы, 1915. – С. 298; Абрамов С.Н. Гражданский процесс. – М.: Юрид. изд-во МЮ СССР, 1948. – С. 198.

¹⁰⁰ Васьяковский Е.В. Учебник гражданского процесса. – М.: Бр. Башмаковы, 1917. – С. 233.

¹⁰¹ Нефедьев Е.А. Учебник русского гражданского судопроизводства. – М.: Тип. Моск. ун-та, 1909. – С. 179.

¹⁰² Юдельсон К.С. Советский гражданский процесс. – М.: Гос. изд-во юрид. лит-ры, 1956. – С. 126.

¹⁰³ Клейнман А.Ф. Советский гражданский процесс. – М.: Издательство Моск. ун-та, 1954. – С. 183.

голову наказывать кого-либо за неиспользование того или другого своего права»¹⁰⁴.

В науке получили развитие два подхода к распределению бремени доказывания: статический и динамический. Динамический подход основывается на перемещении на другого участника процесса бремени доказывания в зависимости от его выполнения, а статический – на запрете такого перемещения¹⁰⁵. Взгляды А.Я. Вышинского на бремя доказывания (*onus probandi*) относятся к динамической концепции, что продиктовано, на наш взгляд, целью и особенностями доказывания по уголовным и гражданским делам на определенном историческом этапе развития уголовно-процессуальных и гражданско-процессуальных норм в советский период, а также активной ролью суда в формулировании и доказывании предъявленного обвинения, юридических фактов, имеющих процессуальное значение¹⁰⁶. Указанные взгляды академика АН СССР, профессора, доктора юридических наук А.Я. Вышинского на бремя доказывания в гражданском и уголовном процессе будут освещены в настоящей статье.

Основное исследование. Подходы А.Я. Вышинского соответствуют научной парадигме советского периода, при этом весьма активная разработка проблем теории судебных доказательств, которую он вел, принесла свои плоды. Переход от ленинских принципов организации и функционирования государства к сталинским, усиление бюрократических и авторитарных начал в управлении обществом и государством, воплощенные в Конституции СССР 1936 года, развиваются в советской науке А.Я. Вышинским, притязавшим на «наиболее точное отражение задач и потребностей в сфере уголовной политики советского общества, которое уже в одном шаге находилось от построения основ социализма»¹⁰⁷. Социалистическому правосудию и процессу его отправления в своих сочинениях он уделял немалое внимание.

¹⁰⁴ Вышинский А.Я. К положению на фронте правовой теории. – М.: Юрид. изд-во НКЮ СССР, 1937. – С. 10.

¹⁰⁵ См.: Калиновский К.Б. Бремя доказывания в уголовном процессе: динамический или статический подходы // Юридическая истина в уголовном праве и процессе. Сборник статей по материалам Всероссийской научно-практической конференции. 16-17 марта 2018 г. / Северо-Западный филиал ФГБОУВО «Российский государственный университет правосудия». – СПб.: ИД «Петрополис», 2018. – С. 94-103.

¹⁰⁶ Роль суда в доказывании в ходе судебного разбирательства исходя из необходимости установления истины по делу определялась главами XX-XXIII Уголовно-процессуального кодекса РСФСР (утв. Постановлением ВЦИК от 25.05.1922 «Об Уголовно-процессуальном Кодексе»), главами XX-XXIII Уголовно-процессуального кодекса РСФСР (утв. Постановлением ВЦИК от 15.02.1923 «Об утверждении Уголовно-процессуального Кодекса РСФСР»), ст. 5 Гражданского Процессуального Кодекса РСФСР (утв. Постановлением ВЦИК от 10.07.1923) // СПС «КонсультантПлюс». – URL: <https://www.consultant.ru/> (Дата обращения: 23.08.2023 г.).

¹⁰⁷ Правовая наука и юридическая идеология России. Т. 2 (1917-1964 гг.): энциклопедический словарь биографий / Отв. ред. В.М. Сырых. – М.: РАП, 2011. – С. 15.

Сам А.Я. Вышинский находил свои труды «отвечающими марксистской методологии научного познания»¹⁰⁸, и, полемизируя с Наркомом СССР Н.В. Крыленко на страницах журнала «Советская юстиция», обвинял последнего в непонимании тезисов марксистско-ленинско-сталинского учения и неверном их применении в сфере судопроизводства.

В своей работе «Теория судебных доказательств в советском праве» А.Я. Вышинский, изучая вопросы бремени доказывания в советском праве, вдохновляясь положениями марксистско-ленинско-сталинского учения, уделяет внимание генезису теории доказывания в зарубежных буржуазных теориях процессуального права, а также их отражению в соответствующих правовых нормах. Так, одной наиболее подробно освещаемых в указанной работе теорий доказательств является английская теория судебных доказательств.

А.Я. Вышинский отмечает, что английская теория судебных доказательств не ставит своей целью определить заранее силу, свойства и значение каждого доказательства и не обязывает судью придавать тому или другому доказательству то значение, которое наперед ему придано самим законом; эта теория пытается дать ответ лишь на следующие вопросы:

- 1) какие факты могут быть доказываемы (*thema probanda, what facts may and what may not be proven in such cases*), т. е. тезис, подлежащий доказыванию, с чем связано учение об относимости доказательств – *theory of relevancy*;
- 2) какими доказательствами можно пользоваться для доказывания (*what sort of evidence must be given of a fact which may be proved*);
- 3) кто должен представлять доказательства или на ком лежит бремя доказывания (*by whom and in what manner the evidence must be produced, by which any fact is to be proven*), т. е. правило о бремени доказывания (*the burden of proof, onus probandi*)¹⁰⁹.

Весьма интересным является тот факт, что А.Я. Вышинский, критикуя английскую теорию доказательств, в целом поддерживает ее положения, касающиеся вопроса перехода бремени доказывания в уголовном процессе, несмотря на отсутствие в советском уголовном процессе данного принципа состязательности сторон в современном его понимании. Так, А.Я. Вышинский отмечает, что наиболее интересной и ценной частью английского доказательственного права является именно учение о бремени доказывания (*onus probandi*); основное правило этого учения гласит: «утверждающий что-либо должен доказать это» (*he who affirms must prove*); в уголовном процессе бремя

¹⁰⁸ Там же. – С. 179.

¹⁰⁹ Вышинский А.Я. Теория судебных доказательств в советском праве. – М.: Юрид. изд-во НКЮ СССР, 1941. – С. 65-66.

доказывания лежит на обвинителе по господствующему правилу: *actori incumbit probatio* (на действующем, т. е. предъявляющем какое-либо утверждение, лежит обязанность доказательства); из этого правила, однако, делаются многочисленные исключения; так, обвиняемый должен доказать факты, на которые он ссылается в свое оправдание, установить, например, *alibi*, кроме того, бремя доказывания по мере развития процесса в силу самой его диалектики неизбежно перемещается от стороны к стороне¹¹⁰.

Наряду с английской системой доказательств А.Я. Вышинский исследовал и иные теории доказательств – формальную теорию (именуемую им «системой окаменелых доказательств», когда на место убеждения судьи ставится закон, исключающий всякую оценку судьей доказательств), теорию свободной оценки (при которой суд, действующий согласно своему житейскому опыту, правильно понятыми жизненными интересами по совести оценивает доказательства). Однако особый вклад в науку он внесен теоретическим обоснованием такого незаурядного и практически значимого вопроса, как проблема судебных доказательств, которая основана на советском праве в совокупности со сложившейся ролью суда того времени. А.Я. Вышинский также уделялось большое внимание внутреннему судейскому убеждению, сформированному при рассмотрении всех обстоятельств дела с учетом сложностей познавательной деятельности судьи.

Мы видим, что и сам А.Я. Вышинский в своих работах фактически поддерживает динамический подход к бремени доказывания в уголовном судопроизводстве, обосновывая необходимость того, что стороне защиты следует доказывать обстоятельства, на которых она основывает свои возражения относительно предъявленного обвинения, выдвигая собственные версии произошедшего события.

Мотивируя свою позицию о необходимости перехода бремени доказывания, А.Я. Вышинский приводит следующие доводы: «Если обязанность доказывать правильность предъявленного обвинения лежит на обвинителе, то и обвиняемый или подсудимый не свободны от аналогичной обязанности в отношении положений, выдвигаемых ими в свою защиту, здесь действует общий принцип: *actori incumbit onus probandi* или *actori incumbit probatio* – доказывать должен тот, кто является автором положения, требующего доказательства. Прокурор обязан доказать свой обвинительный тезис. *Прокурор обвиняет А. в грабеже. Так как А., как и всякий гражданин, предполагается невиновным, пока не будет доказана его вина, иными словами, поскольку praesumptio juris идет в его пользу, то обязанность обосновать обвинение, доказать вину А. целиком лежит на прокуроре. В этом случае обвиняемый может ограничиться простым требованием: "Докажите, что я грабитель; представьте ваши доказательства".*

¹¹⁰ Вышинский А.Я. Теория судебных доказательств в советском праве. – М.: Юрид. изд-во НКЮ СССР, 1941. – С. 75.

Прокурор представляет доказательства; они бесспорны – грабеж совершил именно А. Обвиняемый признает, что он действительно отнял у потерпевшего вещи, но утверждает, что все это была заранее условленная инсценировка, шутка. Теперь положение меняется: praesumptio juris переходит на сторону прокурора, так как факты установлены, факты говорят о грабеже. Прокурору больше в этой части доказывать нечего. Теперь дело обвиняемого (А.) доказать, что это был не грабеж, а шутка. Произошло перемещение onus probandi. Такое перемещение возможно многократно по мере развертывания судебного следствия, по мере развития процесса»¹¹¹.

Данный весьма яркий пример динамического подхода А.Я. Вышинского к бремени доказывания позднее подвергался критике отечественных процессуалистов. Так, наиболее ярким противником такого подхода и сторонником статического подхода являлся профессор М.С. Строгович, который в своих работах, в частности, отмечал: «Возможно ли, чтобы бремя доказывания в процессе производства по делу в какой-либо мере или в какой-либо момент перешло на обвиняемого? На этот вопрос должен быть дан только ответ отрицательный. Обвиняемый имеет право доказывать те или иные благоприятные для него обстоятельства, но это не его обязанность; все обстоятельства, имеющие значение для дела, от которых зависит решение вопроса о виновности и степени ответственности обвиняемого, должны быть по делу исследованы и установлены независимо от того, смог или не смог обвиняемый представить доказательства тех или иных фактов. Если обвиняемый, осуществляя свое право на защиту, указал на какое-либо обстоятельство, оправдывающее его или смягчающее его ответственность, это обстоятельство обязательно должно быть исследовано, и на обвиняемого не возлагается обязанность доказать его. Утверждение обвиняемого о каком-либо благоприятном для него факте может быть отвергнуто лишь в результате проверки этого факта, но ни в коем случае не потому, что обвиняемый не доказал своего утверждения»¹¹².

Если мы будем разрешать приводимую А.Я. Вышинским ситуацию о переходе бремени доказывания на обвиняемого в текущих реалиях, необходимо опираться в первую очередь на положения статьи 49 Конституции Российской Федерации¹¹³, закрепляющую презумпцию невиновности, в том числе и

¹¹¹ Вышинский А.Я. Теория судебных доказательств в советском праве. – М.: Юрид. изд-во НКЮ СССР, 1941. – С. 163.

¹¹² Строгович М.С. Курс советского уголовного процесса. В 2 т. Т. 1. – Перераб. и доп. изд. – М.: Наука, 1968-1970. – С. 356-357.

¹¹³ Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993 с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020). Официальный текст Конституции РФ с внесенными поправками от 14.03.2020 // Официальный интернет-портал правовой информации. – URL: <http://www.pravo.gov.ru>, 04.07.2020 (Дата обращения: 23.08.2023 г.).

правило о том, что обвиняемый не обязан доказывать свою невиновность. Представляется, что указанная А.Я. Вышинским конкретная ситуация в системе действующих правовых норм будет разрешаться иначе, и бремя доказывания ситуации с хищением как инсценировки или шутки будет возлагаться исключительно на сторону обвинения, а не на сторону защиты, высказывающую такое утверждение. Так, согласно статьи 14 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации¹¹⁴ подозреваемый или обвиняемый не обязан доказывать свою невиновность, бремя доказывания обвинения и опровержения доводов, приводимых в защиту подозреваемого или обвиняемого, лежит на стороне обвинения, а все сомнения в виновности обвиняемого, которые не могут быть устранены в порядке, установленном Уголовно-процессуальным кодексом Российской Федерации, толкуются в пользу обвиняемого.

В связи с чем в рамках существующего порядка доказывания обвинения и опровержения доводов защиты представляется невозможным согласиться и с утверждением А.Я. Вышинского о том, что «было бы праздным занятием пытаться дать хотя бы приблизительный рецептарий случаев перехода *onus probandi* с одной стороны на другую, *summa summagum* правило перемещения *onus probandi* можно сформулировать лишь в том смысле, что: а) доказывание обстоятельств, подтверждающих обвинение, входит в обязанность обвинителя; б) доказывание обстоятельств, опровергающих обвинение, входит в обязанность обвиняемого»¹¹⁵.

Вместе с тем необходимо отметить, что динамический подход к бремени доказывания в рамках производства по уголовному делу в современной научной литературе авторами поддерживается и обосновывается, однако, как правило, не касается условий перехода бремени доказывания «главного факта доказывания в уголовном процессе»¹¹⁶.

Приверженность А.Я. Вышинского динамическому подходу к бремени доказывания в уголовном процессе может быть объяснена и своеобразным пониманием им принципа состязательности при производстве по уголовному делу. Так, под советским принципом состязательности он понимал состязательность сторон плюс активное участие в судебном процессе самого суда на основе гласности и равенства сторон, на основе социалистического демократизма, являющегося важнейшей гарантией правильного, справедливого

¹¹⁴ Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18.12.2001 № 174-ФЗ (ред. от 01.07.2021, с изм. от 23.09.2021) // Собрание законодательства РФ. – 24.12.2001. – № 52 (ч. I). – Ст. 4921.

¹¹⁵ Вышинский А.Я. Теория судебных доказательств в советском праве / Ин-т права Акад. наук СССР. – М.: Юрид. изд-во, 1941. – С. 165.

¹¹⁶ См., например: Смирнов А.В. Формальные средства доказывания в уголовном праве и процессе. – М.: Норма, 2018. – 240 с.

осуществления социалистического правосудия¹¹⁷. При этом принцип презумпции невиновности А.Я. Вышинским в целом толковался в привычном современным исследователям значении – как невозможность подмены обязанности обвинителя доказать вину обвиняемого обязанностью последнего доказывать свою невиновность.

Декларируемая в советском законодательстве цель достижения объективной истины и исключительно позитивистский подход не создавали предпосылок для глубокого и всестороннего исследования вопросов распределения бремени доказывания в гражданском процессе. Но вопросы правовой природы, определения критериев и особенностей распределения доказательственного бремени занимали умы выдающихся ученых того времени¹¹⁸.

В доктринальном плане важнейшей задачей советского суда А.Я. Вышинский обозначал «осуществление твердой революционной пролетарской политики», а сам пролетарский суд он видел «могущественным оружием в руках рабочего класса в борьбе за социализм»¹¹⁹. Система реализуемых мероприятий по укреплению революционной законности затронула процессуальные, а также судоустройственные нормы, которые в конечном итоге должны были укрепить диктатуру рабочего класса и социалистическое правосознание, под которым А. Я. Вышинский понимал «социалистическое сознание в области права, социалистическое представление о задачах социалистического строительства и социалистической борьбы»¹²⁰.

В основе науки советского права лежало марксистско-ленинское учение о государстве, о праве, о суде, о процессе и их роли в переходе от социализма к коммунизму. Служебная роль науки гражданского процессуального права состояла в укреплении социалистического базиса¹²¹. Социалистическое правосудие имело характерные черты, особенное значение в гражданском процессе придавалось защите социалистической собственности и социалистической системы хозяйства от различных посягательств. Сквозь призму данных задач А.Я. Вышинский формулировал сущностные черты такого многогранного процессуального явления, как доказывание при разбирательстве

¹¹⁷ Вышинский А.Я. Теория судебных доказательств в советском праве. – М.: Юрид. изд-во НКЮ СССР, 1941. – С. 163-169.

¹¹⁸ См.: Курылев С.В. Юридическая природа бремени доказывания в судопроизводстве // Проблемы гражданского права и процесса. – Иркутск. Иркутский государственный университет им. А.А. Жданова, 1970. – С. 124-137; Юдельсон К.С. Проблема доказывания в советском гражданском процессе. – М.: Госюриздат, 1951. – С. 292-293.

¹¹⁹ Вышинский А.Я. Марксистско-ленинское учение о суде и советская судебная система. Очерк второй. – М.: Сов. законодательство, 1934. – С. 32.

¹²⁰ Вышинский А.Я. Проблема оценки доказательств в советском уголовном процессе // Социалистическая законность. – 1936. – № 7. – С. 35.

¹²¹ Клейнман А.Ф. Советский гражданский процесс. – М.: Издательство Московского университета, 1954. – С. 32.

гражданских дел, придавая немалое значение проблеме распределения обязанности сторон доказывать спорные факты.

И здесь прослеживается динамический подход к бремени доказывания, формулируемый А.Я. Вышинским как «перемещение в известных процессуальных условиях обязанности доказывания»¹²².

Основу размышлений А.Я. Вышинского о распределении бремени доказывания при осуществлении правосудия по гражданским делам формируют следующие идеи: во-первых, отрицание формально-юридического подхода к процессуальным отношениям; во-вторых, отсутствие принципиальной разницы в распределении тяжести доказывания между сторонами уголовного и гражданского процесса; в-третьих, провозглашенная особенность советского доказывания, сведенная к тому, что, помимо сторон, обязанность представления доказательств лежит также и на самом суде.

Последний постулат требует процессуальной активности и инициативности судебной власти. Активная роль суда и «возможность выйти за пределы узкоюридического, формально-догматического отношения к интересам сторон» представлялись А.Я. Вышинскому значимым преимуществом советского суда перед буржуазным аналогом. Именно такое сочетание прав сторон и прав суда признавалось гармоничным. Носитель советской судебной власти обретал черты активной, инициативной, справедливой, творческой силы, действующей при этом в силу своего официального положения (*ex officio*). Советский гражданский процесс не придавал воле и конкретным действиям тяжущихся субъектов определяющего и решающего значения. Суд контролировал распоряжения сторон. При этом судом, по меткому выражению А.Я. Вышинского, должна руководить «не приблизительная уверенность в своей правоте, а безусловная, т. е. полностью соответствующая установленным по делу обстоятельствам»¹²³. Суд не только призван оказать активное содействие участникам процесса в собирании доказательств, но должен также проявлять собственную инициативу в этом, обеспечивая получение доказательств в свое распоряжение. Однако нельзя не учитывать, как писал А.Я. Вышинский, что суд работает в условиях, вызывающих необходимость ограничиться установлением наиболее существенных (а не всех и всяких) обстоятельств данного случая, определением максимальной вероятности тех или иных фактов, которые подлежат судебной оценке.

Аргументация А.Я. Вышинского подкрепляется ссылкой на параграф 11 программы ВКП(б), в котором подчеркивается, что судьи

¹²² Вышинский А.Я. Теория судебных доказательств в советском праве. – М.: Юрид. изд-во НКЮ СССР, 1941. – С. 165.

¹²³ Вышинский А.Я. Теория судебных доказательств в советском праве. – М.: Юрид. изд-во НКЮ СССР, 1941. – С. 169.

«призваны осуществлять волю пролетариата, применяя его декреты, и в случае отсутствия таковых или неполноты их руководствоваться социалистическим правосознанием». Таким образом оправдывались возможности истребования любых доказательств и выхода в решении суда за пределы исковых требований.

На недооценку субъективного начала и роли судьи не только как личности, но и носителя определенных общественно-политических идеалов А.Я. Вышинский обращал особое внимание. Ошибки в распределении бремени доказывания по мысли автора вытекали из неправильного понимания вопроса о соотношении между внутренним убеждением судьи и «объективными явлениями, с которыми имеет суд дело в качестве доказательств»¹²⁴. Примечательно, что подобные ошибки детерминированы, по мнению А.Я. Вышинского, неправильным пониманием самой гносеологической проблемы познания, которая ставит вопрос об абсолютной и относительной истине, о проблеме объективного и субъективного в познании. Теоретическую основу требования объективной истинности судебных решений составляла марксистско-ленинская теория познания, и только на основе ее могли быть решены вопросы о возможности познания фактов дела, а также о характере истины, которая провозглашается судебным решением. К установлению материальной истины в наиболее полном и исчерпывающем виде и стремились, по представлениям А.Я. Вышинского, «подлинное правосудие» и «подлинный суд»¹²⁵. Современники оценивали такие формулировки как четкие, с исчерпывающей полнотой отражающие сущность и роль советского суда и советского процессуального закона.

В своих трудах А.Я. Вышинский исследует в качестве источников советского гражданского процессуального права, содержащих положения о доказательственном бремени, не только ГПК РСФСР, но и кодексы союзных республик. Он пишет о том, что все они, несмотря на отдельные особенности организации судебных учреждений, а также имеющиеся различия в определяющих процедуры судопроизводства положениях, построены в соответствии с принципами советского судостроительства и пролетарского правосудия, хотя и выражены по-разному, «причем в иных случаях с ущербом для полноты и правильности даваемых этими "Положениями" определений»¹²⁶.

А.Я. Вышинский, анализируя исходные начала гражданского процесса, указывает на такое его преимущество перед буржуазным судопроизводством,

¹²⁴ Вышинский А.Я. Проблема оценки доказательств в советском уголовном процессе // Социалистическая законность. – 1936. – № 7. – С. 21.

¹²⁵ Вышинский А.Я. К положению на фронте правовой теории. – М.: Юрид. изд-во НКЮ СССР, 1937. – С. 39.

¹²⁶ Вышинский А.Я. Марксистско-ленинское учение о суде и советская судебная система. Очерк второй. – М.: Сов. законодательство, 1934. – С. 38.

как отсутствие «чистой» состязательности. И эта идея не была оригинальной – современные ему авторы отмечали, что «так называемые состязательность и диспозитивность гражданского процесса» делают недостижимым «изыскание материальной истины, т. е. истины, соответствующей материалам дела»¹²⁷. А.Г. Гойхбарг достаточно деликатно противопоставлял советский процесс буржуазному, подчеркивая «жизненность» первого, в котором суд свободен и обязан отстаивать действительные и реальные права и интересы¹²⁸. Нельзя не заметить, что сущность и содержание принципов советского гражданского судопроизводства определялись системой общественных отношений, в условиях которых происходило их закрепление и развитие, и толковались учеными подчас весьма своеобразно (особенно в сопоставлении с одноименными принципами буржуазных систем права)¹²⁹.

Советская диспозитивность, подразумевающая отсутствие антагонистического характера между экономическими интересами социалистического государства, социалистических организаций, рабочих, крестьян и трудовой интеллигенции, которые отстаиваются в судах, заложила действительный потенциал активности, проявляемой сторонами по предоставлению суду доказательств, подтверждающих их позицию. Советское государство в лице судей должно было оказывать помощь (и даже обеспечивать ее) в использовании предоставленных процессуальным законом возможностей.

Состязательность (по А.Я. Вышинскому) – это один из «принципов той судебной демократии, которая не может не воплощать в себе тех самых черт и особенностей, которые воплощает и вся советская социалистическая демократия... Это право на отстаивание своей точки зрения, на доказывание своей правоты...»¹³⁰. Данный принцип понимался как предоставление субъектам процесса возможности отстаивания своих утверждений перед судом посредством доказательства дозволенными законом способами фактов, выражения своей точки зрения, при этом подчеркивалась активная и руководящая роль самого судьи. Каждой стороне была дана возможность высказывать утверждения о фактах, имеющих значение для дела, доказывать правильность своих утверждений. Стороны могли вступать в спор не только по вопросу о взаимных правах и обязанностях, но также и по поводу фактической стороны дела.

¹²⁷ Зейдер Н.Б. Юридическая природа признания в гражданском процессе // Вестник советской юстиции. – 1926. – № 11. – С. 430.

¹²⁸ Гойхбарг А.Г. Курс гражданского процесса. – Москва – Ленинград: Гос. издат-во, 1928. – С. 100-103.

¹²⁹ См.: Юдельсон К.С. Советский гражданский процесс. – М.: Гос. изд-во юрид. лит-ры, 1956. – С. 39-45, 49-50.

¹³⁰ Вышинский А.Я. К положению на фронте правовой теории. – М.: Юрид. изд-во НКЮ СССР, 1937. – С. 40.

Сущность решения проблемы распределения доказательственного бремени состояла в прямой связи с исходными началами построения судебного процесса по гражданским делам, непосредственно вытекающая из положений гражданского процессуального законодательства того времени. Органическая связь исторических форм и особенностей развития самого процесса с системой распределения доказывания иллюстрировалась А.Я. Вышинским сравнительной характеристикой данного процессуального института в советском и буржуазном судопроизводствах. Преимуществом советского процесса называлось «правильное» распределение между сторонами обязанностей, которые касаются ссылок на обстоятельства дела и их доказывания.

Так, согласно статье 5 ГПК РСФСР суд должен способствовать выяснению существенных для разрешения дела обстоятельств и подтверждению их доказательствами, оказывая обращающимся к суду трудящимся активное содействие к ограждению их прав и законных интересов, дабы юридическая неосведомленность, малограмотность и подобные тому обстоятельства не могли быть использованы им во вред. Статья 76 ГПК РСФСР приводила обязательные элементы иска, среди которых – изложение обстоятельств, служащих основанием иска, и указание доказательств, подтверждающих иск. Статья 80 ГПК РСФСР обязывала суд произвести ряд действий по предварительной подготовке дела, в том числе выяснить у истца в момент подачи искового заявления того, какие могут последовать со стороны ответчика возражения по данному иску, и предложить представить необходимые доказательства для подтверждения иска.

По мнению А.Я. Вышинского, уже эти статьи указывают с достаточной определенностью, кто и в каком порядке должен представить по делу доказательства и на ком, таким образом, лежит обязанность доказывания. Однако в ГПК РСФСР содержалась еще и статья, специально оговаривающая распределение доказательственного бремени, – статья 118. Ее установления сводились к тому, что каждая сторона должна доказать те обстоятельства, на которые она ссылается как на основание своих требований и возражений. Истец доказывает те обстоятельства, на которые он ссылается как на основание своих требований, будучи обязанным еще в исковом заявлении сослаться на доказательства, ответчик же доказывает те факты, которые входят в состав его возражений на заявленный иск. В гражданском законодательстве того периода также содержался ряд указаний на распределение обязанностей по доказыванию между сторонами (например, в статьях 118, 403, 404 ГК РСФСР¹³¹).

¹³¹ Гражданский кодекс РСФСР, утв. Постановление ВЦИК от 11.11.1922 (ред. от 01.02.1949) «О введении в действие Гражданского кодекса Р.С.Ф.С.Р.» // СПС «КонсультантПлюс». – URL: <https://www.consultant.ru/> (Дата обращения: 23.08.2023 г.).

В теории гражданского процессуального права того периода принцип распределения доказательственного бремени между истцом и ответчиком подразумевал необходимость дифференцированного подхода к правопродуцивающим, правопрепятствующим и правопрекращающим фактам, обосновывающим круг процессуальных прав и обязанностей сторон. Суд не был ограничен ни признанием стороны, ни презумпциями, ни рамками заявлений сторон о фактах, он по своей инициативе мог выносить на обсуждение те из них, которые имели значение для дела, хотя и не были заявлены сторонами.

Характерной особенностью, как уже говорилось, являлась возможность представления доказательств не только сторонами, но собирание их по инициативе суда. При этом если представленные доказательства недостаточны, то суд может предложить сторонам представить дополнительные доказательства. Неполнота ссылок сторон и процессуального материала не могла быть использована против них, деятельность суда предопределяла невозможность наступления последствий нарушения бремени доказывания. Как писал К.С. Юдельсон: «В советском процессе не может быть такого случая, чтобы дело было решено против стороны потому, что она не сумела сослаться на факты, обосновывающие ее требования, и доказать их»¹³². Недоказанность иска не влекла автоматического отказа в иске, и даже если необходимых доказательств вообще не существовало, суд отказывал в удовлетворении требований не в связи с недоказанностью, а в связи с необоснованностью иска.

Такая активная роль суда, как писал А.Я. Вышинский, и гарантирует ему возможность выйти за пределы узкоюридического, формально-догматического отношения к интересам сторон. «Осуществляя эту свою обязанность, советский суд получает реальную возможность решать дело не только на основании того, что представляют суду стороны в качестве доказательств, а на основании всей совокупности обстоятельств дела, привлекая к своему рассмотрению и материалы, нередко остающиеся заинтересованной стороне неизвестными или недоступными»¹³³.

Процессуальные обязанности суда по установлению юридически значимых обстоятельств в совокупности с возможностью возбуждения дела не только самим материально заинтересованным лицом, но и прокурором позволяли реально и всемерно защитить нарушенные права, а также установить в результате судебного разбирательства истину материальную, а не юридическую. Государственное вмешательство в частноправовые отношения

¹³² Юдельсон К.С. Советский гражданский процесс. – М.: Гос. изд-во юрид. лит-ры, 1956. – С. 128.

¹³³ Вышинский А.Я. Теория судебных доказательств в советском праве. – М.: Юрид. изд-во НКЮ СССР, 1941. – С. 166.

расценивалось как признак подлинно социалистического демократизма советского гражданского судопроизводства и элемент диспозитивности гражданского процесса, «гармонически сочетающий активность сторон с активностью прокурора, активностью и инициативой советского суда»¹³⁴. Но нельзя забывать, что суд при этом не становился субъектом доказательственной деятельности, он разрешает спор, и даже будучи наделенным правом собирать доказательства, бремя доказывания на себя не возлагает.

Действующий на тот момент ГПК РСФСР – как указывал в своем труде А.Я. Вышинский, противопоставляя его положения дореволюционным, а также буржуазным процессуальным нормам, – обеспечивает суду полную и широкую инициативу в ведении судебного разбирательства, в допросе свидетелей, экспертов, в рассмотрении письменных доказательств. Кроме того, в СССР суд не связан, не ограничен, не стеснен в праве задавать вопросы, при этом ни объемом вопросов, ни их характером он не ограничен, пределы определяются лишь тем, что вопросы должны быть направлены на выяснение (уяснение) действительных прав и взаимоотношений тяжущихся. Отказ истца от иска, признание ответчиком иска, мировая сделка не имели обязательного значения для суда, и, исходя из обстоятельств дела, он мог принять их или нет. Выдающиеся ученые-процессуалисты находили соображения и выводы А.Я. Вышинского весьма убедительными и плодотворными¹³⁵.

Выводы. Проецируя взгляды А.Я. Вышинского на бремя доказывания в уголовном и гражданском процессе современного периода, необходимо отметить невозможность применения динамического подхода в уголовном судопроизводстве к вопросам доказывания виновности лица в совершении преступления, исходя из действующей презумпции невиновности и правил доказывания виновности в части распределения такого бремени непосредственно законодателем. Представляется, что действующий принцип состязательности сторон в уголовном судопроизводстве, закрепленный статьей 15 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации, к вопросам распределения бремени доказывания «главного факта доказывания в уголовном процессе» должен применяться исключительно при соблюдении презумпции невиновности, закрепленной статьей 49 Конституции Российской Федерации. В таких обстоятельствах на обвиняемого не может возлагаться обязанность по доказыванию обстоятельств, на которых он основывает опровергающие обвинение доводы в свою защиту, по аналогии с доказыванием ответчиком фактических обстоятельств, на которых он основывает возражения на исковое заявление в гражданском процессе.

¹³⁴ Клейнман А.Ф. Советский гражданский процесс. – М.: Издательство Московского университета, 1954. – С. 61.

¹³⁵ Там же. – С. 180.

Завершая ознакомление с палитрой взглядов академика АН СССР А.Я. Вышинского на распределение доказательственного бремени в отечественном судопроизводстве по гражданским делам, нельзя не заметить, что исходное положение, известное со времен римского права, о необходимости для каждой стороны доказать те обстоятельства, на которые она ссылается как на основание своих требований и соответствующих возражений, с течением времени трансформировалось в связи с изменением содержания принципов состязательности, диспозитивности и самостоятельности суда. Ныне действующий Гражданский процессуальный кодекс Российской Федерации¹³⁶ предполагает достаточно активную позицию суда, он и сейчас не сторонний наблюдатель, но независимый, объективный и беспристрастный руководитель процесса, всемерно содействующий сторонам в достижении ими своих процессуальных целей. При этом динамическая модель бремени доказывания способствует развитию субъективизма в процессе установления фактических обстоятельств и может повлечь снижение гарантий состязательности и равноправия сторон при осуществлении правосудия.

§ 7. Академик В.В. Лаптев – основоположник науки предпринимательского (хозяйственного) права

Введение. Академик Российской академии наук Владимир Викторович Лаптев – крупный советский и российский ученый, основоположник, главный теоретик и бесспорный лидер отечественной школы предпринимательского (хозяйственного) права. Научные публикации В.В. Лаптева, а их – около четырехсот, широко известны не только в России и странах ближнего зарубежья, но и в Германии, Франции, США, Великобритании, Японии, Китае.

За добросовестный труд на благо науки и экономики нашей страны Владимир Викторович неоднократно награждался государственными наградами СССР и Российской Федерации, был лауреатом Государственной премии СССР в области науки и техники. За многолетние фундаментальные исследования в области предпринимательского (хозяйственного) права Владимир Викторович в 2010 году уже в 86-летнем возрасте стал лауреатом премии «Фемида» в номинации «Юридический Олимп».

В.В. Лаптев успешно сочетал научную деятельность с преподавательской и учебно-методической работой. Так, на протяжении целого ряда лет он возглавлял кафедру предпринимательского права Академического правового

¹³⁶ Гражданский процессуальный кодекс Российской Федерации от 14.11.2002 № 138-ФЗ (ред. от 01.07.2021) // Собрание законодательства РФ. – 18.11.2002. – № 46. – Ст. 4532.

университета при Институте государства и права РАН, читал лекции, в том числе в университетах Германии, Франции, США.

Полагаем необходимым, прежде чем рассматривать научные взгляды и теоретические подходы В.В. Лаптева, обратиться к личным качествам этого замечательного человека с удивительной судьбой, поскольку его жизненный путь имеет первостепенное значение для понимания характера и стойкости настоящего ученого.

В.В. Лаптев был в полном смысле этого слова истинным российским интеллигентом. Уважительное отношение к людям, тактичность, простота в общении, а вместе с тем объективность в оценках, принципиальность и даже жесткость в смелых решениях, когда требовалось отстаивать свою позицию и доказывать истину, – вот его черты характера, к которым желательно стремиться людям, посвятившим себя науке. На всевозможных научных форумах он никогда не изображал из себя классика правовой мысли, хотя именно так и можно обозначить его достойное место в ареопаге выдающихся российских юристов.

Владимира Викторовича отличали уникальная работоспособность и умение подавать материал без витиеватых формулировок (и к месту и не к месту приводимых отдельными авторами иностранных терминов и изречений, только засоряющих чистоту научной мысли), как может излагать только человек, достигший высот науки, – убедительно, просто и понятно любому человеку.

Высочайшая образованность, великолепная память и эрудиция Владимира Викторовича удивительным образом сочетались с тонким чувством юмора. У него всегда были к месту исторические анекдоты, российский и зарубежный фольклор. Важнейшей ценностью и опорой Владимира Викторовича всегда была его замечательная гостеприимная семья, что вполне заслуживает отдельного повествования.

Цель настоящей статьи состоит в попытке определить значение научного наследия В.В. Лаптева в контексте меняющейся парадигмы правового обеспечения экономики.

Основное исследование. В.В. Лаптев родился 28 апреля 1924 года, и Великая Отечественная война самым непосредственным образом затронула его судьбу. Он ушел воевать в 17 лет добровольцем. В 1943 году на Курской дуге его артиллерийский расчет был накрыт фашистским снарядом. Весь расчет погиб, а Владимира Викторовича едва спасли; его по счастливому стечению обстоятельств обнаружили чудом уцелевшего, тяжелораненого, и он был вовремя доставлен в санбат.

Здесь весьма важно отметить, что фронтовая закалка, преодоление последствий ранения в значительной степени не раз позволяли в дальнейшем

Владимиру Викторовичу с успехом преодолевать мощнейшее сопротивление научных оппонентов, в том числе концепции хозяйственного права.

После демобилизации в 1944 году В.В. Лаптев поступил на юридический факультет Института внешней торговли Министерства внешней торговли СССР, который закончил с красным дипломом в 1949 году. Еще до поступления в вуз, работая токарем на московском заводе «Динамо», Владимир Викторович самостоятельно освоил немецкий язык, а к окончанию обучения уже владел французским и английским языками. Свободное владение иностранными языками позволило ему в дальнейшем эффективно использовать в своих работах сравнительно-правовой метод исследования.

По линии Главного управления советского имущества за границей, созданного для распоряжения имуществом, приобретенным СССР на основе «оккупационного права» после Второй мировой войны в Германии и странах союзных с ней, В.В. Лаптев был направлен на работу в Германию. Работа практикующим юристом способствовала тому, что Владимир Викторович обратился к теоретическим аспектам правового обеспечения деятельности субъектов хозяйственной деятельности.

Как справедливо отметил сторонник и сподвижник В.В. Лаптева академик НАН Украины В.К. Мамутов, практическое значение теории хозяйственного права привело к тому, что ее сторонниками стали юристы, имеющие практический опыт работы в народном хозяйстве. В рядах же противников оказывались, как правило, юристы, не прошедшие школы юридической практики. Потребность в кодификации хозяйственного законодательства ощущалась на практике¹³⁷.

Именно в результате успешного сочетания практики и теории В.В. Лаптев подготовил и в 1954 году успешно защитил во Всесоюзном институте юридических наук Министерства юстиции СССР диссертацию на соискание ученой степени кандидата юридических наук на тему «Правовое регулирование организации и деятельности народных предприятий в Германской Демократической Республике».

С Институтом государства и права Академии наук СССР, а затем – Российской академии наук, связана вся дальнейшая научная деятельность В.В. Лаптева. В нем он начал работать в 1955 году, а через несколько лет возглавил сектор хозяйственного права и правовых проблем управления промышленностью.

Главным делом жизни В.В. Лаптева с этих пор становится возрождение и развитие науки хозяйственного права, что, учитывая исторический опыт, само по себе уже было достаточно смело и даже рискованно.

¹³⁷ Мамутов В.К. Академик В.В. Лаптев – лидер советской школы хозяйственного права // Жизнь, посвященная науке. Памяти акад. В.В. Лаптева. – М.: ЮНИТИ-ДАНА, 2013. – С. 112.

Теория хозяйственного права (Wirtschaftsrecht) зародилась и получила свое обоснование в Германии в начале XX века. Наибольший вклад в науку хозяйственного права Германии и Европы в целом внес профессор Юстас Вильгельм Гедеман (1878-1963). Именно Ю.В. Гедеман основал известное объединение «Право и хозяйство» и, как следствие, учредил новую учебную дисциплину «Хозяйственное право». Связав в своих трудах право и экономику, Ю. В. Гедеман создал в Европе целую научную школу хозяйственного права. В 1922 году он издал два основополагающих труда: «Основные черты хозяйственного права» и «Трансформация понятия собственности»¹³⁸. В них, в частности, он впервые применил понятие «хозяйственность» для характеристики процессов, происходящих в экономике и неизменно отражаемых в праве. Хозяйственность как понятие у Ю.В. Гедемана характеризуется крайней напряженностью, беспримерной непрерывностью работы, подвижностью, сменой явлений, идеей максимального использования всяких положений. Таким образом, Ю.В. Гедеман по сути подошел к категории рационального хозяйствования как цели хозяйственного права¹³⁹. Примечательно, что в дальнейшем в СССР обеспечение рационального хозяйствования указывалось в качестве цели отечественного хозяйственного права¹⁴⁰. Такая цель вполне вписывается и в современное предпринимательское право.

Обратившись к истории вопроса, можно обнаружить, что хозяйственное право, не без влияния работ Ю.В. Гедемана, пробивало себе дорогу в далекую эпоху постреволюционной России. Первой на отечественной почве теорией хозяйственного права была «двухсекторная теория», основоположником которой является П.И. Стучка (1865-1932), который выделял в экономике два разных сектора – частный и социалистический; они имели прямо противоположные перспективы: первый, по его мнению, обречен на отмирание, а второй всемерно развивается и должен занять безраздельно господствующее положение¹⁴¹.

В теории П.И. Стучки отрицалась роль и необходимость дальнейшего развития гражданского права, что и не могло быть иначе в условиях проводимой тогда новой экономической политики. Сама же идея специального отраслевого регулирования хозяйственных отношений заслуживала внимания и имела практические и теоретические перспективы.

Отрицание роли гражданского права, однако, не сказалось на судьбе П.И. Стучки, чего нельзя сказать о судьбах основателей второй теории –

¹³⁸ Шишкин С.Н. Ю.В. Гедеман и становление отечественного хозяйственного права // Бизнес, Менеджмент и Право. – 2017. – № 3-4 (38). – С. 22.

¹³⁹ Там же. – С. 23-24.

¹⁴⁰ Лаптев В.В., Малейн Н.С., Абова Т.Е. и др. Хозяйственное право: учебник. – М.: Юрид. лит., 1983. – С. 23.

¹⁴¹ Стучка П.И. Курс советского гражданского права. В 3-х томах. Т. III. – М.: Государственное социально-экономическое издательство, 1931. – С. 10-11.

теории единого хозяйственного права – Е.Б. Пашуканисе (1891-1937) и Л.Я. Гинцбурге (1901-1976), которые обосновали необходимость формирования хозяйственного права как особой отрасли советского права, разработали предложения по укреплению законности в хозяйственной деятельности, установлению правовых начал в экономике, что в середине 30-х годов XX века уже не вписывалось в сформировавшуюся административно-командную систему¹⁴². Не помог им и тезис о том, что хозяйственное право является особой формой политики пролетарского государства в области организации управления хозяйством и организации хозяйственных связей.

Ошибочное предложение основоположников теории единого хозяйственного права о том, что регулирование всех отношений с участием граждан следует сосредоточить в рамках именно хозяйственного права, окончательно решило их судьбу в условиях начавшегося к тому времени политического террора. При активном и непосредственном участии академика А.Я. Вышинского теория единого хозяйственного права была отвергнута и объявлена вредительской, а ее сторонники репрессированы, причем Е.Б. Пашуканис был расстрелян. Официальный предлог был найден весьма «удачно» – защита советского гражданского права.

Теоретические обоснования, прозвучавшие на совещании по вопросам науки советского права в июле 1938 года из уст А.Я. Вышинского, говорят сами за себя: «До последнего времени советское гражданское право как особая юридическая дисциплина у нас не существовало вследствие вредительской работы врагов народа, ликвидировавших гражданское право и на его место поставивших так называемое "хозяйственное право", представляющее собой смесь троцкистско-бухаринских измышлений в области права, соединенных с приемами, прямо заимствованными у наиболее реакционных буржуазных юристов»¹⁴³.

Видимо, в этих словах был намек и на теорию Ю.В. Гедемана. Спустя годы, когда основоположники уже третьей школы хозяйственного права сослались на работы Ю.В. Гедемана, их тут же также обвинили в «сползании» к буржуазной идеологии¹⁴⁴.

Профессор Бременского университета Рольф Книпер, например, так охарактеризовал место хозяйственного права: «Пикантным образом уходят

¹⁴² Гинцбург Л.Я., Пашуканис Е.Б. Курс советского хозяйственного права. В 2-х томах. Т. I. – М.: Соцэкгиз, 1935. – С. 21.

¹⁴³ Вышинский А.Я. Основные задачи науки советского социалистического права: Доклад на I Совещании по вопросам науки советского государства и права (16-19 июля 1938 г.) // Всероссийский научный журнал «Вопросы правоведения». – 2009. – № 1. – С. 257.

¹⁴⁴ Шишкин С.Н. Ю.В. Гедеман и становление отечественного хозяйственного права // Бизнес, Менеджмент и Право. – 2017. – № 3-4 (38). – С. 22-27.

истоки школы смешанного хозяйственного права в мнения, распространенные в 20-е годы в немецкой и французской литературе, и которые позже, во время фашизма в Германии, получили определенное значение. Однако законодательные попытки уже в то время создать соответствующие законы закончились неудачей, а в конце фашизма были окончательно отвергнуты»¹⁴⁵.

В целом же после расправы с теорией единого хозяйственного права на долгие годы утвердилось решение осуществлять регулирование хозяйственных отношений в отраслях гражданского и административного права.

Имеется и иная интерпретация такой расправы в качестве «преодоления» теории единого хозяйственного права. В частности, речь идет о том, что эта теория восторжествовала лишь на некоторое время, и такое положение сохранялось до 1938 года, когда совещание научных работников в области права отвергло концепцию хозяйственного права¹⁴⁶.

Представляется, что научные теории в цивилизованном обществе не должны отвергаться и преодолеваются с помощью физических расправ, адаптированных под действующее уголовное законодательство.

Несмотря на весьма негативные оценки теории хозяйственного права, советский солдат – победитель в войне с фашистской Германией – В.В. Лаптев приступил к ее возрождению в новых исторических условиях, после XX съезда КПСС, в период так называемой оттепели и последующих, хотя и не последовательных, экономических реформ. Можно констатировать: с начала 60-х годов XX века получила свое становление и развитие третья теория хозяйственного права, концепция которой, кроме В.В. Лаптева, была представлена также и в работах В.К. Мамутова, В.С. Мартемьянова, Т.Е. Абовой, А.Г. Быкова, В.К. Андреева и др.

В 1964 году В.В. Лаптев защитил в Институте государства и права Академии наук СССР диссертацию на соискание ученой степени доктора юридических наук на тему «Правовое положение государственных промышленных предприятий в СССР». Защите диссертации предшествовал выход в 1963 году монографии с одноименным названием, в которой, в частности, были определены признаки предприятия в качестве субъекта права. В монографии особо отмечается, что было бы неправильно сводить понятие предприятия как субъекта права к понятию юридического лица, поскольку предприятие вступает не только в имущественные отношения, регулируемые гражданским законодательством, но и во многие другие

¹⁴⁵ Книпер Р. Скептические замечания по поводу необходимости разработки Хозяйственного кодекса // Российское право: образование, практика, наука. – 2011. – № 6 (77). – С. 34-37.

¹⁴⁶ Иоффе О.С. Избранные труды по гражданскому праву: Из истории цивилистической мысли. Гражданское правоотношение. Критика теории «хозяйственного права». – 4-е изд. – М.: Статут, 2020. – С. 704.

правоотношения. Это свидетельствует о том, что предприятие – особый своеобразный субъект права¹⁴⁷. Таким образом, из указанной монографии следует: предприятие – субъект горизонтальных и вертикальных хозяйственных отношений, что актуально и в настоящее время.

Основополагающей работой В.В. Лаптева в сфере хозяйственного права является монография 1969 года «Предмет и система хозяйственного права». Как отметил профессор С.С. Занковский, значение данной монографии трудно переоценить, и в настоящее время она служит едва ли не единственным источником, по которому правоведы изучают историю становления хозяйственно-правовой концепции¹⁴⁸.

В монографии также был сделан вывод о том, что привычное разделение хозяйственных отношений на административные и гражданские, сложившееся до экономической реформы шестидесятых годов, не соответствует новым условиям хозяйствования. Современные проблемы хозяйствования могут быть решены только при хозяйственно-правом подходе. Речь идет о создании самостоятельной отрасли хозяйственного права, адекватной новой экономической системе.

Одним из принципиальных выводов, сделанных В.В. Лаптевым в монографии 1969 года, является то, что отношения по руководству и осуществлению хозяйственной деятельностью предприятия и отношения между самими предприятиями становятся принципиально однородными (едиными) хозяйственными отношениями¹⁴⁹. Различия, имеющиеся между ними, – различия видовые, существующие в пределах единого родового понятия хозяйственных отношений. Среди основополагающих положений монографии 1969 года можно в том числе отметить и то, что совсем не обязательно, чтобы один из методов отрасли права занимал определяющее значение, поскольку существуют отрасли права, где разные методы регулирования применяются на началах «равноправия». К таким отраслям относится и хозяйственное право, в котором применяются: метод подчинения, метод согласования и метод рекомендаций¹⁵⁰.

Касаясь принципа законности как одного из принципов хозяйственного права, В.В. Лаптев отмечал, что представители науки гражданского права усматривали гарантию законности в хозяйственных отношениях по

¹⁴⁷ Лаптев В.В. Предпринимательское (хозяйственное) право. Избранные труды. – Екатеринбург: Бизнес, менеджмент и право, 2008. – С. 360.

¹⁴⁸ Занковский С.С. Предисловие // Лаптев В.В. Предпринимательское (хозяйственное) право. Избранные труды. – Екатеринбург: Бизнес, менеджмент и право, 2008. – С. 7.

¹⁴⁹ Лаптев В.В. Предпринимательское (хозяйственное) право. Избранные труды. – Екатеринбург: Бизнес, менеджмент и право, 2008. – С. 32.

¹⁵⁰ Там же. – С. 57.

горизонталю в четком отграничении от отношений по вертикали¹⁵¹. Однако в действительности это не так, ибо нарушение прав предприятия вышестоящим органом неизбежно сказывается и на отношениях данного предприятия с другими предприятиями. В силу тесной связи отношений по горизонтали и вертикали законность должна укрепляться и в тех и в других отношениях¹⁵².

Свое дальнейшее развитие идеи, заложенные в монографии В.В. Лаптева 1969 года, получили в коллективной монографии сектора хозяйственного права Института государства и права АН СССР «Теоретические проблемы хозяйственного права», изданной под его редакцией в 1975 году, а также в таких коллективных монографиях, как «Хозяйственное право. Общие положения» (1983 год), «Хозяйственное право. Правовое регулирование функциональных видов деятельности в социалистической экономике» (1986 год), «Укрепление законности в хозяйственных отношениях и государственный арбитраж» (1989 год).

В 1978 году выходит монография В.В. Лаптева «Правовое положение промышленных и производственных объединений», посвященная вопросам хозяйственной правосубъектности. В названной монографии Владимир Викторович установил семь признаков объединения и, исходя из них, представил определение объединения как единого производственно-хозяйственного комплекса, состоящего из предприятий, производственных единиц и других организаций, сочетающего в своей деятельности планово-организационные и производственно-хозяйственные функции, основанного на специализации и кооперировании производства, соединяющего науку с производством, обладающего хозяйственной компетенцией непосредственно или в лице своего органа управления, имеющего необходимое для его деятельности имущество и действующего на основе хозрасчета¹⁵³.

Обращаясь к правовой природе промышленного объединения, В.В. Лаптев отмечает, что экономического единства производственно-хозяйственного комплекса промышленного объединения недостаточно для признания его субъектом права, требуется иная юридическая трактовка, необходимо создание нового экономико-правового института, каковым является хозяйственная система, в которой экономическая интеграция составляющих ее звеньев не столь велика, чтобы система в целом могла быть самостоятельным субъектом права¹⁵⁴.

¹⁵¹ Братусь С.Н. Предмет и система советского гражданского права. – М.: Госюриздат, 1963. – С. 156.

¹⁵² Лаптев В.В. Предпринимательское (хозяйственное) право. Избранные труды. – Екатеринбург: Бизнес, менеджмент и право, 2008. – С. 77.

¹⁵³ Там же. – С. 428.

¹⁵⁴ Там же. – С. 438.

Необходимо особо отметить роль В.В. Лаптева в разработке проектов законодательных актов, призванных упорядочить нормативную базу регулирования хозяйственных отношений, расширить права субъектов хозяйствования, смягчить последствия применения административно-командных форм управления. Однако подготовленный в те годы проект хозяйственного кодекса, направленный на внедрение законности в управление экономикой, был отвергнут бюрократической машиной при активной поддержке цивилистической науки¹⁵⁵.

Аргументы противников принятия хозяйственного кодекса примерно сводились к тому, что все предшествующее гражданское законодательство выражает идею единства регулирования всех имущественных отношений. Экономика СССР – едина и всю хозяйственную жизнь в стране определяет и направляет народнохозяйственное планирование.

В целом хозяйственное законодательство в СССР было представлено почти целиком подзаконными актами, а принятие кодекса как акта высшей юридической силы шло вразрез с этой традицией, позволявшей властям управлять экономикой в «ручном» режиме¹⁵⁶.

Отвечая на критику концепции хозяйственного права как порожденную командной экономикой, «бессмысленную» и «несостоятельную», а в целом – поводя итоги ее развития в условиях плановой экономики, В.В. Лаптев справедливо отмечал, что смысл концепции хозяйственного права состоял не в поддержке административно-командных форм управления, а, напротив, в замене административных методов экономическими. Разумеется, что сделать это было весьма трудно в условиях действия в тот период Основ гражданского законодательства 1961 года, которые исходили из абсолютного приоритета административного акта над договором, что создавало благоприятные условия для администрирования в экономике¹⁵⁷.

Однако предложения сторонников хозяйственного права все-таки учитывались как в законодательстве, так и в правоприменении, несмотря на неоднократные отказы со стороны законодателя в принятии системообразующего нормативного правового акта.

В целом следует отметить, что третья школа хозяйственного права, работавшая положения о хозяйственном договоре вообще и о вертикальном

¹⁵⁵ Лаптев В.В. Проблемы совершенствования предпринимательского законодательства // Правовое регулирование предпринимательской деятельности / Под. ред. академика В.В. Лаптева. – М.: Институт государства и права РАН, 1995. – С. 5.

¹⁵⁶ Занковский С.С., Михайлов Н.И., Клеандров М.И. и др. Предпринимательское (хозяйственное) право в XXI веке: истоки и перспективы: монография. – М.: Проспект, 2018. – С. 24-25.

¹⁵⁷ Лаптев В.В. Проблемы совершенствования предпринимательского законодательства // Правовое регулирование предпринимательской деятельности / Под. ред. академика В.В. Лаптева. – М.: Институт государства и права РАН, 1995. – С. 5.

хозяйственном договоре в частности, о хозяйственном расчете, об ответственности вышестоящих хозяйственных органов перед предприятиями, даже в условиях командно-административной системы, в отличие от других отраслевых правовых наук, отличалась прогрессивностью взглядов, поскольку отстаивала идеи совершенствования правового регулирования экономики в целях расширения прав хозяйствующих субъектов, в т. ч. оспаривание предприятиями актов государственных органов, взыскание убытков от некомпетентного вмешательства в деятельность предприятий. Многие из этих идей вошли в действующее ныне российское законодательство как само собой разумеющееся. Это касается, например, и ответственности без вины в горизонтальных хозяйственных отношениях¹⁵⁸, закрепленной ныне в ст. 401 Гражданского кодекса РФ, хотя в свое время (в 70-е годы XX века) на авторов этого предложения высыпалось невероятное множество критических высказываний¹⁵⁹.

Переход к рыночной экономике требовал определенного пересмотра концепции хозяйственного права, а точнее сказать, ее адаптации к новым экономическим условиям, поскольку сама идея специального регулирования хозяйственной деятельности отнюдь не потеряла своей актуальности.

Хозяйственное право становится правом предпринимательской деятельности и представляет собой хозяйственное право рыночной экономики¹⁶⁰. В данной формулировке В.В. Лаптева заложен глубокий смысл: предпринимательское право появляется не на пустом месте, не с нуля, а является преемником хозяйственного права. Меняется многое, в том числе субъектный состав отрасли, учитывая появление коммерческих организаций и индивидуальных предпринимателей; коренным образом меняются принципы и многое другое. Однако три классических метода правового регулирования меняются лишь частично: так, метод подчинения заменяется методом обязательных предписаний, а метод согласования и метод рекомендаций остаются. Разумеется, все три метода наполняются новым содержанием, адекватным рыночной экономике. Кроме того, можно наблюдать, как вертикальные, горизонтальные и внутривладельческие отношения, составлявшие предмет хозяйственного права в условиях командной экономики, становятся одноименными отношениями, входящими в предмет предпринимательского права.

¹⁵⁸ Шор Л.М. Совершенствование договорно-правовых отношений в сфере материально-технического снабжения // Советское государство и право. – 1973. – № 1. – С. 43-52.

¹⁵⁹ Братусь С.Н. Юридическая ответственность и законность. – М.: Юридическая литература, 1976. – С. 196.

¹⁶⁰ Лаптев В.В. Проблемы совершенствования предпринимательского законодательства // Правовое регулирование предпринимательской деятельности / Под. ред. академика В.В. Лаптева. – М.: Институт государства и права РАН, 1995. – С. 5.

Таким образом, современная наука предпринимательского права является преемницей науки хозяйственного права, и самое активное участие в ее доктринальном оформлении принял академик РАН В.В. Лаптев. В период становления и развития рыночной экономики выходит целый ряд его фундаментальных работ: «Предпринимательское право: понятие и субъекты» (1997 год), «Акционерное право» (1999 год), «Субъекты предпринимательского права» (2003 год). В 2006 году под непосредственным руководством В.В. Лаптева издается учебник, (а по сути – монография) «Предпринимательское (хозяйственное) право», девять глав которого написал непосредственно Владимир Викторович. Особое внимание в названных работах В.В. Лаптев уделил важнейшим основам предпринимательского (хозяйственного) права в качестве самостоятельной отрасли права, как то предмет, метод, принципы, источники, субъекты.

Например, акционерное право, по справедливому замечанию В.В. Лаптева, представляет собой сложный разветвленный институт предпринимательского (хозяйственного) права, и в этом смысле на акционерное право распространяются положения о принципах, предмете, методах регулирования и субъектах предпринимательского права¹⁶¹.

Именно как научное завещание В.В. Лаптева можно рассматривать его монографию «Предпринимательское (хозяйственное) право и реальный сектор экономики», вышедшую в 2010 году.

Исходя из содержания названной работы, мы отчетливо видим, что В.В. Лаптев всегда шел не только в ногу со временем, но и предвидел дальнейшие перспективы развития предпринимательского права.

Так, Владимир Викторович показал конкретную перспективу развития внутривозрастных отношений в корпоративных предприятиях, в их взаимосвязи с корпоративными отношениями на современном этапе и пришел к выводу о необходимости дальнейшего развития концепции правовой организации внутривозрастных отношений, которая сложилась в шестидесятые годы прошлого столетия, когда в промышленности нашей страны еще не было корпоративных предприятий. В нынешних же условиях следует рассматривать внутривозрастные отношения в корпоративных предприятиях как отношения, включающие в себя два вида: первый – это внутрипроизводственные – отношения между подразделениями, а также между ними и предприятием в целом по осуществлению и организации производственно-хозяйственной деятельности; второй вид – внутрикорпоративные – представляющие собой отношения между участниками предприятия и предприятием в целом, а также между самими участниками,

¹⁶¹ Лаптев В.В. Акционерное право. – М.: Юридическая фирма «Котракт»; ИНФРА-М, 1999. – С. 3.

связанные с осуществлением прав по управлению предприятием и распоряжению его имуществом¹⁶².

Отвечая на вопрос, уместно ли проводить параллель между экономическими понятиями, относящимися к плановой и рыночной экономике, В.В. Лаптев в своих работах ответил, что сравнение и учет опыта регулирования хозяйственной деятельности в условиях плановой экономики вполне допустимы и полезны, когда речь идет не об административно-командной или рыночной основе экономических мероприятий, а о вопросах профессионального и эффективного ведения хозяйства, производительности труда, рационального хозяйствования¹⁶³. Таким образом, в данном тезисе четко и ясно сформулированы основные ориентиры преемственности современной концепции предпринимательского права.

Радикальные меры по улучшению правового регулирования экономики могут базироваться только на основе сочетания частноправовых и публично-правовых начал, что не укладывается в традиционные цивилистические представления¹⁶⁴.

По мнению В.В. Лаптева, разработка и принятие предпринимательского (хозяйственного) кодекса или иного обобщающего закона о регулировании предпринимательских (хозяйственных) отношений – перспективная стратегическая для юридической науки и для России задача, хотя эта задача не может быть решена быстро в условиях, сложившихся в нашей стране. Сейчас большое значение приобретает разработка законов «второго уровня», регулирующих отдельные, наиболее важные вопросы предпринимательской (хозяйственной) деятельности. К ним может быть отнесен закон о государственном регулировании предпринимательской (хозяйственной) деятельности, регламентирующий хозяйственные отношения по вертикали¹⁶⁵.

В рамках поднятой темы под «условиями, сложившимися в нашей стране», скорее всего, нужно понимать противодействие принятию предпринимательского кодекса со стороны отдельных научных кругов цивилистического направления. Разумеется, сейчас нет и не может быть гонений на научную мысль, тем не менее попытки «преодоления» концепции предпринимательского (хозяйственного) права не прекращаются.

Здесь уместно будет вспомнить, что именно благодаря вмешательству В.В. Лаптева предпринимательское право не исчезло совсем из номенклатуры научных специальностей, хотя и оказалось в составе

¹⁶² Лаптев В.В. Предпринимательское (хозяйственное) право и реальный сектор экономики. – М.: Инфотропик Медиа, 2010. – С. 75.

¹⁶³ Там же. – С. 3-4.

¹⁶⁴ Там же. – С. 15.

¹⁶⁵ Лаптев В.В. Вступительное слово // Предпринимательское право. Приложение «Бизнес и право в России и за рубежом». – 2010. – № 3. – С. 2.

частноправовых наук, что вызывало определенные сложности в исследовании публично-правовых проблем регулирования предпринимательства. Преодоление таких сложностей также не обходилось без активного участия Владимира Викторовича.

Наши коллеги по Евразийскому экономическому союзу в Республике Казахстан, например, преодолели мощное сопротивление оппонентов концепции предпринимательского права. В 2015 году все-таки был принят Предпринимательский кодекс Республики Казахстан. Здесь нужно отметить, что одним из разработчиков названного Кодекса является заведующий кафедрой предпринимательского права Уральского государственного юридического университета, руководитель и идеолог уральской школы предпринимательского (хозяйственного) права, профессор В.С. Белых.

В качестве примера аргументации оппонентов принятия соответствующего нормативного правового акта в наши дни вполне уместно привести следующий тезис: «На деле предложения по созданию хозяйственного (предпринимательского) или торгового (коммерческого) кодекса нередко направлены на реализацию личных амбиций, ибо наличие целого "своего" кодекса может стать базой не столько для теоретического обособления новой отрасли права, сколько для последующего создания или оправдания уже имеющейся "организационно-научной" единицы в виде соответствующей кафедры, сектора или отдела»¹⁶⁶.

На такой тезис можно ответить, что именно научная смелость и определенный риск, а не личные амбиции сопутствовали тому, что В.В. Лаптев создал научную школу, которая впервые в юридической науке сформулировала модель правового регулирования социальных связей, возникающих на основе синтеза «горизонтальных», «вертикальных» и внутривозрастных отношений¹⁶⁷.

Далеко не новым, но может быть более научным аргументом оппонентов концепции предпринимательского права является тезис о том, что различие природы публично-правовых и частноправовых отношений, связанных с осуществлением предпринимательской деятельности исключает создание общих правовых норм¹⁶⁸. Относительно такого аргумента В.В. Лаптев

¹⁶⁶ Яковлев В.Ф., Маковский А.Л., Суханов Е.А., Писков И.П. Еще раз о предпринимательском праве // Предпринимательский кодекс как орудие развала правовой системы Казахстана: сб. статей / Отв. ред. М.К. Сулейменов. – Алматы: НИИ частного права КазГЮУ, 2011. – С. 42.

¹⁶⁷ Белых В.С. Правовое регулирование предпринимательской деятельности в России: монография. – М.: Проспект, 2011. – С. 9.

¹⁶⁸ Яковлев В.Ф., Маковский А.Л., Суханов Е.А., Писков И.П. Еще раз о предпринимательском праве // Предпринимательский кодекс как орудие развала правовой системы Казахстана: сб. статей. / Отв. ред. М. К. Сулейменов. – Алматы: НИИ частного права КазГЮУ, 2011. – С. 37.

неоднократно отмечал принципиальную однородность горизонтальных и вертикальных предпринимательских (хозяйственных) отношений, поскольку и те и другие связаны с предпринимательской деятельностью. Именно на основе оптимального сочетания частноправовых и публично-правовых начал в предпринимательском праве могут в органическом единстве определяться правила осуществления и регулирования предпринимательской деятельности. Только так может быть достигнута необходимая синергия, остро необходимая для данной сферы правового регулирования.

Когнитивное разграничение взаимосвязанных горизонтальных и вертикальных предпринимательских отношений вряд ли поможет выявить их взаимозависимость и в результате смоделировать желаемое правовое регулирование.

Что касается соотношения и взаимоотношения между науками гражданского и предпринимательского права, то здесь нет и не должно быть китайской стены. Например, традиционно сделки предпринимателей и потребителей их товаров, работ и услуг наука предпринимательского права относит к территории гражданского права. Наши науки должны находиться в состоянии творческого сотрудничества и взаимного обогащения цивилистической и предпринимательско-правовой доктрин. Гражданское право, безусловно, вносит определенный вклад в совершенствование регулирования горизонтальных предпринимательских отношений¹⁶⁹.

Однако потребность в специальном отраслевом регулировании предпринимательских отношений с целью обеспечения гарантий прав субъектов предпринимательской деятельности не теряет своей актуальности, тем более в условиях глобальных проблем и вызовов, стоящих перед всем человечеством и необратимо меняющих мир. Подтверждением такому выводу является Программа фундаментальных научных исследований в Российской Федерации на долгосрочный период (2021-2030 годы), утвержденная Распоряжением Правительства РФ от 31.12.2020 № 3684-р¹⁷⁰, в которой установлено, что одной из важных задач является дальнейшее развитие предпринимательского права с опорой на идеи корпоративного права.

Кроме того, одним из перспективных направлений дальнейшего развития концепции предпринимательского (хозяйственного) права является правовое обеспечение цифровой экономики, под которой в Стратегии развития информационного общества в Российской Федерации на 2017-2030 годы,

¹⁶⁹ Шишкин С.Н. Наука предпринимательского права: преемственность и развитие // Проблемы защиты прав: история и современность: материалы XIV междунар. науч.-практ. конф., 17 октября 2019 г. / Отв. ред. Е.Б. Гоголевская. – СПб.: ЛГУ им. А.С. Пушкина, 2020. – С. 61.

¹⁷⁰ Собрание законодательства РФ. – 2021. – № 3. – Ст. 609.

утвержденной Указом Президента РФ от 9 мая 2017 г. № 203, понимается именно хозяйственная деятельность¹⁷¹.

В.В. Лаптев до конца своих дней был убежден, что хозяйственно-правовая концепция и дальше будет пробивать себе дорогу. Теоретическое обоснование необходимости надлежащего единого регулирования горизонтальных и вертикальных предпринимательских отношений и разработка конкретных практических предложений в данном направлении было и остается задачей науки предпринимательского права.

Многочисленные ученики В.В. Лаптева горды тем, что их научным наставником был замечательный человек и талантливый ученый – Владимир Викторович Лаптев. Преемственность и развитие науки предпринимательского права в должной мере обеспечиваются учеными сектора предпринимательского и корпоративного права Института государства и права РАН, кафедр предпринимательского права Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова, Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА), Уральского государственного юридического университета и других ведущих кафедр и научных центров страны.

Выводы. Академик РАН В.В. Лаптев, посвятивший всю свою научную деятельность формированию и развитию отечественной науки хозяйственного, а затем и предпринимательского права, внес значительный вклад в правовую науку в целом. Большое значение его труды имеют как для частноправовых, так и публично-правовых наук.

В.В. Лаптев пошел на определенный риск и проявил научную смелость, приступая в свое время к возрождению теории хозяйственного права, основоположники которой были репрессированы.

Под руководством В.В. Лаптева неоднократно выдвигались предложения по кардинальному изменению и совершенствованию действующего законодательства в области регулирования хозяйственных отношений.

Обоснование и отстаивание необходимости единого регулирования частноправовых и публично-правовых предпринимательских отношений с целью обеспечения гарантий прав субъектов предпринимательской деятельности – одна из главных идей научного творчества В.В. Лаптева, имеющая не только теоретическое, но и в не меньшей степени – прикладное значение. Начав свою трудовую биографию с практической правовой работы, В.В. Лаптев твердо верил в справедливость и необходимость для развития страны своих теоретических конструкций.

Обладея такими личными качествами, как уважительное отношение к людям, тактичность, Владимир Викторович никогда не позволял себе

¹⁷¹ Собрание законодательства РФ. – 2017. – № 20. – Ст. 290.

оскорбительной риторики к оппонентам концепции предпринимательского (хозяйственного) права.

Научное наследие В.В. Лаптева не только не теряет своей актуальности в настоящее время, а планомерно развивается его благодарными учениками, в числе которых находится один из авторов данной статьи. Более того, его идеи и в дальнейшем будут актуальны и востребованы на пути построения инновационной модели развития экономики и надлежащего правового обеспечения такой модели с учетом преодоления различного рода вызовов и кризисных явлений, подобных кризису, вызванного пандемией COVID-19.

§ 8. Научное наследие Александры Матвеевны Нечаевой как яркого представителя академической школы семейного права

Введение. В историю отечественной академической школы семейного права, становления и развития российского семейного законодательства Александра Матвеевна Нечаева вошла как выдающийся ученый, чьи научные идеи и представления предопределили возникновение и развитие не только отдельных норм и институтов семейного права и законодательства, но и становление семейного права как самостоятельной отрасли в системе российского права.

Следует согласиться с мнением А.М. Нечаевой, что «непосредственная работа над усовершенствованием Семейного кодекса РФ относится к прерогативе специалистов в области семейного права, учитывающих полученную ими информацию с точки зрения семейного права»¹⁷².

«Существуют такие фундаментальные положения правового регулирования общественных отношений, как предмет регулирования и метод регулирования. К ним можно добавить и цель регулирования. Общеизвестно, что обозначение предмета регулирования в том или ином кодексе, имеющем разную отраслевую принадлежность, призвано упорядочить существующие отношения, подвластные закону. Иначе будет хаос, наблюдающийся сейчас»¹⁷³. Необходимо обратить внимание, что «на современном этапе развития семейного права и семейного законодательства есть все основания для пересмотра границ предмета семейного права, иначе говоря, необходимо четко обосновать потребности и возможности вмешательства

¹⁷² Нечаева А.М. К вопросу о совершенствовании Семейного кодекса РФ // Российская юстиция. – 2017. – № 4. – С. 18.

¹⁷³ Там же. – С. 16-18.

государства в семейно-правовую сферу, определить реальные пределы семейно-правового регулирования»¹⁷⁴.

Многоуважаемый ученый, последовательно развивая в своих научных трудах академическую школу семейного права, справедливо отмечала, что «входящие в предмет регулирования Семейного кодекса Российской Федерации (далее – СК РФ)¹⁷⁵ отношения, действия не существуют изолированно, поскольку существующие в семейно-правовой сфере отношения отличаются сложностью, тем более что имеются в виду особые отношения, по-своему автономные. Вот почему их нельзя смешивать с другими, имеющими свой предмет регулирования, что не исключает их взаимодействия с СК РФ»¹⁷⁶.

Необходимо отдельно подчеркнуть, что особую актуальность представляет проблема взаимодействия частных и публичных интересов в сфере, где предполагается юридическое равенство субъектов правоотношений. Такая ситуация возникает, в частности, на этапе защиты гражданско-правовых прав и интересов многодетных семей.

Основное исследование. Говоря о семье как правовой категории, следует констатировать, что высказываемые позиции в научной литературе неоднозначны¹⁷⁷. Полагаем, что легальное закрепление данного общетраслевого термина возможно и необходимо.

Как справедливо и научно обоснованно указывает А.М. Нечаева, семья – это основа материальной и психологической поддержки человека, нормального развития детей. Таким запоздалым и очевидным символом стала именно семья, которая обеспечивает преемственность культурного наследия, в ее недрах закладываются и практически реализуются подлинные общественные ценности, нормы поведения¹⁷⁸.

Профессор О.Ю. Ильина, как и А.М. Нечаева, принадлежит к выдающимся ученым, формирующим академическую школу семейного права, и справедливо указывает, что семья как социальный институт объективно подвержен содержательным изменениям и трансформации, что находит

¹⁷⁴ Левушкин А.Н. Теоретическая модель построения системы семейного законодательства государств – участников СНГ: монография. – М.: ЮНИТИ-ДАНА; Закон и право, 2013. – С. 120.

¹⁷⁵ Семейный кодекс Российской Федерации от 29.12.1995 № 223-ФЗ (ред. от 02.07.2021) // Собрание законодательства РФ. – 1996. – № 1. – Ст. 16.

¹⁷⁶ Нечаева А.М. К вопросу о совершенствовании Семейного кодекса РФ // Российская юстиция. – 2017. – № 4. – С. 17.

¹⁷⁷ Тарусина Н.Н. Семейное право: в «оркестровке» суверенности и судебного усмотрения: монография. – М.: Проспект, 2014. – С. 96; Мананкова Р.П. Пояснительная записка к концепции проекта нового Семейного кодекса Российской Федерации // Семейное и жилищное право. – 2012. – № 4. – С. 26.

¹⁷⁸ Нечаева А.М. Семейное право: проблемы и перспективы развития // Государство и право. – 1999. – № 3. – С. 71-76.

отражение прежде всего во взаимоотношениях между членами семьи или же лицами, считающими себя семьей по тем или иным основаниям. Механизм регулирования семейных отношений характеризуется постоянством дисгармонии частных и публичных интересов при явном превалировании последних¹⁷⁹. Это находит отражение в научных трудах представителей академической школы семейного права.

В настоящее время существует объективная потребность в разработке и обосновании новых направлений совершенствования системы семейного законодательства РФ исходя из целей государственной семейной политики и имеющегося социально-правового потенциала. Неоднократно отмечалась тенденция публицизации семейного законодательства. Этот процесс обуславливается тем, что государство постоянно расширяет сферу своего вмешательства в частноправовую сферу семейных отношений в целях выполнения функций по защите прав гражданина и обеспечения его частных интересов в семейно-правовой сфере¹⁸⁰.

В своих научных работах А.М. Нечаева многократно обращает внимание на проблемы защиты прав и интересов детей в семье. Неблагополучие в положении детей в нашем обществе относится к числу проблем, требующих особого внимания и, соответственно, поиска правовых способов их разрешения. А поэтому все более актуальной становится профилактическая, предупредительная работа с семьей, в стенах которой нарушаются права, интересы ребенка любого возраста. Обычно опасность для него гнездится за закрытой дверью. Чтобы предупредить ее, важно осуществлять так называемое превентивное вмешательство, повышать уровень осведомленности о положении несовершеннолетних детей в семье. Но дело не только в предотвращении опасности для ребенка, возникающей в недрах семьи, но и в сохранении семьи, если возникает угроза ее разложения и распада¹⁸¹.

Профессор Ю.Ф. Беспалов, также относящийся к известным представителям академической школы семейного права, обращает внимание на необходимость сохранения и укрепления российской семьи во всех ее формах, одобряемых большинством россиян, обществом и государством, обеспечение ее благополучия объективно требует совершенствования ныне действующих социально-правовых механизмов заботы о данном фундаментальном явлении: государственной семейной политики; нормотворчества и

¹⁷⁹ Ильина О.Ю. Современная российская семья как договор простого товарищества // Семейное и жилищное право. – 2019. – № 1. – С. 14.

¹⁸⁰ Левушкин А.Н. Теоретическая модель построения системы семейного законодательства государств – участников СНГ: монография. – М.: ЮНИТИ-ДАНА; Закон и право, 2013. – С. 16.

¹⁸¹ Нечаева А.М. Право доступа в семью как предпосылка защиты интересов ребенка // Семейное и жилищное право. – 2010. – № 1. – С. 24.

правоприменения¹⁸². Полагаем, что это в полной мере относится и к многодетным семьям и к другим социальным институтам.

Рассматривая социально-экономическую функцию многодетной семьи как основную, считаем целесообразным легальное закрепление понятия семьи. Под семьей следует понимать круг лиц, связанных взаимными правами и обязанностями в сфере личных неимущественных и имущественных отношений, возникающих на основании родства, заключения брака, усыновления и иных юридических фактов, лежащих в основе семейных правоотношений.

По справедливому мнению А.В. Нечаевой, семейно-правовое определение семьи должно отличаться лаконизмом и четкостью: «Семья есть общность совместно проживающих лиц, объединенных правами и обязанностями, предусмотренными семейным законодательством»¹⁸³. «И только в исключительных случаях, предусмотренных законом, – писал автор, – речь может идти о лицах, которые почему-либо вместе не живут, например, речь может идти об алиментобязанных близких родственниках ребенка»¹⁸⁴.

Таким образом, общность семейной жизни, следуя взглядам А.М. Нечаевой, имела своей основой совместное проживание членов семьи, при этом сплоченность семьи как коллектива обеспечивается правами и обязанностями членов союза, предусмотренными семейным законодательством.

Семья, в том числе многодетная, является объектом правовой охраны со стороны государства, исследованию проблем которой были посвящены труды профессора А.М. Нечаевой¹⁸⁵.

Александра Матвеевна под правовой охраной понимала «создание предпосылок, условий для реализации права»¹⁸⁶ и справедливо полагала, что правовая охрана семьи «осуществляется с помощью правовой нормы, зафиксированной в виде закона»¹⁸⁷, и осуществляется благодаря охране, защите прав каждого из членов семьи (супругов, родителей, детей). Она отмечала,

¹⁸² Беспалов Ю.Ф. Право справедливости и российская семья: социально-правовой аспект // Семейное и жилищное право. – 2019. – № 2. – С. 7.

¹⁸³ Нечаева А.М. Семейное право. – М.: Юристъ, 2001. – С. 10; Нечаева А.М. Семейное право: актуальные проблемы теории и практики. – М.: Юрайт-Издат, 2007. – С. 91; Нечаева А.М. Семейное право: учеб. пособие. – М.: Юрайт, 2010. – С. 17; Нечаева А.М. Семейное право: учебник для академического бакалавриата. – М.: Юрайт, 2015. – С. 23 и др.

¹⁸⁴ Нечаева А.М. Семейное право: актуальные проблемы теории и практики. – М.: Юрайт-Издат, 2007. – С. 91.

¹⁸⁵ Нечаева А.М. Право и защита семьи государством. – М.: Наука, 1987. – 145 с.; Нечаева А.М. Проблемы охраны прав несовершеннолетних в РФ: автореф. дисс. ... д-ра юрид. наук в форме науч. докл. – М., 1995. – 57 с.; Нечаева А.М. Семейное право: актуальные проблемы теории и практики. – М.: Юрайт-Издат, 2007. – С. 88-114.

¹⁸⁶ Нечаева А.М. Семейное право: актуальные проблемы теории и практики. – М.: Юрайт-Издат, 2007. – С. 99.

¹⁸⁷ Там же. – С. 108.

что текст Семейного кодекса РФ не содержит перечня способов правовой охраны семьи со стороны государства, поскольку он сосредоточен на семейно-правовой защите членов семьи, участников семейных правоотношений¹⁸⁸.

В современной России, несмотря на увеличение числа подзаконных актов, различного рода разъяснений, касающихся как охраны детства, так и защиты прав ребенка в семье, защита прав несовершеннолетних должным образом в нашей стране на сегодняшний день не организована. Как справедливо указывала А.М. Нечаева, «отсутствие всякой упорядоченности... не позволяет говорить о наличии системы в области как охраны детства, так и защиты прав ребенка в семье, тогда как понимание того, что СК РФ представляет собой немаловажный элемент этой системы, продиктованный государством, необходимо»¹⁸⁹.

Защита прав и законных интересов членов семьи представляет собой особую актуальность. Как уже обращалось внимание ранее, особая роль в научном наследии А.М. Нечаевой отводится проблематике, связанной с определением правового статуса ребенка, особой защите его прав и интересов. В одной из своих последних научных статей А.М. Нечаева справедливо и закономерно обратила внимание на проблематику судебной защиты семейных прав ребенка, ее приоритетное значение¹⁹⁰. Безусловно, семья выступает важной ячейкой, социальной ценностью в обществе, государство должно обеспечить защиту прав членов многодетной семьи, в особенности детей, на должном социально-правовом уровне.

Безусловно, в развитие идей Александры Матвеевны необходимо отметить, что в настоящее время прослеживается существенная динамика семейно-правового регулирования в нашей стране, что позволяет говорить о новых тенденциях в развитии брачно-семейного законодательства, в частности, не только об изменении традиционных отраслевых институтов, но и о появлении новых институтов и подотраслей, изменении структуры семейного законодательства, свидетельствующем о трансформации всей его системы. Значительным изменениям подвергаются содержание и объем сферы семейно-правового регулирования. Реализуется тенденция расширения предмета семейно-правового регулирования¹⁹¹. Все это существенно обогащает науку, формирует идеи академической школы семейного права.

¹⁸⁸ Нечаева А.М. Семейное право: актуальные проблемы теории и практики. – С. 103, 108.

¹⁸⁹ Нечаева А.М. К вопросу о совершенствовании Семейного кодекса РФ. – С. 18.

¹⁹⁰ Нечаева А.М. Особенности судебной защиты семейных прав ребенка // Российская юстиция. – 2017. – № 8. – С. 14-17.

¹⁹¹ Левушкин А.Н. Реформа семейного законодательства: совершенствование структуры Семейного кодекса Российской Федерации и правового регулирования отдельных брачно-семейных отношений // Актуальные проблемы российского права. – 2017. – № 5. – С. 31.

Фундаментальное значение для общества имеет то, что действующий СК РФ основан на классических семейных ценностях, которые характерны для большинства многонационального населения России, передаваемые из поколения в поколение. Научные работы А.М. Нечаевой основаны именно на провозглашении и отстаивании традиционной модели российской семьи и защите подлинных семейных ценностей, интересов наиболее незащищенных членов семьи, детей.

А.М. Нечаева указывала на то, что в основном многодетные семьи относятся к числу неблагополучных в подлинном смысле этого слова, где родители пьянствуют, не осуществляют элементарной заботы о своих детях, а получаемое на детей государственное пособие тратят на алкоголь. Подобного рода ситуация не просто сводит на нет правовую охрану государством многодетных семей, а стимулирует аморальное поведение родителей, оставляя без элементарной помощи детей любого возраста, что представляет особую опасность для детей малолетних. Низкие доходы и отсутствие перспективы их повышения оказывают негативное влияние на экономическое положение семей, особенно в совокупности с высокой иждивенческой нагрузкой. При установившемся уровне заработной платы, даже при обоих работающих родителях и получении ими заработной платы на среднем по народному хозяйству уровне, семьи с детьми чаще других оказываются за чертой бедности. Таким образом, одним из важнейших направлений правовой охраны семьи является ее материальная поддержка, которую в настоящее время трудно назвать осязаемой¹⁹².

При правильном родительском подходе к воспитанию дети из многодетных семей обладают более мобильной психикой, устойчивее к стрессам и лучше адаптируются в любом коллективе.

В последнее десятилетие своей жизни Александра Матвеевна Нечаева много времени посвятила деятельности, направленной на совершенствование семейно-правового регулирования общественных отношений на уровне внесения изменений в Семейный кодекс РФ. В своих многочисленных научных трудах она анализировала тенденции развития семейных правоотношений, определяла меры, предпринимаемые с этой целью со стороны научного сообщества и правоприменительных органов. Многоуважаемый ученый обращала внимание на особенности обновления действующего СК РФ, на порядок работы по его модернизации, на критические замечания по тексту проекта Концепции по совершенствованию семейного законодательства.

Безусловно, справедливым видится утверждение профессора А.М. Нечаевой в отношении того, что работа над усовершенствованием

¹⁹² Нечаева А.М. Семейное право: актуальные проблемы теории и практики. – М.: Юрайт-Издат, 2007. – 280 с.

действующего СК РФ имеет свои особенности. Во-первых, она проходит на фоне явного неблагополучия в сфере семьи, особенно той ее части, которая относится к обеспечению права ребенка на жизнь и воспитание в семье. Во-вторых, она тесно связана с конкретизацией причин, объясняющих необходимость переделки этого Кодекса¹⁹³.

Несмотря на увеличение числа подзаконных актов, различного рода разъяснений, касающихся как охраны детства, так и защиты прав ребенка в многодетной семье, защита прав несовершеннолетних должным образом в нашей стране на сегодняшний день не организована. Как справедливо указывала А.М. Нечаева, «отсутствие всякой упорядоченности ... не позволяет говорить о наличии системы в области как охраны детства, так и защиты прав ребенка в семье, тогда как понимание того, что СК РФ представляет собой немаловажный элемент этой системы, продиктованный государством, необходимо»¹⁹⁴.

По меткому утверждению профессора А.М. Нечаевой, «некоторые семейно-правовые проблемы решаются с помощью СК РФ, а потому ряд его положений нуждается в обновлении»¹⁹⁵. Как представляется, использование новой методологии, основанной на понимании комплексной (межотраслевой) природы семейных отношений, их взаимодействии с гражданско-правовыми и социальными правоотношениями, позволяет выйти на качественно иной уровень научно обоснованных исследований и выявить новые государственно-правовые закономерности взаимодействия норм различной отраслевой принадлежности: семейного, гражданского, предпринимательского и социального законодательства.

Обратим особое внимание на то, что отношения между супругами, детьми и родителями **в многодетных семьях**, так называемые супружеские и детско-родительские правоотношения, прошли сложный путь своего становления, поступательного развития и нормативного регулирования на уровне отраслевого законодательства. В настоящее время такие правоотношения регулируются преимущественно семейным и социальным законодательством. Российское семейное законодательство в основном регулирует взаимоотношения между родителями и детьми в области воспитания ребенка, в области имущественных прав ребенка, а также в области защиты интересов и прав детей из многодетных семей, в том числе и в отношениях со сторонними лицами.

¹⁹³ Нечаева А.М. Семейный кодекс – путь к переменам // Российская юстиция. – 2015. – № 3. – С. 14-18.

¹⁹⁴ Нечаева А.М. К вопросу о совершенствовании Семейного кодекса РФ // Российская юстиция. – 2017. – № 4. – С. 18.

¹⁹⁵ Нечаева А.М. Семейный кодекс – путь к переменам // Российская юстиция. – 2015. – № 3. – С. 14-18.

Укажем на такой значимый социально-правовой институт, как многодетная семья. Многодетные семьи вправе получать помощь в следующих сферах: сфера предоставления гуманитарной помощи, которая оказывается государственными, негосударственными и частными компаниями, а также частными лицами, которые занимаются оказанием гуманитарной помощи нуждающимся категориям населения и благотворительной деятельностью на благо нуждающихся; сфера строительства, если речь идет о возведении своего жилого помещения для многодетной семьи, в том числе при осуществлении индивидуального жилищного строительства; сфера образования в части помощи при получении образования на различных уровнях от дошкольного до высшего образования; сфера оказания правовой помощи многодетным семьям, если речь идет о получении представителями таких семей консультаций в отношении защиты своих прав или получения различного рода прав и привилегий; сфера предоставления материальной помощи в виде перечисления пособий (денежная помощь) или передачи вещей, которые необходимы таким семьям. Для каждого из перечисленных видов помощи есть свой механизм получения, а также государственные органы, в которые следует обращаться за получением такой помощи.

Выводы. Полагаем, что в настоящее время существует объективная потребность в разработке и обосновании новых направлений совершенствования системы семейного законодательства Российской Федерации исходя из целей государственной семейной политики и имеющегося социально-правового потенциала. Неоднократно отмечалась тенденция публицизации семейного законодательства. Этот процесс обуславливается тем, что государство постоянно расширяет сферу своего вмешательства в частноправовую сферу семейных отношений в целях выполнения функций защиты прав гражданина и обеспечения его частных интересов в семейно-правовой сфере.

Безусловно, А.М. Нечаева внесла неоценимый вклад в развитие доктрины семейного права, определяла основные проблемные аспекты правового регулирования семейных отношений, формировала систему научных взглядов в рамках академической школы семейного права. Александра Матвеевна на страницах периодической печати подробно анализировала процесс совершенствования СК РФ по мере поступательного развития нашего общества, предлагала пути совершенствования семейного законодательства, которые получают дальнейшую разработку в современных научных изысканиях в рамках семейно-правовой направленности с общим вектором развития академической школы семейного права в русле отстаивания традиционной модели российской семьи и семейных ценностей¹⁹⁶.

¹⁹⁶ Левушкин А.Н. Научное наследие и значение трудов А.М. Нечаевой для развития науки семейного права // Семейное и жилищное право. – 2018. – № 5. – С. 17.

Необходимо признать, что в процессе формирования и реализации государственной политики в сфере охраны детства в Российской Федерации именно семье принадлежит приоритетное место. Семья является первым воспитателем ребенка и средой передачи духовного богатства, культурных традиций, формирования ценностных ориентаций. Поэтому создание благоприятных условий для воспитания и социализации детей в семье надо рассматривать как одно из направлений государственной политики в сфере охраны детства.

В заключении подчеркнем, что диапазон доктринальных и профессиональных интересов в системе становления академической школы семейного права А.М. Нечаевой необычайно широк и многогранен. В своих научно-практических трудах А.М. Нечаева достаточно подробно анализировала практически все сферы семейно-правового регулирования, что характеризует целостность ее работ и значительный вклад в становление академической школы семейного права. При всем многообразии вопросов, которые разрабатывались профессором А.М. Нечаевой, немаловажное значение имел институт семьи и защиты прав детей, который, безусловно, является основополагающим в системе отрасли права.

§ 9. Вклад А.М. Нечаевой в развитие науки отечественного семейного права

Введение. Многие юристы учились по учебнику «Семейное право», автором которого была профессор Александра Матвеевна Нечаева. Учебник отличали краткость и четкость формулировок, что и предопределило его успех и признание среди других фундаментальных работ подобного рода.

Надо признать, что такой особенный стиль подачи материала прослеживался во всех работах профессора А.М. Нечаевой, а их немало. В основном ее исследования были посвящены охране детей, их прав и интересов, поскольку она рассматривала ребенка и отношение к нему общества как один из факторов общественного развития¹⁹⁷. Но также имелись работы, посвященные проблемам общей теории семейного права и практики его применения¹⁹⁸.

¹⁹⁷ Булаевский Б.А. Правовая охрана интересов ребенка (памяти А.М. Нечаевой) // Вестник Университета им. О.Е. Кутафина (МГЮА). – 2019. – № 2. – С. 118, 120.

¹⁹⁸ Нечаева А.М., Летова Н.В., Максимович Л.Б. Конституционные основы семейного права // Двадцать лет Конституции Российской Федерации: юридическая наука и практика / В.Н. Медведев, А.А. Гришковец, В.В. Альхименко и др. – М.: Институт государства и права РАН, 2013. – С. 55.

В этой статье авторы остановятся лишь на некоторых проблемах семейного права, о которых писала профессор А.М. Нечаева, предлагая решения, которые и сегодня актуальны.

Основное исследование

Брак как союз мужчины и женщины. Профессор А.М. Нечаева всегда стояла на страже классических семейных ценностей и традиционного брака. Она отсекала любые попытки толкования брака в том числе как и однополого союза. В статье 12 Семейного кодекса РФ¹⁹⁹ нет определения понятия «брак» как союза мужчины и женщины. Подчеркивая то обстоятельство, что это союз лиц разного пола, российское законодательство занимает четкую позицию относительно признания однополых браков, что исключает разнотолки по поводу непризнания нашим государством набирающего в мире силу заключения браков между лицами одного пола как одного из проявлений свободы личности²⁰⁰.

Спустя шесть лет после выхода работы профессора А.М. Нечаевой были внесены дополнения в Конституцию РФ²⁰¹, сейчас в ней прямо говорится о защите института брака как союза мужчины и женщины (п. «ж.1» ст. 72).

Важно отметить не только недопустимость заключения однополого брака в России, но и невозможность признания такого брака в России, заключенного за ее пределами (по крайней мере, если такой брак заключен с участием граждан РФ).

Правовым основанием для такого вывода выступают положения ст. 158 и 167 СК РФ. В соответствии с п. 1 ст. 158 СК РФ браки между гражданами РФ и браки между гражданами РФ и иностранными гражданами или лицами без гражданства, заключенные за пределами территории РФ с соблюдением законодательства государства, на территории которого они заключены, признаются действительными в РФ, если отсутствуют предусмотренные ст. 14 СК РФ обстоятельства, препятствующие заключению брака. Несмотря на то, что ст. 14 СК РФ не называет в качестве обстоятельств, препятствующих заключению брака, одинаковый пол вступающих в брак лиц, признание однополых браков в России невозможно. Отечественное международное частное

¹⁹⁹ Семейный кодекс Российской Федерации от 29.12.1995 № 223-ФЗ (ред. от 02.07.2021) // Официальный интернет-портал правовой информации. – URL: <http://www.pravo.gov.ru> (Дата обращения: 30.08.2023 г.).

²⁰⁰ Нечаева А.М. О Концепции совершенствования семейного законодательства // Социально-юридическая тетрадь. – 2015. – № 5. – С. 5.

²⁰¹ Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993 с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020) // Официальный интернет-портал правовой информации. – URL: <http://www.pravo.gov.ru> (Дата обращения: 30.08.2023 г.).

право в этой ситуации задействует иной механизм ограничения применения иностранного права – публичный порядок. В силу ст. 167 СК РФ нормы иностранного семейного права не применяются в случае, если такое применение противоречило бы основам правопорядка (публичному порядку) Российской Федерации. В этом случае применяется законодательство Российской Федерации. Иначе говоря, последствия применения нормы иностранного права о допустимости однополого брака противоречат публичному порядку Российской Федерации, поскольку на уровне Конституции закреплена квалификация брака как союза мужчины и женщины.

Проблема воспитания детей в неполных семьях. Профессор А.М. Нечаева относила к числу неблагоприятных семей неполные семьи, «ставшие таковыми в результате расторжения брака родителей или возникшие без регистрации брака. Они чаще других попадают в разряд семей, где складывается тяжелая ситуация. Соотношение браков и разводов со временем существенно не меняется. В 2011 г. на 1000 браков приходилось 509 разводов, в 2012 г. их было 529»²⁰².

Сегодня по-прежнему более половины браков расторгаются. Количество зарегистрированных браков в 2019 г. – 950 167, а количество оформленных разводов в 2019 г. – 620 730. Количество зарегистрированных браков в 2020 г. – 770 760, количество оформленных разводов в 2020 г. – 564 033²⁰³.

В 2013 году Д.А. Медведев выдвинул предложение поднять госпошину за развод до 30 тысяч рублей²⁰⁴. Идея не была поддержана, но Правительство РФ в 2014 г. повысило размер госпошины за регистрацию расторжения брака с 400 рублей до 650 рублей. При разводе через суд необходимо уплатить еще и 600 рублей в качестве госпошины. Такое повышение пошлин проблему не решило.

Во многих странах развод сложно получить, если в браке у супругов родились несовершеннолетние дети, там для сохранения семьи и принятия обдуманного решения применяется институт сепарации (Великобритания, Франция, Италия, США, Швейцария, Австралия). В нашем законодательстве такой институт не закреплен, но сказано, что муж не имеет права без согласия жены возбуждать дело о расторжении брака во время беременности жены и в течение года после рождения ребенка (ст. 17 СК РФ). Имеющееся ограничение расторжение брака представляется авторам

²⁰² Нечаева А.М. Детское равноправие и равенство в семейно-правовой сфере // Социально-юридическая тетрадь. – 2014. – № 4. – С. 20.

²⁰³ Антонова К. Развод в цифрах – статистика разводов в России // Планета Закона. – URL: <https://www.planeta-zakona.ru/blog/razvod-v-tsifrakh-statistika-razvodov-v-rossii.html/> (Дата обращения: 30.08.2023 г.).

²⁰⁴ Медведев Д.А. Идею о повышении госпошины за развод нужно еще обсудить // РИА Новости. – URL: <https://ria.ru/20130923/965241452.html> (Дата обращения: 30.08.2023 г.).

недостаточным, они предлагают на этот же срок ввести сепарацию – раздельное проживание супругов: ведение разных банковских счетов, раздельное питание и ведение домашнего хозяйства и т. д. В этой связи из перечисленных выше стран вполне может быть заимствован опыт Австралии, где в соответствии с Законом о семейном праве 1975 г. № 53 заявление о расторжении брака основывается на том, что брак распался безвозвратно. При этом в судебном разбирательстве, возбужденном по такому заявлению, основное считается установленным и решение о разводе выносится, если и только если суд убедится, что стороны разошлись и впоследствии проживали отдельно друг от друга в течение непрерывного периода не менее 12 месяцев, непосредственно предшествующих дате подачи заявления о расторжении брака. Решение о разводе не выносится, если суд считает, что существует разумная вероятность возобновления сожительства²⁰⁵.

При мирном разводе супруги чаще всего заключают нотариальное соглашение об уплате алиментов и договариваются о порядке общения с ребенком отдельно проживающего родителя. При конфликтном разводе мамы зачастую не дают ребенку общаться с папой, а папа и не настаивает, но встречаются и споры между родителями об определении места жительства детей.

На этот случай Верховный Суд РФ в Постановлении Пленума от 27.05.1998 № 10 «О применении судами законодательства при разрешении споров, связанных с воспитанием детей»²⁰⁶ разъясняет, что суд при определении места жительства ребенка принимает во внимание возраст ребенка, его привязанность к каждому из родителей, братьям, сестрам и другим членам семьи, нравственные и иные личные качества родителей, отношения, существующие между каждым из родителей и ребенком, возможность создания ребенку условий для воспитания и развития (с учетом рода деятельности и режима работы родителей, их материального и семейного положения, имея в виду, что само по себе преимущество в материально-бытовом положении одного из родителей не является безусловным основанием для удовлетворения требований этого родителя), а также другие обстоятельства, характеризующие обстановку, которая сложилась в месте проживания каждого из родителей.

Профессор А.М. Нечаева в своих работах также уделяла внимание определению привязанности ребенка к каждому из родителей: «Говоря о привязанности ребенка к каждому из родителей как к важному фактору соблюдения

²⁰⁵ Закон о семейном праве Австралии 1975 г. № 53 (в ред. от 20.11.2020) // Federal Register of Legislation. – URL: <https://www.legislation.gov.au/Details/C2020C00374> (Дата обращения: 30.08.2023 г.).

²⁰⁶ Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 27.05.1998 № 10 (ред. от 26.12.2017) «О применении судами законодательства при разрешении споров, связанных с воспитанием детей» // СПС «КонсультантПлюс». – URL: <http://www.consultant.ru/> (Дата обращения: 30.08.2023 г.).

интересов несовершеннолетнего, важно иметь представление о причинах его симпатии (антипатии) к каждому из них, знать, как она проявлялась на разных этапах его жизни, стало ли ее причиной стремление любой ценой завоевать расположение сына, дочери накануне, в частности, судебного процесса. Особую сложность представляет выявление привязанности у детей подросткового возраста, когда невозможно не принимать во внимание трудности их пребывания в переходном периоде взросления, когда свойственный им нигилизм мешает определению их интересов. Наличие или отсутствие привязанности ребенка к истцу, ответчику подчас предопределяет решение суда»²⁰⁷.

Можно сказать, что профессор А.М. Нечаева раскрыла дополнительные критерии для установления привязанности к каждому из родителей, которые прямо не были разъяснены в Постановлении Пленума Верховного Суда РФ от 27.05.1998 № 10 «О применении судами законодательства при разрешении споров, связанных с воспитанием детей», но могут быть востребованы судами, рассматривающими дела об определении места жительства детей.

Выявив, что ребенок более привязан к отцу, чем к матери, суд в соответствии с изложенными выше разъяснениями оставляет ребенка проживать с отцом. И такие решения суды выносят вне зависимости от возраста ребенка, если факты говорят о привязанности к отцу.

Так, истец, отец ребенка, обратился в суд с требованием к матери о расторжении брака и определении места жительства ребенка. В обоснование иска суд указал, что состоял с ответчиком в зарегистрированном браке с 20.05.2014 г. От брака имели общего ребенка – сына Захара. С начала 2018 г. семейные отношения с ответчиком фактически прекратились, совместное проживание стало невозможным по причине злоупотребления супругой алкоголем, в результате чего появилась агрессия, неадекватное поведение, многочисленные попытки суицида, постоянные угрозы расправы и причинения вреда истцу. Воспитанием ребенка мать перестала заниматься, из детского сада неоднократно забирала ребенка в нетрезвом состоянии. В мае 2018 г. сказала, что поедет к матери в г. Анапу, а вернулась домой только в октябре 2018 г. Ребенок проживал с истцом, который занимается его воспитанием, образованием, полностью его содержит материально, так как ответчик является безработной, никакой помощи не оказывает.

Рассматривая данное дело, суд установил, что фактические брачные отношения между сторонами прекращены, несовершеннолетний Захар проживает с отцом и бабушкой в г. Темрюке, где ребенок посещает детское образовательное учреждение, прикреплен к детской поликлинике.

²⁰⁷ Нечаева А.М. Интересы ребенка как объект семейно-правовой защиты // Государство и право. – 2012. – № 1. – С. 77-85.

Мать ребенка проживает в г. Анапе, однако из письма Управления по вопросам семьи и детства Анапы, направленного в ответ на поручение суда первой инстанции о проведении жилищно-бытовых условий ответчицы, следует, что место ее жительства установить не удалось. Доказательств наличия у матери другого жилого помещения не представлено.

Согласно акту обследования условий жизни несовершеннолетнего, составленному Управлением по вопросам семьи и детства по месту жительства истца, ребенок имеет отдельную комнату, обеспечен всеми необходимыми вещами и принадлежностями, играми по возрасту, детский велосипед, электромобиль, самокат. В достаточном количестве имеются продукты питания. Жилищные условия хорошие, созданы условия для полноценного развития несовершеннолетнего ребенка.

Также установлено, что отец имеет постоянное место работы, постоянный доход, позволяющий содержать сына. По месту работы и жительства характеризуется положительно.

Согласно заключению педагога-психолога, представленному в материалы дела, наиболее трепетные, теплые и положительные эмоции ребенок испытывает к отцу.

Также судом первой инстанции были опрошены свидетели, которые пояснили, что неоднократно видели ответчицу в нетрезвом состоянии, она ночью отсутствовала дома, истец ее искал.

Аналогичные факты изложены в общественной характеристике председателя совета многоквартирного дома, в котором стороны совместно проживали.

При таких обстоятельствах суд пришел к выводу о целесообразности определения места жительства ребенка с отцом²⁰⁸.

При вынесении решений об определении места жительства детей суды также учитывают привязанность братьев и сестер.

Так, отец детей обратился в суд с иском к бывшей супруге о передаче ему на воспитание сына 2003 года рождения, указывая, что решением суда было определено место жительства несовершеннолетних детей 1997 года и 2003 года рождения. Место жительства сына 1997 г. р. определено с отцом, а сына 2003 г. р. – с матерью. Между тем в сентябре 2007 г. ответчица вывезла сына 2003 г. р. к своей матери в Белоруссию, и ребенок в настоящее время проживает с бабушкой. Учитывая, что мать в настоящее время воспитанием ребенка не занимается, просил определить место жительства сына и передать на воспитание ему – отцу. Тем более, что старший брат несовершеннолетнего находится на его, отца, воспитании. Из-за того, что

²⁰⁸ Апелляционное определение Краснодарского краевого суда от 02.07.2019 № 33-24049/2019 // СПС «КонсультантПлюс». – URL: <http://www.consultant.ru/> (Дата обращения: 30.08.2023 г.).

ребенок вывезен в Белоруссию, ни он, ни старший брат не имеют возможности для общения. Ребенок в течение длительного времени не проживает с матерью, находится у бабушки, тем самым лишен возможности общения не только с родителями, но и с родным братом. Какие уважительные причины побудили мать такой период времени не заниматься воспитанием своего сына, переданного ей на воспитание, суд первой инстанции не выяснил, он посчитал, что проживание ребенка в другом государстве в течение более чем полугода, является временным. Решение было отменено и дело направлено на новое рассмотрение²⁰⁹.

Однако даже после определения места жительства ребенка проблема психологических сложностей в неполной семье не снимается, так как ребенок остается без одного из родителей, даже если он периодически с ним общается, на что обращала внимание профессор А.М. Нечаева²¹⁰.

Проблема одиноких матерей. Профессор А.М. Нечаева обращала внимание на то, что увеличение числа внебрачных связей (так называемых гражданских браков) способствует росту количества одиноких матерей, которые наделяются государством целым рядом льгот создаются предпосылки для формирования чувства родительской безответственности. Вот почему не состоящая в браке женщина-мать, попавшая в трудную жизненную ситуацию, должна ограничиться правом на получение помощи в виде социального патронажа, который следует предусмотреть в СК РФ²¹¹.

Авторы полностью разделяют позицию профессора А.М. Нечаевой о том, что поощрять одиноких матерей государственными выплатами не следует.

Сегодня государство одинаково помогает одиноким родителям – тем, кто является единственным родителем (т. е. второй родитель умер, пропал без вести, не вписан в свидетельство о рождении), опекунам и попечителям, если ребенок остался без попечения единственного родителя или обоих родителей в связи с их смертью, признанием их безвестно отсутствующими, объявлением их умершими. Не справедливо уравнивать людей, которые сознательно обрекают ребенка жить и воспитываться в неполной семье, надеясь на помощь государства (одинокие матери) и тех, кто стал опекуном, попечителем или потерял мужа. Размер ежемесячного пособия на ребенка составляет пятьдесят процентов региональной величины прожиточного минимума для детей, установленной на дату

²⁰⁹ Кассационное определение Судебной коллегии по гражданским делам Калининградского областного суда от 20.02.2008 № 33-550/2008 // СПС «КонсультантПлюс». – URL: <http://www.consultant.ru/> (Дата обращения: 30.08.2023 г.).

²¹⁰ Нечаева А.М. Детское равноправие и равенство в семейно-правовой сфере // Социально-юридическая тетрадь. – 2014. – № 4. – С. 23.

²¹¹ Нечаева А.М. Национальная стратегия действий в интересах детей и семейное законодательство // Государство и право. – 2013. – № 2. – С. 74.

обращения за назначением такого пособия. Средний размер ежемесячного пособия в 2021 г. 5 650 рублей²¹².

Пятьдесят процентов региональной величины прожиточного минимума для детей небольшая сумма, но она была бы хорошей помощью бедным полным семьям, которые создают условия своему ребенку воспитываться в полной семье, а женщина, желающая родить ребенка для себя, может заранее позаботиться о финансовой подушке безопасности.

Если же одинокая мать не сделала этого, то для уменьшения социального сиротства представляет интерес инициатива итальянских законодателей о возможности подачи заявления об усыновлении в отношении еще не рожденного ребенка. Такой механизм может быть применен по отношению к беременным женщинам, решившим отказаться от ребенка при рождении. При этом договоренность об усыновлении ребенка, возникшая до момента рождения ребенка, должна быть подкреплена согласием матери и после рождения, в ином случае усыновление не будет продолжено. Данная мера может быть особенно востребована в связи с уменьшающимся количеством отказа матерей от новорожденных²¹³.

Тайна усыновления. Профессор А.М. Нечаева считала спорным вопрос о тайне усыновления, которую предусматривает ст. 139 СК РФ: «Тайна усыновления ребенка охраняется законом». Национальная стратегия действий в интересах детей на 2012–2017 годы²¹⁴ также рекомендовала переход к системе открытого усыновления с отказом от тайны усыновления. Отсюда необходимость в коренном изменении ст. 139 СК РФ с сохранением этой тайны только в случае имитации беременности, создающей полную иллюзию, что усыновитель – биологический родитель ребенка. И только такому усыновителю принадлежит право на тайну усыновления²¹⁵.

Авторы горячо поддерживают точку зрения профессора А.М. Нечаевой и считают, что в остальных случаях, не связанных с имитацией беременности, должна быть установлена обязанность усыновителей по достижении

²¹² Постановление Правительства РФ от 28.06.2021 № 1037 «Об утверждении Правил назначения и выплаты ежемесячного пособия женщине, вставшей на учет в медицинской организации в ранние сроки беременности, и ежемесячного пособия на ребенка в возрасте от 8 до 17 лет в части, не определенной Федеральным законом "О государственных пособиях гражданам, имеющим детей", а также перечня документов (копий документов, сведений), необходимых для назначения указанных пособий, и форм заявлений об их назначении» // Собрание законодательства РФ. – 2021. – № 27 (часть III). – Ст. 5416.

²¹³ Смолина Л.А., Задесенская Я.В. Институт усыновления в России и странах Европы: сравнительное теоретико-правовое исследование. – М.: Юрлитинформ, 2014. – С. 151.

²¹⁴ Указ Президента РФ от 01.06.2012 № 761 «О Национальной стратегии действий в интересах детей на 2012-2017 годы» // Официальный интернет-портал правовой информации. – URL: <http://www.pravo.gov.ru> (Дата обращения: 30.08.2023 г.).

²¹⁵ Нечаева А.М. Национальная стратегия действий в интересах детей и семейное законодательство // Государство и право. – 2013. – № 2. – С. 75.

усыновленным возраста восемнадцати лет предоставить ему данные о его биологическом происхождении, которые должны обязательно содержать сведения о состоянии здоровья ребенка²¹⁶.

Уже после публикации соответствующей работы ученого Конституционный Суд РФ признал тайну усыновления не абсолютной, приняв постановление от 16.06.2015 г. № 15-П «По делу о проверке конституционности положений ст. 139 СК РФ и ст. 47 Федерального закона "Об актах гражданского состояния" в связи с жалобой граждан Г.Ф. Грубич и Т.Г. Гущиной»²¹⁷.

Проверяя конституционность указанных норм, Конституционный Суд РФ отметил, что в ситуациях усыновления сведения о происхождении ребенка, хотя они и имеют конфиденциальный характер, могут оказаться незаменимыми для раскрытия генетической истории семьи и выявления биологических связей, составляющих важную часть идентичности каждого человека, включая тайну имени, места рождения и иных обстоятельств усыновления, в частности при необходимости выявления (диагностики) наследственных заболеваний, предотвращения браков с близкими кровными родственниками и т. д. В таких случаях речь идет об удовлетворении лицом определенного информационного интереса, который состоит в том, чтобы знать о происхождении своих родителей, о своих предках.

В итоге Конституционный Суд РФ пришел к выводу, что проверяемые положения законодательства не противоречат Конституции РФ, поскольку по своему конституционно-правовому смыслу эти положения не препятствуют предоставлению по решению суда потомкам усыновленного после смерти усыновленного и усыновителей сведений об их усыновлении в объеме, необходимом для реализации ими своих конституционных прав.

Далее уже Верховный Суд РФ при рассмотрении конкретного дела сделал вывод о том, что при условии осведомленности усыновленного лица о факте своего усыновления такому лицу не может быть отказано в предоставлении сведений о его происхождении, поскольку указанные сведения необходимы в том числе для раскрытия генетической истории семьи, а также выявления (диагностики) наследственных заболеваний²¹⁸.

Выводы. Научное наследие профессора А.М. Нечаевой содержит ответы на многие проблемы семейного законодательства, не потерявшие своей актуальности и сегодня.

²¹⁶ Смолина Л.А., Задесенская Я.В. Институт усыновления в России и странах Европы: сравнительное теоретико-правовое исследование. – М.: Юрлитинформ, 2014. – С. 151.

²¹⁷ Вестник Конституционного Суда РФ. – 2015. – № 5.

²¹⁸ Обзор судебной практики Верховного Суда Российской Федерации № 3 (2018) (утв. Президиумом Верховного Суда РФ 14.11.2018) (ред. от 26.12.2018) // СПС «КонсультантПлюс». – URL: <http://www.consultant.ru/> (Дата обращения: 30.08.2023 г.).

Отношение к браку как союзу мужчины и женщины является одним из основополагающих воззрений ученого, направленных на сохранение в нашей стране классических семейных ценностей и традиционного брака. В этих целях следует признать обоснованным также и отказ в признании на территории России однополых браков в случаях, когда граждане России выезжали за границу в целях их заключения (противоречие публичному порядку).

При решении вопроса об определении места жительства ребенка суды исходят прежде всего из привязанности ребенка к каждому из родителей. В этой связи оказались удачно востребованы правоприменительной практикой и по-прежнему могут применяться такие критерии определения привязанности, как причины симпатии (антипатии) ребенка к каждому из родителей, знание о том, как она проявлялась на разных этапах его жизни, стало ли ее причиной стремление любой ценой завоевать расположение сына, дочери накануне, в частности, судебного процесса.

Рост количества одиноких матерей, которые наделяются государством целым рядом льгот, ведет к тому, что создаются предпосылки для формирования чувства родительской безответственности. Представляется справедливым наделение таких матерей правом на получение помощи в виде социального патроната (вместо льгот) и в развитие данного подхода – изучение идеи подачи заявления об усыновлении в отношении еще не рожденного ребенка (Л.А. Смолина, Я.В. Задесенская).

Отказ от тайны усыновления может быть объяснен необходимостью раскрытия генетической истории семьи, выявления и диагностики наследственных заболеваний, предотвращения браков с близкими кровными родственниками, избавления от тревоги и психологических проблем в будущем. Есть смысл сохранить тайну усыновления только в случае имитации беременности, в остальных случаях должна быть установлена обязанность усыновителей по достижении усыновленным возраста восемнадцати лет предоставить ему данные о его биологическом происхождении, которые должны обязательно содержать сведения о состоянии здоровья ребенка.

Справедливо отметил А.Н. Левушкин, что «многие коллеги, ученики, студенты и просто благодарные читатели будут хранить светлую память об этом выдающемся ученом, жизнелюбивом человеке, прекрасной женщине, всю свою жизнь посвятившей преданному служению отечественной науке семейного права, обществу, интересам семьи, детей и людям»²¹⁹.

²¹⁹ Левушкин А.Н. Научное наследие и значение трудов А.М. Нечаевой для развития науки семейного права // Семейное и жилищное право. – 2018. – № 5. – С. 16.

Глава II.

ВКЛАД РОССИЙСКОЙ АКАДЕМИИ НАУК В РАЗВИТИЕ ТЕОРИИ ГОСУДАРСТВА И ПРАВА

§ 1. Право как этносоциокультурный феномен в академических теориях правопонимания

Введение. Право можно представить в предельно широком контексте с позиций общеправового подхода как этносоциокультурный феномен. И такой подход вполне оправдан в силу того, что появление зачатков правовых воззрений относится к глубокой древности, когда еще только зарождается род человеческий и априори существуют некие морально-правовые требования, запреты (выражаясь современным языком), определившие позже прогрессивный вектор развития первых цивилизаций.

На выбор авторами темы статьи оказала большое влияние либертарно-юридическая концепция, предложенная академиком В.С. Нерсесянцем. Как любая оригинальная концепция, она вызывает на размышление. Авторам статьи хотелось бы обратить внимание на те методологические подходы, в рамках которых обосновывается либертарно-юридическая модель. Это безусловно выстроенная на формально-логическом, абстрактном уровнях схема объяснения природы права. В качестве «математики права» Нерсесянец берет свободу, ибо право – онтологически, гносеологически и аксиологически – включает в себя свободу²²⁰. Право рассматривается как субстанция в единстве трех сущностных черт – «всеобщей равной меры регуляции, свободы и справедливости». Право с точки зрения субстанционального подхода выступает как сущность и имплицитно включает существование (правовая онтология), позволяющее с экзистенциально-смысловой стороны выявить ценностное основание прав человека. Субстанция, включающая существование, есть нечто абсолютное, то есть субстанциональный подход предполагает осмысление права с точки зрения целостности, системного подхода. Системный подход для понимания права требует включенности в философско-мировоззренческую картину мира. Кроме того, анализ права с позиции онтологии, гносеологии и аксиологии будет не полным без антропологии.

Для определения внутреннего единства онтологии, гносеологии, аксиологии и антропологии в понимании сущности права обратимся к формально-фактической (терминология В.С. Нерсесянца) стороне понимания права. Для этого необходимо в качестве методологических приемов использовать

²²⁰ Нерсесянец В.С. Философия права: либертарно-юридическая концепция // Вопросы философии. – 2002. – № 3. – С. 3.

компаративно-исторический (историко-философская реконструкция) и системный подходы.

Философско-мировоззренческая картина мира и ценностное основание прав человека

В философско-мифологической картине мира представления о праве носят трансцендентный, сакральный характер. Боги воплощают морально-правовые ценности, носившие абсолютный характер, определяют нравственно-правовой порядок в человеческих отношениях, формируют сакрально окрашенные идеи, то есть подлинные представления о реальном мире в сознании человека, о справедливости и возмездии. Представления о праве рассматриваются в терминах порядка, гармонии, меры, справедливости. Мифологическое мировосприятие затрагивает экзистенциальные основы человеческого бытия, отражающие жизненные циклы: рождение, юность, зрелость, смерть, воскрешение. В этом онтологическая глубина мифа, олицетворяющая периодически повторяющуюся смену смерти и жизни в природе.

На уровне мифологического, иллюзорного мировоззрения в первобытном обществе существуют обычаи, которые соблюдаются добровольно в силу убеждения в их правильности, необходимости и значимости для общины, рода, племени. В этот же период складываются элементарные нормы поведения, которые выражают обычаи, традиции, интересы всех членов первобытного сообщества. По мере развития общественных структур изменяются и предписания, вырабатываются определенные нормативные требования. Наиболее простыми нормами поведения людей являются единые обычаи и традиции в конкретной общине, племени, которые в большей степени выражают нравственные устои в форме запретов, табу, предписаний. С этой точки зрения мораль возникает значительно ранее, чем правовые нормы, которые, на наш взгляд, выходят из нравственных аксиом и ныне развиваются в русле тесного взаимодействия.

С возникновением государства и его институциональных основ происходит дифференциация социальных норм на правила поведения, обусловленные традициями, обычаями, выработанными определенными социальными группами, различающимися по своему месту в системе общественного устройства, по отношению к себе и другим людям. Господствующими нормами, регулирующими общественные отношения, становятся те, которые наиболее полно отражают интересы не только властных структур, но и тех слоев населения, на которые они опираются. Кроме того, от элементарных, внутренне единых обычаев, существующих в родоплеменной формации в форме запретов, табу, общество переходит к установлению объективно возникших норм и правил, регулирующих общественные отношения, тесно

связанных с нравственными постулатами, которые условно можно назвать «предзаконами».

Древнегреческая цивилизация провоцирует появление новых тенденций в философском миропонимании в целом и в правовых воззрениях в частности. Трансформация мировоззренческих установок, а с ними и правовых представлений происходит в Древнем Риме. Цицерон констатирует, что «высшее благо есть жизнь»²²¹. И далее: «... человек рожден природой для жизни»²²². Так, в рамках космоцентризма появляется признание ценности жизни. В XX веке право на жизнь (ст. 3 Всеобщая Декларация прав человека 1948 г.) будет отнесено к фундаментальным правам человека. Идеи права в космоцентрической картине оказываются безусловными, включенными в космическое мироздание как совершенные. Человек воспринимается как часть этого упорядоченного целого и представляет собой микрокосмос. Хотя в дальнейшем философская рефлексия античности идет от упорядоченности (жесткий детерминизм Демокрита) до признания случайности и свободы воли, понятие «свобода воли» не разрушает целостность мира. Свобода в онтологическом основании мифа и античной культуры существует в хао-космосе. Оргиастический культ производящих сил природы воплощается в мистериях. Сущность мистерий, связанных с праздником Диониса, сводится к свободе-хаосу, преодолевшему человеческую ограниченность для достижения полного освобождения, «обретения свободы и непосредственности, не характерных для человеческих существ»²²³. Свобода-хаос подразумевает свободу от запретов, социального порядка, соединение с жизненными космическими силами. Свобода в рамках космического порядка, целостности (Космоса) предполагает знание и соответствие этому целому, например судьбе как субстанции мира (стоики). Сакральные, религиозно-мистические представления служат связывающим звеном естественного порядка вещей и общественной жизни людей, способствуя нормативной упорядоченности полиса. Обратим внимание на понимание права (*jus*) в Дигестах Юстиниана²²⁴. Трактовка понятия (*jus*) не выходит за рамки космоцентризма, то есть признания законов природы божественными, поэтому они носят универсальный обязательный характер. Поскольку человек является частью этого целого, то,

²²¹ Цицерон М.Т. О пределах блага и зла. Парадоксы стоиков. – М.: Российский государственный гуманитарный университет, 2000. – С. 141.

²²² Цицерон М.Т. О государстве. О законах. О старости. О дружбе. Об обязанностях. Речи. Письма. – М.: Мысль, 1999. – С. 105.

²²³ Элиаде М. История веры и религиозных идей. От каменного века до элевсинских мистерий. – М.: Академический Проект, 2019. – С. 447; Трубецкой С.Н. Метафизика в Древней Греции. – М.: Мысль, 2003. – С. 115.

²²⁴ Дигесты Юстиниана. Титул I. О правосудии и праве (*De iustitia et iure*) // История Древнего Рима. – URL: <http://ancientrome.ru/ius/i.htm?a=3300101001> (Дата обращения: 25.08.2023 г.).

естественно, и природа человека должна соответствовать этим законам. Природа человека заключается в его разумности и социальности. В рамках этой целостности существует иерархичность законов: божественные природные законы, носящие императивный, обязательный характер и включающие принцип справедливого и доброго; законы собственно человеческие; затем законы конкретного гражданского общества, которые не отделяются от естественного права и выражают полезность для всех или, по крайней мере, для большинства в обществе, будь то судебное решение, по которому вынесен окончательный судебный приговор или постановление магистрата.

Теоцентристская парадигма по существу уравнивает естественное право античности с *Deus natura, id est, Deus*, законы природы воплощаются в Божественный промысел. Августин представляет государство и общество как естественные, божественные институты.

Признание ценности личности и ее достоинства находит отражение и в учении об обществе и государстве в средневековой философии. Государство существует на благо его граждан. По существу, повторяется тезис Цицерона о государстве «как народном достоянии», воспроизводится признание социальной природы человека. Человек не может жить вне общества, в этом его *naturalis necessitas*. И в античности, и в средневековье человек рассматривается как родовое существо, хотя этика заботы о себе (эпикурейство) предполагает наличие самодостаточного человека, достигающего атараксии через свободу от внешних сил и страстей, а в христианстве при выделении личностного начала, т. е. субъекта, обладающего свободной волей, права человека не были обозначены, так как для этого нужно было признать самодостаточность отдельного (человека) и его существование вне целого (по своим законам)²²⁵. Обязанности преобладают над правами, поэтому в схоластике (Ф. Аквинский) речь идет не о правах человека, а о природной склонности человека, «склонности по природе». Да, человек имеет права, но базисом этих прав выступает закон природы – человеческая сущность и вечный закон. Эти права касаются права на жизнь, права на вступление в брак и воспитание детей, права на обучение, «права знать истину о Боге и жить в обществе»²²⁶. Это – своего рода социальные права, провозглашенные схоластикой. Отпадение отдельного от Абсолюта (свободная воля без Божьей благодати) трансформируется в свободу произвола (негативное определение свободы, данное Августином).

²²⁵ Фуко М. Управление собой и другими. Курс лекций, прочитанных в коллеже де Франс в 1982-1983 учебном году. – СПб.: Наука, 2011. – С. 170, 195, 296.

²²⁶ Аквинский Ф. Сумма теологии. Ч. 1. Вопросы 1-64 = Sancta Thomas Aquinas. Summa Theologiae. Pars Prima. Quaestiones 1-64. – М.: Издатель Савин С.А., 2006. – С. 47.

Антропоцентризм Нового времени и правовая антропология

Антропологический поворот в мировосприятии Нового времени XVII–XVIII вв. обозначает понимание естественного права через призму социального бытия человека. С позиции механистической картины мира общество воспринимается как совокупность атомарных индивидов в их автономном существовании. Происходит смещение вектора с универсального онтологизма, когда естественное право анализируется с позиции сущностных структур космоса или сотворенной природы, в антропологизм в попытке отказа от системного субъективизма. Сохраняется целостное представление о мире (классическая механистическая картина мира с ее жестким детерминизмом). Механистическая картина мира экстраполирует механизм не только в сферу опытной науки, но и видит в нем корреляты природы человека и общества. Идея физического равновесия распространяется и на общество (теория общественного договора), поэтому свобода определяется как познанная необходимость или в духе механики Ньютона как отсутствие препятствий к действию²²⁷ или как отсутствие «внешних препятствий для движения»²²⁸. Философия Декарта, эмпиризм в английской философии (Локк, Юм) обозначает интерес к индивидуализму и концепту «тело» (человек-машина Ламетри). У Локка индивидуальное тело обладает ценностью. Тем самым делается поворот к антропологически обоснованной свободе в обществе и анализу социального бытия в его трансформации от естественного состояния в гражданское. Переход от *status naturalis* в *status civilis* обеспечивает и гарантирует социальный порядок членов общества. В гражданском обществе возможна «та безопасность и защита», которых ждут люди. Ради этого «оно было первоначально учреждено и ради которого они в него вступили»²²⁹. Зародившиеся буржуазные отношения строятся на основе менового обмена и уважения к праву собственности, особенно приобретенного благодаря собственным усилиям.

О влиянии протестантизма на ранний либерализм обращают внимание А.Ф. Лосев и Б. Рассел²³⁰. Становится понятным, почему право на собственность стали относить к прирожденным правам человека и неотчуждаемым от него. В «Трактате о государственном правлении» Дж. Локк выделяет три прирожденных права человека (естественное право сводится к естественному закону), признаваемых в естественном состоянии, и гарантируемых государством в *status civilis* – право на жизнь, собственность и свободу, составляющие основу правового порядка. Так появляется правовая антропология с ее идеями

²²⁷ Гоббс Т. Соч. в 2-х томах. Т. 1. – М.: Мысль, 1984. – С. 608.

²²⁸ Гольбах П.А. Избранные произведения в 2-х томах. Т. 2. – М.: Соцэкгиз, 1963. – С. 340.

²²⁹ Локк Дж. Соч. в 3-х т. Т. 3. – М.: Мысль, 1988. – С. 316.

²³⁰ Рассел Б. История западной философии. – М.: Академический проект, 2009. – С. 719; Лосев А.Ф. Эстетика Возрождения. – М.: Мысль, 1982. – С. 371.

«неуравнительного равенства», формального равенства, включающего юридическое равенство возможностей и притязаний на основе свободного обмена, равенство без субординации и подчинения. Равенство основывается на равенстве основных прав. Свобода есть там, где есть закон. Закон гарантирует индивидуальное право на то, чтобы распоряжаться своей личностью (тело, сознание, свобода действия) и собственностью «как ему угодно», не испытывая ограничения и насилия со стороны других при условии, если это не запрещено законом²³¹. Правовая формула Локка ложится в основу эмансипирующего законодательства. Правовая доктрина Локка предвосхищает утилитаризм Бентама и включает моральный аргумент – понятие «общее благо», единство индивидуальных и общественных интересов, по крайней мере в будущем: объединение индивидов как независимых свободных агентов действия в сообщество для удобства и мирной жизни, удовольствие/страдание, достижение счастья, являющиеся двигателем желаний и т. д. Следует отметить, что учение о правах человека становится ядром правовой антропологии и в англоязычной литературе, понятие «право» (right) относится преимущественно к правам человека, иногда к правам органов власти (права Парламента), в остальных случаях используется термин «закон» (law), «естественный», «позитивный», но не естественное/позитивное право, включая философию права²³².

Подчеркнем, что учение о правах человека Локка основывается на их иерархичности и теологическом фундаменте. Понятия «естественные права», «естественный закон» – теоретическое наследие античности и схоластики. Появляется концепция универсальных прав человека (жизнь и свобода), конкретизированная в правах человека и гражданина (свобода совести, передвижения и т. д.). Впервые речь идет о правах, а не об обязанностях. Понимание прав человека как фундаментальных не рассматривает осмысление человека как единичной субъективности, а определяется все той же природой человека (разумностью, отождествляемой с благоразумием в экономической деятельности, социальностью), поэтому права человека понимаются все в рамках той же целостно субстанциональной модели мира и воспринимаются как онтологически предзаданные. Конечно, историческое время оказало влияние на концепцию прав человека Локка. Гражданских прав были лишены бедные, не имеющие собственности женщины, что дало основание рассматривать позднее теорию Локка как маскулинную, а провозглашенные права негарантированными, которые необходимо дополнить социально гарантированными правами²³³.

²³¹ Локк Дж. Соч. в 3-х т. Т. 3. – М.: Мысль, 1988. – С. 275.

²³² Gray Ch.B. (ed.). *The Philosophy of Law: An Encyclopedia*, vol. 1, 2. – N.Y. and London: Garland Publishing Inc. 1999. – 486, 512 p.

²³³ Tudor J. *Modern Political Thinkers and Ideas: A Historical Introduction*. – London; N.Y.: Routledge, 2002. – P. 112-149.

Такой же универсалистский подход можно обнаружить и у Канта в его «Метафизических началах учения о праве». Право представляет собой априорную систему права: закон, который обязывает нас a priori через разум, исходит от воли высшего законодателя... (стало быть, от Божьей воли)²³⁴. Индивидуальная свобода морального агента осмысливается в контексте законопослушания, то есть позитивно, из уважения к закону как таковому, die Freiheit im positive Verstand. Свобода мыслится в категориях модальности du kannst, denn du sollst. Рассмотрение общества как совокупности партикулярных волей отводит роль фундаментальным правам как базису для «баланса интересов», поддержания плюрализма различных представлений о концепции блага. Фундаментальные права носят абсолютный характер и являются неотчуждаемыми. Требуется веротерпимость к различным философским и религиозным взглядам.

Вместе с тем доктрина прав человека и теория общественного договора о взаимности власти и юрисдикции, об отношении к власти в случае нарушения ею общественного договора и его невыполнения допускает на законных основаниях сопротивление власти. Наиболее в радикальной форме это выражается в Декларации прав человека и гражданина 1789 г. во Франции. Д.С. Милль анализирует другую сторону отношений власть-подданные. В каких рамках и при каких условиях государство может вмешиваться в сферу индивидуальной свободы? В либеральную трактовку свободы Милль вводит понятие harm-principle, обозначаемое как принцип патернализма. Все, что причиняет прямо вред индивиду или обществу или включает в себе прямую опасность для них, все это должно быть изъято из сферы индивидуальной свободы и должно быть отнесено к сфере нравственности или закона²³⁵. В дальнейшем идеи патернализма были проанализированы Г. Хартом и Р. Дворкиным²³⁶. Государство и общество, безусловно, на основе закона и общественного мнения может вмешиваться в действие и сферу личных интересов, если подобное вмешательство представляет собой наилучший интерес для индивида – «морально или физически». Принцип патернализма порождает волну критики. Да, с одной стороны, если рассматривать его в тотальности, он воспроизводит ветхозаветную отеческую форму власти, а с другой – не взятой в его тотальности, выступает оправданием вмешательства государства в различные сферы общественной жизни –

²³⁴ Кант И. Метафизика нравов; Метафизические начала учения о праве. – СПб.: Изд. П.П. Сойкина, 1903. – 60 с.

²³⁵ Милль Д.С. Утилитаризм. О свободе. – СПб.: Изд-во И.П. Перевозникова, 1900. – С. 354-355.

²³⁶ Hart H. The Concept of Law. – Oxford: Clarendon Press, 1961. – 380 p.; Dworkin R. Paternalism // Monist. – 1972. – No. 56. – Iss. 1. – P. 64-84; Dworkin R. Law's Empire. – Cambridge, Mass.: Harvard University Press, 1972. – P. 65.

экономику, образование, медицину и пр. Такой патернализм является основой формирования социальных прав и позитивной, гарантированной свободы. Еще во времена Римской империи «богатство и бедность волнуют всех сильнее всего образом» (Цицерон).

С появлением теории марксизма встает вопрос о гарантированных правах: естественные права должны быть гарантированы. А это возможно только при единстве гражданских прав с социальными – право человека на труд, социальную защищенность, социальное обеспечение, помощь семье, матери и ребенку, достаточный уровень жизни, право на образование и приобщение к культурным ценностям, в настоящее время – на экологическую среду обитания. Марксизм способствовал осознанию социальных прав человека, в первую очередь на достойную жизнь и преодоление нищеты. Какой смысл говорить о свободе, равенстве, справедливости, если твой удел – борьба за выживание? В 3-х томной энциклопедии о правах человека в разделе «Международное право» провозглашается, что нищета (*extreme poverty*) не совместима с правами человека²³⁷.

Глобализация и права человека

В дальнейшем субстанционально-целостная картина мира, в рамках которой человек воспринимается как часть целого, начала пересматриваться сначала с идеи о смерти *Deus Omnium Creator* у Ницше (еще раньше в идее человекобожества эпохи Возрождения) и появления Сверхчеловека (*Uberschmensch*) с его неприятием *Gesetzmässigkeit der Vernunft*, «законнической» морали Канта. Сверхчеловек обходится без сакральных и коллективных санкций, «сам назначает себе меру своего уважения и презрения к другим»²³⁸. Возникает идея богоравной свободы, выступающей против морально-правовых запретов, смешивается «воедино творец и тварь». Провозглашается экзистенциальный бунт (философия абсурда А. Камю), направленный на конечные цели человека и Вселенной, протест против его смертности. Правда, в процессе бунта забываются его истоки и ценности²³⁹. Единичная субъективность отпадает от целого, божественно-природного порядка и его проекции на общество и начинает существовать по своим законам. Намечается пересмотр естественных законов и их критика, появляется интерес к патологии и отклонениям всякого рода (многие герои произведений Ж.-П. Сартра страдают психическими заболеваниями, сексуальными отклонениями и т. д.). Такая

²³⁷ Lewis J.R., Skutsch C. *The Human Rights Encyclopedia*. Vol. 3. – Armonk: M.E. Sharpe, Inc., 2001. – P. 834.

²³⁸ Behler E. *Derrida – Nietzsche. Nietzsche – Derrida*. – Munchen: Ferdinand Schöningh, 1988. – P. 30.

²³⁹ Камю А. *Бунтующий человек*. – М.: Изд.-во политической литературы, 1990. – С. 135.

богоравная свобода есть свобода хаоса («свобода есть ничто в экзистенциализме») без признания живородящих сил природы и связи с сакральным.

Новая антропологическая установка, помещенная в постмодернистский дискурс, провозглашает курс на нонконформизм против доксы и догматизма, а это требует пересмотра границ дозволенного, «греха», нормы и патологии (в социологии вводится понятие *minority group*). В контексте введенного понятия социальная структура измеряется не только в рамках классового, гендерного, расового измерения, а включает группы, чье социальное бытие не отличается устойчивостью и признанием общественного мнения. Необходимо было узаконить их права. Казалось, что в этом плохого. Права узаконены, все должны жить в мире и согласии, как того требуют правовые ценности, но в десакрализованной Вселенной утрачивается тот абсолютный фундамент естественно-божественного, который составляет иерархический порядок прав человека. Происходит «скатывание» в правовой релятивизм. В римском праве к нормам естественного права относится брак между мужчиной и женщиной, рождение и воспитание детей. Теперь происходит легализация однополых браков. Толерантность, существовавшая в раннем либерализме в политико-гражданской сфере, проецируется на естественные законы. А учитывая ремифологизацию сознания современной цивилизации и ее озабоченность проблемами преодоления старости и достижения «вечной молодости», то рано или поздно она попытается нарушить последние табу, связанные с педофилией, каннибализмом и инцестом. И это нас отнюдь не шокирует – «только смерть и исчезновение ужасают нас до глубины души, особенно в эпоху, когда наука, технологии и генетика все ближе к тому, чтобы искусственно синтезировать жизнь и бессмертие»²⁴⁰. В итоге «либеральный релятивизм с его антропоцентризмом и идеологией прав человека» западной культуры позиционируется как универсальная модель социальной и духовной жизни с попыткой его экспорта в другие страны мира.

Матрица отношений древнегреческого мира (в модели «эллины – варвары») воспроизводится и в современном мире. Если ты не принимаешь эту модель, то оказываешься в лагере варваров и попадаешь под санкции: «...пересаженные на другую почву идеи редко бывают такими плодотворными, какими они были на своей родной почве»²⁴¹. С этим сталкивается Европейский Союз, в состав которого вошли государства с разным уровнем развития экономики, культурными ценностями, религиозными конфессиями. Возникают проблемы морального, политического и правового характера. На каком основании и как это все объединить? Известно, что экспорт

²⁴⁰ Бауман З., Донскис Л. Моральная слепота. Утрата чувствительности в эпоху текущей современности. – СПб.: Изд.-во Ивана Лимбаха, 2019. – С. 329.

²⁴¹ Рассел Б. История западной философии. – М.: Академический проект, 2009. – С. 724.

либеральной релятивистской модели в мусульманский мир приводит к разрушению государственности в этих странах (Ливия, Ирак, Афганистан) и огромному потоку беженцев в Европейский Союз. Толерантность становится идеологическим конструктом проводимой политики «открытых дверей». Казалось бы, намечается тенденция к космополису, единению всех и вся в едином глобальном пространстве, к миру и дружбе, усиленной новыми технологическими процессами и верой в реализацию прямой демократии через глобальный коммуникационный процесс, а общество и виртуальная демократия существуют рука об руку. Киберпространство поднимает вопрос о старом идеале утопического характера – о прямой демократии через глобальный коммуникационный процесс в масштабе космополиса. Закон играет фундаментальную роль в новом устройстве мира: граждане рассматривают общество как состоящее из переговорных взаимодействий между свободными, равными индивидами, входящими в добровольные ассоциации. Либеральная модель ориентируется на отдельного индивида, в лучшем случае, являющегося представителем добровольной ассоциации. А народ, представляющий другую культуру? В реальности – рост национализма, экстремизма и терроризма, возврат к архаике, оргиастической вседозволенности, но без ее первоначального орфико-пифагорейского смысла как причастия, очищения души, то есть связи с сакральным. Эта свобода-хаос рассчитана на эпатаж, привлечение публики и денег, вполне в духе рыночной, даже социально ориентированной экономики. Как следствие, наблюдается конфликт культур²⁴².

Эти противоречивые тенденции нашли отражение в теоретическом понимании власти (теория коммуникативной рациональности Ю. Хабермаса). Происходит пересмотр значения государства как социального института в сторону его ослабления. В оборот вводится наряду с государством концепт *Gemeinschaft, community*. Оживляется интерес к республиканской свободе в неоримском варианте: закон имеет силу, когда он возникает в процессе обсуждения, тогда он принят и приобретает обязательную юридическую силу²⁴³. Почему вводится понятие «сообщество»? На уровне общины (этим отличается традиционное общество) возможно обнаружение той основы, которая объединяет всех, связывая в единое целое. Так легче принимать правила, которые всех объединят. Эти правила должны быть записаны, кодифицированы. Большое место в формировании этого единения отводится киберпространству. В современной философии права и юриспруденции дискутируются вопросы о соотношении либеральной и республиканской свободы,

²⁴² Barber B. *Jihad vs. McWorld*. – 2nd edition. – N.Y.: Ballantine Books, 2001. – 432 p.

²⁴³ Скиннер К. *Свобода до либерализма*. – СПб.: Издательство Европейского университета в Санкт-Петербурге, 2020. – 128 с.

легитимности и эффективности норм²⁴⁴, мондиализации гражданско-политической сферы, частичной замене пирамидальной модели закона парадигмой сетевой работы (network)²⁴⁵.

Еще одна проблема кризиса современных правовых систем – это соотношение морали и права, когда они входят в противоречие или даже отчуждаются друг от друга, что, кстати, было не характерно для первобытного общественного устройства, где мораль и право были слиты и не персонифицированы. В обществе происходит сложный процесс наполнения новым содержанием как норм морали, так и норм права, наблюдается изменение характера взаимосвязи этих норм. Так, принятые в западных странах в последние годы нормативно-правовые акты о легализации однополых браков вовсе не принимаются как нравственная норма большинством населения в смысле должного поведения и образа жизни. Однако такая позиция навязывается как правовое уложение и норма, не подлежащие обсуждению. Дискриминация теперь уже в США белого большинства приобретает угрожающую тенденцию. Смерть рецидивиста и наркомана Дж. Флойда спровоцировала волну насилия по отношению к неафроамериканскому населению, и виновники преступлений против белого населения в большинстве случаев не привлекаются к уголовной ответственности. Налицо кризис понимания единого подхода к нормам морали и права – любой приговор должен быть суров по закону и справедлив по морали. В силу этого проблема соотношения права и морали обретает все новые грани и аспекты исследования и требует дальнейшего анализа социальной значимости нравственных и правовых норм как тесно взаимосвязанных систем в рамках теории комплементарности (как две стороны одной медали). В нормах морали содержатся неписанные общие правила нравственного поведения, в то время как в нормах права в письменной форме фиксируются определенные рамки должного поведения, требующие от личности неукоснительного его выполнения независимо от ее мировоззренческих убеждений, желаний и побуждений. И несмотря на то, что часть норм морали может принимать писаную форму, их требования не выступают в виде должного и необходимого к неукоснительному выполнению. Налицо кризис, с одной стороны, современного супертolerантного мировоззрения (легализация однополых браков, преподавание радикальной гендерной теории и т. п.) без оглядки на мораль, с другой – навязывание неорасовой теории большинству населения некоторых западных стран со стороны оголтелых, полуграмотных маргинальных слоев общества.

²⁴⁴ Habermas J. *Between Facts and Norms*. – Boston: MIT Press, 1996. – 676 p.

²⁴⁵ Golding M., Edmundson W.A. *The Blackwell Guide to the Philosophy of Law and Legal Theory*. – Hoboken, New Jersey: Wiley-Blackwell, 2004. – P. 300-312.

Эта замена приводит к признанию того факта, что государство не является единственным источником суверенности, этим правом могут обладать региональные или транснациональные власти или даже маргинальные группы, которые лишены классической иерархичной суверенности. Как найти согласие между сообществами? Признаются следующие подходы: постоянные переговоры между ними, с одной стороны, а с другой – взаимодействие с законодательной и исполнительной властью. В итоге вертикальная модель образования правовых норм дополняется горизонтальной сетевой работой рядовых граждан в обсуждении и переговорных процессах по принятию, пересмотру или отказу от тех или иных правовых норм. Появляется так называемое «переговорное право» (negotiated law). Наличие подобного права считается признаком ассоциативной демократии и усиливается в результате становления киберпространства. Переговорное право ассоциируется с консенсусом и принятием соглашения в процессе переговоров в постмодернистском обществе, отличающемся практикой intersubjectivity, плюрализмом мирного сосуществования противоположных ценностей, релевантных киберпространству. Хотя в Европейской конституции провозглашаются традиционные европейские ценности – человеческое достоинство, свобода, равенство, солидарность, плюрализм, принципы демократии и законности, уважение прав человека, включая права лиц, принадлежащих к меньшинствам. Эти ценности, особенно касающиеся прав человека, включая меньшинства, построены на шатком теоретическом фундаменте морально-правового релятивизма (как совместить свободу выражения (слова) с богохульством?). Изображение в карикатурной форме пророка Мохаммеда для французской культуры – норма, а для мусульманской – оскорбление. Данный эпизод, связанный с журналом издания «Шарли Эбдо», приведший к конфликту культур и человеческим жертвам, свидетельствует о кризисе европейского права. Или другая крайность – толерантность, не знающая границ, приводящая к иным формам дискриминации и состоянию страдающей жертвы. К этому следует прибавить тенденцию к ослаблению государства как социального института. Б. Рассел заметил в свое время, что теория прав человека, лишенная теологической основы, как в большей части теорий современного либерализма, «лишается всякого логического основания»²⁴⁶. Лишенная надличностных ориентиров и пассионарности, европейская модель не в состоянии обеспечить органическое сосуществование различных культур. Если ранний либерализм был нацелен на соглашение между индивидами, в XIX-XX веках речь шла уже об организациях, а в глобализирующемся пространстве XXI века преобладают народы с разными культурами (исламский Восток, Китай, Россия,

²⁴⁶ Рассел Б. История западной философии. – М.: Академический проект, 2009. – С. 751.

например). Как сохранить состояние хотя бы мирного сосуществования и сотрудничества? Вопрос остается открытым.

Выводы. В отечественной философской и юридической литературе дореволюционного и современного периода широко применяются термины естественное/позитивное право, философия права, проблема соотношения права и закона и т. д., отражающие влияние немецкой классической философии и общей ориентации русской культуры и философии, в частности, на экзистенциально-моральную проблематику, идею космизма с идеалом вселенского братства «жить со всеми и для всех» (Н. Федоров) и всечеловеческого единства. Христианско-православная идея о равенстве всех народов перед Богом находит отражение в понятии «святая Русь» – сверхэтническом образовании. На этом основании складывается русская государственность. В России в X-XI веках проживало 22 этноса, в настоящий момент в Российской Федерации их насчитывается более 180. Такого нигде нет. Отсюда терпимость становится естественным основанием и нормой социально-культурной жизни как в дореволюционное время, так и в период существования советской цивилизации. И это находит отражение в юридическом языке и конституционном праве. Если сравнивать все конституции (1918, 1924, 1936, 1977, 1993 годов), существовавшие на советском и постсоветском пространстве, то можно отметить некоторые общие и идентичные положения, касающиеся терпимости в поликонфессиональном и поликультурном пространстве. Базовые ценности – братство народов, социальная справедливость, гендерное и расовое равенство, развитие солидарности, дружбы и сотрудничества с народами других стран – являются основополагающими. Конституция 1918 г. констатировала республиканскую форму правления и прямую демократию. В последующих конституциях речь идет об общенародном государстве («государство создано для народа»). Через все конституции провозглашается признание демократического общества и государства, свободы личности, человека, его прав (социальных, гражданских, политических) и обязанностей. Постсоветская Конституция начинается также с положения о том, что многонациональный народ Российской Федерации объединен на основе принципов равноправия и самоопределения. Культура в Российской Федерации является уникальным наследием ее многонационального народа, поддерживается и охраняется государством. Российская Федерация гарантирует права коренных малочисленных народов, защищает культурную самобытность всех народов и этнических общностей, гарантирует сохранение этнокультурного и языкового многообразия (ст. 69 Конституции Российской Федерации). Далее идет признание социальных, гражданских и политических прав и обязанностей, добавляется право частной собственности, политического многообразия и больше либеральной риторики. Создается впечатление, что на

составление Конституции 1993 года оказало влияние раннелиберальная доктрина, которая актуализирует независимость отдельного, атомарного индивида от целого. В XVII веке это было вполне объяснимо: уход от деспотического государства, давления католической церкви, папизма, во всяком случае у Локка. Но в XX веке, тем более в XXI, – это выглядит анахронизмом, идейной слабостью. В ходу коммунитаристские ценности, актуализируются идеи нео- и постмарксизма в связи с возрастающими проблемами бедности, социального неравенства, нестабильности в мире в целом. Поэтому неудивительно, что правам и свободам уделяется 56 статей, а обязанностям – 3 (в Конституции 1977 г. их было 9): платить налоги, служить в армии и охранять природу. Провозглашенная республиканская форма правления предполагает позитивную свободу, то есть добровольно принятые на себя ограничения. Лучше быть нужным государству, обществу, коллективности и т. д., чем быть свободным, а это требует самоотверженности, приверженности коллективистским ценностям, а не ориентации на потребление и комфорт. Принятое идеологическое многообразие в Конституции 1993 года как раз отвечает интересам разрозненных индивидов. Система ценностей, способная объединить всех, заложена в русской культуре с ее «сверхнациональным, всечеловеческим духом русского народа»²⁴⁷.

Индивидуализм негативной свободы трансформируется в Европе в радикальный либертарианизм с его допущением легализации наркотиков, проституции и т. д. Проявляется какая-то идейная безоружность, близкая к позиции «по своей волюшке пожить», поэтому либертарно-юридическая концепция с ее субстанциональным подходом в осмыслении права, предложенная академиком В.С. Нерсисянцем, актуальна и сегодня в плане ее направленности на укрепление правовых основ государства, позволяющих избежать как деспотии, так и анархии в обществе.

§ 2. Эволюция категорий «право» и «закон» в научном наследии Российской академии наук

Введение. В XX столетии российская научная правовая мысль формировалась не только под влиянием общемировой науки. Значительный период времени ее курс определяли изменения в политической жизни государства. Это обстоятельство обуславливает тот широкий спектр концепций, взглядов, суждений, существовавших среди ученых-юристов и историков в относительно небольшой временной промежутке – около 100 лет, большая часть

²⁴⁷ Бердяев Н.А. Судьба России. Самопознание. – Ростов/Д: Феникс, 1997. – С. 13-14.

которого характеризовалась доминированием коммунистической идеологии практически над всеми отраслями советской науки, как, впрочем, и над всеми сферами общественной жизни. Особенно отчетливо это доминирование проявлялось по отношению к общественным наукам, включая весь комплекс юридических наук, как историко-теоретических, так и отраслевых.

Российские ученые, избранные академиками Академии наук СССР, а затем ее правопреемницы в лице Российской академии наук (далее – РАН), не могли остаться в стороне от концептуального обоснования вопросов государственного строительства. Действительно, данные вопросы дважды в течение столетия становились особенно актуальными в связи со сменой в России исторической формации государства: в 1917 году установился социалистический строй, в 1991 – либеральный уклад.

Для нашего исследования представляет интерес список академиков – членов Российской академии наук, которые значительно обогатили правовую науку: Трайнин Илья Павлович (1986-1949), Вышинский Андрей Януарьевич (1883-1954), Венедиктов Анатолий Васильевич (1887-1959), Кудрявцев Владимир Николаевич (1923-2007), Лаптев Владимир Викторович (1924-2012), Нерсесянц Владик Сумбатович (1938-2005). Эти ученые во многом по-новому интерпретировали сущность категорий «право» и «закон».

Примечательно, что начиная с 1930-1940 годов приоритет в научных исследованиях отдавался техническим специальностям (физика, химия, биология). Это закономерно являлось отражением процессов в обществе того времени, когда именно прикладные технические исследования помогли развить промышленность и народное хозяйство.

Ю.К. Толстой (академик РАН с 2003 года) отмечал, что «к началу революции юридическая наука в России находилась на очень высоком уровне»²⁴⁸ и прогнозировал, что это будет являться залогом дальнейших глубоких демократических преобразований. Однако после революции 1917 года наиболее квалифицированные юридические кадры зачастую либо оказывались в эмиграции, либо подвергались репрессиям.

Революционная законность уже с первых дней советской власти стала выполнять важнейшую роль в осуществлении диктатуры пролетариата и подавления сторонников старого режима, которые в вооруженной борьбе продолжали отстаивать прежние ценности²⁴⁹.

Профессиональное становление современных юристов – членов РАН происходило в условиях, когда история и теория государства и права были полностью политизированы. По воспоминаниям Ю.К. Толстого: «Основным

²⁴⁸ Толстой Ю.К. Из пережитого. – М.: Проспект, 2014. – С. 144.

²⁴⁹ Звягинцев А.Г. Прокуратура и законность в период Гражданской войны // Государство и право. – 2021. – № 9. – С. 148.

руководством по курсу теории государства и права был учебник Голунского и Строговича, написанный по установкам ... совещания по вопросам права в 1938 году. По курсу государственного права рекомендовался учебник под редакцией А.Я. Вышинского. Оба эти пособия были насквозь политизированы, напшигованы цитатами из произведений великого вождя народов. От права в них мало что оставалось»²⁵⁰.

Несомненно, ученые, добившиеся признания в таких неоднозначных условиях, представляют интерес. Исследование их научных трудов позволяет экстраполировать исторические процессы на юридическую доктрину и проследить эволюцию категорий «право» и «закон».

Основное исследование. В 1939 были избраны академиками и, соответственно, вошли в состав действительных членов Академии наук СССР правоведы *Илья Павлович Трайнин* и *Андрей Януарьевич Вышинский*.

В настоящее время по-разному оценивается научное наследие каждого из этих правоведов. Взгляды И.П. Трайнина на право и государство практически не упоминаются в современных трудах ученых по государственно-правовой тематике.

И.П. Трайнин долгое время (с 1942 по 1947 год) возглавлял Институт государства и права АН СССР. Во многом благодаря его научным работам этот институт приобрел мировую известность. В данном научном учреждении проводились разнообразные исследования различных аспектов государственно-правового строительства. В этом учреждении сформировались взгляды многих будущих академиков (В.Н. Кудрявцева, В.В. Лаптева, В.С. Нерсисянца), которые наряду с другими учеными-правоведами внесли значительный вклад в развитие юридической науки и признанных классиками российской правовой школы: Т.Е. Абова, М.В. Баглай, М.М. Богуславский, В.А. Карташкин, В.В. Лунеев, И.А. Танчук, Б.А. Страшун, В.Е. Чиркин, Л.М. Энтин, В.А. Туманов, Ц.А. Ямпольская²⁵¹.

Несмотря на то, что юридическая наука того времени была насквозь пропитана коммунистической идеологией в условиях авторитарной власти Сталина, следует отметить талант И.П. Трайнина, который, не имея не только высшего, но даже и среднего образования, сумел стать одним из наиболее видных советских ученых-правоведов. Исследователи отмечают реферативный и публицистический характер его работ²⁵², а также во многом

²⁵⁰ Толстой Ю.К. Из пережитого. – М.: Проспект, 2014. – С. 145.

²⁵¹ Савенков А.Н. Государство. Право. Институт: 95 лет истории в лицах // Государство и право. – 2020. – № 3. – С. 8.

²⁵² Серов Д.О. От статского советника до прокурора Прокуратуры СССР: грани судьбы следователя В.И. Громова (1868-1952) // Genesis: исторические исследования. – 2015. – № 3. – С. 243.

дискуссионный характер предложенной им теории «народной демократии»²⁵³. В то же время его идеи относительно государственно-национального строительства в условиях становления многонационального государства, каковым являлся СССР, оказываются востребованными и в настоящее время с учетом такого же многонационального характера современной России²⁵⁴.

Наиболее значительный вклад в развитие системы советского права внес *Андрей Януарьевич Вышинский*. Можно предположить, что это во многом связано с его более высоким местом в номенклатуре партийных и государственных деятелей СССР рассматриваемого периода.

Как и И.П. Трайнин, А.Я. Вышинский долгое время, с 1937 по 1941 год, возглавлял Институт государства и права АН СССР. Однако кроме этого, А.Я. Вышинский в период 1935-1939 годов являлся прокурором СССР и не только пережил наиболее жестокий период сталинских репрессий, но и «теоретически» оправдывал их. Свой след в истории А.Я. Вышинский оставил и как дипломат, занимая посты сначала в Наркомате, а затем в Министерстве иностранных дел СССР. В январе 1946 года он возглавлял делегацию СССР на первой сессии Генеральной Ассамблеи ООН. В период 1953-1954 годов являлся Постоянным представителем СССР при ООН. А.Я. Вышинский фактически руководил советской делегацией во время работы Нюрнбергского трибунала и ежедневно отчитывался о ходе процесса над немецкими офицерами перед Политбюро.

А.Я. Вышинский, являясь сподвижником И.В. Сталина, был организатором I Совещания по вопросам науки советского государства и права (16-19 июля 1938 г.), по итогам которого после многих лет дискуссии среди правоведов о понимании советского права была наконец выработана «генеральная», по своей сути легистская, линия правопонимания. Надо отметить, что оппоненты А.Я. Вышинского, а по сути И.В. Сталина, потерпели сокрушительное поражение в этом споре о сущности советского права и государства. Настолько сокрушительное, что в итоге некоторые из них, как, например, руководитель Института государства и права АН СССР в 1931-1937 годах Евгений Брониславович Пашуканис, лишились жизни (Е.Б. Пашуканис расстрелян по немедленно приведенному в исполнение приговору Военной Коллегии Верховного Суда СССР от 4 сентября 1937).

Абсолютно догматическими и конъюнктурными представляются взгляды А.Я. Вышинского на содержание уголовного процесса, Например,

²⁵³ Светлов Н. Народная демократия: происхождение идеи и ее реализация // Актуальные проблемы истории России. – М., 2020. – С. 204.

²⁵⁴ Нифанов А.Н. Генезис правовых теорий о территории государства // Научные ведомости Белгородского государственного университета. Серия: Философия. Социология. Право. – 2011. – № 14 (109). – С. 148.

неприемлемым в современном уголовном праве выглядит тезис, согласно которому на обвиняемом лежит бремя доказывания оправдывающих его обстоятельств. В современной парадигме российской государственности, базисом для которой выступают идеи правового и социального государства, многие постулаты, утверждавшиеся А.Я. Вышинским, очевидно, не могут быть приняты ни обществом, ни юридической наукой, однако и в рассматриваемый период, и много позже именно они служили фундаментом для развития советской правовой системы. Выработанные А.Я. Вышинским взгляды на долгие годы стали официальной общеобязательной установкой для всех исследователей, а основные подходы к пониманию права и государства воспроизводились как в общетеоретических работах, так и в области отраслевых юридических дисциплин.

Значительный вклад в российскую юриспруденцию внесли и другие академики Академии наук СССР: современник А.Я. Вышинского – *Анатолий Васильевич Венедиктов*, а также ученые более позднего периода, пережившие в 1990-х во многом трагическую смену типа государства, – *Владимир Викторович Лаптев* и *Владимир Николаевич Кудрявцев*.

Научные интересы А.В. Венедиктова включали в себя следующие проблемы: организация промышленности в СССР, правовое обеспечение деятельности советских предприятий, правовое положение государственных юридических лиц, договорная дисциплина в промышленности в условиях советской системы хозяйствования, гражданско-правовая охрана собственности. Положения гражданского права, обоснованные А.В. Венедиктовым, были закреплены в Основах гражданского законодательства СССР, гражданских кодексах союзных республик и других нормативных актах.

В меньшей степени А.В. Венедиктов исследовал проблемы государственного строительства, однако его фундаментальные труды в этой области остаются актуальными в наши дни, что обусловлено условиями, в которых функционирует современная российская экономика. В литературе в этой связи отмечается, что даже поверхностное изучение сферы управления федеральным имуществом показывает, что практика отождествления власти и собственности существует до сих пор. Несмотря на то, что социалистической собственности уже нет, государство по-прежнему реализует свои права в отношении государственной собственности в форме административных актов, как это было предложено А.В. Венедиктовым в 1948 году в работе «Государственная социалистическая собственность», посвященной решению проблемы осуществления государством права собственности через государственные органы²⁵⁵.

²⁵⁵ Иванов А.А. Идеи А.В. Венедиктова и их отражение в проекте изменений Гражданского кодекса Российской Федерации // Закон. – 2013. – № 4. – С. 77.

Другой ученый-цивилист, труды которого востребованы в современном российском хозяйственном и предпринимательском праве, – академик *Владимир Викторович Лаптев*, вошедший в число действительных членов АН СССР в 1987 году.

В.В. Лаптев является автором свыше 360 научных работ, многочисленных публикаций по проблемам гражданского и предпринимательского (хозяйственного) права, предметом которых стали проблемы предпринимательского (хозяйственного) права. В.В. Лаптев впервые определил хозяйственное право как самостоятельную отрасль права, обладающую собственными предметом и методами правового регулирования.

В своих трудах академик В.В. Лаптев обосновывал и отстаивал идею единства правовой регламентации отношений по организации и осуществлению хозяйственной деятельности, в соответствии с которой государство и бизнес предстают как партнеры.

Пережив слом советской социалистической системы хозяйствования, В.В. Лаптев продолжил свою работу и в своих научных трудах последних лет приходил к выводу о том, что в современных условиях полностью сохраняет свое значение ранее обоснованное им сочетание публично-правовых и частноправовых начал в регулировании хозяйственных отношений.

Идеи В.В. Лаптева, изложенные в его фундаментальных трудах, получили развитие в современных разработках российских ученых в рамках таких отраслей права, как предпринимательское право²⁵⁶ и энергетическое право²⁵⁷.

Владимир Николаевич Кудрявцев сумел преодолеть перелом фундаментальных основ российской юридической науки, вызванных утратой актуальности советской государственно-правовой доктрины, обусловленной разрушением СССР как первого социалистического государства в мире.

В.Н. Кудрявцев был избран членом-корреспондентом АН СССР в 1974 году, а в 1984 году он стал действительным членом (академиком). В 1985 году В.Н. Кудрявцев был избран членом Президиума АН СССР, в 1988 году – вице-президентом АН СССР. В 1992 году В.Н. Кудрявцев занял должность вице-президента Российской академии наук (по гуманитарным и общественным наукам). Основная сфера научных интересов академика В.Н. Кудрявцева лежала в прикладной юриспруденции. Большинство его трудов были посвящены вопросам криминологии и уголовного права. Указанным выше периодам биографии академика В. Н. Кудрявцева соответствуют

²⁵⁶ Михайлов Н.И. Предпринимательское право в правовой системе современной России и его развитие в условиях инновационной экономики // *Творческое наследие академика В.В. Лаптева и современность*. – М.: Щербинская типография, 2014. – С. 41-51.

²⁵⁷ Лахно П.Г. Основные понятия энергетического права // *Творческое наследие академика В.В. Лаптева и современность*. – М.: Щербинская типография, 2014. – С. 205-227.

три направления его научного творчества: уголовное право, криминология, теория и социология права. Вместе с тем он уделял пристальное внимание и общей теории права. Применительно к нашему обзору интерес представляют такие его работы, как «Социально-психологические аспекты антиобщественного поведения» (1974), «Право и поведение» (1978), и ряд других.

Сам термин «социология права» и появился как раз благодаря научным трудам академика В.Н. Кудрявцева, являвшегося одним из основателей этого научного направления в 1960-1970-х годах. Ранее в советской юриспруденции господствовала нормативистская школа права с уклоном в классово-материалистические взгляды. Право рассматривалось как необходимый инструмент воздействия государства и правящих слоев общества на сознание людей. Рассматривая его как регулятор общественных отношений с такой позиции, ученые допускали лишь два варианта, отражающих эффективность действия права, – правомерность и неправомерность поведения. Оставались неизученными скрытые потенциальные возможности права – то, каким образом оно может влиять на поведение субъектов, какова роль самого права в формировании правомерного и предупреждении неправомерного поведения. Именно этим вопросом и занялся В.Н. Кудрявцев, который справедливо писал: «Мотивирующее значение правовой надстройки... изучено менее полно, чем роль многих других социальных сфер и факторов»²⁵⁸.

Признавая, что право регламентирует все сферы общественной деятельности, ученый отмечал, что эффективность этого процесса различна по объему и исторически изменчива в своих границах. По мнению академика В.Н. Кудрявцева, оно выполняет факультативную роль общественного регулятора, воздействуя на общественные отношения лишь в том случае и в той части, в которой с этой функцией не справляются социальные нормы. Обладая свойствами всеобщности, обеспеченности государственным принуждением и формальности, правовые нормы целесообразно применять лишь для регулирования тех сфер, которые требуют подобной регламентации. Право и общественные отношения – явления, влияющие друг на друга. Право регулирует отношения в обществе, устанавливая правила поведения, но в свою очередь оно имеет вторичный зависимый характер – отражает уже сложившиеся отношения, которые осуществляются под влиянием не только правовых, но и социальных норм. Таким образом, право придает поведению субъектов желательное для господствующего класса направление, но оно не может заменить собой все реальные социально-политические, культурные, экономические и другие условия, формирующие человеческие поступки. Эффективность действия правовых норм исследователь связывает с их юридическим качеством,

²⁵⁸ Кудрявцев В.Н. Право и поведение. – М.: Юрид. лит., 1978. – С. 4.

соответствием сложившимся общественным отношениям и ожиданиям граждан, а также с достаточно развитым уровнем правосознания²⁵⁹.

Период, в который началось формирование новой школы социологии права, характеризовался формальным отождествлением права и закона. Поддерживал эту позицию и В.Н. Кудрявцев, соглашаясь в этом с утверждением другого правоведа. В частности, С.С. Алексеев писал: «Законность есть не что иное, как реализуемое право – право под углом зрения требований, выражающих его всеобщность – равенство всех перед законом, устойчивость и стабильность правового регулирования, гарантированность субъективных прав и др.»²⁶⁰

Полностью синонимизировать эти понятия в юридической доктрине того времени мешало несколько причин: неразвитое законотворчество (например, за весь 1978 год в СССР было принято всего десять законов); признание норм коммунистической морали как значимого социального регулятора; взаимообусловленность норм позитивного права и постановлений руководящей коммунистической партии. Принцип социалистической законности содержится во всей совокупности норм права, усваивается в сознании людей не только (и не столько) на основе общих положений закона, формулирующих его, но главным образом – в результате применения права.

Именно основываясь на тезисе о равнозначности понятий «право» и «закон», академик В.Н. Кудрявцев предлагал осуществлять планирование правотворчества, говоря о том, что для предвидения изменений в социальной сфере недостаточно знать действующие правовые нормы. Он утверждал, что «прежде чем предлагать изменения в нормах права, регулирующих отношения между социалистическими организациями, необходимо изучить тенденции хозяйственного развития страны в условиях развитого социализма»²⁶¹.

Формулируя новые для своего времени идеи, труды ученого не были лишены недостатков, присущих любым научным исследованиям того времени в СССР, – тесная связь с коммунистической идеологией. Как отмечает В.А. Глазырин: «В теоретико-методологическом отношении все работы отечественных авторов по социологии права этого периода были едины в их марксистско-ленинской основе, а это означало, что при всех обстоятельствах обсуждение методологических вопросов правовой социологии не могло выходить за границы постулатов и принципиальных положений официальной философско-социальной и политико-правовой доктрины, что не могло в определенной мере не ограничивать возможности исследователей, а иногда

²⁵⁹ Там же. – С. 61.

²⁶⁰ Алексеев С.С. Социальная ценность права в советском обществе. – Екатеринбург: Гуманитарный университет, 2019. – С. 80.

²⁶¹ Кудрявцев В.Н. Право и поведение. – М.: Юрид. лит., 1978. – С. 171.

эта научная проблема подменялась вопросом об использовании конкретных социологических методов в изучении права»²⁶².

Однако необходимость учета социологических факторов для совершенствования механизма правоприменения и общества в целом была подтверждена в дальнейшем. Идеи, сформулированные В.Н. Кудрявцевым, развивали в дальнейшем такие ученые, как В.С. Нерсесянц, В.П. Казимирчук, С.С. Алексеев, А.М. Яковлев.

В частности, для нашего исследования представляет интерес совместная работа «Социальные отклонения. Введение в общую теорию», которую издали В.Н. Кудрявцев и В.С. Нерсесянц в 1984 году²⁶³. В работе авторы анализируют причины социальных отклонений, рассматривают их динамику и распространенность, компоненты и механизмы, отмечая в качестве одной из основной причин увеличения числа социальных отклонений расхождение Уголовного закона с общественной нравственностью.

В.С. Нерсесянц, придерживаясь схожих с В.Н. Кудрявцевым научных взглядов, сам в свою очередь явился основоположником нового оригинального философско-правового течения, получившего название либертатной (или либертатно-юридической) теории права. Основной ее идеей является максимальная дифференциация понятий «право» и «закон». По его мнению, «право – это нормативная форма выражения свободы посредством принципа формального равенства в регулируемых им отношениях»²⁶⁴. Именно в понимании механизма соотношения этих понятий ученый видит основную проблему философии права.

Существующие между различными личностями отличия могут и должны быть формализованы, упорядочены с помощью правовых предписаний. Именно в этом, по мнению В.С. Нерсесянца, состоят специфика и смысл, границы и ограниченность, ценность правовой формы опосредования, регуляции и упорядочения общественных отношений. Правовая норма является великим уравнивателем. Именно такой вывод содержится в другой работе академика – «Право – математика свободы. Опыт прошлого и перспективы», где ученый, проводя сравнение права с математикой, постулирует мысль о том, что для права, как и для математики, объекты являются равными по определенным формальным критериям. При этом формальное равенство субъектов зависит и ограничено их правоспособностью – абстрактной свободой

²⁶² Глазырин В.А. Методологические основания становления социологии права в западноевропейской социологии XIX – начала XX веков. – Saarbrücken: LAP LAMBERT Academic Publishing, 2010. – С. 5.

²⁶³ Кудрявцев В.Н., Нерсесянц В.С., Кудрявцев Ю.В. Социальные отклонения: введение в общую теорию. – М.: Юрид. лит., 1984. – 320 с.

²⁶⁴ Нерсесянц В.С. Философия права. – М.: ИНФРА-М: Норма, 1998. – С. 22.

приобретать и использовать субъективные права²⁶⁵. Иными словами, признавая справедливость внутренним качеством и свойством права, ученый считает, что правовой закон есть воплощение справедливости; действовать справедливо – значит поступать правомерно, в соответствии с требованиями права. Именно за правом, а не за моралью ученый признавал такие обязательные свойства, как свобода, справедливость и формальное равенство.

По мнению С.И. Архипова, концепция, предложенная В.С. Нерсесянц, не обладает достаточной оригинальностью, чтобы иметь самостоятельный статус, и должна быть отнесена к разряду естественно-правовых воззрений²⁶⁶. Мы полагаем, что это утверждение не совсем верно. Понятия справедливости и равенства, которые академик постулировал в качестве неотъемлемых атрибутов права, гораздо шире, нежели понятие естественных прав. Именно на этих принципах основано понимание сущности права, сформулированное В.С. Нерсесянцем. По мнению академика, «право – это нормативная форма выражения свободы посредством принципа формального равенства в регулируемых им отношениях»²⁶⁷. Основным назначением, призванием права как регулятора общественных отношений является приведение различий между субъектами к одному знаменателю, трансформация этих неопределенных фактических различий в формально определенные неравные права свободных, независимых друг от друга равных личностей.

Выводы. Следует признать значительным вклад, который внесли академики Академии наук СССР, в развитие российской юридической науки. Пришедшие на смену дореволюционным ученым советские правоведы, порой не имеющие базового юридического образования, вместе с тем смогли сформировать новые научные школы и издать многочисленные учебные и научные работы. Следует отметить универсальный характер и логичность идей, изложенных в фундаментальных трудах академиков А.В. Венедиктова, В.В. Лаптева, В.Н. Кудрявцева, вследствие чего их работы оказались востребованы в современной юриспруденции. В частности, их исследования активно используются и оказывают существенное влияние на правотворчество и правоприменение в публично-правовой и частноправовой сферах правового регулирования.

Вместе с тем труды академиков, излишне подверженные идеологии коммунистической партии, не смогли сохранить свою актуальность в условиях трансформации российской государственности и экспонентного развития российского законодательства.

²⁶⁵ Нерсесянц В.С. Право – математика свободы. Опыт прошлого и перспективы. – М.: Юристъ, 1996. – С. 29.

²⁶⁶ Архипов С.И. Либертатная теория права В.С. Нерсесянца: достоинства и недостатки // Электронное приложение к «Российскому юридическому журналу». – 2015. – № 5. – С. 7.

²⁶⁷ Нерсесянц В.С. Философия права. – М.: ИНФРА-М: Норма, 1998. – С. 22.

§ 3. Теория права: академическая наука в поисках новой парадигмы

Введение. Современные исследователи часто говорят о кризисе, поразившем юридическую науку, при этом, по мнению Г.Дж. Бермана, он коснулся как правовых ценностей, так и правовой мысли²⁶⁸. А. Хант в 1987 году образно сравнил право с «расколотым ледником»²⁶⁹, а П. Шлаг говорил о ее стагнации и даже смерти еще в 2009 году, отмечая, что ученые в погоне за рейтингами не заметили, что их деятельность трансформировалась в «журналистику прецедентного права» (case-law journalism)²⁷⁰. Отечественной юридической научной традиции указанная тенденция может быть условно обозначена как «журналистика позитивного права», и наиболее заметно она проявляется в отраслевых юридических науках. В теоретических исследованиях чаще всего дискутируется вопрос о выработке или поиске новой правовой парадигмы.

Введенный в оборот Т. Куном термин «парадигма» используется для обозначения разделяемых на определенном этапе развития науки представлений ученого сообщества об объекте исследований, о методологических принципах познания²⁷¹. Для нормального состояния науки характерна монопарадигмальность, появление аномалий (явлений, которые не поддаются объяснению с позиций господствующей парадигмы) приводит к появлению альтернативных теорий, что влечет к превращению «нормальной науки» в «экстраординарную науку», т. е., по сути, науку, находящуюся в кризисе. Т. Кун также допускал постпарадигмальное состояние науки, когда разные научные школы конкурируют между собой до тех пор, пока новые достижения не сократят их количество до одной.

В истории юриспруденции сложно обнаружить парадигмальность ее развития, поскольку нет ни теорий, ни научных школ, ни предписаний, ни ценностей и образцов, отвечающих критериям выработанных Т. Куном. По сути, ориентируясь на его представление о парадигме нам невозможно даже верифицировать правовые знания как научные.

Юристам также приходится учитывать (от чего избавлены, например, физики или химики) и отсутствие четких представлений о предмете исследования и его границах. Физики не дискутируют по вопросу, «что такое

²⁶⁸ Берман Г.Дж. Западная традиция: эпоха формирования. – М.: МГУ, Норма, Инфра-М, 1998. – С. 13.

²⁶⁹ Hunt A. The Critique of Law: What is “Critical” about Critical Legal Studies? // Journal of Law and Society. – 1987. – No. 14. – P. 7.

²⁷⁰ Schlag P. Spam Jurisprudence, Air Law, and the Rank Anxiety of Nothing Happening (A Report on the State of the Art) // Georgetown Law Journal. – 2009. – No. 97. – P. 804, 821.

²⁷¹ Kuhn T.S. The Structure of Scientific Revolutions. – Chicago: University of Chicago Press, 1962. – P. 13.

физика», в то время как правоведы, и не только, настойчиво ищут ответ на вопрос «Что такое право?». Поэтому еще И. Кант иронично заметил, что юристы уже 200 лет безуспешно ищут определение права²⁷². Не так много вопросов о человеческом обществе вызывают столь постоянный интерес, и на которые отвечают «различными, странными и даже парадоксальными способами»²⁷³.

Тем не менее, несмотря на явные противоречия с исходной позицией Т. Куна в юриспруденции принято последнее время использовать термин «парадигма» для обозначения типов правопонимания, «как наиболее общего и концентрированного представления о сущности и назначении права, которое определяет принципиальные подходы к его теоретическому познанию»²⁷⁴. Учитывая, что сам Т. Кун весьма осторожно отмечал, что история социальных наук имеет свою специфику и в его схему не укладывается (а, следовательно, возникает вопрос о правомерности использования термина «парадигма» применительно к ним), Н.В. Варламова дает интересную интерпретацию специфики юридической науки для которой, напротив, «нормальным» является конкуренция различных парадигм, каждая из которых в определенные исторические периоды, претерпевая некоторые, но не сущностные, изменения, могла занимать доминирующее положение или находиться «в заоне», но никогда полностью не сдавала своих позиций, равно как и не одерживала окончательной победы над конкурентами»²⁷⁵. В то время как монопарадигмальность соответственно сигнализирует нам о кризисном состоянии науки. Соответственно советская юридическая наука в условиях, пойдя по пути закрепления официального определения права в его еще идеологической коннотации, ввергла себя парадигмальный кризис. Дискуссии в основном велись между сторонниками «широкого» и «узкого» (легистского) подходов к пониманию сущности права, которые сегодня нам представляются не конкурирующими парадигмами, а скорее их симулякрами. Кризис, поразивший теорию права, где споры напоминали диспуты Булгара с Мартином, отразился и на отраслевых юридических науках, превратившихся в «журналистику позитивного права».

Основное исследование. Огромная заслуга в преодолении длительного кризиса, прежде всего в теории права, принадлежит ученым Института государства и права, где зарождается научная школа, которая надолго станет

²⁷² Кант И. Критика чистого разума. – М.: Мысль, 1994. – С. 432.

²⁷³ Харт Г.Л.А. Понятие права. – СПб.: Изд-во С.-Петербур. ун-та, 2007. – С. 9.

²⁷⁴ Варламова Н.В. Российская теория права в поисках парадигмы // Журнал российского права. – 2009. – № 12 (156). – С. 68.

²⁷⁵ Варламова Н.В. Типология правопонимания и современные тенденции развития теории права. – М.: Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», 2010. – С. 11.

влиятельной альтернативой советскому, а затем и постсоветскому позитивизму. Данный подход, названный впоследствии как либертарно-юридический, обязан своим возникновением В.С. Нерсесянцу, который, правда, не отождествлял правопонимание с понятием «парадигма». Он был убежден, что без концепции различения права и закона «мы в своем правопонимании неизбежно остаемся в одномерной плоскости властно данного позитивного права, т. е. по сути дела — в рамках официального закона, в границах позитивистского законоведения и легизма»²⁷⁶.

Впервые В.С. Нерсесянц изложил в так и не опубликованной статье, подготовленной для журнала «Советское государство и право» в 1977 году, краткое изложение которой опубликовано В.В. Лапаевой²⁷⁷. В ней уже четко прослеживается позиция автора о необходимости различать понятия право и закон, а также позиционирование своих взглядов как не совпадающих как юридическим позитивизмом, так и с юснатурализмом²⁷⁸. Уже после выхода в свет его монографии «Право и закон» в 1983 году В.С. Нерсесянц публикует статью «Право: многообразие определений и единство понятия», которую принято считать программной²⁷⁹. В этой работе автор выделяет помимо характерных для советского правопонимания «широкой» и «узкой» трактовки права, также подход, «представители которого обосновывают такое понимание (и понятие) права, которое исходит из концепции различения права и закона»²⁸⁰. Данная статья также имеет своей особенностью нехарактерную для В.С. Нерсесянца развернутую критику взглядов на право других ученых, поскольку в дальнейшем он в основном концентрировался на изложении собственных представлений о праве²⁸¹.

Концепция получила название «либертарной» в силу того, что право, согласно позиции В.С. Нерсесянца, включает в себя свободу. Право выступает как единственно возможная форма бытия и выражения свободы в общественной жизни, позволяющей познавать как правовые, так и не правовые явления. Использование прилагательного «юридический» дает нам понимание того, что свобода людей в их коммуникациях друг с другом возможна только в правовой форме, а не является формой выражения морали или нравственности²⁸².

²⁷⁶ Нерсесянц В.С. *Философия права*. – М.: Норма, 2009. – С. 9.

²⁷⁷ Лапаева В.В. *Владик Сумбатович Нерсесянц*. – Ереван: Нжар, 2009. – С. 118-123.

²⁷⁸ Там же. – С. 123.

²⁷⁹ Лапаева В.В. *Типы правопонимания: правовая теория и практика*. – М.: РАП, 2012. – С. 130.

²⁸⁰ Нерсесянц В.С. *Право: многообразие определений и единство понятия // Советское государство и право*. – 1983. – № 10. – С. 27.

²⁸¹ Лапаева В.В. *Владик Сумбатович Нерсесянц*. – Ереван: Нжар, 2009. – С. 20

²⁸² Лапаева В.В. *Типы правопонимания: правовая теория и практика*. – М.: РАП, 2012. – С. 126.

Фундаментальной телеологической ценностью в либертарно-юридическом подходе к праву признается личная свобода, которая предстает неотъемлемо и естественно присущим человеку качеством, отличая его от иных живых существ. Общество, осознающее необходимость в сохранении свободы всех участников социальных коммуникаций, осуществляет ее нормирование и формализацию на основе всеобщего масштаба и равной меры, что и образует правовое регулирование. Для обеспечения свободы участников социального общения право упорядочивает, положив в основу принцип формального равенства, т. е., абстрагируясь от различий, присущих людям, и признавая их формально равными и свободными субъектами. Таким образом, являясь специфическим принципом правового регулирования формальное равенство как равенство в свободе, равная мера свободы всех участников социального общения определяет ее сущность и содержание. Перед правом люди предстают лишь как абстрактные носители социальных статусов²⁸³.

Признание формального равенства людей подразумевает их свободу и независимость друг от друга. «Только свободные люди могут быть субъектами права, и там, где нет свободы, не может быть и права. Поскольку принцип формального равенства включает в себя и момент формальной свободы, правовые нормы — это равные меры (нормы и формы) свободы по единому (общему для всех субъектов и отношений, подпадающих под действие соответствующей нормы) масштабу»²⁸⁴.

Формальное равенство, по мнению Н.В. Варламовой, предстает как базовый и универсальный принцип правового регулирования. Он содержательно определяет порядок, который объективно является всеобщим как формально равный и одинаково справедливый для всех. Обеспечивается правопорядок за счет его всеобщности, которая вместе со справедливостью легитимируют его принудительность. Принцип формального равенства проявляется в том, что он комплексно и всесторонне определяет правопорядок: воплощает в себе требования, как к содержанию позитивного права, так и к формам и способам его установления и защиты. Формальное равенство является принципом социального взаимодействия между членами общества, обеспечивающим их свободу, принципом организации государства как институциональной формы защиты свободы²⁸⁵.

²⁸³ Варламова Н.В. Типология правопонимания и современные тенденции развития теории права. – М.: Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», 2010. – С. 42-43

²⁸⁴ Нерсисянц В.С. Право – математика свободы. Опыт прошлого и перспективы. – М.: Юрист, 1996. – С. 9.

²⁸⁵ Варламова Н.В. Типология правопонимания и современные тенденции развития теории права. – М.: Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», 2010. – С. 45.

Формальное равенство представляет собой именно и исключительно правовое равенство, оно функционирует лишь в сфере правовых отношений и отнюдь не предполагает морального равенства (равноценности) людей, при этом, не препятствуя разному отношению к разным людям в сфере непосредственного (не опосредованного официально-властным принуждением) межличностного общения. Принцип формального равенства, будучи основой публичного (официально-властно устанавливаемого и поддерживаемого) порядка, дает возможность в полной мере и естественно (свободно) проявиться всем различиям между людьми и трансформироваться в неравенство их фактического социального положения. В то время как правовое официально-властное оформление (закрепление, учет) естественного неравенства людей ведет к произвольной социальной стратификации, в рамках которой эти различия будут искусственно консервироваться²⁸⁶.

В.С. Нерсесянц, сравнивая юриспруденцию с математикой, отмечал, что «равенство доведено до абсолютной абстракции количественных определений, полностью «очищено» от качественных и содержательных различий». В праве же оно не столь абстрактно, в нем содержится существенный для социальной сферы качественный, содержательный момент – свобода индивида в общественных отношениях. «Правовое равенство – это равенство субъектов, равенство людей именно в качестве свободных индивидов. Равными в правовом смысле могут быть только свободные люди, и это равенство означает признание их субъектами права по всеобщей и равной для них норме, регулирующей соответствующее отношение. Правовое равенство – это равенство свободных и равенство и свободе, общий масштаб и равная мера свободы индивидов. Право говорит и действует языком и средствами такого равенства. В этом смысле право – математика свободы»²⁸⁷.

Праву присуща справедливость, которая потому, собственно, и справедлива, что, будучи его абстракцией (абстрактным проявлением и определением), аккумулирует правовое начало — принцип абстрактно-всеобщего формального равенства и свободы. В.С. Нерсесянц утверждал, что справедливо лишь то, что соответствует праву и соответственно никакого иного регулятивного принципа, кроме правового, справедливость не имеет²⁸⁸. Начиная с 1983 года он последовательно обосновывал понимание сущности права как триединства равенства, свободы и

²⁸⁶ Там же. – С. 79.

²⁸⁷ Нерсесянц В.С. Право – математика свободы. Опыт прошлого и перспективы. – М.: Юрист, 1996. – С. 9-10.

²⁸⁸ Нерсесянц В.С. Право – математика свободы. Опыт прошлого и перспективы. – М.: Юрист, 1996. – С. 10.

справедливости, составляющих в своей совокупности правовой принцип формального равенства²⁸⁹.

В.С. Нерсисянц на протяжении десятилетий развивал либертарно-юридическую концепцию права, не всегда встречая понимание у «юридического истеблишмента». Н.В. Варламова отмечала, что за долгое время господства в российской теории права монизма, вернувшийся плюрализм подходов к пониманию воспринимается отечественными исследователями как временное явление, которое не имеет ни научного, ни практического значения, порождая в основном негативные последствия²⁹⁰. Несмотря на все вышесказанное, либертарно-юридическая концепция прочно заняло свое место в полипарадигмальном пространстве современной теории права. Правда, как иронично заметил В.Г. Графский, концепции больше везет на «упоминание, а понимание»²⁹¹. Следует в целом согласиться с подобным замечанием, отметив то, что подобная участь характерна для всех теорий, требующих значительных интеллектуальных усилий от читателя. Возможно, именно это является причиной того, что научная школа В.С. Нерсисянца не рекрутирует в свои ряды большого числа новых сторонников, а не мнимая приверженность ряда ее представителей «идеям либерального фундаментализма», которая препятствует популяризации самой концепции²⁹².

Выводы. Сегодня представители либертарно-юридического подхода активно развивают собственную догматику, которая в отличие от позитивистской, должна быть не дескриптивной, а прескриптивной. «Необходим переход от обобщения и систематизации нормативного материала, эмпирически данного в позитивном праве, к формулированию требований, обеспечивающих его правовой характер. Традиционные юридические категории, хорошо разработанные позитивизмом, должны получить содержательное истолкование, быть представлены как декомпозиция либертарного понятия права»²⁹³. «Процесс оформления либертарно-юридической догматики, на наш взгляд, завершен еще не в полном объеме, поэтому

²⁸⁹ Лапаева В.В. Типы правопонимания: правовая теория и практика. – М.: РАП, 2012. – С. 131.

²⁹⁰ Варламова Н.В. Российская теория права в поисках парадигмы // Журнал российского права. – 2009. – № 12. – С. 69.

²⁹¹ Графский В.Г. Интегральная (общая синтезированная) юриспруденция как теоретическое и практическое знание // Материалы философско-правовых чтений памяти академика В.С. Нерсисянца «Наш трудный путь к праву» / Сост.: Графский В.Г. – М.: Норма, 2006. – С. 159.

²⁹² Власова О.И. Либертарно-юридическая концепция В.С. Нерсисянца в контексте нашего времени // Право и общество. – 2011. – № 3-4. – С. 365.

²⁹³ Варламова Н.В. Философия права и юридическая догматика (проблема внутренней непротиворечивости правовой теории) // Юриспруденция XXI века: горизонты развития. Очерки. – СПб.: Санкт-Петербургский университет МВД России, 2006. – С. 299.

представляются несколько наивно-оптимистическими выводы о том, что данная концепция может выступать эффективным теоретическим инструментом решения актуальных задач правовой практики»²⁹⁴. Вместе с тем идеи В.С. Нерсесянца, развиваемые В.В. Лапаевой, Н.В. Варламовой, потенциально могут, а в ряде случаев должны выступать в качестве ориентира для законодателей и правоприменителей.

Авторы данной статьи умышленно обошли вниманием критику либертарно-юридического подхода к пониманию права. При том, что ряд «оригинальных претензий» к В.С. Нерсесянцу представляется мало обоснованным, например, в «игнорировании» появления постмодернизма в праве, который не дал ему «достойного ответа»²⁹⁵, хотя совершенно очевидно, что ответ ученого на «все вызовы» содержится в его концепции. В целом же оппоненты во многом выявляют одни те же недостатки, повторяют одни и те же аргументы на протяжении десятилетий, и здесь напрашивается только один вывод – В.С. Нерсесянца до сих пор читают, в отличие от его критиков.

§ 4. Безопасность личности в условиях изменяющихся правовых реалий XXI века

Введение. Безопасность является одной из основных потребностей любого живого организма. На уровне индивида безопасность выражается в стремлении сохранить свое существование, создании наиболее комфортных условий для жизни. Стремление обезопасить свою жизнь и жизнь своих близких является одним из основных сокровенных желаний каждого человека. На протяжении всей истории человечества безопасность человека приковывала к себе особенное внимание, и с течением времени актуальность ее не только не снижается, а наоборот – возрастает.

В условиях стремительно изменяющейся реальности обеспечение безопасности личности является одной из наиболее значимых проблем общества и государства. С развитием научно-технического прогресса и социума в целом, усложнением социальных связей между людьми, формированием новых правоотношений между человеком и государством происходит трансформация восприятия безопасности личности как таковой. Требуется разработка и внедрение современной модели взаимодействия человека и государства, учитывающей современные реалии и происходящие на

²⁹⁴ Власова О.И. Либертарно-юридическая концепция В.С. Нерсесянца в контексте нашего времени // Право и общество. – 2011. – № 3-4. – С. 366.

²⁹⁵ Архипов С.И. Либертарная теория права В.С. Нерсесянца: достоинства и недостатки // Электронное приложение к «Российскому юридическому журналу». – 2015. – № 5. – С. 12.

данном этапе развития события. В связи со стремительно изменяющимися условиями жизни безопасность человека требует всестороннего исследования и разработки векторов развития с учетом тенденций и потребностей сегодняшнего дня.

Вопросы обеспечения безопасности человека на протяжении многих столетий волновали умы не только простых граждан, но и представителей общественных, политических и научных как мировых, так и отечественных кругов. Здесь, безусловно, стоит отметить роль Российской академии наук, которая не осталась в стороне от изучения различных аспектов обеспечения безопасности и продолжает в настоящем активные исследования феномена безопасности, способствуя выработке методов поддержания безопасности. Исследовательская деятельность Российской академии наук служит фундаментом и катализатором процесса формирования и укрепления основ безопасности нашего государства. Результатом особого внимания научных академических кругов к проблемам безопасности явилось учреждение Центра исследования проблем безопасности Российской академии наук и его последующая деятельность как самостоятельного структурного подразделения Российской академии наук. Основными направлениями деятельности данного центра являются комплексный анализ проблем безопасности и разработка предложений по обеспечению безопасности страны, способствующие разработке новых методов обеспечения безопасности в Российской Федерации.

До сих пор в российском законодательстве не содержится легального определения термина «безопасность» и не раскрывается определение «безопасность личности», но вместе с тем оба этих понятия широко применяют в нормативно-правовых актах. Например, данные термины можно найти в текстах таких нормативно-правовых актов, как Конституция Российской Федерации 1993 г.²⁹⁶, Федеральный закон от 28.12.2010 № 390-ФЗ «О безопасности»²⁹⁷, Федеральный закон от 31.07.2020 № 258-ФЗ «Об экспериментальных правовых режимах в сфере цифровых инноваций в Российской Федерации»²⁹⁸, Федеральный закон от 06.03.2006 № 35-ФЗ «О противодействии

²⁹⁶ Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993 с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020) // СПС «КонсультантПлюс». – URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_28399/ (Дата обращения: 10.08.2023 г.).

²⁹⁷ Федеральный закон от 28.12.2010 № 390-ФЗ (ред. от 09.11.2020) «О безопасности». – URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_108546/ (Дата обращения: 10.08.2023 г.).

²⁹⁸ Федеральный закон от 31.07.2020 № 258-ФЗ (ред. от 02.07.2021) «Об экспериментальных правовых режимах в сфере цифровых инноваций в Российской Федерации». – URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_358738/ (Дата обращения: 10.08.2023 г.).

терроризму»²⁹⁹, Указ Президента РФ от 02.07.2021 № 400 «О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации»³⁰⁰, Указ Президента РФ от 05.12.2016 № 646 «Об утверждении Доктрины информационной безопасности Российской Федерации»³⁰¹, а также во многих других нормативно-правовых актах. Однако законодательство лишь ограничивается упоминанием данных терминов в целях формулирования основополагающих принципов обеспечения безопасности, роли отдельных государственных и муниципальных органов в обеспечении безопасности.

Обращаясь к теоретическим источникам, стоит отметить, что в настоящее время на уровне правовой доктрины существуют широкий диапазон взглядов ученых по данному вопросу.

Например, А.Ю. Моздаков определяет безопасность как «сложное социальное явление, противоречивым образом отражающее отношения различных социальных субъектов»³⁰². А.А. Тер-Акопов определяет понятие безопасности как своеобразную систему, которая должна «охватывать как защиту нормального состояния объекта от воздействия факторов, угрожающих жизненно важным интересам, так и восстановление такого состояния»³⁰³. Ф.К. Мугулов трактует безопасность более развернуто – как «уровень защищенности интересов безопасности; определенное состояние объектов безопасности, при котором они способны противодействовать угрозам и преодолевать опасности; достаточность системы мер предотвращения угроз и преодоления опасностей (обычно применяется к высокоорганизованным социальным объектам и является качественной характеристикой эффективности управления); качественная характеристика стабильности и устойчивости развития социальной системы и др.»³⁰⁴

А.Г. Упоров синтезирует понятие безопасности и рассматривает его в двух аспектах – в широком и узком. В широком смысле под безопасностью

²⁹⁹ Федеральный закон от 06.03.2006 № 35-ФЗ (ред. от 26.05.2021) «О противодействии терроризму». – URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_58840/ (Дата обращения: 10.08.2023 г.).

³⁰⁰ Указ Президента РФ от 02.07.2021 № 400 «О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации». – URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_389271/ (Дата обращения: 10.08.2023 г.).

³⁰¹ Указ Президента РФ от 05.12.2016 № 646 «Об утверждении Доктрины информационной безопасности Российской Федерации». – URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_208191/02ede4153cefcb2787580144c4bd05be466415f9/ (Дата обращения: 10.08.2023 г.).

³⁰² Моздаков А.Ю. Социальная безопасность и безопасность личности // Государство и право. – 2008. – № 6. – С. 102.

³⁰³ Тер-Акопов А.А. Безопасность человека (теоретические основы социально-правовой концепции). – М.: Изд-во МНЭПУ, 1998. – С. 13.

³⁰⁴ Галузин А.Ф. Правонарушения как основная угроза правовой и социальной безопасности. – Самара: Изд-во Самар. гос. экон. ун-та, 2007. – С. 9.

он подразумевает национальную безопасность, а «в узком смысле безопасность рассматривается как безопасность личности, ее прав, свобод и интересов, обеспечение которых состоит в реализации конституционных гарантий личной безопасности, в повышении качества и уровня жизни, в физическом, духовном и интеллектуальном развитии человека и гражданина, в упрочнении демократии, создании правового, социального государства, в достижении и поддержании общественного согласия, в духовном обновлении России»³⁰⁵. А С.В. Степашин акцентирует внимание на том, что понятие «безопасность личности» тождественно понятию «безопасность», а безопасность общества и государства являются элементами, обеспечивающими безопасность личности³⁰⁶.

Исходя из вышеуказанного, необходимо отметить, что в теоретических источниках нет единого подхода в том, что именно понимать под безопасностью, каков объем содержания должен быть у данного термина в современном обществе и государстве, как соотносятся понятия «безопасности» и «безопасности личности», что ставит вполне конкретную цель для исследований.

Тем не менее стоит отметить, что такое многообразие взглядов на определение безопасности говорит об определенном интересе со стороны ученых-юристов к вопросам разработки категории безопасности и различным аспектам ее обеспечения, но также указывает и на отсутствие консенсуса в определении данного явления. Более того, в доктринальных исследованиях не акцентируется внимание на необходимость изменения объема содержания понятия безопасности в целом, и безопасности личности в частности, согласно меняющимся реалиям. В настоящее время назрела существенная необходимость в переосмыслении безопасности личности в контексте современных тенденций, происходящих как на международной арене, так и в российском обществе и государстве.

Тем не менее вопросы безопасности личности, как и вопросы национальной безопасности в целом, с каждым годом все больше привлекают к себе внимание. Российская Федерация, как и международное сообщество, стремится усилить основы безопасности личности, сформировать адекватную систему реагирования на нарушения ее целостности. В первую очередь такие устремления выражаются в разработке правового массива, направленного на расширение правового статуса человека путем дополнения его содержания новыми правами, формирование дополнительных гарантий и механизмов обеспечения охраны и защиты человека.

³⁰⁵ Упоров А.Г. Основы безопасности государства и личности. – Новокузнецк: ФГОУ ВПО Кузбасский ин-т ФСИН России, 2009. – С. 5.

³⁰⁶ Галузин А.Ф. Правонарушения как основная угроза правовой и социальной безопасности. – Самара: Изд-во Самар. гос. экон. ун-та, 2007. – С. 19.

Основное исследование. В современном демократическом, правовом и социально ориентированном государстве безопасность личности играет одну из фундаментальных основ выстраивания взаимоотношений между государством и человеком. Безопасность человека в правовом и демократическом государстве представляет не просто сохранение жизни индивида, но и создание определенных благоприятных условий для существования человека. В данном контексте безопасность приобретает более широкие черты и характеристики, выражающиеся во всестороннем обеспечении безопасности всех граней бытия индивида. Само по себе провозглашение государства демократическим и правовым является не банальным набором слов, а определением вектора развития и существования государства в заданных рамках. В современных условиях обеспечение безопасности личности вышло за рамки самостоятельной деятельности отдельного человека или группы лиц, и, приобретя исключительно правовой характер, стало задачей государства. Стоит отметить и то, что международное сообщество стремится к развитию системы охраны личности как первейшему звену в триаде «человек-общество-государство».

Провозглашение Российской Федерации правовым демократическим государством в ст. 1 Конституции Российской Федерации 1993 г. стало актом, задавшим современный вектор развития нашего государства. Признание человека высшей ценностью наряду с его правами и свободами, закрепленное в ст. 2 Конституции Российской Федерации³⁰⁷, придало приоритетность положению человека в государстве, позволило сформировать гуманистические векторы развития отечественного законодательства, и послужило основой развития государственной политики в духе всесторонней охраны и защиты человека, а соответственно и безопасности личности.

Однако в истории такой подход к обеспечению безопасности личности был не всегда. Практически до конца XX века право рассматривало безопасность с позиции сохранения государственного суверенитета, укрепления внешних границ и обеспечения внутренней стабильности государства³⁰⁸. В советский период безопасность рассматривали исключительно как государственную безопасность, сводившуюся к обеспечению деятельности контрразведки и недопущению какой-либо оппозиции³⁰⁹. При этом под безопасностью

³⁰⁷ Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993 с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020) // СПС «КонсультантПлюс». – URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_28399/ (Дата обращения: 10.08.2023 г.).

³⁰⁸ Галузин А.Ф. Правовая безопасность и ее принципы. – СПб.: Юридический центр Пресс, 2008. – С.33-34.

³⁰⁹ Терехова Н.Н. Государственно-правовые основы безопасности личности в Российской Федерации. – М.: Наука, 2009. – С. 5.

человека подразумевалось обеспечение исключительно физической безопасности человека, которая заключалась в обеспечении правопорядка и борьбе с преступностью. Таким образом, безопасность личности попросту не рассматривалась как самостоятельная правовая категория и поглощалась безопасностью государства. Все основное внимание уделялось интересам государства и общества, что, в свою очередь, не могло в полной мере способствовать развитию данной правовой категории.

С принятием Конституции Российской Федерации в 1993 г. происходит коренной переворот в понимании взаимоотношения государства и человека – человек переходит из статуса объекта воздействия государства в статус субъекта, обладающего широким комплексом прав и свобод. Отношения государства и человека приобретают в большей степени равноправный характер.

Для анализа современных тенденций в области безопасности важна оценка действующих угроз безопасности личности. Среди основных угроз в Российской Федерации стоит выделить ряд явлений, существующих на протяжении длительного периода времени и способных нанести ущерб безопасности личности: высокий уровень правонарушений, как крайняя степень выражения данного явления преступления против жизни и здоровья российских граждан; стремление население страны решать проблемы внеправовыми методами, что зачастую порождает более серьезные нарушения правовых норм; оптимизация сети здравоохранения, сопровождающаяся существенным снижением доступности медицинской помощи для широких слоев населения; обострение экономического кризиса, связанного как с внутригосударственными, так и международными процессами, что привело к росту уровня безработицы; низкий уровень доходов российского населения на фоне растущих цен на продукты и товары первой необходимости, а также медикаменты; опережение роста цен на товары повышения заработной платы работающих граждан; деморализация населения и рост таких социальных болезней как наркомания, алкоголизм; иные неблагоприятные процессы. Вместе с тем стоит отметить и возникновение новых факторов, влияющих на безопасность личности и напрямую связанных с современными реалиями.

Сегодня на международной арене происходит отход от однополярного в сторону формирования многополярного мира, появляются новые страны-лидеры. В результате происходящей трансформации международного диалога между государствами с одной стороны, формируются новые основы взаимодействия, а с другой – нарастает конфликтность отношений между участниками международного диалога, что не может быть одним из факторов, формирующих угрозы безопасности личности. Все это требует поиска новых условий взаимодействия между странами-участниками международных отношений. Снижение эффективности глобальной системы безопасности

приводит к необходимости усиления вооруженного потенциала государств, что приводит к затяжной гонке вооружений, и росту проявлений нестабильности в мире, в том числе сохранению такого явления как терроризм. Стоит отметить и сохраняющуюся диспропорцию среди стран по уровню жизни населения. Данные факторы, так или иначе, влияют на безопасность каждого человека.

Все с большей силой приковывают к себе внимание международного сообщества проблемы экологического характера. Сохранение благоприятной экологической среды признано не просто модным трендом, а насущной необходимостью для всех живущих на планете. Сегодняшние процессы в сфере экологии способны не только нанести существенный вред здоровью человека, но и изменить существующий природный баланс. Также с развитием научно-технического прогресса связаны вопросы клонирования, генной инженерии, репродуктивных прав человека, а также развития бактериологического оружия. Оставление данных областей без должного правового регулирования способно существенным образом повлиять на безопасность не только человека, но и государства в целом.

Стремительное развитие информационных технологий существенно улучшало жизнь людей во всем мире, но в месте с тем породило ряд аспектов, которые требуют правового регулирования. Так, новейшие технологии XXI века позволяют совершать противоправные действия вне физического поля взаимодействия субъектов правоотношений, что вызвало стремительный перевод преступных действий в виртуальное пространство. Сейчас в Интернете можно встретить контент с информацией экстремистского и порнографического содержания, функционирующих на постоянной основе «групп смерти», распространителей недостоверной и искаженной информации, наркотических и психотропных веществ, а также недобросовестные граждане могут получить доступ к капиталам граждан и их личной информации, и, как следствие, возможность их похищения и использования в противоправных целях, создавать пути легализация полученных криминальным путем капиталов, и прочее. Конечно, все это не может не породить обеспокоенность среди общечеловеческой общности.

Одной из основных проблем, возникшей в конце 2019 года и продолжающейся до сих пор, является распространение мировой пандемии, связанной с распространением вируса COVID-19. Доселе неизвестный вирус по своим масштабам стал «чумой» XXI века. Несмотря на введение многими странами локдаунов и разработку вакцин, вирус по-прежнему остается насущной проблемой мирового сообщества, а появление новых мутаций заставляет направлять все большие усилия на поиск решений по борьбе с ним. Коронавирус полностью изменил картину мира и еще раз заставил задуматься о том, что

обеспечение безопасности каждого человека во всех ее проявлениях является основным условием сохранения жизни человечества.

Современные тенденции получили свое отражение в качестве приоритетных направлений обеспечения национальной безопасности в Указе Президента РФ от 02.07.2021 № 400 «О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации»³¹⁰. Так, Стратегия национальной безопасности содержит комплекс задач и принципов обеспечения не только безопасности государства и общества, но и безопасности личности посредством применения сугубо правовых механизмов ее поддержания. Само же понимание национальной безопасности рассматривается как единство безопасности личности, общества и государства. Стоит согласиться с тем, что «существует прямо пропорциональная зависимость между безопасностью человека и национальной безопасностью»³¹¹.

В государственно-правовом контексте родовым понятием в сфере обеспечения безопасности является национальная безопасность. Соответственно безопасность личности (человека), которая входит в национальную безопасность рассматривается наряду с общественной и государственной как одна из основ. В целом общество и государство представляют собой, прежде всего, совокупность, общность личностей. «Следовательно, сохранение, состояние вышестоящей системы – общества, государства – зависит от сохранения, состояния ее частей (личностей)»³¹². Стремление государства и человека сохранить безопасность личности однозначно является взаимным. Любое государство нацелено на сохранение населения, а нацеленность на демографический рост и увеличение количественных показателей населения вызывает обоснованный интерес к развитию обеспечения безопасности личности.

Стоит констатировать тот факт, что происходит закономерное расширение общественных отношений, требующих обеспечения безопасности личности. Стоит согласиться с Д.Ф. Зиятдиновым, что «на современном этапе наблюдаются сдвиги в подходах к безопасности: от безопасности, которая делает упор на военную защиту государства, к вопросам безопасности человека, а также к более широким концепциям безопасности. Таким образом, возникает потребность к расширенному системному подходу к безопасности»³¹³.

³¹⁰ Указ Президента РФ от 02.07.2021 № 400 «О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации» // СПС «КонсультантПлюс». – URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_389271/ (Дата обращения: 10.08.2023 г.).

³¹¹ Климашин А.Г. Понятие безопасности: проблемы интерпретации // Социологический альманах. – 2019. – № 10. – С. 291.

³¹² Горшенков Г.Г. Безопасность личности и государственное управление: учебное пособие. – Н. Новгород: Изд-во Волго-Вятской академии гос. службы, 2006. – С. 6.

³¹³ Зиятдинов Д.Ф. Теоретические подходы к проблемам безопасности в международных отношениях: концепция безопасности человека // Мировая политика. – 2020. – № 4. – С. 35.

Рассмотрение безопасности личности в правовой плоскости характеризуется тем, что данную категорию стоит рассматривать с позиции разработанности комплекса гарантированных прав и свобод человека. На сегодняшний день в правовом измерении «безопасность личности» выражается в охране и защищенности всего комплекса конституционных прав и свобод человека и гражданина³¹⁴.

Провозглашение в части 1 статьи 1 Конституции Российской Федерации³¹⁵ правовым государством предполагает перенос области безопасного бытия человека как абстрактной категории в область права, ее правовую конкретизацию, и, прежде всего, через конституционные права человека как ядро конституционно-правового статуса личности. Конституция страны определяет векторы развития всего массива внутригосударственного законодательства в вопросах регулирования положения и обеспечения безопасности человека, которая должна оцениваться через призму гарантированных конституционных прав и свобод, конституционного положения человека в правовой сфере жизни государства и общества.

Нормы, регламентирующие те или иные стороны обеспечения безопасности личности, порядок обеспечения, правовые и прочие гарантии, содержатся в целом ряде нормативно-правовых актов разного уровня – международного, федерального, субъектов федерации и муниципального.

В настоящее время правовой статус человека формируется не только из прав и свобод, закрепленных во внутригосударственном законодательстве, но и из прав и свобод, закрепленных в международных правовых актах. В качестве одной из фундаментальных основ конституционного строя выступает положение части 4 статьи 15 Конституции Российской Федерации, согласно которой «общепризнанные принципы и нормы международного права и международные договоры Российской Федерации являются составной частью ее правовой системы. Если международным договором Российской Федерации установлены иные правила, чем предусмотрены национальным законом, то применяются правила международного договора»³¹⁶. Из этого следует признать целесообразным включение в правовой статус

³¹⁴ Федотова Ю.Г. Безопасность личности как элемент конституционной безопасности Российской Федерации // Адвокатская практика. – 2014. – № 4. – С. 61.

³¹⁵ Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993 с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020) // СПС «КонсультантПлюс». – URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_28399/ (Дата обращения: 10.08.2023 г.).

³¹⁶ Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993 с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020) // СПС «КонсультантПлюс». – URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_28399/ (Дата обращения: 10.08.2023 г.).

человека ряда прав, содержащихся в ратифицированном Россией международном законодательстве.

Таким образом, вопросы обеспечения безопасности личности имеют комплексный и многоплановый характер. Хотя правовой базой обеспечения безопасности личности выступает совокупность всего нормативного массива, регламентирующего вопросы защиты и охраны человека, основой системы являются, безусловно, нормы конституционного права. При этом конституционно-правовое регулирование в области формирования и обеспечения безопасности личности сегодня достигло таких объемов, которые позволяют говорить о наличии самостоятельного конституционно-правового института безопасности личности. Ввиду этого, важным во взаимодействии в области обеспечения безопасности личности является поиск баланса между частными и публичными интересами. Безопасность — это конституционная категория, нормативно-правовое содержание которой не ограничивается чисто публичной направленностью (на общество и государство), и в своем понятии определяет состояние защищенности жизненно важных интересов личности, общества и государства на основе последовательного обеспечения их баланса. Вследствие чего категория безопасности призвана отражать как публичные, так и частные интересы в их взаимосвязи и сбалансированности. Неслучайно Конституция Российской Федерации в части 1 статьи 56 определяет в качестве равнозначных оснований возможных ограничений прав и свобод в условиях чрезвычайного положения а) обеспечение безопасности граждан и б) защиту конституционного строя.³¹⁷

Полагаем, что в целях тщательного изучения аксиологического содержания изучаемого явления будет целесообразным рассмотреть безопасность личности сквозь призму конституционных ценностей как первейших ориентиров развития правового демократического государства. «Правовое закрепление господствующих в обществе ценностей государство реализует через включение соответствующих норм в законодательные акты, в частности в Конституцию».³¹⁸ Сама суть безопасности человека является объективной необходимостью и потребностью сравнимой с «воздухом», без которого существование невозможно, что характеризует ее повышенное аксиологическое содержание. Сквозь призму права безопасность личности следует рассматривать посредством определения уровня обеспечения прав и свобод человека. Конституционно закрепленное признание высшими ценностями в

³¹⁷ Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993 с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020). — URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_28399/ (Дата обращения: 10.08.2023 г.).

³¹⁸ Терехова Н.Н. Государственно-правовые основы безопасности личности в Российской Федерации. — М.: Наука, 2009. — С. 81.

Российской Федерации человека, его прав и свобод позволяет говорить о необходимости создания системы охраны и защиты данных ценностей, а именно о создании правовых механизмов обеспечения безопасности личности. Современное понимание безопасности личности представляет в первую очередь состояние охраны и защиты гарантированного комплекса прав и свобод человека. Конституционным ценностям присуща общезначимость, а сами ценности являются отражением общественного бытия и призваны формировать ценностные ориентиры развития законодательства. «Конституционная норма постольку может трансформироваться в конституционную ценность, поскольку содержание этой нормы имеет непосредственное отношение к правам и свободам личности и гарантирует возможность их реализации».³¹⁹

Конституционными ценностями становятся естественно-правовые ценности, которые формируются в обществе естественным путем (т. е. появились до их конституционного закрепления).³²⁰ Именно таким образом обрели статус конституционных ценностей жизнь, здоровье, право на свободу и личную неприкосновенность, а также остальные права и свободы, гарантированные второй главой Конституции Российской Федерации³²¹ и образующие в совокупности первейшее требование для существования человека. Именно при соблюдении прав человека и реально действующем механизме их охраны и защиты мы можем говорить о наличии безопасности личности. Соответственно, безопасность личности в правовом измерении, как состояние охраны и защиты гарантированных прав и свобод, сегодня рассматривается как конституционную ценность. Как пишет Н.С. Бондарь, «нормативные начала конституционных ценностей проистекают из их объективной социальной значимости ... в качестве первичного и безусловного основания как для правовой системы государства в целом, так и для каждой ее юридической нормы».³²²

Безопасность личности как ценность наивысшего порядка (конституционная ценность) представляет собой естественное благо, которое гарантирует возможность человеку в процессе своей жизнедеятельности беспрепятственно пользоваться конституционно гарантированным комплексом прав и свобод. В отличие от иных видов социальной безопасности, так или иначе проецирующихся на состояние безопасности индивида (экономической,

³¹⁹ Малый А.Ф., Пермиловский М.С. Теория основ конституционной аксиологии // Конституционное и муниципальное право. – 2015. – № 4. – С. 5.

³²⁰ Казанцева О.Л. Конституционные ценности: современный опыт России и зарубежных стран. – Барнаул: Алтайский гос. ун-т, 2013. – С. 32-33.

³²¹ Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993 с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020). – URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_28399/ (Дата обращения: 10.08.2023 г.).

³²² Бондарь Н.С. Аксиология судебного конституционализма: конституционные ценности в теории и практике конституционного правосудия. – М.: Юрист, 2014. – С. 21-22.

международной и т. д.) и получающих конституционно-правовое опосредование, безопасность личности представляет собой объективный (естественно-правовой) уровень безопасности, который является первоначальным и позволяет существовать человеку не только как живому организму, но и выступать полноправным субъектом в правовом пространстве.

Как ценностное значение безопасности личности универсально для всех людей, так и большинство современных угроз для нее носят универсальный характер. Стоит констатировать и тот факт, что современное понимание безопасности личности не может иметь сугубо локальное понимание и изменяться от страны к стране. Понимание безопасности человека должно быть универсальным для международного сообщества и всех государств. Международное сообщество стремится выработать основополагающие мировые стандарты безопасности человека в целях унификации данной категории. Во многом этому способствует разработка норм международного законодательства и деятельность международных организаций. Объем содержания безопасности человека в одной стране не может быть существенно больше или меньше, нежели в других странах, тем более изменяться в зависимости от региона одной страны. Современное понимание безопасности — это не только сохранение физической целостности организма, но и обеспечение незыблемости прав человека. Именно признание широкого комплекса прав и свобод человека, как на международном, так и внутригосударственном уровнях, позволяет внедрять единые стандарты обеспечения безопасности личности в мире.

Выводы. Таким образом, под воздействием господствующих в жизни общества тенденций современное понимание безопасности личности обретает новые черты. Если ранее безопасность рассматривалась сугубо как сохранение физической целостности организма, то на данный момент сведение безопасности личности исключительно к сохранению жизни и неприкосновенности недопустимо, так как это однозначно сужает картину понимания данного правового явления. Современное понимание безопасности личности неразрывно связано с незыблемостью правового статуса человека, с комплексом гарантированных ему прав и свобод. Очевидным является и тот факт, что объем содержания правового статуса человека имеет тенденцию к расширению. Данный процесс зачастую связан с развитием и усложнением общественных связей, неизбежностью научно-технического прогресса и, как следствие этому, возникновением новых угроз для человека, требующих обеспечения безопасности личности. Появление новых областей в жизни человека требует формирования законодательных основ безопасности, учитывающих эти изменения. Среди таковых информационная среда, развитие передовых медицинских технологий и ряд других сфер, зародившихся в процессе

развития общества и требующих новых подходов к обеспечению безопасности личности.

По своей природе безопасность личности неразрывно связана с правами человека и представляет собой конституционную ценность высшего порядка. Полагаем, что нельзя сводить безопасность личности только к понятию состояния безопасности и понимать ее статично. Безопасность личности включает в себя целую систему по обеспечению безопасности личности. Это сложное социально-правовое явление, носящее динамичный характер развития и изменяющееся по мере развития общества. В данное понятие необходимо включать не только состояние защищенности личности и законодательный массив, направленный на урегулирование безопасности личности, но и механизм поддержания и обеспечения должного уровня безопасности. Под механизмом поддержания необходимо подразумевать меры и средства, направленные на сохранения безопасного состояния личности, при котором человек получает реальную возможность раскрыть заложенный в нем потенциал, а именно реализоваться как личность, а также меры и средства, направленные на устранение угроз.

§ 5. Неюридические средства в системе правового регулирования

Введение. Регулятивный процесс происходит под общим воздействием самых разных факторов и инструментов, которые, принимая соответствующую форму, способны привести социальную систему в такое состояние, параметры которого наиболее соответствуют ожидаемой и эффективной работе составляющих ее элементов. Одним из важнейших составляющих этого процесса в современном государственно-организованном обществе является правовое регулирование – открытая и развивающаяся система, включающей в себя совокупность социально-правовых средств. Интеграция социального и юридического аспектов в системе правового регулирования представляет его в единстве и во взаимосвязи с социальной системой в целом и деятельностью людей, их интересами и потребностями, в частности.

Утверждение о том, что право следует понимать как явление, обусловленное культурными, духовными особенностями различных социальных групп в частности и общества в целом³²³, не вызывает сомнений. Соответственно, право имеет большие возможности в формировании как своего специфического инструментария, отражающего неразрывную

³²³ Синюков В.Н. Российская правовая система: введение в общую теорию. – М.: Норма, 2010. – С. 205.

связь с государством, так и обусловленного связью с социальной системой. В этом контексте интересно следующее высказывание: «общественные институты независимо от государства располагают средствами и санкциями, необходимыми для того, чтобы привести индивида к признанию и соблюдению юридических норм, воплощающих в себе нравственные ценности и идеалы³²⁴».

Основное исследование. Восприятие права как сложного многогранного социокультурного явления, обусловленного не только государственными установлениями, а следовательно, и понимание многоаспектности системы правового регулирования, постепенно утверждается сегодня в юридической науке. Неоценимый вклад в этот процесс внес доктор юридических наук, профессор, академик РАН В.С. Нерсесянц. В рамках разработанной им либертарной теории впервые реализована попытка фундаментального пересмотра господствовавших в советский период нашей истории этатистских представлений о праве. Работы «Наш путь к праву»³²⁵, «Право – математика свободы»³²⁶, «Философия права»³²⁷ – отстаивают идеи различения права и закона, противопоставляют субъективную волю законодателя объективной внутренней логике развития социума, обусловленной определенной необходимостью. На это же обращал внимание и выдающийся правовед, доктор юридических наук, профессор, член-корреспондент Российской Академии наук С.С. Алексеев, отмечая, что подобный научный подход позволит увидеть и держать в поле зрения все грани права, последовательно охарактеризовать их, начиная с наличных юридических реалий, а затем – через особенности юридического содержания – к глубоким, «невидимым» пластам правовой материи³²⁸.

Социальный аспект важно не только рассматривать, но и включать в систему правового регулирования по причине большого потенциала социорегулятивных сил в пределах правового поля. Не секрет, что государственно-властные веления в виде нормативно оформленных правил поведения далеко не всегда результативны и эффективны так, как планировалось при их формулировании. В этой связи, как отметил Г.В. Атаманчук, нужно уходить от такой ситуации, когда появляется норма, которая, с одной стороны, социологически не обоснована, а с другой – практически не

³²⁴ Сауляк О.П. Парадигма правопорядка: современное прочтение // Правоведение. – 2006. – № 3 (266). – С. 169.

³²⁵ Нерсесянц В.С. Наш путь к праву. От социализма к цивилизму. – М.: Российское право, 1992. – 352 с.

³²⁶ Нерсесянц В.С. Право – математика свободы. Опыт прошлого и перспективы. – М.: Юристь, 1996. – 160 с.

³²⁷ Нерсесянц В.С. Философия права: учебник для вузов. – М.: Норма, 2005. – 656 с.

³²⁸ Алексеев С.С. Право: опыт комплексного исследования. – М.: Статут, 1999. – С. 275.

действует³²⁹. Кроме того, существование устаревших, противоречивых норм, а также пробелы в законодательстве ведут к недостаточности регулирования, а порой и невозможности решить существующие правовые запросы. Своевременно вспомнить слова правоведа Н.К. Ренненкампа о том, что «признание высоких достоинств закона не должно обращаться в слепое поклонение перед этою формою права»³³⁰.

Подобным состоянием дел и обусловлена необходимость окончательного перехода на внедрение принципов дополнительности и альтернативности в систему правового регулирования, что, в свою очередь, позволит обосновать существование в праве различных социальных, неюридических аспектов, и использовать в процессе правовой регуляции потенциала этих элементов.

Такое внедрение предполагает признание использования в реализации требований законодательства средств неюридического характера. Иначе говоря, использование потенциала иных социальных регуляторов, способных помочь в достижении поставленной правовой цели конкретному субъекту в конкретной ситуации.

Для терминологической упорядоченности часть инструментария правового регулирования, отличную от формально-правовых (юридических) средств, необходимо называть неюридическими средствами.

Термин «неюридическое средство» используется, как правило, тогда, когда речь идет о тех способах и методах воздействия, что исходят не от государства, его органов или должностных лиц и не санкционируются ими³³¹.

Неюридические средства как разновидность средств правового регулирования представляют собой социально значимые явления, выраженные в форме установлений и действий, с помощью которых удовлетворяются интересы субъектов, находящихся в правовом поле. Установления представляют собой различные социальные нормы и правила поведения участников конкретного общественного отношения, обеспечивающие достижение цели правового регулирования. Действия – это совокупность приемов и способов (действий), посредством которых субъект также может достичь поставленной цели. С помощью этих действий возможно запретить какое-либо поведение, обязать к нему, предоставить возможность поступить каким-либо образом или направить поведение в необходимое русло.

³²⁹ Атаманчук Г.В. Предисловие // Публично-правовое регулирование государственной службы: институционально-функциональный анализ / Казанцев Н.М. – М.: РАГС, 1999. – С. 4.

³³⁰ Ренненкампа Н.К. Юридическая энциклопедия. Четвертое издание. – Киев: Тип. Т-ва И.Н. Кушнерев, 1913. – С. 67.

³³¹ Вулфел Ч.Дж. Энциклопедия банковского дела и финансов. – Самара: ЗАО «Корпорация Федоров», 2003. – С. 312.

Неюридические средства участвуют в правовом регулировании особым образом. Систему правового регулирования в соответствии с деятельностным подходом составляют три элемента: цель, средство и результат³³². Цель правового регулирования конкретных общественных отношений определяется правовой сферой, к которой эти отношения относятся. Цель – это правопорядок, конкретная модель которого содержится в соответствующем правовом акте, регулирующем данные общественные отношения. Движение от обозначенной цели до результата (фактического правопорядка, реального состояния, заданного соответствующей моделью) обеспечивается разнообразными правовыми средствами: юридическими нормами (например, правила поведения в судебном заседании, права и обязанности участников правоотношений договора купли-продажи), актами реализации норм права и др. В то же время участники этих правоотношений могут руководствоваться различными социальными нормами, выполняющими свою регулятивную функцию в пределах правового поля. Например, обычаи или нормы религии и морали могут оказывать достаточно сильное воздействие на поведение субъектов и способствовать достижению правопорядка. Их роль как средств правового регулирования в том, что они способствуют реализации необходимой модели порядка именно в правовой сфере. Цель связывается с результатом в процессе правового регулирования, а не морального или религиозного.

Важно отметить, что, в отличие от юридических средств, которые законодатель постоянно пытается ввести в строго очерченные рамки, регламентировать их применение и т. д., неюридические средства не образуют какую-либо самостоятельную систему, не выстраиваются в определенную иерархию. Неофициальный, не зафиксированный в документах характер неюридических средств избирает в качестве гаранта их действительности общественное мнение либо эффективность конкретного социального регулятора как такового. Результативность регулирования с помощью неюридического средства зависит от каждой конкретной ситуации, от конкретных субъектов и объектов воздействия.

Регулятивный потенциал в пределах правовой сферы каждого неюридического средства может быть раскрыт применительно к определенной, уже сложившейся ситуации и не имеет заранее установленной силы, поскольку обстоятельства, характеризующие данные ситуации, всегда разные. Таким образом, с достаточной долей условности можно заблаговременно утверждать о том, насколько эффективным будет такое регулирование.

Ситуативность, присущая неюридическим средствам, представляет собой зависимость от самых разнообразных факторов, как объективных, так и

³³² Волков А.М., Микадзе Ю.В., Солнцева Г.Н. Деятельность: структура и регуляция. – М.: МГУ, 1987. – С. 107-108.

субъективных. К объективным факторам относятся: вид конкретного отношения, которое возникает и нуждается в регулировании; культурные характеристики, присущие участвующим в данном отношении сторонам; ценности, которые выступают ориентиром для данной социальной группы, а также различия в них и т. д. Субъективные факторы: конкретные потребности и интересы, мировоззренческие установки, индивидуальные психологические особенности, образующиеся в процессе жизнедеятельности и воздействия окружающих; собственные установки на определенное поведение и т.д.

В каждой конкретной ситуации, требующей правового регулирования, субъект избирает круг тех средств, которые могут быть использованы для упорядочения конкретных социальных взаимодействий, для направленного воздействия на объект регулирования.

В виде неюридических средств выступают сложившиеся и уже функционирующие социальные регуляторы. Данные неюридические средства проявляют себя как социальные нормы и правила поведения, так и определенные способы и приемы, используемые в целях правового регулирования.

При характеристике неюридических средств необходимо отметить, что они могут иметь нормативный характер. В связи с этим важный пласт социальных явлений, способных приобретать черты правовых средств, составляют различные социальные нормы. В первую очередь, имеются в виду мораль (нравственные нормы), религиозные нормы, обычаи, корпоративные нормы.

Общечеловеческим содержанием морали в обобщенном виде является «золотое правило», сформулированное подобно кантовскому категорическому императиву: «Поступай по отношению к другим так, как хочешь, чтобы они поступали по отношению к тебе». Такие категории, как совесть, честь, долг, гражданское чувство ответственности, оказывают серьезное воздействие на поведение людей. Воплощенные в нравственных нормах ценности определяют высшими критериями поведения людей моральные нормы и оценки. Мораль в связи с этим участвует в правовом регулировании, позволяя оценивать юридические нормы и иные юридические средства на предмет их соответствия требованиям справедливости и моральным ожиданиям.

Нравственные нормы являются универсальными регуляторами человеческого поведения, и их влияние распространяется в том числе на правовую сферу. Некоторые моральные нормы имеют своеобразное воплощение в юридических нормах, как, например, безусловное требование нормы морали «чти отца своего и мать свою» нашло отражение в Конституции РФ³³³, Семейном

³³³ Конституция Российской Федерации» (с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020). Официальный текст Конституции РФ с внесенными поправками от 14.03.2020 опубликован на официальном интернет-портале

кодексе РФ³³⁴, где на совершеннолетних трудоспособных детей возлагается юридическая обязанность заботиться о своих нетрудоспособных родителях. Кроме того, законодатель часто использует при конструировании юридических норм категории морали (в частности, термин «справедливость» в ч. 3 ст. 2 Арбитражного процессуального кодекса РФ³³⁵, ст. 2 ГПК РФ³³⁶, ст. 17 УПК РФ³³⁷), а также провозглашает основные начала, принципы, задачи, положения, цели законодательства и т. п., которые в целом можно охарактеризовать как соответствующие моральным ценностям (Конституция РФ³³⁸, ст. 3 Налогового кодекса РФ³³⁹ и др.).

Моральные нормы могут участвовать в правовом регулировании в качестве неюридических средств. Например, ситуация кредитора и должника. Цель правового регулирования указанных правоотношений заключается в своевременном возврате займа от должника кредитору. Однако должник вовремя не возвращает долг, и кредитор вынужден обратиться в правоохранительные органы за защитой. В данном случае иск в суд выступает юридическим средством, которое требует дополнительных ресурсов и времени для достижения цели правового регулирования. Неюридическим средством может выступить норма морали. Если состоится разговор кредитора с должником, где сошлется на соответствующие нормы, на мнение окружающих, которое неизбежно сформируется при указанном противоправном поведении, то второй, находясь под воздействием нормы морали, может осознать свою непорядочность, не пожелает выглядеть «плохим человеком» в глазах окружающих и вернет долг кредитору. Цель правового регулирования (возврат долга) будет достигнута, обе стороны придут к компромиссу (кредитор «простит» несвоевременность, должник вернет долг без судебных разбирательств). Данный процесс не выступает моральным регулированием, так как

правовой информации. – URL: <http://www.pravo.gov.ru>, 04.07.2020. Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

³³⁴ Семейный кодекс Российской Федерации» от 29.12.1995 № 223-ФЗ (ред. от 02.07.2021) // Собрание законодательства РФ. – 01.01.1996. – № 1. – Ст. 16.

³³⁵ Арбитражный процессуальный кодекс Российской Федерации от 24.07.2002 № 95-ФЗ (ред. от 01.07.2021, с изм. от 22.07.2021) // Собрание законодательства РФ. – 29.07.2002. – № 30. – Ст. 3012.

³³⁶ Гражданский процессуальный кодекс Российской Федерации от 14.11.2002 № 138-ФЗ (ред. от 01.07.2021) // Собрание законодательства РФ. – 18.11.2002. – № 46. – Ст. 4532.

³³⁷ Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации» от 18.12.2001 № 174-ФЗ (ред. от 01.07.2021, с изм. от 23.09.2021) // Собрание законодательства РФ. – 24.12.2001. – № 52 (ч. I). – Ст. 4921.

³³⁸ Конституция Российской Федерации» (с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020). Официальный текст Конституции РФ с внесенными поправками от 14.03.2020 опубликован на официальном интернет-портале правовой информации. – URL: <http://www.pravo.gov.ru>, 04.07.2020. Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

³³⁹ Налоговый кодекс Российской Федерации (часть первая) от 31.07.1998 № 146-ФЗ (ред. от 02.07.2021) // Собрание законодательства РФ. – № 31. – 03.08.1998. – Ст. 3824.

отношения указанных субъектов находятся в правовой сфере и являются правовыми, цель и результат соответствуют модели правопорядка и изначально не направлены на достижение добра или соответствие образу «хорошего человека».

Приведенный пример довольно простой и схематичный, но он демонстрирует механизм участия моральных норм в качестве неюридических средств в правовом регулировании. При этом мораль служит средством согласования поведения одного индивида с интересами другого, как ответ на социальную потребность в преодолении противоречий между интересами личности и общества.

Неоспорим тот факт, что все общественные отношения подвергаются воздействию со стороны сложившихся в обществе моральных принципов верности, взаимности, постоянства, честности. Они оказывают заметное влияние на создание и реализацию правовых норм. Особо важную роль моральные нормы играют в процессе применения норм права компетентными органами при решении конкретных юридических дел. Так, правильное юридическое решение судом вопросов об оскорблении личности, хулиганстве и др. во многом зависит от учета моральных норм, действующих в обществе.

Религиозные верования и знания занимают особое место в духовной культуре общества, поскольку они определяют значение предельных состояний человеческого бытия. Наряду с этим, они содержат ценности и установки, аккумулирующие в себе выработанные веками нормы и правила человеческого общежития, в том числе гуманистическую ориентацию, призывающую к социальной справедливости и любви к ближнему, взаимной терпимости и уважению. Поэтому закономерно, что религиозные идеи и ценности способствуют социальной интеграции и стабильности общества.

Влияние на эффективность правового регулирования религиозных норм ощутимо тогда, когда воспитание и первичная социализация человека осуществляются под влиянием религиозных идей и ценностей. Имеется в виду не строго религиозное воспитание и образование, а включение религиозной морали и ценностей в воспитательный процесс в качестве одной из составных его частей. В таком случае в общественном поведении человека религиозные нормы сочетаются с требованиями общественной морали.

Иллюстрацией действия религиозной нормы в системе правового регулирования в качестве неюридического средства может служить ситуация, в которой лицо не только не совершает противоправное деяние, например, осквернение мест захоронения (ст. 244 Уголовного кодекса России)³⁴⁰, но и не допускает мысли о самой возможности совершения им такого деяния,

³⁴⁰ Уголовный кодекс Российской Федерации» от 13.06.1996 № 63-ФЗ (ред. от 01.07.2021), (с изм. и доп., вступ. в силу с 22.08.2021) // Собрание законодательства РФ. – 17.06.1996. – № 25. – Ст. 2954.

основываясь не на страхе наказания, которое неизбежно последует от государства в лице его органов, а на страхе совершить грех и получить Божье наказание.

На заре человеческой истории в отношениях людей преобладали стихийно сложившиеся, существовавшие тысячи лет привычки, которые закреплялись в повседневной жизни людей путем воспроизведения одними того, что делают другие. Вслед за привычкой складывается обычай, т. е. традиционно установившиеся правила общественного поведения³⁴¹, который в архаических обществах выступал в качестве основного регулятора отношений между людьми. Эти правила не навязывались человеку извне, а принимались им добровольно как универсальный жизненный принцип.

На определенном этапе развития общества обычная норма выступает индикатором важнейших, жизненно необходимых социальных ситуаций, действует в отношении всех, кто подпадает под ее содержание. И те обычаи, которые эффективно регулируют те или иные общественные отношения, поощряются и санкционируются законом, тем самым превращаясь в правовой обычай. Государственное санкционирование, как правило, проявляется в том, что государственные органы в своей деятельности используют их в качестве нормативной основы для вынесения властно-распорядительных решений, издания судебных и административных актов. Например, участники правовых отношений вправе обосновывать свои требования и защищать права ссылками на сложившиеся правовые обычаи. Так, в ч. 1 ст. 19 ГК РФ³⁴² указывается, что «гражданин приобретает и осуществляет права и обязанности под своим именем, включающим фамилию и собственное имя, а также отчество, если иное не вытекает из закона или национального обычая», а ст. 134 Кодекса торгового мореплавания РФ³⁴³ устанавливает, что «срок, в течение которого груз должен быть погружен на судно, определяется соглашением сторон, а при отсутствии такового соглашения – сроками, обычно принятыми в порту погрузки». Правовые обычаи регулируют главным образом земельное, торговое, семейные и наследственные отношения.

Но на основании того, что законодатель, как правило, не воспроизводит текстуально содержание правового обычая, а делает на него ссылку в нормативном акте, а соответственно, не закрепляет конкретное правило

³⁴¹ Ожегов С.И., Шведова Н.Ю. Толковый словарь русского языка: 80 000 слов и фразеологических выражений. – 4-е изд., доп. – М.: ООО «Издательство ЭЛПИС», 2003. – С. 378.

³⁴² Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30.11.1994 № 51-ФЗ (ред. от 28.06.2021, с изм. от 26.10.2021) // Собрание законодательства РФ. – 05.12.1994. – № 32. – Ст. 3301.

³⁴³ Кодекс торгового мореплавания Российской Федерации от 30.04.1999 № 81-ФЗ (ред. от 11.06.2021) // Собрание законодательства РФ. – 03.05.1999. – № 18. – Ст. 2207.

поведения, правовой обычай выступает неюридическим средством правового регулирования.

К обычаям относятся традиционные трудовые приемы, формы поведения, жизненного уклада, воспитания. В повседневной жизни действуют сложившиеся варианты общежития. Особое распространение обычаи имеют в торговых отношениях: в торговом мореплавании, страховании, денежных отношениях, купле-продаже товаров. Кроме того, существуют обычаи, выработанные в процессе деятельности органов государства, в деловой (хозяйственной, коммерческой) деятельности и действующие в единстве с юридическими нормами. Они именуется деловыми обыкновениями или обычаями делового оборота и в правовой сфере приобретают черты нетрадиционного источника права, занимая особую нишу в системе средств правового регулирования общественных отношений. Деловые обыкновения не противоречат юридическим нормам, но могут их существенно конкретизировать и дополнять с учетом конкретных обстоятельств и ситуаций, отражая объективно сложившийся привычный порядок правового регулирования.

Уникальным социальным регулятором являются корпоративные нормы (или нормы общественных организаций) как правила поведения, которые устанавливаются внутри социальных организаций, реализуются и охраняются с помощью мер общественного воздействия, предусмотренных уставами этих организаций, и внутренних убеждений их членов. В этой связи корпоративные нормы следует рассматривать как единственное средство, применяемое исключительно для удовлетворения частных интересов организации. Корпоративные нормы способны самостоятельно регулировать корпоративные отношения, они включены в инструментарий правовых средств, где выступают в качестве вспомогательного по отношению к юридическим средствам элемента и действуют в целях комплексного и эффективного регулирования корпоративных отношений.

Неюридический инструментарий правового регулирования имеет сложную неоднородную структуру, зависящую от особенностей отношений, субъектов и конкретных обстоятельств, в которых осуществляется правовое регулирование. В него могут включаться различные социальные регуляторы: моральные, религиозные, политические, экономические, психические, идеологические и иные средства и факторы, позволяющие системе правового регулирования функционировать наиболее эффективно.

Особенность участия неюридических средств в процессе правового регулирования обуславливается тем, что они выступают связующим звеном между целью, поставленной перед правом, и результатом правового регулирования. В теоретической схеме «цель – средство – результат» неюридическое средство (например, нравственная норма) используется для достижения

именно правового результата. Такой процесс не будет нравственным регулированием по той причине, что поставлена правовая (а не нравственная или иная) цель и достигается правовой (а не нравственный или иной) результат. Представляется, что нет необходимости выстраивать четкую иерархическую систему неюридических средств, так как это приведет к путанице и смешению таких социальных регуляторов, как право, мораль, религия и др. Здесь необходимо подчеркнуть, что неюридические средства в целом играют вспомогательную, а поэтому временную роль. Они не являются правовыми средствами с заранее установленной эффективностью, а лишь вовлекаются в правовую сферу для достижения цели права. При этом эффективность правового регулирования может быть существенно повышена за счет привлечения в его инструментарий неюридических средств.

Выводы. Не подвергая сомнению ведущую роль государства в правовом регулировании, важно учитывать, что значимое место в этой деятельности занимают также общество в целом и каждый его член в отдельности. Зачастую достижение целей правового регулирования осуществляется различными доступными средствами неюридического характера. Это происходит с государственного дозволения, не носит противоправного характера, а главное – помогает преодолеть недостаточную эффективность юридического регулирования, а иногда и его бессилие.

Итак, неюридические средства в системе правового регулирования выступают в качестве социально значимых явлений, выраженных в форме установлений и действий, с помощью которых достигается цель правового регулирования в конкретных правоотношениях. Движение от правовой цели к результату с помощью неюридического средства, используемого в качестве основного или вспомогательного инструмента правового регулирования, позволяет использовать потенциал социальных регуляторов в упорядочении общественных отношений и преодолевать имеющуюся некоторую отчужденность и замкнутость юридического воздействия.

§ 6. Академическое наследие России в системе студенческих научных исследований

Введение. Без знания прошлого невозможно понимание настоящего. На этот общий тезис опирается идея использования академического наследия в качестве составной части научных исследований студентов и магистрантов. Не случайно, работы в области права, как правило, включают специальный раздел, в котором дается исторический (ретроспективный) анализ положений права или правовых идей, оценивается эволюция правовой доктрины и

практики правоприменения. Архивные фонды Российской академии наук содержат многочисленные документы, которые представляют интерес для правовой науки. Значительная часть архивных документов не введена в научный оборот, хотя заслуживает внимания специалистов.

Архивный исследовательский поиск способствует развитию навыков научной работы. Знание основ делопроизводства, умение пользоваться научно-справочным аппаратом, практика анализа, обобщения и систематизации данных с исторической, источниковедческой и методологической точек зрения, развитие способностей критического отношения к источнику, практика опровержения и сопоставления информации – все это по праву считается важной частью профессиональной юридической подготовки.

Использование академического наследия – это непосредственное приобщение к истории России, натурное восприятие реальных исторических событий и явлений. Опыт показывает, что простое прикосновение к архивному документу или взгляд на пожелтевшую бумагу рождает чувство причастности к прошлому.

Несомненная актуальность позволяет сформулировать ряд исследовательских задач. Допустимо ли соотнесение образовательной деятельности, в том числе научно-исследовательской работы студентов (магистрантов), со статусом Российской академии наук, ее целями и задачами? Какие возможности предоставляет использование архивного наследия Академии наук? Каковы направления использования архивного наследия Академии наук в научно-исследовательской работе студентов (магистрантов)?

Основное исследование. Учреждение Академии наук в России отличалось известным своеобразием, соединяя исследовательскую деятельность и обучение. Идея синтеза науки и образования стала фундаментом, краеугольным камнем Академии наук и художеств. Согласно Проекту положения об учреждении Академии наук и художеств 1724 г.: «Понеже ныне в России здание к возрождению художеств и наук учинено быть имеет, того ради невозможно, чтоб здесь следовать в протчих государствах принятому образу, но надлежит смотреть на состояние здешнего государства как в розсуждении обучающих, так и обучающихся, и такое здание учинить, чрез которое бы не токмо слава сего государства для розмножения наук нынешнем временем разпространилась, но и чрез обучение и розположение оных польза в народе впредь была»³⁴⁴. Первые параграфы Проекта положения теми или иными словами повторяют этот принцип несколько раз, подчеркивая его ключевое значение.

³⁴⁴ Уставы Академии Наук СССР / Сост.: Богданова А.А., Киселева Л.Н., Кулябко Е.С., Левшин Б.В., Малькевич Б.А., Филиппова Н.В.; отв. ред.: Скрябин Г.К. – М.: Наука, 1974. – С. 32.

Укрепление связей между наукой и образованием заявлено в перечне основных целей в уставе Российской академии наук, который утвержден Постановлением Правительства РФ от 27 июня 2014 г. № 589 «Об утверждении устава федерального государственного бюджетного учреждения "Российская академия наук"»³⁴⁵. Современные тенденции однозначно свидетельствуют о недопустимости существования обучения вне сферы рационального познания.

Такой подход позволяет сформулировать начальный тезис о важности академического наследия для научно-исследовательской подготовки и образования в самом широком смысле этого слова. Академическое наследие – это не только опубликованные работы, но и архивные материалы, отражающие реальные исторические события; первичные документы, которые позволяют выявить особенности формирования и развития научной мысли; незавершенные рукописи и наброски, способные стимулировать познание. Значительная часть материалов находится в Санкт-Петербургском филиале Федерального государственного бюджетного учреждения науки Архива Российской академии наук (далее – СПбФ АРАН). Указанная информация может использоваться при обучении студентов (магистрантов) юридических специальностей.

Самостоятельное научное исследование, на первый взгляд, является излишним при обучении специалиста-прикладника, его будущая работа главным образом сводится к использованию стандартных технологических алгоритмов. Традиционная триада «знать – понимать – уметь применять» достаточно хорошо обеспечивается системой лекционных и практических аудиторных занятий, дополняемых самостоятельной работой студентов. Однако современная модель образования предполагает непосредственное развитие навыков научного исследования – написание курсовых работ, студенческих научных работ, выпускных квалификационных работ, магистерских диссертаций.

Содержание вышеперечисленных работ не должно сводиться к описанию общепринятых положений, воспроизведению отдельных положений действующего законодательства и не превращаться исключительно в одну из форм усвоения теоретических знаний. Даже курсовая работа должна восприниматься именно как самостоятельное научное исследование. Анализ правовой доктрины, оценка договорной и правоприменительной практики, концептуальный подход, сравнительное исследование, поиск правовых аналогий необходимо применять в процессе научного поиска.

³⁴⁵ Постановление Правительства РФ от 27 июня 2014 г. № 589 «Об утверждении устава федерального государственного бюджетного учреждения "Российская академия наук"» (в редакции Постановления Правительства РФ от 29 июля 2020 г. № 1133) // СЗ РФ от 7 июля 2014 г. – № 27. – Ст. 3771.

Работа с архивными материалами может оказать существенную помощь в развитии навыков постановки основной задачи, определении путей ее решения, обосновании и умении формулировать частные и общие выводы. Архивное исследование развивает способности критического отношения к источнику, что является важной составной частью профессиональной подготовки юристов. Наконец, работа в архиве – это непосредственное прикосновение к истории России, погружение в атмосферу реальных исторических событий и явлений.

Научно-исследовательская работа не обязательно должна быть жестко привязана к образовательной программе. Следует приветствовать независимые от учебного процесса научные практики. Российский государственный университет правосудия развивает систему студенческих научных проектов (далее – СНП РГУП). Представляется возможным ведение архивных исследований в рамках СНП РГУП. Поиск и систематизация документов будут способствовать введению в научный оборот новых источников; такая деятельность может стать основой участия СНП РГУП в научных конференциях, грантах, конкурсах и иных проектах. Фонды СПбФ АРАН доступны для широкого круга исследователей, сотрудники окажут помощь в организации и проведении архивной поисковой работы СНП РГУП и отдельных студентов (магистрантов).

Какие именно направления научного поиска могут быть определены на базе СПбФ АРАН? Это – исследование систем документов, отражающих развитие правовой мысли в определенную эпоху, информация прикладного характера, в том числе судебная практика, персональные данные.

Научно-исторический и даже прикладной интерес могут представлять отдельные материалы, которые характеризуют деятельность Института советского строительства и права (далее – ИССП) Ленинградского отделения Коммунистической академии при ЦИК СССР (Ленинградское отделение Института государственного права Академии наук СССР). Это протоколы директората ИССП, переписка по научным вопросам, протоколы заседаний кафедр и научно-исследовательских секций, планы и отчеты о научной деятельности сотрудников и аспирантов, тезисы докладов, программы и учебно-методические материалы по отдельным правовым дисциплинам, списки и анкеты сотрудников. Списки профессоров и преподавателей по правовым дисциплинам и сведения о педагогической работе за 1933 г.³⁴⁶, несомненно, заслуживают внимания специалистов. Содержание учебно-методических материалов, направленность планов научной деятельности позволяет оценивать характер и особенности исторических явлений.

³⁴⁶ СПбФ АРАН. – Ф. 229. – Оп. 1. – Д. 99.

Среди архивных материалов обнаруживаются протоколы 1932-33 гг. объединенного заседания секции уголовной политики ИССП и ленинградского областного кабинета по изучению преступности³⁴⁷, знакомство с которыми помогает толкованию правовых явлений довоенного периода в истории нашей страны. Результаты научно-исследовательской работы представлены в частности Объяснительной запиской к предложениям по проекту Конституции Р.С.Ф.С.Р., Обзором работы ленинградского Госарбитража, докладами известных ученых-юристов Д.В. Бихдрикера, А.В. Венедиктова, В.М. Догадова, И.В. Славина и прениями по ним³⁴⁸. В подтверждение важности указанной информации достаточно напомнить, в частности, что А.В. Венедиктов, советский правовед, академик АН СССР является автором более 230 работ, в том числе классического труда советского права «Государственная социалистическая собственность», а В.М. Догадов считается основателем ленинградской школы трудового права.

В докладе И.В. Славина «Производственно-товарищеские суды на новом этапе» рассматривается любопытная практика советского правоприменения. Первоначально ведению товарищеских судов подлежали дела об оскорблениях в тех случаях, когда и потерпевший и обвиняемый принадлежали к числу рабочих и служащих одного и того же фабрично-заводского предприятия или учреждения. С течением времени подсудность существенно расширяется, включая дела о нарушении трудовой дисциплины, распитии спиртных напитков в общественных местах, мелком хулиганстве и даже деяниях, содержащих признаки преступления, если таковые совершены впервые и не представляют большой общественной опасности.

Фонды СПбФ АРАН позволяют проследить развитие концепции хозяйственного права. В кратком изложении идея хозяйственного права означает признание комплексного характера правовой регламентации предпринимательских отношений. Предмет предпринимательского права расширяется за счет включения в него публичных отношений с участием предпринимателей. Такой подход является зеркальным отражением представлений отказа от частных начал в экономической деятельности в пользу публичных в период формирования советской власти. Зеркальным, поскольку в отличие от современности тогда это была восходящая тенденция. Сотрудники Института советского строительства и права Ленинградского отделения Коммунистической академии при ЦИК СССР (Ленинградское отделение Института государственного права Академии наук СССР) уже в начале 30-х годов рассматривали основные положения концепции хозяйственного права. Интерес представляет, в частности, доклад тов. Либермана «Последний этап НЭПа и

³⁴⁷ СПбФ АРАН. – Ф. 229. – Оп. 1. – Д. 42.

³⁴⁸ СПбФ АРАН. – Ф. 229. – Оп. 1. – Д. 133, 136, 140, 141, 143, 185.

хозяйственное право», а также общие прения и отдельные выступления по докладу³⁴⁹, где высказаны сущностные идеи о природе правового регулирования экономических отношений, подверглись обсуждению отдельные способы и методы вмешательства государства в систему народного хозяйства. Архивные фонды³⁵⁰ отражают развитие представлений об ответственности хозяйствующих субъектов.

Идея самостоятельности хозяйственного права оспаривалась в работах советских цивилистов, что стало одним из препятствий принятию в СССР разработанного Хозяйственного кодекса. В начале 30-х годов научные дискуссии нередко завершались выводом о вредительстве и контрреволюционной деятельности³⁵¹. Решение проблемы хозяйственного права (или признание доминирующей одной из точек зрения) в довоенный период связано с работой Всесоюзного института юридических наук (в настоящее время – Институт законодательства и сравнительного правоведения). Отражение начального этапа дискуссии о природе хозяйственного права можно обнаружить и в фондах СПбФ АРАН, в частности доклады Г.Н. Амфитеатрова «Основные черты законопроекта о договорах»³⁵² и С.Н. Братуся «Организационно-правовые формы советской промышленной кооперации в их историческом развитии»³⁵³.

Доклад Н.В. Крыленко (в 1929-31 гг. – прокурор РСФСР, а с мая 1931 – народный комиссар юстиции РСФСР; доктор государственных и правовых наук) «Реформа уголовного кодекса Р.С.Ф.С.Р.»³⁵⁴ показателен с точки зрения оценки теории и практики уголовного правоприменения при реализации нового законодательства. В конце 1920-х – 1930-х годах в теории и практике советского права усиливается репрессивная тенденция в сфере экономических преступлений, зачастую незначительным (не имеющим явной общественной опасности) хозяйственным преступлениям придавался контрреволюционный характер с далеко идущими последствиями.

Персональные данные, содержащиеся в СПбФ АРАН, многообразны и не всегда это сведения о членах Академии наук. Правоведы, представители иных направлений российской науки, которые внесли существенный вклад в развитие и распространение теоретического и прикладного знания. Биографическая информация зачастую является отправной точкой в понимании исторических процессов.

³⁴⁹ СПбФ АРАН. – Ф. 229. – Оп. 1. – Д. 21, 23.

³⁵⁰ СПбФ АРАН. – Ф. 229. – Оп. 1. – Д. 142.

³⁵¹ СПбФ АРАН. – Ф. 229. – Оп. 1. – Д. 70.

³⁵² СПбФ АРАН. – Ф. 229. – Оп. 1. – Д. 137.

³⁵³ СПбФ АРАН. – Ф. 229. – Оп. 1. – Д. 139.

³⁵⁴ СПбФ АРАН. – Ф. 229. – Оп. 1. – Д. 20.

Максим Максимович Ковалевский – историк, социолог, юрист, политический деятель, депутат первой Государственной думы, академик Императорской Санкт-Петербургской академии наук. В СПбФ АРАН находится фонд 103 «Ковалевский Максим Максимович (1851-1916), историк, социолог, академик АН», где в том числе хранится переписка общим объемом 293 единицы хранения. Среди активных корреспондентов³⁵⁵ М.М. Ковалевского невозможно не упомянуть юриста, Почетного академика Санкт-Петербургской академии наук А.Ф. Кони. Письма написаны в 1908-1914 гг., участники переписки в этот период состояли членами Государственного совета, принимали активное участие в реформаторской деятельности с либеральных и даже левых позиций.

Интерес представляет переписка М.М. Ковалевского с С.А. Егиазаровым³⁵⁶ (на электронной странице архивного дела в результате опечатки назван Елизаровым), этнографом-изыскателем народов Кавказа, и А.Я. Ефименко, первой в России женщины, удостоенной почетной степени доктора русской истории, этнографом русского и украинского народов³⁵⁷. Этнографические исследования, мононорматика в системе социальных регуляторов примитивных общин имели большое значение для М.М. Ковалевского, сторонника догосударственной эволюции права. Дальний Восток России также стал источником этнографических сведений³⁵⁸, использованных в разработке концепции мононорм. Накопленный материал допустимо использовать в качестве основы и аргументации представлений о возникновении и развитии механизмов внутренней социальной регуляции. Разовое или регулярное взаимодействие, реализация частных или групповых интересов создает систему стандартных моделей, которые прямо или косвенно применяются для оптимизации социального поведения. До возникновения государства, а также в обстоятельствах слабости государства такие модели естественным образом обеспечивают способность группы людей (племени, общине, народу, организации) сохранять внутреннее единство и возможность сопротивления внешним воздействиям.

Письма профессора экономики И.И. Иванюкова³⁵⁹ к М.М. Ковалевскому могут быть любопытны с точки зрения истории русского масонства. Если масонство М.М. Ковалевского не вызывает сомнений, то для его корреспондента не исключено участие в масонской ложе. В конце XIX – начале XX вв. мыслящие, политически активные люди становились членами масонских

³⁵⁵ СПбФ АРАН. – Ф. 103. – Оп. 2. – Д. 120.

³⁵⁶ СПбФ АРАН. – Ф. 103. – Оп. 2. – Д. 88.

³⁵⁷ СПбФ АРАН. – Ф. 103. – Оп. 2. – Д. 89.

³⁵⁸ СПбФ АРАН. – Ф. 135. – Оп. 2. – Д. – 849-886.

³⁵⁹ СПбФ АРАН. – Ф. 103. – Оп. 2. – Д. 103.

и других тайных организаций. Несмотря на внешнюю, зачастую нарочито детскую атрибутику, участие в масонстве позволяло найти единомышленников и, следовательно, служило формой развития идей и представлений о надлежащей организации социально-правовых систем.

Иван Иванович Янжул, юрист, экономист, академик Императорской Санкт-Петербургской академии наук, знаменит не только научной и педагогической деятельностью, но и тем, что принимал активное практическое участие в надзоре за соблюдением фабричного законодательства, выполняя работу фабричного инспектора. Накопленный практический опыт позволил И.И. Янжулу органически воспринять идею государственного социализма, он по праву считается ведущим представителем школы государственного социализма в Российской Империи. Богатый историко-статистический материал накоплен И.И. Янжулом, в частности Книги осмотра фабрик и заводов Московской губернии³⁶⁰ объемом свыше 1000 страниц. Историко-правовой интерес представляют материалы о привлечении к ответственности российских промышленников за нарушения фабричного законодательства³⁶¹.

Архивные фонды содержат материалы не только о научно-исследовательской работе. Академик И.И. Янжул очень тепло относился к своей жене Екатерине Николаевне, в девичестве – Вельяшевой (в архиве хранится более 500 писем к ней³⁶²), которую не только ценил как спутницу жизни, но и уважал как соратника и единомышленника в научной и педагогической деятельности. Е.Н. Янжул – педагог, один из авторов Энциклопедического словаря Брокгауза и Ефрона, ее перу принадлежит объемная и достойная внимания работа «Американская школа. Очерки методов американской педагогики»³⁶³, выдержавшая около десяти изданий.

Доктор права Генрих Гюйссен не был российским академиком, однако оставил заметный след в отечественной истории. Именно ему приписывается приведение герба Российской империи в согласие с геральдическими правилами. Гораздо интереснее то, что он был одним из воспитателей царевича Алексея, сына Петра I, выполнял многочисленные дипломатические поручения, составлял проекты по организации государственного управления. В СПбФ АРАН находится фонд 119 «Гюйссен Генрих (?-1740), барон, доктор права, дипломат, публицист». В описи фонда – переписка с разными лицами, исторические заметки, копии исторических документов. Среди

³⁶⁰ СПбФ АРАН. – Ф. 45. – Оп. 3. – Д. 62.

³⁶¹ СПбФ АРАН. – Ф. 45. – Оп. 3. – Д. 64.

³⁶² СПбФ АРАН. – Ф. 45. – Оп. 2. – Д. 1219.

³⁶³ Янжул Е.Н. Американская школа. Очерки методов американской педагогики. – СПб: Типография М.М. Стасюлевича, 1901. – 350 с.

корреспондентов доктора Гюйссена встречаются имена Петра I, Алексея Петровича³⁶⁴. Письма общеизвестных политических деятелей петровского времени – первого Санкт-Петербургского генерал-губернатора А.Д. Меншикова, первого канцлера Российской империи Г.И. Головкина, вице-канцлера П.П. Шафирова³⁶⁵ – показывают дипломатические и личностные реалии той легендарной эпохи.

Отражение трагических событий блокады Ленинграда хранится во многих фондах СПбФ АРАН. Архивные материалы показывают чрезвычайные события и повседневную жизнь сотрудников Академии наук в условиях осады города³⁶⁶, решение проблем продовольственного снабжения и эвакуации. Сотрудники учреждений Академии наук направлялись на оборонные и трудовые работы³⁶⁷, были награждены орденами и медалями.

Отдельные материалы СПбФ АРАН представляют не только исследовательский интерес. Фонотека СПбФ АРАН включает звукозаписи выступлений академиков, членов-корреспондентов Академии наук и других выдающихся деятелей науки³⁶⁸. Крайние даты документов фонда: 1933-1990. Дело о конфликте между ректором Академической гимназии Стриттером и гимназистами: рапорты, протоколы опроса и другие документы³⁶⁹. Эти материалы представляют не только исторический интерес, но и могут быть использованы для проведения учебной деловой игры-расследования.

Выводы. Российская академия наук в своем современном состоянии не имеет прямого отношения к системе образования. Однако историческое наследие, в том числе архивные фонды Академии наук, могут и должны быть использованы при подготовке студентов (магистрантов) юридических специальностей. В СПбФ АРАН находятся документы, отражающие формирование правовых представлений, материалы, введение которых в научный оборот будет способствовать пониманию исторических событий и явлений. Работа в архивных фондах позволит актуализировать высказанные ранее идеи, обеспечит решение важных историко-правовых задач.

Не стоит забывать и о том, что обработка архивных материалов привлекает студентов (магистрантов) к истории нашей страны, создает возможность ознакомиться с первоисточниками, прикоснуться к бумагам, написанным знаменитыми людьми.

³⁶⁴ СПбФ АРАН. – Ф. 119. – Оп. 1. – Д. 1. – Л. 186-188; 194-204; 205-230; 216-218.

³⁶⁵ СПбФ АРАН. – Ф. 119. – Оп. 1. – Д. 2.

³⁶⁶ СПбФ АРАН. – Ф. 4. – Оп. 2 (1942). – Д. 24.

³⁶⁷ СПбФ АРАН. – Ф. 4. – Оп. 2 (1943). – Д. 19.

³⁶⁸ СПбФ АРАН. – Ф. Р-XVI.

³⁶⁹ СПбФ АРАН. – Ф. 3. – Оп. 9. – Д. 340.

Наряду с достижением научно-исследовательских целей поиск развивает способности использования методов научного познания. Работа с массивами данных, критический анализ первоисточников является важнейшим условием подготовки профессионала в любой социальной сфере. Невозможно представить грамотного юриста, который не владеет техникой обработки информации или не компетентен в определении степени достоверности социальных или личностных данных.

Общее знакомство с фондами СПбФ АРАН позволяет предложить ряд перспективных направлений для индивидуальных студенческих научных исследований или исследовательской работы в рамках СНП РГУП. Это – анализ и систематизация документов, которые содержат сведения о развитии правовой мысли в определенную эпоху в конкретном историческом контексте, информация прикладного характера, в том числе статистические сведения, персональные данные лиц, оказавших влияние на становление и формирование отечественной юридической науки.

§ 7. Роль советской академической науки в становлении понятия «индивидуальная международная уголовная ответственность»³⁷⁰

Становление понятия «индивидуальная международная уголовная ответственность» и международного уголовного права в целом связывают с Уставом Международного Военного Трибунала, который вошёл в историю как Нюрнбергский процесс.

Однако разработки в данной области велись не только в годы Второй мировой войны, но и накануне её. Причём значительную роль в этом процессе играла Академия Наук СССР и её отраслевые институты.

Одним из ярких представителей советской академической науки был Арон Наумович Трайнин (1883-1957), доктор юридических наук, профессор, член-корреспондент Академии Наук СССР, Заслуженный деятель науки РСФСР, кавалер двух орденов Трудового Красного Знамени. Как отмечает В.И. Жуков, это был учёный с мировым именем³⁷¹, что не так часто можно сказать о представителях юридической науки.

³⁷⁰ Часть параграфа, написанная А.А. Дорской, выполнена при поддержке Российского научного фонда (проект № 24-28-01860 «Кризисы международно-правовой системы и пути их преодоления: исторический опыт»).

³⁷¹ Жуков В.И. Вклад ученых Института государства и права в разработку норм уголовного права и других отраслей юридической науки в годы Великой Отечественной войны // Государство и право. – 2020. – № 12. – С. 18.

Его научная деятельность началась в Московском университете, куда он поступил учиться ещё в дореволюционный период. Научные интересы А.Н. Трайнина в период его профессионального становления можно классифицировать по следующим направлениям: история российского права (дипломная работа «Классовая борьба и наказание в истории русского права», защищённая в 1908 г., «Суд присяжных и суд коронный», «Детский суд»), история правовых учений («Спор классической и социологической школ о системе наказания»), уголовное право («Новейшие течения классической школы уголовного права», «Тресты, картели и уголовный закон», «Хулиганство», «Движение преступности в Московской губернии», «Преступность столиц и городов», «Преступность города и деревни», «Преступность женщин», «Уголовные законы и конокрадство»), гражданское право (монография «Несостоятельность и банкротство» 1913 г. была одобрена университетом Шанявского как диссертационное исследование)³⁷², уголовный процесс («Система дисциплинарного процесса», «Подсудность суду военного времени»).

Октябрьская революция открыла перед А.Н. Трайниным новые перспективы. В 1917 г. он вернулся в родной Московский государственный университет, который вынужден был покинуть в знак протеста, а в 1921 г. был утвержден в звании профессора университета.

В 1920-е гг. А.Н. Трайнин стал одним из основоположников советской науки уголовного права, будучи не только теоретиком, но и занимаясь адвокатской практикой. С 1920 г. он преподавал в Московском государственном университете, в 1925-1938 гг. – работал во Всесоюзном научно-исследовательском институте юридических наук (бывшем Институте по изучению преступника и преступности при НКВД СССР), в 1935-1940 гг. – во Всесоюзной правовой академии и т.д. Частая смена работы была вызвана тем, что многие юридические организации или факультеты закрывались.

Будучи специалистом в области уголовного права, А.Н. Трайнин не замыкался исключительно на вопросах развития внутригосударственной правовой системы. Уже в 1937 году он разработал целую программу защиты мира с помощью международно-правовых, конституционно-правовых и уголовно-правовых мер, поскольку считал, что наблюдаются два разновекторных процесса – подготовка к войне и стремление ее предотвратить³⁷³.

Во-первых, он проанализировал современные ему конституции и пришел к выводу, что нормы о мире содержатся в основном только в законах трех стран – Испании, Бразилии и Сиам. В пример он ставил Конституцию

³⁷² Кузнецова Н.Ф. К 125-летию со дня рождения Арона Наумовича Трайнина // Российский криминологический взгляд. – 2008. – № 3. – С. 46.

³⁷³ Трайнин А.Н. Защита мира и уголовный закон / Под редакцией и с предисловием А.Я. Вышинского. – М.: Юридическое издательство НКЮ Союза ССР, 1937. – С. 7.

Испании от 9 декабря 1931 года, в статьях 6 и 7 которой было заявлено, что данное государство «отвергает войну как инструмент национальной политики», «рассматривает нормы международного права как нераздельную часть права национального», а в статье 77 было закреплено, что Президент Республики может подписать объявление войны лишь при наличии условий, предусмотренных Пактом Лиги Наций, и только после того, как будут исчерпаны все средства мирного разрешения международных споров³⁷⁴.

Во-вторых, проанализировав уголовные кодексы Китая 1928 г., Японии 1928 г., Италии 1930 г., Польши 1932 г. по вопросам защиты мира, А.Н. Трайнин показал возможности национального уголовного законодательства в качестве одного из действенных средств борьбы за мир³⁷⁵. Он считал необходимым, чтобы в уголовном законодательстве каждой страны появился специальный раздел «Преступления против мира»³⁷⁶. Учёный выступал против монистической теории примата национального права над международным, считая, что это может способствовать нарушению мирных отношений между государствами³⁷⁷.

В-третьих, советский ученый раскрывал огромный потенциал международного права в предотвращении новой войны. Он считал, что могут и должны быть приняты конвенции, направленные на борьбу с преступлениями, угрожающими миру.

А.Н. Трайнин предложил свою классификацию преступлений против мира:

I. Агрессивные действия;

II. Враждебные действия: 1) пропаганда агрессии; 2) терроризм; 3) поддержка вооруженных банд; 4) бойкот; 5) нарушение международных договоров, заключенных в защиту мира;

III. Неприязненные действия: 1) распространение фальшивых документов и заведомо ложных сведений, направленных против других государств; 2) оскорбительные в отношении других государств действия³⁷⁸.

Данная классификация имела огромное значение, т.к., по оценке современных специалистов, именно А.Н. Трайнин ввёл в международное право понятие преступной агрессии³⁷⁹.

³⁷⁴ Трайнин А.Н. Защита мира и уголовный закон / Под редакцией и с предисловием А.Я. Вышинского. – М.: Юридическое издательство НКЮ Союза ССР, 1937. – С. 72-73.

³⁷⁵ Там же. – С. 48, 75.

³⁷⁶ Там же. – С. 167.

³⁷⁷ Там же. – С. 61.

³⁷⁸ Там же. – С. 113.

³⁷⁹ Яббарова Д.М. Введение А.Н. Трайниным в международное право понятия преступной агрессии // К 100-летию образования СССР: политические, исторические, правовые, социально-культурные предпосылки и последствия. Сборник научных статей по материалам Всероссийской студенческой научно-практической конференции / Науч. ред.

Ученый считал, что ответственность за такие преступления должны нести не государства, а физические лица – члены правительства или «вожди» тех стран, которые систематически занимались нарушением международных обязательств и организацией агрессивной войны³⁸⁰.

В этой связи А.Н. Трайнин обратился к идее создания Международного уголовного суда, которая стала активно обсуждаться после того, как избранный Лигой Наций Комитет для разработки Международной конвенции по борьбе с терроризмом в 1935 году предложил конкретный проект такого суда.

Советский юрист считал, что суд должен быть постоянным учреждением, находящимся в Гааге, в котором будут заседать пять судей, имеющих на случай своего отсутствия заместителей³⁸¹.

В-четвертых, А.Н. Трайнин отмечал, что научное сообщество юристов-международников и специалистов в области уголовного права не уделяют должного внимания проблеме защиты мира. Он призывал Институт международного права, Международный союз криминалистов, Международную ассоциацию уголовного права начать разработки в этой области.

Таким образом, ещё в довоенный период А.Н. Трайнин заложил основы понятия международного преступления и международной индивидуальной уголовной ответственности.

В 1938 г. без защиты диссертации А.Н. Трайнину была присвоена учёная степень доктора юридических наук, и с этого времени вплоть до 1954 г. он работал в Институте права Академии Наук СССР.

В 1944 г. А.Н. Трайнин написал монографию «Уголовная ответственность гитлеровцев». Как отмечает В.И. Жуков, эта книга стала реальной основой для четких формулировок, которые использовало советское обвинение уже в ходе Нюрнбергского процесса³⁸².

А.Н. Трайнин отмечал, что для того, чтобы восстановить разрушенное гитлеровцами, потребуются долгие и напряженные усилия всего человечества, но именно на рубеже двух эпох – окончания Второй мировой войны и завоеванного свободолюбивыми народами мира – должен быть заложен незыблемый фундамент международных отношений и международного сотрудничества на основе договора, который, несомненно, будет договором необычного типа³⁸³.

Л.Ю. Мхитарян. – Пермь: ПГНИУ, 2022. – С. 118-120.

³⁸⁰ Трайнин А.Н. Защита мира и уголовный закон / Под редакцией и с предисловием А.Я. Вышинского. – М.: Юридическое издательство НКЮ Союза ССР, 1937. – С. 110.

³⁸¹ Там же. – С. 167.

³⁸² Жуков В.И. Вклад ученых Института государства и права в разработку норм уголовного права и других отраслей юридической науки в годы Великой Отечественной войны // Государство и право. – 2020. – № 12. – С. 21.

³⁸³ Трайнин А.Н. Уголовная ответственность гитлеровцев / Под ред. А.Я. Вышинского. –

Серьёзную роль в этом процессе учёный отводил специалистам в области уголовного права. Он обратился к истории Первой мировой войны и первых послевоенных лет, рассмотрев безуспешные попытки привлечения к индивидуальной международной уголовной ответственности германского императора Вильгельма II, а затем поэтапно показал развитие идеи уголовной ответственности гитлеровцев в СССР:

– 25 ноября 1941 г. – нота наркома иностранных дел В.М. Молотова о зверствах германских войск;

– Декларация от 4 декабря 1941 г., провозгласившая принцип наказания гитлеровских преступников, подписанная И.В. Сталиным;

– 14 октября 1942 г. – заявление Советского правительства о необходимости придания суду Специального международного трибунала главарей фашистской Германии;

– Указ Президиума Верховного Совета СССР от 2 ноября 1942 г. «Об образовании Чрезвычайной государственной комиссии по установлению и расследованию злодеяний немецко-фашистских захватчиков и их сообщников и причинённого ими ущерба гражданам, колхозам, общественным организациям, государственным предприятиям и учреждениям СССР».

А.Н. Трайнин указывал, что в рамках Антигитлеровской коалиции существуют единые подходы к проблеме наказания гитлеровских преступников. Так, например, он отмечал, что за границей сочувственно отнеслись к информации о «Харьковском процессе» 1943 г., когда военный трибунал приговорил к повешению трёх немцев и одного русского, которые во время оккупации совершали преступления против гражданского населения, которые нельзя ничем искупить³⁸⁴.

Советский учёный-правовед показывал, что за годы Второй мировой войны было сделано очень многое для развития международного уголовного права. Он отмечал, что в статье 3 заключённого 26 мая 1942 г. Договора между СССР и Соединённым Королевством в Великобритании о союзе в войне против гитлеровской Германии и её сообщников в Европе и о сотрудничестве и взаимной помощи после войны содержалось намерение объединения в целях сохранения мира и сопротивления агрессии. Затем оно было подтверждено в Декларации четырёх государств по вопросу о всеобщей безопасности, подписанной в Москве 30 октября 1943 года. В Декларации Сталина, Рузвельта и Черчилля, опубликованной 2 ноября 1943 г., было заявлено, что германские офицеры и солдаты и члены национальной партии, которые были ответственны за зверства, убийства и казни или добровольно принимали в

М.: Юридическое издательство НКЮ СССР, 1944. – С. 3-4.

³⁸⁴ Трайнин А.Н. Уголовная ответственность гитлеровцев / Под ред. А.Я. Вышинского. – М.: Юридическое издательство НКЮ СССР, 1944. – С. 12.

них участие, будут отосланы в страны, в которых были совершены их отвратительные действия.

Вывод А.Н. Трайнина был таким: между строительством «здания» нового международного правопорядка под эгидой ООН и борьбой с гитлеровскими злодеяниями существует органическая связь³⁸⁵.

Огромное значение имело то, что советский правовед расширил понятие «преступления против мира» и в 1944 г. говорил уже о системе международных преступлений. Свободно владея немецким, французским и другими языками, А.Н. Трайнин проанализировал основы европейского уголовного права и пришёл к выводу, что попытки определить понятие международного преступления нельзя считать удавшимися. Учёный понимал под международным преступлением наказуемое посягательство на основы международного общения³⁸⁶.

В 1944 г. он предложил следующую классификацию международных преступлений, которую, впрочем, не считал исчерпывающей:

I группа – посягательства на мирные отношения между народами: 1) агрессивные действия; 2) пропаганда агрессии; 3) заключение соглашений с целью агрессии; 4) нарушение договоров, служащих делу мира; 5) провокация в целях нарушения мирных отношений между государствами; 6) терроризм; 7) поддержка вооруженных банд (5 колонна);

II группа – посягательства, связанные с войной: 1) преступления против военнопленных, раненных и больных воинов; 2) посягательства против жизни, здоровья, чести и имущества мирных граждан; 3) разрушение городов и других населенных пунктов; 4) разрушение и ограбление материальных и культурных ценностей³⁸⁷.

Учёный отмечал, что за исключением терроризма, который послужил основанием для разработки проекта конвенции, поскольку считался способом развязывания войны, ни один международный деликт до сир пор не охвачен международными договорами.

Сделав такое обобщение, А.Н. Трайнин подробно разобрал международные преступления гитлеровцев:

– преступления, связанные с войной, он разбил на четыре группы:

1) преступления против военнопленных, раненных и больных воинов. Учёный подчёркивал, что убийства и истязания военнопленных, больных и раненных воинов совершались гитлеровцами повсеместно и систематически, представляя собой один из методов гитлеровской системы ведения

³⁸⁵ Трайнин А.Н. Уголовная ответственность гитлеровцев / Под ред. А.Я. Вышинского. – М.: Юридическое издательство НКЮ СССР, 1944. – С. 11.

³⁸⁶ Там же. – С. 35.

³⁸⁷ Там же. – С. 40.

войны. В качестве конкретных примером он приводил зверства в Смоленской, Ленинградской и Калининской областях;

2) преступления против мирных граждан: а) убийства и насилия; б) установление рабско-крепостнического режима и увод «в плен»; в) ограбления. Советский правовед отмечал, что в международном праве считалось общепризнанным, что войну ведут вооруженные силы воюющих государств, что мирные граждане, оставшиеся на оккупированной неприятелем территории, не могут рассматриваться как жертвы, которых оккупационные власти могут безнаказанно грабить, истязать, убивать, «экспортировать» в качестве живого товара в другие страны и т.д. Но гитлеровская Германия ввела «новый порядок»: свыше 3000 мирных жителей было убито гитлеровцами 27 октября 1941 г. в Таганроге; нередко гитлеровцы создают себе из жителей и детей живую ограду от ударов Красной Армии; в Киеве было замучено, расстреляно и отравлено в «душегубках» более 195 тысяч советских граждан и т.д.;

3) разрушение городов и населенных пунктов;

4) разграбление и уничтожение культурных ценностей³⁸⁸.

В результате А.Н. Трайнин сделал вывод, что за международные преступления государство не может нести ответственность. Несмотря на возражения многих юристов-международников, он выступал за уголовную ответственность физических лиц, действующих от имени государства³⁸⁹. При этом учёный считал, что такие преступления подлежат суду того государства, на территории которого они совершены. Исключение он предусматривал только при организации суда над верхушкой фашистской Германии.

Не остался без внимания советского правоведа и вопрос о соучастии в международных преступлениях. Он выделял организаторов и подстрекателей общеуголовных бандитских преступлений и исполнителей международных преступлений (нарушение конвенции о законах и обычаях ведения войны и другие).

Также был затронут вопрос о факте исполнения приказа. А.Н. Трайнин писал, что всегда и всюду речь может идти только о войсковой дисциплине. Приказ бросать в огонь детей и женщин, отравлять невинных в «душегубке» – это, по существу, не воинский приказ, а подстрекательство к злодеяниям, за которые и организаторы, и исполнители должны нести полную ответственность³⁹⁰.

26 июня – 8 августа 1945 г. в Лондоне проходило совещание представителей четырёх государств Антигитлеровской коалиции для подготовки

³⁸⁸ Трайнин А.Н. Уголовная ответственность гитлеровцев / Под ред. А.Я. Вышинского. – М.: Юридическое издательство НКЮ СССР, 1944. – С. 45-61.

³⁸⁹ Там же. – С. 74-75.

³⁹⁰ Там же. – С. 91.

серии судебных процессов над военными преступниками нацистской Германии, результатом которого стала выработка и принятие Устава Международного военного трибунала. От СССР были направлены Председатель Верховного Суда СССР И.Т. Никитченко и профессор А.Н. Трайнин.

Во время процесса над главными военными нацистскими преступниками А.Н. Трайнин был советником обвинения со стороны СССР. В 1946 г. он издал сборник статей «Нюрнбергский процесс», в котором точно описал царящую там обстановку. Он подчёркивал, что зал вместе с балконом вмещает около 350 человек, но спрос на места с самого начала многократно превышал эту цифру. Говоря о серьёзнейшей доказательной базе, учёный отмечал, что в здании Дворца правосудия, в котором раньше проводились нацистские съезды, примечательными являются, во-первых, кабинет, где собраны подлинники и фотокопии приказов, выступлений, отчётов, подписанных фашистскими лидерами, во-вторых, библиотека, в которой разместили законодательную и литературную «продукцию» гитлеровской Германии³⁹¹.

4 декабря 1946 г., после завершения Нюрнбергского процесса, А.Н. Трайнин был избран членом-корреспондентом Академии Наук СССР.

В условиях начавшейся «холодной войны» учёный активно занимался проблемой противодействия пропаганде агрессии. Для Второй сессии Генеральной Ассамблеи ООН он подготовил предложения от советской делегации, в которой рассматривал пропаганду в печати, на радио, в изображениях как один из видов подстрекательства³⁹².

Затем А.Н. Трайнин активно подключился к разработке понятия преступления геноцида. Он отмечал, что такая работа ведётся крайне трудно, приводя в пример работу Специального комитета по разработке проекта соглашения по борьбе с геноцидом.

Вклад советского правоведа состоял в том, что он предложил выделять три формы геноцида для более точного определения данного международного преступления:

- «душегубки», газовые камеры, расстрелы, т.е. физический геноцид;
- борьба с деторождением, запрет браков, полное разделение полов, принудительные аборт, если имеется беременность, т.е. геноцид биологический;
- национально-культурный геноцид, направленный к тому, чтобы лишить гонимую нацию возможности развивать свою национальную

³⁹¹ Трайнин А.Н. Нюрнбергский процесс. Сборник статей. – М.: Издание РИО ВЮА, 1946. – С. 37.

³⁹² Трайнин А.Н. Уголовная ответственность за пропаганду агрессии. – М.: Издание РИО ВЮА, 1947. – С. 11, 28.

культуру, литературу, родной язык, создавать в национальной форме общечеловеческие ценности³⁹³.

Таким образом, на примере А.Н. Трайнина можно проследить, какой огромный вклад внесла российская академическая наука в развитие таких понятий, как индивидуальная международная уголовная ответственность и международные преступления. Сначала в 1930-е гг. была разработана целая программа защиты мира, а когда Вторая мировая война всё-таки началась, был предложен целый комплекс уголовно-правовых мер для наказания преступников, виновных в её развязывании и совершивших страшные злодеяния против народов.

³⁹³ Трайнин А.Н. Борьба прогрессивных сил против уничтожения национальных групп и рас (Конференция в Нью-Йорке по борьбе с геноцидом). Стенограмма публичной лекции, прочитанной в Центральной лектории Общества в Москве. – М.: Правда, 1948. – С. 6.

Глава III.
РОЛЬ АКАДЕМИИ НАУК В РАЗВИТИИ
НОРМ МАТЕРИАЛЬНОГО ПРАВА

**§ 1. Вклад Российской академии наук в развитие и совершенствование
частного и публичного права в России**

Введение. 2024 год станет знаменательным для всей российской науки: Российская академия наук (далее – РАН) отмечает трехсотлетний юбилей с момента создания³⁹⁴. Три столетия упорного труда, прогресса, развития и движения науки вперед, безусловно, оставили отпечаток в жизни нашей страны, в каждой из областей знания, и настало время, если так можно выразиться, собирать камни научного гранита не для возведения нового здания самого по себе, а для исследования результатов этого труда. Как геологи, скрупулезно изучающие в лаборатории образцы керна, отобранного с месторождения, попробуем взглянуть на вклад РАН в развитие экологического права.

Одним из крупнейших теоретиков публичного права в нашей стране является Олег Степанович Колбасов, член-корреспондент РАН, автор ряда работ в сфере правового обеспечения природопользования, охраны водных биологических ресурсов, правового обеспечения водопользования, охраны атмосферного воздуха. Многие современники, в частности С.А. Боголюбов³⁹⁵, отмечали крайне значительный вклад О.С. Колбасова в законодательную деятельность и развитие науки экологического права, О.Л. Дубовик отмечал его принципиальность и научную добросовестность, а лучше сказать – ответственность перед научным сообществом и природой за свои исследования³⁹⁶.

Для теории экологического права одним из наиболее важных стало «Завещание экологам»³⁹⁷, оставленное О.С. Колбасовым: в этом коротком

³⁹⁴ Именной, объявленный из Сената. – Об учреждении Академии и о назначении для содержания оной доходов таможенных и лицензных, собираемых с городов Нарвы, Дерпта, Пернова и Арнсбуга. – С приложением проекта об учреждении Академии от 28 января 1724 г. // ПСЗ в 45-ти тт. Собр. 1-е. Т. VII. № 4443. – СПб., 1830. – С. 220.

³⁹⁵ Боголюбов С.А. Олег Степанович Колбасов – Ученый мирового уровня // Парадигмы российской истории сквозь призму биографистики (к 140-летию Алексея Ивановича Яковлева). Сборник трудов Всероссийской научной конференции с международным участием / ФГБОУВО «Чувашский государственный университет им. И.Н. Ульянова». – Чебоксары: Среда, 2019. – С. 110-115.

³⁹⁶ Дубовик О.С. Формирование экологической политики: история, достижения, тенденции и задачи (анализ теоретического наследия О.С. Колбасова) // Экологическое право. – № 6. – 2007. – С. 22-25.

³⁹⁷ Колбасов О.С. Избранное. – М.: Издательство Российского государственного университета правосудия. 2017. – С. 4-5.

манифесте или назидательном письме потомкам-юристам Олег Степанович поднимает ряд сверх важных вопросов соотношения материальных ценностей и экологии, борьбы против грубого и бесцеремонного разрушения окружающей среды под флагом материального начала, человеческого эгоизма, вопросы противопоставления цивилистики и экологического права. И найти ответы на эти вопросы – задачи, являющиеся по истине фундаментальными для юристов экологов и цивилистов. Однако за последние двадцать с лишним лет после смерти О.С. Колбасова ответы на поставленные вызовы так и не были найдены. Справедливости ради надо заметить, что в текущее время активно стали изучаться специалистами в сфере частного и экологического права проблемы правового обеспечения генной инженерии, прав на селекционные достижения и вопросы, связанные с регулированием обращения с органами и тканями человека. К примеру, достаточно подробно об этом пишет В.Н. Синельникова³⁹⁸ в одной из своих работ, однако это далеко не полный перечень вопросов, возникающих на стыке экологического и частного права.

Основное исследование. К чему же воззвал Олег Степанович в своем завещании? Прежде всего – это защита окружающей среды, ибо, как известно, человеческие потребности безграничны, это разграничение «сфер влияния» экологического и частного права как юридического «ингибитора» экономического прогресса, яро защищающего гражданско-правовые свободы человека и экономику, не всегда заботясь о благе публичного характера, а так же нахождение баланса между этими двумя крайне важными отраслями права, что являлось одним из элементов концепции экологического права³⁹⁹, или лучше сказать, баланса между неумными потребностями и защитой нашего будущего от самих себя. Так же в воззвании к экологам косвенно указывается и на роль публичных отношений и деятельности государства по защите окружающей среды. Надо заметить, что многие ученые отмечают вклад О.С. Колбасова и в изучение правоприменительной практики в сфере природопользования⁴⁰⁰, а роль судебной власти становится в сфере защиты прав граждан на окружающую природную среду еще более существенной⁴⁰¹. Определив основные цели завещания, перейдем к вопросу о возможности

³⁹⁸ Синельникова В.Н. Части живой природы как объекты гражданского оборота. – М.: Юрсервитум, 2018. – 158 с.

³⁹⁹ Колбасов О.С. Концепция экологического права // Вестник МГЮА. – № 1. – 2016. – С. 174-181.

⁴⁰⁰ Балашенко С.А., Быстров Г.Е. Олег Степанович Колбасов // Журнал БГУ. – 2017. – С. 113-114.

⁴⁰¹ Боголюбов С.А. Сочетание теории и судебной практики в сфере экологии: пример О.С. Колбасова // Применение принципов и норм экологического, природоресурсного и земельного права: проблемы и решения: Сборник научных статей. – М.: РГУП, 2019. – С. 38-42.

реализации в отечественном законодательстве идей, изложенных О.С. Колбасовым.

Прежде всего необходимо указать на баланс частного и экологического права: если подвергнуть анализу Гражданский кодекс Российской Федерации (далее – ГК РФ) и кодификации экологического законодательства, становится ясно, что вопросы баланса публичного права или интереса большинства и частного права, то есть интересы индивидуума или, лучше сказать, предпринимателя, недостаточно сбалансированы. Как правило, кодификации не раскрывают в должной мере соотношение частного и публичного, не разъясняют применения гражданского законодательства в природопользовании (за исключением разве что земельных правоотношений), что может приводить к весьма неприятным последствиям, которые вынуждены ликвидировать юристы-практики. Не ясно, в каком порядке применяется гражданское законодательство ко многим отношениям в сфере природопользования, несмотря на присутствие там частнопроводного элемента, грубо говоря – аренда не перестает быть арендой, попав в Лесной кодекс Российской Федерации (далее – ЛК РФ).

В то же время надо согласиться с позицией М.М. Бринчука, который отстаивал тезис о невозможности регулирования экологических правоотношений гражданским правом в одиночку, что, безусловно, является верным замечанием⁴⁰². В сферу «основ» или, лучше сказать, «ядра регулирования» должен входить и частнопроводной элемент, как это происходит в земельном законодательстве, где постепенно появляются конструкции, обеспечивающие относительный баланс частных и публичных интересов, что и необходимо для иных отраслей экологического права⁴⁰³. Более того, из-за недостаточного оформления отдельных отраслей экологического права возникают коллизии на уровне «гражданское право – земельное право – горное право» (например, в виде незарегулированности порядка согласования интересов собственника земли и собственника участка недр под земельным участком при разработке недр), что является вообще парадоксальным, если вспомнить значение недропользования для нашей страны⁴⁰⁴.

Также необходимо затронуть вопрос о применении институтов договорного права к договорам в сфере природопользования несколько более

⁴⁰² Бринчук, М.М. Гражданское право не может самостоятельно регулировать правоотношения в экологической сфере // Экологическое право. – № 4. – 2018. – С. 12-18.

⁴⁰³ См. подробнее: Сварчевский К.Г., Иващенко К.А. Защита частных и публичных интересов при переходе к территориальному зонированию // Защита прав: проблемы теории практики и реализации. Сборник статей по материалам Всероссийской научно-практической конференции. – СПб.: Верховный суд РФ; Северо-Западный филиал ФГБОУВО «Российский государственный университет правосудия», 2014. – С. 134-140.

⁴⁰⁴ Круглов В.В., Вагина О.В., Шепелява Н.М. О соотношении прав недропользователя и собственника земельного участка, расположенного в границах горного отвода // Экологическое право. – № 1. – 2018. – С. 140-145.

подробно. Так, наиболее остро стоит вопрос о применении институтов одностороннего отказа от исполнения договора и изменения или расторжения договора в связи с существенным изменением обстоятельств (и не только в данной сфере, но и в цивилистике вообще).

Воспользуемся правовым моделированием и предположим следующую ситуацию: хозяйствующий субъект заключает договор аренды лесного участка в соответствии со ст. 72 ЛК РФ для ведения охотничьего хозяйства по п. 5 ч. 1 ст. 25 ЛК РФ.

Казалось бы, можно применить ст. 74.1 ЛК РФ с учетом ст. 451 ГК РФ. Однако представим себе ситуацию, когда арендатор выясняет, что на лесном участке, который он арендовал, проживает какой-нибудь вид животных, внесенный в Красную книгу, скажем, снежный барс. С точки зрения обывателя ответ очевиден: руки прочь от снежных барсов и биоценоза, в котором они обитают. Но с точки зрения ГК РФ и ЛК РФ ответ не так уж и очевиден: ни ГК РФ, ни ЛК РФ, за вычетом нескольких строчек в ст. 74.1 ЛК РФ и ст. 451 ГК РФ, не предусматривают специальных оснований для изменения или расторжения договора, а фраза «вследствие природных явлений» вообще оценочная.

И что спрашивается считать природным явлением, а что нет, и может ли оно существенно влиять на характер арендуемого лесного участка? А где механизм предоставления иного лесного участка в таком случае? А если представить ситуацию, когда на лесном участке появился особо опасный карантинный вредитель леса или животных, вроде африканской чумы свиней (которая передается кабанам) или бруцеллеза (в соответствии с приказом Минсельхоза от 19 декабря 2011 года № 476 данные заболевания отнесены к карантинным и особо опасным) либо американская белая бабочка (особо распространена в южных регионах, при ее выявлении карантинные меры обязательны)⁴⁰⁵ или черный еловый усач (в соответствии с Приказом Рослесхоза от 29.12.2007 № 523 подлежат карантину). А ведь прямого ответа на этот вопрос в законе нет, а пока суд будет решать, кому какой лесной участок отдать, какую компенсацию арендатору предоставить, или арендатор потерпит «астрономические» убытки, или на этом участке лес уничтожит вредитель. Если обратить внимание на ст. 77.1 ЛК РФ, мы обнаруживаем аналогичные проблемы и с куплей-продажей лесных насаждений. Лес-кругляк – это не недвижимость, не обычная вещь, ее могут съесть насекомые, сжечь лесной пожар, она может сгнить. И снова покупатель должен обращаться в суд, чтобы отстоять свои права... А если и применять ГК РФ, то какие положения? Только ли общие или можно и специальные? Вопросов остается слишком много. Даже

⁴⁰⁵ Третьяков Н.Н. Исаичев В.В. Защита растений от вредителей. – М., СПб., Краснодар: Лань, 2014. – С. 399.

если и применить, что в итоге получается: мы снова сталкиваемся с оценочными категориями, которые вынужден толковать суд (исходя из анализа судебной практики, скептически относящийся к применению ст. 451 ГК РФ, что не удивительно: ведь п. 4 данной статьи, указывающий на возможность изменения договора судом, снабжен признаком исключительных обстоятельств, что явно не добавляет судам желание применять его). Т.Г. Очхаев в своей монографии анализировал институт изменения и расторжения договора в связи с существенным изменением обстоятельств и пришел к ряду выводов, в частности, о наличии ряда дефектов ст. 451 ГК РФ, пропитывающих токование и последующее применение⁴⁰⁶, и необходимости коррекции положений ст. 451 ГК РФ в части предоставления возможности суду совершать действия, направленные на сохранение договора и договорного равновесия, в виде изменений условий⁴⁰⁷. Как мы можем видеть, данная проблема актуальна и для цивилистики в целом, не говоря уже об экологическом праве.

Такие проблемы – не только с применением ЛК РФ, но и с другими федеральными законами в сфере природопользования. И институт изменения и расторжения договора, и одностороннего отказа от договора в сфере природопользования нельзя считать достаточно развитым, они требуют существенной доработки и модернизации с учетом позиции профильных специалистов, относящихся к областям специального знания.

Существует и ряд проблем с изучением и правовым регулированием договоров в сфере природопользования. Если вновь обратиться к аренде лесных участков и соотнести ее с традиционными договорами аренды, возникает масса вопросов о правовой природе данного института. Так, В.А. Белов, исследуя договор аренды по гражданскому законодательству, пришел к выводу о существовании дифференциации аренды на владельческую и владельческо-пользовательскую (а в дальнейшем вообще оспаривал обоснованность включения в число «арендных» некоторых специальных видов аренды⁴⁰⁸).

В какой вид аренды необходимо определить аренду лесных участков? Передается ли при ней право владения с учетом возможности субаренды и неполой ее определенности? Какова природа договора аренды лесных участков? Консенсуальный ли он или реальный, и вообще – когда происходит передача прав на арендуемое имущество, ведь, помимо регистрации договора аренды лесных участков, нужно раз в год предоставлять лесную декларацию и проект освоения лесного участка по ст. 12 и 88 ЛК РФ?

⁴⁰⁶ Очхаев Т.Г. Изменение и расторжение договора в связи с существенным изменением обстоятельств. – М.: Статут, 2018. – С. 82.

⁴⁰⁷ Там же. – С. 143.

⁴⁰⁸ Белов В.А. Договор аренды: научно-практический очерк. – М.: Статут, 2018. – С. 29.

Вопросов снова остается очень много и снова в сфере природопользования. В.К. Быковский со ссылкой на правила подготовки и заключения договоров аренды указывал на ряд существенных условий данного договора, не закрепленных в ЛК РФ⁴⁰⁹. Полагаем, что это вопиющее нарушение юридической техники со стороны законодателя, ибо никто не пытается «вынуть» из ГК РФ и «уложить» в отдельный федеральный закон договор проката или его отдельные части, что мы, собственно, в случае с арендой лесных участков и наблюдаем. И такая проблематика актуальна для многих договоров в сфере природопользования, которых, кстати сказать, достаточно много.

Еще одной «проблемной точкой на карте взаимоотношений между частным и экологическим правом» является гражданско-правовая ответственность за нарушение законодательства о недрах: наиболее актуальным вопросом, за вычетом административной ответственности и уже «набившего оскомину» вопроса о взыскании убытков за нарушение экологического законодательства (причем она была «набита» не учеными, а предпринимателями и должностными лицами, допускающими систематические экологические катастрофы, вспомните хотя бы Норникель № А33-27273/2020), является рациональное недропользование. По свидетельству А.И. Цурановой, это динамическая система правовых средств, при помощи которой достигается такое воздействие на общественные отношения, при котором обеспечивается максимально эффективное и полное использование запасов полезных ископаемых в сочетании с мероприятиями по восполнению минерально-сырьевой базы и минимизации негативного воздействия на компоненты окружающей среды. Автор разделяет совокупность норм данного механизма на две группы: в первую входят нормы, направленные на установление обязанностей государства по рациональному недропользованию, во вторую группу – обязанности самого недропользователя⁴¹⁰.

Данный же вопрос связан еще и с самим правовым регулированием отдельных аспектов недропользования, например правового обеспечения геологоразведки⁴¹¹. В настоящий момент – это не отдельная проблема, а целый ряд правовых казусов и коллизий, который явно не способствует развитию частного и публичного права, так как интересы частного субъекта могут нарушать права населения на благоприятную окружающую

⁴⁰⁹ Быковский В.К. Лесное право России. – М.: Юрайт, 2021. – С. 95.

⁴¹⁰ Цуранова А.И. Правовой механизм обеспечения рационального использования недр при геологическом изучении разведке и добыче полезных ископаемых. – М.: Проспект, 2017. – С. 31.

⁴¹¹ Кузнецов Д.А. Правовое регулирование геологоразведочной деятельности // Vox Juris. – № 2. – 2020. – С. 216-223.

среду, восстановление природной среды и защиту от «хищнического» разграбления природных богатств, а нормативная база не обеспечивает эффективного правового регулирования ни со стороны частного, ни со стороны публичного права. Последствия такого отношения к природоохранному законодательству мы видим в ранее упомянутом судебном деле (и не надо упрекать авторов в избытке публицистичности, уж простите, такова тема исследования). Все это обостряется еще и отсутствием в законодательстве о недропользовании некоторых основополагающих категорий (например, «полезные ископаемые» на федеральном уровне), что затрудняет применение вообще любой отрасли права категорий, заложенных в экологическом законодательстве, а как известно, наличие неопределенности в значении термина, имеющего оценочный характер, вынуждает юристов-практиков использовать герменевтику или лингвистику для установления значения или толкования понятийного аппарата, что является отдельной проблемой.

Все вышеизложенное само по себе могло возродить дискуссию о земельной ответственности⁴¹². Авторы полагают необходимым осветить данную достаточно интересную категорию, ведь подобные тезисы не возникают без особых на то оснований. Классическая теория права выделяет пять видов юридической ответственности: дисциплинарную, административную, уголовную и гражданско-правовую или материальную. Однако применительно к земельному праву некоторыми специалистами выделяется еще и земельно-правовая ответственность.

Формирование идеи и разработка земельной ответственности началась еще шестьдесят лет назад. Первым исследовал вопрос самостоятельности земельно-правовой ответственности Н.И. Краснов, который указывал на то, что при охране правового режима земель наряду с другими применяются земельно-правовые меры, которые не вписываются в рамки гражданско-правовой и иных видов ответственности⁴¹³.

В последующем по данной теме высказывались в своих работах такие российские ученые-юристы, как Ф. Хадиханов⁴¹⁴ и А.П. Анисимов⁴¹⁵.

⁴¹² См. подробнее: Поисеев И.И. Земельное законодательство и рациональное использование земли // Вестник СВФУ. – № 1. – 2013. – С. 73-78.

⁴¹³ Правовое обеспечение рационального использования земли в СССР / Башмаков Г.С., Кикоть В.А., Колбасов О.С., Краснов Н.И. и др.; отв. ред.: Краснов Н.И. – М.: Наука, 1969. – 216 с.

⁴¹⁴ Адиханов Ф.Х. Теоретические проблемы правовой охраны земель сельскохозяйственного назначения. – Томск: Изд-во Том. ун-та, 1989. – 209 с.

⁴¹⁵ Анисимов А.П. Земельно-правовая ответственность за нарушение правового режима земель поселений // Журнал Российское право. – 2004. – № 2. – С. 80-86.

По вопросу ответственности за нарушения земельного законодательства также проводили специальные исследования О.В. Измайлов⁴¹⁶, Н.И. Нестеренко⁴¹⁷, А.А. Рябов⁴¹⁸, Е.А. Сухова⁴¹⁹.

Сформулировал понятие земельной ответственности О.В. Измайлов. По его мнению, земельно-правовая ответственность представляет собой применение государственно-правовых санкций, непосредственно предусмотренных земельным законодательством, к правонарушителю, в результате чего последний претерпевает лишения земельно-правового характера⁴²⁰.

К.Х. Ибрагимов воспринимает земельную ответственность как признание обязанности лица, виновного в нарушении земельного законодательства, либо претерпевать соразмерные его правонарушению адекватные лишения личного или имущественного характера, либо совершать общественно полезные поступки⁴²¹.

Приверженцы идеи земельно-правовой ответственности как самостоятельного вида юридической ответственности доказывают свою правоту, опираясь на:

- специфику земли как объекта отношений в области охраны окружающей среды и имущественных отношений, что не позволяет обеспечить ее правовой режим общими видами ответственности;

- в нормах земельного законодательства существуют особые земельно-правовые санкции, не свойственные другим отраслям права, которые применяются к тем, кто ненадлежащим образом исполняет установленные правила использования и охраны земель;

- в числе особых земельно-правовых мер воздействия на правонарушителя в сравнении с административными мерами выделяется система действий, совершаемых виновным или за счет виновного.

На данный момент вопрос о наличии оснований для выделения и фиксации в законодательстве отдельной формы ответственности за свершение правонарушений в земельных правоотношениях является дискуссионным.

⁴¹⁶ Измайлов О.В. Ответственность за нарушение земельного законодательства: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. – М., 1973. – 24 с.

⁴¹⁷ Нестеренко Н.И. Применение ответственности за нарушение земельного законодательства: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. – М., 1984. – 24 с.

⁴¹⁸ Рябов А.А. Ответственность за нарушение законодательства о землепользовании. – М.: Юрид. лит., 1981. – 88 с.

⁴¹⁹ Сухова Е.А. Ответственность за правонарушения в области охраны и использования земель: дис. ... канд. юрид. наук. – Саратов, 2005. – 202 с.

⁴²⁰ Измайлов О.В. Ответственность за нарушение земельного законодательства: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. – М., 1973. – 24 с.

⁴²¹ Ибрагимов К.Х. Вопросы земельно-правовой ответственности // Журнал Российское право. – 2006. – № 10. – С. 102-107

Также стоит указать на баланс экономических интересов уже самих хозяйствующих субъектов в сфере природопользования: Федеральный закон № 135-ФЗ «О защите конкуренции»⁴²² не содержит разъяснений о применении антимонопольного законодательства (далее – АМЗ) к экологическим правоотношениям за исключением пары статей, а вместе с тем нормы в экологическом законодательстве о применении АМЗ ничего не проясняют. А ведь это важнейший фактор защиты даже самого частного интереса в рыночной экономике от засилья монополий и экономически сильных хозяйствующих субъектов, не говоря уже о национальной безопасности и благе отдельно взятого человека. Некоторые вопросы защиты конкуренции в сфере экологического права находят отражение в доктрине, причем достаточно давно, например, процедуры проведения торгов в сфере природопользования еще в 2006 году стали предметом научного исследования специалистов по конкурентному праву, и надо отдать им должное, многие из тезисов, изложенных в статье, в последствие были реализованы⁴²³. Однако так «везет» далеко не всем проблемам на стыке конкурентного и экологического права. Так, например, согласимся с позицией А. Ростиславовой о том, что необходимо совершенствовать конкурсные процедуры в сфере недропользования на федеральном уровне, в частности, следует повысить четкость критериев отбора победителей и составить исчерпывающий перечень документов, необходимых для конкурса⁴²⁴. Вместе с тем авторы настоящего исследования ранее обращались к вопросам защиты конкуренции в сфере недропользования и пришли к целому ряду неутешительных выводов, однако не будем нарушать тематику исследования и ограничимся лишь указанием на необходимость совершенствования Федерального закона № 135-ФЗ в части защиты конкуренции в сфере природопользования⁴²⁵.

В связи с недостаточным регулированием возникает еще одна проблема: судебная система, в особенности Конституционный и Верховный суды РФ, вынуждены прибегать к заполнению пробелов в праве, выполняя работу законодателя, для реализации своей основной функции – отправления

⁴²² Собрание законодательства РФ. – 2006. – № 31.

⁴²³ Евраев М.А. Писенко К.А. Основные направления развития законодательства о размещении государственных и муниципальных заказов, а также законодательная об использовании ограниченных природных ресурсов в свете актуальных задач конкурентного реформирования отечественного законодательства и управления в сфере экономической деятельности. – М: Юрист, 2006 – С. 22-29.

⁴²⁴ Ростиславова А. Антимонопольное путешествие к недрам земли // Конкуренция и право. – № 6. – 2016. – С. 47-53.

⁴²⁵ Кузнецов Д.А., Сварчевский К.Г. Антимонопольный контроль в сфере недропользования / Состояние и развитие антимонопольного регулирования в Российской Федерации. Коллективная монография / Под общ. ред. Молчанова А.В., Петрова Д.А. – М.: Юрист, 2021. – С. 199-214.

правосудия⁴²⁶. Кроме того, недостаточно изучены особенности рассмотрения дел, связанных с применением экологического законодательства в гражданском процессе и административном судопроизводстве, вопросы о применении многих процессуальных институтов по данной категории дел, вопросы подсудности, о чем так же следует помнить.

В Уголовном кодексе Российской Федерации (далее – УК РФ)⁴²⁷ до сих пор существуют «мертвые нормы» (например, ст. 255 УК РФ)⁴²⁸, которые на практике не применяются вообще, так как квалификация происходит по другим нормам УК РФ, что говорит в очередной раз не в пользу законодателя. Подобные проблемы в практике наблюдаются очень долго и разрешения не находят: И.В. Попов ранее отмечал, что с 2007 по 2010 гг. не было ни одного привлечения к уголовной ответственности по ст. 255 УК РФ, однако имелись факты квалификации как незаконного предпринимательства⁴²⁹. Существующее ППВС от 18.10.2012 № 21 положение не сильно улучшает.

И ведь все это было явно предвидено великим ученым, академиком РАН О.С. Колбасовым, внесшим огромный вклад в развитие экологического права нашей страны, личности, имеющей мировое значение.

Выводы. Вкратце укажем на изменения, которые необходимо внести в законодательство для обеспечения реализации «завещания экологам».

Прежде всего, необходимо дополнить положения ГК РФ блоком норм о применении гражданского законодательства к экологическим правоотношениям.

Так вариантов концепций закрепления, на наш взгляд, может быть две: первая – это внедрение отдельной главы во вторую часть ГК РФ (глава 60.1 «Применение норм гражданского законодательства к правоотношениям, возникающим в сфере экологического права» с последующим закреплением в ней всего блока норм, применимых в сфере экологического законодательства). В данной главе, на наш взгляд, должны быть следующие параграфы:

⁴²⁶ См., например, Постановление Пленума Верховного суда РФ от 30.11.2017 г. № 49 «О некоторых вопросах о возмещении вреда, причиненного окружающей среде» // Бюллетень Верховного суда РФ. – № 2. – 2018.

⁴²⁷ Собрание законодательства РФ. – 1996. – № 25. – Ст. 2954.

⁴²⁸ В соответствии с данными Судебного департамента при Верховном суде Российской Федерации, за 2020 г. в России по ст. 255 УК РФ было осуждено ноль человек // Статистические данные Судебного департамента при ВС РФ / Официальный сайт судебного департамента ВС РФ. – URL: <http://www.cdep.ru/index.php?id=79&item=5669> (Дата обращения: 15.09.2023 г.).

⁴²⁹ Попов И.В. Сложные вопросы применения ст. 255 УК РФ и влияние гражданско-правовых понятий на квалификацию преступного нарушения правил охраны и использования недр // Вестник Омского университета МВД России. – № 1. – 2013. – С. 3-7.

1. Применение норм гражданского законодательства к отдельным видам договоров в сфере экологического права.
2. Ограниченные вещные права в сфере экологического законодательства.
3. Ответственность хозяйствующих субъектов за причинение вреда окружающей среде.

Второй вариант – рассредоточение норм по главам ГК РФ с учетом соотносимости конкретных норм и глав, при наличии возможности – выделение таких норм в отдельные параграфы.

Вместе с вышеизложенным, вне зависимости от выбранной модели, необходимо введение более подробных и конкретных оснований изменения и расторжения договоров в сфере природопользования с закреплением в экологическом законодательстве. Оба варианта также предполагают развитие нормативного регулирования природоохранных правоотношений, имеющих частноправовой элемент, в частности, договоры аренды лесных, водных участков, конкурсные процедуры на право добычи водных биологических ресурсов, договор водопользования и прочие аналогичные конструкции. Также потребуются внести изменения в общие положения ГК РФ и внедрить новые конструкции и горный сервитут⁴³⁰.

Для эффективности вышеобозначенных преобразований необходимо переработать Закон РФ «О недрах»⁴³¹, провести инкорпорацию подзаконных актов и принять Горный кодекс, более детально изучить особенности судопроизводства по делам, вытекающим из экологических правоотношений. Также необходимо развивать теоретические исследования природы и содержания договоров в сфере природопользования, а именно тех элементов договора, которые сохраняют частноправовую окраску.

В сфере законодательства о земле и недрах необходимо принятие Горного кодекса с проведением границ между частным и публичным интересом в данных отраслях, формированием качественного понятийного аппарата в законодательстве о недрах, обеспечением сбалансированности правовых конструкций в данной сфере.

В сфере антимонопольного законодательства необходимо ввести антимонопольный сервитут⁴³², дополнить Закон о защите конкуренции (далее – ЗоЗК) положениями о защите конкуренции в сфере природопользования, исключить из экологического законодательства нормы, отсылающие к ЗоЗК,

⁴³⁰ Афанасьев И.В. Сервитут в гражданском праве. – М.: Юрайт, 2018. – С. 132-135.

⁴³¹ Ведомости съезда народных депутатов РФ и Верховного совета РФ. – 1992. – Вып. 16. – Ст. 834.

⁴³² Антимонопольное регулирование: проблемы законодательства теории и практики / Под ред. Тенишева А.П., Шишко И.В., Лужбина Е.Л. – М.: Проспект, 2018. – С. 80-91.

обеспечить понятные и прозрачные конкурсные процедуры в сфере природопользования.

В сфере цивилистического процесса: подробное исследование особенностей производства по делам, связанным с применением экологического законодательства и применением отдельных процессуальных институтов в таких делах.

Все обозначенные выше меры позволяют эффективно регулировать общественные отношения в сфере природопользования, осложненные частно-правовым элементом, обеспечить снижение нагрузки на судебную систему, развить положения гражданского законодательства и вместе с тем эффективно защищать окружающую среду от вредоносного воздействия хозяйственной деятельности.

§ 2. Влияние советской школы административного права на современное понимание сущности административно-правового регулирования

Введение. Дискуссии о предмете и методе отраслей российского права являются традиционными для отечественной юридической науки. Данные дискуссии всегда будут достаточно разнообразными и разнонаправленными в силу того, что сам вопрос отраслевого деления носит исключительно доктринальный, а следовательно, условный характер. Вместе с тем обсуждение вопросов, направленных на уяснение сущности административно-правового регулирования, позволяет задать вектор развития правовых норм, оценить перспективы правового регулирования в данной сфере, выделить проблемные вопросы в сфере государственно-правового регулирования. В рамках настоящего исследования сделана попытка исследовать степень влияния достижений советских ученых-административистов на современные концепции, указывающие на место административного права в системе российского права.

Основное исследование. Данный вопрос (влияние трудов советских ученых административистов 50-80 гг. XX в.) на концепцию современного административного права уже изучался специалистами. Например, достаточно подробный анализ дискуссий в научной среде середины XX в. был сделан И.И. Веремеенко⁴³³, который справедливо заметил, что смена государственно-правовой парадигмы не в полной мере отразилась на понимании предмета и метода административно-правового регулирования.

⁴³³ Веремеенко И.И. Концепция предмета советского административного права и необходимость ее коррекции // Пенитенциарная наука. – 2008. – № 2. – С. 67.

В свете рассматриваемого вопроса будет уместно вспомнить о появлении административного права в современном его понимании и об истории данной отрасли, которая берет свое начало в истории полицейского права.

Общеизвестным является утверждение, что смена названия отрасли отражает не только и не столько наличие субъективных факторов, связанных с предпочтениями тех или иных специалистов в данной сфере, но и с изменением подхода к системе правового регулирования. Административное право пришло на смену полицейскому в связи с развитием идей конституционализма, поставившим защиту прав и свобод человека и гражданина на первое место среди задач и функций органов исполнительной власти. С приходом термина «административное право» данная отрасль перестала пониматься как отрасль исключительно «управленческая». Современная концепция государственно-правового строительства видит в отдельной личности самостоятельный субъект, взаимодействующий с органами государственной власти, отношения с которым не сводятся к традиционной модели «власти – подчинения». Такой подход к пониманию сущности административного права был характерен еще для начала XX в., когда и произошло выделение административного права из полицейского. Характерно, что А.И. Елистратов связывал необходимость перехода от полицейского права к административному в связи с тем, что отношения индивида и органа государственной власти не могут строиться исключительно на необходимости подчинения властным предписаниям. По мнению ученого, фундамент полицейского права базируется на создании системы норм, направленных на «опеку» обывателя без учета его мнений и интересов⁴³⁴. Концепция нового «административного права» находилась и находится в тесной связи с выступающей в качестве фундамента государственно-правового устройства концепцией разделения властей, создания системы административной юстиции, направленной на обжалование в суде актов и действий органов государственной власти.

В период существования Советского государства концепция административного права, предложенная отечественными и зарубежными административистами, не могла быть воспринята в условиях господства новых идеологических установок. При условии, что именно доктрина разделения властей оказала решающее воздействие на формирование административного права, отказ от нее должен был привести к коренной перестройке системы научного знания в данной сфере. В своих лекциях по административному праву А.И. Елистратов говорил о том, что «пока законы издает тот же орган, который и правит, его управление правомерным стать не может: если орган

⁴³⁴ Нижник Н.С., Дергилева С.Ю. Государство и право в теоретическом наследии А.И. Елистратова // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. – 2014. – № 2 (62). – С. 68.

правлящей власти является вместе с тем и органом власти законодательной, он всегда сможет узаконить свои отступления от закона в делах государственного управления. Законы будут занимать почетное место в кодексах, а в жизни станет по-прежнему царить изменчивое усмотрениеправлящей власти»⁴³⁵. Такой подход не мог найти понимание в реалиях господства советской правовой и идеологической доктрины. Неизбежным в таких условиях был этап, отрицающий возможность существования такой отрасли, как административное право, в советском государстве в принципе.

Дальнейшее развитие и усложнение системы государственного управления в Советском Союзе привело к усилению интереса к любым наукам, разрабатывающим проблемы управления, не исключением было и административное право, возродившееся на новых условиях. Одним из таких условий являлась построение концепции административно-правового регулирования, которая не будет основана на принципе разделения властей, подзаконности и подконтрольности органов исполнительной власти, на создании системы гарантий, направленных на защиту прав и законных интересов личности в процессе деятельности государственного аппарата. Господство в период существования Советского Союза определенных идеологических установок привели к формированию идеи о единстве системы органов государственной власти, выделению в качестве предмета административного права любой управленческой деятельности, осуществляемой в сфере публичного управления, при этом те идеи, которые послужили отправной точкой для формирования новой отрасли (например, институт судебного обжалования действий и решений органов государственной власти и их должностных лиц), оказались на периферии внимания специалистов (во многом из-за крайне слабого развития подобных отношений в обществе).

Указанные обстоятельства привели к тому, что в понимании предмета и метода административного права сложился ряд постулатов, оправданных сосуществовавшей в 50-80 гг. системой правовых норм и соответствовавшей им правоприменительной практикой. Достаточно емко характеризовал предмет советского административного права Ю.М. Козлов: «Советское административное право регулирует те общественные отношения, которые складываются в процессе управления или осуществления управленческой деятельности. Специфической особенностью отношений, регулируемых административным правом, является юридическое неравенство сторон: один из участников такого отношения подчинен другому ... Административно-правовому регулированию свойствен метод властных предписаний, метод властвования. Соответственно, отношения управленческого характера есть

⁴³⁵ Елистратов А.И. Административное право // Вестник Университета имени О.Е. Кутафина. – 2016. – № 5 (21). – С. 236.

отношения власти и подчинения... Для административно-правовых отношений характерен обязательный субъект. Они не могут возникнуть без участия органа управления или другого субъекта, наделенного юридически властными полномочиями»⁴³⁶. Фактически «управленческая» концепция административного права может быть представлена следующим образом: административные правоотношения: 1) возникают в процессе государственного управления; 2) имеют в качестве обязательного субъекта орган государственного управления; 3) являются отношениями «власти – подчинения» и характеризуются юридическим неравенством их сторон. Нельзя говорить о том, что такая концепция была единственной. Единство идеологических подходов не исключало возможностей дискуссии в этой сфере. Так, Г.И. Петров был сторонником подхода, предполагающего наличие, помимо отношений «власти – подчинения», иных отношений, составляющих предмет административного права⁴³⁷. Исследователь уделял достаточное внимание «отношениям равноправия»⁴³⁸, связанным с административно-правовым регулированием. При этом примером указанных отношений являлись, по мнению Г.И. Петрова, «отношения между несоподчиненными органами государственного управления (например, между министерствами СССР), их работниками (например, между заведующими отделами исполкома), между различными несоподчиненными органами общественных организаций, деятельность которых регулируется нормами административного права, между гражданами, между органами государственного управления и гражданами, обращающимися к ним с предложениями, заявлениями, жалобами и т. д.»⁴³⁹. Подобный подход приводил к заметному расширению круга административных правоотношений, включающих в себя отношения в рамках деятельности профсоюзных организаций, отношения по поводу использования жилых помещений и другие. При этом отношения, которые являлись базовыми для выделения административного права из полицейского, находились на периферии внимания (отношения, связанные с обжалованием действий и решений органов государственной власти). Фактически такие позиции нашли отражение в некоторых современных подходах к описанию перемета административного права.

К ним можно отнести следующее.

Расширение круга общественных отношений, регулируемых административным правом. В некоторых случаях речь идет о своеобразном «огосударствлении» любых общественных отношений. Как справедливо отметил Д.В. Осинцев, «столь широкое определение является идеологически

⁴³⁶ Козлов Ю.М. Административное право. – М.: Юридическая литература, 1968. – С. 40.

⁴³⁷ Петров Г.И. Советские административно-правовые отношения. – Л.: ЛГУ, 1972. – 157 с.

⁴³⁸ Там же. – С. 19.

⁴³⁹ Там же. – С. 21.

"небезопасным" в политико-стратегическом плане, так как полицейскими функциями наделяются практически все субъекты права»⁴⁴⁰.

Расширение круга административно-правового регулирования связано с отнесением к предмету административного права отношений, складывающихся в процессе организации и деятельности органов местного самоуправления. Такой подход был вполне оправдан в период существования «советской» системы государственного управления, основанного на принадлежности всей полноты власти советам народных депутатов, которые в свою очередь могут рассматриваться (с некоторой долей условности) и как аналоги органов местного самоуправления. Следующей чертой выделения предмета административного права в ту эпоху является отнесение к административно-правовым отношениям, возникающих в процессе деятельности государственных организаций и учреждений. Административно-правовые отношения рассматривались как властеотношения между неравноправными субъектами. В предмет административного права входили любые внутриорганизационные управленческие отношения, происходящие в органах государственной власти. Можно позволить достаточно общее утверждение о том, что понимание советского административного права во многом схоже с концепцией полицейского права как права управленческого (с учетом, разумеется, значительно возросшей юридической техники).

Смена общественно-политических реалий и идеологии должна была оказать существенное воздействие на понимание предмета и метода административного права, что в свою очередь должно было найти отражение не только в научных трудах в данной сфере, но и в содержании учебных курсов по дисциплине «Административное право». Вместе с тем анализ значительного количества популярных учебников и учебных пособий показывает, что смена государственно-правовых установок не в достаточной степени нашла отражение в содержательной части указанных изданий.

Так, например, авторы одного из самых авторитетных учебников по административному праву Б.Ю. Россинский и Ю.Н. Старилов напрямую отсылают читателя к книге Ю.М. Козлова и обращают внимание на то, что отношения между гражданами и администрацией, регулируемые административным правом, – это отношения «власти – подчинения»⁴⁴¹. Несмотря на то, что с данным тезисом невозможно спорить, он может быть сведен к

⁴⁴⁰ Осинцев Д.В. Государственное управление и административное право: проблемы методологии правового исследования // Материалы Международной научно-практической конференции, посвященной 80-летию Заслуженного деятеля науки РФ, д. ю. н., профессора Д.Н. Бахраха «Инновационная Россия: проблемы и перспективы формирования правового государства». – Екатеринбург: УМЦ УПИ, 2012. – С. 265.

⁴⁴¹ Россинский Б.В. Административное право: учебник для вузов. – М.: Норма, НИЦ ИНФРА-М, 2019. – С. 53.

исключительно управленческой концепции административного права, которая лишь вскользь упоминает об особых отношениях подконтрольности деятельности исполнительной власти, характерных для современного административно-правового регулирования. Определяя предмет административного права, авторы пишут о том, что «административное право – это совокупность правовых норм, которыми регулируется публичное управление в государстве, в муниципальных образованиях и других публичных институтах. Иными словами, административное право регулирует отношения не только в сфере государственного управления, но и в сфере управления, осуществляемого на негосударственном уровне, – местного самоуправления, а также управления в других публичных организациях и учреждениях». Такой тезис приводит к фактическому размыванию границ административного права, которое таким образом охватывает фактически всю сферу государственного управления. При этом тезис о защите прав граждан в процессе осуществления государственного управления хотя и присутствует, но занимает лишь одну небольшую часть от общего перечисления особенностей административно-правовых норм и отношений⁴⁴².

Более осторожный подход сформулирован в учебнике под редакцией Л.Л. Попова и М.С. Студеникиной, которые также необычайно широко трактуют предмет административного права, включая в него общественные отношения, возникающие в деятельности общественных объединений, исполнительных органов местного самоуправления, коммерческих организаций⁴⁴³. Характеризуя общественные отношения, возникающие в процессе выполнения органами местного самоуправления своих функций, авторы говорят о том, что «деятельность исполнительных органов местного самоуправления также в значительной мере составляет предмет административного права, ибо они не могут быть исключены из числа возможных участников управленческих отношений. Исполнительные органы городов, поселков и т. п. действуют не изолированно от администрации краев и областей, а также органов исполнительной власти республик. Естественно, что подобного рода управленческие отношения регламентируются нормами административного права»⁴⁴⁴. Т. е. фактически выдвигается тезис о том, что участие в управленческом отношении, связанность с публично-правовым регулированием автоматически делает данное отношение административно-правовым.

Находит поддержку в современных условиях и давний тезис, сформировавшийся в период существования советской власти, об особых

⁴⁴² Там же. – С. 59.

⁴⁴³ Попов Л.Л., Студеникина М.С. Административное право: учебник. – М.: Норма, ИНФРА-М, 2021. – С. 32.

⁴⁴⁴ Там же. – С. 32.

административно-правовых отношениях, которые могут возникать между гражданами без участия органов государственной власти, но в связи с выполнением публичной обязанности⁴⁴⁵.

Ни в коем случае нельзя говорить о том, что авторы современных учебников и учебных пособий не обращают внимание на то, что изменение государственно-правовых парадигм должно оказывать влияние на понимания сущности административного права. Так А.Н. Миронов справедливо указывает на то, что «в современных условиях в России вопрос о предмете административного права приобрел особую значимость. Речь идет, прежде всего, об исполнении конституционных норм, норм текущего законодательства о правах граждан и их объединениях, об административном обеспечении реализации прав и обязанностей граждан»⁴⁴⁶. Анализ текста учебника позволяет заключить, что автором не сделаны акценты на том, каким образом будет осуществляться «административное обеспечение» прав и обязанностей граждан, идет ли речь о своеобразном режиме «административной опеки» или об установлении границ по реализации полномочий органов исполнительной власти. Между тем наличие правового механизма, направленного на ограничение властных полномочий, – одна из основных черт современного административного права. Некоторые цитаты из учебных пособий нашего времени напрямую могут быть связаны с иным пониманием сущности конституционализма, чем то, которое характерно для современности. Так, например, С.Н. Братановский с соавторами в учебнике, предназначенном для магистрантов, пишет о том, что «господствующая в обществе воля материализуется в конкретной форме общественной жизни: в праве находит свое выражение государственная воля. Следовательно, правовое регулирование управленческих отношений, в конечном счете подчиняющихся воле и интересам государства, способствует своими специфическими средствами развитию их в направлении, соответствующем перспективам развития российского общества»⁴⁴⁷. Такой подход, несмотря на обоснованность его существования, еще больше удаляет читателя учебника от того понимания сущности административно-правового регулирования, которое сложилось еще в начале XX в.

Достаточно традиционной является позиция авторов учебных пособий, основанная на перечислении основных «управленческих» отношений, составляющих предмет административного права без указания на специфику административно-правового регулирования, основанного на принципах

⁴⁴⁵ Ершов П.М., Звоненко Д.П., Иванов М.В. Административное право: учебник. – М.: Юстицинформ, 2011. – С. 32.

⁴⁴⁶ Миронов А.Н. Административное право: учебник. – М.: ФОРУМ: ИНФРА-М, 2021. – С. 21.

⁴⁴⁷ Братановский С.Н. Административное право России: учебник. – М.: РИОР: ИНФРА-М, 2019. – С. 31.

ограничения полномочий администрации. Так, например, Н.М. Конин, Е.И. Маторина пишут о том, что «существуют четыре области общественных отношений, где действуют единые по своей предметно-родовой сущности, но различные по своей видовой характеристике разновидности организационных отношений, являющихся предметом административно-правового регулирования: 1) организационные управленческие отношения в сфере реализации исполнительной власти (государственного управления); 2) внутриорганизационные отношения во всех звеньях системы публичного управления и сферах государственной деятельности; 3) общегосударственные контрольно-организационные отношения; 4) административно-юстиционные, организационно-охранительные отношения»⁴⁴⁸.

Необходимо отметить еще один аспект, касающийся преподавания дисциплин административно-правового профиля и нашедший свое отражения в содержательной части учебников и учебных пособий. Отечественная традиция, связанная с юридическим образованием, как правило, разделяет курсы административного судопроизводства, базирующиеся на нормах Кодекса административного судопроизводства Российской Федерации⁴⁴⁹, и курс административного права. Можно говорить о том, что в подавляющем количестве учебных пособий изложение норм, направленных на судебное обжалование действий и решений органов публичной власти, отсутствует. У данного явления есть прочное обоснование – Кодекс административного судопроизводства Российской Федерации по своей природе близок к кодексам частного права, и его существование длительный период в рамках Гражданско-процессуального кодекса Российской Федерации в некоторой степени обусловлено природой излагаемых норм. В то же время существует возможность выдвинуть гипотезу о том, что такое деление в некоторой степени связано с традициями советской школы административного права, которая не могла строить фундамент административно-правового регулирования на процедурах обжалования действий и решений органов государственной власти.

Несмотря на сугубо теоретический материал, лежащий в основе написания данной статьи, можно констатировать, что понимание административного права как системы норм, регулирующих исключительно отношения власти и подчинения (причем понимаемые достаточно широко), приводит к своеобразным рецидивам полицейско-правового регулирования, основанного на тезисе, что основная задача органов государственной

⁴⁴⁸ Конин Н.М., Маторина Е.И. Административное право: учебник для вузов. – М.: Юрайт, 2021. – С. 30.

⁴⁴⁹ Кодекс административного судопроизводства Российской Федерации от 08.03.2015 № 21-ФЗ (ред. от 30.04.2021, с изм. от 15.07.2021) // Собрание законодательства РФ. – 09.03.2015. – № 10. – Ст. 1391.

власти – попечение о благополучии и благосостоянии граждан без учета их мнения о целесообразности такого попечения и того влияния, которое оно оказывает на жизнь «рядовых» граждан. Современная эпоха дает нам яркий пример того, как деятельность администрации, не ограниченная законодательными рамками, достаточно быстро сводится к произвольным решениям, затрагивающим базовые права и свободы личности, причем касающихся его важнейших повседневных нужд. Ситуация, связанная с принятием мер, направленных на борьбу с новой коронавирусной инфекцией, как нельзя лучше иллюстрирует понятие «изменчивое усмотрение правящей власти», примененное А.И. Елистратовым в его курсе лекций. Одна из причин подобного положения – отсутствие системы норм, направленных на установление границ произвольной деятельности органов государственной власти (как федеральных, так и на уровне субъектов) в специфических условиях распространения нового заболевания. Существует возможность предположить, что практика применения «антиковидных» мер – это новый вызов современной политико-правовой системе, основанной на доктрине конституционализма⁴⁵⁰.

Помимо вышесказанного, можно отметить, что «размывание» границ административно-правового регулирования находится в тесной связи с некоторыми тенденциями современной правоприменительной практики. Так, например, совмещение в одной отрасли норм, регламентирующих деятельность органов исполнительной власти и деятельность органов местного самоуправления, ставит под сомнение полноту реализации одного из главных принципов государственно-правового устройства Российской Федерации – независимости органов местного самоуправления, что в свою очередь находит отражение в практике деятельности органов местного самоуправления в Санкт-Петербурге и других городах федерального значения, которые фактически находятся в существенной зависимости от органов государственной власти субъектов. Несмотря на то, что существуют самые разные подходы к перспективам дальнейшего развития правовых норм, регулирующих деятельность органов государственной власти и органов местного самоуправления, современная модель административно-правового регулирования должна быть связана с действующей конституционно-правовой моделью, основана на общепризнанных принципах правового регулирования. Разрыв между декларируемыми принципами и реальной правовой моделью – один из главных

⁴⁵⁰ Терентьев Р.В. Меры по противодействию распространению новой коронавирусной инфекции (COVID-19) в свете теории конституционализма // Реализация теории конституционализма в правоприменительной практике Российской Федерации. Сборник статей по материалам научно-практической конференции (Санкт-Петербург, 23 октября 2020 года). – СПб: Астерион, 2021. – С. 208-214.

недостатков любой правовой системы, влекущий за собой неустранимые противоречия в правоприменительной практике и угрожающих отказу от принципов правового государства, подразумевающих главенство правовых норм среди других способов социальной регуляции.

Многokrатно констатируемое отсутствие единства в понимании предмета регулирования административного права⁴⁵¹ говорит о необходимости продолжения дискуссии по данному вопросу, необходимой в том числе для совершенствования механизма преподавания одноименной дисциплины.

Выводы. Хотелось бы отметить, что автор настоящей статьи не в коей мере не оспаривает современные авторитетные подходы к пониманию предмета административного права, тем более что отраслевое деление – не более чем условность, необходимая для лучшего понимания системы современных норм и выработки новых подходов к правовому регулированию в целом. Необходимость разграничения различных позиций в данной сфере наиболее ярко проявляется в процессе преподавания дисциплин юридического профиля. Необычайно «широкий» подход к определению предмета административного права не позволяет студентам уяснить границы административно-правового регулирования и понять основные приемы построения системы административно-правовых норм. Можно предположить, что современная концепция понимания предмета административного права нуждается в коренном пересмотре, в связи с чем автор считает возможным сформулировать несколько выводов.

В значительной степени современная концепция понимания предмета административного права базируется на результатах исследований ученых административистов 50-70 гг. XX в., работавших в условиях господства иных идеологических установок, связанных с реализацией принципа единства органов государственной власти и не основанных на разделении властей.

Понимание сущности административно-правового регулирования как системы норм, направленных на ограничение произвольной деятельности органов исполнительной власти, поможет задать вектор развития правовых норм на современном этапе.

Сужение круга отношений, относимых к административно-правовым, позволит сформировать у студентов, обучающихся по программам высшего образования, более ясное представление о специфике административно-правовых норм и уяснить границы между смежными отраслями.

⁴⁵¹ Осинцев Д.В. Государственное управление и административное право: проблемы методологии правового исследования // Материалы Международной научно-практической конференции, посвященной 80-летию Заслуженного деятеля науки РФ, д. ю. н., профессора Д.Н. Бахраха «Инновационная Россия: проблемы и перспективы формирования правового государства». – Екатеринбург: УМЦ УПИ, 2012. – С. 264.

Существует возможность предположить, что теоретические основы, базирующиеся на понимании административно-правового регулирования, сформировавшегося в 50-70 гг. XX в., могут приводить к правоприменительной практике, противоречащей основам государственного строя Российской Федерации, основанном на принципе разделения властей, независимости ветвей власти, самостоятельности органов местного самоуправления, независимости органов государственной власти субъектов Российской Федерации в пределах своих полномочий.

§ 3. Академические школы финансового права: проблемы интерпретации понятия финансовой системы государства в российском праве

Введение. В современной юриспруденции существует ряд российских академических школ финансового права, которые имеют принципиальное видение системы. Важным аспектом научно-исследовательской работы множества школ является то, что фундаментально они стараются размежеваться на направления экономической и правовой интерпретации сущности и структуры системы. Также сохраняется ряд принципиальных разногласий, например, в видении роли или значимости для системы кредитов и страхования. В связи с этим делаются попытки разработки синтетической интерпретации финансовой системы для частичного или полного удовлетворения ученых, приверженных к различным школам. Однако исследованный материал указывает на то, что такого рода определения выделяются либо своей чрезмерной краткостью, либо нагромождением параметров отдельных составных частей финансовой системы.

Целью данного исследования было всестороннее рассмотрение финансовой системы для создания ее более четкой и оптимально емкой интерпретации, сохраняющей ценности различных подходов академических школ Российской Федерации.

Исходя из цели исследования, были разработаны следующие задачи:

- провести анализ интерпретации понятия финансовой системы у представителей различных академических школ финансового права;
- исследовать структуру финансовой системы на предмет определения роли каждого компонента;
- дать наиболее комплексное определение группирования звеньев финансовой системы;
- разработать предложение по наиболее четкому и емкому определению финансовой системы.

Для решения поставленных выше задач были применены аналитический, исторический, сравнительный и логический методы анализа.

В ходе исследования были изучены многочисленные материалы различных российских академических школ финансового права и использованы разработки таких российских ученых, как Е.Ю. Грачева, М.В. Карасева, А.М. Ковалева, Ю.А. Крохина, Н.И. Химичева, А.С. Чуева и другие.

Основное исследование. Определенные общественные отношения, которые обладают специфическими детекторами, являются предметом любой правовой отрасли. Рассматривая финансовое право, необходимо признать, что данное условие сохраняется в полной мере. Следовательно, возможно выделить три важнейшие черты отношений, которые формируют предмет финансового права. Во-первых, они складываются сугубо в сфере финансовой деятельности и имеют тесную связь с распределением государством национального дохода с целью генерации необходимых социуму фондов потребления и накопления. Во-вторых, планомерно реализуемая деятельность по генерации и использованию финансовых фондов в социуме как раз является основанием для возникновения правовых отношений. В-третьих, объектом данного типа отношений, что также важно, являются финансы и финансовые обязательства, которые связаны и с генерацией, и использованием фондов⁴⁵².

В ходе исследования первым этапом был проведен анализ интерпретирования самого понятия финансовой системы, которое используется в праве.

Е.Ю. Грачева определяет финансовую систему как совокупность определенных финансовых институтов, каждый из которых способствует генерации и использованию денежных фондов. Совокупность данных институтов, их взаимодействие по генерации, перераспределению и использованию денежных фондов создает саму финансовую систему, которая отражает детекторы и маркеры развития государства в определенных условиях развития рынка⁴⁵³.

А.М. Ковалева утверждает, что анализ тенденции развития финансов говорит о наличии генеральных признаков в контенте. Это обусловлено тем, что объективные причины и условия функционирования финансов сохраняются при определенных условиях, среди которых особо выделяют развитие товарно-денежных отношений и формирование государства как субъекта таких отношений⁴⁵⁴. В отличие от денег и кредитов, финансы непосредственно связаны с функционированием государства. Генеральные признаки финансовых отношений по определению не исключают некие различия между ними.

⁴⁵² Грачева Е.Ю. Финансовое право: учебник. – М.: Норма: Инфра-М, 2012. – С. 8-9.

⁴⁵³ Там же. – С. 10.

⁴⁵⁴ Чуева А.С., Курдюк П.М., Иваненко И.Н. Финансовое право (общая часть): учебное пособие для бакалавров. – Краснодар: КГАУ, 2013. – С. 16-17.

В связи с этим А.М. Ковалева определяет финансовую систему как экономическую категорию, которая является множеством сфер финансовых отношений, характеризующих особенностями генерации и использования финансовых фондов, а также различной ролью в социальном воспроизводстве⁴⁵⁵.

Н.И. Химичева также поддерживает в своих определениях А.М. Ковалеву и интерпретирует финансовую систему больше как экономическую, предлагая под ней понимать внутреннее строение финансов, совокупность составляющих ее взаимосвязанных институтов, каждый из которых является некоей специфической группой финансовых отношений. Материальную составляющую данных институтов финансовой системы имеют соответствующие денежные фонды⁴⁵⁶.

Ю.И. Шуплецова расширяет понятие финансовой системы применительно к Российской Федерации, включая в ее состав бюджетную систему, внебюджетные фонды, финансы организаций, фонды страхования и государственные и банковские кредиты⁴⁵⁷.

В.Б. Алексеев определяет финансовую систему еще шире и четче, представляя ее совокупностью взаимодействующих финансовых институтов, в состав которых входит федеральный, региональный и местный бюджет, государственные внебюджетные фонды, в состав которых входят Пенсионный фонд Российской Федерации, Фонд социального страхования и Федеральный фонд обязательного медицинского страхования. Также в состав включает:

- бюджет территориальных государственных внебюджетных фондов обязательного медицинского страхования;
- денежные средства организаций и отраслей народного хозяйства;
- кредиты, которые подразделяются на государственные и банковские, федеральные и региональные негосударственные фонды, которые в свою очередь состоят из пенсионных, страховых, банковских фондов и фондов иных общественных организаций и юридических лиц⁴⁵⁸.

Ю.А. Крохина подходит к определению финансовой системы также с экономической позиции, но более методологической, нежели теоретической, характеризуя ее как систему форм и методов аккумуляции, перераспределения и использования финансовых фондов государства, муниципальных образований, а также всех предприятий, учреждений, организаций и отраслей

⁴⁵⁵ Ковалева А.М. Финансы: учебник для академического бакалавриата. – 6-е изд., перераб. и доп. – М.: Юрайт, 2019. – С. 23-24.

⁴⁵⁶ Химичева Н.И. Финансовое право: учебник. – 5-е изд., перераб. и доп. – М.: Норма: ИНФРА-М, 2012. – С. 27.

⁴⁵⁷ Шуплецова Ю.И. Финансовое право: краткий курс лекций. – 5-е изд., перераб. и доп. – М.: Юрайт, 2014. – С. 11.

⁴⁵⁸ Алексеев В.Б. Финансовое право Российской Федерации: учеб. пособие. – М.: Волтерс Клувер, 2010. – С. 12-13.

народного хозяйства. Согласно исследователю, каждое звено этой системы определяется тем, что предоставляет сервис в определенной сфере перераспределения государственного дохода с помощью специфических форм и методов аккумуляирования и использования финансовых фондов. Каждое звено данной системы имеет влияние на публичную финансовую деятельность, а также свои функции. Автор включает в звенья финансовой системы бюджетную систему, в которую в свою очередь входят федеральный бюджет, бюджеты субъектов РФ и местные бюджеты, внебюджетные государственные фонды, государственные и муниципальные кредиты, обязательное государственное страхование и финансы предприятий, объединений, организаций, учреждений, отраслей народного хозяйства⁴⁵⁹.

Следовательно, необходимо отметить, что в Российской Федерации сформированы три основных видения финансовой системы, определяющие совокупность взглядов правоведов на нее: правовое, экономическое и синтетическое. Правовое видение на финансовую систему предусматривает соответствующий взгляд на нее, исходя из применения набора правовых методов и инструментов для объяснения и контроля финансовой системы. Экономическое же видение сохраняет понимание финансовой системы в экономическом поле для юриспруденции, что в корне меняет методологию воздействия правового поля на данную систему, ставя во главу угла финансовую составляющую, на которую уже вторично накладывается правовое поле на государственном и муниципальном уровне. Синтетическое видение финансовой системы призвано совместить два основных видения, преобразуя их в гармоничное осознание данной системы как части государственно-правового кластера образования и перераспределения средств.

На втором этапе исследования была проанализирована сама финансовая система Российской Федерации. Необходимо отметить, что обычно институт любой системы подразделяется на институциональные направления. В случае с финансовой системой мы отмечаем, что она также подразделяется на соответствующие направления в соответствии со структурой финансовых взаимосвязей. Государственные финансы закономерно включают в свой состав бюджеты всех уровней, в том числе пенсионный фонд, фонд социального страхования и обязательного медицинского страхования.

Также следует отметить, что самое важное место в финансовой системе Российской Федерации занимает бюджетная система, которая является мобильным звеном, и на ее долю приходится максимальный денежный поток.

Согласно статье 6 Бюджетного кодекса Российской Федерации, «бюджетная система Российской Федерации – основанная на экономических

⁴⁵⁹ Крохина Ю.А. Финансовое право России: учебник. – 4-е изд., перераб. и доп. – М.: Норма: Инфра-М, 2011. – С. 25-26.

отношениях и государственном устройстве Российской Федерации, регулируемая законодательством Российской Федерации совокупность федерального бюджета, бюджетов субъектов Российской Федерации, местных бюджетов и бюджетов государственных внебюджетных фондов»⁴⁶⁰.

К бюджетам данной системы относятся федеральный бюджет и бюджеты государственных внебюджетных фондов, а также бюджеты субъектов и бюджеты территориальных государственных внебюджетных фондов, местные бюджеты.

Финансовые фонды в форме федерального бюджета, бюджетов субъектов Российской Федерации и муниципальных субъектов, входящие в состав бюджетной системы страны, объективно необходимы для реализации общегосударственных или региональных социально-экономических планов и программ, а также для обеспечения оборонных функций и безопасности страны. Следует учитывать, что они служат и финансовой базой самостоятельности субъектов государства и развития местного самоуправления.

Частью средств федерального бюджета следует считать формируемые в его составе фонды резервного назначения. Так, согласно статье 81.1 Бюджетного кодекса Российской Федерации, резервный фонд является частью средств федерального бюджета, которые подлежат обособленному учету, управлению и использованию для обеспечения баланса, т. е. покрытия дефицита федерального бюджета. Средствами бюджетной системы выступают, в большинстве своем, налоги и другие обязательные платежи юридических и физических лиц. Также для привлечения средств бюджетная система использует внутригосударственный и внешний кредит на основе возвратности.

Следовательно, бюджетная система является организационной формой финансовой системы и принципиально важным элементом социально-экономической деятельности страны. Это определяет ее как составную часть не только структуры и характеристики финансовой системы, но и ее определения в правовом поле государства, так как важное предназначение бюджета подтверждается особым уровнем его правового регулирования, определяемым статьей 114 Конституции Российской Федерации, в которой, согласно статье 71, федеральный бюджет относится к исключительной компетенции государства. Конституционные нормы по-прежнему возлагают разработку и организацию исполнения федерального бюджета на Правительство Российской Федерации, которое разрабатывает проект федерального бюджета, а по окончании финансового года, согласно пункту «а» статьи 114, отправляет отчет об исполнении на рассмотрение Государственной Думы. Также

⁴⁶⁰ Бюджетный кодекс Российской Федерации от 31.07.1998 № 145-ФЗ (ред. от 01.07.2021, с изм. от 15.07.2021) // СПС «КонсультантПлюс». – URL: <https://www.consultant.ru/> (Дата обращения: 11.09.2023 г.).

Конституцией Российской Федерации отводятся определенные нормы и бюджетам субъектов и муниципальных образований.

Особое внимание в финансовой системе государства уделяется внебюджетным фондам, которые по своей сути представляют определенную совокупность денежных средств. Эти средства обособлены от бюджета и имеют собственные доходные источники. Они предназначены для материального обеспечения отдельных публичных мероприятий. Данный тип фондов имеет сугубо целевое назначение для реализации привлечения дополнительных ресурсов в те отрасли экономики, которые определяются как приоритетные. Внебюджетные фонды принципиально важны для финансирования общественно значимых и значительно затратных государственных потребностей, например, пенсионного обеспечения и здравоохранения. Внебюджетные фонды обладают определенными правовыми особенностями, которые отличают их от иных бюджетов⁴⁶¹.

Внебюджетные государственные фонды делятся на экономические и социальные, что определяет их правовые основы. Правовой статус всех внебюджетных фондов, порядок формирования их доходов и использования ими поступающих средств закреплены в главе 17 Бюджетного Кодекса Российской Федерации, а также иных нормативных правовых актах.

Согласно статье 144 БК РФ, бюджет государственных внебюджетных фондов включает в себя как бюджеты государственных внебюджетных фондов, так и бюджеты территориальных государственных внебюджетных фондов. Цель создания и функционирования фондов определяется положениями Конституции Российской Федерации, например, согласно статье 39, касательно гарантии социального обеспечения по возрасту, болезни, потери трудоспособности или кормильца, воспитанию детей, а также праву на охрану здоровья и медицинской помощи, что закреплено в статье 41 Конституции.

Следовательно, внебюджетные государственные фонды, также как и бюджетные фонды, являются неотъемлемой частью финансовой системы государства и должны быть обозначены в ее определении, что наблюдается только в части интерпретаций, а в остальных случаях вуалируется под общее определение фондов, таким образом, снижается их правовую значимость в системе.

Следующим компонентом финансовой системы рассматривался институт финансов хозяйствующих субъектов, который объединяет категорию децентрализованных фондов, например, финансы коммерческих и некоммерческих предприятий и организаций, а также общественных организаций. Данные финансы являются самостоятельным звеном системы. Они представляют

⁴⁶¹ Крохина Ю.А. Финансовое право России: учебник. – 4-е изд., перераб. и доп. – М.: Норма: Инфра-М, 2011. – С. 26-27.

собой отдельные денежные фонды, которые находятся в распоряжении частных субъектов с целью использования для выполнения индивидуальных функций и задач.

В данном контексте необходимо отметить, что денежные средства хозяйствующих субъектов являются исходным звеном и базисом всей финансовой системы. Данные субъекты непосредственно связаны с материальным воспроизводством, в процессе которого генерируется национальный доход. После создания дохода он распределяется посредством все той же финансовой системы. С экономической точки зрения это – обособленные денежные фонды различного назначения, которые постоянно создаются на каждом отдельном предприятии и используются с целью развития производственных сил и социальных нужд.

Особое место в этой категории финансовой системы занимают денежные средства совместных предприятий, которые создаются на основе объединения средств национальных и иностранных хозяйственных субъектов. Данный тип предприятий обобщенно, или совместно, владеют имуществом, в том числе, и денежными фондами. Доля средств, приходящаяся на национального партнера, причисляется к общему объему финансовых ресурсов данного государства.

Помимо денежных фондов предприятий, генерирующих материальные блага, функционируют также финансы субъектов, генерирующих нематериальные блага, например, банки и небанковские кредитные организации, страховые компании, многочисленные фонды и другие организации, которые оказывают услуги, а также осуществляют свою деятельность на коммерческой основе⁴⁶².

Рассматривая множество объектов категории децентрализованных фондов финансовой системы, необходимо напомнить о местных финансах, в состав которых включают средства местного бюджета и муниципальные ценные бумаги, принадлежащие органам местного самоуправления. Местные денежные фонды являются совокупностью средств, которые формируются и используются с целью решения вопросов местного значения, в том числе самоуправления. Формирование и распределение местных денежных фондов основываются на принципах самостоятельности и государственной финансовой поддержки в соответствии с Федеральным законом №131-ФЗ⁴⁶³, а также иными нормативными правовыми актами.

⁴⁶² Химичева Н.И. Финансовое право: учебник. – 5-е изд., перераб. и доп. – М.: Норма: ИНФРА-М, 2012. – С. 30-31.

⁴⁶³ Федеральный закон от 06.10.2003 № 131-ФЗ (ред. от 01.07.2021) «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации» // СПС «КонсультантПлюс». – URL: <https://www.consultant.ru/> (Дата обращения: 11.09.2023 г.).

Следовательно, децентрализованные денежные фонды или территориально-региональные, равно как и централизованные, являются принципиальной частью финансовой системы государства и имеют сравнительный вес в ее формировании, что определяет их правовую сущность в государственной юрисдикции.

Следующим важным компонентом финансовой системы государства является страхование, которое имеет истинно двойственную характеристику экономической и правовой категории. В экономическом аспекте страхование может быть представлено как система экономических отношений относительно образования централизованных и децентрализованных нематериальных и материальных фондов, которые предназначены для покрытия непредвиденных социальных нужд. С материальной точки зрения страхование является совокупностью денежных или материальных фондов, используемых для возмещения ущерба, который возникает в результате стихийных бедствий и иных непредвиденных обстоятельств⁴⁶⁴. В Законе № 4015-1⁴⁶⁵ закреплено четкое понятие термина «страхование» в правовом аспекте. Например, согласно статье 2, страхование является отношениями по защите интересов физических и юридических лиц, государства, его субъектов и муниципальных образований при наступлении определенных страховых случаев за счет финансов, которые формируются страховщиками из уплаченных страховых премий (страховых взносов) в том числе за счет других средств страховщиков. Страхование предусматривает большое количество форм, которые подразделяются на формы добровольного и обязательного страхования, что гарантирует в правовом поле государства обеспечение возмещения любого оговоренного страхованием ущерба.

Следовательно, страхование также является важной частью финансовой системы как в экономическом, так и правовом понимании, потому что определяет отношение социальных структур к различным рискам в отношении физических и юридических лиц, являющихся гражданами государства, которое в правовом поле регулирует формы и варианты добровольного и обязательного страхования.

В состав финансовой системы также входит и все более увеличивающий свою долю в денежных потоках государства институт кредитования, который в своем составе содержит два главных компонента – банковский и государственный, в том числе муниципальный, кредит⁴⁶⁶. Банковский кредит

⁴⁶⁴ Грачева Е.Ю. Финансовое право: учебник. – М.: Норма: Инфра-М, 2012. – С. 366.

⁴⁶⁵ Федеральный закон от 27.11.1992 № 4015-1 (ред. от 28.06.2013) «Об организации страхового дела в Российской Федерации» // СПС «КонсультантПлюс». – URL: <https://www.consultant.ru/> (Дата обращения: 11.09.2023 г.).

⁴⁶⁶ Власов А.В. Деньги. Кредит. Банки: учебное пособие. – Ростов н/Д: Феникс, 2013. – С. 86-87.

является способом предоставления банками внутренних, собственных, или внешних, привлеченных, средств во временное пользование на условиях возвратности и обеспечения оплаты услуг в виде процентов⁴⁶⁷. С позиции экономики банковский кредит является одной из форм движения ссудного капитала. В этом случае свободные от обязательств денежные средства государства, муниципальных образований, юридических и физических лиц, которые аккумулированы определенными организациями, имеющими право кредитования, предоставляют различным физическим и юридическим лицам на условиях возвратности. В ходе своей деятельности кредитные организации генерируют некое множество фондов денежных средств, которые логичным образом включаются в финансовую систему государства.

Однако касательно Российской Федерации существует две позиции. Одна часть исследователей экономики и права приобщают кредитные средства к финансовой системе государства. Другая часть полагает, что банковская система кредитования не является компонентом финансовой системы Российской Федерации. Тем не менее большинство ученых склоняется к первой точке зрения, например, Н.И. Химичева, считает такую позицию необоснованной, так как денежные фонды кредитных организаций обеспечивают гармонично сбалансированные потоки в процессе генерации общественного продукта. Справедливо учитывать в составе финансовой системы и фонды денежных средств Центрального банка Российской Федерации, равно как и иных кредитных организаций, которые функционируют на праве государственной или муниципальной собственности.

Само понятие государственного кредита находится на стыке экономической и правовой теории, т. к. под ним понимают отношения, которые приводят к образованию государственного долга.

Согласно статье 97 Бюджетного Кодекса Российской Федерации, «к государственному долгу Российской Федерации относятся долговые обязательства Российской Федерации перед физическими и юридическими лицами Российской Федерации, субъектами Российской Федерации, муниципальными образованиями, иностранными государствами, международными финансовыми организациями, иными субъектами международного права, иностранными физическими и юридическими лицами, возникшие в результате государственных заимствований Российской Федерации, а также долговые обязательства по государственным гарантиям, предоставленным Российской Федерацией, и долговые обязательства, возникшие в результате принятия законодательных актов Российской Федерации об отнесении на

⁴⁶⁷ Борисов А.Б. Большой юридический словарь. – 2-е изд., переработанное и дополненное. – М.: Книжный мир, 2012. – С. 48.

государственный долг долговых обязательств третьих лиц, возникших до введения в действие настоящего Кодекса»⁴⁶⁸.

Поэтому с правовой позиции государственные кредит и долг считаются взаимозависимыми явлениями: долг является результатом функционирования государственного кредита и его юридическим последствием, а государственный кредит представляется составной частью самой финансовой системы.

С точки зрения экономики государственный кредит представляет собой экономическую систему финансовых отношений, которые возникают в процессе привлечения государством физических и юридических лиц на добровольных и платных началах для временного освоения свободных финансовых средств с целью формирования ссудного фонда⁴⁶⁹. В то же время государственный кредит является независимым институтом финансового права и комплексным институтом законодательства. С точки зрения права государственный кредит представляет собой множество финансово-правовых норм, которые регулируют социальные отношения, образующиеся в процессе освоения государством на добровольной основе и принципе возмездной возвратности временно свободных финансовых средств юридических и физических лиц. Правовой спецификой финансовых отношений кредитного типа является то, что в них государство выступает в роли должника, заемщика и гаранта, но в то же время определяет условия проведения займов и, например, предоставления гарантий, т. к. финансово-правовые нормы имеют государственно-властный характер⁴⁷⁰.

Необходимо отметить, что до сих пор в законодательстве Российской Федерации отсутствует четкое правовое определение государственного кредита.

Тем не менее в статье 6 Бюджетного кодекса Российской Федерации содержится его определение: «Бюджетный кредит – денежные средства, предоставляемые бюджетом другому бюджету бюджетной системы Российской Федерации, юридическому лицу (за исключением государственных (муниципальных) учреждений), иностранному государству, иностранному юридическому лицу на возвратной и возмездной основах».

Следовательно, в правовом поле присутствует определение кредита, что дает основание включить данный компонент в полное определение

⁴⁶⁸ Бюджетный кодекс Российской Федерации от 31.07.1998 № 145-ФЗ (ред. от 01.07.2021, с изм. от 15.07.2021) (с изм. и доп., вступ. в силу с 12.07.2021) // СПС «КонсультантПлюс». – URL: <https://www.consultant.ru/> (Дата обращения: 11.09.2023 г.).

⁴⁶⁹ Химичева Н.И. Финансовое право: учебник. – 5-е изд., перераб. и доп. – М.: Норма: ИНФРА-М, 2012. – С. 539-540.

⁴⁷⁰ Грачева Е.Ю., Соколова Э.Д. Финансовое право: учебник. – М.: Норма: Инфра-М, 2010. – С. 207-209.

финансовой системы с позиции юриспруденции, тем самым до конца очертив данное понятие в правовой школе.

Последним аспектом определения финансовой системы в правом поле является более полное и емкое сегментирование структуры системы, что стало заключительным этапом данного исследования. В правовой школе существует дискуссия по определению группирования звеньев данной системы, что, например, отражено в работе Н.И. Химичевой, где используется сразу три типа терминов в трех различных вариантах определения группирования:

- определение группирования 1 – государственные, муниципальные и частные финансы;
- определение группирования 2 – финансы государственные, муниципальные и субъектов хозяйствования;
- определение группирования 3 – публичные и частные финансы⁴⁷¹.

М.В. Карасева обобщила суждения многих исследователей в области юриспруденции и генерализировала финансовую систему, включив в нее относительно самостоятельные звенья. Все звенья были сгруппированы по двум характеристикам – централизации и децентрализации. В группу централизованных финансов были включены бюджетные фонды, государственный и муниципальный кредиты, а также государственные внебюджетные фонды. Во вторую группу включены финансы организаций и финансы домашних хозяйств⁴⁷².

Французский исследователь в области государственного права П.М. Годме делил финансы только на две группы: «...Ни в коем случае не следует забывать о фундаментальном различии между государственными и частными финансами. Основные различия между ними обусловлены тем фактом, что состояние частных финансов и динамика частных финансов зависят от законов рыночной экономики. Так, спрос и предложение на рынке обуславливают определенные размеры учетного процента. Состояние же и динамика государственных финансов определяются решениями государства и действиями публичной власти...»⁴⁷³.

Данное деление кажется уже достаточно упрощенным, хотя он и дал принципиальное отличие частных финансов от публичных, выделив четыре параметра:

- 1) государство имеет право обеспечить свои доходы в принудительном порядке с помощью системы налогового обложения, что отсутствует у частных лиц, т. к. у них высок риск неисполнения своих обязательств;

⁴⁷¹ Химичева Н.И. Финансовое право: учебник. – 5-е изд., перераб. и доп. – М.: Норма: ИНФРА-М, 2012. – С. 28.

⁴⁷² Карасева М.В. Финансовое право Российской Федерации: учеб. пособие. – 3-е изд., перераб. и доп. – М.: КноРус, 2014. – С. 16.

⁴⁷³ Годме П.М. Финансовое право. – М.: Прогресс, 1978. – С. 18.

- 2) связанная с публичными финансами денежная система в основном управляется государством и независима от воли частного лица;
- 3) публичные финансы направляются государством на обеспечение общего интереса социума, в то время как частные настроены на получение сугубо прибыли;
- 4) размеры частных финансов в развитых и интенсивно развивающихся государствах меньше размеров публичных финансов⁴⁷⁴.

Н.И. Химичева уточняет, что данные фонды могут быть поделены на централизованными и децентрализованными, т. к. каждое звено финансовой системы аккумулирует определенные финансовые отношения, формирующие и использующие в свою очередь виды денежных фондов с целью удовлетворить социальные потребности⁴⁷⁵. По отношению к централизованным фондам государство выступает полноправным хозяином, оно может принудительно обеспечивать собственные доходы через систему налогов, сборов, пошлин. Децентрализованные фонды исследователи ассоциируют с финансовыми фондами предприятий, организаций, учреждений, которые используются для производственных и общественных целей. Целевые денежные фонды включают в себя внебюджетные государственные фонды в отличие от фондов общего назначения, куда определяются государственный или местный бюджет.

Следовательно, необходимо более четкое и емкое определение группирования звеньев финансовой системы в правовом поле для общего определения данной системы с учетом взглядов и тенденций развития различных правовых школ.

В связи с этим более соответствующим будет следующее определение категорий: финансовая система включает в себя государственные, муниципальные и частные финансы, подразделяющиеся на централизованные и децентрализованные, при этом они могут быть как целевого и общего назначения.

Выводы. Таким образом, по теме проблемы интерпретации понятия финансовой системы государства в различных академических школах российского финансового права был проведен комплекс исследований, который может быть представлен несколькими разделами.

1. Был проведен анализ интерпретирования понятия финансовой системы, которое используется в российском праве. В результате был сделан вывод о том, что в Российской Федерации сформированы три основных видения финансовой системы, определяющие совокупность взглядов

⁴⁷⁴ Там же. – С. 41-42.

⁴⁷⁵ Чуева А.С., Курдюк П.М., Иваненко И.Н. Финансовое право (общая часть): учебное пособие для бакалавров. – Краснодар, КГАУ, 2013. – С. 29.

правоведов на нее: юридическое, экономическое и синтетическое. Правовое видение на финансовую систему предусматривает соответствующий взгляд на нее, исходя из применения набора правовых методов и инструментов для объяснения и контроля финансовой системы. Чтобы совместить правовое видение с экономическим, необходимо использовать синтетический вариант видения финансовой системы, которое призвано совместить право и экономику, преобразуя их в гармоничное осознание данной системы как части государственно-правового кластера образования и перераспределения средств.

2. Был проведен анализ структуры финансовой системы Российской Федерации. Необходимо отметить, что финансовая система подразделяется на соответствующие направления в соответствии с инклюзивной структурой финансовых взаимосвязей. В ходе исследования был сделан вывод, что бюджетная и внебюджетная системы являются организационной формой финансовой системы и принципиально важными элементами социально-экономической деятельности страны. Значимую роль в финансовой системе играют как централизованные, так и децентрализованные денежные фонды, т. к. они являются принципиальной частью финансовой системы государства и имеют сравнительный вес в ее формировании, что определяет их правовую сущность в государственной юрисдикции. В состав финансовой системы государства, следовательно, и в ее правовое определение необходимо всегда включать страхование, определяющее отношение социальных структур к различным рискам в отношении физических и юридических лиц. Наконец, в определение финансовой системы необходимо включать понятие кредита, т. к. данный сегмент несет в себе крайне важный на современном этапе развития общества социальный контекст взаимодействия государства с его субъектами и гражданами, требующего правовой поддержки и контроля.

3. Была рассмотрена множественность определения финансовой системы в правовом поле, т. к. существует дискуссия по определению группирования звеньев данной системы. В ходе исследования было разработано более четкое и емкое определение, вошедшее в общее определение финансовой системы как результата исследования.

На основании изученных материалов в рамках научного исследования по данной теме было разработано единое определение финансовой системы в правовом поле: *финансовая система – это совокупностью взаимодействующих в правовом поле финансовых институтов генерации денежных средств, в структуру которых входят все уровни централизованных и децентрализованных бюджетных систем, бюджетных и внебюджетных фондов, в том числе страхования и кредитования, а также финансов целевого и общего назначения.*

Данное определение является синтетическим, комплексным и достаточно емким, сохраняя в своей сути взгляды различных академических правовых школ.

§ 4. Вклад Российской академии наук в становление и развитие уголовного экологического права как инструмента защиты и охраны окружающей среды

Введение. Уголовно-экологическое право – результат эволюции уголовного и экологического права, процесс их трансформации в ответ на желание общества обеспечить надлежащую охрану окружающей среды. Современное российское уголовно-экологическое право в своем развитии прошло три исторических этапа: с первых лет Советской России и примерно до 1960 г.; второй этап – с 1960 г. до начала 90-х годов, наконец, третий – с 1991 г. и по настоящее время.

Именно в 90-х годах прошлого столетия после реформы уголовного законодательства была осуществлена масштабная криминализация экологических нарушений и осуществлен поиск соответствующих санкций за их нарушение, направленных на защиту природных ресурсов и здоровья населения. Экологические преступления стали неотъемлемой частью российского уголовного права.

Понятие «уголовно-экологическое право» вошло в научный оборот сравнительно недавно. И хотя единой точки зрения пока в научном сообществе по этому поводу нет, А.И. Зверева в монографии «Экологические преступления, посягающие на безопасность водных объектов: характеристика и разграничения со смежными деликтами», справедливо указывает, что, несмотря на дискуссионность проблем, встречающихся практически в каждой работе, посвященной ответственности за экологические преступления, следует подчеркнуть «подчиненность первостепенному исследованию "жизни" уголовной права в экологической сфере»⁴⁷⁶.

Серьезный вклад в становление и развитие как экологического, так и уголовно-экологического права внесли ученые Института государства и права Российской академии наук.

Основное исследование. Закон об охране окружающей среды имеет давнюю историю. Экологическое (или как оно ранее называлось

⁴⁷⁶ Зверева А.И. Экологические преступления, посягающие на безопасность водных объектов: характеристика и разграничения со смежными деликтами: монография / Под ред. Ю.В. Грачевой. – М.: Проспект, 2019. – С. 18.

природоохранное) право ведет свое начало с конца XIX-го столетия, хотя и ранее принимались законодательные акты в целях охраны природы или ее компонентов⁴⁷⁷.

Вначале двадцатого столетия Академия наук предлагала создать специальное учреждение для контроля за охраной природы, в 1915–1916 гг. ею был подготовлен проект Закона об охране природы⁴⁷⁸, который из-за революции 1917 г. не удалось воплотить в жизнь.

Становление современного экологического законодательства фактически началось только в 60-х годах прошлого столетия с принятием Закона «Об охране природы в РСФСР»⁴⁷⁹. С 1917 до 1960 г. экологическое и уголовное законодательство в полной мере отражало всю специфику данного исторического периода – «безусловный приоритет государственно-экономических интересов над отношениями, непосредственно направленными на охрану природы»⁴⁸⁰.

Экологические преступления в УК РСФСР 1922 г.⁴⁸¹ и УК РСФСР 1926 г.⁴⁸² рассматривались советским государством либо с точки зрения нарушения порядка управления, либо как противоправные действия, посягающие на народное здравие, общественную безопасность или публичный порядок. Так, ст. 99 УК РСФСР 1922 г. устанавливала ответственность за незаконное ведение лесного хозяйства, незаконную охоту и рыбалку, выборку песка, камней и пр. без разрешения властей, а также разработку недр с нарушением установленных правил и находилась в главе «О преступлениях против порядка управления». В свою очередь ст. 216, устанавливающая ответственность за неизвещение «подлежащих властей со стороны лиц, к тому обязанных, о случаях заразных болезней или падежа скота» была включена в главу VIII «Нарушение правил, охраняющих народное здравие, общественную безопасности и публичный порядок».

⁴⁷⁷ Булгаков М.Б., Ялбулганов А.А. Природоохранные акты: от «Русской Правды» до петровских времен // Государство и право. – 1996. – № 8. – С. 136-146.

⁴⁷⁸ История экологического законодательства России. Справка // РИА Новости. – URL: <https://ria.ru/20100604/239700725.html> (Дата обращения: 28.08.2023 г.).

⁴⁷⁹ Закон «Об охране природы в РСФСР» от 27 октября 1960 г. // Библиотека нормативно-правовых актов СССР. – URL: http://www.libussr.ru/doc_ussr/usr_5607.htm (Дата обращения: 28.08.2023 г.).

⁴⁸⁰ Лавыгина И.В. Этапы формирования уголовного законодательства России об экологических преступлениях // Актуальные вопросы современной науки. – 2009. – № 6-1. – С. 130.

⁴⁸¹ Уголовный кодекс РСФСР от 1 июня 1922 г. (утратил силу) // Национальный правовой Интернет-портал Республики Беларусь. – URL: https://pravo.by/upload/pdf/krimpravo/UK_RSFSR_1922_goda.pdf (Дата обращения: 28.08.2023 г.).

⁴⁸² Уголовный кодекс 1926 г. (утратил силу) // СПС «Гарант». – URL: <https://docs.cntd.ru/document/901757374> (Дата обращения: 28.08.2023 г.).

Принятый в 1960 году УК РСФСР⁴⁸³ существенно расширил круг преступлений, посягающих на природную среду, но большинство составов преступлений находились в главе 6 «Хозяйственные преступления». В к ним относились незаконный промысел животных, незаконная добыча полезных ископаемых, лесных ресурсов, загрязнение атмосферного воздуха, загрязнение водоемов, производство лесосплава и взрывных работ с нарушением правил охраны рыбных запасов, причинение вреда природным объектам, находящимся под охраной государства, и незаконная разработка недр. «Опасность этих преступлений оценивалась, прежде всего, с точки зрения экономических потерь от нерационального природопользования, поскольку окружающая среда в целом и отдельные ее компоненты рассматривались как элементы экономической системы»⁴⁸⁴, что вполне объяснимо, поскольку данный исторический период характеризовался преобладанием интересов охраны и защиты социалистической собственности, наличием административно-командных методов управления и т. п. Практически все законы и нормативные акты, в том числе уголовное законодательство, были направлены в первую очередь на более полное и эффективное использование природных ресурсов страны, но не на их защиту или сохранение.

Но ухудшающаяся экологическая ситуация, экологические катастрофы того времени привели к пониманию необходимости изучения их причин, а также разработки и принятия специальных нормативно-правовых актов, регулирующих охрану природы.

В результате в 1972 году в Институте государства и права Академии наук СССР был создан сектор правовых проблем охраны окружающей среды, который возглавил профессор О.С. Колбасов. Основными направлениями деятельности сектора явились: изучение вопросов международно-правовой охраны окружающей среды, сравнительно-правовые исследования и управление охраной окружающей среды. Позже в 1988 году сектор был переименован в сектор экологического права, затем в 1992 году – в Центр эколого-правовых исследований, а в 2009 году – в сектор эколого-правовых исследований.

Профессор О.С. Колбасов за годы работы в институте заложил не только основы новой самостоятельной отрасли права – экологического права, но и экологической политики, опубликовав в 1976 году монографию «Экология: политика – право. Правовая охрана природы в СССР»⁴⁸⁵, которая не

⁴⁸³ Уголовный кодекс РСФСР, утв. ВС РСФСР 27.10.1960 (утратил силу) //Ведомости ВС РСФСР. – 1960. – № 40. – Ст. 591

⁴⁸⁴ Браташова Н.И. Уголовно-правовые и криминологические аспекты борьбы с преступлениями в сфере охраны животного мира: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. – Саратов. 2011. – С. 18.

⁴⁸⁵ Колбасов О.С. Экология: политика – право. Правовая охрана природы в СССР. – М.:

утратила своей актуальности и сегодня. Он рассмотрел в ней такие понятия, как «сущность природы», «общество», «окружающая среда», «принципы охраны окружающей среды», им были изучены историческая и идеологическая обусловленность охраны природы, проанализированы особенности взаимодействия государственной власти и охраны окружающей среды, эволюция формирования экологического законодательства, вопросы государственного управления в области охраны природы. Как справедливо пишет О.Л. Дубовик, даже сегодня это работа является единственным в нашей стране монографическим исследованием проблем экологической политики⁴⁸⁶. О.С. Колбасов первым среди ученых использовал термин «экологическое преступление»⁴⁸⁷. В 1991 г. он был избран членом-корреспондентом Российской академии наук. В память о выдающемся ученом Российский государственный университет правосудия с 2013 года проводит научные конференции «Колбасовские чтения».

70-80-е годы прошлого столетия – годы активного поиска методов правового регулирования и определения принадлежности источников экологического права, формулирования более точного для данной отрасли названия (экологическое право, право окружающей среды, право природной среды), разработки его принципов, формулирования основных направлений исследований. В стране разрабатываются и принимаются Водный, Земельный, Лесной кодексы РСФСР, а также Кодекс о недрах.

«В итоге многочисленные и весьма острые дискуссии в научных кругах, равно как и законотворческая, организационно-управленческая практика, а также общественное мнение и профессиональное юридическое сообщество, привели к единому мнению:

- экологическое право существует;
- оно необходимо для достижения целей охраны природы, защиты здоровья людей, поддержания экономики и правопорядка;
- оно потенциально обладает высокой эффективностью;
- эта отрасль нуждается в интенсивной разработке;
- экологическое право обладает всеми признаками самостоятельной комплексной отрасли;
- оно характеризуется рядом специфических черт, означающих в

Наука, 1976. – 230 с.

⁴⁸⁶ Дубовик О.Л. Значение идей О.С. Колбасова для исследования проблем современной экологической политики // Применение принципов и норм экологического, природоресурсного и земельного права: проблемы и решения: сборник научных статей. – М.: РГУП, 2019. – С. 207-211.

⁴⁸⁷ Веревичева М.И. Экологические преступления в уголовном праве России (проблемы понятия и системы). – Ульяновск: Ульяновский государственный университет, 2004. – С. 152.

сумме его роль в любой правовой системе (семье) как главенствующей (по выражению О.С. Колбасова, как суперотрасли)»⁴⁸⁸.

На рубеже 80-90-х годов издаются работы, оказавшие существенное влияние на дальнейшее развитие экологического права и становление нового направления – уголовного экологического права и экологической криминологии. В числе первых работ следует назвать монографию О.Л. Дубовик и А.Э. Жалинского под редакцией О.С. Колбасова «Причины экологических правонарушений»⁴⁸⁹, а также монографию «Эффективность юридической ответственности в охране окружающей среды»⁴⁹⁰, основанную на эмпирических исследованиях, проведенных сотрудниками Института государства и права в разных регионах страны.

Но уголовное право по-прежнему рассматривалось как инструмент охраны права собственности государства на природные объекты и природные ресурсы. И только после серьезных экологических катастроф (Чернобыль и др.) и в связи с проблемами, порожденными загрязнением окружающей среды, водных ресурсов, развитием атомной энергетики, многочисленными техногенными и природными катастрофами, пришло понимание необходимости осуществления реформы как экологического, так и уголовного законодательства и определения новой роли уголовного права в охране окружающей среды.

Следует отметить, что в те годы международным сообществом уже был разработан и принят ряд международных документов, в которых сначала СССР, а затем и Российская Федерация, за некоторыми исключениями, не участвовали или такое участие было формальным. Но как участник международных договоров, таких как, например, Базельская конвенция о контроле за трансграничной перевозкой опасных отходов и их удалением от 22 марта 1989 г.⁴⁹¹ или Конвенция о международной торговле видами дикой фауны и флоры, находящимися под угрозой исчезновения (СИТЕС)⁴⁹² от 3 марта 1973 г., Советский Союз, а затем и Российская Федерация в качестве его правопреемника были обязаны обеспечить адекватный уровень защиты окружающей среды.

⁴⁸⁸ Дубовик О.Л. Экологическое право: реальность и попытки ревизионизма // Труды Института государства и права. – 2010. – № 2. – С. 9-10.

⁴⁸⁹ Причины экологических преступлений / Дубовик О.Л., Жалинский А.Э.; отв. ред.: Колбасов О.С. – М.: Наука, 1988. – 240 с.

⁴⁹⁰ Эффективность юридической ответственности в охране окружающей среды / Отв. ред. О.С. Колбасов, Н.И. Краснов. – М.: Наука, 1985. – 225 с.

⁴⁹¹ Базельская конвенция о контроле за трансграничной перевозкой опасных отходов и их удалением. Заключена в Базеле 22.03.1989 // Бюллетень Международных договоров. 1996. – № 7. – С. 3-33.

⁴⁹² Конвенция о международной торговле видами дикой фауны и флоры, находящимися под угрозой исчезновения // Сборник действующих договоров, соглашений и конвенций, заключенных СССР с иностранными государствами. – 1978. – Вып. XXXII.

С начала 90-х годов в стране произошла смена социально-экономических отношений и начался новый этап развития как уголовного, так и экологического права. Принимается новый Закон РСФСР от 19.12.1991 № 2060-1 «Об охране окружающей природной среды»⁴⁹³, в котором было сформулировано нормативное определение экологического преступления, под которым понималось «общественно опасное деяние, посягающее на установленный в Российской Федерации экологический правопорядок, экологическую безопасность общества и причиняющее вред окружающей природной среде и здоровью человека» (ст. 85). Правда, в более позднем Федеральном законе от 10.01.2002 № 7-ФЗ «Об охране окружающей среды»⁴⁹⁴ данное понятие отсутствует, что в определенном смысле осложняет сегодня определение того, что же именно входит в его содержание.

В 1993 г. принимается Конституция Российской Федерации, которая провозгласила, что «каждый имеет право на благоприятную окружающую среду, достоверную информацию о ее состоянии, на возмещение ущерба, причиненного его здоровью или имуществу экологическим правонарушением» (ст. 42)⁴⁹⁵.

И, наконец, 13 января 1996 года вступает в силу новый Уголовный кодекс Российской Федерации⁴⁹⁶, ч. 1 ст. 2 которого называет в числе основных задач охрану окружающей среды, а Особенная часть содержит главу 26 «Экологические преступления», которая по существу заложила основы новой подотрасли права – российского уголовно-экологического права. В нее вошло 18 статей, объединивших 41 состав преступления. Впервые в истории российского уголовного права была осуществлена столь масштабная криминализация экологических правонарушений, в уголовном законодательстве появились новые составы преступлений, такие как ст. 237 УК РФ «Соккрытие информации об обстоятельствах, создающих опасность для жизни и здоровья людей», ст. 246 УК РФ «Нарушение правил охраны окружающей среды при производстве работ», ст. 247 УК РФ «Нарушение правил обращения экологически опасных веществ и отходов»

⁴⁹³ Закон РСФСР от 19.12.1991 г «Об охране окружающей среды» (в ред. от 10.01.2002) // СПС «КонсультантПлюс». – URL: <https://www.consultant.ru/> (Дата обращения: 28.08.2023 г.).

⁴⁹⁴ Федеральный закон от 10.01.2002 № 7-ФЗ «Об охране окружающей среды» (с изм. И доп., вступ. в силу с 01.07.2020) // СПС «КонсультантПлюс». – URL: <https://www.consultant.ru/> (Дата обращения: 28.08.2023 г.).

⁴⁹⁵ Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993 с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020) // СПС «КонсультантПлюс». – URL: <https://www.consultant.ru/> (Дата обращения: 28.08.2023 г.).

⁴⁹⁶ Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 № 63-ФЗ (ред. от 01.07.2021) // СПС «КонсультантПлюс». – URL: <https://www.consultant.ru/> (Дата обращения: 28.08.2023 г.).

и др. В результате нормы уголовно-экологического права значительно расширили свою сферу действия.

Одновременно законодателем была осуществлена, правда, не столько масштабная, но декриминализация некоторых составов преступлений, которые, в частности, дублировали нормы административного права и фактически являлись малозначительными.

В 1998 году также впервые в истории российского уголовного права О.Л. Дубовик, известный российский ученый, специалист в области уголовного и экологического права и криминологии, ученица академика Российской академии наук, доктора юридических наук, профессора В.Н. Кудрявцева, опубликовала комментарий, посвященный лишь одной главе Уголовного кодекса – «Экологические преступления: Комментарий к главе 26 Уголовного кодекса РФ»⁴⁹⁷.

В этой работе О.Л. Дубовик дала свое определение экологическому преступлению, под которым она понимала «предусмотренное уголовным законом и запрещенное им под угрозой наказания виновное общественно опасное деяние (действие или бездействие), посягающее на окружающую среду и ее компоненты, рациональное использование и охрана которых обеспечивают оптимальную жизнедеятельность человека, а также на экологическую безопасность населения и территорий, и состоящее в непосредственном противоправном использовании природных объектов как социальной ценности, приводящее к негативным изменениям состояния и качества окружающей среды»⁴⁹⁸.

О.Л. Дубовик многие годы работала в Институте государства и права, опубликовала более 400 работ, в т. ч. «Механизм действия права в охране окружающей среды» (М., 1994); «Экологическое право Восточной Европы» (М., 2018), «Экологическая конфликтология (предупреждение и разрешение эколого-правовых конфликтов)» (М., 2019) и др., под ее руководством было защищено 27 кандидатских и одна докторская диссертация. О.Л. Дубовик разработала модель механизма действия экологического права на основе масштабных социологических исследований: ею развито новое направление – экологическая криминология – по результатам исследования экокоррупции в таких сферах, как незаконная торговля окружающей средой, экосертификация и эколицензирование, теория причин экологических преступлений, теория экологических конфликтов. О.Л. Дубовик являлась членом Научно-консультативного совета при мэре г. Москвы, Коллегии Департамента по природопользованию и охране окружающей среды правительства г. Москвы. В

⁴⁹⁷ Дубовик О.Л. Экологические преступления: Комментарий к главе 26 Уголовного кодекса РФ. – М.: СПАРК, 1998. – 352 с.

⁴⁹⁸ Дубовик О.Л. Экологические преступления: Комментарий к главе 26 Уголовного кодекса РФ. – М.: СПАРК, 1998. – С. 81.

1994-1999 гг. – член Высшего научного совета при Комитете по экологии Государственной Думы РФ.

И все-таки современное экологическое право пока одна из наименее устойчивых отраслей российского права. До сих пор ведутся споры, касающиеся определения объекта и предмета правового регулирования. М.М. Бринчук, заслуженный деятель науки Российской Федерации, доктор юридических наук, профессор, многие годы возглавлявший сектор эколого-правовых исследований Института государства и права Российской академии наук, определяет объект экологического права как «совокупность основанных на эколого-правовых идеях норм, регулирующих конкретные общественные отношения собственности на природные ресурсы, по обеспечению рационального использования природных ресурсов и охране окружающей среды от вредных химических, физических и биологических воздействий в процессе хозяйственной и иной деятельности, по охране экологических прав и законных интересов физических и юридических лиц»⁴⁹⁹.

То же можно сказать и о предмете экологического права. Сторонники так называемого «широкого» подхода полагают, что экологическое право как отрасль права включает в себя земельное, водное, горное, лесное и т. д. (включая положения об ответственности за экологические правонарушения) и регулирует отношения собственности на природные объекты и ресурсы и отношения по защите экологических прав и законных интересов человека и гражданина⁵⁰⁰. Иначе говоря, оно включает в себя все отношения, которые возникают при взаимодействии общества и природы.

В свою очередь сторонники «узкого» подхода полагают, что речь может идти только об отношениях природоохранного характера, которые одинаково тесно связаны с гражданским, административным, уголовным и другими отраслями права, что, однако, не дает повода смешивать их и называть одной отраслью права; они «включают в состав экологического права только нормы природоохранного права и рассматривают исследуемую отрасль права в узком смысле как совокупность собственно природоохранных правовых норм»⁵⁰¹.

Именно эту позицию поддержал законодатель, применив узкую модель в Федеральном законе от 10 января 2002 г. «Об охране окружающей среды».

⁴⁹⁹ Бринчук М.М. Экологическое право (право окружающей среды): учебник для высших юридических учебных заведений. – М.: Юристь, 1999. – 688 с.; Бринчук М.М. О понятийном аппарате экологического права // Государство и право. – 1998. – № 9. – С. 20-28.

⁵⁰⁰ Бринчук М.М. Экологическое право (право окружающей среды): Учебник. – М.: Юристь, 1998. – С. 62-63.

⁵⁰¹ Хлуденева Н.И. Экологическое право: краткий курс лекций – 3-е изд., перераб. и доп. – М.: Юрайт, 2014. – С. 14.

Но, несмотря на разработанную с 1991 года солидную законодательную базу в области охраны природы, многие ученые, в том числе и Российской академии наук, обращают внимание на то, что экологические законы и нормативные акты зачастую неконкретны, недостаточно разработаны механизмы для их реализации, что осложняет их применение на практике⁵⁰².

В отличие от экологического, российское уголовное право – кодифицированное. Отличительной чертой современного уголовного права является место экологических преступлений в Особенной части УК РФ. Экологические преступления отнесены к преступлениям против общественной безопасности и общественного порядка, что не случайно, поскольку данные преступления законодатель рассматривает прежде всего с точки зрения экологической безопасности населения. Это положение соответствует Федеральному закону № 7-ФЗ от 10 января 2002 г. «Об охране окружающей среды», в котором понятие экологической безопасности определяется как состояние защиты окружающей природной среды и жизненно важных интересов человека от возможного негативного воздействия хозяйственной и иной деятельности, чрезвычайных ситуаций природного и техногенного характера, их последствий.

Современный законодатель ушел от понимания уголовно-правовой охраны природы как охраны права собственности на природные объекты и ресурсы. Все преступления, объединенные в главу 26 Уголовного кодекса Российской Федерации, с учетом их характеристик нарушают ту или иную сторону (аспект, элемент) экологической безопасности, наносят ущерб безопасности окружающей среды в целом или ее отдельных компонентов (поверхностным или подземным водам, источникам питьевого водоснабжения, атмосферному воздуху, морской среде, земле, недрам, водным биологическим ресурсам, диким животным и птицам, лесным насаждениям). При этом большинство преступлений, находящихся в главе 26 УК РФ, защищают не только экологическую и общественную безопасность, но и жизнь и здоровье человека.

Особенностью гл. 26 УК РФ является ее бланкетный характер, что предопределяет необходимость обращения к экологическому законодательству и тесную взаимосвязь с ним.

⁵⁰² Бринчук М.М. Проблемы юридической ответственности в охране природы // Актуальные правовые проблемы охраны окружающей среды и природопользования: Материалы Международной науч.-практ. конференции (17 октября 2008 г.) / Науч. редактор З.Ф. Сафин. – Казань: Казанский государственный университет, 2009. – С. 62-68; Бринчук М.М. Так существует ли эколого-правовая ответственность? // Экологическое право. – 2009. – № 2/3. – С. 16-23; Бринчук М.М. Экологическое право (право окружающей среды): учебник для высших юридических учебных заведений. – М.: Юристъ, 1999. – 688 с.; Редникова Т.В., Аверина К.Н. Актуальные проблемы уголовно-правовой охраны особо охраняемых природных территорий в Российской Федерации // Полицейская и следственная деятельность. – 2019. – № 2. – С. 40-47.

С 90-х годов и по настоящее время в России создана система, при которой вопросы охраны окружающей среды регулируются как на федеральном, так и на региональном уровнях. По некоторым оценкам, в России приняты и действуют более 50 федеральных законов, множество постановлений Правительства РФ и указов Президента РФ, ведомственные акты, акты субъектов федерации, а также локальные нормативные правовые акты. И в то же время не устранены пробелы, а в ряде случаев и коллизии между актами разной отраслевой принадлежности, многие нормативные акты содержат естественно-научную терминологию, – все это осложняет их применение, что подтверждает постановление Пленума Верховного Суда РФ от 18 октября 2012 г. № 21 «О применении судами законодательства об ответственности за нарушения в области охраны окружающей среды и природопользования», в п. 1 которого указывается, что «судам надлежит выяснять, какими нормативными правовыми актами регулируются соответствующие экологические правоотношения, и указывать в судебном решении, в чем непосредственно выразились их нарушения со ссылкой на конкретные нормы (пункт, часть, статья)»⁵⁰³.

Но в то же время следует согласиться с О.Л. Дубовик, которая пишет, что «к началу XXI в. проблема уголовно-правового регулирования противодействия экологической преступности в общем и целом была решена. В доктрине и на практике, естественно, высказывались как положительные оценки, так и критические замечания, предлагались уточнения и поправки, но все они не носили кардинального характера (гл. 26 УК РФ "Экологические преступления" относится до сих пор к числу стабильных: в нее внесено немного изменений по сравнению, например, с гл. 22 УК РФ)»⁵⁰⁴.

Выводы. Современная экологическая преступность – это сложный комплекс преступлений против окружающей среды. Она включает в себя опасные, виновные, противоправные, вредные для окружающей среды и здоровья человека деяния, запрещенные и наказуемые в соответствии с уголовным законодательством, которые посягают на общественные отношения в сфере охраны окружающей среды и рациональное использование природных ресурсов, в том числе на обеспечение экологической безопасности личности, общества, государства и его устойчивое развитие. Теоретики отечественного уголовного права традиционно рассматривают данную группу преступлений

⁵⁰³ Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 18.10.2012 № 21 (ред. от 30.11.2017) «О применении судами законодательства об ответственности за нарушения в области охраны окружающей среды и природопользования» // СПС «КонсультантПлюс». – URL: <https://www.consultant.ru/> (Дата обращения: 28.08.2023 г.).

⁵⁰⁴ Дубовик О.Л. Уголовное право и охрана окружающей среды: реальный потенциал и ограниченные возможности в условиях современных экологических кризисов // Юридические исследования. – 2020. – № 8. – С. 38.

как единую, что обусловлено единым объектом уголовно-правовой охраны – природной среды и ее составляющими. Отличительной чертой главы 26 УК РФ является ее стабильность: с 1996 года в нее внесено незначительное количество поправок, которые вызваны в основном изменениями в экологическом законодательстве.

И хотя российское уголовно-экологическое право все еще находится в состоянии формирования, необходимо признать, что оно является действенной защитой обеспечения экологического благополучия в Российской Федерации, и не малая в том заслуга ученых Института государства и права Российской академии наук.

§ 5. Обусловленность процессов криминализации и декриминализации деяний

Введение. Долгое время об основаниях криминализации и декриминализации не задумывались, лишь в XVIII-XIX вв. появилось стремление изучить это явление с помощью научных методов, ученые задались вопросом о том, что же лежит в основе криминализации – объективные или субъективные обстоятельства. Большинство советских юристов считали криминализацию процессом сугубо объективным⁵⁰⁵.

Тем не менее в последние пятьдесят-шестьдесят лет у отечественных ученых отсутствуют сомнения в том, что криминализация и декриминализация деяний должны возникать как следствие общественной потребности в уголовном законе⁵⁰⁶. К сожалению, со всей очевидностью следует признать, что этого понимания недостаточно для реализации указанной общественной потребности в закреплении определенных деяний в качестве преступлений. Наоборот, в настоящее время налицо излишняя криминализация деяний, никак не связанная с обозначенной потребностью.

Не вызывает сомнения, что науку уголовного права необходимо модернизировать⁵⁰⁷, в том числе с учетом имеющейся междисциплинарной проблемы криминализации и декриминализации деяний.

Зарубежными учеными отмечается также, что понимание социальных функций и значений криминализации остается радикально неполным до тех

⁵⁰⁵ Кудрявцев В.Н., Эминов В.Е. Криминализация и криминология // *Lex russica*. – 2005. – № 1. – С. 80-81.

⁵⁰⁶ Прокументов Л.М. Криминализация и декриминализация деяний. – Томск: Издательство Томского университета, 2012. – С. 38.

⁵⁰⁷ Кудрявцев В.Н. Науку уголовного права необходимо модернизировать // *Уголовное право*. – 2006. – № 5. – С. 130.

пор, пока разработка эмпирических исследований и проектов по построению теории в этой области является *методологически националистической*, тем самым дихотомизируя изучение международных и национальных процессов уголовного законодательства⁵⁰⁸. Не вызывает сомнения, что процессы криминализации и декриминализации нуждаются в корреляции на международном уровне, однако прежде всего необходимо определиться с тем, как эти процессы выстроены на национальном уровне с целью их интеграции в международно-правовое поле.

Основное исследование. На протяжении развития человеческого общества действуют законы, которые фактически выступают своеобразным «гарантом» существования человеческого общества. Эти законы отражают общие условия жизнедеятельности человека. Они обоснованно влекут обязательную криминализацию таких так называемых «ядерных» преступлений, как убийства, изнасилования, причинение вреда здоровью, кражи, грабежи, разбои и ряда других.

В тоже время обществу могут быть присущи такие законы, которые отражают конкретные особенности его развития в определенный период времени. В таких случаях криминализация определенных деяний, представляющих опасность для общества в конкретный период его развития, является обоснованной. Так, например, согласно УК РСФСР 1960 года, спекуляция являлась преступлением. Социально-экономическая ситуация изменилась, данное деяние было обоснованно декриминализовано. «На смену» этому преступлению пришло такое преступление, как «незаконное предпринимательство», отражающее новые социально-экономические реалии.

В целом с момента вступления в силу ныне действующего Уголовного кодекса Российской Федерации в нашей стране произошли значительные изменения в политической, экономической, социальной и нравственно-культурной сферах жизнедеятельности общества. На первый взгляд, эти обстоятельства не могли не обусловить необходимость внесения изменений в действующее уголовное законодательство. Однако количество внесенных изменений немного удивляет и вызывает сомнения в их обоснованности, а также социальной обусловленности. Так, Л.М. Прокументов еще в 2012 году отметил, что с момента принятия УК РФ в его текст было внесено более 700 изменений и дополнений⁵⁰⁹. В настоящее время этот процесс продолжается, число внесенных в текст действующего уголовного закона изменений уже исчисляется тысячами, изменения и

⁵⁰⁸ Aaronson E., Shaffer G. Defining Crimes in a Global Age: Criminalization as a Transnational Legal Process // Law & Social Inquiry. – 2021. – Vol. 46. – Issue 2. – P. 455-486.

⁵⁰⁹ Прокументов Л.М. Криминализация и декриминализация деяний. – Томск: Издательство Томского университета, 2012. – С. 39.

дополнения касаются как Общей, так и Особенной части Уголовного кодекса.

Так, только в 2021 году в уголовном законодательстве изменили норму об ответственности за фальсификацию финансовых документов учета и отчетности финорганизации, усилили уголовную ответственность за преднамеренное банкротство и неправомерные действия при банкротстве, ужесточили ответственность за контрабанду, незаконный оборот оружия и взрывчатки, усилили ответственность за контрабанду ядовитых, отравляющих, взрывчатых, радиоактивных и иных веществ и предметов, совершенную группой лиц по предварительному сговору, усилили ответственность за управление транспортными средствами в состоянии опьянения, изменили нормы об ответственности за участие в деятельности нежелательной организации, смягчили ответственность за нарушение правил оборота наркотиков, ввели ответственность за незаконную выдачу потребительских кредитов, изменили нормы об ответственности за незаконное получение и разглашение коммерческой, налоговой и банковской тайны, изменили норму об ответственности за разглашение сведений о безопасности должностных лиц правоохранительных, контролирующих органов и их родственников, ужесточили ответственность за реабилитацию нацизма и оскорбление ветеранов ВОВ, расширили круг субъектов преступлений против государственной власти, интересов государственной и муниципальной службы, ввели новые квалифицирующие признаки склонения к потреблению наркотиков и психотропных веществ, ввели ответственность за нарушения законодательства об иноагентах, усилили ответственность за порчу транспортных средств и путей сообщения, ужесточили ответственность за клевету, изменили нормы об ответственности за хулиганство, в частности, вновь установив ответственность за хулиганство с применением или угрозой применения насилия. Таким образом, очевидно, что большинство изменений, внесенных в Уголовный кодекс РФ в 2021 году, касались усиления уголовной ответственности, ряд деяний был дополнительно криминализован.

Согласимся с тем, что наиболее принципиальным вопросом криминализации и декриминализации является то, как на основе общественных процессов определить саму необходимость в уголовно-правовой норме⁵¹⁰. Например, насколько обусловлена в настоящее время уголовная ответственность за незаконную выдачу потребительских кредита, уголовная ответственность за нарушения законодательства об иноагентах? Почему в этом случае нельзя ограничиться административной ответственностью? Насколько эти деяния общественно опасны? Чем руководствовался законодатель при криминализации этих деяний?

⁵¹⁰ Там же. – С. 41.

При этом в уголовном законодательстве содержатся нормы, которые вызывают сомнения в их необходимости, обоснованности и эффективности. В качестве примера такой нормы академик РАН В.Н. Кудрявцев и профессор В.Е. Эминов приводили норму, содержащуюся в ст.193 УК РФ, обоснованно отмечая, что это статья «удобна» для возвращения денежных средств из-за рубежа, но практически бесполезна, ежегодно по этой статье возбуждается небольшое количество дел, на этом фоне ежегодно из нашего государства вывозится и не возвращается иностранная валюта в ограниченном количестве⁵¹¹. В настоящее время ст. 193 УК РФ изменила свое название, но это существенно не повлияло на статистику ее применения. Аналогичная ситуация складывалась и с применением нормы, закрепленной в ст. 173 УК РФ. В.Н. Кудрявцев и В.Е. Эминов также отмечали отсутствие законодательного регламентирования и следственно-судебной практики по этой статье⁵¹². В последнем случае законодатель «услышал» ученых и декриминализировал это преступление. В первом случае норма была оставлена в тексте Уголовного закона с изменением названия статьи и изменением содержанием диспозиции. В приведенных ситуациях также возникает вопрос, можно ли в качестве фактора, который обуславливает декриминализацию, называть исключительно отсутствие судебно-следственной практики?

Криминологами обоснованно отмечается тот факт, что введение в уголовный закон, и без того в настоящее время перегруженный конкурирующими нормами, явно ненужных статей дезориентирует правоприменителя. «Изобретение» новых субъектов преступной деятельности, которые совершают преступления в коллективе, и закрепление их в нормах Особенной части УК РФ обуславливает сложности по их реализации в правоприменительной деятельности. Речь в данном случае может идти, например, об установлении уголовной ответственности за организацию экстремистского сообщества (ст. 282.1 УК РФ).

Вызывает вопросы и расширение перечня преступлений, предусмотренных в ч. 2 ст. 20 УК РФ, при совершении которых лица подлежат уголовной ответственности с 14 лет. Как обоснованно указывает Л.М. Прокументов, в УК РФ произошло определенное снижение возраста уголовной ответственности⁵¹³. Очевидно, что имеет место избыточная криминализация данных деяний применительно к несовершеннолетним, достигшим четырнадцатилетнего возраста. В

⁵¹¹ Кудрявцев В.Н, Эминов В.Е. Криминология и проблемы декриминализации // Журнал российского права. – 2005. – № 4. – С. 104.

⁵¹² Там же.

⁵¹³ Прокументов Л.М. Уголовная ответственность несовершеннолетних по законодательству Российской Федерации. – Томск: Издательство Томского университета, 2015. – С. 31.

частности, возникает вопрос о том, с чем связано установление уголовной ответственности для данных лиц по ст. 205.3, ч. 2 ст. 205.4, ч. 2 ст. 205.5, ст. 361 УК РФ? Насколько несовершеннолетние в данном возрасте могут сознавать ответственность, которая может наступить при совершении данных деяний?

Все это наводит нас на мысль о том, что действующее российское законодательство «болеет» избыточной криминализацией, которая не обусловлена реальными факторами, лежащими в основе криминализации.

Справедливости ради отметим, что избыточная криминализация характерна не только для российского уголовного законодательства. Как отмечает Джеремайя Мостеллер, проблема чрезмерной криминализацией существует и в США, она является побочным эффектом превращения уголовного права в универсальное решение проблем общества⁵¹⁴. Полагаем, что данное высказывание вполне можно применить и к ситуации с криминализацией деяний в нашем государстве, это вполне убедительно показал приведенный выше анализ законодательных изменений. Дж.Ф. Шелли указывает, что преступления пронизывают американскую литературу, страх перед преступлениями отравляет повседневную жизнь глубоко и незаметно, при этом многие американцы, заявляя о своем страхе перед преступностью, в то же самое время романтизируют преступников и восхищаются их преступлениями⁵¹⁵. Можно предложить, что этот страх выступает своего рода «основанием» для избыточной криминализации в этом государстве.

Кроме того, Джеремайя Мостеллер отмечает, что система законов в США стала такой большой и запутанной, что она может превратить простых граждан в случайных преступников. Согласимся с ним также в том, что чрезмерная уголовная ответственность представляет собой чрезмерное использование или злоупотребление уголовным правом для решения социальных проблем, которые могут быть решены более эффективно с помощью гражданско-правовой системы или других институтов. В США эта проблема со временем только росла. Когда федеральный Уголовный кодекс был принят в США в 1790 году, он включал всего 30 преступлений, но к 1980-м годам их число возросло до более чем 3000. Даже самый умный и квалифицированный адвокат не может знать все, что содержится на четырех миллионах страниц, которые составляют федеральный Уголовный кодекс. При этом проблема не ограничивается расширением возможности привлечения к уголовной ответственности на федеральном уровне. Тысячи законов, постановлений и местных постановлений предусматривают уголовное наказание в каждом штате США.

⁵¹⁴ Mosteller J. The criminalization of Everything. Criminal Justice // Stand Together Trust. – URL: <https://standtogethertrust.org/stories/the-criminalization-of-everything/> (Дата обращения: 28.08.2023 г.).

⁵¹⁵ Шелли Дж.Ф. Криминология. – СПб.: Питер, 2003. – С. 75.

Так, в Аризоне насчитывается более 4000 правонарушений, которые могут привести к уголовному осуждению. После Второй мировой войны Северная Каролина ежегодно добавляла в свой Уголовный кодекс пять разделов, а ее законодательный орган только с 2009 года добавил 318 новых преступлений. Эти законодательные изменения усугубляются тем, что данная система представляет собой лоскутное одеяло законов, где даже преступления с одним и тем же названием требуют множества различных статутных элементов за пределами государственных границ.

Джеремая Мостеллер также обоснованно обращает внимание на последствия такой излишней криминализации для современного американского общества. Так, по его мнению, судимость не просто предполагает социальное клеймо. Например, Центр правосудия Совета правительств штатов сообщает, что судимость может создать 44 000 юридических барьеров для успешной жизни. В совокупности социальные и правовые последствия осуждения за преступление могут серьезно ограничить доступ к жилью, трудоустройству, образовательным пособиям и большому количеству вещей, необходимых для того, чтобы стать членом местной общины. Это продолжающееся наказание лишает людей истинного второго шанса и оказывает негативное влияние на общественную безопасность и экономику.

Как отмечают Фреда Адлер, Герхард Мюллер и Уильям Лауфер, мы часто описываем существующее в обществе уголовное законодательство как результат рациональных усилий по борьбе с преступлениями и преступниками. Законодатели как представители общества должны нести ответственность за принятие законов, которые защищают их избирателей. Но это далеко от действительности, так как в обществе существует целая вселенная более или менее влиятельных групп – лоббистов, которые оказывают влияние на законодателей в процессе написания новых законов. В качестве примера такой противоречивой криминализации, очевидно зависящей от многих и далеко необъективных факторов, они приводят криминализацию организации азартных игр. Так, авторы задаются вопросом о том, почему иногда азартные игры легальны, а иногда – нелегальны? В частности, их криминализация/декриминализация может быть обусловлена следующими разнопорядковыми причинами: законодатели озабочены моралью игроков; законодатели прислушиваются к тем, кто выиграет от того, что азартные игры станут легальными; некоторые из законодателей полагают, что можно будет контролировать организованную преступность, сделав азартные игры нелегальным бизнесом; иногда азартные игры приносят доход правительствам, коммунам, церквям или группам граждан⁵¹⁶.

⁵¹⁶ Adler F., Mueller G., Laufer W.S. Criminal Justice. – New York: McGraw-Hill Companies, Incorporated, 2008. – P. 80-81.

Однако тот факт, что данная проблема существует не только в России, не является основанием для оправдания бездействия в этой сфере.

Возможно, в этой связи следует отметить также существующую проблему «кризиса наказания». Как отмечает Я. Гилинский, «понадобились тысячелетия государственного насилия над "девиантами", чтобы во второй половине XX столетия осознать "кризис наказания" – неспособность привычных мер социального контроля с преобладанием негативных, подчас крайне репрессивных санкций более или менее эффективно влиять на девиантные проявления»⁵¹⁷. «Кризис наказания», по его мнению, проявляется в том, что, во-первых, после Второй мировой войны во всем мире наблюдается рост преступности; во-вторых, человечество перепробовало все возможные виды уголовной репрессии без видимых результатов; в-третьих, уровень рецидива относительно стабилен для каждой страны и не снижается, что свидетельствует о неэффективности специальной превенции⁵¹⁸.

В связи с этим представляется, что внести свой вклад в проблему решения «кризиса наказания» может устранение избыточной криминализации деяний. Говоря о национальном уровне решения проблемы избыточной криминализации, полагаем, что появлению системности, обоснованности и достаточности при осуществлении криминализации и декриминализации деяний мешает отсутствие в действующем российском законодательстве обязательного требования по привлечению к этим процессам авторитетных криминологов – экспертов в данной области.

В науке отмечают многочисленные недостатки проведенной в последнее время криминализации, касающиеся соблюдения требований юридической технологии, криминализации и декриминализация не обеспеченные должной поддержкой ученых и ставящие под сомнение приемлемость уровня юридической техники внесенных в текст действующего уголовного законодательства изменений⁵¹⁹.

Согласимся также с тем, что к процессу подготовки проектов законов по декриминализации деяний (а также их криминализации) следует привлекать помимо криминологов и специалистов в области криминалистики, уголовного процесса, уголовного права, судей, прокуроров, адвокатов⁵²⁰. Но

⁵¹⁷ Гилинский Я.И. Девиантология: социология преступности, наркотизма, проституции, самоубийств и других отклонений. – СПб.: Юридический центр Пресс, 2004. – С. 425.

⁵¹⁸ Там же. – С. 426.

⁵¹⁹ Кашепов В.П., Голованова Н.А., Гравина А.А. Криминализация и декриминализация как формы преобразования уголовного законодательства: монография. – М.: ИЗиСП, КОНТРАКТ, 2018. – 280 с.

⁵²⁰ Кудрявцев В.Н., Эминов В.Е. Криминология и проблемы декриминализации // Журнал российского права. – 2005. – № 4. – С. 106.

привлекать к этому процессу криминологов необходимо в первую очередь и в обязательном порядке.

Криминологи и другие специалисты, обладающие компетенцией в уголовно-правовой сфере, должны осуществлять экспертный «надзор» за ответственностью конкретных уголовно-правовых норм.

Кроме того, как в свое время абсолютно верно указывали академик РАН В.Н. Кудрявцев и профессор В.Е. Эминов, необходимо в том числе осуществлять постоянный мониторинг социально-экономической, социально-правовой и социально-политической обстановки в стране, прогнозировать возможное ухудшение криминогенной ситуации в стране, изучать зарубежный опыт, использовать современные методики для оптимизации возможного процесса декриминализации (криминализации), последовательно и целенаправленно изучать свойства личности потенциальных преступников в области редко совершаемых (или совсем несовершаемых) преступлений, предусмотренных УК, оценивать степень общественной опасности этих «неработающих» статей УК с целью своевременного исключения их из текста Уголовного закона и поиска иных мер воздействия взамен уголовно-правовых⁵²¹.

Выводы. Полагаем, что при осуществлении процессов криминализации и декриминализации деяний необходимо исходить из целого ряда факторов, определяющих и обуславливающих эти процессы. К таковым можно отнести следующие факторы: экономические (например, экономический строй государства, уровень благосостояния населения); политические (например, политическая система государства, структура государственной власти); социально-психологические (например, традиции, обычаи, характер межличностного общения); научно-технический прогресс (например, научно-технический прогресс в сфере информатизации); различные криминологические факторы (например, относительная распространенность деяния, адекватность уголовно-правового запрета, учет возможностей правоохранительных органов, неэффективность действующих уголовно-правовых норм как условие декриминализации).

При этом криминализацию и декриминализацию деяний нельзя обуславливать лишь криминологическими факторами. Так, неправильно обуславливать криминализацию деяния лишь его распространенностью без учета иных факторов, ее обуславливающих. Эти факторы должны оцениваться в совокупности, хотя, несомненно, что один из факторов может при этом выступать «движущей» силой криминализации. В обязательном порядке необходимо оценивать невозможность воздействия на определенный вид общественно опасного поведения не уголовно-правовыми средствами.

⁵²¹ Кудрявцев В.Н., Эминов В.Е. Декриминализация (социально-правовой аспект) // *Lex russica*. – 2005. – № 2. – С. 331.

Для того чтобы эти процессы носили системный характер, необходимо принять Федеральный закон «О криминологической экспертизе». Академик РАН В.Н. Кудрявцев и профессор В.Е. Эминов еще в 2005 году рекомендовали руководству правоохранительных органов и наиболее авторитетным представителям науки обратиться к Президенту РФ, Правительству РФ и Государственной Думе с ходатайством о безотлагательном принятии данного закона⁵²². Прошло уже более пятнадцати лет, но это предложение не теряет своей актуальности, наоборот, его актуальность значительно повысилась, учитывая тот факт, что происходящие в нашей стране процессы криминализации и декриминализации, несомненно, нуждаются в систематизации и научной обоснованности.

Обязательное привлечение к участию в процедуре криминализации и декриминализации деяний, как обоснованно указывал академик РАН В.Н. Кудрявцев, авторитетных криминологов, проведение постоянного социально-криминологического мониторинга действующего уголовного законодательства будет способствовать тому, что криминализация и декриминализация будут научно обоснованы и обусловлены учетом целого ряда факторов.

§ 6. Вклад А.И. Иойрыша в развитие атомного права

Введение. 60-е годы XX века – период, к которому восходит зарождение атомного права как научного направления. К этому времени открытие энергии атома получило не только теоретическое развитие, но и нашло свое практическое воплощение. Появление нового источника энергии, а также активная деятельность государств по его исследованию и использованию – в 1954 году была запущена первая в мире атомная электростанция в СССР, а уже в 1956 году – вторая в Великобритании и годом позже третья в США – потребовали специального правового регулирования. Стремительное формирование последнего – от учреждения в 1956 году Международного агентства по атомной энергии (МАГАТЭ) до принятия в 60-е годы международных ядерных конвенций, регулирующих нераспространение ядерного оружия и ответственность за ядерный ущерб, а также формирования норм безопасности МАГАТЭ – повлекло за собой необходимость научного осмысления вопросов и проблем правового регулирования в области использования атомной энергии.

Основоположником науки атомного права в нашей стране (в СССР, а впоследствии и в России) стал Абрам Исаакович Иойрыш – ученый-юрист,

⁵²² Кудрявцев В.Н., Эминов В.Е. Криминализация и криминология // Lex russica. – 2005. – № 1. – С. 84-85.

кому «удался поразительный по значению подвиг – открыть новое направление в правовой науке <...>, наполнить его содержанием и "запустить <...> в жизнь"»⁵²³.

А.И. Иойрыш, родившийся в 1920 году, прошел непростой путь от студента Московского юридического института, чье обучение было прервано войной, до известного ученого, главного научного сотрудника и руководителя Центра правовых проблем безопасного использования атомной энергии Института государства и права Российской академии наук, главного научного сотрудника сектора предпринимательского права, члена Ученого совета Института государства и права РАН, профессора Московского университета МВД России, эксперта Государственной Думы Федерального собрания Российской Федерации. Абрам Исаакович ушел из жизни на 98-м году. В 2020 году ему бы исполнилось 100 лет.

Будучи разносторонним человеком и талантливым ученым, А.И. Иойрыш чутко реагировал на появление новых, как сегодня бы сказали, «инновационных» направлений исследований в правовой науке, искал ответы на возникающие вопросы, изучал юридические механизмы их обеспечивающие, вырабатывал собственные научные подходы. Так, в фокусе его внимания находились правовые проблемы использования солнечной энергии, взаимосвязь новых возможностей биологической науки и права, проблемы внеземных цивилизаций и «метاپраво», правовые аспекты геномной инженерии, правовые и этические проблемы клонирования человека и многие другие.

Однако понимание перспектив атомной энергии для человечества, применения ее безграничных возможностей во всех сферах деятельности, предопределило выбор основного направления научной деятельности А.И. Иойрыша. Защита докторской диссертации на тему правовых проблем мирного использования атомной энергии и публикация ряда научных трудов, в которых нашли свое обоснование позиция о зарождении новой отрасли права (атомного права), теоретические основы последнего, результаты исследования вопросов безопасного развития атомной энергетики, регулирования защиты от ионизирующей радиации, роли МАГАТЭ и других международных организаций в повышении безопасности атомных станций и др., привлекли внимание к данной тематике представителей научного сообщества, получили отклик, поддержку и признание, что привело к формированию в стенах Института государства и права РАН в 1982 году научного коллектива, занимающегося исследованием правовых проблем использования атомной энергии⁵²⁴,

⁵²³ Иойрыш А.И. Концепция атомного права: науч. издание. – М.: ЮНИТИ-ДАНА, 2008. – С. 4.

⁵²⁴ Корниенко В.Т. Роль и правовое положение ядерного права в системе отраслей российского права // Глобальная ядерная безопасность. – 2015. – № 1 (14). – С. 80-85.

и складыванию впоследствии школы атомного права. В разное время свою лепту в ее развитие внесли коллеги, воспитанные А.И. Иойрышем ученики и последователи, в числе которых: В.Н. Мешарин, А.Б. Чопорняк, В.Г. Терентьев, П.Г. Паламарчук, О.А. Супатаева, Г.А. Новиков, А.И. Константинов, М.С. Лизикова, М.В. Андросов, К.Л. Ходжабегова, Е.В. Мисатюк и др.

Основное исследование. А.И. Иойрыш стал одним из первых ученых-юристов, кто заглянул в будущее, верно подметив основную задачу права – своевременно регулировать отношения, возникающие в результате внедрения в жизнь достижений науки и техники, и устранять или ограничивать вред, который может быть нанесен в результате недостаточно продуманных действий⁵²⁵. Он указывал на необходимость «большой оперативности» правовой регламентации, которая должна включать в себя в том числе и прогнозирование науки и техники, экспертное определение технической политики, выработку вариантов нормативных актов, способствующих эффективному развитию техники и разработку соответствующих правовых режимов. Предпринятая им попытка «соединить несоединимое» не только не утратила актуальности, но и в современных условиях быстрого развития инновационных технологий приобрела особый смысл. Ведь в настоящее время особенно заметным становится отставание права от развития технологий, свидетельством чему является необходимость правового обеспечения не только инноваций в области использования атомной энергии, но в иных сферах, например в области цифровых технологий, технологий искусственного интеллекта и т. д.

Таким образом, вовремя уловив новые процессы, способствующие научному обогащению нормативного материала, его систематизации и развитию, А.И. Иойрыш первым в отечественной юридической науке поставил вопрос о выделении новой зарождающейся отрасли права – атомного права, под которой понимается совокупность правовых норм, регулирующих отношения, возникающие при использовании атомной энергии. В качестве критериев его выделения, по мнению ученого, выступают единство объекта регулирования, наличие системы норм, призванных регулировать сложную деятельность по использованию атомной энергии, а также заинтересованность государства и общества в выделении и развитии новой отрасли права.

В своих трудах исследователь указывает на комплексный характер атомного права, отмечая его связь с гражданским, административным, уголовным и иными отраслями права, но в то же время подчеркивая, что классические нормы давно сложившихся отраслей права зачастую не подходят для разрешения проблем, возникающих при использовании атомной энергии в мирных целях. В пользу такой характеристики атомного права говорит также

⁵²⁵ Иойрыш А.И. Научно-технический прогресс и новые задачи права. – М.: Международные отношения, 1987. – 168 с.

и проведенная им классификация норм, регулирующих отношения по использованию атомной энергии, в соответствии с которой они подразделяются на нормы внутреннего (национального) права, и нормы международного публичного и частного права, что дает основание для вывода о выделении внутригосударственного атомного права, базирующегося на законах и иных нормативных правовых актах государства, и международного атомного права, основными источниками которого являются международные договоры. Согласно другой классификации норм, также подтверждающей заявленный тезис, они подразделяются на правовые нормы и технические. Последние в силу повышенной опасности самого источника энергии облакаются в правовую форму. Однако среди первых, все большую роль играют правовые нормы с техническим содержанием, цель которых состоит в обеспечении соблюдения научно обоснованных, наиболее рациональных и экономичных методов и устранении отрицательных результатов, связанных с их применением.

По мнению А.И. Иойрыша, с которым трудно не согласиться, при разработке правовых норм в рассматриваемой области, пожалуй, больше, чем в какой-либо иной, принципиальное значение имеет связь науки и права, так как ошибочные научные выводы, положенные в основу правовых предписаний, могут привести к легализации опасных практических действий. В качестве примера таковых ученый усматривал возможность сброса в море радиоактивных отходов низкой и средней активности, допускаемую на определенном этапе законодательством отдельных стран, основанную на принципе установления допустимого содержания радиоактивных веществ не в отходах, а в воде. В своих работах он обосновывал неправильность последнего.

Кроме того, в пользу комплексного характера выделяемой отрасли права свидетельствует и использование ею комплекса методов правового регулирования. При этом А.И. Иойрыш выделял и особый метод правового регулирования атомного права как научного направления – метод сравнительно-правового изучения действующего правового материала, который позволяет обеспечить развитие правовых норм в соответствии с требованиями научно-технического прогресса, проходящего одновременно в целом ряде стран.

Эта позиция нашла поддержку в работах других ученых-юристов, которые в свою очередь уделили внимание выделению принципов отрасли атомного права, подняли проблему наименования данной отрасли права и другие вопросы⁵²⁶. В настоящее время юридическая наука рассматривает

⁵²⁶ Брагина Е.А. Роль и правовое положение международного ядерного права в системе отраслей международного публичного права // Глобальная ядерная безопасность. – 2015. – № 1 (14). – С. 86-92; Грищенко А.И. Ядерное право России: учебное пособие. – М.: Юрист, 2017. – 150 с.; Корниенко В.Т. Введение в ядерное право Российской Федерации //

атомное право в качестве самостоятельной комплексной отрасли права, которую отличают специфический предмет и метод правового регулирования, а также наличие обособленного законодательства.

Понимание взаимосвязи между открывающимися перед человечеством возможностями развития технологий и возможными опасностями, возникающими при их использовании для самого человека, природы и окружающей среды, красной нитью проходит через все работы А.И. Иойрыша. «Атом и право»⁵²⁷, «МАГАТЭ: сотрудничество в области мирного использования атомной энергии»⁵²⁸, «Правовые проблемы мирного использования атомной энергии»⁵²⁹ – далеко не полный перечень его работ, вводящий в отечественную юридическую науку понятие мирного использования атомной энергии, широко применяемого в международно-правовой практике, означающего использование в невоенных, гражданских целях, исключаящего любой вид военной деятельности, независимо от ее целей и назначения.

Непосредственно вопросы нераспространения ядерного оружия, запрещения ядерных испытаний также в разные годы находились в центре внимания А.И. Иойрыша. Здесь в качестве примера, можно привести научные публикации: «Договор, оздоравливающий атмосферу... О запрещении испытаний ядерного оружия в атмосфере, в космическом пространстве и под водой»⁵³⁰, «Евратом и контрольная деятельность МАГАТЭ в области нераспространения атомного оружия»⁵³¹, «Запрещение военного использования окружающей среды»⁵³², «Ядерные взрывы в мирных целях»⁵³³, «Нюрнбергский процесс и ядерное

Глобальная ядерная безопасность. – 2014. – № 1 (10). – С. 82-86; Корниенко В.Т. Роль и правовое положение ядерного права в системе отраслей российского права // Глобальная ядерная безопасность. – 2015. – № 1 (14). – С. 80-85; Лысенко М.Н. Международное ядерное право – это отрасль международного права? // Московский журнал международного права. – 2016. – № 4. – С. 11-20; Супатаева О.А. Основные тенденции развития атомного права России // Первый форум-диалог «Промышленная безопасность – ответственность государства, бизнеса и общества» (2015) // Атомная энергия. – URL: <https://www.atomic-energy.ru/video/61470>.

⁵²⁷ Иойрыш А.И. Атом и право. – М.: Международные отношения, 1969. – 221 с.

⁵²⁸ Иойрыш А.И. МАГАТЭ: сотрудничество в области мирного использования атомной энергии // Вопросы международного права. – 1976. – С. 40-54.

⁵²⁹ Иойрыш А.И. Правовые проблемы мирного использования атомной энергии. – М.: Наука, 1987. – 222 с.

⁵³⁰ Иойрыш А.И., Лазарев М.И. Договор, оздоравливающий атмосферу... О запрещении испытаний ядерного оружия в атмосфере, в космическом пространстве и под водой. – М.: Соцэкгиз, 1963. – 63 с.

⁵³¹ Иойрыш А.И. Евратом и контрольная деятельность МАГАТЭ в области нераспространения атомного оружия // Правоведение. – 1977. – № 2. – С. 74-83.

⁵³² Иойрыш А.И. Запрещение военного использования окружающей среды // Советское государство и право. – 1977. – № 2. – С. 66-70.

⁵³³ Славин М.М., Ушаков Н.А. Международное сотрудничество и международное право. – М.: ИГП АН СССР, 1977. – 136 с.

оружие»⁵³⁴, так и научно-публицистические: «Хиросима»⁵³⁵, «А-бомба»⁵³⁶, «Ракеты должны служить миру»⁵³⁷, «О чем звонит колокол»⁵³⁸ и др.

Еще одним важным направлением исследования взаимосвязи и взаимообусловленности прогресса и его возможных отрицательных последствий стала разработка проблематики правового регулирования влияния атомной энергии на окружающую среду⁵³⁹. Будто бы предвидя развернувшуюся в последние годы дискуссию о роли атомной энергетики в борьбе с изменениями климата, признания ее низкоуглеродной, А.И. Иойрыш пишет, что атомная энергетика, гораздо меньше содействующая деградации окружающей среды по сравнению с иными видами производства энергии при условии дальнейшего развития технологий, таких как управляемый ядерный синтез, поможет человечеству, обеспечив его потребности в энергии. При этом, придавая международное значение сохранению окружающей среды, он отмечает, что достижение этой цели возможно при создании действенной системы радиационной безопасности как для работников АЭС, так и населения, решении правовых вопросов радиационной безопасности при эксплуатации атомных электростанций и проблем сброса радиоактивных отходов в воды Мирового океана.

Произошедшая в 1986 году авария на Чернобыльской АЭС показала необходимость создания международно-правового режима ядерной и радиационной безопасности, что потребовало, с одной стороны, принятия ряда международно-правовых актов, а с другой – их научного осмысления и анализа. А.И. Иойрыш подчеркивал, что, несмотря на то, что обеспечение ядерной и радиационной безопасности относится к компетенции государств, главным механизмом достижения гармонизации позиций правительств разных стран должно стать усиление международных юридических обязательств государств, согласованных международных норм безопасности, а также содействие их применению в глобальном масштабе. Им были исследованы и описаны ключевые элементы международного режима ядерной и радиационной безопасности⁵⁴⁰. Более того, следует отметить, и непосредственное участие

⁵³⁴ Иойрыш А.И. Нюрнбергский процесс и ядерное оружие // Нюрнбергский процесс и современность. – М.: ИГП АН СССР, 1986. – С. 165-173.

⁵³⁵ Иойрыш А.И. Хиросима: 40 лет спустя. – М.: Политиздат, 1985. – 120 с.

⁵³⁶ Иойрыш А.И. А-бомба. – Вильнюс: Минтис, 1986. – 364 с.

⁵³⁷ Иойрыш А.И. Ракеты должны служить миру: из истории появления ракетно-ядерного оружия. – М.: Международные отношения, 1985. – 152 с.

⁵³⁸ Иойрыш А.И. О чем звонит колокол. – М.: Политиздат, 1991. – 399 с.

⁵³⁹ Иойрыш А.И. Правовое регулирование влияния атомной энергии на окружающую среду // Советское государство и право. – 1973. – № 6. – С. 82-89; Иойрыш А.И. Атомная энергия и международно-правовая охрана окружающей среды. – М.: Знание, 1975. – 64 с.

⁵⁴⁰ Иойрыш А.И., Петровский В.Ф., Петросянц А.М. Международное атомное право. – М.: Наука, 1987. – 400 с.

А.И. Иойрыша в разработке Конвенции о физической защите ядерного материала 1979 г. (INFCIRC/274/Rev.1), входящей в число основных источников международного атомного права.

В его научных трудах освещались и иные вопросы действующего права в области атомной энергии, не утратившие своей актуальности и по сей день, а именно: правовой режим радиоактивных изотопов, правовой режим ядерных судов, правовой режим атомного сырья, система лицензий на использование атомной энергии, регламентация перевозки радиоактивных материалов, регулирования защиты от ионизирующей радиации, правовое регулирование обращения с радиоактивными отходами, вопросы ядерного страхования и ответственности за ядерный ущерб и многие другие.

Обращался А.И. Иойрыш и к вопросам предотвращения террористических актов в отношении ядерных установок и ядерных материалов, отмечая необходимость формирования международного режима противодействия ядерному терроризму. Основными шагами на пути к нему, как отмечал ученый, должны стать внесение поправки в Конвенцию о физической защите ядерного материала, расширяющей ее сферу действия, глобальное присоединение государств к Конвенции, возобновление работы по заключению Конвенции о борьбе с актами ядерного терроризма (Док. ООН А/сб/53/L.4). Укрепление нормативной базы на основе разработки и принятия эффективных национальных программ и правил безопасности каждым государством, включения в них максимальных проектных угроз с учетом глобального характера действий террористических организаций, создания правовой основы для решения проблемы хищения и незаконного оборота ядерных материалов, внесения изменений в национальное законодательство в части установления ответственности за хищение, несанкционированное владение либо передачу плутония или высокообогащенного урана или крупную диверсию на ядерной установке повышенной опасности, соразмерной с ответственностью за убийство или государственную измену, рассматривалось им в качестве необходимых мер, принимаемых на внутригосударственном уровне.

Исследование накопленного в отдельных странах опыта правового регулирования использования атомной энергии в мирных целях позволило А.И. Иойрышу выявить некоторое сходство в способах и очередности правового регулирования данного вида деятельности и выделить на основе этого критерия две основные группы юридических предписаний, направленных на регулирование организационных и управленческих отношений, характерных для Англии, Аргентины, Индии, Италии, Канады, США и др., и регулирование отношений по защите от ионизирующих излучений, характерных для Финляндии, Бельгии, Швеции, а также провести классификацию норм внутри

каждой из них⁵⁴¹. Таким образом, была поставлена проблема выбора более эффективного способа юридического регулирования отношений.

Много внимания уделял А.И. Иойрыш вопросам регулирования использования атомной энергии и в нашей стране как в период зарождения⁵⁴², так и на этапе формирования российского атомного законодательства. Ученый подчеркивал, что законодательное решение этих вопросов составляет необходимое условие дальнейшего развития международных отношений России с другими странами в области использования атомной энергии. Совместно с Г.А. Новиковым и О.А. Супатаевой им была обоснована необходимость принятия для совершенствования законодательства в области использования атомной энергии в современных условиях модернизации и инновационного развития атомной отрасли концепции атомного права России, отражающей современные тенденции международно-правового режима безопасного использования атомной энергии и передовую зарубежную практику в этой области⁵⁴³.

Эти исследования способствовали развитию не только науки, но и законодательства. Так, следует отметить участие А.И. Иойрыша в разработке проектов законов об использовании атомной энергии, о ядерном оружии, об обращении с радиоактивными отходами, подготовке концепций иных законов и подзаконных актов, регулирующих межведомственные и общественные отношения в области использования атомной энергии, а также работу его последователей в рабочих группах по подготовке и принятию законов о специальных экологических программах реабилитации радиационно загрязненных участков территории, о гражданской ответственности за ядерный ущерб, об обращении с радиоактивными отходами и др.

Авторским коллективом под руководством А.И. Иойрыша также были подготовлены комментарий к Федеральному закону «Об использовании атомной энергии», комментарий к проекту закона о ядерном оружии и др.

Нельзя не отметить и практическую деятельность А.И. Иойрыша, внесшего свой вклад в деятельность по ликвидации последствий Чернобыльской аварии в части исполнения Государственной программы неотложных мер по ликвидации последствий аварии на ЧАЭС, Государственной научно-технической программы «Безопасность населения и территорий» и Федеральной целевой программы по обеспечению безопасности при использовании атомной энергии.

⁵⁴¹ Иойрыш А.И., Чопорняк А.Б. Атомное законодательство капиталистических стран: сравнительно-правовой анализ. – М.: Наука, 1990. – 320 с.

⁵⁴² Бургасов П.Н., Иойрыш А.И., Петросянец А.М. Советское атомное право. – М.: Наука, 1986. – 208 с.

⁵⁴³ Иойрыш А.И., Новиков Г.А., Супатаева О.А. О концепции атомного права // Атомная стратегия XXI века. – 2004. – № 6. – С. 22-35.

Стремление к решению новых задач, стоящих перед атомным правом, привело А.И. Иойрыша к участию в исследовании правового и институционального обеспечения атомной энергетики на основе транспортабельных атомных энергетических установок в рамках международного проекта ИН-ПРО (МАГАТЭ). Несмотря на то, что исследования в области нормативного и правового регулирования атомных станций малой мощности (АСММ) ведутся с начала 2000-х гг., вопросы применимости существующих норм международного права и стандартов безопасности МАГАТЭ в настоящее время продолжают оставаться актуальными⁵⁴⁴, так как количество реализуемых проектов в этой области позволяет прогнозировать складывание рынка АСММ в ближайшей перспективе.

Выводы. А.И. Иойрыш, внесший значительный вклад в развитие современной юридической теории и практики, придавал большое значение новейшим достижениям науки и техники в целом, и в сфере атомной энергетики в частности. Этим объясняется его внимание и интерес ко всем проблемам, связанным с использованием атомной энергии. Отмечая быстрые темпы развития атомного права, он задавался вопросами о путях и темпах дальнейшего развития последнего, отмечая ускорение темпов мирного использования атомной энергии, увеличение числа государств, занимающихся мирным использованием атомной энергии, развитие международного сотрудничества в данной сфере, а также возрастающий интерес представителей юридической науки к проблемам атомного права в качестве объективных оснований для его успеха.

Действительно, на современном этапе атомное право продолжает свое дальнейшее развитие по пути совершенствования и повышения эффективности правового регулирования, поиска ответа на новые вызовы, обусловленные инновационным развитием атомной энергетики, что в свою очередь открывает перед учеными-юристами, учениками и последователями А.И. Иойрыша новые предметные области исследования и ставит новые проблемы, требующие научного осмысления и поиска решений.

§ 7. Российская академия наук как участник международных отношений невластного характера

Введение. В современной теории международных отношений постепенно происходит изменение содержания понятия «международные отношения». До 70-х гг. XX века в доктрине преобладала точка зрения, согласно

⁵⁴⁴ Lizikova M.S. Nuclear Energy Prospects and Legal Challenges Towards Achieving Sustainable Development Goals // E3S Web of Conferences. – 2020. – P. 02009.

которой под международными отношениями понимались отношения межгосударственные, и их регулятором выступало международное публичное право. Для регулирования международным частным правом оставалась сфера внутригосударственных отношений «с иностранным элементом».

Однако постепенно в теории международных отношений появились мнения, согласно которым международные отношения изменились и превратились в действительно международные в точном смысловом значении этого термина⁵⁴⁵. Сторонники этой концепции утверждают, что в настоящее время сложилась новая система международных отношений, в которой, наряду с государствами, действуют и другие акторы – индивиды и юридические лица, международные неправительственные организации, транснациональные корпорации, субъекты федераций и пр. Например, В. Снапковский пишет, что «сегодня национальные государства перестали быть единственными акторами на мировой арене. Во второй половине XX в. все более активное участие в системе международных отношений стали принимать новые акторы – международные организации, форумы многосторонней дипломатии, многонациональные корпорации, крупные города, трансграничные регионы, индивиды. Повышение их роли и значения в международной жизни особенно проявилось в последние десятилетия XX в. Сегодня можно говорить о том, что на смену моноцентристской международной системе одного актора постепенно приходит полицентристская международная система множества акторов»⁵⁴⁶. Несмотря на то, что основное внимание в исследовании В. Снапковского уделяется международным организациям, автор настоящей статьи полагает, что в «полицентристской международной системе множества акторов» присутствуют и юридические лица, к которым мы можем отнести и Российскую академию наук с позиций теории и практики международного частного права.

Подтверждение этому подходу мы находим и в новейших исследованиях доктора философских наук, профессора П.А. Цыганкова: «Институализация международных отношений вызвала к жизни множество межправительственных, и, что более важно с рассматриваемой точки зрения, огромное количество неправительственных организаций, которые стали значимыми акторами международной жизни. Резко возросло число транснациональных фирм, банков и предприятий, увеличились их возможности влияния на международную и внутреннюю политику⁵⁴⁷».

⁵⁴⁵ Merle M. *Sociologie des relations internationales*. – Paris: Dalloz, 1974. – 436 p.; Rosenau J.N. *Linkage Politics: Essays on the Convergence of National and International Systems*. – New York: The Free Press, 1969. – 352 p.

⁵⁴⁶ Снапковский В.Е. *Международные организации в системе международных отношений* // Белорусский журнал международного права и международных отношений. – 2000. – № 3. – С. 71.

⁵⁴⁷ *Теория международных отношений* / Под ред. П.А. Цыганкова. – М.: Юрайт, 2019. – С. 13.

Данные концепции не являются доминирующими в теории международных отношений, о чем свидетельствуют фундаментальные зарубежные исследования⁵⁴⁸.

В то же время концепция «множества акторов международных отношений» позволяет объяснить современную природу международного частного права, учесть процесс унификации и отойти от воззрений, более характерных для XIX века. В нашем понимании международное частное право регулирует отдельную группу международных отношений, условно именуемых «международные отношения невластного характера».

К числу негосударственных акторов международных отношений следует отнести и Российскую академию наук, являющуюся федеральным государственным бюджетным учреждением по своему внутригосударственному статусу. Учитывая обширные международные связи Российской академии наук, попытаемся ответить на вопрос: каков статус Академии наук в международном частном праве?

Основное исследование

Концепция юридического лица в международном частном праве

По российскому праву Российская академия наук, являющаяся федеральным бюджетным учреждением, имеет статус юридического лица. Юридические лица традиционно признаются основными субъектами международного частного права. Не вызывает сомнения, что юридические лица как таковые являются активными участниками международных отношений невластного характера: они заключают международные сделки, инвестируют в экономику иностранных государств, могут нанимать иностранный персонал и т. п.

Однако в последнее десятилетие наметилась тенденция участия юридических лиц в международных отношениях публичного характера. Так, например, юридические лица весьма активно обращаются в Европейский суд по правам человека, в основном по вопросам защиты собственности. Участие юридических лиц не ограничивается исключительно международными отношениями невластного характера, они принимают участие в международных отношениях, понимаемых в широком смысле как отношения между государствами, отношения с участием государств и негосударственных акторов, отношения между негосударственными акторами на международной арене. В правовой доктрине уже начал дискутироваться вопрос о международной правосубъектности юридических лиц.

⁵⁴⁸ Griffiths M., Roach S.C., Solomon S.M. Fifty Key Thinkers in International Relations. – London: Routledge, 2009. – 404 p.; Knutsen T.L. A history of international relations theory. – Manchester: Manchester University Press, 2016. – 532 p.

В отечественной доктрине международного права чаще всего вопрос о правовом положении юридического лица связывается с личным законом и иностранными инвестициями⁵⁴⁹. В то же время недостаточно исследован вопрос о том, о каком именно субъекте идет речь, каковы особенности юридических лиц, в чем их своеобразие.

Необходимо отметить, что унифицированного понятия юридического лица в международном частном праве нет. Категория юридического лица широко используется в международных договорах, но без раскрытия ее содержания.

Исключение составляют положения Межамериканской конвенции о правоспособности и дееспособности юридических лиц в международном частном праве от 24 мая 1984 года⁵⁵⁰ (далее – Межамериканская конвенция 1984 г.). Межамериканская конвенция 1984 г. непосредственно устанавливает два признака юридического лица: 1) юридическое лицо выступает в гражданском обороте от своего имени; 2) оно отдельно от участников несет ответственность по своим обязательствам.

Подтверждением различных подходов к определению юридического лица могут быть акты законодательства ряда государств. Рассмотрим отдельно законодательство государств романо-германской правовой системы и общего права. В романо-германской правовой системе определение юридического лица дается в гражданских кодексах.

Так, ГК Латвии в ст. 1407 устанавливает, что юридическими лицами признаются государство, самоуправления, объединения лиц, учреждения, установления и совокупности вещей, которым предоставлен статус юридического лица⁵⁵¹. Подход ГК Латвии отличается своеобразием, поскольку статус юридического лица может иметь и совокупность вещей, т. е. объекты гражданских прав.

Поскольку в данной статье дается только перечисление, из нее невозможно выявить признаки юридического лица. Единственное, что можно указать, что статус юридического лица предоставляется как субъектам, так и объектам права.

В рамках СНГ достигнута гармонизация на региональном уровне в отношении определения понятия юридического лица. Статья 61 Модельного

⁵⁴⁹ Асосков А.В. Правовые формы участия юридических лиц в международном коммерческом обороте. – М.: Статут, 2003. – 347 с.

⁵⁵⁰ Inter-American Convention on the Legal Capacity and Capacity of Legal Entities in Private International Law of May 24, 1984 // Organization of American States. – URL: <http://www.oas.org/juridico/english/treaties/b-49.html> (Дата обращения: 09.09.2023 г.).

⁵⁵¹ Гражданский кодекс Латвийской Республики / Под ред. Н.Э. Лившиц, А.П. Сергеева. – СПб.: Юридический центр пресс, 2001. – С. 493.

гражданского кодекса (далее – МГК СНГ)⁵⁵² устанавливает, что юридическим лицом признается организация, которая имеет в собственности, хозяйственном ведении или оперативном управлении обособленное имущество и отвечает по своим обязательствам этим имуществом, может от своего имени приобретать и осуществлять имущественные и личные неимущественные права, нести обязанности, быть истцом и ответчиком в суде. Юридические лица должны иметь самостоятельный баланс или смету.

Таким образом, МГК СНГ устанавливает четыре обязательных признака юридического лица и один факультативный. К обязательным признакам относятся: 1) обладание обособленным имуществом; 2) приобретение прав и несение обязанностей от своего имени; 3) самостоятельная ответственность по своим обязательствам; 4) возможность быть истцом и ответчиком в суде. Наличие баланса или сметы следует отнести к факультативным признакам.

Ряд государств-участников СНГ воспринял положения МГК СНГ. В качестве примеров можно привести законодательство Республики Беларусь и Казахстана. Пункт 1 ст. 44 ГК Беларуси⁵⁵³ дает сходное определение юридического лица с МГК СНГ. Такое же определение дано в п. 1 ст. 33 ГК Казахстана⁵⁵⁴.

Приведенные примеры свидетельствуют, что в рамках романо-германской правовой системы не достигнуто единообразие в понимании юридического лица. Определенное сходство наблюдается только в актах, принятых на основе МГК СНГ.

Что касается государств общего права, то теория юридического лица развивается в основном в результате определенной судебной практики. При этом законодательные акты могут и не оперировать термином «юридическое лицо». В качестве примера можно привести Единообразный торговый кодекс США⁵⁵⁵ (далее – ЕТК США). В п. 28 ст. 1-201 «Общие определения» ЕТК США дано понятие «организации», которое включает корпорации, правительство или правительственное учреждение или орган, предпринимательский трест, фонд, доверительную собственность, товарищество или

⁵⁵² Гражданский кодекс. Модель. Рекомендательный законодательный акт Содружества Независимых Государств. Ч. 1. Принят на пятом пленарном заседании Межпарламентской Ассамблеи государств-участников Содружества Независимых Государств 29 октября 1994 года // Приложение к Информационному бюллетеню. Межпарламентская Ассамблея государств-участников Содружества Независимых Государств. – 1995. – № 6. – С. 3-192.

⁵⁵³ Гражданский кодекс Республики Беларусь / Под ред. В.Ф. Чигира. – СПб.: Юридический центр пресс, 2003. – С. 168-169.

⁵⁵⁴ Гражданский кодекс Республики Казахстан / Под ред. Н.Э. Лившиц, И.П. Грешникова. – СПб.: Юридический центр пресс, 2002. – С. 136.

⁵⁵⁵ § 1-201 “General Definitions” of the Uniform Commercial Code // Cornell Law School. – URL: <https://www.law.cornell.edu/ucc/1/1-201#Person> (Дата обращения: 09.09.2023 г.).

ассоциацию, двух или более лиц, имеющих совместный или общий интерес, или любое иное правовое или коммерческое образование. Как видим, в ЕТК США использован сходный подход с ГК Латвии – в числе организаций названа доверительная собственность (объект права).

В то же время остальная часть перечня из ЕТК США свидетельствует о том, что в данном акте под термином «организация» имелись в виду юридические лица.

Разнообразие законодательных подходов к понятию юридического лица создает существенные сложности в унификации этого понятия в международном праве. Каждое государство по-своему определяет круг юридических лиц. В некоторых государствах к юридическим лицам относятся определенные имущественные комплексы, т. е. объекты права. Однако только констатацией сложившегося разнообразия не решить проблему определения понятия юридического лица. Таким образом, следует выделить общие подходы к этому понятию и на их основе сформулировать признаки юридического лица.

Прежде всего юридическое лицо следует понимать как определенное институционное образование. Л.Н. Галенская под институционными образованиями (от латинского – *institutio*) понимает «любые созданные людьми объединения, связанные определенной целью и обладающие организационной структурой»⁵⁵⁶. Юридические лица обладают всеми признаками институционного образования – создаются людьми или иными институциями, преследуют определенные цели в своей деятельности, обособленные от целей их участников, обладают определенной организационной структурой. Таким образом, юридическое лицо – это внутригосударственная институция. Для целей определения правового положения лиц в международном праве юридические лица следует отграничивать от иных субъектов – государства, ТНК, международных юридических лиц.

Какими же чертами обладает данная внутригосударственная институция? Если учесть содержание Межамериканской конвенции 1984 г., МГК СНГ, национального законодательства, то несомненным является то, что юридические лица обладают самостоятельной юридической личностью, т. е. они вступают в правоотношения от собственного имени. Юридическое лицо является самостоятельным участником отношений как внутренних, так и международных. Их юридическая личность обособлена от учредителей, участников, работников юридического лица. В силу сказанного юридические лица выступают самостоятельным субъектом права.

⁵⁵⁶ Галенская Л.Н. Международная институционная система // Российский ежегодник международного права. – СПб.: СКФ «Россия-Нева», 2003. – С. 263.

Также юридическую ответственность за свои собственные действия юридическое лицо несет самостоятельно. Его ответственность обособлена от ответственности его учредителей, участников.

Иные названные выше признаки юридического лица присущи не всем правовым системам.

Таким образом, под юридическим лицом следует понимать внутригосударственную институцию, вступающую в правоотношения от своего имени и саму несущую ответственность по своим обязательствам.

В отношении видов юридических лиц национальное законодательство различных государств придерживается различных классификаций. При этом унифицированного представления о видах юридических лиц в международном праве не существует.

Классификация юридических лиц будет осуществляться по критериям, разработанным в праве различных государств, а также с учетом теоретических представлений о юридических лицах, их разновидностях.

Если для примера взять законодательство Германии, то подраздел III главы второй Германского гражданского уложения (далее – ГГУ) говорит о юридических лицах публичного права⁵⁵⁷. К ним относятся публично-правовые корпорации, учреждения и органы. Следовательно, по германскому праву существуют юридические лица публичного права и юридические лица частного права. Юридические лица частного права создаются невластными субъектами. Это могут быть различные общества, товарищества, кооперативы и т. п. Данная классификация неизвестна российскому праву. Однако Российская академия наук, являясь государственным учреждением, принадлежит к юридическим лицам публичного права.

Законодательство государств – участников СНГ, основанное на МГК СНГ, предлагает иную классификацию юридических лиц.

Статья 61 МГК СНГ предусматривает, что в связи с участием в образовании имущества юридического лица его учредители (участники) могут иметь обязательственные права в отношении этого юридического лица либо вещные права на его имущество.

К юридическим лицам, в отношении которых их участники имеют обязательственные права, относятся: хозяйственные товарищества и общества, производственные и потребительские кооперативы.

К юридическим лицам, на имущество которых их учредители имеют право собственности или иное вещное право, относятся: унитарные предприятия, в том числе дочерние предприятия, а также финансируемые собственником учреждения.

⁵⁵⁷ Яковлева Т.Ф. Гражданское уложение Германии. – М.: Инфотропик Медиа, 2015. – С. 28-29.

К юридическим лицам, в отношении которых их учредители (участники) не имеют имущественных прав, относятся: общественные и религиозные организации (объединения); благотворительные и иные общественные фонды; объединения юридических лиц (ассоциации и союзы).

По данной классификации Российская академия наук относится к юридическим лицам, на имущество которых их учредители имеют право собственности, финансируемому собственником учреждению.

Международные связи Российской академии наук и их юридическая квалификация

Участие Российской академии наук в международных отношениях, понимаемых в их широком значении, отличается определенной спецификой, связанной как с научным характером деятельности Академии, так и рядом публично-правовых функций, которые она осуществляет. В настоящее время можно выделить два основных направления такой деятельности: 1) принятие в члены Академии иностранных ученых; 2) заключение соглашений с иностранными научными и образовательными учреждениями.

В Положении об иностранных членах Российской академии наук, утвержденном постановлением Президиума Российской академии наук № 270 от 11 декабря 2007 года⁵⁵⁸, статус иностранных членов определялся весьма лаконично.

Иностранцами членами Российской академии наук могли стать крупнейшие зарубежные ученые, получившие признание мирового научного общества.

Избрание их осуществлялось по определенной процедуре. Решение об избрании принималось Общим собранием Академии. Выборы иностранных членов Российской академии наук проводились одновременно с выборами членов Российской академии наук, не реже 1 раза в 3 года. Дата выборов определялась Президиумом РАН.

Президиум РАН также определял количество вакансий для избрания иностранных членов Российской академии наук и их распределение по отделениям Академии.

Правом на выдвижение кандидатов в иностранные члены Российской академии наук обладали расширенные заседания бюро отделений. На это заседание приглашались (с правом решающего голоса) все действительные члены РАН, состоящие в данном отделении. Решение о выдвижении принималось тайным голосованием простым большинством голосов.

⁵⁵⁸ Постановление № 270 от 11.12.2007 «Об утверждении Положения об иностранных членах Российской академии наук» // РАН. – URL: <http://www.ras.ru/presidium/documents/directions.aspx?ID=1ce48260-2cf6-4f22-b088-d850d5cff557> (Дата обращения: 09.09.2023 г.).

Выборы иностранных членов Российской академии наук проводились в соответствии с процедурой, предусмотренной для членов-корреспондентов РАН. Информация об избрании публиковалась в изданиях Российской академии наук.

Ученые, избранные иностранными членами Российской академии наук, получают дипломы установленного Президиумом РАН образца.

По указанному выше Положению иностранные члены Российской академии наук имели весьма ограниченный набор прав:

1) принимать участие в работе Общего собрания РАН и общего собрания рекомендовавшего его отделения РАН с правом совещательного голоса. Таким образом, иностранные члены Российской академии наук не участвуют в голосовании при принятии решений;

2) приглашаться для участия в работе по прогнозу развития различных областей науки и экспертизе при проведении конкурсов;

3) выносить на рассмотрение Президиума РАН вопросы, связанные с развитием соответствующих областей научных исследований и расширением международного научного сотрудничества ученых;

4) извещаться о созыве Общего собрания РАН или приглашаться в Россию на научные мероприятия Президиумом РАН;

5) обладать ежегодной подпиской на журнал «Вестник Российской академии наук» на русском или на одном из иностранных языков.

В настоящее время Устав Российской академии наук⁵⁵⁹ конкретизировал процедуру избрания иностранных членов и незначительно расширил их права. В процедуре избрания уточнено два аспекта. Во-первых, выборы кандидатов в иностранные члены Академии проводятся на общих собраниях отделений Академии. Для избрания кандидатом необходимо получить не менее двух третей голосов членов Академии по данному отделению, принявших участие в голосовании, и не менее половины голосов списочного состава членов Академии по данному отделению. Кандидат считается избранным, если он получил необходимое для избрания число голосов и число кандидатов по данному отделению, получивших такое же или большее число голосов, не превосходит числа выделенных отделению вакансий иностранных членов Академии. Выборы кандидатов проводятся в один тур. Дополнительный тур проводится (однократно), если некоторые кандидаты получили в первом туре необходимое для избрания число голосов, но не были избраны. В этом случае в бюллетень для голосования в дополнительном туре включаются только кандидаты, получившие в первом туре необходимое для избрания число голосов. Во-вторых, в голосовании по выборам иностранных членов Академии

⁵⁵⁹ Устав Российской академии наук // РАН. – URL: <http://www.ras.ru/about/rascharter.aspx> (Дата обращения: 09.09.2023 г.).

принимают участие все члены Академии, присутствующие на общем собрании членов Академии. Кандидат считается избранным в иностранные члены Академии, если он получил не менее двух третей голосов членов Академии, принявших участие в голосовании, и не менее половины голосов списочного состава членов Академии.

В отношении иностранных членов Академии Уставом также уточнено, что они с момента избрания имеют права и обязанности, установленные Уставом, если иное не предусмотрено особенностями их правового статуса, определенными Уставом и решениями органов управления Академии. Таким образом, иностранные члены Академии имеют специальный правовой статус в рамках Академии, что обусловлено публично-правовыми функциями Академии.

Российская академия наук может как участвовать в исполнении международных договоров, так и самостоятельно заключать соглашения международного характера.

В первом случае Российская академия наук выступает в качестве уполномоченной организации Российской Федерации при исполнении международных публично-правовых обязательств по международному договору. В частности, Комплексная долгосрочная программа сотрудничества в области науки, техники и инноваций между Правительством Российской Федерации и Правительством Республики Индии от 21 декабря 2010 года⁵⁶⁰ устанавливает, что с Российской Стороны осуществление Программы будет координировать Министерство образования и науки Российской Федерации совместно с Российской академией наук, с Индийской Стороны – Министерство науки и технологии, Департамент науки и технологии Республики Индии.

Большая часть соглашений международного характера, заключаемых Российской академией наук от собственного имени, касается научного (научно-технического) сотрудничества. Такие соглашения именуются «договорами о сотрудничестве», «соглашениями о научно-техническом сотрудничестве», «соглашениями о научном сотрудничестве». Как правило, они заключаются с иностранными академиями наук. Подобного рода соглашения заключены с Академией наук Абхазии, Австрийской академией наук, Национальной академией наук Азербайджана, Академией наук Республики Албании, Национальной академией наук Республики Армении, Национальной академией наук Беларуси, Болгарской академией наук, Национальной академией наук Боливии, Академией наук и искусств Боснии и Герцеговины, Венгерской академией наук, Берлинско-Бранденбургской академией наук, Академией наук Грузии, Академией по научным исследованиям и технологиям Арабской Республики Египет,

⁵⁶⁰ Здесь и далее тексты соглашений см. по ссылке: <http://www.ras.ru/about/cooperation/intagreements.aspx> (Дата обращения: 09.09.2023 г.).

Израильской академией естественных и гуманитарных наук, Индийской национальной академией наук, Национальной академией дей Линчеи, Академией наук Республики Казахстан, Академией наук Корейской Народно-Демократической Республики, Академией инженерных наук Китая, Академией общественных наук Китая, Шанхайской академией общественных наук, Академией наук Республики Кыргызстан, Латвийской академией наук, Литовской академией наук, Македонской академией наук и искусств, Академией наук Молдовы, Академией наук Монголии, Королевской академией искусств и наук Нидерландов, Польской академией наук, Академией Румынии, Академией наук и искусств Республики Сербской, Словацкой академией наук, Словенской академией наук и искусств, Национальной академией наук США, Академией наук Республики Таджикистан, Академией наук Республики Узбекистан, Академией Финляндии, Академией наук Института Франции, Хорватской академией наук и искусств, Черногорской академией наук и искусств, Академией наук Чешской Республики, Королевской Шведской Академией словесности, истории и памятников старины, Королевской шведской академией наук, Академией наук Эстонии, Академией науки Южной Африки.

Данная группа соглашений весьма сходна по своему содержанию. Различия в содержании отдельных соглашений можно объяснить различиями в степени научного сотрудничества с отдельными государствами с учетом развития науки и техники. Для анализа нами отобрано четыре такого рода соглашения, которые могут служить показательными примерами, не умаляя роли и значения других соглашений.

Соглашение о научном сотрудничестве между Российской академией наук и Австрийской академией наук от 2 декабря 1993 года весьма обстоятельно регламентирует порядок осуществления научных связей. Установлены формы сотрудничества:

- 1) проведение совместных научно-исследовательских работ по проблемам, представляющим взаимный интерес;
- 2) организация двусторонних симпозиумов, коллоквиумов и семинаров по различным научным вопросам;
- 3) обмен учеными для чтения лекций, ознакомления с научными исследованиями и проведения научных работ;
- 4) подготовка и публикация совместных научных работ по результатам научных исследований.

Особое внимание в Соглашении уделено обмену учеными для проведения научных исследований и ознакомления, для чтения лекций и проведения семинаров в институтах и научно-исследовательских учреждениях обеих Сторон. При осуществлении обмена учеными обе Стороны будут содействовать также, когда это возможно, приему ученых в институтах и

научно-исследовательских учреждениях, находящихся вне юрисдикции обеих Сторон. Соглашение детально регламентирует финансовые условия обмена учеными, а также устанавливает процедуру согласования их приема между Академиями.

Обе Академии предусматривают в своих бюджетах суммы, необходимые для финансирования сотрудничества, и регулярно информируют друг друга об их размерах.

Все вопросы, касающиеся реализации Соглашения, обе Академии будут рассматривать путем непосредственных контактов.

Соглашение о научно-техническом сотрудничестве между Российской академией наук и Национальной академией наук Азербайджана от 21 декабря 2005 года предусматривает более широкий перечень направлений сотрудничества:

- 1) разработку и реализацию совместных научных и научно-технических проектов в приоритетных направлениях развития науки и техники;
- 2) организацию взаимовыгодных международных контактов в области науки и техники;
- 3) содействие в доступе исследователей к уникальным установкам, имеющимся у Сторон, для проведения научных работ;
- 4) содействие в повышении квалификации и подготовке научных кадров, в том числе через аспирантуру или докторантуру сроком до 3-х лет и путем стажировки сроком до одного года;
- 5) обмен учеными и специалистами для осуществления совместных проектов и участия в международных конференциях и других научных мероприятиях, проводимых обеими Академиями;
- 6) обмен научной информацией.

Соглашение о расширении научных связей и обмена научной информацией между Российской академией наук и Национальной академией наук Республики Армения от 11 июня 1994 года содержит особое условие о непосредственном научном сотрудничестве на основе прямых связей между учреждениями Академий, которое предусматривает:

- 1) создание совместных научных коллективов и организаций;
- 2) заказные научно-исследовательские работы на контрактной основе;
- 3) заключение прямых договоров и контрактов, определяющих цели и ожидаемые результаты совместных исследований, необходимые условия сотрудничества, взаимные обязательства (в том числе и объемы финансирования), порядок использования совместно полученных научных результатов;
- 4) коммерческое использование результатов, полученных в рамках совместных научных исследований с учетом соответствующего законодательства стран.

Соглашение о сотрудничестве в области общественных наук между Российской академией наук и Британской академией от 15 июня 2005 года ограничивается определенной тематикой сотрудничества: антропология, археология, демография, экономика, история, история искусства, общественная и социальная география, международные отношения, законодательство, лингвистика, литература, филология, философия, политология, религия, социология, социальная психология.

Российская академия наук заключает также соглашения специального характера с научными и образовательными учреждениями. Содержание такого рода соглашений характеризуется разнообразием. В частности, Меморандум о взаимопонимании между Российской академией наук и Национальным институтом сельскохозяйственных технологий Аргентины от 23 апреля 2005 года определяет только направления сотрудничества, основную работу возлагая на Координационный комитет, формируемый Сторонами.

Соглашение о научном сотрудничестве между Российской академией наук и Национальным центром естественных наук и технологий Социалистической Республики Вьетнам от 1 декабря 1995 года предусматривает, что Стороны будут осуществлять научное сотрудничество на основании двусторонних Планов, подписываемых Сторонами на сроки, определяемые договоренностью между ними, и включающих научную тематику контактов и совместных работ, финансовые и организационные условия взаимодействия, в том числе объемы и условия взаимного командирования ученых.

Соглашение о научном сотрудничестве между Российской академией наук и Обществом имени Макса Планка от 29 мая 2001 года основное внимание уделяет поддержке научных исследований молодых ученых. Международные школы для молодых ученых и исследователей Общества имени Макса Планка открыты для российских докторантов (аспирантов), которые хотели бы подготовить работу на соискание ученой степени в научной области, предложенной Школой. Российские докторанты могут претендовать на участие в Школах в рамках международных конкурсов. Участие в Школах должно содействовать тому, чтобы, с одной стороны, эффективно дополнить образование докторантов в интернациональной среде, с другой стороны, стимулировать заинтересованность в сотрудничестве между российскими и немецкими учеными, институтами РАН и институтами ОМП. Соглашение также предусматривает создание «виртуальных лабораторий».

Соглашением о научном сотрудничестве между Российской академией наук и Мадридским политехническим университетом от 10 июня 1994 года урегулированы совместные исследования в соответствии с согласованными проектами, которые уточняют цели, последовательность мероприятий и предполагаемые результаты, а также участвующие научные учреждения и

распределение обязанностей между ними, включая вопросы финансирования и сроки выполнения намеченных программ.

Соглашение о научном сотрудничестве между Российской академией наук и Бергенским университетом от 15 января 1993 года основное внимание уделяет фундаментальным исследованиям в области естественных, гуманитарных, социальных и технических наук и наук о здоровье. Оно служит основой для заключения отдельных соглашений о сотрудничестве между институтами или подразделениями, находящимися в ведении обеих Сторон.

Закрываемые Российской академией наук соглашения международного характера в целом направлены на реализацию международных договоров Российской Федерации в области научно-технического сотрудничества, но заключаются между негосударственными акторами. В отличие от международных контрактов, такого рода соглашения содержат не только обязательства сторон соглашения, но и предписания общего характера, рассчитанные на неоднократное применение, для иных лиц – научных учреждений, ученых и научных коллективов. Сказанное позволяет выявить особую природу соглашений международного характера, которые не могут быть приравнены ни к международным договорам, ни к международным контрактам.

Смешанный характер носит Соглашение о научном, технологическом и инновационном сотрудничестве между Российской академией наук и Министерством науки и технологий Боливарианской Республики Венесуэла от 22 декабря 2003 года, поскольку с иностранной стороны выступает публично-правовой субъект. Оно предусматривает объединение усилий Сторон для содействия сотрудничеству между российскими и венесуэльскими учеными, направленному на реализацию совместных действий в областях, представляющих взаимный интерес, в качестве цели сотрудничества. Научные учреждения Сторон, выдвигающие предложения по совместным научно-исследовательским проектам, будут одновременно направлять их в Российскую академию наук и Министерство науки и технологий Венесуэлы для экспертной оценки в соответствии с существующими правилами и процедурами. Утверждение проектов будет осуществляться Сторонами совместно на основе положительных рекомендаций экспертных комиссий. В отличие от соглашений международного характера между негосударственными акторами, данное Соглашение носит «диагональный» характер, поскольку одной из сторон Соглашения выступает публичный субъект.

Выводы. Современные международные отношения, понимаемые в широком смысле, характеризуются широким кругом субъектов. Наряду с государствами в международные отношения все активнее вступают негосударственные акторы, которые не только содействуют государствам в реализации их международных обязательств, но и принимают на себя самостоятельные

юридические обязательства и ответственность по международному праву. В системе международных отношений наряду с межгосударственными отношениями формируется также особая группа отношений, условно именуемых «международные отношения невластного характера», возникновение которых связано с повышением роли и значения негосударственных акторов на международной арене.

Как весьма влиятельный негосударственный актор Российская академия наук вступает в правоотношения с иностранными учеными в связи с их членством в Академии. Ее международные связи весьма обширны как географически, так и содержательно. Способствуя межгосударственному научно-техническому сотрудничеству, Российская академия наук участвует в реализации международных договоров, заключает соглашения международного характера с академиями других государств, а также научными и образовательными учреждениями, вступает в «диагональные» отношения с органами иностранных государств как во исполнение международно-правовых обязательств Российской Федерации, так и непосредственно.

§ 8. Преддоговорная ответственность в гражданском праве: сравнительно-правовой анализ

Введение. Правила статьи 434.1 Гражданского кодекса Российской Федерации⁵⁶¹ (далее – ГК РФ) «Переговоры о заключении договора» действуют с 1 июня 2015 года. Научно-правовое обоснование правил о ведении переговоров в отечественной науке пока не сложилось, несмотря на то, что требования добросовестности и справедливости были закреплены в ГК РФ задолго до реформы гражданского законодательства. Вместе с тем уже имеется ряд исследований, проведенных после реформы гражданского законодательства 2015 года, включая и диссертации по указанной теме⁵⁶². Важное значение будут иметь доктринальные наработки, способные оказать влияние на правоприменение, создать научную основу для применения указанной нормы. В этой части очень важны разработки ученых, включая ученых Российской академии наук (далее – РАН), разработки академической школы гражданского права РАН. Роль научной школы в развитии гражданского права чрезвычайно важна. Благодаря научным разработкам академической школы, работам ее

⁵⁶¹ Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30.11.1994 № 51-ФЗ (ред. от 21.12.2021) // Собрание законодательства РФ. – 05.12.1994. – № 32. – Ст. 3301.

⁵⁶² Муратова О.В. Преддоговорные отношения в международном коммерческом обороте: от материально-правового к коллизионному регулированию: дис. ... канд. юрид. наук. – М., 2017. – 178 с.

ученых⁵⁶³, подготовленным специалистам формируется авторитет науки гражданского права в обществе, осуществляется преемственность юридической доктрины. Академическая школа РАН представляет собой потенциал для дальнейшего развития науки частного, гражданского права, для правильного применения новых институтов гражданского права, для осмысления новелл законодательства в данной сфере.

Принцип добросовестности широко применим в других странах. Во многих правопорядках (например, Германия) именно принцип добросовестности был необходимой предпосылкой развития теорий о преддоговорной ответственности. В ГК РФ принцип добросовестности появился с 1 марта 2013 года, Однако, как справедливо отмечал В.Ф. Яковлев, «было бы неточным утверждать, что до внесения описываемых дополнений действующий ГК не предусматривал требования добросовестности к участникам гражданских отношений. Путем толкования ст. 10 ГК судебная практика выводила это требование и использовала его при разрешении споров»⁵⁶⁴.

В настоящее время существуют самые различные концептуальные подходы к возмещению убытков, причиненных на преддоговорной стадии. Кроме того, сами убытки, подлежащие возмещению, в разных правовых системах могут определяться по-разному, а также могут быть применены и другие санкции. Вопрос о преддоговорной ответственности, конечно, связан с природой преддоговорного правоотношения. Поэтому зарубежный опыт и законодательство по данному вопросу именно сейчас представляют значительный интерес и могут способствовать формированию не только теоретического обоснования ответственности на стадии переговоров, но и единой практики по применению санкций на преддоговорном этапе, а также формированию научного обоснования правил о преддоговорной ответственности.

Основное исследование. В настоящее время правила о преддоговорной ответственности прямо закреплены, например, в Гражданском кодексе Франции (с 2016 года), в ГГУ (с 2002 года), в Гражданском кодексе Италии (с 1942 года) и др. Но и до законодательного закрепления соответствующих правил во многих странах судебная практика шла по пути привлечения к

⁵⁶³ Защита гражданских прав: избранные аспекты: сборник статей / Рук. авт. кол. и отв. ред., Рожкова М.А. – М.: Статут, 2017. – 432 с. (редактор сборника М.А. Рожкова эксперт Российской академии наук); Яковлев В.Ф. Модернизация Гражданского кодекса Российской Федерации – развитие основных положений гражданского права // Кодификация российского частного права / Под ред. П.В. Крашенинникова. – М.: Статут, 2015. – С. 10-22 (В.Ф. Яковлев был членом-корреспондентом Российской академии наук); Казанцев М.Ф. Договорное регулирование: цивилистическая концепция. – Екатеринбург: УрО РАН РФ, 2005. – 452 с.

⁵⁶⁴ Яковлев В.Ф. Модернизация Гражданского кодекса Российской Федерации – развитие основных положений гражданского права // Кодификация российского частного права / Под ред. П.В. Крашенинникова. – М.: Статут, 2015. – С. 10-22.

ответственности на стадии преддоговорных отношений, как правило, выводя из принципа добросовестности обязанность возместить причиненные убытки.

В Германии огромную роль в развитии преддоговорной ответственности сыграла именно судебная практика: от квазидоговорной теории преддоговорной ответственности (ответственность за переговоры основывалась на правоотношении, выполняющем подготовительную функцию применительно к купле-продаже и имеющем характер, аналогичный договорному, ответственность связывалась с близостью заключения договора) до признания самостоятельным основанием ответственности – неисполнение обязанности по добросовестному ведению переговоров (решение по «делу о линолеуме»)⁵⁶⁵.

Еще в 1961 году Верховный суд ФРГ по делу о «шкурке банана» впервые признал, что профессиональный продавец несет преддоговорную ответственность перед всяким, кто вступил на территорию магазина с целью заключения договора (решение от 26 сентября 1961 года по «делу о шкурке банана»)⁵⁶⁶.

Дело «о шкурке банана» и дело «о линолеуме» схожи по содержанию, в первом случае потенциальный покупатель поскользывается на территории продавца на шкурке банана, во втором – на мокром линолеуме, который только что помыли, и в том и другом случае потенциальному покупателю причинен вред. В решении по «делу о линолеуме» суд констатировал, что из «договорного или обязательственного правоотношения могут возникать обязанности по проявлению добросовестности и осмотрительности касательно жизни и собственности партнера, причем обязанности эти не имеют ничего общего с природой данного правоотношения в узком смысле, но с необходимостью следуют из его фактического оформления»⁵⁶⁷.

В настоящее время правила о преддоговорных правоотношениях и о преддоговорной ответственности прямо закреплены в ГГУ.

Абзац 2 § 311 ГГУ предусматривает, что обязательство возникает из:

- вступления в переговоры о заключении договора;
- подготовки договора, по которому одна из сторон в расчете на соответствующие правоотношения по сделке предоставляет другой стороне возможность влиять на свои права, правовые блага и интересы либо доверяет их ей;

⁵⁶⁵ Демкина А.В. Преддоговорное правоотношение-обязательство: основы теории. Монография. – М.: Проспект, 2020. – С. 130.

⁵⁶⁶ Гницевич К.В. Преддоговорная ответственность в гражданском праве (*culpa in contrahendo*): дис. ... канд. юрид. наук. – СПб., 2009. – С. 62.

⁵⁶⁷ Гницевич К.В. Указ. соч. – С. 63.

– деловых контактов⁵⁶⁸.

То есть ГГУ устанавливает три самостоятельных основания возникновения преддоговорного обязательства. И это следующие основания:

1) непосредственно переговоры, когда стороны находятся в процессе согласования условий будущего договора, и здесь неважно личное присутствие участников переговоров в одном месте, их можно вести путем почтовой переписки, по телефону, скайпу и т. п.;

2) подготовка или вовлеченность в договор – самый распространенный пример в литературе по этому основанию, в том числе и в деле «о шкурке банана» или «о линолеуме», здесь преддоговорное обязательство возникает с момента появления покупателя в помещении продавца, и в этом случае продавец несет ответственность еще и за вред, причиненный здоровью будущего покупателя;

3) иные деловые контакты – это более общая формулировка, и она позволяет суду учитывать изменяющиеся условия жизни, а в качестве примера можно привести случаи, когда применяются нормы о преддоговорной ответственности при причинении вреда, например, сыну потенциального покупателя, который входит в магазин вместе с отцом и также может поскользнуться на «скользком линолеуме» или «шкурке банана». Третье основание позволяет распространить правила о преддоговорной ответственности и на лиц, которые не будут являться потенциальной стороной будущего договора.

Поскольку преддоговорные правоотношения по ГГУ характеризуются как обязательства, постольку к ним применимы и нормы об обязательствах. Согласно абз. 2 § 241 ГГУ, в соответствии с содержанием обязательства каждая из сторон может быть обязана учитывать права, правовые блага и интересы другой стороны. По правилам § 242 ГГУ должник обязан осуществлять исполнение добросовестно, как этого требуют обычаи оборота. Абзац 3 § 311 ГГУ устанавливает, что обязательство, содержащее обязанности, указанные в абз. 2 § 241 ГГУ, может также возникнуть в отношении лиц, которые сами не должны стать сторонами договора. Такое обязательство возникает, в частности, когда третье лицо пользуется особым доверием и таким образом оказывает значительное влияние на предварительные переговоры или на заключение договора⁵⁶⁹.

Поскольку судебная практика по преддоговорной ответственности в Германии сложилась раньше, чем в других странах, постольку и теории преддоговорного правоотношения наиболее подробно проработаны именно немецкими исследователями, которые по-разному квалифицировали

⁵⁶⁸ Гражданское уложение Германии: введ. закон к Гражд. уложению / Пер. с нем.; науч. ред. В. Бергманн и др. – 3-е изд., перераб. – М.: Волтерс Клувер, 2008. – С. 145.

⁵⁶⁹ Там же.

преддоговорные правоотношения, предлагая для них свои модели. Очень подробно позиции немецких исследователей изложены в диссертации К.В. Гнищевича⁵⁷⁰.

Начало теоретическому обоснованию учения о преддоговорной ответственности было положено работой Р. Иеринга⁵⁷¹ еще в 1861 г.

В последующем уже, в том числе с учетом складывающейся судебной практики, появляются разнообразные теории о преддоговорном правоотношении и ответственности. Согласно одной из точек зрения, переговорное отношение основывается на законе. К. Ларенц в связи с этим говорил, что преддоговорная ответственность носит объективированный характер⁵⁷².

Существует в немецкой литературе и противоположная позиция. Так, Г. Зибер предполагал, что с момента входа лица в магазин возникает обязательственное правоотношение, аналогичное договорному, а точнее заключенный в результате конклюдентных действий подготовительный договор⁵⁷³. А. Тур допускал возмещение вреда личности или имуществу контрагента в рамках правоотношения переговоров о заключении договора⁵⁷⁴. По мнению Г. Штолль, основанием возникновения преддоговорных обязанностей является вступление в переговоры, в связи с чем возникает обязательственное правоотношение, «поскольку оно обязывает стороны к действиям и бездействию по отношению друг к другу»⁵⁷⁵. Основанием возникновения такого правоотношения автор называет одностороннюю сделку – предложение заключить договор либо вступить в переговоры.

Таким образом, авторы этих теорий исходили из двух признаков преддоговорного правоотношения – идентификации участников преддоговорных отношений и осуществления ими определенных действий (пока действий нет, нет взаимного предложения о ведении переговоров, нет обязательства). Общим для перечисленных позиций являлось то, что авторы исходили из наличия определенной «связи» (или «связанности») между конкретными участниками переговоров, возникающей после совершения ими действий, свидетельствующих о намерении вступить в переговоры.

Приведенный обзор позиций немецких ученых относительно сущности преддоговорных контактов сторон свидетельствует о том, что благодаря

⁵⁷⁰ Гнищевич К.В. Преддоговорная ответственность в гражданском праве (*culpa in contrahendo*): дис. ... канд. юрид. наук. – СПб., 2009. – 209 с.

⁵⁷¹ Иеринг Р. *Culpa in contrahendo* или возмещение убытков при недействительности или незаключенности договоров // Вестник гражданского права. – 2013. – № 3. – С. 190-266.

⁵⁷² Гнищевич К.В. Преддоговорная ответственность в гражданском праве (*culpa in contrahendo*): дис. ... канд. юрид. наук. – СПб., 2009. – С. 70.

⁵⁷³ Гнищевич К.В. Указ. соч. – С. 64.

⁵⁷⁴ Гнищевич К.В. Указ. соч. – С. 65.

⁵⁷⁵ Там же.

сложившейся судебной практики, а в последующем и в связи с прямым закреплением норм права в германском законодательстве между участниками переговоров признается наличие особого обязательства, и именно «переговоры» являются самостоятельным юридическим фактом, влекущим возникновение переговорного обязательства.

Если нормы о деликтах в Германии не позволяли их применять при любом причинении вреда, то принцип генерального деликта, заложенный в Гражданском кодексе Франции еще до реформы договорного права Франции (новые правила вступили в силу 1 октября 2016 года), позволял ученым распространить применение деликтной ответственности на случаи причинения убытков за виновное поведение на этапе переговоров, если договор не был заключен⁵⁷⁶.

После проведенной реформы договорного права Франции в Гражданском кодексе Франции появились правила о переговорах, которые устанавливают общие принципы ведения переговоров: принцип свободы переговоров (их инициирование, ведение и выход из переговоров осуществляются свободно) и принцип добросовестности ведения переговоров (инициатива, продолжение и разрыв переговоров должны в обязательном порядке отвечать требованиям добросовестности (ст. 1112 Гражданского кодекса Франции)).

Правилам о переговорах теперь посвящены три статьи – ст. 1112-1112-2 Гражданского кодекса Франции⁵⁷⁷.

Кроме закрепления принципов ведения переговоров ст. 1112 Гражданского кодекса Франции устанавливает и пределы ответственности: в случае виновного нарушения переговоров компенсация причиненного ущерба не может быть направлена на компенсацию неполученных доходов, ожидаемых от незаключенного договора, и на потерю возможности получения этих преимуществ (потеря шанса получить выгоду). При этом сразу отметим, что пределы ответственности в виде «потери шанса получения выгод» появились в указанной норме уже после реформы (а именно 10 апреля 2018 года, когда было внесено дополнение в Кодекс в связи с принятием Закона о ратификации реформы)⁵⁷⁸. Но в целом можно констатировать, что с точки зрения возмещаемых убытков французский законодатель

⁵⁷⁶ Soulier J.-L. Unforeseeability doctrine // Soulier Avocats. – URL: <https://www.soulier-avocats.com/en/ordinance-of-february-10-2016-for-the-reform-of-french-contract-law-the-principle-of-the-binding-force-of-contracts-is-considerably-undermined-by-the-new-provisions-of-the-french-civil-code/> (Дата обращения: 09.09.2023 г.).

⁵⁷⁷ Гражданский кодекс Франции // Légifrance. – URL: <https://www.legifrance.gouv.fr/codes/id/LEGIARTI000032040805/2016-10-01> (Дата обращения: 09.09.2023 г.).

⁵⁷⁸ Закона о ратификации реформы // Légifrance. – URL: <https://www.legifrance.gouv.fr/affichTexte.do?cidTexte=JORFTEXT000036825602&dateTexte&categorieLien=id> (Дата обращения: 09.09.2023 г.).

придерживается принципа защиты только «негативного интереса» в случае нарушения преддоговорной обязанности вести себя добросовестно (то есть лицо должно быть поставлено в такое положение, которое бы у него было, если оно не вступило в переговоры).

Итоги реформы договорного права Франции оцениваются юристами по-разному. Так, кто-то говорит о расширении дискреционных полномочий суда, что в свою очередь может привести к снижению уровня правовой определенности норм. Например, по мнению Жан-Люка Сулье, ряд новых принципов должен повлечь изменение роли судьи в разрешении спора между сторонами контракта, в частности, такие изменения, как обязанность добросовестного исполнения контракта или обязанность информирования своего контрагента на стадии заключения договора⁵⁷⁹. Другие авторы, напротив, исходят из того, что эти поправки всего лишь кодифицируют уже давно применяемые судами правила, а это значит, что участник гражданского оборота, основывающийся на Французский гражданский кодекс, сможет сейчас более реалистично оценить свою правовую ситуацию и перспективы, при этом усматривается, что полномочия суда уменьшились, поскольку сейчас они введены в установленные законом рамки⁵⁸⁰.

Но, так или иначе, если нужно будет применять принцип добросовестности, часть вопросов будет передана на усмотрение судьи, что очевидно вытекает из положений ст. 1112 Гражданского кодекса Франции, закрепляющей только общее правило о свободе переговоров и добросовестности ведения переговоров.

Итак, как и в ГК РФ, Французский гражданский кодекс (ст. 1112 Гражданского кодекса Франции) предусматривает общее правило о свободе переговоров (что очень сильно напоминает п. 1 ст. 434.1 ГК РФ), устанавливает обязанность вести переговоры добросовестно (такая же обязанность установлена в абз. 1 п. 2 ст. 434.1 ГК РФ) и устанавливает пределы преддоговорной ответственности (в нашем случае это п. 3 ст. 434.1 ГК РФ, но здесь правила несколько различаются). Кроме того, отдельная статья Французского гражданского кодекса посвящена обязанности по информированию контрагента, при этом эту обязанность, как уже отмечают практикующие юристы, стороны

⁵⁷⁹ Soulier J.-L. Unforeseeability doctrine // Soulier Avocats. – URL: <https://www.soulier-avocats.com/en/ordinance-of-february-10-2016-for-the-reform-of-french-contract-law-the-principle-of-the-binding-force-of-contracts-is-considerably-undermined-by-the-new-provisions-of-the-french-civil-code/> (Дата обращения: 09.09.2023 г.).

⁵⁸⁰ Будылин С. Реформа французского ГК: Сводка ключевых новелл // Zakon.RU. – URL: https://zakon.ru/blog/2016/3/17/reforma_francuzskogo_gk_svodka_klyuchevyh_novell (Дата обращения: 09.09.2023 г.).

не смогут ограничить или исключить своим соглашением⁵⁸¹. Это ст. 1112-1 Французского гражданского кодекса, согласно которой:

– во-первых, если сторона обладает информацией, имеющей решающее значения для выражения согласия на заключение договора другой стороной, такая сторона должна сообщить об этом контрагенту, если последний не знает и не должен знать эту информацию или исходит из доверия к своему контрагенту;

– во-вторых, такая обязанность по информированию не может касаться оценки стоимости предоставления. Информация будет иметь решающее значение для согласия на заключение договора, если она имеет прямую и необходимую связь с содержанием договора или качеством сторон. Это важная новелла, возможно, ее стоит взять на заметку, поскольку добросовестность в части определения цены или предоставления информации о действительной стоимости товара (услуги, работы и т. д.) является весьма спорным вопросом еще и с учетом того, что контрагенты здесь имеют противоположный интерес. Возможно, закрепление подобного правила и в ГК РФ о том, что информирование о стоимости не относится к обязанностям добросовестного участника переговоров, однако с рядом исключений из него, например, когда речь идет об информировании потребителя или эта обязанность вытекает из существа соответствующего обязательства;

– в третьих, та сторона, которая утверждает, что определенная информация должна была быть ей предоставлена, должна доказать, что другая сторона обязана ей предоставить такую информацию. В этом случае другая сторона должна доказать, что она предоставила данную информацию;

– в-четвертых, кроме ответственности стороны, которая должна была предоставить информацию, невыполнение этой обязанности может повлечь за собой аннулирование договора в соответствии с условиями, предусмотренными в ст. 1130 и последующих⁵⁸².

Таким образом, более или менее конкретно прописаны требования к добросовестности ведения переговоров только в части информирования участниками переговоров друг друга и вопрос распределения бремени доказывания в этой части.

Несмотря на то, что в положениях Гражданского кодекса Франции ничего не сказано о правовой природе преддоговорной ответственности, в Докладе Президенту Франции о реформе договорного права (поправки

⁵⁸¹ Soulier J.-L. Unforeseeability doctrine // Soulier Avocats. – URL: <https://www.soulier-avocats.com/en/ordinance-of-february-10-2016-for-the-reform-of-french-contract-law-the-principle-of-the-binding-force-of-contracts-is-considerably-undermined-by-the-new-provisions-of-the-french-civil-code/> (Дата обращения: 09.09.2023 г.).

⁵⁸² The Civil Code of France (Article 1130) // Légifrance. – URL: <https://www.legifrance.gouv.fr/codes/id/LEGIARTI000032040805/2016-10-01> (Дата обращения: 09.09.2023 г.).

от 10 февраля 2016 года) отмечается, что такая ответственность имеет внедоговорную природу, если только не будет заключено соглашение между участниками переговоров, определяющее их отношения в ходе переговоров⁵⁸³.

В. Величко также отмечает, что после состоявшейся реформы сомнений в деликтном характере ответственности не возникает, и если раньше преддоговорные обязательства по информированию Кассационный суд вынуждено связывал с правилами о договоре купли-продажи (ст. 1134, 1135 и 1615 Гражданского кодекса Франции), то сейчас они закреплены в отдельной статье⁵⁸⁴. Автор обосновывает, что преддоговорная ответственность является деликтной, поскольку она локализована в преддоговорном периоде, и ни один договор не может быть заключен в результате прекращения переговоров, поэтому основанием ответственности является ст. 1240 Гражданского кодекса Франции (а до реформы – ст. 1382)⁵⁸⁵.

Как отмечается в докладе Президенту Республики, если бы был заключен какой-либо предварительный договор во время переговоров или в ожидании их или любой договор, который регламентирует отношения сторон на этапе до заключения основного договора, то нарушение его положений будет влечь договорную ответственность⁵⁸⁶.

Представляется, что в этих случаях как при наличии соглашений о переговорах, так и без них, по сути, речь идет об одном и том же организационно-переговорном отношении, и на его правовую природу не должно влиять, каким способом стороны вступили в эти отношения (заключив отдельный договор или совершив очевидно свидетельствующие о намерении вести переговоры действия). Тем более что такое соглашение будет регулировать не только вопросы возмещения убытков, но и вопросы взаимных обязанностей по добросовестному ведению переговоров, что именно стороны будут считать недобросовестным поведением и т. п.

Как уже отмечалось, до реформы договорного права Франции привлечение к ответственности за нарушения на стадии переговоров осуществлялось по правилам о деликтах.

Статья 1382 Гражданского кодекса Франции закрепляет, что любое действие человека, причиняющее другому вред, обязывает лицо, виновное в

⁵⁸³ Доклад Президенту Республики // Légifrance. – URL: <https://www.legifrance.gouv.fr/affichTexte.do?cidTexte=JORFTEXT000032004539> (Дата обращения: 09.09.2023 г.).

⁵⁸⁴ Величко В. Преддоговорная ответственность во Франции // M-Logos. – URL: http://m-logos.ru/img/Tezis_M-Logos_23052018_V_Velichko.pdf (Дата обращения: 09.09.2023 г.).

⁵⁸⁵ Величко В. Указ. соч.

⁵⁸⁶ Доклад Президенту Республики // Légifrance. – URL: <https://www.legifrance.gouv.fr/affichTexte.do?cidTexte=JORFTEXT000032004539> (Дата обращения: 09.09.2023 г.).

его причинении, этот вред возместить⁵⁸⁷. При этом любое лицо несет ответственность за вред, причиненный им не только в результате его действий, но и в результате его небрежности или неосторожности (ст. 1383 Гражданского кодекса Франции)⁵⁸⁸. Еще в 1883 году Парижский апелляционный суд в соответствии с правилами о деликтах постановил возместить убытки лицу, которое до заключения договора, но в соответствии с предложением своего контрагента понесло расходы на рекламу товара, которым данные лица собирались торговать в будущем. Договор между этими лицами так и не был заключен, а лицо, убедившее в необходимости рекламы и вышедшее из переговоров, открыло собственное дело по распространению уже прорекламированного товара⁵⁸⁹. Очевидно, что такой выход из переговоров будет недобросовестным, поскольку сделанное им предложение о рекламе порождает разумные ожидания контрагента на заключение с ним договора при выполнении условий, а кроме того, участник переговоров недобросовестно воспользовался преимуществами уже разрекламированного другим лицом товара.

М.М. Якубчик пишет, что французские ученые исходили из того, что не существует договорной ответственности в отсутствие договора, поэтому период переговоров остается вне границ договорного права и жертва понесенных убытков должна была обращаться к ст. 1382 Гражданского кодекса Франции⁵⁹⁰.

На сегодняшний день, согласно ст. 1112 Гражданского кодекса Франции, инициатива, продолжение и разрыв переговоров должны в обязательном порядке отвечать требованиям добросовестности. А в случае нарушения этой обязанности будут применяться правила ст. 1240 Гражданского кодекса Франции, согласно которым любой факт причинения вреда, связанный с человеком, который причиняет вред другим, обязывает того, по чьей вине он был причинен, исправить его.

По нашему мнению, законодательное регулирование отношений между участниками переговоров может говорить о наличии между ними именно правовой связанности. При этом, если стороны переговоров будут вести их добросовестно, вопрос о возмещении убытков и не возникнет вовсе. Однако эти новеллы пока не повлияли на французскую правовую доктрину и вряд ли повлияют в обозримом будущем.

Если Германия и Франция отличаются стабильностью взглядов на правовую природу преддоговорной ответственности (соответственно,

⁵⁸⁷ Гражданский кодекс Франции (Кодекс Наполеона) / Пер. с фр. В.Н. Захватаева. – М.: Инфротропик Медиа, 2012. – 624 с.

⁵⁸⁸ Там же.

⁵⁸⁹ Якубчик М.М. *Culpa in contrahendo* и другие доктрины преддоговорной ответственности // Актуальные проблемы гражданского права: сборник работ выпускников РШЧП. – 2012. – Вып. 14. – С. 199-225.

⁵⁹⁰ Там же.

обязательственная природа преддоговорной ответственности или деликтный характер ответственности), то существуют правовые системы, где нет устоявшейся правовой позиции о преддоговорной ответственности.

Например, К.В. Гницевич отмечает, что природа ответственности *culpa in contrahendo* в Италии остается спорной: одни исследователи полагают, что она имеет деликтный характер (Р. Сакко, Р. Нирк), другие высказываются, что данный вид ответственности может быть только договорным (Ф. Беннати, Ф. Мессинео, А.М. Рабелло)⁵⁹¹.

Однако Гражданский кодекс Италии еще с 1942 года детально регламентирует обязанности контрагента по переговорам и ответственность за их нарушение. Согласно ст. 1337 ГК Италии, во время переговоров и при заключении договора (формировании договора) стороны должны вести себя добросовестно (ст. 1366, 1375, 2208)⁵⁹².

Совсем иные принципы в отношении переговоров действуют в англосаксонском праве.

К. Осакве пишет, что в англо-американском праве свобода договора проявляется в том числе в двух таких формах: свобода заключения договора и свобода от договора (свобода от заключения договора на этапе преддоговорных переговоров)⁵⁹³. С. Будылин, например, говорит, что право на выход из переговоров в любое время и по любой причине англичане считают священным⁵⁹⁴. К.В. Гницевич пишет, что принцип «будь осторожен, покупатель», действующий в английском праве, предполагает, что каждый вправе рассчитывать на прибыль, извлекаемую из ошибки партнера⁵⁹⁵.

Таким образом, общее право не возлагает на участников переговоров обязанности вести их добросовестно. Но если обратиться к специальным нормам, то, либо исходя из правил о деликтах, либо основываясь на доктрине права справедливости, убытки, причиненные еще на преддоговорной стадии, могут быть возмещены пострадавшей стороне. Вероятно, что, даже рассчитывая на добросовестное поведение контрагента, участник гражданского оборота не должен забывать о разумной осмотрительности, вступая в договорное

⁵⁹¹ Гницевич К.В. Преддоговорная ответственность в гражданском праве (*culpa in contrahendo*): дис. ... канд. юрид. наук. – СПб., 2009. – С. 81.

⁵⁹² Гражданский кодекс Италии 1942 г. // University of Trento. – URL: http://www.jus.unitn.it/cardoza/Obiter_Dictum/home.html (Дата обращения: 09.09.2023 г.).

⁵⁹³ Осакве К. Свобода договора в англо-американском праве: понятие, сущность и ограничения // Журнал российского права. – 2006. – № 7, 8 – С. 84-93.

⁵⁹⁴ Будылин С. Преддоговорная ответственность в юрисдикциях общего права // M-Logos. – URL: http://www.m-logos.ru/img/Tezis_M-Logos_23052018_S_Budilin2.pdf (Дата обращения: 09.09.2023 г.).

⁵⁹⁵ Гницевич К.В. Преддоговорная ответственность в гражданском праве (*culpa in contrahendo*): дис. ... канд. юрид. наук. – СПб., 2009. – С. 84.

правоотношение. Нельзя сказать, что принцип добросовестности освобождает участников гражданского оборота от необходимости получать и проверять информацию, которая необходима для принятия решения о заключении сделки. Но степень осмотрительности может зависеть от конкретных обстоятельств, например, заключается ли сделка на организованных торгах или на стихийном рынке, между предпринимателями или с гражданином-потребителем. Поэтому принцип «будь осторожен, покупатель» в какой-то части может быть востребован и для нашего правопорядка.

А.Н. Кучер отмечает, что в англо-американском праве преддоговорная ответственность связывается с нарушением специального обещания. В ходе переговоров одна из сторон может дать обещание, подтверждающее ее намерение заключить договор, рассчитывая на которое вторая сторона произведет определенные расходы. Если первая сторона знает, что вторая, полагаясь на обещание, произведет расходы, то обещавшая сторона не вправе прервать переговоры, не возместив указанные расходы⁵⁹⁶.

Как отмечалось судом в деле *James Baird Co. v. Gimbel Bros.* (1933), доктрина «особого обещания» существует для того, чтобы ограничить возможность дающего обещание отказаться от него, если тот, кому было дано это обещание, действовал, полагаясь на него⁵⁹⁷.

Эта доктрина «эстоппеля из обещания» нашла свое законодательное закрепление. М.М. Якубчик пишет, что статья 90 Второго свода договорного права США закрепляет, что обещание, которое по разному пониманию обещавшего лица подвигнет вторую сторону к совершению действия или воздержанию от действия существенного и определенного характера и которое действительно имело такие последствия, является юридически обязательным, если несправедливость может быть устранена только исполнением такого обещания⁵⁹⁸.

Таким образом, особое обещание юридически связывает стороны при условии, если оно побуждает их к разумному и ожидаемому исполнению такого обещания.

С. Будаев приводит еще один вид эстоппеля – «вещный эстоппель» (*proprietary estoppel*), согласно этой доктрине, если собственник имущества (обычно недвижимого) дает понять контрагенту, что тот приобретет вещное право на это имущество, и последний, полагаясь на это, изменит позицию к своей невыгоде, а собственник потом от своих слов откажется, то суд может

⁵⁹⁶ Кучер А.Н. Теория и практика преддоговорного этапа: юридический аспект. – М.: Статут, 2005. – С. 239.

⁵⁹⁷ Якубчик М.М. *Culpa in contrahendo* и другие доктрины преддоговорной ответственности // Актуальные проблемы гражданского права: сборник работ выпускников РШЧП 2009 года. – Вып. 14. – М.: Статут, 2012. – С. 209.

⁵⁹⁸ Там же. – С. 210.

принять меры для устранения несправедливости, включая даже передачу имущества потерпевшему⁵⁹⁹.

Получается, что, даже не закрепляя общей обязанности действовать добросовестно, а, напротив, при действии противоположного принципа «покупатель, будь осторожен», так или иначе американское право защищает добросовестную сторону переговоров от существенного злоупотребления правом на стадии переговоров в виде обмана партнера в надежности данного обещания или в отношении по заключению определенной категории сделок (фидуциарный договор, продажа товаров по образцам). Постольку, поскольку в указанных случаях стадия переговоров и (или) поведение партнера таковы, что создается обоснованная уверенность в заключении договора и (или) в заключении договора на определенных условиях, такому договору может быть придана юридическая сила.

В Британии доктрина «особого обещания» известна как квазиэстоппель. М.М. Якубчик пишет, что до того как эта доктрина была принята в Британии, практика этой страны использовала институт неосновательного обогащения для защиты сторон на преддоговорной стадии⁶⁰⁰.

Между этими теориями («эстоппель из обещания» и квазиэстоппель) есть существенное различие. Как отмечает М.М. Якубчик, если в американском праве можно говорить о доктрине «особого обещания», то в британском – о «возражении, основанном на "особом обещании"»⁶⁰¹.

Как пишет С. Будылин, в США, в отличие от Англии, эстоппель из обещания может быть самостоятельным основанием иска пострадавшей стороны⁶⁰², то есть самостоятельным способом защиты, а в Англии получается, что эстоппель из обещания может быть только ответным способом на требования со стороны недобросовестного переговорщика.

С. Будылин, как и М.М. Якубчик, говорит о возможности использования в преддоговорных отношениях правил о неосновательном обогащении. По словам автора, в определенных ситуациях в качестве оружия против недобросовестной стороны переговоров может использоваться относительно новая для английского права доктрина «реституции несправедливого обогащения» (*restitution of unjust enrichment*)⁶⁰³.

⁵⁹⁹ Будылин С. Преддоговорная ответственность в юрисдикциях общего права // М-Logos. – URL: http://www.m-logos.ru/img/Tezis_M-Logos_23052018_S_Budilin2.pdf (Дата обращения: 09.09.2023 г.).

⁶⁰⁰ Якубчик М.М. *Culpa in contrahendo* и другие доктрины преддоговорной ответственности // Актуальные проблемы гражданского права: сборник работ выпускников РШЧП 2009 года. – Вып. 14. – М.: Статут, 2012. – С. 214.

⁶⁰¹ Там же.

⁶⁰² Будылин С. Преддоговорная ответственность в юрисдикциях общего права // М-Logos. – URL: http://www.m-logos.ru/img/Tezis_M-Logos_23052018_S_Budilin2.pdf (Дата обращения: 09.09.2023 г.).

⁶⁰³ Там же.

Как мы видим, природа преддоговорной ответственности в разных правопорядках определяется по-разному. Но независимо от того, закреплен ли законодательно принцип добросовестности, признается ли он судебной практикой или действует принцип «будь осторожен, покупатель», убытки, причиненные на преддоговорном этапе на стороне добросовестного участника переговоров, исходя из требования справедливости, будут подлежать возмещению.

Существуют не только две противоположные теории о преддоговорной ответственности: ответственность за нарушение особого обязательства, возникающего из переговоров (такая ответственность носит договорный характер), или ответственность за деликт (до причинения убытков между участниками переговоров нет правоотношения, за исключением случаев, когда стороны заключили соглашение о переговорах), но и обосновывается применение института неосновательного обогащения для защиты интересов добросовестного участника переговоров или применяется так называемая доктрина «нарушения доверия», «эстоппель», соглашение о неразглашении конфиденциальной информации и т. д.

И, так или иначе, правопорядки разных стран предусматривают негативные последствия для недобросовестно ведущей переговоры стороны. При этом эти негативные последствия зависят от того, какая теория положена в основу преддоговорной ответственности, в связи с чем эти последствия могут заключаться как в возмещении негативного, так и позитивного интереса, вплоть до признания силы подобного рода договорам. Весь этот богатейший опыт может быть использован для создания наиболее эффективной системы санкций на преддоговорном этапе в нашем законодательстве.

Необходимо отметить, что при разработке правил ГК РФ о переговорах уже учитывался опыт других стран, но на наш взгляд, законодатель постарался сохранить нейтралитет в определении правовой природы, позволив судебной практике и доктрине развивать заложенные в законодательстве идеи.

Правила ст. 434.1 ГК РФ начинаются с уточнения принципа свободы договора применительно к переговорам и закрепляют общее правило, что граждане и юридические лица свободны в проведении переговоров о заключении договора, самостоятельно несут расходы, связанные с их проведением, и не отвечают за то, что соглашение не достигнуто (п. 1 указанной нормы). Следующий пункт указанной статьи уже конкретизирует принцип добросовестности. В целом, следуя общедозволительному характеру метода гражданско-правового регулирования, законодатель устанавливает свободу ведения переговоров, не ограничивает возможность ведения переговоров сразу с несколькими контрагентами и оставляет риски, связанные с недостижением успеха в переговорах, за каждым из их участников, устанавливая лишь

обязанность вести переговоры добросовестно. Пунктом 3 ст. 434.1 ГК РФ установлено, что сторона, которая ведет или прерывает переговоры о заключении договора недобросовестно, обязана возместить другой стороне причиненные этим убытки. Убытками, подлежащими возмещению недобросовестной стороной, признаются расходы, понесенные другой стороной в связи с ведением переговоров о заключении договора, а также в связи с утратой возможности заключить договор с третьим лицом.

Теоретическое осмысление положений ГК РФ о преддоговорной ответственности, а также использование богатого зарубежного опыта позволяет утверждать, что могут быть выдвинуты как минимум две противоположных теории:

– внедоговорный характер отношений и деликтный характер ответственности, означающий, что ответственность возникает в связи с причинением вреда (следовательно, субсидиарно будут применяться нормы о деликте);

– преддоговорная ответственность связана с нарушением особого преддоговорного обязательства, содержанием которого является обязанность добросовестного поведения на этапе переговоров (тогда субсидиарно применяются общие положения об обязательствах).

Можно привести доводы в пользу обеих позиций. Например, об обязательственной природе преддоговорных отношений говорит и место в ГК РФ самой нормы о ведении переговоров и преддоговорной ответственности. Закрепление обязанности вести себя добросовестно, вступая в переговоры, может уже свидетельствовать о законодательном регулировании самой стадии переговоров, а не только об урегулировании вопросов, связанных с возмещением убытков. Сторонником этой точки зрения является, например, А. Хвоцинский, автор задается вопросом о возможности признать существование подразумеваемого договора о переговорах⁶⁰⁴.

В основу доводов в пользу деликтного характера преддоговорной ответственности может быть положен названный в ст. 434.1 ГК способ определения убытков: защите подлежит только негативный интерес, стороны должны быть приведены в первоначальное положение, что, конечно же, характерно для возмещения внедоговорного вреда. И уже есть авторы, поддерживающие эту позицию⁶⁰⁵. Обосновать внедоговорный характер ответственности за нарушение переговоров можно и на основании теории

⁶⁰⁴ Хвоцинский А. В поисках договора о переговорах // Бизнес-адвокат. – 2000. – № 1.

⁶⁰⁵ Разъяснения Верховного Суда РФ об ответственности за нарушение обязательств (2016) / Юридическая фирма «Гольцблат БЛП», Практика по разрешению споров, Интеллектуальная собственность, Коммерческая практика, Проекты // СПС «КонсультантПлюс». – URL: <https://www.consultant.ru/> (Дата обращения: 09.09.2023 г.).

существования обязанностей вне правоотношения⁶⁰⁶. Суть этой теории заключается в том, что обязанность вести себя добросовестно установлена самим законом и существует для всех участников гражданского оборота. За нарушение этой обязанности закон предусматривает меру ответственности – возмещение убытков.

В то же время Е.А. Крашенинников, Ю.В. Байгушева высказали «промежуточную» теорию: преддоговорную ответственность нельзя квалифицировать ни в качестве деликтной ответственности, ни в качестве договорной ответственности, при этом, поскольку в основании возникновения ответственности за culpa in contrahendo лежит нарушение обязанности, которая, так же как и договорная обязанность, связывает поименно определенных лиц и возникает в результате совершения ими правомерных волевых действий, к этой ответственности могут применяться по аналогии предписания о договорной ответственности⁶⁰⁷. Таким образом, по мнению авторов, этот вид ответственности напрямую нельзя отнести ни к деликтной, ни к договорной, но все же она ближе к договорной ответственности, раз авторы рассматривают возможность применения именно этих норм по аналогии.

Выводы. Объемы статьи не позволяют остановиться более детально на анализе преддоговорных отношений. Но, исходя из доктринального понятия обязательства, характеристики преддоговорных связей (персонификация участников переговоров, проявление воли на вступление в переговоры), можно сделать вывод о том, что эти отношения, во-первых, регулируются правом, во-вторых, являются не просто правоотношением, а обязательством. Основанием возникновения такого обязательства являются определенные действия партнеров по переговорам. В таком качестве может быть рассмотрено любое действие, которое достаточно определено и выражает намерение лица считать себя ведущим переговоры с адресатом, который совершит в ответ такое же достаточно определенное действие.

Указанные характеристики позволяют сделать вывод, что преддоговорная ответственность связана с нарушением особого преддоговорного обязательства, содержанием которого является обязанность добросовестного поведения на этапе переговоров. Это означает, что при недостаточности правил ст. 434.1 ГК РФ нужно будет применять общие положения ГК РФ об обязательствах.

⁶⁰⁶ Генкин Д.М. Право собственности как абсолютное субъективное право // Советское государство и право. – 1958. – № 6. – С. 97.

⁶⁰⁷ Крашенинников Е.А., Байгушева Ю.В. Обязанности при ведении преддоговорных переговоров // Вестник ВАС РФ. – 2013. – № 6. – С. 85.

§ 9. Вопросы развития законодательства в сфере интеллектуальной собственности Российской Федерации и Франции

Введение. Значение влияния законодательства в сфере интеллектуальной собственности на развитие научно-технического прогресса, творческой деятельности в РФ трудно переоценить. В этой связи очень важен как вклад представителей Российской академии наук (далее – РАН) в создание результатов интеллектуальной деятельности в разных сферах и их использование, так и разработки академической школы гражданского права РАН. Благодаря научным разработкам академической школы, работам ее ученых⁶⁰⁸ обеспечивается потенциал для дальнейшего развития как науки права интеллектуальной собственности, так и законодательства и правоприменения в этой сравнительно новой сфере гражданского права.

За последние годы (после принятия изменений в 2014 г. в рамках реформы ГК РФ, которыми были затронуты большинство институтов права интеллектуальной собственности⁶⁰⁹) изменения в часть четвертую ГК РФ вносились около двадцати раз, начиная от усиления контроля в части коллективного управления авторскими и смежными правами⁶¹⁰ и заканчивая новеллами правового режима результатов интеллектуальной деятельности, созданных при выполнении государственного или муниципального контракта⁶¹¹. Важное значение имеют и постановления Конституционного Суда Российской Федерации, в том числе в части признания норм не в полной мере соответствующими Конституции РФ⁶¹² и в связи с этим требующими внесения

⁶⁰⁸ Яковлев В.Ф. Избранные труды. Т. 2: Гражданское право: история и современность. Кн. 1. – М.: Статут, 2012. – 976 с., Яковлев В.Ф. Интервью. Законодательство об интеллектуальной собственности кодифицировано! // ЭЖ-Юрист. – 2007. – № 1; Яковлев В.Ф., Маковский А.Л. О четвертой части Гражданского кодекса России // Журнал российского права. – 2007. – № 2 (122). – С. 3-13.

⁶⁰⁹ Федеральный закон от 12.03.2014 № 35-ФЗ «О внесении изменений в части первую, вторую и четвертую Гражданского кодекса Российской Федерации и отдельные законодательные акты Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. – 2014. – № 11. – Ст. 1100.

⁶¹⁰ Федеральный закон от 14.11.2017 № 319-ФЗ «О внесении изменений в часть четвертую Гражданского кодекса Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. – 2017. – № 47. – Ст. 6845.

⁶¹¹ Федеральный закон от 22.12.2020 № 456-ФЗ «О внесении изменений в части вторую и четвертую Гражданского кодекса Российской Федерации и признании утратившими силу законодательных актов (отдельных положений законодательных актов) Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. – 2020. – № 52 (Часть I). – Ст. 8602.

⁶¹² См., например, постановления Конституционного Суда РФ от 13.02.2018 № 8-П «По делу о проверке конституционности положений пункта 4 статьи 1252, статьи 1487 и пунктов 1, 2 и 4 статьи 1515 Гражданского кодекса Российской Федерации в связи с жалобой общества с ограниченной ответственностью "ПАГ"» // Собрание законодательства РФ. – 26.02.2018. – № 9. – Ст. 1435; от 13.12.2016 № 28-П «По делу о проверке конституционности подпункта 1 статьи 1301, подпункта 1 статьи 1311 и

соответствующих изменений. Не последнюю роль играют в развитии правового регулирования отношений в сфере интеллектуальной собственности и вопросы международного характера. За прошедшие годы РФ стала участницей Женевского акта Лиссабонского соглашения о защите указаний места происхождения изделий их международной регистрации (Лиссабон, 31 октября 1958 года)⁶¹³, Марракешского договора об облегчении доступа слепых и лиц с нарушениями зрения или иными ограниченными способностями воспринимать печатную информацию к опубликованным произведениям (Марракеш, 27 июня 2013 года)⁶¹⁴, Женевского акта Гаагского соглашения о международной регистрации промышленных образцов (Женева, 2 июля 1999 года)⁶¹⁵ и других международных договоров.

Основное исследование. Включение в ГК РФ Федеральным законом от 26.07.2019 № 230-ФЗ «О внесении изменений в часть четвертую Гражданского кодекса Российской Федерации и статьи 1 и 23.1 Федерального закона "О государственном регулировании производства и оборота этилового спирта, алкогольной и спиртосодержащей продукции и об ограничении потребления (распития) алкогольной продукции"»⁶¹⁶ норм о географических указаниях создало предпосылки к присоединению с 31 декабря 2022 года Российской Федерации к Женевскому акту Лиссабонского соглашения о наименованиях мест происхождения и географических указаниях, предусматривающим, что обладатели исключительного права на наименования мест происхождения товаров и географических указаний получают возможность испрашивать охрану в нескольких странах путем подачи одной заявки на одном

подпункта 1 пункта 4 статьи 1515 Гражданского кодекса Российской Федерации в связи с запросами Арбитражного суда Алтайского края» //Собрание законодательства РФ. – 26.12.2016. – № 52 (Часть V). – Ст. 7729; от 24.07.2020 № 40-П «По делу о проверке конституционности подпункта 2 пункта 4 статьи 1515 Гражданского кодекса Российской Федерации в связи с запросом Пятнадцатого арбитражного апелляционного суда» // Собрание законодательства РФ. – 2020. – № 32. – Ст. 5362 и др.

⁶¹³ Распоряжение Правительства РФ от 28.04.2015 № 748-р «Об участии делегации Российской Федерации в качестве наблюдателя в Дипломатической конференции по принятию нового акта Лиссабонского соглашения об охране наименований мест происхождения и их международной регистрации»// Собрание законодательства РФ. – 04.05.2015. – № 18. – Ст. 2761.

⁶¹⁴ Федеральный закон от 05.12.2017 № 369-ФЗ «О присоединении Российской Федерации к Марракешскому договору об облегчении доступа слепых и лиц с нарушениями зрения или иными ограниченными способностями воспринимать печатную информацию к опубликованным произведениям» // Собрание законодательства РФ. – 2017. – № 50 (Часть III). – Ст. 7540.

⁶¹⁵ Федеральный закон от 03.04.2017 № 55-ФЗ «О ратификации Женевского акта Гаагского соглашения о международной регистрации промышленных образцов» // Собрание законодательства РФ. – 2017. – № 15 (Часть I). – Ст. 2130.

⁶¹⁶ Собрание законодательства РФ. – 2019. – № 30. – Ст. 4132.

языке (через Роспатент в Международное бюро ВОИС, которое регистрирует указание в международном реестре и передает информацию об этом другим национальным ведомствам), что позволяет снизить издержки при международной регистрации. Согласно ст. 8 Женевского акта Лиссабонского соглашения о наименованиях мест происхождения и географических указаниях⁶¹⁷ (далее – Женевский акт), международная регистрация действует бессрочно при том понимании, что необходимость в охране зарегистрированного наименования места происхождения или географического указания отпадает, если наименование, образующее наименование места происхождения, или указание, образующее географическое указание, более не охраняется в Договаривающейся стороне происхождения.

На начало 2022 года Женевский акт насчитывал 36 участников: так, Европейский союз участвует в нем с 26 февраля 2020 года, а Франция – с 21 апреля 2021 года. Франция по праву может считаться одной из первых стран, где «зародился» институт географических указаний. «Традиция использования географического указания происхождения продукции в странах Европы происходит еще с XV в., когда был утвержден декрет французского парламента, который регламентировал производство сыра рокфор»⁶¹⁸. Францию иногда именуют «движущей силой Лиссабонского соглашения, ...с ее шампанским, коньяком, камамбером и фуа-гра»⁶¹⁹. В настоящее время основным законом в сфере интеллектуальной собственности Франции является Кодекс интеллектуальной собственности (Закон № 92-597 от 1 июля 1992 года с последними изменениями, внесенными Законом № 2020-1674 от 24 декабря 2020 г. о программировании исследований на период с 2021 по 2030 год, устанавливающий различные положения, касающиеся исследований и высшего образования), состоящий из законодательной и регуляторной частей (в последней приводятся разъяснения отдельных положений законодательной части). Кодифицированный характер роднит его с российским законодательством, однако, в отличие от российского ГК РФ, французский Кодекс не включает в себя общую и особенную части, кроме того, спецификой Кодекса об интеллектуальной собственности Франции является и его межотраслевой характер, поскольку в его состав входят положения не только гражданского, но и уголовного и административного, а также процессуального законодательства.

⁶¹⁷ Geneva Act of the Lisbon Agreement on Appellations of Origin and Geographical Indications and Regulations Under the Geneva Act of the Lisbon Agreement // WIPO. – URL: https://www.wipo.int/edocs/pubdocs/en/wipo_pub_239.pdf (Дата обращения: 05.09.2023 г.).

⁶¹⁸ Андрощук Г.А. Вино раздора, или Бесконечный спор о Токайском регионе // ИС. Промышленная собственность. – 2017. – № 4. – С. 59-68.

⁶¹⁹ Гаврилов Э.П. Как надо защищать наименования мест происхождения товаров и географические указания // Патенты и лицензии. – 2017. – № 5. – С. 9-14.

Законодательство о географических указаниях Франции представлено отдельным разделом Кодекса интеллектуальной собственности (раздел II том VII, состоящий из 2 глав), в соответствии со ст. L.721-2 которого географическое указание представляет собой название географического района или конкретного места, используемого для обозначения продукта, отличного от сельскохозяйственного, лесного, продовольственного или морского, происходящего там и имеющего особое качество, репутацию или другие характеристики, которые связаны с этим географическим объектом.

В соответствии с новой статьей L.722-1 для целей применения настоящей главы под географическим указанием понимаются:

- 1) наименования мест происхождения, определенные в статье L.115-1 Кодекса потребителей;
- 2) географические указания, определенные в статье L.721-2;
- 3) наименования мест происхождения и географические указания, охраняемые законодательством Европейского союза.

Таким образом, географические указания охватывают наименования места происхождения товара, охраняемые на уровне законодательства как Франции, так и стран Европейского союза. Такое соотношение в некотором смысле характерно и для российского законодательства. В соответствии с п. 3 ст. 1516 ГК РФ правила Кодекса о географических указаниях применяются к наименованиям мест происхождения товаров, если иное не установлено настоящим Кодексом.

Особенности защиты исключительного права на географическое указание предусмотрены в главе, посвященной судебным процедурам. Нарушением исключительного права на географическое указание является в соответствии со ст. L.722-1 Кодекса интеллектуальной собственности любое нарушение охраны, предоставленной географическому указанию законодательством Европейского союза или национальным законодательством, выраженное в производстве, предложении, продаже, размещении на рынке, импорте, экспорте, переработке, использовании или хранении для этих целей товаров, представление которых наносит или может нанести ущерб. Меры защиты прав на географические указания, предусмотренные французским Кодексом, весьма разнообразны и включают в себя как материально-правовые, так и процессуальные, вплоть до предварительных обеспечительных мер (ст. L.722-3). Французское законодательство не предусматривает взыскание компенсации, как это определено в п. 2 ст. 1537 ГК РФ, но при этом при определении размера ущерба суд учитывает: негативные экономические последствия контрафакции, в том числе упущенную выгоду и ущерб, нанесенный пострадавшей стороной; моральный ущерб, нанесенный последнему; прибыль, полученную нарушителем, включая экономию интеллектуальных,

материальных и рекламных инвестиций, которую последний получил от подделки. Однако суд может в качестве альтернативы и по требованию потерпевшей стороны присудить единовременную сумму в качестве возмещения убытков. Эта сумма не исключает возмещения морального вреда, причиненного потерпевшему (ст. L.722-6).

Многие положения законодательства об авторских, смежных, патентных правах, правах на средства индивидуализации совпадают с российским, учитывая, что Франция, как и Российская Федерация, состоит практически во всех международных договорах в сфере интеллектуальной собственности. В то же время можно выделить и некоторые различия, которые связаны со спецификой права Европейского союза, который наложил свой отпечаток и на Кодекс интеллектуальной собственности.

Так, например, ст. L.113-10 французского Кодекса определяет правовой режим сиротских произведений⁶²⁰. Директива № 2012/28/ЕС Европейского парламента и Совета Европейского союза «Об определенном разрешенном использовании произведений, не определяемых по субъекту авторского права» (далее – Директива № 2012/28/ЕС) содержит определенные правила использования произведений, не определяемых по субъекту авторского права публичными библиотеками, образовательными учреждениями, а также архивами, институтами кино- и аудионаследия и организациями публичного телерадиовещания, расположенными в государствах-членах ЕС, для достижения поставленных перед ними общественно-значимых целей. В соответствии с Кодексом интеллектуальной собственности сиротское произведение – это охраняемое и обнародованное произведение, правообладатель которого не может быть идентифицирован или найден, несмотря на тщательное, проверенное и серьезное исследование. Когда произведение имеет более одного правообладателя и один из этих правообладателей установлен и найден, оно не считается бесхозным. Глава V первой книги предусматривает специальные положения, касающиеся определенных видов использования произведений, авторы которых неизвестны (статьи L.135-1-L.135-7), т. е. являются сиротскими, и введенные Законом № 2015-195 от 20 февраля 2015 г. о различных положениях по адаптации к законодательству Европейского союза в области литературной и художественной собственности и культурного наследия, принятого на основе Закона № 2012-287 от 2 марта 2012 г. «О цифровом использовании недоступных книг XX века». Так, к сиротским произведениям относятся произведения, изданные в виде книг, журналов, газет, журналов или

⁶²⁰ Article L.113-10 of the Intellectual Property Code of France // Légifrance. – URL: https://www.legifrance.gouv.fr/codes/article_lc/LEGIARTI000025433168#:~:text=L'%C5%93uvre%20orpheline%20est%20une,recherches%20diligentes%2C%20av%C3%A9r%C3%A9es%20et%20s%C3%A9rieuses (Дата обращения: 05.09.2023 г.).

других произведений, входящих в состав коллекций общедоступных библиотек, музеев, архивов, учреждений, хранящих кинематографическое или звуковое наследие, или учебных заведений, за исключением фотографий и неподвижных изображений, которые существуют как самостоятельные произведения, а также аудиовизуальные или звуковые произведения, входящие в состав этих коллекций или произведенные организациями общественного вещания до 1 января 2003 года и являющиеся частью их архивов. В то же время Директива № 2012/28/ЕС не делает исключений для фотографий и неподвижных изображений, учитывая, что значительная часть сиротских произведений во многих странах Европы представляет собой фотографии, авторов которых установить достаточно проблематично. В соответствии с Директивой организации (общедоступные библиотеки, образовательные учреждения и музеи, архивы, фильмо- и аудиофонды, организации общественного вещания, учрежденные в государствах ЕС) вправе использовать сиротские произведения путем сообщения для всеобщего сведения, их воспроизведения с помощью оцифровки, доступности, индексации, помещения в каталог, сохранения или восстановления, в том числе с получением дохода. Если обнаружится автор сиротского произведения в период действия исключительных прав, он может прекратить указанный правовой режим произведения и получить соответствующую компенсацию за весь период использования произведения до прекращения режима сиротского.

В приложении к Директиве упоминается минимальный перечень реестров, которые создаются для произведений или фонограмм и определяются каждым государством – членом ЕС по результатам консультаций с правообладателями и пользователями. Например, в отношении опубликованных книг – это база информационного органа, депонирующего произведения, библиотечные каталоги и реестры авторов, которые ведут библиотеки и иные учреждения, ассоциации издателей и авторов в соответствующей стране, существующие базы данных и реестры, WATCH (писатели, художники/артисты и владельцы прав) и др.⁶²¹

В Российской Федерации пока не определены механизмы решения проблем произведений, автора которых невозможно установить. Для целей определения правового режима «сиротских произведений» необходимо разграничивать те произведения, в отношении которых невозможно определить автора, например, многие фотографии, автор которых неизвестен, и произведения, автор которых определен, но его местонахождение установить невозможно. Применительно к первым есть вероятность того, что эти

⁶²¹ Рузакова О.А., Гринь Е.С. Применение технологии blockchain к систематизации результатов интеллектуальной деятельности // Вестник Пермского университета. Юридические науки. – 2017. – № 4. – С. 508-520.

произведения стали общественным достоянием и, соответственно, могут быть использованы без согласия правообладателя и выплаты вознаграждения. В отношении вторых можно было бы использовать механизм признания гражданина безвестно отсутствующим, однако это, вероятно, достаточно сложная процедура на фоне необходимости и целесообразности использования авторских произведений. В Методических рекомендациях по отнесению архивных документов к объектам авторского и смежных прав, доступу и порядку использования таких документов, утвержденных Росархивом⁶²², «сиротское произведение» определено как произведение, охраняемое авторским правом, но при этом автора данного произведения невозможно идентифицировать, а любое использование «сиротского произведения» влечет за собой определенный риск, поскольку автор или иной правообладатель может объявиться и обратиться в суд по факту нарушения авторских и смежных прав.

Очевидно, что наиболее эффективным способом было бы создание базы данных о произведениях с неустановленным правообладателем по аналогии с европейской Orphan Works Database⁶²³, а также использование возможностей организаций по коллективному управлению правами, в том числе аккредитации в части управления правами на «сиротские произведения».

Важные изменения в российском законодательстве об интеллектуальной собственности последних лет коснулись и прав авторов на произведения изобразительного искусства. Согласно Федеральному закону от 5 декабря 2017 года № 381-ФЗ «О внесении изменения в статью 1293 части четвертой Гражданского кодекса Российской Федерации» был расширен перечень случаев, при которых автор реализует право следования – автор оригинала произведения изобразительного искусства приобретает право на получение вознаграждения при каждой перепродаже оригинала произведения, в которой юридическое лицо или индивидуальный предприниматель участвуют не только в качестве посредника, но и в качестве продавца или покупателя. Кодекс интеллектуальной собственности Франции (ст. L.122-8)⁶²⁴ в редакции Постановления № 2016-1823 от 22 декабря 2016 г. достаточно подробно регулирует право перепродажи (по российскому законодательству – право следования), которое распространяется на граждан

⁶²² Методические рекомендации по отнесению архивных документов к объектам авторского и смежных прав, доступу и порядку использования таких документов (утв. Росархивом) // СПС «КонсультантПлюс». – URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_299006/ (Дата обращения: 05.09.2023 г.).

⁶²³ Дмитриева Г.К., Луткова О.В. Национальные механизмы регулирования трансграничных авторских отношений, объектом которых являются сиротские произведения // Lex russica. – 2019. – № 11. – С. 18-29.

⁶²⁴ Article L.122-8 of the Intellectual Property Code of France // Légifrance. – URL: https://www.legifrance.gouv.fr/codes/article_lc/LEGIARTI000006278924/1994-05-11#:~:text=Les%20auteurs%20d'oeuvres%20graphiques,interm%C3%A9diaire%20d'un%20commer%C3%A7ant (Дата обращения: 05.09.2023 г.).

Европейского союза в аналогичных сделках, когда в качестве продавца, покупателя или посредника выступает профессионал на рынке искусства. В порядке отступления это право не применяется, если продавец приобрел произведение непосредственно у автора менее чем за три года до продажи и цена продажи не превышает 10 000 евро. В регуляторной части Кодекса Франции разъяснено, на какие произведения распространяется право перепродажи. В соответствии со ст. R.122-3 под оригинальными графическими или пластическими произведениями понимаются картины, аппликации, другие произведения живописи, рисунки, гравюры, эстампы, литографии, скульптуры, гобелены, керамика, посуда, фотографии и пластические произведения на аудиовизуальном или цифровом носителе, что значительно шире перечня, на который распространяется «российское право следования». Кроме того, право перепродажи несколько более подробно регламентируется, чем право следования. Право перепродажи является обязанностью продавца. Ответственность за его оплату лежит на профессионале, участвующем в продаже, и, если передача происходит между двумя профессионалами, – на продавце. Названные лица должны предоставить автору или организации по коллективному управлению правом перепродажи всю информацию, необходимую для расчета сумм, причитающихся по праву перепродажи, в течение трех лет.

Праву промышленной собственности во французском Кодексе интеллектуальной собственности посвящена часть вторая законодательной части, состоящая из четырех томов и охватывающая административные и профессиональные организации, промышленные образцы, охрану изобретений и технических знаний, товарные знаки, знаки обслуживания и другие отличительные обозначения, географические указания, применение на зарубежных территориях и на Майотте.

Последние изменения в законодательстве о промышленной собственности Франции и РФ связаны с присоединением к международным договорам. Так, 2 октября 2017 года вступил в силу Федеральный закон № 55-ФЗ «О ратификации Женевского акта Гаагского соглашения о международной регистрации промышленных образцов»; само соглашение предусматривает механизм получения, поддержания и управления правами на промышленные образцы в государствах – членах Гаагского союза посредством подачи одной международной заявки в Международное бюро Всемирной организации интеллектуальной собственности. На основании заявки осуществляется одна международная регистрация, имеющая силу в каждом государстве – члене. Женевский акт был подписан еще в июле 1999 года, участниками Женевского акта являются более 50 государств и их объединений, в том числе Европейский союз и его участники, включая Францию. Кроме того, в части совершенствования законодательства о промышленных образцах и защиты прав модельеров и других лиц творческих профессий в 2019 года Федеральным законом от

27.12.2018 № 549-ФЗ «О внесении изменений в часть четвертую Гражданского кодекса Российской Федерации»⁶²⁵ были введены положения об отсроченной публикации заявки на промобразец и его временной правовой охране. Временная правовая охрана действует с момента публикации сведений о заявке, осуществляемой по заявлению правообладателя до даты публикации сведений о выдаче патента. После того как патент будет выдан, лица, которые использовали промышленный образец в период временной правовой охраны, должны уплатить компенсацию. При принятии названного закона учитывался во многом опыт Европейского союза в целом и Франции в частности, который определяет две системы охраны промышленных образцов: путем регистрации и предоставления 5-летней охраны промышленного образца с возможностью продления до 25 лет. Вторая система охраны промышленных образцов действует в отношении незарегистрированных объектов и была создана специально для тех промышленных образцов, которые пользуются спросом довольно ограниченный период времени (быстро устаревающие морально, коммерческая жизнь которых достаточно коротка). С этой целью незарегистрированным промышленным образцам, ставшим общедоступными на территории ЕС, предоставляется правовая охрана без выполнения каких-либо формальностей, а также без уплаты пошлин одновременно на территории всех 15 стран ЕС. При этом первое раскрытие информации о промышленном образце должно произойти в пределах территории Европейского союза⁶²⁶.

Кодекс интеллектуальной собственности Франции также закрепляет деление режимов охраны промышленных образцов на полную и упрощенную. Согласно ст. L.512-1 Кодекса интеллектуальной собственности, в упрощенном режиме промышленный образец охраняется в течение трех лет посредством отсрочки его публикации в официальном бюллетене промышленной собственности. Если заявитель желает получить полную общепринятую охрану, он сообщает о своем желании опубликования за 6 месяцев до истечения 3-летнего срока. Позитивный момент данного законодательного решения состоит в том, что заявителю по истечении указанного 3-летнего срока предоставляется возможность решить вопрос о необходимости последующей правовой защиты. Такой режим соответствует сезонному характеру сферы модной индустрии. В большинстве зарубежных стран действует специальный режим охраны изделий дизайна, о чем свидетельствует прежде всего опыт Франции как первой страны, предоставившей модельерам специальную защиту их прав⁶²⁷.

⁶²⁵ Собрание законодательства РФ. – 2018. – № 53 (часть I). – Ст. 8475.

⁶²⁶ Фабричный С.Ю., Рузакова О.А. Новеллы законодательства о промышленных образцах // Патенты и лицензии. – 2019. – № 2. – С. 12-19.

⁶²⁷ Гринь Е.С. Отдельные вопросы использования результатов творческого труда в составе сложных объектов интеллектуальных прав // Lex russica. – 2018. – № 10. – С. 50.

Выводы. Таким образом, законодательство РФ и Франции имеют определенные сходства в регулировании большинства отношений, объектом которых выступают результаты интеллектуальной деятельности и средства индивидуализации, в частности, промышленные образцы, географические указания. Присоединение РФ к международным договорам и изучение опыта зарубежных стран в регулировании названных отношений создает преимущества для российских производителей, приобретения известности для российских «брендов», производителей промышленной продукции, упрощения обеспечения их охраны за рубежом, а также создания новых возможностей для экономического развития регионов страны.

Учитывая близость правовых систем РФ и Франции и уровень кодификации в части регулирования отношений в сфере защиты интеллектуальных прав, дальнейшее взаимное изучение институтов интеллектуальной собственности и заимствование положительного опыта законодательства и правоприменения обеих стран, в частности, в сфере охраны произведений с неустановленным правообладателем, изделий дизайна как промышленных образцов и др., представляется вполне оправданным.

§ 10. Роль уральской школы трудового права в развитии советской и современной науки

Введение. Понятие «научная школа» является неоднозначным. Во-первых, под ней понимают институциональное оформление системы научных позиций, а также научного сообщества, которое придерживается данных позиций в определенной научной области, формирующихся под влиянием их лидеров, масштаб эрудиции, круг интересов и уникальность стиля работы которых обладают важнейшим значением в привлечении последователей⁶²⁸. Во-вторых, значительное число ученых понимает научную школу как группу ученых, объединенных в решении научных проблем едиными методологическими подходами; как процесс разработки исследовательской программы и выбора способов разрешения научных проблем; как способ подготовки новых ученых, повышения их квалификации⁶²⁹. Также научная школа в узком значении понимается как исследовательский коллектив⁶³⁰. Помимо этого,

⁶²⁸ Кванина В.В. Понятие и признаки научной школы // Вестник университета имени О.Е. Кутафина. – 2016. – № 11 (27). – С. 38

⁶²⁹ Аронов Д.В. Научная (научно-педагогическая, творческая) школа в системе российского высшего образования // Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. Гуманитарные науки. – 2014. – № 2 (30). – С. 243

⁶³⁰ Ярошевский М.Г. Логика развития науки и научная школа // Школы в науке / Под ред. С.Р. Микулинского и др. – М.: Наука, 1977. – С. 63

научную школу определяет также и социокультурный компонент – социальная и культурная среда в городе или населенном пункте, где располагается учебное заведение или научное учреждение⁶³¹.

Таким образом, научная школа представляет собой исследовательский коллектив, включающий в себя научных лидеров и их учеников, которых объединяет общность методологических подходов и исследовательских программ, расположенных в определенном населенном пункте (учебном заведении, научном учреждении).

Исследователи отмечают, что в настоящее время можно выделить ряд сформировавшихся региональных ответвлений общероссийской школы трудового права: московская, петербургская (ленинградская), ярославская, свердловская (екатеринбургская), сибирская (омская и томская), пермская, казанская⁶³².

Основное исследование. Уральская школа является одной из самых динамично развивающихся школ. Она имеет свое научное и педагогическое «лицо», фирменный стиль. Возникнув на базе кафедры колхозного, земельного и трудового права Свердловского юридического института (СЮИ), она продолжает существовать на базе кафедры трудового права СЮИ, образованной в 1964 году, в дальнейшем институт был преобразован в Уральскую государственную юридическую академию (УрГЮА), а сегодня является Уральским государственным юридическим университетом (УрГЮУ). В рамках этой школы определены направления исследований, где ее представители являются в значительной мере пионерами и занимают ведущие позиции. Далее целесообразно остановиться на анализе научной деятельности ключевых фигур уральской школы трудового права.

Борис Константинович Бегичев (1924-1986) родился в Оренбурге в рабочей семье. В 1941 году он с отличием окончил школу и вступил добровольцем в Красную Армию, где стал снайпером на Ленинградском фронте. Также он воевал на Волховском, Прибалтийских фронтах, а также участвовал в штурме Кенигсберга. В 1946 году после года нахождения на пенсии по инвалидности он поступает на юридический факультет МГУ, который оканчивает с отличием в 1951 году. После окончания учебы он был оставлен в аспирантуре по кафедре трудового права. В 1953 году им была защищена кандидатская диссертация на тему «Вопросы правового регулирования труда в угольной промышленности СССР».

⁶³¹ Лушников А.М. О Пермской школе трудового права // Вестник Пермского университета. – 2010. – Вып. 1 (7). – С. 8

⁶³² Лушников А.М., Лушникова М.В. Российская школа трудового права и права социального обеспечения: портреты на фоне времени (сравнительно-правовое исследование). – Ярославль, ЯрГУ, 2010. – 364 с.

По окончании аспирантуры его направляют на работу в Свердловский юридический институт, а в 1964 году его избирают заведующим выделившейся из состава кафедры колхозного, земельного и трудового права отдельной кафедры трудового права, и он стал ее первым заведующим.

Постепенно в центре внимания ученого оказываются проблемы трудовой правоспособности работника, а итогом его многолетних исследований стала фундаментальная монография «Трудовая правосубъектность советских граждан», до сих пор являющаяся одной из самых глубоких и востребованных работ по данной проблеме. В 1975 году он защищает докторскую диссертацию на тему «Рабочие и служащие как субъекты трудового права», а в 1978 году становится профессором.

Борис Константинович был сторонником идеи законодательного закрепления института представительства в трудовом праве, разграничил трудовую и гражданскую правосубъектность, обосновал субъектную дифференциацию в трудовом праве. Данная проблематика стала для кафедры трудового права одной из доминирующих: кандидатские диссертации В.С. Колеватовой, Т.П. Мордвинова, Е.Н. Стародубской, З.К. Ильиных были посвящены особенностям правового положения отдельных категорий работников.

Б.К. Бегичев подготовил 12 кандидатов юридических наук, двое из которых стали докторами наук (М.В. Молодцов, В.Д. Мордачев), а его ученик М.В. Молодцов стал преемником в качестве заведующего кафедрой. Ученый опубликовал 75 научных работ, выступил соредактором и соавтором учебника по трудовому праву, который до сих пор считается одним из лучших в советский период⁶³³.

С конца 1960-х гг. развитие уральской школы трудового права было неразрывно связано с именем Мстислава Викторовича Молодцова (1928-2007). Он родился в селе Уктуз Бердюжского района Тюменской области в семье служащего. В 1951 году он окончил Свердловский юридический институт и был направлен на работу по распределению в угольную промышленность, где был сначала юрисконсульт, а затем помощником по кадрам управляющего трестом «Волчанскуголь». В 1962 году М.В. Молодцов переходит на работу в родной институт и начинает преподавательскую деятельность. В 1967 году он под руководством Б.К. Бегичева защищает на кандидатскую диссертацию на тему «Правовое регулирование использования общественных фондов потребления рабочими и служащими», а с 1968 году возглавляет кафедру трудового права. В этот период он активно занимается

⁶³³ Советское трудовое право / Под ред. Б.К. Бегичева, А.Д. Зайкина. – М.: Юрид. лит., 1985. – 552 с.

проблемами теории трудового права, пишет монографии⁶³⁴. В 1983 году ученый защитил докторскую диссертацию на тему «Теоретические проблемы системы советского трудового права».

Во главе кафедры Мстислав Викторович находился до 1994 года, а затем повторно был избран на эту должность в 2000 году, занимал ее до 2006 года.

Ученым было подготовлено более 20 кандидатов наук, 5 докторов наук (С.Ю. Головина, В.И. Попов, Н.М. Саликова, В.Д. Шахов, С.А. Димитрова). М.В. Молодцов является автором более 100 научных работ, в том числе 5 монографий. Он является соавтором проекта Трудового кодекса Кыргызстана, как эксперт-консультант принимал участие в подготовке Трудового кодекса Республики Беларусь.

Учеником М.В. Молодцова был Василий Дмитриевич Шахов (1951-2000). Он родился в Архангельской области. В 1972 году окончил Свердловский юридический институт, там же обучался в очной аспирантуре, а в 1975 году защитил кандидатскую диссертацию «Юридические гарантии в трудовом праве и их эффективность». В 1991 году Шахов защитил докторскую диссертацию «Механизм самоуправления трудовым коллективом (организационно-правовые проблемы)». С 1994 года до своей смерти 21 июня 2000 года он возглавлял кафедру трудового права. В течение 20 лет Василий Дмитриевич был автором и ведущим передач Свердловского телевидения по правовым вопросам. За годы работы на кафедре им опубликовано более 100 научных работ. Профессор В.Д. Шахов являлся ученым секретарем диссертационного совета при УрГЮА, членом советов по защите диссертаций при Пермском госуниверситете и Казахском государственном юридическом университете, экспертом Законодательного собрания Свердловской области, членом научно-консультативного совета при Арбитражном суде Свердловской области. Награжден двумя медалями, почетным знаком «За успехи в высшей школе». В своих работах он анализировал аспекты социального партнерства, в том числе участие работников в управлении организацией⁶³⁵. Ранняя смерть не позволила в полном объеме реализоваться его таланту.

Продолжила развитие уральской школы трудового права профессор, доктор юридических наук Головина Светлана Юрьевна, возглавившая кафедру в 2006 году. С.Ю. Головина в 2019 году за заслуги в развитии юридических наук и подготовке юридических кадров удостоена звания

⁶³⁴ Молодцов М.В., Сойфер В.Г. Стабильность трудовых правоотношений. – М.: Юрид. лит., 1976. – 238 с.; Молодцов М.В. Система советского трудового права и система законодательства о труде. – М.: Юрид. лит., 1985. – 175 с.

⁶³⁵ Шахов В.Д. Правовая основа выборности руководителей: проблемы применения и развития // Правоведение. – 1988. – № 5. – С. 14-18; Шахов В.Д. Полномочия трудового коллектива: содержание, виды, механизм реализации. – Свердловск: СЮИ, 1989. – 84 с.

«Заслуженный юрист России». С.Ю. Головина является автором более 150 работ. Ее диссертация на соискание научной степени доктора юридических наук и монография «Понятийный аппарат трудового права»⁶³⁶ явилось основой для законодательной деятельности. Под руководством С.Ю. Головиной защищено более 20 кандидатских диссертаций, а также 3 докторских диссертации.

С.Ю. Головина принимает активное участие в обсуждении проблем трудового права на международных и внутрироссийских площадках. По приглашению Бюро МОТ в Москве принимала участие в Национальном трехстороннем семинаре, посвященном реформе трудового права в России (24-25 апреля 2003 г.) с сообщением «Проблемы соблюдения законодательства об оплате труда».

По приглашению Комитета по труду и социальной политике Государственной Думы РФ выступала с сообщениями на парламентских слушаниях: «Проблемы совершенствования трудового законодательства и практики его применения» (ноябрь 2002 г.), «Перспективы ратификации РФ Конвенции МОТ № 181 и проблемы правового регулирования «заемного труда» (май 2004 г.), «Развитие российского законодательства в социальной сфере: перспективы дальнейшей ратификации Российской Федерацией конвенций Международной организации труда (МОТ)» (октябрь 2009 г.). В 2002-2003 гг. являлась членом рабочей группы Государственной Думы РФ по разработке законопроекта о внесении изменений и дополнений в Трудовой кодекс РФ. В настоящее время является членом постоянно действующей рабочей группы Комитета Государственной Думы по труду, социальной политике и делам ветеранов по обобщению правоприменительной практики и подготовке предложений по дальнейшему совершенствованию трудового законодательства.

По приглашению Европейской ассоциации трудового права и права социального обеспечения принимала участие в VIII Европейском конгрессе по трудовому праву и праву социального обеспечения (г. Болонья, Италия, сентябрь 2005 г.), в IX Европейском конгрессе по трудовому праву и праву социального обеспечения (г. Фрайбург, Германия, сентябрь 2008 г.), в X Европейском конгрессе по трудовому праву и праву социального обеспечения (г. Севилья, Испания, сентябрь 2011 г.).

В 2009-2010 гг. являлась руководителем научного коллектива, разработавшего по поручению Межпарламентской Ассамблеи ЕврАзЭС Рекомендации по гармонизации трудового законодательства государств – членов ЕврАзЭС и Концепцию Основ трудового законодательства ЕврАзЭС

⁶³⁶ Головина С.Ю. Понятийный аппарат трудового права / М-во общ. и проф. образования РФ. Ур. гос. юрид. акад. – Екатеринбург: Изд-во УрГЮА, 1997. – 178 с.

(одобрены постановлениями МПА ЕврАзЭС от 13 мая 2009 г. № 10-13 и от 27 октября 2010 г. № 8). С 2007 г. является руководителем экспертной группы по трудовому праву и праву социального обеспечения Европейско-Азиатского правового конгресса, ежегодно проводимого Ассоциацией юристов России и УрГЮА в г. Екатеринбурге.

Уральская школа трудового права представлена доктором юридических наук, профессором кафедры трудового права Уральского государственного юридического университета Саликовой Натальей Михайловной. Н.М. Саликова – автор более 60 публикаций и 5 монографий, научный руководитель аспирантов кафедры. Ее диссертация на соискание степени доктора юридических наук «Правовое регулирование оплаты труда в Российской Федерации: вопросы теории и практики» (2003 г.) явилась первым объемным исследованием, посвященным оплате труда в постсоветский период, в период установившейся рыночной экономики. На основе диссертации была издана монография⁶³⁷. Н.М. Саликова является признанным специалистом в вопросах заработной платы работников. Профессор Н.М. Саликова с января 2007 г. по июнь 2009 г. являлась членом Экспертного совета Уральского института регионального законодательства. Необходимо отметить, что Наталья Михайловна является членом редколлегии ряда ведущих научных журналов, например, «Российский ежегодник трудового права», «Трудовое право в России и за рубежом», «Российский юридический журнал», «Российское право: образование, практика, наука», «Бизнес, Менеджмент и Право» и др.

Представителем уральской школы трудового права является доктор юридических наук Жильцов Мирон Александрович. М.А. Жильцов является автором более 100 публикаций. Под его руководством было защищено 3 кандидатские диссертации. В 2011 году М.А. Жильцов защитил диссертацию на соискание степени доктора юридических наук на тему «Дефекты трудового права и способы их преодоления». На основе диссертационного исследования была издана монография⁶³⁸.

Уральская школа трудового права не перестает прирастать все новыми докторами наук. Так, в 2019 году Юлия Валерьевна Иванчина защитила диссертацию на соискание степени доктора юридических наук на тему «Функции трудового права как отражение социально значимых потребностей», а в 2021 году Еленой Александровной Истоминой была защищена диссертация на соискание степени доктора юридических наук на тему «Влияние концепции социального риска на правовое регулирование социального обеспечения».

⁶³⁷ Саликова Н.М. Оплата труда в Российской Федерации. Правовое исследование: монография. – Екатеринбург: УрГЮА, 2003. – 362 с.

⁶³⁸ Жильцов М.А. Дефекты трудового права: монография. – Екатеринбург: Изд-во УГТУ-УПИ, 2010. – 312 с.

Развитию науки права социального обеспечения посвятил свою жизнь доктор юридических наук, профессор Владимир Шамильевич Шайхатдинов. В.Ш. Шайхатдинов поступил в ноябре 1966 г. в аспирантуру Свердловского юридического института на кафедру колхозного и земельного права, в 1969 г. успешно защитил кандидатскую диссертацию на тему «Правовое регулирование социального обеспечения колхозников», а в 1986 г. – докторскую диссертацию на тему «Теоретические проблемы советского права социального обеспечения». С 2002 г. по 2018 г. профессор В.Ш. Шайхатдинов являлся заведующим кафедрой социального права, государственной и муниципальной службы. За это время им была проведена работа по формированию кафедры, организации ее деятельности, созданию методической и литературной базы преподавания, развертыванию научных исследований в сфере социального обеспечения, государственной и муниципальной службы, подготовке магистрантов, аспирантов и соискателей, укреплению и расширению научных связей с органами государственной власти и местного самоуправления. Под руководством Владимира Шамильевича было подготовлено и защищено 24 диссертации на соискание ученой степени кандидата юридических наук. Им опубликовано свыше 130 работ по проблемам социальной защиты населения и государственной и муниципальной службы, в том числе монографии «Теория социального обеспечения (юридический анализ)», «Теоретические проблемы советского права социального обеспечения», учебники «Право социального обеспечения» (ежегодно издаются и переиздаются ведущими издательствами России с 2012 года), двенадцать учебных пособий. В настоящее время В.Ш. Шайхатдинов является главным научным сотрудником Управления научных исследований и международного сотрудничества УрГЮУ, членом диссертационного совета по защите докторских и кандидатских диссертаций в УрГЮУ.

Представители уральской школы трудового права постоянно принимают участие в законопроектной работе. В 1970-1990-х гг. участвовали в подготовке ряда проектов федеральных законов: «О внесении изменений и дополнений в КЗоТ РФ», «О коллективных договорах и соглашениях», «О профессиональных союзах, их правах и гарантиях деятельности». В состав рабочей группы по подготовке указанных законопроектов входили профессора В.Д. Шахов и М.В. Молодцов, доцент З.К. Ильиных. Доцент А.Е. Сухарев в 1988 г. в составе группы специалистов, созданной при Совете Министров СССР, принимал участие в разработке Основ законодательства Союза ССР и союзных республик об аренде. В 2014 г. по поручению ректората кафедрой был подготовлен комментарий к проекту ФЗ «О развитии Сибири и Дальнего Востока» в части вопросов, касающихся регулирования трудовых отношений.

Профессора М.В. Молодцов и В.Д. Шахов являлись соавторами концепции Трудового кодекса России. В 90-е годы законодательным Собранием Свердловской области были приняты разработанные В.Д. Шаховым, М.В. Молодцовым и С.Ю. Головиной областные законы «О социальном партнерстве», «О регулировании оплаты труда в Свердловской области», «Об объединениях работодателей», «О защите трудовых прав граждан на территории Свердловской области» и ряд других. Профессор М.В. Молодцов принимал активное участие в законодательной работе по совершенствованию трудового законодательства ряда стран СНГ, в частности, участвовал в разработке проекта Трудового кодекса Кыргызской Республики, в экспертизе проекта Трудового кодекса Республики Беларусь, несколько лет являлся членом экспертных советов Комитета по труду Государственной Думы РФ и Законодательного Собрания Свердловской области.

Профессор С.Ю. Головина по приглашению Комитета по труду и социальной политике Государственной Думы РФ выступала с сообщениями на парламентских слушаниях по темам «Проблемы совершенствования трудового законодательства и практики его применения» (ноябрь 2002 г.), «Перспективы ратификации РФ Конвенции МОТ № 181 и проблемы правового регулирования «заемного труда» (май 2004 г.), «Развитие российского законодательства в социальной сфере: перспективы дальнейшей ратификации Российской Федерацией конвенций Международной организации труда (МОТ)» (октябрь 2009 г.). Светлана Юрьевна в настоящее время является членом постоянно действующей рабочей группы Комитета Государственной Думы по труду, социальной политике и делам ветеранов по обобщению правоприменительной практики и подготовке предложений по дальнейшему совершенствованию трудового законодательства.

Вклад в развитие науки трудового права учеными уральской школы является значительным. Так, в разные годы преподавателями кафедры трудового права опубликованы десятки научных работ в различных журналах и изданиях, включая зарубежные. Помимо вышеупомянутых трудов, можно отметить монографии: Е.В. Козиной «Локальное регулирование оплаты труда: вопросы теории и практики», А.Е. Сухарева «Актуальные проблемы российского трудового права», Ю.И. Клепаловой «Управление персоналом в инновационной среде». Заметной вехой в научном развитии кафедры стала коллективная монография «Трудовое право России: проблемы теории», в написании которой приняли участие профессора С.Ю. Головина, М.В. Молодцов, Н.М. Саликова, кандидаты юридических наук И.Н. Басаргин, Р.Ф. Галиева, М.А. Жильцов, Ю.А. Жильцова, Ю.А. Кучина, Ф.Б. Штивельберг, А.Л. Шведов, преподаватель Е.В. Грин.

На кафедре социального права, государственной и муниципальной службы, присоединенной в 2018 году к кафедре трудового права, в последнее десятилетие были опубликованы монографии: И.В. Григорьева «Социальное обеспечение трудящихся-мигрантов в России: правовые вопросы», А.С. Васильевой «Правовое регулирование пенсионного обеспечения судей РФ», Л.В. Сотниковой «Социальное обеспечение семей с детьми в РФ (правовые вопросы)»; А.В. Медведева «Социальная защита молодежи в Российской Федерации: правовые аспекты», Е.Ю. Говорухиной «Применение норм права социального обеспечения: вопросы теории и практики», Д.Е. Кожевникова «Государственная социальная помощь малоимущим гражданам: правовые вопросы», В.А. Агафонова «Социальное обеспечение лиц, пострадавших от профессиональных заболеваний, и членов их семей: правовые вопросы», Е.В. Медведевой «Социальная защита лиц, пострадавших от радиационных и техногенных катастроф в РФ: правовые вопросы», А.В. Медведева «Принципы в праве социального обеспечения».

Кафедра трудового права развивает научные связи с аналогичными кафедрами зарубежных университетов, прежде всего стран ЕАЭС и бывшего СССР: Евразийского национального университета им. Л.Н. Гумилева, Казахского национального университета им. Аль-Фараби, Международного университета МИТСО» (Республика Беларусь), Кыргызского национального университета им. Ж. Баласагына, Бакинского государственного университета. В частности, профессор М.В. Молодцов являлся членом редколлегии журнала «Право», издаваемого в Бакинском университете (Азербайджан), неоднократно выступал там в качестве оппонента по кандидатским и докторским диссертациям. С 1990-х гг. и до своей кончины в 2007 г. он являлся членом диссертационного совета Казахского государственного юридического университета (Алматы). В 2010-2012 гг. в составе диссертационного совета при Евразийском национальном университете им. Л.Н. Гумилева работала профессор С.Ю. Головина. Она также является иностранным научным консультантом и осуществляет научное руководство подготовкой PhD-докторов в указанном университете. Выступает оппонентом на защитах диссертаций в Кыргызском национальном университете им. Ж. Баласагына и Евразийском национальном университете им. Л.Н. Гумилева.

Налаживаются научные связи с коллективами родственных кафедр ведущих образовательных и научно-исследовательских организаций России – кафедрами трудового права МГУ им. М.В. Ломоносова, СПбГУ, МГЮУ им. О.Е. Кутафина, Саратовской государственной юридической академии, Российского государственного университета правосудия, Омского государственного университета им. Ф.М. Достоевского, Пермского государственного национального исследовательского университета, Удмуртского

государственного университета, Тюменского государственно университета, Южно-Уральского государственного университета, Института государства и права Академии наук России и другими.

Выводы. Уральская школа трудового права обладает всеми признаками, присущими научной школе. Школа возникла на базе кафедры колхозного, земельного и трудового права Свердловского юридического института. В 1964 году была образована кафедра трудового права, которая существует до сих пор, несмотря на реорганизацию Свердловского юридического института в Уральскую государственную юридическую академию, а затем в Уральский государственный юридический университет. Она постоянно развивается, фокус внимания ученых, ее представляющих, постоянно смещается в сторону самых актуальных проблем трудового права. Но вместе с тем остается неизменным интерес к глубинным проблемам трудового права, основополагающим темам, заложенным еще ее основателями. Так, фокус научных интересов сосредоточен на следующих вопросах общей части трудового права: разграничение предмета отрасли и области регулирования трудового права, трудовая правоспособность и дееспособность, право на труд (Б.К. Бегичев); система трудового права и трудового законодательства, структура предмета отрасли трудового права, меры по укреплению трудовой дисциплины (М.В. Молодцов); органы, полномочия и механизм самоуправления трудового коллектива (В.Д. Шахов), понятийный аппарат трудового права (С.Ю. Головина), функции трудового права (Ю.В. Иванчина), правосубъектность работодателя (М.А. Жильцов), система функций трудового права (А.Е. Сухарев), личные неимущественные права в трудовом правоотношении (И.Н. Басаргин), основания и пределы дифференциации трудового права (Ф.Б. Штивельберг) и многие другие.

Представители уральской школы трудового права внесли значительный вклад в развитие трудового законодательства и доктрины трудового права, подготовки ученых; они активно взаимодействуют в научной деятельности с представителями других школ российского трудового права, особенно омской, пермской и московской. Также часто являются получателями российских грантов на проведение исследований в сфере труда. Сфера научных интересов представителей уральской школы трудового права постоянно расширяется.

Глава IV. ВОПРОСЫ СУДОУСТРОЙСТВА И СУДОПРОИЗВОДСТВА В АКАДЕМИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЯХ

§ 1. Перспективы организации гражданского и арбитражного судопроизводства России в цифровую эпоху

*(размышления по итогам состоявшегося 15 мая 2020 г. круглого
стола «Глобальное информационное общество в условиях цифровизации и
новых вызовов: правовые проблемы и исследования», организованного сек-
тором информационного права и международной информационной безопас-
ности Института государства и права Российской академии наук⁶³⁹)*

Введение. Развитие глобального информационного общества, обеспечение конфиденциальности и защиты персональных данных, тенденции законопроектной деятельности, а также другие проблемы, связанные с современной цифровизацией, ставшие одними из важнейших предметов обсуждения на круглом столе «Глобальное информационное общество в условиях цифровизации и новых вызовов: правовые проблемы и исследования» (Москва, Институт государства и права РАН, 15 мая 2020 г.), проецируются на состояние и перспективы развития современного гражданского и арбитражного судопроизводства.

В содержании действующих процессуальных норм в сфере гражданского судопроизводства гарантируется право на применение информационных технологий: статья 3 Гражданского процессуального кодекса РФ⁶⁴⁰ (далее – ГПК РФ) «Право на обращение в суд», ч. 4 ст. 8 ГПК РФ «Независимость судей», ч. 1 ст. 13 «Обязательность судебных постановлений» ГПК РФ и т. д. Однако современные реалии требуют ускорения в применении возможностей цифровизации, в том числе на основе уже сформированных ресурсов благодаря деятельности Федерального государственного бюджетного учреждения «Информационно-аналитический

⁶³⁹ Прим.: Данный круглый стол был организован в рамках реализации научных проектов, реализуемых при финансовой поддержке РФФИ: Проект 18-29-16012 «Сравнительно-правовой анализ российского и зарубежного законодательства: использование цифровых технологий; Проект 18029-16013 «Исследование концептуальных подходов к формированию системы правового регулирования обеспечения информационной безопасности в условиях больших вызовов в глобальном информационном обществе; Проект 18029-16014 «Место и роль цифрового регулирования в развитии цифровых технологий, цифровое регулирование и саморегулирование, в том числе с учетом особенностей отраслей права».

⁶⁴⁰ Гражданский процессуальный кодекс Российской Федерации от 14 ноября 2002 г. № 138-ФЗ (ред. от 01.07.2021) // СПС «КонсультантПлюс». – URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_39570/ (Дата обращения: 10.09.2023 г.).

центр поддержки ГАС «Правосудие» в рамках последовательной реализации программ развития судебной системы. Только в 2020 году в рамках перечня мероприятий программы «Цифровая экономика Российской Федерации»⁶⁴¹ с целью реализации суперсервиса «Правосудие онлайн» Судебному департаменту при Верховном Суде Российской Федерации были доведены бюджетные ассигнования в объеме 35 949,9 тыс. рублей. Общий объем финансирования мероприятий по информатизации судебной системы и внедрению информационных технологий, обеспечиваемых Судебным департаментом, за этот же период составил 7 515,12 млн руб. По данным Судебного департамента, все суды общей юрисдикции, федеральные арбитражные суды, мировые судьи Российской Федерации имеют официальные сайты в сети Интернет, которые работают в круглосуточном режиме. В то же время постоянно осуществляется их доработка, в том числе актуальным нововведением является внедрение сервиса «Электронный помощник». В пилотном режиме на основании распоряжения Судебного департамента от 30 марта 2020 г. № 65-р создана зона по организации взаимодействия между системой многофункциональных центров по оказанию государственных и муниципальных услуг в Республике Татарстан, в Краснодарском крае, Астраханской, Вологодской, Кемеровской, Московской, Нижегородской, Ростовской, Сахалинской, Ульяновской областях. В то же время, анализируя данные технические новации, реализация которых оказалась возможной благодаря государственному финансированию, необходимо понимать сложность современной ситуации в преломлении развития правосознания. В цивилистических правоотношениях это особенно важно, так как большая часть судебных дел, рассматриваемых в судах России, – это дела гражданские.

Основное исследование. Т.А. Полякова, д. ю. н., профессор, на момент проведения круглого стола исполняющая обязанности заведующего сектором информационного права и международной информационной безопасности Института государства и права РАН, отметила определяющее значение ряда международных актов, в том числе Окинавской хартии глобального информационного общества. В то же время особое значение для организации отечественных правоотношений в сфере продвижения новых технологий и коммуникаций в обществе, по мнению ученого, имеет Стратегия развития информационного общества, утвержденная Указом

⁶⁴¹ Программа «Цифровая экономика Российской Федерации», утверждена распоряжением Правительства Российской Федерации от 28 июля 2017 г. № 1632-р // Правительство Российской Федерации. – URL: <http://static.government.ru/media/files/9gFM4FHj4PsB79I5v7yLVuPgu4bvR7M0.pdf> (Дата обращения: 10.09.2023 г.).

Президента Российской Федерации от 9 мая 2017 г. № 203⁶⁴². Для организации гражданского судопроизводства, не отрицая при этом роли и значения иных принципов, практически востребованными являются: обеспечение прав граждан на доступ к информации; обеспечение свободы выбора средств получения знаний при работе с информацией; обеспечение законности и разумной достаточности при сборе, накоплении и распространении информации о гражданах и организациях (п. 2 Указа). Приведенные принципы рассматриваемого Указа соотносятся с закрепленными в нормах федерального закона принципами гражданского процессуального права – законности, равенства граждан перед законом и судом, открытости и гласности, диспозитивности, равноправия и состязательности сторон. В условиях модернизации структуры принципов предлагается усовершенствовать их ряд. Отсутствие в ГПК РФ принципа, «связанного с использованием информационных технологий, либо фиксацией приоритетов в развитии в электронного правосудия, создает основу для его формирования»⁶⁴³. Кроме этого, осуществление указанных изменений параллельно с модернизацией федерального законодательства о судоустройстве в части конкретизации направлений судебной деятельности (в частности, федеральных законов от 7 февраля 2011 г. № 1-ФКЗ «О судах общей юрисдикции в Российской Федерации», от 28 апреля 1995 г. № 1-ФКЗ «Об арбитражных судах в Российской Федерации») позволит обеспечить наибольшую эффективность в продвижении задач информатизации. Дополнительным ведомственным началом для санкционирования указанных перемен является «Концепция информационной политики судебной системы на 2020-2030 годы»⁶⁴⁴. В этой связи актуальным представляется точка зрения **Е.В. Бурдиной** и других ученых об использовании концептов информационного общества в качестве основы для разработки преобразований в судебной системе, и на ее базе – законодательства о судебной системе и судоустройстве⁶⁴⁵. Векторы развития судебной системы определяются в рамках задач создания «суда

⁶⁴² Стратегии развития информационного общества, утвержденной Указом Президента Российской Федерации от 9 мая 2017 г. № 203 // СПС «Гарант». – URL: <http://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/71570570/> (Дата обращения: 10.09.2023 г.).

⁶⁴³ Voitovich L.V., Latysheva N.A. The Gradients of Informatization of Modern Court Proceedings in the Context of the Tasks and Principles of Civil Proceedings in the Russian Federation // Current problems of our time: the relationship between man and society. – 2020. – P. 350-357.

⁶⁴⁴ Концепция информационной политики судебной системы на 2020 – 2030 годы, одобрена Советом судей Российской Федерации 5 декабря 2019 г. // СПС «Гарант». – URL: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/73061586/> (Дата обращения: 10.09.2023 г.).

⁶⁴⁵ Электронное правосудие: монография / Е.В. Бурдина и др., под ред. Е.В. Бурдиной, С.В. Зуева. – М.: РГУП, 2021. – С. 16.

как единой технологической платформы»⁶⁴⁶, «цифрового от начала до конца»⁶⁴⁷. **А.С. Анисимова** предложила научному сообществу идею электронного государства, которое формирует «опекаемые блага» как общественные функции. К одной из таких общественных функций относится обеспечение каждому права на судебную защиту. В рамках данной теории трансформируются актуальные для цивилистического судопроизводства элементы. Например, право на доступ к суду, включая обеспечение такого права в дистанционном режиме. Или право на судебное извещение о времени и месте совершения процессуальных действий посредством современных безбумажных электронных уведомлений, а также право на ознакомление с материалами судебных дел с помощью информационно-телекоммуникационных сетей (онлайн-ознакомление)⁶⁴⁸.

В выступлении **Т.А. Поляковой** справедливо отмечалось «возрастающее значение процессов информационно-правовой институционализации» и «необходимость решения большого комплекса организационно-правовых проблем»⁶⁴⁹. **П.У. Кузнецов** в прозвучавшем на круглом столе докладе «Информационное общество и цифровое правосознание» выявил существование «запоздалой рефлексии юриспруденции на цифровые вызовы развития новых технологий и платформ, что проявляется в своеобразной "растерянности" как общетеоретических концепций, так и отраслевых научных школ»⁶⁵⁰. Векторный путь выхода из концептуального кризиса, обозначенный **П.У. Кузнецовым**, заключается в «построении новых научных обобщений: от формирования нового юридического языка и понятийного аппарата до трансформации системы права»⁶⁵¹. Освещение проблем терминологии в процессе цифровизации осуществлено и в докладе **О.Н. Кияновой**, отметившей наличие значительной доли иностранных заимствований в ходе формирования терминологического аппарата в России. В то же время докладчик отметила объективную необходимость данных заимствований в связи с организацией международного взаимодействия и формированием единого информационного пространства⁶⁵². Данные векторные выводы целесообразно учитывать в своей деятельности как Судебному департаменту (в том числе его коллегии), так и подразделению данного федерального органа – Федеральному государственному

⁶⁴⁶ Там же. – С. 52.

⁶⁴⁷ Там же. – С. 32.

⁶⁴⁸ Анисимова А.С. Электронное правосудие как показатель информационного развития общества и государства // Цивилистика: право и процесс. – 2019. – № 3 (7). – С. 15.

⁶⁴⁹ Полякова Т.А., Минбалева А.В. Глобальное информационное общество в условиях цифровизации и новых вызовов: правовые проблемы и исследования // Труды Института государства и права РАН. – 2020. – Т. 15. – № 2. – С. 199-210.

⁶⁵⁰ Там же. – С. 203.

⁶⁵¹ Там же. – С. 204.

⁶⁵² Там же. – С. 205.

учреждению «Информационно-аналитический центр поддержки ГАС "Правосудие"»).

Некоторые терминологические новации, сопровождающие обеспечение гражданского судопроизводства, были предложены Судебным департаментом в приказе от 26 ноября 2015 г. № 362, устанавливающем перечень основных понятий и терминов, применяемых в нормативных актах данного органа, регламентирующих использование информационно-телекоммуникационных технологий в судах⁶⁵³. Очевидность быстрого устаревания действующих терминов вполне очевидна на примере одного из них. В рассматриваемом приказе сформулирована дефиниция к термину «адресат извещения». Согласно рассматриваемому приказу, им является «лицо, являющееся участником судопроизводства, которому направляется СМС-извещение по указанному в соответствующей расписке номеру мобильного телефона». Однако в современных условиях данное понятие не охватывает ресурсы правоприменения в рамках статьи 113 ГПК РФ. Частью 1 данной статьи возможный спектр форм обеспечения судебных извещений и вызовов, осуществляемых посредством информатизации, не ограничен только СМС-извещением, а устанавливает и «иные средства связи и доставки, обеспечивающие фиксирование судебного извещения или вызова и его вручение адресату». Например, частью 2.1 статьи 113 ГПК РФ определена возможность извещения органов государственной власти, органов местного самоуправления, иных органов и организаций, которые являются сторонами и другими участниками процесса, лишь посредством размещения соответствующей информации на официальном сайте суда в сети «Интернет», причем в том случае, если суд располагает доказательствами об уведомлении указанных лиц о времени и месте первого судебного заседания. При этом основные технологические моменты судебного администрирования, зафиксированные в Федеральном законе от 28 ноября 2018 г. № 218 № 451 «О внесении изменений в отдельные законодательные акты», должны заключаться, по общему правилу:

1) в размещении информации о принятии искового заявления, заявления к производству суда, о времени и месте судебного заседания или совершении отдельного процессуального действия в сети «Интернет» на официальном сайте суда в срок не позднее чем за пятнадцать дней до начала судебного заседания или совершения отдельного процессуального действия (по делам с сокращенным сроком рассмотрения указанный срок сокращается до трех дней);

⁶⁵³ Приказ Судебного департамента при Верховном суде Российской Федерации от 26 ноября 2015 г. № 362 «Об утверждении Перечня основных понятий и терминов, применяемых в нормативных правовых актах Судебного департамента, регламентирующих использование информационно-телекоммуникационных технологий в деятельности судов, управлений Судебного департамента» // СПС «Гарант». – URL: <https://base.garant.ru/71265062/> (Дата обращения: 10.09.2023 г.).

2) в приобщении к материалам дела документов, подтверждающих размещение судом на официальном сайте в сети «Интернет», с обязательным наличием в их составе даты размещения, информации о принятии искового заявления, заявления к производству суда, о времени и месте судебного заседания или совершении отдельного процессуального действия в сети «Интернет».

Таким образом, в условиях главенства бумажного документооборота в организации судебной деятельности продолжается распечатка сведений, которые имеют исключительно цифровую природу. Архаизмом является и ведение учетно-регистрационных журналов (указателей), учетно-регистрационных карточек в бумажном виде. В то же время Судебным департаментом уже изданы приказы, которые позволяют переходить к электронному документообороту в организации судебной деятельности. Особенно очевидна данная ситуация на примере многочисленных алфавитных указателей, поиск информации по которым дублируется в автоматизированных информационных базах судов, причем поиск нужной информации осуществляется посредством их ресурсов быстрее и эффективнее. Между тем пунктом 1.8 Инструкции о комплектовании архивных фондов судов, введенной в действие Судебным департаментом еще в 2019 году, предусмотрена возможность формирования электронных дел. В этом же приказе сформулирован термин «электронное дело», под которым понимается совокупность электронных документов, сформированных в соответствии с номенклатурой дел⁶⁵⁴. В целях обеспечения коммуникаций суда и граждан еще в 2016 году были созданы сервисы, позволяющие подавать (в суд) и направлять (из суда) процессуально значимые документы⁶⁵⁵.

Новации цифровизации в судебной деятельности должны сопровождаться как обучением работников аппарата суда (по мнению участника круглого стола **А.В. Морозова**, информационное общество является «обществом знания»⁶⁵⁶), так и развитием системы доступа граждан России к ресурсам

⁶⁵⁴ Приказ Судебного департамента при Верховном суде Российской Федерации от 19 марта 2019 г. № 56 «Об утверждении Инструкции о порядке организации комплектования, учета и использования документов (электронных документов) в архивах федеральных судов общей юрисдикции» (ред. от 16.07.2019) // Бюллетень актов по судебной системе. – № 5-6. – Май-июнь, 2019.

⁶⁵⁵ Например, для судов общей юрисдикции РФ правоотношения в данной сфере нашли свое регулирование в приказе Судебного департамента при Верховном суде РФ от 27 декабря 2016 г. № 251 «Об утверждении Порядка подачи в федеральные суды общей юрисдикции документов в электронном виде, в том числе в форме электронного документа» // Бюллетень актов по судебной системе. – № 2. – Февраль, 2017.

⁶⁵⁶ Полякова Т.А., Минбалеев А.В. Глобальное информационное общество в условиях цифровизации и новых вызовов: правовые проблемы и исследования // Труды Института государства и права РАН. – 2020. – Т. 15. – № 2. – С. 204.

общедоступных информационно-телекоммуникационных сетей, содержащих социально значимую информацию о деятельности судов.

В.Б. Наумов отметил две разнонаправленные тенденции, которые необходимо учитывать в контексте «рефлексии права в цифровой экономике»⁶⁵⁷. Первое – это серьезное отставание права от характера и задач правоотношений, природа которых обусловлена цифровыми технологиями. Второе – необходимо сосредоточиться на задачах систематизации регулирования уже сложившихся информационных правоотношений, которые являются основой для формирования цифрового мира, определить новые приоритеты и не торопиться создавать новые правовые новеллы, ориентируясь при этом на сиюминутные потребности. В данном аспекте важны широкие апробации в поиске эффективных решений для организации информационного взаимодействия не только между судами и различными категориями пользователей информации об их деятельности, но и между судами и государственными, негосударственными органами, участвующими в восстановлении нарушенных прав. Результат данных изысканий и их практической реализации будет заключаться в создании суда как «единой технологической платформы»⁶⁵⁸, где максимально возможно будут осуществляться процессуальные действия без фактического присутствия сторон в судебном заседании.

В настоящее время осуществляется выработка подходов к хранению архивных документов судов в условиях перехода на электронный документооборот. Масштабность данной проблемы вполне понятна – по каждому, даже малозначительному судебному делу на постоянное хранение в состав Государственного архивного фонда передается итоговый судебный акт с документами, свидетельствующими об осуществленном судебном обжаловании. Федеральное архивное агентство и органы, обеспечивающие ведение архивного дела в субъектах Российской Федерации, переходя на цифровые основы ведения делопроизводства, распространяют действие новых цифровых стандартов на этап пополнения своих фондов от источников комплектования⁶⁵⁹.

Значительный интерес представляют инновационные идеи в сфере совместного использования достижений цифровизации между судами и нотариатом. Современным исследователям взаимодействие суда и нотариата видится в трех направлениях: перераспределение между судами и нотариатом компетенции по установлению юридических фактов; передача нотариусам полномочий по вынесению исполнительных надписей по основаниям,

⁶⁵⁷ Там же. – С. 206.

⁶⁵⁸ Электронное правосудие: монография / Е.В. Бурдина и др., Под ред. Е.В. Бурдиной, С.В. Зуева. – М.: РГУП, 2021. – С. 32.

⁶⁵⁹ Латышева Н.А. Архивы судов в условиях цифровой трансформации // Российский судья. – 2021. – № 3. – С. 54-59.

которые предусмотрены в качестве оснований для выдачи судебного приказа, и придание нотариальным актам повышенной доказательственной силы⁶⁶⁰. Помимо перечисленного, может иметь место и такая форма взаимодействия, как нотариальное обеспечение удаленного доступа участникам процесса в судебное заседание. В настоящее время в России сложились все предпосылки для развития такого рода взаимодействия между нотариатом и судебной системой:

- имеется развитая система нотариата, помощь нотариуса доступна на территории всей страны от мегаполисов до малых городов и небольших поселков;

- нотариус является публичным должностным лицом, профессиональным, беспристрастным и независимым в своей деятельности, обязанным при исполнении служебных обязанностей хранить нотариальную тайну;

- нотариат имеет единую информационную систему (далее – ЕИС), которая способна не только собирать, обрабатывать сведения о нотариальной деятельности, но и обеспечивать все виды информационного взаимодействия (обмена). ЕИС работает в бесперебойном ежедневном и круглосуточном режиме;

- в Российской Федерации успешно реализуется модель «активного нотариата», наделенного полномочиями по комплексному оказанию юридической помощи гражданам и организациям⁶⁶¹;

- развивается концепция «электронного нотариата», российские нотариусы смогут удостоверять сделки между двумя и более лицами без их совместного присутствия, между участниками, находящимися в офисе нотариуса в любой географической точке России⁶⁶². Стала привычной удаленная передача документов физических и юридических лиц другим лицам посредством «телепортации» (статьи 86, 103.8 и 103.9 Основ законодательства о нотариате⁶⁶³).

⁶⁶⁰ Малешин Д.Я. Содействие нотариата судебной реформе // Вестник СПбГУ. Право. – 2020. – Т. 11. – Вып. 1. – С. 67-86.

⁶⁶¹ Ярков В.В. От бюрократического к активному нотариату (актуальные проблемы нотариального права) // Нотариат, государственная власть и гражданское общество: современное состояние и перспективы. Материалы Всероссийской научно-практической конференции (15-16 февраля года, г. Москва). – М.: Волтерс Клувер, 2007. – С. 109-116.

⁶⁶² Постановление Совета Федерации Федерального Собрания Российской Федерации от 23 декабря 2019 г. № 603-СФ «О Федеральном законе «О внесении изменений в Основы законодательства Российской Федерации о нотариате и отдельные законодательные акты Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. – 2019. – № 52 (часть I). – Ст. 7798.

⁶⁶³ Основы законодательства Российской Федерации о нотариате (утв. ВС РФ 11.02.1993 № 4462-1) (ред. от 26.07.2019) // Официальный интернет-портал правовой информации. – URL: <http://www.pravo.gov.ru> (Дата обращения: 10.09.2023 г.).

Анализируя содержание арбитражного судопроизводства, можно выделить несколько преимуществ нотариального обеспечения удаленного доступа к судебному заседанию по сравнению с обычным онлайн-заседанием посредством портала «Мой арбитр»:

1. Идентификация лиц, участвующих в судебном заседании

Идентификация личности – установление тождества человека самому себе по идентификационным признакам или по его документам⁶⁶⁴. Суд идентифицирует участника процесса (стороны, судебного представителя) на основании паспорта или других удостоверяющих личность документов. Этапом идентификации участника онлайн-заседания является подача ходатайства об организации процесса и участии в онлайн-заседании через портал «Мой арбитр», для чего необходима авторизация под подтвержденной учетной записью в смежном портале единых государственных услуг (запись ЕСИА).

В ситуации удаленного доступа онлайн-процесса у суда нет возможности определить признаки подделки документа, ограничена визуальная оценка соответствующих физиологических признаков лица посредством сличения фотографии в документе с лицом, его предъявившим. Биометрической системы распознавания лиц и голосов, помогающих определить личности участников процесса, в опциях ГАС «Правосудие» и портала «Мой Арбитр» нет. При наличии сомнений в подлинности личности участника судебного заседания суд вправе отказать ему в допуске к участию в онлайн-заседании, а судебное заседание будет отложено. Проверка паспорта, доверенности, документов об образовании позволит нотариусу безошибочно установить полномочия представителей.

2. Предоставление доказательств и обмен доказательственной информацией

Организация процесса посредством ВКС предусматривает несколько вариантов передачи документов: загрузка документов на онлайн-диск, сканирование и отправка по электронной почте и т. д. Функционал информационных систем, которые используются в российских судах (ГАС «Правосудие», «Мой арбитр») позволяет это осуществить безопасно и быстро. В функцию судьи, обеспечивающего удаленный доступ, входит обеспечение возможности ознакомления с доказательствами через документ-камеру, незамедлительное направление в суд, рассматривающий дело, по факсимильной связи или по каналам ведомственной электронной почты либо с использованием иных средств связи (в том числе путем сканирования документов посредством технических возможностей документ-камеры). Возможна демонстрация видеодоказательств, ознакомление с аудиозаписями, представленными в

⁶⁶⁴ Музыкаченко П.Б. О проблемах установления личности при совершении нотариальных действий // Нотариус. – 2015. – № 2. – С. 38-41.

судебном заседании. Включение в схему взаимодействия «суд – участник процесса» нотариуса позволяет обмениваться информацией посредством нотариальной «телепортации» документов, то есть посредством передачи документов на расстоянии. Преимущества такого варианта передачи документов очевидны: информация проходит по защищенной линии через ЕИС нотариата, она не попадает в «облако»; нотариус может перевести документ из бумажной формы в цифровую с сохранением его юридической силы и «переслать, скажем, доверенность из Москвы в Иркутск в течение нескольких минут и заплатить за это в районе 150 рублей»⁶⁶⁵. Преобразовать в электронный формат можно текстовые файлы, программные коды, фотографии, видео-, аудио- и любые другие файлы. Участие нотариуса позволит суду проводить процесс с участием переводчиков, проводить допрос свидетелей, получать устную консультацию специалистов.

Участники круглого стола, организованного сектором информационного права и международной информационной безопасности Российской академии наук, в ходе состоявшихся дискуссий отмечали проблемы информационной безопасности и связанные с ним проблемы «инфодемии». В частности, **А.В. Минбалеев**, представив новое понятие «инфодемия», раскрывает его как «массовое распространение ложной и недостоверной информации, оказывающей негативное информационно-психологическое воздействие на общество»⁶⁶⁶. Инфодемия многоаспектна. Это явление, безусловно, носит отрицательный характер. Взаимодействие суда с участниками судопроизводства через нотариусов в цифровую эпоху позволит минимизировать проявления инфодемии.

Правила использования ВКС в разных странах имеют свои особенности. Например, в России использование систем ВКС в закрытом судебном заседании не допускается в связи с необходимостью обеспечения сохранности сведений, составляющих охраняемую законом тайну. В Швейцарии введено требование безопасности передачи данных, передача должна быть зашифрована, а используемый сервер должен быть в Швейцарии или в Евросоюзе. Также запрещена непреднамеренная передача данных третьим лицам, а также любой доступ к процессу без авторизации⁶⁶⁷. Передача информации через

⁶⁶⁵ Тайная канцелярия. Цифровой «тайник» у нотариуса позволит безопасно хранить архивы семейных документов (Интервью с Президентом Федеральной нотариальной палаты РФ Константином Корсином) // Российская газета – столичный выпуск. – № 79 (8133).

⁶⁶⁶ Полякова Т.А., Минбалеев А.В. Глобальное информационное общество в условиях цифровизации и новых вызовов: правовые проблемы и исследования // Труды Института государства и права РАН. – 2020. – Т. 15. – № 2. – С. 203.

⁶⁶⁷ Département fédéral de justice et police DFJP Office fédéral de la justice OFJ Domaine de direction Droit privé Ordonnance du 16 avril 2020 instaurant des mesures en lien avec le coronavirus dans le domaine de la justice et du droit procédural (Ordonnance COVID-19 justice

нотариуса в этом смысле является более защищенной. Нотариальное сообщество уделяет внимание безопасности автоматизированного рабочего места нотариуса, применению и развитию криптографической защиты информации, технологии биометрической защиты персональных данных⁶⁶⁸.

Доступ к судебному процессу через нотариальный кабинет имеет ряд преимуществ по сравнению с ВКС, в том числе решается проблема часовых поясов. Нотариусы могут организовать работу своего офиса в том режиме, который удобен их клиентам. Увеличивается потенциал для примирения участников спора – участие нотариуса создает возможность разрешения конфликта и заключения договоренностей, которые позволяют обойтись без судебного вердикта.

3. Обеспечение удаленного доступа к судебному заседанию как нотариальное действие

Нотариальное действие по обеспечению удаленного доступа к судебному заседанию является комплексным – оно должно включать в себя все те действия, которые обязательны для суда, обеспечивающего удаленный доступ к судебному заседанию, предусмотренный в соответствующих Инструкциях по делопроизводству⁶⁶⁹. По просьбе участника процесса нотариус совершает иные нотариальные действия, например «телепортацию» документов.

Процедура нотариального обеспечения удаленного доступа включает в себя следующие этапы.

1) передачу нотариусом ходатайства об участии в онлайн-заседании через офис нотариуса соответствующему суду. Вместе с ходатайством передаются копии документов (паспорта, диплома о юридическом образовании, адвокатского удостоверения и ордера, иного документа, подтверждающего полномочия представителя). Суду передаются все данные нотариуса для организации с ним обратной связи;

2) после удовлетворения ходатайства нотариус проводит тестовую видеоконференцию с помощью сервиса «Мой арбитр»;

et droit procédural) Commentaire des dispositions // Le Conseil fédéral. – URL: <https://www.admin.ch/gov/fr/accueil/departements/departement-justice-police.html> (Дата обращения: 10.09.2023 г.).

⁶⁶⁸ Тимошкина О.А. Передача и (или) документов физических и юридических лиц другим физическим и юридическим лицам путем внесения нотариусом подлежащих публикации сообщений в единый федеральный реестр юридически значимых сведений о фактах деятельности хозяйствующих субъектов как способ осуществления правореализационной функции нотариата // Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. – 2017. – № 3 (43). – С. 83-88.

⁶⁶⁹ Приказ Судебного департамента при Верховном Суде РФ от 29.04.2003 № 36 (ред. от 21.10.2019) «Об утверждении Инструкции по судебному делопроизводству в районном суде», Постановление Пленума ВАС РФ от 25.12.2013 № 100 (ред. от 11.07.2014) «Об утверждении Инструкции по делопроизводству в арбитражных судах Российской Федерации (первой, апелляционной и кассационной инстанций)» // СПС «КонсультантПлюс». – URL: <https://www.consultant.ru/> (Дата обращения: 10.09.2023 г.).

3) в назначенное время заинтересованные лица являются в офис нотариуса для участия в судебном заседании. Нотариус устанавливает личности явившихся участников процесса, проверяет полномочий представителей. В случае удовлетворения судом ходатайства о допросе свидетелей, специалистов, экспертов нотариус совершит удостоверительную надпись о подлинности их подписи на формах, предупреждающих об уголовной ответственности за дачу заведомо ложных показаний (заклЮчения, перевода). Если возникнет необходимость представить новые доказательства, он обеспечит передачу информации суду и иным участникам процесса, удаленно участвующим в судебном заседании и находящимся в офисе нотариуса в другом городе. Нотариус обеспечивает ведение видеозаписи судебного заседания, а впоследствии составление протокола, в котором указываются дата и место обеспечения онлайн-доступа к судебному заседанию, сведения о явке в офис нотариуса лиц, участвующих в деле, их представителей и иных участников арбитражного процесса. Нотариус фиксирует не только ход судебного заседания, но и неудачные попытки подключения, технические неполадки, в том числе со стороны суда. В протоколе нотариуса отмечается факт отсутствия технической возможности осуществления связи в течение 15 минут при условии совершения не менее пяти попыток установить такую связь. Фиксация этого факта должна стать основанием для переноса судебного заседания на иное время или дату (см., например, часть 5 статьи 158 АПК РФ⁶⁷⁰);

4) по окончании судебного заседания нотариус вносит запись в реестр для регистрации нотариальных действий и взимает тариф за совершение нотариального действия и плату за правовую и техническую работу. Оплата нотариального действия не должна стать непосильным бременем для участников процесса.

В течение установленного судом времени передает протокол и видеозапись на материальном носителе соответствующему суду и участнику судебного заседания.

Нотариат называют институтом по осуществлению предупредительного правосудия, а нотариуса – судьей «в преддверии»⁶⁷¹. Правовая природа нотариата как института, близкого правосудию, позволяет участникам гражданских процессуальных правоотношений воспользоваться новыми способами правовой защиты в условиях цифровизации. Высокую степень

⁶⁷⁰ Арбитражный процессуальный кодекс Российской Федерации от 24 июля 2002 г. № 95-ФЗ (ред. от 01.07.2021, с изм. от 22.07.2021) // Собрание законодательства РФ. – 29.07.2002. – № 30. – Ст. 3012.

⁶⁷¹ Pützer H.-J., Vollhardt J., Assenmacher H.-J. Das moderne Notariat – Strukturen und Aufgaben. – Köln: Selbstverlag, 1993. – P. 169; Жуйков В.М. Нотариат как институт превентивного правосудия: общие цели, принципы и полномочия // Российская юстиция. – 1998. – № 6. – С. 33-34.

востребованности имеет нотариальное действие – обеспечение удаленного доступа к участию в судебном заседании. Предложенный порядок взаимодействия может быть использован там, где суд рассматривает сложные споры, стороны которых заинтересованы в сохранении конфиденциальности и защиты информации. Обеспечение удаленного доступа к участию в судебном заседании через офис нотариуса сочетает в себе преимущества онлайн-процесса и ВКС, позволяет преодолеть их недостатки, задействовать примирительный потенциал нотариата.

Выводы. Перспектива развития цифровизации в судах на основе представленных размышлений видится в более масштабных темпах концептуального совершенствования информатизации в судебной деятельности, в развитии на данной основе нормативного правового регулирования, установлении четких правил контроля и мониторинга нововведений с обозначением сроков их исполнения.

Бумажный документооборот в организации судебной деятельности в современных условиях должен иметь ограниченные масштабы. Судебному департаменту при Верховном Суде Российской Федерации необходимо осуществлять модернизацию содержания издаваемых им приказов и обеспечивать их практическое применение посредством системы контроля. Данные действия обеспечат исполнение задач программы «Цифровая экономика Российской Федерации», в том числе реализацию суперсервиса «Правосудие онлайн».

Совместное использование достижений цифровизации способно трансформировать взаимодействие между судами и нотариатом с целью обеспечения нового качества доступа к правосудию. Для обеспечения целей совершенствования деятельности нотариата возможно внести изменения в статью 153-2 АПК РФ, изложив ее в редакции:

«1. Лица, участвующие в деле, и иные участники арбитражного процесса могут участвовать в судебном заседании путем использования систем видео-конференц-связи, организованной нотариусом.

2. В случае если участие в судебном заседании осуществляется путем использования системы видео-конференц-связи с участием нотариуса, установление личности лиц, участвующих в деле, и других участников арбитражного процесса, подтверждение их полномочий, порядок участия в судебном заседании и представления доказательств осуществляется с учетом следующих особенностей:

2.1. В целях организации видео-конференц-связи нотариус передает не менее чем за пять дней до начала судебного заседания в суд заявление об участии в судебном заседании с использованием средств видео-конференц-связи нотариальной конторы. Указанное заявление подается в суд в форме

электронного документа, подписанного квалифицированной электронной подписью нотариуса.

2.2. Нотариус, осуществляющий организацию видео-конференц-связи, проверяет явку и устанавливает личность явившихся лиц, проверяет их полномочия и выясняет вопрос о возможности их участия в судебном заседании в соответствии с правилами, установленными частью 2 статьи 153 настоящего Кодекса.

2.3. Нотариус обязан обеспечить техническую возможность своевременного подключения к системе видео-конференц-связи при открытии судебного заседания, а также устойчивое соединение, позволяющее обеспечивать их бесперебойное функционирование.

2.4. Нотариус получает подписки у свидетелей, экспертов, переводчиков о разъяснении им арбитражным судом, рассматривающим дело, прав и обязанностей и предупреждении об ответственности за их нарушение, обеспечивает процессуальный порядок допроса свидетелей, получение устных консультаций и ответов специалиста с учетом требований настоящего Кодекса.

2.5. Нотариус фиксирует невозможность использования видео-конференц-связи лицами, участвующими в деле или иными участниками арбитражного процесса.

2.6. Лица, участвующие в деле, иные участники арбитражного процесса представляют в арбитражный суд, рассматривающий дело, и направляют друг другу доказательства, на которые они ссылаются как на основание своих требований и возражений, посредством удаленной передачи документов физических и юридических лиц другим лицам в соответствии с Основами законодательства о нотариате.

3. При использовании систем видео-конференц-связи в арбитражном суде, рассматривающем дело, а также в нотариальной конторе, осуществляющей организацию видео-конференц-связи, составляется протокол и ведется видеозапись судебного заседания. Материальный носитель видеозаписи судебного заседания направляется нотариусом в пятидневный срок в суд, рассматривающий дело, и приобщается к протоколу судебного заседания».

Круглый стол «Глобальное информационное общество в условиях цифровизации и новых вызовов: правовые проблемы и исследования», организованный сектором информационного права и международной информационной безопасности Института государства и права Российской академии наук 15 мая 2020 г., позволил проецировать общетеоретические размышления ученых на организацию судебной деятельности в ходе осуществления гражданского судопроизводства. Поиск верных решений позволит оптимизировать деятельность судебной ветви государственной власти, обеспечить ее

эффективную работу на благо развития информационного общества. В таком обществе уполномоченными субъектами должно быть обеспечено создание удобных и доступных судебных сервисов и решена задача судебно-цифрового неравенства.

§ 2. Системность гражданского процесса: понятие, значение и соотношение со смежными категориями

Введение. Категория системности, ее понятие, сущность и значение являются предметом научных исследований в различных областях знания, в том числе в правовой науке, достаточно продолжительное время⁶⁷². В юридической науке традиционно признается системный характер права, однако вопрос о сущности системности остается дискуссионным.

В.Г. Афанасьев⁶⁷³ определял системность как свойство, черту объективной действительности, представляющую собой способность вступать во взаимодействия, в результате которых образуются новые качества, не присущие исходным объектам взаимодействия⁶⁷⁴. Системность представляет собой универсальное свойство, присущее любому явлению и процессу, существующему в окружающем мире, в том числе праву.

Системность права является понятием многоаспектным, представляя собой свойство права, принцип правового регулирования, признак системы права и правовой системы, принцип деятельности, отраженный в праве (например, правотворчества)⁶⁷⁵. С этим утверждением следует согласиться. Действительно, системность – категория, применимая к праву с различных точек зрения, что является еще одним подтверждением ее универсальности.

Необходимо отметить, что понятия «системности права» и «системы права» не являются тождественными, так как системность представляет собой именно некую характеристику права, в то время как система представляет

⁶⁷² Дробязко С.Г. Проблемы системности в праве. Концептуальные основы развития национальных правовых систем в контексте процессов глобализации и региональной интеграции: постсоветский опыт и перспективы устойчивого развития: материалы науч.-практ. конф., 7-8 окт., г. Минск. – Минск: БГУ, 2011. – С. 21.

⁶⁷³ Виктор Григорьевич Афанасьев, доктор философских наук, профессор, академик Академии наук СССР (с 1981 года, Российской академии наук с 1991 года, член-корреспондент с 1972 года).

⁶⁷⁴ Афанасьев В.Г. Общество системность, познание и управление. – М.: Политиздат, 1981. – С. 3.

⁶⁷⁵ Воронин М.В. Системность права в контексте ее оснований и проявлений: теоретико-правовой анализ // Учен. зап. Казан. ун-та. Сер. «Гуманит. науки». – 2014. – № 4. – С. 27.

собой совокупность правовых норм, объединенных в единое целое устойчивыми типовыми связями⁶⁷⁶.

Тема исследования является достаточно актуальной и практически значимой, так как системность гражданского процесса, представляя собой его свойство, определяет характер и структуру гражданского процессуального правоотношения. Это значит, что при разработке и совершенствовании правового регулирования, а также при реализации гражданского процессуального правоотношения в рамках правоприменения необходимо учитывать системную связь соответствующих элементов.

В рамках представленного исследования обозначены основные направления юридической мысли применительно к понятию и значению системности гражданского процесса в процессе становления науки гражданского процессуального права.

Основное исследование. В науке гражданского процессуального права сформировалось несколько подходов к дефиниции и значению категории системности применительно к гражданскому процессу, гражданскому процессуальному праву и правоотношению. Основой для таких рассуждений стали взгляды правоведов-теоретиков на понятие и значение системности в праве в целом. В связи с этим представляется необходимым в рамках исследования системности гражданского процесса обратить внимание на учение о системности в праве, сформировавшееся в теоретико-правовом направлении юридической мысли.

Учение о системности права в его современном понимании начало развиваться в правовой науке в советский период. Понятия «системы права» и «правовой системы» были разработаны еще в дореволюционной науке, однако, в сущности, они имели значение «порядка», что не учитывало связи с общей теорией систем, сформировавшей в дальнейшем целый комплекс идей о системности в праве⁶⁷⁷.

Важную роль в процессе формирования учения о системности в праве сыграли концепции представителей академической юридической науки.

Проблемы системности в праве были отражены в исследованиях авторитетных ученых в области теории государства и права. Так, к понятию и значению рассматриваемой категории обращался в своих трудах Д.А. Керимов⁶⁷⁸. Он определяет системность права как «объективное объединение

⁶⁷⁶ Шерстюк В.М. Система советского гражданского процессуального права (вопросы теории). – М.: Изд-во МГУ, 1989. – С. 19.

⁶⁷⁷ Антонов М.В. О системности права и «системных» понятиях в правоведении // Известия высших учебных заведений. Правоведение. – 2014. – № 1. – С. 25.

⁶⁷⁸ Джангир Аббасович Керимов, доктор юридических наук, профессор, член-корреспондент Академии наук СССР (1966) и Российской академии наук (1991), академик Академии наук Азербайджана (1967), главный научный сотрудник Института социально-

(соединение) по содержательным признакам определенных правовых частей в структурно упорядоченное целостное единство, обладающее относительной самостоятельностью, устойчивостью и автономностью функционирования»⁶⁷⁹.

Целый ряд ученых рассматривает системность как необходимое качественное свойство права⁶⁸⁰. Это свойство характеризуется наличием «всего многообразия прямых и обратных связей между юридическими нормами, реализация которых имеет общую для всех этих норм направленность»⁶⁸¹.

То есть ключевым в понятии системности становится наличие особых связей всех элементов совокупности. Наличие этой связи, как отмечают некоторые ученые, означает взаимообусловленность правовых норм.

Связь между нормами отдельной отрасли права некоторые исследователи определяют с помощью конструкции «гипотеза – диспозиция – санкция». Так, Б.В. Шейндлин под системностью права понимает такую связь правовых норм, при которой одни нормы определяют условия существования других правовых норм, нарушение которых, в свою очередь, должно повлечь применение норм, определяющих соответствующие меры принуждения⁶⁸².

Такой подход представляется весьма узким, в чем следует согласиться с Н.Л. Дворниковым. Кроме того, указанная позиция не является универсальной, поскольку нивелирует или даже исключает связи между правовыми нормами одного типа, наличие которых следует признать.

Системность в праве имеет внутреннее и внешнее проявление. Внутренняя системность характеризует структуру нормы права. То есть определяет системные связи элементов правовой нормы. Внешняя системность, в свою очередь, обуславливает взаимодействие конкретной нормы права с другими нормами. Это означает, что правовая норма вписывается в систему права, обладая способностью образовывать системные связи с иными нормами права. Такое включение в систему является избирательным, соответствующим характеру регулируемого правоотношения⁶⁸³.

политических исследований Российской академии наук, член Отделения общественных наук Российской академии наук.

⁶⁷⁹ Керимов Д.А. Методология права: предмет, функции, проблемы философии права. – М.: СГА, 2003. – С. 250.

⁶⁸⁰ Баранов А.В. Системоопределяющие специализированные нормы права в механизме правового регулирования // Вестник Томского государственного университета. Право. – 2011. – № 2. – С. 5

⁶⁸¹ Дворников Н.Л. Системность права как основа системного способа толкования норм права // Российский судья. – 2006. – № 12. – С. 37.

⁶⁸² Шейндлин Б.В. Сущность советского права. – Л.: Изд-во Ленингр. ун-та, 1959. – С. 7.

⁶⁸³ Воронин М.В. Системность права и системность правовых норм // Шестой пермский конгресс ученых-юристов. Избранные материалы. – М.: Статут, 2016. – С. 85-86.

С.С. Алексеев⁶⁸⁴ писал, что «каждая юридическая конструкция – это пусть и первичное, элементарное, но уже известное "построение", притом "системное" и "структурное". В ней отдельные юридические элементы – права, обязанности, меры ответственности – строятся в соответствии с требованиями жесткой структуры, в четкой системной последовательности, зависимости»⁶⁸⁵. То есть, по мнению С.С. Алексеева, любая конструкция в праве обладает свойством системности, что присуще и гражданскому процессу.

Следует обратить внимание на то, что в литературе используются понятия системности гражданского процесса и системности гражданского процессуального права, которые не являются тождественными. Они связаны между собой, так как гражданский процесс регулируется гражданским процессуальным правом, однако дефиниции их существенно различаются.

Понятие «системности гражданского процессуального права» логично синтезируется на базе понятий «системы гражданского процессуального права» и «системности в праве». Поскольку некоторые подходы к понятию системности в праве рассмотрены, следует обратить внимание на понятие системы гражданского процессуального права.

Необходимо отметить, что понятие системы гражданского процессуального права тесно связано с понятием гражданского процессуального права. От того, какие элементы предлагается включить в понимание гражданского процессуального права, зависит понятие его системы⁶⁸⁶. В зависимости от типа правопонимания система гражданского процессуального права может включать в себя только нормы гражданского процессуального права, нормы права и гражданские процессуальные правоотношения, а также другие элементы.

В доктрине также существует понятие «гражданская процессуальная система», которая представляет собой «совокупность законодательства, практики его применения и социокультурных условий общества, процессуальных действий и доктрины, касающихся защиты права по гражданским делам, а также специфики организации органов судебной власти»⁶⁸⁷. Данный подход представляется достаточно широким, что может свидетельствовать о широком подходе автора к понятию «права». Однако в рамках настоящего исследования целесообразным представляется рассмотрение иного понятия – система гражданского процессуального права.

⁶⁸⁴ Сергей Сергеевич Алексеев, доктор юридических наук, профессор, член-корреспондент Академии наук СССР (1987), член-корреспондент Российской академии наук (1991), основатель и первый директор Института философии и права УрО РАН.

⁶⁸⁵ Алексеев С.С. Восхождение к праву. Поиски и решения. – М.: Норма, 2001. – С. 283.

⁶⁸⁶ Бакулина Л.Т. Проблемы теории права и правореализации: учебник. – М.: Статут, 2017. – С. 80.

⁶⁸⁷ Малешин Д.Я. Гражданская процессуальная система России. – М.: Статут, 2011. – С. 39.

Систему гражданского процессуального права можно определить как обусловленную единством гражданских процессуальных отношений, внутренне согласованную совокупность гражданских процессуальных норм, институтов и других, относительно самостоятельных структурных элементов этой отрасли права, направленных на достижение цели защиты нарушенного права, объединенных в единое целое устойчивыми типовыми связями⁶⁸⁸.

Принимая во внимание обозначенные дефиниции, можно заключить, что системность гражданского процессуального права представляет собой свойство гражданских процессуальных норм, институтов и других, относительно самостоятельных структурных элементов гражданского процессуального права, предполагающее их взаимосвязь, взаимообусловленность и взаимное действие.

О.В. Исаенкова и А.А. Демичев указывают, что системность гражданского процессуального права предполагает образование всеми структурными элементами отрасли логически единой законодательной целостности⁶⁸⁹. Предлагая определение одного из свойств отрасли права, авторы обращают внимание на тесную связь понятий «гражданского процессуального права» и «гражданского процессуального законодательства». Термин «законодательная целостность» представляется в рамках указанного определения достаточно удачным, так как именно законодательные акты являются внешней формой выражения гражданского процессуального права.

Системность гражданского процессуального права является его основополагающей характеристикой, обеспечение которой является необходимым условием для успешного развития и реформирования правовых институтов в сфере гражданского судопроизводства⁶⁹⁰.

Системность гражданского процессуального права во многом определяется системностью гражданского процесса. Это связано с особенностью соотношения понятий гражданского процессуального права и гражданского процесса. Правовые нормы рассматриваемой отрасли являются средством регулирования гражданского процесса, то есть эти нормы являются «руководством» для субъектов гражданского процессуального права, участников гражданского процесса.

Системность процессуальных действий участников судопроизводства, характеризующая системность гражданского процесса, непосредственно

⁶⁸⁸ Никитин С.В. Гражданский процесс: учебник. – М.: РГУП, 2016. – С. 18; Шерстюк В.М. Система советского гражданского процессуального права (вопросы теории). – М.: Изд-во МГУ, 1989. – С. 19.

⁶⁸⁹ Исаенкова О.В. Гражданское процессуальное право России: учебник. – М.: Норма, 2009. – С. 22.

⁶⁹⁰ Самсонов Н.В. К вопросу о системности гражданского процессуального права // Арбитражный и гражданский процесс. – 2017. – № 10. – С. 11.

влияет на характер норм гражданского процессуального права. Эти нормы, закрепляя права и обязанности субъектов гражданского процессуального права, также находятся в системной взаимосвязи. Можно сказать, что система процессуальных действий участников гражданского судопроизводства является основанием системности гражданского процессуального права.

Таким образом, системность гражданского процессуального права производна от системности гражданского процесса⁶⁹¹. То есть системные связи, определяющие взаимодействие участников гражданского судопроизводства, оказывают непосредственное влияние на содержание системности гражданского процессуального права. Тем не менее не исключается обратное взаимодействие. Внесение изменений в законодательные акты, регулирующие гражданские процессуальные правоотношения, очевидно, может оказать воздействие на системность действий субъектов гражданского процессуального права, а значит и на характер системности гражданского процесса.

Гражданский процесс представляет собой целостную систему процессуальных действий суда и других участников гражданского процесса, а также отношений между ними, возникающих в ходе производства по гражданскому делу, взаимосвязанных и взаимодействующих между собой⁶⁹². Представление о гражданском процессе именно как о системе действий субъектов гражданских процессуальных правоотношений является достаточно распространенным в юридической литературе⁶⁹³ и не вызывает сомнений. Именно такой подход дает возможность сделать вывод о системности гражданского процесса как о его необходимом и обязательном свойстве.

Таким образом, системность гражданского процесса – это его свойство, означающее единство и взаимосвязь процессуальных действий участников гражданского судопроизводства как элементов структуры единого, целостного процессуального механизма.

Свойство системности проявляется на всех этапах гражданского судопроизводства. На каждой стадии гражданского процесса действия субъектов должны быть взаимосвязанными, взаимообусловленными и взаимозависимыми. Системная связь в гражданском процессе должна обеспечиваться по всем направлениям:

– связь между действиями в рамках одной стадии гражданского судопроизводства (горизонтальная);

⁶⁹¹ Курочкин С.А. Гражданское процессуальное право через призму системного подхода // Вестник ОмГУ. Серия. Право. – 2012. – № 3 (32). – С. 200.

⁶⁹² Там же.

⁶⁹³ Коваленко А.Г., Мохов А.А., Филиппов П.М. Гражданский процесс: учебник. – М.: Юридическая фирма «КОНТРАКТ»; ИНФРА-М, 2008. – С. 5; Нехороших А.М. Гражданское процессуальное право (Общая часть): учебное пособие. – Курск: Юго-Зап. гос. ун-т, 2014. – С. 20.

- связь между действиями в их последовательности (вертикальная)⁶⁹⁴;
- связь между действиями разных участников гражданского судопроизводства на разных стадиях (смешанная или диагональная).

Наличие горизонтальной связи предполагает согласованность действий участников гражданского процесса в рамках одной стадии судопроизводства. То есть права и обязанности одного участника не должны противоречить правам и обязанностям другого. В этом смысле действия, а значит и правовые нормы, должны корреспондировать друг другу.

Вертикальная связь гарантирует логику последовательных действий участника в гражданском процессе. Одно действие следует за другим в логичной последовательности, в соответствии с задачами судопроизводства на разных стадиях.

Смешанная или диагональная связь необходима для обеспечения концептуальной сочетаемости действий участников судопроизводства. Действия участника процесса на одной стадии должны быть согласованы с действиями остальных участников на иных стадиях производства по гражданскому делу.

Совокупность этих условий обеспечивает свойство системности в гражданском процессе. Для этого необходимо наличие всех трех уровней системных связей. Отсутствие одного из направлений препятствует воздействию свойства системности, что порождает возникновение правовых коллизий.

Системность гражданского процесса позволяет гарантировать согласованность норм гражданского процессуального права, а также обеспечить эффективность гражданского судопроизводства и достижение цели производства по гражданскому делу – быстрое, правильное и справедливое разрешение гражданско-правового спора⁶⁹⁵.

Выводы. Таким образом, системность гражданского процесса представляет собой необходимое и обязательное свойство гражданского процесса, обеспечивающее вертикальную, горизонтальную и функциональную связь между действиями участников гражданского судопроизводства, реализуемых в рамках гражданских процессуальных правоотношений. Системность как свойство гражданского процесса присуща любому гражданскому процессуальному правоотношению и призвана обеспечить его полноту и эффективность.

Именно системность гражданского процесса позволяет гарантировать соблюдение прав и исполнение обязанностей субъектами гражданского

⁶⁹⁴ Исаенкова О.В. Гражданское процессуальное право России: учебник. – М.: Норма, 2009. – С. 27.

⁶⁹⁵ Самсонов Н.В. К вопросу о системности гражданского процессуального права // Арбитражный и гражданский процесс. – 2017. – № 10. – С. 9.

процессуального права. Установление субъективных процессуальных прав в отсутствие корреспондирующих им субъективных обязанностей является нецелесообразным и даже бесполезным. Обязанность, направленная на соблюдение права, является гарантией стабильности правоотношения.

Системность гражданского процесса, являясь обязательным свойством, непосредственно оказывает влияние на содержание норм гражданского процессуального права, регулирующих отношения участников гражданского судопроизводства. Гражданское процессуальное право под влиянием системности гражданского процесса тоже приобретает свойство системности.

Только при условии сохранения этого свойства возможно существование полного гражданского процессуального правоотношения и формирование эффективного правового регулирования в области гражданского судопроизводства.

В связи с этим представляется необходимым учет концепции системности гражданского процесса при разработке и совершенствовании норм гражданского процессуального права. Это позволит избежать правовых коллизий и поможет восполнению пробелов в праве, что, в свою очередь, будет способствовать эффективному, правильному и справедливому отправлению правосудия по гражданским делам.

§ 3. Решение суда по делам особого производства в гражданском и арбитражном судопроизводстве

Введение. Современное реформирование законодательства, регулирующего гражданское и арбитражное судопроизводство, обусловлено общими задачами реализации цивилистических процессуальных правоотношений и, безусловно, направлено на совершенствование всего механизма осуществления права на судебную защиту. В связи с чем продолжают проводиться научные исследования как новых, так и основных эффективно функционирующих процессуальных институтов, на основе чего и осуществляется поиск путей их развития. Безусловный интерес современных исследователей вызывают вопросы вынесения решения по делам особого производства в цивилистическом судопроизводстве. Необходимо отметить, что актуальными являются вопросы полномочий суда, которые суд вправе и обязан реализовать в решении суда как акте правосудия по делам особого производства. Эти полномочия раскрывают особенные характеристики таких судебных актов. Также актуальными являются вопросы о возможной трансформации особого производства в исковое и наоборот. Механизмы и конструкции, которые применяются в других

процедурах судопроизводства, могут быть заимствованы и для особого производства.

В настоящее время порядок вынесения, форма и содержание решения суда как акта правосудия по делам, рассматриваемым судами общей юрисдикции в порядке гражданского судопроизводства и арбитражными судами в порядке арбитражного судопроизводства и, в частности, в особом производстве, урегулированы в гл. 16 ГПК РФ⁶⁹⁶ и гл. 20 АПК РФ⁶⁹⁷ соответственно. По вопросам вынесения решения в цивилистическом судопроизводстве принят акт официального толкования: Постановление Пленума Верховного суда Российской Федерации от 19.12.2003 г. № 23 «О судебном решении»⁶⁹⁸.

Как известно, «особым производством в гражданском процессе признается производство, регулирующее не только порядок установления юридических фактов, но и юридических состояний, а также контроль за деятельностью органов нотариата и ЗАГСa в условиях отсутствия спора о субъективном материальном праве»⁶⁹⁹.

Андрей Владимирович Юдин в своем исследовании выделил «обязательные (необходимые, сущностные) и факультативные признаки особого производства. К первым относятся объективная необходимость его существования и отсутствие спора о праве. В свою очередь факультативные признаки подразделяются на объективные (сочетание частных и публичных начал, специфическое действие принципов процесса, единство процессуальной формы для дел искового и особого производства, общность процессуальных норм, самостоятельный предмет защиты, предмет судебного разбирательства, предмет доказывания, средство и способ защиты интереса, неприменение ряда процессуальных институтов, особый субъектный состав, особенности процессуального порядка рассмотрения дел, особенности решений и их исполнения) и субъективные (например, право суда по некоторым категориям дел особого производства признавать неоспариваемые субъективные права)»⁷⁰⁰. Необходимо отметить, что процедуры особого производства являются в настоящее время востребованными и реализуются, как показывает практика, в целом эффективно.

⁶⁹⁶ Гражданский процессуальный кодекс Российской Федерации от 14.11.2002 № 138-ФЗ (ред. от 01.07.2021) // Собрание законодательства РФ. – 18.11.2002. – № 46. – Ст. 4532.

⁶⁹⁷ Арбитражный процессуальный кодекс Российской Федерации от 24.07.2002 № 95-ФЗ (ред. от 01.07.2021, с изм. от 22.07.2021) // Собрание законодательства РФ. – 29.07.2002. – № 30. – Ст. 3012.

⁶⁹⁸ Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 19.12.2003 № 23 (ред. от 23.06.2015) «О судебном решении» // Российская газета. – № 260. – 26.12.2003.

⁶⁹⁹ Чудиновская Н.А. Установление юридических фактов в гражданском и арбитражном процессе. – М.: Волтерс Клувер, 2008. – С. 25.

⁷⁰⁰ Юдин А.В. Особое производство в арбитражном процессе: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. – Самара, 2002. – С. 7.

Основное исследование

1. Отдельные теоретические представления относительно решения суда в гражданском и арбитражном судопроизводстве и, в частности, по делам особого производства

В науке гражданского процессуального права вопросы, связанные с решением суда как актом правосудия, постоянно находятся в центре внимания исследователей. Значимые научные разработки были проведены в советский период развития нашего отечественного государства. В частности, Петр Яковлевич Трубников в рамках диссертационного исследования рассматривал ряд вопросов о судебном решении⁷⁰¹. Общеизвестные научные достижения по вопросам судебного решения по гражданским делам представлены в работах известных российских исследователей Марка Аркадьевича Гурвича⁷⁰², Надежды Александровны Чечиной⁷⁰³ и Николая Борисовича Зейдера⁷⁰⁴ и других.

М.А. Гурвич в свое время констатировал: «Решением советского суда в исковом производстве называется выносимое именем государства постановление суда, которым на основе оценки рассмотренных судом доказательств и установления по принципу объективной истины имеющих по делу значение юридических фактов разрешается согласно советскому закону с принудительной силой спор о гражданском правоотношении»⁷⁰⁵.

В современных условиях развития нашего государства как демократического поменялись многие представления, в том числе на содержание принципа объективной истины. Так, по этому вопросу является обоснованной позиция В.В. Ершова, который отметил, что «принцип объективной истины теоретически более обосновано рассматривать как конечную цель гражданского судопроизводства, связанную с действительной необходимостью максимально более полного и всестороннего исследования всех обстоятельств конкретного дела». Принцип объективной истины, по мнению В.В. Ершова, «спорно относить собственно к принципам гражданского процессуального права, обязательным для неопределенного круга лиц, не участвовавших в данном гражданском деле»⁷⁰⁶.

⁷⁰¹ Трубников П.Я. Советский суд в борьбе с гражданскими правонарушениями: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. – М., 1953. – 16 с.

⁷⁰² Гурвич М.А. Решение советского суда в исковом производстве / М-во высш. образования СССР. Всесоюз. юрид. заоч. ин-т. – М.: ВИЮН, 1955. – 128 с.; Гурвич М.А. Судебное решение: теоретические проблемы. – М.: Юрид. лит., 1976. – 173 с.

⁷⁰³ Чечина Н.А. Норма права и судебное решение / Ленингр. ордена Ленина гос. ун-т им. А.А. Жданова. – Л.: Изд-во Ленингр. ун-та, 1961. – 78 с.

⁷⁰⁴ Зейдер Н.Б. Судебное решение по гражданскому делу. – М.: Юрид. лит., 1966. – 190 с.

⁷⁰⁵ Гурвич М.А. Решение советского суда в исковом производстве / М-во высш. образования СССР. Всесоюз. юрид. заоч. ин-т. – М.: ВИЮН, 1955. – С. 5.

⁷⁰⁶ Ершов В.В. Правовое и индивидуальное регулирование общественных отношений: монография. – М.: РГУП, 2018. – С. 274.

Вместе с тем сущностные характеристики акта правосудия остаются неизменными. «Судебное решение выносится и провозглашается именем государства, чем выражается полнота полномочий суда как органа правосудия и значение решения как акта, обязательность которого обеспечивается всей мощью государственной власти»⁷⁰⁷.

М.А. Гурвич выделял следующие элементы судебного решения: «а) спорное правоотношение, составляющее предмет судебного решения (о чем вынесено судебное решение); б) основание судебного решения – соображения, по которым суд пришел к решающему выводу (почему суд вынес именно такое решение); в) содержание решения – указание того, как разрешен судом поставленный перед ним в исковом требовании правовой вопрос (что именно суд решил)»⁷⁰⁸.

Н.А. Чечина предметом судебного решения рассматривала «материально-правовые отношения, истинность и бесспорность которых установлена судом»⁷⁰⁹. Она акцентировала внимание на источниках судебного решения и отмечала, что это «суть то, что воздействует на общественные отношения в результате судебной деятельности. Если источниками судебной деятельности являются нормы права, применяемые судом в целях урегулирования отношений, то и источники решения, фиксирующего результат применения права, суть те же нормы права»⁷¹⁰. В своей работе автор констатирует, что «законная сила судебного решения – это наделение его теми же качествами, теми же свойствами, которыми обладает нормативный акт»⁷¹¹.

Н.А. Чечина отмечала, что «после вступления в законную силу решения суда, помимо свойств, составляющих понятие самой законной силы, приобретает также свойство преюдициальности. Преюдициальность или преюдиция решения означает истинность отношений и фактов, установленных судом и зафиксированных в решении, которое вступило в законную силу. Эти отношения и факты не могут быть подвергнуты сомнению, а также вторичному исследованию со стороны судебных и административных органов, а также общественных организаций»⁷¹².

Говоря о законной силе судебного решения, Н.А. Чечина, подчеркивала, что «будучи его качеством, определяемым нормой права, распространяет силу нормы на определенный круг общественных отношений и

⁷⁰⁷ Гурвич М.А. Решение советского суда в исковом производстве / М-во высш. образования СССР. Всесоюз. юрид. заоч. ин-т. – М.: ВИЮН, 1955. – С. 6.

⁷⁰⁸ Там же. – С. 7.

⁷⁰⁹ Чечина Н.А. Норма права и судебное решение / Ленингр. ордена Ленина гос. ун-т им. А.А. Жданова. – Л.: Изд-во Ленингр. ун-та, 1961. – С. 32.

⁷¹⁰ Там же. – С. 38.

⁷¹¹ Там же. – С. 55.

⁷¹² Там же. – С. 64.

на конкретных субъектов этих отношений. Если норма права сама по себе регулирует определенный круг общественных отношений, устанавливает правила поведения для всех лиц, которые могут стать или уже являются субъектами этих общественных отношений, то норма права, примененная судом, регулирует через судебное решение не все возможные, сходные или аналогичные отношения, а только отношения, исследованные судом. Решение же, в соответствии с правилами, зафиксированными в примененной норме, устанавливает порядок и сроки выполнения обязанностей определенными субъектами конкретных отношений»⁷¹³. При этом она отмечала, что «отличие между решением суда, наделенным силой закона, или законом есть отличие между нормой права и актом применения права»⁷¹⁴.

Н.Б. Зейдер, рассматривая судебное решение как процессуальный акт, отмечал, что «судебное решение является актом, исходящим от органа правосудия, постановленным в известных процессуальных формах, в определенном порядке, который установлен советским законом для рассмотрения судом гражданских дел, т. е. является процессуальным актом»⁷¹⁵. В связи с чем автор определил черты, отличающие решение суда от определения. В частности, следующие: а) судебное решение является судебным постановлением, которое направлено на разрешение дела по существу; б) судебное решение является постановлением суда, всегда заканчивающим производство по делу в суде первой инстанции; в) судебное решение представляет собой тот процессуальный акт, на получение которого в конечном счете направлено все производство по делу, все процессуальные действия суда, сторон и других участников дела; г) судебное решение принимается только коллегиальным составом суда; д) судебное решение постановляется только в совещательной комнате⁷¹⁶.

Необходимо признать, что большинство из вышеизложенных черт судебного решения, обоснованных в работах Н.Б. Зейдера, отвечают и реалиям современного времени. Вместе с тем такая черта, как возможность принятия решения только коллегиальным составом суда, в настоящее время не действует. Как известно, в 1966 году, когда проводились исследования автором, действовал принцип осуществления правосудия коллегиальным составом суда, закрепленный в ст. 103 Конституции СССР⁷¹⁷.

⁷¹³ Там же. – С. 72.

⁷¹⁴ Там же. – С. 57.

⁷¹⁵ Зейдер Н.Б. Судебное решение по гражданскому делу. – М.: Юрид. лит., 1966. – С. 61.

⁷¹⁶ Там же. – С. 62-67.

⁷¹⁷ Конституция (Основной Закон) Союза Советских Социалистических Республик: утв. Постановлением Чрезвычайного VIII Съезда Советов СССР от 05.12.1936 // Известия ЦИК СССР и ВЦИК. – № 283. – 06.12.1936.

В своей работе именно Н.Б. Зейдер обосновывал, что «судебное решение должно удовлетворять определенным требованиям, вытекающим из самой природы судебного решения как акта правосудия». В числе основных требований он называл «законность и обоснованность». Также называл требования «об исчерпывающем характере судебного решения, о его категоричности и о безусловности»⁷¹⁸.

Из научных разработок постперестроечного периода развития отечественного государства безусловный интерес представляют исследования, проведенные старшим научным сотрудником сектора гражданского права, гражданского и арбитражного процесса Института государства и права Российской академии наук, кандидатом юридических наук Константином Александровичем Лебедем⁷¹⁹. Рассматривая проблемы теории и практики принятия решений арбитражным судом, автор предложил рассматривать совокупность процессуальных действий, направленных на принятие решения судом, как отдельную стадию арбитражного процесса⁷²⁰. Так, К.А. Лебедь констатировал: «Принятие судом решения по существу спора представляет собой самостоятельную стадию арбитражного процесса, участником которой является только суд. В рамках этой стадии суд оценивает доказательства, признает установленными (или не установленными) соответствующие обстоятельства, определяет применимые в данном конкретном деле нормы права и делает окончательный вывод по существу заявленных требований и возражений»⁷²¹.

Согласно позиции автора: «Решение арбитражного суда является государственным актом защиты нарушенных или оспоренных прав и законных интересов, как правило, участников предпринимательской деятельности (организаций и индивидуальных предпринимателей). Решение способствует формированию и поддержанию правопорядка в области предпринимательских отношений, развитию гражданского (рыночного) оборота»⁷²².

К.А. Лебедь в своих работах обосновывает вывод о том, что «решение арбитражного суда должно обладать не только свойствами законности и обоснованности, но и свойствами справедливости и разумности». «Характеристика решения арбитражного суда с точки зрения справедливости и разумности», по мнению автора, «позволит наиболее объективно оценивать

⁷¹⁸ Зейдер Н.Б. Судебное решение по гражданскому делу. – М.: Юрид. лит., 1966. – С. 67-75.

Лебедь К.А. Решение арбитражного суда: проблемы теории и практики: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. – М., 2002. – 24 с.

⁷¹⁹ Лебедь К.А. Решение арбитражного суда. – М.: ИГП РАН, 2005. – 116 с.; Лебедь К.А. Виды судебных решений в гражданском процессе // Российское правосудие. – 2016. – № 51. – С. 196-205.

⁷²⁰ Там же. – С. 8.

⁷²¹ Там же. – С. 9.

⁷²² Там же. – С. 8.

эффективность правосудия в целом, что в конечном счете будет способствовать формированию и поддержанию должного правопорядка в стране, предопределять надлежащее поведение участников (и не только участников) предпринимательских отношений»⁷²³.

По мнению К.А. Лебеда, «законная сила решения арбитражного суда рассматривается как состояние, выражающееся в свойствах обязательности, исключительности, преюдициальности и исполнимости. Неопровержимость не является свойством законной силы решения арбитражного суда. Вступившее в законную силу решение арбитражного суда может быть опровергнуто лицами, участвующими в деле, путем обжалования в кассационную инстанцию арбитражного суда»⁷²⁴.

Важной представляется позиция К.А. Лебеда по вопросу о том, что применение понятия «решение» к деятельности проверочных инстанций не отражает целей деятельности этих инстанций и искажает сущность решения как акта, разрешающего спор. Так, он утверждает, что «кассационная и надзорная инстанции по самой своей сути не могут принимать решения, поскольку не наделены полномочиями исследовать и оценивать доказательства, так как это делает суд первой инстанции. Они могут только изменять, поправить решение, принятое судом первой инстанции. Различие решения арбитражного суда первой инстанции и постановлений вышестоящих инстанций обусловлено разными задачами, которые решаются на конкретной стадии арбитражного процесса, и содержанием деятельности соответствующих судебных инстанций»⁷²⁵.

В отличие от других исследователей, К.А. Лебедь считает, что в АПК РФ «следует предусмотреть возможность вынесения промежуточных решений и процедуру их вынесения»⁷²⁶. В связи с чем необходимо отметить, что в свое время Н.Б. Зейдер указал на то, что промежуточные и частные решения имеют место в гражданском судопроизводстве, однако они «являются следствием тех или иных недостатков в отправлении правосудия» и «представляют собой исключения из общего правила»⁷²⁷.

Вышеизложенные позиции ученых относительно решения суда, безусловно, распространяются и на судебные акты, которые выносятся судом не только в исковых, но и неисковых производствах.

В настоящее время исследование вопросов правового регулирования порядка вынесения, формы и содержания решения суда как акта

⁷²³ Там же. – С. 9.

⁷²⁴ Там же. – С. 9-10.

⁷²⁵ Там же. – С. 15.

⁷²⁶ Там же. – С. 10.

⁷²⁷ Зейдер Н.Б. Судебное решение по гражданскому делу. – М.: Юрид. лит., 1966. – С. 72-73.

правосудия осуществляются с учетом тех коренных изменений, которые произошли в отечественном государстве, в законодательстве и организации судебной власти.

Современные исследователи рассматривают некоторые вопросы решений по делам особого производства в рамках работ, посвященных отдельным категориям дел. Так, Всеволод Владимирович Аргунов, рассматривая вопросы вызывного производства, заостряет внимание на том, что право обжалования решения по делу предоставлено только лицам, участвующим в деле, к которым не относятся те неизвестные заинтересованные лица, права которых могут быть нарушены вынесенным судебным актом об удовлетворении требований заявителя⁷²⁸. В настоящее время этот пробел в законодательстве устранен по отношению к ряду проверочных инстанций (ч. 3 ст. 320, ч. 1 ст. 376, ч. 1 ст. 390.2, ч. 1 ст. 391.1 ГПК РФ). Однако в ст. 394 ГПК РФ право на обжалование судебных актов по новым и вновь открывшимся обстоятельствам не предоставлено лицам, чьи права нарушены принятым судебным актом.

Наталья Андреевна Чудиновская в своих работах заострила внимание на том, что «правовая природа судебных решений по делам особого производства имеет особенности. В отличие от дел, в которых разрешается спор о праве, решение только констатирует юридический факт, но не решает вопроса о правоотношениях заинтересованных лиц»⁷²⁹.

Этот вывод не является новым, так, в свое время Д.М. Чечет отмечал, что решение в делах особого производства хотя и завершает их рассмотрение, но не разрешает до конца вопрос о правоотношениях заявителя и других заинтересованных лиц. Решение данного вопроса находится за пределами особого производства⁷³⁰.

Исследование актуальных вопросов теории, правового регулирования и практики толкования и применения относительно судебных решений, в том числе принимаемых в порядке особого производства, продолжается.

2. Полномочия суда в отдельных процедурах особого производства по нормам ГПК РФ и АПК РФ: проблемы правового регулирования

Поднимая вопросы о полномочиях суда, отражающихся в судебных решениях по делам особого производства в цивилистическом процессе,

⁷²⁸ Аргунов В.В. Вызывное производство в гражданском процессе. – М.: Городец, 2006. – С. 83.

⁷²⁹ Чудиновская Н.А. Установление юридических фактов в гражданском и арбитражном процессе. – М.: Волтерс Клувер, 2008. – С. 51.

⁷³⁰ Курс советского гражданского процессуального права. Теоретические основы правосудия по гражданским делам: в 2-х т. Т. 2 / Под ред. А.А. Мельникова. – М.: Наука, 1981. – С. 184.

необходимо отметить, что в настоящее время в гл. 27 подраздела IV ГПК РФ, где содержатся общие положения об особом производстве, нет норм, посвященных особенностям решения как акта правосудия по таким категориям дел. Вместе с тем в ч. 1 ст. 263 содержится правило, согласно которому «дела особого производства рассматриваются и разрешаются судом по общим правилам искового производства...». Соответственно, необходимо руководствоваться положениями гл. 16 ГПК РФ. Аналогично решен вопрос в АПК РФ (ч. 1 ст. 222).

При этом судебная практика показывает отдельные проблемы применения норм процессуального права. В частности, имеются случаи, когда содержание решений, выносимых судом в порядке особого производства, включает информацию, которая может быть отражена только в решении по исковому производству. В частности, по делу от 29.07.2020 г. № 2-190/220 Кисловодский городской суд Ставропольского края принял решение, во вводной части которого указано, что «рассмотрено гражданское дело по исковому заявлению И. к Ч.А., Ч.Д. об установлении факта нахождения на иждивении»⁷³¹. Соответственно, получается, что для суда, который рассмотрел дело особого производства, не важна разница между «исковым заявлением» и «заявлением» как просительными документами. Данное обстоятельство находит отражение и в резолютивной части этого судебного акта, где суд указал, что удовлетворил исковое заявление и установил юридический факт о нахождении на иждивении. Такие случаи не являются единичными. Многие судьи, осуществляющие правосудие в районных судах и действующие как суды первой инстанции, не уделяют должного внимания разграничению видов производств, что в большинстве случаев явно следует из содержания выносимых ими решений. Следует признать, что такой подход не может быть допустимым для высококвалифицированных юристов, занимающих должности судебного корпуса.

Вместе с тем, как известно, в некоторых случаях суд вправе выносить и определение как окончательный акт по результатам рассмотрения дела в порядке особого производства. Как известно, согласно ч. 3 ст. 263 ГПК РФ, суд выносит определение об оставлении заявления без рассмотрения, если при подаче заявления или рассмотрении дела в порядке особого производства устанавливается наличие спора о праве. В таком судебном акте суд обязан разъяснить заявителю и другим заинтересованным лицам, что они имеют право обратиться за защитой своего права в исковом производстве.

Так, Г. обратилась в Невский районный суд Санкт-Петербурга с заявлением, в котором просила установить факт наличия второго подлинного

⁷³¹ Решение Кисловодского городского суда Ставропольского края от 29.07.2020 г. по делу № 20190/22020 // СПС «КонсультантПлюс». – URL: <https://www.consultant.ru/> (Дата обращения: 07.09.2023 г.).

экземпляра акта приема-передачи квартиры от 23.12.2014 к договору участия в долевом строительстве № 0100027502 от 09.12.2013, подписанного между ООО «СТ-Инвест» и Г., отразить в резолютивной части решения, что вступившее в силу решение суда по данному требованию является основанием для государственной регистрации права собственности Г. на квартиру. Невский районный суд Санкт-Петербурга вынес определение об оставлении данного заявления без рассмотрения 28.06.2019. Суд, рассматривая заявленные требования, руководствовался ст. 11, 12, 130, ч. 1 ст. 131 ГК РФ. В соответствии с действующим законодательством установление заявленного факта само по себе не имеет самостоятельного правового значения, поскольку основанием для государственной регистрации права собственности на объект недвижимости является вступившее в законную силу решение суда о признании права собственности на спорное имущество. В связи с вышеизложенным суд пришел к выводу, согласно которому заявление Г. по сути направлено на разрешение спора о правах на объект недвижимости. Такие требования подлежат рассмотрению в порядке искового производства. Апелляционным определением судебной коллегии по гражданским делам Санкт-Петербургского городского суда определение суда первой инстанции об оставлении заявления без рассмотрения оставлено без изменения. Третий кассационный суд общей юрисдикции определением от 06.05.2020 № 88-8039/2020 оставил в силе определение суда первой и апелляционной инстанций⁷³².

При этом отечественное гражданское процессуальное законодательство не всегда устанавливало, что при наличии спора о праве суду надлежит выносить определение об оставлении заявления без рассмотрения. Так, по нормам ГПК РСФСР 1923 года суд при обнаружении спора о праве по делам особого производства должен был выносить определение о прекращении производства по делу (ст. 193)⁷³³.

Позже в п. 3 ст. 246 ГПК РСФСР 1964 года⁷³⁴ появилось аналогичное современному правило, согласно которому «если при рассмотрении дела в порядке особого производства возникает спор о праве, подведомственный судам, суд оставляет заявление без рассмотрения и разъясняет заинтересованным лицам, что они вправе предъявить иск на общих основаниях».

⁷³² Определение Третьего кассационного суда общей юрисдикции от 06.05.2020 г. № 88-8039/2020 // СПС «КонсультантПлюс». – URL: <https://www.consultant.ru/> (Дата обращения: 07.09.2023 г.).

⁷³³ Постановление ВЦИК от 10.07.1923 (ред. от 31.01.1958) «О введении в действие Гражданского Процессуального Кодекса Р.С.Ф.С.Р.» (вместе с «Гражданским Процессуальным Кодексом Р.С.Ф.С.Р.») // СУ РСФСР. – 1923. – № 46 – 47. – Ст. 478.

⁷³⁴ Закон РСФСР от 11.06.1964 (ред. от 21.03.1991) «Об утверждении Гражданского процессуального кодекса РСФСР» (вместе с Кодексом) // Ведомости ВС РСФСР. – 1964. – № 24. – Ст. 407.

Практика применения ч. 3 ст. 263 ГПК РФ показывает неоднозначные позиции, отраженные также и в решениях по делу. Так, в Апелляционном определении Московского городского суда по делу № 33-12743/2020 от 10.04.2020⁷³⁵, которым было отменено определение об оставлении заявления без рассмотрения, вынесенное Мещанским районным судом, отмечено, что «выводы суда о наличии спора о праве могут быть сделаны только при рассмотрении заявления по существу, доводы и обстоятельства, на которые ссылается заявитель, нуждались в проверке». Соответственно, на момент принятия заявления к производству выводы суда о наличии спора о праве признаны вышестоящей инстанцией преждевременными. Такие позиции не единичны в судебной практике. В связи с чем можно предложить уточнить в процессуальном законодательстве действующую формулировку ч. 3 ст. 263 ГПК РФ с учетом того, что полномочие об оставлении заявления без рассмотрения суд вправе реализовать только при подготовке дела к судебному разбирательству или в ходе судебного разбирательства.

Также вышеизложенное позволяет сформулировать предложение о возможной трансформации особого производства в исковое. Представляется, что такая трансформация может быть проведена по инициативе как суда, так и сторон и на основании полномочий, предоставленных суду процессуальным законодательством. Так, по нашему мнению, суду на законодательном уровне может быть предоставлено право решить вопрос о трансформации при принятии требований, поступивших от заинтересованных лиц к производству, а также во время подготовки дела к судебному заседанию (например, в предварительном судебном заседании) или в основном судебном заседании поставить на обсуждение вопрос о трансформации (о переходе от особого в исковое производство) и оформить результат такого обсуждения определением.

При этом такая трансформация, по нашему мнению, вполне возможна и, наоборот, из искового производства в особое, как в целом по всем требованиям, так и по части заявленных требований.

Косвенно подтверждает обозначенную выше позицию действующая в настоящее время конструкция, урегулированная в абз. 2 ч. 2 ст. 33.1 ГПК РФ, которая дает возможность суду поступившие в суд требования как иски принять к производству для рассмотрения в порядке административного судопроизводства. Также механизм, закрепленный в ч. 3 ст. 33.1 ГПК РФ о возможности трансформации искового производства в административное во время подготовки дела к судебному разбирательству или в ходе судебного

⁷³⁵ Апелляционное определение Московского городского суда по делу № 33-12743/2020 от 10.04.2020 г. // СПС «КонсультантПлюс». – URL:<https://www.consultant.ru/> (Дата обращения: 07.09.2023 г.).

разбирательства, позволяет смоделировать возможность его применения и к другим видам производств, в частности к особому.

Переходя анализу полномочий, реализуемых судом в отдельных видах особого производства, необходимо отметить ряд их общих и особенных характеристик. Так, в настоящее время в гл. 28 ГПК РФ, посвященной регулированию порядка установления фактов, имеющих юридическое значение, в ст. 268 закреплено положение, согласно которому «решение суда по заявлению об установлении факта, имеющего юридическое значение, является документом, подтверждающим факт, имеющий юридическое значение, а в отношении факта, подлежащего регистрации, служит основанием для такой регистрации, но не заменяет собой документы, выдаваемые органами, осуществляющими регистрацию». Соответственно, после решения суда заявителю необходимо совершить действия, направленные на регистрацию права.

В АПК РФ порядок рассмотрения дел об установлении фактов, имеющих юридическое значение, урегулирован в гл. 27. Решение выносится по правилам, закрепленным в ст. 222 АПК РФ. Законодательство акцентирует внимание на резолютивной части решения по делу, где должно быть указано на наличие факта, имеющего юридическое значение, и должен быть изложен установленный факт (ч. 2 ст. 222 АПК РФ). Согласно ч. 3 ст. 222 АПК РФ, решение арбитражного суда об установлении факта, имеющего юридическое значение, является основанием для регистрации соответствующими органами такого факта или оформления прав, которые возникают в связи с установленным фактом и не заменяют собой документы, выдаваемые этими органами. Соответственно, по этому вопросу правовое регулирование по нормам ГПК РФ и АПК РФ аналогичное.

Игорь Евгеньевич Манылов, справедливо подчеркнул, что «вступившее в законную силу решение суда об установлении факта, имеющего юридическое значение, обязательно для органов, регистрирующих такие факты или оформляющих права, которые возникают в связи с установленным судом фактом. Так, п. 21 Постановления Пленума Верховного Суда РФ № 10, Пленума ВАС РФ № 22 от 29 апреля 2010 г. «О некоторых вопросах, возникающих в судебной практике при разрешении споров, связанных с защитой права собственности и других вещных прав»⁷³⁶ устанавливает, что в силу ст. 268 ГПК РФ решение суда об установлении факта добросовестного, открытого и непрерывного владения имуществом как своим собственным в течение

⁷³⁶ Постановление Пленума Верховного Суда РФ № 10, Пленума ВАС РФ № 22 от 29.04.2010 (ред. от 23.06.2015) «О некоторых вопросах, возникающих в судебной практике при разрешении споров, связанных с защитой права собственности и других вещных прав» // Российская газета. – № 109. – 21.05.2010.

срока приобретательной давности также является основанием для регистрации права собственности в ЕГРП»⁷³⁷.

В гл. 29 ГПК РФ, регулирующей порядок усыновления (удочерения) ребенка в гражданском судопроизводстве, в ст. 274 ГПК закреплены ряд нормативных положений, имеющих большое значение для вынесения решения по таким категориям дел.

Так, в ч. 1 ст. 274 ГПК РФ закреплены следующие полномочия суда: может быть вынесено решение об удовлетворении заявления или об отказе в удовлетворении заявления. При положительном решении поставленного вопроса суд в данном решении «признает ребенка усыновленным конкретными лицами (лицом) и указывает в решении суда все данные об усыновленном и усыновителях (усыновителе), необходимые для государственной регистрации усыновления в органах записи актов гражданского состояния».

При этом в абз. 2 ч. 1 ст. 274 ГПК РФ установлено, что суд при вынесении в целом положительного решения вправе «отказать в части удовлетворения просьбы усыновителей (усыновителя) о записи их в качестве родителей (родителя) ребенка в записи акта его рождения, а также об изменении даты и места рождения ребенка».

В ч. 2 ст. 274 ГПК РФ установлен момент, с которого права и обязанности усыновленных детей и их усыновивших родителей вступают в законную силу в полном объеме: они «устанавливаются со дня вступления решения суда в законную силу об усыновлении ребенка».

Необходимо учитывать, что решение по такому делу объявляется в закрытом судебном заседании, о чем должно быть указано в самом решении (п. 6)⁷³⁸.

При этом установлен сокращенный срок обжалования в апелляционную инстанцию по таким делам, который, как известно, составляет десять дней со дня принятия решения в окончательной форме (ч. 2.1 ст. 274 ГПК РФ). Соответственно, необходимо учитывать общие положения ч. 2 ст. 199 ГПК РФ, устанавливающей, что «составление мотивированного решения суда может быть отложено на срок не более чем пять дней со дня окончания разбирательства дела». В итоге получается суммарный срок обжалования по делам об усыновлении (удочерении) составляет не более пятнадцати дней.

Именно по такой категории дел законодатель установил еще одну особенность. Так, согласно ч. 3 ст. 274 ГПК РФ, суд, рассматривающий дело,

⁷³⁷ Манылов И.Е. Комментарий к Гражданскому процессуальному кодексу РФ // Вестник гражданского процесса. – 2016. – № 4. – С. 89-112; № 5. – С. 110-142; № 6. – С. 63-107.

⁷³⁸ Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 20.04.2006 № 8 (ред. от 17.12.2013) «О применении судами законодательства при рассмотрении дел об усыновлении (удочерении) детей» // Российская газета. – № 92. – 03.05.2006.

обязан после вступления решения по делу об усыновлении (удочерении) ребенка в законную силу в течение трех дней направить копию этого акта в орган записи актов гражданского состояния по месту принятия решения суда для государственной регистрации усыновления ребенка.

Необходимо отметить, что по другим категориям дел особого производства у суда нет обязанности самостоятельно высылать копию решения по делу в специальные органы, уполномоченные совершать действия регистрационного характера.

Решение по делу об отмене усыновления (удочерения) выносится судом по общим правилам искового производства, поскольку такое требование рассматривается не по правилам особого производства.

В гл. 31 ГПК РФ, посвященной порядку рассмотрения и разрешения трех видов дел по установлению определенного статуса физических лиц, вопросам содержания решения суда посвящены ст. 285 и 286 ГПК РФ. Так, это дела об ограничении дееспособности гражданина, о признании гражданина недееспособным, об ограничении или лишении несовершеннолетнего в возрасте от четырнадцати до восемнадцати лет права самостоятельно распоряжаться своими доходами. Как и в других случаях, решение по такому делу может быть как положительным (удовлетворение требований), так и отрицательным (отказ в удовлетворении требований). Практика знает много примеров рассмотрения и разрешения таких дел, при этом мнения суда первой и проверочной инстанций могут быть противоположными. В частности, Черемушкинский районный суд 22.11.2018 отказал в удовлетворении требований о признании гражданина недееспособным, а Московский городской суд апелляционным определением от 24.05.2019 по делу № 33-4169/19 отменил решение и удовлетворил требования заявителя⁷³⁹.

Соответственно, результатом рассмотрения дел об ограничении дееспособности гражданина и дел об ограничении или лишении несовершеннолетнего в возрасте от четырнадцати до восемнадцати лет права самостоятельно распоряжаться своими доходами будет решение суда, которым гражданин ограничивается в дееспособности. Далее орган опеки и попечительства обязан назначить такому гражданину попечителя (ч. 1 ст. 285 ГПК РФ).

Результатом же рассмотрения дела о признании гражданина недееспособным будет решение суда о признании гражданина недееспособным, после чего возникает обязанность органа опеки и попечительства назначить такому гражданину опекуна (ч. 2 ст. 285 ГПК РФ). В данной статье обязанность суда отправить копию решения по такому делу в органы опеки и попечительства

⁷³⁹ Апелляционное определение Московского городского суда от 24.05.2019 г. по делу № 33-4169/2019 // СПС «КонсультантПлюс». – URL:<https://www.consultant.ru/> (Дата обращения: 07.09.2023 г.).

по месту жительства (нахождения) соответствующего гражданина не закреплена. Соответственно, получается, что копию решения суда, в эти органы предоставляют заявители.

Вместе с тем в рамках особого производства может быть реализована процедура отмены установленных решением суда ограничений гражданина в дееспособности и в связи с признанием гражданина недееспособным. Порядок такой процедуры определен в ст. 286 ГПК РФ, где также установлены полномочия суда. Так, суд новым решением вправе восстановить в правах ограниченного в дееспособности гражданина и отменить установленное в отношении него попечительство (ч. 1 ст. 286 ГПК РФ).

В отношении недееспособного гражданина суд вправе новым решением восстановить его в дееспособности и отменить опеку (ч. 2 ст. 286 ГПК РФ). При этом действующее процессуальное законодательство не устанавливает особенных правил в отношении отправки копий такого судебного акта.

Глава 32 ГПК РФ определяет порядок проведения следующей процедуры особого производства в гражданском процессе, в рамках которой несовершеннолетний может быть объявлен полностью дееспособным (эмансипация). Особенности правила в отношении решения по делам данной категории закреплены в ст. 289 ГПК РФ, согласно которым у суда есть два полномочия: вынести решение об удовлетворении или отклонении просьбы заявителя (ч. 1). При этом законом акцентировано внимание на том, что «при удовлетворении заявленной просьбы несовершеннолетний, достигший возраста шестнадцати лет, объявляется полностью дееспособным (эмансипированным) со дня вступления в законную силу решения суда об эмансипации (ч. 2 ст. 289 ГПК РФ).

В гл. 33 ГПК РФ урегулировано две процедуры: о признании движимой вещи бесхозяйной и о признании права собственности на бесхозяйную недвижимую вещь.

При этом в ч. 1 ст. 293 ГПК РФ закреплено, что суд принимает решение не только о признании движимой вещи бесхозяйной, но и решает вопрос о передаче ее в собственность лица, вступившего во владение ею. Основанием для такого решения является признание судом по результатам рассмотрения дела того, что собственник отказался от права собственности на движимую вещь.

Согласно ч. 2 ст. 239 ГПК РФ, суд принимает решение о признании права муниципальной собственности либо собственности города федерального значения Москвы, Санкт-Петербурга или Севастополя на конкретную вещь, если в результате рассмотрения дела суд установит, что недвижимая вещь не имеет собственника или собственник недвижимой вещи не известен и она принята на учет в установленном порядке.

В гл. 34 ГПК РФ урегулирован порядок восстановления прав по утраченным ценным бумагам на предъявителя или ордерным ценным бумагам (вызывное производство), где вопросам вынесения решения посвящена ст. 300, согласно которой суд может вынести положительное решение об удовлетворении просьбы заявителя. Такое решение включает констатацию того, что утраченный документ признается недействительным и восстанавливаются права по утраченной ценной бумаге на предъявителя или ордерной ценной бумаге. В законе четко установлено, что такое решение является основанием для выдачи заявителю нового документа взамен признанного недействительным. При этом у суда нет обязанности по такой категории дел отправлять копию решения суда в специальные органы и организации.

Вместе с тем вступившее в законную силу решение по такому делу является основанием для заявления иска о неосновательном приобретении или сбережении имущества. Такое требование предъявляется в суд к лицу, за которым признано право на получение нового документа взамен утраченного со стороны держателя документа, не заявившего по каким-либо причинам своевременно о своих правах на этот документ (ст. 301 ГПК РФ).

Порядок рассмотрения дел о внесении исправлений или изменений в записи актов гражданского состояния, урегулированный в гл. 36 ГПК РФ включает ст. 309 ГПК РФ, посвященную судебному решению по такому делу. Так, согласно положениям ст. 309 ГПК РФ, положительное решение устанавливает, что запись внесена неправильно и служит основанием для внесения исправлений или изменений такой записи органом записи актов гражданского состояния. Обязанность суда направлять копию судебного акта каким-либо органам и организациям не установлена законом. Вместе с тем, как известно, заинтересованные лица по таким категориям дел привлекаются органы ЗАГС, и поэтому они получают копию такого акта как участники судопроизводства.

Сергей Никитович Лобурев справедливо отметил, что «обязанность по представлению в ОЗАГС решения суда о внесении исправлений (изменений) в АГС для ОЗАГС возложена на заявителя. Для этого заявитель после суда должен дождаться момента вступления решения суда в законную силу и произвести действия по заказу и получению в суде заверенной копии решения суда, которое изымается ОЗАГС»⁷⁴⁰.

Следующая процедура особого производства посвящена порядку рассмотрения заявлений о совершенных нотариальных действиях или об отказе в их совершении (гл. 37 ГПК РФ). В ст. 312 ГПК РФ закреплено, что судом

⁷⁴⁰ Лобурев С.Н. Актуальные проблемы реализации (исполнения) судебных актов по внесению исправлений (изменений) в записи актов гражданского состояния // Администратор суда. – 2020. – № 3. – С. 26-30.

может быть вынесено решение как об удовлетворении, так и об отказе в удовлетворении требований заявителя. В первом случае суд отменяет совершенное нотариальное действие или обязывает совершить такое действие.

Отличается правовое регулирование решения суда, вынесенного в порядке гл. 38 ГПК РФ, посвященной восстановлению утраченного судебного производства. Так, согласно ст. 317 и 318 ГПК РФ, по результатам такого производства может быть вынесено как решение суда, так и определение. Решение как акт правосудия восстанавливает судебное производство.

Действующее гражданское процессуальное законодательство акцентирует внимание на мотивировочной части решения по такому делу, которая должна включать выводы суда о доказанности обстоятельств, которые обсуждались судом, и указание на процессуальные действия, совершенные судом по утраченному производству (абз. 2 ч. 2 ст. 317 ГПК РФ).

Определение же о прекращении производства по делу суд выносит в том случае, если в процесс заинтересованными лицами было предоставлено недостаточно материалов для точного восстановления судебного постановления, связанного с утраченным производством. В таком определении суд разъясняет заинтересованным лицам право предъявить иск в общем порядке (ч. 1 ст. 318 ГПК РФ).

Согласно ч. 2 ст. 318 ГПК РФ, суд должен вынести определение о прекращении производства по такому делу и в случае, если поступило заявление о восстановлении утраченного судебного производства с целью его исполнения, при этом срок предъявления исполнительного листа к исполнению истек и судом не восстанавливается.

В.В. Аргунов справедливо отметил, что «категории дел, которые разрешаются в особом производстве, специфичны не только по своему предмету, отсутствию спора о праве, средствам доказывания, субъектному составу (отсутствию в некоторых из них второй стороны процесса), но и отличаются от порядка исполнения большинства судебных актов по исковым гражданским делам: по ним не производится исполнительное производство, не выдаются исполнительные листы⁷⁴¹. Соответственно, для окончательного разрешения правоотношений сторон необходимы активные действия заявителя после вступления решения по делу особого производства в законную силу.

Выводы. В целом современное правовое регулирование содержания решения по делам особого производства в действующем гражданском

⁷⁴¹ Аргунов В.В. О «стандарте доказывания» по делам особого производства // Развитие юридической науки в новых условиях: единство теории и практики – 2019: сб. докладов по мат. Междунар. науч.-практич. конф. (г. Ростов-на-Дону, 26 октября 2019 г.): сб. тезисов / Отв. ред. И.П. Зиновьев. – Ростов-на-Дону: Изд-во ЮФУ, 2019. – С. 288-290.

процессуальном и арбитражном процессуальном законодательстве содержит некоторые пробелы, требующие устранения.

Требует уточнения в процессуальном законодательстве действующая формулировка ч. 3 ст. 263 ГПК РФ с учетом того, что полномочие об оставлении заявления без рассмотрения суд вправе реализовать только при подготовке дела к судебному разбирательству или в ходе судебного разбирательства.

Следует на законодательном уровне допустить трансформацию особого производства в исковое. Такая трансформация может быть проведена по инициативе как суда, так и сторон и на основании полномочий, предоставленных суду процессуальным законодательством. Суду на законодательном уровне может быть предоставлено право решить вопрос о трансформации при принятии требований, поступивших от заинтересованных лиц к производству, а также во время подготовки дела к судебному заседанию (например, в предварительном судебном заседании) или в основном судебном заседании поставить на обсуждение вопрос о трансформации (о переходе от особого к исковому производству) и оформить результат такого обсуждения определением.

Анализ полномочий суда показал, что вынесение решения по делам особого производства является промежуточным актом, направленным на закрепление соответствующего юридического факта, юридического состояния, а также актом контроля за деятельностью органов нотариата и ЗАГС, о которых поступило заявление от заинтересованных лиц. После того как решение состоялось необходимо совершить ряд действий, которые и влекут необходимые правовые последствия. Другими словами, в отличие от дел, в которых разрешается спор о праве, решение суда по делам особого производства только констатирует юридический факт (состояние и др.), но не решает вопроса о правоотношениях заинтересованных лиц.

Как отличительная особенность выявлена обязанность суда по делу об усыновлении (удочерении) после вступления решения по делу в законную силу в течение трех дней направить копию этого акта в орган записи актов гражданского состояния по месту принятия решения суда для государственной регистрации усыновления ребенка. Такое полномочие суда по взаимодействию с государственными органами направлено на окончательное разрешение вопроса о правоотношении сторон. По другим категориям дел особого производства у суда нет обязанности самостоятельно высылать копию решения по делу в специальные органы, уполномоченные совершать действия регистрационного характера. Вышеизложенное обнаруживает проблемы правового регулирования обязанности суда по делам особого производства направлять копии решения суда в специализированные органы и организации по результатам рассмотрения дела. В этой части действующее цивилистическое процессуальное законодательство требует совершенствования.

В целом решение, выносимое судом по делам особого производства, согласно положениям действующего цивилистического процессуального законодательства, по содержанию должно быть аналогично решению, принимаемому судом по делам искового производства. Вместе с тем судебная практика показывает, что судами первой инстанции не уделяется должного внимания разграничению видов производств, в рамках которых рассматриваются дела, что и находит явное отражение в содержании решений по делам особого производства. В частности, недопустимым следует признать использование терминов «исковое заявление», «истец» и других, которые свойственны исковому производству в решениях по делам особого производства.

В цивилистическом процессуальном законодательстве только дважды акцентировано внимание на структурных элементах решения суда, выносимого в особом производстве: резолютивная часть (ч. 2 ст. 222 АПК РФ), мотивировочная часть (абз. 2 ч. 2 ст. 317 ГПК РФ). Учитывая сложный состав дел, рассматриваемых в порядке особого производства, следует более детально урегулировать в ГПК РФ и АПК РФ содержание отдельных частей решений, выносимых судом.

По категориям дел особого производства при наличии соответствующих оснований суд вправе вынести не только решение, но и определение. Так, согласно общему правилу, суд выносит определение об оставлении заявления без рассмотрения, если при подаче заявления или рассмотрения дела в порядке особого производства устанавливается наличие спора о праве (ч. 3 ст. 263 ГПК РФ). Представляется возможным это основание урегулировать в ст. 222 гл. 19 ГПК РФ.

Правила вынесения судом определения о прекращении производства по делу о восстановлении утраченного судебного производства являются исключением. Основания установлены следующие:

- если в процесс заинтересованными лицами было предоставлено недостаточно материалов для точного восстановления судебного постановления, связанного с утраченным производством (ч. 1 ст. 318 ГПК РФ);
- если поступило заявление о восстановлении утраченного судебного производства с целью его исполнения, при этом срок предъявления исполнительного листа к исполнению истек и судом не восстанавливается (ч. 2 ст. 318 ГПК РФ).

Представляется возможным эти основания урегулировать в ст. 220 гл. 18 ГПК РФ.

§ 4. Интерпретация отдельных положений теории доказательств академика А.Я. Вышинского в трудах профессора Г.А. Густова

Введение. Создание Императорской Академии наук явилось одним из шагов императора Петра I по реформированию России по западному образцу.

Членами Императорской академии наук, ее преемниц (Российской академии наук, а затем Академии наук Союза Советских Социалистических Республик и снова Российской академии наук) с момента ее создания и до настоящего времени были и являются известные ученые, в том числе и юристы, внесшие значительный вклад в развитии права и правовых традиций России.

Среди самых первых юристов, членов Академии наук можно назвать Иоганна Симона Бекенштейна (1684-1742) – немецкого доктора права на русской службе, штатного академика, профессора правоведения. До приезда в Россию он состоял доцентом Кенигсбергского университета. По приглашению в 1725 году прибыл в Санкт-Петербург, где состоял в должности профессора правоведения при Академии наук. За период пребывания в Академии наук И.С. Бекенштейн читал лекции для студентов, а также подготовил работу «Толкование на российское Уложение» и составлял труд под названием «История права публичного».

Следующим юристом – членом Академии наук являлся Фридрих Генрих Штрубе де Пирмонт (1704-1776) – российский ученый немецкого происхождения, профессор права, член Санкт-Петербургской академии наук (1738). Один из авторов «норманнской теории» возникновения русской государственности.

Георг Фридрих Федорович (1730-1790) – российский юрист немецкого происхождения, профессор общего права, действительный член Императорской академии наук. Получил юридическое образование до приезда на службу в Российскую империю. Оказавшись в России, служил сначала при медицинской канцелярии, затем обер-аудитором в адмиралтействе.

Достаточно большую в дореволюционной России, СССР и в современной России известность получил А.Ф. Кони (1844-1927) – российский юрист, судья, государственный и общественный деятель, литератор, действительный тайный советник, член Государственного совета Российской империи. А.Ф. Кони являлся почетным академиком Императорской академии наук по разряду изящной словесности. Также почетным академиком Императорской академии наук по разряду изящной словесности в 1900 году был избран К.К. Арсеньев (1837-1919) – адвокат, публицист, общественный деятель, организатор независимой адвокатуры в дореволюционной России. Обращает на себя внимание тот факт, что Анатолий Федорович

Кони и Константин Константинович Арсеньев занимались вопросами уголовного права и процесса, а также вопросами нравственности уголовного судопроизводства.

В советское время из 835 членов Академии наук юристы находились в абсолютном меньшинстве. Это же положение сохраняется и в настоящее время. Так, например, в современной Российской академии наук представлено 5 юристов, а именно:

– Андрей Геннадьевич Лисицын-Светланов – советский и российский юрист, адвокат, специалист в области международного частного права и гражданского процесса, член-корреспондент РАН по отделению общественных наук;

– Виктор Николаевич Руденко – российский философ и ученый-правовед, доктор юридических наук, кандидат философских наук, профессор, академик РАН, член-корреспондент, директор Института философии и права уральского отделения РАН, занимается проблемами гражданского участия в осуществлении публичной власти;

– Георгий (Юрий) Кириллович Толстой – доктор юридических наук, профессор, специалист в области общей теории права, гражданского и предпринимательского права, академик РАН;

– Гарегин Ашотович Тосунян – российский банкир, президент Ассоциации российских банков, доктор юридических наук, кандидат физико-математических наук, член-корреспондент РАН, академик; организовал и возглавил в Академии народного хозяйства первую в России кафедру банковского права и финансово-правовых дисциплин;

– Талия Ярулловна Хабриева – советский и российский ученый-правовед, специалист по конституционному праву, доктор юридических наук, профессор, академик Российской академии наук, кодификатор миграционного законодательства РФ и инициатор возникновения новой отрасли российского права – «арктического права»; директор Института законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации, представитель Российской Федерации в Европейской комиссии за демократию через право.

Основное исследование. Оглядываясь в прошлое, можно утверждать, что одним из самых противоречивых членов Академии наук СССР являлся доктор юридических наук, профессор А.Я. Вышинский⁷⁴², советский государственный деятель, юрист, дипломат, Генеральный прокурор Союза

⁷⁴² В дальнейшем при цитировании мы опускаем те критические замечания А.Я. Вышинского в отношении буржуазного доказательственного права, с присущей ему доктриной «признание – царица доказательств» (*regina probationum*) и политизированные утверждения, которые не относятся к теме нашей статьи.

Советских Социалистических Республик, министр иностранных дел, постоянный представитель СССР при Организации Объединенных Наций.

Представляет интерес биография А.Я. Вышинского. Известно, что в 1901 году он поступил на юридический факультет Киевского университета, который закончил в 1913 году. В 1915-1917 годах работал помощником у присяжного поверенного округа Московской судебной палаты П.Н. Малянтовича, известного тем, что бесплатно защищал участников революционного движения, а в сентябре 1917 года присяжный поверенный П.Н. Малянтович по предложению А.Ф. Керенского стал министром юстиции Временного правительства (четвертого состава).

В 1920-1921 годах А.Я. Вышинский работал в должности преподавателя Московского университета и одновременно с этим был деканом экономического факультета Института народного хозяйства имени Плеханова. Затем его судьба делает поворот, и в 1923-1925 гг. он работает прокурором уголовно-следственной коллегии Верховного суда СССР. В этой должности он выступал в качестве государственного обвинителя на многих громких процессах: дело «Гукон» (1923), дело ленинградских судебных работников (1924); дело Консервтреста (1924). Необходимо отметить, что А.Я. Вышинский был судебным оратором достаточно высокого уровня, чему способствовала его высокий уровень образования по сравнению со многими его коллегами, а также опыт работы помощником присяжного поверенного и опыт преподавательской деятельности.

В 1923-1925 годах А.Я. Вышинский уже работает в должности прокурора уголовно-судебной коллегии Верховного суда РСФСР и одновременно с этим преподает в качестве профессора МГУ по кафедре уголовного процесса.

В период с 1925 по 1928 годам А.Я. Вышинский был ректором Московского государственного университета, с 11 мая 1931 года – прокурор РСФСР, с 21 мая того же года – также заместитель наркома юстиции РСФСР. С июня 1933 года он – заместитель Генерального прокурора СССР, а с марта 1935 по май 1939 года – Генеральный прокурор СССР; в этой должности он стал фактически «главнокомандующим правового фронта», при этом практическую деятельность совмещал с научной деятельностью, стоял у истоков становления науки теории государства и права в советской юриспруденции. В июле 1938 года на первом совещании по вопросам науки советского государства и права доклад А.Я. Вышинского «Основные задачи науки советского социалистического права» лег в основу «генеральной линии партии» в юридической науке. «Его идеи стали своеобразным "зеркалом эпохи", в котором отражались общественные процессы и, в частности, фактическое возвращение в жизнь Советской России традиционных констант русской

государственности: православия, державности и соборности, трансформировавшихся под влиянием коммунистической идеологии»⁷⁴³. Он соединил теорию государства и теорию права, выдвинув понятие «марксистско-ленинская теория права и государства»⁷⁴⁴.

Вместе с тем нельзя отрицать тот факт, что отдельные положения разработанной А.Я. Вышинским теории судебных доказательств актуальны и сегодня, получили свое развитие в трудах советских ученых-правоведов и продолжают получать свое развитие в современных трудах российских ученых.

Например, до настоящего времени актуальны его утверждения о том, что «убедительность постановления суда означает уверенность не только в том, что оно полностью соответствует обстоятельствам дела, задачам и принципам выраженной в приговоре судебной политики. Убедительность судебного решения означает также уверенность в исчерпывающем анализе всех обстоятельств дела, в том, что дело решено с учетом всех обстоятельств, какие только возможно было установить и выяснить. В применении к уголовным делам это означает такой анализ всех обстоятельств дела, при котором полностью вскрыты действия и факты, составляющие преступление, выяснены условия и факты, способствовавшие его осуществлению, исчерпывающе установлены основные причины, породившие данное преступление»⁷⁴⁵.

Известный английский юрист Джемс Стифен откровенно выразил эту мысль еще в прошлом столетии и в следующих словах, высказанных в работе «Уголовное право Англии»: «Надобно помнить, что для общества важно в одинаковой степени не только то, чтобы приговоры были справедливы, но и то, чтобы они признаваемо были справедливыми»⁷⁴⁶.

«Убедительность постановления суда», о которой говорил А.Я. Вышинский, то есть сочетание законности, обоснованности, мотивированности и справедливости, и сегодня является важнейшим требованием уголовно-процессуального закона ко всем судебным решениям, выносимым в уголовном судопроизводстве, в том числе и к приговору.

Существующие научные дискуссии о соотношении справедливости и законности, законности и обоснованности судебного решения, в частности

⁷⁴³ Анисимов И.И. Синтез коммунистической идеологии и традиций российской государственности в политико-правовых идеях А.Я. Вышинского: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. – Курск, 2012. – С. 4, 9-10.

⁷⁴⁴ Мусатов Ф.В. Становление науки теории государства и права в отечественной юриспруденции // Электронное приложение к Российскому юридическому журналу. – 2013. – № 4. – С. 11-13.

⁷⁴⁵ Вышинский А.Я. Теория судебных доказательств в советском праве. – М.: Юрид. изд-во НКЮ СССР, 1941. – С. 7-8.

⁷⁴⁶ Там же.

приговора, лишь подчеркивают единство критериев приговора, о которых говорится в ст. 297 УПК РФ⁷⁴⁷.

В полной мере согласимся с Е.А. Галкиной, задавшей вопрос о правомерности рассматривать справедливость приговора лишь в том смысле, в котором оно используется в УК РФ исключительно как характеристика наказания: «Можно ли считать справедливым приговор, если наказание им назначено лицу, не совершавшему преступление? Можно ли считать справедливым приговор, если наказание, вполне соответствующее УК РФ, тяжести содеянного и личности осужденного, было назначено вне судебной процедуры или без соблюдения принципов справедливой процедуры? Оправдывает ли цель в виде справедливого приговора такое средство, как несправедливое судопроизводство? Справедлив, законен и обоснован только тот приговор, который постановлен в соответствии с требованиями уголовно-процессуального закона и основан на правильном применении уголовного закона»⁷⁴⁸.

Насущно мнение А.Я. Вышинского и о задачах следствия и суда, о роли науки в судебном доказывании.

«Судебные дела – и в стадии предварительного следствия, и в стадии судебного их рассмотрения – являются сплошь да рядом настолько сложными и запутанными, наполненными таким множеством противоречий, обрывков

⁷⁴⁷ Аширбекова М.Т., Зайцева Е.А. О существенных свойствах приговора // Вестник Томского государственного университета. Право. – 2021. – № 40. – С. 21-31; Беляев М.В. О взаимосвязи обоснованности судебных решений и доказывания в уголовном судопроизводстве // Право: история, теория, практика. Сборник статей и материалов. – Брянск: Новый проект, 2018. – С. 49-57; Маганкова А.А. Актуальные вопросы справедливости приговора суда первой инстанции в современном уголовном процессе России: дис. ... канд. юрид. наук. – Челябинск, 2013 – 263 с.; Сапрунова М.П. Справедливость приговора в уголовном процессе // Актуальные проблемы российского права и законодательства. Сборник материалов Всероссийской научно-практической конференции / Составитель Е.В. Василенко. – Красноярск: Сибирский институт бизнеса, управления и психологии, 2017. – С. 254-255; Ахундов Н.А. Справедливость приговора: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. – М., 1990. – 21 с.; Насибуллина Д.Р. Законность и справедливость приговора по уголовному делу // XXVIII Международная научно-практическая конференция: сб. материалов конференции. – Астрахань: Олимп, 2017. – С. 600-603; Кудрявцева А.В., Петров А.В. Конституционно-правовые смыслы современной судебной реформы // Вестник Южно-Уральского государственного университета. Серия: Право. – 2021. – Т. 21. – № 1. – С. 79-83; Марьина Е.В. Реализация принципа законности при пересмотре приговора // Проверка законности и обоснованности судебных решений в уголовном процессе. Сборник материалов Всероссийской научно-практической конференции / Под редакцией К.Б. Калиновского. – СПб.: Астерион, 2021. – С. 268-273.

⁷⁴⁸ Галкина Е.А. Справедливость приговора или справедливость уголовного процесса? // Вестник Самарского юридического института. – 2018. – № 2 (28). – С. 134; Марковичева Е.В. Справедливость как нравственный критерий для оценки судебного разбирательства: проблемы толкования и применения // Судебная власть и уголовный процесс. – 2017. – № 4. – С. 130-133

фактов и человеческих действий, что разобраться в этом невероятном лабиринте фактических, психологических, логических и тому подобных обстоятельств можно только твердо опираясь на гранитный фундамент науки, только владея в достаточной мере надежным и испытанным научным методом исследования»⁷⁴⁹.

«Задача следствия заключается в правильном понимании и оценке фактов, являющихся доказательствами... Задача науки заключается в том, чтобы облегчить судьбе и следователю наиболее безошибочное, а следовательно, и объективное познание тех фактов, явлений, вещей, с которыми им приходится иметь дело как с доказательствами»⁷⁵⁰. Именно эти вопросы продолжают исследоваться современными учеными⁷⁵¹.

Однако А.Я. Вышинский, обращая внимание на естественные и технические науки, игнорировал методологию философии, положения психологии, в частности когнитивный подход, закономерности психофизиологии, которые он очень жестко критиковал⁷⁵².

Мнение А.Я. Вышинского об обязательном установлении истины в уголовном судопроизводстве неоднократно рассматривалось современными учеными, несмотря на то, что УПК РФ 2001 года, в отличие от УПК РСФСР 1960 года, не содержит требования установления истины, породив научную дискуссию, которая не завершена до настоящего времени⁷⁵³.

Одним из исследователей научного наследства А.Я. Вышинского в области развития следственной и судебной техники по праву можно назвать

⁷⁴⁹ Вышинский А.Я. Теория судебных доказательств в советском праве. – М.: Юрид. изд-во НКЮ СССР, 1941. – С. 140.

⁷⁵⁰ Вышинский А.Я. Там же. – С. 137.

⁷⁵¹ Белоусов А.В., Смахтин Е.В. Следователь: процессуальный статус и проблемы его реализации // Сибирские уголовно-процессуальные и криминалистические чтения. – 2019. – № 3 (25). – С. 19-25; Калиновский К.Б. Судебный контроль и недопустимость доказательств // Уголовный процесс. – 2016. – № 12 (144). – С. 9; Конин В.В. Уголовно-процессуальная функция суда: краткий анализ содержания // Российский судья. – 2008. – № 4. – С. 15-16; Конин В.В. К вопросу о функциях следователя в уголовном судопроизводстве // Российский судья. – 2009. – № 4. – С. 31-33.

⁷⁵² Вышинский А.Я. Там же. – С. 24, 133, 134, 140.

⁷⁵³ Марьина Е.В. О проблеме познаваемости истины в уголовном процессе // Юридическая истина в уголовном праве и процессе. Материалы Всероссийской научно-практической конференции / Под общ. ред. К.Б. Калиновского, Л.А. Зашляпина. – СПб.: ИД «Петрополис», 2018. – С. 131-136; Кудрявцева А.В. Понимание истины в процессуальных отраслях права как выражение гносеологических моделей познания // Вестник Оренбургского государственного университета. – 2006. – № 3 (53). – С. 102-105; Макарова З.В. Что есть истина в уголовном процессе // Юридическая истина в уголовном праве и процессе. Материалы Всероссийской научно-практической конференции / Под общ. ред. К.Б. Калиновского, Л.А. Зашляпина. – СПб.: ИД «Петрополис», 2018. – С. 125-130; Конин В.В. Доказывание в уголовном судопроизводстве и вопросы установления истины // Российский судья. – 2008. – № 9. – С. 48-50.

профессора Г.А. Густова. По нашему мнению, можно говорить том, что профессор Г.А. Густов интерпретировал положения об «объективной, материальной истине»⁷⁵⁴, ее отыскании с помощью научных методов, адаптированных и сформулированных им для достоверного, соответствующего действительности установления обстоятельств произошедшего, формирования внутреннего убеждения в правильности итогов познания обстоятельств произошедшего.

Таковыми являются сформулированные профессором Г.А. Густовым методы криминалистического моделирования⁷⁵⁵, программно-целевого метода⁷⁵⁶, комплексного подхода⁷⁵⁷, факторного анализа⁷⁵⁸.

Г.А. Густов формулировал данные методы для разрешения задач расследования преступлений, однако это не умаляет и не лишает возможности использования данных методов для достижения целей судопроизводства в целом, исходя из того, что деятельность в уголовном судопроизводстве характеризуется как познавательно-доказательственная⁷⁵⁹, одним из элементов которой является познание произошедшего и доказывание достоверности, соответствия познанного действительности. При этом результаты познания формируются в виде образа, мысленной модели, которая окончательно фиксируется в обвинительном заключении, а затем в приговоре.

Исследования, начатые Г.А. Густовым, продолжаются и в настоящее время⁷⁶⁰.

Так, например, И.Ю. Панькина, рассматривая вопросы изучения методологии уголовного процесса, обозначает вектор взаимосвязи

⁷⁵⁴ Вышинский А.Я. Там же. – С. 18, 19, 89-94, 115-122, 127,141-145,156.

⁷⁵⁵ Густов Г.А. Моделирование в работе следователя. – Л.: б/и, 1980. – 188 с.

⁷⁵⁶ Густов Г.А. Программно-целевой метод организации раскрытия убийств: учебное пособие. – СПб.: Институт повышения квалификации прокурорско-следственных работников прокуратуры Российской Федерации, 1997. – 122 с.

⁷⁵⁷ Густов Г.А. Комплексный подход к раскрытию убийства. – Л.: Институт повышения квалификации прокурорско-следственных работников прокуратуры СССР, 1988. – 142 с.

⁷⁵⁸ Густов Г.А. Обнаружение способа должностного хищения в сложной ситуации: факторный анализ: учебное пособие: В 2 ч. – Л.: ЛГУ, 1985. – 142 с.

⁷⁵⁹ Корсаков К.А. Методы научного познания в уголовном судопроизводстве: конспект лекций. – СПб.: Санкт-Петербургский юридический институт Генеральной прокуратуры РФ, 2004. – С. 3-14; Корсаков К.А. Концепция познавательно-доказательственной деятельности // Научная школа уголовного процесса и криминалистики Санкт-Петербургского государственного университета. Материалы конференций / Под редакцией Н.П. Кирилловой, С.П. Кушниренко Н.Г. Стойко, В.Ю. Низамова. – М.: КноРус, 2019. – С. 152-157.

⁷⁶⁰ Волчецкая Т.С., Яблоков Н.П. Предпосылки формирования криминалистической ситуалогии // Вестник Московского университета. Серия 11: Право. – 1997. – № 3. – С. 41-50; Волчецкая Т.С., Осипова Е.В. Криминалистическое моделирование в уголовном судопроизводстве. Учебно-методическое пособие. – Калининград: БФУ, 2020. – 126 с.; Волчецкая Т.С., Ренер Н.А., Макарова О.А. Развитие ситуационного подхода в юридической науке и дидактике // Современное право. – 2017. – № 12. – С. 88-92.

криминалистических методов познания с доказыванием, что «позволяет решить ряд научных и практических проблем, связанных с совершенствованием прикладных методов расследования преступлений»⁷⁶¹.

И в судебной стадии уголовного судопроизводства данные методы применимы как государственным обвинителем, так и защитником⁷⁶².

Применение указанных методов позволяет с наибольшей степенью достоверности построить модель и проверить ее на соответствие действительности.

Технология метода моделирования позволяет построить модель, метод факторного анализа – установить, все ли элементы модели учтены; программно-целевой метод оказывает помощь в собирании сведений и планировании деятельности; метод комплексного подхода дает возможность проверить взаимосвязи между элементами модели и полноту исследования каждого элемента.

Надо сразу констатировать, что разделить применение указанных методов по этапам, последовательности и т. п. невозможно, так же как и отделить их от иных методов, наблюдения, измерения, описания, сравнения, построения аналогии и т. д.

Данные методы не просто основаны на мыслительной деятельности, собственно, как и все иные методы, они нацелены на организацию мышления, его способы, дисциплину, планирование деятельности.

В соответствии с технологией метода моделирования из известных сведений составляется основа, скелет модели события, в котором неизвестные элементы заполняются исходя из знаний закономерностей определенной деятельности, профессиональных, бытовых знаний и опыта, других источников. Модель изучается для определения того, какие именно следы и где именно должны остаться в том случае, если события происходили в соответствии с этой моделью, затем она проверяется на наличие именно таких следов и нахождение именно там, где они должны находиться в случае совпадения построенной модели с действительностью. Несовпадения дают основания

⁷⁶¹ Панькина И.Ю. Взаимосвязь методологии познания и доказывания в уголовном процессе и криминалистике // Союз криминалистов и криминологов. – 2019. – № 2. – С. 122-129.

⁷⁶² Корсаков К.А., Сидоренко Е.В. Криминалистические аспекты подготовки государственного обвинителя к поддержанию государственного обвинения // Санкт-Петербургская школа криминалистики. Материалы Ежегодного криминалистического форума, Санкт-Петербург, 25-26 октября 2019 года. – СПб.: Санкт-Петербургский юридический институт (филиал) Университета прокуратуры РФ, 2019. – С. 66-75; Конин В.В. Участие защитника в судебном разбирательстве: ситуационный подход // Актуальные вопросы развития государства и права. Юбилейный сборник научных трудов. – Калининград: Калининградский государственный университет, 2002. – С. 198-209.

для планирования поиска недостающей информации, постановки конкретных задач, которые необходимо решить.

Программно-целевой метод нацелен на организацию мышления, его дисциплину по разрешению поставленных задач. Технология метода предполагает программирование деятельности аналогично научному исследованию. Программы создаются исследователем самостоятельно либо используются заранее составленные типовые программы, целью которых является исследование события (обстоятельств произошедшего) в целом и каждого его элементов отдельно. Программа формируется в виде наиболее оптимальной последовательности задач, которые необходимо разрешить для достижения цели программы. Задачи формулируются в виде вопросов, на которые необходимо ответить. Технология предписывает следующий порядок действий: формулирование, уяснения задачи, анализ имеющейся, связанной с ее разрешением информации, определение достаточности сведений для ее разрешения (в случае недостаточности – ее собирание), формулирование выводов, поскольку выводы являются новыми знаниями, то они подлежат изучению и используются для разрешения ранее не решенных задач. Программы не предусматривают жесткой последовательности производимых действий, в отличие от алгоритмов, а предоставляют возможность отложить решение задачи до получения новых сведений в процессе разрешения последующих задач с обязательной проверкой сделанных ранее выводов, их правильности либо потребности их изменить на основании полученных новых знаний. При этом фиксация применения метода позволяет осуществлять планирование как тактическое (планирование отдельных действий, их комплекса), так и стратегического (деятельности в целом для создания достоверной модели, ее элементов и взаимосвязей между ними).

Метод факторного анализа предписывает изучить результаты события, его последствия с целью установления в динамике развития события факторов, которые должны присутствовать, чтобы последовали именно такие результаты. То есть определить обязательные элементы модели события, поскольку отсутствие хотя бы одного фактора либо его качества дает основание категорически утверждать, что такое событие не могло повлечь наступление известных результатов. В нашем случае речь идет о неправильности построенной модели, что требует ее изменения или создания новой.

Комплексный подход предписывает изучение центрального события наряду с предшествовавшими ему событиями и следовавшими за ним, а также выявление и изучение событий, сопутствующих и связанных с предшествующими, центральными и следовавшими событиями, и их взаимосвязи. Применительно к модели события использование данного метода позволяет при поочередной постановке каждого из элементов модели в качестве

центрального проследить динамику его развития с момента его возникновения до его состояния на момент изучения и, принимая все иные элементы модели за сопутствующие и связанные с ним события, установить и проследить их взаимосвязь, ее наличие или отсутствие, проверить всю систему модели, ее достоверность.

Выводы. Таким образом, можно сделать вывод, что, несмотря на всю противоречивость фигуры А.Я. Вышинского, его активное участие в политических процессах, где вопросы законности и справедливости подменялись вопросами классовой и политической целесообразности, многие мысли и предложения по организации предварительного расследования, судебного разбирательства являлись абсолютно правильными, породили научную дискуссию, привели к разработке новых направлений научного поиска и получили свое развитие спустя время, в том числе были закреплены в системе принципов современного уголовного судопроизводства, что мы и наблюдаем в современном уголовном процессе.

§ 5. Академическая модель уголовно-процессуального законодательства Союза ССР и РСФСР 1990 года и ее роль в развитии российского уголовного судопроизводства

Введение. Более 30 лет назад по следам XIX конференции Коммунистической партии Советского Союза, состоявшейся летом 1988 года и наметившей реформу политической системы страны в направлении демократизации, силами научных сотрудников сектора проблем правосудия Института государства и права Академии наук СССР с привлечением ряда других известных ученых (авторский коллектив: Г.Н. Ветрова, Л.Д. Кокорев, Ю.В. Корневский, А.М. Ларин, А.Г. Мазалов, И.Л. Петрухин, В.М. Савицкий, Г.И. Чангули, Н.Ф. Чистяков, руководитель – В.М. Савицкий) была разработана, а затем опубликована в 1990 г.⁷⁶³ инициативная теоретическая модель, призванная помочь обновлению уголовно-процессуального законодательства Союза Советских Социалистических Республик (далее – СССР) и Российской Советской Федеративной Социалистической Республики (далее – РСФСР). Однако в наши дни поминания о ней в юридической печати встречаются крайне редко, а книгу с ее изложением практически не достать. Лишь иногда об этой разработке вспоминают, как о некой очередной ступени в развитии процессуальной науки. Так, например, давая ей оценку, Н.А. Колоколов

⁷⁶³ Уголовно-процессуальное законодательства Союза ССР и РСФСР. Теоретическая модель / Под редакцией профессора В.М. Савицкого. – М.: Академия наук СССР. Институт государства и права, 1990. – 317 с.

пишет: «Более чем осторожные предложения авторов данной модели вскоре получили мощный импульс к развитию в "Концепции судебной реформы в РСФСР"»⁷⁶⁴.

Основное исследование. Однако по прошествии трех десятилетий мы можем с достаточной определенностью судить о той фактической роли, которую сыграла эта теоретическая модель в судьбе отечественного уголовно-процессуального права. Как, впрочем, и о том, была ли она и впрямь скромной и осторожной, несмотря на то, что содействовала «мощному импульсу» для дальнейших судебных реформ.

Следует обратить внимание на то, что идеи, выдвинутые учеными Института государства и права Академии наук СССР и их коллегами, во многом предвосхитили основные новации, которые в последующем, так или иначе, вошли в новый (действующий и поныне) Уголовно-процессуальный кодекс 2001 г.⁷⁶⁵

Так, ими впервые были сформулированы ранее отсутствовавшие в Уголовно-процессуальном кодексе РСФСР (далее – УПК РСФСР) нормативные формулировки принципов законности (ст. 6), публичности (ст. 10), состязательности (ст. 20), уважения достоинства личности (ст. 12), охраны прав и свобод граждан (ст. 13), презумпции невиновности (ст. 18). Все эти руководящие начала в дальнейшем нашли отражение в УПК РФ (ст. 7, 9, 11, 14, 15, 21).

При этом состязательность ограничивалась лишь производством в суде, который предполагалось освободить от выполнения не свойственных ему действий, таких как направление обвиняемому обвинительного заключения и его оглашение в судебном заседании (ст. 427, 488 модели); при отказе прокурора от обвинения суд должен был вынести оправдательный приговор (ст. 514); суд не должен был брать на себя инициативу в допросе подсудимого, потерпевшего, свидетелей и экспертов (ч. 6, 7 ст. 492) и т. д. Все эти рекомендации, так или иначе, впоследствии были учтены в новом УПК РФ. Так, в ст. 15, которая названа «Состязательность сторон», прямо указано, что уголовное судопроизводство осуществляется на основе состязательности сторон (ч. 1); функции обвинения, защиты и разрешения уголовного дела отделены друг от друга и не могут быть возложены на один и тот же орган или одно и то же должностное лицо (ч. 2); суд не является органом уголовного преследования, не выступает на стороне обвинения или стороне защиты; он создает

⁷⁶⁴ Колоколов Н.А. Уголовное судопроизводство: три десятилетия реформ // ZakonRu. – URL: https://zakon.ru/blog/2019/1/2/ugolovnoe_sudoproizvodstvo_tri_desyatiletija_reform (Дата обращения: 08.09.2023 г.).

⁷⁶⁵ Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18 декабря 2001 года № 174-ФЗ // Собрание законодательства РФ. – № 52 (часть I). – 24.12.2001. – Ст. 4921.

необходимые условия для исполнения сторонами их процессуальных обязанностей и осуществления предоставленных им прав (ч. 3); стороны обвинения и защиты равноправны перед судом (ч. 4). Активизм суда в ходе судебного следствия по УПК РФ также ограничен в пользу сторон. Фактически действуют правила т. н. перекрестного допроса, когда суд имеет право задавать вопросы свидетелю, потерпевшему и другим допрашиваемым лицам лишь после сторон с целью выяснения и уточнения тех или иных обстоятельств дела, которые остались вне поля зрения сторон (ч. 3 ст. 275, ч. 3 ст. 278). Надо сказать, что в этом вопросе новый Кодекс пошел по пути состязательности даже дальше теоретической модели, поскольку ею, согласно ч. 8 ст. 492, предполагалось, что председательствующий и народные заседатели будут иметь право задавать вопросы допрашиваемым лицам в любой момент судебного следствия, тогда как по УПК РФ подобное право у суда отсутствует, а допрос подсудимого в любой момент судебного следствия допускается лишь по его желанию, хотя такое отступление от обычного порядка представления сторонами своих доказательств (сначала обвинения, потом защиты) и требует разрешения председательствующего. По-видимому, модель еще отдает здесь определенную дань советским представлениям о назначении суда в уголовном процессе, которые исходили из первенствующей роли суда в исследовании доказательств во имя установления т. н. объективной истины (ст. 17 «Установление объективной истины» модели), а, по сути, наследовали элементы инквизиционного порядка судопроизводства.

С этим органично связано и еще одно крупное отступление от состязательного начала, допускаемое авторами модели, – это сохранение института возвращения уголовного дела для производства дополнительного расследования, в т. ч. для восполнения неполноты предварительного следствия, которая не может быть ликвидирована в судебном заседании (ст. 447, 470, практически воспроизводившие содержание ч. 1 ст. 232 УПК РСФСР), т. е. для пополнения доказательственной базы обвинения. Безусловно, это было шагом назад по сравнению с другими, прогрессивными идеями модели, поскольку институт возвращения дела для дополнительного следствия давал возможность исправлять любые ошибки стороны уголовного преследования и нижестоящих судов, тем самым фактически нуллифицировал всю состязательность. Вместе с тем следует отметить, что институт «доследования» продемонстрировал в дальнейшем удивительную живучесть. В УПК РФ полномочие возвращать дело следователю для производства дополнительного расследования прямо было оставлено только представителям той же стороны обвинения: руководителю следственного органа (п. 11 ч. 1 ст. 39) и прокурору (п. 15, ч. 2 ст. 37, п. 2 ч. 1 ст. 221). Тем не менее на практике своеобразным заместителем аналогичного полномочия у суда явился институт возвращения

им уголовного дела прокурору для устранения препятствий его рассмотрения судом (ст. 237 УПК РФ), который *de facto* нередко используется следствием и прокуратурой для собирания недостающих обвинительных доказательств, даже несмотря на попытки высших судебных органов страны отграничить его от направления дела для дополнительного расследования.

Так, согласно п. 4 постановления Конституционного Суда РФ от 8 декабря 2003 года № 18-П «По делу о проверке конституционности положений статей 125, 219, 227, 229, 236, 237, 239, 246, 254, 271, 378, 405 и 408, а также глав 35 и 39 УПК РФ в связи с запросами судов общей юрисдикции и жалобами граждан»⁷⁶⁶, положения части первой ст. 237 УПК РФ не исключают по своему конституционно-правовому смыслу правомочие суда по ходатайству стороны или по собственной инициативе возвратить дело прокурору для устранения препятствий его рассмотрения судом в случаях существенных нарушений уголовно-процессуального закона, не устранимых в судебном производстве, если возвращение дела прокурору не связано с восполнением неполноты произведенного дознания или предварительного следствия.

Подобную же позицию занял и Пленум Верховного суда РФ, который в п. 14 своего Постановления от 5 марта 2004 г. № 1 «О применении судами норм УПК РФ»⁷⁶⁷ разъяснил, что в «... случаях, когда в досудебном производстве были допущены существенные нарушения закона, не устранимые в судебном заседании, а устранение таких нарушений не связано с восполнением неполноты произведенного дознания или предварительного следствия, судья в соответствии с частью 1 статьи 237 УПК РФ по собственной инициативе или по ходатайству стороны в порядке, предусмотренном статьями 234 и 236 УПК РФ, возвращает дело прокурору для устранения допущенных нарушений».

Вместе с тем исключительно важной новацией, которая фактически вводила существенный элемент состязательности и на досудебные стадии, являлся институт судебного контроля за соблюдением здесь прав и законных интересов граждан, в том числе в части проверки по их жалобам о правомерности отказа в возбуждении уголовного дела или его прекращения, применения заключения под стражу, отстранения обвиняемого от должности (ст. 94, 128, ч. 3 ст. 368, ч. 4 ст. 415). Без сомнения, и эта креативная инновация авторов теоретической модели позднее легла в основу нынешнего института судебного контроля за действиями (бездействием) и решениями органов предварительного расследования и прокурора, которые способны причинить ущерб конституционным правам и свободам участников уголовного

⁷⁶⁶ Собрание законодательства РФ. – № 51. – 22.12.2003. – Ст. 5026.

⁷⁶⁷ Бюллетень Верховного Суда РФ. – 2004. – № 5.

судопроизводства либо затруднить доступ граждан к правосудию (ст. 125, 125¹ УПК РФ).

Кроме того, обвиняемому предполагалось дать право возражать против прекращения уголовного дела и требовать судебного разбирательства, причем независимо от основания прекращения дела (ст. 40, 416 модели). Как известно, действующий Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации (далее – УПК РФ) предусматривает такое право лишь в отношении ряда нереабилитирующих обвиняемого оснований (ч. 2 ст. 27). Однако с точки зрения наиболее полного соблюдения интересов личности при реабилитации вариант, предложенный авторами данной модели, представляется наилучшим. Ведь публичный оправдательный приговор восстанавливает репутацию бывшего обвиняемого намного эффективнее, чем «келейное» постановление о прекращении дела, хотя бы и по реабилитирующим основаниям. Тем более что обвиняемому может оказаться далеко не безразлично (в том числе в интересах возможной защиты своих имущественных интересов в порядке гражданского судопроизводства), по какому именно основанию – в связи с отсутствием события или состава преступления – в отношении него прекращается уголовное преследование.

Авторами модели был впервые сформулирован в нормативной форме институт реабилитации обвиняемого (подозреваемого) и ее последствий, в том числе путем возмещения ему имущественного и морального вреда, причиненного незаконным осуждением, незаконным содержанием под стражей в качестве меры пресечения, незаконным задержанием, незаконным отстранением от должности, незаконным помещением в медицинское учреждение. Предусматривалось также восстановление обвиняемого в трудовых, жилищных, пенсионных и иных правах (глава 42 модели). Эти революционные для своего времени гуманистические идеи были восприняты и получили конкретизацию в новом УПК РФ 2001 года (глава 18 «Реабилитация»).

За обвиняемым и защитником, как, впрочем, и за другими участниками, в модели признавалось право участвовать в заседаниях суда кассационной и надзорной инстанций при рассмотрении жалоб или протестов, касающихся их интересов, а также при производстве по новым или вновь открывшимся обстоятельствам (ст. 40, ч. 5, 7 ст. 529). В УПК РСФСР (ст. 335) такое право сначала не предусматривалось. Понадобилось вмешательство Конституционного Суда РФ,⁷⁶⁸ который официально признал право обвиняемого участвовать в заседаниях вышестоящего суда, чем, по сути, полностью подтвердил

⁷⁶⁸ Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 10 декабря 1998 г. № 27-П по делу о проверке конституционности части второй статьи 335 Уголовно-процессуального кодекса РСФСР в связи с жалобой гражданина М.А. Баронина // СПС «КонсультантПлюс». – URL: <https://www.consultant.ru/> (Дата обращения: 08.09.2023 г.).

правомерность позиции, ранее сформулированной в академической модели. После этого данное право было закреплено и в УПК РФ.

Невиданным ранее в советском уголовном процессе новшеством, которое также было предложено в рассматриваемой модели, был институт допустимости (недопустимости) доказательств. В УПК РСФСР он появился четыре года спустя, после принятия в 1993 г. Закона РФ⁷⁶⁹, учредившего также и суд с участием присяжных заседателей, который также был предвосхищен в академической модели.

В ней суд присяжных именовался расширенной коллегией из двенадцати народных заседателей с участием одного профессионального судьи (ст. 527¹-527⁵ модели УПК), что являлось для советского периода, в конце которого и создавалась эта концепция, чрезвычайно смелым, если не сказать, революционным предложением. Предполагалось, что право обвиняемого на такой суд возникает при обвинении в совершении преступлений, за которые может быть назначена смертная казнь или лишение свободы на срок свыше 10 лет. Надо сказать, что модель предлагала весьма оригинальную и интересную форму суда присяжных. Так, народные заседатели для формирования коллегии вызывались по жребию из числа лиц, которые были до этого избраны народными заседателями; жеребьевка при отборе заседателей должна была производиться в присутствии подсудимого и его защитника; лишь сторона защиты наделялась правом на три немотивированных отвода кандидатов; члены коллегии народных заседателей становились активными участниками исследования доказательств; коллегия принимала решение по вопросу о виновности подсудимого в совещательной комнате самостоятельно в отсутствие профессионального судьи, однако в случае обвинительного вердикта должна была решать вопрос о постановлении приговора и назначении наказания уже совместно с судьей; заседатели могли проголосовать за оправдание подсудимого, который, по их мнению, хотя и виновен в преступлении, но не общественно опасен; строго выдерживался запрет на поворот решения к худшему: оправдательный приговор обжалованию не подлежал, как и не допускался и пересмотр обвинительного приговора в неблагоприятную для осужденного сторону. В этих рекомендациях прослеживается смелое намерение творцов модели соединить достоинства суда присяжных и суда шэффенов, создав новую, предельно демократическую и более консолидированную форму активного

⁷⁶⁹ Закон РФ от 16 июля 1993 г. № 5451-1 «О внесении изменений и дополнений в Закон РСФСР "О судостроительстве РСФСР", Уголовно-процессуальный кодекс РСФСР, Уголовный кодекс РСФСР и кодекс РСФСР об административных правонарушениях» // СПС «КонсультантПлюс». – URL: <https://www.consultant.ru/> (Дата обращения: 08.09.2023 г.).

народного участия в судопроизводстве, к которой, на наш взгляд, следовало бы внимательно присмотреться законодателю, если он решится на дальнейшее реформирование российского суда присяжных.

Досудебные стадии авторы модели мыслили существенно иначе, чем они регламентировались УПК РСФСР. Прежде всего, предварительное следствие должно было стать прерогативой самостоятельного единого Следственного комитета при Совете Министров СССР. Эта идея опередила время более чем на два десятилетия, когда 15 января 2011 г. начал свою деятельность Следственный комитет Российской Федерации⁷⁷⁰.

Заслуживает внимание глубокое понимание авторами сущности дознания, которое в УПК РСФСР, и особенно в ныне действующем УПК РФ, смешивается с понятием упрощенной и ускоренной формы предварительного расследования. Дознание в их модели было сконструировано исключительно как первоначальный этап расследования, где могут иметь место лишь неотложные следственные действия (ст. 374). На дознании не могло предъявляться обвинение, избираться меры пресечения, прекращаться уголовное дело или формироваться окончательное обвинение – все это относилось к компетенции следователя и прокурора. В самом деле, теоретически назначение классического дознания должно состоять, прежде всего, в оперативном установлении и при необходимости задержании конкретных подозреваемых по горячим следам преступления с помощью преимущественно негласных методов расследования, выявлении источников будущих доказательств виновности, с тем чтобы они могли быть реализованы в ходе последующего предварительного следствия⁷⁷¹. Именно такой порядок потенциально позволяет обеспечить гибкий и не слишком формализованный подход, а значит, и большую эффективность в расследовании преступлений. Превращение же дознания в упрощенную копию следствия, которое произошло в нашем уголовном процессе, и замена его эрзацем в виде краткой «доследственной проверки» в стадии возбуждения уголовного дела нарушает разумный баланс между следственной и оперативно-розыскной деятельностью, к тому же выводя последнюю за рамки уголовного процесса, порождая проблему их конкуренции.

⁷⁷⁰ Указ Президента Российской Федерации от 14 января 2011 г. № 38 «Вопросы деятельности Следственного комитета Российской Федерации» // Официальный сайт Президента Российской Федерации. – URL: www.kremlin.ru (Дата обращения: 08.09.2023 г.).

⁷⁷¹ Профессор Санкт-Петербургского университета Н.Н. Розин указывал: «Под дознанием понимаются меры, принимаемые указанными в законе органами, для установления по горячим следам события преступного деяния, его намечающихся юридических черт и предполагаемого его виновника. Меры эти должны собрать тот необходимый материал, на который может опереться обвинение» (Розин Н.Н. Уголовное судопроизводство. – СПб.: Право, 1914. – С. 415).

Следует, однако, учитывать, что данная модель создавалась в преддверии последовавших позднее реформ уголовного судопроизводства, и в известном смысле ее авторы были первопроходцами. Поэтому не удивительно, что некоторые их идеи оказались не вполне жизнеспособными. Так, например, не прижился институт приостановления, возобновления и прекращения подозрения и обвинения (ст. 405-408) наряду с сохранением института приостановления расследования и (частичного) прекращения уголовного дела. Правда, справедливости ради надо заметить, что позднее в УПК РФ он получил в известной степени аналог в виде прекращения уголовного преследования. Тем не менее требование прекращения подозрения в случае непредъявления обвинения в течение краткого срока задержания (до 5 суток), содержащееся в ст. 101¹ модели, представляется явно нереалистичным.

Не слишком последовательным представляется нам и предлагаемое оставление полномочий по расследованию преступлений у прокурора (ч. 3 ст. 29, ч. 2 ст. 380), несмотря на предложение о создании единого Следственного комитета, поскольку для уголовного процесса нежелательно смешение процессуальных функций расследования (в т. ч. руководства расследованием) и прокурорского надзора⁷⁷² (что признавалось и частью авторского коллектива), либо – при ином (характерном, например, для французского типа процесса) подходе – функций расследования и уголовного преследования (публичного обвинения)⁷⁷³.

Выводы. Впрочем, такого рода частные замечания не могут отменить того очевидного факта, что названная концепция заложила в фундамент российского уголовного процесса ряд краеугольных камней, на которых он держится и поныне. Более того, некоторые изложенные в ней блестящие научные идеи сохраняют свой эвристический потенциал и для дальнейших шагов по его реформированию.

⁷⁷² Розин Н.Н. Указ. соч. – С. 244; Антонов И.А., Горленко В.А. Функции прокуратуры в сфере уголовного судопроизводства: понятие, содержание, «тенденции к сокращению» // Российский следователь. – 2008. – № 20. – С. 5-9.

⁷⁷³ «Одним из основных принципов построения уголовного процесса по Code d'instruction criminelle является подчеркиваемое всеми авторами отделение функции уголовного преследования от функций расследования и разрешения уголовных дел по существу. Такое отделение объясняется в теории стремлением обеспечить полноту, всесторонность и беспристрастность расследования и разбирательства дел, которые были бы невозможны при объединении этих функций с уголовным преследованием, то есть деятельностью, имеющей обвинительный характер» (Чельцов-Бебутов М.А. Курс советского уголовно-процессуального права. Очерки по истории суда и уголовного процесса в рабовладельческих, феодальных и буржуазных государствах. – СПб.: Альфа, 1995. – С. 479-480).

§ 6. Проблема определения подсудности дел о хищении средств с банковского счета

Введение. Актуальность противодействия преступлениям против собственности обусловлена значимостью ее уголовно-правовой охраны. Еще с древних законодательных актов Киевской Руси существует уголовная ответственность за преступные посягательства на собственность. В некоторые исторические периоды преступления против собственности наказывались более строго, чем преступления против личности. Так, Уголовный кодекс РСФСР 1960 года⁷⁷⁴ за особо квалифицированную кражу государственного или общественного имущества предусматривал наказание в виде лишения свободы на срок от 5 до 15 лет с конфискацией имущества, а за убийство без квалифицирующих признаков – в виде лишения свободы на срок от 3 до 10 лет.

Кроме того, о важности борьбы с указанным явлением свидетельствует высокая распространенность преступлений против собственности в структуре российской преступности.

Так, в 2020 году данные преступления составили около 39 % от всех деяний, за которые судами общей юрисдикции постановлены обвинительные приговоры: из 530998 осужденных 206313 человека признаны виновными именно в совершении имущественных преступлений. Общее число осужденных за совершение преступлений в сфере экономики (раздел VIII Уголовного кодекса Российской Федерации – далее УК РФ⁷⁷⁵) составило 213178 человек, из которых за преступления против собственности – 97 % осужденных (206313 человека). Для сравнения укажем, что за преступления против общественной безопасности и общественного порядка (раздел IX УК РФ) в 2020 году осуждено 150444 человека, из которых 115019 человек – за деяния против личности⁷⁷⁶.

В первом полугодии 2021 года из 273888 осужденных судами общей юрисдикции признаны виновными в совершении преступлений против собственности 105810 человек, то есть около 39 %. Всего в сфере экономики (раздел VIII УК РФ) совершили преступления 109707 человек. При этом за преступления против общественной безопасности и общественного порядка

⁷⁷⁴ Уголовный кодекс РСФСР (утв. ВС РСФСР 27.10.1960) (ред. от 30.07.1996) // СПС «КонсультантПлюс». – URL: <https://www.consultant.ru/> (Дата обращения: 30.08.2023 г.).

⁷⁷⁵ Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 № 63-ФЗ (ред. от 01.07.2021), (с изм. и доп., вступ. в силу с 22.08.2021) // СПС «КонсультантПлюс». – URL: <https://www.consultant.ru/> (Дата обращения: 30.08.2023 г.).

⁷⁷⁶ Данные судебной статистики Судебного департамента при Верховном Суде Российской Федерации // Судебный департамент при Верховном Суде Российской Федерации. – URL: <http://www.cdep.ru/index.php?id=79&item=5669>; http://www.cdep.ru/userimages/sudebnaya_statistika/2021/k3-svod_vse_sudy-2020.xls (Дата обращения: 30.08.2023 г.).

(раздел IX УК РФ) за тот же период осуждено 77165 человек, из которых за деяния против личности – 60829 человек⁷⁷⁷.

Общий ущерб от хищений, дела о которых рассмотрены судами в 2020 году, составил 69164919173 рубля⁷⁷⁸, в первом полугодии 2021 года – 14471672569 рублей⁷⁷⁹.

С учетом преобладающей доли, которую занимают преступления против собственности в структуре преступности в России, можно утверждать, что они во всех своих проявлениях не только причиняют вред непосредственному собственнику похищенного имущества, но и ослабляют финансовую систему страны, ухудшают экономическую ситуацию, ведут к общему ухудшению уровня жизни Россиян.

В частности, хищение денег, материалов при строительстве дорог ведет к плохому состоянию дорожной сети, бездорожье ведет к удорожанию товаров, доставляемых по таким дорогам, так как возрастают амортизационные расходы перевозчиков, и, как следствие, – стоимость самой перевозки, закладываемая в конечную цену товара.

Хищение имущества, денег у физических лиц снижает их покупательскую способность, ухудшает уровень их жизни, уводит их активы в теневой сектор экономики, в котором эти ресурсы могут быть потрачены на развитие наркоторговли, подготовку более крупных хищений, укрепление организованной преступности и т. д.

Изложенная выше статистика и обусловленная ею важность проблемы борьбы с преступлениями против собственности указывают на необходимость принятия государством комплекса эффективных мер, направленных на противодействие указанным деяниям. Такие меры должны быть не только гармонично встроены в существующие уголовно-правовые нормы, но и не вызывать споров и непонимания у правоприменителей. В противном случае даже самые глубокие и нужные инициативы не принесут должного

⁷⁷⁷ Данные судебной статистики Судебного департамента при Верховном Суде Российской Федерации // Судебный департамент при Верховном Суде Российской Федерации. – URL: <http://www.cdep.ru/index.php?id=79&item=5895>; http://www.cdep.ru/userimages/k3-svod_vse_sudy-1-2021.xls (Дата обращения: 30.08.2023 г.).

⁷⁷⁸ Данные судебной статистики Судебного департамента при Верховном Суде Российской Федерации // Судебный департамент при Верховном Суде Российской Федерации. – URL: <http://www.cdep.ru/index.php?id=79&item=5671>; http://www.cdep.ru/userimages/sudebnaya_statistika/2021/F4-svod_vse_sudy-2020.xls (Дата обращения: 30.08.2023 г.).

⁷⁷⁹ Данные судебной статистики Судебного департамента при Верховном Суде Российской Федерации // Судебный департамент при Верховном Суде Российской Федерации. – URL: <http://www.cdep.ru/index.php?id=79&item=5896>; http://www.cdep.ru/userimages/F4-svod_vse_sudy-1-2021.xls (Дата обращения: 30.08.2023 г.).

результата, не окажут существенного влияния на криминогенную обстановку в стране. Вместе с тем не все новеллы уголовного законодательства России понятны применяющим их на практике специалистам.

Основное исследование. Введенный в Уголовный кодекс России Федеральным законом от 23 апреля 2018 г. № 111-ФЗ⁷⁸⁰ особо квалифицированный состав кражи, предусмотренный п. «г» ч. 3 ст. 158 УК РФ⁷⁸¹ («с банковского счета, а равно в отношении электронных денежных средств...»), поставил перед правоприменителями нашей страны множество вопросов. Среди них: момент окончания такого деяния, способы его совершения, а также проблема определения территориальной подследственности и подсудности дел о таких преступлениях. Особе место в данном ряду занимает проблема определения места совершения хищения с банковского счета, детерминированная особенностями способа и предмета указанного деяния.

Перечисленные сложности правоприменения обусловлены неоднозначным толкованием его субъектами новой нормы Уголовного закона. Устранять различия в понимании закона при его применении, придавать единообразие практике призваны Постановления Пленума Верховного суда России, что следует из ст. 126 Конституции России⁷⁸², и п. 1 ч. 3 ст. 5 Федерального конституционного закона от 5 февраля 2014 г. № 3-ФКЗ «О Верховном Суде Российской Федерации»⁷⁸³.

Цель толкования в свою очередь заключается в выяснении того, какая законодательная мысль заложена в данный закон, или в воспроизведении тех представлений и понятий, которые связывал с данной нормой ее создатель. При этом, как справедливо отмечал академик Академии наук СССР и Российской академии наук В.Н. Кудрявцев, раскрытие смысла нормы «не должно означать фактическое изменение содержания закона, так как только законодатель вправе корректировать закон, приводя устаревший или неточный текст в соответствие со смыслом правового акта, с целью, преследовавшейся при издании нормы»⁷⁸⁴.

⁷⁸⁰ Собрание законодательства РФ. 30.04.2018. № 18. Ст. 2581.

⁷⁸¹ Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 № 63-ФЗ (ред. от 01.07.2021), (с изм. и доп., вступ. в силу с 22.08.2021) // СПС «КонсультантПлюс». – URL: <https://www.consultant.ru/> (Дата обращения: 30.08.2023 г.).

⁷⁸² Конституция Российской Федерации (с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020), Официальный текст Конституции РФ с внесенными поправками от 14.03.2020 опубликован на Официальном интернет-портале правовой информации. – URL: <http://www.pravo.gov.ru>, 04.07.2020.

⁷⁸³ Федерального конституционного закона от 5 февраля 2014 г. № 3-ФКЗ «О Верховном Суде Российской Федерации», (с изм. и доп., вступ. в силу с 13 августа 2019) // СПС «КонсультантПлюс». – URL: <https://www.consultant.ru/> (Дата обращения: 30.08.2023 г.).

⁷⁸⁴ Кудрявцев В.Н. Общая теория квалификации преступлений. – М.: Юрист, 1999. – С. 88.

И хотя редакция (от 29 июня 2021 г.) Постановления Пленума Верховного Суда РФ (далее также – ВС РФ) от 27 декабря 2002 г. № 29 «О судебной практике по делам о краже, грабеже и разбое» дает соответствующие пояснения, однако с точки зрения Уголовного закона и теории уголовного права остаются неразрешенные противоречия. Внесенные в июне 2021 года в указанное постановление Пленума ВС РФ изменения не сняли остроту проблемы определения подсудности указанных дел, влияющую не только на качество и своевременность отправления правосудия, но и непосредственно затрагивающую права участников судопроизводства.

Упомянутое постановление Пленума ВС РФ от 27 декабря 2002 г. № 29 в пункте 25.2 разъясняет, *что местом окончания кражи с банковского счета является место нахождения подразделения банка или иной организации, в котором владельцем денежных средств был открыт банковский счет* или велся учет электронных денежных средств без открытия счета.

Однако эта позиция представляется неоднозначной, поскольку положения УК РФ и Уголовно-процессуального кодекса России (далее – УПК РФ) регламентируют рассматриваемый вопрос иным образом.

Так, согласно требованиям статьи 32 УПК РФ⁷⁸⁵, по общему правилу уголовное дело подлежит рассмотрению в суде по месту совершения **преступления**. Часть 2 той же статьи УПК РФ⁷⁸⁶ закрепляет требование применения аналогичного правила в случаях окончания преступления в месте, отличном от места его начала, – дело рассматривается по месту окончания **преступления**.

Понятие преступления закреплено в Уголовном законе Российской Федерации, из статьи 14 которого следует, что **преступлением признается** виновно совершенное общественно опасное **деяние**, запрещенное настоящим Кодексом под угрозой наказания⁷⁸⁷.

Согласно же частям 2 статей 9, 14, 17 и иным нормам УК РФ⁷⁸⁸, **преступное деяние может быть совершено в форме действия либо бездействия, то есть не включает в себя иные элементы, относящиеся к более широким категориям – объективной стороне преступления и его квалификации – степень завершенности преступного намерения, наступление преступных последствий (в том числе применительно к рассматриваемому преступлению – в виде списания денег со счета потерпевшего).**

⁷⁸⁵ Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18.12.2001 № 174-ФЗ (ред. от 01.07.2021, с изм. от 23.09.2021) // СПС «КонсультантПлюс». – URL: <https://www.consultant.ru/> (Дата обращения: 30.08.2023 г.).

⁷⁸⁶ Там же.

⁷⁸⁷ Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 № 63-ФЗ (ред. от 01.07.2021), (с изм. и доп., вступ. в силу с 22.08.2021) // СПС «КонсультантПлюс». – URL: <https://www.consultant.ru/> (Дата обращения: 30.08.2023 г.).

⁷⁸⁸ Там же.

Упомянутая часть 2 ст. 9 УК РФ⁷⁸⁹ закрепляет момент окончания деяния, определяющего территориальную подсудность уголовного дела – совершение общественно опасного действия (бездействия) независимо от времени наступления последствий.

Аналогичным образом в соответствии с положениями ст. 152 УПК РФ⁷⁹⁰ определяется место производства предварительного расследования – «по месту совершения деяния, содержащего признаки преступления» (но не по месту наступления последствий, влияющих на квалификацию преступления).

Одновременно с изложенным УК РФ и УПК РФ не содержат требований учитывать при установлении территориальной подсудности дела момент и место возникновения преступных последствий, как и иных обстоятельств, влияющих на юридическую оценку (квалификацию) деяния, содержащего признаки преступления (например, наличие всех признаков субъекта преступления, в том числе в ряде случаев устанавливаемого длительного времени вменяемости).

Таким образом, согласно прямо закрепленным в Уголовном и Уголовно-процессуальном кодексах России требованиям, территориальная подсудность (как и подследственность) уголовного дела определяется только местом совершения деяния, запрещенного Уголовным законом, за исключением прямо установленных в статьях 32 и 152 УПК РФ⁷⁹¹ особых случаев.

Аналогичную позицию по данному вопросу выразил Конституционный суд Российской Федерации в Постановлении от 16.10.2012 № 22-П (см. абзац 2 пункта 3): «По общему правилу, предусмотренному частью первой статьи 32 УПК РФ, уголовное дело подлежит рассмотрению в суде по месту совершения преступления, каковым признается то место совершения деяния, содержащего признаки преступления, где оно пресечено или окончено»⁷⁹².

Кроме того, исходя из нормативного регулирования осуществления банковской деятельности в Российской Федерации, адрес подразделения банка, в котором открыт счет потерпевшего, не идентичен адресу ведения счета, на котором хранился предмет хищения.

Так, из статьи 845 Гражданского кодекса России (далее – ГК РФ)⁷⁹³ следует, что договор банковского счета заключается именно с банком (но не его подразделением, филиалом и т. д.). Согласно статье 846 ГК РФ⁷⁹⁴, при заключении

⁷⁸⁹ Там же.

⁷⁹⁰ Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18.12.2001 № 174-ФЗ (ред. от 01.07.2021, с изм. от 23.09.2021) // СПС «КонсультантПлюс». – URL: <https://www.consultant.ru/> (Дата обращения: 30.08.2023 г.).

⁷⁹¹ Там же.

⁷⁹² Собрание законодательства РФ. – 29.10.2012. – № 44. – Ст. 6071.

⁷⁹³ Гражданский кодекс Российской Федерации (часть вторая) от 26.01.1996 № 14-ФЗ (ред. от 01.07.2021, с изм. от 08.07.2021). // СПС «КонсультантПлюс». – URL: <https://www.consultant.ru/> (Дата обращения: 30.08.2023 г.).

⁷⁹⁴ Там же.

договора банковского счета клиенту или указанному им лицу открывается счет в банке (не в подразделении, филиале).

В соответствии со статьей 1 Федерального закона от 02.12.1990 № 395-1 «О банках и банковской деятельности»⁷⁹⁵ банк является кредитной организацией, которая имеет, помимо прочего, исключительное право осуществлять банковские операции, в том числе открытие и ведение банковских счетов физических и юридических лиц.

Согласно положениям статьи 5 Федерального закона от 02.12.1990 № 395-1 «О банках и банковской деятельности»⁷⁹⁶, открытие и ведение банковских счетов являются разными банковскими операциями, и они осуществляются только кредитной организацией (но не ее филиалом, подразделением как самостоятельным хозяйствующим субъектом).

Аналогичные положения (о наделении правами открытия и ведения банковского счета только банков) содержатся в Инструкции Банка России от 30.05.2014 № 153-И «Об открытии и закрытии банковских счетов, счетов по вкладам (депозитам), депозитных счетов» (в том числе глава 1, пункт 1.1)⁷⁹⁷.

Из вышеизложенных нормативно-правовых актов следует, что договор банковского счета заключается именно с банком, счет также подлежит открытию в банке вне зависимости от адреса нахождения филиала (отделения) банка, то есть адресом ведения банковского счета в соответствии с законодательством России является юридический адрес Банка, в котором ведется данный счет (но не адрес подразделения, филиала банка).

Следовательно, определение местом совершения рассматриваемого преступления адреса филиала банка, в котором открыт счет, представляется неточным, а признание позиции об адресе кредитной организации как месте совершения преступления, предусмотренного п. «г» ч. 3 ст. 158 УК РФ⁷⁹⁸, должно влечь установление юридического адреса банка как места совершения всех таких преступлений в отношении его клиентов, вне зависимости от места подразделения, в которое обращался клиент для открытия счета.

Не меньше вопросов возникает и к фактическому отнесению правоприменительной практикой к преступному деянию не относящихся к нему

⁷⁹⁵ Федеральный закон от 02.12.1990 № 395-1 (ред. от 02.07.2021) «О банках и банковской деятельности» (с изм. и доп., вступ. в силу с 18.10.2021) // СПС «КонсультантПлюс». – URL: <https://www.consultant.ru/> (Дата обращения: 30.08.2023 г.).

⁷⁹⁶ Там же.

⁷⁹⁷ Инструкция Банка России от 30.05.2014 № 153-И (ред. от 02.02.2021) «Об открытии и закрытии банковских счетов, счетов по вкладам (депозитам), депозитных счетов» (зарегистрировано в Минюсте России 19.06.2014 № 32813) // СПС «КонсультантПлюс». – URL: <https://www.consultant.ru/> (Дата обращения: 30.08.2023 г.).

⁷⁹⁸ Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 № 63-ФЗ (ред. от 01.07.2021), (с изм. и доп., вступ. в силу с 22.08.2021) // СПС «КонсультантПлюс». – URL: <https://www.consultant.ru/> (Дата обращения: 30.08.2023 г.).

элементов – наступления преступных последствий и причинно-следственной связи между деянием и последствиями.

Из положений ч. 1 ст. 854 ГК РФ⁷⁹⁹ следует, что списание денежных средств со счета осуществляется банком на основании распоряжения клиента. Следовательно, при выполнении любой расчетной операции (как законной, так и незаконной) банк получает распоряжение (поручение) клиента на списание денежных средств с его счета, после чего при соблюдении условий проверки легитимности такого распоряжения банк его исполняет, списывает средства со счета. Ключевым в данной схеме выполнения любой операции с банковским счетом является факт ее выполнения именно банком, без клиента, участие которого прекращается после дачи распоряжения банку.

Поэтому при краже с банковского счета преступное деяние завершается в момент дачи распоряжения банку на списание денежных средств. Дальнейшая деятельность банка по исполнению распоряжения – лишь последствия такого деяния.

Такая структура объективной стороны рассматриваемого преступления в полной мере согласуется с достижениями уголовно-правовой науки.

Существенный вклад в развитие учения о преступлении внес доктор юридических наук, профессор, заслуженный деятель науки РСФСР, академик Академии наук СССР и Российской академии наук, вице-президент Академии наук В.Н. Кудрявцев. Описывая соотношение деяния и объективной стороны преступления, он указывал, что «человеческое деяние... одновременно и субъективно, и объективно, так как представляет собой проявление внутренних свойств человеческой личности и вместе с тем служит формой взаимодействия человека с внешней действительностью. Поэтому в объективную сторону преступления действие входит не полностью (как это имеет место в отношении преступного результата), а только своей внешней исполнительской, физической стороной, своим внешним выражением»⁸⁰⁰.

Развивая тезис об объективной стороне преступления как категории более широкой в сравнении с преступным деянием, В.Н. Кудрявцев отмечал, что «существенными характеристиками преступного действия (бездействия) являются способ, место, время и обстановка совершения преступления. Однако они не являются самостоятельными элементами объективной стороны, так как они только характеризуют деяние (действие или бездействие)

⁷⁹⁹ Гражданский кодекс Российской Федерации (часть вторая) от 26.01.1996 № 14-ФЗ (ред. от 01.07.2021, с изм. от 08.07.2021) // СПС «КонсультантПлюс». – URL: <https://www.consultant.ru/> (Дата обращения: 30.08.2023 г.).

⁸⁰⁰ Кудрявцев В.Н. Объективная сторона преступления. – М.: Госюриздат, 1960. – С. 10. (См. также Дурманов Н.Д. (старший научный сотрудник Института государства и права Академии наук СССР) Понятие преступления. – М.-Л.: Изд-во Академии наук СССР, 1948. – С. 3-4).

преступника. *К объективной стороне относятся* поэтому не сами способ, место, время и обстановка совершения преступления, взятые помимо или наряду с действием (бездействием), а *внешняя сторона общественно опасного действия (бездействия)*, выполненного определенным способом в данных условиях места, времени и обстановки»⁸⁰¹.

Академик В.Н. Кудрявцев утверждал, что «действие (бездействие) лица... образует первый, но не единственный этап процесса преступного посягательства. Совершая общественно опасные действия, субъект влияет на окружающую действительность, производит в ней различные изменения, которые, в свою очередь, вызывают дальнейшее развитие событий. На этом этапе, который носит название причинной связи между деянием и преступным результатом, развитие событий может приобретать различное направление в зависимости как от характера поступка, так и от условий места, времени и обстановки»⁸⁰².

Таким образом, в теории уголовного права преступное деяние и наступившие в результате его осуществления последствия рассматриваются как соединенные причинно-следственными связями, но все же различные элементы объективной стороны преступления.

Применительно к рассматриваемому преступлению совершенно очевидно, что деяние виновного оканчивается моментом дачи поручения банку на списание денежных средств со счета (и не важно, каким способом – через банкомат, платежный терминал в магазине или с помощью банковского приложения в мобильном телефоне потерпевшего), а процесс реализации такого поручения банком со списанием денег со счета потерпевшего или блокированием такой операции является именно последствием преступного деяния – это результат влияния на окружающую действительность, «изменения, которые... вызывают дальнейшее развитие событий»⁸⁰³.

Именно по этой причине в случае блокирования банком данного ему ненадлежащим лицом распоряжения о списании денежных средств со счета потерпевшего преступление следует квалифицировать как покушение на кражу, поскольку деяние виновным выполнено, но преступный результат не наступил по независящим от него обстоятельствам, что в материальной конструкции кражи является обязательным элементом оконченного преступления.

Выводы. На основании вышеизложенного анализа приходим к выводу о том, что соответствии с положениями УК РФ **местом совершения преступления, предусмотренного п. «г» ч. 3 ст. 158 УК РФ, является место**

⁸⁰¹ Кудрявцев В.Н. Указ. соч. – С. 10.

⁸⁰² Там же. – С. 11.

⁸⁰³ Там же.

выполнения виновным запрещенного уголовным законом деяния⁸⁰⁴ (совершения манипуляций с компьютером, мобильным устройством, банковской картой и банкоматом и т. д.), **вне зависимости от адреса подразделения кредитной организации, в которое обращался потерпевший для открытия счета, где хранился предмет хищения.** Исходя из данного места совершения рассматриваемого преступления, должна определяться и территориальная подсудность таких уголовных дел – по месту совершения преступного деяния.

Наблюдающееся же в настоящее время в правоприменительной практике включение в содержание деяния всех элементов объективной стороны преступления (и непосредственного деяния, и наступивших последствий, и причинно-следственной связи между ними) влечет множество трудностей. Такой подход фактически ставит определение подсудности уголовных дел в зависимость от степени завершенности преступного намерения при неизменности объема и места преступного деяния, что недопустимо исходя из законодательного понятия преступления и приведенной выше позиции Конституционного Суда России по данному вопросу.

Складывающаяся практика определения подсудности уголовных дел о преступлениях, предусмотренных п. «г» ч. 3 ст. 158 УК РФ, в сущности, противоречит как нормам гражданского законодательства России о порядке открытия банковских счетов, проведении банковских операций, нормам УК РФ и УПК РФ о содержании понятия преступления и определении подсудности дел, так и достижениям уголовно-правовой науки.

Такое понимание Уголовного закона уже приводит к тому, что дела о хищении денег, находившихся на счетах банков, фактически не имеющих офисов, работающих дистанционно и обладающих только одним адресом головного офиса в столице, подсудны одному суду – по адресу нахождения такого офиса, даже если деяние совершено в другой части страны. В таких случаях дело, по общему правилу, должно расследоваться и рассматриваться в Москве, несмотря на проживание всех свидетелей, потерпевших и подсудимых на значительном удалении от столицы России.

Аналогичная ситуация складывается по делам о рассматриваемых преступлениях, по которым места совершения деяния и открытия счета разделены тысячами километров и множеством регионов России. В случае же существенной территориальной удаленности кредитной организации от места выполнения преступного деяния и проживания участников судопроизводства складывающаяся практика будет приводить к фактической невозможности рассмотрения таких дел вследствие временного разрыва между, например, Камчатским краем и Калининградской областью (10 часов). При таком различии во времени даже

⁸⁰⁴ О ключевой роли деяния в составе преступления см.: Кудрявцев В.Н. Общая теория квалификации преступлений. – М.: Юрид. лит., 1972. – С. 72.

использование систем видеоконференц-связи неспособно обеспечить возможность рассмотрение дела о хищении средств со счета банка, филиал которого открыт в Калининграде, но деяние совершено в Петропавловске-Камчатском, поскольку на момент начала рабочего дня в самом западном городе России в Камчатском крае рабочее время уже окончено.

Еще большие сложности укрепившееся в практике понимание места совершения рассматриваемого преступления может повлечь при осуществлении расследования дела по месту совершения деяния, а не месту нахождения подразделения кредитной организации, которое посещал потерпевший для открытия счета. Из взаимосвязанных положений п. 3 ч. 2 ст. 75 УПК РФ⁸⁰⁵ и ст. 152 УПК РФ⁸⁰⁶ следует, что без применения специальных механизмов изменения территориальной подследственности уголовного дела собранные органом следствия по месту выполнения деяния доказательства могут быть впоследствии признаны судом недопустимыми (при условии нахождения подразделения банка на территории, не входящей в юрисдикцию данного следственного органа). Принятие решения о признании всех доказательств по делу недопустимыми, очевидно, повлечет существенные организационные и финансовые траты на повторное проведение расследования. Предотвращение же описанной ситуации возможно, но лишь путем применения специальных механизмов изменения подследственности по большому количеству уголовных дел, тогда как они предназначены не для массовой корректировки правоприменительной практики, а для разовых, единичных случаев.

По изложенным причинам убеждены, что действующее Постановление Пленума Верховного Суда России в приведенной выше части требует корректировки с указанием на необходимость определения места совершения рассматриваемого преступления только исходя из совершения общественно опасного деяния – в строгом соответствии с положениями ст. 14 УК РФ.

§ 7. Вклад международного правосудия в развитие государственной правовой системы России: участие академиков Российской академии наук в разрешении межгосударственных конфликтов

Введение. Значение института правосудия как в развитии государственно-правовой системы России, так и при осуществлении современным государством своих внутренних и внешних функций нельзя недооценивать.

⁸⁰⁵ Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18.12.2001 № 174-ФЗ (ред. от 01.07.2021, с изм. от 23.09.2021) // СПС «КонсультантПлюс». – URL: <https://www.consultant.ru/> (Дата обращения: 30.08.2023 г.).

⁸⁰⁶ Там же.

Сегодня государственная система правосудия является не только инструментом поддержания демократических завоеваний человечества, в частности обеспечения права человека на справедливое судебное разбирательство, но и одним из основных средств отстаивания интересов нашей страны за рубежом.

Природа и особенности международного правосудия, проблемы, связанные с имплементацией правовых позиций международных судов в национальное законодательство государств, до сих пор вызывают определенные дискуссии. Различные органы международного правосудия, хотя и не находятся в иерархической подчиненности по отношению друг к другу (подобно внутригосударственному организационному подчинению судов первой, апелляционной и кассационной инстанций, вплоть до верховных судов), тем не менее взаимодействуют между собой.

Это свидетельствует о достижении принципиального согласия государств как основных субъектов международного права по вопросу о компетенции и полномочиях различных международных судебных органов. Одновременно процесс расширения международного сотрудничества в этой сфере создает предпосылки для усиления роли международных судов.

Международные судебные органы призваны работать согласованно с государствами – членами объединения, а их правоприменительная практика должна содействовать совершенствованию национального законодательства государств – членов мирового сообщества, особенно в части соблюдения прав и свобод человека, не допуская ошибок прошлого. В этой связи актуализирует исследование современных и исторических подходов к международным судебным процессам и роли академиков Российской академии наук в исследовании актуальных способов разрешения международных конфликтов в различные периоды эволюции дипломатии военного и послевоенного времени.

Основное исследование. После разрушительных последствий Второй мировой войны и гибели миллионов мирных жителей из-за зверств фашистской Германии мировое сообщество вынуждено было искать способы предотвращения подобного в будущем.

Наиболее важным шагом к этому стало привлечение виновных лиц к ответственности за преступления против человечества. В 1942 году Министр иностранных дел Великобритании Энтони Иден заявил, что вина руководителей фашистской Германии «настолько черна..., что выходит за рамки любого процесса». Этому же мнения придерживался и Уинстон Черчилль, указывавший на то, что «после установления личности преступники должны быть повешены без возможности помилования. Вынужденная мера, позволяющая избежать конфликта юрисдикций»⁸⁰⁷.

⁸⁰⁷ Shaw T.W. Injury to Humanity: Moral Injury, Auschwitz, Nuremberg and Levinas // Academia Letters. – 2021. – Article 1425.

Против массовой казни выступил вице-президент США Г.С. Трумэн, бывший судья и сенатор от штата Миссури. Гарри Трумэн был непримиримым противником любой формы политического решения вопроса и настаивал на судебном процессе.

Ранее русский философ-неокантианец, педагог, правовед, публицист, соредактор журнала «Логос» Сергей Иосифович Гессен исследовал проблемы уголовного наказания в работе «Философия наказания». К сожалению, больше специально к этой теме русский ученый не возвращался. Тем не менее его выводы заслуживают осмысления в современной системе гарантий прав и свобод человека. Противопоставление наказания акту мести отсылает человечество к кровнородственному отмщению⁸⁰⁸.

С.И. Гессен и Г.С. Трумэн настаивали на исключительно правовом характере наказания, который сохраняет ценность права как неотъемлемой части миропорядка и безопасности.

С.И. Гессен в своем исследовании приводит не совсем обычную и даже несколько противоречащую доктрине современного уголовного права позицию. Он связывает наказание не столько с обязанностью лица претерпеть лишения, назначенные ему приговором суда, сколько с правом лица, совершившего преступление, быть наказанным. В качестве примера приводится Родион Раскольников, которого муки совести за убийство привели к тому, что он сознательно сдался властям и пошел на каторгу. С.И. Гессен подчеркивает, что «как всякая деятельность, имеющая в виду установить справедливость в обществе, наказание служит закону и, следовательно, самому преступнику, который является существом, наказанным в качестве субъекта, обладающего законными правами. Наказание налагается на него в его же собственных интересах, ибо, обладая правами, он столько же заинтересован в восстановлении справедливости, как и его судьи»⁸⁰⁹.

Судебный процесс над военными преступниками впервые состоялся по окончании Первой мировой войны. Так, 23 мая 1921 года в Лейпциге проходил суд над 45 немецкими офицерами, обвиняемыми в совершении военных преступлений. Но тогда рассматривались дела лишь исполнителей, не затрагивая германских генералов и адмиралов, отдававших приказы, за исполнение которых и отправились под суд их подчиненные.

На Нюрнбергском процессе, проведенном Международным военным трибуналом с 20 ноября 1945 года по 1 октября 1946 года, на скамье подсудимых оказались первые лица государства, обвиняемые в совершении военных преступлений и геноциде («геноцид» впервые открыто прозвучал именно

⁸⁰⁸ Солоницын П.С. Философский смысл наказания в работе С.И. Гессена // Вестник СЮИ. – 2021. – № 4 (45). – С. 53-57.

⁸⁰⁹ Гессен С.И. Философия наказания // Логос. – 1912-1913. – Кн. 1-2. – С. 182-232.

в Нюрнберге). Это и дает право называть Нюрнбергский трибунал главным судом XX столетия⁸¹⁰.

Главным обвинителем от Советского Союза стал действующий прокурор Украинской ССР, генерал-лейтенант юстиции Роман Андреевич Руденко – будущий Генеральный прокурор СССР, высококвалифицированный юрист, блестящий оратор, к которому партнеры по коалиции преисполнялись чувством глубокого уважения и искренней симпатии⁸¹¹.

При совместной работе Р.А. Руденко с зарубежными коллегами все обвинения в отношении нацистских преступников были отнесены к одному из четырех разделов. Первый раздел касался планов нацистской партии и ведения агрессивных войн, второй раздел был связан с преступлениями против мира с формулировкой об участии подсудимых в «планировании, подготовке, развязывании и ведении агрессивных войн, которые также являлись войнами в нарушение международных договоров, соглашений и обязательств». Третий раздел именовался «Военные преступления» и включал в себя все преступления, совершенные в нарушение военных законов и обычаев в ходе Второй мировой войны. Четвертый раздел составили «преступления против человечности», в которые вошли деяния нацистов в отношении собственного народа и всех тех, кто согласно нацистской идеологии относился к «недочеловекам»⁸¹².

12 ноября 1948 года завершился Токийский процесс, на котором также рассматривались дела японских военных преступников.

Советский Союз на процессе представляли: в качестве судьи – член Военной коллегии Верховного Суда СССР, генерал-майор Иван Михеевич Зарянов, в качестве прокурора – начальник Договорно-правового отдела МИД СССР Сергей Александрович Голунский, которого затем сменил прокурор города Москвы Александр Николаевич Васильев⁸¹³.

В последнее время оживился интерес к той роли, которую международные суды могут сыграть в формировании международного права. Это объясняется главным образом двумя причинами. Во-первых, несмотря на рост числа международных судебных учреждений в последние десятилетия, обсуждения роли судов в развитии международного права почти не было, большинство исследователей ограничивались обсуждением проблемы

⁸¹⁰ Чайка К.Л. Генезис международного правосудия // Российское правосудие. – 2021. – № 2. – С. 13-19.

⁸¹¹ Никитина И.Э., Волеводз А.Г. Судебная экспертиза в международном измерении. – М.: Прометей, 2021. – С. 15-20.

⁸¹² Вовк Е.В. Конкретизация идеи справедливости в уголовном законодательстве и правосудии: концептуальные и технико-юридические аспекты // Труды Института государства и права РАН. – 2021. – Том 16. – № 2. – С. 204-226.

⁸¹³ Чайка К.Л. Указ. соч.

потенциальной фрагментации международного права. Сейчас к фрагментации прибавились опасения по поводу того, что применение «фрагментированного» международного права национальными судами нанесет ущерб национальному праву. Во-вторых, снова высказываются сомнения в эффективности международных судов: способны ли они занимать именно то место, которое отводится им государствами, и не станут ли они подменять дискреционные полномочия государств своими дискреционными полномочиями? Суды, как известно, призваны решать споры на основе норм международного права, но судьи нередко сталкиваются с тем, что ясной нормы не существует, и возникает соблазн сформулировать новую норму.

Органы международного правосудия, способствующие мирному урегулированию международных споров. Актуальной проблемой в настоящее время является проблема повышения эффективности работы международных судебных органов. Их большое количество, отсутствие иерархии между ними, возможность различных толкований международно-правовых норм и принципов судьями, служащими в разных органах международного правосудия, имеет следствием возникновение конфликтов юрисдикций различных международных судебных органов и вынесение не соответствующих друг другу решений по одним и тем же вопросам международного права.

Преодоление или максимальное смягчение конфликтов юрисдикций является одной из основных задач, которая должна быть решена в процессе развития международного права и органов международного правосудия.

Актуальной проблемой также является аспект обеспечения независимости и беспристрастности судей международных судебных органов.

В целом проблемы, связанные с деятельностью международных судебных органов, всегда будут актуальны, потому что, согласно п. 1 ст. 38 Статута Международного суда ООН, судебные решения являются вспомогательным средством для определения правовой нормы, т. е. вспомогательным источником международного права.

Современные органы международного правосудия как гаранты разрешения международных споров мирными средствами. В соответствии со ст. 33 Устава ООН единственными возможными средствами решения межгосударственных споров являются мирные средства, а именно: переговоры, обследование, посредничество, примирение, обращения к региональным органам или соглашениям, а также арбитраж и судебное разбирательство.

Правовой основой функционирования мирных способов урегулирования межгосударственных споров является один из принципов *jus cogens* – принцип разрешения международных споров мирными средствами. Данный принцип как один из общепризнанных принципов международного права закреплён не только в таком важнейшем международном правовом документе,

как Устав ООН, но также в таких основополагающих международно-правовых актах, как Декларация о принципах международного права 1970 г., Заключительный акт СБСЕ 1975 г. и др.

В настоящее время в мире функционирует большое количество органов международного правосудия, включающих в свой состав судебные, квазисудебные и арбитражные органы (суды, трибуналы, палаты, арбитражи и др.), основной функцией которых является урегулирование международных споров.

Современный этап развития международного права и международной системы правосудия характеризуется такими тенденциями развития, как диверсификация, фрагментация международного права, пролиферация международных судебных органов и императивизация решений международных судов.

Диверсификация обусловлена наличием большого числа международных судебных учреждений, отсутствием иерархии среди них, их децентрализованностью, возможностью различных толкований международно-правовых норм и принципов судьями, служащими в разных органах международного правосудия. Она определяется невозможностью существования единого международного законодательного органа, обеспечивающего единство международного права.

К факторам, обуславливающим диверсификацию международного права, относится также неоднородность международных судебных органов, включающих в свой состав универсальные, региональные и другие международные судебные органы.

Диверсификация международного права, его децентрализованность, наличие большого числа органов международного правосудия, возможность выражения международными судьями и арбитрами различных мнений в отношении толкования международно-правовых норм и принципов способствуют развитию права, его адаптации к меняющимся условиям международной жизни.

Согласно Докладу Комиссии по международному праву ООН, негативным моментом диверсификации международного права и органов международного правосудия является риск возникновения противоречий между различными правовыми нормами, а также создание условий для вынужденного выполнения государством взаимоисключающих обязательств. Поскольку выполнить все обязательства они не в состоянии, на них неизбежно ложится соответствующая ответственность государств.

Однако следует отметить, что диверсификация является объективным явлением. Так, в части Доклада Комиссии по международному праву ООН от 2006 г. «Фрагментация международного права: трудности, обусловленные диверсификацией и расширением охвата международного права» констатируется, что отклонения от общих принципов права

отражают разные цели и предпочтения субъектов плюралистического (глобального) общества.

Таким образом, можно констатировать, что диверсификация соответствует духу времени и отражает плюрализм современного мира. Позитивным моментом диверсификации является усиление главенства права в международных отношениях. Происходит постоянное сокращение сфер международных отношений, не охваченных действием международного права. Следствием диверсификации международного права является фрагментация.

Фрагментация современного международного права. Одной из основных тенденций развития современного международного права является его фрагментация, т. е. дробление. Исследователями фрагментации международного права выявлено семь направлений, определяющих его развитие: 1) диверсификация судов, применяющих международное право; 2) увеличение числа правовых норм и возникновение потенциального конфликта между ними; 3) увеличение возможностей доступа не только государства, но других лиц в органы международного правосудия; 4) различия между юрисдикцией и применимым правом органов международного правосудия; 5) стремительное развитие межсудейского диалога; 6) слияние процедуры и традиции в судах и правовых системах; 7) формирование смешанных судов, объединяющих национальные и международные элементы.

Выделяются три типа коллизий и отмечается, что фрагментация проявляется по-разному в каждом из этих типов: а) коллизии между нормами общего права и частным, нетрадиционным толкованием общего права; б) коллизии между нормами общего права и частной нормой, которая претендует на существование в качестве исключения из общего права; в) коллизии между нормами двух типов специального права.

Базовыми причинами правового характера, усиливающими фрагментацию системы международного права, являются: отсутствие централизованных институтов, обеспечивающих однородность и соответствие правовых норм; возможность параллельного регулирования одной и той же проблемы на универсальном и региональном уровнях; конкуренция норм, связанная с расщеплением международного права по отраслям, специализациям.

Международные судебные органы призваны работать согласованно с государствами – членами объединения, а их правоприменительная практика должна содействовать совершенствованию национального законодательства государств – членов мирового сообщества, особенно в части соблюдения прав и свобод человека, не допуская ошибок прошлого.

При весьма существенных различиях в правовом регулировании деятельности международных судебных органов имеет специфические и, по

существу, единые материально-правовые основы – принципы и нормы международного права.

Категория справедливости традиционно рассматривается как одно из системообразующих философских, политических и правовых начал человеческого бытия. Осмысление сущности понятия «справедливость» в юридическом смысле будет отличаться от ее философского или политического смысла, а также философско-правового, так как к юридическим понятиям и категориям, используемым для регулирования общественных отношений, применяются несколько иные критерии точности и адекватности, чем, например, к категориям политической или социологической науки⁸¹⁴.

Так, ряд авторов в этой связи проводит различие между «формально-юридическими» и «общеправовыми понятиями и категориями»⁸¹⁵. Не случайно понятийные дефекты И.П. Кожокарем рассматриваются как серьезная проблема практической юриспруденции⁸¹⁶.

С научной позиции А.И. Овчинникова, правовое мышление базируется на интуиции и иррациональных основаниях интерпретации правовой реальности⁸¹⁷. Следовательно, юридическая наука не относится к категории точных наук, хотя попытки ее стандартизации не прекращаются в связи с внедрением искусственного интеллекта в правосудии.

Д.А. Гришин также считает, что «направленность применения тех или иных информационных технологий в ходе производства по уголовному делу различна. Допустимо вести речь об их использовании в сугубо криминалистических целях – поиск, обнаружение, изъятие, фиксация, исследование доказательств. Однако имеет место применение достижений технической научной мысли и для решения исключительно процедурных вопросов – фиксации информации, организации проведения процессуальных действий, обеспечения участия заинтересованных лиц и т. д. В таком случае реализуемые информационные технологии позволяют оптимизировать уголовное судопроизводство, не изменяя его сущности и предназначения»⁸¹⁸.

Идея справедливости представлена в уголовном законодательстве в значении одного из принципов уголовного права. Не случайно ст. 6

⁸¹⁴ Вовк Е.В. Конкретизация идеи справедливости в уголовном законодательстве и правосудии: концептуальные и технико-юридические аспекты // Труды Института государства и права РАН. – 2021. – Том 16. – № 2. – С. 204-226.

⁸¹⁵ Авдеев Д.А. Избиратели как источник власти, или Юридическое измерение категории «народ» // Современное право. – 2015. – № 11. – С. 25-30.

⁸¹⁶ Кожокарь И.П. Понятийные дефекты нормативно-правового регулирования // Вопросы российского и международного права. – 2019. – Т. 9. – № 4А. – С. 308-316.

⁸¹⁷ Овчинников А.И. Правовое мышление: теоретико-методологический анализ. – Ростов-на-Дону: РГУ, 2003. – С. 63

⁸¹⁸ Гришин Д.А. Цифровизация досудебного уголовного судопроизводства // Вестник Томского государственного университета. – 2020. – № 455. – С. 208-215.

Уголовного кодекса Российской Федерации (далее – УК РФ) так и называется: «Принцип справедливости».

Европейский Суд по правам человека применительно к ст. 6 Европейской конвенции по правам человека к праву на справедливое судебное разбирательство относит и независимость судебных властей. Требование «независимости» тесно переплетается с требованием «базироваться на законе», поскольку подразумевает наличие процессуальных механизмов защиты для отделения судебной власти от других властей, в первую очередь от исполнительной власти⁸¹⁹.

Тем не менее сегодня в Европейском союзе снова встает вопрос независимости административных (исполнительных) органов и права личности на эффективную судебную защиту. Европейская комиссия обеспечивает соблюдение антимонопольного законодательства ЕС путем объединения в себе функций расследования, судебного следствия и вынесения судебных решений.

Правоприменительная практика позволяет выявить дифференцированные подходы при рассмотрении дел о недобросовестной конкуренции, благоприятствуя исполнительной ветви власти ЕС в усилении влиятельных хозяйствующих субъектов и лиц, затронутых в результате предполагаемых нарушений антимонопольного законодательства.

В ЕС пределы административного усмотрения в рамках разбирательств по антимонопольному законодательству в учредительных договорах ЕС не содержатся. Общий суд ЕС (General Court of the EU, бывший Суд первой инстанции), который выступает в качестве суда первой инстанции в делах по конкурентному праву ЕС, и Суд ЕС, который выступает в качестве апелляционной и последней инстанции в делах по вопросам конкуренции ЕС, осуществляют «мягкий судебный контроль». Такой дифференцированный судебный контроль, осуществляемый Судом ЕС, не ограничивает административное усмотрение Комиссии ЕС.

И, наконец, объем процессуальных возможностей участия в конкурентном праве Суда ЕС далек от того, чтобы оказать реальное влияние на административное усмотрение Комиссии ЕС.

Концентрация экономической власти затрагивает такие отрасли, как финансы, СМИ, авиакомпании, телекоммуникации и, что более важно, индустрию цифровых технологий, где такие гиганты, как Google, Apple, Facebook и Amazon, играют особую роль в жизнедеятельности мирового сообщества.

⁸¹⁹ Виткаускас Д., Диков Г. Защита права на справедливое судебное разбирательство в рамках Европейской конвенции по правам человека. Серия пособий Совета Европы. – Воронеж: Элист, 2014. – 211 с.

Это особенно актуально применительно к использованию высоких технологий, в отношении искусственного интеллекта, поскольку именно в этой научно-технической сфере идет соревнование преимущественно между компаниями. Компания, которая выиграет и поставит себе на службу мировой искусственный интеллект, сможет также контролировать будущее человечества?

Л.Д. Брандейс, американский юрист, который считается одним из ведущих теоретиков антимонопольного законодательства, которые когда-либо заседали в Верховном суде США, в 1912 году помог В. Вильсону представить концепцию избирательной компании, в которой фигурировала модель связи между контролем над крупными предприятиями-монополиями и демократическими принципами. Эта модель оставалась популярной в США до конца 20-го века, а в настоящее время возможно переживает повторное возрождение.

Фактически, Л.Д. Брандейс показал, что концентрация политической или административной власти была сродни отчуждению государства от демократии и от обеспечения прав и свобод человека и гражданина⁸²⁰. К чему это может привести, не раз показывала история.

Выводы. Современная концепция национальной и международной справедливости имеет свою философскую основу в генезисе представлений о правах человека и основных свободах. Право на справедливое судебное разбирательство определяется как правовая и процессуальная деятельность независимой судебной власти по применению закона и разрешению правовых конфликтов.

Таким образом, правовые позиции Европейского суда по правам человека относительно независимости административных органов и права личности на эффективную судебную защиту приобретают особое значение, поскольку они касаются недостатков административного права ЕС, а именно: свободы усмотрения и подотчетности властям.

⁸²⁰ Teleki C. Due process and fair trial in EU competition law: the impact of Article 6 of the European Convention on Human Rights. – Leiden; Boston: Brill/Nijhoff, 2021. – 392 p.

SUPREME COURT OF THE RUSSIAN FEDERATION
NORTHWESTERN BRANCH OF
THE RUSSIAN STATE UNIVERSITY OF JUSTICE



**THE ROLE OF THE ACADEMY OF SCIENCES IN
THE DEVELOPMENT OF THE STATE-LEGAL SYSTEM IN
RUSSIA (TO THE 300TH ANNIVERSARY OF THE RUSSIAN
ACADEMY OF SCIENCES)**

Multi-authored monograph

St. Petersburg
2024

Chapter I.
**THE RUSSIAN ACADEMY OF SCIENCES IN FORMING
AND DEVELOPING RUSSIAN JURISPRUDENCE:
A HISTORICAL ANALYSIS**

§ 1. Academic period of Russian legal science development

Introduction. The beginning of the formation of Russian legal science, as some authors say, dates back to the 11th century, when Hilarion, the first Russian metropolitan, wrote the treatise “The Sermon on Law and Grace”. The authors note that the appearance of this work is the reason and the beginning of Russian legal science.

Petersburg Academy of Sciences is the name of the highest scientific institution of the Russian Empire in 1724-1917, accepted in the literature. It was founded on January 28 (February 8), 1724 in St. Petersburg by the decree of Emperor Peter I. Since February 1917 it became the Russian Academy of Sciences.

In time of Peter I reign, significant changes took place in many areas of life. The reign of the Tsar of Russia was associated with reform activities. Peter Alekseevich laid the foundation for many things. Under him various acts were issued, for example: in 1698, Peter I introduced a state fee on wearing a beard; on December 30, 1701 Peter issued a decree ordering to write full names in petitions and other documents instead of pejorative half-names (Ivashka, Senka, etc.); do not fall on one’s knees in front of the tsar; in winter, in the cold to wear a hat in front of the house in which the tsar is located, don’t take it off etc.

The example of the Paris Academy, the conversations of Peter I with many scientists abroad, the Leibniz’ advice, the repeated representations of many foreigners, associates of Peter I, convinced him to form an Academy of Sciences in Russia as well.

In 1718, Heinrich Fick, one of Peter I associates, made a report, in which he volunteered to submit to Peter I a note “On the easy upbringing and education of Russian young children, in order to put them to perfection in a short time”. This report was the reason for the issuance of a decree by Peter I: “To make the academy, and now to seek out from the Russians who are taught and have a tendency to do so, also start translating books of jurisprudence and other things”⁸²¹. Actis testantibus, the St. Petersburg Academy should have been fundamentally different from European academies.

Then a nominal decree was issued to the Senate “On the establishment of the Academy of Sciences and Arts”. According to this decree, every professor-

⁸²¹ Pekarsky P.P. History of the Imperial Academy of Sciences in St. Petersburg. – St. Petersburg: izdanie Otd-niia rus. iaz. i slovesnosti Imperatorskoi akad. nauk, 1870. – 774 p.

academician was supposed to prepare a study guide for the benefit of the student youth and every day to be engaged in public teaching of his subject for an hour. Also, the academician had to choose one or two students and educate them as successors. He had to teach them in such a way that they thoroughly mastered the subject, so that later they could replace the academic professor himself, in the event of his death or something else. On this occasion, Peter I said that such people should be chosen from the Slavic people so that they could teach Russians more conveniently. For the maintenance of the academy 25,816 rubles were allocated.

After the publication of the Decree on the Establishment of the Academy of Sciences and Arts, the first president of the Academy of Sciences and Arts L.L. Blumentrost, began activities by inviting future professors-academicians from abroad to the Russian Empire. After the death of the tsar, the throne was occupied by Catherine I, who continued Peter's activities in the development of the Academy.

In 1725, Blumentrost managed to conclude agreements with some professors from foreign countries. Over time, academics came to St. Petersburg, immediately after arrival they began to fulfill their teaching commitments.

Thus, the Academy, founded by Peter I, gradually began its scientific and teaching activities, the result of such activities was the graduation of qualified specialists who began to teach at the Academy, who began to pass their knowledge over to the next graduates.

Main research. This period is the second one, after the "family-monastery" period, which ended at the end of the 16th century. The academic period, *de jure*, began in 1724, when Peter I gave a decree: "To establish an academy, and from now on to look for Russians who are taught and have penchant for this, also begin translating books of jurisprudence and other things"⁸²².

As Vladimir Mikhailovich notes, the academic period is characterized by certain and effective measures to form scientific and educational institutions in Russia, it was caused by an acute shortage of specialists in the field of technical, political, historical, legal, medical and other sciences. Initially, it was Peter I who created the Academy of Sciences, the official opening of the Academy took place in 1725 after his death. Two tasks were assigned to the Academy: "to produce sciences" and to teach young people the sciences. In this connection, a university and a gymnasium were formed by the Academy. At that time much attention was paid to the training of legal personnel and the improvement of legislation. Accordingly, the creation of a department of jurisprudence was envisaged at the Academy of Sciences, and law was taught at an academic university. In addition to them, the gentry Shlyakhet Corps was formed in 1732, where it was planned to run classes in

⁸²² Ibid. – P. 774.

theoretical jurisprudence. In 1755, Moscow University was opened, it included the Faculty of Law⁸²³.

Thus, Peter is the first founder of the Academy of Sciences, and after his death, the academy began to gain authority and respect in the eyes of the people and the authorities. This Academy is the first State educational institution for training specialists in various fields. At this stage, more attention was paid to the training of young specialists, since the deficit in them has increased to the limit.

As it is known, the academy did not have its own specialists who could teach, develop Russian legal science, pass on their knowledge to others, and teach young people. In this regard, it was necessary to carry out activities inviting relevant specialists from abroad. As a result of such activity, such professors as: F.G. Bauze, I. Purgold, Y.I. Schneider, I.M. Shaden, F.G. Strube de Piermont and other professors from abroad worked at the Russian Academy of Sciences, who made their personal significant contribution to the development of Russian legal science and legal education.

At the same time, the attempt to raise legal science and education to the level of Western European jurisprudence this way was untenable. Invited professors did not know either the Russian language or Russian legislation. They gave lectures in German and Latin, which were little understood by the audience. Moreover, each professor was obliged to read several courses, and W. Dilthey for the first 10 years from 1756 to 1766, had been the only professor at the Faculty of Law of Moscow University and therefore taught all the courses provided for in the curriculum. There is no wonder that most of the students were not eager to get university education. So, in 1765, out of 18 students who studied at an academic university, half filed a resignation request due to the lack of “the inclination to study more about the sciences”. Due to the chronic shortage of students, the university was closed in 1766. The situation with legal education improved significantly only after the first Russian law professors S.E. Desnitsky and A.I. Tretyakov began to run classes in Russian language in 1767⁸²⁴.

Speaking about the attempt to raise the level of Russian jurisprudence to the Western European level, it should be noted that no professors would be able to help this with their work. The fact is that Western European legal thought has been developing for thousands of years: it dates back to the time of Ancient Rome. Many scholars have confirmed that Roman law is a kind of a written reason. Russian legal science does not have such deep roots, and it is impossible to reach the level of Western jurisprudence in several years, because Western jurisprudence itself has formed over centuries.

⁸²³ Syrukh V.M. History and methodology of legal science. – Moscow: Norma: INFRA-M, 2012. – P. 175-176.

⁸²⁴ Ibid. – P. 176.

Foreign professors' ignorance of the Russian language and Russian legislation, that is, in other words: the lack of translators in Russia, the lack of specialists in the field of linguistics and unknown Russian legislation was primarily the fault of the supreme authorities. Our State was not engaged in activities aimed at training specialists in the field of linguistics until the 17th century and that made the problem. This became the reason for the Russian jurisprudence decline and the students' resignation due to the lack of "the tendency to study the sciences more". But immediately a year later, Russian law professors appeared, they raised our legal science, they taught our people, handed them knowledge so that those would teach others – S.E. Desnitsky and A.I. Tretyakov. Thanks to these scientists, the level of legal culture and legal education has risen beyond recognition.

During the academic period, foreign doctors and professors did not provide any noticeable breakthrough on the scientific front either. Foreigners who sat at the Academy of Sciences or taught at universities were not inclined to enrich legal science with solving problems of Russian legislation and the practice of its improvement, as well as to search for pages in the history of the Russian State and law. Their scientific exercises were most often translations of their previous works or a presentation of the famous foundations of natural and Roman law, illustrated by some provisions from Russian law. Moreover, the efforts of Western European scientists discovered "obvious traces" of Varangian-Germanic influence on the processes of the ancient Russian statehood formation⁸²⁵.

It should be emphasized that, as V.M. Syrykh notes, foreign professors, such as F.G. Bauze, I. Purgold, Y.I. Schneider, I.M. Shaden, F.G. Strube de Piermont and others, made their personal significant contribution to the development of Russian legal science and legal education.

Foreign professors were not interested in ensuring a "breakthrough on the scientific front", it can be explained by the fact that Russia was not the homeland of their fathers, where they were born and raised. But to blame them for the fact that they were not interested and did not express a vivid desire to ensure a breakthrough on the scientific front for the alien Russia, as well as the fact that they were not patriots of a homeland alien to them, – is also not fair.

All the achievements of Russian legal science in the 18th century, constituting its most glorious pages, were prepared by domestic researchers. These are the works of the first Russian professor S.E. Desnitsky, who raised the Academy of Sciences in 1767, as well as Ya.P. Kozelsky, A.L. Orden-Nashchekin, I.T. Pososhkov, F. Prokopovich, A.N. Radishchev, D.I. Fonvizin, M.M. Shcherbatov. A significant phenomenon in the history of political and legal thought of Russia was the Instruction worked out by Catherine II and representing a number of democratic

⁸²⁵ Ibid. – P. 176-177.

provisions of Western European thinkers, which the Empress wanted to embody in her country. Even M.V. Lomonosov could not resist providing noticeable assistance to lawyers, and prepared a solid monograph that denied the presence of a noticeable Varangian-Germanic influence on ancient Russian history⁸²⁶.

S.I. Desnitsky wrote *The Word on the Direct and Immediate Way to Teach Jurisprudence*. A vivid scientific work of S.I. Desnitsky is “Legal discourse on the different concepts that peoples have about property,” where the establishment and development of the institution of property is explained by successive changes in economic life⁸²⁷. Then he wrote *Legal Reasoning on the Beginning and Origin of Marriage*, where he describes the origin of the family and advocates for the protection of equality of men and women⁸²⁸.

We believe that domestic lawyers have prepared their own ground without waiting for the help of Western European professors. Legal science at that time was in a tragic situation, and any work of a scientist, specialist, lawyer, any of their efforts were appreciated and had great significance for the legal base of Russia.

Legal science still remained in the field of general problems of state and law theory, and the main subject of its scientific research were the problems of justifying autocracy as a form of government necessary for the Russian people, ensuring the real action of legislation and the dominant position of the nobility. During this period in Russia, as well as in Western Europe, the political and legal ideology, based on the combination of the Christianity dogmas with the analysis of political and legal phenomena and processes, faded to the past. It was replaced by a rationalist methodology with partial, incomplete, bashful recognition and the use of some provisions of the theory of natural law to justify the need for absolute monarchy, serfdom and existing laws. The greatest successes in this direction were achieved by F. Prokopovich, V.N. Tatishchev, I.T. Pososhkov and Empress Catherine II herself⁸²⁹.

F. Prokopovich shared the provision of the theory of natural law about the contractual nature of the emergence of the State, but also interpreted it in favor of an absolute monarchy. He assured that the tsar-autocrat had unlimited power in accordance with the agreement concluded with the people, who renounced all their rights in favor of the ruler. The form of government – Prokopovich believed –

⁸²⁶ Ibid. – P. 177.

⁸²⁷ Desnitsky S.E. Legal discussion about different concepts that peoples have about the property of estates in various states of community. On the highly solemn birthday of her imperial majesty, the all-enlightened sovereign of the great sovereign Empress Ekaterina Alekseevna, the autocrat of the All-Russian/Spoken in the solemn meeting of the Imperial Moscow University of April 21 day of 1781 by Dr. of Jurisprudence and Professor Semyon Desnitsky. – Moscow: Univ. typ., at N. Novikov, 1781. – 20 p. Reprinted in book: Selected works of Russian thinkers of the second half of the 18th century. Vol. 1. – Moscow: Gospolitizdat, 1952. – P. 268-286.

⁸²⁸ Ibid. – P. 257-267.

⁸²⁹ Syrykh V.M. Op. cit. – P. 177.

directly depends on the form of the State. In some small territory countries, a republican form of government may be established by a people's agreement. However, in Russia, which has a large territory, the State can develop successfully only in the form of an absolute hereditary monarchy, that is, the monarch has absolute and unlimited powers. The people have no right not only to command the sovereign, but even to condemn his deeds, since people voluntarily transferred their rights to govern the country to the sovereign. V.M. Syrykh notes that F. Prokopovich grossly distorted the theory of natural law applied by him, abstracted from its most important revolutionary principle – the people's right to revolt against the tyrant ruler if he violated the rights and freedoms of individuals⁸³⁰.

In other words, F. Prokopovich stated that the absolute hereditary monarchy is an obligatory and the main condition for the successful development of the State in various spheres of life: domestic and foreign policy, domestic and foreign economy, culture, production, trade, in the development of military affairs, in ensuring the stability of the State, etc. F. Prokopovich also stated that territory availability creates the need to establish an absolute monarchy; that the people should transfer their rights to the monarch so that he makes decisions for them or instead of them.

A supporter of this theory is another well-known historian, geographer, economist and statesman, V.N. Tatishchev, who in the same way distorts the theory of natural law in defense of absolute monarchy and serfdom. Arguing that the absolute monarchy is the main condition for the successful development of the State, he gives the same evidence as F. Prokopovich, i. e., recognizes the existence of a social contract between the people and the monarch. His view is different from that of F. Prokopovich as he believed that power would be effective if, along with the monarch, a second nobles' authority is created, which would ensure the development of fair and reasonable laws, as well as could take effective measures to combat corruption.

He shared another fundamental principle of the theory of natural law – the division of laws into natural and volitionally established by State power and did not deny the ability of natural law to act as a criterion for positive, civil laws, which makes it possible to reliably judge what is “right and wrong” and recognize serfdom as a state that contradicts the nature of man. However, he recognized this provision as fair anywhere, but not in Russia, since the freedom of the peasantry in it is not consistent with the monarch's form of government, and besides, “it is not safe to change the rooted custom of captivity”. The landowner, according to V.N. Tatishchev, should carry out effective supervision over the constant peasants' work, “because of idleness, the peasants not only fell ill, but even die”⁸³¹.

⁸³⁰ Ibid. – P. 178.

⁸³¹ Ibid. P. – 178-179.

V.N. Tatishchev, developed such a concept that justified the absolute monarchy, he expressed State-beneficial ideas and principles of government. In his statements like “the landowner must exercise effective supervision to ensure that the peasants work constantly...” – a kind of exploitative regime was hidden, which had shades of a slave-owning system. We can even say that he was a political and legal defender of the State.

The first political and legal ideologist from the merchants was I.T. Pososhkov. A consistent supporter of autocracy, he fully agreed with serfdom, like V.N. Tatishchev, he recognized the landowner’s vigilant supervision of peasants’ work who had a clear desire to “lie down”, but not to increase wealth by their labor. I.T. Pososhkov worried only about tsarist laws. As a merchant, he knew their “red price” and rather sharply condemned “the ancient charters dilapidated and distorted by unlawful judges”. In order to fundamentally update the legislation, he proposed a new procedure for lawmaking: the preparation of laws should not be carried out by officials, but by an assembly of representatives of the whole people or representatives of estates whose interests are affected by the proposed law or decree. The tsar has only to approve or disapprove the draft law or decree prepared by the assembly. Further on, I.T. Pososhkov proposed to reform the court, changing its composition, entrusting the exercise of legal proceedings to persons “from low ranks”, primarily from clerks who are skillful in deeds and have the fear of God in themselves. The proposed reform of the court was supposed to ensure the solution of two problems: the real action of the laws and the accessibility of the court for the common people. Although the measures he proposed were by no means groundless, the authorities arrested him “on an important secret State affair” and imprisoned him in the Peter and Paul Fortress, where he died⁸³².

In his treatise, *The Book on Scarcity and Wealth, This is an Explanation of What Scarcity Originates from, and from What the Gorbzovate (abundant) Wealth Multiplies*, he outlined his position in politics and economics. In his writings, he demands the restriction of serfdom in the positions of absolutism: “Landowners are not age-old owners of peasants, that’s why they do not take care of them, but their true owner is the All-Russian Autocrat”⁸³³. I.T. Pososhkov advocated the rationality and limit of the rights of landowners on peasants. Then he was against the tsar laws. I.T. Pososhkov opposed to tsarist laws because the laws and decrees issued by the tsar often contradicted the interests of the individual and society, and grossly violated some of their rights. Therefore, he proposed a new procedure for lawmaking, according to it representatives of the people or representatives of the estates prepared a draft law or decree. And the tsar was given the right to approve the law or disapprove. The problem of proposing such a procedure for making laws supposed

⁸³² Ibid. – P. 179.

⁸³³ Klyuchevsky V.O. Russian History Course. – Moscow: Al'fa-kniga, 2019. – 1197 p.

that the people know better what they need and what they do not need – the people would act in the interests of the majority, and this is fair. In this case, the State acts as a means by which the needs of the people majority, society are satisfied. The possibility of using the State for the purposes of a certain “bunch of people” – was categorically excluded. And if the ruler is given the right, independently adopt and approve laws, despite the fact that the meaning of these laws and decrees directly contradicts the interests of the whole society, then the State will act as a tool of oppression of the people; as a means of meeting the needs (of any kind) of certain people, and this is unfair. Thus, we can say that I.T. Pososhkov’s view somehow differed from V.N. Tatishchev’s ones. But in the end, the rulers did not like his reasonable position and they imprisoned him in the Peter and Paul Fortress, where he died on February 12, 1726, i.e., 3 years after the death of Peter I.

Even Catherine II did not escape the temptation to organize the government of Russia on the principles of natural law. She was the second and the last Russian tsar person, who set forth her political and legal views in the form of a separate written paper. She prepared the Instruction to the Commission on the drafting of a New Code, the content of it was mainly borrowed from the works of Ch.-L. Montesquieu and C. Beccaria. Although the Instruction was based on the principles of the theory of natural law, the conclusions of Catherine II were directly opposite to this theory: both absolute monarchy and serfdom are best suited for Russia. “All other rule was not only harmful to Russia, but also ruinous”. On the contrary, the absolute monarchy guarantees “natural liberties” to a greater extent than other forms of government⁸³⁴.

Catherine II, Prokopovich, Pososhkov and Tatishchev, as if an agreement had been concluded between them of “distorting the provisions of the theory of natural law”, expressed the same points of view in their writings. They argued in their writings that “non-monarchy” is not for Russia. Catherine said: “All other rule was not only harmful to Russia, but also ruinous”. Tatishchev stated: “The absolute monarchy is the main condition for the successful development of the State... it is not safe to change the rooted custom of captivity”. Prokopovich wrote: “The State can develop successfully only in the form of an absolute hereditary monarchy”.

A.N. Radishchev’s provisions and conclusions, based on the theory of natural law and consistently applied to Russian reality, sounded in sharp dissonance to the choir of official political and legal ideologists. Accordingly, both the monarchy and serfdom were mercilessly criticized. In his *Journey from St. Petersburg to Moscow*, for the first time in Russian literature, a harsh sentence is passed not to a “bad landowner”, but on serfdom as a method of social production based on the brutal custom of “enslaving a person like himself”. Autocracy is recognized by him as the

⁸³⁴ Syrukh V.M. Op. cit. – P. 179-180.

state “most repugnant to a human being”, and the tsar as the first “killer, the first robber, the first traitor”.

The view of A.N. Radishchev completely contradicted the teachings of Catherine II, Propokovich, Pososhkov, Tatishchev and others, from among the “group of eager to power”. Radishchev was not a political and legal defender of ... “the tsarist dignity and power”, and that was clear from his statements about the doctrines of “reformers of the natural law theory position”. Radishchev’s statements that he made in his works had negative consequences for him.

After reading Radishchev’s work, Catherine II said: “The rebel is worse than Pugachev! That one, even though he pretended to be a tsar, professed the monarchist system, and this one, by revolution, decided to establish a republic in Russia!”. After his statements there were more negative consequences. Catherine II issued a decree, according to which “Radishchev was found guilty of the crime of oath and the subject’s position subject by publishing a book... filled with the most harmful philosophies, destroying public peace, diminishing due respect to the authorities, striving to indulge the people against the superiors and chiefs, and finally by insulting and furious images against the dignity and tsarist power”⁸³⁵. After that, he was sentenced to death, but then they “pardoned” and replaced it with a 10-year exile in the Ilimsky prison.

Radishchev’s views were justified, his statements were true, his condemnations were fair. But despite this, despite the fact that he acted in the interests of people – he was severely punished, and all his people did not help him in trouble. The founder of the Soviet Union – V.I. Lenin – said about Radishchev: “... he was the first Russian revolutionary”.

The “pernicious influence” of Western legal theories on the minds of Russian political and legal ideologists was experienced not only by A.N. Radishchev. It was accepted and developed in the new historical conditions by the Decembrists, and then by A.I. Herzen, Narodnaya Volya and Social Democrats. Starting with A.N. Radishchev, the revolutionary spirit for a long time formed the basis of one of the radical directions of the political and legal thought of Russia, the goals of which were the deposition of the monarchs, the abolition of serfdom and the democratization of the social and State system⁸³⁶.

Conclusion. Based on the foregoing, we propose the following conclusions about the prehistory of the academic period and the academic period itself. As we can see, the academic period originates from the moment when one of Peter I’s associates read a report, after which the Tsar gave a decree: “To make an academy,

⁸³⁵ Babkin D.S. Comments: Radishchev. Letter to A.R. Vorontsov, December 4, 1791 // Radishchev A.N. Complete works. – Moscow; Leningrad: Izd-vo Akademii Nauk SSSR, 1938-1952. – Vol. 3 (1952). – P. 635-636.

⁸³⁶ Syrykh V.M. Op. cit. – P. 180.

and now to look for the Russians, who are taught and have a tendency to do so, also start translating books of jurisprudence and others”⁸³⁷. This moment is the legal beginning of the development and formation of Russian legal thought.

After this decree the Russian Academy of Sciences was founded where the first lectures on jurisprudence started.

After that, L.L. Blumentrost began to invite academic professors from abroad, because at that time the jurisprudence of the Russian Empire was not developed, and accordingly there were no specialists in this area. The invited professors gave lectures in Latin and German, as they did not know the Russian language. Students, who did not understand foreign languages, resigned, and as a result the Academy was closed due to the “lack of students”.

Foreigners have not been able to give rise to Russian legal thought, although they have contributed to the development of Russian jurisprudence, but not as significant and weighty.

In 2 years, the first Russian professors of law S.E. Desnitsky and A.I. Tretyakov appeared who taught in Russia, they gave rise to our jurisprudence, and made a great contribution to the development and formation of Russian legal science. They were the first to give lectures at the Russian Academy of Sciences in their native Russian, which had been familiar to listeners and students since childhood.

In 1767, the first lectures supported by the general government began in Russia. From this moment, the legal science of Russia began to develop and flourish, this is the beginning of the formation of the scientific and theoretical basis of Russian legal science.

Summing up the scientific achievements in this area, we can say that domestic lawyers themselves have prepared the ground for themselves without waiting for the help of Western European professors. Legal science at that time was in a tragic situation, and any work of a scientist, specialist, lawyer, any of their efforts was valued and had great significance for the legal base of Russia.

It was in the academic period that the political and legal views of V.N. Tatishchev, F. Prokopovich began to spread, whose teachings stated that the monarchy for Russia is the best form of government in which the State will exercise political power successfully and efficiently. Also, Tatishchev and Prokopovich were of the opinion that serfdom was necessary for the Russian Empire. Similar views were fixed in the Instruction to the Commission by Catherine II, which, in turn, were based on the works of C. Beccaria.

A.N. Radishchev also spoke out, and he was punished by the State authorities for his statements. His fundamentally different views had bad consequences for him. Catherine II called him a rebel and insurgent. M.K. Treushnikov created an

⁸³⁷ Pekarsky P.P. History of the Imperial Academy of Sciences in St. Petersburg. – St. Petersburg: izdanie Otd-niia rus. iaz. i slovesnosti Imperatorskoi akad. nauk, 1870. – P. 774.

outstanding work about the famous representatives of the civil procedure law science, the history of the formation of the Russian school of procedure, the activities of professors at universities not only in Moscow and St. Petersburg, but also in such cities as: Kiev, Yaroslavl, Tomsk, Kazan, Irkutsk, etc. The high level of students' professional education is based on advanced traditions, many researchers return to institutions, many fundamental works of scientists of the pre-revolutionary and Soviet periods are basic ones.

Based on the foregoing, it becomes clear that it was during the academic period that the strong and stable foundations of Russian legal science were laid. During this period there were some kinds of scientific ups and downs. But in the end, legal science, as a result of scientific and mental activity, acquired a theoretical base, its own institutions were formed, existing institutions were developed.

Thus, the legal science of Russia began to develop, change, improve and flourish.

§ 2. Academy of Sciences during the turning points of the development of Russian statehood

Introduction. The development of Russian statehood has been marked by many turning points. Moreover, they primarily affected all areas of public relations. In academic science, however, interest has endured for centuries. The development of society gradually led to the need for and transformation of the Academy of Sciences. The society did not have a concrete vision of how academic science should be managed, but it favored making any changes to its functioning. In most cases, however, the Academy's members themselves opposed innovation and believed that supporters of reform were enemies. There was an opinion that the Academy of Sciences could not be reformed at all. Even so, certain innovations in the functioning of the Academy of Sciences were nonetheless introduced, which makes it important to consider this issue through the lens of turning points in the development of Russian statehood. Also, special attention will be paid to the 20th and 21st centuries.

Main research. Among society's four spheres, science is recognized as one of them. Thus, it is seen as a crucial component of public life, functionally linked to other spheres, responsible for their development. Throughout history, science has consistently made it clear that the use of its data would have a significant impact on society. Consequently, scientists have often held power in some form to lead science as well as society on scientific principles. History, including domestic one,

shows, however, that the state has played a significant role in shaping science as a whole or some of its provisions⁸³⁸.

During the reign of Peter Alekseevich Romanov, state regulation of science was particularly pronounced. His numerous reforms resulted not only in the renewal of the government system, but also in the significant development of science. Particularly, he was responsible for creating the Imperial Academy of Sciences, which contributed to the strengthening and centralization of the state through scientific and technical innovation. The Academy of Sciences was to become a temple of science and education under the then circumstances: a university and a gymnasium were to be established together with the Academy, where academicians would teach. Furthermore, such an Academy was necessary, unexpectedly, to improve legislative activities. Methods of systematizing legal material, which were successful in the 17th century, did not work in the 18th century. There has been an increase in legislative material, as well as the emergence of new laws that do not comply with the previous norms of the law as a result of reforms. In order to classify legal institutions scientifically and to lay out legal materials correctly, a number of techniques had to be developed. It was therefore necessary to train legal scholars to develop theoretical and scientific jurisprudence. During the era of Peter the Great's administrative reforms, new judicial and government institutions emerged. Unsurprisingly, such conditions have worsened the shortage of people who know the laws and can conduct court cases⁸³⁹.

To overcome these challenges, Peter initially tried to recruit foreign scientists with legal knowledge and experience in bureaucratic institutions and send young people to study abroad.

The idea of establishing the Academy of Sciences in Russia struck Peter Alekseevich during the early stages of his reforms. In 1711, Peter asked Leibniz to draw up a plan for studying sciences and a project for establishing a future academy. Science was to be taught in this Academy not by foreigners, but by Russian scientists. Peter the Great wrote on June 1, 1718: “*Sdelat' akademiiu, a nyne priiskat' iz russkikh, kto uchen i k tomu sklonnost' imeet; takzhe nachat' perevodit' knigi iurisprudentsii [To found an academy from Russians who are learned and have a tendency to do so and to start translating jurisprudence books]*”⁸⁴⁰.

In 1720-1721 Peter I corresponded with Christian Wolff, a student of Leibniz. In Wolff's opinion, the university would be more useful to Russia than the Academy of Science. As early as January 1724, the king realized that such an Academy of Sciences could combine the functions of a university and a gymnasium.

⁸³⁸ Smirnova G.A. Influence of the state on the development of science (on the example of the creation of the Russian Academy of Sciences) // *Arkhiarius*. – 2017. – Iss. 4 (19)/1. – P. 81.

⁸³⁹ *Ibid.* – P. 81.

⁸⁴⁰ *Ibid.* – P. 82.

Academics are expected to engage in both scientific research and teaching and to prepare a worthy replacement for themselves by teaching young people.

Throughout 1724, they prepared for the Academy's launch. Clerical workers were recruited for the corresponding positions, and academic issues directly related to the activities of academics were discussed in the context of negotiations on the invitation of foreign scientists.

In January 1724, the Senate received a decree on the establishment of the Academy of Sciences and Arts. Academicians were obliged to create educational guides and explain their subjects for an hour each day. Additionally, the academician was responsible for training young people who would eventually replace him in the teaching arena, and they had "to be a Slav for more convenient training of other Russians".

The Academy opened only under Catherine I. On November 12, 1725, the first meeting took place, and on December 27, 1725, a solemn meeting was held in the empress presence.

On November 20, 1725, the Edict of Empress Catherine I on the Launch of the Academy of Sciences Proposed for Establishment by Emperor Peter the Great and on the Appointment of Physician in Ordinary Laurentius Blumentrost as President was issued. The Academy was officially opened on December 27, 1725 (January 7, 1726). Three departments were arranged in the academy: mathematics, astronomy with geography and navigation, mechanics; physics, anatomy, chemistry, botany; eloquence, antiquities, history and law. The staff of the Academy of Sciences included 11 professors and several adjutants, the Academic University and the Academic Gymnasium were also created at the Academy of Sciences. Blumentrost became the President of the Academy⁸⁴¹.

In our opinion, the opening of this Academy has green-lighted the development of Russian science. European scientific circles praised its activities, which strengthened ties between academies and societies of foreign scientists as well as between countries as a whole. Furthermore, during the transformation of the Moscow kingdom into the Russian Empire, no clear form of state structure was created. In the first half of the 18th century the further development of public life was unclear. As a result, the Academy of Sciences became the only place where scientific work could be concentrated and people interested in science could unite. Consequently, the state became more powerful since one could find answers to any questions relating to public administration and everyday life that required scientific knowledge.

The development of the Academy of Sciences in the 20th century deserves special attention, as major changes took place during this time, primarily due to the ongoing changes in the Russian Federation's state structure.

⁸⁴¹ Ibid. – P. 82.

During the 20th century, the Russian revolutions brought radical changes to Russian science and to the Academy of Sciences itself.

In 1917, the February Revolution and the abdication of Nicholas II immediately severed the Academy's ties to the imperial throne. It retained its state status and, as befits the national academy, became known as the Russian Academy of Sciences (RAS).

The last president of the Academy appointed by the emperor, Grand Duke Konstantin Konstantinovich, died in 1915. The vice president took over his duties, but he soon passed away as well. In May 1916, an outstanding Russian geologist, academician Alexander Petrovich Karpinsky, began performing the duties of the president⁸⁴².

In May 1917, the General Assembly of the Academy elected A.P. Karpinsky President of the Russian Academy of Sciences, having established a five-year term of office. Karpinsky became the first president of the Academy elected by the scientists. Moreover, he was the first president elected based on his numerous outstanding scientific accomplishments⁸⁴³.

While Karpinsky initially responded very negatively to the October coup of 1917, he eventually concluded that, given the current circumstances, working with the new government would be more beneficial for Russian science. In letters Karpinsky sent to Soviet leaders, he called for urgent measures to “save Russian science and Russian scientists”. He signed many demands for the release of those arrested⁸⁴⁴. Due to this, Karpinsky was able to preserve domestic fundamental science and lay the foundation for its further development. Subsequently, he was re-elected several times and remained president until his death on July 15, 1936.

The Russian science structure underwent quite significant changes. Thus, research in specific scientific areas gradually shifted from St. Petersburg offices to specially organized research institutes, which developed not only in the capitals but also in other parts of the country.

The first Russian academic research institute was the Imperial Institute of Experimental Medicine in St. Petersburg, founded in December 1890 by Prince Oldenburg (a descendant of an ancient Germanic family that was closely related to the Romanov dynasty). One of the departments of this Institute was headed by Ivan

⁸⁴² Borisov V.V. Challenges before the Russian Academy of Sciences // *Upravlenie nauko: teoriia i praktika*. – 2021. – Iss. 2 (3). – P. 262.

⁸⁴³ Kiselev M.Yu. Revolution of 1917 in the documents of the Archive of the Russian Academy of Sciences // *Velikaia Rossiiskaia revoliutsiia 1917 g.: metodologiya, istochniki, istoriografiia: sbornik materialov Vserossiiskoi nauchno-prakticheskoi konferentsii*, Sterlitamak, 29 sentiabria 2017 goda. – Sterlitamak: Bashkirskii gosudarstvennyi universitet, Sterlitamaskii filial, 2017. – P. 37.

⁸⁴⁴ Borisov V.V. Op. cit. – P. 262.

Petrovich Pavlov, the first Russian Nobel laureate (prize for 1904), elected academician in 1908).

The process of organizing new academic institutions has been especially intensified since 1918. The first research institute created by decree of the Soviet government (in March 1918) was the State Roentgenological and Radiological Institute in Petrograd). In 1922, an independent Physicotechnical Institute (now the Physicotechnical Institute of the Russian Academy of Sciences named after A.F. Ioffe) and the Radium Institute (now transformed into a federal state unitary enterprise) stood out from it. In the same 1918, the Institute of Physicochemical Analysis and the Institute for the Study of Platinum and Other Noble Metals appeared (merged in 1934 into the Institute of General and Inorganic Chemistry of the USSR Academy of Sciences named after N.S. Kurnakov).

In 1921, the Physics and Mathematics Institute was created, which later gave rise to the Mathematical Institute of the Russian Academy of Sciences named after V.A. Steklov, Physical Institute of the Russian Academy of Sciences named after P.N. Lebedev and the Institute of Physical Chemistry named after L.Ya. Karpov.

In 1928, the Academy included nine institutes, three laboratories, seven museums, a library, an archive, a publishing house and a number of other structures. As of 1941, the USSR Academy of Sciences had 76 institutes and other scientific institutions, 11 independent laboratories, 6 observatories, 42 stations, etc.

In July 1925, the Resolution of the Central Executive Committee and the Council of People's Commissars of the USSR on the Recognition of the Russian Academy of Sciences by the Highest Scientific Institution of the USSR was issued.

Soon after, the General Meeting of the Academy adopted a new academic Charter, in which the organization was already named the USSR Academy of Sciences. In June 1927, the Charter was approved by the Council of People's Commissars.

The number of academicians increased from 42 to 75, the right to nominate candidates for elections to the Academy was also granted to scientific institutions, public organizations and groups of scientists.

In May 1930, the Presidium of the Central Executive Committee approved the new Charter of the Academy. As of the end of 1933, the Academy of Sciences was entirely under the jurisdiction of the Council of People's Commissars, which approved the last edition of the Charter in November 1935. Formally, it was developed and adopted by the Academy itself, President A.P. Karpinsky and permanent secretary N.P. Gorbunov (executed by shooting in September 1938) signed it. It is clear, however, that both the Council of People's Commissars and the Central Committee apparatus agreed on the Charter text in advance.

According to the Charter, the Academy had three departments dealing with social sciences, mathematical and natural sciences, technical sciences.

Researchers working in the Academy's institutions formed the core of scientific staff. However, researchers (except for the directors of academic institutions) did not take an active role in solving important Academy issues, and they became so accustomed to this that later members of the Academy (academicians and corresponding members) firmly believed that scientists had no rights in this regard.

Lastly, the entire section of the Charter was devoted to the institutions of the USSR Academy of Sciences. It began by pointing out the key difference between the USSR Academy of Sciences and the Academy of Sciences of the pre-Soviet period: "The main bodies of research work at the Academy are its research institutes".

Meanwhile, members of the Academy will be paid the same salary as before. The academician position in St. Petersburg was a paid state position, and its official duties were almost exclusively research-oriented. In fact, academicians occupied two positions of office, each of which corresponded to these same duties, since they were already performing these duties in institutions. In this way, the concept of "salary for academic title" was born – lifetime payments for previous accomplishments.

Nearly everyone perceived this "salary for academic title" as a qualification allowance – similar to what Candidates of Sciences and Doctors of Sciences received, but in a much larger amount.

Such an allowance seems quite natural for world-renowned scientists. In the case of the academicians elected on the basis of their high administrative positions, it is more difficult to justify the salary for academic title. Salaries for such positions are already high.

Moreover, the financial component had no bearing on this aspect. Despite the fact that academicians were not "oligarchs", their title did, however, take on almost a caste character for many, and as a result, the caste relations that arose began to adversely affect Russian academic science, whose primary source is a large number of academic research institute employees. In addition, this arrogant swagger is not typical of the most prominent Russian scientists.

Additionally, one should note that many academicians completed their best scientific work before being elected to the Academy.

The academic community soon realized how shortsighted it was to engage in a political confrontation with the new government during the period of revolutionary upheaval. At that time, pragmatic Bolshevik technocrats took little interest in scientists' attitudes towards them. They needed external loyalty and qualified expertise on the reserves of mineral resources and their development, chemical weapons, aircraft and the automotive industry, etc. Those institutions that could bring practical benefits were financed and developed. Understanding the interest of the

authorities in their activities, scientists demanded equality, respect, freedom of scientific creativity, democratization of science⁸⁴⁵.

As E.I. Kolchinsky notes, “scientists could not afford a long confrontation with the Bolshevik government and built their priorities in accordance with its interests. In order to increase allocations, despite their professional interests, they developed projects aimed at preserving and strengthening the position of science under the new conditions. Several academy members enthusiastically joined government departments, hoping with their help to also implement their own plans and scientific plans. The necessity to preserve domestic science and national interests justified cooperation with the government, which was initially viewed as a gang of rapists”⁸⁴⁶.

It was not easy for the Academy of Sciences to establish working relations with the Soviet Union. Although both sides were interested in the development of science, they understood the questions differently: Who should develop science? What is the role of scientists in determining its development strategy? What sciences need to be developed first⁸⁴⁷? The authorities gave an unequivocal answer to the first question: the Russian Academy of Sciences was the first scientific institution to be offered cooperation and dialogue. Her high international authority explained such a choice. The inclusion of well-known mathematicians and naturalists impressed pragmatic Bolsheviks who needed international recognition. Accordingly, the authorities answered the third question based on their perception of science as a means to build the material-technical basis of socialism. However, the second issue remains unresolved....

During the economic crisis of the 1990s, many academicians retained a persistent arrogant attitude toward employees of institutions, which especially affected them during the end of the 20th century. In spite of declaring themselves to be the highest scientific institution in Russia, the academicians took care of their own interests only, not paying any attention to the most difficult conditions facing research institutes and their employees.

When the first president of the “reestablished” Russian academy was elected, these interests were evident.

It is beyond doubt that Yuri Sergeyevich Osipov is a scientist who has achieved significant success in several important branches of mathematics. In fact, he was elected president not for the scientific merits of his work, but for his

⁸⁴⁵ Kolchinsky E.I. Academy of Sciences and Russian Revolutions of 1917 // Vestnik Rossiiskoi akademii nauk. – 2017. – Iss. 2 (87). – P. 176.

⁸⁴⁶ Ibid. – P. 176.

⁸⁴⁷ Perchenok F.F. The “Academic Trial” and the “Great Turning Point” in Soviet Science // Tragicheskie sud'by: repressirovannyye uchenyye Akademii nauk SSSR, compiled by I.G. Aref'eva. – Moscow: Nauka, 1995. – P. 203.

geographical proximity to B.N. Yeltsin – a kind of analogy to the proximity to the throne of Imperial Academy presidents⁸⁴⁸.

The academicians were not mistaken. The President of the Russian Academy of Sciences began to be invited to meetings of the Russian government, and largely due to this, the salary for academic title, unlike the salaries of institute employees, was regularly increased.

Yuri Sergeevich applied the same approach extensively when he was elected for his fourth term in 2008: he doubled the “salary for academic title” just before the election⁸⁴⁹.

Here is another vivid example. It was a time when academicians were dissatisfied with government or ministry actions. Just at this time, the General Meeting of the Academy was held. Following this meeting, an academician asked: did the voices of the dissatisfied ring out? The answer was the following: “No, of course not, because Yuri Sergeevich is the experienced president. He knows who should be given the floor at the meeting and who should not”. It sounded like undeniable praise to Osipov⁸⁵⁰.

After the collapse of the USSR at the very end of 1991, the rights of the successor of the USSR passed to the Russian Federation. Most of the state institutions of the USSR were affected by the corresponding transformations. The Russian Academy of Sciences (RAS) “as the highest scientific institution in Russia” was established by Decree of the President of the RSFSR No. 228 dated 21 November 1991 on the Organization of the Russian Academy of Sciences. The Decree, as it were, proposed to calculate the Academy's age from 1724 (when Peter I issued the corresponding decree), but in fact it inherited the bulk of the property once assigned to the USSR Academy of Sciences; all academicians and corresponding members of the USSR Academy of Sciences were given the right to join the Russian Academy of Sciences with the same title. In addition, by-elections were held for new academicians and corresponding members. All academic institutes located on the territory of the RSFSR also joined the Russian Academy of Sciences.

However, since 1992, economic reforms began to be carried out and led to a sharp increase in inflation. While some indexation affected only “salaries for academic title”, salaries of academic employees remained unchanged. At the same time, utility costs rose sharply.

Several measures were taken to save domestic science by the Russian Federation's Ministry of Science, headed by B.G. Saltykov. The Ministry decided to

⁸⁴⁸ Borisov V.V. Challenges before the Russian Academy of Sciences // *Upravlenie nauko: teoriia i praktika*. – 2021. – Iss. 2 (3). – P. 265.

⁸⁴⁹ *Ibid.*

⁸⁵⁰ *Ibid.*

support only those scientific organizations that had the greatest scientific-technical potential. These organizations were given the status of State Scientific Centers.

The leadership of the Russian Academy of Sciences did not support this measure – the scientific organizations that received this status were no longer considered subordinate to the Russian Academy of Sciences.

The Russian Academy of Sciences, as well as specialized Russian academies (medical, agricultural), was assigned the right to be financed by state in a separate manner. However, the key initiatives related to the forms of financing of scientific organizations came from government structures; their practical implementation was entrusted to the Ministry of Science of the Russian Federation (the official name of the ministry changed from time to time).

The principle of multiplicity of funding sources was taken as a basis, but all of them mainly began to be of a competitive nature. Contests with appropriate forms of deciding the winner began to be held within the framework of the Russian Foundation for Basic Research (RFBR) established by Decree of the President of the Russian Federation dated 27 April 1992 and administered by the Government of the Russian Federation. The Russian Humanitarian Scientific Foundation (RHSF) was established a bit later.

Federal targeted programs established by decisions of the Government of the Russian Federation were another source of competitive financing. Their implementation was entrusted to the Ministry of Education and Science of the Russian Federation (or to the Federal Agency for Science and Innovation, which was part of it).

As for the role of the Russian Academy of Sciences, it mainly boiled down to personnel regulation of subordinate scientific organizations.

As part of the legislative regulation of scientific activities, in 1996, the Federal Law No. 127-FZ on Science and State Scientific-Technical Policy dated 23 August 1996⁸⁵¹ was adopted. However, the Russian Academy of Sciences gradually lost its independence as a result of the repeated modification and amendment of this law.

Conclusion. Today, one can say that the very functioning of the Academy of Sciences has changed with the strengthening of Russian statehood. This was especially affected by the turning points of the 20th century. Though the Russian Academy of Sciences really needed reforms, the destruction of existing ties between the Academy and academic research institutes and the transfer of control of these institutions to low-competent bureaucratic structures worsened the situation.

⁸⁵¹ Federal Law No. 127-FZ on Science and State Scientific-Technical Policy dated 23 August 1996 (as amended on July 2, 2021 // *Sobranie zakonodatel'stva RF*. – 1996. – No. 35. – Art. 4137.

§ 3. Pre-revolutionary academic school of historical and legal studies on the specifics of parliamentarism

Introduction. The framework of the state includes a system of state bodies carrying out various functions of the state. One of the elements of this mechanism is the parliament. The place, role and functions of parliament were given a significant place in the domestic pre-revolutionary doctrine, mainly starting from the end of the 19th century, with the exception of individual works and projects by M.M. Speransky, N.I. Panin, D.I. Fonvizin, N.M. Murav'ev, dating back to an earlier period of time. Close attention to various aspects of the parliamentary state is connected with the fact that in Russia at the turn of the 19th-20th centuries the projects were discussed to build a constitutional model based on the principles of parliamentarism, which were then partially implemented after the First Russian Revolution.

The problems of parliamentarism, its specifics became the subject of scientific research by B.N. Chicherin (1828-1904), P.I. Novgorodtsev (1866-1924), S.A. Kotlyarevsky (1873-1939), who worked at Moscow University, A.A. Alekseev (1876-1924), professor of Yur'evsky and Warsaw universities, S.A. Korf (1876-1924), professor of Russian state law and history at the Helsingfors University. However, if one talk about an academic school as a scientific one, in which there was the formalized system of scientific views on parliamentarism and its specifics, then one should turn to the studies of legal scholars of St. Petersburg University: A.D. Gradovsky (1841-1889), N.M. Korkunov (1853-1904), N.I. Lazarevsky (1868-1921), V.M. Gessen (1868-1920), K.N. Sokolov (1882-1927). At the same time, this academic school of historical and legal studies, examining the specifics of parliamentarism, can be defined as a school in which there were general areas of research and continuity in the analysis of the features of the functioning of a parliamentary state, and in a wider context – state-legal issues. For example, since 1898, under the editorship of V.M. Gessen and N.I. Lazarevsky, the weekly legal newspaper *Pravo* was published in St. Petersburg, which, among other things, covered various aspects of parliamentarism.

Main research. One of the features of the domestic pre-revolutionary academic school was the widespread use of historical and comparative methods in the analysis of the parliamentary state. The use of such a methodology can be traced in the works of A.D. Gradovsky, N.I. Lazarevsky, V.M. Gessen and others.

Representative institutions were analyzed in retrospective discourse. In particular, A.D. Gradovsky shared the development of constitutional institutions in England and continental Europe. In England, there was a continuity of political institutions and their correlation with social ones. According to A.D. Gradovsky, in England “the state order was an expression of existing social relations.” On the

contrary, in continental Europe, “the establishment of new state forms was, as it were, a prelude to subsequent changes in public”⁸⁵².

N.I. Lazarevsky, when analyzing parliamentarism, distinguished three historical stages that influenced the place of parliament in the structure of state power. The first stage is medieval, when state power was determined by the totality of powers, and “state estates... were the body limiting the state power itself”. Absolutism, as a second stage, was characterized not only by the unlimited preserve of the monarch, but also by the “emergence of representative institutions of the constitutional type,” which limited the power of the monarch, and not the state. In the future, as democratic ideas develop, representative institutions are democratized, which led to the transition to the third stage, which N.I. Lazarevsky did not date. The very concept of popular representation was transformed, perceived as an embodiment in the people, through its representatives, the supreme body of state administration. However, N.I. Lazarevsky stipulated: such an approach should be understood in the context of historical progress, which, in the end, will lead to a new role for representative institutions. In fact, there is “a certain discrepancy between emerging ideas: parliaments are looked at as representatives of the people who reflect their will and desires, but in fact the connection of parliament with the people and dependence on the people are only indirect”⁸⁵³.

V.M. Gessen distinguished the classical popular representation realized in France at the end of the 18th century, which was characterized by several, theoretically justified, premises.

The first premise. Sovereignty belongs to the people. V.M. Gessen made numerous references to the doctrines of J.-J. Rousseau and E.-J. Sieyès, calling the Rousseau’s concept “the anarchist theory of popular sovereignty,” since the general will of the majority could not coincide a priori with the individual will. As J.-J. Rousseau wrote, “A citizen agrees to all laws, even those that are adopted against his wishes, and even those that punish him if he dares to violate any of them”⁸⁵⁴. Consequently, popular sovereignty in this context denies individual freedom. On the contrary, E.-J. Sieyès rejected the Rousseau’s postulate that will cannot be represented. He saw in immediate democracy a primitive system that was incompatible with a large state, where territory and population did not allow collective discussion. In addition, it is incorrect to say that a representative system involves the transfer of citizens’ will: the nation cannot have a vote other than the vote of its

⁸⁵² Gradovsky A.D. Collected works. Vol. 4. – St. Petersburg: Tip. M. M. Stasyulevicha, 1900. – 816 p.

⁸⁵³ Lazarevsky N.I. Representation of the people and its place in the system of other state institutions // *Konstitutsionnoe gosudarstvo. Sbornik statei.* – St. Petersburg: Tipografiia t-va “Obshchestvennaia pol’za”, 1905. – P. 179-252.

⁸⁵⁴ Rousseau J.-J. *Treatises.* – Moscow: Nauka, 1969. – 704 p.

representatives⁸⁵⁵. V.M. Gessen summarized that the French revolution marked the beginning of the implementation of the ideas of popular sovereignty.

The following prerequisites for the formation of classical popular representation are interrelated. The people, having legal standing and capacity in relation to their representation, delegate powers to deputies acting on the basis of a representative mandate. V.M. Gessen emphasized that “we call a representative system a set of institutions ensuring that the will of parliament meets the interests and needs of the people”⁸⁵⁶. Moreover, voters do not give their representatives legislative powers. Citizens are not legislators, they are only voters who form the legislature that receives its legislative prerogatives in accordance with constitutional norms. V.M. Gessen considered parliamentary elections not as a way of delegating powers but as a means of allowing the composition of parliament to meet the interests of the people.

Thus, the definition of parliamentarism in the context of the theory of representation is characteristic of domestic legal pre-revolutionary doctrine. At the same time, the need for two chambers in parliament was emphasized, which should differ both in the way they were formed and in their prerogatives.

In particular, A.D. Gradovsky defined parliament as an institution built on the representation of the people, which is endowed with legislative prerogatives. At the same time, the bicameral parliament seemed preferable to the monocameral parliament for two reasons. Firstly, the presence of an upper chamber serves as a deterrent to the lower. Secondly, “it (upper house – S.B.) discusses bills from a different point of view and in a different spirit than the lower house does”⁸⁵⁷. A.D. Gradovsky argued his point of view that the presence of the second chamber serves normal management in the state, which was also determined by the competence of the parliament, where, in addition to legislative powers, he had prerogatives in the financial sphere, exercised control over the administration, and also defended the rights guaranteed by the constitution.

N.M. Korkunov also identified parliamentarism with popular representation, in which representatives of society participate in the activities of state institutions: “The people, directly or through representatives, participate in supreme government”⁸⁵⁸. Like A.D. Gradovsky, N.M. Korkunov emphasized that participation in state activities is a need to establish “a direct connection between the activities of

⁸⁵⁵ Sieyès E.-J. *What Is the Third Estate?* – St. Petersburg: Golos, 1905. – 64 p.

⁸⁵⁶ Gessen V.M. *Fundamentals of Constitutional Law*. – Petrograd: Izdanie iuridicheskogo knizhnogo sklada “Pravo”, 1917. – 439 p.

⁸⁵⁷ Gradovsky A.D. *Collected works*. Vol. 5. – St. Petersburg: Tip. M.M. Stasyulevicha, 1902. – 516 p.

⁸⁵⁸ Korkunov N.M. *Russian State Law*. Vol. I, II. – 6th ed. – St. Petersburg: Tip. M.M. Stasyulevicha, 1909. – 630, 749 p.

institutions and current demands of public life”⁸⁵⁹. He reduced various forms of representation to three main types. Firstly, this is a representation on personal law, which was most common in the Middle Ages, secondly, representation by appointment of the government, which had its merits (lack of influence of political parties, appointment of the most qualified representatives) and shortcomings (dependence of representatives on the government, “nepotism”), thirdly, the elected representation, which seemed to be the best type, since it most fully reflected the diverse and changing public interests. The grounds of representation, i.e. the system of formation of parliament, N.M. Korkunov divided into an organic system, which is based on the principle of estate or class representation, and the mechanical system founded on the principle of a quantitative majority, when “only common interests and the general will of the whole society were opposed to individual interests, individual will”⁸⁶⁰.

N.I. Lazarevsky, continuing the domestic doctrinal tradition, defined parliament as a body of popular representation that reflected views prevailing in the country’s public opinion, and also expressed the needs of the people⁸⁶¹.

Since the parliament performed the function of limiting the power of the monarch, the parliament itself, according to N.I. Lazarevsky, “should have been put in the well-known framework”. The second, upper house of parliament should be such a restrictive element, “restraining power,” designed to prevent the absolutism of parliamentary power, which was subsequently established in France at the beginning of the 20th century, called by R. Carré de Malberg “an absolute parliamentarism”⁸⁶².

Parliament’s role in the system of separation of powers was determined differently by domestic pre-revolutionary jurists.

N.M. Korkunov wrote about the paradigm of “joint rule,” in which the division of functions between branches of government is carried out in three ways. The first one is the division of separate functions between different state authorities. A second method entails that one function is performed by several organs. The third method is the exercise of various functions by one body. Thus, the implementation of the mechanism of “joint rule” takes place through the mutual containment of the branches of power. “There is no state where the law, execution, court were strictly separated from each other”⁸⁶³.

N.I. Lazarevsky in his concept, recognizing the principle of separation of powers, focused on the verticalization of powers, since they have a subordinate

⁸⁵⁹ Ibid.

⁸⁶⁰ Ibid.

⁸⁶¹ Lazarevsky N.I. Lectures on Russian state law. Vol. 1. – 2nd ed. – St. Petersburg: Slovo, 1910. – 479 p.

⁸⁶² Carré de Malberg R. La loi, expression de la volonté générale. Étude sur le concept de la loi dans la Constitution de 1875. – Paris: Sirey, 1931. – 228 p

⁸⁶³ Korkunov N.M. Op. cit.

hierarchical structure. The legislature plays a dominant role by establishing general rules of public life, i.e. laws that also “lead” the hierarchy of normative legal acts. The legislation was, at the same time, the main source of law and it also embodied the supreme power of the state. N.I. Lazarevsky emphasized that “the participation of the people’s representation should be a distinctive formal sign of the legislation”⁸⁶⁴.

At the same time, the role of parliament in the structure of state authorities was associated with the form of government and the way parliamentary government functions.

N.I. Lazarevsky defined the concept of “parliamentarism” in the context of its functional purpose as “a type of influence of people’s representation on management..., that is, the dependence of the composition of the ministry on the trust provided to it by the people’s representation”⁸⁶⁵. On this basis, he shared dualistic and parliamentary states. The criteria that allowed the state to be classified as one type or another were the relationship between parliament and the government, since “in the monarchy (or republic), the dualistic (otherwise sometimes called constitutional) ministry depends solely on the head of state, in the sense that he can appoint a minister and a person objectionable to the chambers. In the state, parliamentary ministers always belong to the party that makes up the parliamentary majority”⁸⁶⁶. Noting that in parliamentary states, ministers bear political responsibility before parliament, N.I. Lazarevsky concluded that “the judge of the general expediency of the ministry’s actions, the judge over the general direction of its policy is the people’s representation”⁸⁶⁷.

V.M. Gessen distinguished two types of constitutional state in which the government is appointed by the head of state (president or monarch): parliamentary and dualistic. Under the parliamentary type, the composition of the government depends on the party or coalition of parties that won the parliamentary elections and, thus, the government expresses the opinion of the parliamentary majority. Consequently, “the proper functioning of parliamentarism is possible only with the cash of certain political conditions that ensure the predominance of popular representation in the state life of the country”⁸⁶⁸. In a dualistic constitutional state, the composition of the government does not depend on the party affiliation of ministers. V.M. Gessen emphasized that the form of

⁸⁶⁴ Lazarevsky N.I. Op. cit.

⁸⁶⁵ Lazarevsky N.I. Lectures on Russian state law. Vol. 1. – 2nd ed. – St. Petersburg: Slovo, 1910. – 479 p.

⁸⁶⁶ Lazarevsky N.I. Representation of the people and its place in the system of other state institutions // *Konstitutsionnoe gosudarstvo. Sbornik statei.* – St. Petersburg: Tipografiia t-va “Obshchestvennaia pol'za”, 1905. – P. 179-252.

⁸⁶⁷ Ibid.

⁸⁶⁸ Gessen V.M. Theory of the rule of law // *Politicheskii stroi sovremennykh gosudarstv.* Vol. 1. – St. Petersburg: Slovo, 1905. – 68 p.

the state does not affect its type, which, in addition, is determined not by constitutional norms, but by “norms of ordinary constitutional law that are composed under the influence of the totality of the conditions of political life of the given country”⁸⁶⁹, i.e. not a formal constitution, but material.

V.M. Gessen emphasized that in parliamentary states, both the activities of the government and its composition are determined by the lower house, which belongs to the predominant importance in the system of higher government bodies. A distinctive sign of parliamentarism, according to V.M. Gessen, was the unity of the cabinet “in the sense that the cabinet bears collective responsibility to the lower house of parliament: a separate act of each minister is considered as an act of the entire cabinet; mistrust voted by parliament to the minister – as mistrust voted by the whole cabinet”⁸⁷⁰.

K.N. Sokolov called parliamentarism the most developed form of representation. He, following N.I. Lazarevsky and V.M. Gessen, distinguished dualistic parliamentarism.

Note that dualistic or classical parliamentarism appeared in England at the end of the 18th century (in 1782 after the resignation of the government of Lord Frederick North). In France, this type of parliamentarism begins to be approved in 1814 with the adoption of the Charter (La Charte constitutionnelle du 4 juin 1814), as “a system in which the government is responsible to two bodies, on the one hand to the chambers, and on the other – to the head of state”⁸⁷¹. The heyday of dualist parliamentarism in France fell on the July Monarchy and in the first years of the Third Republic after the adoption of Constitutional laws. In addition to the dualistic in modern constitutional and legal doctrine, monistic parliamentarism is distinguished, in which, in parliament, one of the parties with a majority formed the composition of the government and was responsible only to the representative body of power.

K.N. Sokolov noted that under parliamentarism, representative bodies have legal mechanisms for influencing the government, which allow them to influence governance, “predisposing to the government a program of activity and, having the legally guaranteed means, insist on the implementation of this program”⁸⁷².

K.N. Sokolov distinguished various specific features that characterize parliamentarism under monarchical and republican forms of government, distinguishing between parliamentary and dualistic monarchies and republics.

⁸⁶⁹ Ibid.

⁸⁷⁰ Gessen V.M. *Fundamentals of Constitutional Law*. – Petrograd: Izdanie iuridicheskogo knizhnogo sklada “Pravo”, 1917. – 439 p.

⁸⁷¹ Hamon F., Troper M. *Droit constitutionnel*. – 36-e éd. – Paris: LGDJ, 2015. – 896 p.

⁸⁷² Sokolov K.N. *Parliamentarism. Experience of legal theory of the parliamentary system*. – St. Petersburg: Pechatnyi trud, 1912. – 432 p.

Parliamentary and dualistic monarchies were a kind of constitutional (representative) monarchy, which combined the principles of monarchy and popular power. The difference was in the predominant role of the monarch under the dualist monarchy, or parliament – under the parliamentary one. K.N. Sokolov noted that, from the point of view of historical development, a dualistic monarchy first appeared, and then a parliamentary one, which completed the democratic evolution of the constitutional monarchy.

Under the republic, K.N. Sokolov called the “neutrality” of the head of state the main feature of parliamentarism. For the first time, this term in relation to the head of state was expressed by B. Constant, who introduced the concept of “neutral power” into scientific circulation. “The constitutional monarchy, B. Constant wrote, creates such a neutral power in the person of the head of state. The real interest of the head of state lies not at all in the overthrow of one power by another, but in their mutual understanding, mutual support and consensual actions... It (power of the head of state – S.B.) ... has the power of both higher and mediating nature, while being interested not in disrupting balance, but, on the contrary, in maintaining it”⁸⁷³. B. Constant, speaking of “neutral power”, described the ideal model of the position of the constitutional monarch. Later, L.-A. Prévost-Paradol developed a similar idea, according to which the head of state must not only observe “neutrality” but also his obligation “to remain the arbitrator of the parties and not belong to anyone. He must be an authority, both for any ministry and for any person, and, if possible, for any opinion”⁸⁷⁴. Thus, L.-A. Prévost-Paradol formulated the essence of the doctrine of arbitration.

K.N. Sokolov emphasized that the neutral head of state is called upon to maintain the balance of power between parliament and government. Under a parliamentary republic, where the composition of the government and its durability directly depend on the parliamentary majority, the president is a quasi-monarch who stands on the defense of the interests of the state, but his role is less significant than under a dualistic monarchy. In the latter, the president has great political influence, but his powers are limited.

K.N. Sokolov summed up that “only parliamentarism is able to satisfy the political needs of a country gravitating to the democratic way of life”⁸⁷⁵. Thus, parliamentarism was the form of state structure that occupies a central place in the evolution from an absolute monarchy to an immediate republic.

⁸⁷³ Constant B. *Politics Principles // Klassicheskii frantsuzskii liberalizm.* – Moscow: ROSSPEN, 2000. – P. 23-262.

⁸⁷⁴ Prévost-Paradol L.-A. *La France nouvelle.* – Paris: Michel Lévy frères, 1868. – 450 p.

⁸⁷⁵ Sokolov K.N. *Parliamentarism. Experience of legal theory of the parliamentary system.* – St. Petersburg: Pechatnyi trud, 1912. – 432 p.

Conclusion. Thus, studies of parliamentarism, as a state-legal concept, are updated in the domestic pre-revolutionary doctrine at the turn of the 19th-20th centuries, which was associated with political processes and transformations taking place in the Russian Empire. The Academic school of historical and legal studies established at St. Petersburg University studied the problems of parliamentarism using different methodology and various contextual dimensions. Common ground was the consideration of parliament as a body of popular representation, which should reflect the country's volatile public opinion. This was followed by the need to establish a bicameral structure of parliament, where the upper house should reflect the interests of the conservative segments of the country's population and be a deterrent to the lower one. The presence of parliament conditioned a theoretical consideration of its role in the structure of state authorities, which depended on the type of constitutional state (parliamentary or dualistic) of V.M. Gessen, dualist and parliamentary states of N.I. Lazarevsky, parliamentary and dualistic monarchies and republics of K.N. Sokolov. Regardless of typology, pre-revolutionary state experts postulated that the presence of a parliament predetermines the dependence of the government on the trust of parliament, in the discourse of political responsibility, which is a key sign of parliamentarism, its specific feature.

At the same time, the domestic pre-revolutionary doctrine, despite emphasizing the predominant influence of parliament in parliamentary states, noted the need to maintain a balance between the branches of government, that is, the institutional balance of authorities, which allows the creation of an effective mechanism of state power.

§ 4. Role of the Russian Academy of Sciences in the development of ethnopolitics of the state: historical-legal analysis

Introduction. The modern political-legal system, which declares the priority of the individual's rights over the rights of collectives (labor, ethnic, etc.), as well as the ban on the introduction of compulsory ideology in society, opens the way for the assimilation of ethnic cultures of the Westernized globalist mass culture. This important feature, along with the lack of a unified understanding of the national idea of modern Russia, determines the lack of a stable concept of national policy. Thus, the study's relevance lies in the absence of a universal ethnopolitical paradigm in contemporary Russia. The study of the experience of prerevolutionary and Soviet academic studies of the phenomenon of interethnic interaction in general and interethnic conflicts in particular is due to the need to manage and resolve such conflicts that arise in our country today.

The object of this study is social relations that arose during the legal regulation of ethnic policy during various periods of development of the Russian state.

The subject of the paper is studies of ethnopolitical processes in Russia conducted by academicians of the Russian Academy of Sciences. The methodological basis of the article was a set of philosophical, general-scientific and private-scientific methods. The evolution of national politics was considered with the help of dialectical historicism, which contributed to the identification of critical events that determined the development of law during the study period. The inductive method made it possible to summarize and formulate common elements of the national policy of different eras, and the deductive method to formulate a mechanism for resolving an ethnic conflict taking into account historical experience and consistently arguing its position. Other formal-logical methods (analysis, synthesis, generalization, abstraction) were used for making conclusions.

The theoretical significance of this study is to reveal the influence of Russian academic science on the ethnopolitics of the state and examine the contribution of the Russian Academy of Sciences to the study of national policy. The practical significance of the article lies in the possibility of using the experience of academic research in the field of ethnopolitics both in writing modern works on the related issues and in drawing up working programs for managing and resolving ethnopolitical conflicts.

Main research. In theory and in political and practical terms, state power is characterized by a conceptual shift from one extreme to another: from disintegration to integration, from nation-culture to nation-state. If it is beneficial for the federal center to enlist the support of national republican elites in dismantling the Soviet political system (the first half of the 1990s), then the idea of “biting off sovereignty as much as you can chew” is proclaimed and implemented. When the goal of this collapse is achieved, the policy of “strengthening the vertical of power”, the fight against separatism, the unification of the constitutions of the Russian Federation and the republics, the provision of preferences to the North Caucasus, etc. is carried out⁸⁷⁶.

Since its formation, the Russian State has existed as a multinational community. At all stages of its development, it has been forced to pursue a specific integration policy to centralize the state apparatus and de-escalate the centrifugal processes on the national periphery. Needless to say, the above policy itself and the problems of ethnopolitical conflict directly begin to attract the attention of researchers from the time of the birth of academic science in Russia at the end of the 18th century. At the same time, the national policy of the state was based more on the

⁸⁷⁶ Botantsov I.V. Ethnopolitics in Russia: historical and legal analysis. – St. Petersburg: Asterion, 2020. – P. 46.

ideological paradigms formed by the tsarist regime than on scientific research in this field.

The emerging new Soviet state faced the need to develop a new concept of ethnopolitical interaction between the peoples inhabiting it. In the 1920s and 1930s, the national policy of the USSR began to use the scientific base created by academicians such as Mikhail Mikhailovich Bogoslovsky, Grigory Maksimovich Bongard-Levin, who conducted ethnographic and ethnopolitical studies. In the late Soviet years, a full member of the Russian Academy of Sciences, Iulian Vladimirovich Bromlei, the founder of the dualistic concept of ethnos, an opponent of the “passionarity” theory of historian L.N. Gumilev, makes a significant contribution to national politics.

Changes of national relations of this period were actively covered in historiography. This topic in the Soviet period was presented by many studies, which allowed in the late Soviet period to publish monographs of relevant issues and develop the principles of its periodization. In this regard, one can consider the historiographical tradition of Soviet national politics of the 1920-1930s as a separate scientific phenomenon, and its analysis will help systematize the accumulated knowledge on this topic. A peculiarity of Soviet national politics of the 1920s and 1930s is the considerable interest of English-speaking authors in it, which favors comparative-historical research.

Professor V.A. Tishkov, Academician of the Russian Academy of Sciences, Director of the N.N. Miklukho-Maklai Institute of Anthropology and Ethnography of the RAS, Doctor of Historical Sciences, made a significant contribution to understanding the phenomenon of the USSR’s national politics. In his monograph “Ethnicity and Power in the Multiethnic States”, he identified and described the main features of national politics, the connection with the Stalinist theory of the hierarchy of ethnic groups. The scientist noted the duality and contradiction of Soviet national policy, its gap between ideas and embodiment on the ground. He was one of the first to consider national politics in the context of the political processes of the 1920-1930s⁸⁷⁷.

Focusing on the current state of this issue, one can note the following. The Strategy for State National Policy of the Russian Federation (hereinafter referred to as the Strategy) approved by the Presidential Decree No. 1666 dated 19 December 2012 defined a system of current priorities, goals, principles, primary directions, objectives and mechanisms for the implementation of this policy. However, it should be borne in mind that national policies are implemented in a multiethnic

⁸⁷⁷ Tishkov V.A. 2010. General assessment of ethnopolitics in the Russian Federation (the material used in speeches at the State Institution “Moscow House of Nationalities”, January 2010) // Moscow House of Nationalities. – URL: <https://mdn.ru/articles/v-a-tishkov-obshhaya-otsenka-etnopolitiki-v-rossijskoj-federatsii>.

(cosmopolitan) state, in which ethnosocial processes and multicultural (interethnic) relations that have significant regional differences play an essential role. It is important to note that although the Strategy recognizes the facts of multinational and the existence of interethnic relations, it does not consider the peoples of the Russian Federation as active subjects of the state national policy.

Unlike the Strategy, the abolished Concept of State National Policy of the Russian Federation of 1996 (hereinafter referred to as the Concept) was based on recognition of the importance of the peoples of Russia and the development of their subjectivity in two main areas: improvement of federal relations and national-cultural self-determination of the peoples of Russia in the organizational form of national-cultural autonomy. Now the emphasis is placed on the preservation and development of the ethnocultural diversity of the peoples of Russia, the consolidation of these peoples in the Russian nation. These provisions of the Strategy seem to offset the role of the various peoples of Russia to the status of the objects of the state national policy. Therefore, it is no coincidence that the first fundamental principle of the state national policy of the Russian Federation is proposed to consider the state integrity, national security of the Russian Federation, and the unity of the system of state power. Recall that the Concept considered the first principle to be the equality of rights and freedoms of a person and a citizen, regardless of his race, nationality, language, attitude to religion, membership in social groups and public associations.

In the adopted Strategy, this principle is preserved, not as the first, but as the third most important. Thus, in comparison with the Concept, the Strategy has carried out a specific revision of the principles of the state national policy. The state orientation of the Strategy and the setting for the formation of the Russian nation, obviously, express the spirit of the model of the nation-state. Nevertheless, in this respect, the Strategy is contradictory concerning the theoretical basis used. The simultaneous target setting for the preservation and development of ethnocultural diversity of the peoples of Russia characterizes the spirit of the model of nation-culture⁸⁷⁸.

This setting is oriented towards increasing ethnocultural diversity, which is quite justified and likely due to the global and transboundary factors and intensification of migration. The strengthening of the multinational character of the Russian Federation is implicitly recognized: if the Concept states that more than 100 peoples live in Russia, then the Strategy records the residence of representatives of 193 nationalities. Since each nationality is the bearer of a specific culture, the projected growth of ethnocultural diversity poses a threat to the consolidation of the Russian nation. Permanent harmonization of national and intercultural (interethnic)

⁸⁷⁸ Botantsov I.V. History of women's political and civil rights in Sweden / I.V. Botantsov, A.A. Darkov, E.V. Maystrovich [et al.] // *Voprosy istorii*. – 2020. – Iss. 2. – P. 124.

relations will be disrupted by the disharmony arising from the development of ethnocultural diversity. The Strategy does not explain how this severe contradiction is supposed to be resolved. The apparent inconsistency of the stated theoretical basis of the Strategy can be explained by the additional nature of the models of nation-state and nation-culture.

The national state, which implements the nation-state model, recognizes multiculturalism as an initial historical fact overcome in the state national policy. This fact is the result of the historical development of interethnic relations in those countries where, for various reasons, either one ethnic group assimilated the other ones or a certain symbiosis of ethnic groups developed (“melting pot”, “layered pie” in the USA, Swiss Confederation, Belgium, etc.). At the same time, many advantages of ethnic diversity have been diminished. Nowadays, it is instead considered not as a resource for the country’s development but as a threat to its integrity. The state authorities are mainly concerned that ethnic minorities (primarily migrants) learn the norms and values of the host nation, and if this does not happen, the “crisis of multiculturalism” is stated (in Germany, France and Great Britain).

Nevertheless, the dominant state standing over the nation and constructing it forms objectively a situation of non-identity, difference and even dualism of cultures – the culture of various state structures and the nation’s culture. In the nation-state system, the interiorized conflict of cultures is expressed in the restriction of some ethnocultures and the rise of others.

The disharmonization of the traditional ethnocultural balance causes emigration. Furthermore, this, in turn, leads to the decline and crisis of the nation, which forces the national state to stimulate labor immigration. As a result, the cultural diversity of the nation-state is increasing, and the state national policies are shifting towards multiculturalism. In our opinion, the concept of multiculturalism, focusing only on the cultural diversity of communities and individuals and determining the decisive role of the state in maintaining a balance between interacting cultural groups, cannot be the basis of national policy in multinational Russia, since historically nations have formed in it in the process of internationalization not only as cultural integrity but also as ethnosocial one (cultural, social, political).

The Russian Federation is a union of territorial and national-territorial entities. The latter played a crucial role in the development of the peoples of Russia. In this sense, the political limitations of multiculturalism in comparison with the internationalization, within the framework of which nations, as ethnosocial communities, are recognized as subjects, not only objects, of state policy. In the case of its implementation as the basis of national policy in modern Russia, it is not only unable to solve the problem of integration – ethnic and social – in the country, but it can also lead to new national and social disasters.

Multiculturalism is a practical consequence of implementing the model of a nation-state. Its limitations are most clearly visible in those countries where ethnonations have survived that have not received political development and the status of a nation-state subject. Their intentions for statehood are qualified as ethnic separatism (Scots in Great Britain, Basques and Catalans in Spain, Flemish in Belgium, Bretons in France), manifested, among other things, in the holding of referendums on political independence, on the status of a subject of the federal structure of the state. Therefore, the idea of the Russian nation proposed by Russian ethnologists and partly implemented today is, in our opinion, a dead end. The idea of the blind borrowing of Madeleine Albright's "America is a nation of nations" in the form of "Russia is a nation of nations" is not an option, since it does not either resolve the dilemma of "ethnonation is a civil nation" or allow identifying the ratio of the Russians in the Russian nation. The adequate reality of Russia reflects, in our opinion, the concept of internationalization understood as the reflexive interaction of national communities. The term "reflexive" refers to interaction, in which the development of each national community is carried out through another community without suppressing it. "Internationalization leads to the establishment of not the unified and homogeneous, but an internally distinct unity, in which national communities, being subjects of interaction, retain themselves as enriched in the process of mutual influence, but relatively independent entities. The new systemic integrity emerging from internationalization is understood as the evolving unity of diversity." The concept of internationalization results from historical and philosophical reflection and is the project for modern Russia. National communities (nations, nationalities) are understood as holistic, not partial, subjects of politics that realize their interests in the social, political, economic and cultural areas. An essential role in the content of subjectivity is played by the political and legal status of the national community (republic, district), which ensures the most complete and direct realization of these interests. Therefore, the development of Russia is supposed in the concept of internationalization as the improvement and development of national-territorial entities, the preservation of Russia as a federation of peoples.

In 2004-2005, the Doctor of Political Sciences M.V. Savva conducted studies in the cities of the Krasnodar Krai to identify the challenges of interaction between "new diasporas" and the native population. These studies entailed interviewing 20 Kurds and 33 of their neighbors representing other ethnic societies. The researcher concluded that the Kurds' relations with their immediate neighbors were friendly and constructive. At the same time, the negative attitude prevailing in local communities creates a situation of the unwanted communication outside the sphere of personal contacts. Social solid competition in a closed environment for women of the Kurdish community contributed to the

emergence of a negative attitude and the emphasis on cultural differences in the media and authorities⁸⁷⁹.

Conflict incidents also occurred in the Tambov and Nizhny Novgorod regions and now in the Republic of Adygea.

According to the study results about the problems of social and cultural adaptation of the Kurdish ethnic group in the Republic of Adygea, A.Yu. Shadzhe concluded that the adaptation of the Kurds today is built in a manner close to integration, but it is hindered by the lack of openness of the society that receives migrants for cultural diversity and intercultural communication⁸⁸⁰.

Migration is one of the most critical population problems affecting many social and economic life aspects. As natives of the former Soviet Republics, Kurds became displaced due to difficult economic conditions. T.M. Shovgenov also proved this by analyzing the causes that influenced the resettlement of Kurds in the Republic of Adygea, where 41% are economic and political factors, and 59% are the forced displacement factors associated with moving with parents and relatives for the same reasons.

M.N. Markova identifies the following problems of staying in the regions of foreign citizens and stateless persons:

1. The predominance of the low-qualified labor migrants from the CIS countries. Thus, the Kurds of Adygea, for the most part, are engaged in agriculture (75%), trade (15%), work in the service sector (6%), and the level of their education leaves much to be desired.

2. Complexity of social and economic adaptation of migrants (legal illiteracy, ignorance of the Russian language and traditions).

3. Complexity of social and economic adaptation of migrants (legal illiteracy, ignorance of the Russian language and traditions)⁸⁸¹.

A particular group of causes of ethnopolitical conflicts include confessional factors. Denominational identity is a fundamental component of national and ethnic identity. In most cases, this conflict is latent and relatively unnoticeable, but it carries a great danger. Religion is a breeding ground for such conflicts. Concerning the effectiveness of the conflict-affected methods, the following conclusion can be drawn: none of them is ideal in all cases, and none of them is applied in its entirety.

⁸⁷⁹ Smal' S.V. Adaptation of migrants in St. Petersburg: tolerance in the context of the implementation of the Federal Law No. 122 dated 22 August 2004 // Interethnic clashes in a multicultural student environment and ways to resolve them. materials of a scientific and practical conference. The Committee on Science and Higher School of the Government of St. Petersburg, Herzen University; edited by: S.A. Goncharova, V.G. Zarubin, V.Yu. Smorgunova. – St. Petersburg: Herzen University, 2008. – P. 122-125.

⁸⁸⁰ Ibid.

⁸⁸¹ Savva M.V. The problem of the interaction of “new diasporas” and the old-fashioned population (Meskhetian Turks and Kurds of the Krasnodar Krai in a foreign ethnic environment). – URL: <http://rud.exdat.com/docs/index-786884.html>.

Mechanisms for the management and resolution of ethnic conflicts should combine several methods and types of public policy, taking into account the specific situation and its dynamics over time.

In general, the current policies in migration control and support and adaptation of the immigrated contingent should be considered insufficient. In particular, one of the weaknesses in managing the migration issue is legal technologies in national policies, while they could act as a basis for resolving conflicts in the region. In St. Petersburg, there are only eight legal acts in the field of migration, each of which contains a few minor provisions or statistical tables that do not explain how state bodies should act in the event of ethnic conflicts. Moreover, under Article 71 of the Constitution of the Russian Federation, the rights and freedoms of a person and a citizen, including in the field of migration, belong to the exclusive jurisdiction of the subjects of the Federation, which means that it is regional, and not federal, legislation that should regulate this issue in detail.

Federal legislation is far from consistent in managing national policy. For example, the Law on Migration Registration of Foreign Citizens and Stateless Persons in the Russian Federation limited the rights of foreign citizens to conduct trade in certain places. As a result, places in the markets are empty, since Russians do not engage in trade in the market area that migrants occupy. The inconsistency of this law is also manifested in the fact that many merchants come from Russian republics, that is, citizens of the Russian Federation, and the provisions of the Law do not apply to them.

Thus, there is inconsistency in the activities of state bodies and, despite all attempts, there is no successful regulation of the migration issue. This is partly due to the lack of the unified national policy (which explains such a poor legal framework). For example, in the USA, following the political program of “multiculturalism,” society does not appear as an aggregation of individuals, as in the classical liberal concept, but as many individual cultural segments belonging to minorities or the majority⁸⁸². Multiculturalism arose in the United States from the neo-Kantian concept of the state neutrality of J. Rawls, which developed into methodological holism and the phenomenological paradigm of the group identity of the Canadian C. Taylor. State multicultural politics was conceived as the political tool designed to overcome social disorder and disintegration and ensure internal peace. As a multinational state, Russia must develop its own concept of integrating different ethnic groups into its social and legal fields.

Summing up, experts say that the problem of interethnic relations in Russia has come to the fore. A new threat is the rise of xenophobia and the related

⁸⁸² Botantsov I.V. et al. Efficient production system as part of sustainable environmental management / .V. Botantsov, K.G. Svarchevsky, K.M. Mensah, D.D. Sayafarova // IOP Conference Series: Earth and Environmental Science. – 2021. – Iss. 723. – P. 042075.

extremist ideologies. Protest sentiments caused by various problems – social and economic, political – are increasingly expressed in the form of nationalism, including radical one.

Another St. Petersburg researcher, political scientist Aleksandr Konfisakhov, who also participated in the study of the Center for the Study of National Conflicts as an expert, believes that St. Petersburg incorrectly ended up in the red zone on the map of interethnic tensions. City officials pay special attention to interethnic problems, do not hide them and do not silence them. Therefore, it turns out that the number of conflicts is large, which is not always an objective indicator of ethnic tension. Unfortunately, it happens that the one who honestly works is not the best in terms of final indicators, the political scientist says.

According to the St. Petersburg journal “Gorod 812”, 51.7% of citizens feel the severity of the interethnic problem in the city. Most of all, the authorities and citizens are concerned about the influx of migrants from Uzbekistan, Tajikistan, Azerbaijan and Kyrgyzstan. Now a citywide base of places of mass residence and work of foreign citizens is being formed.

On the agenda of the St. Petersburg administration is the issue of creating adaptation centers for migrants and involving business structures in their social integration. However, it is difficult to agree with the study’s authors that St. Petersburg has the tensest interethnic relations today. At the same time, there is a contrary view. Since Articles 71 and 72 of the Constitution do not provide for the regulation of migration issues by the Russian Federation or by the Constitution itself, jointly with the subjects, under Article 73 of the Constitution, the regulation of these issues falls under the exclusive jurisdiction of the subjects of the federation.

That position seems somewhat incorrect, since the legal situation of migrants undoubtedly related to the regulation of human rights and freedoms, the exclusive responsibility of which was vested in the Russian Federation.

Thus, the sluggish policy of the city authorities, the activities of the media focusing on the problems caused by migrants to the residents of the city and the almost complete absence of cultural centers that would contribute to the adaptation of migrants to local conditions form a sharply negative attitude towards migrants, which does not allow them to approach the issue of resolving ethnic conflicts constructively. As a rule, the only way to “solve” the problem that residents of the city see is the total expulsion of all “out-of-towners” without the right to return.

At the same time, they do not hesitate to hire migrants for work, as a rule, not officially, while violating migration and labor laws. Therefore, there is a need in the legal work with the city residents, which would contribute to a better understanding of the essence of the problem, the formation of consistency in their judgments and responsibility in their behavior. Thus, it is necessary to combat the legal

nihilism of residents of St. Petersburg and tighten control over compliance with migration legislation.

St. Petersburg is a unique city in terms of tolerance. It historically formed a multicultural, multiethnic and latitudinarian environment; since pre-revolutionary times, the city has had a legal basis for realizing civil rights and freedoms by representatives of a wide variety of religions. At the same time, in recent years, the growth of migrants has increased manifold, which cannot but affect the situation in the city. Most of the funds aimed at developing tolerance programs fell on regional budgets. In the summer of 2006, the program entitled “Tolerance” was adopted to harmonize interethnic and intercultural relations and prevent manifestations of xenophobia. Events such as “The Whole World in Your City”, “Petersburg Unites People” are held in the city. The main directions of the national policy in St. Petersburg are the following:

1. Operational activities in cooperation with law enforcement agencies.
2. Methodological work with law enforcement officers.
3. Measures for adapting migrants. These measures have been taken since 2007.

In general, policies can be described as universalization. It leads Russia to two options: erasing all cultural differences and spiritual degradation (tolerance turns into the forced assimilation and sacrifices) or breaking up into several unitary, independent states that have managed to defend their cultural identity⁸⁸³.

Conclusion. Thus, there is inconsistency in the activities of state bodies and, despite all kinds of attempts. There is no successful regulation of the migration issue. This is partly due to the lack of the unified national policy (which explains such a meagre legal framework).

At the same time, there are specific trends in forming national integration policies. Thus, back in 2004, V.V. Putin stated the following: “We have every reason to talk about the Russian people as a single nation... Representatives of various ethnic groups and religions in Russia feel like a single person. We must preserve and strengthen our national historical unity”. In 2008, D.A. Medvedev said: “The very historical development of the Russian nation was largely based on wealth and the preservation of the ethnocultural and multiconfessional environment... Thanks to this, the unity of the Russian nation has endured many hardships. Furthermore, today, it is crucial in overcoming extremist sentiments, nationalism, and religious intolerance”. Taking into account these statements by the presidents of the Russian Federation, Academician V.A. Tishkov notes that the need to implement the formula “unity in diversity” in Russia is due to the fact that “this is also the only implemented formula for the structure of a

⁸⁸³ Tishkov V.A. Forced migrants and the State. – Moscow: EKOS, 1998. – P. 24.

multiethnic country. The new ideology of civil nation formation in no way means the denial or dissolution of Russian nationalities (nations in the ethnic sense of the word) in a kind of monocultural community called the Russian nation". The academician understands the Russian nation as a form of supranational civic identity of our citizens, who, possessing historical and cultural unity, a common historical fate, are representatives of one, Russian, people, diverse, but united. Russia, from his point of view, is "a nation of nations and the essence of modern national politics is becoming twofold: on the one hand, it is to ensure the national interests of the country and its people in the internal and external arena, including through national projects, the modernization development of the country, the system of national education, on the other hand, it is to preserve and support the historical, cultural and religious diversity of representatives of different nationalities and faiths living in Russia. One does not exclude the other, but, on the contrary, it is possible only in unity and with effective, democratic governance"⁸⁸⁴. At the same time, there is no denying the "erosion" of the title ethnic group in the prolonged absence of the sound national policy in Russia. As a result, trying to incorporate all the peoples of our country, absorb their culture and inculcate in them, in turn, Russian values, the Russian people have lost their own unity. Isolation from other Russian ethnic groups and, being the largest in number in Russia, Russians do not have their national-cultural autonomy. V.A. Tishkov devoted much research to conflicts on national grounds in Russia⁸⁸⁵.

Currently, European and Eurasian integration issues are becoming at the forefront of ethnographic science, which leads to a thorough consideration of the challenges of forming a single people within the framework of the EAEU, the CIS and the Union State. The Center for Post-Soviet Studies of the Institute of Economics of the Russian Academy of Sciences considers issues of Eurasian integration in three interrelated aspects: based on the peculiarities and factors of the social and economic development of national economies, the dynamics of the integration process itself, its problems, institutions and effects, and the influence of global centers of power on the Eurasian integration process. Much attention is paid to assessing the impact on Eurasian integration of other regional organizations and international projects in which the post-Soviet countries are involved: Eastern Partnership, EU, BSEC, SCO, Belt and Road Initiative. An important area of research of the Center

⁸⁸⁴ Tishkov V.A. General assessment of ethnopolitics in the Russian Federation (the material used in speeches at the State Institution "Moscow House of Nationalities", January 2010) // Moscow House of Nationalities. – URL: <https://mdn.ru/articles/v-a-tishkov-obshhaya-otsenka-etnopolitiki-v-rossijskoj-federatsii>.

⁸⁸⁵ Tishkov V.A. Forced migrants and the State. – Moscow: EKOS, 1998. – 221 p.; Tishkov V.A. Society in the armed conflict: ethnography of the Chechen war. – Moscow: Nauka, 2001. – 552 p.; Tishkov V.A., ed. Russian Caucasus: a book for politicians. – Moscow: Rosinformagrotekh, 2007. – 384 p.

is the assessment of the role of Russia in the processes of Eurasian integration in the context of its interests and the achievement of national development goals.

§ 5. Evolution of a judge's status in Russia (1922-2021)

Introduction. The central link of the judicial system, the main driving force of the mechanism of judicial power is the judge – a statesman who directly administers justice⁸⁸⁶. The effectiveness of the judicial system and the level of public confidence in the judiciary will largely depend on the judge and the decisions he makes, on his professional and personal qualities, which determines the relevance of the research topic.

The status of a judge in its various aspects is the subject of researchers' attention around the world. For example, the American scientists Mona Vakilifathi and Thad Kousser, on the basis of empirical analysis, find out what judges are better at administering justice – elected judges or judges directly appointed by elected officials. Based on the use of an objective indicator of the effectiveness of judicial activity (the rate of cancellation of court cases appealed) in 2,919 cases handled by 176 judges, scientists concluded that the return rate of elected judges is lower than that of judges selected on merit⁸⁸⁷.

Taiwanese scientists Feng-Jen Tsai and Chang-Chuan Chan investigate the psychophysiological aspects of the status of a judge, in particular, the relationship between professional stress and emotional burnout among judges, taking into account age, gender, marriage, number of children, work experience, working hours⁸⁸⁸.

Canadian scholar David Dyzenhaus, noting that there can be no legal order without judges who understand the principles of legality, points out that the answer to the question “What is a judge?” draws attention both to the idea of legality and to the specific authority of the law⁸⁸⁹. Peter Solomon the Younger reveals the peculiarities of the judges' status in non-democratic regimes. In particular, he points out that leaders of authoritarian regimes do empower judges, if only to ensure the regime's legitimacy and hold its officials accountable, but sometimes this comes at

⁸⁸⁶ Kleandrov M.I. Constitutional changes in 2020 and the mechanism of justice: pros and cons // State and law. – 2020. – No. 10. – P. 7-23.

⁸⁸⁷ Vakilifathi M., Kousser T. Does Judicial Selection Affect Judicial Performance? // FORUM-A Journal of applied research in contemporary politics. – 2020. – Vol. 18. – Iss. 1. – P. 25–50.

⁸⁸⁸ Tsai F.-J., Chan Ch.-Ch. Occupational stress and burnout of judges and procurators // International archives of occupational and environmental health. – 2010. – Vol. 83. – Iss. 2. – P. 133-142.

⁸⁸⁹ Dyzenhaus D. The very idea of a judge // University of Toronto law journal. – 2010. – Vol. 60. – Iss. 1. – P. 61-80.

the price of judicial independence. The combination of independence, power, and accountability of judges in authoritarian states is different from what is seen in democratic countries; in non-democratic states, informal practice often determines the importance of the judiciary⁸⁹⁰.

In Russia, the status of a judge and its various components have been studied for over 20 years by Mikhail Ivanovich Kleandrov, Corresponding Member of the Russian Academy of Sciences, retired judge of the Constitutional Court of the Russian Federation. In the monograph “Status of a judge: legal and related components”, M.I. Kleandrov identifies the components of the status of a judge: the legal component (the constitutional core and norms determined by federal laws), the moral and ethical component, and the psychophysiological component⁸⁹¹. The structural elements highlighted by M.I. Kleandrov allow us to study the status of a judge not only in modern Russia, but also extrapolate these components on the cadre of judges in other historical periods. Kleandrov’s proposals to improve the status of a judge and the mechanism of formation of the judiciary are being implemented in Russian legislation.

Academician M.I. Kleandrov pays special attention in his research to the responsibility of judges, that he calls the most important component of the status of a judge⁸⁹². Exploring the problems of various aspects of the status of a judge, M.I. Kleandrov comprehensively analyzes the organizational and legal mechanism for the formation of the judiciary⁸⁹³. Studying the actual problem of expediency and the possibility of transferring the function of administering justice to a robot judge in the future, M.I. Kleandrov makes a reasonable conclusion about the objective impossibility of administering fair justice by a robot judge due to the non-formalizability of a number of purely human qualities⁸⁹⁴.

⁸⁹⁰ Solomon P.H., Jr. Courts and Judges in Authoritarian Regimes // World politics. – 2007. – Vol. 60. – Iss. 1. – P. 122-145.

⁸⁹¹ Kleandrov M.I. Judge Status: Legal and Related Components. – Moscow: Norma, 2008. – 448 p.

⁸⁹² Kleandrov M.I. Constitutional changes in 2020 and the mechanism of justice: pros and cons // State and law. – 2020. – No. 10. – P. 7-23; Kleandrov M.I. Judge Status: Legal and Related Components. – Moscow: Norma, 2008. – 448 p.; Kleandrov M.I. Institute of the Russian Judge’s Oath: Defectiveness of the Formula and Constitutional Responsibility for Violation // Journal of Russian Law. – 2020. – No. 2. – P. 58-71; Kleandrov M.I. On the strategy for improving the mechanism of judicial responsibility // Bulletin of the Tyumen State University. – 2011. – No. 3. – P. 8-16.

⁸⁹³ Kleandrov M.I. Judge Status: Legal and Related Components. – Moscow: Norma, 2008. – 448 p.; Kleandrov M.I. On the need for psychodiagnosis of candidates for judges // State and law. – 2019. – No. 6. – P. 5-17; Kleandrov M.I. Constitutionally significant imperfections of the judiciary in the Russian Federation // Bulletin of the Russian Academy of Sciences. – 2018. – Vol. 88. – No. 10. – P. 886-896.

⁸⁹⁴ Kleandrov M.I. Reflections on the topic: can a robot be a judge? // Russian justice. – 2018. – No. 6 (146). – P. 15-25.

A judge is an important element in the justice system. The effectiveness of the justice system and the level of authority of the judiciary in society will ultimately depend on his professional and moral qualities. The status of a judge and the organizational and legal mechanism for the formation of the judiciary in Russia is a problem that has been relevant for a long time, requiring deep and comprehensive scientific development. The purpose of this research is to study the evolution of the status of a judge in Russia (from 1922 to the present); it corresponds to the priority task of developing the judicial system.

Main research. In the Soviet period, the status of a judge had essentially political significance, since the qualities of judges largely determined the attitude of the population towards the Soviet court and Soviet power. The status of a judge consisted of legal and non-legal components.

The constitutional and legal basis for the status of a judge was based on the Constitutions of the RSFSR of 1918 and 1925. The person who had the constitutional right to elect and to be elected to the Soviets, and accordingly, someone who met the following requirements enshrined in the Constitution, could become a judge:

- a) be a citizen of the RSFSR;
- b) attain the age of 18 years;
- c) correspond to the social status - to be a worker or an employee; a peasant who did not use hired labor for the purpose of making a profit; soldier of the Soviet army and navy;
- d) not be recognized as mentally ill or insane;
- e) not to be convicted for mercenary and discrediting crimes for the period specified in the sentence (Article 64 of the Constitution of the RSFSR of 1918, Articles 68-69 of the Constitution of the RSFSR of 1925)⁸⁹⁵.

Additional requirements for a candidate on the position of a judge were established by the Regulations on the judicial system of the RSFSR of 1922:

- 1) have at least two years of experience in responsible political work in workers' and peasants' public, trade union or party workers' organizations, or three years of practical work in Soviet justice bodies in positions not lower than a public investigator (for a public judge);
- 2) not be discredited in court or expelled from public organizations for discrediting acts⁸⁹⁶.

⁸⁹⁵ The Constitution (Basic Law) of the Russian Socialist Federative Soviet Republic (adopted by the V All-Russian Congress of Soviets on July 10, 1918) // Assembly of Legalizations and Orders of the Workers' and Peasants' Government of the Russian Socialist Federative Soviet Republic (Sobranie zakonodatel'stva RSFSR). – 1918. – No 51. – Art. 582; Resolution of the XII All-Russian Congress of Soviets of May 11, 1925 on the Approval of the Text of the Constitution (Basic Law) of the RSFSR // Sobranie zakonodatel'stva RSFSR. – 1925. – No. 30. – Art. 218.

⁸⁹⁶ The Decree of the All-Russian Central Executive Committee dated 11 November 1922 on the

Thus, the moral-ethical component of a judge's status was partially fixed by law: not to be convicted or expelled from public organizations for mercenary and discrediting crimes and deeds. Regulations on the judiciary of 1922 provided the possibility of removing a judge from office by way of disciplinary liability for behavior or action incompatible with the dignity and appointment of judicial figures that occurred in the performance of official duties and outside them.

The moral-ethical component, not being put into legislative form, included "purgings" initiated by the party. In the course of such cleansing of the judges' cadre from "foreign elements", a judge could be removed from the office for immoral behavior, for example, for drunkenness or for friendly relations with a kulak.

There was no legal requirement for judges to have any kind of education. But at the same time the state was taking measures to train judges: a system of legal education was created, which included mainly multi-level legal courses.

To understand the attitude towards the judges' qualifications, the position of the Supreme Court of the RSFSR, expressed in the Ruling of the Civil Cassation Board of January 3, 1925 in case No. 34.146 is of interest: the qualification of court officials and of the court as a whole is defined by the ability to solve legal questions in general and does not require any special qualifications to solve the particular cases that may occur in court practice, for the resolution of latter the court can resort to expert examination⁸⁹⁷.

In the 1920s the institution of legal responsibility of judges was legally formalized. Judges could be held criminally and disciplinarily liable. Under Article 111 of the Criminal Code of the RSFSR of 1922 criminal responsibility was incurred for judges' rendering an unjust sentence, decision or ruling out of mercenary or personal motives. The punishment was severe: imprisonment for at least 3 years with removal from judicial positions, or the highest punishment under especially aggravating circumstances⁸⁹⁸.

Judges could be subjected to disciplinary liability on the following grounds enshrined in the Regulations on the Judicial System of the RSFSR of 1922:

a) misdemeanors, behavior or actions of judicial officers, though not punishable by criminal laws, but incompatible with the dignity and purpose of judicial officers, occurring both in the performance of their official duties and outside them;

Enactment of the Regulation on the Judicial System of the RSFSR // *Sobranie zakonodatel'stva RSFSR*. – 1922. – No. 69. – Art. 902.

⁸⁹⁷ Aleksandrovsky S. *The Code of Civil Procedure of the RSFSR*. With article-by-article systematized material. – Moscow: Legal Publishing House of the People's Commissariat of Justice, 1925. – 453 p.

⁸⁹⁸ The Decree of the All-Russian Central Executive Committee dated 1 June 1922 on the Enactment of the Criminal Code of the RSFSR (together with the Criminal Code of the RSFSR) // *Sobranie zakonodatel'stva RSFSR*. – 1922. – No. 15. – Art. 153.

b) the abolition by the Supreme Court of the RSFSR of a number of sentences and decisions rendered by judicial workers on the basis of their inconsistency with the general spirit of the laws of the RSFSR and the interests of the working masses.

The types of disciplinary sanctions for judges were: a reprimand, a warning, transfer or removal to a lower position, suspension from service with a prohibition to work in judicial positions for a certain period. According to archival data, for the first half of 1925, the following reprimands were imposed on judges in the RSFSR: 23 remarks, 25 warnings, 14 dismissals. There were 10 cases of disciplinary misdemeanors of judges that were taken to the court for consideration⁸⁹⁹.

An element of the guarantee for the judges was a special procedure of their arrest. The Decree of the All-Russian Central Executive Committee and the Council of People's Commissars of November 16, 1922 on the Procedure for the Arrest of Prosecutors, Their Assistants, Chairmen and Members of Revolutionary Tribunals and Councils of People's Judges, People's Judges and Investigators provided a permissive procedure for the arrest of judges. It consisted in the fact that the arrest of a judge could be made only with the prior permission of the prosecutor⁹⁰⁰.

An important place in the mechanism for selecting judicial staff was occupied by the ideologically determined requirement for a judge to be a member of the Communist Party, or at least to have a revolutionary legal consciousness. The ruling party stressed that the predominance among judges of the Communist Party facilitated the implementation of Party directives. The insufficient level of education and qualifications among judges was compensated for by their workers' and peasants' origin and affiliation to the Communist Party. A large number of instructions on measures to improve the educational, professional and moral level of judges testified to the search for an effective mechanism of selecting and training judges⁹⁰¹.

The difference between the sources of personnel formation and the level of readiness of the civil and criminal departments of the provincial courts is interesting. The percentage of canceled decisions of the civil departments of the provincial courts from April 1, 1923 to October 1, 1924 was almost 50%, which was considerably higher than the percentage of cancellation in criminal cases – 16%. The reason for this difference lay, among other things, in the fact that the personnel of the

⁸⁹⁹ The Russian State Archive of Sociopolitical History. – Collection 17. – Inventory List 68. – Folder 560. – Sheet 28.

⁹⁰⁰ The Decree of the All-Russian Central Executive Committee, Council of People's Commissars of the RSFSR dated 16 November 1922 on the Procedure for the Arrest of Prosecutors, Their Assistants, Chairmen and Members of Revolutionary Tribunals and Councils of People's Judges, People's Judges and Investigators // *Sobranie zakonodatel'stva RSFSR. – 1922. – No 77. – Art. 960.*

⁹⁰¹ Filonova O. Legal Basis for the Status of a Judge in Soviet Russia during the NEP Period (1921-1929) // *Russian Justice. – 2012. – No. 4. – P. 91-97.*

civil departments of the courts was much weaker practically trained than the personnel of the criminal departments that had tribunal experience⁹⁰².

Thus, the status of a judge during the NEP period included components of a legal, constitutional-legal nature: citizenship, age qualification, social status, length of service in responsible political work or work in Soviet justice bodies, lack of a criminal record, the institution of criminal and disciplinary responsibility of a judge, and guarantees of immunity for judges. In 1922-1929, a system of juridical training of judicial personnel was organized – from the highest level (the Institutes of Soviet Law and the Higher Juridical Courses) to district law circles. At the same time there was no legal or common law requirement for judges. Non-legal aspects of judges' status were of great importance: they must have a revolutionary legal consciousness and be members of the Communist Party. The mechanism for the selection of judges was based not only on legal norms, but also on the political guidelines of the state.

In the last years of the Soviet state existence, the legal component of the status of a judge has been developed. In accordance with Art. 8 of the USSR Law on the Status of Judges in the USSR of 1989, the requirement for judges to have a higher legal education was legislatively fixed; the age limit for a candidate for people's judge was set at 25 years. The requirements for work experience in the legal specialty were fixed: at least two years for people's judges and at least five years (of which, as a general rule, at least two years as a judge) for judges of higher courts⁹⁰³.

The status of a judge existing in Russia nowadays, according to a number of criteria, differs significantly from the status of a judge in Soviet Russia in the 1920s.

According to Art. 119 of the Constitution of the Russian Federation, judges may be citizens of the Russian Federation who have reached the age of 25, have a higher legal education and work experience in the legal profession for at least five years⁹⁰⁴. The federal law may establish additional requirements for judges of the courts of the Russian Federation.

Directly, the Art. 119 of the Constitution of the Russian Federation states four main requirements for a judge:

1. Citizenship of the Russian Federation. On July 1, 2020, the constitutional norm was amended with the requirement to permanently reside in the Russian Federation, and not to have the citizenship of a foreign country or a residence permit

⁹⁰² Aleksandrovsky S. Op. cit.

⁹⁰³ The Law of the USSR dated 4 August 1989 on the Status of Judges in the USSR // Code of Laws of the USSR. – 1990. – V. 10. – P. 14-1.

⁹⁰⁴ The Constitution of the Russian Federation (adopted by popular vote on December 12, 1993 with amendments approved during the all-Russian vote on July 1, 2020) // Rossiyskaya Gazeta, December 25, 1993. – No. 237.

or any other document confirming the right of a citizen of the Russian Federation to permanently reside in the territory of a foreign state.

2. Reaching the age of 25. According to M.I. Kleandrov, such a low age limit for holding the position of a judge (for five-sixths of Russian judges) is undesirable, since it allows a young person with little life experience to take such a responsible position⁹⁰⁵.

3. The presence of higher legal education.

4. At least five years of experience in the legal profession.

The requirements for candidates for the position of judges in Russia, specifying and supplementing the constitutional ones, are stated by the Law of the Russian Federation of June 26, 1992 No. 3132-I on the Status of Judges in the Russian Federation⁹⁰⁶. Judges can be a citizen who does not have (had) a criminal record. Subparagraph 1 of paragraph 1 of Art. 4, as amended on April 6, 2015, specifies the constitutional requirement for higher legal education of a candidate for the position of a judge: 1) in the specialty “Jurisprudence” or 2) in the direction of the master’s program “Jurisprudence” (if a bachelor’s degree in “Jurisprudence” is available).

Paragraph 2 of Art. 4 of the law on the Status of Judges in the Russian Federation sets out specific requirements for the age and length of service of judges. In particular, a judge of the court of cassation of general jurisdiction, the court of appeal of general jurisdiction, the military court of cassation, the military court of appeal, the supreme court of the republic, the regional court, the court of the city of federal status, the court of the autonomous region, the court of the autonomous district, the district (naval) military court, an arbitration court of a circuit, an arbitration court of appeal, a specialized arbitration court may be a citizen who has reached the age of 30 and has at least 7 years of work experience in the field of jurisprudence. The psychophysiological component of the status of a judge can be attributed to the requirements for the state of health. Art. 4.1 of the Law on the Status of Judges in the Russian Federation requires a medical examination of an applicant for a judge position to confirm that the applicant for a judge position does not have diseases that prevent appointment to a judge position. The list of such diseases was approved by the Decree of the Council of Judges of the Russian Federation of December 26, 2001⁹⁰⁷. According to M.I. Kleandrov, the list is far from

⁹⁰⁵ Kleandrov M.I. Judge Status: Legal and Related Components. – Moscow: Norma, 2008. – 448 p.

⁹⁰⁶ The Law of the Russian Federation of June 26, 1992 No. 3132-I on the Status of Judges in the Russian Federation (as amended on April 5, 2021) // Vedomosti of the Congress of People’s Deputies of the Russian Federation and the Supreme Council of the Russian Federation dated 30 July 1992. – No. 30. – Art. 1792.

⁹⁰⁷ The Decision of the Council of Judges of the Russian Federation No. 78 dated 26 December 2002 on the Approval of the List of Diseases that Impede the Appointment of a Judge //

perfect: 1) there are almost no names of mental illnesses in it, while a judge with a mental illness is clearly socially dangerous; 2) there are no such diseases as HIV infection, leprosy (leprosy) and syphilis of the brain; a person suffering from one of these diseases cannot be a judge, not because he is able to infect others, but because this disease affects the psyche of the patient, therefore, the justice administered by the sick judge will be deformed⁹⁰⁸.

M.I. Kleandrov includes to the moral and ethical component of the status of a judge in Russia the danger of religious fanaticism (primarily sectarianism) and hobbies (in particular, gambling)⁹⁰⁹.

Ethical requirements for a Russian judge differ in relation to behavior in professional activities and to behavior outside the performance of official duties:

1. In judicial activities, a judge must be aware of the priority of human and civil rights and freedoms in administering justice; he must conscientiously and timely perform his professional duties; must be impartial, must not show prejudice of a racial, sexual, religious or national nature.

2. Outside of judicial activities, a judge is not entitled to belong to political parties, publicly express his political views, participate in political actions; Art. 21 of the Code of Judicial Ethics prohibits a judge from participating in political activities⁹¹⁰. A judge must avoid any personal ties that may damage his reputation, affect his honor and dignity, must refrain from financial and business ties that may call into question his impartiality.

There are examples of judicial practice in civil and criminal cases involving the transfer of a case for a new trial to a court of another subject of the Russian Federation due to doubts about the impartiality of the court.

Thus, the Judicial Board for Civil Cases of the Supreme Court of the Russian Federation considered it necessary to transfer the case for the purpose of its objective and impartial consideration to a court of another subject of the Russian Federation, since there were circumstances that cast doubt on the impartiality of the consideration of this case in the courts of the Irkutsk region. The Judicial Board for Civil Cases of the Supreme Court annulled the earlier judicial acts in the case concerning the recognition of an unlawful dismissal order and reinstatement in service in the previous position and sent the case for reconsideration to the first instance court, since the lower instance courts had failed to take due account of national and international law norms that guarantee everyone the right to an impartial tribunal to hear the dispute. The Judicial Board stated that, firstly, the court must be subjectively impartial, i.e., none of its

Rossiyskaya Gazeta. – January 24, 2004. – No. 13.

⁹⁰⁸ Kleandrov M.I. Judge Status: Legal and Related Components. – Moscow: Norma, 2008. – 448 p.

⁹⁰⁹ Ibid.

⁹¹⁰ The Code of Judicial Ethics (approved by VIII All-Russian Congress of Judges December 19, 2012) (as amended on December 8, 2016).

members can openly show partiality and personal prejudice in a particular case; secondly, the court must be objectively impartial, i.e., sufficient guarantees are needed to exclude any doubt about this; any judge whose impartiality has legitimate grounds for doubt must resign from the tribunal hearing the case⁹¹¹.

The Appeal Collegium of the Supreme Court of the Russian Federation found convincing facts that could call into question the objectivity and impartiality of the court when deciding on the case by the Judicial Board for Criminal Cases of the Yaroslavl Regional Court, including by the public. Therefore, in order to ensure the interests of justice, protect the rights and freedoms of the parties, it determined to change the territorial jurisdiction of the criminal case, to transfer it for consideration at the stage of appeal against the verdict to the Kostroma Regional Court, which is located at an accessible distance from the city of Yaroslavl⁹¹².

Aryna Dzmitryieva, examining the procedure of the judiciary formation in Russia, based on an analysis of 957 protocols of qualification boards of judges, concludes that despite the laws introducing meritocratic principles for the selection of judges in the early 1990s, the patronage of court chairmen continues to significantly outweigh all other characteristics of candidates, such as education and professional experience⁹¹³. If such conclusions are justified, then the procedure for selecting judges in this case is similar to what it was in the Soviet period, when the level of professionalism and education was also not in the first place among the criteria for selecting judges.

In addition to the above-mentioned components, the most important component of the status of a judge is his responsibility.

Article 12.1 of the Law on the Status of Judges in the Russian Federation establishes the possibility of bringing a judge to disciplinary responsibility for committing a disciplinary offense, that is, for committing a guilty action (inaction) while performing official duties or off-duty, as a result of which the provisions of the Law on the Status of judges in the Russian Federation and (or) the Code of Judicial Ethics were violated, which resulted in a diminished authority of the judiciary and damage to the reputation of a judge. Four types of disciplinary sanction are envisaged: reprimand, warning, demotion in the qualification class, early termination of a judge's powers.

According to Academician M.I. Kleandrov, "early termination of the powers of a judge is a type of not disciplinary, but constitutional responsibility"⁹¹⁴.

⁹¹¹ The Determination of the Judicial Collegium for Civil Cases of the Supreme Court of the Russian Federation dated September 17, 2018 No. 66-KG18-15.

⁹¹² The Appeal Ruling No. APL 20-33 of the Appellate Collegium of the Supreme Court of the Russian Federation dated 5 March 2020.

⁹¹³ Dzmitryieva A. *Becoming a Judge in Russia: An Analysis of Judicial Biographies* // *Europe-Asia Studies*. – 2021. – Volume 73. – Issue 1. – P. 131-156.

⁹¹⁴ Kleandrov M.I. *Constitutional changes in 2020 and the mechanism of justice: pros and cons*

The compulsory termination of the powers of a judge as a result of his responsibility for certain actions appeared in the Constitution of the Russian Federation amended in 2020, but not in the chapter on the judiciary, but in Chapter 4 “President of the Russian Federation” in the text of paragraph e3 of Art.83: The President of the Russian Federation submits to the Federation Council a proposal to terminate the powers of the Chairman of the Constitutional Court of the Russian Federation, Deputy Chairman of the Constitutional Court of the Russian Federation and judges of the Constitutional Court of the Russian Federation, Chairman of the Supreme Court of the Russian Federation, Deputy Chairman of the Supreme Court of the Russian Federation and judges of the Supreme Court of the Russian Federation, chairmen, deputy chairmen and judges of cassation and appellate courts in the event that they commit an act discrediting the honor and dignity of a judge, as well as in other cases provided by federal constitutional law, indicating the impossibility of a judge exercising his powers. M.I. Kleandrov sees in this norm the complexity of implementation: “The Federation Council – its plenary session – will have to thoroughly understand whether and to what extent it is proved in the judge’s actions all the named qualifying signs of a judge’s disciplinary misconduct”⁹¹⁵.

M.I. Kleandrov draws attention to the fact that “it is impossible to bring a judge to disciplinary responsibility for violation of the judicial oath, primarily because of the defectiveness of the core formula of a disciplinary offense fixed by the current legislation, which allows one to consider an ethical offense as such”⁹¹⁶.

Conclusion. The status of a judge has undergone changes from Soviet times to the present day. It is possible to trace elements of novelty and continuity in the status of a judge under the judicial reform of 1922 and modern judicial reform. Perhaps the most significant element of novelty is the legal requirement to have a higher legal education (in the specialty “Jurisprudence” or with a Bachelor’s degree in “Jurisprudence”).

During the period under review, the age limit for a judge increased from 18 to 25 years (for most of the courts). 25 years of age allows a young man with little life experience to take up a responsible position. During the formation of Soviet statehood, such a low age limit for a judge (18 years) was justified: the revolutionary reforms of the sociopolitical system required judges committed to communist ideology and revolutionary legal consciousness, and the replacement of judges of pre-revolutionary upbringing.

// State and law. – 2020. – No. 10. – P. 7-23.

⁹¹⁵ Ibid.

⁹¹⁶ Kleandrov M.I. Institute of the Russian Judge’s Oath: Defectiveness of the Formula and Constitutional Responsibility for Violation // Journal of Russian Law. – 2020. – No. 2. – P. 58-71.

In contrast to the Soviet era, modern Russian legislation sets out in detail the requirements for the qualities that make up the psycho-physiological and moral and ethical components of the status of a judge. But in the list of diseases that prevent the appointment of judges, there are no certain diseases that are dangerous for their effect on the psyche of the patient.

Both in Soviet times and today, moral and ethical qualities were and still are important for the status of a judge. Today it is unacceptable for a judge to belong to political parties and publicly express his or her political views. In the 1920s, by contrast, one of the main criteria for selecting judges was membership in the Communist Party. During the formation of the Soviet state, it was important that the judge did not maintain personal ties with the class enemy. Today, a judge must avoid personal, financial and business ties that can damage his reputation, call into question his impartiality. The Supreme Court of the Russian Federation takes a clear position on the issue of the impartiality of judges: in case of revealing facts that cast doubt on the impartiality of the court, the case is transferred to the court of another subject of the Russian Federation to achieve the goals of justice, protect the rights and freedoms of the parties.

An analysis of the status of a judge shows how important it is that education and professionalism, rather than party affiliation and personal connections, come first in the selection mechanism for the judiciary.

§ 6. The burden of proof in criminal and civil proceedings: scientific views of A.Ya. Vyshinsky

Introduction. The sharing of the burden of proof as one of the important components of the process of proof in a case in criminal and civil proceedings has traditionally received quite a lot of attention in the Russian scientific legal literature⁹¹⁷. So, yet Ya. Foynitsky pointed out in his works that expression “a burden or a duty of proof” is used in triple sense: in the sense of a legal duty, formal or

⁹¹⁷ See, for example: Baulin O.V. Burden of proof in civil proceedings. – Moscow: Gorodets, 2004. – P. 104; Vladimirov L.E. The doctrine of criminal evidence. – St. Petersburg: Zakonovedenie, 1910. – 440 p.; Strogovich M.S. Course of the Soviet criminal trial: in 2 vols. Vol. 1. Revised ed. – Moscow: Nauka, 1968/1970. – 468 p.; Liluashvili T.A. The subject of evidence and the distribution of evidence between the parties in the Soviet civil trial: abstract of Candidate of Sciences in Law thesis. – Moscow, 1961. – P. 11-12; Poznyshev S.V. Elementary textbook of the Russian criminal trial. – Moscow: Pub. by G.A. Lehman, 1913. – 328 p.; Smirnov A.V. Presumptions and sharing of the burden of proof in criminal proceedings // State and Law. – 2008. – No. 1. – P. 62; Smirnov A.V. Formal means of proof in criminal law and proceedings. – Moscow: Norma, 2018. – P. 35-36, 40; Treushnikov M.K. Forensic evidence. – Moscow: Gorodets, 2004. – P. 62; Foynitsky I.Y. Course of criminal proceedings. Volume II. – 3rd ed. – St. Petersburg: Senate Printing House, 1910. – 572 p.

material, or duties actual, noting at the same time that in the sense of a duty formal, this burden means the procedural duty lying on that side which in case no evidence is produced in general, the law threatens with danger of loss of its requirement; in the sense of a material duty the burden of proof under the law lays down on the side on which the disadvantage resulting from incomplete ascertainment of any separate circumstance falls; in the sense of an actual duty, the burden of proof is based not on the prescription of the law, but on the actual position in the process of the parties who may be interested in the court accepting or not accepting this or that circumstance as proved⁹¹⁸.

In the doctrine of the Soviet civil process the legal nature of a burden of proof was revealed from various positions. Some authors believed that it can't be considered neither as legal duty nor as the subjective right⁹¹⁹. Others considered it an actual necessity, which becomes a means to achieve the procedural goal of obtaining a court decision in their favor⁹²⁰. Approaches to the burden of proof as a duty⁹²¹ as a right⁹²² and as a right and a duty at the same time were substantiated⁹²³. A.Ya. Vyshinsky sharply criticized the last approach, he wrote: "The new Constitution of the USSR directly differentiates the rights and duties. We punish to the full extent of justice and the severity of Soviet laws for violation of duties. But it would never occur to anyone to punish someone for not using one or another of his/her rights"⁹²⁴.

In science, two approaches to the sharing of the burden of proof have been developed: static and dynamic. The dynamic approach is based on shifting the burden of proof to another participant in the process, depending on its implementation, while the static approach is based on the prohibition of such a shift⁹²⁵. A.Ya. Vyshinsky's views on the burden of proof (*onus probandi*) refer to a dynamic concept, which is dictated, in our opinion, by the purpose and features of proof in criminal and civil cases at a certain historical stage in the development of criminal procedure

⁹¹⁸ Foynitsky I.Y. Op. cit. – P. 206-207.

⁹¹⁹ Yablochkov T.M. To the teaching of the basic principles of the civil process. Collection of memory of G.F. Shershenevich. – Moscow: Br. Bashmakovs, 1915. – P. 298; Abramov S.N. Civil process. – Moscow: Yurid. pub. MYu SSSR, 1948. – P. 198.

⁹²⁰ Vaskovsky E.V. Civil process textbook. – Moscow: Br. Bashmakovs, 1917. – P. 233.

⁹²¹ Nefedyev E.A. Textbook of Russian civil proceedings. – Moscow: Moscow University Publishing House, 1909. – P. 179.

⁹²² Yudelson K.S. Soviet civil process. – Moscow: State Publishing House of Legal Literature, 1956. – P. 126.

⁹²³ Kleinman A.F. Soviet civil process. – Moscow: Moscow un-ty. Publishing House, 1954. – P. 183.

⁹²⁴ Vyshinsky A.Ya. To the situation on the front of legal theory. – Moscow: Yurid. publishing house of the NKU of the USSR, 1937. – P. 10.

⁹²⁵ Kalinovskiy K.B. Burden of proof in criminal proceedings: dynamic or static approaches // Legal truth in criminal law and process. A collection of articles on the materials of the All-Russian Scientific and Practical Conference. March 16-17, 2018 / Northwestern Branch of the Russian State University of Justice. – St. Petersburg: Publishing House "Petropolis", 2018. – P. 94-103.

and civil procedure rules in the Soviet period, as well as the active role of the court in formulating and proving the charge, legal facts of procedural significance⁹²⁶. These views of Academician of the Academy of Sciences of the USSR, Professor, Doctor of Sciences in Law A.Ya. Vyshinsky on the burden of proof in civil and criminal proceedings will be covered in this article.

Main research. A.Ya. Vyshinsky's approaches correspond to a scientific paradigm of the Soviet period, at the same time his very active development of problems of the judicial evidence theory that has borne fruits. Transition from the Lenin's principles of the organization and functioning of the State to Stalin's ones, strengthening of the bureaucratic and authoritarian principles in the management of society and the State, embodied in the Constitution of the USSR of 1936, are developed in the Soviet science by A.Ya. Vyshinsky who claimed to "the most accurate reflection of the tasks and needs in the field of criminal policy of the Soviet society, which was already one step away from building the foundations of socialism"⁹²⁷. In his writings, he paid considerable attention to socialist justice and the process of its administration.

A.Ya. Vyshinsky himself found his works "corresponding to the Marxist methodology of scientific knowledge"⁹²⁸, and, arguing with the People's Commissar of the USSR N.V. Krylenko on the pages of the magazine "Soviet Justice" accused the latter of not understanding the theses of the Marxist-Leninist-Stalinist doctrine and their incorrect application in the field of legal proceedings.

In *The Theory of Judicial Evidence in Soviet Law*, A.Ya. Vyshinsky, studying the issues of the burden of proof in Soviet law, inspired by the provisions of the Marxist-Leninist-Stalinist doctrine, pays attention to the genesis of the theory of proof in foreign bourgeois theories of procedural law, as well as their reflection in relevant legal regulations. So, one of the most detailed theories of evidence covered in his work is the English theory of judicial evidence.

A.Ya. Vyshinsky notes that the English theory of judicial evidence does not aim to determine in advance the strength, properties and significance of each piece of evidence and does not oblige the judge to give this or that piece of evidence the

⁹²⁶ The role of the court in evidence during the trial, based on the need to establish the truth in the case, was determined by chapters 20-23 of the Code of Criminal Procedure of the RSFSR. Decree of the All-Russian Central Executive Committee dated 25 May 1922 on the Code of Criminal Procedure, chapters 20-23 of the Criminal Procedure Code of the RSFSR adopted by the Decree of the All-Russian Central Executive Committee dated 15 February 1923 on Approval of the Code of Criminal Procedure of the RSFSR; Art. 5 of the Civil Procedure Code of the RSFSR adopted by the Decree of the All-Russian Central Executive Committee from July 10, 1923, SPS "ConsultantPlus", (Accessed on August 23, 2023).

⁹²⁷ Legal science and legal ideology of Russia. Vol. 2 (1917-1964): encyclopedic dictionary of biographies/works. Ed. by V.M. Syrykh. – Moscow: RAJ, 2011. – P. 15.

⁹²⁸ Ibid. – P. 179.

value that is given to it in advance by the law itself; this theory tries to give the answer only to the following questions:

- 1) *thema probanda*, what facts may and what may not be proved in such cases), that is, the thesis to be proved, with which the doctrine of the evidence relevance is connected – theory of relevancy;
- 2) what sort of evidence must be given of a fact which may be proved;
- 3) by whom and in what manner the evidence must be produced, by which any fact is to be proven, i.e., the burden of proof, *onus probandi*⁹²⁹.

Very interesting is the fact that A.Ya. Vyshinsky, criticizing the English theory of evidence, generally supports its provisions concerning the issue of shifting the burden of proof in criminal proceedings, despite the absence in the Soviet criminal process of this historical stage of the principle of adversarial parties in its modern sense. So, A.Ya. Vyshinsky notes that the most interesting and valuable part of English evidentiary law is precisely the doctrine of the burden of proof (*onus probandi*); the basic rule of this doctrine is: “he who claims something must prove it” (he who affirms must prove). In criminal proceedings, the burden of proof lies with the prosecutor under the dominant rule: *actori incumbit probatio* (the duty of proof is on the acting, i.e., making an allegation); there are, however, numerous exceptions to this rule. Thus, the accused must prove the facts to which he invokes in his acquittal, establish, for example, *alibi*, in addition, the burden of proof, as the process develops, by virtue of its very dialectics, inevitably shifts from side to side⁹³⁰.

Along with the English evidence system A.Ya. Vyshinsky studied other theories of evidence – formal (he referred to it as “a system of petrified evidence”, when a law is put in place of the judge’s conviction, which excludes any evaluation of evidence by the judge), free evaluation (when the court, acting according to its everyday experience, correctly understands the vital interests and conscientiously evaluates the evidence), but a special contribution to science was made by the theoretical justification of such an outstanding and practically significant issue as a problem of judicial evidence based on Soviet law in conjunction with the established role of the court of that time. He also paid great attention to the internal judicial conviction formed when considering all the circumstances of the case and the difficulties of the cognitive activity of the judge.

We see that A.Ya. Vyshinsky himself in his works actually supports a dynamic approach to the burden of proof in criminal proceedings, justifying the need for the defense side to prove the circumstances on which it bases its objections to the indictment, putting forward its own versions of the event.

⁹²⁹ Vyshinsky A.Ya. *Theory of forensic evidence in Soviet law*. Institute of law of the Academy of Sciences of the USSR. – Moscow: Yurid. pub., 1941. – P. 65-66.

⁹³⁰ *Ibid.* – P. 75.

Motivating his position on the need to shift the burden of proof A.Ya. Vyshinsky gives the following arguments: “If it is the responsibility of the prosecutor to prove the correctness of the charge, then the accused or the defendant is not free of a similar obligation with regard to the provisions put forward by them in their defense, there is a general principle: “*actori incumbit onus probandi*” or “*actori incumbit probatio*” – the person who is the author of the statement requiring proof must prove it. The prosecutor is obliged to prove his accusatory thesis. The prosecutor accuses A. in robbery. Since A., like every citizen, is presumed innocent until his guilt is proved, that is, since *praesumptio juris* is in his favor, the duty to substantiate the accusation, to prove A.’s guilt lies entirely with the prosecutor. In this case, the accused may limit himself to a simple requirement: “Prove that I’m a robber; give me your evidence”. *The Prosecutor shall provide evidence; they are undeniable – the robbery was committed by A. The accused admits that he really took away the victim’s things, but claims that all this was a predetermined staging, a joke. Now the situation is changing: praesumptio juris goes over to the side of the prosecutor, since the facts are ascertained, the facts indicate robbery. The prosecutor has nothing more to prove in this part. Now it is up to the accused (A.) to prove that it was not a robbery, but a joke.* There has been a displacement of the *onus probandi*. Such a displacement is possible many times as the judicial investigation unfolds, as the process develops”⁹³¹.

This very striking example of A.Ya. Vyshinsky’s dynamic approach to the burden of proof was later criticized by domestic procedural experts. Thus, the most striking opponent of this approach and a supporter of the static approach was Professor M.S. Strogovich, who in his works in particular noted: “Is it possible that the burden of proof in the proceedings in the case to some extent or at some point passed on to the accused? The answer to this question should only be negative. The accused has the right to prove certain circumstances favorable to him, but this is not his duty. All circumstances relevant to the case on which the question of the guilt and degree of responsibility of the accused depends must be examined and ascertained in the case, regardless of whether the accused was able or not to provide evidence of certain facts. If the accused, in exercising his right to defense, has pointed out a circumstance justifying him or mitigating his responsibility, this circumstance must necessarily be examined and the accused is not obliged to prove it. The accused’s claim of any favorable fact can be rejected only by verification of this fact, but in no case because the accused has not proved his claim”⁹³².

If we try to resolve the situation cited by A.Ya. Vyshinsky about the shift of the burden of proof to the accused, at present, it is necessary to rely primarily on

⁹³¹ Ibid. – P. 163.

⁹³² Strogovich M.S. Course of the Soviet criminal trial: in 2 vols. Vol. 1. – Revised ed. – Moscow: Nauka, 1968-1970. – P. 356-357.

the provisions of Art. 49 of the Constitution of the Russian Federation⁹³³, which states the presumption of innocence, including the rule that the accused is not obliged to prove his innocence. It seems that the situation under consideration specified by A.Ya. Vyshinsky in the system of existing legal norms will be resolved differently, and the burden of proving the situation with robbery as a staging or joke will be placed solely on the prosecution, and not on the defense side expressing such an allegation. Thus, according to Art. 14 of the Code of Criminal Procedure of the Russian Federation⁹³⁴, the suspect or accused is not obliged to prove his innocence, the burden of proving the accusation and refuting the arguments put forward in defense of the suspect or accused lies with the prosecution, and all doubts about the guilt of the accused, which cannot be eliminated in the order established by the Code of Criminal Procedure of the Russian Federation, are interpreted in favor of the accused.

In this regard, within the framework of the existing procedure for proving the prosecution and refuting the arguments of the defense, it seems impossible to agree with the statement of A.Ya. Vyshinsky that “it would be an idle occupation to try to give at least an approximate recipe for cases of moving onus probandi from one side to another, summa summarum the rule of movement onus probandi can be formulated only in the sense that: (a) it is the responsibility of the prosecutor to prove the circumstances supporting the prosecution; b) proving the circumstances refuting the accusation is the duty of the accused”⁹³⁵.

However, it should be noted that the dynamic approach to the burden of proof in criminal proceedings in modern scientific literature is supported and justified by the authors, but, as a rule, it does not concern the conditions of moving the burden of proof the “main fact of proof in criminal proceedings”⁹³⁶.

A.Ya. Vyshinsky’s commitment to a dynamic approach to the burden of proof in criminal proceedings can be explained by his peculiar understanding of the principle of adversarial in criminal proceedings. Thus, by the Soviet principle of adversarial, he understood the adversarial nature of the parties plus active

⁹³³ The Constitution of the Russian Federation (adopted by public voting on December 12, 1993 with amendments approved during the all-Russian voting on July 1, 2020). The official text of the Constitution of the Russian Federation with amendments of March 14, 2020 is published on the Official Internet portal of legal information. <http://www.pravo.gov.ru>, July 4, 2020. Cited from SPS “ConsultantPlus”.

⁹³⁴ The Code of Criminal Procedure of the Russian Federation dated 18 December 2001. No. 174-FL (amended on July 1, 2021, with changes of September 23, 2021) // Collections of Legislation of the Russian Federation. – 24.12.2001. – No. 52 (part I). – Art. 4921.

⁹³⁵ Vyshinsky A.Ya. Theory of forensic evidence in Soviet law. Institute of law of the Academy of Sciences of the USSR. – Moscow: Yurid. pub., 1941. – P. 165.

⁹³⁶ Smirnov A.V. Formal means of proof in criminal law and proceedings. – Moscow: Norma, 2018. – 240 p.

participation of the court itself in the trial on the basis of transparency and equality of the parties, on the basis of socialist democratism, which is the most important guarantee of the correct, fair implementation of socialist justice⁹³⁷. At the same time, the principle of the presumption of innocence by A.Ya. Vyshinsky was generally interpreted in the usual meaning of modern researchers, i.e. as the impossibility of replacing the duty of the prosecutor to prove the guilt of the accused with the duty of the latter to prove his innocence.

The goal of achieving objective truth and an exclusively positivist approach declared in Soviet law did not create the prerequisites for a deep and comprehensive study of the distribution of the burden of proof in civil proceedings. But the questions of the legal nature, the definition of criteria and the characteristics of the distribution of the evidentiary burden occupied the minds of outstanding scientists of that time⁹³⁸.

In doctrinal terms, as the most important task of the Soviet court, A.Ya. Vyshinsky designated “the implementation of a firm revolutionary proletarian policy”, and he saw the proletarian court as “a powerful weapon in the hands of the working class in the struggle for socialism”⁹³⁹. The system of measures implemented to strengthen revolutionary legality affected both procedural and judicial norms, which at the end were supposed to strengthen the dictatorship of the working class and socialist legal consciousness, by which A.Ya. Vyshinsky understood “socialist consciousness in the field of law, socialist conception of the tasks of socialist construction and socialist struggle”⁹⁴⁰.

The science of Soviet law was based on the Marxist-Leninist doctrine of the State, law, the court, the process and their role in the transition from socialism to communism. The official role of the science of civil procedural law was to strengthen the socialist basis⁹⁴¹. Socialist justice had characteristic features, special importance in the civil process was attached to the protection of socialist property and the socialist system of the economy from various encroachments. Through the prism of these tasks, A.Ya. Vyshinsky formulated the essential features of such a multifaceted procedural phenomenon as proof in the proceedings of civil cases,

⁹³⁷ Vyshinsky A.Ya. Theory of forensic evidence in Soviet law. Institute of law of the Academy of Sciences of the USSR. – Moscow: Yurid. pub., 1941. – P. 163-169.

⁹³⁸ Kurylev S.V. The legal nature of the burden of proof in legal proceedings // Problems of civil law and process. – Irkutsk: Irkutsk State University named after A.A. Zhdanov, 1940. – P. 124-137; Yudel'son K. S. The problem of proof in Soviet civil proceedings. – Moscow: Gosurizdat, 1951. – P. 292-293.

⁹³⁹ Vyshinsky A.Ya. Marxist-Leninist doctrine of the court and the Soviet judicial system. Essay two. – Moscow: Sov. legislation, 1934. – P. 32.

⁹⁴⁰ Vyshinsky A.Ya. The problem of evaluating evidence in Soviet criminal proceedings // Socialist legality. – 1936. – No. 7. – P. 35.

⁹⁴¹ Kleinman A.F. Soviet civil process. – Moscow: Publishing House of Moscow University, 1954. – P. 32.

attaching considerable importance to the problem of the distribution of the obligation of the parties to prove disputed facts.

And here a dynamic approach to the burden of proof is traced, formulated by A.Ya. Vyshinsky as “displacement in the known procedural conditions of the obligation of proof”⁹⁴².

The basis of A.Ya. Vyshinsky’s thoughts about the distribution of the burden of proof in the administration of justice in civil cases is formed by the following ideas: firstly, the denial of a formal legal approach to procedural relations; secondly, the absence of a fundamental difference in the distribution of the gravity of proof between the parties to the criminal and civil proceedings; thirdly, the declared feature of Soviet proof, reduced to the fact that, in addition to the parties, the obligation to provide evidence also rests with the court itself.

The last postulate requires procedural activity and initiative of the judiciary. The active role of the court and “the opportunity to go beyond the narrow-legal, formal-dogmatic attitude to the interests of the parties” seemed to A.Ya. Vyshinsky a significant advantage of the Soviet court over the bourgeois counterpart. It was this combination of the rights of the parties and the rights of the court that was recognized as harmonious. The bearer of the Soviet judiciary gained the features of an active, initiative, fair, creative force, acting at the same time by virtue of its official position (*ex officio*). The Soviet civil process did not attach determining and decisive importance to the will and concrete actions of the litigating subjects. The court controlled the orders of the parties. At the same time, according to the apt expression of A.Ya. Vyshinsky, the court should be guided by “not approximate confidence in its rightness, but unconditional, i.e., fully consistent with the circumstances ascertained in the case”⁹⁴³. The Court is not only called upon to actively assist the participants in the process in collecting evidence, but it must also take its own initiative in this, ensuring that evidence is available to it. However, one cannot ignore, as A.Ya. Vyshinsky wrote, that the court works in conditions that make it necessary confine itself to establishing the most significant (and not all and any) circumstances of this case, determining the maximum likelihood of certain facts that are subject to judicial evaluation.

The reasoning of A.Ya. Vyshinsky is supported by a reference to paragraph 11 of the program of the CPSU (b), which emphasizes that judges “are called upon to carry out the will of the proletariat by applying its decrees, and in the absence of such or their incompleteness be guided by socialist legal consciousness”. Thus, the possibility of seeking any evidence and going beyond the limits of the claims in a court decision was justified.

⁹⁴² Vyshinsky A.Ya. *Theory of forensic evidence in Soviet law*. Institute of law of the Academy of Sciences of the USSR. – Moscow: Yurid. pub., 1954. – P. 165.

⁹⁴³ *Ibid.* – P. 169.

A.Ya. Vyshinsky paid special attention to the underestimation of the subjective beginnings and the role of the judge not only as a person, but also as the bearer of certain sociopolitical ideals. Errors in the sharing of the burden of proof according to the author's thoughts stemmed from a misunderstanding of the question of the relationship between the judge's inner conviction and "objective phenomena that the court deals with as evidence"⁹⁴⁴. It is noteworthy that such errors are determined, according to A.Ya. Vyshinsky, by a wrong understanding of the epistemological problem of cognition itself, which raises the question of absolute and relative truth, the problem of objective and subjective in cognition. The theoretical basis of objective truth of judicial decisions was the Marxist-Leninist theory of knowledge and only on the basis of it could the questions of the possibility of knowing the facts of the case be resolved, as well as the nature of the truth, which is proclaimed by a judicial decision. According to the ideas of A.Ya. Vyshinsky, "true justice" and "true court" sought to establish material truth in the most complete and exhaustive form⁹⁴⁵. Contemporaries assessed such formulations as clear, with exhaustive completeness reflecting the essence and the role of the Soviet court and the Soviet procedural law.

In his writings, A.Ya. Vyshinsky explores as sources of Soviet civil procedural law, containing provisions on the evidentiary burden not only the CPC of the RSFSR, but also the codes of the Union republics. He writes that all of them, despite the certain peculiarities of the organization of judicial institutions, as well as the existing differences in the provisions governing judicial procedures, are built in accordance with the principles of the Soviet judicial system and proletarian justice, although expressed in different ways, "and in other cases with damage to the completeness and correctness of the definitions given by these "Regulations"⁹⁴⁶.

A.Ya. Vyshinsky, analyzing the initial beginnings of the civil process, points to such an advantage as the absence of "pure" adversarial over bourgeois proceedings. And this idea was not original – author's contemporaries noted to him that "the so-called adversarial and dispositive of the civil process" make it unattainable "to find material truth, that is, truth corresponding to the materials of the case"⁹⁴⁷. A.G. Goikhbarg rather delicately opposed the Soviet process to the bourgeois, emphasizing the "vitality" of the first, where the court is free and obliged to defend

⁹⁴⁴ Vyshinsky A.Ya. The problem of evaluating evidence in Soviet criminal proceedings // Socialist legality. – 1936. – No. 7. – P. 21.

⁹⁴⁵ Vyshinsky A.Ya. To the situation on the front of legal theory. – Moscow: Yurid. Publishing House of the NKU of the USSR, 1937. – P. 39.

⁹⁴⁶ Vyshinsky A.Ya. Marxist-Leninist doctrine of the court and the Soviet judicial system. Essay No. 2. – Moscow: Soviet legislation, 1934. – P. 38.

⁹⁴⁷ Seider N.B. The legal nature of recognition in civil proceedings // Bulletin of Soviet Justice. – 1926. – No. 11. – P. 430.

actual and real rights and interests⁹⁴⁸. It should be noted that the essence and content of the principles of Soviet civil proceedings were determined by a system of social relations, in which their consolidation and development took place and sometimes were interpreted by scientists very peculiarly (especially, in comparison with the principles of the same name of bourgeois legal systems)⁹⁴⁹.

Soviet dispositivity, implying a lack of antagonistic character between the economic interests of the socialist State, socialist organizations, workers, peasants and the labor intelligentsia, which are defended in the courts, laid the real potential for activity shown by the parties to the court in providing evidence confirming their position. The Soviet State, represented by judges, was supposed to assist (and even provide) in the use of the opportunities given by the procedural law.

Adversarial (according to A.Ya. Vyshinsky) is one of the “principles of that judicial democracy, which cannot but embody the very features and peculiarities that all Soviet socialist democracy embodies... This is the right to defend one’s point of view, to prove one’s right...”⁹⁵⁰. This principle was understood as giving the opportunity to the subjects of the process to defend their claims before the court by proving the facts permitted by law, expressing their point of view, and emphasizing the active and leading role of the judge himself. Each party was given the opportunity to make allegations about facts of relevance to the case, to prove the correctness of their allegations. The parties could enter into a dispute not only on the issue of mutual rights and obligations, but also on the factual side of the case.

The essence of the solution to the problem of the distribution of the evidentiary burden was directly related to the initial principles of building a trial in civil cases, directly arising from the provisions of the civil procedural law of that time. The organic connection of the historical forms and features of the development of the process itself with the system of the distribution of evidence was illustrated by A.Ya. Vyshinsky with a comparative characteristic of this procedural institute in Soviet and bourgeois proceedings. The advantage of the Soviet process was called the “correct” distribution between the parties of duties that relate to references on the circumstances of the case and their proof.

Thus, according to Art. 5 of the Civil Code of the RSFSR, the court should help clarify the circumstances essential for resolving the case and confirm their evidence, providing active assistance to workers who turn to the court to protect their rights and legitimate interests, so that legal ignorance, illiteracy and similar circumstances cannot be used to harm them. Article 76 of the Code of Civil

⁹⁴⁸ Goikhbarg A.G. Civil Process Course. – Moscow-Leningrad: State Publishing House, 1928. – P. 100-103.

⁹⁴⁹ Yudelson K.S. Soviet civil process. – Moscow: State Publishing House of Legal Literature, 1956. – P. 39-45, 49-50.

⁹⁵⁰ Vyshinsky A.Ya. To the situation on the front of legal theory. – Moscow: Yurid. Publishing House of the NKU of the USSR, 1937. – P. 40.

Procedure of the RSFSR cited mandatory elements of the claim, including a statement of the circumstances underlying the claim and an indication of evidence confirming the claim. Article 80 of the Code of Civil Procedure of the RSFSR obliged the court to carry out a number of actions for the preliminary preparation of the case, including finding out from the plaintiff at the time of filing a statement of claim what objections could be made by the defendant in this lawsuit, and offering to provide the necessary evidence to confirm the claim.

According to A.Ya. Vyshinsky, these articles already indicate with sufficient certainty who and in what order should submit evidence in the case and who, therefore, is responsible for proof. However, the CPC of the RSFSR also contained an article specifically stipulating the distribution of the evidentiary burden – Article 118. Its provisions boiled down to the fact that each party had to prove the circumstances to which it referred as the basis for its claims and objections. The plaintiff proves the circumstances to which he refers as the basis of his claims, being obliged to invoke evidence in the statement of claim, the defendant proves the facts that are part of his objections to the claim. The civil law of that period also contained a number of references to the distribution of evidentiary duties among the parties (e.g., Art. 118, 403, 404 of the Civil Code of the RSFSR)⁹⁵¹.

In the theory of civil procedure of that period, the principle of the sharing of the evidentiary burden between the plaintiff and the defendant implied the need for a differentiated approach to the law-making, law-preventing and law-terminating facts, justifying the range of procedural rights and obligations of the parties. The court was not limited either by the confession of the party, or by the presumptions, or by the scope of the statements of the parties about the facts, it, on its own initiative, could submit for discussion those of them that were relevant to the case, although they were not declared by the parties.

A characteristic feature, as it was already mentioned, was the possibility of presenting evidence not only by the parties, but also collecting it at the initiative of the court. At the same time, if the evidence presented is insufficient, the court may ask the parties to provide additional evidence. The insufficiency of the references of the parties and the procedural material could not be used against them, the activities of the court predetermined the impossibility of the consequences of violating the burden of proof. As K.S. Yudelson wrote: “In the Soviet process, there can be no such case that the case was decided against the party because it failed to refer to the facts substantiating its claims and prove them”⁹⁵². The unproven claim did not

⁹⁵¹ The Civil Code of the RSFSR adopted by the Decree of the All-Russian Central Executive Committee (amended on February 1, 1949) on the Enactment of the Civil Code of RSFSR dated 11 November 1922. SPS “ConsultantPlus” (Accessed on August 23, 2023).

⁹⁵² Yudelson K.S. Soviet civil process. – Moscow: State Publishing House of Legal literature, 1956. – P. 128.

entail an automatic refusal of the claim, and even if the necessary evidence did not exist at all, the court refused to satisfy the claims not due to unproven, but due to the groundlessness of the claim.

Such an active role of the court, as A.Ya. Vyshinsky wrote, guarantees it the opportunity to go beyond the narrow legal, formal dogmatic attitude to the interests of the parties. “By exercising this duty, the Soviet court has a real opportunity to decide the case not only on the basis of what the parties present to the court as evidence, but on the basis of the totality of the circumstances of the case, involving materials that often remain unknown or inaccessible to the interested party”⁹⁵³.

The procedural duties of the court to establish legally significant circumstances, together with the possibility of initiating a case not only by the materially interested person involved, but also by the prosecutor, made it possible to effectively and fully protect the violated rights, as well as to establish the truth material, not legal, truth as a result of the trial. State interference in private law relations was regarded as a sign of the truly socialist democratism of Soviet civil proceedings, and as an element of the dispositivity of the civil process, “harmonically combining the activity of the parties with the activity of the prosecutor, activity and initiative of the Soviet court”⁹⁵⁴. But we must not forget that the court did not become a subject of proof activity, it resolves the dispute, and even being empowered to collect evidence, after all, it does not place the burden of proof on itself.

The CPC of the RSFSR, acting at that time, as A.Ya. Vyshinsky underlined in his work, contrasting its provisions with pre-revolutionary, as well as bourgeois procedural norms, provides the court with a full and wide initiative in the conduct of the trial, in the interrogation of witnesses, experts, in the consideration of written evidence. In addition, in the USSR, the court is not bound, is not limited, is not constrained in the right to ask questions, while neither the volume of questions nor their nature, it is not limited, the limits are determined only by the fact that the questions should be aimed at clarifying (understanding) the actual rights and relationships of litigants. The plaintiff's refusal of the claim, the defendant's recognition of the claim, the reconciliation did not have a mandatory meaning for the court and, based on the circumstances of the case, he could accept them or not. Outstanding procedural scientists considered the considerations and conclusions of A.Ya. Vyshinsky very convincing and fruitful⁹⁵⁵.

Conclusion. Projecting Vyshinsky's views on the burden of proof in the criminal and civil proceedings of the modern period, it is necessary to note the

⁹⁵³ Vyshinsky A.Ya. Theory of forensic evidence in Soviet law. Institute of law of the Academy of Sciences of the USSR. – Moscow: Yurid. Publishing House, 1941. – P. 166.

⁹⁵⁴ Kleinman A.F. Soviet civil process. – Moscow: Publishing House of Moscow University, 1954. – P. 61.

⁹⁵⁵ Ibid. – P. 180.

impossibility of applying a dynamic approach in criminal proceedings to the issues of proving a person's guilt in the committing a crime, based on the current presumption of innocence and the rules of proof of guilt in terms of sharing such burden directly by the legislator. It seems that the current principle of adversarial parties in criminal proceedings, enshrined in Article 15 of the Code of Criminal Procedure of the Russian Federation, to the issues of sharing the burden of proof of the “main fact of proof in criminal proceedings” should be applied only ensuring the presumption of innocence enshrined in Article 49 of the Constitution of the Russian Federation. In such circumstances, the accused cannot be obliged to prove the circumstances on which he or she bases his or her defense, which refute the accusation by analogy with the defendant's proof of the factual circumstances on which he or she bases his or her objection to the statement of claim in the civil proceedings.

Concluding the acquaintance with the palette of views of Academician of the Academy of Sciences of the USSR A.Ya. Vyshinsky on the distribution of the burden of proof in domestic civil proceedings, one cannot fail to notice that the initial position, known since the time of Roman law, about the need for each party to prove the circumstances to which they refer as the basis of their claims and corresponding objections over time has been transformed by changing the content of the principles of adversarial, dispositive and court independence. The modern Code of Civil Procedure of the Russian Federation⁹⁵⁶ presupposes a rather active position of the court, it is still not an outside observer, but an independent, objective and impartial leader of the process, fully assisting the parties in achieving their procedural goals. At the same time, the dynamic model of the burden of proof contributes to the development of subjectivity in the process of establishing factual circumstances and may lead to a decrease in guarantees of adversarial and equal rights of the parties in the administration of justice.

§ 7. Academician V.V. Laptev – the founder of business (economic) law

Introduction. Academician of the Russian Academy of Sciences Vladimir Viktorovich Laptev is a prominent Soviet and Russian scientist, founder, chief theorist and undisputed leader of the domestic school of business (economic) law. Scientific publications of V.V. Laptev (about four hundred ones) are widely known not only in Russia and neighboring countries but also in China, Germany, Great Britain, France, Japan, the USA.

⁹⁵⁶ The Code of Civil Procedure of the Russian Federation No. 138-FL dated 14 November 2002 (amended on July 1, 2021) // Collection of Legislation of the Russian Federation. – November 18, 2002. – No. 46. – Art. 4532.

For conscientious work for the benefit of science and our country's economy, Vladimir Viktorovich was repeatedly honored by state awards of the USSR and the Russian Federation. He was also a laureate of the USSR State Prize in the field of science and technology. For many years of fundamental research in the field of entrepreneurial (economic) law, Vladimir Viktorovich, in 2010, already at the age of 86, became a laureate of the Themis Prize in the nomination "Legal Olympus".

V.V. Laptev successfully combined scientific work with teaching and educational and methodical activity. So, for many years, he headed the Department of Business Law of the Academic Law University at the Institute of State and Law of the Russian Academy of Sciences, lectured, including at universities in Germany, France and the USA.

Before considering the scientific views and theoretical approaches of V.V. Laptev, it is necessary to turn to the personal qualities of this wonderful person with an amazing fate, since his life path is of paramount importance for understanding the character and perseverance of this scientist.

V.V. Laptev was a true Russian intellectual in the full sense of the word. Respect for people, tact, ease of communication, and at the same time objectivity in assessments, integrity and even rigidity in bold decisions, when it was necessary to defend one's position and prove the truth – these are its character features, which it is advisable to strive for people who have devoted themselves to science. He never portrayed himself as a classic of legal thought at scientific forums, although this is how one can designate his worthy place in the areopagus of prominent Russian lawyers.

Vladimir Viktorovich was distinguished by his unique fitness for work and ability to submit material without vitriolic formulations (foreign terms and sayings cited by individual authors in season and out of season; they only clog the purity of scientific thought), as only a person who has reached the heights of science can speak convincingly, simply and understandably to any person.

The highest erudition and superb memory of Vladimir Viktorovich were surprisingly combined with a subtle sense of humor. He always had historical jokes, Russian and foreign folklore to the place. The wonderful hospitable family of Vladimir Viktorovich, which deserves a separate narrative, has always been his most important value and support.

The purpose of this article is to try to determine the significance of V.V. Laptev's scientific legacy in the context of the changing paradigm of legal support of the economy.

Main research. V.V. Laptev was born on April 28, 1924, and the Great Patriotic War most directly affected his fate. He left to fight at the age of 17 as a volunteer. In 1943, his artillery squad was shot with a fascist shell on the Kursk Bulge. The whole squad died, and Vladimir Viktorovich was barely rescued. By a happy

coincidence, one found him miraculously survived, seriously injured, and he was delivered to the first aid outpost on time.

It is crucial to note here that front-line hardening, overcoming the consequences of injury to a large extent more than once allowed Vladimir Viktorovich to successfully overcome the most potent resistance of scientific opponents, including the concept of economic law.

After demobilization in 1944, V.V. Laptev entered the law faculty of the Institute of Foreign Trade of the USSR Ministry of Foreign Trade, which he graduated with honors in 1949. Even before entering the university, working as a turner at the Dynamo Moscow plant, Vladimir Viktorovich independently mastered the German language, and, by the end of his studies, he already knew French and English. Fluency in foreign languages allowed him to use the comparative-legal research method in his works effectively.

Through the Main Administration of Soviet Property Abroad created to dispose of the property acquired by the USSR based on “occupation law” after World War II in Germany and the countries allied with it, V.V. Laptev was assigned to work in Germany. The work of a practicing lawyer contributed to the fact that Vladimir Viktorovich turned to the theoretical aspects of legal support for the activities of economic entities.

As the supporter and associate of V.V. Laptev, academician of the National Academy of Sciences of Ukraine V.K. Mamutov rightly noted, the practical significance of the theory of economic law led to the fact that lawyers with practical experience in the national economy became its supporters. In the ranks of opponents were, as a rule, lawyers who did not pass the school of legal practice. The need for codification of economic legislation was felt in practice⁹⁵⁷.

It was as a result of a successful combination of practice and theory that V.V. Laptev prepared and in 1954 successfully defended at the All-Union Institute of Legal Sciences of the Ministry of Justice of the USSR a dissertation for the degree of Candidate of Sciences in Law on the topic “Legal regulation of the organization and activities of people’s enterprises in the German Democratic Republic”.

All further scientific activities of V.V. Laptev are connected with the Institute of State and Law of the USSR Academy of Sciences and then with that one of the Russian Academy of Sciences. At this Institute, he began work in 1955, and a few years later he headed the sector of economic law and legal challenges of industrial management.

⁹⁵⁷ Mamutov V.K. Academician V.V. Laptev – leader of the Soviet school of economic law // The life devoted to science. In memory of Academician V.V. Laptev. – Moscow: YUNITI-DANA, 2013. – P. 110-135.

Since then, the lifetime endeavor of V.V. Laptev has been the revival and development of the science of economic law, which, given historical experience, was already quite brave and even risky.

The theory of economic law (Wirtschaftsrecht) originated and received its justification in Germany at the beginning of the 20th century. The greatest contribution to the science of economic law in Germany and Europe was made by Professor Justus Wilhelm Hedemann (1878-1963). It was Ju.W. Hedemann who founded the famous association “Law and Economy” and, as a result, established a new educational discipline “Economic Law”. Linking law and economics in his works, Ju.W. Hedemann created in Europe a whole scientific school of economic law. In 1922, he published two fundamental works: *Fundamentals of Economic Law* and *Transformation of the Concept of Property*⁹⁵⁸, in which, in particular, for the first time applied the concept of “economic efficiency” to characterize the processes taking place in the economic sector and invariably reflected in law. Economic efficiency, as a concept of Ju. W. Hedemann is characterized by extreme tension, unprecedented continuity of work, mobility, change of phenomena, the idea of maximizing the use of any provisions. Thus, Ju.W. Hedemann, in essence, approached the category of rational management as the goal of economic law⁹⁵⁹. It is noteworthy that in the future in the USSR, the provision of rational economic management was indicated as the goal of domestic economic law⁹⁶⁰. Such a goal fits well with modern business law.

Turning to the history of the question, one can find that economic law, not without the influence of the work of Ju.W. Hedemann, broke its way during the era of post-revolutionary Russia. The first theory of economic law on domestic grounds was the “two-sector theory”, the founder of which is P.I. Stučka (1865–1932), who distinguished two different sectors in the economy – private and socialist ones, which have precisely the opposite prospects: the first, in his opinion, is doomed to die off, and the second is fully developed and should take the undivided dominant position⁹⁶¹.

In the theory of P.I. Stučka, the role and need for the further development of civil law was denied, which could not have been different under the conditions of the then-new economic policy. The very idea of special sectoral regulation of economic relations deserved attention and had practical and theoretical prospects.

⁹⁵⁸ Shishkin S.N. Ju.W. Hedemann and the formation of domestic economic law // *Biznes, menedzhment i pravo*. – 2017. – No. 3-4 (38). – P. 22.

⁹⁵⁹ *Ibid.* – P. 22-23.

⁹⁶⁰ Laptev V.V., Malein N.S., Abova T.E. and others. *Business Law: Textbook*. – Moscow: Iurid. lit., 1983. – 528 p.

⁹⁶¹ Stučka P.I. *Soviet Civil Law Course*. In 3 vol. Vol. 3. – Moscow: Kommunisticheskaia akademiia, 1931. – 206 p.

The denial of the role of civil law, however, did not affect the fate of P.I. Stučka, which cannot be said about the fate of the founders of the second theory – the theory of a unified economic law – E.B. Pashukanis (1891-1937) and L.Ya. Gintsburg (1901-1976), who justified the need to form economic law as a special branch of Soviet law, developed proposals to strengthen the rule of law in economic activity, establish legal principles in the economy, which in the mid-30s of the 20th century no longer fit into the formed command-administrative system⁹⁶². The thesis that economic law is a special form of the proletarian state's policy in organizing economic management and establishing economic relations did not help them either.

The erroneous idea of the founders of the theory of the unified economic law theory that the regulation of all relations with the participation of citizens should be concentrated within the framework of economic law finally decided their fate in the conditions of political terror that had begun at that time. With the active and direct participation of Academician A.Ya. Vyshinsky, the theory of the unified economic law was rejected and declared harmful, and its supporters were repressed. Moreover, E.B. Pashukanis was executed. The official pretext was found very “successfully” – the defense of Soviet civil law.

The theoretical justifications of A.Ya. Vyshinsky made at a meeting on the science of Soviet law in July 1938 speak for themselves: “Until recently, Soviet civil law, as a special legal discipline, did not exist because of the harmful work of the enemies of the people, who eliminated civil law and put in its place the so-called “economic law”, which is a mixture of Trotsky-Bukharin fabrications in the field of law connected with techniques directly borrowed from the most reactionary bourgeois lawyers”⁹⁶³.

Apparently, in these words, there was a hint of the theory of Ju.W. Hedemann. Years later, when the founders of the third school of economic law referred to the work of Ju.W. Hedemann, they were immediately also accused of “sliding” to bourgeois ideology⁹⁶⁴.

Rolf Knieper, Professor at the University of Bremen, for example, described the place of economic law: “The origins of the school of the mixed economic law, somehow, trace back in opinions, common in the 1920s in German and French literature, and which later received a particular significance during fascism in

⁹⁶² Gintsburg L.Ya., Pashukanis E.B. Course of Soviet Economic Law. In 2 vols. Vol. I. – Moscow: Sotsekgiz, 1935. – 488 p.

⁹⁶³ Vyshinsky A.Ya. The main tasks of the science of Soviet socialist law: Report at the I Meeting on the Science of the Soviet State and Law (July 16–19, 1938) // Vserossiiskii nauchnyi zhurnal “Voprosy pravovedeniia”. – 2009. – No. 1. – P. 191-284.

⁹⁶⁴ Shishkin S.N. Ju.W. Hedemann and the formation of domestic economic law // Biznes, menedzhment i pravo. – 2017. – No. 3-4 (38). – P. 22-27.

Germany. However, legislative attempts at that time to create relevant laws failed, and at the end of fascism they were finally rejected”⁹⁶⁵.

Generally, after reprisals with the theory of the unified economic law, a decision was established for many years to regulate economic relations in the branches of civil and administrative law.

There is another interpretation of such reprisals as the “overcoming” of the theory of the unified economic law. In particular, it is a question of the fact that this theory prevailed only for a while, and this situation remained until 1938, when a meeting of scholars in the field of law rejected the concept of economic law⁹⁶⁶.

It seems that scientific theories in the civilized society should not be rejected and overcome with the help of physical killings adapted to current criminal legislation.

Despite very negative assessments of the theory of economic law, the Soviet soldier – the winner in the war with fascist Germany – V.V. Laptev began its revival in new historical conditions, after the Twentieth Congress of the Communist Party of the Soviet Union, during the so-called “thaw” and subsequent, albeit not consecutive, economic reforms. One can state: from the beginning of the 60s of the 20th century, the third theory of economic law received its formation and development, the concept of which, in addition to V.V. Laptev, was also presented in the works of V.K. Mamutov, V.S. Martem'yanov, T.E. Abova, A.G. Bykov, V.K. Andreev and others.

In 1964, V.V. Laptev defended the dissertation at the Institute of State and Law of the USSR Academy of Sciences for the degree of Doctor of Sciences in Law on the topic “The Legal Situation of State Industrial Enterprises in the USSR”. The defense of the dissertation was preceded by the publication in 1963 of a monograph of the same name, in which, in particular, the characteristics of the enterprise as a subject of law were determined. The monograph emphasizes that it would be wrong to reduce the concept of an enterprise as a subject of law to the concept of a legal entity, since the enterprise enters not only into property relations regulated by civil law but also into many other legal relations. This indicates that the enterprise is a specific subject of law⁹⁶⁷. Thus, following this monograph, the enterprise is a subject of horizontal and vertical economic relations, which is also relevant at present.

The fundamental work of V.V. Laptev in the field of economic law is *The Subject and System of Economic Law* – the monograph published in 1969. As

⁹⁶⁵ Knieper R. Skeptical comments on the need to develop an Economic Code // Rossiiskoe pravo. – 2011. – No. 6 (77). – P. 34-37.

⁹⁶⁶ Ioffe O.S. Selected works on civil law: From the history of civilistic thought. Civil legal relationship. Criticism of the theory of “economic law”. Fourth edition. – Moscow: Statut, 2020. – 782 p.

⁹⁶⁷ Laptev V.V. Business (economic) law. Selected works (Classics of economic-legal thought). – Yekaterinburg: Biznes, menedzhment i pravo, 2008. – 536 p.

Professor S.S. Zankovsky noted, the significance of this monograph is difficult to overestimate, and now it serves as almost the only source by which legal scholars study the history of the formation of the economic-legal concept⁹⁶⁸.

The monograph also concluded that the usual division of economic relations into administrative and civil ones, which developed before the economic reform of the 60s of the 20th century, does not correspond to the new economic conditions. Modern management problems can be solved only with a legal-economic approach. It is about creating an independent branch of economic law, adequate for a new economic system.

One of the fundamental conclusions made by V.V. Laptev in the monograph of 1969 is that relations on the management and implementation of the economic activities of the enterprise and relations between the enterprises themselves become fundamentally homogeneous (single) economic ones⁹⁶⁹. The differences between them are specific ones that exist within a single generic concept of economic relations. Among the fundamental provisions of the 1969 monograph, it can be noted, among other things, that it is not necessary at all for one of the methods of the branch of law to be decisive, since there are branches of law where different methods of regulation are applied based on “equality.” Such branches include business law, which applies: the method of submission, the method of coordination and the method of recommendations⁹⁷⁰.

Referring to the principle of legality as one of the principles of economic law, V.V. Laptev noted that representatives of civil law science saw the guarantee of legality in economic relations horizontally in a clear separation from vertical relations⁹⁷¹. However, this is not the case since the violation of the rights of an enterprise by a higher authority inevitably affects the enterprise’s relationship with other enterprises. Due to the close relationship between horizontal and vertical relations, the rule of law should be strengthened in both respects⁹⁷².

The ideas laid down in the 1969 monograph by V.V. Laptev were further developed in *Theoretical Problems of Economic Law* – the collective monograph of the Economic Law Sector of the Institute of State and Law of the USSR Academy of Sciences published under his editorship in 1975, as well as in such collective monographs as: *Economic Law. General Provisions* (1983), *Economic Law. Legal*

⁹⁶⁸ Zankovsky S.S. “Preface”. Laptev V.V. Business (economic) law. Selected works (Classics of economic-legal thought). – Yekaterinburg: Biznes, menedzhment i pravo, 2008. – 536 p.

⁹⁶⁹ Laptev V.V. Business (economic) law. Selected works (Classics of economic-legal thought). – Yekaterinburg: Biznes, menedzhment i pravo, 2008. – P. 32.

⁹⁷⁰ Ibid. – P. 57.

⁹⁷¹ Bratus' S.N. Subject and system of Soviet civil law. – Moscow: Gosiurizdat, 1963. – 197 p.

⁹⁷² Laptev V.V. Business (economic) law. Selected works (Classics of economic-legal thought). – Yekaterinburg: Biznes, menedzhment i pravo, 2008. – P. 77.

regulation of functional activities in the socialist economy (1986), *Strengthening of the rule of law in economic relations and state arbitration* (1989).

In 1978, V.V. Laptev's monograph *The Legal Status of Industrial and Manufacturing Associations* dedicated to issues of economic legal personality was published. In the monograph, Vladimir Viktorovich established seven signs of unification and, based on them, presented the definition of the association as a single production and economic complex consisting of enterprises, manufacturing units and other organizations that combine planning, organizational and production and economic functions in their activities based on specialization and co-operation of production combining science with production, having economic competence directly or in the person of its governing body, having the property necessary for its activities and operating based on economic accounting⁹⁷³.

Addressing the legal nature of an industrial association, V.V. Laptev notes that the economic unity of the production and economic complex of an industrial association is not enough to be recognized as a subject of law, but requires a different legal interpretation, the creation of a new economic and legal institution, which is an economic system in which the economic integration of its constituent links is not so great that the system as a whole can be an independent subject of law⁹⁷⁴.

One should especially note the role of V.V. Laptev in developing the draft legislative acts designed to streamline the regulatory framework for regulating economic relations, expand the rights of economic entities, and mitigate the consequences of the use of command-administrative management forms. However, the draft economic code prepared in those years, aimed at introducing legality into economic management, was rejected by the bureaucratic machine with the active support of civilistic science⁹⁷⁵.

The arguments of opponents of the adoption of the economic code were roughly reduced to the fact that all previous civil legislation expresses the idea of the unity of regulation of all property relations. The economy of the USSR is united, and all economic life in the country determines and directs national economic planning.

In general, economic legislation in the USSR was presented almost entirely by by-laws, and the adoption of the code as an act of supreme legal force went against this tradition, which allowed the authorities to manage the economy in a "manual" mode⁹⁷⁶.

⁹⁷³ Laptev V.V. Business (economic) law. Selected works (Classics of economic-legal thought). – Yekaterinburg: Biznes, menedzhment i pravo, 2008. – P. 428.

⁹⁷⁴ Ibid. – P. 438.

⁹⁷⁵ Laptev V.V. Challenges in improving business legislation // Legal regulation of business activity / Ed. by Academician V.V. Laptev. – Moscow: Institut gosudarstva i prava RAN, 1995. – 95 p.

⁹⁷⁶ Zankovsky S.S., Mikhailov N.I., Kleandrov M.I. and others. Business (economic) law in the

Responding to “meaningless” and “untenable” criticism of the economic law concept as generated by command economy and conducting the results of its development in the planned economy, V.V. Laptev rightly noted that the meaning of the concept of economic law was not to support command-administrative forms of management, but on the contrary, to replace administrative methods with economic ones. Of course, it was challenging to do this under the 1961 Fundamentals of Civil Law, which proceeded from the absolute priority of the administrative act over the contract, which created favorable conditions for administration in the economy⁹⁷⁷.

However, the proposals of proponents of economic law were nevertheless taken into account both in legislation and law enforcement, despite the repeated refusals by the legislator to adopt a systemically important normative legal act.

In general, one should note that the third school of economic law, which has developed provisions on an economic contract in general and on a vertical economic contract in particular, on economic accounting, on the liability of higher economic bodies to enterprises, even in the context of the command-administrative system, unlike other branch legal sciences, was characterized by progressive views, since it defended the ideas of improving the legal regulation of the economy in order to expand the rights of economic entities, including the challenging of acts of state bodies by enterprises, recovery of losses from incompetent interference in the activities of enterprises. Many of these ideas entered into the current Russian legislation for granted. This applies, for example, to responsibility without guilt in horizontal economic relations⁹⁷⁸, now enshrined in Article 401 of the Civil Code of the Russian Federation, although, at the time (in the 70s of the 20th century), lots of criticism poured out on the authors of this proposal⁹⁷⁹.

The transition to a market economy required a certain revision of the concept of economic law, more precisely, its adaptation to new economic conditions, since the very idea of special regulation of economic activity has not lost its relevance.

Economic law becomes the law of entrepreneurial activity and that one of market economy⁹⁸⁰. In this formulation, V.V. Laptev has a deep meaning: business law does not appear from scratch but is the successor to economic law. Much is changing, including the subject composition of the branch, given the emergence of

21st century: origins and prospects: a mono-graph. – Moscow: Prospekt, 2018. – 672 p.

⁹⁷⁷ Laptev V.V. Challenges in improving business legislation // Legal regulation of business activity / Ed. by Academician V.V. Laptev. – Moscow: Institut gosudarstva i prava RAN, 1995. – 95 p.

⁹⁷⁸ Shor L.M. Improvement of contractual-legal relations in the field of procurement // Sovetskoe gosudarstvo i pravo. – 1973. – No. 1. – P. 43-52.

⁹⁷⁹ Bratus' S.N. Legal responsibility and legality. – Moscow: Iuridicheskaja literatura, 1976. – 215 p.

⁹⁸⁰ Laptev V.V. Challenges in improving business legislation // Legal regulation of business activity / Ed. by Academician V.V. Laptev. – Moscow: Institut gosudarstva i prava RAN, 1995. – 95 p.

commercial organizations and individual entrepreneurs; principles and much more are fundamentally changing. However, the three classical methods of legal regulation change only partially: for example, the method of submission is replaced by the method of mandatory prescriptions, and the method of harmonization and the method of recommendations remain. Of course, all three methods are filled with new content that is adequate for a market economy. In addition, one can observe how vertical, horizontal and intra-economic ties, which constituted the subject of economic law in the conditions of the command economy, become eponymous relations that are part of the subject of business law.

Thus, the modern science of business law is the successor to the science of economic law, and the academician of the Russian Academy of Sciences V.V. Laptev took an active part in its doctrinal design. During the period of formation and development of a market economy, a number of his fundamental works were published: *Business Law: Meaning and Subjects* (1997), *Company Law* (1999), *Subjects of Business Law* (2003). In 2006, under the direct supervision of V.V. Laptev, a textbook (in fact, the monograph) *Business (economic) law* was published, and Vladimir Viktorovich wrote its nine chapters. V.V. Laptev paid particular attention to the essential foundations of business (economic) law as an independent branch of law, such as the subject, method, principles, sources, subjects.

For example, according to the fair comment of V.V. Laptev, company law is a complex, extensive institution of business (economic) law, and in this sense, company law is subject to the provisions on principles, scope, methods of regulation and subjects of business law⁹⁸¹.

The monograph *Business (economic) law and the real sector of the economy* published in 2010 can be considered a scientific testament of V.V. Laptev.

Based on the content of this work, one can clearly see that V.V. Laptev always went not only in step with the times but also foresaw further prospects for the development of business law.

Thus, Vladimir Viktorovich showed a concrete prospect of the development of intra-business ties in corporate enterprises, in their connection with corporate relations at the present stage and concluded that it is necessary to further develop the concept of the legal organization of intra-business ties, which developed in the 60s of the last century, when there were no corporate enterprises in the industrial sector of our country. In the current conditions, intra-business ties in corporate enterprises should be considered as relations of two types: the first ones are intra-business (between divisions as well as between them and the enterprise as a whole in the implementation and organization of production and economic activities); the second ones are intra-corporate (between the participants of the enterprise and the

⁹⁸¹ Laptev V.V. *Company Law*. – Moscow: Iuridicheskaja firma “Kontrakt”; INFRA-M, 1999. – 254 p.

enterprise as a whole, as well as between the participants themselves) they are related to the exercise of the rights to manage the enterprise and dispose of its property⁹⁸².

When asked whether it was appropriate to draw a parallel between the economic concepts related to the planned and market economy, V.V. Laptev answered in his works that the comparison and taking into account the experience of regulating economic activities in the conditions of the planned economy are quite acceptable and useful, when it comes to not the command-administrative or market basis of economic activities, but the issues of professional and efficient economic management, labor productivity, sustainability⁹⁸³. Thus, in this thesis, the main guidelines for the continuity of the modern concept of business law are clearly formulated.

Radical measures to improve the legal regulation of the economy can be based only on a combination of private law and public law principles, which does not fit into traditional civilistic ideas⁹⁸⁴.

According to V.V. Laptev, the development and adoption of a business (economic) code or other generalizing law on the regulation of business (economic) relations is a promising strategic task for legal science and for Russia. However, this task cannot be solved quickly in the conditions prevailing in our country. Now, it is of great importance to develop laws of the “second level,” regulating individual, most important issues of business (economic) activity. They may include the law on state regulation of business (economic) activities, regulating economic relations vertically⁹⁸⁵.

Within the framework of the raised topic, the phrase “conditions prevailing in our country” most likely should be understood as opposition to the adoption of the business code by certain scientific circles of civilistic law. Surely, now there is no and cannot be persecution of scientific thought, nevertheless, attempts to “obscure” the concept of business (economic) law do not stop.

Here it will be appropriate to recall that it was thanks to the intervention of V.V. Laptev that business law did not completely disappear from the nomenclature of scientific specialties, although it turned out to be part of the private law sciences, which caused specific difficulties in studying public legal problems of regulating business. Vladimir Viktorovich actively took part in overcoming such difficulties.

Our colleagues in the Eurasian Economic Union in the Republic of Kazakhstan, for example, overcame the powerful resistance of opponents of the concept of

⁹⁸² Laptev V.V. Business (economic) law and the real sector of the economy. – Moscow: Infotropik Media, 2010. – P. 75.

⁹⁸³ Ibid. – P. 3-4.

⁹⁸⁴ Ibid. – P. 15.

⁹⁸⁵ Laptev V.V. “Preface”. *Predprinimatel'skoe pravo. Prilozhenie // Biznes i pravo v Rossii i za rubezhom.* – 2010. – No. 3. – P. 2-3.

business law. In 2015, the Entrepreneurial Code of the Republic of Kazakhstan was finally adopted. One of the Code developers is Professor V.S. Belykh, Head of the Department of Business Law of the Ural State Law University, the head and ideologist of the Ural School of Business (Economic) Law.

As an example of the argumentation of opponents of the adoption of an appropriate normative legal act in our day, it is quite appropriate to cite the following thesis: “In fact, proposals for the creation of an economic (business) or trade (commercial) code are often aimed at realizing personal ambitions, because the presence of a whole "own" code can become the basis not so much for the theoretical separation of a new branch of law, but for the subsequent creation or justification of an existing "organizational-scientific" unit in the form of an appropriate department, sector or office”⁹⁸⁶.

One can answer to such a thesis in the following way: it was scientific courage and a particular risk, and not personal ambitions, that accompanied the fact that V.V. Laptev had created a scientific school, which for the first time in legal science had formulated a model for the legal regulation of social ties arising from the synthesis of “horizontal,” “vertical” and intra-economic relations⁹⁸⁷.

The argument of opponents of the concept of business law that the difference in the nature of the public law and private law ties related to business conduct excludes the creation of general legal norms is far from new, but maybe more scientific⁹⁸⁸. Regarding such an argument, V.V. Laptev repeatedly noted the fundamental homogeneity of horizontal and vertical business (economic) relations since both are related to business activity. It is on the basis of the optimal combination of private law and public law principles that rules for the implementation and regulation of business activity can be determined in organic unity in business law. This is the only way to achieve the necessary synergy urgently needed for this area of legal regulation.

Cognitive delineation of the interrelated horizontal and vertical business ties is unlikely to reveal their interdependence and, as a result, to simulate the desired legal regulation.

As for the correlation and interrelation between civil and business law, there is not and should not be a Chinese wall. For example, traditionally, following the science of business law, transactions of entrepreneurs and consumers of their goods, works and services refer to the territory of civil law. Our sciences should be in a state of creative cooperation and mutual enrichment of civilistic and economic-

⁹⁸⁶ Yakovlev V.F., Makovsky A.L., Sukhanov E.A., Piskov I.P. Once again on business law // Business Code as a tool for the collapse of the legal system of Kazakhstan: a collection of articles / Ed. by M.K. Suleimenov. – Almaty: Kaspiiskii obshchestvennyi universitet, 2011. – P. 42.

⁹⁸⁷ Belykh V.S. Legal regulation of business activity in Russia: a monograph. – Moscow: Prospekt, 2011. – 430 p.

⁹⁸⁸ Yakovlev V.F., Makovsky A.L., Sukhanov E.A., Piskov I.P. Op. cit. – P. 33.

legal doctrines. Civil law certainly contributes to improving the regulation of horizontal business relations⁹⁸⁹.

However, the need for special branch regulation of business relations to guarantee the rights of business entities does not lose its relevance, especially in the face of global problems and challenges facing humanity and irreversibly changing the world. The Long-Term Program of Fundamental Scientific Research in the Russian Federation (2021-2030) approved by the Order No. 3684-r of the Government of the Russian Federation dated 21 December 2020⁹⁹⁰ confirms this conclusion. One of the crucial tasks of the Program is the further development of business law based on the ideas of corporate law.

In addition, one of the promising directions for the further development of the concept of business (economic) law is the legal provision of the digital economy, by which the Strategy for the Development of the Information Society in the Russian Federation for 2017-2030 approved by the Decree No. 203 of the President of the Russian Federation dated 9 May 2017 refers to economic activity⁹⁹¹.

Until the end of his days, V.V. Laptev was convinced that the economic-legal concept would continue to break its way. The theoretical justification for the need for the proper unified regulation of horizontal and vertical business relations and the development of concrete, practical proposals in this regard has been and remains the task of the science of business law.

Numerous students of V.V. Laptev are proud that their scientific mentor was a wonderful person and a prominent scientist – Vladimir Viktorovich Laptev. The continuity and development of the science of business law are adequately ensured by scientists in the business and corporate law sector of the Institute of State and Law of the Russian Academy of Sciences, departments of business law of Lomonosov Moscow State University, Kutafin Moscow State Law University (MSAL), Ural State Law University and other leading departments and scientific centers of the country.

Conclusion. Academician of the Russian Academy of Sciences V.V. Laptev, who devoted all his scientific activities to forming and developing domestic science of economic and then business law, made a significant contribution to legal science in general. His works are of great importance for both private law and public law sciences.

V.V. Laptev took a particular risk and showed scientific courage, embarking, at one time, on the revival of the theory of economic law, the founders of which were repressed.

⁹⁸⁹ Shishkin S.N. The science of business law: continuity and development // Problemy zashhity prav: istorija i sovremennost': materialy XIV mezhdunar. nauch.-prakt. konf., 17 oktjabrja 2019 g. / otv. red. E.B. Gogolevskaja. – St. Petersburg: LGU im. A.S. Pushkina, 2020. – P. 57-62.

⁹⁹⁰ Sobranie zakonodatel'stva RF. – 2021. – No 3. – Art. 609.

⁹⁹¹ Sobranie zakonodatel'stva RF. – 2017. – No. 20. – Art. 290.

Under the leadership of V.V. Laptev, proposals were repeatedly put forward for a radical change and improvement of the current legislation in regulating economic relations.

The rationale and advocacy of the need for the unified regulation of private law and public law business relations to guarantee business entities' rights is one of the main ideas of V.V. Laptev's scientific work, which is not only theoretical but not least applied. Starting his work biography with practical legal work, V.V. Laptev firmly believed in justice and the need to develop the country of his theoretical designs.

Possessing such personal qualities as respectful attitude towards people, tact, Vladimir Viktorovich never allowed himself offensive rhetoric towards opponents of the concept of business (economic) law.

The scientific legacy of V.V. Laptev does not lose its relevance and is systematically developed by his grateful students, including one of the authors of this article. Moreover, his ideas will continue to be mainstreaming and in demand on the way to building an innovative model of economic development and proper legal support for such a model, taking into account the overcoming of various kinds of challenges and crisis phenomena, such as the crisis caused by the COVID-19 pandemic.

§ 8. Scientific heritage of A.M. Nechaeva as a bright representative of the academic school of family law

Introduction. Alexandra Matveevna Nechaeva entered the history of the Russian academic school of family law, the formation and development of Russian family legislation as an outstanding scientist whose scientific ideas and suggestions predetermined the emergence and development of not only individual norms and institutions of family law and legislation, but also the formation of family law as an independent law branch in the system of Russian law.

We should agree with the opinion of A.M. Nechaeva that “direct work on improving the Family Code of the Russian Federation belongs to the prerogative of specialists in the field of family law, taking into account the information they received exercising family law”⁹⁹².

“There are fundamental provisions of the legal regulation of public relations, such as the subject of regulation and the method of regulation. The purpose of regulation can also be added to them. It is well known that the indication of the subject

⁹⁹² Nechaeva A.M. On the issue of improving the Family Code of the Russian Federation // Russian Justice. – 2017. – No. 4. – P. 18.

of regulation in this or that code, which has a different branch affiliation, is intended to streamline existing relations subjected to law. Otherwise, there will be chaos observed now”⁹⁹³. It should be noted that “at the present stage of the family law and family legislation development, there is every reason to revise the boundaries of the subject of family law, in other words, it is necessary to clearly substantiate the needs and possibilities of state intervention in the family law sphere, to determine the real limits of family law regulation”⁹⁹⁴.

The esteemed scientist, consistently developing the academic school of family law in her scientific papers, rightly noted that “the relations included in the subject of regulation of the Family Code of the Russian Federation (hereinafter – FC RF)⁹⁹⁵ do not exist in isolation, since those existing in the family law sphere are complex, more over it means special relations that are autonomous in their own way. That is why they cannot be mixed with others who have their own subject of regulation, which does not exclude their interaction with the FC RF”⁹⁹⁶.

It’s necessary to underline particular relevance of the interaction problem of private and public interests in the sphere where legal equality of legal entities is supposed. Such kind of situation arises, in particular, at the stage of protection of civil rights and the interests of large families.

Main research. Speaking about the family as a legal category, it should be noted that the positions expressed in the scientific literature are ambiguous⁹⁹⁷. We believe that the legal fixing of this common branch term is possible and necessary.

As A.M. Nechaeva rightly and scientifically points out, the family is the basis of material and psychological support for a person, the normal development of children. It was the family that has become such a belated and obvious symbol, that ensures the continuity of cultural heritage, in its depth real social values and norms of behavior are laid and practically realized⁹⁹⁸.

Professor O.Yu. Ilyina, like A.M. Nechaeva, belongs to the outstanding scientists forming the academic school of family law. She rightly points out that the family as a social institution has objectively undergone meaningful changes

⁹⁹³ Ibid. – P. 16-18.

⁹⁹⁴ Levushkin A.N. Theoretical model of building a system of family legislation of CIS member-states: Monograph. – Moscow: YuNITI-DANA; Lex and Law, 2013. – P. 120.

⁹⁹⁵ The Family Code of the Russian Federation No. 223-FL dated 29 December 1995 (amended on July 2, 2021) // *Sobranie zakonodatel'stva RF. – 1996. – No. 1. – Art. 16.*

⁹⁹⁶ Nechaeva A.M. On the issue of improving the Family Code of the Russian Federation // *Russian Justice. – 2017. – No. 4. – P. 17.*

⁹⁹⁷ Tarusina N.N. Family law: in the “orchestration” of sovereignty and judicial discretion: Monograph. – Moscow: Prospect, 2014. – P. 96; Manankova R.P. Explanatory note to the concept of the draft of a new Family Code of the Russian Federation // *Family and housing law. – 2012. – No. 4. – P. 26.*

⁹⁹⁸ Nechaeva A.M. Family law: problems and prospects for development // *State and law. – 1996. – No. 12. – P. 99.*

and transformation, reflected, first of all, in the relationship between family members or persons who consider themselves a family for one reason or another. The mechanism of regulating family relations is characterized by the constant disharmony of private and public interests, with the latter clearly prevailing⁹⁹⁹. This is reflected in the scientific works of representatives of the academic school of family law.

Currently, there is an objective need to develop and justify new directions for improving the system of family legislation of the Russian Federation based on the goals of state family policy and the existing social and legal potential. The tendency to publicize family legislation has been repeatedly marked. This process is determined by the fact that the State is constantly expanding the scope of its interference into the private legal sphere of family relations in order to fulfill the functions of protecting the rights of a citizen and ensuring his private interests in the family legal sphere¹⁰⁰⁰.

In her scientific works, A.M. Nechaeva repeatedly draws attention to the problems of protecting the rights and interests of children in the family. The unfavorable position of children in our society is one of the problems that require special attention and, accordingly, the search for legal ways to resolve them. Thus, more and more there appears necessity to carry out preventive, scheduled, precautionary activity with the family when the rights, the interests of a child of any age are violated. Usually, the danger to him nests behind a closed door. To prevent it, it's important to carry out the so-called preventive intervention, to raise awareness about the situation of minor children in the family. But the point is not only to prevent the danger to the child that arises in the bowels of the family, but it's very important also to preserve the family if there is a threat of its decomposition and disintegration¹⁰⁰¹.

Professor Yu.F. Bepalov, who is also a well-known representative of the academic school of family law, draws attention to the need to preserve and strengthen the Russian family in all its forms, approved by the majority of Russians, society and the state. Ensuring family well-being obviously requires the improvement of the existing socio-legal mechanisms for considering this fundamental phenomenon: state family policy; rulemaking and law enforcement¹⁰⁰². We suppose that this applies fully to large families and other social institutions.

⁹⁹⁹ Ilyina O.Y. Modern Russian family as a contract of simple partnership // Family and housing law. – 2019. – No. 1. – P. 14.

¹⁰⁰⁰ Levushkin A.N. Theoretical model of building a system of family legislation of CIS member-states: Monograph. – Moscow: YuNITI-DANA; Lex and Law, 2013. – P. 16.

¹⁰⁰¹ Nechaeva A.M. The right of access to the family as a prerequisite for protecting the interests of a child // Family and housing law. – 2010. – No. 1. – P. 24.

¹⁰⁰² Bepalov Yu.F. Justice and the Russian family: social and legal aspect // Family and housing law. – 2019. – No. 2. – P. 7.

Considering the socioeconomic function of a large family as the main one, we consider it appropriate to fix the concept of family legally. The family is to be understood as the circle of persons bound by mutual rights and obligations in the field of personal non-property and property relations arising on the basis of kinship, marriage, adoption and other legal facts underlying family legal relations.

According to the fair opinion of A.M. Nechaeva, the family-legal definition of a family should be concise and clear: “A family is a community of persons living together, united by the rights and obligations provided by family legislation”¹⁰⁰³. “And only in exceptional cases provided by law”, the author wrote, “we can talk about persons who for some reason do not live together, for example, close relatives of a child who are liable for alimony”¹⁰⁰⁴.

Thus, the commonality of family life, following the views of A.M. Nechaeva, had as its basis the joint residence of family members, while the cohesion of the family as a team is ensured by the rights and obligations of members of the union, provided by family law.

The family, including that with many children, is the object of legal protection by the state. Professor A.M. Nechaeva devoted her papers to researching the family problems¹⁰⁰⁵.

A.M. Nechaeva understood legal protection as “creating prerequisites, conditions for the realization of law”¹⁰⁰⁶ and truly believed that the legal protection of the family “is implemented using a legal norm fixed in the form of a law”¹⁰⁰⁷, and is carried out thanks to the ensuring and protection of the rights of each of the family members (spouses, parents, children). She noted that the text of the Family Code of the Russian Federation does not contain a list of legal protection ways of the family by the state, since it focuses on family legal protection of family members and participants in family legal relations¹⁰⁰⁸.

In modern Russia, despite an increase in the number of by-laws, various kinds of explanations regarding both the protection of childhood and the protection

¹⁰⁰³ Nechaeva A.M. Family law. – Moscow: Yurist’, 2001. – P. 10; Nechaeva A.M. Family law: topical problems of theory and practice. – Moscow: Yurait, 2007. – P. 91; Nechaeva A.M. Family law: Textbook. – Moscow: Yurait, 2010. – P. 17; Nechaeva A.M. Family Law: Textbook for academic undergraduate studies. – Moscow: Yurait, 2015. – P. 23 et al.

¹⁰⁰⁴ Nechaeva A.M. Family law: topical problems of theory and practice. – Moscow: Yurait, 2007. – P. 91.

¹⁰⁰⁵ Nechaeva A.M. Law and protection of the family by the state. – Moscow: Nauka, 1987. – 182 p.; Nechaeva A.M. Problems of protecting the rights of minors in the Russian Federation: Abstract of the thesis for Dr. of Law. – Moscow: Publishing house Rus, 1995. – 57 p.; Nechaeva A.M. Family law: topical problems of theory and practice. – Moscow: Yurait, 2007. – P. 88-114.

¹⁰⁰⁶ Nechaeva A.M. Family law: topical problems of theory and practice. – Moscow: Yurait, 2007. – P. 99.

¹⁰⁰⁷ Ibid. – P. 108.

¹⁰⁰⁸ Ibid. – P. 103, 108.

of the children rights in the family, the protection of the rights of minors is not properly organized in our country. As A.M. Nechaeva rightly pointed out, “the lack of any order... does not allow us to talk about the existence of a system in the field of both child protection and the protection of the child rights in the family. It is necessary to understand that the FC RF is an important element of this system dictated by the state”¹⁰⁰⁹.

The protection of the rights and legitimate interests of family members is of particular relevance. As previously noted, a special role in the scientific heritage of A.M. Nechaeva is assigned to problems related to the determination of the legal status of a child, the special protection of his rights and interests. In one of her last scientific articles, A.M. Nechaeva rightly and naturally drew attention to the issue of judicial protection of the child family rights, its priority¹⁰¹⁰. Undoubtedly, the family is an important unit, social value in society, the state must ensure the protection of the rights of the large family members, in particular children, at the proper socio-legal level.

Of course, the ideas of A.M. Nechaeva underwent development. At present there is a significant dynamics of family legal regulation in our country, which allows us to talk about new trends in the development of marriage and family legislation, in particular, not only about changing traditional branch institutions, but also about the emergence of new institutions and sub-branches, changing the structure of family legislation, indicating the transformation of its entire system. Significant changes are being made to the content and volume of the sphere of family law regulation. There is a tendency to expand the subject of family law regulation¹⁰¹¹. All this significantly enriches science, forms the ideas of the academic school of family law.

Fundamental importance for society lies in the fact that the existing FC RF is based on classical family values that are accepted by the majority of the multinational population of Russia, passed down from generation to generation. The scientific works of A.M. Nechaeva are based precisely on the proclamation and upholding of the traditional model of the Russian family and the protection of genuine family values, the interests of the most unprotected family members – children.

A.M. Nechaeva pointed out that large families are mostly among the dysfunctional ones in the true sense of the word, where parents drink, do not carry out elementary care for their children, and the state allowance received for

¹⁰⁰⁹ Nechaeva A.M. To the issue of improving the Family Code of the Russian Federation. – P. 18.

¹⁰¹⁰ Nechaeva A.M. Peculiarities of judicial protection of family rights of a child // Russian justice. – 2017. – No. 8. – P. 14-17.

¹⁰¹¹ Levushkin A.N. Reform of family legislation: improving the structure of the Family Code of the Russian Federation and the legal regulation of individual marriage and family relations // Current problems of Russian law. – 2017. – No. 5. – P. 31.

children is spent on alcohol. This kind of situation not only nullifies the legal protection of large families by the state, but stimulates the immoral behavior of parents, leaving children of any age without elementary help, which poses particular danger to young children. Low incomes and a lack of their increase have a negative impact on the economic situation of families, especially with a high dependency burden. With a stable level of wages, even when both parents work and receive their wages at the national average level, families with children are more likely than others to fall below the poverty line. Thus, one of the most important areas of legal protection for the family is its material support, which at present can hardly be called tangible¹⁰¹².

With a proper parental approach to upbringing, children from large families have a more mobile psyche, they are more resistant to stress and better adapt in any social groups.

In the last decade of her life, A.M. Nechaeva devoted a lot of time to activities aimed at improving the family legal regulation of public relations at the level of amending the Family Code of the Russian Federation. In her numerous scientific works, she analyzed the trends in the development of family legal relations, determined the measures taken by the scientific community and law enforcement agencies. The highly respected scientist drew attention to the peculiarities of updating the current FC RF, to the procedure for its modernization, and to critical comments on the text of the draft Concept for improving family legislation.

Undoubtedly true is the statement of Professor A.M. Nechaeva regarding the fact that the work on improving the current FC RF has its own characteristics. Firstly, this work takes place against the background of obvious trouble in the sphere of the family, especially in that part of it that relates to ensuring the right of a child to life and upbringing in the family. Secondly, it is closely related to the specification of the reasons explaining the need to remake this Code¹⁰¹³.

Despite an increase in the number of by-laws, various kinds of explanations regarding both the protection of children and the protection of the rights of a child in a large family, the protection of the rights of minors is not properly organized in our country today. As A.M. Nechaeva rightly pointed out, “the lack of any orderliness ... does not allow us to talk about the existence of a system in the field of both child protection and the protection of a child rights in the family, while the understanding that the FC RF is an important element of this system dictated by the state is necessary”¹⁰¹⁴.

¹⁰¹² Nechaeva A.M. Family law: topical problems of theory and practice. – Moscow: Yurait, 2007. – 280 p.

¹⁰¹³ Nechaeva A.M. The Family Code – the way to changes // Russian Justice. – 2015. – No. 3. – P. 14-18.

¹⁰¹⁴ Nechaeva A.M. On the issue of improving the Family Code of the Russian Federation //

According to the apt statement of Professor A.M. Nechaeva: "... some family-legal problems are solved with the help of the FC RF, and therefore a number of its provisions need to be updated"¹⁰¹⁵. It seems that the use of a new methodology based on an understanding of the complex (intersectoral) nature of family relations, their interaction with civil-legal and social relations, allows us to reach a qualitatively different level of scientifically based research and to identify new state-legal patterns of interaction between norms of various branch affiliations: family, civil, business and social legislation. Let us pay special attention to the fact that relations between spouses, children and parents in large families, the so-called marital and child-parent legal relations, have gone through a difficult way of their formation, progressive development and normative regulation at the level of branch legislation. At present, such legal relations are regulated mainly by family and social legislation. Russian family legislation mainly regulates relations between parents and children in the field of raising a child, in the field of child property rights, as well as in the field of protection of the interests and rights of children in large families, including in relations with third parties.

Let us point to such a significant social and legal institution as a large family. Families with many children are entitled to get assistance in the following areas:

- in the field of humanitarian assistance, which is provided by State, non-State and private companies, as well as private individuals who provide humanitarian assistance to the needy categories of the population and charitable activities for the benefit of those in need;
- in the sphere of construction, if we are talking about the construction of your own living quarters for a large family, including individual housing construction;
- in education in terms of educational assistance at various levels from pre-school to higher education;
- in the sphere of legal assistance to large families when it comes to receiving advice from representatives of such families on the protection of their rights or obtaining various types of rights and privileges;
- in the sphere of material assistance in the form of transfers of benefits (cash assistance) or things that such families need.

For each of the listed types of assistance, there is a mechanism for receiving it, as well as public authorities to apply for such assistance.

Conclusion. We believe that at present there is an objective need to develop and justify new trends for improving the system of family legislation of the Russian Federation based on the goals of state family policy and the existing socio-legal potential. The tendency to publicize family legislation has been repeatedly noted.

Russian Justice. – 2017. – No. 4. – P. 18.

¹⁰¹⁵ Nechaeva A.M. The Family Code – the way to changes // Russian Justice. – 2015. – No. 3. – P. 14-18.

This process is determined by the fact that the State is constantly expanding the scope of its interference in the private legal sphere of family relations in order to fulfill the functions of protecting the rights of a citizen and ensuring his private interests in the family legal sphere.

Of course, A.M. Nechaeva made an invaluable contribution to the development of the doctrine of family law, identified the main problematic aspects of the legal regulation of family relations, and formed a system of scientific views within the framework of the academic school of family law. A.M. Nechaeva, on the pages of the periodical press, analyzed in detail the process of improving the FC RF as the progressive development of our society. She suggested ways to improve family law, which are further developed in modern scientific researches within the family legal orientation framework taking into account a general vector of development of the academic school of family law in line with the defense of the traditional model of the Russian family and family values¹⁰¹⁶.

It should be recognized that in the process of forming and implementing State policy in the field of child protection in the Russian Federation, it is the family that has a priority. The family is the first teacher of a child and the medium for transmitting spiritual wealth, cultural traditions, and the formation of value orientations. Therefore, the creation of favorable conditions for the upbringing and socialization of children in the family should be considered as one of the areas of State policy in the field of child protection.

In conclusion, one should emphasize that the range of doctrinal and professional interests in the system of formation of the academic school of family law of A.M. Nechaeva is unusually wide and multifaceted. In her scientific and practical works, A.M. Nechaeva analyzed in sufficient details almost all areas of family legal regulation, which characterizes the integrity of her work and a significant contribution to the development of an academic school of family law. For all the variety of issues that were developed by Professor A.M. Nechaeva, the greatest importance belongs to the institution of the family and the protection of the children rights, which, of course, is fundamental in the legal system.

§ 9. Contribution of A.M. Nechaeva into the development of domestic family law

Introduction. Many lawyers studied the textbook “Family Law”, written by Professor Alexandra Matveevna Nechaeva. The textbook was famous by its brevity

¹⁰¹⁶ Levushkin A.N. Scientific heritage and significance of A.M. Nechaeva’s works for the development of the family law science // Family and housing law. – 2018. – No. 5. – P. 17.

and clarity of material presentation and the wording, which predetermined its success and recognition among other fundamental works of this kind.

It must be admitted that such a special style of presenting the material was traced in all the works of Professor A.M. Nechaeva, and there are many of them. Basically, her research was devoted to the children protection, their rights and interests, since she considered a child and society's attitude towards him/her as one of the factors of social development¹⁰¹⁷. But there were also works devoted to the problems of the general theory of family law and the practice of its implementation¹⁰¹⁸.

In this article, the authors will focus only on some problems of family law considered by Professor A.M. Nechaeva proposing solutions that are still relevant today.

Main research

Marriage as a union of a man and a woman

Professor A.M. Nechaeva always safeguarded classical family values and traditional marriage. She cut off any attempts to interpret marriage including same-sex unions. Article 12 of the Family Code of the Russian Federation¹⁰¹⁹ does not define the concept "marriage" as a union of a man and a woman. Emphasizing the fact that this is a union of persons of a different sex, Russian legislation takes an accurate position concerning the recognition of same-sex marriages that excludes the blaming of our State in non-recognition them since marriages between same-gender persons in the world are considered as one of manifestations of personal freedom¹⁰²⁰.

Six years after the publication of Professor A.M. Nechaeva's work amendments were made to the Constitution of the Russian Federation¹⁰²¹, now it directly refers to the protection of the institution of marriage as a union of a man and a woman (item 1 of Article 72).

¹⁰¹⁷ Bulaevsky B.A. Legal protection of the interests of the child (in memory of A.M. Nechaeva) // Bulletin of the University named after O. E. Kutafin (Moscow State University). – 2019. – No. 2. – P. 118, 120.

¹⁰¹⁸ Nechaeva A.M., Letova N.V., Maksimovich L.B. Constitutional foundations of family law // Twenty years of the Constitution of the Russian Federation: legal science and practice. – Moscow: Institute of State and Law of the Russian Academy of Sciences, 2013. – P. 55.

¹⁰¹⁹ Family Code of the Russian Federation dated 29 December 1995 No. 223-FZ (amended on July 2, 2021) // Official Internet portal of legal information. – URL: <http://www.pravo.gov.ru> (Accessed on August 30, 2023).

¹⁰²⁰ Nechaeva A.M. On the concept of improving family legislation // Socio-legal Notebook. – 2015. – No. 5. – P. 5.

¹⁰²¹ The Constitution of the Russian Federation (adopted by public voting of December 12, 1993 with amendments approved during the all-Russian vote on July 1, 2020) // Official Internet portal of legal information. – URL: <http://www.pravo.gov.ru> (Accessed on August 30, 2023).

It is important to note not only inadmissibility of the getting same-sex marriage in Russia, but also impossibility in Russia to recognize such marriage if it was got outside its borders (at least if such a marriage was got with participation of Russian Federation citizens).

The legal basis for such a conclusion is the provisions of Art. 158 and 167 of the FC RF. In accordance with paragraph 1 of Art. 158 of the FC RF, marriages between citizens of the Russian Federation and marriages between citizens of the Russian Federation and foreign citizens or stateless persons, got outside the territory of the Russian Federation in compliance with the legislation of the State on which territory they were got, are recognized as valid in the Russian Federation, if there are no terms provided by Art. 14 of the FC RF, circumstances preventing marriage. Despite the fact that Art. 14 of the FC RF does not mention the same sex of persons entering into marriage as circumstances preventing getting marriage; recognition of same-sex marriages in Russia is impossible. Domestic international private law in this situation involves other mechanism of restriction of foreign law application in this situation – a public order. By virtue of Art. 167 of the FC RF the norms of foreign family law aren't applied in case when such application contradicts to the fundamentals of law-and-order bases (public order) of the Russian Federation. In this case the legislation of the Russian Federation is applied. In other words, consequences of applying the foreign law norms on admissibility of same-sex marriage contradict a public policy of the Russian Federation, since the qualification of marriage as a union of a man and a woman is enshrined at the level of the Constitution.

The problem of raising children in single-parent families

Professor A.M. Nechaeva considered single-parent families as dysfunctional families, “becoming those as a result of parents’ divorce or arisen without marriage registration. They more often than others fall into the category of families where a difficult situation develops. The ratio of marriages and divorces does not change significantly over time. In 2011, there were 509 divorces per 1000 marriages, in 2012 there were 529 divorces”¹⁰²².

Today, more than half of marriages end in divorce. The number of the registered marriages in 2019 is 950,167, and the number of divorces is 620,730 in 2019. The number of registered marriages in 2020 is 770,760, the number of divorces is 564,033 in 2020¹⁰²³.

¹⁰²² Nechaeva A.M. Children’s equality and equity in the family legal sphere // Socio-legal notebook. – 2014. – No. 4. – P. 20.

¹⁰²³ Antonova K. Divorce in numbers – divorce statistics in Russia // Planeta Zakona. – URL: <https://www.planeta-zakona.ru/blog/razvod-v-tsifrakh-statistika-razvodov-v-rossii.html/> (Accessed on October 30, 2021)

In 2013 D. A. Medvedev put forward a proposal to raise the state fee for divorce to 30,000 rubles¹⁰²⁴. The idea wasn't supported, but in 2014 the Government of the Russian Federation increased the amount of the state fee for registration of divorce from 400 rubles to 650 rubles. If the divorce is filed through the court, there will be 600 rubles more assigned as a state fee. Such increase in fees didn't solve a problem.

In many countries, it is difficult to get a divorce if minor children were born by the spouses in the marriage, the institution of separation is used there to save the family and make a well-considered decision (Great Britain, France, Italy, USA, Switzerland, Australia). In our legislation, such an institution is not enshrined, but it is said that a husband has no right, without the consent of his wife, to initiate a divorce case when his wife is pregnant and within a year after the birth of a child (Article 17 of the Family Code of the Russian Federation). It seems to the authors that existing restriction for divorce is insufficient; they propose to introduce separation for the same period – separate living for spouses: having different bank accounts, separate food and housekeeping, etc. In this regard from the listed above countries the experience of Australia may well be borrowed, where, according to the Family Law Act No. 53 of 1975, application for divorce is based on the fact that the marriage has broken up irretrievably. At the same time in proceedings initiated on such application, grounds shall be deemed established and a divorce shall be granted if and only the court is satisfied that the parties have separated and subsequently lived separately from each other for an uninterrupted period of at least 12 months immediately preceding the date of filing for divorce. Divorce is not ordered if the court considers that there is a reasonable possibility of resuming cohabitation¹⁰²⁵.

In a peaceful divorce, spouses most often conclude a notarized agreement on the payment of alimony and agree on the procedure for communicating with a child of a separately living parent. In a conflict divorce, mothers often do not allow a child to communicate with father, and the father does not insist, but there are also disputes between parents about determining the place of children residence.

In this case, the Supreme Court of the Russian Federation in the Ruling No. 10 of the Plenary Session dated 27 May 1998 “On the application of legislation by the courts in resolving the disputes related to the upbringing of children”¹⁰²⁶

¹⁰²⁴ Medvedev D.A. The idea of increasing the state fee for divorce should still be discussed // RIA Novosti. – URL: <https://ria.ru/20130923/965241452.html> (Accessed on August 30, 2023).

¹⁰²⁵ The Australian Family Law Act No. 53 of 1975 (amended on November 20, 2020) // Federal Register of Legislation. – URL: <https://www.legislation.gov.au/Details/C2020C00374> (Accessed on August 30, 2023).

¹⁰²⁶ The Ruling No. 10 of the Plenary Session of the Supreme Court of the Russian Federation dated 27 May 1998 (amended on December 26, 2017) “On the application of legislation by the courts in resolving the disputes related to the upbringing of children” // SPS “Konsul'tantPljus”.

explains that the court, when determining the child's place of residence, takes into account the age of the child, his affection for each of his parents, brothers, sisters and other family members; moral and other personal qualities of parents, the relationship between each parent and the child, the possibility of creating conditions for the child's upbringing and development (taking into account the type of activity and mode of parents' work, their material and family status, keeping in mind that in itself the advantage in the financial situation of one of the parents is not an undoubted basis for satisfying the requirements of this parent) as well as other circumstances that characterize the situation that has developed in the place of residence of each of the parents.

In her works Professor A.M. Nechaeva also paid attention to determining the child's affection to each of the parents: "Speaking about the child's affection to each of the parents as an important factor in observing the interests of a minor, it is important to have an idea of the reasons for his sympathy (antipathy) for each of them, to know how it was shown at different stages of his life, whether its reason was the parent's desire to win the favor of his son, daughter on the eve the trial. It is especially difficult to identify affection of adolescent children when it is necessary take into account the difficulties of their transition period to adulthood, when their nihilism, inherent to this age, interferes with the determination of their interests. The presence or absence of child's affection to the plaintiff or to the defendant predetermines a court ruling"¹⁰²⁷.

We can say that Professor A.M. Nechaeva revealed additional criteria for ascertaining affection to each of the parents, which were not yet directly explained in the Ruling No. 10 of the Plenary Session of the Supreme Court of the Russian Federation dated 27 May 1998 "On the application of legislation by the courts in resolving the disputes related to the upbringing of children", but they can be required by the courts in considering cases on determining the children residence place.

Having revealed that a child is more attached to the father than to the mother, the court, in accordance with the above explanations, leaves the child to live with his father. And the courts make such resolutions, regardless of the age of the child, if the facts indicate his affection to the father.

Thus, the plaintiff, the father of the child, appealed to the court with a request to the mother to dissolve the marriage and to determine the place of child residence. In support of the claim, he indicated that he had been in a registered marriage with the defendant since May 20, 2014. In the marriage they had a common child – the son Zakhar. Since the beginning of 2018, family relations with the respondent have

– URL: <http://www.consultant.ru/> (Accessed on August 30, 2023).

¹⁰²⁷ Nechaeva A.M. The interests of a child as an object of family legal protection // State and law. – 2012. – No. 1. – P. 77-85.

actually ceased, cohabitation has become impossible due to his wife's alcohol abuse, resulting in aggression, inadequate behavior, numerous suicide attempts, constant threats of reprisal and harm to the plaintiff. The mother stopped raising the child, repeatedly took the child from kindergarten being drunk. In May 2018, she said that she would go to her mother in Anapa, and returned back home only in October 2018. The child lived with the plaintiff, who is engaged in his upbringing, education, fully supports him financially, since the defendant is unemployed, does not provide any assistance.

Considering this case, the court found that the actual marriage relations between the parties were terminated, the minor Zakhar lives with his father and grandmother in the city of Temryuk, where the child attends a children's educational institution, and he is attached to a children's clinic.

The mother of the child lives in Anapa, however, from the letter of the Department for Family and Childhood Affairs of Anapa, sent in response to the order of the first instance court to check the living conditions of the defendant, it follows that it was not possible to establish her place of residence. There was no evidence that the mother had any other living quarters.

According to the Act of inspection of the living conditions of the minor, drawn up by the Department for Family and Childhood Affairs at the place of plaintiff's residence, the child has a separate room, he is provided with all the necessary things and accessories, games according to age, a children's bicycle, an electric car, a scooter. Sufficient food is available. Housing conditions are good, conditions for the full development of the minor child have been created.

It is also found out that the father has a permanent job, a permanent income that allows him to support his son. The father is characterized positively at the place of his work and residence. According to the conclusion of the teacher-psychologist, presented in the case file, the child experiences the most reverent, warm and positive emotions for his father.

Also, the court of first instance interviewed witnesses who explained that they had repeatedly seen the defendant in a state of intoxication, she was absent from home at night, the plaintiff was looking for her. The similar facts are stated in public characteristic given by the chairman of the apartment board where the parties lived together.

Under such circumstances, the court came to a conclusion that it was appropriate to determine the child place of residence with his father.

Making court's resolution on children's residence the courts also consider attachment of brothers and sisters¹⁰²⁸.

¹⁰²⁸ The Appeal Determination No. 33-24049/2019 of the Krasnodar Regional Court dated 2 July 2019 SPS "Konsul'tantPljus". – URL: <http://www.consultant.ru/> (Accessed on August 30, 2023).

So, the father of the children filed a lawsuit against his ex-wife for transferring his son, born in 2003, for upbringing, specifying that the court's judgment has already defined the residence of minor children born in 1997 and 2003. The place residence of the son of 1997 is defined with the father, and the son of 2003 – with the mother. Meanwhile, in September, 2007 the defendant took her son of 2003 to the mother in Belarus and the child lives with the grandmother now. Considering that mother isn't engaged in raising the child now, he asked to define the son's place of residence and to transfer his son for upbringing to him – his father. Moreover, the elder brother of a minor is on his father's upbringing. Because the child is taken out to Belarus, neither he, nor the elder brother has an opportunity to communicate. The child doesn't live with his mother for a long time, he stays with his grandmother, thereby he is deprived of a possibility of communication not only with parents, but also with the brother. What were the reasons prompted the mother not to raise her son, transferred to her for upbringing, for such a long period of time, the court of first instance did not find out. It considered that the child's residence in another State for more than six months is temporary. The decision was canceled and the case was sent for a new consideration¹⁰²⁹.

However, even after determining the child place of residence, the problem of psychological difficulties in an incomplete family is not removed, since the child is left without one of the parents, even if he/she periodically communicates with him, and that was underlined by Professor A.M. Nechayeva¹⁰³⁰.

Problem of single mothers

Professor A. M. Nechayeva drew attention to the fact that an increase in the number of illegitimate communications (so-called civil marriages) contributes to an increase in the number of single mothers who are endowed by the state with a number of benefits prerequisites for formation of parental sense of irresponsibility are created. That is why an unmarried mother who has got into a difficult life situation has to be limited with the right to receive assistance only in the form of social patronage, which should be provided in the FC RF¹⁰³¹.

Authors completely share a position of Professor A.M. Nechayeva, there is no need to encourage single mothers with state payments.

Today the state equally helps single parents – those who are the only parent (i.e., the second parent died, or he was missing, or was not included in the birth

¹⁰²⁹ The Cassation Determination No. 33-550/2008 of the Judicial Board for Civil Cases of the Kaliningrad Regional Court dated 20 February 2008 // SPS "Konsul'tantPljus". – URL: <http://www.consultant.ru/> (Accessed on August 30, 2023).

¹⁰³⁰ Nechaeva A.M. Children's equality and equity in the family legal sphere // Socio-legal notebook. – 2014. – No. 4. – P. 23.

¹⁰³¹ Nechaeva A.M. National Strategy for Children and Family Legislation // State and Law. – 2013. – No. 2. – P. 74.

certificate) and to both guardians and trustees, if the child was left without care of the only parent or both parents because of their death, unknown absent or their death. It isn't fair to equalize people who consciously doom the child to live and be brought up in incomplete family, relying on the state help (lonely mothers) and those who have become a guardian, a trustee or have lost their husband. The amount of the monthly allowance for a child is fifty percent of the regional subsistence minimum for children, established on the date of application for the appointment of such allowance. The average monthly allowance is 5650 rubles in 2021¹⁰³².

Fifty percent of the regional subsistence minimum for children is a small amount, but it would be a good help for poor complete families who create conditions for their child to be brought up in a complete family, and a woman who wants to give birth to a child for herself can think of a financial safety cushion in advance.

If a single mother has not done this, then in order to reduce social orphanhood, the initiative of Italian legislators on the possibility of applying for adoption in relation to an unborn child is of interest. Such a mechanism can be applied to pregnant women who decide to abandon a child at birth. At the same time, the agreement on the adoption of a child, that arose before the birth of a child must be supported by the consent of the mother after the child birth, otherwise the adoption will not be continued. This measure may be especially in demand due to the non-decreasing number of mothers abandoning newborns¹⁰³³.

Secrecy of adoption

Professor A.M. Nechaeva considered the issue of the secrecy of adoption to be controversial, which is provided by Art. 139 of the FC of the Russian Federation: "The secrecy of adoption of a child is protected by law". The National Activity Strategy in the interests of Children for 2012-2017¹⁰³⁴ also recommended a transition to an open adoption system, eliminating the secrecy of adoption. Hence there is a need for a fundamental change of Art. 139 of the FC RF with the preservation of this secret only in the case of imitation of pregnancy, which creates the complete

¹⁰³² The Decree of the Government of the Russian Federation No. 1037 "About the approval of rules of appointment and payment of a monthly allowance to the woman who was registered in the medical organization in early pregnancy and a monthly allowance for the child aged from 8 up to 17 in the part which isn't determined by the Federal Law on State Benefits to Citizens with Children and also the list of documents (copies of documents, information) necessary for the appointment of these benefits and forms of applications for their appointment" dated 28 June 2021 // *Sobranie zakonodatel'stva RF*. – 2021. – No. 27 (Part III). – Art. 5416.

¹⁰³³ Smolina L.A., Zadesenskaya Ya.V. *Institute of adoption in Russia and European countries: a comparative theoretical and legal study*. – Moscow: Yurlitinform, 2014. – P. 151.

¹⁰³⁴ The Decree No. 761 of the President of the Russian Federation "On the national activity strategy in the interests of children for 2012–2017" dated 1 June 2012 // Official Internet portal of legal information. – URL: <http://www.pravo.gov.ru> (Accessed on August 30, 2023).

illusion that the adopter is the biological parent of the child. And only such an adopter has the right to the adoption secrecy¹⁰³⁵.

The authors strongly support Professor A.M. Nechaeva's point of view and believe that in other cases not related to imitation of pregnancy, it should be established the obligation for adoptive parents, upon reaching the age of 18, the adopted child should be provided with data on his biological origin, it must necessarily contain information about the state of health of the child¹⁰³⁶.

Already after the publication of the scientist's relevant work, the Constitutional Court of the Russian Federation recognized the secrecy of adoption as not absolute, adopting the Resolution No. 15-P "On the case of verifying the constitutionality of the provisions of Art. 139 of the FC of the Russian Federation and Art. 47 of the Federal Law "On Acts of Civil Status" in connection with the complaint of citizens G.F. Grubich and T.G. Gushchina" dated 16 June 2015¹⁰³⁷.

In verifying the constitutionality of these norms, the Constitutional Court of the Russian Federation noted that in adoption situations, information about the origin of a child, although confidential in nature, may be indispensable for revealing the genetic history of the family and identifying biological ties that form an important part of the identity of each person, including the secret of the name, place of birth and other circumstances of adoption, in particular, if it is necessary to identify (diagnostics) of hereditary diseases, prevention of marriages with close blood relatives, etc. In such cases, we are talking about satisfaction of a person with a certain information interest, which is to know about the origin of his parents, about his ancestors.

As a result, the Constitutional Court of the Russian Federation came to the conclusion that the verifiable provisions of the legislation do not contradict the Constitution of the Russian Federation, since, in their constitutional and legal sense, these provisions do not obstruct providing by a court decision, the information to the descendants of the adopted child after his death and adoptive parents of information about their adoption in the amount necessary for exercising their constitutional rights.

Furthermore, the Supreme Court of the Russian Federation, when considering a specific case, concluded that, provided the adopted person is aware of the fact of his adoption, such a person cannot be denied of information about his origin, since this information is necessary, inter alia, to disclose the genetic history of the family, as well as to identify (diagnose) hereditary diseases¹⁰³⁸.

¹⁰³⁵ Nechaeva A.M. National Strategy in the interests of children and family legislation // State and Law. – 2013. – No. 2. – P. 75.

¹⁰³⁶ Smolina L.A., Zadesenskaya Ya.V. Op. cit. – P. 151.

¹⁰³⁷ Bulletin of the Constitutional Court of the Russian Federation. – 2015. – No. 5.

¹⁰³⁸ The Review of judicial practice of the Supreme Court of the Russian Federation No. 3 (2018) (adopted by the Presidium of the Supreme Court of the Russian Federation on November 14,

Conclusion. The scientific heritage of Professor A.M. Nechaeva contains answers to many problems of family legislation that have not lost their relevance today.

The attitude to a marriage as a union of a man and a woman is one of the fundamental views of the scientist aimed at preserving the classical family values and traditional marriage in our country. For these purposes, it should be recognized the refusal of same-sex marriages in Russia as justified in cases when Russian citizens traveled abroad for the purpose of their marriage (contradiction to public policy).

When determining the child's place of residence, the courts proceed primarily from the child's affection to each of the parents. In this regard, law enforcement practice has been successfully used and such criteria for determining affection as the reasons for the child's sympathy (antipathy) for each of the parents, knowing of how it manifested itself at different stages of his life, whether it was caused by one of the parents' desire to win the favor of a son or a daughter at any costs, on the eve of a trial.

The increase in the number of single mothers, who are endowed by the state with a number of benefits, leads to the creation of prerequisites for the formation of parental irresponsibility. It seems fair to grant such mothers the right to receive assistance in the form of social patronage (instead of benefits), and in the development of this approach, the study of the idea of submitting an application for adoption of an unborn child also seems relevant¹⁰³⁹.

The rejection of the secrecy of adoption can be explained by the need to disclose the genetic history of the family, identify and diagnose hereditary diseases, prevent marriages with close blood relatives, getting rid of anxiety and psychological problems in the future. It makes sense to keep the secret of adoption only in case of imitation of pregnancy, in other cases, it should be established the obligation of adoptive parents, upon reaching a child the age of 18, to provide him with data on his biological origin, which should necessarily contain information on the state of health of a child.

Fairly A.N. Levushkin noted that “many colleagues, pupils, students and just grateful readers will keep the bright memory of this outstanding scientist, the life-loving person, a wonderful woman, who devoted her whole life to the serving of native science of family law, society, the interests of family, children and to people”¹⁰⁴⁰.

2018) (amended on December 26, 2018) // SPS “Konsul'tantPljus”. – URL: <http://www.consultant.ru/> (Accessed on August 30, 2023).

¹⁰³⁹ Smolina L.A., Zadesenskaya Ya.V. Op. cit.

¹⁰⁴⁰ Levushkin A. N. Scientific heritage and the importance of the works of A. M. Nechaeva for the development of the science of family law // Family and housing law. – 2018. – No. 5. – P. 16.

Chapter II.

CONTRIBUTION OF THE RUSSIAN ACADEMY OF SCIENCES TO THE DEVELOPMENT OF THE THEORY OF STATE AND LAW

§ 1. Academic theories on understanding law as an ethnical, social and cultural phenomenon

Introduction. Law can be described in an extremely broad context from the standpoint of a general philosophical approach as an ethnic, social and cultural phenomenon. And such an approach is fully justified due to the fact that the emergence of the outlines of legal views dates back to ancient times, when the human race is still being born and a priori there are certain moral and legal requirements, prohibitions (in modern terms), which later determined the progressive vector of development of the first civilizations.

The author's choice of the topic of the article was greatly influenced by the libertarian legal concept proposed by academician V.S. Nersesyants. Like any original concept, it is thought provoking. The authors of the article would like to draw attention to the methodological approaches within which the libertarian legal model is substantiated. This is a scheme of explaining the nature of law, flawlessly built on a formal-logical, abstract level. Nersesyants presents freedom as "mathematics of law", because law, ontologically, epistemologically and axiologically, includes freedom¹⁰⁴¹.

Law is considered a substance that unites three essential features: "universal equal measure of regulation, freedom and justice." From the point of view of the substantive approach, law acts as an essence and implicitly includes existence (legal ontology), which allows, from the existential and semantic side, to reveal the value basis of human rights. Substance, including existence, is something absolute, that is, the substantive approach involves understanding law from the point of view of integrity, a systematic approach. A systematic approach to understanding law requires inclusion in the philosophical and ideological picture of the world. In addition, the analysis of law from the standpoint of ontology, epistemology and axiology will not be complete without anthropology.

To determine the internal unity of ontology, epistemology, axiology and anthropology in understanding the essence of law, let us turn to the formal-factual (terminology of V.S. Nersesyants) side of legal consciousness. To do this, it is necessary to use comparative historical (historical and philosophical reconstruction) and systematic approaches as methodological techniques.

¹⁰⁴¹ Nersesyants V.S. Philosophy of Law: A Libertarian Legal Concept // Voprosy filosofii. – 2002. – No. 3. – P. 3.

Main Research

Philosophical and ideological picture of the world and the value basis of human rights

In the philosophical and mythological picture of the world, ideas about law have a transcendent, sacred nature. The gods embody moral and legal values that were of an absolute nature determine the moral and legal order in human relations, form sacred ideas, that is, existing ideas about the real world in the human mind, about justice and retribution. Ideas about law are considered in terms of order, harmony, measure, justice. The mythological worldview affects the existential foundations of human existence, reflecting the life cycles: birth, youth, maturity, death, resurrection. This is the ontological depth of the myth, personifying the periodically repeated circle of death and life in nature.

At the level of a mythological, illusory worldview in a primitive society, there are customs that are observed voluntarily, due to the belief in their correctness, necessity and significance for the community, clan, tribe. In the same period, elementary norms of behavior are formed that express the customs, traditions, interests of all members of the primitive community. As social structures develop, prescriptions change, and certain regulatory requirements are developed. The simplest norms of human behavior are uniform customs and traditions in a particular community, tribe, which to a greater extent express moral principle in the form of prohibitions, taboos, and prescriptions. From this point of view, morality arises much earlier than legal norms, which, in our opinion, emerge from moral axioms and later develop closely interacting.

With the emergence of the state and its institutional foundations, social norms are differentiated into rules of conduct determined by traditions, customs developed by certain social groups that differ in their place in the system of social structure, in relation to themselves and other people. The prevailing norms regulating social relations are those that most fully reflect the interests of not only power structures, but also those segments of the population on which they rely. In addition, from elementary, internally uniform customs that exist in the tribal formation in the form of prohibitions, taboos, society is moving to the establishment of objectively arisen norms and rules that regulate social relations, closely related to moral postulates, which can be conditionally called “pre-laws”.

Ancient Greek civilization provokes the emergence of new trends in the philosophical worldview in general and in legal views, in particular. The transformation of worldview attitudes, and with them legal ideas, takes place in Ancient Rome. Cicero states that “the highest good is life”¹⁰⁴². And further: “... man is born by

¹⁰⁴² Cicero M.T. On state. On laws. On old age. On friendship. On duties. Speeches. Letters. – Moscow: Mysl', 1999. – P. 141.

nature for life”¹⁰⁴³. Thus, within the framework of cosmocentrism, there is a recognition of the value of life. In the 20th century, the right to life (Article 3 of the Universal Declaration of Human Rights of 1948) will be referred to as fundamental human right. The ideas of law in the cosmocentric picture turn out to be unconditional, included in the cosmic universe as perfect. Man is perceived as part of this ordered whole and is a microcosm. Although later the philosophical reflection of antiquity goes from orderliness (the rigid determinism of Democritus) to the recognition of chance and free will, the concept of “free will” does not destroy the integrity of the world. Freedom in the ontological foundation of myth and ancient culture exists in chaos. The orgiastic cult of the productive forces of nature is embodied in the mysteries. The essence of the mysteries associated with the feast of Dionysus is reduced to freedom-chaos, overcoming human limitations in order to achieve complete liberation, “gaining freedom and spontaneity that are not characteristic of human beings”¹⁰⁴⁴. Freedom-chaos implies freedom from prohibitions, social order, connection with the vital cosmic forces. Freedom within the framework of cosmic order, integrity (Cosmos) presupposes knowledge and correspondence to this whole, for example, to fate as the substance of the world (Stoics). Sacred, religious and mystical representations serve as a link between the natural order of things and the public life of people, contributing to the normative orderliness of the policy. Let us pay attention to the understanding of law (*jus*) in the Digests of Justinian¹⁰⁴⁵. The interpretation of the concept (*jus*) does not go beyond cosmocentrism, that is, the recognition of the laws of nature as divine, therefore they are universally binding. Since a person is a part of this whole, then, naturally, the nature of a person must comply with these laws. The nature of man lies in his rationality and sociality. Within the framework of this integrity, there is a hierarchy of laws: divine natural laws that are imperative, binding in nature and including the principle of fair and good; human laws; finally, the laws of a particular civil society, which are inseparable from natural law and express utility for all, or at least for the majority in society, whether it be a judicial decision on which a final judgment is made, or a magistrate’s decree.

The theocentric paradigm essentially equates the natural law of antiquity with *Deus natura, id est, Deus*, the laws of nature are embodied in Divine Providence. Augustine presents the state and society as natural, divine institutions.

¹⁰⁴³ Eliade M.A History of Faith and Religious Ideas. From the Stone Age to the Eleusinian mysteries. – Moscow: Akademicheskij proekt, 2009. – P. 105.

¹⁰⁴⁴ Eliade M.A History of Faith and Religious Ideas. From the Stone Age to the Eleusinian mysteries. – Moscow: Akademicheskij proekt, 2009. – P. 447; Trubetskoy S.N. Metaphysics in Ancient Greece. – Moscow: Mysl’, 2003. – P. 115.

¹⁰⁴⁵ Digests of Justinian. *De iustitia et iure*. – URL: https://www.gumer.info/bibliotek_Buks/Pravo/digest/01.php (Accessed on August 23, 2023).

Recognition of the value of the individual and their dignity is also reflected in the doctrine of society and the state in medieval philosophy. The state exists for the benefit of its citizens. In essence, the thesis of Cicero about the state “as a national property” is repeated, the recognition of the social nature of man is reproduced. Man cannot live outside of society, this is his *naturalis necessitas*. Both in antiquity and in the Middle Ages, a person is considered a clannish being, although the ethics of self-care (Epicureanism) presupposes the existence of a self-sufficient person who achieves *ataraxia* through freedom from external forces and passions, and in Christianity, the allocation of a personal principle – a subject with free will – human rights were not designated, since for this it was necessary to recognize the self-sufficiency of the individual (man) and his existence outside the whole, developing according to its own laws¹⁰⁴⁶. Duties prevail over rights, therefore, in scholasticism (T. Aquinas) we talk about not the human rights, but about the natural inclination of a person, “inclination by nature”. Yes, a person has rights, but the basis of these rights is the law of nature – the human essence and the eternal law. These rights concern the right to life, the right to marry and raise children, the right to education, “the right to know the truth about God and live in society”¹⁰⁴⁷. These are a kind of social rights proclaimed by scholasticism. The falling away of the separate from the Absolute (free will without God’s Grace) is transformed into freedom of arbitrariness (the negative definition of freedom given by Augustine).

Modern anthropocentrism and legal anthropology

Anthropological turn in the worldview of the New Age of the 17th-18th centuries denotes an understanding of natural law through the prism of human social existence. From the standpoint of a mechanistic worldview, society is perceived as a collection of atomic individuals in their autonomous existence. There is a shift in the vector turning from universal ontologism, where natural law is analyzed from the standpoint of the essential structures of the cosmos or created nature, to anthropologism in an attempt to abandon systemic subjectivism. A holistic view of the world is preserved (the classical mechanistic picture of the world with its rigid determinism). The mechanistic picture of the world extrapolates the mechanism not only into the sphere of experimental science, but also sees in it a correlate of the nature of man and society. The idea of physical balance also extends to society (social contract theory), therefore freedom is defined as a recognized necessity or, in the spirit of Newtonian mechanics, as the absence of obstacles to action¹⁰⁴⁸ or as

¹⁰⁴⁶ Foucault M. The government of self and others. – St. Petersburg: Nauka, 2011. – P. 170, 195, 296.

¹⁰⁴⁷ Aquinas T. *Summa theologiae*. Pars Prima. Quaestiones 1–64. – Moscow: Savin S.A., 2006. – P. 47.

¹⁰⁴⁸ Hobbes T. *Complete Works*, in 2 vols. Vol. 1. – Moscow: Mysl’, 1984. – P. 608.

the absence of “external obstacles to movement”¹⁰⁴⁹. The philosophy of Descartes, empiricism in English philosophy (J. Locke, D. Hume) denotes an interest in individualism and the concept of “body” (man-machine of J.O. de La Mettrie). For Locke, the individual body has value. Thus, a turn is made to anthropologically substantiated freedom in society and an analysis of social being in its transformation from a natural state into a civil one. The transition from status naturalis to status civilis ensures and guarantees the social order of the members of society. In civil society, “that security and protection” that people expect is possible. For the sake of this “it was originally established and for the sake of which they entered it”¹⁰⁵⁰. The nascent bourgeois relations are built on the basis of barter and respect for the right to property, especially acquired through one’s own efforts.

The influence of Protestantism on early liberalism is noted by A.F. Losev and B. Russell¹⁰⁵¹. It becomes clear why the right to property began to be attributed to innate human rights and inalienable from it. In the *Treatise on Government*, Locke identifies three innate human rights (natural law is reduced to natural legislation), recognized in the state of nature and guaranteed by the state in status civilis – the right to life, property and freedom, which form the basis of the legal order. This is how legal anthropology appears with its ideas of “non-equalizing equality”, formal equality, including legal equality of opportunities and claims on the basis of free exchange, equality without subordination and submission. Equality is based on the equality of fundamental rights. There is freedom where there is law. The law guarantees the individual right to dispose of their personality (body, consciousness, freedom of action) and property “as he pleases”, without experiencing restrictions and violence from others, provided that this is not prohibited by law¹⁰⁵². Locke’s legal formula forms the basis of emancipatory legislation. Locke’s legal doctrine anticipates Bentham’s utilitarianism and includes a moral argument, the concept of “common good”, the unity of individual and public interests, at least in the future: the association of individuals as independent free agents of action in a community for convenience and peaceful life, pleasure/pain, achievement of happiness, which is the engine of desire, etc. It should be noted that the doctrine of human rights is becoming the core of legal anthropology in English literature, the concept of law (“right”) refers mainly to human rights, sometimes to the rights of authorities (rights of Parliament), in other cases the terms “law”, “natural”, “positive” are used, but not natural/positive law, including the philosophy of law¹⁰⁵³.

¹⁰⁴⁹ Holbach P. A. 1963. Selected works in 2 volumes. Vol. 2. – Moscow: Sotsekgiz, 1963. – P. 340.

¹⁰⁵⁰ Locke J. Complete works in 3 vols. Vol. 3. – Moscow: Mysl’, 1988. – P. 316.

¹⁰⁵¹ Losev A. F. Aesthetics of the Renaissance. – Moscow: Mysl’, 1982. – 719 p.; Russell B. History of Western Philosophy. – Moscow: Akademicheskij proekt, 2009. – P. 371.

¹⁰⁵² Locke J. Complete works in 3 vols. Vol. 3. – Moscow: Mysl’, 1988. – P. 275.

¹⁰⁵³ Gray Ch.B. (ed.). The Philosophy of Law: An Encyclopedia, vol. 1, 2. – N.Y. and London:

Let us emphasize that Locke's doctrine of human rights is based on their hierarchy and theological foundation. The concepts of "natural" rights, "natural" are the theoretical legacy of antiquity and scholasticism. The concept of universal human rights (life and freedom) appears, concretized in the rights of human and citizen (freedom of conscience, movement, etc.). For the first time we are talking about rights, not about duties. The understanding of human rights as fundamental does not consider the understanding of a person as a single subjectivity, but is determined by the very same nature of a person (reasonableness, identified with prudence in economic activity, sociality), therefore human rights are understood all within the same holistically substantial model of the world and are perceived as ontologically predefined. Of course, historical period has influenced Locke's concept of human rights. Poor, propertyless women were deprived of civil rights, which gave reason to later consider Locke's theory as masculine, and the proclaimed rights as unguaranteed, which must be supplemented with socially guaranteed rights¹⁰⁵⁴. The same universalist approach can be found in Kant's Science of Right. Law is an a priori system of law: a law that obliges us a priori through the mind, comes from the will of the supreme legislator... (hence, from God's will)¹⁰⁵⁵. The individual freedom of the moral agent is comprehended in the context of law-abiding, that is, positively, out of respect for the law as such, "die Freiheit im positive Verstand". Freedom is conceived in terms of modality "du kannst, denn du sollst." Considering society as a set of particular wills assigns the role of fundamental rights as the basis for the "balance of interests", maintaining the pluralism of various ideas about the concept of the good. Fundamental rights are absolute and inalienable. Religious tolerance for various philosophical and religious views is required.

At the same time, the doctrine of human rights and the theory of the social contract on the reciprocity of power and jurisdiction, on the attitude towards power in case of violation of the social contract by it and its non-fulfillment, allows legal resistance to power. This is expressed most radically in the Declaration of the Rights of Man and of the Citizen of 1789 in France. J.St. Mill analyzes the other side of the power-subject relationship. In what framework and under what conditions can the state interfere in the sphere of individual freedom? Mill introduces the concept of "harm-principle", denoted as the principle of paternalism, into the liberal interpretation of freedom. Everything that causes direct harm to an individual or society, or contains a direct danger to them, all this should be removed from the sphere of individual freedom and should be referred to the sphere of morality or

Garland Publishing Inc. 1999. – 486, 512 p.

¹⁰⁵⁴ Tudor J. *Modern Political Thinkers and Ideas: A Historical Introduction*. London, – N.Y.: Rutledge, 2002. – P. 112-149.

¹⁰⁵⁵ Kant I. *Metaphysics of morals; Metaphysical beginnings of the doctrine of law*. – St. Petersburg: Ed. of P.P. Soykin, 1903. – 60 p.

law¹⁰⁵⁶. Later, the ideas of paternalism were analyzed by G. Hart and R. Dworkin¹⁰⁵⁷. The state and society, of course, on the basis of law and public opinion, can interfere in the action and the sphere of personal interests, if such interference is in the best interest for the individual “morally or physically.” The principle of paternalism generates a wave of criticism. Yes, on the one hand, if we consider it in totality, it reproduces the Old Testament paternal form of power, and on the other hand, not taken in its totality, it acts as a justification for state intervention in various spheres of public life, such as economy, education, healthcare, etc. Such paternalism is the basis for the formation of social rights and positive, guaranteed freedom. Even back in the days of the Roman Empire, “wealth and poverty excite everyone in the strongest way”¹⁰⁵⁸.

With the advent of Marxist theory, the question of guaranteed rights arises: natural rights must be guaranteed. And this is possible only with the unity of civil rights with social ones, such as the human right to work, social security, social guarantees, assistance to the family, mother and child, an adequate standard of living, the right to education and introduction to the cultural values, at present the right to an environment. Marxism contributed to the awareness of social human rights, first of all, to a decent life and overcoming poverty. What is the point of talking about freedom, equality, justice, if your destiny is the struggle for survival? In the 3-volume encyclopedia of human rights, in the section “International Law”, it is proclaimed that poverty (“extreme poverty”) is incompatible with human rights¹⁰⁵⁹.

Globalization and human rights

Further, the substantial-holistic worldview within which a person is perceived as part of a whole, began to be revised first from the Nietzsche idea of the death of the Deus Omnium Creator (even earlier in the idea of a human deity of the Renaissance) and the appearance of the Superman (“Übermensch”) with his rejection of “Gesetzmäßigkeit der Vernunft”, Kant’s “legalistic” morality. The Übermensch can live without sacral and collective sanctions, “he sets himself the measure of his respect and contempt for others”¹⁰⁶⁰. The idea of god-equal freedom arises, which opposes moral and legal prohibitions, “the creator and the creature

¹⁰⁵⁶ Mill J.S. Utilitarianism. About freedom. – St. Petersburg: I.P. Perevoznikov, 1900. – P. 354-355.

¹⁰⁵⁷ Hart H. The concept of law. – Oxford: Clarendon Press, 1961. – 380 p.; Hart H. Essays in Jurisprudence and Philosophy. – Oxford: Clarendon Press, 1983. – 224 p.; Dworkin R. Law’s Empire. – Cambridge (MA): Harvard University Press, 1986. – P. 65.

¹⁰⁵⁸ Cicero M.T. On state. On laws. On old age. On friendship. On duties. Speeches. Letters. – Moscow: Mysl’, 1999. – 783 p.

¹⁰⁵⁹ Lewis J.R., Skutsch C. The Human Rights Encyclopedia. Vol. 3. – Armonk: M.E. Sharpe, Inc., 2001. – P. 834.

¹⁰⁶⁰ Behler E. Derrida – Nietzsche. Nietzsche – Derrida. – Munchen: Ferdinand Schöningh, 1988. – P. 30.

are mixed together”. An existential rebellion is proclaimed (the philosophy of the absurd by A. Camus), aimed at the ultimate goals of man and the universe, a protest against his mortality. True, in the process of rebellion, its origins and values are forgotten¹⁰⁶¹. Individual subjectivity falls away from the whole, divine-natural order and its projection on society and begins to exist according to its own laws. A revision of natural laws and their criticism is planned, there is an interest in pathology and deviations of all kinds (many heroes of the works of J.-P. Sartre suffer from mental illness, sexual deviations, etc.). Such god-equal freedom is the freedom of chaos (“freedom is nothing in existentialism”) without recognizing the viviparous forces of nature and connection with the sacred.

The new anthropological setup placed in postmodern discourse proclaims a course towards non-conformism against doxa and dogmatism, and this requires a revision of the boundaries of what is permitted, “sin”, norms and pathology (the concept of minority group is introduced in sociology). In the context of the introduced concept, the social structure is measured not only within the framework of the class, gender, racial dimension, but includes groups whose social existence is not distinguished by stability and recognition of public opinion. It was necessary to legitimize their rights. What could probably go wrong. Rights are legalized, everyone must live in peace and harmony, as required by legal values, but in the desacralized Universe, that absolute foundation of the natural-divine, which constitutes the hierarchical order of human rights, is lost. There is a “sliding” into legal relativism. In Roman law, the norms of natural law include marriage between a man and a woman, the birth and upbringing of children. Now same-sex marriage is being legalized. The tolerance that existed in early liberalism in the political and civil sphere is projected onto natural laws. And given the re-mythologization of the consciousness of modern civilization and its preoccupation with the problems of overcoming old age and achieving “eternal youth”, sooner or later it will try to break the last taboos associated with pedophilia, cannibalism and incest. And this does not shock us at all: only death and disappearance terrify us to the core, especially in an era when science, technology and genetics are getting closer to artificially synthesizing life and immortality¹⁰⁶². As a result, “liberal relativism with its anthropocentrism and the ideology of human rights” of Western culture is positioned as a universal model of social and spiritual life with an attempt to export it to other countries of the world.

The matrix of relations of the ancient Greek world (Hellenes/barbarians) is also reproduced in the modern world. If you do not accept this model, then you find yourself in the barbarian camp and fall under sanctions: “... ideas transplanted to

¹⁰⁶¹ Camus A. *The Rebel*. – Moscow: Izd-vo politicheskoy literatury, 1990. – P. 135.

¹⁰⁶² Bauman Z., Donskis L. *Moral blindness. Loss of Sensibility in an Age of Fluid Modernity*. – St. Petersburg: Ivan Limbakh publishing house, 2019. – 224 p.

another soil are rarely as fruitful as they were on their own soil”¹⁰⁶³. The European Union, which includes states with different levels of economic development, cultural values, and religious denominations, faces this challenge. Moral, political and legal problems arise. On what basis and how to combine all this? It is known that the export of the liberal relativistic model to the Muslim world leads to the destruction of statehood in these countries (Libya, Iraq, Afghanistan) and a huge flow of refugees to the European Union. Tolerance is becoming an ideological construct of the ongoing “open door” policy. It would seem that there is a trend towards cosmopolis, the unity of everyone and everything in a single global space, towards peace and friendship, reinforced by new technological processes and faith in the implementation of direct democracy through a global communication process, society and virtual democracy exist hand in hand. Cyberspace raises the question of an old utopian ideal of direct democracy through a global communication process on the scale of a cosmopolis. Law plays a fundamental role in the new order of the world: citizens see society as consisting of negotiating interactions between free, equal individuals who enter into voluntary associations. The liberal model focuses on an individual, at best, a representative of a voluntary association. What about people representing a different culture? In reality we see the growth of nationalism, extremism and terrorism, a return to the archaic, orgiastic permissiveness, but without its original Orphic-Pythagorean meaning as communion, purification of the soul, that is, connection with the sacred. This freedom-chaos is designed to shock, attract the public and money, quite in the spirit of a market, even socially oriented economy. As a result, there is a clash of cultures¹⁰⁶⁴.

These contradictory trends are reflected in the theoretical understanding of power (J. Habermas’s theory of communicative rationality). There is a revision of the value of the state as a social institution leading to its weakening. Along with the state, the concept of “Gemeinschaft”, “community” is introduced. Interest in republican freedom in the neo-Roman version is revived: a law is in force when it arises in the process of discussion, then it is adopted and becomes legally binding¹⁰⁶⁵. Why is the concept of “community” introduced? At the level of the community (this is what distinguishes a traditional society), it is possible to discover the foundation that unites everyone, linking them into a single whole. This makes it easier to adopt rules that will unite everyone. These rules must be written down, codified. A large place in the formation of this unity is given to cyberspace. In modern philosophy of law and jurisprudence, questions are being discussed about the

¹⁰⁶³ Russell B. History of Western Philosophy. – Moscow: Akademicheskij proekt, 2009. – P. 724.

¹⁰⁶⁴ Barber B. Jihad vs. McWorld, 2nd ed. – N.Y.: Ballantine Books, 2001. – 432 p.

¹⁰⁶⁵ Skinner Q. Freedom before liberalism. – St. Petersburg: Izdatel'stvo Evropejskogo universiteta v Sankt-Peterburge, 2020. – 128 p.

relationship between liberal and republican freedom, the legitimacy and effectiveness of norms¹⁰⁶⁶, the globalization of the civil-political sphere, and the partial replacement of the pyramidal model of law with the paradigm of network work¹⁰⁶⁷.

Another problem of the crisis of modern legal systems is the correlation of morality and law, when they come into conflict, or even alienate from each other, which, by the way, was not typical for the primitive social order, where morality and law were merged and not personified. In society, there is a complex process of filling with new content both the norms of morality and the norms of law, there is a change in the nature of the relationship between these norms. Thus, the legal acts adopted in Western countries in recent years on the legalization of same-sex marriages are not at all accepted as a moral norm by the majority of the population in the sense of proper behavior and lifestyle. However, such a position is imposed as a legal code and a norm that is not subject to discussion. Discrimination is now rampant in the US for the white majority. The death of recidivist and drug addict G. Floyd provoked a wave of violence against the non-African American population, and the perpetrators of crimes against the white population in most cases are not prosecuted. There is a crisis of understanding of a unified approach to the norms of morality and law, since any sentence must be severe according to the law and fair according to morality. Because of this, the problem of the relationship between law and morality is acquiring new facets and aspects of research and requires further analysis of the social significance of moral and legal norms as closely interconnected systems within the framework of the theory of complementarity (as two sides of the same coin). The norms of morality contain unwritten general rules of moral behavior, while in the norms of law certain frameworks of proper behavior are fixed in writing, requiring the individual to strictly comply with it, regardless of his worldview beliefs, desires and motives. And despite the fact that some of the norms of morality can take a written form, their requirements do not act as a proper and necessary for strict implementation. There is a crisis on the one hand of the modern super-tolerant worldview (legalization of same-sex marriages, teaching of radical gender theory, etc.) without regard to morality, on the other hand, the imposition of neo-racial theory in the performance of rabid, semi-literate marginalized strata of society on the majority of the population of some Western countries.

This change leads to the recognition of the fact that the state is not the only source of sovereignty, this right may be possessed by regional or transnational authorities, or even marginal groups that are deprived of classical hierarchical sovereignty. How to find agreement between communities? The following approaches are recognized: constant negotiations between them, on the one hand, and on the

¹⁰⁶⁶ Habermas J. *Between Facts and Norms*. – Boston: MIT Press, 1996. – 676 p.

¹⁰⁶⁷ Golding M., Edmundson W.A. *The Blackwell Guide to the Philosophy of Law and Legal Theory*. – Hoboken, New Jersey: Wiley-Blackwell, 2004. – P. 300-312.

other, interaction with the legislative and executive government authorities. As a result, the vertical model of the formation of legal norms is supplemented by the horizontal network work of ordinary citizens in the discussion and negotiation processes for the adoption, revision or rejection of certain legal norms. The so-called “negotiated law” appears. The presence of such a right is considered a sign of associative democracy and is strengthened as a result of the formation of cyberspace. Negotiated law is associated with consensus and acceptance of an agreement in the negotiation process in a postmodern society characterized by the practice of intersubjectivity, pluralism of the peaceful coexistence of opposing values relevant to cyberspace.

Although the European Constitution proclaims traditional European values: human dignity, freedom, equality, solidarity, pluralism, the principles of democracy and the rule of law, respect for human rights, including the rights of persons belonging to minorities. These values, especially those relating to human rights, including minorities, are built on a shaky theoretical foundation of moral and legal relativism (how to reconcile freedom of expression (speech) with blasphemy?). The image in the caricature form of the Prophet Mohammed for French culture is the norm, for Muslims it is an insult. This Charlie Hebdo case which led to a conflict of cultures and human casualties, testifies to the crisis of European law. Let’s take another extreme – tolerance that knows no boundaries, leading to other forms of discrimination and the suffering of victims. To this should be added the trend towards the weakening of the state as a social institution. B. Russell noted in his time that the theory of human rights, devoid of a theological basis, as in most of the theories of modern liberalism, “loses any logical basis”¹⁰⁶⁸. Deprived of transpersonal guidelines and passionarity, the European model is unable to ensure the organic coexistence of different cultures. If early liberalism was aimed at an agreement between individuals, organizations in the 19th-20th centuries, then the globalizing space of the 21st century was aimed at peoples with different cultures (Islamic East, China, Russia, for example). How to maintain a state of at least peaceful coexistence and cooperation? The question remains open.

Conclusion. In the domestic philosophical and legal literature of the pre-revolutionary and modern period, the terms natural/positive law, philosophy of law, the problem of the relationship between law and legislation, etc. are widely used, reflecting the influence of German classical philosophy and the general orientation of Russian culture and philosophy, in particular, on existential-moral issues, the idea of cosmism with the ideal of universal brotherhood “to live with everyone and for everyone” (N. Fedorov) and universal unity. The Christian Orthodox idea of the equality of all peoples before God is reflected in the concept of “Holy Russia” – a

¹⁰⁶⁸ Russell B. History of Western Philosophy. – Moscow: Akademicheskij proekt, 2009. – P. 751.

supraethnic entity. On this basis, Russian statehood is being formed. In Russia in the 10th-11th centuries, 22 ethnic groups lived, at the moment there are more than 180 of them in the Russian Federation. It's a unique situation. Hence, tolerance becomes the natural basis and norm of social and cultural life both in pre-revolutionary times and in the period of the existence of Soviet civilization. And this is reflected in legal language and constitutional law. If we compare all the constitutions (1918, 1924, 1936, 1977, 1993) that existed in the Soviet and post-Soviet space, then we can note some common and identical provisions regarding tolerance in a multi-confessional and multi-cultural space. The basic values (brotherhood of peoples, social justice, gender and racial equality, the development of solidarity, friendship and cooperation with the peoples of other countries) are fundamental. The 1918 Constitution stated a republican form of government and direct democracy. Subsequent constitutions referred to the people's state ("the state was created for the people"). Through all constitutions, the recognition of a democratic society and state, freedom of the individual, a person, his rights (social, civil, political) and duties are proclaimed. The post-Soviet Constitution also begins with the provision that the multinational people of the Russian Federation are united on the basis of the principles of equality and self-determination. Culture in the Russian Federation is a unique heritage of its multinational people, supported and protected by the state. The Russian Federation guarantees the rights of indigenous peoples, protects the cultural identity of all peoples and ethnic communities, guarantees the preservation of ethno-cultural and linguistic diversity (Article 69 of the Constitution of the Russian Federation). Next comes the recognition of social, civil and political rights and obligations, adding the right to private property, political diversity and more liberal rhetoric. It seems that the drafting of the 1993 Constitution was influenced by the early liberal doctrine, which actualizes the independence of the individual, atomic individual from the whole, that is, individualism and freedom (negative freedom). In the 17th century, this was quite understandable: the departure from the despotic state, the pressure of the Catholic Church, papism, at least in Locke. But in the 20th century, especially in the 21st, this looks like an anachronism, an ideological weakness. In the course of communitarian values, the ideas of neo and post-Marxism are being updated in connection with the growing problems of poverty, social inequality, and instability in the world as a whole. Therefore, it is not surprising that 56 articles are given to rights and freedoms, and 3 to duties (there were 9 in the 1977 Constitution): pay taxes, serve in the army and protect nature. The proclaimed republican form of government presupposes positive freedom, that is, restrictions voluntarily assumed. It is better to be needed by the state, society, group, etc., than to be free, and this requires dedication, adherence to collectivist values, and not a focus on consumption and comfort. The accepted ideological diversity in the 1993 Constitution is precisely in the interests of disparate individuals. The system of

values that can unite everyone is embedded in Russian culture with its “supra-national, all-human spirit of the Russian people”¹⁰⁶⁹.

Negative freedom individualism is transforming in Europe into radical libertarianism with its acceptance of the legalization of drugs, prostitution, and so on. Some kind of ideological unarmedness is manifested, close to the position of “living at your own will”, therefore the libertarian legal concept with its substantive approach to understanding law, proposed by academician V. S. Nersesyants, is still relevant today in terms of its direction to strengthen the legal foundations of the state, allowing to avoid the danger of both despotism and anarchy in society.

§ 2. Category evolution of “law” and “lex” in the scientific heritage of the Russian Academy of Sciences

Introduction. In the 20th century, Russian scientific legal thought was formed not only under the influence of global science, but a significant period of time it was mainly determined by changes in the political life of the State. This fact determines the wide range of concepts, views, judgments that existed among scholars – lawyers and historians in a relatively short time period – about 100 years, when longest part of it was characterized by the dominance of communist ideology over almost all branches of Soviet science, as well as all spheres of public life. This dominance manifested itself especially clear in relation to the social sciences, including the entire complex of legal sciences, both historical-theoretical and branches.

Russian scientists, elected academicians of the USSR Academy of Sciences, and then the Russian Academy of Sciences, its successor, (hereinafter – the RAS), could not stay away from the conceptual justification of State-building issues. Indeed, these issues twice during the century became especially relevant because of their connection with the change of the historical structure of the State in Russia: in 1917 the socialist system was established, in 1991 – formation of the liberal way.

The list of academicians, members of the Russian Academy of Sciences, who significantly enriched the legal science is of great interest for our study. They are the following academicians: Trainin Ilya Pavlovich (1986-1949), Vyshinsky Andrei Yanuaryevich (1883-1954), Venediktov Anatoly Vasilievich (1887-1959), Kudryavtsev Vladimir Nikolaevich (1923-2007), Laptev Vladimir Victorovich. These scholars have largely reinterpreted the essence of the categories of “law” and “lex”.

It is noteworthy that starting from 1930-1940, priority in scientific research was given to technical specialties (physics, chemistry, biology). This was naturally

¹⁰⁶⁹ Berdyaev N.A. The fate of Russia. – Rostov-on-Don: Phoenix, 1997. – P. 13-14.

a reflection of the processes in society of that time, when technical researches were mainly applied to help the industry and the national economy development.

Yu.K. Tolstoy (academician of the RAS since 2003) noted that “by the beginning of the revolution, legal science in Russia was at a very high level”¹⁰⁷⁰ and he predicted that this would be the key to further deep democratic transformations. However, after the revolution of 1917, the most qualified legal personnel often either found themselves in exile or were subjected to repression.

From the first days of Soviet power, revolutionary legitimacy began to play a crucial role in the implementation of the dictatorship of the proletariat and the suppression of supporters of the old regime, who continued to uphold the old values in the armed struggle¹⁰⁷¹.

The professional becoming of modern lawyers – members of the RAS took place in conditions when the history and theory of state and law were completely politicized. According to the memoirs of Yu.K. Tolstoy: “The main guide to the course of the state and law theory was the textbook of Golunsky and Strogovich, written according to the guidelines ... of the conference on questions of law in 1938. The textbook edited by A.Ya. Vyshinsky was recommended for the course of State law. Both of these manuals were completely politicized, stuffed with quotes from the works of the great leader of the peoples. There was little left of law in them”¹⁰⁷².

No doubt, scientists who have achieved recognition in such ambiguous conditions are of interest. The study of their scientific works makes it possible to extrapolate historical processes onto the legal doctrine and trace the evolution of the categories “law” and “lex”.

Main research. In 1939, legal scholars Ilya Pavlovich Trainin and Andrei Yanuaryevich Vyshinsky were elected academicians and, respectively, became full members of the USSR Academy of Sciences.

At present, the scientific heritage of each of these lawyers is evaluated differently. I.P. Trainin’s views on law and the State are practically not mentioned in the modern works of scientists on state-legal topics.

I.P. Trainin for a long time (1942-1947) headed the Institute of State and Law of the USSR Academy of Sciences. Largely due to his scientific work, this institute has gained worldwide fame. In this scientific institution, various studies were carried out on various aspects of state-legal construction. In this institution, the views of many future academicians were formed – V.N. Kudryavtsev, V.V. Laptev, V.S. Nesresyants – who, along with other legal scholars, made a significant contribution to the development of legal science. They were recognized by classics of the

¹⁰⁷⁰ Tolstoy Yu.K. From the experienced. – Moscow: Prospect, 2014. – P. 144.

¹⁰⁷¹ Zvyagintsev A.G. Prosecutor’s Office and the rules of law during the Civil War // State and law. – 2021. – No. 9. – P. 148.

¹⁰⁷² Tolstoy Yu.K. From the experienced. – Moscow: Prospect, 2014. – P. 145.

Russian law school: T.E. Abova, M.V. Baglay, M.M. Boguslavsky, V.A. Kartashkin, V.V. Luneev, I.A. Tanchuk, B.A. Strashun, V.E. Chirkin, L.M. Entin, V.A. Tumanov, Ts.A. Yampolskaya¹⁰⁷³.

The legal science of that time was completely imbued with communist ideology in the conditions of Stalin's authoritarian power. We should note the talent of I.P. Trainin, who had neither higher, nor even secondary education, but he managed to become one of the most prominent Soviet legal scholars. Researchers noted the analytical and journalistic nature of his works¹⁰⁷⁴, and in many respects the debatable nature of his proposed theory of "people's democracy"¹⁰⁷⁵. At the same time, his ideas regarding state-national construction in the context of the formation of a multinational State, which was the USSR, are in demand even now, taking into account the same multinational nature of modern Russia¹⁰⁷⁶.

The most significant contribution to the development of the Soviet law system was made by Andrei Yanuaryevich Vyshinsky. It can be assumed that this is largely due to his high position in the party nomenclature and among state leaders of the USSR in the period under consideration.

Like I.P. Trainin, A.Ya. Vyshinsky for a long time, from 1937 to 1941, headed the Institute of State and Law of the USSR Academy of Sciences. However, besides this, A.Ya. Vyshinsky in the period 1935-1939 was the prosecutor of the USSR and not only survived the most brutal period of Stalinist repressions, but also "theoretically" justified them. Vyshinsky also left his trace in history as a diplomat, holding at first posts in the People's Commissariat, then in the Ministry of Foreign Affairs of the USSR.

In January 1946, he headed the USSR delegation at the first session of the UN General Assembly. In the period 1953-1954 he was the Permanent Representative of the USSR to the UN. A.Ya. Vyshinsky actually led the Soviet delegation during its work of the Nuremberg Tribunal and reported daily on the progress of the German officers' trial to the Politburo.

A.Ya. Vyshinsky, being an associate of I.V. Stalin, was the organizer of the First Conference on the Science of the Soviet State and Law (July 16-19, 1938). After many years of discussion among legal scholars about the understanding of Soviet law, as a result there was a "general", in its essence, –

¹⁰⁷³ Savenkov A.N. State. Law. Institute: 95 years of history in persons // State and law. – 2020. – No. 3. – P. 8.

¹⁰⁷⁴ Serov D.O. From the state adviser to the prosecutor of the USSR Prosecutor's Office: the facets of an investigator's fate of V.I. Gromov (1868-1952) // Genesis: historical researches. – 2015. – No. 3. – P. 243.

¹⁰⁷⁵ Svetlov N. Public democracy: the origin of the idea and its implementation // Topical problems of the history of Russia. Moscow. – 2020. – P. 204.

¹⁰⁷⁶ Nifanov A.N. Genesis of legal theories about the territory of the state // Scientific bulletin of Belgorod State University. Series: Philosophy. Sociology. Law. – 2011. – No. 14 (109). – P. 148.

legalistic line of legal understanding finally developed. It should be noted that the opponents of A.Ya. Vyshinsky, and, in fact, of I.V. Stalin, suffered a crushing defeat in this dispute about the essence of Soviet law and state. It was so crushing that as a result, some of them, such as the head of the Institute of State and Law of the USSR Academy of Sciences in 1931-1937 Evgeny Bronislavovich Pashukanis, lost their lives (E. B. Pashukanis was shot by the immediately executed verdict of the Military Collegium of the Supreme Court of the USSR of September 4, 1937).

The views of A.Ya. Vyshinsky on the content of the criminal process seem absolutely dogmatic and controversial. For example, the thesis seems unacceptable in modern criminal law, when the accused bears the burden of proving the circumstances justifying him. In the modern paradigm of Russian statehood, which is based on the ideas of a legal and social state, many postulates, affirmed by A.Ya. Vyshinsky obviously cannot be accepted either by society or by legal science. However, during the period under review, and much later, they served as the foundation for the development of the Soviet legal system. The views developed by A.Ya. Vyshinsky became an official general obligatory position for all researchers for many years, and the main approaches to understanding law and the state were reproduced both in general theoretical works and in the field of legal disciplines.

A significant contribution to Russian jurisprudence was made by other academicians of the USSR Academy of Sciences, a contemporary of A.Ya. Vyshinsky – Anatoly Vasilievich Venediktov, as well as scientists of a later period who survived in many ways the tragic change of state type in the 1990s – Vladimir Viktorovich Laptev and Vladimir Nikolaevich Kudryavtsev.

The scientific interests of A.V. Venediktov included the following problems: the organization of industry in the USSR, legal support for the activities of Soviet enterprises, the legal status of state legal entities, contractual discipline in industry in the conditions of the Soviet economic system, civil-legal protection of property. The provisions of civil law, justified by A.V. Venediktov, were enshrined in the Basics of Civil Legislation of the USSR, the Civil Codes of the Union Republics and other regulations.

To a lesser extent, A.V. Venediktov studied the problems of state-building, but his fundamental works in this area remain relevant today, which is due to the conditions in which the modern Russian economy operates. It is noted in the literature that even a superficial study of the sphere of federal property management shows that the practice of identifying power and property still exists. Despite the fact that there is no longer socialist property, the state continues to exercise its rights in relation to state property in the form of administrative acts, as was proposed by A.V. Venediktov in 1948 in his *State Socialist*

Property devoted to solving the problem of the state exercising property rights through state bodies¹⁰⁷⁷.

Another civilist-scientist whose works are in demand in modern Russian economic and entrepreneurial law is academician Vladimir Viktorovich Laptev, who became a full member of the USSR Academy of Sciences in 1987.

V.V. Laptev is the author of over 360 scientific papers, numerous publications on the problems of civil and entrepreneurial (economic) law, their subject were the problems of economic, entrepreneurial (economic) law. V.V. Laptev was the first to define economic law as an independent branch of law with its own subject and methods of legal regulation.

In his works, academician V.V. Laptev justified and defended the idea of unity of legal regulation of relations on the organization and implementation of economic activity, then the state and business appear as partners.

Having survived the collapse of the Soviet socialist economic system, V.V. Laptev continued his work. In his scientific works of recent years, he came to the conclusion that in modern conditions the combination of public law and private law principles, previously justified by him, in the regulation of economic relations fully retains its significance.

The ideas of V.V. Laptev, outlined in his fundamental works, have been developed in the modern researches of Russian scientists within such branches of law as business law¹⁰⁷⁸ and energy law¹⁰⁷⁹.

Vladimir Nikolaevich Kudryavtsev managed to overcome the turning point in the fundamental bases of Russian legal science, caused by the loss of the relevance of Soviet state-legal doctrine, due to the destruction of the USSR as the first socialist state in the world.

V.N. Kudryavtsev was elected a corresponding member of the USSR Academy of Sciences in 1974, and in 1984 he became a full member (academician). In 1985, V.N. Kudryavtsev was elected a member of the Presidium of the USSR Academy of Sciences, in 1988 – vice-president of the USSR Academy of Sciences. In 1992, V.N. Kudryavtsev took the post of vice president of the Russian Academy of Sciences (in the humanities and social sciences). The main sphere of scientific interests of academician V.N. Kudryavtsev was in applied jurisprudence. Most of his works were devoted to criminology and criminal law. The above-mentioned periods of the biography of academician V.N. Kudryavtsev correspond to three areas

¹⁰⁷⁷ Ivanov A.A. Ideas of A.V. Venediktov and their reflection in the draft amendments to the Civil Code of the Russian Federation // *Law*. – 2013. – No. 4. – P. 77.

¹⁰⁷⁸ Mikhailov N.I. Entrepreneurial law in the legal system of modern Russia and its development in the conditions of an innovative economy // *The creative heritage of academician V.V. Laptev and modernity*. – Moscow: Shcherbinskaja tipografija, 2014. – P. 41-51.

¹⁰⁷⁹ Lakhno P.G. Basic concepts of energy law // *The creative heritage of academician V.V. Laptev and modernity*. – Moscow: Shcherbinskaja tipografija, 2014. – P. 205-227.

of his scientific work: criminal law, criminology, theory and sociology of law. At the same time, he paid close attention to the general theory of law. In relation to our review, his works: *Socio-psychological aspects of antisocial behavior* (1974), *Law and behavior* (1978), and a number of others are of great interest.

The term “sociology of law” itself appeared precisely due to the scientific works of academician V. N. Kudryavtsev, who was one of the founders of this scientific trend in the 1960s and 70s. Earlier in Soviet jurisprudence, the normativistic law school dominated, with a bias towards class-materialistic views. Law was considered as a necessary tool for the influence of the state and the ruling strata of society on the consciousness of people. Considering it as a regulator of public relations, scientists assumed only two options that reflect the efficiency of the law – legality and illegality of behavior. The hidden potential possibilities of law remained unexplored – how it can influence the behavior of subjects. What is the role of law itself in the formation of lawful and the prevention of illegal behavior. It was this question that V.N. Kudryavtsev asked, he rightly wrote: “The motivating significance of the legal superstructure... studied less than the role of many other social spheres and factors”¹⁰⁸⁰.

Recognizing that law regulates all spheres of social activity, the scientist noted that the efficiency of this process is different in scope and historically variable within its borders. According to academician V.N. Kudryavtsev, law performs the optional role of a social regulator, influencing social relations only in the case and in the part where social norms do not cope with this function. Having the characteristics of universality, state coercion and formality, it is advisable to apply legal norms only to regulate those areas that require such regulation. Law and social relations are phenomena that affect each other. Law regulates relations in society, establishing rules of behavior, but, in turn, it has a secondary dependent character – it reflects already established relations that exist under the influence of not only legal, but also social norms. Thus, law gives the behavior of subjects the direction desired by the ruling class, but cannot replace all the real socio-political, cultural, economic and other conditions that shape human actions. The researcher connects the efficiency of legal norms with their legal quality, compliance with established social relations and the citizens’ expectations, as well as with a fairly developed level of legal awareness¹⁰⁸¹.

The period when the formation of a new school of sociology of law began was characterized by a formal identification of law and lex. V.N. Kudryavtsev also supported this position, agreeing with the statement of another jurist. In particular, S.S. Alekseev wrote: “... legality is nothing more than a realized right – a right from the point of view of requirements expressing its universality – the equality of

¹⁰⁸⁰ Kudryavtsev V.N. *Law and behavior*. – Moscow: Yurid. lit., 1978. – P. 4.

¹⁰⁸¹ *Ibid.* – P. 61.

all people before the law, sustainability and stability of legal regulation, the guarantee of subjective rights, etc.¹⁰⁸²

Several reasons prevented these concepts from complete synonymizing in the legal doctrine of that time: undeveloped lawmaking (for example, in 1978 only ten laws were adopted in the USSR); recognition of the norms of communist morality as a significant social regulator; the interdependence of the norms of positive law and the rulings of the leading Communist Party. The principle of socialist legality is contained in the entire set of legal norms, it is assimilated in the minds of people not only (and not so much) on the basis of the general provisions of the law that formulate it, but mainly as a result of the law application.

Being precisely based on the thesis about the equivalence of the concepts of “law” and “lex” that academician V.N. Kudryavtsev proposed to carry out lawmaking planning, saying that it is not enough to know the existing legal norms to foresee changes in the social sphere. He argued that “before proposing changes in the rules of law governing relations between socialist organizations, it is necessary to study the trends in the economic development of the country in the conditions of developed socialism”¹⁰⁸³.

Formulating new ideas of his time, the scholar’s works were not deprived of the shortcomings inherent to many scientific researches of that time in the USSR – a close connection with communist ideology. As V.A. Glazyrin notes: “... in theoretical and methodological terms, all the works of domestic authors on the sociology of law of this period were united on their Marxist-Leninist basis, and this meant that under all circumstances the discussion of methodological issues of legal sociology could not go beyond the boundaries of the postulates and fundamental provisions of the official philosophical, social and political-legal doctrine, that to a certain extent could not but limit the possibilities of researchers, and sometimes this scientific problem was replaced by the question of using specific sociological methods in the study of law”¹⁰⁸⁴.

However, the need to take into account sociological factors in order to improve the mechanism of law enforcement and society as a whole was confirmed in the future. The ideas formulated by V.N. Kudryavtsev were further developed by scientists such as V.S. Nersesyants, V.P. Kazimirchuk, S.S. Alekseev, A.M. Yakovlev.

In particular, it is of great interest for our study to consider the joint work “Social Deviations. Introduction to General Theory” issued by V.N. Kudryavtsev

¹⁰⁸² Alekseev S.S. The social value of law in Soviet society. – Yekaterinburg: University of Humanities, 2019. – P. 80.

¹⁰⁸³ Kudryavtsev V.N. Law and behavior. – Moscow: Yurid. lit., 1978. – P. 171.

¹⁰⁸⁴ Glazyrin V.A. Methodological foundations of sociology of law formation in Western European sociology of the 19th – early 20th centuries. – Saarbrücken: LAP LAMBERT Academic Publishing, 2006. – P. 5.

and V.S. Nersesyants in 1984¹⁰⁸⁵. In the work, the authors analyze the causes of social deviations, consider their dynamics and prevalence, components and mechanisms, noting the discrepancy between the criminal law and public morality as one of the main reasons for the increase in the number of social deviations.

V.S. Nersesyants, sharing the scientific views of V.N. Kudryavtsev, himself, in turn, was the founder of a new original philosophical and legal trend, called the libertarian theory of law. Its main idea is the maximum differentiation of the concepts of “law” and “lex”. In his opinion, “law is a normative form of expressing freedom through the principle of formal equality in relations regulated by it”¹⁰⁸⁶. The scientist points to the main problem of the philosophy of law being in understanding of the mechanism of these concepts’ relationship.

The differences existing between different personalities can and should be formalized, streamlined with the help of legal prescriptions. According to V.S. Nersesyants, this defines the specificity and meaning, boundaries and limitations, and the value of the legal form of mediation, regulation and ordering of social relations. The legal norm is a great equalizer. Exactly such conclusion characterizes another work of the academician – “Law is the mathematics of freedom. Experience of the Past and Perspectives”, where the scientist, comparing law with mathematics, postulates the idea that for law, as for mathematics, objects are equal according to certain formal criteria. At the same time, the formal equality of subjects depends and is limited by their legal capacity – the abstract freedom to acquire and use subjective rights¹⁰⁸⁷. In other words, recognizing justice as an internal quality and a property of law, the scholar believes that legal law is the embodiment of justice; to act fairly means to act lawfully, in accordance with the requirements of law. It was for law, and not for morality, that the scientist recognized such mandatory properties as freedom, justice and formal equality.

According to S.I. Arkhipov, the concept proposed by V.S. Nersesyants does not have sufficient originality to have an independent status, and should be classified as natural-legal views¹⁰⁸⁸. We believe that this statement is not entirely true. The concepts of justice and equality, which the academician postulated as inalienable attributes of law, are much broader than the concept of natural rights. It is on these principles that the understanding of the essence of law formulated by V.S. Nersesyants is based. According to the academician, “law is a normative form of expression of freedom through the principle of formal equality in relations

¹⁰⁸⁵ Kudryavtsev V.N., Nersesyants V.S., Kudryavtsev Yu.V. Social deviations: Introduction to general theory. – Moscow: Yurid. lit., 1984. – 320 p.

¹⁰⁸⁶ Nersesyants V.S. Philosophy of law. – Moscow: INFRA-M: Norma, 1998. – P. 22

¹⁰⁸⁷ Nersesyants V.S. Law is the mathematics of freedom. Experience of the Past and perspectives. – Moscow: Yurist, 1996. – P. 29.

¹⁰⁸⁸ Arkhipov S.I. V.S. Nersesyants’s libertarian theory of law: the merits and defects // Electronic appendix to the “Russian Legal Journal”. – 2015. – No. 5. – P. 7.

regulated by it”¹⁰⁸⁹. The main purpose of law, its avocation as a regulator of social relations is to bring differences between subjects to the same denominator, the transformation of these uncertain factual differences into formally defined unequal rights of free persons, independent of each other.

Conclusion. It should be recognized that the academicians of the USSR Academy of Sciences made a significant contribution to the development of Russian legal science. Soviet legal scholars who replaced pre-revolutionary scientists, sometimes without a basic legal education, at the same time were able to form new scientific schools and publish numerous educational and scientific works. It should be noted the universal nature and logic of the ideas set forth in the fundamental works of academicians A.V. Venediktov, V.V. Laptev, V.N. Kudryavtsev, that is why their works are in demand in modern jurisprudence. In particular, their research is actively used and has a significant impact on law-making and law enforcement in the public-legal and private legal spheres of legal regulation.

At the same time, the works of academicians too exposed to the ideology of the Communist Party could not maintain their relevance in the context of the transformation of Russian statehood and the exponential development of Russian legislation.

§ 3. Theory of law: academic science in search of a new paradigm

Introduction. Modern researchers often speak of the crisis that has struck legal science, while, according to H.J. Berman, it touched both legal values and legal thought¹⁰⁹⁰. In 1987, A. Hunt figuratively compared law with a “broken glacier”¹⁰⁹¹, and P. Schlag spoke about its stagnation and even death back in 2009, noting that scientists, in pursuit of ratings, did not notice that their activities were transforming into “journalism of precedent law” (case-law journalism)¹⁰⁹². In the domestic legal scientific tradition, this trend can be conditionally designated as “positive law journalism”, and it is most noticeable in the branch of legal sciences. In theoretical studies, the issue of developing or searching for a new legal paradigm is most often discussed.

The term “paradigm”, introduced by T. Kuhn, is used to denote the ideas of the scientific community about the object of research, about the methodological

¹⁰⁸⁹ Nersesyants V.S. Philosophy of law. – Moscow: INFRA-M: Norma, 1998. – P. 22.

¹⁰⁹⁰ Berman H.J. Law and Revolution: the Formation of the Western Legal Tradition. – Moscow: Moscow State University, Norma, INFRA-M, 1998. – P. 13.

¹⁰⁹¹ Hunt A. The Critique of Law: What is “Critical” about Critical Legal Studies? // Journal of Law and Society. – 1987. – No 14. – P. 7.

¹⁰⁹² Schlag P. Spam Jurisprudence, Air Law, and the Rank Anxiety of Nothing Happening (A Report on the State of the Art) // Georgetown Law Journal. – 2009. – No 97. – P. 804, 821.

principles of cognition, shared at a certain stage in the development of science¹⁰⁹³. The normal state of science is characterized by monoparadigmality, the appearance of anomalies (phenomena that cannot be explained from the standpoint of the dominant paradigm) leads to the emergence of alternative theories, which leads to the transformation of “normal science” into “extraordinary science”, i.e., in fact, science in crisis. T. Kuhn also assumed a post-paradigm state of science, when different scientific schools compete with each other until new achievements reduce their number to one.

In the history of jurisprudence, it is difficult to detect the paradigmatic nature of its development, since there are no theories, no scientific schools, no prescriptions, no values and models that meet the criteria elaborated by T. Kuhn. In fact, guided by his idea of a paradigm, it is impossible for us even to verify legal knowledge as scientific.

Lawyers also have to take into account (but not physicists or chemists) the lack of clear understanding of the research subject and its boundaries. Physicists do not debate on the question, “what is physics”, while legal scholars, and not only them, are persistently looking for the answer to the question “What is law?”. Therefore, even I. Kant ironically noted that lawyers have been unsuccessfully looking for a definition of law for 200 years¹⁰⁹⁴. Not that many questions about human society generate such a constant interest and are answered in “various, strange and even paradoxical ways”¹⁰⁹⁵.

Nevertheless, despite the obvious contradictions with the original position of T. Kuhn, in the jurisprudence it has recently been accepted to use the term “paradigm” to denote the types of law and order, “as the most general and concentrated conception of the essence and purpose of the law, which determines the fundamental approaches to its theoretical knowledge”¹⁰⁹⁶. Considering that T. Kuhn himself very cautiously noted that the history of social sciences has its own specifics and its scheme does not fit into his scheme (and, therefore, raises the question of the legality of the use of the term “paradigm” in relation to them), N.V. Varlamova gives an interesting interpretation of the specificity of legal science for which, on the contrary, “normal” is the competition of different paradigms, each of which in certain historical periods, undergoing some, but not essential, changes, could hold a dominant position or be “in the corral”, but never completely surrendered its position, nor did it win a final victory over competitors¹⁰⁹⁷. While monoparadigm,

¹⁰⁹³ Kuhn T.S. *The Structure of Scientific Revolutions*. – Chicago: The University of Chicago, 1962. – P. 13.

¹⁰⁹⁴ Kant I. *Critique of pure reason*. – Moscow: Mysl', 1994. – P. 432.

¹⁰⁹⁵ Hart H. *The concept of law*. – St. Petersburg: Izd-vo S.-Peterb. un-ta, 2007. – P. 9.

¹⁰⁹⁶ Varlamova N.V. *Russian theory of law in search of a paradigm* // *Journal of Russian Law*. – 2009. – No. 12 (156). – P. 68.

¹⁰⁹⁷ Varlamova N.V. *Typology of legal understanding and modern trends in the development of*

respectively, signals us about the crisis state of science. Accordingly, Soviet legal science, in the context of its fixing the official definition of the law in its ideological connotation, has plunged itself into a paradigmatic crisis. Discussions were mainly held between the supporters of “broad” and “narrow” (legist) approaches to understanding the essence of law, which today seems to us not as competing paradigms, but rather their simulacra. The crisis, that hit the theory of law, where the disputes resembled a dispute between Bulgarus and Martinus Gosia, also affected the branch of legal sciences, which turned into “journalism of positive law”.

Main research. The huge merit in overcoming the long crisis, first of all in the theory of law, belongs to the scholars of the Institute of State and Law, where a scientific school is being born, which for a long time will become an influential alternative to Soviet, and then post-Soviet positivism. This approach, later named as libertarian- legal, owes its origin to V.S. Nersesyants, who, however, did not identify legal understanding with the concept of “paradigm. He was convinced that without the concept of distinction between the law and legal act “in our understanding of law we inevitably remain in the one-dimensional plane of authoritatively given positive law, that is, in fact, – within the framework of official law, within the boundaries of positivistic legal science and legitimacy”¹⁰⁹⁸.

For the first time, V.S. Nersesyants stated it in a never published article prepared for the journal “Soviet State and Law” in 1977, a summary of which was published by V.V. Lapaeva¹⁰⁹⁹. It already clearly shows the author’s position on the need to distinguish between law and legal act, as well as the positioning of his views, both different from the legal positivism and from the naturalism¹¹⁰⁰. Already after the publication of his monograph “Law and Legal act” in 1983, V.S. Nersesyants publishes an article “Law: diversity of definitions and the unity of concept”, which is considered to be programmatic¹¹⁰¹. In this work, the author highlights in addition to the “broad” and “narrow” interpretations of the law characteristic of the Soviet jurisprudence, also the approach, “whose representatives justify such understanding (and concept) of the law, which is based on the concept of the distinction of law and legal act”¹¹⁰². This article also has a feature uncharacteristic for V.S. Nersesyants, a detailed criticism of the views of other scientists on

the theory of law. – Moscow: National Research University “Higher School of Economics”, 2010. – P. 11.

¹⁰⁹⁸ Nersesyants V.S. *Philosophy of Law*. – Moscow: Norma, 2009. – P. 9.

¹⁰⁹⁹ Lapaeva V.V. *Vladik Sumbatovich Nersesyants*. – Erevan: Nzhar, 2009. – P. 118-123.

¹¹⁰⁰ *Ibid.* – P. 123.

¹¹⁰¹ Lapaeva V.V. *Types of legal understanding: legal theory and practice*. – Moscow: RAJ, 2012. – P. 130.

¹¹⁰² Nersesyants V.S. *Law: variety of definitions and unity of concept // Soviet state and law*. – 1983. – No. 10. – P. 27.

the law, since in the future he mainly concentrated on presenting his own ideas about law¹¹⁰³.

The concept is called “libertarian” by virtue of the fact that law, according to the position of V.S. Nersesyants includes freedom. The law is the only form of existence and expression of freedom in public life allowing us to experience both legal and non-legal phenomena. The use of the adjective “juridical” gives us the understanding that freedom of people in their communication with each other is possible only in a legal form, and is not a form of expression of morality or decency¹¹⁰⁴.

The recognition of personal freedom, which is an inherent and natural quality of man, distinguishing him from other living beings is the fundamental teleological value of the libertarian-legal approach to the law. Society, aware of the need to preserve the freedom of all participants in social communication, carries out its normalization and formalization on the basis of universal scale and equal measure, which forms the legal regulation. In order to ensure the freedom of participants in social communication, the law regulates, on the basis of the principle of formal equality, i.e., abstracting from the differences inherent in human beings and recognizing them formally as equal and free subjects. Thus, being a specific principle of legal regulation, formal equality as equality in freedom, the equal measure of freedom of all participants in social communication defines its essence and content. People appear only as abstract bearers of social status to law¹¹⁰⁵.

Recognition of the formal equality of people presupposes their freedom and independence from each other. “Only free people can be subjects of law, and where there is no freedom, there can be no law. Since the principle of formal equality includes the moment of formal freedom, legal norms are equal measures (norms and forms) of freedom according to a single (common for all subjects and relations falling under the relevant norm) scale”¹¹⁰⁶.

Formal equality, according to N.V. Varlamova, appears as a basic and universal principle of legal regulation. It essentially defines an order that is objectively universal, as formally equal and equally fair for all. The rule of law is ensured by its universality, which, together with justice, legitimizes its coercion. The principle of formal equality is manifested in the fact that it comprehensively and extensively defines law and order: it embodies the requirements of both the content of positive

¹¹⁰³ Lapaeva V.V. Vladik Sumbatovich Nersesyants. – Erevan: Nzhar, 2009. – P. 20.

¹¹⁰⁴ Lapaeva V.V. Types of legal understanding: legal theory and practice. – Moscow: RAJ, 2012. – P. 126.

¹¹⁰⁵ Varlamova N.V. Typology of legal understanding and modern trends in the development of the theory of law. – Moscow: National Research University “Higher School of Economics”, 2010. – P. 42-43

¹¹⁰⁶ Nersesyants V.S. Law is the mathematics of freedom. Experience of the past and prospects. – Moscow: Yurist, 1996. – P. 9.

law and the forms and means of its establishment and protection. Formal equality is the principle of social interaction between members of society, ensuring their freedom, and the principle of organizing the state as an institutional form of protecting freedom¹¹⁰⁷.

Formal equality is precisely and exclusively legal equality, it operates only in the sphere of legal relations and does not imply moral equality (equivalence) of people, while not preventing different attitudes towards different people in the sphere of direct (not mediated by official coercion) interpersonal communication. The principle of formal equality, being the basis of the public (officially established and maintained by authorities) order, makes it possible to fully and naturally (freely) manifest all the differences between people and developing into the inequality of their actual social status. While the legal formalization (affirmation, fixation) of natural inequalities of human beings leads to an arbitrary social stratification within the framework of which these differences will be artificially preserved¹¹⁰⁸.

V.S. Nersesyants, comparing jurisprudence with mathematics, noted that “equality is brought to the absolute abstraction of quantitative definitions, completely “cleared” from qualitative and substantive differences”. In law however, it is not so abstract, it contains a qualitative, substantive point for the social sphere – the freedom of the individual in public relations. “Legal equality is equality of subjects, equality of people as free individuals. Only free people can be legally equal, and this equality means that subjects of law are recognized under a universal and equal standard for them, regulating the corresponding relationship. Legal equality is the equality of the free ones, the general scope and equal measure of the freedom for individuals. Law speaks and acts by the language and means of such equality. In this sense, law is mathematics of freedom”¹¹⁰⁹.

Fairness is inherent in the law, which, therefore, is just, that being its abstraction (abstract manifestation and definition), accumulates the legal principle – the principle of abstract-universal formal equality and freedom. V.S. Nersesyants argued that fairly is only what is in conformity with the law, and therefore fairness has no other regulatory principle except for the legal one¹¹¹⁰. Since 1983, he has consistently argued for an understanding of the essence of the law as a triune of equality, freedom and fairness, which together constitute the legal principle of formal equality¹¹¹¹.

¹¹⁰⁷ Varlamova N.V. Typology of legal understanding and modern trends in the development of the theory of law. – Moscow: National Research University “Higher School of Economics”, 2010. – P. 45.

¹¹⁰⁸ Ibid. – P. 79.

¹¹⁰⁹ Nersesyants V.S. Law is the mathematics of freedom. Experience of the past and prospects. – Moscow: Yurist, 1996. – P. 9-10.

¹¹¹⁰ Ibid. – P. 10.

¹¹¹¹ Lapaeva V.V. Types of legal understanding: legal theory and practice. – Moscow: RAJ, 2012. – P. 131.

V.S. Nersesyants has been developing the libertarian-legal concept of law for decades not always meeting the understanding of the “legal establishment”. N.V. Varlamova noted that for a long time the monism domination in the Russian theory of the law, the return of pluralism of approaches to understanding is perceived by domestic researchers as a temporary phenomenon that has no scientific or practical significance, causing mainly negative effects¹¹¹². Despite all of the above, the libertarian legal concept has firmly taken its place in the polyparadigmatic space of modern law theory. True, as ironically remarked V.G. Graftsky concept is has had more luck with “mentioning, but not understanding”¹¹¹³. This observation should be generally accepted, noting that such a fate is common to all theories requiring considerable intellectual effort from the reader. Perhaps this is the reason why the V.S. Nersesyants’s school does not recruit a large number of new supporters, rather than the supposed commitment of some of its representatives to the “ideas of liberal fundamentalism”, which prevents the popularization of the concept itself¹¹¹⁴.

Conclusion. Today, representatives of the libertarian-legal approach actively develop their own dogmatics, which, unlike the positive one, should not be descriptive, but prescriptive. “It is necessary to move from generalization and systematization of normative material, empirically given in positive law, to formulation of requirements that ensure its legal character. Traditional legal categories, well developed by positivism, should get informative interpretation, be presented as decomposition of libertarian concept of law”¹¹¹⁵. In our view, “the process of legalizing libertarian dogmatics has not yet been fully completed, so it seems a little naive-optimistic that this concept can be an effective theoretical tool for solving urgent problems of legal practice”¹¹¹⁶.

At the same time, the ideas of V.S. Nersesyants, developed by V.V. Lapaeva, N.V. Varlamova have the potential, and in some cases should serve as a guide for legislators and law enforcement.

The author of this article deliberately ignored the criticism of the libertarian-legal approach to the understanding of the law. Despite the fact that a number of “original claims” to V.S. Nersesyants seem to be little justified, for example, in “ignoring” the emergence of postmodernism in law, which did not give it a “decent

¹¹¹² Varlamova N.V. Russian theory of law in search of a paradigm // *Journal of Russian Law*. – 2009. – No. 12. – P. 68

¹¹¹³ Graftsky V.G. Integral (general synthesized) jurisprudence as theoretical and practical knowledge. Materials of philosophical and legal readings in memory of Academician V.S. Nersesyants “Our difficult path to law”. – Moscow: Norma, 2006. – P. 159.

¹¹¹⁴ Vlasova O.I. Libertarian legal concept of V.S. Nersesyants in the context of our time // *Law and Society*. – 2011. – No. 3-4. – P. 365.

¹¹¹⁵ Varlamova N.V. Philosophy of law and legal dogma (the problem of internal consistency of legal theory. Jurisprudence of the 21st century: development horizons. Essays. – St. Petersburg: St. Petersburg University of the Ministry of Internal Affairs of Russia, 2006. – P. 299.

¹¹¹⁶ Vlasova O.I. Op. cit. – P. 366.

answer”¹¹¹⁷, although it is quite obvious that the scientist’s response to “all challenges” is contained in his concept. In general, the opponents largely reveal the same shortcomings, repeat the same arguments for decades, and, thus, only one conclusion is possible – people still read V.S. Nersesyants’s works read in contrast to that of his critics.

§ 4. Personal security in the changing legal realities of the 21st century

Introduction. Safety is the very original need of any living organism. At the individual level, security is expressed in the desire to preserve one’s existence, creating the most comfortable life conditions. The desire to protect your lives and the lives of your loved ones is one of the main innermost desires of each person. Throughout the history of mankind, human security has attracted special attention, and over time its relevance not only decreased, but, on the contrary, increases.

In a rapidly changing reality, personal security is one of the most important problems of society and the State. With the development of scientific and technological progress and society as a whole, with the complication of social ties between people and the formation of new legal relations between a person and the State, the perception of personal security as such is transformed. It is necessary to develop and implement a modern interaction model between a man and a State, taking into account modern realities and events taking place at this stage of development. In view of the rapidly changing life conditions, human security requires a comprehensive study and elaboration of development vectors, taking into account the trends and needs of today.

The issues of ensuring human security for many centuries have worried the minds of not only ordinary citizens, but also representatives of public, political and scientific circles, both world and domestic. Here, undoubtedly, it is worth noting the role of the Russian Academy of Sciences, which has not stayed away from studying various aspects of security and continues to research actively the security phenomenon in the present, contributing to the development of methods for maintaining security. The research activities of the Russian Academy of Sciences serve as a foundation and catalyst for the process of forming and strengthening the foundations of our state security. The establishment of the Security Problems Study Center of the Russian Academy of Sciences and its subsequent activities as an independent structural unit of the Russian Academy of Sciences became the result of the special attention of scientific academics to security problems. A comprehensive analysis

¹¹¹⁷ Arkhipov S.I. V.S. Nersesyants’s libertarian theory of law: the merits and defects // Electronic appendix to the “Russian Legal Journal”. – 2015. – No. 5. – P. 12.

of security problems and the development of proposals for ensuring the country's security, which contribute to the development of new methods for ensuring security in the Russian Federation are the main activities of this center.

Until now, Russian legislation has no legal definition of the term “security” and it does not define the notion of “personal security”, but both of these concepts are widely used in regulatory acts. For example, these terms can be found in the texts of such legal acts, as the Constitution of the Russian Federation of 1993¹¹¹⁸, Federal Law No. 390-FL dated 28 December 2010 “On Security”¹¹¹⁹, Federal Law No. 258-FL dated 31 July 2020 “On experimental legal regimes in the field of digital innovation in the Russian Federation”¹¹²⁰, Federal Law No. 35-FL dated 6 March 2006 “On Countering Terrorism”¹¹²¹, Decree No. 400 of the President of the Russian Federation dated 2 July 2021 “On the National Security Strategy of the Russian Federation”¹¹²², Decree No. 646 of the President of the Russian Federation dated 5 December 2016 “On the Approval of the Information Security Doctrine of the Russian Federation”¹¹²³, as well as in many other regulatory acts. However, there are only limited references to these terms in the legislation in order to formulate the fundamental principles of security, the role of individual, State and municipal bodies in ensuring security.

Turning to theoretical sources, it is worth mentioning that at present there is a wide range of scientists' views on this issue at the level of legal doctrine.

For example, A.Yu. Mazdakov defines security as “a complex social phenomenon that in a contradictory way reflects the relations of various social

¹¹¹⁸ The Constitution of the Russian Federation (adopted by public voting on December 12, 1993 with amendments approved during the all-Russian voting on July 1, 2020) // SPS “ConsultantPlus”. – URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_28399/ (Accessed on September 10, 2023).

¹¹¹⁹ The Federal Law No. 390-FL dated 28 December 2010 (as amended on November 9, 2020) “On Security” // SPS “ConsultantPlus”. – URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_108546/ (Accessed on September 10, 2023).

¹¹²⁰ The Federal Law No. 258-FL dated 31 July 2020 (as amended on July 2, 2021) “On Experimental Legal Regimes in the Field of Digital Innovation in the Russian Federation” // SPS “ConsultantPlus”. – URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_358738/ (Accessed on September 10, 2023).

¹¹²¹ The Federal Law No. 35-FL dated 6 March 2006 (as amended on 26.05.2021) “On Countering Terrorism” // SPS “ConsultantPlus”. – URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_58840/ (Accessed on September 10, 2023).

¹¹²² The Decree No. 400 of the President of the Russian Federation dated 2 July 2021 “On the National Security Strategy of the Russian Federation” // SPS “ConsultantPlus”. – URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_389271/ (Accessed on September 10, 2023).

¹¹²³ The Decree No. 646 of the President of the Russian Federation dated 5 December 2016 “On approval of the Doctrine of information security of the Russian Federation” // SPS “ConsultantPlus”.

– URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_208191/02ede4153cefc2787580144c4bd05be466415f9/ (Accessed on September 10, 2023).

subjects”¹¹²⁴. A.A. Ter-Akopov defines the notion of security as peculiar system that should “cover both the protection of the normal state of the object from the influence of factors threatening vital interests, and the restoration of such a state”¹¹²⁵. F.K. Mugulov interprets security more fully as “the protection level of safety interests; a certain state of security facilities, in which they are able to counteract threats and overcome dangers; the adequacy of the measure system to prevent threats and overcome hazards (usually applied to highly organized social objects and it is a qualitative characteristic of the management effectiveness); qualitative characteristics of stability and sustainability of social system development and so on”¹¹²⁶.

A.G. Uporov synthesizes the concept of safety and considers it in two aspects – wide and narrow. In a broad sense, by security, he means national security, and “in a narrow sense, security is considered as personal security, its rights, freedoms and interests, the protection of which consists of the implementation of constitutional guarantees of personal security, of improving the quality and standards of living, of the physical, spiritual and intellectual development of man and citizen, strengthening democracy, creating a legal, social State, achieving and maintaining social harmony, and spiritual renewal of Russia”¹¹²⁷. S.V. Ste-pashin emphasizes that the concept of “personal security” is identical to the concept of “security”, whereas the security of society and the State are elements that ensure personal security¹¹²⁸.

Based on the above-mentioned, it should be noted that in theoretical sources there is no unified approach to the meaning of security, to the scope of its content in modern society and in the State, to relation between the concepts of “security” and “personal security”, and thus we have a very specific goal for research.

Nevertheless, it is worth noting that such a variety of views on the definition of security indicates a certain interest of legal scholars to the development of the security category and various aspects of its ensuring, but also indicates the lack of consensus in the definition of this phenomenon. Moreover, doctrinal researches do not emphasize the need to change the scope of content of the security concept in general, and personal security in particular, according to changing realities. Now there is a significant need to rethink the security of the individual in the context of

¹¹²⁴ Mozdakov A.Yu. Social security and personal security // State and law. – 2008. – No. 6. – P. 102.

¹¹²⁵ Ter-Akopov A.A. Human security (theoretical foundations of the social and legal concept). – Moscow: International independent ecological-political university, 1998. – P. 13.

¹¹²⁶ Galuzin A.F. Offences as a major threat to legal and social security. – Samara: Samara State Economic University, 2007. – P. 9.

¹¹²⁷ Uporov A.G. Fundamentals of state and individual security. – Novokuznetsk: Kuzbass Institute of the Federal Penitentiary Service of Russia, 2009. – P. 5.

¹¹²⁸ Galuzin A.F. Offences as a major threat to legal and social security. – Samara: Samara State Economic University, 2007. – P. 19

contemporary trends taking place both in the international arena and in Russian society and the State.

Nevertheless, personal security issues, as well as national security issues in general, attract more and more attention every year. The Russian Federation, as well as the international community, seeks to strengthen the foundations of personal security, to form an adequate response system to violations of its integrity. First of all, such aspirations are expressed in the development of a legal framework aimed at expanding the legal status of a person by supplementing its content with new rights, creating additional guarantees and mechanisms for ensuring the protection and security of human beings.

Main research. In a modern democratic, legal and socially oriented State, personal security plays one of the fundamental foundations of building relations between the State and the person. Human security in a legal and democratic State is not only the preservation of the individual's life, but also the creation of certain favorable conditions for the existence of a person. In this context, security acquires broader features and characteristics, which are expressed in the comprehensive ensuring of security for all facets of an individual's being. The proclamation of a State as democratic and legal in itself is not a simple set of words, but it determines the vector of development and the existence of a State within a given framework. In today's circumstances, the ensuring of personal security has gone beyond the independent activities of an individual or group of persons, and, having acquired an exclusively legal character, has become the task of the State. It is also worth noting that the international community seeks to develop the system of personal protection as the first link in the triad "person – society – State".

The proclamation of the Russian Federation as a legal democratic state in Art. 1 of the Constitution of the Russian Federation of 1993 became an act that set the modern vector for the development of our State. The recognition of human rights and freedoms, as enshrined in Art. 2 of the Constitution of the Russian Federation¹¹²⁹, gave priority to the position of a person in the State, made it possible to form humanistic vectors for the development of domestic legislation, and served as the basis for the development of State policy in the spirit of comprehensive protection of a person, and, therefore, personal safety.

However, in history, this approach to personal security has not always been. Almost until the end of the 20th century, law viewed security from the position of preserving State sovereignty, strengthening external borders and ensuring the

¹¹²⁹ The Constitution of the Russian Federation (adopted by public voting on December 12, 1993 with amendments approved during the all-Russian voting on July 1, 2020) // SPS "ConsultantPlus". – URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_28399/ (Accessed on September 10, 2023).

internal stability of the State¹¹³⁰. In the Soviet period, security was considered exclusively as State security, which was reduced to ensuring counterintelligence activities and preventing any opposition¹¹³¹. At the same time, human security meant ensuring exclusively the physical security of a person, due to law enforcement and order and combat crime. Thus, personal security was not considered as an independent legal category and was absorbed by the security of the State. The main attention was paid to the interests of the State and society, which, in turn, could not fully contribute to the development of this legal category.

With the adoption of the Constitution of the Russian Federation in 1993, a radical coup in understanding of the relationship between the State and a person took place – a person passes from the status of State influence object to the status of a subject with a wide range of rights and freedoms. Relations between the State and a human being are becoming more equitable.

Assessing existing threats to personal security is very important for analyzing current security trends. Among the main threats in the Russian Federation there is a number of phenomena that have existed over a long period of time and can harm the security of the individual: a high level of offenses as an extreme degree of expression of this phenomenon of crime against the life and health of Russian citizens; the desire of the population to solve problems by non-legal methods, which often leads to more serious violations of legal norms; optimization the health network, with a significant reduction in access to health care for the general population; aggravation of the economic crisis associated with both domestic and international processes, which has led to an increase in unemployment; low income of the Russian population against the background of rising prices for food and essential goods, as well as medicines; before the higher wages of working citizens the prices for goods more increase; demoralization of the population and the growth of social diseases such as drug addiction, alcoholism; other adverse processes. At the same time, it is worth noting the emergence of new factors that affect personal security and are directly related to modern realities.

Today in the international arena there is a change tendency from the unipolar to a multipolar world, new leading countries are appearing. As a result of the ongoing transformation of international dialogue between States, on the one hand, new foundations of interaction are being formed, and on the other hand, conflict between the participants in the international dialogue is growing, which can be one of the factors that form threats to personal security. All this requires the search of new conditions for interaction between the countries

¹¹³⁰ Galuzin A.F. Legal security and its principles. – St. Petersburg: Law Center Press, 2008. – P. 33-34.

¹¹³¹ Terekhova N.N. State-legal foundations of personal security in the Russian Federation. – Moscow: Nauka, 2009. – P. 5.

participating in international relations. The decline in the effectiveness of the global security system leads to the need of strengthening the armed capacity of States, which leads to a protracted arms race, and to an increase in manifestations of instability in the world, including the persistence of the terrorism phenomenon. It is also worth marking the continuing imbalance among countries in terms of the living standards of the population. These factors, one way or another, affect the safety of each person.

Environmental problems are increasingly attracting the attention of the international community. The preservation of a favorable ecological environment is recognized not only as a fashion trend, but as an urgent need for everyone living on the planet. Today's processes in the field of ecology can not only cause significant harm to human health, but also change the existing natural balance.

Also, issues of cloning, genetic engineering, reproductive human rights, as well as the development of bacteriological weapons are associated with the development of scientific and technological progress. Leaving these areas without proper legal regulation can significantly affect the safety of not only a person, but also the State as a whole.

The rapid development of information technology has significantly improved the lives of people around the world, but at the same time it has given rise to a number of aspects that require legal regulation. So, the latest technologies of the 21st century allow committing illegal actions outside the physical field of interaction of subjects of legal relations, which caused a rapid transfer of criminal actions to virtual space. Now in the Internet you can find content with information of extremist and pornographic content, permanently functioning "death groups", distributors of inaccurate and distorted information, narcotic and psychotropic substances, as well as unscrupulous citizens, can get an access to the capital of citizens and their personal information, and, as a result, the possibility of their abduction and use for illegal purposes, create ways to legalize the proceeds of crime, etc. Of course, all this cannot but generate concern among the public.

One of the main problems that arose at the end of 2019 and is still ongoing is the spread of the world pandemic associated with the spread of the COVID-19 virus. A hitherto unknown virus in its scale has become a "plague" of the 21st century. Despite the introduction of lockdowns by many countries and the development of vaccines, the virus continues to be an urgent problem for the world community, and the emergence of new mutations forces to increase efforts in finding solutions to combat it. Coronavirus completely changed the picture of the world and once again made us think that ensuring the security of everyone in all its manifestations is a basic condition for the preservation of the mankind life.

Modern trends were reflected as priority areas for ensuring national security in the Decree No. 400 of the President of the Russian Federation dated 2 July 2021

“On the National Security Strategy of the Russian Federation”¹¹³². Thus, the National Security Strategy contains a set of tasks and principles to ensure not only the security of the State and society, but also the security of the individual through the application of purely legal mechanisms for its maintenance. The very understanding of national security is seen as the unity of security of the individual, society and the State. It is worth agreeing that “there is a direct proportional relationship between human security and national security”¹¹³³.

In the State and legal context, national security is the generic concept of security. Accordingly, personal security (human), which is part of national security, is considered along with public and State as one of the foundations. In general, society and the State represent, first of all, the community of individuals. “Therefore, the preservation, the state of the higher standing system – society, the State – depends on the preservation and the state of its parts (personalities)”¹¹³⁴. State aspiration and the human being aspiration to preserve personal security are unequivocally reciprocal. Any State is committed to preserving the population and the focus on demographic growth and increasing the number of people has a valid interest in the development of personal security.

It is worth noting the fact that there is a natural expansion of social relations that require ensuring personal security. It is worth agreeing with D.F. Ziatdinov that “at the present stage there are shifts in approaches to security: from security, which emphasizes the military protection of the State, to human security issues, as well as to wider security concepts. Thus, there is a need for an expanded system approach to security”¹¹³⁵.

Consideration of personal security in the legal sphere is characterized by the fact that this category should be considered from the point of view of the development of a set of guaranteed human rights and freedoms. Today, in the legal dimension, “personal security” is expressed in the protection and security of the entire range of constitutional rights and freedoms of a person and citizen¹¹³⁶.

The proclamation of our country in part 1 of Art. 1 of the Constitution of the Russian Federation¹¹³⁷ to be a legal State implies the transfer of the safe existence

¹¹³² The Decree No. 400 of the President of the Russian Federation dated 2 July 2021 “On the National Security Strategy of the Russian Federation” // SPS “ConsultantPlus”. – URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_389271/ (Accessed on September 10, 2023).

¹¹³³ Klimashin A.G. The concept of security: problems of interpretation // Sociological almanac. – 2019. – No. 10. – P. 291.

¹¹³⁴ Gorshenkov G.G. Personal security and public administration. – N. Novgorod: VVAGS, 2006. – P. 6.

¹¹³⁵ Ziatdinov D.F. Theoretical approaches to security issues in international relations: the concept of human security // World policy. – 2020. – No. 4. – P. 35.

¹¹³⁶ Fedotova Yu.G. Personal security as an element of the constitutional security of the Russian Federation // Advocacy practice. – 2014. – No. 4. – P. 61.

¹¹³⁷ The Constitution of the Russian Federation (adopted by public voting on December 12, 1993 with amendments approved during the all-Russian voting on July 1, 2020) // SPS

area of a person as an abstract category to the field of law, its legal specificity, and, above all, through constitutional human rights as the core of the constitutional legal status of the individual. The Constitution defines the vectors for the development of the entire body of domestic legislation in matters of regulating the situation and ensuring human security, which must be evaluated through the lens of guaranteed constitutional rights and freedoms, the constitutional position of a person in the legal sphere of the State and society life.

The norms governing certain aspects of ensuring personal safety, the procedure for ensuring, legal and other guarantees, are contained in a number of normative legal acts on different levels – international, federal, subjects of the federation and municipal.

Currently, the legal status of a person is formed not only with the rights and freedoms enshrined in domestic legislation, but also with the rights and freedoms enshrined in international legal acts. One of the fundamental foundations of the constitutional system is the provision of part 4 of Art. 15 of the Constitution of the Russian Federation, according to which “the generally recognized principles and norms of international law and international treaties of the Russian Federation are an integral part of its legal system. If an international treaty of the Russian Federation establishes rules different from those provided by national law, then the rules of the international treaty are applied”¹¹³⁸. So, it should be recognized that it is advisable to include in the person’s legal status a number of the rights included in international legislation ratified by Russia.

Thus, personal security issues are complex and multifaceted. Although the legal basis for ensuring personal safety is the totality of the entire normative array governing the protection and security of the person, the rules of constitutional law are certainly the basis of the system. At the same time, constitutional and legal regulation in the field of forming and ensuring personal security today has reached such volumes that it is possible to talk about the existence of an independent constitutional and legal institution for personal security. So, it is important to find a balance between private and public interests in interaction in the field of personal security. Security is a constitutional category, the legal and normative content of which is not limited to a purely public focus (on society and the State), and it determines the state of protection of the individual’s vital interests, society and the State on the basis of consistently ensuring their balance. As a result, the security category is intended to reflect both public and private interests in their relationship and balance. It is not occasionally that in par. 1 of Art. 56 of the Constitution of the Russian Federation as equivalent grounds of possible restrictions on rights and

“ConsultantPlus”. – URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_28399/ (Accessed on September 10, 2023).

¹¹³⁸ Ibid.

freedoms in a state of emergency are defined: (a) ensuring the safety of citizens and (b) protecting the constitutional order¹¹³⁹.

We believe that for the aims of thorough research of the axiological content of the phenomenon under discussion, it will be advisable to consider the individual's security through the prism of constitutional values as the first guidelines for the development of a legal democratic State. "The State implements the legal consolidation of the values prevailing in society through the inclusion of relevant norms in legislative acts, in particular in the Constitution"¹¹⁴⁰. The very essence of human security is an objective necessity comparable to "air", without it the human existence is impossible, that characterizes its increased axiological content. Through the prism of law, the person's security should be considered by determining the level of ensuring of human rights and freedoms. The constitutionally enshrined recognition of a person, his rights and freedoms as the highest values in the Russian Federation makes it possible to speak of the need to create a system for the protection of these values, namely, the creation of legal mechanisms to ensure the safety of the individual. The modern understanding of personal security is, first of all, the state of safety and protection of a guaranteed set of human rights and freedoms.

Constitutional values have general significance, and the values themselves are a reflection of social life and they are designed to form value guidelines for the development of legislation. "The constitutional norm can be transformed into constitutional value, since the content of this norm is directly related to the rights and freedoms of the individual and guarantees the possibility of their realization"¹¹⁴¹.

Natural and legal values become constitutional values and they are formed in society naturally (i.e., appeared before their constitutional adoption)¹¹⁴². It is in this way that the constitutional values such as: life, health, the right to freedom and person's inviolability, as well as the other rights and freedoms guaranteed by the second chapter of the Constitution of the Russian Federation¹¹⁴³, which together constitute the first requirement for the existence of a person, have acquired the status of constitutional values. It is with respect for human rights and the real mechanism for their protection that we can speak of the existence of personal safety.

¹¹³⁹ Ibid.

¹¹⁴⁰ Terekhova N.N. State-legal foundations of personal security in the Russian Federation. – Moscow: Nauka, 2009. – P. 81.

¹¹⁴¹ Maly A.F., Permilovsky M.S. The theory of the foundations of constitutional axiology // Constitutional and municipal law. – 2015. – No. 4. – P. 5.

¹¹⁴² Kazantseva O.L. Constitutional values: modern experience of Russia and foreign countries. – Barnaul: Altai State University, 2013. – P. 32-33.

¹¹⁴³ The Constitution of the Russian Federation (adopted by public voting on December 12, 1993 with amendments approved during the all-Russian voting on July 1, 2020) // SPS "ConsultantPlus". – URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_28399/ (Accessed on September 10, 2023).

Respectively, personal safety in law dimension, as the state of security and protection of guaranteed rights and freedoms, is now considered as constitutional value. According to N.S. Bondar, “the normative principles of constitutional values stem from their objective social significance... as a primary and undoubted basis for both the legal system of the State as a whole and for each of its legal norms”¹¹⁴⁴.

Personal security as a value of the highest order (constitutional value) is a natural good that guarantees the ability of a person in the process of his life to freely enjoy constitutionally guaranteed complexes of rights and freedoms. Unlike other types of social security, which in one way or another project on the state of individual security (economic, international, etc.) and receiving constitutional and legal mediation, personal security is an objective (natural-legal) level of security that is initial and allows a person to exist not only as a living organism, but also to act as a full subject in the legal space.

Both the value of personal security is universal for all people, and most modern threats to it are universal too. It is worth constituting the fact that the modern understanding of personal security cannot have a purely local understanding and change from country to country. Understanding of human security should be universal for the international community and all States. The international community seeks to work out fundamental world standards for human security in order to unify this category. To a large extent, this is facilitated by the development of international legislation norms and the activities of international organizations. The amount of human security content in one country cannot be significantly larger or smaller than in other countries, all the more it cannot vary depending on the region of one country. A modern understanding of security is not only a preservation of the physical integrity of the body, but also ensuring the inviolability of human rights. It is the recognition of a wide range of human rights and freedoms, both at the international and domestic levels, which makes it possible to implement common standards for ensuring personal security in the world.

Conclusion. Thus, under the influence of the prevailing trends in the society life, the modern understanding of personal security takes on new features. If previously security was considered purely as the preservation of the physical integrity of the body, but at the moment the reduction of personal security exclusively to the preservation of life and inviolability is unacceptable, since this unambiguously narrows a picture of understanding of this legal phenomenon. The modern understanding of personal security is inextricably linked to the inviolability of the legal status of a person, with a set of rights and freedoms guaranteed to him. It is also obvious that the content of the legal status of a person tends to expand. This process is often associated with the development and complication of public relations, the

¹¹⁴⁴ Bondar N.S. The axiology of judicial constitutionalism: constitutional values in the theory and practice of constitutional justice. – Moscow: Yurist, 2014. – P. 21-22.

inevitability of scientific and technological progress and, as a result, the appearance of new threats to the person that require personal security. The emergence of new areas in human life requires the formation of a legal basis for safety, taking into account these changes. Among these are the information environment, the development of advanced medical technologies and a number of other areas that originated in the process of society development and require new approaches to ensuring personal security.

By its nature, personal security is inextricably linked with human rights and is a constitutional value of the highest order. We believe that it is impossible to reduce personal security only to the concept of the state of security and to understand it statically. Personal security includes a whole system ensuring personal security. This is a complex social and legal phenomenon, that is dynamic in development and changes with society development. This concept should include not only the state of personal security and the legislative framework aimed at resolving personal security, but also the mechanism for maintaining and ensuring the proper level of security. The maintenance mechanism should include measures and means aimed at preserving the security of the individual, in which a person gets a real opportunity to reveal the potential inherent in him, namely, to realize himself as a person, as well as measures and means aimed at eliminating threats.

§ 5. Non-legal means in the legal regulation system

Introduction. The regulatory process took place under the general influence of various factors and instruments, which, taking the appropriate form, were capable of bringing the social system into such a state, the parameters of which most corresponded to the expected and effective work of its constituent elements. One of the most critical components of this process in modern state-organized society is legal regulation – an open and developing system, which includes a set of social and legal means. The integration of the social and legal aspects in the system of legal regulation represents it in unity and in connection with the social system in general and the activities of people, their interests and needs in particular.

The assertion that law should be understood as a phenomenon due to the cultural, spiritual peculiarities of various social groups in particular and society in general¹¹⁴⁵ is undeniable. Thus, the law has excellent opportunities to develop its specific toolkit reflecting an inextricable relationship with the state and its connection

¹¹⁴⁵ Sinyukov V.N. Russian legal system: introduction to general theory. – Moscow: Norma, 2010. – P. 205.

with the social system. In this regard, the following statement sounds quite interesting: “Public institutions independent of the state have the means and sanctions necessary to lead the individual to recognize and comply with legal norms that embody moral values and ideals”¹¹⁴⁶.

Main research. The perception of law as a complex, multifaceted socio-cultural phenomenon due to state regulations and an understanding of the multi-dimensional nature of the legal regulation system is gradually being established today in legal science. V.S. Nersesyants, Doctor of Sciences in Law, Professor, Academician of the Russian Academy of Sciences, made an invaluable contribution to this process. In the Libertarian theory he developed, for the first time, an attempt was made to fundamentally review the étatist notions of law that prevailed in the Soviet period of our history. *Our Way to Law*¹¹⁴⁷, *Law is the Mathematics of Freedom*¹¹⁴⁸, *Philosophy of Law*¹¹⁴⁹ defend the ideas of distinguishing between law and legislation, oppose the subjective will of the legislator to the objective internal logic of the development of society due to a particular need. An outstanding jurist S.S. Alekseev, Doctor of Sciences in Law, Professor, Corresponding Member of the Russian Academy of Sciences, also drew attention to this, noting that such a scientific approach will allow seeing and keeping all facets of law in view, consistently characterizing them, starting with the legal realities available, and then, through the features of legal content, to deep, “invisible” layers of legal matter¹¹⁵⁰.

It is crucial to consider the social aspect and include it in the legal regulation system due to the significant potential of social-regulatory forces within the legal framework. It is no secret that state-power commands in the form of normative rules of behavior are not always as effective and efficient as planned when formulating them. In this regard, as G.V. Atamanchuk noted, it is necessary to move away from such a situation when a norm appears, which, on the one hand, is not sociologically justified, and on the other, it practically does not work¹¹⁵¹. In addition, the existence of the outdated, contradictory rules and gaps in legislation leads to insufficient regulation, and sometimes it is impossible to satisfy existing legal requests. It is timely to recall the words of the jurist N.K. Rennekampff that “recognition of the high

¹¹⁴⁶ Saulyak O.P. Law and order paradigm: Modern reading // *Pravovedenie*. – 2006. – No. 3 (266). – P. 169.

¹¹⁴⁷ Nersesyants V.S. *Our way to law. From socialism to civilization*. – Moscow: Rossijskoe pravo, 1992. – 352 p.

¹¹⁴⁸ Nersesyants V.S. *Law is the mathematics of freedom. Past experience and perspectives*. – Moscow: Yurist, 1996. – 160 p.

¹¹⁴⁹ Nersesyants V.S. *Philosophy of Law: Textbook for Universities*. – Moscow: Norma, 2005. – 656 p.

¹¹⁵⁰ Alekseev S.S. *Law: Experience in comprehensive research*. – Moscow: Statut, 1999. – P. 275.

¹¹⁵¹ Atamanchuk G.V. “Foreword.” *Public legal regulation of public service: institutional-functional analysis by N.M. Kazantsev*. – Moscow: RAGS, 1999. – P. 4.

merits of the legislation should not turn to blind worship before this form of law”¹¹⁵².

This state of affairs is due to the need for a final transition to the introduction of the principles of complementarity and alternative in the legal regulation system, which, in turn, will make it possible to substantiate the existence in the law of various social, non-legal aspects, and to use the potential of these elements in the process of legal regulation.

Such introduction implies recognizing the use of non-legal means in the implementation of legal requirements. In other words, it comes to using the potential of other social regulators that can help achieve the legal goal set for a particular subject in a specific situation.

For terminological order, part of the legal regulation toolkit, different from formal-legal (legal) means, should be called non-legal ones.

The term “non-legal means” is generally used for those instruments and methods of influence that do not come from the state, its bodies or officials and are not authorized by them¹¹⁵³.

Non-legal means, as a form of legal regulation, are the socially significant phenomena expressed in regulations and actions by which the interests of entities in the legal field are satisfied. Prescriptions are various social norms and conduct rules of participants of particular social relations, ensuring the achievement of the legal regulation goal. Actions are a set of techniques and methods (actions) by which a subject can also achieve a goal. Through these actions, it is possible to prohibit any behavior, oblige it, to provide an opportunity to do something or to properly direct the behavior.

Non-legal means participate in legal regulation in a specific way. The system of legal regulation following the activity approach consists of three elements: purpose, means and result¹¹⁵⁴. The purpose of the legal regulation of specific social relations is determined by the legal sphere to which these relations pertain. The purpose is the rule of law, the specific model of which is contained in the relevant legal act governing these public relations. The movement from the designated goal to the result (actual law and order, the real conditions set by the corresponding model) is provided by a variety of legal means: legal norms (for example, rules of conduct in a court hearing, rights and obligations of participants in legal relations of the contract of sale), acts of implementation of law, etc. At the same time, participants in these legal relations may be guided by various social norms that fulfill

¹¹⁵² Rennenkampff N.K. Legal Encyclopedia, 4th ed. – Kiev: Tip. T-va I.N. Kushnerev, 1913. – P. 67.

¹¹⁵³ Woelfel Ch.J. Encyclopedia of Banking and Finance. – Samara: ZAO “Korporatsiya Fedorov”, 2003. – P. 312.

¹¹⁵⁴ Volkov A.M., Mikadze Yu.V., Solntseva G.N. Activities: structure and regulation. – Moscow: MGU, 1987. – P. 107-108.

their regulatory function within the legal framework. For example, customs or norms of religion and morality can have a sufficiently substantial impact on the behavior of actors and contribute to the achievement of the rule of law. Their role as a means of legal regulation is to contribute to implementing the necessary model of order in the legal sphere. The purpose is associated with the result during legal regulation, not a moral or religious one.

It is important to note that, unlike legal means, which the legislator constantly tries to introduce into the strictly defined framework, regulate their use, etc., non-legal means do not form an independent system and do not build up in a specific hierarchy. The unofficial nature of non-legal means, not recorded in documents, elects public opinion or the effectiveness of a specific social regulator as such as a guarantor of their effectiveness. The effectiveness of regulation by non-legal means depends on each particular situation, on specific subjects and objects of influence.

The regulatory potential within the legal sphere of each non-legal remedy can be revealed in relation to a particular, already existing situation and has no predetermined force, since the circumstances characterizing these situations are always different. Thus, with a sufficient degree of conditionality, one can argue in advance how effective such regulation will be.

The situative character of non-legal means depends on a wide variety of objective and subjective factors. Objective factors include the type of specific relationship that arises and needs to be regulated; cultural characteristics of the parties involved; the values that guide a given social group, their differences, etc. Subjective factors include the specific needs and interests, outlook, individual psychological traits formed during life and under the influence of others, personal settings for a specific behavior, etc.

In each particular situation requiring legal regulation, the subject chooses the range of means that can be used to organize specific social interactions to impose the targeted impact on the subject of regulation.

Non-legal means are already functioning as social regulators. These non-legal means manifest themselves in social norms and rules of conduct and specific methods and techniques used for legal regulation.

When characterizing non-legal means, one should note that they may be normative. In this regard, various social norms constitute a critical layer of social phenomena that can acquire the features of legal means. First, one means morality (moral norms), religious norms, customs, and corporate norms.

In a generalized form, the universal content of morality is the “golden rule” formulated like the Kantian categorical imperative: “Treat others the way you want to be treated”. Such categories as conscience, honor, duty, and civic sense of responsibility seriously impact people’s behavior. The values embodied in moral standards determine the highest criteria for the behavior of people, their moral

standards and assessments. Morality in this regard participates in legal regulation, allowing assessing legal norms and other legal means to comply with the requirements of fairness and moral expectations.

Moral norms are universal regulators of human behavior, and their influence extends, *inter alia*, to the legal sphere. Some moral norms have a peculiar embodiment in legal norms, such as the absolute moral requirement to “honor your father and mother” is reflected in the Constitution of the Russian Federation¹¹⁵⁵, The Family Code of the Russian Federation¹¹⁵⁶, where adult, able-bodied children are assigned the legal obligation to take care of their disabled parents. In addition, the legislator often uses categories of morality in the design of legal norms (in particular, the term “fairness” in part 3 of Article 2 of the Arbitration Procedure Code of the Russian Federation¹¹⁵⁷, Article 2 of the Civil Procedure Code of the Russian Federation¹¹⁵⁸, Article 17 of the Criminal Procedure Code of the Russian Federation¹¹⁵⁹) and also proclaims the key fundamentals, principles, tasks, provisions, the legislation objectives, etc. which in general can be characterized as corresponding to moral values (The Constitution of the Russian Federation¹¹⁶⁰, Article 3 of the Tax Code of the Russian Federation¹¹⁶¹, etc.).

Moral norms may participate in legal regulation as non-legal means. For example, the situation of the creditor and the debtor: the purpose of the legal regulation of these legal relations is to return the loan from the debtor to the creditor on time. However, the debtor does not return the debt on time, and the creditor is forced to apply to law enforcement agencies for protection. In this case, a lawsuit is a legal remedy that requires additional resources and time to achieve the objective of legal

¹¹⁵⁵ The Constitution of the Russian Federation (with the amendments approved during the all-Russian vote on July 1, 2020). The official text of the Constitution of the Russian Federation, as amended on March 14, 2020, is published on the Official Internet Portal of Legal Information on July 4, 2020 (hereinafter, references to Russian normative legal acts are provided according to the SPS “ConsultantPlus”).

¹¹⁵⁶ The Family Code of the Russian Federation No. 223-FZ dated 29 December 1995 (as amended on July 2, 2021). The document has not been published in this variant.

¹¹⁵⁷ The Arbitration Procedure Code of the Russian Federation No. 95-FZ dated 24 July 2002 (as amended on July 1, 2021, with the changes dated 22 July 2021). The document has not been published in this variant.

¹¹⁵⁸ The Civil Procedure Code of the Russian Federation No. 138-FZ dated 14 November 2002 (as amended on July 1, 2021). The document has not been published in this variant.

¹¹⁵⁹ The Criminal Procedure Code of the Russian Federation No. 174-FZ dated 18 December 2001 (as amended on July 1, 2021, with the changes dated 23 September 2021). The document has not been published in this variant.

¹¹⁶⁰ The Constitution of the Russian Federation (with the amendments approved during the all-Russian vote on July 1, 2020). The official text of the Constitution of the Russian Federation, as amended on March 14, 2020, is published on the Official Internet Portal of Legal Information on July 4, 2020.

¹¹⁶¹ The Tax Code of the Russian Federation (part one) No. 146-FZ dated 31 July 1998 (as amended on July 2, 2021). The document has not been published in this variant.

regulation. Non-legal means can be the norm of morality. Suppose there is a conversation between the creditor and the debtor, where the relevant rules will converge, to the opinion of others, which will inevitably form in the indicated illegal behavior, in that case, the latter, under the influence of the norm of morality, may realize his disorderly nature, will not want to look like a “bad person” in the eyes of others and will return the debt to the creditor. The objective of legal regulation (debt repayment) will be achieved. Both parties will come to a compromise (the creditor will “forgive” the delay, the debtor will repay the debt without litigation). This process is not a moral regulation, since the relations of these subjects are in the legal sphere and are legal. The goal and result correspond to the model of law and order and are not initially aimed at achieving good or meeting the image of a “good person”.

The example given is rather vivid and straightforward, but it demonstrates the mechanism of participation of moral norms as non-legal means in legal regulation. At the same time, morality serves as a means of harmonizing the behavior of one individual with the interests of another, as a response to the social need to overcome the contradictions between the interests of the individual and society.

It is undeniable that all social relations are affected by the moral principles of loyalty, reciprocity, constancy, honesty. They have a significant impact on the creation and implementation of legal norms. Moral norms play a crucial role in applying the law by the competent authorities in specific legal cases. Thus, the correct court decisions about issues about insulting the person, hooliganism, etc. largely depend on society’s moral norms.

Religious beliefs and knowledge occupy a special place in the spiritual culture of society since they determine the significance of the ultimate states of human life. In addition, they contain values and attitudes that accumulate the norms and rules of the human coexistence developed by centuries, including a humanistic orientation that calls for social justice and love for the neighbor, mutual tolerance and respect. Therefore, it is logical that religious ideas and values contribute to community integration and the stability of society.

The influence on the effectiveness of the legal regulation of religious norms is noticeable when a person’s upbringing and primary socialization is carried out under the influence of religious ideas and values. It is not strictly religious education and education, but the inclusion of religious morality and values in the educational process as one of its components. In this case, in a person’s social behavior, religious norms are combined with the requirements of public morality.

An example of how a religious rule functions in the legal system as a non-legal means can be found in a situation in which a person not only does not commit a wrongful act, for instance, desecration of burial places (Article 244 of the

Criminal Code of the Russian Federation)¹¹⁶², but also does not allow thinking about the very possibility of such an act, based either on the fear of punishment, which will inevitably follow from the state through its competent authorities, or the fear of committing sin and receiving the God's punishment.

At the dawn of human history, people relations were dominated by spontaneous habits that existed for thousands of years and were entrenched in daily life because everyone reproduced them. Following the habit is a custom, that is, the traditionally established rules of social conduct¹¹⁶³, which in archaic societies acted as the primary regulator of relations between people. These rules were not imposed on a person from outside; they were accepted voluntarily as a universal life principle.

At a particular stage of the development of society, the usual norm is an indicator of the most critical, vital social situations, applies to everyone who falls under its content. Furthermore, those customs that effectively regulate certain social relations are encouraged and authorized by law, thereby becoming a legal custom. State authorization is usually manifested in the fact that the state bodies in their activities use them as a normative basis for issuing administrative decisions, issuing judicial and administrative acts. For example, participants in legal relations have the right to justify their claims and protect rights by reference to established legal customs. So, in part 1 of Article 19 of the Civil Code of the Russian Federation¹¹⁶⁴, it is indicated that “a citizen acquires and exercises rights and obligations under his own name, including a surname and own name, as well as a patronymic, unless otherwise derived from law or national custom.” The Article 134 of the Merchant Shipping Code of the Russian Federation¹¹⁶⁵ establishes that “the term during which the goods are to be loaded onto the vessel shall be determined by the agreement of the parties, and, in the absence of such an agreement, by the term normally adopted at the port of loading.” Legal customs mainly regulate land tenure, trade, family and inheritance issues.

However, because the legislator, as a rule, does not textually reproduce the content of legal custom but makes reference to it in a regulatory act and accordingly does not affirm a specific rule of conduct, the legal custom is a non-legal means of legal regulation.

¹¹⁶² The Criminal Code of the Russian Federation No. 63-FZ dated 13 June 1996 (as amended on July 1, 2021, with the changes and additions, in force since August 22, 2021). The document has not been published in this variant.

¹¹⁶³ Ozhegov S.I., Shvedova N.Yu. Explanatory dictionary of the Russian language: 80,000 words and phraseological expressions, 4th ed., amended. – Moscow: OOO “Izdatel'stvo ELPIS”, 2003. – P. 378.

¹¹⁶⁴ The Civil Code of the Russian Federation (part one) No. 51-FZ dated 30 November 1994 (as amended on June 28, 2021, with the changes dated 26 October 2021). The document has not been published in this variant.

¹¹⁶⁵ The Merchant Shipping Code of the Russian Federation No. 81-FZ dated 30 April 1999 (as amended on June 11, 2021). The document has not been published in this variant.

Customs include traditional labor techniques, forms of behavior, lifestyle and education. In everyday life, there are established options for coexistence. Customs are especially common in trade relations: merchant navigation, insurance, monetary relations, the purchase and sale of goods. In addition, there are the customs developed in the process of the activities of state bodies, in business (economic, commercial) activities and acting in unity with legal norms. They are called business practices or customs of commerce and, in the legal sphere, acquire the features of an unconventional source of law and occupy a unique niche in the system of means of legal regulation of public relations. Business practices do not contradict legal norms, but they can be significantly specified and supplemented, taking into account specific circumstances and situations, reflecting the objectively established usual procedure for legal regulation.

A unique social regulator is corporate norms (or norms of public organizations) as rules of conduct that are established within social organizations. These norms are implemented and protected by the public measures provided for by the charters of these organizations, and the beliefs of their members. In this regard, corporate rules should be considered as the only means used exclusively to satisfy the private interests of the organization. Corporate norms can regulate corporate relations themselves. They are included in the legal tools, where they act as a supporting element to legal means for the integrated and effective regulation of corporate relations.

Non-legal instruments of legal regulation have a complex heterogeneous structure, depending on the features of relations, subjects and specific circumstances in which legal regulation is carried out. It can include various social regulators: moral, religious, political, economic, mental, ideological and other means and factors that allow the legal regulatory system to function most effectively.

The peculiarity of the participation of non-legal instruments in the process of legal regulation is due to the fact that they act as a link between the goal set before the law and the result of legal regulation. In the theoretical scheme “goal-means-result”, a non-legal means (for example, a moral norm) is used to achieve precisely a legal result. Such a process will not be moral regulation because a legal (rather than moral or other) goal is set, and a legal (rather than moral or other) result is achieved. It seems that there is no need to build a transparent hierarchical system of non-legal means, as this will lead to confusion and mixing of such social regulators as law, morality, religion, etc. One should emphasize that non-legal means generally play an auxiliary and, therefore, temporary role. They are not legal means with the predetermined effectiveness but are only involved in the legal sphere to achieve the goal of the law. At the same time, the effectiveness of legal regulation can be significantly increased by attracting non-legal means to its toolkit.

Conclusion. Without questioning the state's leading role in legal regulation, it is vital to bear in mind that society as a whole and its individual members also occupy an essential place in this activity. The objectives of legal regulation are often achieved through various non-legal means available. This happens with state permission, is not illegal, and, most importantly, helps to overcome legal regulation's insufficient effectiveness and sometimes powerlessness.

Thus, non-legal means in the system of legal regulation act as the socially significant phenomena expressed in the form of regulations and actions by which the goal of legal regulation in specific legal relations is achieved. Moving from a legal goal to a result by a non-legal means used as a primary or auxiliary instrument of legal regulation makes it possible to use the potential of social regulators to streamline social relations and overcome some alienation and insularity of legal influence.

§ 6. Academic legacy of Russia in student scientific research

Introduction. Without knowledge of the past, it is impossible to understand the present. This general thesis is based on using academic legacy as an integral part of the scientific research of students and undergraduates. It is no coincidence that works in the field of law usually include a special section in which a historical (retrospective) analysis of the provisions of law or legal ideas is given, the evolution of the legal doctrine and practice of enforcement is evaluated. Archival collections of the Russian Academy of Sciences contain numerous documents of legal science interest. A significant part of archival documents has not been put into scientific circulation, although it deserves the attention of specialists.

Archival research search contributes to the development of scientific skills. Knowledge of the basics of office work, the ability to use the scientific and reference apparatus, the practice of analyzing, summarizing and systematizing data from historical, source and methodological points of view, the development of critical attitude to the source, the practice of refuting and comparing information – all this is rightfully considered an essential part of professional legal training.

The use of academic legacy is a direct introduction to the history of Russia, a natural perception of actual historical events and phenomena. Experience shows that simply touching an archival document or looking at a yellowed paper gives rise to a sense of involvement in the past.

Undeniable relevance allows us to formulate some research tasks. Is it permissible to correlate educational activities, including the research work of students (undergraduates), with the status of the Russian Academy of Sciences, its goals and objectives? What are the opportunities to use the archival heritage of the Academy

of Sciences? What are the directions of using the archival heritage of the Academy of Sciences in the research work of students (undergraduates)?

Main research. The establishment of the Academy of Sciences in Russia was distinguished by some peculiarities, combining research and training. The idea of synthesizing science and education has become the foundation, the cornerstone of the Academy of Sciences and Arts. According to the Draft Regulation on the Establishment of the Academy of Sciences and Arts of 1724, “*Ponezhe nyne v Rossii zdanie k vozroshcheniiu khudozhestv i nauk uchineno byt' imeet, togo radi nevozmozhno, chtob zdes' sledovat' v protchikh gosudarstvakh priniatomu obrazu, no nadlezhit smotret' na sostoianie zdeshnego gosudarstva kak v rozszhdenii obuchaiushchikh, tak i obuchaiushchiksia, i takoe zdanie uchinit', chrez kotoroe by ne tokmo slava sego gosudarstva dlia rozmnozheniia nauk nyneshnem vremenem razprostranilas', no i chrez obuchenie i rozplozhenie onykh pol'za v narode vpred' byla*”¹¹⁶⁶. In one word or another, the first paragraphs of the draft provision repeat this principle several times, emphasizing its crucial importance.

The strengthening of ties between science and education is stated in the list of key goals in the Charter of the Russian Academy of Sciences, which was approved by the Decree No. 589 of the Government of the Russian Federation on the Approval of the Charter of the Federal State Budgetary Institution “The Russian Academy of Sciences” dated 27 June 2014¹¹⁶⁷. Current trends clearly indicate the inadmissibility of training outside the sphere of rational knowledge.

This approach allows formulating an initial thesis on the importance of academic legacy for research training and education in the broadest sense of the word. Academic legacy means not only the published works but also archival materials reflecting actual historical events; primary documents that reveal the features of the formation and development of scientific thought; incomplete manuscripts and sketches capable of stimulating cognition. A significant part of the materials is located in the St. Petersburg branch of the Federal State Budgetary Institution of Science “The Archive of the Russian Academy of Sciences” (hereinafter – the SPbF ARAN abbreviated from *Sankt-Peterburgskii filial federal'nogo gosudarstvennogo biudzhethnogo uchrezhdeniia nauki Arkhiva Rossiiskoi akademii nauk*). The specified information can be used to train students (undergraduates) of legal specialties.

Independent scientific research at first glance is unnecessary when training an application specialist. His future work is mainly reduced to the use of standard

¹¹⁶⁶ Charters of the Academy of Sciences of the USSR. Compiled by A.A. Bogdanova, L.N. Kiseleva, E.S. Kulyabko, B.V. Levshin, B.A. Malkevich, N.V. Filippova; edited by G.K. Scryabin. – Moscow: Nauka, 1974. – P. 32.

¹¹⁶⁷ The Resolution No. 589 of the Government of the Russian Federation on Approval of the Charter of the Federal State Budgetary Institution “Russian Academy of Sciences” dated 27 June 2014 [as amended by the Resolution No. 1133 of the Government of the Russian Federation dated 29 July 2020] // *Sobranie zakonodatel'stva RF*. – No. 27. – July 7, 2014. – Art. 3771.

technological algorithms. The traditional triad “know – understand – be able to apply” is fairly well provided by a system of lectures and practical training supplemented by the independent work of students. However, the modern education model involves developing scientific research skills – writing coursework, student scientific articles, graduate qualification papers, master’s theses.

The content of the above works should not be limited to a description of the generally accepted provisions and citation of specific provisions of the current legislation. It should not be turned exclusively into a form of assimilation of theoretical knowledge as well. Even coursework should be perceived precisely as an independent scientific study. Analysis of legal doctrine, assessment of contract and law enforcement practice, conceptual approach, comparative study and search for legal analogies should be applied in the process of scientific search.

Working with archival materials can provide significant assistance in developing skills for setting the main task, determining ways to solve it, justifying and being able to formulate specific and general conclusions. Archival research develops the ability to be critical of the source, which is an integral part of the training of lawyers. Finally, the work in the archive is a direct touch on the history of Russia, immersion in the atmosphere of actual historical events and phenomena.

Research work does not have to be tightly tied to the educational program. Scientific practices independent of the educational process should be welcomed. The Russian State University of Justice develops a system of student scientific projects (hereinafter – the SNP RGUP abbreviated from *sistema studencheskikh nauchnykh proektov Rossiiskogo gosudarstvennogo universiteta pravosudiia*). It is possible to conduct archival research within the SNP RGUP. The search and systematization of documents will contribute to introducing new sources into scientific circulation; such activities can become the basis for participation of the SNP RGUP in scientific conferences, grants, competitions and other projects. The collections of the SPbF ARAN are available to a wide range of researchers; their specialists will assist in organizing and conducting archival search work of the SNP RGUP and individual students (undergraduates).

Which exactly areas of scientific search can be determined based on the SPbF ARAN? This is a study of documentation systems that reflect the development of legal thought in a particular era, the applied information, including judicial practice, personal data.

Scientific, historical, and even the applied materials characterizing the activities of the Institute of Soviet Development and Law (hereinafter – the ISSP abbreviated from *Institut sovetskogo stroitel'stva i prava*) of the Leningrad branch of the Communist Academy at the Central Executive Committee of the USSR (Leningrad branch of the Institute of State Law of the USSR Academy of Sciences) may be of interest. These are the minutes of the ISSP Directorate, correspondence on scientific

issues, minutes of meetings of departments and research sections, plans and reports on the scientific activities of employees and graduate students, theses of reports, programs and teaching materials on individual legal disciplines, lists and questionnaires of employees. The lists of professors and teachers in legal disciplines and information on pedagogical work for 1933¹¹⁶⁸ undoubtedly deserve the attention of specialists. The content of educational materials, the orientation of plans of scientific activity allows assessing the nature and features of historical phenomena.

Among the archival materials, the minutes of the joint meeting of the criminal policy section of the ISSP and the Leningrad Regional Crime Study Office (*Leningradskii oblastnoi kabinet po izucheniiu prestupnosti*) dated 1932-1933¹¹⁶⁹, acquaintance with which helps to interpret the legal phenomena of the pre-war period in the history of our country. The results of the research work are presented in particular by the Explanatory Note to the proposals for the draft Constitution of the RSFSR, the Review of the work of the Leningrad State Arbitration, reports of famous legal scientists D.V. Bikhdraker, A.V. Venediktov, V.M. Dogadov, I.V. Slavin and the debate on them¹¹⁷⁰. In support of the importance of this information, it is enough to recall in particular that A.V. Venediktov, a Soviet jurist, Academician of the USSR Academy of Sciences, is the author of more than 230 works, including the classic work of Soviet law – *State Socialist Property*; V.M. Dogadov is considered the founder of the Leningrad school of labor law.

I.V. Slavin's report "*Manufacturing and comrades' courts at a new stage*" examines the curious practice of Soviet law enforcement. Initially, cases of insults were subject to the jurisdiction of comrades' courts, if both the victim and the accused belonged to workers and employees of the same factory or institution. Over time, jurisdiction has expanded significantly, including cases of violation of labor discipline, drinking alcohol in public places, petty hooliganism and even acts containing signs of crime, if they were committed for the first time and do not pose a great public danger.

The collections of the SPbF ARAN allow tracing the development of the concept of economic law. In short, the idea of economic law means recognition of the complex nature of the legal regulation of entrepreneurial relations. The subject of business law is expanded to include public relations involving entrepreneurs. This approach mirrors the perceptions of abandoning private principles in economic activity in favor of public ones during the formation of Soviet power. It is the mirror one, unlike modern times, since there was an upward trend. Employees of the Institute of Soviet Development and Law of the Leningrad Branch of the Communist

¹¹⁶⁸ SPbF ARAN. – Collection No. 229. – Inventory list 1. – Folder 99.

¹¹⁶⁹ SPbF ARAN. – Collection No. 229. – Inventory list 1. – Folder 42.

¹¹⁷⁰ SPbF ARAN. – Collection No. 229. – Inventory list 1. – Folders 133, 136, 140, 141, 143, 185.

Academy of the Central Executive Committee of the USSR (Leningrad Branch of the Institute of State Law of the USSR Academy of Sciences) already in the early 30s considered the main provisions of the concept of business law. Of interest, in particular, is the report of Comrade Lieberman “*The last stage of the NEP and business law*”, as well as the general debate and individual speeches on the report¹¹⁷¹, which expressed substantive ideas about the nature of the legal regulation of economic relations, specific ways and methods of state intervention in the system of national economy were discussed. Archival collections¹¹⁷² reflect the development of ideas about the responsibility of business entities.

The idea of independence of business law was disputed in the works of Soviet civilists, which became one of the obstacles to the adoption of the developed Business Code in the USSR. In the early 30s, scientific discussions often culminated in a conclusion on wrecking and counter-revolutionary activities¹¹⁷³. The solution of the problem of business law (or recognition as a dominant one of the points of view) in the pre-war period is associated with the work of the All-Union Institute of Legal Sciences (currently the Institute of Legislation and Comparative Law).

The reflection of the initial stage of the discussion on the nature of business law can be found in the collections of the SPbF ARAN, in particular, the reports of G.N. Amfiteatrov “*The main features of the draft law on treaties*”¹¹⁷⁴ and S.N. Bratus' “*Organizational and legal forms of Soviet industrial cooperation in their historical development*”¹¹⁷⁵.

The report “*Reform of the Criminal Code of the RSFSR*”¹¹⁷⁶ by N.V. Krylenko, Doctor of State and Legal Sciences, who, in 1929-1931, was the Prosecutor of the RSFSR, and since May 1931 – People’s Commissar of Justice of the RSFSR, is indicative in terms of assessing the theory and practice of criminal law enforcement when implementing new legislation. In the late 1920s and 1930s, in the theory and practice of Soviet law, the repressive trend in the field of economic crimes intensified, often minor (without obvious public danger) economic crimes were given a counter-revolutionary character with far-reaching consequences.

The personal data contained in the SPbF ARAN are diverse, and not always this information is about members of the Academy of Sciences. It deals with legal scholars, representatives of other areas of Russian science who made a significant contribution to the development and dissemination of theoretical and applied knowledge. Biographical information is often a baseline in understanding historical processes.

¹¹⁷¹ SPbF ARAN. – Collection No. 229. – Inventory list 1. – Folders 21, 23.

¹¹⁷² SPbF ARAN. – Collection No. 229. – Inventory list 1. – Folder 142.

¹¹⁷³ SPbF ARAN. – Collection No. 229. – Inventory list 1. – Folder 70.

¹¹⁷⁴ SPbF ARAN. – Collection No. 229. – Inventory list 1. – Folder 137.

¹¹⁷⁵ SPbF ARAN. – Collection No. 229. – Inventory list 1. – Folder 139.

¹¹⁷⁶ SPbF ARAN. – Collection No. 229. – Inventory list 1. – Folder 20.

One cannot but mention Maksim Maksimovich Kovalevsky – historian, sociologist, lawyer, politician, deputy of the First State Duma, academician of the Imperial St. Petersburg Academy of Sciences. In the SPbF ARAN there is a collection No. 103 “Kovalevsky Maksim Maksimovich, (1851-1916), historian, sociologist, academician of the Academy of Sciences,” where correspondence with a total volume of 293 storage units is preserved. Among the active correspondents¹¹⁷⁷ of M.M. Kovalevsky, it is impossible not to mention the lawyer, Honorary Academician of the St. Petersburg Academy of Sciences A.F. Koni. Letters were written in 1908-1914. Participants in correspondence during this period were members of the State Council and took an active part in reform activities from liberal and even “left” positions. The correspondence of M.M. Kovalevsky with S.A. Egiazarov¹¹⁷⁸ (as a result of a typo, he was named Elizarov on the electronic page of the archival folder), ethnographer-researcher of the peoples of the Caucasus, and A.Ya. Efimenko, the first woman in Russia to be awarded the honorary degree of Doctor of Russian History, ethnographer of the Russian and Ukrainian people¹¹⁷⁹, is quite interesting. Ethnographic studies, mononormatics in the system of social regulators of primitive communities were of great importance to M.M. Kovalevsky, a supporter of the pre-state evolution of law. The Far East of Russia has also become a source of the ethnographic information¹¹⁸⁰ used to develop the concept of mononorms.

The accumulated material can be applied as the basis and reasoning of ideas about the emergence and development of mechanisms of internal social regulation. One-time or regular interaction, the realization of private or group interests promote a system of the standard models that are directly or indirectly used to optimize social behavior. Before the emergence of the state and in the circumstances of the weakness of the state, such models naturally ensure the ability of a group of people (tribe, community, people, organization) to maintain internal unity and the possibility of resistance to external forces.

Letters from Professor of Economics I.I. Ivanyukov¹¹⁸¹ to M.M. Kovalevsky may be curious from the point of view of the history of Russian Freemasonry. If the Freemasonry of M.M. Kovalevsky is not in doubt, then his correspondent participation in the Masonic lodge is not excluded. In the late 19th – early 20th centuries, politically active people became Masonic and other secret organizations. Despite external, often deliberately children’s attributes, participation in Freemasonry made it possible to find the like-minded people

¹¹⁷⁷ SPbF ARAN. – Collection No. 103. – Inventory list 2. – Folder 120.

¹¹⁷⁸ SPbF ARAN. – Collection No. 103. – Inventory list 2. – Folder 88.

¹¹⁷⁹ SPbF ARAN. – Collection No. 103. – Inventory list 2. – Folder 89.

¹¹⁸⁰ SPbF ARAN. – Collection No. 103. – Inventory list 2. – Folders 849-886.

¹¹⁸¹ SPbF ARAN. – Collection No. 103. – Inventory list 2. – Folder 103.

and, therefore, it served as a form of development of ideas and beliefs about the proper organization of social and legal systems.

Ivan Ivanovich Yanzhul, a lawyer, economist, and academician of the Imperial St. Petersburg Academy of Sciences, is famous for his scientific and pedagogical activities and for taking an active, practical part in overseeing compliance with factory legislation, performing the work of a factory inspector. The accumulated practical experience allowed I.I. Yanzhul to embrace the idea of state socialism organically. He is rightfully considered the leading representative of the school of state socialism in the Russian Empire. I.I. Yanzhul accumulated rich historical and statistical material. In particular, he prepared *Books of inspection of factories and factories of the Moscow province*¹¹⁸² with a volume of over 1000 pages. Materials on the prosecution of Russian industrialists for violations of factory legislation¹¹⁸³ are of historical and legal interest.

Archival collections contain materials that are not solely related to research. His wife, Ekaterina Nikolaevna, nee Vel'yasheva (more than 500 letters to her are preserved in the archive),¹¹⁸⁴ was not only appreciated as a life partner, but also respected as a partner and like-minded person in scientific and pedagogical pursuits. E.N. Yanzhul is a teacher, one of the authors of *Brockhaus and Efron Encyclopedic Dictionary*, and she wrote the voluminous and noteworthy work *American School. Essays on the methods of American pedagogy*¹¹⁸⁵, which has gone through about ten editions.

A Doctor of Sciences in Law, Heinrich von Hüyssen was not a Russian academician, but he left a significant mark on domestic history. He is credited with bringing the coat of arms of the Russian Empire into compliance with heraldic rules. It is much more interesting that he was one of the educators of Tsarevich Alexei, the son of Peter I, carried out numerous diplomatic missions, compiled projects for the organization of public administration. The SPbF ARAN contains the collection No. 119 "Heinrich von Hüyssen (?-1740), Baron, Doctor of Sciences in Law, Diplomat, Publicist." In the inventory list of the collection there is correspondence with different persons, historical notes, copies of historical documents. Among the correspondents of Dr. Hüyssen are the names of Peter I, Alexei Petrovich.¹¹⁸⁶ Letters of well-known political figures of the Peter I's time – the first St. Petersburg Governor-General A.D. Menshikov, the first Chancellor of the Russian Empire G.I. Golovkin,

¹¹⁸² SPbF ARAN. – Collection No. 103. – Inventory list 2. – Folder 62.

¹¹⁸³ SPbF ARAN. – Collection No. 45. – Inventory list 3. – Folder 64.

¹¹⁸⁴ SPbF ARAN. – Collection No. 45. – Inventory list 2. – Folder 1219.

¹¹⁸⁵ Yanzhul C.N. *American School. Essays on the methods of American pedagogy*. – St. Petersburg: Tipografiia M.M. Stasyulevicha, 1901. – 350 p.

¹¹⁸⁶ SPbF ARAN. – Collection No. 119. – Inventory list 1. – Folder 1. – Sheets 186-188; 194-204; 205-230; 216-218.

Vice-Chancellor P.P. Shafirov¹¹⁸⁷ – show the diplomatic and personal realities of that legendary era.

A reflection of the tragic events of the siege of Leningrad is stored in many collections of the SPbF ARAN. Archival materials show extraordinary events and the daily life of employees of the Academy of Sciences in the conditions of a siege of the city¹¹⁸⁸, solving problems of food supply and evacuation. Employees of the institutions of the Academy of Sciences were sent to defense and labor work¹¹⁸⁹, were awarded orders and medals.

Individual materials of the SPbF ARAN are not only of research interest. The record library of the SPbF ARAN includes sound recordings of performances by academicians, corresponding members of the Academy of Sciences and other prominent figures of science¹¹⁹⁰. The timespan of collection documents is 1933-1990. The case of the conflict between Johann Stritter, Rector of the Academic Gymnasium, and the gymnasium students: reports, survey protocols and other documents¹¹⁹¹. These materials are not only of historical interest, but can also be used to conduct a business game-investigation.

Conclusion. The Russian Academy of Sciences in its modern state is not directly related to the education system. However, historical heritage, including archival funds of the Academy of Sciences, can and should be used in the training of students (undergraduates) of legal specialties. The SPbF ARAN contains documents reflecting the formation of legal submissions; materials, the introduction of which will contribute to the understanding of historical events and phenomena. Work in archival funds will make it possible to update the ideas expressed earlier, and will provide solutions to important historical and legal problems.

Do not forget that the processing of archival materials attracts students (undergraduates) to the history of our country, creates an opportunity to get acquainted with the original sources, touch papers written by famous people.

In addition to achieving research goals, the search develops the ability to use methods of scientific knowledge. Working with data sets, critical analysis of primary sources is the most important condition for training a professional in any social sphere. It is impossible to imagine a competent lawyer who does not possess the technique of processing information or is not competent in determining the degree of reliability of social or personal data.

General familiarity with the collection of the SPbF ARAN allows proposing a number of promising areas for individual student research or research work within

¹¹⁸⁷ SPbF ARAN. – Collection No. 119. – Inventory list 1. – Folder 2.

¹¹⁸⁸ SPbF ARAN. – Collection No. 4. – Inventory list 2 (1942). – Folder 24.

¹¹⁸⁹ SPbF ARAN. – Collection No. 4. – Inventory list 2 (1943). – Folder 19.

¹¹⁹⁰ SPbF ARAN. – Collection No. P-XVI.

¹¹⁹¹ SPbF ARAN. – Collection No. 3. – Inventory list 9. – Folder 340.

the framework of the SNP RGUP. This is the analysis and systematization of documents that contain information about the development of legal thought in a certain era in a specific historical context; application information, including statistical information; personal data of persons who influenced the formation and formation of domestic legal science.

§ 7. The role of Soviet academic science in the formation of the concept of individual international criminal liability¹¹⁹²

The emergence of the concept of “individual international criminal liability” and international criminal law as a whole can be traced back to the Charter of the International Military Tribunal, famously known as the Nuremberg trials.

Nevertheless, advancements in this field were not limited to the Second World War era, but also occurred in the period leading up to it. Furthermore, the Academy of Sciences of the USSR and its industry-specific institutes played a notable role in this process.

Within Soviet academic science, Aron Naumovich Trainin (1883-1957) stood out as a notable figure. He held prestigious titles such as Doctor of Law, Professor, Corresponding Member of the USSR Academy of Sciences, and Honored Scientist of the RSFSR. Additionally, he was decorated with two orders of the Red Banner of Labor. V.I. Zhukov points out the exceptional status A.N. Trainin achieved as a world-renowned scientist¹¹⁹³, a characteristic less commonly observed among legal scholars.

His scientific career commenced at Moscow University during the pre-revolutionary era. The scientific interests of A.N. Trainin during his professional development can be categorized into the following domains: history of Russian law (the graduation thesis “Class struggle and punishment in the history of Russian law” defended in 1908, “Jury and crown court”, “Children’s court”), history of legal teachings (“Dispute of classical and sociological schools on the punishment system”), criminal law (“The latest trends of the classical school of criminal law”, “Trusts, cartels and criminal law”, “Hooliganism”, “Crime Movement in the Moscow Province”, “Crime of Capitals and Cities”, “Crime of the City and Village”, “Crime of Women”, “Criminal Laws and Horse Theft”), civil law (the monograph

¹¹⁹² The part of the paragraph written by A.A. Dorskaya was prepared with the support of the Russian Science Foundation (project No. 24-28-01860 “Crises of the international legal system and ways to overcome them: historical experience”).

¹¹⁹³ Zhukov V.I. Contribution of scientists of the Institute of State and Law to the development of criminal law and other branches of legal science during the Great Patriotic War // Gosudarstvo i pravo. – 2020. – No. 12. – P. 18.

“Insolvency and Bankruptcy” in 1913 was approved by Shanyavsky University as a dissertation thesis)¹¹⁹⁴, criminal process (“System of Disciplinary Process”, “Jurisdiction to a Wartime Court”).

The October Revolution brought about new possibilities for A.N. Trainin. In 1917, he returned to his native Moscow State University, which he was forced to leave in protest, and in 1921 he was approved as a professor at the university.

During the 1920s, A.N. Trainin played a crucial role in the establishment of Soviet criminal law science, serving as both a theorist and a practitioner in the field. Since 1920, A.N. Trainin taught at Moscow State University, in 1925-1938, he worked at the All-Union Research Institute of Legal Sciences (formerly the Institute for the Study of Criminal and Crime at the People’s Commissariat for Internal Affairs of the USSR), in 1935-1940, he was employed by the All-Union Law Academy, etc. The frequent turnover of employment was a result of numerous law organizations or faculties shutting down.

As a specialist in the field of criminal law, A.N. Trainin’s focus extended beyond the development of the domestic legal system. In 1937, he formulated a comprehensive program aimed at safeguarding peace through the implementation of international legal, constitutional, and criminal measures. This approach was based on his recognition of two distinct processes: the preparations for war and the efforts to prevent it¹¹⁹⁵.

Firstly, he scrutinized the Constitutions that were contemporaneous to him. This examination led him to the conclusion that the provisions pertaining to peace are only enshrined in the legislation of Spain, Brazil, and Siam. As an example, he set the Constitution of Spain of December 9, 1931, Articles 6 and 7 of which stated that the State “rejects war as an instrument of national policy”, “considers the rules of international law as an inseparable part of the national law”, with Article 77 stipulating that the President of the Republic can sign a declaration of war only if conditions exist, provided for by the League of Nations Covenant, and only after all means of peaceful resolution of international disputes have been exhausted¹¹⁹⁶.

Secondly, A.N. Trainin demonstrated the potential of national criminal legislation as a viable strategy in the pursuit of peace by examining the criminal codes of China (1928), Japan (1928), Italy (1930), and Poland (1932) in terms of peace protection¹¹⁹⁷. He deemed it imperative for a dedicated section titled “Crimes

¹¹⁹⁴ Kuznetsova N.F. On the 125th anniversary of the birth of Aron Naumovich Trainin // *Rossiyskiy kriminologicheskiy vzhlyad*. – 2008. – No. 3. – P. 46.

¹¹⁹⁵ Trainin A.N. *Defense of Peace and Criminal Law*. Edited by and with preface by A.Ya. Vyshinsky. – Moscow: Yuridicheskoe izdatel'stvo NKYu Soyuza SSR, 1937. – P. 7.

¹¹⁹⁶ *Ibid.* – P. 72-73.

¹¹⁹⁷ *Ibid.* – P. 48, 75.

against Peace” to be included in the criminal legislation of every nation¹¹⁹⁸. The scientist expressed opposition to the monistic theory that prioritizes national law over international law, as he believed it could potentially undermine peaceful relations among states¹¹⁹⁹.

Thirdly, the Soviet scientist unveiled the vast potential of international law in deterring a potential war. He held the belief that conventions targeting the prevention of peace-threatening crimes can and ought to be adopted.

A.N. Trainin put forth his classification of crimes against peace:

I. Aggressive actions;

II. Hostile actions: 1) propaganda of aggression; 2) terrorism; 3) support for armed gangs; 4) boycott; 5) violation of international treaties concluded in defense of peace;

III. Inimical actions: 1) dissemination of false documents and deliberately false information directed against other states; 2) actions offensive to other states¹²⁰⁰.

The classification in question carries significant weight, as it was A.N. Trainin who pioneered the inclusion of criminal aggression in international law, as acknowledged by experts in the field¹²⁰¹.

The scientist held the belief that the accountability for such crimes should be placed on individuals rather than states, specifically government members or “chiefs” of countries that consistently violate their international obligations and engage in aggressive warfare¹²⁰².

In this context, A.N. Trainin proposed the establishment of an International Criminal Court, which gained considerable attention following the proposal of a draft by the Committee appointed by the League of Nations to develop the International Convention against Terrorism in 1935.

The Soviet lawyer advocated for the establishment of a permanent court located in The Hague, comprising of five judges and their deputies in case of absence¹²⁰³.

Fourthly, Trainin pointed out the insufficient attention given by the scientific community of international lawyers and criminal law specialists to the issue of

¹¹⁹⁸ Ibid. – P. 167.

¹¹⁹⁹ Ibid. – P. 61.

¹²⁰⁰ Ibid. – P. 113.

¹²⁰¹ Yabbarova D.M. A.N. Trainin’s Introduction to International Law of the Concept of Criminal Aggression // To the 100th anniversary of the formation of the USSR: political, historical, legal, sociocultural prerequisites and consequences. Collection of scientific articles on the materials of the All-Russian student scientific and practical conference. Edited by L.Yu. Mkhitarian. – Perm’: PGNIU, 2022. – P. 118-120.

¹²⁰² Trainin A.N. Defense of Peace and Criminal Law. Edited by and with preface by A.Ya. Vyshinsky. – Moscow: Yuridicheskoe izdatel'stvo NKYu Soyuza SSR, 1937. – P. 110.

¹²⁰³ Ibid. – C. 167.

global protection. He urged the Institute of International Law, the International Union of Forensic Experts and the International Criminal Law Association to commence progress in this domain.

Thus, even in the pre-war period, A.N. Trainin laid the foundations for the concept of international crime and international individual criminal liability.

A.N. Trainin was conferred with the Doctor of Law degree in 1938, even though he did not defend his dissertation. Subsequently, he commenced his employment at the Institute of Law of the USSR Academy of Sciences, where he remained until 1954.

In 1944, A.N. Trainin wrote the monograph “Criminal Liability of the Nazis”. As V.I. Zhukov notes, this book became the real basis for clear formulations that the Soviet prosecution used already during the Nuremberg trials¹²⁰⁴.

A.N. Trainin noted that in order to restore the destruction produced by the Nazis, it will take long and intense efforts of all mankind, but it was at the turn of two eras – the end of World War II and the peace won by freedom-loving peoples – that an unshakable foundation of international relations and international cooperation should be laid on the basis of an agreement, which, undoubtedly, will be an unusual type of agreement¹²⁰⁵.

The scientist delegated a significant responsibility to specialists in the field of criminal law for this process. He delved into the history of the First World War and the subsequent post-war period, examining the unsuccessful endeavors to hold German emperor Wilhelm II accountable on an individual level for international crimes. Subsequently, he traced the evolution of the concept of criminal liability for Nazis within the USSR:

- the Note from the People’s Commissar for Foreign Affairs V.M. Molotov about the atrocities of German troops dated 25 November 1941;
- the Declaration proclaiming the principle of punishment of Hitler’s criminals of December 4, 1941 signed by I.V. Stalin;
- the Statement of October 14 1942 on the need to prosecute the leaders of fascist Germany at the Special International Tribunal issued by the Soviet government;
- the Decree of the Presidium of the Supreme Soviet of the USSR of November 2, 1942 on the formation of an Extraordinary State Commission to establish and investigate the atrocities of Nazi invaders and their accomplices and the damage they caused to citizens, collective farms, public organizations, state enterprises and institutions of the USSR.

¹²⁰⁴ Zhukov V.I. Contribution of scientists of the Institute of State and Law to the development of criminal law and other branches of legal science during the Great Patriotic War // *Gosudarstvo i pravo*. – 2020. – No. 12. – P. 21.

¹²⁰⁵ Trainin A.N. Criminal liability of the Nazis. Edited by A.Ya. Vyshinsky. – Moscow: Yuridicheskoe izdatel'stvo NKYu Soyuza SSR, 1944. – P. 3-4.

A.N. Trainin highlighted that the Anti-Hitler coalition has established consistent methods for addressing the issue of punishing Nazi criminals. As an illustration, he remarked that there was international empathy towards the details of the 1943 Kharkov Trial. In this trial, a military tribunal sentenced three Germans and one Russian to death for their crimes against civilians during the occupation, crimes that are beyond redemption¹²⁰⁶.

The Soviet legal scholar demonstrated significant efforts in the development of international criminal law during the years of World War II. He noted that Article 3 of the Treaty between the USSR and the United Kingdom in Great Britain concluded on May 26, 1942 on the alliance in the war against Hitler's Germany and its accomplices in Europe and on cooperation and mutual assistance after the war contained the intention of unification in order to preserve peace and resistance to aggression. Subsequently, the confirmation was made in the Declaration of the Four Nations on General Security, which was signed in Moscow on October 30, 1943. The Declaration of Stalin, Roosevelt, and Churchill, which was issued on November 2, 1943, explicitly outlined that German officers, soldiers, and party members who were directly involved in atrocities, murders, and executions would be extradited to the countries where these crimes were committed.

The conclusion reached by A.N. Trainin was as follows: there exists an intrinsic link between the establishment of a new international legal order under the auspices of the United Nations and the efforts to combat Nazi atrocities¹²⁰⁷.

It was of great importance that the Soviet jurist expanded the concept of crime against peace; in 1944, he already spoke about the system of international crimes. Fluent in German, French and other languages, A.N. Trainin analyzed the foundations of European criminal law and came to the conclusion that attempts to define the concept of international crime cannot be considered successful. The scientist understood a punishable encroachment on the foundations of international communication as international crime¹²⁰⁸.

In 1944, A.N. Trainin has proposed the following classification of international crimes, which, however, he did not consider exhaustive:

– group I – encroachments on peaceful relations between peoples: 1) aggressive actions; 2) propaganda of aggression; 3) conclusion of agreements for the purpose of aggression; 4) violation of treaties serving the cause of peace; 5) provocation in order to violate peaceful relations between states; 6) terrorism; 7) support for armed gangs (fifth column);

¹²⁰⁶ Trainin A.N. Criminal liability of the Nazis. Edited by A.Ya. Vyshinsky. – Moscow: Yuridicheskoe izdatel'stvo NKYu Soyuza SSR, 1944. – P. 12.

¹²⁰⁷ Ibid. – P. 11.

¹²⁰⁸ Ibid. – P. 35.

– group II – encroachments related to the war: 1) crimes against prisoners of war, wounded and sick soldiers; 2) encroachment on the life, health, honor and property of civilians; 3) destruction of cities and other settlements; 4) destruction and robbery of material and cultural property¹²⁰⁹.

The scientist made a noteworthy observation that, aside from terrorism, which was the catalyst for the creation of the draft convention due to its association with inciting war, no other international wrongdoing has been addressed by global treaties up to this point.

Following this generalization, A.N. Trainin delved into a detailed analysis of the international crimes perpetrated by the Nazis:

- crimes related to the war were categorized into four groups:
 - 1) crimes against prisoners of war, wounded and sick soldiers. The scientist placed emphasis on the fact that the Nazis systematically carried out murders and torture of prisoners of war, as well as sick and wounded soldiers, as part of their method of warfare. To provide a specific illustration, he referenced the atrocities that occurred in the Smolensk, Leningrad, and Kalinin regions;
 - 2) crimes against civilians: a) murder and violence; b) establishment of a slave-serf regime and withdrawal “into captivity”; c) robbery. The Soviet jurist highlighted the widely accepted principle in international law that the armed forces of belligerent nations engage in warfare, and that civilians who remain in occupied territories cannot be treated as victims subject to plunder, torture, killing, or unlawful exportation to other countries. However, Hitler’s Germany introduced a “new order”: over 3,000 civilians were killed by the Nazis on October 27, 1941 in Taganrog; often the Nazis used residents and children as a human shield against the attacks of the Red Army; in Kyiv, more than 195 thousand Soviet citizens were tortured, shot and poisoned in gas vans, etc.;
 - 3) destruction of cities and settlements;
 - 4) looting and destruction of cultural property¹²¹⁰.

Consequently, A.N. Trainin reached the conclusion that the state cannot be held accountable for international crimes. In spite of the opposition from numerous international lawyers, however, he advocated for the criminal liability of individuals acting on behalf of the state¹²¹¹. Simultaneously, the scientist held the belief that such crimes should be subjected to the jurisdiction of the state in which they were perpetrated. An exception was only granted in the case of organizing a trial pertaining to fascist Germany.

The matter of complicity in international crimes was not disregarded by the Soviet jurist. His focus was on identifying and prosecuting the organizers and instigators

¹²⁰⁹ Trainin A.N. Criminal liability of the Nazis. Edited by A.Ya. Vyshinsky. – Moscow: Yuridicheskoe izdatel'stvo NKYu Soyuza SSR, 1944. – P. 40.

¹²¹⁰ Ibid. – P. 45-61.

¹²¹¹ Ibid. – P. 74-75.

of typical gang crimes, as well as individuals involved in international crimes (including violations of the convention on the laws and customs of war and similar transgressions).

The execution of the order was also brought up as an issue. According to A.N. Trainin, the topic of military discipline is relevant in all contexts. The command to hurl children and women into flames, to poison unsuspecting individuals in gas vans is not merely a military directive, but rather an encouragement for acts of atrocity, necessitating full responsibility from both the organizers and the perpetrators¹²¹².

From June 26 to August 8, 1945, a meeting was held in London, wherein delegates from the four states of the Anti-Hitler Coalition assembled. The primary objective of this gathering was to organize a sequence of trials for war criminals associated with Nazi Germany. As a result, the Charter of the International Military Tribunal was formulated and ratified. The USSR sent I.T. Nikitchenko, Chairman of the Supreme Court of the USSR, and Professor A.N. Trainin as delegates.

A.N. Trainin served as an advisor to the USSR prosecution during the trial of the primary Nazi war criminals. In 1946, he released a compilation of articles titled “The Nuremberg Trials”, providing an accurate depiction of the conditions present. He stressed that the hall, including the balcony, has a seating capacity of approximately 350 individuals. However, the demand for seats from the outset far exceeded this number. When discussing the most substantial evidence, the scientist highlighted the significance of the Palace of Justice, a venue previously used for Nazi congresses. Of particular note is the office, housing authentic and replicated documents such as orders, speeches, and reports signed by fascist leaders. Additionally, the library preserves legislative and literary “works” from Hitler’s Germany.¹²¹³

On December 4, 1946, after the completion of the Nuremberg trials, A.N. Trainin was elected a corresponding member of the USSR Academy of Sciences.

With regards to the onset of the Cold War, the scientist was deeply involved in tackling the challenge of countering aggressive propaganda. In preparation for the Second Session of the UN General Assembly, he drafted proposals on behalf of the Soviet delegation, wherein he regarded press, radio, and visual propaganda as a form of incitement¹²¹⁴.

Then A.N. Trainin played an active role in the development of the concept of genocide. He emphasized the arduous nature of this task, exemplifying it with the work of the Special Committee on drafting an agreement to combat genocide.

¹²¹² Ibid. – P. 91.

¹²¹³ Trainin A.N. Nuremberg trials. Collection of articles. – Moscow: Izдание RIO VYuA, 1946. – P. 37.

¹²¹⁴ Trainin A.N. Criminal Liability for Propaganda of Aggression. – Moscow: Izдание RIO VYuA, 1947. – P. 11, 28.

The Soviet jurist made a significant contribution by proposing the identification of three specific forms of genocide to enhance the precision of its definition as an international crime:

- gas vans, gas chambers, firing-squad executions, i.e. physical genocide;
- combating childbearing, prohibition of marriage, complete separation of the sexes, forced abortions if there is a pregnancy, i.e. biological genocide;
- national-cultural genocide aimed at depriving the persecuted nation of the opportunity to develop its national culture, literature, native language, create universal human values in the national form¹²¹⁵.

Therefore, through the example of A.N. Trainin, one can observe the significant contribution made by Russian academic science to the advancement of concepts such as individual international criminal liability and international crimes. Initially, during the 1930s, a comprehensive peace protection program was formulated, and despite the outbreak of World War II, a wide array of criminal legal measures was proposed to prosecute those responsible for initiating it and perpetrating heinous atrocities against nations.

¹²¹⁵ Trainin A.N. The Struggle of Progressive Forces against the Annihilation of National Groups and Races (New York Conference on Combating Genocide). Transcript for Public lecture delivered at the Society's Central Lecture Hall in Moscow. – Moscow: Pravda, 1948. – P. 6.

Chapter III.
ROLE OF THE ACADEMY OF SCIENCES
IN THE DEVELOPMENT OF SUBSTANTIVE LAW

§ 1. Contribution of the Russian Academy of Sciences into the development and improvement of private and public law in Russia

Introduction. All Russian science will celebrate 2024 as a significant year: the Russian Academy of Sciences (hereinafter – the RAS) has its three-hundredth anniversary since formation¹²¹⁶. Three centuries of hard work, progress, development and achievements in science have certainly left an imprint in the life of our country, in each of the knowledge fields, and the time has come, so to speak, to gather stones of scientific granite not only for the construction of a new building itself, but mainly for the study of the results. As geologists who carefully study samples of core taken from the deposit in the laboratory, we will try to look at the contribution of the Russian Academy of Sciences into the development of environmental law.

One of the greatest public law theorists in our country is Oleg Stepanovich Kolbasov, Corresponding member of the Russian Academy of Sciences, author of a number of papers in the field of legal support of environmental management, protection of aquatic biological resources, legal water provision, atmospheric air protection. Many contemporaries, in particular S.A. Bogolyubov¹²¹⁷, noted an extremely significant contribution of O.S. Kolbasov into the legislative activity and development of the environmental law science, O.L. Dubovik noted the principle and scientific bona fides, it's better to say, responsibility in face of the scientific community and nature for their researches¹²¹⁸.

*Testament to Environmentalists*¹²¹⁹ left by O.S. Kolbasov is one of the most important things for the theory of ecological law: in this short manifesto or edifying

¹²¹⁶ On the establishment of the Academy and on the allocation of customs and litsents duties collected from the cities of Narva, Derpt, Pernov and Arensburg for its maintenance. With the attachment of the draft law on the establishment of the Academy dated 28 January 1724 // Complete collection of laws of the Russian Empire in 45 vol. Collection No. 1. Vol. VII. No. 4443. – St. Petersburg, 1830. – P. 220.

¹²¹⁷ Bogolyubov S.A. Oleg Stepanovich Kolbasov is the world-known Scientist // Paradigms of the Russian history through the lens of biographical studies (to Aleksei Ivanovich Yakovlev's 140th anniversary). The collection of works of the All-Russian scientific conference with the international participation, Chuvash state university of I.N. Ulyanov, April 18, 2019. – Cheboksary: Sreda, 2019. – P. 110-115.

¹²¹⁸ Dubovik O.L. Formation of environmental policy: history, achievements, trends and tasks (analysis of theoretical heritage of O.S. Kolbasov) // Ecological law. – 2007. – No. 6. – P. 22-25.

¹²¹⁹ Kolbasov O.S. Selected works. – Moscow: Publishing house of the Russian State University of Justice, 2017. – P. 4-5.

letter to lawyers-descendants, Oleg Stepanovich Kolbasov raises a number of crucial issues of material values ratio and ecology, the struggle against crude and unceremonious destruction of the environment, under the flag of material values, human egoism, issues contrasting civil and ecological law. Those answers found to these questions are true fundamental tasks for lawyers-environmentalists and civilists. However, over the past twenty years after O.S. Kolbasov's death, the answers to the challenges posed have not been found. Currently, to be fair, it should be noted that experts in the field of private and environmental law have actively studied the problems of legal support for genetic engineering, rights to selection achievements and issues related to the regulation of the treatment of human organs and tissues. For example, V.N. Sinelnikova¹²²⁰ writes in more details about all these in one of her works, however, it is far from a complete list of questions that arise on the borderline of environmental and private law.

Main research. What did Oleg Stepanovich Kolbasov call for in his testament? First of all, he called for protection of the environment, cause, as you know, human needs are unlimited; further, it is a differentiation between “spheres of influence” of environmental and private law as a legal “inhibitor” of economic progress, ardently defending civil rights and the economy, not always caring about public good, and finding a balance between these two crucial branches of law, that was one of the elements of the concept of environmental law¹²²¹, or better to say, balance between irrepressible human needs and protecting our future from ourselves. Also, his call to environmentalists indirectly indicates the role of public relations and state activity for protecting the environment. It is necessary to notice that many scientists also underline O.S. Kolbasov's contribution to studying law-enforcement practice in the sphere of environmental management¹²²², and the role of the judiciary is becoming even more important in protecting citizens' rights to the environment¹²²³. Having defined the main goals of the testament, let us turn to the question of possible implementation of the ideas set forth by O.S. Kolbasov in domestic legislation.

First of all, it is necessary to indicate the balance between private and environmental law: if we analyze the Civil Code of the Russian Federation (hereinafter – the CC RF) and the codifications of environmental legislation, it becomes

¹²²⁰ Sinelnikova V.N. Parts of wildlife as objects of civil circulation. – Moscow: Jurservitum, 2018. – 158 p.

¹²²¹ Kolbasov O.S. Concept of the ecological law // Courier of Kutafin Moscow State Law University (MSAL). – 2016. – No. 1. – P. 174-181.

¹²²² Balashenko S.A., Bystrov G.E. Oleg Stepanovich Kolbasov // BSU Magazine. – 2017. – No. 2. – P. 113-114.

¹²²³ Bogolyubov S.A. Combination of the theory and judicial practice in the sphere of ecology: O.S. Kolbasov's example // Use of the principles and norms of ecological, nature-resource and land law: problems and decisions: Collection of scientific articles. – Moscow: RSUJ, 2019. – P. 38-42.

clear that the issues of the balance between public law, i.e. the interests of the majority and private law, the interests of the individual, or it is better to say, the entrepreneur, is not regulated enough. As a rule, codifications do not disclose the relationship between private and public law in due extent, they do not explain the application of civil law in environmental management (except for land relations), which can lead to very unpleasant consequences that practitioners are forced to deal with. It is not clear in what way civil law is applied to many relations in the field of environmental management, despite the presence of a private legal element there, roughly speaking - the lease does not cease to be a lease, getting into the Forest Code of the Russian Federation (hereinafter – the FC RF).

At the same time, we must agree with M.M. Brinchuk's opinion, who justified the thesis that it is impossible to regulate environmental legal relations only by civil law, which was certainly his good point¹²²⁴. The scope of "fundamentals", or better to say, "regulatory foundations" should also include the private legal element, as it happens in the case of land legislation, where constructions gradually emerge and ensure a relative balance between private and public interests, which is necessary for other branches of environmental law¹²²⁵. Moreover, due to the insufficient execution of certain branches of environmental law, conflicts arise at the level of civil law – land law – mining law (for example, in the form of non-regulation of the procedure for coordinating the interests of the owner of the land and the owner of the subsoil plot, under the land plot during the subsoil mining), that in general is paradoxical, if we recall the importance of subsoil use for our country¹²²⁶.

In addition, it is also necessary to touch upon the issue of the application of the institutions of contractual law to contracts in the field of environmental management in somewhat more details. Thus, the most acute issue is the application of the institutions of unilateral refusal to execute the contract and modify or terminate the contract due to a significant change in circumstances (and not only in this area, but also in civil law in general).

Let us use legal modeling and offer the following situation: the economic entity enters into a lease agreement for a forest plot in accordance with Art. 72 of the FC RF for hunting, farming under paragraph 5, part 1, Art. 25 of the FC RF.

¹²²⁴ Brinchuk M.M. Civil law can't independently regulate legal relationship in the ecological sphere // *The Ecological law.* – 2018. – No. 4. – P. 12-18.

¹²²⁵ Svarchevsky K.G., Ivashchenko K.A. Protection of private and public interests in the transition to territorial zoning // *Protection of rights: problems of the theory of practice and implementation. A collection of articles on the materials of the All-Russian Scientific and Practical Conference, April 11, 2014, St. Petersburg.* – St. Petersburg: Northwestern branch of the Russian State University of Justice, 2014. – P. 134-140.

¹²²⁶ Kruglov V.V., Vagina O.V., Shepelyava N.M. About a ratio of the rights of the subsoil user and owner of the land plot located in borders of mountain branch // *Ecological law.* – 2018. – No. 1. – P. 140-145.

It looked as if it is possible to apply Art. 74.1 of the FC RF considering Art. 451 of the Civil Code of the Russian Federation. However, let's imagine the situation when the tenant finds out that on the forest plot that he rented, there is some kind of animal listed in the Red Book, say, a snow leopard. From the point of view of the resident, the answer is obvious: hands away from the snow leopards and the biocenosis in where they live. But in terms of the Civil Code of the Russian Federation and the Forest Code of the Russian Federation the answer isn't so obvious: neither the Civil Code of the Russian Federation, nor the Forest Code of the Russian Federation, except for several lines in Art. 74.1 of the Forest Code of the Russian Federation and Art. 451 of the Civil Code of the Russian Federation, provide the special bases for changing or termination of the contract, and a phrase "in a consequence of the natural phenomena" is evaluative, in general.

And what, it is questioned, can be considered a natural phenomenon, and what cannot, and can it significantly affect the character of the leased forest? And where is the mechanism for providing another forest area in this case? And if we imagine a situation when a particularly dangerous quarantine pest of forest or animals, such as African swine fever, appeared on a forest plot (which pass to wild boars) or brucellosis (in accordance with the Order No. 476 of the Ministry of Agriculture dated 19 December 2011, these diseases are classified as quarantine and especially dangerous)¹²²⁷ or the American white butterfly (especially spread over the southern regions, if identified, quarantine measures are mandatory) or black spruce barbel (in accordance with the Order No. 523 of Federal Forestry Agency "Rosleskhoz" dated 29 December 2007 are subject to quarantine). But there is no direct answer to this question in the law, and meanwhile the court will settle to whom what forest plot to give, what compensation to the tenant to provide, meantime the tenant will sustain "astronomical" losses or the forest will be destroyed by the pest in this plot. If you pay attention to Art. 77.1 of the FC RF, we'll find similar problems with the purchase and sale of forest plantations. Roundwood is not a real estate, not an ordinary thing, it can be destroyed by insects, burned by wildfire, it can rot. And again, the buyer must apply to court for defending his rights... And if you apply the CC RF, then what articles? Is it only a common part or can it be special ones? There are too many questions left. Even if we apply a code, what happens in the end: we again encounter evaluation categories that the court is forced to interpret (based on the analysis of judicial practice, it is skeptical towards the application of Art. 451 of the Civil Code of the Russian Federation, that is not surprising: since paragraph 4 of this article, indicating the possibility of changing the contract by the court is equipped with a sign of exceptional circumstances, and that clearly does not add desire to the courts to apply it). In his monograph, T.G.

¹²²⁷ Tretyakov N.N., Isaichev V.V. Plant protection from pests. – Moscow, St. Petersburg, Krasnodar: Lan', 2014. – 399 p.

Ochkhayev analyzed the institution of changing and terminating the contract depending on a significant changes and came to a number of conclusions, in particular: the presence of a number of drawbacks in Art. 451 of the CC RF, permeating interpretation and subsequent application¹²²⁸ and the need to correct the provisions of Art. 451 of the CC RF, in terms of allowing the court to perform actions aimed at preserving the contract and contractual balance, in the form of changing conditions¹²²⁹. As we can see, this problem is also relevant for civil law as a whole, not to mention environmental law.

The same problems exist not only with the application of the FC RF, but also with other federal laws in the field of environmental management. Both the institution of modification and termination of the contract and the unilateral waiver of the contract in the field of environmental management cannot be considered quite developed, they require significant refinement and modernization, taking into account the positions of substantive matter experts' advices.

There are also a number of problems with the study and legal regulation of environmental management treaties. If we revisit the lease of forest plots and relate it to traditional lease agreements, there are a lot of questions about the legal nature of this institution. Thus, V.A. Belov, studying the lease agreement under civil law, came to the conclusion that there was a differentiation of the lease for owner and owner-user (and later he disputed the validity of including some special types of leases among the "rental"¹²³⁰).

What type of lease should be defined as the lease of forest plots? Does it transfer ownership rights, taking into account the possibility of sublease and its incomplete certainty? What is the nature of the forest lease agreement? Is it consensual or real and in general, when the transfer of rights to leased property takes place, because in addition to registering a lease agreement for forest plots, it is necessary to provide a forest declaration and a forest development project under Art. 12 and 88 of the LC RF?

Again, there are a lot of questions left and again in the field of environmental management. V.K. Bykovsky, citing the rules for preparing and concluding lease agreements, pointed to a number of substantive conditions of this agreement that are not embodied in the FC RF¹²³¹. We believe that this is a flagrant violation of juridical technique by the legislator, because no one is trying to "remove" from the CC RF and "put" in a separate federal law rental agreement, or its separate parts, that we, in fact, observe in the case of leasing forest plots. And such problems are

¹²²⁸ Ochkhayev T.G. Change and termination of the contract in connection with significant change of circumstances. – Moscow: Statut, 2018. – P. 82.

¹²²⁹ Ibid. – P. 143.

¹²³⁰ Belov V.A. Lease agreement: scientific and practice essay. – Moscow: Statut, 2018. – P. 29.

¹²³¹ Bykovsky K.V. Forest law of Russia. – Moscow: Yurait, 2021. – P. 95.

relevant for many agreements in the field of environmental management, those, by the way, are quite a lot.

Another “problematic point on the map of relations between private and environmental law” is civil liability for violation of subsoil legislation. The most acute issue, except for administrative responsibility and the already “bored to death” issue of losses recovery for violation of environmental legislation (moreover, it was “bored to death” not by scientists, but by entrepreneurs and officials who allowed systematic environmental disasters, remember at least Nornickel case No. A33-27273/2020) is rational subsoil use. According to A.I. Tsuranova, this is a dynamic system of legal means, with the help of which such an impact on public relations is achieved, which ensures the most effective and complete use of mineral resources, combined with measures to replenish the mineral resource base and minimize the negative impact on environmental components. The author divides the whole body of laws of this mechanism into two groups: the first one includes norms aimed at establishing the state’s obligations for rational subsoil use, the second group includes obligations of the subsoil user himself¹²³².

The same issue is also related to the legal regulation of certain aspects of subsoil use, for example, the legal ensuring of geological exploration¹²³³. And at this moment – this is not a separate problem, but a number of legal causes and conflicts, which clearly does not contribute to the development of private and public law, since the interests of a private entity may violate the rights of the population to a favorable environment, restoration of the natural environment and protection against “predatory” plundering of natural wealth, and the regulatory framework does not provide effective legal regulation on the part of either private or public law. We see the consequences of such an attitude to environmental legislation in the previously mentioned moot court case (and it is not necessary to reproach the authors for the excessed journalism, sorry, this is the topic of the study). All this is exacerbated by the absence of some fundamental categories in subsoil use legislation (for example, “minerals” at the federal level), which makes it difficult for any branch of law to apply the categories laid down in environmental legislation in general, but as it is known, the uncertainty of the term’s meaning of an estimated nature forces law practitioners to use hermeneutics or linguistics to establish the meaning or interpret with the conceptual apparatus, that makes it a separate problem.

All mentioned above could in itself revive the debate on land responsibility¹²³⁴. The authors consider it necessary to highlight this rather interesting

¹²³² Tsuranova A.I. Legal mechanism for ensuring the rational use of subsoil in geological research and mining. – Moscow: Prospect, 2017. – P. 31.

¹²³³ Kuznetsov D. A. Legal regulation of geological prospecting activity // *Vox Juris*. – 2020. – No. 2. – P. 216-223.

¹²³⁴ Poiseev I.I. Land legislation and rational use of the earth // *Vestnik of North-Eastern Federal University*. – 2013. – No. 1. – P. 73-78.

category, because such theses do not occur without special reasons. The classical theory of law identifies five types of legal responsibility: disciplinary, administrative, criminal and civil or material. However, in relation to land law, some experts also distinguish land law liability.

The beginning of the idea formation and the development of land responsibility started sixty years ago. N.I. Krasnov was the first to study the question of the independence of land legal liability, who pointed out that when protecting the legal regime of lands, along with others, land legal measures are applied and they do not fit into the framework of civil legal and other types of liability¹²³⁵.

Subsequently, such Russian legal scholars as F.Kh. Adikhanov¹²³⁶ and A.P. Anisimov¹²³⁷ spoke on this topic in their works.

O.V. Izmailov¹²³⁸, N.I. Nesterenko¹²³⁹, A.A. Ryabov¹²⁴⁰, E.A. Sukhova¹²⁴¹ also made special researches on the issue of liability for violations of land legislation.

O.V. Izmailov formulated the concept of land liability. In his opinion, land liability is the state legal sanctions application directly provided by land legislation to the offender, as a result of it the latter undergoes land deprivation¹²⁴².

K.K. Ibragimov perceives land liability as recognition of the person's obligation who is guilty of violating land legislation, either to undergo adequate deprivation of a personal or property character commensurate with his offense, or to perform socially useful actions¹²⁴³.

Adherents of the idea of land legal responsibility as an independent type of legal responsibility prove their point, standing on:

- land specifics as an object of relations in the field of environmental protection and property relations that does not allow to ensure its legal regime with general types of responsibility;

¹²³⁵ Legal support of rational use of land in the USSR / G.S. Bashmakov, V.A. Kikot', O.S. Kolbasov, N.I. Krasnov, etc. – Moscow: Nauka, 1969. – 216 p.

¹²³⁶ Adikhanov F.Kh. Theoretical problems of legal protection of the agricultural land. – Tomsk: Izdatel'stvo Tomskogo universiteta, 1989. – 209 p.

¹²³⁷ Anisimov A.P. Land and legal responsibility for violation of a legal regime of settlements' lands // Russian law magazine. – 2004. – No. 2. – P. 80-86.

¹²³⁸ Izmaylov O.V. Responsibility for violation of the land legislation: abstract of Candidate of Sciences in Law thesis. – Moscow, 1973. – 24 p.

¹²³⁹ Nesterenko N.I. Application of responsibility for violation of the land legislation: abstract of Candidate of Sciences in Law thesis. – Moscow, 1984. – 24 p.

¹²⁴⁰ Ryabov A.A. Responsibility for violation of the legislation on land use. – Moscow: Yurid. lit, 1981. – 88 p.

¹²⁴¹ Sukhova E.A. Responsibility for offenses in the field of land protection and use: abstract of Candidate of Sciences in Law thesis. – Saratov, 2005. – 202 p.

¹²⁴² Izmaylov O.V. Responsibility for violation of the land legislation: abstract of Candidate of Sciences in Law thesis. – Moscow, 1973. – 24 p.

¹²⁴³ Ibragimov K.Kh. Questions of land and legal responsibility // Russian law magazine. – 2006. – No. 10 (118). – P. 102-107.

- the rules of land law contain special land sanctions that are not specific to other branches of law, which are applied to those who improperly enforce the established rules for the use and protection of land;
- there stands out a system of actions committed by the perpetrator or at the expense of the perpetrator among the special land legal measures of influence on the offender as compared to administrative measures.

At the moment, the question of whether there are grounds for allocating and fixing in the legislation a separate form of responsibility for the committing of offenses in land legal relations is debatable.

It is also worth of pointing on the balance of economic interests of the economic entities themselves in the field of environmental management: Federal Law No. 135-FL “On Protection of Competition”¹²⁴⁴ does not contain explanations on the application of antimonopoly legislation (hereinafter – AML) to environmental legal relations except for a couple of articles, and however, the rules in environmental legislation on the application of AML do not clarify anything. But this is the most important factor in protecting even the most private interest in a market economy from the dominance of monopolies and economically strong entities, not to mention national security and the benefit of an individual person. Some issues of competition protection in the field of environmental law have been reflected in the doctrine quite long ago. For example, procedures for bidding in the field of environmental management, as early as 2006 became the subject of a scientific study by specialists in competition law, and it should be noted that many of the theses set out in the article were subsequently implemented¹²⁴⁵. However, not all problems at the intersection of competitive and environmental law were so “lucky”. Thus, for example, we will agree with the position of A. Rostislavova that it is necessary to improve competitive procedures in the field of subsoil use at the federal level, in particular, the clarity of the criteria for selecting winners and an exhaustive list of documents necessary for the competition¹²⁴⁶. At the same time, the authors of this study have previously addressed the issues of protection the competition in the field of subsoil use and have come to a number of disappointing conclusions, however, we will not violate the topic of the article, we will limit ourselves only to indicating the need to improve Federal Law No. 135-FL regarding the protection of competition in the field of environmental management¹²⁴⁷.

¹²⁴⁴ Sobranie zakonodatel'stva RF. – 2006. – No. 31.

¹²⁴⁵ Evrayev M.A. Pisenko K.A. The main directions of development of the legislation on placement of the state and municipal orders and also legislative about use of limited natural resources in the light of relevant problems of competitive reforming of the domestic legislation and management in the sphere of economic activity. – Moscow: Yurist, 2006. – P. 22-29.

¹²⁴⁶ Rostislavova A. The antimonopoly travel to the depths of the earth // Competition and Law. – 2016. – No. 6. – P. 47-53.

¹²⁴⁷ Kuznetsov D.A., Svarchevsky C.G. Antimonopoly control in subsurface use sphere /

Due to insufficient regulation, another problem arises: the judicial system, in particular the Constitutional and Supreme Courts of the Russian Federation, they are forced to resort to filling gaps in the law, performing the work of the legislator, in order to carry out their main function - the administration of justice¹²⁴⁸. In addition, it should also be remembered that the peculiarities of hearing cases related to the application of environmental legislation in the civilistic process and administrative proceedings, the application of many procedural institutions in this category of cases, issues of jurisdiction are not sufficiently studied.

In the Criminal Code of the Russian Federation (hereinafter – the CC RF)¹²⁴⁹ there are still “dead norms” (for example, Art. 255 of the CC RF)¹²⁵⁰, which are not applied in practice at all, since qualification takes place according to the other standards of the CC RF, once again it does not speak in favor of the legislator. Similar problems in practice have been observed for a long time and they do not find a solution: I.V. Popov previously noted that from 2007 to 2010 there was not a single criminal prosecution under Art. 255 of the CC RF, however, there were facts of qualification as illegal entrepreneurship¹²⁵¹. The Ruling No. 21 of the Plenary Session of the Supreme Court of the Russian Federation dated 18 October 2012 does not significantly improve the situation.

And after all, all these were clearly foreseen by the great scientist, Academician of the Russian Academy of Sciences, O.S. Kolbasov, who made a huge contribution to the development of the environmental law of our country, a person of world-wide significance.

Conclusion. We’ll briefly indicate the changes that need to be introduced to the legislation to ensure the implementation of the “Testament to Environmentalists”.

State and development of antimonopoly regulation in the Russian Federation. Collective monograph. Under a general edition of A.V. Molchanov, D.A. Petrov. – Moscow: Yurist, 2021. – P. 199-214.

¹²⁴⁸ The Ruling No. 49 of the Plenary Session of the Supreme Court of the Russian Federation dated 30 November 2017 “On certain issues on compensation for damage to the environment” // Bulletin of the Supreme Court of the Russian Federation. – 2018. – No. 2.

¹²⁴⁹ Sobranie zakonodatel'stva RF. – 1996. – No. 25. – Art. 2954.

¹²⁵⁰ In accordance with the data of the Judicial Department under the Supreme Court of the Russian Federation for 2020 in Russia, under Art. 255 of the Criminal Code of the Russian Federation no persons were convicted // Statistics of the Judicial Department at the Supreme Court of the Russian Federation. Judicial Department at the Supreme Court of the Russian Federation. – URL: <http://www.cdep.ru/index.php?Id=79&item=5669> (Accessed on September 15, 2023).

¹²⁵¹ Popov I.V. Difficult questions of application of Article 255 of the Criminal Code of the Russian Federation and influence of civil concepts on qualification of criminal violation of the protection rules and use of subsoil // Bulletin of Omsk University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. – 2013. – No. 1. – P. 3-7.

First of all, it is necessary to supplement the provisions of the Civil Code of the Russian Federation with a set of norms allowing application of civil legislation to environmental legal relations.

So, in our opinion, there can be two options for the fixation concepts: the first is the introduction of a separate chapter into the second part of the Civil Code of the Russian Federation (chapter 60.1 “Application of civil law norms to legal relations arising in the field of environmental law”, with the subsequent fixation of the entire block of norms applicable in the field of environmental legislation in it. In this chapter, in our opinion, there should be the following paragraphs:

1. Application of civil legislation to certain types of environmental law treaties.
2. Limited proprietary rights in environmental legislation.
3. Responsibility of economic entities for causing harm to the environment.
4. The second option is a dispersal of norms according to the chapters of the Civil Code of the Russian Federation, taking into account the correlation of specific norms and chapters, and, if possible, allocating such norms as separate paragraphs.

Keeping in mind mentioned above, regardless of the chosen model, it is necessary to introduce more detailed and specific grounds for changing and terminating environmental management contracts, which are enshrined in environmental legislation. Both options also suppose the development of regulatory regulation of environmental legal relations with a private legal element, in particular, leases of forest, water plots, competitive procedures for the right to extract water biological resources, a water use agreement and other similar structures. It will also be necessary to amend the general provisions of the Civil Code of the Russian Federation and introduce new structures and a mining easement¹²⁵².

For the efficiency of the above-mentioned transformations, it is necessary to revise the Law of the Russian Federation “On Subsoil”¹²⁵³, incorporate by-laws and adopt the Mining Code, and study in more details the peculiarities of judicial proceedings in cases arising from environmental legal relations. It is also necessary to develop theoretical studies of the nature and content of treaties in the field of environmental management, namely those elements of the treaty that retain private law character.

In the sphere of legislation on land and subsoil, it is necessary to adopt the Mining Code with the boundaries between private and public interest in these sectors, the formation of a high-quality conceptual framework in the legislation on subsoil, and ensuring a balance of legal structures in this area.

¹²⁵² Afanas'ev I.V. Easement in civil law. – Moscow: Yurait, 2018. – P. 132-135.

¹²⁵³ Vedomosti of the Congress of People’s Deputies of the Russian Federation and the Supreme Council of the Russian Federation. – 1992. – No. 16. – Art. 834.

In the field of antimonopoly legislation, it is necessary to introduce an anti-monopoly easement¹²⁵⁴, supplement the Law on the Protection of Competition (hereinafter – LPC) with provisions on the protection of competition in the field of environmental management, exclude from environmental law norms referring to LPC, provide understandable and transparent competitive procedures in the field of environmental management.

In the field of civilistic process: a detailed study of the peculiarities of proceedings in cases related to the application of environmental legislation and the application of individual procedural institutions in such cases.

All the above-mentioned measures will make it possible to regulate effectively public relations in the field of environmental management, complicated by the private legal element, to reduce the burden on the judicial system, to develop the provisions of civil law and, at the same time, effectively protect the environment from the harmful impact of economic activities.

§ 2. The influence of the Soviet school of administrative law on the modern understanding of administrative-legal regulation

Introduction. Discussions about the subject and method of branches of Russian law are traditional for domestic legal science. These discussions will always be quite diverse and multidirectional due to the fact that the very issue of branch division is solely doctrinal, and therefore conditional in nature. At the same time, the discussion of issues aimed at clarifying the essence of administrative and legal regulation allows us to set the vector for the development of legal norms, assess the prospects for legal regulation in this area, and highlight problematic issues in the field of state and legal regulation. Within the framework of this study, an attempt was made to investigate the degree of influence of the achievements of Soviet scientists – administrativists on modern concepts indicating the place of administrative law in the system of Russian law.

Main research. This issue (the influence of the works of Soviet scientific administrators of 50-80s of the 20th century) on the concept of modern administrative law has already been studied by specialists. For example, a fairly detailed analysis of discussions in the scientific environment of the mid-20th century was made by I.I. Veremeenko¹²⁵⁵, who rightly noted that the change in the state-legal

¹²⁵⁴ Tenisheva A.P., Shishko I.V., Luzhbina E.L. (eds.). Antimonopoly regulation: problems of the legislation of the theory and practice. – Moscow: Prospekt, 2018. – P. 80-91.

¹²⁵⁵ Veremeenko I.I. The concept of the subject of Soviet administrative law and the need to correct it // Vestnik instituta: prestuplenie, nakazanie, ispravlenie. – 2008. – No. 2. – P. 67.

paradigm was not fully reflected in the understanding of the subject and method of administrative and legal regulation.

In the light of the issue under consideration, it will be appropriate to recall the emergence of administrative law in its modern sense and the history of this branch, which originates in the history of police law.

It is well-known that the change in the name of the branch reflects not only and not so much the presence of subjective factors related to the preferences of certain specialists in this field, but also with a change in the approach to the system of legal regulation. Administrative law replaced police law in connection with the development of the ideas of constitutionalism, which put the protection of human and civil rights and freedoms in the first place among the tasks and functions of executive authorities. With the introduction of the term “administrative law” this branch ceased to be understood as a branch exclusively “managerial” Modern concept of state-legal building sees in an individual an independent subject interacting with public authorities, relations with which are not reduced to the traditional model of “power – subordination”. This approach to understanding the essence of administrative law was characteristic at the beginning of the 20th century, when administrative law was separated from the police. It is characteristic that A.I. Elistratov connected the need to move from police law to administrative law due to the fact that the relationship between an individual and a state authority cannot be based solely on the need to obey government orders. According to the scientist, the foundation of police law is based on the creation of a system of norms aimed at “guardianship” of the ordinary person without taking into account his opinions and interests¹²⁵⁶. The concept of a new “administrative law” was and is in close connection with the concept of separation of powers, as the foundation of the state-legal structure, the creation of a system of administrative justice aimed at appealing acts and actions of state authorities in court.

During the existence of the Soviet state, the concept of administrative law proposed by domestic and foreign administrativists could not be perceived in the context of the domination of new ideological attitudes. Provided that it was the doctrine of separation of powers that had a decisive effect on the formation of administrative law, the rejection of it should have led to a radical restructuring of the system of scientific knowledge in this area. In his lectures on administrative law A.I. Elistratov said that: “As long as the laws are issued by the same body that rules, its management cannot become legitimate: if the ruling authority is, at the same time, the legislative authority, it will always be able to legalize its deviations from the law in matters of public administration. It will occupy an honorable place in the

¹²⁵⁶ Nizhnik N.S., Dergileva S.Yu. State and law in the theoretical heritage of A.I. Elistratov // Bulletin of St. Petersburg University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. – 2014. – No. 2 (62). – P. 68.

codes, and in life will still reign the changeable discretion of the ruling government”¹²⁵⁷. This approach could not find understanding in the realities of the dominance of Soviet legal and ideological doctrine. Inevitable in such conditions there was a period denying the possibility of the existence of such a branch as administrative law in the Soviet state in principle.

The further development and complication of the system of state administration in the Soviet Union led to increased interest in any science developing problems of management, and administrative law was not an exception, revived on the new conditions. One of these conditions was the construction of the concept of administrative-legal regulation, which will not be based on the principle of separation of powers, subordination and control of executive authorities, on the creation of a system of guarantees aimed at protecting the rights and legitimate interests of the individual in the process of the activities of the state apparatus. The dominance during the existence of the Soviet Union of certain ideological attitudes led to the formation of the idea of the unity of the system of state authorities, the allocation as subject of administrative law of any management activity carried out in the field of public administration, at the same time, those ideas that served as the starting point for the formation of a new branch - for example, the institution of judicial appeal against the actions and activities of state authorities and their officials turned out to be on the periphery of the attention of specialists (largely due to the extremely weak development of such relations in society).

These circumstances have led to the fact that in understanding the subject and method of administrative law, a number of postulates were formed, and they were justified by the system of legal norms that coexisted in 50-80s and the law enforcement practice that corresponded to them. Yu.M. Kozlov quite capaciously characterized the subject of Soviet administrative law: “Soviet administrative law regulates those public relations that are formed in the process of management or implementation of managerial activity. A specific feature of relations regulated by administrative law is the legal inequality of the parties: one of the participants in such an attitude is subordinate to the other... Administrative-legal regulation is characterized by the method of power prescriptions, the method of power ruling. Accordingly, managerial relations are relations of power and subordination... Administrative-legal relations are characterized by a mandatory subject. They cannot arise without the participation of a governing body or another entity with legally powerful powers”¹²⁵⁸. In fact, the “managerial” concept of administrative law can be presented as follows, administrative legal relations:

- 1) arise in the process of public administration;

¹²⁵⁷ Elistratov A.I. Administrative law // Bulletin of O.E. Kutafin University. – 2016. – No. 5 (21). – P. 236.

¹²⁵⁸ Kozlov Yu.M. Administrative law. – Moscow: Yurid. lit., 1968. – P. 40.

- 2) have a public administration body as a mandatory subject;
- 3) are of power – subordination relations and are characterized by legal inequality of their parties.

We cannot say that this concept was the only one. The unity of ideological approaches did not exclude the possibility of discussion in this area. So, G.I. Petrov was a supporter of the approach, which assumed the presence, in addition to the relations of “power-subordination” other constituting the subject of administrative law¹²⁵⁹. The researcher paid sufficient attention to “relations of equality”¹²⁶⁰ associated with administrative and legal regulation. At that, an example of these relations was, in the opinion of G.I. Petrov, “Relations between unsubordinated bodies of public administration (for example, between the ministries of the USSR), their employees (for example, between heads of departments of an executive committee), between various unsubordinated bodies of public organizations, the activities of which are regulated by the norms of administrative law, between citizens, between public administration bodies and citizens who apply to them with proposals, applications, complaints, etc.”¹²⁶¹ This approach led to a noticeable expansion of the range of administrative legal relations, including relations within the framework of the activities of trade union organizations, relations regarding the use of residential premises, and others. At the same time, relations that were basic for the separation of administrative law from a police law were at the periphery of attention (relations related to appealing against the actions and decisions of state authorities). In fact, such positions are reflected in some modern approaches to describing the subject of administrative law.

They include the following. The expansion of the range of public relations regulated by administrative law. In some cases, we are talking about a kind of “governmentalization” of any social relations. As D.V. Osintsev rightly noted: “Such a broad definition is ideologically “unsafe” in the political and strategic terms, since almost all subjects of law are endowed with police functions”¹²⁶².

The expansion of the range of administrative and legal regulation is connected with the attribution to the subject of administrative law those relations that develop in the process of organization and activity of local self-government bodies. This approach was fully justified during the existence of the

¹²⁵⁹ Petrov G.I. Soviet administrative and legal relations. – Leningrad: Leningrad State University, 1972. – 157 p.

¹²⁶⁰ Ibid. – P. 19.

¹²⁶¹ Ibid. – P. 21.

¹²⁶² Osintsev D.V. Public administration and administrative law: problems of the methodology of legal research // Materials of the International Scientific and Practical Conference dedicated to the 80th anniversary of the Honored Scientist of the Russian Federation, Doctor of Law, Professor D.N. Bahrah “Innovative Russia: Problems and Prospects for the Formation of a Legal State”. – Yekaterinburg: Publishing House UMC UPI, 2012. – P. 265.

“Soviet” system of public administration, based on the belonging of full power to the Councils of People’s Deputies, which, in turn, can be considered (with a certain degree of conditionality) as analogues of local self-government bodies. The next feature highlighting the subject of administrative law in that time was the attributing to administrative- legal relations those ones that arose in the process of the activities of state organizations and institutions. Administrative-legal relations were considered as power relations between unequal subjects. The subject of administrative law included any internal organizational management relations occurring in state authorities. One can allow a fairly general statement that the understanding of Soviet administrative law is largely similar to the concept of police law as a managerial law (taking into account, of course, significantly increased legal technique).

The change in socio-political realities and ideology was supposed to have a significant impact on the understanding of the subject and method of administrative law, which in turn should have been reflected not only in scientific works in this sphere, but also in the content of training courses in the discipline “Administrative law”. At the same time, an analysis of a significant number of popular textbooks and textbooks shows that the change in state-legal attitudes is not sufficiently reflected in the content of these publications.

There, for example, the authors of one of the most authoritative textbooks on administrative law, B.Yu. Rossinsky and Yu.N. Starilov, directly refer the reader to the book of Yu.M. Kozlov and draw attention to the fact that relations between citizens and the administration, regulated by administrative law, are relations of “power – subordination”¹²⁶³. Despite the fact that it is impossible to argue with this thesis, it can be reduced to an exclusively managerial concept of administrative law, which only casually mentions the special relationship between the control of the activities of the executive power, characteristic of modern administrative and legal regulation. Defining the subject of administrative law, the authors write that “administrative law is a set of legal norms that regulate public administration in the state, in municipalities and other public institutions. In other words, administrative law regulates relations not only in the field of public administration, but also in the field of management carried out at the non-state level - local self-government, as well as management in other public organizations and institutions”.

Such a thesis leads to the actual blurring of the boundaries of administrative law, which thus covers virtually the entire sphere of public administration. At the same time, the thesis about the protection of citizens’ rights, in the process of implementing public administration, although it is present, takes only one small part

¹²⁶³ Rossinsky B.V., Starilov Yu.N. Administrative law: Textbook for universities. – Moscow: Norma, INFRA-M, 2019. – P. 53.

of the total enumeration of the features of administrative and legal norms and relations¹²⁶⁴.

A more cautious approach is formulated in a textbook edited by L.L. Popov and M.S. Studenikina, who also unusually widely interpret the subject of administrative law, including in it public relations arising in the activities of public associations, executive bodies of local self-government, commercial organizations¹²⁶⁵. Characterizing public relations arising in the process of performing by local self-government bodies their functions, the authors say that “the activities of executive bodies of local self-government also largely constitute the subject of administrative law, because they cannot be excluded from the list of possible participants in management relations. The executive bodies of cities, towns, etc., do not act in isolation from the administration of the regions and territories, as well as the executive authorities of the republics. Naturally, such managerial relations are regulated by the norms of administrative law”¹²⁶⁶, i.e., in fact, the thesis is put forward that the participation in a managerial relationship related to public law regulation automatically makes this relation as administrative – legal ones.

In modern conditions there is a support for the long-standing thesis formed during the existence of the Soviet regime about the special administrative and legal relations that may arise between citizens, without the participation of state authorities, but in connection with the fulfillment of a public duty¹²⁶⁷.

By no means can we say that the authors of modern textbooks and teaching manuals do not pay attention to the fact that a change in state-legal paradigms should affect the understanding of the essence of administrative law. So, A.N. Mironov rightly points out that “in modern conditions in Russia, the issue of the subject of administrative law has acquired particular significance. First of all, we are talking about the implementation of constitutional norms, the norms of current legislation on the citizens’ rights and their associations, on administrative ensuring the implementation of the rights and obligations of citizens”¹²⁶⁸. The analysis of the text of the manuals allows us to conclude that the author has not made emphasis on how the “administrative support” of the citizens’ rights and obligations will be carried out, whether it is a kind of “administrative guardianship” regime or the establishment of boundaries for the implementation of the powers of executive authorities. Meanwhile, the presence of a legal mechanism aimed at limiting power is one of the main features of modern administrative law. Some quotes from modern

¹²⁶⁴ Ibid. – P. 59.

¹²⁶⁵ Popov L.L., Studenikina M.S. Administrative law: textbook. – Moscow: Norma, INFRA-M, 2021. – P. 32.

¹²⁶⁶ Ibid.

¹²⁶⁷ Ershov P.M., Zvonenko D.P., Ivanov M.V., Malumov A.Yu., Malumov G.Yu. Administrative law: Textbook. – Moscow: Yusticinform, 2011. – P. 32.

¹²⁶⁸ Mironov A.N. Administrative law: textbook. – Moscow: FORUM: INFRA-M, 2021. – P. 21.

textbooks can be directly related to the era preceding the dominance of theories based on constitutionalism, for example, S.N. Bratanovsky with co-authors in a textbook intended for undergraduates writes that “the will dominant in society materializes in a specific form of public life: the State will finds its expression in law. Consequently, the legal regulation of managerial relations, ultimately subordinating to the will and interests of the state, contributes by its specific means to their development in a direction corresponding to the prospects for the development of Russian society”¹²⁶⁹. Such an approach, despite the validity of its existence, further removes the reader of the textbook from the understanding of the essence of administrative-legal regulation that was formed in the early 20th century.

Quite traditional is the position of the authors of the textbooks, based on the listing of the main “managerial” relations that constitute the subject of administrative law without indicating the specifics of administrative-legal regulation based on the principles of limiting the powers of the administration. So, for example, N.M. Konin, E.I. Matorina write that “... there are four areas of social relations, where there are holistic in their subject-generic essence, but different in their specific characteristics types of organizational relations that are the subject of administrative-legal regulation:

- 1) organizational management relations in the field of the implementation of executive power (public administration);
- 2) internal organizational relations in all parts of the public administration system and areas of state activity;
- 3) nationwide control and organizational relations;
- 4) administrative-judicial, organizational-protective relations”¹²⁷⁰.

It is necessary to note one more aspect concerning the teaching of disciplines of the administrative and legal profile and reflected in the content of textbooks and teaching aids. The domestic tradition associated with legal education, as a rule, separates the courses of administrative proceedings based on the norms of the Administrative Procedure Code of the Russian Federation¹²⁷¹ and the course of administrative law. We can say that in the vast majority of textbooks there is no statement of the norms aimed at judicial appeal against the actions and decisions of public authorities. This phenomenon has a solid justification – the Administrative Procedure Code of the Russian Federation by its nature close to the codes of private law and its existence for a long period within the framework of the Civil Procedure

¹²⁶⁹ Bratanovsky S.N. Administrative law of Russia: textbook. – Moscow: RIOR: INFRA-M, 2019. – P. 31.

¹²⁷⁰ Konin N.M., Matorina E.I. Administrative law: a textbook for universities. – Moscow: Yurait, 2021. – P. 30.

¹²⁷¹ The Administrative Procedure Code of the Russian Federation No. 21-FL dated 8 March 2015 (as amended from July 15, 2021) // Sobranie zakonodatel'stva Rossijskogo Zakonodatel'stva. – March 9, 2015. – No 10. – Article 1391.

Code of the Russian Federation is somewhat due to the nature of the stated norms. At the same time, it is possible to put forward a hypothesis that such a division is to some extent connected with the traditions of the Soviet school of administrative law, which could not build the foundation of administrative-legal regulation on the procedures for appealing against the actions and decisions of state authorities.

Despite the entirely theoretical material in the basis of this article, it can be stated that the understanding of administrative law as a system of norms governing exclusively relations of power and subordination (and understood quite widely) lead to peculiar relapses of police-legal regulation, based on the thesis that the main task of state authorities is to take care of the welfare and well-being of citizens, without regard to their opinion on the expediency of such care and the impact it has on the life of “ordinary” citizens. The modern era gives us a vivid example of how the activities of the administration, not limited by the legislative framework, quickly enough reduced to arbitrary decisions affecting the basic rights and freedoms of the individual, not only concerning its most important daily needs. The situation related to the adoption of measures aimed at combating the new coronavirus infection best illustrates the concept of “variable discretion of the ruling government” applied by A.I. Elistratov in his lecture course. One of the reasons for this situation is the lack of a system of norms that are not aimed at establishing the limits of arbitrary activities of state authorities (both federal and at the level of subjects) in specific conditions for the spread of a new disease. It is possible to assume that the practice of applying “antiCOVID” measures is a new challenge to the modern political-legal system based on the doctrine of constitutionalism¹²⁷².

In addition to the above stated, it can be noted that the “blurring” of the boundaries of administrative-legal regulation is in close connection with some trends of modern law enforcement practice. For example, combining in one branch the norms regulating the details of executive authorities and the activities of local self-government bodies casts doubt on the completeness of the implementation of one of the main principles of the state-legal structure of the Russian Federation – the independence of local self-government bodies, which in turn is reflected in the practice of the activities of local governments in St. Petersburg and other cities of federal significance, which, in fact, are significantly dependent on the bodies of state power of the subjects. Despite the fact that there are a variety of approaches to the prospects for the further development of legal norms regulating the activities of state authorities and local self-government bodies, the modern model of administrative-legal

¹²⁷² Terentyev R.V. Measures to counter the spread of the new coronavirus infection (COVID-19) in the light of the theory of constitutionalism // Implementation of the theory of constitutionalism in the law enforcement practice of the Russian Federation. A collection of articles based on the materials of the scientific and practical conference (St. Petersburg, October 23, 2020). – St. Petersburg: Asterion, 2021. – P. 208-214.

regulation should be connected with the current constitutional and legal model, based on generally recognized principles of legal regulation. The gap between the declared principles and the real legal model is one of the main shortcomings of any legal system, entailing irremovable contradictions in law enforcement practice and threatening the rejection of the principles of the rule of law, which implies the primacy of legal norms, among other methods of social regulation.

The repeatedly stated lack of unity in understanding the subject of administrative law regulation¹²⁷³ indicates the need to continue the discussion on this issue, which is necessary, among other things, for improving the teaching mechanism of the same name discipline.

Conclusion. I would like to note that the author of this article does not in any way challenge modern authoritative approaches to understanding the subject of administrative law, especially since branch division is nothing more than a convention necessary for a better understanding of the system of modern norms and the development of new approaches to legal regulation in general. The need to distinguish different positions in this area is most clearly manifested in the process of teaching legal disciplines. Unusually “broad” approach to the definition of the subject of administrative law does not allow students to understand the boundaries of administrative – legal regulation and understand the main principles for building a system of administrative-legal norms. It can be assumed that the modern concept of understanding the subject of administrative law needs a radical revision, in connection with which the author considers it possible to formulate several conclusions.

To a large extent, the modern concept of understanding the subject of administrative law is based on the results of research of administrative scientists of the 50-70s of the 20th century, who worked in the conditions of the dominance of other ideological attitudes related to the implementation of the principle of unity of state authorities and not based on the separation of powers.

Understanding the essence of administrative-legal regulation, as a system of norms that are not aimed at restricting the arbitrary activities of executive authorities, will help to set the vector for the development of legal norms at the present stage.

Narrowing the range of relations referred to as administrative-legal ones will allow students enrolled in higher education programs to form a clearer idea of the specifics of administrative-legal norms and to clarify the boundaries between related branches.

¹²⁷³ Osintsev D.V. Public administration and administrative law: problems of the methodology of legal research // Materials of the International Scientific and Practical Conference dedicated to the 80th anniversary of the Honored Scientist of the Russian Federation, Doctor of Law, Professor D.N. Bahrah “Innovative Russia: Problems and Prospects for the Formation of a Legal State”. – Yekaterinburg: “Publishing House UMC UPI”, 2012. – P. 264.

It is possible to assume that theoretical foundations based on the understanding of administrative and legal regulation that has been formed since the 50-70s of the 20th century can lead to law-enforcement practice that contradicts the foundations of the state system of the Russian Federation, based on the principle of separation of powers, independence of branches of government, independence of local self-government bodies, independence of state authorities of constituent entities of the Russian Federation within their powers.

§ 3. Academic schools of financial law: challenges of interpreting the concept “financial system of the State” in Russian law

Introduction. In modern jurisprudence, there are a number of Russian academic schools of financial law that have a fundamental vision of the system. An important aspect of the research activity of such schools is that fundamentally they try to delimit the directions of economic and legal interpretation of the essence and structure of the system. A number of fundamental disagreements also remain, for example, in the vision of the role or importance of the credit and insurance for the whole system. In this regard, attempts are made to develop a synthetic interpretation of the financial system to partially or completely satisfy scientists committed to various schools. However, the material studied indicates that such definitions are distinguished either by their excessive brevity or by piling parameters of individual components of the financial system.

The purpose of this study was a comprehensive review of the financial system to create its clearer and optimally capacious interpretation, to preserve the values of various approaches of academic schools in the Russian Federation.

Based on the purpose of the study, the following objectives were developed:

- to analyze the interpretation of the concept of the financial system by representatives of various academic schools of financial law;
- to investigate the structure of the financial system in order to determine the role of each component;
- to give the most comprehensive definition of grouping the links of the financial system;
- to develop a proposal for the most clear and concise definition of the financial system.

Analytical, historical, comparative and logical methods of analysis were used to solve the above-mentioned tasks.

In the process of the study, numerous materials from various Russian academic schools of financial law were studied. The developments of Russian

scientists such as: E.Yu. Gracheva, M.V. Karaseva, A.M. Kovaleva, Yu.A. Krokhina, N.I. Khimicheva, A.S. Chueva and others were used.

Main research. Certain public relations that have specific detectors are the subject of any legal branch. When considering financial law, it must be recognized that this condition is fully preserved. Therefore, it is possible to distinguish three most important features of the relationship that form the subject of financial law. First, they are formed purely in the sphere of financial activity and they are closely related to the distribution of national income by the State in order to generate the consumption and accumulation funds necessary for society. Secondly, the systematically planned activity for the generation and use of financial funds in society is precisely the basis for the emergence of legal relations. Thirdly, the object of this type of relationship, which is also important, is finance and financial obligations, which are associated with both the generation and use of funds¹²⁷⁴.

During the study, at the first stage an analysis of the interpretation of the very concept of the financial system, which is used in law, was carried out.

E.Yu. Gracheva defines the financial system as a set of certain financial institutions; each contributes to the generation and use of money funds. The totality of these institutions, their cooperation in the generation, redistribution and use of money funds creates the financial system itself, which reflects detectors and markers of the State development in certain conditions of market development¹²⁷⁵.

A.M. Kovaleva states that the analysis of the trend in the development of finance indicates the presence of general signs in the content. This is due to the fact that objective reasons and conditions for the functioning of finance remain under certain conditions, among which the development of commodity-monetary relations and the formation of the State as a subject of such relations are especially distinguished¹²⁷⁶. Unlike money and loans, finance is directly related to the functioning of the State. The general features of financial relations, by definition, do not exclude some differences between them. In this regard, A.M. Kovaleva defines the financial system as an economic category, which is a set of areas of financial relations, characterized by the peculiarities of the generation and use of financial funds, as well as by a different role in social reproduction¹²⁷⁷.

N.I. Khimicheva also supports A.M. Kovaleva in her definitions and interprets the financial system more as an economic one, suggesting that it should mean the internal structure of finance, the totality of its interconnected institutions, where

¹²⁷⁴ Gracheva E.Yu. *Financial law: textbook*. – Moscow: Norma: INFRA-M, 2012. – P. 8-9.

¹²⁷⁵ *Ibid.* – P. 10.

¹²⁷⁶ Chueva A.S., Kurdyuk P.M., Ivanenko I.N. *Financial law (general part): textbook for academic undergraduate studies*. – Krasnodar: KGAU, 2013. – P. 16-17.

¹²⁷⁷ Kovaleva A.M. *Finance: Finance: textbook for academic undergraduate studies*. 6th ed., revised and supplemented. – Moscow: Yurait, 2019. – P. 23-24.

each is a specific group of financial relations. The material components of these institutions of the financial system have the corresponding monetary funds¹²⁷⁸.

Yu.I. Shupletsova expands the concept of the financial system in relation to the Russian Federation, including the budget system, extrabudgetary funds, the finances of organizations, insurance funds and State and bank loans¹²⁷⁹.

V.B. Alekseev defines the financial system even more broadly and clearly, representing it with a combination of interacting financial institutions, which include the federal, regional and local budgets, State extrabudgetary funds, which include the Pension Fund of the Russian Federation, the Social Insurance Fund and the Federal Compulsory Medical Insurance Fund. The composition also includes:

- budget of territorial State extrabudgetary funds of compulsory health insurance;
- funds of organizations and branches of the national economy;
- loans, which are divided into State and banking, federal and regional non-state funds, which in turn consist of pension, insurance, banking funds and funds of other public organizations and legal entities¹²⁸⁰.

Yu.A. Krokhina approaches the definition of the financial system also from an economic position, but more methodological than theoretical, characterizing it as a system of forms and methods of accumulation, redistribution and use of financial funds of the State, municipalities, as well as all enterprises, institutions, organizations and branches of the national economy. According to the researcher, each link of this system is determined by the fact that it provides service in a certain area of redistribution of State income using specific forms and methods of accumulation and use of financial funds. Each link of this system has an influence on public financial activities, as well as its functions. The author includes in the links of the financial system the budget system, which in turn includes the federal budget, the budgets of the constituent entities of the Russian Federation and local budgets, extrabudgetary State funds, State and municipal loans, compulsory state insurance and finance of enterprises, associations, organizations, institutions, branches of the national economy¹²⁸¹.

Therefore, it should be noted that three main visions of the financial system have been formed in the Russian Federation, which determine the totality of legal scholars' views on it: legal, economic and synthetic. The legal vision of the

¹²⁷⁸ Khemicheva N.I. Financial law: textbook. – 5th ed., revised and supplemented. – Moscow: Norma: INFRA-M, 2012. – P. 27.

¹²⁷⁹ Shupletsova Yu.I. Financial law: short course of lectures. – 5th ed., revised and supplemented. – Moscow: Yurait, 2014. – P. 11.

¹²⁸⁰ Alekseev V.B. Financial law of the Russian Federation: textbook. – Moscow: Wolters Kluwer, 2010. – P. 12-13.

¹²⁸¹ Krokhina Yu.A. Financial law of Russia: textbook. – 4th ed., revised and supplemented. – Moscow: Norma: INFRA-M, 2011. – P. 25-26.

financial system provides an appropriate view of it, based on the use of a set of legal methods and tools to explain and control the financial system. The economic vision preserves the understanding of the financial system in the economic field of jurisprudence, which radically changes the methodology of the impact of the legal field on this system, putting the financial component at the forefront which is already secondarily superimposed by the legal field at the State and municipal level. The synthetic vision of the financial system is designed to combine the two main visions, transforming them into a harmonious awareness of this system as part of the state-legal cluster of education and redistribution of funds.

At the second stage of the study, the financial system of the Russian Federation itself was analyzed. It should be noted that the institution of any system is usually divided into institutional areas. In the case of the financial system, we note that it is also subdivided into relevant areas in accordance with the structure of financial relationships. Public finances naturally include budgets of all levels, including a pension fund, social insurance fund and compulsory medical insurance.

It should be also noted that the most important place in the financial system of the Russian Federation is occupied by the budget system, which is a mobile link, and its share accounts for the maximum cash flow.

According to Article 6 of the Budget Code of the Russian Federation, “the budget system of the Russian Federation is based on economic relations and the state structure of the Russian Federation, regulated by the legislation of the Russian Federation, the totality of the federal budget, budgets of the constituent entities of the Russian Federation, local budgets and budgets of State extrabudgetary funds”¹²⁸².

The budgets of this system include the federal budget and the budgets of State extrabudgetary funds, as well as the budgets of entities and the budgets of territorial state extrabudgetary funds, local budgets.

Financial funds in the form of the federal budget, budgets of the constituent entities of the Russian Federation and municipal entities that are part of the country’s budget system are objectively necessary for the implementation of national or regional socioeconomic plans and programs, as well as for ensuring the country’s defense functions and security. It should be borne in mind that they also serve as a financial basis for the independence of State entities and the development of local self-government.

Reserve funds formed within the federal budget should be considered as a part of the federal budget. Thus, according to Article 81.1 of the Budget Code of the Russian Federation, the reserve fund is a part of the federal budget funds, which

¹²⁸² Budget Code of the Russian Federation No. 145-FZ dated 31 July 1998 (as amended on July 1, 2021, with the changes dated 15 July 2021) // SPS “ConsultantPlus”. – URL: <https://www.consultant.ru/> (Accessed on September 11, 2023).

are subject to separate accounting, management and use to ensure the balance, i.e., covering the deficit of the federal budget. The means of the budgetary system are, for the most part, taxes and other mandatory payments of legal entities and individuals. Also, to raise funds, the budget system uses domestic and external loans on a repayment basis.

Consequently, the budgetary system is an organizational form of the financial system and a crucial element of the country's socioeconomic activities. This defines it as an integral part of not only of the structure and characteristics of the financial system, but also of its position in the legal field of the State, since the important purpose of the budget is confirmed by the special level of its legal regulation, determined by Article 114 of the Constitution of the Russian Federation, in which, according to Article 71, the federal budget belongs to the exclusive competence of the State. The constitutional norms still entrust the development and organization of the federal budget on the Government of the Russian Federation, which develops a federal budget draft, and at the end of the financial year, according to paragraph "a" of Article 114, sends the execution report to the State Duma for consideration. Also, the Constitution of the Russian Federation assigns certain norms to the budgets of subjects and municipalities.

Particular attention in the financial system of the State is paid to extrabudgetary funds, which in their essence represent a certain amount of money. These funds are separate from the budget and have their own revenue sources. They are intended to provide material support for individual public events. This type of funds has a purely targeted purpose for the implementation of attracted additional resources to those sectors of the economy that are defined as priority. Extrabudgetary funds are fundamentally important for financing socially significant and quite costly public needs, for example, such as pensions and health care. Extrabudgetary funds have certain legal features that distinguish them from other budgets¹²⁸³.

Extrabudgetary state funds are divided into economic and social funds, which determines their legal basis. The legal status of all off-budget funds, the procedure for the formation of their income and the use of incoming funds by them are enshrined in chapter 17 of the Budget Code of the Russian Federation, as well as other regulatory legal acts.

According to Article 144 of the BC of the Russian Federation, the budget of state extrabudgetary funds includes both the budgets of state extrabudgetary funds and the budgets of territorial state extrabudgetary funds. The purpose of the creation and operation of funds is determined by the provisions of the Constitution of the Russian Federation, for example, according to the Article 39, concerning the guarantee of social security for age, illness, disability or breadwinner, upbringing of

¹²⁸³ Krokhnina Yu.A. Financial law of Russia: textbook. – 4th ed., revised and supplemented. – Moscow: Norma: INFRA-M, 2011. – P. 26-27.

children, as well as the right to health care and medical care, as enshrined in Article 41 of the Constitution.

Consequently, extrabudgetary state funds, as well as budget funds, are an integral part of the State's financial system and should be indicated in its definition, which is observed only in some interpretations, and in other cases is veiled under the general definition of funds, thus reducing their legal significance in the system.

As the next component of the financial system was considered the institution of finance of economic entities, which combines the category of decentralized funds, for example, the finances of commercial and non-profit enterprises and organizations, as well as public organizations. These finances are an independent part of the system. They represent separate funds that are at the disposal of private entities for use in individual functions and tasks.

In this context, it should be noted that the funds of economic entities are the starting point and basis of the entire financial system. These subjects are directly related to material reproduction, in the process of which national income is generated. Once income is created, it is distributed through the same financial system. From an economic point of view, these are separate monetary funds for various purposes, which are constantly created at each individual enterprise and are used to develop production forces and social needs.

A special place in this category of the financial system is occupied by the funds of joint ventures, which are created on the basis of funds pooling of national and foreign economic entities. This type of enterprise generally or jointly owns property, including cash funds. The share of funds attributable to the national partner is added to the total amount of financial resources of this State.

Besides the monetary funds of enterprises that generate material wealth, there are also the finances of entities that generate intangible benefits, for example, banks and non-bank credit organizations, insurance companies, numerous funds and other organizations that provide services, and also operate on a commercial basis¹²⁸⁴.

Considering a plenty of objects in the category of decentralized funds of the financial system, it is necessary to recall local finance, which includes local budget funds and municipal securities owned by local governments. Local monetary funds are a set of funds that are formed and used to resolve issues of local importance, including self-government. The formation and distribution of local monetary funds are based on the principles of independence and State financial support in accordance with Federal Law No. 131-FL¹²⁸⁵, as well as other regulatory legal acts.

¹²⁸⁴ Khemicheva N.I. Financial law: textbook. – 5th ed., revised and supplemented. – Moscow: Norma: INFRA-M, 2012. – P. 30-31.

¹²⁸⁵ Federal Law No. 131-FZ On the General Principles of the Organization of Local Self-Government in the Russian Federation dated 6 October 2003 (as amended in July 1, 2021) // SPS "ConsultantPlus". – URL: <https://www.consultant.ru/> (Accessed on September 11, 2023).

Consequently, decentralized monetary funds, or territorial-regional, as well as centralized ones, are an essential part of the State's financial system and have comparative importance in its formation, which determines their legal nature in State jurisdiction.

The next important component of the State's financial system is insurance, which has a truly dual characteristic and economic, legal category. In the economic aspect, insurance can be represented as a system of economic relations regarding the formation of centralized and decentralized intangible and material funds that are intended to cover unforeseen social needs. From a material point of view, insurance is a set of monetary or material funds used to compensate damage that occurs as a result of natural disasters and other unforeseen circumstances¹²⁸⁶. The Act No. 4015-1¹²⁸⁷ establishes a clear legal concept of the term "insurance". For example, according to Article 2 insurance is a relationship to protect the interests of individuals and legal entities, the State, its subjects and municipalities in the event of certain insured cases at the expense of finances, which are formed by insurers of the paid insurance premiums (insurance contributions), including, at the expense of other means of insurers. Insurance provides a large number of forms, which are divided into forms of voluntary and compulsory insurance, which guarantees, in the legal field of the State, the provision of compensation for any damage stipulated by insurance.

Consequently, insurance is also an important part of the financial system, both in economic and legal terms, because it determines the attitude of social structures to various risks in relation to individuals and legal entities who are citizens of a State, which legally regulates the forms and options of voluntary and compulsory insurance.

The financial system also includes the lending institution, which is increasing its share in the State's cash flows, and it contains two main components – banking and State, including municipal, credit¹²⁸⁸. A bank loan is a way for banks to provide internal, own, or external, borrowed funds for temporary use on the terms of a repayment basis and ensure payment for services in the form of interest¹²⁸⁹. From the standpoint of economics, a bank loan is one of the forms of loan capital movement. In this case, free of obligations funds of the State, municipalities, legal entities and individuals, which are accumulated by certain organizations that have the right to credit, are provided to various individuals and legal entities on repayment basis. In

¹²⁸⁶ Gracheva E.Yu. Financial law: textbook. – Moscow: Norma: INFRA-M, 2012. – 351 p.

¹²⁸⁷ Federal Law No. 4015-1 on the Organization of Insurance in the Russian Federation dated 27 November 1992 (as amended on June 28, 2013) // SPS "ConsultantPlus". – URL: <https://www.consultant.ru/> (Accessed on September 11, 2023).

¹²⁸⁸ Vlasov A.V. Money. Credit. Banks: textbook. – Rostov-on-Don: Feniks, 2013. – P. 86-87.

¹²⁸⁹ Borisov A.B. Big legal dictionary. Second edition, revised and supplemented. – Moscow: Knizhnyj mir, 2012. – P. 48.

the course of their activities, credit organizations generate a certain set of cash funds, which are logically included in the financial system of the State.

However, there are two positions concerning the Russian Federation. One part of economics and law researchers attach credit funds to the financial system of the State. The other part believes that the banking lending system is not a component of the financial system of the Russian Federation. Nevertheless, most scientists are inclined to the first point of view, for example, N.I. Khimicheva, considers such a position unreasonable, since the monetary funds of credit organizations provide harmoniously balanced flows in the process of generating a public product. It would be fair to take into account in the financial system funds of the Central Bank of the Russian Federation, as well as other credit organizations that operate on the basis of State or municipal property.

The very concept of national credit is at the intersection of economic and legal theory, because it is understood as relations that lead to the formation of national debt.

According to Article 97 of the Budget Code of the Russian Federation, “the State debt of the Russian Federation includes debt obligations of the Russian Federation to individuals and legal entities of the Russian Federation, constituent entities of the Russian Federation, municipalities, foreign states, international financial organizations, other subjects of international law, foreign individuals and legal entities arising as a result of State borrowing of the Russian Federation, as well as debt obligations under State guarantees provided by the Russian Federation, and debt obligations arising as a result of the adoption of legislative acts of the Russian Federation on the attribution to national debt of third parties’ debt obligations that arose before the entry into force of this Code”¹²⁹⁰.

Therefore, from a legal standpoint, national credit and debt are considered interdependent phenomena: debt is the result of the functioning of a national credit and its legal consequence, and national credit is an integral part of the financial system itself.

From the economic standpoint, State credit is an economic system of financial relations that arise in the process of attracting individuals and legal entities on a voluntary and paid basis by the State for the temporary development of free financial resources, in order to form a loan fund¹²⁹¹. At the same time, state credit is an independent institution of financial law and a complex institution of legislation. From the law point of view, state credit is a set of financial and legal norms that

¹²⁹⁰ Budget Code of the Russian Federation No. 145-FZ dated 31 July 1998 (as amended on July 1, 2021, with the changes dated 15 July 2021) // SPS “ConsultantPlus”. – URL: <https://www.consultant.ru/> (Accessed on September 11, 2023).

¹²⁹¹ Khimicheva N.I. Financial law: textbook. – 5th ed., revised and supplemented. – Moscow: Norma: INFRA-M, 2012. – P. 539-540.

regulate social relations formed in the process of development by the State on a voluntary basis and the principle of compensatory repayment of temporarily free financial resources of legal entities and individuals. The legal specifics of credit-type financial relations are that in them the state acts as a debtor, borrower and guarantor, but at the same time determines the conditions for making loans and, for example, providing guarantees, since financial and legal norms have a state-imperious character¹²⁹².

It should be noted that until now there is no clear legal definition of State credit in the legislation of the Russian Federation.

Nevertheless, Article 6 of the Budget Code of the Russian Federation contains its definition: “A budget loan is money provided by the budget to another budget of the budget system of the Russian Federation, a legal entity (with the exception of State (municipal) institutions), a foreign state, a foreign legal entity on a returnable and reimbursable basis”.

Consequently, there is a definition of credit in the legal field, which gives reason to include this component in the full definition of the financial system from the standpoint of jurisprudence, thereby completely outlining this concept in the legal school.

The last aspect of defining the financial system in the legal field is a more complete and capacious segmentation of the system structure, which was the final stage of this study. In the law school, there is a discussion on the definition of grouping the links of this system, which, for example, is reflected in the work of N.I. Khemicheva, where three types of terms are used at once in three different versions of the definition of grouping:

- definition of grouping 1 – State, municipal and private finances;
- definition of grouping 2 – State, municipal and economic entities finances;
- definition of grouping 3 – public and private finances¹²⁹³.

M.V. Karaseva summarized the opinions of many researchers in the field of jurisprudence and generalized the financial system, including relatively independent links in it. All links were grouped into two characteristics – centralization and decentralization. The group of centralized finance included budgetary funds, State and municipal loans, as well as State non-budgetary funds. The second group includes the finances of organizations and household finances¹²⁹⁴.

¹²⁹² Gracheva E.Yu., Sokolova E.D. Financial law: Textbook. – Moscow: Norma: INFRA-M, 2010. – P. 207-209.

¹²⁹³ Khemicheva N.I. Financial law: textbook. – 5th ed., revised and supplemented. – Moscow: Norma: INFRA-M, 2012. – P. 28.

¹²⁹⁴ Karaseva M.V. Financial law of the Russian Federation: textbook. – 3rd ed., revised and supplemented. – Moscow: KnoRus, 2014. – P. 16.

French researcher in the field of state law P.M. Godme divided finance only into two groups: "... In no case should one forget about the fundamental difference between State and private finance. The main differences between them are due to the fact that the state of private finance and the dynamics of private finance depend on the laws of a market economy. So, supply and demand in the market determine certain amount of discount interest. The state and dynamics of State finances are determined by the decisions of the State and the actions of public authorities..."¹²⁹⁵.

This division seems quite simplified, although it gave a fundamental difference between private finance and public finance, highlighting four parameters:

- 1) the State has the right to ensure its income in a compulsory manner through a system of taxation, which is not available to private individuals, because they have a high risk of default on their obligations;
- 2) the monetary system associated with public finance is mainly controlled by the State and is independent of the will of a private person;
- 3) public finances are directed by the State to ensure the general interest of society, while private ones are set to receive pure profit;
- 4) the size of private finance in developed and intensively developing countries is less than the size of public finance¹²⁹⁶.

N.I. Khimicheva clarifies that these funds can be divided into centralized and decentralized ones, since each link of the financial system accumulates certain financial relations that form and use, in their turn, the types of money funds in order to meet social needs¹²⁹⁷. In relation to centralized funds, the State acts as a full owner, it can forcibly provide its own income through a system of taxes, fees, and duties. Researchers associate decentralized funds with financial funds of enterprises, organizations, institutions that are used for industrial and social purposes. Target monetary funds include extrabudgetary state funds, in contrast to general-purpose funds, where the State or local budget is determined.

Therefore, a more precise and capacious definition of the links grouping of the financial system in the legal field is needed for a general definition of this system, taking into account the views and development trends of various legal schools.

In this regard, the following definition of categories would be more appropriate: the financial system includes State, municipal and private finance, divided into centralized and decentralized at the same time as targeted and general purposed.

¹²⁹⁵ Godme P.M. Financial law. – Moscow: Progress, 1978. – P. 18.

¹²⁹⁶ Godme P.M. Financial law. – Moscow: Progress, 1978. – P. 41-42.

¹²⁹⁷ Chueva A.S., Kurdyuk P.M., Ivanenko I.N. Financial law (general part): textbook for academic undergraduate studies. – Krasnodar: KGAU, 2013. – P. 29.

Conclusion. Thus, a set of studies has been carried out concerning the problem of interpreting of the financial system of the State concept in various academic schools of Russian financial law, and it can be presented in several sections.

1. An analysis has been made of the interpretation of the financial system concept, used in Russian law. As a result, it was concluded that three main visions of the financial system have been formed in the Russian Federation, which determine the totality of legal scholars' views on it: legal, economic and synthetic. The legal vision of the financial system provides an appropriate view of it, based on the use of a set of legal methods and tools to explain and control the financial system. In order to combine the legal vision with the economic one, it is necessary to use a synthetic version of the vision of the financial system, which is designed to combine law and economics, transforming them into a harmonious understanding of this system as part of the state-legal cluster of formation and redistribution of funds.

2. An analysis of the structure of the financial system of the Russian Federation has been carried out. It should be noted that the financial system is divided into relevant areas according to an inclusive structure of financial relationships. The study concluded that the budgetary and non-budgetary systems are the organizational form of the financial system and essential elements of the country's socioeconomic activity. Both centralized and decentralized monetary funds play a significant role in the financial system, since they are a fundamental part of the State's financial system and have an important position in its formation, which determines their legal nature in State jurisdiction. The financial system of the State, therefore, and its legal definition should always include insurance, which determines the attitude of social structures to various risks in relation to individuals and legal entities. Finally, the concept of credit should be included in the definition of the financial system, since this segment carries the social context of the interaction of the State with its subjects and citizens, which requires legal support and control, being extremely important at the current stage of the society development.

3. The multiplicity of the definition of the financial system in the legal field has been considered, since there is a discussion on the definition of links grouping of this system. In the course of the research, a clearer and more capacious definition has been developed, which was included into the general definition of the financial system as the result of the study.

Based on the materials studied in the framework of a scientific research, a unified definition of the financial system in the legal field has been developed: *the financial system is a set of financial institutions that interact in the legal field for generating money, its structure includes all levels of centralized and decentralized budget systems, budget and off-budgetary funds, including insurance and lending, as well as targeted and general-purposed finances.*

This definition is synthetic, complex and quite capacious, preserving in its essence the views of various academic legal schools.

§ 4. Contribution of the Russian Academy of Sciences into the formation and development of criminal ecological law as an instrument for environmental preservation and protection

Introduction. Criminal-ecological law is the result of the evolution of criminal and ecological law, the process of their transformation in response to the desire of society to ensure the proper protection of the environment. Modern Russian criminal-ecological law in its development has passed three historical stages: from the first years of Soviet Russia until about 1960; the second stage – from 1960 to the beginning of the 90s, finally the third – from 1991 up to the present.

It was in the 90s of the last century, after the reform of the criminal law, that a large-scale criminalization of ecological violations was carried out and a search was made for appropriate sanctions for their violation, aimed at protecting natural resources and public health. Ecological crimes have become an integral part of Russian criminal law.

The concept of “criminal-ecological law” has entered into scientific circulation recently. And, although in the scientific community there is no unified point of view on this issue, A.I. Zvereva in her monograph called “Ecological crimes that encroach on the safety of water bodies: characterization and demarcations with related torts”, rightly points out that despite the debatable problems encountered in almost every work devoted to responsibility for ecological crimes, “subordination to the primary research of the “life” of criminal law in the ecological sphere” should be emphasized¹²⁹⁸.

Scientists of the Institute of State and Law of the Russian Academy of Sciences made a serious contribution to the formation and development of both ecological and criminal-ecological law.

Main research. The Environmental Protection Act has a long history. Ecological law, or as it was previously called nature-ensuring law, dates back to the end of the 19th century, although legislation has previously been enacted to protect nature or its components¹²⁹⁹.

At the beginning of the 20th century, the Academy of Sciences proposed the creation of a special institution aimed at the nature protection control, in 1915-1916

¹²⁹⁸ Zvereva A.I. The ecological crimes encroaching on safety of water objects: characteristic and differentiations with adjacent delicts: the monograph. – Moscow: Prospect, 2019. – P. 18.

¹²⁹⁹ Bulgakov M.B., Yalbulganov A.A. Nature protection acts: from Russkaya Pravda till Peter I’s times // State and Law. – 1996. – No. 8. – P. 136-146.

it prepared a draft of law on Nature Protection¹³⁰⁰, which, because of the 1917 revolution, was not implemented.

The formation of modern ecological legislation actually began only in the 60s of the last century with the adoption of the law on Nature Protection in the RSFSR¹³⁰¹. From 1917 to 1960, ecological and criminal legislation fully reflected all the specifics of this historical period: “the indisputable priority of State-economic interests over relations directly aimed at nature protection”¹³⁰².

Ecological crimes in the Criminal Code of the RSFSR of 1922¹³⁰³ and the Criminal Code of the RSFSR of 1926¹³⁰⁴ were considered by the Soviet state either from the point of violation of the order of management, or as illegal actions that infringe on public health, public safety or public order. So, Art. 99 of the Criminal Code of the RSFSR dated 1922 established liability for illegal forestry, illegal hunting and fishing; sampling sand, stones, etc., without the permission of the authorities, as well as the mining in violation of the stated rules, was in the chapter “On crimes against the order of management”. In turn, Art. 216, which determines responsibility for not notifying “persons subject to the authorities, who are obliged to do so, about cases of contagious diseases or livestock death” was included in chapter VIII “Violation of the rules protecting public health, public safety and public order”.

Adopted in 1960, the Criminal Code of the RSFSR¹³⁰⁵ significantly expanded the range of crimes encroaching on the natural environment, but most of the offences were in chapter 6 “Economic crimes”. These included illegal animal hunting, illegal minerals mining, illegal foresting, atmospheric air pollution, water pollutions, the production of timber rafting and blasting in violation of the rules for the protection of fish stocks, harm to natural objects under State protection, and illegal subsoil mining. “The danger of these crimes was assessed, first of all, in terms of economic losses from unsustainable environmental management, because the environment as a whole and its components were considered as elements of the

¹³⁰⁰ History of the ecological legislation of Russia // RIA Novosti. – URL: <https://ria.ru/20100604/239700725.html> (Accessed on August 28, 2023).

¹³⁰¹ The Law on Nature Protection in the RSFSR dated 27 October 1960 // Library of Regulatory Legal Acts of the USSR. – URL: http://www.libussr.ru/doc_ussr/usr_5607.htm (Accessed on August 28, 2023).

¹³⁰² Lavygina I.V. Stages of criminal legislation formation of Russia on ecological crimes // Topical issues of modern science. – 2009. – No. 6-1. – P. 130.

¹³⁰³ The Criminal Code of the RSFSR dated 1 June 1922 (invalid) // National Legal Internet Portal of the Republic of Belarus URL: https://pravo.by/upload/pdf/krim-pravo/UK_RSFSR_1922_goda.pdf (Accessed on August 28, 2023).

¹³⁰⁴ The Criminal Code of 1926 (invalid) // SPS “Codex”. – URL: <https://docs.cntd.ru/document/901757374> (Accessed on August 28, 2023).

¹³⁰⁵ The Criminal Code of the RSFSR adopted by the SC of the RSFSR dated 27 October 1960 (invalid) // Bulletin of the SC of the RSFSR. – 1960. – No. 40. – Art. 591.

economic system”¹³⁰⁶, and that is understandable since this historical period was characterized by a predominance of interests in the protection and ensuring of socialist property, the presence of administrative and command methods of management, etc. Almost all laws and regulations, including criminal legislation, were aimed primarily at more complete and effective use of the country’s natural resources, but not at their protection or conservation.

But the deteriorating ecological situation, ecological disasters of that time led to an understanding of the need to study their causes, as well as the development and adoption of special legal acts governing the protection of nature.

As a result, in 1972, a Sector of legal problems of environmental protection was created at the Institute of State and Law of the USSR Academy of Sciences, headed by professor O.S. Kolbasov. The main activities of the Sector were: research of issues of international legal protection of the environment, comparative legal research and environmental management. Later in 1988, the Sector was renamed as the Sector of ecological law, then in 1992 – the Center for ecological and legal research, and since 2009 – the Sector of ecological and legal research.

Professor O.S. Kolbasov over the years of his work at the institute laid not only the foundations of a new independent branch of law – ecological law, but also ecological policy, he publishing in 1976 the monograph “Ecology: Politics – Law. The legal protection of nature in the USSR”¹³⁰⁷, which has not lost its relevance today. In his monograph he examined such concepts as the “essence of nature”, “society”, “environment”, “principles of environmental protection”, he studied the historical and ideological conditionality of nature protection, analyzed the features of the interaction of State power and environmental protection, the evolution of the ecological legislation, issues of public administration in the field of nature protection. As O.L. Dubovik rightly writes, even today this work is the only monographic study of ecological policy issues in our country¹³⁰⁸. O.S. Kolbasov was the first among scientists to use the term “ecological crime”¹³⁰⁹. In 1991, he was elected a Corresponding member of the Russian Academy of Sciences. In memory of an outstanding scientist, the Russian State University of Justice has been holding scientific conferences “Kolbasov Readings” since 2013.

¹³⁰⁶ Bratashova N.I. Criminal and criminological aspects of fight against crimes in the sphere of fauna protection: abstract of Candidate of Sciences in Law thesis. – Saratov, 2011. – 30 p.

¹³⁰⁷ Kolbasov O.S. Ecology: policy – law. Legal protection of the nature in the USSR. – Moscow: Nauka, 1976. – 230 p.

¹³⁰⁸ Dubovik O.L. Value of the ideas of O. S. Kolbasov for research of modern environmental policy problems // Use of the principles and norms of ecological, nature-resource and land law: problems and decisions: Collection of scientific articles. – Moscow: RSUJ, 2019. – P. 207-211.

¹³⁰⁹ Verevicheva M.I. Ecological crimes in criminal law of Russia (problems of a concept and a system). – Ulyanovsk: Ulyanovsk State University, 2004. – P. 152.

In 1970-80s, there was an active search of methods of legal regulation and determination of ecological law sources, finding more exact definition for this branch (ecological law, the law of the environment, the law of the nature resources), developments of its principles, formulations of the main directions of researches. The Water, Land, Forest Codes of the RSFSR, as well as the Subsoil Code are being developed and adopted in the country.

As a result, “numerous and very sharp discussions in the scientific community, as well as legislative, organizational and managerial practices, and also public opinion and the professional legal community, led to a consensus:

- ecological law exists;
- it is necessary to achieve the goals of environmental protection, human health protection, maintaining the economy and law and order;
- it is potentially highly effective;
- this branch needs intensive development;
- ecological law has all the characteristics of an independent integrated branch;
- it is characterized by a number of specific features, meaning in sum its role in any legal system (family) as dominant (in the O.S. Kolbasov’s words, as "superbranch")”¹³¹⁰.

At the turn of the 1980-90s, works were published that had a significant impact on the further development of ecological law and the formation of a new direction – criminal-ecological law and ecological criminology. Among the first works there were *Causes of Ecological Offenses* (the monograph of O.L. Dubovik and A.E. Zhalinsky edited by O.S. Kolbasov)¹³¹¹, as well as *Effectiveness of Legal Responsibility in Environmental Protection*¹³¹² based on empirical studies done by employees of the Institute of State and Law in different regions of the country.

But criminal law was still considered as an instrument for protecting the State’s ownership on natural objects and natural resources. And only after serious ecological disasters (Chernobyl, etc.) and in connection with the problems caused by pollution of the environment, water resources, the development of nuclear energy, numerous man-made and natural disasters did an understanding come of the need to implement reform of both ecological and criminal laws and the new role of criminal law in the environment protection.

It should be noted that in those years a number of international instruments had already been drafted and adopted by the international community, in which,

¹³¹⁰ Dubovik O.L. Ecological law: reality and attempts of revisionism // Papers of Institute of the State and Law. – 2010. – No. 2. – P. 9-10.

¹³¹¹ Dubovik O.L., Zhalinsky A.E., Kolbasov O.S. Causes of ecological crimes. – Moscow: Nauka, 1988. – 240 p.

¹³¹² Kolbasov O.S., Krasnov N.I. Efficiency of legal responsibility in environmental protection. – Moscow: Nauka, 1985. – 225 p.

first, the USSR and then the Russian Federation, with some exceptions, did not participate or such participation was formal. But as a participant of international treaties such as the Basel Convention on the Control of Transboundary Movements of Hazardous Wastes and their Disposal dated 22 March 1989¹³¹³ or the Convention on International Trade in Endangered Species of Wild Fauna and Flora (CITES)¹³¹⁴ dated 3 March 1973, the Soviet Union and then, as successor, the Russian Federation were obliged to ensure an adequate level of environmental protection.

Since the beginning of the 90s, there has been a change in socioeconomic relations in the country, and a new stage in the development of both criminal and ecological law has begun. A new Law of the RSFSR No. 2060-1 on the Protection of Natural Environment dated 19 December 1991¹³¹⁵ was adopted, which formulated a normative definition of an ecological crime, understood as “a socially dangerous act that encroaches on the ecological law and order established in the Russian Federation, the environmental safety of society and causing harm to the environment and human health” (Art. 85). True, in the later Federal Law No. 7-FL on Environmental Protection dated 10 January 2002¹³¹⁶, this concept is absent, that in a certain sense complicates today the finding out of what is included in its content.

In 1993, the Constitution of the Russian Federation was adopted, which proclaimed that “everyone has the right to a favorable environment, reliable information about its condition, to compensation for damage caused to his health or property by an ecological offense” (Art. 42)¹³¹⁷.

And finally, on January 13, 1996, the new Criminal Code of the Russian Federation¹³¹⁸ comes into force, where part 1 of Art. 2 calls environmental protection among the main tasks and the Special Part contains chapter 26 “Ecological crimes”, which, in fact, laid the foundations of a new sub-branch of law – Russian

¹³¹³ Basel Convention on the Control of Transboundary Movements of Hazardous Wastes and Their Disposal. Concluded in Basel on March 22, 1989 // *Bulletin of International Treaties*. – 1996. – No. 7. – P. 3-33.

¹³¹⁴ Convention on International Trade of Endangered Species of Wild Fauna and Flora // *Collection of existing treaties, agreements and conventions concluded by the USSR with foreign countries*. – 1978. – Issue XXXII.

¹³¹⁵ The Law of the RSFSR No. 2060-1 on the Protection of Natural Environment dated 19 December 1991 (amended on January 10, 2002) // SPS “ConsultantPlus”. – URL: <https://www.consultant.ru/> (Accessed on August 28, 2023).

¹³¹⁶ The Federal Law No. 7-FL on Environmental Protection dated 10 January 2002 (amended on July 1, 2020) // SPS “ConsultantPlus”. – URL: <https://www.consultant.ru/> (Accessed on August 28, 2023).

¹³¹⁷ The Constitution of the Russian Federation (adopted by popular vote on December 12, 1993 with amendments approved during the all-Russian vote on July 1, 2020) // SPS “ConsultantPlus”. – URL: <https://www.consultant.ru/> (Accessed on August 28, 2023).

¹³¹⁸ The Criminal Code of the Russian Federation No. 63-FL dated 13 June 1996 (amended on July 1, 2021) // SPS “ConsultantPlus”. – URL: <https://www.consultant.ru/> (Accessed on August 28, 2023).

criminal ecological law. It consists of 18 articles including 41 elements of the crime. For the first time in the history of Russian criminal law, such a large-scale criminalization of ecological offenses was carried out, new offences have appeared in criminal legislation, such as Art. 237 of the Criminal Code “Concealment of information about circumstances, endangering the life and health of people”, Art. 246 of the Criminal Code of the Russian Federation “Violation of environmental protection rules during works”, Art. 247 of the Criminal Code “Violation of the rules for the management of ecologically hazardous substances and wastes”, etc. As a result, criminal-ecological law has considerably expanded its scope.

At the same time, the legislator carried out, though not so much a large-scale, but decriminalization of some offences, which, in particular, duplicated administrative law and were actually insignificant.

In 1998, also for the first time in the history of Russian criminal law, O.L. Dubovik, a well-known Russian scientist, specialist in the field of criminal and ecological law and criminology, a disciple of the Academician of the Russian Academy of Sciences, Doctor of Sciences in Law, Professor V.N. Kudryavtsev published comments devoted to only one chapter of the Criminal Code – “Ecological crimes: Commentary to chapter 26 of the Criminal Code of the Russian Federation”¹³¹⁹.

In this paper, O.L. Dubovik gave her definition of an ecological crime, by which she understood “a socially dangerous act defined by criminal law and prohibited by it under the threat of punishment (action or inaction) which encroaches on the environment and its components, the rational use and protection of which ensure the optimal vital activity of a person, as well as on the ecological safety of the population and territories, and which means the direct illegal use of natural objects as social value, leading to negative changes in the state and quality of the environment”¹³²⁰.

For many years O.L. Dubovik has been working at the Institute of State and Law, she has published more than 400 works, including *The Law Operation Mechanism for the Environmental Protection* (1994), *Ecological Law of Eastern Europe* (2018), *Ecological Conflictology (Prevention and Resolution of Ecologic-Legal Conflicts)* (2019), etc.; scientists (27 candidate and one doctoral dissertation) defended their papers under her leadership. O.L. Dubovik developed a model of the ecological law action mechanism on the basis of large-scale sociological research: she developed a new branch – ecological criminology – based on the results of the study of eco-corruption in such areas as illegal trade of the environment, eco-certification and eco-licensing, the theory of the causes of ecological crimes, the theory

¹³¹⁹ Dubovik O.L. Ecological crimes: Comments on Chapter 26 of the Criminal Code of the Russian Federation. – Moscow: SPARK, 1998. – 352 p.

¹³²⁰ Ibid. – P. 81.

of ecological conflicts. O.L. Dubovik was a member of the Scientific Advisory Council under the Mayor of Moscow, of the Board of the Department of Environmental Management and Environmental Protection of the Moscow Government. In 1994-1999, she was the Member of the Supreme Scientific Council under the Committee on Ecology of the State Duma of the Russian Federation.

Nevertheless, modern ecological law is still one of the least sustainable branches of Russian law. There are still disputes regarding the definition of the object and subject of legal regulation. M.M. Brinchuk, Honored Scientist of the Russian Federation, Doctor of Sciences in Law, Professor, who has headed the Environmental and legal research sector of the Institute of State and Law of the Russian Academy of Sciences for many years, defines the object of ecological law as “a set of norms based on ecologic- legal ideas, regulating specific public relations of ownership of natural resources, ensuring the rational use of natural resources and protecting the environment from harmful chemicals, physical and biological impacts in the course of economic and other activities, protection of ecological rights and legitimate interests of natural and legal persons”¹³²¹.

The same can be said of the subject of ecological law. Supporters of the so-called “broad” approach believe that ecological law, as a branch of law, includes land, water, mountain, forest, etc. (including provisions on liability for ecological offenses) and regulates ownership of natural objects and resources and relations to protect the ecological rights and legitimate interests of a person and citizen¹³²². In other words, it includes all the relationships that arise when society and nature interact.

In turn, supporters of the “narrow” approach believe that we can only talk about nature-protecting relations, which are equally closely related to civil, administrative, criminal and other branches of law, that, however, does not give a reason to mix them and call them a special branch of law, and they “include in ecological law only rules of environmental law and consider the studied branch of law in a narrow sense as a set of proper environmental legal norms”¹³²³.

The legislator supported this position by applying a narrow model in the Federal Law on Environmental Protection dated 10 January 2002.

But despite the solid legislative base developed since 1991 in the field of nature protection, many scientists, including the Russian Academy of Sciences, draw attention to the fact that ecological laws and regulations are often vague,

¹³²¹ Brinchuk M.M. Ecological law (law of the environment): textbook for the highest legal educational institutions. – Moscow: Yurist, 1999. – 688 p.; Brinchuk M.M. About a conceptual framework of the ecological law // State and Law. – 1998. – No. 9. – P. 20-28.

¹³²² Brinchuk M.M. Ecological Law (law of the environment): textbook. – Moscow: Yurist, 1998. – P. 62-63.

¹³²³ Hludeneva N.I. Ecological law: a short course of lectures. – 3rd edition, revised. – Moscow: Yurait, 2014. – P. 14.

mechanisms for their implementation are not sufficiently developed, which complicates their application in practice¹³²⁴.

Unlike ecological law, Russian criminal law is codified. A distinctive feature of modern criminal law is the place of ecological crimes in the Special Part of the Criminal Code of the Russian Federation. Ecological crimes are classified as crimes against public safety and public order, which is not accidental, since the legislator considers these crimes, first of all, from the point of view of ecological safety of the population. This provision corresponds to Federal Law No. 7-FL on Environmental Protection dated 10 January 2002, which defines ecological safety notion as the state of environment protection and vital human interests from possible adverse effects of economic and other activities, natural and man-made emergencies and their consequences.

The modern legislator has gone from understanding the criminal legal protection of nature as the protection of ownership right on natural objects and resources. All crimes combined in chapter 26 of the Criminal Code of the Russian Federation, taking into account their characteristics, violate one or another aspect (element, side) of ecological safety, they harm the safety of the environment as a whole or its individual components (surface or groundwater, sources of drinking water supply; atmospheric air; the marine environment; land; subsoil; water biological resources; wild animals and birds; forest plantations). At the same time, most of the crimes in chapter 26 of the Criminal Code of the Russian Federation protect not only ecological and public safety, but also human life and health.

A specific feature of chapter 26 of the Criminal Code of the Russian Federation is its blanket nature, which predetermines the need to refer to ecological legislation and the close relationship with it.

From the 1990s to the present, Russia has established a system in which environmental protection is regulated both at the federal and regional levels. According to some estimates, more than 50 federal laws have been adopted and are in force in Russia, many Decrees of the Government of the Russian Federation and Decrees of the President of the Russian Federation, departmental acts, acts of subjects of the federation, as well as local regulatory legal acts. At the same time, gaps and, in some cases, conflicts between acts of different sectoral affiliation have not been eliminated, many regulations contain natural-

¹³²⁴ Brinchuk M.M. Problems of legal responsibility in nature protection // Current legal problems of environmental protection and environmental management: materials of the international scientific and practical conference (on October 17, 2008). – Kazan: Kazan State University, 2009. – P. 62-68; Brinchuk M.M. Whether there is ecologic-legal responsibility? // Ecological law. – 2009. – No. 2/3. – P. 16-23; Brinchuk M.M. Ecological law (law of the environment): textbook for the highest legal educational institutions. – Moscow: Yurist, 1999. – 688 p.; Rednikova T.V., Averina K.N. Current problems of criminal protection of especially protected natural territories in the Russian Federation // Police and investigative activities. – 2019. – No. 2. – P. 40-47.

scientific terminology – all this complicates their application, which confirms the Ruling No. 21 of the Plenary Session of the Supreme Court of the Russian Federation dated 18 October 2012 on the Application by the Courts of the Legislation on Liability for Violations in the field of Environmental Protection and Environmental Management, item 1 of the Decree states that “courts should find out what normative legal acts regulate the relevant ecological legal relations, and indicate in the court decision exactly what are their violations with reference to specific norms (paragraph, part, article)”¹³²⁵.

But at the same time, one should agree with O. L. Dubovik, who writes that “by the beginning of the 21st century, the problem of criminal law regulation against ecological crime was generally solved. Surely, both positive assessments and criticisms were expressed in the doctrine and in practice, clarifications and amendments were proposed, but all of them were not cardinal in nature (chapter 26 of the Criminal Code of the Russian Federation "Ecological crimes" is still among the stable ones: it has been made only some changes compared, for example, with chapter 22 of the Criminal Code of the Russian Federation)”¹³²⁶.

Conclusion. Modern ecological criminality is a complex set of crimes against the environment. It includes dangerous, guilty, illegal, harmful to the environment and human health acts, forbidden and punishable according to the criminal legislation which encroach on the public relations in the sphere of environmental protection and rational use of natural resources, including, on ensuring ecological safety of the personality, society, State and its sustainable development. Theorists of domestic criminal law traditionally consider this group of crimes as uniform group that is caused by uniform object of criminal protection – the environment and its components. Distinctive feature of chapter 26 of the Criminal Code of the Russian Federation is its stability: since 1996 the insignificant number of amendments was made to it caused, generally by changes in the ecological legislation.

And though the Russian criminal – ecological law still is in a condition of formation it is necessary to recognize that it effectively protects and ensure ecological wellbeing in the Russian Federation and to a great instant it is the merit of scientists of Institute of the State and Law of the Russian Academy of Sciences.

¹³²⁵ The Ruling No. 21 of the Plenary Session of the Supreme Court of the Russian Federation dated 18 October 2012 (amended on November 30, 2017) on the Application by the Courts of the Legislation on Liability for Violations in the field of Environmental Protection and Environmental Management // SPS “ConsultantPlus”. – URL: <https://www.consultant.ru/> (Accessed on August 28, 2023).

¹³²⁶ Dubovik O.L. Criminal law and environmental protection: actual potential and limited opportunities in the conditions of modern ecological crises // Legal researches. – 2020. – No. 8. – P. 30-38.

§ 5. Justifying the criminalization and decriminalization of an act

Introduction. For a long time, the grounds for criminalization and decriminalization were not theoretically discussed; only in the 18th-19th centuries appeared an idea to study this phenomenon using scientific methods. Scientists wondered what underlies criminalization, objective or subjective circumstances. Most Soviet lawyers considered criminalization to be a purely objective process¹³²⁷.

However, in the last fifty or sixty years, domestic scientists have no doubts that the criminalization and decriminalization of acts should arise as a result of the social need for criminal law¹³²⁸. Unfortunately, one should clearly acknowledge that this understanding is not enough to actually explore the social need in fixing certain acts as crimes. On the contrary, at present there is an excessive criminalization of acts, which is in no way connected to the needs of the public.

There is no doubt that the science of criminal law needs to be modernized¹³²⁹, considering the existing interdisciplinary problem of criminalization and decriminalization of acts.

Foreign scientists also note that the understanding of the social functions and meanings of criminalization remains radically incomplete as long as the development of empirical research and theory building projects in this area is *methodologically nationalistic*, thereby dichotomizing the study of international and national processes of criminal lawmaking¹³³⁰. There is no doubt that the processes of criminalization and decriminalization need to be correlated at the international level, but first of all, it is necessary to determine how these processes are built at the national level in order to integrate them into the international legal field.

Main research. Throughout the development of human society, there were laws that actually acted as a kind of “guarantees” of the existence of human society. These laws reflect the general conditions of human life. They justifiably entail the mandatory criminalization of such so-called “nuclear” crimes as murder, rape, bodily injury, theft, robbery, and a number of others.

At the same time, society may have such laws that reflect the specific features of its development in a certain period of time. In such cases, the criminalization of certain acts that pose a danger to society in a particular period of its development is justified. So, for example, according to the Criminal Code of the RSFSR of 1960,

¹³²⁷ Kudryavtsev V.N., Eminov V.E. Criminalization and criminology // *Lex russica*. – 2005. – No. 1. – P. 80-81.

¹³²⁸ Prozumentov L.M. Criminalization and decriminalization of acts. – Tomsk: Izdatel'stvo Tomskogo universiteta, 2012. – 142 p.

¹³²⁹ Kudryavtsev V.N. The science of criminal law needs to be modernized // *Ugolovnoe parvo*. – 2006. – No. 5. – P. 130.

¹³³⁰ Aaronson E., Shaffer G. Defining Crimes in a Global Age: Criminalization as a Transnational Legal Process // *Law & Social Inquiry*. – 2021. – Vol. 46. – Issue 2. – P. 455-486.

profit making was a crime. The socioeconomic situation has changed, this act was reasonably decriminalized. This offence in the law was “replaced” by such a crime as “illegal business”, reflecting the new socioeconomic realities.

In general, since the current Criminal Code of the Russian Federation came into force, there have been significant changes in the political, economic, social, moral and cultural spheres of society. At first glance, these circumstances could not but necessitate changes in the current criminal legislation. However, the number of changes introduced is slightly surprising and raises doubts about their validity, as well as social practicality. L.M. Prozumentov noted back in 2012 that since the adoption of the Criminal Code of the Russian Federation, more than 700 changes and additions have been made to its text¹³³¹. Currently, this process is ongoing, the number of changes made to the text of the current criminal law is already in the thousands, and the changes and additions are made both to the General and Special Parts of the Criminal Code.

So, only in 2021, the legislator changed the Articles describing the liability for falsification of accounting and reporting financial documents; strengthened criminal liability for intentional bankruptcy and misconduct in bankruptcy; toughened responsibility for smuggling, illegal circulation of weapons and explosives; increased responsibility for the smuggling of poisonous, explosive, radioactive and other substances and objects committed by a group of persons by prior agreement; increased liability for driving under influence; changed the rules on liability for participation in the activities of an undesirable organization; mitigated liability for violation of drug trafficking rules; introduced liability for the illegal issuance of consumer loans; changed the rules on liability for illegal receipt and disclosure of commercial, tax and banking secrets; changed the rule on liability for disclosure of information about the safety of law enforcement officials, regulatory authorities and their relatives; toughened responsibility for the justification of Nazism and insulting veterans of the Great Patriotic War; expanded the range of subjects of crimes against state power, the interests of the state and municipal service; introduced new qualifying signs of grooming to use drugs and psychotropic substances; introduced liability for violations of the law on foreign agents; increased liability for damage to vehicles and means of communication; toughened liability for libel; changed the rules on liability for hooliganism, in particular, re-establishing liability for hooliganism with the use or threat of violence. Thus, it is obvious that most of the changes made to the Criminal Code of the Russian Federation in 2021 were repressive, and a number of acts were additionally criminalized.

We agree that the most fundamental issue of criminalization and decriminalization is a determination of the fact that society needs a new criminal law norm¹³³².

¹³³¹ Prozumentov L.M. Criminalization and decriminalization of acts. – Tomsk: Izdatel'stvo Tomskogo universiteta, 2012. – P. 39.

¹³³² Ibid. – P. 41.

For example, to what extent is criminal liability for the illegal issuance of consumer loans, criminal liability for violations of the law on foreign agents is important? Why can't the responsibility be limited to administrative responsibility? How socially dangerous are these acts? What was the legislator guided by criminalizing these acts?

At the same time, the criminal legislation includes rules that raise doubts about their necessity, validity and effectiveness. As an example of such a norm, member of the Russian Academy of Sciences V.N. Kudryavtsev and Professor V.E. Eminov mention the Article 193 of the Criminal Code of the Russian Federation, reasonably noting that this article is "convenient" for the return of funds from abroad, but practically useless. Only a small number of cases are persecuted under this article every year, and at the same time foreign currency keeps leaving the state and is never refunded¹³³³. Currently, Article 193 of the Criminal Code of the Russian Federation has changed its title, but this has not significantly affected the statistics of its application. A similar situation developed with the application of the norm enshrined in Article 173 of the Criminal Code of the Russian Federation. V.N. Kudryavtsev and V.E. Eminov also noted the lack of legislative regulation and investigative and judicial practice under this article¹³³⁴. In the latter case, the legislator listened to the scientists and decriminalized this crime. In the first case, the norm was left in the text of the criminal law with a change in the title and in the content of its description. Eventually the question arises again, is it possible to employ only the absence of judicial and investigative practice as a factor that causes decriminalization?

Criminologists rightly note the fact that the introduction of clearly unnecessary articles into the criminal law, already overloaded with competing norms, disorients the law enforcer. The invention of new type of offenders committing crimes as a group, and fixing that in the norms of the Special Part of the Criminal Code of the Russian Federation, makes it difficult to implement the law on practice. In this case, we can point, for example, to the criminal liability for organizing an extremist community (Article 282.1 of the Criminal Code of the Russian Federation).

Expansion of the list of crimes in the part 2 of Article 20 of the Criminal Code of the Russian Federation is also doubtful. The article deals with commission of severe crimes, in which case the offenders become liable from the age of 14. As rightly pointed out by L.M. Prozumentov, in the Criminal Code of the Russian Federation there has been a certain decrease in the age of criminal responsibility¹³³⁵.

¹³³³ Kudryavtsev V.N., Eminov V.E. Criminology and problems of decriminalization // Zhurnal rossijskogo prava. – 2005. – No. 4. – P. 104.

¹³³⁴ Ibid.

¹³³⁵ Prozumentov L.M. Criminal liability of minors under the legislation of the Russian Federation. – Tomsk: Izdatel'stvo Tomskogo universiteta, 2015. – P. 31.

Obviously, there is an excessive criminalization of these acts in relation to minors who have reached the age of fourteen. The most disputable decision seems to be an establishing criminal liability under Article 205.3, part 2 of Article 205.4, part 2 of Article 205.5 and Article 361 of the Criminal Code of the Russian Federation. We wonder to what extent minors at a given age can be aware of the responsibility that may arise when committing these acts.

All this leads us to the idea that the current Russian legislation suffers from a disease of excessive criminalization not justified by the real factors underlying criminalization.

In fairness, we note that excessive criminalization is typical not only for Russian criminal law. As Jeremiah Mosteller points out the problem of over-criminalization exists in the US as well. It's a side effect of the transformation of criminal law into a universal solution to the problems of society¹³³⁶. We believe that this statement can also be applied to the situation with the criminalization of acts in our state. That was quite convincingly shown by the above analysis of legislative changes. J.F. Shelley points out that crime pervades American literature, the fear of crime poisoning everyday life deeply and subtly at the same time, with many Americans professing their fear of crime while at the same time romanticizing criminals and admiring their crimes¹³³⁷. It can be suggested that this fear acts as a kind of grounds for excessive criminalization in this state.

In addition, Jeremiah Mosteller notes that the legal system of laws has become so big and confusing, it can turn ordinary citizens into accidental criminals. We also agree with him that excessive criminal liability is the overuse or misuse of criminal law to address societal problems that could be remedied more effectively through the civil legal system or other institutions. This is a problem that has only increased over time in the US. When it was enacted in 1790, the federal criminal code included just 30 crimes, but by the 1980s, the number had exploded to more than 3,000. Even the most intelligent and skilled attorney cannot know all that is contained in the four million pages that make up the federal criminal code.

The problem is by no means restricted to the federal government. Thousands of statutes, regulations, and local ordinances carry criminal penalties in each state. Arizona has over 4,000 statutory offenses that can result in a criminal conviction. North Carolina has added five sections to its criminal code each year since World War II, and its legislature has added 318 new crimes since 2009 alone. These numbers are compounded by the fact that our state legal systems are a patchwork of

¹³³⁶ Mosteller J. The criminalization of Everything. Criminal Justice // Stand Together Trust. – URL: <https://standtogethertrust.org/stories/the-criminalization-of-everything/> (Accessed on August 31, 2023).

¹³³⁷ Shelley J.F. Criminology. – St. Petersburg: Piter, 2003. – 864 p.

laws, where even crimes with the same name require a variety of different statutory elements across state borders.

Jeremiah Mosteller also rightly draws attention to the consequences of such excessive criminalization for modern American society. According to his opinion a criminal record doesn't just invite societal stigma. The Council of State Governments Justice Center reports that such a record can erect an astonishing 44,000 legal barriers to a successful life. Combined, the social and legal consequences of being convicted of a crime can severely limit access to housing, employment, educational grants, and more things necessary to be a contributing member of a local community. This continuing punishment denies people a true second chance and has a negative impact on public safety and the economy.

As noted by Freda Adler, Gerhard O. Mueller, William S. Laufer, we often describe the existing criminal legislation in society as the result of rational efforts to combat crime and criminals. Legislators, as representatives of society, should be held accountable for enacting laws that protect their constituencies. But this is far from reality, since there is a whole universe of more or less influential groups, meaning lobbyists who influence legislators in the process of writing new laws. As an example of such a contradictory criminalization, which obviously depends on many factors that are far from objectivity, they cite the criminalization of the organization of gambling. The authors wonder why is gambling sometimes legal and sometimes illegal? In particular, gambling may be criminalized/decriminalized due to the following different reasons: legislators are concerned about the morality of the players; legislators listen to those who will benefit from the legal gambling; some of the legislators believe that it will be possible to control organized crime by making gambling an illegal business; sometimes gambling generates income for governments, communes, churches, or groups of citizens¹³³⁸.

However, the fact that this problem exists not only in Russia is not a reason to justify inaction in this area.

Perhaps in this regard, the existing problem of the "crisis of punishment" should also be noted. As Ya. Gilinsky notes: "It took millennia of state violence against "deviants" in order to acknowledge the "crisis of punishment" in the second half of the 20th century, the inability of the usual measures of social control with a predominance of negative, sometimes extremely repressive sanctions, to more or less effectively influence deviant manifestations"¹³³⁹. The crisis of punishment, in his opinion, is manifested in the fact that, firstly, after the Second World War, there has been an increase in crime throughout the world; secondly, mankind has tried all

¹³³⁸ Adler F., Mueller G., Laufer W.S. Criminal Justice. – New York: McGraw-Hill Companies, Incorporated, 2008. – P. 80-81.

¹³³⁹ Gilinsky Y.I. Deviantology: the sociology of crime, drug addiction, prostitution, suicide, and other deviant acts. – St. Petersburg: Yuridicheskij centr press, 2004. – P. 425.

possible types of criminal repression without visible results; thirdly, the relapse rate is relatively stable for each country and does not decrease, which indicates the ineffectiveness of special prevention¹³⁴⁰.

In this regard, it seems that the elimination of excessive criminalization of acts can contribute to the problem of resolving the crisis of punishment. Speaking about the national level of solving the problem of excessive criminalization, we believe that the emergence of consistency, validity and sufficiency in the implementation of criminalization and decriminalization of acts is hindered by the absence in the current Russian legislation of a mandatory requirement to involve qualified criminologists, experts in this field in these processes.

Researches note the numerous shortcomings of the recent criminalization regarding compliance with the requirements of legal technology. Criminalization and decriminalization is not provided with adequate support from scientists and calls into question the acceptability of the level of legal technique of the amendments made to the text of the current criminal legislation¹³⁴¹.

We also agree that the process of preparing draft laws on the decriminalization of acts (as well as their criminalization) should involve not only criminologists, but also experts in the field of forensic science, criminal procedure, criminal law, judges, prosecutors, and attorneys¹³⁴². But participation of criminologists in this process is a priority.

Criminologists and other professionals with competence in the criminal law field should be supervising the effectiveness of specific criminal law norms.

In addition, as Academician V.N. Kudryavtsev and Professor V.E. Eminov absolutely correctly pointed out in their time, it is necessary, among other things, to constantly monitor the socioeconomic, sociolegal and sociopolitical situation in the country, to predict a possible worsening of the crime situation in the country, to study foreign practices, use modern techniques to optimize the possible process of decriminalization (criminalization), consistently and purposefully study the personality traits of potential criminals in the field of rarely committed (or completely uncommitted) crimes under the Criminal Code, assess the degree of public danger of these “non-working” articles of the Criminal Code with the purpose of their timely exclusion from the text of the criminal law and to search for other measures of influence instead of criminal legal¹³⁴³.

¹³⁴⁰ Kashepov V.P., Golovanova N.A., Gravina A.A. Criminalization and decriminalization as forms of criminal law transformation. – Moscow: IZiSP, KONTRAKT, 2018. – 280 p.

¹³⁴¹ Ibid.

¹³⁴² Kudryavtsev V.N., Eminov V.E. Criminology and problems of decriminalization // Zhurnal rossijskogo prava. – 2005. – No. 4. – P. 106.

¹³⁴³ Kudryavtsev V.N., Eminov V.E. Decriminalization (social and legal aspect) // Lex russica. – 2005. – No. 2. – P. 331.

Conclusion. We believe that in the implementation of the processes of criminalization and decriminalization of acts, it is necessary to start from a number of factors that determine and determine these processes. These include the following factors: economic (for example, the economic structure of the state, the level of well-being of the population); political (for example, the political system of the state, the structure of state power); socio-psychological (for example, traditions, customs, the nature of interpersonal communication); scientific and technological progress (for example, scientific and technological progress in the field of informatization); various criminological factors (for example, the relative prevalence of the act, the adequacy of the criminal law prohibition, taking into account the capabilities of law enforcement agencies, the ineffectiveness of the existing criminal law as a condition for decriminalization).

At the same time, the criminalization and decriminalization of acts cannot be determined only by criminological factors. It is wrong to condition the criminalization of an act only by its prevalence, without considering other factors that determine it. These factors must be assessed in combination, although it is clear that one of the factors may act as a driving force of criminalization. It is mandatory to assess if it is impossible to influence a certain type of socially dangerous behavior by non-criminal legal means.

In order for these processes to be systemic, it is necessary to adopt the Federal Law on Criminological Evaluation. Back in 2005, Academician V.N. Kudryavtsev and Professor V.E. Eminov recommended the leaders of law enforcement agencies and the most authoritative representatives of academic institutions to apply to the President of the Russian Federation, the Government of the Russian Federation and the State Duma with a request for the immediate adoption of this law¹³⁴⁴. More than fifteen years have passed, but this proposal does not lose its relevance, on the contrary, its relevance has increased significantly, given the fact that the processes of criminalization and decriminalization taking place in our country undoubtedly need to be systematized and scientifically justified.

Mandatory involvement of reputable criminologists in the procedure of criminalization and decriminalization, constant social and criminological monitoring of the current criminal legislation, as the member of the Academy of Sciences V.N. Kudryavtsev rightly pointed out, will make criminalization and decriminalization scientifically substantiated and justified.

¹³⁴⁴ Kudryavtsev V.N., Eminov V.E. Criminalization and criminology // *Lex russica*. – 2005. – No. 1. – P. 84-85.

§ 6. Contribution of A.I. Ioirysh to the development of atomic law

Introduction. The 60s of the 20th century is a period to which the origin emergence of atomic law as a scientific direction dates back. By this time, the discovery of the energy of the atom had not only received theoretical development, but also found its practical embodiment. The emergence of a new energy source, and the states' vigorous activity to research and use it, to be exact – in 1954 the world's first nuclear power plant in the USSR was launched, and already in 1956, the second one appeared in the UK and a year later the third one in the USA – all these required special legal regulation. The rapid formation of atomic law, from the establishment in 1956 of the International Atomic Energy Agency (IAEA) to the adoption in the 1960s of international nuclear conventions governing the non-proliferation of nuclear weapons and responsibility for nuclear damage, as well as the beginning of the development of IAEA safety standards, entailed the need for scientific reflection on issues and problems of legal regulation in the field of the use of atomic energy.

The founder of the atomic law science in our country (in the USSR, and later in Russia) was Abram Isaakovich Ioirysh, a lawyer scientist who “succeeded in a striking feat – to open a new direction in legal science <...>, fill it with content and bring <... > to life”¹³⁴⁵.

A.I. Ioirysh, born in 1920, went through a difficult life from a student at the Moscow Law Institute, whose studies were interrupted by the war, to the famous scientist, chief researcher and a head of the Center for the Legal Problems of the Safe Use of Atomic Energy in the Institute of State and Law of the Russian Academy of Sciences, chief researcher in the business law sector, member of the Scientific Council of the Institute of State and Law of the Russian Academy of Sciences, Professor of Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia, an expert of the State Duma of the Federal Assembly of the Russian Federation. Abram Isaakovich passed away at the age of 98. In 2020, he would have turned 100 years old.

Being a versatile person and a talented scientist, A.I. Ioirysh reacted sensitively to the emergence of new, as we would say today, “innovative” research trends in legal science, sought answers to the appearing questions, studied the legal mechanisms that delivered them, and developed his own scientific approaches. Thus, his focus was on the legal problems of the solar energy use, the relationship between the new possibilities of biological science and law, the problems of extraterrestrial civilizations and “metalaw”, the legal aspects of genetic engineering, the legal and ethical problems of human cloning, and many others.

¹³⁴⁵ Ioirysh A.I. The concept of atomic law: scientific publication. – Moscow: YuNITI-DANA, 2008. – P. 4.

However, understanding the prospects of atomic energy for mankind, the application of its unlimited capabilities in all areas of activity predetermined the choice of the main direction of scientific activity of A.I. Ioirysh. Defense of a doctoral dissertation on the legal problems of the peaceful use of atomic energy and the publication of a number of scientific papers, in which they found their justification for the position on the emergence of a new branch of law (atomic law), the theoretical foundations of the latter, the results of a studying the safe development of nuclear energy, regulation of protection against ionizing radiation, the role of the IAEA and other international organizations in improving the safety of nuclear power plants, etc., drew attention to this topic by representatives of the scientific community. They received a response, support and recognition, which led to the formation of a scientific team within the Institute of State and Law of the Russian Academy of Sciences in 1982, engaged in the study of the legal problems of the use of atomic energy¹³⁴⁶, and subsequently forming the school of atomic law. At different times, colleagues brought up by A.I. Ioirysh, students and followers contributed to atomic law development, including: V.N. Mesharin, A.B. Chopornyak, V.G. Terent'ev, P.G. Palamarchuk, O.A. Supataeva, G.A. Novikov, A.I. Konstantinov, M.S. Lizikova, M.V. Androsov, K.L. Khodzhabegova, E.V. Misatyuk and others.

Main research. A.I. Ioirysh became one of the first scientists-lawyers who looked into the future, having truly noticed the main objective of law, i.e., to regulate in due time the relations resulting from introduction of science achievements and technology in life and to eliminate or limit harm which can be caused as a result of not enough thought-over actions¹³⁴⁷. He indicated the need of “urgency” of a legal regulation which has to include forecasting of science and technology, expert definition of technical policy, developing options for normative acts providing effective development of technology and development of the appropriate legal regimes. He made an attempt “to connect unjoinable”, not that it lost its relevance, but nowadays in modern conditions of fast development of innovative technologies it gained a special meaning. Now especially vivid is a lag of law from development of technologies, the evidence of this is the need for legal support not only innovations in the field of atomic energy use, but in other spheres, for example, in the field of digital technologies, technologies of artificial intelligence, etc.

Thus, because he's caught the new processes just in time, the processes that promoted scientific enrichment of standard material, its systematization and development A.I. Ioirysh was the first in domestic jurisprudence who raised a question

¹³⁴⁶ Kornienko V.T. The role and legal position of nuclear law in the system of branches of Russian law // *Global nuclear security*. – 2015. – No. 1 (14). – P. 80-85.

¹³⁴⁷ Ioirysh A.I. *Scientific and technological progress and new challenges of law*. – Moscow: International relations, 1987. – 168 p.

of allocation of the new arising branch of law – the atomic law which is understood as a set of the precepts of law regulating the relations arising while using atomic energy. According to the scientist's opinion, the unity of a subject of regulation, the presence of a system of the norms designed to regulate difficult activities of the atomic energy use and also interests of the state and society in allocation and development of the new branch of law act as criteria of its allocation.

In his works the researcher points to the complex nature of the atomic law, underlining its link to civil, administrative, criminal and other branches of law, but at the same time he emphasized that norms of classical law branches having been formulated long ago often aren't suitable for problems solution arising while using atomic energy for peaceful purposes. In favor of such characteristic of the atomic law there exists the classification of the norms done by the scientist; this classification regulates the relations of atomic energy use and according to which they are subdivided into standards of the internal (national) law, and norms of the international public and private law that gives the grounds for a conclusion about allocation of the internal atomic law which is based on laws and other regulations of the state, and the international atomic law which main sources are the international contracts. According to another classification of norms, confirming the stated thesis, they are subdivided into legal norms and technical ones. The latter, dealing with recognized extremely dangerous energy source itself, are given a legal form. However, among the first ones, the increasing role is played by precepts of law with technical character which purpose consist of ensuring compliance with evidence-based, the most rational and economic methods and elimination of the negative results connected with their application.

According to A.I. Ioirysh with whom it is difficult not to agree, when developing precepts of law in the considered area, perhaps, more than in any other area, the basic value has a link between science and law since the wrong scientific conclusions laid into the basis for legal instructions can lead to legalization of dangerous practical actions. As an example of those the scientist A.I. Ioirysh saw the possibility of dumping into the sea the radioactive waste of low and average activity allowed at a certain stage by the legislation of some countries, based on the principle of establishment of admissible content of radioactive materials not in waste, but in water. He proved incorrectness of such approach in the works.

Besides, in favor of the complex nature of the allocated branch of law, the use of a complex of methods of legal regulation testifies. At the same time A.I. Ioirysh allocated also a special method of legal regulation of the atomic law as scientific direction i.e., a method of comparative and legal studying the acting legal material which allows to provide precepts of law development according to requirements of the scientific and technical progress which is taking place at the same time in many countries.

This position found support in works of other scientists-lawyers who, in turn, paid attention to allocation of the principles of this branch of the atomic law, they raised the problem of how to name this branch of law and other questions¹³⁴⁸. Now the jurisprudence considers the atomic law as an independent complex branch of law which is distinguished by a specific subject and a method of legal regulation and also by existence of the isolated legislation.

Understanding of the relationship between the possibilities of technology development and the possible dangers arising from their use for man himself, nature and the environment, is a red thread going through all the works of A.I. Ioirysh: *Atom and law*¹³⁴⁹, *IAEA: Cooperation in the peaceful use of atomic energy*¹³⁵⁰, *Legal problems of the peaceful use of atomic energy*¹³⁵¹. It is far from complete list of his works, introducing into domestic legal science the concept of the peaceful use of atomic energy, widely used in international legal practice, meant to be used for non-military, civilian purposes, excluding any type of military activity regardless of its purpose and aims.

The issues of non-proliferation of nuclear weapons, the prohibition of nuclear tests have also been the focus of attention of scientist in different years. Here, as an example, we can cite his scientific publications: *A treaty that improves the atmosphere... On the prohibition of nuclear weapons tests in the atmosphere, in outer space and under water*¹³⁵², *Euratom and IAEA verification activities in the field of non-proliferation of atomic weapons*¹³⁵³, *Prohibition of military use of the environment*¹³⁵⁴, *Nuclear explosions for peaceful*

¹³⁴⁸ Bragina E.A. Role and legal status of international nuclear law in the system of branches of public international law // *Global nuclear security*. – 2015. – No. 1 (14). – P. 86-92; Grishchenko A.I. *Russian Nuclear Law: textbook*. – Moscow: Yurist, 2017. – 150 p.; Kornienko V.T. Introduction to nuclear law of the Russian Federation // *Global nuclear security*. – 2014. – No. 1 (10). – P. 82-86; Lysenko M.N. Is international nuclear law a branch of international law? // *Moscow Journal of International Law*. – 2016. – No. 4. – P. 11-20; Supataeva O.A. The main trends in the development of atomic law in Russia // First forum-dialogue “Industrial security – the responsibility of the state, business and society” (2015) // *Atomic Energy*. – URL: <https://www.atomic-energy.ru/video/61470>.

¹³⁴⁹ Ioirysh A.I. *Atom and law*. – Moscow: International relations, 1969. – 221 p.

¹³⁵⁰ Ioirysh A.I. *IAEA: Cooperation in the peaceful use of atomic energy* // *Issues of International Law*. – 1976. – P. 40-54.

¹³⁵¹ Ioirysh A.I. *Legal problems of the peaceful use of atomic energy*. – Moscow: Nauka, 1987. – 222 p.

¹³⁵² Ioirysh A.I., Lazarev M.I. *A treaty that improves the atmosphere... On the prohibition of nuclear weapons tests in the atmosphere, in outer space and under water*. – Moscow: Sotsekgiz, 1963. – 63 p.

¹³⁵³ Ioirysh A.I. *Euratom and IAEA verification activities in the field of non-proliferation of atomic weapons* // *Law*. – 1977. – No. 2. – P. 74-83.

¹³⁵⁴ Ioirysh A.I. *Prohibition of military use of the environment* // *Soviet state and law*. – 1977. – No. 2. – P. 66-70.

*purposes*¹³⁵⁵, *Nuremberg process and nuclear weapons*¹³⁵⁶. There are also his scientific and journalistic works: *Hiroshima*¹³⁵⁷, *A-bomb*¹³⁵⁸, *Missiles must serve the peace*¹³⁵⁹, *What does the bell ring about*¹³⁶⁰, etc.

Another important area of study of the interrelationship and interdependence of progress and its possible negative effects was the development of the legal regulation of the atomic energy impact on the environment¹³⁶¹. As if anticipating the discussion that has unfolded in recent years about the role of nuclear energy in fighting climate changes, recognizing it as low-carbon, A.I. Ioirysh writes that nuclear energy, which contributes much less to environmental degradation as compared to other types of energy production, provided the further development of technologies such as controlled nuclear fusion, will help humanity by providing its energy needs. At the same time, giving international importance to the preservation of the environment, he notes that achieving this goal is possible only with creation an effective radiation safety system for both NPP workers and the population, resolving legal issues of radiation safety during the operation of nuclear power plants and the problems of dumping radioactive waste into the waters of the world's oceans.

The accident at the Chernobyl nuclear power plant in 1986 showed the need to create an international legal regime for nuclear and radiation safety, which required, on the one hand, the adoption of a number of international legal acts, and, on the other their scientific understanding and analysis. A.I. Ioirysh emphasized that despite the fact that ensuring nuclear and radiation safety falls within the competence of states, the main mechanism for achieving harmonization of the positions of different countries' governments should be strengthening international legal obligations of states, agreed international safety standards, as well as promoting their application on a global scale. He investigated and described key elements of the international nuclear and radiation safety regime¹³⁶². Moreover, it should be noted

¹³⁵⁵ Slavin M.M., Ushakov N.A. *International Cooperation and International Law*. – Moscow: Publishing House of the Institute of State and Law of the USSR Academy of Sciences, 1977. – 136 p.

¹³⁵⁶ Ioirysh A.I. *Nuremberg trial and nuclear weapons // Nuremberg trial and modernity*. – Moscow: Publishing House of the Institute of State and Law of the USSR Academy of Sciences, 1986. – P. 165-173.

¹³⁵⁷ Ioirysh A.I. *Hiroshima: 40 years later*. – Moscow: Politizdat, 1985. – 120 p.

¹³⁵⁸ Ioirysh A., Morohov I., Ivanov S. *A-bomb*. – Vilnius: Mintis, 1986. – 364 p.

¹³⁵⁹ Ioirysh A.I. *Missiles must serve the peace: from the history of the emergence of nuclear missile weapons*. – Moscow: International relations, 1985. – 152 p.

¹³⁶⁰ Ioirysh A.I. *What the bell rings about*. – Moscow: Politizdat, 1991. – 399 p.

¹³⁶¹ Ioirysh A.I. *Legal Regulation of the Impact of Atomic Energy on the Environment // Soviet State and Law*. – 1973. – No. 6. – P. 82-89; Ioirysh A.I. *Nuclear energy and international legal protection of the environment*. – Moscow: Znanie, 1975. – 64 p.

¹³⁶² Ioirysh A.I., Petrovsky V.F., Petros'yants A.M. *International atomic law*. – Moscow: Nauka, 1987. – 400 p.

that A.I. Ioirysh was directly involved in the drafting of the 1979 Convention on the Physical Protection of Nuclear Material, which is one of the main sources of international atomic law.

His scientific papers also covered other issues of acting law in the field of atomic energy; they have not lost their relevance to this day. Namely, the legal regime of radioactive isotopes, the legal regime of nuclear vessels, the legal regime of atomic raw materials, the system of licenses for the use of atomic energy, the regulation of the radioactive materials transport, the regulation of protection against ionizing radiation, the legal regulation of radioactive waste management, nuclear insurance and liability for nuclear damage, and many others.

A.I. Ioirysh also addressed the work on the prevention of terrorist acts against nuclear installations and nuclear materials, noting the need to form an international regime counteracting nuclear terrorism. The main steps towards it, as the scientist noted, should be the amendment of the Convention on the Physical Protection of Nuclear Material, expanding its scope, the global accession of states to the Convention, the resumption of work on the conclusion of the Convention for the Suppression of Acts of Nuclear Terrorism. Strengthening the regulatory framework through the development and adoption of effective national security programs and regulations by each state including in them maximum project threats, taking into account the global character of the terrorist organizations' actions, establishing a legal framework to address the problem of theft and illicit trafficking in nuclear materials, amending national legislation to establish liability for embezzlement, unauthorized possession or transfer of plutonium or highly enriched uranium or major diversion at a high-risk nuclear facility commensurate with responsibility for murder or high treason were considered by him as necessary measures taken at the domestic level.

A research of the experience gained in some countries in the sphere of legal regulation of the use of atomic energy for peaceful purposes, allowed A.I. Ioirysh to identify some similarities in the methods and priorities of legal regulation of this type of activity and to distinguish two main groups of law prescription on the basis of this criterion, aimed at: regulation of organizational and managerial relations inherent in England, Argentina, India, Italy, Canada, the USA, etc., and regulation of relations for protection against ionizing radiation inherent in Finland, Belgium, Sweden, as well as classification of norms within each of them¹³⁶³. Thus, the problem of choosing a more effective way of regulating relations legally was raised.

A.I. Ioirysh paid much attention to the issues of regulation of the atomic energy use in our country both during the period of origin¹³⁶⁴ and at the stage of

¹³⁶³ Ioirysh A.I., Chopornyak A.B. Atomic legislation of capitalist countries: comparative legal analysis. – Moscow: Nauka, 1990. – 320 p.

¹³⁶⁴ Burgasov P.N., Ioirysh A.I., Petros'yants A.M. Soviet atomic law. – Moscow: Nauka, 1986. – 208 p.

formation of Russian atomic legislation. The scientist emphasized that the legislative solution of these issues is a necessary term for the further development of international relations between Russia and other countries in the field of nuclear energy. Together with G.A. Novikov and O.A. Supataeva, he justified the need to adopt the concept of Russian atomic law, reflecting the modern trends of the international legal regime for the safe use of atomic energy and best foreign practices in this field to improve legislation on the use of atomic energy in modern conditions of modernization and innovative development of the nuclear industry¹³⁶⁵.

These studies contributed to the development of not only science, but also legislation. Thus, we should note A.I. Ioirysh's participation in the development of draft laws on the use of atomic energy, on nuclear weapons, radioactive waste management, the preparation of concepts of other laws and bylaws, regulating inter-agency and public relations in the field of nuclear energy. And we need to mark the work of his followers in working groups for the preparation and adoption of laws on special environmental programs for the rehabilitation of contaminated areas of the territory, civil liability for nuclear damage, radioactive waste management, etc.

The author's team led by A.I. Ioirysh also prepared a commentary on the Federal Law on the Use of Atomic Energy and a commentary on the draft law on nuclear weapons, etc.

We can't help noticing the practical activities of A.I. Ioirysh, who made his contribution into the activity for elimination of the consequences of the Chernobyl disaster as part of the implementation of the State Program of urgent measures to eliminate the consequences of the Chernobyl disaster, the State Scientific and Technical Program "Population and Territories Safety" and the Federal target program for ensuring safety in the use of atomic energy.

The desire to solve new problems facing nuclear law led A.I. Ioirysh to participate in the study of the legal and institutional provision of nuclear energy on the basis of transportable nuclear power plants within the framework of the international project INPRO (IAEA). Despite the fact that research in the field of normative and legal regulation of low-capacity nuclear power plants (ASMM) has been conducted since the early 2000s, the issues of applicability of existing norms of international law and IAEA safety standards nowadays continue to be relevant¹³⁶⁶, since the number of projects implemented in this area allows predicting the folding of the ASMM market in the nearest future.

Conclusion. A.I. Ioirysh, who made a significant contribution to the development of modern legal theory and practice, attached great value to the latest

¹³⁶⁵ Ioirysh A.I., Novikov G.A., Supataeva O.A. On the concept of atomic law // Atomic strategy of the 21st century. – 2004. – No. 6. – P. 22-35.

¹³⁶⁶ Lizikova M.S. Nuclear Energy Prospects and Legal Challenges Towards Achieving Sustainable Development Goals // E3S Web of Conferences. – 2020. – P. 02009.

achievements of science and technology in general, and in the field of nuclear energy in particular. It explains his attention and interest to all problems related to the use of atomic energy. Marking the growth rate of atomic law development, he asked questions about ways and rates of further development of the latter, highlighting the acceleration of the rate of peaceful use of atomic energy, the increase in the number of states engaged in the peaceful use of atomic energy, the development of international cooperation in this field, as well as the increasing interest of representatives of legal science to the problems of atomic law as objective grounds for its success.

Indeed, currently, atomic law continues its further development along the path of improving and increasing the effectiveness of legal regulation, finding an answer to new challenges arising from the innovative development of nuclear energy, which, in turn, opens up new subject areas for the research of scholars, students and followers of A.I. Ioirysh and poses new problems that require scientific reflection and the search for solutions.

§ 7. The Russian Academy of Sciences as a participant in non-power international relations

Introduction. In the modern theory of international relations, the content of “international relations” is gradually changing. Until the 70s of the 20th century, there was a point of view that dominated in the doctrine that international relations are interstate relations, and international public law acted as their regulator. The sphere of internal relations “with a foreign element” remained to be regulated by international private law. However, in the theory of international relations there gradually appeared opinions according to which international relations have changed and turned into real international relations in the exact meaning of the term¹³⁶⁷. Proponents of this concept argue that a new system of international relations has now developed, in which, along with states, other actors operate – individuals and legal entities, international non-governmental organizations, transnational corporations, subjects of federations, etc. For example, V. Snapkovsky writes that “today nation-states are no longer the only actors on the world stage. In the second half of the 20th century new actors began to take an increasingly active part in the system of international relations – international organizations, forums of multilateral diplomacy, multinational corporations, large cities, cross-border regions and individuals. The increase of their role

¹³⁶⁷ Merle M. *Sociologie des relations internationales*. – Paris: Dalloz, 1974. – 436 p.; Rosenau J.N. *Linkage Politics: Essays on the Convergence of National and International Systems*. – New York: The Free Press, 1969. – 352 p.

and importance in international life was especially evident in the last decades of the 20th century. Today we can say that the monocentrist international system of one actor is gradually being replaced by the polycentrist international system of many actors”¹³⁶⁸. Despite the fact that the main attention in the study of V. Snapkovsky focuses on international organizations, the author of this article believes that in the “polycentrist international system of many actors” there are also legal entities to which we can refer the Russian Academy of Sciences from the standpoint of the theory and practice of international private law.

We also find confirmation of this approach in the latest researches of Doctor of Philosophy, Professor P.A. Tsygankov: “The institutionalization of international relations has brought to life many intergovernmental, and, more importantly from the point of view under consideration, a huge number of non-governmental organizations that have become significant actors in international life. The number of multinational firms, banks and enterprises has grown dramatically, and their ability to influence international and domestic politics has increased”¹³⁶⁹.

These concepts are not dominant in the theory of international relations, as evidenced by fundamental foreign researches¹³⁷⁰.

At the same time, the concept of “multiple actors of international relations” allows explaining the modern nature of international private law, to consider the process of unification and move away from views more characteristic of the 19th century. In our understanding, private international law regulates a separate group of international relations, conditionally referred to as “non-governmental international relations”.

The Russian Academy of Sciences, which is a federal state budgetary institution by its domestic status, should also be included among non-state actors of international relations. Taking into account extensive international relations of the Russian Academy of Sciences, we will try to answer the question: what is the status of the Academy of Sciences in international private law?

Main research

The concept of a legal entity in private international law

According to Russian law the Academy of Sciences, which is a federal budgetary institution, has the status of a legal entity. Legal entities are traditionally recognized as the main subjects of private international law. There is no doubt that legal entities as such are active participants in international relations of a non-

¹³⁶⁸ Snapkovsky V.E. International organizations in the system of international relations // Belarusian Journal of International Law and International Relations. – 2000. – No 3. – P. 71.

¹³⁶⁹ Tsygankov P.A. (ed.). Theory of International Relations. – Moscow: Yurait, 2019. – P. 13.

¹³⁷⁰ Griffiths M., Roach S.C., Solomon S.M. Fifty Key Thinkers in International Relations. – London: Rutledge, 2009. – 404 p.; Knutsen T.L. A history of international relations theory. – Manchester: Manchester University Press, 2016. – 532 p.

governmental nature: they conclude international transactions, invest in the economy of foreign countries, can hire foreign personnel, etc.

However, over the past decade, there has been a tendency for legal entities to participate in public international relations. For example, legal entities are very active in applying to the European Court of Human Rights, mainly on issues of property protection. The participation of legal entities is not limited exclusively to international relations of a non-governmental nature; they take part in international relations, understood in a broad sense as relations between states, relations with the participation of states and non-state actors, relations between non-state actors in the international arena. The legal doctrine has already begun to discuss the issue of international legal personality of legal entities.

In the domestic doctrine of international law, the issue of the legal status of a legal entity is most often associated with personal law and foreign investments¹³⁷¹. At the same time, such questions as what subject we are exactly talking about, what are the features of legal entities, what is their originality – they have not been sufficiently studied.

It should be noted that there is no unified concept of a legal entity in private international law. The category of a legal entity is widely used in international treaties, but without disclosing its content.

The exception is the provisions of the Inter-American Convention on the Legal Capacity and Capacity of Legal Entities in Private International Law of May 24, 1984¹³⁷² (hereinafter referred to as the Inter-American Convention of 1984). The 1984 Inter-American Convention directly establishes two characteristics of a legal entity (1) a legal entity acts in civil circulation on its own behalf; (2) it is responsible for its obligations separated from the participants.

The different approaches to the definition of a legal entity can be confirmed by the legislation of a number of states. Let's consider separately the legislation of the states of Romano-Germanic legal system and common law. In the Romano-Germanic legal system the definition of a legal entity is given in the civil codes.

So, the Civil Code of Latvia, in Art.1407 establishes that a legal entity is the State, local governments, associations of persons, institutions, establishments and associations of things that have been granted the status of a legal entity are recognized as legal entities¹³⁷³. The approach of the Latvian Civil Code is unique, because the status of a legal entity can also be granted to a set of things, that is, objects

¹³⁷¹ Asoskov A.V. Legal forms of participation of legal entities in international commercial circulation. – Moscow: Statut, 2003. – 347 p.

¹³⁷² Inter-American Convention on the Legal Capacity and Capacity of Legal Entities in Private International Law of May 24, 1984 // Organization of American States. – URL: <http://www.oas.org/juridico/english/treaties/b-49.html> (Accessed on September 9, 2023).

¹³⁷³ Livshits N.E., Sergeeva A.P. (eds.). The Civil Code of the Republic of Latvia. – St. Petersburg: Yuridicheskij centr press, 2001. – P. 493.

of civil rights. Since this article only provides an enumeration, it is impossible to determine the attributes of a legal entity. The only thing that can be pointed out is that the status of a legal entity is granted to both subjects and objects of law.

Within the framework of the CIS, harmonization has been achieved at the regional level regarding the definition of the concept of a legal entity. Article 61 of the Model Civil Code (hereinafter referred to as the CIS MCC)¹³⁷⁴ states that a legal entity is an organization that is an owner, manager or operative manager of separate property and is liable for its obligations to this property, may on its own behalf acquire and exercise property and personal non-property rights, bear responsibilities, be a plaintiff and defendant in court. Legal entities must have an independent balance sheet or an estimate.

Thus, the CIS MCC establishes four mandatory features of a legal entity and optional one. Mandatory features include: 1) possession of separate property; 2) acquisition of rights and duties on its own behalf; 3) independent liability for their obligations; 4) the ability to be a plaintiff and defendant in court.

The presence of a balance sheet or an estimate should be treated as an optional feature.

A number of CIS member-states accepted the provisions of the CIS MCC. Examples include the legislation of the Republic of Belarus and Kazakhstan. Paragraph 1 of Art. 44 of the Civil Code of Belarus¹³⁷⁵ give a similar definition of a legal entity with the CIS MCC. The same definition is given in paragraph 1 of Art. 33 of the Civil Code of Kazakhstan¹³⁷⁶.

These examples show that within the framework of the Romano-Germanic legal system, there is no uniformity in the understanding of a legal entity. Certain similarities are observed only in acts adopted on the basis of the CIS MCC.

As for common law states, the theory of a legal entity develops mainly as a result of certain judicial practice. At the same time, legislative acts may not operate with the term “legal entity”. As an example, we can take the Uniform Commercial Code of the United States¹³⁷⁷ (hereinafter – the US UCC). In paragraph 28 of Art. 1-201 “General definitions” of the US UCC, the concept of “organization” is given, as including corporations, government or governmental agency or body, business trust, foundation, trust, partnership or association, two or more persons having a

¹³⁷⁴ The Model Civil Code. Commonwealth of Independent States Legislative Advisory Act. Part 1. Adopted at the fifth plenary meeting of the Inter-Parliamentary Assembly of the States Parties to the Commonwealth of Independent States on October 29, 1994 // Annex to the Newsletter. Interparliamentary Assembly of the States Parties to the Commonwealth of Independent States. – 1995. – No. 6. – P. 3-192.

¹³⁷⁵ Chigir V.F. (ed.). The Civil Code of the Republic of Belarus. – St. Petersburg: Yuridicheskij centr press, 2003. – P. 168-169.

¹³⁷⁶ Livshits N.E., Greshnikov I.P. (eds.). Civil Code of the Republic of Kazakhstan. – St. Petersburg: Yuridicheskij centr press, 2002. – P. 136.

¹³⁷⁷ § 1-201 “General Definitions” of the Uniform Commercial Code // Cornell Law School. – URL: <https://www.law.cornell.edu/ucc/1/1-201#Person> (Accessed on September 9, 2023).

joint or common interest, or any other legal or commercial entity. As we can see, a similar approach with the Latvian Civil Code was used in the US UCC – trust property (object of law) was named among the organizations.

At the same time, the rest of the list from the US UCC indicates that in this act the term “organization” meant legal entities.

The variety of legislative approaches to the concept of a legal entity creates serious difficulties in the unification of this concept in international law. Each state defines the range of legal entities in its own way. In some states, legal entities include certain property complexes, i.e. objects of law. However, only by stating the existing diversity, it is not possible to solve the problem of defining the concept of a legal entity. Thus, it is necessary to highlight the general approaches to this concept and on their basis formulate the characteristics of a legal entity.

First of all, a legal entity should be understood as a certain institutional entity. L.N. Galenskaya by institutional formations (from Latin – institutio) understands “any associations created by people, connected with a certain purpose and having organizational structure”¹³⁷⁸. Legal entities have all the signs of institutional formation – they are created by people or other institutions, pursue certain goals in their activities, separated from the goals of their participants and have a certain organizational structure. Thus, a legal entity is a domestic institution. For the purpose of determining the legal status of entities in international law, legal entities should be delimited from other entities – states, TNCs, international legal entities.

What are the features of this intrastate institution? If we take into account the content of the 1984 Inter-American Convention, the CIS IPC, national legislation, it is no doubt that legal entities have an independent legal personality, i.e. they enter into legal relations on their own behalf. A legal entity is an independent participant in relations both domestic and international. Their legal identity is separated from the founders, participants, employees of the legal entity. By virtue of this, legal entities act as an independent subject of law.

Also, the legal entity bears legal responsibility for its own actions independently. Its responsibility is separated from the responsibility of its founders, participants.

Other above-mentioned characteristics of the legal entity mentioned above are not inherent in all legal systems.

Thus, a legal entity should be understood as a domestic institution that enters into legal relations on its own behalf and is itself liable for its obligations.

Concerning types of legal entities the national legal system of various states adheres to various classifications. At the same time there is no unified concept of the types of legal entities in international law.

¹³⁷⁸ Galenskaya L.N. International Institutional System // Russian Annual book of international law. – St. Petersburg: SKF “Russia-Neva”, 2003. – P. 263.

Classification of legal entities will be carried out by the criteria developed in the law of different states and also including theoretical ideas of legal entities and their varieties.

If we take the law of Germany as an example, then subsection III of chapter 2 of the German Civil Code (further – the GCC) speaks about legal entities of public law¹³⁷⁹. They include public law corporations, institutions and bodies. It follows that under German law there are legal entities under public law and legal entities under private law.

Legal entities of private law are created by powerless subjects. These can be various societies, partnerships, cooperatives, etc. This classification is unknown to Russian law. However the Russian Academy of Sciences, being public institution, belongs to legal entities of public law.

The legislation of the CIS Member States, based on the CIS MGC, offers a different classification of legal entities.

Article 61 of the CIS MGC provides that in connection with participation in formation of property of the legal entity his founders (participants) can have liability laws concerning this legal entity or the real rights for his property.

The legal entities in respect of which their participants have the rights of obligation include: business partnerships and societies; production and consumer cooperatives.

The legal entities to the property of which their founders have the right of ownership or other rights in rem are: unitary enterprises, including subsidiaries, as well as institutions financed by the owner.

To legal entities concerning which their founders (participants) have no property rights: public and religious organizations (associations); charity and other public foundations; merging of legal entities (associations and unions).

According to this very classification the Russian Academy of Sciences belongs to legal entities, to its property its founders have the property right, – to the establishment financed by the owner.

International relations of the Russian Academy of Sciences and their legal qualification

The participation of the Russian Academy of Sciences in the international relations understood in their broadest sense, is distinguished by certain specifics associated both with the scientific nature of the activities of the Academy of Sciences and with a number of public law functions that it performs. Now it is possible to allocate two main directions of such activity: 1) admission of foreign scientists

¹³⁷⁹ Yakovleva T.F. German Civil Code. – Moscow: Infotropic Media, 2015. – P. 28-29.

as members of the Academy of Sciences; 2) making agreements with foreign scientific and educational institutions.

In the Regulation on foreign members of the Russian Academy of Sciences approved by the resolution of the Presidium of the Russian Academy of Sciences No. 270 of December 11, 2007¹³⁸⁰, the status of foreign members was defined very laconically.

The leading foreign scientists who gained recognition of the world scientific community could become foreign members of the Russian Academy of Sciences.

Their election was carried out according to a certain procedure. The decision on election was made by the General meeting of Academy. Elections of foreign members of the Russian Academy of Sciences were held along with elections of members of the Russian Academy of Sciences, at least once in 3 years. The date of elections was defined by the Presidium of the RAS.

The presidium of the RAS also determined quantity of vacancies for election of foreign members of the Russian Academy of Sciences and their distribution among the Academy branches. The right to nominate candidates for foreign members of the Russian Academy of Sciences was vested in the extended meetings of the bureaus of the departments. All full members of the Russian Academy of Sciences who were members of a given department were invited to this meeting (with a casting vote). The decision on nomination was made by secret ballot by a simple majority vote.

Elections of foreign members of the Russian Academy of Sciences were held according to the procedure provided for corresponding members of the RAS. Information on election was published in issues of the Russian Academy of Sciences.

The scientists elected as foreign members of the Russian Academy of Sciences gain diplomas of the sample established by the Presidium of the RAS.

According to the above Regulation, foreign members of the Russian Academy of Sciences had a very limited set of rights:

- 1) to take part in work of the General Meeting of the RAS and a general meeting of the department of the RAS that recommended him with advisory capacity. Thus, foreign members of the Russian Academy of Sciences didn't participate in vote at decision-making;
- 2) to be invited for participation in work on the forecast of development of different fields of science and expertise when holding competitions;
- 3) to submit for consideration by the Presidium of the Russian Academy of Sciences issues related to the development of relevant areas of scientific research and the expansion of international scientific cooperation of scientists;

¹³⁸⁰ Resolution No. 270 on the Approval of the Regulations on Foreign Members of the Russian Academy of Sciences dated 11 December 2007 // The Russian Academy of Sciences. – URL: <http://www.ras.ru/presidium/documents/directions.aspx?ID=1ce48260-2cf6-4f22-b088-d850d5cff557> (Accessed on September 9, 2023).

4) to be notified about convocation of the General Meeting of the Russian Academy of Sciences or be invited to Russia for scientific events by the Presidium of the Russian Academy of Sciences;

5) to have an annual subscription to the journal “Bulletin of the Russian Academy of Sciences” in Russian or in one of the foreign languages.

At present the Charter of the Russian Academy of Sciences¹³⁸¹ has specified the procedure for electing foreign members and slightly expanded their rights. Two aspects have been clarified in the election procedure. First, the election of candidates for foreign members of the Academy takes place at general meetings of the Academy’s departments. In order to be elected as a candidate, at least two-thirds of the votes of the members of the Academy for a given branch who took part in the voting and at least half of the votes of the list of members of the Academy for a given branch must be obtained. A candidate shall be deemed elected if he/she receives the necessary number of votes for election and the number of candidates for the given branch, who receive the same or more votes, does not exceed the number of vacancies of foreign members of the Academy allocated to the branch. Election of candidates is held in one round. An additional round shall be held (once) if some candidates received in the first round the necessary number of votes for election, but were not elected. In this case, only those candidates who received the required number of votes in the first round are included on the ballot for the runoff election. Secondly, all members of the Academy present at the general meeting of members of the Academy shall take part in voting for the election of foreign members. A candidate shall be deemed elected to foreign members of the Academy if he has received not less than two thirds of votes of the Academy members who took part in the voting and not less than half of votes of the list of the Academy members.

With regard to foreign members of the Academy the Charter also specifies that from the moment of their election they have rights and duties provided by the Charter unless otherwise stipulated by the peculiarities of their legal status defined by the Charter and by the decisions of the Academy governing bodies.

Thus, foreign members of the Academy have a special legal status within the Academy, which is due to the public legal functions of the Academy.

The Russian Academy of Sciences can both participate in the implementation of international treaties and independently conclude agreements of an international nature.

In the first case, the Russian Academy of Sciences acts as an authorized organization of the Russian Federation in the fulfillment of international public law obligations under the international treaty. In particular, the Integrated Long-Term Program of Cooperation in Science, Technology and Innovation between the Government of the

¹³⁸¹ The Charter of the Russian Academy of Sciences // The Russian Academy of Sciences. – URL: <http://www.ras.ru/about/rascharter.aspx> (Accessed on September 9, 2023).

Russian Federation and the Government of the Republic of India dated December 21, 2010¹³⁸² states that the implementation of the Program will be coordinated by the Ministry of Education and Science of the Russian Federation together with the Russian Academy of Sciences, from the Indian Side – the Ministry of Science and Technology, the Department of Science and Technology of the Republic of India.

Most of the agreements of an international nature concluded by the Russian Academy of Sciences on its own behalf concern scientific (scientific and technical) cooperation. Such agreements are called “cooperation agreements”, “agreements on scientific and technical cooperation”, “agreements on scientific cooperation”. As a rule, they are concluded with foreign academies of sciences. Such agreements were concluded with the Academy of Sciences of Abkhazia, the Austrian Academy of Sciences, National Academy of Sciences of Azerbaijan, Academy of Sciences of the Republic of Albania, National Academy of Sciences of the Republic of Armenia, National Academy of Sciences of Belarus, Bulgarian Academy of Sciences, National Academy of Sciences of Bolivia, Academy of Sciences and Arts of Bosnia and Herzegovina, Hungarian Academy of Sciences, Berlin-Brandenburg Academy of Sciences, Georgian Academy of Sciences, Academy of Scientific Research and Technology of the Arab Republic of Egypt, Israel Academy of Natural Sciences and Humanities, Indian National Academy of Sciences, Accademia Nazionale dei Lincei, the Academy of Sciences of the Republic of Kazakhstan, the Academy of Sciences of the Democratic People’s Republic of Korea, Chinese Academy of Engineering Sciences, Chinese Academy of Social Sciences, Shanghai Academy of Social Sciences, Academy of Sciences of the Republic of Kyrgyzstan, Latvian Academy of Sciences, Lithuanian Academy of Sciences, Macedonian Academy of Sciences and Arts, Academy of Sciences of Moldova, Academy of Sciences of Mongolia, Royal Netherlands Academy of Arts and Sciences, Polish Academy of Sciences, Romanian Academy, Academy of Sciences and Arts of the Republic Srpska, Slovak Academy of Sciences, Slovenian Academy of Sciences and Arts, National Academy of Sciences of the USA, Academy of Sciences of the Republic of Tajikistan, Academy of Sciences of the Republic of Uzbekistan, The Academy of Finland, the Academy of Sciences of the Institute of France, the Croatian Academy of Sciences and Arts, Montenegrin Academy of Sciences and Arts, Academy of Sciences of the Czech Republic, Royal Swedish Academy of Literature, history and monuments of antiquity, the Royal Swedish Academy of Sciences, the Estonian Academy of Sciences, the Academy of Science of South Africa.

This group of agreements is very similar in content. Differences in the content of individual agreements can be explained by differences in the degree of scientific cooperation with individual states, considering the development of

¹³⁸² Texts of the agreements are available at: <http://www.ras.ru/about/cooperation/intagreements.aspx> (Accessed on September 9, 2023).

science and technology of the state. For analysis, we have selected four such agreements, which can serve as illustrative examples, without diminishing the role and significance of other agreements.

The agreement on scientific cooperation between the Russian Academy of Sciences and the Austrian Academy of Sciences of December 2, 1993 very thoroughly regulates the procedure for the implementation of scientific relations. The forms of cooperation have been established:

- 1) carrying out joint research work on problems of mutual interest;
- 2) organization of bilateral symposia, colloquia and seminars on various scientific issues;
- 3) exchange of scientists for lecturing, familiarization with scientific research and conducting scientific work;
- 4) preparation and publication of joint scientific works on the results of scientific research.

Particular attention is paid to the exchange of scientists for scientific research and familiarization, for lecturing and seminars in institutes and research institutions of both Parties. In the exchange of scientists, both Parties will also facilitate, whenever possible, the admission of scientists to institutes and research institutions outside the jurisdiction of both Parties. The agreement regulates in detail the financial conditions for the exchange of scientists, and also establishes the procedure for coordinating their admission between Academies.

Both Academies provide in their budgets the amounts necessary to fund cooperation and regularly inform each other about their amounts.

All issues related to the implementation of the Agreement will be considered by both Academies by means of direct contacts.

The agreement on scientific and technical cooperation between the Russian Academy of Sciences and the National Academy of Sciences of Azerbaijan of December 21, 2005 provides a wider list of cooperation areas:

- 1) development and implementation of joint scientific and scientific-technical projects in priority areas of science and technology development;
- 2) organization of mutually beneficial international contacts in the field of science and technology;
- 3) assistance in getting the access of researchers to unique facilities available to the Parties for scientific work;
- 4) assistance in advanced training and training of scientific personnel, including through postgraduate studies or doctoral studies for a period up to 3 years and by internship for a period of one year;
- 5) exchange of scientists and specialists for joint projects and participation in international conferences and other scientific events held by both Academies;

6) exchange of scientific information.

The Agreement on the Expansion of Scientific Relations and the Exchange of Scientific Information between the Russian Academy of Sciences and the National Academy of Sciences of the Republic of Armenia of June 11, 1994 contains a special condition on direct scientific cooperation on the basis of direct relations between the institutions of the Academies, which provides for:

- 1) creation of joint scientific teams and organizations;
- 2) commissioned research work on a contractual basis;
- 3) conclusion of direct contracts and contracts defining the goals and expected results of joint research, the necessary conditions for cooperation, mutual obligations (including the amount of funding), the procedure for using jointly obtained scientific results;
- 4) commercial use of the results obtained in the framework of joint scientific research, taking into account the relevant laws of the countries.

The agreement on cooperation in the field of social sciences between the Russian Academy of Sciences and the British Academy of June 15, 2005 is limited to a certain topic of cooperation: anthropology, archeology, demography, economics, history, art history, social and social geography, international relations, legislation, linguistics, literature, philology, philosophy, political science, religion, sociology, social psychology.

The Russian Academy of Sciences also concludes special agreements with scientific and educational institutions. The content of such agreements is characterized by diversity. In particular, the Memorandum of Understanding between the Russian Academy of Sciences and the National Institute of Agricultural Technologies of Argentina of April 23, 2005 defines only the directions of cooperation, entrusting the main work to the Coordination Committee formed by the Parties.

The Agreement on Scientific Cooperation between the Russian Academy of Sciences and the National Center for Natural Sciences and Technologies of the Socialist Republic of Vietnam of December 1, 1995 provides, that the Parties will carry out scientific cooperation on the basis of bilateral Plans, signed by the Parties for the terms determined by the agreement between them and including the scientific topic of contacts and joint work, financial and organizational conditions of cooperation, including the volumes and conditions of mutual secondment of scientists.

The agreement on scientific cooperation between the Russian Academy of Sciences and the Max Planck Society of May 29, 2001 focuses on supporting scientific researches of young scientists. International schools for young scientists and researchers of the Max Planck Society are open to Russian doctoral students (postgraduate students) who would like to prepare paper for a degree in the

scientific field proposed by the School. Russian doctoral students can apply for participation in Schools within the framework of international competitions. Participation in the Schools should help, on the one hand, effectively supplement the education of doctoral students in the international environment, on the other hand, and stimulate interest in cooperation between Russian and German scientists, RAS institutes and WMD institutes. The agreement also provides for “virtual laboratories”.

The Agreement on Scientific Cooperation between the Russian Academy of Sciences and the Polytechnic University of Madrid of 10 June 1994 regulates joint research in accordance with agreed projects, which clarify the objectives, sequence of activities and expected results, as well as the participating scientific institutions and the distribution of responsibilities between them, including financing issues and timing of the implementation of the planned programs.

The agreement on scientific cooperation between the Russian Academy of Sciences and the University of Bergen of January 15, 1993 focuses on fundamental researches in the field of natural, humanities, social and technical sciences and health sciences. It serves as the basis for the conclusion of separate cooperation agreements between institutions or units under the jurisdiction of both Parties.

International agreements concluded by the Russian Academy of Sciences are generally aimed at implementing international treaties of the Russian Federation in the field of scientific and technical cooperation, but are signed between non-state actors. Unlike international contracts, such agreements contain not only the obligations of the parties to the agreement, but also general prescriptions designed for repeated application for other participants like scientific institutions, scientists and scientific teams. This makes it possible to identify the special nature of agreements of an international nature, which cannot be equated either to international treaties or to international contracts.

The Agreement on Scientific, Technological and Innovative Cooperation between the Russian Academy of Sciences and the Ministry of Science and Technology of the Bolivarian Republic of Venezuela of December 22, 2003 is of a mixed nature, since a public legal entity acts on the foreign side. It provides for the joining of efforts of the Parties for the promotion of cooperation between Russian and Venezuelan scientists aimed at implementing joint actions in areas of mutual interest as a goal of cooperation. The scientific institutions of the Parties that put forward proposals for joint research projects will simultaneously send them to the Russian Academy of Sciences and the Ministry of Science and Technology of Venezuela for expert evaluation in accordance with existing rules and procedures. Approval of the projects will be carried out jointly by the Parties on the basis of the positive recommendations of the expert commissions. In contrast to international

agreements between non-state actors, this Agreement is “diagonal” in nature, as one of the parties to the Agreement is a public entity.

Conclusion. Modern international relations, understood in a broad sense, are characterized by a wide range of actors. Along with States, non-governmental actors are increasingly entering international relations, which not only assist States in fulfilling their international obligations, but also take upon themselves independent legal obligations and responsibilities under international law. In the system of international relations, along with interstate relations, a special group of relations is also formed, conditionally referred to as “international relations of a non-governmental nature”, the emergence of which is associated with the increasing role and importance of non-state actors in the international arena.

As a very influential non-state actor, the Russian Academy of Sciences enters into legal relations with foreign scientists in connection with their membership in the Academy. Its international connections are very extensive both geographically and in terms of content. Promoting interstate scientific and technical cooperation, the Russian Academy of Sciences participates in the implementation of international treaties, concludes international agreements with Academies of other states, as well as scientific and educational institutions, enters into “diagonal” relations with bodies of foreign states both in fulfillment of international legal obligations of the Russian Federation and directly.

§ 8. Pre-contractual liability in civil law: comparative legal analysis

Introduction. The provisions of Article 434.1 of the Civil Code of the Russian Federation on Negotiation of an Agreement are valid from June 1, 2015. The scientific and legal justification of the rules on conducting negotiations in domestic science has not yet developed, despite the fact that the requirements of integrity and fairness were enshrined in the Civil Code of the Russian Federation long before the reform of civil law. However, there are already a number of the studies carried out after the civil law reform of 2015, including dissertations on this topic¹³⁸³. It will be important to create a scientific basis for the application of the norm by developing doctrinal developments that may influence law enforcement. In this part, the advances of scientists, including those of the Russian Academy of Sciences, and the achievements of the Academy’s academic school of civil law are very important. The role of the scientific school in developing civil law is extremely

¹³⁸³ Muratova O.V. Pre-contractual relations in international commercial traffic: from substantive to conflict-of-laws regulation. Candidate of Sciences in Law thesis. – The Institute of Legislation and Comparative Law under the Government of the Russian Federation, 2017. – 178 p.

essential. Thanks to the scientific advances of the academic school, the work of its scientists¹³⁸⁴, trained specialists, the authority of the science of civil law in society is formed; the continuity of the legal doctrine is carried out. The academic school of the Russian Academy of Sciences represents the potential for the further improvement of the science of private, civil law, for the correct application of new civil law institutions, for understanding the amendments and additions of legislation in this area.

The principle of good faith is widely applicable in other countries. In many legal systems (for example, Germany), it was the principle of good faith that was a necessary prerequisite for the development of theories about pre-contractual responsibility. In the Civil Code of the Russian Federation, the principle of good faith appeared on March 1, 2013. However, as V.F. Yakovlev rightly noted, “it would be inaccurate to argue that before making the described additions, the current Civil Code did not provide for the requirement of good faith for participants in civil relations. By interpreting Article 10 of the Civil Code, judicial practice deduced this requirement and used it in the settlement of disputes”¹³⁸⁵.

Currently, there are a variety of conceptual approaches to recouping the losses incurred during the pre-contractual stage. Additionally, damages to be compensated may differ from one legal system to another, and other sanctions may also be applicable. The question of pre-contractual liability, of course, is related to the nature of the pre-contractual legal relationship. It is now of considerable interest to study foreign experiences and legislation on this issue in order to create not only a theoretical foundation for liability at the negotiation stage, but also a common practice for sanction application at the pre-contractual stage, as well as a scientific basis for pre-contractual liability.

Main research. Currently, the rules on pre-contractual liability are explicitly enshrined, for example, in the Civil Code of France (since 2016), in the Civil Code of Germany (since 2002), in the Civil Code of Italy (since 1942), etc. But even before the relevant rules were legislated in many countries, judicial practice followed the path of accountability at the stage of pre-contractual relations, as a rule, withdrawing from the principle of good faith the obligation to compensate for losses caused.

¹³⁸⁴ Rozhkova M.A. (ed.). Civil rights protection: the selected aspects: collection of articles. – Moscow: Statut, 2017. – 432 p. (M.A. Rozhkova, editor of the collection, is an expert of the Russian Academy of Sciences); Yakovlev V.F. Modernization of the Civil Code of the Russian Federation – development of the basic provisions of civil law // Codification of Russian private law edited by P.V. Krasheninnikov. – Moscow: Statut, 2015. – P. 10-22 (V.F. Yakovlev was a corresponding member of the Russian Academy of Sciences); Kazantsev M.F. Contractual regulation: a civilistic concept. – Yekaterinburg: UrO RAN RF, 2005. – 452 p.

¹³⁸⁵ Yakovlev V.F. Modernization of the Civil Code of the Russian Federation – development of the basic provisions of civil law // Codification of Russian private law edited by P.V. Krasheninnikov. – Moscow: Statut, 2015. – P. 10-22.

In Germany, it was judicial practice that played a huge role in the development of pre-contractual liability: from the quasi-contractual theory of pre-contractual liability (responsibility for negotiations was based on a legal relationship that performs a preparatory function as to the sale and is of a similar nature to the contract, responsibility was associated with the proximity of the conclusion of the contract) to the recognition of non-fulfillment of the duty to conduct negotiations in good faith as an independent basis of liability (decision on the “linoleum case”)¹³⁸⁶.

Back in 1961, the Supreme Court of the Federal Republic of Germany in the case of “banana peel” for the first time recognized that a professional seller bears pre-contractual responsibility to anyone who entered the territory of the store with the aim of concluding a contract (the decision of September 26, 1961 in the “banana peel case”)¹³⁸⁷.

The “banana peel case” and the “linoleum case” are similar in content, in the first case, a potential buyer slips on the territory of the seller on the banana peel, in the second one – on wet linoleum that has just been washed, and in both cases the potential buyer was harmed. In the decision in the “linoleum case”, the court stated that “contractual or binding legal relationship may give rise to obligations of good faith and diligence regarding the life and property of a partner, and these obligations have nothing to do with the nature of this legal relationship in a narrow sense, but with the need to follow from its actual form”¹³⁸⁸.

Currently, the rules on pre-contractual legal relations and on pre-contractual liability are explicitly enshrined in the Civil Code of Germany.

Subparagraph 2 of paragraph 311 of the Civil Code of Germany provides that the obligation arises from:

- entering into treaty negotiations;
- preparation of a contract under which one of the parties, on the basis of the relevant legal relations under the transaction, provides the other party with the opportunity to influence or trust its rights, legal benefits and interests;
- business contacts¹³⁸⁹.

That is, the Civil Code of Germany establishes three independent grounds for the emergence of a pre-contractual obligation. And these are the following grounds:

¹³⁸⁶ Demkina A.V. Pre-contractual legal relationship-obligation: the basis of the theory. Monograph. – Moscow: Prospekt, 2020. – 130 p.

¹³⁸⁷ Gnitsevich K.V. Pre-contractual liability in civil law: culpa in contrahendo. Candidate of Sciences in Law thesis. – St. Petersburg University, 2009. – P. 62.

¹³⁸⁸ Ibid. – P. 63.

¹³⁸⁹ Bergmann W. German Civil Code. Introduction to the Civil Code (Bürgerliches Gesetzbuch Deutschlands mit Einführungsgesetz). – 3rd ed., revised. – Moscow: Wolters Kluwer, 2008. – P. 145.

4) negotiations, when the parties are agreeing on the terms of the future contract, and here it does not matter the personal presence of the negotiators in one place, they can be conducted by mail, by phone, Skype, etc.;

5) preparation or involvement in the contract is the most common example in the literature on this basis, including the “banana peel case” or the “linoleum case,” here a pre-contractual obligation arises from the moment the buyer appears in the seller’s premises, in which case the seller is also responsible for damage caused to the health of the future buyer;

6) other business contacts are a more general formulation, and it allows the court to take into account changing living conditions, and as an example, cases when rules on pre-contractual liability are applied when causing harm, for example, to the son of a potential buyer who enters the store with his father and can also slip on a “slippery linoleum” or “banana peel”. The third ground allows the rules on pre-contractual liability to be extended to persons who will not be a potential party to a future contract.

Since pre-contractual legal relations under the Civil Code of Germany are characterized as obligations, the rules of obligations also apply to them. Under subparagraph 2 of paragraph 241 of the Civil Code of Germany, in accordance with the content of the obligation, each of the parties may be obliged to take into account the rights, legal benefits and interests of the other party. Following paragraph 242 of the Civil Code of Germany, the debtor is obliged to perform in good faith, as required by the customs of turnover. Subparagraph 3 of paragraph 311 of the Civil Code of Germany establishes that an obligation containing the duties specified in subparagraph 2 of paragraph 241 of the Civil Code of Germany may also arise in relation to persons who themselves should not become parties to the contract. Such an obligation arises, in particular, when a third party enjoys special confidence and thus has a significant impact on preliminary negotiations or on the conclusion of a treaty¹³⁹⁰.

Since the jurisprudence on pre-contractual liability in Germany has developed earlier than in other countries, the theories of pre-contractual legal relations have been worked out in the most detail precisely by German researchers, who have variously qualified pre-contractual legal relations, offering different models for them. The positions of German researchers are described in great detail in the dissertation of K.V. Gnitsevich¹³⁹¹.

The beginning of the theoretical justification of the doctrine of pre-contractual responsibility was laid by the work of Rudolf von Jhering back in 1861¹³⁹².

¹³⁹⁰ Ibid.

¹³⁹¹ Gnitsevich K.V. Op. cit.

¹³⁹² Jhering R. von. *Culpa in contrahendo, or Damages for invalidity or non-conclusion of contracts* // *Vestnik grazhdanskogo prava*. – 2013. – No. 3. – P. 190-266.

Later, taking into account the emerging judicial practice, various theories about pre-contractual legal relationship and liability appear. According to one view, the negotiating attitude is based on the law. K. Larenz in this regard said that pre-contractual liability is objective in nature¹³⁹³.

There is also an opposite position in German literature. Thus, H. Sieber suggested that from the moment a person enters the store, an obligatory legal relationship similar to the contractual one arises, or rather, the preparatory agreement concluded as a result of implicative actions¹³⁹⁴. A. von Tuhr allowed compensation for damage to the person or property of the counterparty in the framework of the legal relationship of negotiations on the conclusion of the contract¹³⁹⁵. According to H. Stoll, the basis for the occurrence of pre-contractual obligations is the entry into negotiations, in connection with which an obligatory legal relationship arises, “since it obliges the parties to act and not to act in relation to each other”¹³⁹⁶. The author calls the basis for the emergence of such a legal relationship a unilateral transaction – a proposal to conclude a contract or enter into negotiations.

Thus, the authors of these theories proceeded from two signs of a pre-contractual legal relationship – the identification of participants in pre-contractual relations and their implementation of certain actions (while there are no actions, there is no mutual proposal to conduct negotiations, there is no obligation). Common to the listed positions was that the authors assumed that there was a certain “link” (or “connection”) between specific negotiators that arose after they had taken actions indicating their intention to enter into negotiations.

The review of the position of German scholars on the substance of pre-contractual contacts between the parties shows that due to the established jurisprudence, and subsequently and in connection with the direct consolidation of law in German law, the existence of a special obligation is recognized between the parties to the negotiations and it is “negotiations” that are an independent legal fact that entails the emergence of a negotiating obligation.

If in Germany tort norms were not allowed to be applied to any harm, then the principle of a general tort laid down in the French Civil Code, even before the reform of French contract law (the new rules entered into force on October 1, 2016) allowed scientists to extend the application of tort liability to cases of loss for guilty behavior during the negotiation stage, if the contract was not concluded¹³⁹⁷.

¹³⁹³ Gnitsevich K.V. Op. cit. – P. 70.

¹³⁹⁴ Ibid. – P. 64.

¹³⁹⁵ Ibid. – P. 65.

¹³⁹⁶ Ibid. – P. 65.

¹³⁹⁷ Soulier J.-L. Unforeseeability doctrine // Soulier Avocats. – URL: <https://www.soulier-avocats.com/en/ordinance-of-february-10-2016-for-the-reform-of-french-contract-law-the-principle-of-the-binding-force-of-contracts-is-considerably-undermined-by-the-new-provisions-of-the-french-civil-code/> (Accessed on September 9, 2023).

After the reform of French treaty law, the French Civil Code introduced rules on negotiations that establish the general principles of negotiation: the principle of freedom of negotiations (their initiation, conduct and withdrawal from negotiations are free) and the principle of good faith in conducting negotiations (the initiative, continuation and termination of negotiations must necessarily meet the requirements of good faith (Article 1112 of the French Civil Code)).

Currently, in the Civil Code of France, three articles are devoted to the rules on negotiations: articles 1112-1112-2¹³⁹⁸.

In addition to consolidating the principles of negotiation, Article 1112 of the Civil Code of France also establishes the limits of liability: in the event of a guilty violation of the negotiations, compensation for the damage caused cannot be aimed at reimbursing the unearned income expected from the non-concluded contract, and at losing the opportunity to receive these benefits (loss of a chance to gain them). At the same time, one should note that the limits of liability in the form of “loss of the chance to gain benefits” appeared in the abovementioned norm after the reform (namely on April 10, 2018, when an addition to the Code was made in connection with the adoption of the Law on Ratification of the Reform)¹³⁹⁹. However, one can generally state that from the point of view of compensable damages, the French legislator adheres to the principle of protecting only a “negative interest” in case of violation of a pre-contractual obligation to behave in good faith (that is, a person should be placed in such a position as if he would not enter into negotiations).

The results of the reform of French contract law are evaluated by lawyers differently. Thus, some are talking about expanding the discretionary powers of the court, which, in turn, can lead to a decrease in the level of legal certainty of the norms. For example, in the opinion of Jean-Luc Soulier, a number of new principles should entail a change in the role of the judge in resolving the dispute between the parties to the contract, in particular, such changes as the obligation to perform the contract in good faith or the obligation to inform its counterparty at the stage of conclusion of the contract¹⁴⁰⁰. Other authors, on the contrary, assume that these amendments merely codify the long-standing rules applied by the courts, which means that a participant in the civil traffic based on the French Civil Code will now

¹³⁹⁸ The Civil Code of France // Légifrance. – URL: <https://www.legifrance.gouv.fr/codes/id/LEGIARTI000032040805/2016-10-01> (Accessed on September 9, 2023).

¹³⁹⁹ Reform Ratification Act // Légifrance. – URL: <https://www.legifrance.gouv.fr/affichTexte.do?cidTexte=JORFTEXT000036825602&dateTexte&categorieLien=id> (Accessed on September 9, 2023).

¹⁴⁰⁰ Soulier J.-L. Unforeseeability doctrine // Soulier Avocats. – URL: <https://www.soulier-avocats.com/en/ordinance-of-february-10-2016-for-the-reform-of-french-contract-law-the-principle-of-the-binding-force-of-contracts-is-considerably-undermined-by-the-new-provisions-of-the-french-civil-code/> (Accessed on September 9, 2023).

be able to more realistically assess his legal situation and prospects, while it is seen that the jurisdiction of the court has decreased, since they are now introduced within the legal framework¹⁴⁰¹.

However, one way or another, if the principle of good faith is to be applied, part of the issues will be transferred to the discretion of the judge, which obviously follows from the provisions of Article 1112 of the Civil Code of France establishing only the general rule on freedom of negotiations and good faith in them.

Thus, as in the Civil Code of the Russian Federation, the French Civil Code (Article 1112) provides for a general rule on freedom of negotiations (which very closely resembles paragraph 1 of Article 434.1 of the Civil Code of the Russian Federation), establishes the obligation to negotiate in good faith (the same obligation is established in subparagraph 1 of paragraph 2 of Article 434.1 of the Civil Code of the Russian Federation) and establishes the limits of pre-contractual liability (in our case this is paragraph 3 of Article 434.1 of the Civil Code of the Russian Federation, but here the rules are slightly different). As already noted by practicing attorneys, there is a separate article of the French Civil Code devoted to the obligation to inform the counterparty, which the parties will not be able to limit or exclude in any agreement¹⁴⁰². This is Article 1112-1 of the French Civil Code, according to which:

- first, if a party has the information crucial to the consent of the other party to enter into a contract, that party must inform the counterparty if the latter does not know and should not know the information or is based on the trust of its counterparty;

- second, such an information duty cannot relate to the valuation of the cost of provision. Information will be crucial to consent to the contract conclusion of if it has a direct and necessary connection with the content of the contract or the quality of the parties. This is a crucial new point, perhaps it is worth taking note of, since good faith in determining the price or providing information about the actual value of the goods (service, work, etc.) is also a very controversial issue, given that counterparties here have the opposite interest. It is possible to fix such a rule in the Civil Code of the Russian Federation that informing about the cost does not apply to the duties of a bona fide negotiator, but with a number of exceptions from it, for example, when it comes to informing the consumer or this obligation arises from the essence of the relevant obligation;

¹⁴⁰¹ Budylin S.L. Reform of the French Civil Code: Summary of key novelties // *Zakon.RU*. – URL: https://zakon.ru/blog/2016/3/17/reforma_francuzskogo_gk_svodka_klyuchevyh_novell (Accessed on September 9, 2023).

¹⁴⁰² Soulier J.-L. Unforeseeability doctrine // *Soulier Avocats*. – URL: <https://www.soulier-avocats.com/en/ordinance-of-february-10-2016-for-the-reform-of-french-contract-law-the-principle-of-the-binding-force-of-contracts-is-considerably-undermined-by-the-new-provisions-of-the-french-civil-code/> (Accessed on September 9, 2023).

– third, the party claiming that certain information should have been provided to it must prove that the other party is obliged to provide it with such information. In this case, the other party must prove that it has provided this information;

– fourth, in addition to the responsibility of the party who was required to provide information, failure to comply with this obligation may result in the cancellation of the contract in accordance with the conditions provided for in Article 1130 and others¹⁴⁰³.

Thus, the requirements for good faith in negotiations are more or less specified only in terms of informing each other by the negotiators and the issue of sharing the burden of proof in this part.

Despite the fact that the provisions of the French Civil Code do not say anything about the legal nature of pre-contractual liability, the Report to the President of France on the reform of treaty law (amendments of February 10, 2016) notes that such liability is of an extra-contractual nature, unless an agreement is concluded between the negotiators that determines their relations during the negotiations¹⁴⁰⁴.

V. Velichko also notes that after the reform, there is no doubt about the tort nature of liability, and if earlier the pre-contractual obligations to inform the Court of Cassation were connected with the rules on the contract of sale (articles 1134, 1135 and 1615 of the Civil Code of France), now they are enshrined in a separate article¹⁴⁰⁵. The author argues that pre-contractual liability is tort, since it is localized in the pre-contractual period, and no contract can be concluded as a result of the termination of negotiations, therefore the basis of liability is Article 1240 of the Civil Code of France (and before the reform – Article 1382)¹⁴⁰⁶.

As noted in the report to the President of the Republic, if any preliminary agreement had been concluded during negotiations or pending negotiations or any agreement that regulates relations between the parties before the conclusion of the main agreement, then violation of its provisions will entail contractual responsibility¹⁴⁰⁷.

It seems that in these cases, both in the presence of negotiating agreements and without them, in fact, we are talking about the same organizational and

¹⁴⁰³ The Civil Code of France (Article 1130) // Légifrance. – URL: <https://www.legifrance.gouv.fr/codes/id/LEGIARTI000032040805/2016-10-01> (Accessed on September 9, 2023).

¹⁴⁰⁴ The Report to the President of the Republic // Légifrance. – URL: <https://www.legifrance.gouv.fr/affichTexte.do?cidTexte=JORFTEXT000032004539> (Accessed on September 9, 2023).

¹⁴⁰⁵ Velichko V. Pre-contractual liability in France // M-Logos. – URL: http://m-logos.ru/img/Tezis_M-Logos_23052018_V_Velichko.pdf (Accessed on September 9, 2023).

¹⁴⁰⁶ Ibid.

¹⁴⁰⁷ The Report to the President of the Republic // Légifrance. – URL: <https://www.legifrance.gouv.fr/affichTexte.do?cidTexte=JORFTEXT000032004539> (Accessed on September 9, 2023).

negotiating attitude and its legal nature should not be influenced by the way in which the parties entered into these relations (having concluded a separate treaty or having committed obviously indicating an intention to negotiate). Moreover, such an agreement will regulate not only issues of compensation for losses, but also issues of mutual obligations to conduct negotiations in good faith, which the parties will consider unfair behavior, etc.

As already noted, before the reform of French treaty law, liability for violations at the negotiating stage was carried out according to the rules on torts.

Article 1382 of the French Civil Code stipulates that any act of a person causing harm to another obliges the person responsible for causing the harm to compensate for it¹⁴⁰⁸. At the same time, any person is liable for the harm caused by him/her not only as a result of his/her actions but also as a result of his/her recklessness or negligence (Article 1383 of the Civil Code of France)¹⁴⁰⁹. As early as 1883, the Court of Appeal of Paris, in accordance with the rules on torts, decided to compensate the person who, before the conclusion of the contract, but in accordance with the proposal of his/her counterparty, incurred the costs of advertising goods that these persons were going to trade in the future. The contract between these persons was never concluded, and the person who convinced the need for advertising and withdrew from the negotiations opened his own business to distribute the already advertised goods¹⁴¹⁰. It is obvious that such a withdrawal from the negotiations will be unfair, since the proposal for advertising made by him raises reasonable expectations of the counterparty to conclude a contract with him when the conditions are met, and in addition, the negotiator unfairly took advantage of the goods already advertised by another person.

M.M. Yakubchik writes that French scientists proceeded from the fact that there is no contractual liability in the absence of a contract, so the period of negotiations remains outside the boundaries of contract law and the victim of the incurred losses should have turned to Article 1382 of the Civil Code of France¹⁴¹¹.

As of today, an initiation, continuation, or termination of negotiations must meet the requirements of good faith as set forth by Article 1112 of the Civil Code of France. In case of breach of this duty, the French Civil Code provides that, under Article 1240, a person that does harm to others is obliged to compensate for it.

In our opinion, the legislative regulation of relations between the negotiators can indicate the existence of legal connection between them.

¹⁴⁰⁸ Zakhvataev V.N. (ed.). *The Civil Code of France (Napoleon Code)*. – Moscow: Infrotropik Media, 2012. – 624 p.

¹⁴⁰⁹ *Ibid.*

¹⁴¹⁰ Yakubchik M.M. *Culpa in contrahendo and other doctrines of pre-contractual liability // Aktual'nye problemy grazhdanskogo prava: sbornik rabot vypusknikov RShChP (2009)*. – No. 14. – Moscow: Statut, 2012. – P. 199-225.

¹⁴¹¹ *Ibid.*

Moreover, if the parties to the negotiations conduct them in good faith, then the question of compensation for losses will not arise at all. However, these novelties have not yet influenced French legal doctrine, and they are unlikely to affect it in the foreseeable future.

If Germany and France have stable views on the legal nature of pre-contractual liability (respectively, the obligatory nature of pre-contractual liability or the tort nature of liability), then there are legal systems where there is no established legal position on pre-contractual liability.

For example, K.V. Gnitsevich notes that the nature of responsibility *culpa in contrahendo* in Italy remains controversial: some researchers believe that it is tort in nature (R. Sacco, R. Nirk), others argue that this type of responsibility can only be contractual (F. Bennati, F. Messineo, A.M. Rabello)¹⁴¹².

However, since 1942, the Italian Civil Code has been regulating in detail the duties of the negotiating counterparty and liability for their violation. According to Article 1337 of the Civil Code of Italy, during negotiations and at the conclusion of an agreement (formation of an agreement), the parties must behave in good faith (articles 1366, 1375, 2208)¹⁴¹³.

In Anglo-Saxon law, negotiations are governed by quite different principles.

K. Osakwe writes that in Anglo-American law, freedom of contract manifests itself in two such forms: freedom to conclude a contract and freedom from contract (freedom from concluding a contract at the stage of pre-treaty negotiations)¹⁴¹⁴. S. Budylin, for example, says that the British consider the right to withdraw from negotiations at any time and for any reason the sacred one¹⁴¹⁵. K.V. Gnitsevich writes that the principle of *caveat emptor* acting in English law, assumes that everyone has the right to count on the profit derived from the partner's mistake¹⁴¹⁶. Thus, common law does not impose obligations on negotiators to conduct them in good faith. But if one turns to special rules, then, either based on the rules on torts, or based on the doctrine of equity law, the losses caused at the pre-contractual stage can be compensated to the injured party. It is likely that, even counting on the bona fide conduct of the counterparty, the participant in the civil turnover should not forget about reasonable discretion, entering into a contractual legal relationship. It cannot be said that the principle of good faith exempts

¹⁴¹² Gnitsevich K.V. Op. cit. – P. 81.

¹⁴¹³ Italian Civil Code of 1942 // University of Trento. – URL: http://www.jus.unitn.it/cardozo/Obiter_Dictum/home.html (Accessed on September 9, 2023).

¹⁴¹⁴ Osakwe Ch. Freedom of contract in Anglo-American law: concept, essence and restrictions // Zhurnal rossiiskogo prava. – 2006. – No. 7, 8. – P. 84-93.

¹⁴¹⁵ Budylin S.L. Pre-contractual liability in common law jurisdictions // M-Logos. – URL: http://www.m-logos.ru/img/Tezis_M-Logos_23052018_S_Budilin2.pdf (Accessed on September 9, 2023).

¹⁴¹⁶ Gnitsevich K.V. Op. cit. – P. 84.

participants in civil traffic from the need to receive and verify information that is necessary for deciding to conclude a transaction. However, the degree of discretion may depend on specific circumstances, for example, whether a transaction is made in organized tenders or in a spontaneous market, between entrepreneurs or with a consumer citizen. Therefore, the principle of *caveat emptor*, in some part, may be in demand for our law and order system.

A.N. Kucher notes that in Anglo-American law, pre-contractual liability is associated with a violation of a special promise. During negotiations, one of the parties may make a promise confirming its intention to conclude a contract, counting on which the second party will incur certain expenses. If the first party knows that the second party, relying on the promise, will make expenses, then the promising party is not entitled to interrupt the negotiations without reimbursing the indicated expenses¹⁴¹⁷.

As noted by the court in the case of *James Baird Co. v. Gimbel Bros.* (1933), the doctrine of “special promise” exists in order to limit the possibility of giving a promise to abandon it if the one to whom this promise was made acted by relying on it¹⁴¹⁸.

This doctrine of “estoppel from promise” has found its legislative consolidation. M.M. Yakubchik writes that Article 90 of the Second Code of Contract Law of the United States affirms that a promise that, in different ways to the understanding of the promising person, will push the second party to commit an act or abstain from an action of a material and definite nature and which really had such consequences is legally binding if the injustice can be eliminated only by fulfilling such a promise¹⁴¹⁹.

Thus, a special promise legally binds the parties, provided that it encourages them to fulfill such a promise reasonably and expected.

S. Budylin cites another type of estoppel – proprietary estoppel; according to this doctrine, if the owner of the property (usually immovable) makes it clear to the counterparty that he will acquire a real right to this property, and the latter, relying on it, will change his position to his disadvantage, and the owner will then refuse his words, then the court can take measures to eliminate injustices, including even transferring the property to the victim¹⁴²⁰.

¹⁴¹⁷ Kucher A.N. Pre-Contractual Phase Theory and Practice: Legal Aspect. – Moscow: Statut, 2005. – P. 239.

¹⁴¹⁸ Yakubchik M.M. Culpa in contrahendo and other doctrines of pre-contractual liability // Aktual'nye problemy grazhdanskogo prava: sbornik rabot vypusknikov RShChP (2009). – No. 14. – Moscow: Statut, 2012. – P. 209.

¹⁴¹⁹ Ibid. – P. 210.

¹⁴²⁰ Budylin S.L. Pre-contractual liability in common law jurisdictions // M-Logos. – URL: http://www.m-logos.ru/img/Tezis_M-Logos_23052018_S_Budilin2.pdf (Accessed on September 9, 2023).

It turns out that, even without fixing the general obligation to act in good faith, but, on the contrary, with the action of the opposite principle of *caveat emptor*, one way or another, American law protects the good faith side of negotiations from a significant abuse of the right at the stage of negotiations in the form of deception of the partner in the reliability of this promise or in relations for concluding a certain category of transactions (fiduciary contract, sale of goods according to models). Insofar, as in these cases the stage of negotiations and/or conduct of the partner is such that there is reasonable confidence in the conclusion of the contract and/or in the conclusion of the contract on certain terms, such a contract can be given legal effect.

In Great Britain, the doctrine of “special promise” is known as a quasi-estoppel. M.M. Yakubchik writes that before this doctrine was adopted in the country, this practice used the institution of unreasonable enrichment to protect the parties at the pre-treaty stage¹⁴²¹.

There is a significant difference between these theories (“estoppel from promise” and quasi-estoppel). As M.M. Yakubchik notes, if, in American law, one can talk about the doctrine of “special promise,” then in British law – about “the objection based on “special promise””¹⁴²².

According to S. Budylin, in the USA, unlike Great Britain, estoppel from the promise can be an independent basis for the claim of the injured party¹⁴²³. That is, an independent way of protection, and in Great Britain it turns out that estoppel from a promise can only be a response to demands from an unscrupulous negotiator.

S. Budylin, like M.M. Yakubchik, speaks about the possibility of using rules on the unjust enrichment in pre-contractual relations. According to the author, in certain situations, the doctrine of “restitution of unjust enrichment”, which is relatively new to English law, can be used as a weapon against an unscrupulous party to negotiations¹⁴²⁴.

As one can see, the nature of pre-contractual responsibility in different legal orders is determined differently. However, regardless of whether the principle of good faith is established by law, recognized by judicial practice, or based on the principle of *caveat emptor*, the losses incurred at the pre-contractual stage by the party to the good faith negotiator, based on the requirement of fairness, will be compensable.

¹⁴²¹ Yakubchik M.M. *Culpa in contrahendo and other doctrines of pre-contractual liability // Aktual'nye problemy grazhdanskogo prava: sbornik rabot vypusnikov RShChP (2009). – No. 14. – Moscow: Statut, 2012. – P. 210.*

¹⁴²² Ibid.

¹⁴²³ Budylin S.L. *Pre-contractual liability in common law jurisdictions // M-Logos. – URL: http://www.m-logos.ru/img/Tezis_M-Logos_23052018_S_Budilin2.pdf (Accessed on September 9, 2023).*

¹⁴²⁴ Ibid.

There are not only two opposing theories about pre-contractual liability: liability for breach of a special obligation arising from negotiations (such liability is contractual in nature), or liability for delict (there is no legal relationship between negotiators, unless the parties have entered into a negotiating agreement); there is also a justification of the use of the institution of unreasonable enrichment to protect the interests of a bona fide negotiator or the so-called doctrine of “breach of trust”, “estoppel”, agreement on the non-disclosure of confidential information, etc.

One way or another, the law and order of different countries provide negative consequences for the unscrupulous negotiating side. However, these negative effects depend on the theory forming the basis of pre-contractual responsibility, and therefore these effects can be both in reparation of negative and positive interest, up to recognition of the validity of such treaties. This rich experience can be utilized to create the most effective system of sanctions at the agreed stage in our legislation.

One should note that when developing the provisions of the Civil Code of the Russian Federation on negotiations, the experience of other countries was already taken into account, but in our opinion, the legislator tried to maintain neutrality in determining the legal nature, allowing judicial practice and doctrine to develop the ideas laid down in the legislation.

The provisions of Article 434.1 of the Civil Code of the Russian Federation begin with clarifying the principle of freedom of contract in relation to negotiations and establish the general rule that citizens and legal entities are free to negotiate a contract, independently bear the costs associated with their conduct, and are not responsible for the fact that an agreement has not been reached (para. 1 of this norm). The following paragraph of the said article already specifies the principle of good faith. In general, following the general allowable nature of the method of civil law regulation, the legislator establishes the freedom to negotiate, does not limit the possibility of negotiating with several counterparties at once and leaves the risks associated with failure to achieve success in negotiations to each of their participants, establishing only the obligation to negotiate in good faith. Paragraph 3 of Article 434.1 of the Civil Code of the Russian Federation establishes that a party that conducts or interrupts negotiations on the conclusion of an agreement in bad faith is obliged to compensate the other party for the losses caused. Losses compensable by an unscrupulous party are recognized as the expenses incurred by the other party in connection with the negotiation of the contract and the loss of the opportunity to conclude a contract with a third party.

The theoretical understanding of the provisions of the Civil Code of the Russian Federation on pre-contractual liability, as well as the use of rich foreign experience, allows putting forward at least two opposite theories:

– the non-contractual nature of the relationship and the tort nature of the liability, meaning that the liability arises from the injury (hence the tort rules will be applied subsidiarily);

– pre-contractual liability involves a breach of a special pre-contractual obligation, the content of which is the duty of good conduct at the negotiating stage (then the general provisions on obligations apply subsidiarily).

There are arguments in favor of both positions. For example, the obligatory nature of pre-contractual relations is also indicated by the place in the Civil Code of the Russian Federation of the norm itself on negotiating and pre-contractual liability. Establishing the obligation to conduct in good faith when entering into negotiations may already indicate legislative regulation of the very stage of negotiations, and not only the settlement of the issues related to damages. A supporter of this viewpoint is, for example, A. Khvoshchinsky. The author wonders about the possibility of recognizing the existence of the implied negotiating agreement¹⁴²⁵.

The arguments in favor of the tort nature of pre-contractual liability can be based on the method of determining losses named in Article 434.1 of the Civil Code: only negative interest is protected, the parties should be put in the original position, which, of course, is feature of compensation for non-contractual damage. There are authors supporting this position.¹⁴²⁶ It is possible to justify the non-contractual nature of liability for violation of negotiations on the basis of the theory of the existence of obligations outside the legal relationship¹⁴²⁷. The essence of this theory is that the obligation to behave in good faith is established by the law itself and exists for all participants in civil traffic. For violation of this obligation, the law provides for a measure of responsibility – compensation for losses.

Similarly, E.A. Krasheninnikov, Yu.V. Baigusheva expressed an “intermediate” theory: pre-contractual liability cannot be defined either as tort liability or as contractual liability, and since the basis for the occurrence of responsibility for *culpa in contrahendo* is a violation of an obligation, which, like a contractual obligation, binds certain persons by name and arises as a result of the commission of lawful will actions, this responsibility can be applied by analogy of the rules on contractual liability¹⁴²⁸. Thus, according to the authors, this type of responsibility cannot be directly attributed to either tort or contract one, but nevertheless it is closer to contract responsibility, since the authors consider the possibility of applying these rules by analogy.

¹⁴²⁵ Khvoshchinsky A. In search of a negotiating treaty // *Biznes-advokat*. – 2000. – No. 1.

¹⁴²⁶ The Clarifications of the Supreme Court of the Russian Federation on Fundamental Issues of Application of Intellectual Property Law (2016) / Goltsblat BLP Law Firm, Dispute Resolution Practice, Intellectual Property, Commercial Practice, Projects // SPS “ConsultantPlus”. – URL: <https://www.consultant.ru/> (Accessed on September 9, 2023).

¹⁴²⁷ Genkin D.M. Ownership as an absolute subjective right // *Sovetskoe gosudarstvo i pravo*. – 1958. – No. 6. – P. 97.

¹⁴²⁸ Krasheninnikov E.A., Baigusheva Yu.V. Obligations in the conduct of pre-contractual negotiations // *Vestnik VAS RF*. – 2013. – No. 6. – P. 85.

Conclusion. The article size does not allow dwelling in more detail on the analysis of pre-contractual relations. However, based on the doctrinal concept of obligation, the characteristics of pre-contractual relations (personification of negotiators, manifestation of the will to enter into negotiations), one can conclude that these relations, firstly, are regulated by law, secondly, they are not just a legal relationship, but an obligation. The basis for such an obligation is certain actions of the negotiating partners. As such, any action that is sufficiently definite and expresses the intention of a person to consider himself negotiating with the addressee who will perform the same sufficiently defined action in response may be considered.

These characteristics suggest that pre-contractual liability involves a breach of a special pre-contractual obligation, the content of which is the duty of good conduct at the negotiating stage. This means that if the rules of Article 434.1 of the Civil Code of the Russian Federation are not sufficient, it will be necessary to apply the general provisions of the Civil Code of the Russian Federation on obligations.

§ 9. Developing intellectual property legislation in the Russian Federation and France

Introduction. It is impossible to overestimate the impact of intellectual property legislation on the development of science and technology, as well as creative activity in the Russian Federation. As such, the involvement of representatives of the Russian Academy of Sciences (hereinafter – the RAS) in the creation and use of intellectual outcomes in various fields, as well as the development of the RAS academic school for civil law, is extremely important. Its scientific advancements, the works of its scientists¹⁴²⁹ contribute to the further development of the science of intellectual property law, as well as legislation and law enforcement in this relatively new branch of civil law.

It has been about twenty times that part 4 of the Civil Code of the Russian Federation has been amended over the last few years (after the adoption of changes in 2014 as part of the reform of the Russian Civil Code, which affected most institutions of intellectual property law¹⁴³⁰), ranging from tightening control over

¹⁴²⁹ Yakovlev V.F. Selected works. Vol. 2: Civil Law: History and Modernity. Book 1. – Moscow: Statut, 2012. – 976 p.; Yakovlev V.F. Interview. Intellectual property legislation codified! // JeZh-Jurist. – 2007. – No. 1; Yakovlev V.F., Makovsky A.L. On the fourth part of the Civil Code of Russia // Zhurnal rossijskogo prava. – 2007. – No. 2 (122). – P. 3-13.

¹⁴³⁰ The Federal Law No. 35-FZ on Amending Part I, II and IV of the Civil Code of the Russian Federation and Certain Legislative Acts of the Russian Federation dated 12 March 2014 // Sbornie zakonodatel'stva RF. – 2014. – No. 11. – Art. 1100.

collective management of copyright and associated rights¹⁴³¹ to novelties in the legal regime of intellectual activity outcomes resulting from state or municipal contracts¹⁴³². Additionally, the rulings of the Constitutional Court of the Russian Federation are important, especially in recognizing the norms that do not fully comply with the Constitution of the Russian Federation¹⁴³³ and require appropriate changes. International issues play a crucial role in regulating intellectual property relations as well. In recent years, the Russian Federation has become a party to the Geneva Act of the Lisbon Agreement for the Protection of Appellations of Origin and their International Registration (Lisbon, October 31, 1958)¹⁴³⁴, Marrakesh Treaty to Facilitate Access to Published Works for Persons Who Are Blind, Visually Impaired or Otherwise Print Disabled (Marrakesh, June 27, 2013)¹⁴³⁵, Geneva Act of the Hague Agreement Concerning the International Registration of Industrial Designs (Geneva, July 2, 1999)¹⁴³⁶ and other international treaties.

Main research. Inclusion of the regulations on geographical indications in the Civil Code of the Russian Federation through the Federal Law No. 230-FZ

¹⁴³¹ The Federal Law No. 319-FZ on Amending Part IV of the Civil Code of the Russian Federation dated 14 November 2017 // *Sobranie zakonodatel'stva RF.* – 2017. – No. 47. – Art. 6845.

¹⁴³² The Federal Law No. 456-FZ on Amending Part II and IV of the Civil Code of the Russian Federation and Invalidating Legislative Acts (Certain Provisions of Legislative Acts) of the Russian Federation dated 22 December 2020 // *Sobranie zakonodatel'stva RF.* – 2020. – No. 52 (part I). – Art. 8602.

¹⁴³³ For example, the rulings of the Constitutional Court of the Russian Federation No. 8-P dated 13 February 2018 “In the case of checking the constitutionality of the provisions of paragraph 4 of Article 1252, Article 1487 and paragraphs 1, 2 and 4 of Article 1515 of the Civil Code of the Russian Federation in connection with the complaint of PAG LLC” // *Sobranie zakonodatel'stva RF.* – 26.02.2018. – No. 9. – Art. 1435; No. 28-P dated 13 December 2016 “In the case of checking the constitutionality of subparagraph 1 of Article 1301, subparagraph 1 of Article 1311 and subparagraph 1 of paragraph 4 of Article 1515 of the Civil Code of the Russian Federation in connection with the requests of the Arbitration Court of the Altai Territory” // *Sobranie zakonodatel'stva RF.* – 26.12.2016. – No. 52 (Part V). – Art. 7729; No. 40-P dated 24 July 2020 “In the case of checking the constitutionality of subparagraph 2 of paragraph 4 of Article 1515 of the Civil Code of the Russian Federation in connection with the request of the Fifteenth Arbitration Court of Appeal” // *Sobranie zakonodatel'stva RF.* – 2020. – No. 32. – Art. 5362, etc.

¹⁴³⁴ The Executive Order No. 748-r of the Government of the Russian Federation on the Participation of the Delegation of the Russian Federation as an Observer in the Diplomatic Conference on the Adoption of a New Act of the Lisbon Agreement for the Protection of Appellations of Origin and their International Registration dated 28 April 2015 // *Sobranie zakonodatel'stva RF.* – 2015. – No. 18. – Art. 2761.

¹⁴³⁵ The Federal Law No. 369-FZ on the Accession of the Russian Federation to the Marrakesh Treaty to Facilitate Access to Published Works for Persons Who Are Blind, Visually Impaired or Otherwise Print Disabled dated 5 December 2017 // *Sobranie zakonodatel'stva RF.* – 2017. – No. 50 (part III). – Art. 7540.

¹⁴³⁶ The Federal Law No. 55-FZ on the Ratification of the Geneva Act of the Hague Agreement Concerning the International Registration of Industrial Designs dated 3 April 2017 // *Sobranie zakonodatel'stva RF.* – 2017. – No. 15 (part I). – Art. 2130.

dated 26 July 2019 on Amendments to Part IV of the Civil Code of the Russian Federation and Articles 1 and 23.1 of the Federal Law on State Regulation of the Production and Circulation of Ethyl Alcohol, Alcoholic and Alcohol-Containing Products and on Limiting Consumption (Drinking) of Alcoholic Beverages set the prerequisites for the accession of the Russian Federation to the Geneva Act of the Lisbon Agreement on Appellations of Origin and Geographical Indications on December 31, 2022, providing that holders of the exclusive rights to appellations of origin of goods and geographical indications have the opportunity to seek protection in several countries by submitting one application in one language (through Rospatent to the WIPO International Bureau that registers an indication in the international register and transfers information about it to other national departments), which reduces the cost of international registration. The Art. 8 of the Geneva Act of the Lisbon Agreement on Appellations of Origin and Geographical Indications (hereinafter – the Geneva Act)¹⁴³⁷ states that international registrations shall be valid indefinitely, on the understanding that the protection of a registered appellation of origin or geographical indication shall no longer be required if the denomination constituting the appellation of origin, or the indication constituting the geographical indication, is no longer protected in the Contracting Party of Origin.

By the beginning of 2022, 36 participants had signed up for the Geneva Act, including the European Union as a whole from February 26, 2020, and France from April 21, 2021. There can be no doubt that France was among the first countries to create the institution of geographical indications. In European countries, geographical indications of origin have been used since the 15th century, when the French parliament approved a decree to regulate the production of Roquefort cheese¹⁴³⁸. With its champagne, cognac, camembert, and foie gras, France has sometimes been called the driving force behind the Lisbon Agreement¹⁴³⁹. Currently, the main intellectual property law in France is the Intellectual Property Code or Code de la propriété intellectuelle (Act No. 92-597 of July 1, 1992, as amended by Act No. 2020-1674 of December 24, 2020, on research programming for the period 2021 to 2030, establishing various provisions relating to research and higher education), consisting of a legislative part and a regulatory part (clarifications of certain provisions of the legislative part). The codified nature of

¹⁴³⁷ Geneva Act of the Lisbon Agreement on Appellations of Origin and Geographical Indications and Regulations Under the Geneva Act of the Lisbon Agreement // WIPO. – URL: https://www.wipo.int/edocs/pubdocs/en/wipo_pub_239.pdf (Accessed on September 5, 2023).

¹⁴³⁸ Androshchuk G.A. Wine of contention, or Endless dispute about the Tokaj region // IS. Promyshlennaja sobstvennost'. – 2017. – No. 4. – P. 59-68.

¹⁴³⁹ Gavrilov E.P. How to protect the appellations of origin of goods and geographical indications // Patenty i licenzii. – 2017. – No. 5. – P. 9-14.

the French Code makes it similar to the Russian law. However, unlike the Russian Civil Code of the Russian Federation, the French Code does not include general and special parts, and its interbranch nature makes it unique, since it includes provisions not only of civil law but also of criminal law, administrative law and procedural law.

Legislation on geographical indications of France is presented in a separate section of the Intellectual Property Code (section II of volume VII, consisting of 2 chapters), according to article L.721-2 of which a geographical indication is the appellation of a geographical area or specific place used to designate a product other than agricultural, forest, food or marine, occurring there and having a special quality, reputation or other features associated with this geographical object.

For the purposes of applying this chapter, geographic indication shall be understood according to new article L.722-1:

- 1) appellations of origin as defined in Article L.115-1 of the Consumer Code;
- 2) geographical indications defined in Article L.721-2;
- 3) appellations of origin and geographical indications protected by European Union law.

Therefore, geographical indications cover the appellations of origin of goods, both in France and in EU member states. Similarly, Russian legislation follows this ratio. The Art. 1516 of the Civil Code of the Russian Federation stipulates that, unless otherwise stated, the rules of the Code on Geographical Indications apply to the appellations of origin of goods.

Detailed information about the protection of the exclusive rights to geographical indications can be found in the chapter on judicial procedures. According to Article L.722-1 of the Intellectual Property Code, any breach of the exclusive right to a geographical indication occurs when goods whose provision causes or may cause damage are produced, supplied, sold, placed on the market, imported, exported, processed, used or stored for these purposes in violation of protection granted to the geographical indication by European Union or national law. There are many measures provided for by the French Code to protect geographical indications, including both procedural and material measures, as well as preliminary injunctions (Art. L.722-3). French legislation does not provide for the recovery of compensation, as defined in paragraph 2 of Art. 1537 of the Civil Code of the Russian Federation, but at the same time, when determining the amount of damage, the court takes into account the negative economic consequences of counterfeiting, including lost profit and damage suffered by the affected party, moral damage to the latter, profits made by the offender, including savings in intellectual, material and advertising investments, which the latter received from counterfeiting. As an alternative, the court may award a lump sum of damages at

the request of the injured party. This amount does not include compensation for moral damage (Art. L.722-6).

Since both France and the Russian Federation are members of almost all international treaties in the field of intellectual property, many provisions in the French legislation concerning copyright, related rights, patent rights, and rights to means of individualization are similar to those in the Russian legislation. Nevertheless, there are some differences related to the EU's laws, which have left their mark on the Intellectual Property Code.

Thus, for instance, Art. L.113-10 of the French Code defines the legal regime of orphan works¹⁴⁴⁰. Directive 2012/28/EU of the European Parliament and of the Council of 25 October 2012 on certain permitted uses of orphan works (hereinafter – Directive No. 2012/28/EU) contains certain rules for the use of the works not determined by the copyright subject by publicly accessible libraries, educational establishments and museums, as well as archives, film or audio heritage institutions and public-service broadcasting organizations located in the EU Member States to achieve the socially significant goals set for them. Under the Intellectual Property Code, an orphan work is a protected and made public work whose copyright holder cannot be identified or found despite careful, verified and serious research. The work is not considered ownerless when it has more than one copyright holder and one of them is identified and found. Chapter V of the first book provides for special provisions regarding certain uses of works whose authors are unknown (articles L.135-1-L.135-7), i.e. orphaned and introduced by Law No. 2015-195 dated 20 February 2015 on Various Provisions for Adaptation to European Union Legislation on Literary and Artistic Property and Cultural Heritage adopted on the basis of Law No. 2012-287 dated 2 March 2012 on the Digital Use of Inaccessible Books of the 20th Century. Thus, orphan works include works published in the form of books, magazines, newspapers, magazines or other works included in the collections of publicly accessible libraries, museums, archives, film or audio heritage institutions, or educational institutions, except for photographs and static images, which exist as independent works, as well as audiovisual or sound works that are part of these collections or produced by public-service broadcasting organizations before January 1, 2003 and are part of their archives. Furthermore, Directive No. 2012/28/EU makes no exceptions for photographs and still images, given that many orphan works in many European countries are photographs, whose authors are difficult to identify. In accordance with the Directive, the organizations (publicly accessible libraries, educational institutions and museums, archives, film

¹⁴⁴⁰ Article L.113-10 of the Intellectual Property Code of France // Légifrance. – URL: https://www.legifrance.gouv.fr/codes/article_lc/LEGIARTI000025433168#:~:text=L'%C5%93uvre%20orpheline%20est%20une,recherches%20diligentes%2C%20av%C3%A9r%C3%A9es%20et%20s%C3%A9rieuses (Accessed on September 5, 2023).

or audio heritage institutions, public-service broadcasting organizations established in the EU states) are entitled to use orphan works by reporting for public information, reproducing them using digitization, making available, indexing, placing them in a catalog, saving or restoring them, including for generating income. If the author of an orphan work is identified during the period of exclusive rights, he/she can terminate the specified legal regime of the work and receive appropriate compensation for the entire period of use of the work until the termination of the orphan regime.

In the annex to the Directive, there is a minimum list of registries that are created for works or phonograms and are established by each EU member state following consultations with copyright holders. For example, in relation to published books, it is the base of the information body depositing works, library catalogs and registers of authors who maintain libraries and other institutions, associations of publishers and authors in the respective country, existing databases and registries, WATCH (Writers, Artists and Their Copyright Holders), etc.¹⁴⁴¹

There are currently no mechanisms in place in the Russian Federation to solve the problem of works whose author cannot be identified. In order to determine the legal regime for orphan works, it is necessary to distinguish between works for which the author cannot be identified. For example, there are many photographs whose author is unknown and works whose author is known, but its location cannot be determined. For the former, there is the possibility that these works have become public domain, and so can be used without the permission of the copyright holder and without payment of compensation. Regarding the latter, it might be possible to recognize a citizen as a missing person, but this would probably be a rather complicated procedure given the necessity and expediency of using the author's work. In the Methodological recommendations for classifying archival documents as objects of copyright and related rights, granting access to them and regulating the use of such documents approved by Rosarchiv¹⁴⁴², orphan works are defined as works protected by copyright, but at the same time their author cannot be identified, and any use of orphan works entails a certain risk, as the author or other copyright holder can go to court claiming violation of copyright and related rights.

It would obviously be most effective to establish a database of works with unidentified copyright holders by analogy with the European Orphan Works

¹⁴⁴¹ Ruzakova O.A., Grin E.S. Application of blockchain technology in systematizing the results of intellectual activity // Vestnik Permskogo universiteta. Juridicheskie nauki. – 2017. – No. 4. – P. 508-520.

¹⁴⁴² Methodological recommendations for classifying archival documents as objects of copyright and related rights, granting access to them and regulating the use of such documents (approved by Rosarchiv) // SPS “ConsultantPlus”. – URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_299006/ (Accessed on September 5, 2023).

Database¹⁴⁴³, as well as to utilize the collective rights management capabilities of organizations, including accreditation in terms of rights management for orphan works.

Significant changes in Russian legislation on intellectual property in recent years have also affected fine art authorship rights. According to the Federal Law No. 381-FZ on Amending Article 1293 of Part IV of the Civil Code of the Russian Federation dated 5 December 2017, the list of cases where the author exercises the resale right was expanded - the author of the original work of fine art acquired the right to receive remuneration for each resale of the original work in which a legal entity or individual entrepreneur participates not only as an intermediary but also as a buyer or seller. The French Intellectual Property Code (Art. L.122-8)¹⁴⁴⁴, as amended by Resolution No. 2016-1823 dated 22 December 2016, regulates in sufficient detail the resale right (right to follow in Russian), which applies to EU citizens for similar transactions when a professional in the art market acts as a seller, buyer or intermediary. By way of derogation, this right does not apply if the seller purchased the work directly from the author less than three years before the sale and the sale price does not exceed 10,000 euros. The regulatory part of the French Code explains which works are subject to the resale right. Under Art. R.122-3, original graphic or plastic works means paintings, applications, other works of painting, drawings, etchings, prints, lithographs, sculptures, tapestries, ceramics, dishes, photographs, and plastic works on audiovisual or digital media, which is a much broader list than the “Russian right to follow”. Furthermore, the resale right is somewhat more regulated than the right to follow. Sellers are responsible for resale rights. Generally, the professional involved in the sale is responsible for paying for it, and if the sale occurs between two professionals, the seller is responsible for paying for it. The named persons shall provide the author or the organization performing the collective management of the resale right with all information necessary to calculate the amounts due under the resale right within three years.

There are four volumes covering industrial property law in the French Intellectual Property Code, part two of its legislative part, which covers administrative and professional organizations, industrial designs, protection of inventions and technical knowledge, trademarks, service marks, and other distinctive designations, geographical indications, application in overseas territories and Mayotte.

¹⁴⁴³ Dmitrieva G.K., Lutkova O.V. National mechanisms of regulation of cross-border copyright relations aimed at protection of orphan works // *Lex russica*. – 2019. – No. 11. – P. 18-29.

¹⁴⁴⁴ Article L.122-8 of the Intellectual Property Code of France // *Légifrance*. – URL: https://www.legifrance.gouv.fr/codes/article_lc/LEGIARTI000006278924/1994-05-11#:~:text=Les%20auteurs%20d'oeuvres%20graphiques,'interm%C3%A9diaire%20d'un%20commer%C3%A7ant (Accessed on September 5, 2023).

In France and the Russian Federation, recent changes in their industrial property laws are related to their accession to international treaties. Thus, on October 2, 2017, Federal Law No. 55-FZ on Ratification of the Geneva Act of the Hague Agreement on International Registration of Industrial Designs entered into force, which provides for a mechanism for obtaining, maintaining and managing industrial design rights in the member states of the Hague Union by submitting one international application to the WIPO International Bureau. Based on the application, one international registration is carried out, which is valid in each Member State. The Geneva Act was signed back in July 1999, more than 50 states and their associations are parties to it, particularly the European Union and its participants, including France. Further, in order to improve legislation on industrial designs and protect the rights of fashion designers and other creative professionals in 2019, the Federal Law No. 549-FZ on Amending Part IV of the Russian Civil Code dated 27 December 2018¹⁴⁴⁵ introduced provisions regarding deferred publication of industrial design applications and temporary legal protection of these designs. The temporary legal protection lasts from the date of publication of information about the application to the date of publication of information regarding the issuance of the patent. The person who used the industrial design during the period of temporary legal protection must pay compensation after the patent is granted. The above-mentioned law took into account the experience of the European Union, and France in particular, when it was adopted, which defines two systems for protecting an industrial design: by registering it and extending its protection to 25 years. The second system for protecting industrial designs is valid for the unregistered objects and was created specifically for those industrial designs that are in demand for a fairly limited period of time (quickly obsolete morally, its commercial life is quite short. To this end, unregistered industrial designs that have become publicly available in the EU are provided with legal protection without any formalities, as well as without paying duties simultaneously in the territory of all 15 EU countries. At the same time, the first disclosure of information about an industrial design should occur within the territory of the European Union¹⁴⁴⁶.

The French Intellectual Property Code also enshrines the division of industrial model protection regimes into complete and simplified ones. According to Art. L.512-1 of Intellectual Property, an industrial design is protected in a simplified mode for three years by postponing its publication in the official bulletin of industrial property. The applicant must inform the publisher of his desire for publication six months before the expiration of the 3-year period if he wishes to obtain generally accepted protection. It is a positive feature of this legislative

¹⁴⁴⁵ Sobranie zakonodatel'stva RF. – 2018. – No. 53 (part I). – Art. 8475.

¹⁴⁴⁶ Fabrichniy S.Yu., Ruzakova O.A. Novels of legislation on industrial designs // Patenty i licenzii. – 2019. – No. 2. – P. 12-19.

decision that the applicant, after the specified 3-year period has expired, is given the opportunity to resolve the issue of subsequent legal protection. This regime corresponds to the seasonal nature of the fashion industry. Fashion designers' rights are protected by special regimes in most foreign countries, as evidenced by France's experience as the first country to provide them with special protection¹⁴⁴⁷.

Conclusion. Thus, the legislation of the Russian Federation and France has certain similarities in regulating most relations covering intellectual activity and means of individualization, such as industrial designs and geographical indications. It is advantageous for Russian manufacturers to become members of international treaties and study the experiences of foreign countries in regulating these relations, as they gain fame for Russian "brands", manufacturers of industrial products, simplify their protection abroad and create new economic opportunities for the country's regions.

Taking into account the proximity of the legal systems of the Russian Federation and France and the degree to which the regulation of intellectual property rights is codified, further mutual study of intellectual property institutions and borrowing positive experiences from legislation and law enforcement in both countries, in particular in the field of protecting works with an unidentified copyright holder, design products as industrial designs, etc. seem justified.

§ 10. The role of the Ural school of labor law in the development of the Soviet and modern science

Introduction. The concept of "scientific school" is ambiguous. Firstly, it is understood as the institutional formation of the scientific positions system, as well as the scientific community, which shares these positions in a certain scientific field, formed under the influence of their leaders, the scale of erudition, the range of interests and the uniqueness of the work style of this scientific community are of paramount importance in attracting followers¹⁴⁴⁸. Secondly, a significant number of scientists understand the scientific school as a group of scientists united by unified methodological approaches in solving scientific problems; as a process of developing a research program and choosing ways to solve scientific problems; as ways of training new scientists, improving their qualifications¹⁴⁴⁹. Also, a scientific

¹⁴⁴⁷ Grin E.S. Selected issues of using the results of creative activity as part of complex objects of intellectual rights // *Lex russica*. – 2018. – No. 10. – P. 50.

¹⁴⁴⁸ Kvanina V.V. Concept and signs of the school of science // *Bulletin of the University named after O.E. Kutafin*. – 2016. – No. 11 (27). – P. 38.

¹⁴⁴⁹ Aronov D.V., Sadkov V.G. "Scientific (scientific and pedagogical, creative) school" in the system of the Russian higher education // *Bulletin of higher educational institutions. Volga region. Humanities*. – 2014. – No. 2 (30). – P. 243.

school in a narrow sense is understood as a research team¹⁴⁵⁰. Besides, the scientific school is also determined by the socio-cultural component - the social and cultural environment in the city or town where the educational establishment or scientific institutions are located¹⁴⁵¹.

Thus, the scientific school is a research team, which includes scientific leaders and their students, who are united by a commonality of methodological approaches and research programs located in a certain place (educational establishment, scientific institution).

Researchers note that at present, a number of established regional branches of the all-Russian school of labor law can be distinguished: Moscow, St. Petersburg (Leningrad), Yaroslavl, Sverdlovsk (Yekaterinburg), Siberian (Omsk and Tomsk), Perm, Kazan schools of labor law¹⁴⁵².

Main research. Ural school is one of the most dynamically developing schools. It has its own scientific and pedagogical “face”, corporate style. Having arisen on the basis of the Department of collective farm, land and labor law of the Sverdlovsk Law Institute (SLI), it continues to exist on the basis of the Department of labor law of the SLI, formed in 1964, and later it was transformed into the Ural State Law Academy (UrSLA), and today it is the Ural State Law University (UrSLU). Within the framework of this school, research areas have been identified, where its representatives are largely pioneers and take leading positions.

Further, it is advisable to dwell on the analysis of the scientific activities of key figures of the Ural School of Labor Law.

Boris Konstantinovich Begichev (1924-1986) was born in Orenburg in a working-class family. In 1941, he graduated from the school with honors and volunteered to the Red Army, where he became a sniper on the Leningrad Front. He also fought on the Volkhov and Baltic fronts, and participated in the storming of Königsberg. In 1946, after a year of disability retirement, he entered the law faculty of Moscow State University, which he graduated with honors in 1951. After graduation, he was left for postgraduate studies at the Labor Law Department. In 1953, he defended his Candidate’s thesis on the topic “Issues of legal regulation of labor in the coal industry of the USSR”.

At the end of postgraduate school, he was sent to work at the Sverdlovsk Law Institute, and in 1964 he was elected to be a Head of a newly formed Labor law

¹⁴⁵⁰ Yaroshevsky M.G. Logic for the development of science and a scientific school // Schools in science. – Moscow: Nauka, 1977. – P. 63.

¹⁴⁵¹ Lushnikov A.M. About the Perm school of labor law // Bulletin of the Perm University. – 2010. – No. 1 (7). – P. 8.

¹⁴⁵² Lushnikov A.M., Lushnikova M.V. Russian school of labor law and the right for social security: portraits against the time background (comparative and legal research). – Yaroslavl: YarGU, 2010. – 364 p.

department which separated from the Department of collective farm, land and labor law, and so, he became its first Head.

Gradually, the scientist's attention is dwelt upon the problems of the worker's labor legal capacity, and the result of his many years of research was the fundamental monograph "Labor legal personality of Soviet citizens", which is still one of the profound and most sought-after works on this problem. In 1975, he defended his doctoral dissertation on the topic "Workers and employees as subjects of labor law", and in 1978 became a professor.

Boris Konstantinovich was a supporter of the idea of legislative consolidation of the institution of representation in labor law, delimited labor and civil legal personality, and substantiated subjective differentiation in labor law. This problem became one of the dominants for the Department of labor law: thesis for Candidate of Sciences in Law by V.S. Kolevatova, P. Mordvinov, E.N. Starodubskaya, Z.K. Ilyinykh were devoted to the peculiarities of the legal position of certain categories of workers.

B.K. Begichev supervised 12 theses for Candidate of Sciences in Law, two of whom became Doctors of Sciences (M.V. Molodtsov, V.D. Mordachev), and his disciple M.V. Molodtsov became his successor as a Head of the department. The scientist published 75 scientific papers, co-edited and co-authored a textbook on labor law, which is still considered to be one of the best in the Soviet period¹⁴⁵³.

Since the late 1960s, the development of the Ural School of Labor Law has been inextricably linked with the name of Mstislav Viktorovich Molodtsov (1928-2007). He was born in the village of Uktuz of Berdyuzhsky District, Tyumen Region, in the family of an official. In 1951, he graduated from the Sverdlovsk Law Institute and was sent to work in the coal industry, where he was first a legal adviser and then an assistant for personnel of the manager of the Volchanskugol' Trust. In 1962, M.V. Molodtsov returned to his native institute to work and started teaching. In 1967, under the leadership of B.K. Begichev, he defended his thesis on the topic "Legal regulation of the use of public consumption funds by workers and officials", and since 1968 he had headed the Labor Law Department there. During this period, he is actively engaged in the problems of the theory of labor law, he writes monographs¹⁴⁵⁴. In 1983, the scientist defended his doctoral dissertation on the topic "Theoretical problems of the Soviet labor law system".

Mstislav Viktorovich was as the head of the department until 1994, and then was re-elected to this position in 2000, held it until 2006.

¹⁴⁵³ Begichev B.K., Zaykin A.D. (eds.). Soviet labor law. – Moscow: Yurid. lit., 1985. – 552 p.

¹⁴⁵⁴ Molodtsov M.V., Soyfer V.G. Stability of labor legal relationships. – Moscow: Yurid. lit., 1976. – 238 p.; Molodtsov M.V. System of the Soviet labor law and system of the legislation. – Moscow: Yurid. lit., 1985. – 175 p.

The scientist supervised more than 20 theses for Candidate of Sciences in Law, 5 Doctors of Sciences (S.Yu. Golovina, V.I. Popov, N.M. Salikova, V.D. Shakhov, S.A. Dimitrova). M.V. Molodtsov is the author of more than 100 scientific papers, including 5 monographs. He is a co-author of the draft Labor Code of Kyrgyzstan and, as an expert consultant, participated in the preparation of the Labor Code of the Republic of Belarus.

Vasily Dmitrievich Shakhov (1951-2000) was the student of M.V. Molodtsov. He was born in the Arkhangelsk region. In 1972 he graduated from the Sverdlovsk Law Institute, studied in full-time postgraduate school, and in 1975 defended his thesis “Legal guarantees in labor law and their effectiveness”. In 1991, Shakhov defended his doctoral dissertation “Mechanism of self-government by the labor team (organizational and legal problems)”. From 1994 until his death on June 21, 2000, he had been heading the Department of Labor Law. For 20 years, Vasily Dmitrievich had been the author and TV host of the Sverdlovsk television programs on legal issues. Over the years of his activity at the department, he had published more than 100 scientific papers. Professor V.D. Shakhov was the scientific secretary of the dissertation council at the Ural State University, a member of the dissertation councils at Perm State University and Kazakh State Law University, an expert of the Legislative Assembly of the Sverdlovsk Region, a member of the scientific advisory council at the Arbitration Court of the Sverdlovsk Region. He was awarded two medals, an honorary badge “For Success in Higher Education”. In his works, he analyzed aspects of social partnership, including the participation of workers in the management of the organization. Early death did not allow his talent to be fully realized¹⁴⁵⁵.

Professor, Doctor of Sciences in Law Svetlana Yuryevna Golovina, who headed the department in 2006, continued the development of the Ural School of Labor Law. In 2019 S. Yu. Golovina was awarded the title “Honored Lawyer of the Russian Federation” for her merits in the development of legal sciences and the training of legal personnel. S.Yu. Golovina is the author of more than 150 papers. Her dissertation for the degree of Doctor of Sciences in Law and the monograph “Conceptual Apparatus of Labor Law”¹⁴⁵⁶ was the basis for legislative activity. Under the leadership of S.Yu. Golovina more than 20 theses for Candidate of Sciences in Law were defended, as well as 3 doctoral dissertations.

S.Yu. Golovina takes an active part in discussing the problems of labor law at international and domestic platforms. At the invitation of the ILO Bureau in

¹⁴⁵⁵ Shakhov V.D. The legal basis for the election of leaders: problems of application and development // Law. – 1988. – No. 5. – P. 14-18; Shakhov V.D. Powers of the labor collective: content, types, implementation mechanism. – Sverdlovsk: SYuI, 1989. – 84 p.

¹⁴⁵⁶ Golovina S.Yu. Conceptual apparatus of labor law. – Yekaterinburg: Publishing house of UrSLA, 1997. – 178 p.

Moscow, she participated in the National Tripartite Seminar on Labor Law Reform in Russia (April 24-25, 2003) with the report “Problems of observance of legislation on wages”.

At the invitation of the Committee on Labor and Social Policy of the State Duma of the Russian Federation, she made reports at parliamentary hearings: “Problems of improving labor legislation and its application” (November 2002), “Prospects for the ratification by the Russian Federation of ILO Convention No. 181 and problems of legal regulation of “borrowed labor” (May 2004), “Development of Russian legislation in the social sphere: prospects for further ratification by the Russian Federation of the International Labour Organization (ILO) Conventions” (October 2009). In 2002-2003 she was a member of the working group of the State Duma of the Russian Federation on the development of a draft law on amendments and additions to the Labor Code of the Russian Federation. Currently, he is a member of the permanent working group of the State Duma Committee on Labor, Social Policy and Veterans’ Affairs to summarize law enforcement practices and prepare proposals for further improving labor legislation.

At the invitation of the European Association of Labor and Social Security Law, she participated in the VIII European Congress on Labour and Social Security Law (Bologna, Italy, September 2005), in the IX European Congress on Labour Law and Social Security Law (Freiburg, Germany, September 2008), in the X European Congress on Labour Law and Social Security Law (Seville, Spain, September 2011).

In 2009-2010, she was the head of the scientific team that, on behalf of the Interparliamentary Assembly of the EurAsEC, developed Recommendations on harmonization of the labor legislation of the EurAsEC member states and the Concept of the Fundamentals of the EurAsEC labor legislation (approved by resolutions No. 10-13 of the EurAsEC IPA dated 13 May 2009 and No. 8 dated 27 October 2010). Since 2007, she has been the head of the expert group on labor law and social security law of the European-Asian Legal Congress, held annually by the Association of Lawyers of Russia and UrSLA in Yekaterinburg.

The Ural School of Labor Law is represented by Natalya Mikhailovna Salikova, Doctor of Sciences in Law, Professor of the Department of Labor Law of the Ural State Law University. N.M. Salikova is the author of more than 60 publications and 5 monographs, she supervises postgraduate students of the department. Her dissertation for Doctor of Sciences in Law degree “Legal Regulation of Wages in the Russian Federation: Issues of Theory and Practice” (2003) was the first voluminous study on wages in the post-Soviet period, during the period of the steady market economy. Her monograph was published on the

basis of the dissertation¹⁴⁵⁷. N.M. Salikova is a recognized specialist in the issues of wages of employees. Professor N.M. Salikova from January 2007 to June 2009 had been a member of the Expert Council of the Ural Institute of Regional Legislation. It should be noted that Natalya Mikhailovna is a member of the editorial boards of a number of leading scientific journals, for example, “Russian Annual Book of Labor Law”, “Labor Law in Russia and Abroad”, “Russian Legal Journal”, “Russian Law: Education, Practice, Science”, “Business, Management and Law”, etc.

The representative of the Ural School of Labor Law is a Doctor of Sciences in Law Miron Alexandrovich Zhiltsov. M.A. Zhiltsov is the author of more than 100 publications. Under his leadership, 3 theses for Candidate of Sciences in Law were defended. In 2011, M.A. Zhiltsov defended his thesis for the degree of Doctor of Sciences in Law on the topic “Defects in labor law and ways to overcome them”. Based on his dissertation study, a monograph was published¹⁴⁵⁸.

The Ural School of Labor Law does not stop growing with new doctors of sciences. So, in 2019, Yulia Valerievna Ivanchina defended her dissertation for the Doctor of Sciences in Law degree on the topic “Functions of labor law as a reflection of socially significant needs”, and in 2021 Elena Alexandrovna Istomina defended her dissertation for the Doctor of Sciences in Law degree on the topic “Impact of the concept of social risk on the legal regulation of social security”.

Professor Vladimir Shamilyevich Shaikhatdinov, Doctor of Sciences in Law, devoted his life to the development of science of social security law. V.Sh. Shaikhatdinov entered the postgraduate school of the Sverdlovsk Law Institute at the Department of Collective Farm and Land Law in November 1966, in 1969 he successfully defended his Candidate’s thesis on the topic “Legal regulation of collective farmers’ welfare”, and in 1986 – his doctoral dissertation on the topic “Theoretical problems of Soviet social security law”. From 2002 to 2018, Professor V.Sh. Shaikhatdinov had been the Head of the Department of social law, state and municipal service. During this time, he was engaged in the formation of the Department, the organization of its activities, the creation of a methodological and literary base for teaching, the deployment of scientific research in the field of social security, state and municipal service, training of undergraduates, postgraduate students and applicants, the strengthening and expansion of scientific relations with state authorities and local self-government. Under the leadership of Vladimir Shamilyevich, 24 dissertations were prepared and defended for the degree of Candidate of Sciences in Law. He published over 130

¹⁴⁵⁷ Salikova N.M. Wages in the Russian Federation. Legal research: Monograph. – Yekaterinburg: UrGYuA, 2003. – 362 p.

¹⁴⁵⁸ Zhiltsov M.A. Defects of labor law: monograph. – Yekaterinburg: UrSTU-UPI publishing house, 2010. – 312 p.

works on the problems of social protection of the population and the problems of state and municipal services, including the monographs “Theory of Social Security (Legal Analysis)”, “Theoretical Problems of Soviet Social Security Law”, textbooks “Social Security Law” (they have been published annually and reprinted by leading publishing houses in Russia since 2012), twelve textbooks. Currently, V.Sh. Shaikhatdinov is a Chief Researcher at the Office of Scientific Research and International Cooperation of Ural State Law University, a member of the dissertation council for the defenses of theses for Candidate of Sciences and Doctor of Sciences at Ural State Law University.

Representatives of the Ural School of Labor Law are constantly involved in legislative work. In the 1970-1990, they had been participating in working out of a number of drafts of federal laws: “About modification and additions in the Labor Code of the Russian Federation”, “About collective treaties and agreements”, “About labor unions, their rights and guarantees of activity”. Professors V.D. Shakhov and M.V. Molodtsov, Associate Professor Z.K. Ilyinykh were a part of the working group on preparation of the specified draft legislation. Associate Professor A.E. Sukharev in 1988 as a part of the experts’ group formed at the Council of Ministers of the USSR took part in the development of Fundamentals of the legislation of the USSR and the Union republics on rent. In 2014 on behalf of the rector’s office, the department prepared a commentary on the draft Federal Law “On the development of Siberia and the Far East” in terms of issues related to the regulation of labor relations.

Professors M.V. Molodtsov and V.D. Shakhov were coauthors of the concept of the Labor Code of Russia. In 90s the legislative assembly of Sverdlovsk region adopted the regional laws “About Social Partnership”, “On Regulation of Wages in Sverdlovsk Region”, “About Associations of Employers”, “About Protection of Labor Rights of Citizens on the territory of Sverdlovsk Region” and some others which were drafted by V.D. Shakhov, M.V. Molodtsov and S.Yu. Golovina. Professor M.V. Molodtsov took active part in legislative work on improvement of the labor law in a number of the CIS countries, in particular, he participated in development of the Labor code draft of the Kyrgyz Republic, in examination of the Labor code draft of the Republic of Belarus, for several years he was a member of advisory councils of Labor Committee of the State Duma of the Russian Federation and Legislative Assembly of Sverdlovsk region.

Professor S.Yu. Golovina at the invitation the Committee on Labor and Social Policy of the State Duma of the Russian Federation, made presentations at parliamentary hearings on the topics “Challenges of Improvement of the Labor Law and Practice of Its Application” (November, 2002), “The Prospects for Ratification by the Russian Federation of the ILO Convention No. 181 and a problem of legal regulation of “borrowed labor”” (May, 2004), “Development of the Russian legislation in the social

sphere: prospects for further ratification by the Russian Federation of the International Labour Organization Conventions (ILO)” (October, 2009). Svetlana Yurevna is a member of the permanent working group of the State Duma Committee on Labor, Social Policy and Veterans Affairs to summarize law enforcement practice and prepare proposals for further improvement of labor legislation.

The contribution into the development of science of the labor law by scientists of the Ural School is significant. So, in different years the teachers of Department of the labor law published dozens of scientific works in various magazines and editions, including foreign ones. Besides above-mentioned it is possible to note monographs: E.V. Kozina “Local regulation of wages: issues of the theory and practice”, A.E. Sukhareva “Actual problems of the Russian labor law”, Yu.I. Klepalova “Personnel management in an innovative environment”. A notable milestone in the scientific development of the department was the collective monograph “Labor Law in Russia: Problems of Theory”, written by professors S.Yu. Golovina, M.V. Molodtsov, N.M. Salikova; theses for Candidate of Sciences in Law: I.N. Basargin, R.F. Galieva, M.A. Zhiltsov, Yu.A. Zhiltsova, Yu.A. Kuchina, F.B. Shtivelberg, A.L. Shvedov, teacher E.V. Grin.

At the department of the social right, public and municipal services attached to department of the labor law in 2018 in the last decade, the following monographs were published: *Social security of migrant workers in Russia: legal issues* (I.V. Grigorieva), *Legal regulation of judges’ pensions provision in the Russian Federation* (A.S. Vasilyeva), *Social security of families with children in the Russian Federation (legal issues)* (L.V. Sotnikova), *Social protection of youth in the Russian Federation: legal aspects* (A.V. Medvedev), *Usage of the social security rules of law: theory and practice issues* (E.Yu. Govorukhina), *State social assistance to poor citizens: legal issues* (D.E. Kozhevnikova), *Social security of persons, victims of professional diseases, and members of their families: legal issues* (V.A. Agafonova), *Social protection of persons affected by radiation and technogenic catastrophes in the Russian Federation: legal issues* (E.V. Medvedeva), *Principles in law of social security* (A.V. Medvedev).

The department of the labor law develops scientific relationships with similar departments in the foreign universities, first of all, with the EEU countries and the former USSR ones: Eurasian national university named after L.N. Gumilev, Al-Farabi Kazakh National University, MITSO International university (Republic of Belarus), Kyrgyz National University named after J. Balasagyn, Baku State University. In particular, Professor M.V. Molodtsov was an associate editor of the magazine “Law” issued at the Baku University (Azerbaijan), repeatedly acted as the opponent to Master’s and doctoral dissertations there. From 1990s up to the death in 2007 he had been a member of dissertation council of the Kazakh State Law University (Almaty). In 2010-2012, Professor S.Yu. Golovina worked as a

member of dissertation council at the Eurasian National University named after L.N. Gumilev. She is also a foreign scientific consultant and provides scientific training management for PhD degrees at the mentioned university. She speaks as the opponent at defending theses at the Kyrgyz National University named after J. Balasagyn and the Eurasian National University named after L.N. Gumilev.

Scientific relations are being established with staff of related departments of the leading educational and research organizations of Russia – the departments of the labor law at Moscow State University named after Lomonosov, St. Petersburg State University, MSLU named after O.E. Kutafin, the Saratov State Law Academy, the Russian State University of Justice, the Omsk State University named after F.M. Dostoyevsky, Perm State National Research University, Udmurt State University, Tyumen State University, the Southern Ural State University, Institute of State and Law of the Russian Academy of Sciences and others.

Conclusion. The Ural School of Labor Law has all signs inherent to a scientific school. The school arose on the basis of the department of collective-farm, land and labor law of the Sverdlovsk Law Institute. In 1964 the department of the labor law was formed, and still exists, despite reorganization of the Sverdlovsk Legal Institute in the Ural State Law Academy, and then into the Ural State Law University. It is constantly evolving. Attention focus of the scientists representing it is constantly shifting towards the most pressing problems of labor law. But at the same time, invariable interest in deep problem of the labor law, the fundamental topics laid down by its founders, remains unchanged. Thus, the focus of scientific interests is concentrated on the following issues of the general part of labor law: differentiation of a subject of the branch and the area of labor law regulation, labor legal capacity and capacity to act, about the right to work (B.K. Begichev); the system of labor law and labor legislation, the structure of the subject of the labor law branch, measures to strengthen labor discipline (M.V. Molodtsov); bodies, powers and mechanism of self-government of the labor collective (V.D. Shakhov), conceptual apparatus of labor law (S.Yu. Golovina), functions of the labor law (Yu.V. Ivanchina), legal personality of the employer (M.A. Zhiltsov), the system of functions of labor law (A.E. Sukharev), personal non-property rights in labor legal relationship (I.N. Basargin), the bases and limits of differentiation of the labor law (F.B. Shtivelberg) and many others.

Representatives of the Ural School of Labor Law have made the significant contribution to the development of labor legislation and doctrine of labor law, the training of scientists; they actively interact in scientific activities with representatives of other schools of the Russian labor law, especially Omsk, Perm and Moscow. Also, they are often recipients of Russian grants for research in the field of labor. The scope of scientific interests the Ural School of Labor Law is constantly expanding.

Chapter IV.
ISSUES OF JUDICIAL ORGANIZATION AND JUDICIAL
PROCEEDINGS IN ACADEMIC RESEARCH

**§ 1. Prospects for the organization of civil and arbitration proceedings
in Russia in the digital age**

*(reflections on the results of the round table “Global Information Society in
the Context of Digitalization and New Challenges: Legal Problems and
Research” organized by the Information Law and International Information
Security Sector of the Institute of State and Law of the Russian Academy of
Sciences on May 15, 2020¹⁴⁵⁹)*

Introduction. The development of the global information society, ensuring the confidentiality and protection of personal data, trends in legislative activities, as well as other issues related to digitalization, which became one of the most important topics of discussion at the round table “Global Information Society in the Context of Digitalization and New Challenges: Legal Problems and Research” (Moscow, The Institute of State and Law of the Russian Academy of Sciences, May 15, 2020), are projected on the conditions and prospects of the development of modern civil and arbitration proceedings.

Considering the existing procedural norms in the field of civilistic proceedings, the right to use information technologies is guaranteed by Article 3 of the Civil Procedure Code of the Russian Federation¹⁴⁶⁰ (hereinafter – the CPC of the RF) “The Right to Appeal to the Court”, part 4 of Article 8 of the CPC of the RF “Independence of Judges”, part 1 of Article 13 “Binding Nature of the Court Decisions”, etc. However, in current realities, one must accelerate digitalization, including based on the resources created by the Federal State Budgetary Institution “Information and Analytical Center for Support of the State Automated System the Russian Federation “Justice”” as part of the consistent implementation of programs for the development of the judicial system. Only in 2020, as part of the activities

¹⁴⁵⁹ This round table was organized as part of the scientific projects implemented with the financial support of the Russian Foundation for Basic Research (RFBR): the Project No. 18-29-16012 “Comparative legal analysis of Russian and foreign legislation: the use of digital technologies”; the Project No. 18029-16013 “Study of conceptual approaches to establishing a legal framework for ensuring information security in the face of great challenges in the global information society”; the Project No. 18029-16014 “The place and role of digital regulation in the development of digital technologies, digital regulation and self-regulation, including with due regard for the peculiarities of branches of law”.

¹⁴⁶⁰ The Civil Procedure Code of the Russian Federation No. 138-FZ dated 14 November 2002 (as amended on July 1, 2021) // SPS “ConsultantPlus”. – URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_39570/ (Accessed on September 10, 2023).

envisaged in the program “Digital Economy of the Russian Federation”¹⁴⁶¹, the Judicial Department at the Supreme Court of the Russian Federation received the budget allocations of 35,949.9 thousand rubles to implement the superservice “Justice Online”. The total funding for measures to digitize the judicial system and introduce the information technologies provided by the Judicial Department for the same period amounted to 7,515.12 million rubles. According to the Judicial Department, all courts of general jurisdiction, federal arbitration courts and justices of the peace of the Russian Federation have official websites that operate around the clock. At the same time, their refinement is constantly underway, including the introduction of the innovative service “Electronic Assistant”. In the pilot mode, the Judicial Department, by its Order No. 65-r dated 30 March 2020, organized collaboration between the multifunctional centers for the provision of state and municipal services in the Republic of Tatarstan, Krasnodar Territory, Astrakhan Region, Vologda Region, Kemerovo Region, Moscow Region, Nizhny Novgorod Region, Rostov Region, Sakhalin Region, Ulyanovsk Region. At the same time, analyzing these technical innovations, the implementation of which is possible due to state funding, it is necessary to understand the complexity of the current situation related to influencing the development of legal consciousness. In civilistic legal relations, this is especially important since most of the court cases considered in the courts of Russia are civil ones.

Main research. T.A. Polyakova, Doctor of Sciences in Law, Professor, Acting Head of the Information Law and International Information Security Sector of the Institute of State and Law of the Russian Academy of Sciences (at the time of the round table), noted the defining importance of some international acts, including the Okinawa Charter of the Global Information Society. Meanwhile, according to the scientist, the Strategy for the Information Society Development¹⁴⁶² approved by the Decree No. 203 of the President of the Russian Federation dated 9 May 2017 is of particular importance for the organization of domestic legal relations in the field of promoting new technologies and communications in society. For the organization of civil proceedings, without denying the role and significance of other principles, it is practically necessary to ensure the rights of citizens to access information; ensuring freedom of choice of means of obtaining knowledge when working with information; ensuring legality and reasonable sufficiency in collecting, accumulating and disseminating information about citizens and

¹⁴⁶¹ The program “Digital Economy of the Russian Federation” approved by the Order No. 1632-r of the Government of the Russian Federation dated 28 July 2017 // The Government of the Russian Federation. – URL: <http://static.government.ru/media/files/9gFM4FHj4PsB79I5v7yLVuPgu4bvR7M0.pdf> (Accessed on September 10, 2023).

¹⁴⁶² The Strategy for the Information Society Development approved by the Decree No. 203 of the President of the Russian Federation dated 9 May 2017 // SPS “Garant”. – URL: <http://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/71570570/> (Accessed on September 10, 2023).

organizations (paragraph 2 of the Decree). The above principles of the Decree are related to the principles of civil procedure law enshrined in the norms of the federal law – legality, equality of citizens before the law and the court, openness and publicity, dispositivity, equality and adversarial nature of the parties. In the context of modernizing the structure of those principles, it is proposed to improve a number of them. The fact that, in the CPC of the RF, there is no principle “related to the use of information technologies or fixation of the priorities for the development of electronic justice creates the basis for its formation”¹⁴⁶³. In addition, the implementation of these changes in parallel with the modernization of federal legislation on the judicial system in terms of specifying the directions of judicial activity (in particular, the Federal Constitution Law No. 1-FKZ on Courts of General Jurisdiction in the Russian Federation dated 7 February 2011 and the Federal Constitution Law No. 1-FKZ on Arbitration Courts in the Russian Federation dated 28 April 1995) will ensure the highest effectiveness in promoting the tasks of informatization. An additional departmental benchmark for authorizing these changes is the “Concept of the Information Policy of the Judicial System for 2020-2030”¹⁴⁶⁴. In this regard, the point of view of **E.V. Burdina** and other scientists on the use of concepts of the information society as a basis for developing transformations in the judicial system and, consequently, in the legislation on the judicial system and the judiciary, seems relevant¹⁴⁶⁵. The pathways of the judicial system development are defined within the framework of the tasks of creating a “court as a single technological platform”¹⁴⁶⁶, “digital from beginning to end”¹⁴⁶⁷. **A.S. Anisimova** suggested that the scientific community consider the idea of an electronic state, which forms “safeguarded benefits” as public functions. One such public function is to ensure that everyone has the right to judicial protection. In this theory, elements relevant for civilistic judicial proceedings are transformed, for example, the right of access to a court, including the provision of such a right remotely, or the right to receive judicial summons of the time and place of legal proceedings through modern paperless electronic notices, as well as the right to familiarize with the materials of court cases through information and telecommunication networks (online familiarization)¹⁴⁶⁸.

¹⁴⁶³ Voitovich L.V., Latysheva N.A. The Gradients of Informatization of Modern Court Proceedings in the Context of the Tasks and Principles of Civil Proceedings in the Russian Federation // Current problems of our time: the relationship between man and society. – 2020. – P. 350-357.

¹⁴⁶⁴ Concept of the Information Policy of the Judicial System for 2020-2030 approved by the Council of Judges of the Russian Federation on December 5 2019 // SPS “Garant”. – URL: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/73061586/> (Accessed on September 10, 2023).

¹⁴⁶⁵ Burdina E.V., Zuev S.V. Electronic Justice. – Moscow: RGUP, 2021. – P. 16.

¹⁴⁶⁶ Ibid. – P. 52.

¹⁴⁶⁷ Ibid. – P. 32.

¹⁴⁶⁸ Anisimova A.S. Electronic justice as an indicator of the information development of society and the state // *Tsivilistika: pravo i protsess*. – 2019. – No. 3 (7). – P. 15.

T.A. Polyakova rightly noted the “increasing importance of information and legal institutionalization processes” and “the need to solve a large set of organizational and legal problems”¹⁴⁶⁹. **P.U. Kuznetsov**, in his report “Information Society and Digital Legal Consciousness”, highlighted the “belated reaction of jurisprudence to the digital challenges of the development of new technologies and platforms, which is manifested in a kind of "confusion" of both general theoretical concepts and branch scientific schools”¹⁴⁷⁰. The way out of the conceptual crisis indicated by **P.U. Kuznetsov** consists in “making new scientific generalizations: from the formation of a new legal language and conceptual apparatus to the transformation of the system of law”¹⁴⁷¹. The terminology problems in the digitalization process were also covered in the report of **O.N. Kiyanova**, who noted the presence of a significant share of foreign borrowings during the formation of the terminology apparatus in Russia. At the same time, the speaker noted the objective need for these borrowings in connection with the organization of international cooperation and the formation of a single information space¹⁴⁷². It is advisable for the Judicial Department (including its collegium) and the division of this federal body – the Federal State Budgetary Institution “Information and Analytical Center for Support of the State Automated System (SAS) of the Russian Federation "Justice"” – to consider these conclusions in their activities.

The Judicial Department proposed some terminological innovations that accompany the provision of civil proceedings in its Order No. 362 dated 26 November 2015, establishing a list of the main concepts and terms used in the regulatory acts of this body governing the use of information and telecommunication technologies in courts¹⁴⁷³. The evidence of the rapid obsolescence of existing terms is quite apparent from the example of one of them. The Order contains the definition of the term “addressee of the summons”. According to the Order, he is “a person who is a participant in the proceedings to whom an SMS notification is sent to the mobile phone number indicated in the corresponding receipt”. However, in modern conditions, this notion does not cover enforcement resources under Article 113 of the CPC of the RF. In the part 1 of this article, the possible range of forms of providing

¹⁴⁶⁹ Polyakova T.A., Minbaleev A.V. Global Information Society in the Face of Digitalization and New Challenges: Legal Problems and Research // Trudy Instituta gosudarstva i prava RAN. – 2020. – Vol. 15. – Iss. 2. – P. 199-210.

¹⁴⁷⁰ Ibid. – P. 203.

¹⁴⁷¹ Ibid. – P. 204.

¹⁴⁷² Ibid. – P. 205.

¹⁴⁷³ The Order No. 362 of the Judicial Department at the Supreme Court of the Russian Federation on Approval of the List of Basic Concepts and Terms Used in Regulatory Legal Acts of the Judicial Department Regulating the Use of Information and Telecommunication Technologies in the Activities of Courts and Offices of the Judicial Department dated 26 November 2015 // SPS “Garant”. – URL: <https://base.garant.ru/71265062/> (Accessed on September 10, 2023).

judicial summons and notices carried out through informatization is not limited only to SMS notification; it also includes “other means of communication and delivery that ensure the recording of judicial summons and notices and their delivery to the addressee”. For example, part 2.1 of Article 113 of the CPC of the RF defines the possibility of notifying state authorities, local self-government bodies, other bodies and organizations that are parties and other participants in the proceedings only by posting relevant information on the official website of the court on the Internet, if the court has evidence of notification of these persons about the time and place of the first court hearing. At the same time, the main technological aspects of judicial administration recorded in the Federal Law No. 451 “On Amending Certain Legislative Acts” dated 28 November 2018, according to the general rule, should consist in:

- 1) posting of information on the acceptance of a statement of claim, a court proceedings, the time and place of a court hearing or the commission of a separate procedural action on the official court website within fifteen days before the start of the court hearing or the commission of a separate procedural action (in cases with the reduced period of consideration, this period is reduced to three days);
- 2) addition of the documents confirming the placement of the information on the acceptance of the statement of claim, application for court proceedings, on the time and place of the court hearing or the commission of a separate procedural action on the official court website to the case file, with the obligatory indication of the placement date.

Thus, in the conditions of the primacy of the paper document flow in the organization of judicial activities, the printing of exclusively digital information continues. Archaism is the maintenance of registration journals (indexes) and cards in paper form. At the same time, the Judicial Department has already issued orders about electronic document management for organizing judicial activities. This situation is evident in the example of numerous alphabetic indexes; the information is duplicated in the automated information bases of courts. The search for the necessary data is carried out faster and more efficiently using their resources. Meanwhile, paragraph 1.8 of the Instruction on the Collection of Court Archives introduced by the Judicial Department back in 2019 provides the possibility of forming electronic cases. In the Instruction, the term “electronic case” is formulated; it means a set of electronic documents formed under the nomenclature of cases¹⁴⁷⁴. In 2016, services for ensuring communication between the court and

¹⁴⁷⁴ The Order No. 56 of the Judicial Department at the Supreme Court of the Russian Federation on Approval of the Instruction on the Procedure for Organizing the Collection, Accounting and Use of Documents (Electronic Documents) in the Archives of Federal Courts of General Jurisdiction dated 19 March 2019 (as amended on July 16, 2019) // *Bjulleten' aktov po sudebnj sisteme*. – No. 5-6. – May-June, 2019.

citizens were created, allowing filing (to the court) and sending (from the court) procedural documents¹⁴⁷⁵.

Innovations in judicial digitalization should be accompanied by both the training of court staff (according to **A.V. Morozova**, a participant in the round table, the information society is a “knowledge society”¹⁴⁷⁶) and the development of a system for access of Russian citizens to the resources of publicly accessible information and telecommunication networks containing socially significant information about the activities of the courts.

V.B. Naumov noted two divergent trends that should be taken into account in the context of “reflection of law in the digital economy”¹⁴⁷⁷. The first is a severe lag of law from the qualities and tasks of legal relations, the nature of which is due to digital technologies. Secondly, it is necessary to focus on systematizing the regulation of existing information legal relations, which are the basis for the formation of the digital world, to determine new priorities and not rush to create new legal innovations while focusing on immediate needs. In this respect, extensive testing is vital in the search for practical solutions for the organization of information interaction either between courts and various categories of users of information about their activities or between the courts, the state, and the non-state bodies involved in restoring violated rights. The result of these surveys and their practical implementation will be the creation of a court as a “single technological platform”¹⁴⁷⁸, where procedural actions will be carried out as much as possible without the actual presence of the parties in the court hearing.

Currently, approaches are being developed to store archival documents of courts in the conditions of transition to electronic document management. The scale of this problem is quite understandable – for each, even a minor court case, the final judicial act with the documents testifying to the interposed judicial appeal is transferred to the Archival Fund of the Russian Federation for permanent storage. The Federal Archival Agency and the bodies that ensure the maintenance of archival affairs in the constituent entities of the Russian Federation, moving to the digital foundations of record keeping, extend the

¹⁴⁷⁵ For example, for the courts of general jurisdiction of the Russian Federation, legal relations in this area are regulated by the Order No. 251 of the Judicial Department at the Supreme Court of the Russian Federation “On approval of the Procedure for Submitting Documents in Electronic Form to Federal Courts of General Jurisdiction, Including in the Form of an Electronic Document” dated 27 December 2016 // *Bjulleten' aktov po sudebnoj sisteme*. – No. 2. – February, 2017.

¹⁴⁷⁶ Polyakova T.A., Minbaleev A.V. Global Information Society in the Face of Digitalization and New Challenges: Legal Problems and Research // *Trudy Instituta gosudarstva i prava RAN*. – 2020. – Vol. 15. – Iss. 2. – P. 204.

¹⁴⁷⁷ *Ibid.* – P. 206.

¹⁴⁷⁸ Burdina E.V., Zuev S.V. *Electronic Justice*. – Moscow: RGUP, 2021. – P. 32.

effect of new digital standards to the stage of replenishment of their funds from sources of collection¹⁴⁷⁹.

Innovative ideas in sharing digitalization achievements between the courts and the notary are of considerable interest. Modern researchers see the interaction of the court and the notary in three directions: redistribution between the courts and the notary of the competence to establish legal facts; transfer to notaries the power to issue executive inscriptions on the grounds provided for issuing a court order, and giving notary acts the increased evidentiary force¹⁴⁸⁰. In addition to the above, there may be such a form of interaction as notarial provision of remote access to participants in the trial. Currently, Russia has all the prerequisites for the development of this kind of interaction between the notary and the judicial system:

- there is the developed notary system, notary assistance is available throughout the country from megacities to towns and villages;
- a notary is a public official, professional, impartial and independent in his activities, obliged to keep notary secrets in the performance of his duties;
- notary has a single information system (hereinafter – the SIS), which can collect and process information about notary activities and provide all types of information interaction (exchange). The SIS operates uninterrupted around the clock;
- in the Russian Federation, the model of “active notary” with the authority to provide comprehensive legal assistance to citizens and organizations is successfully implemented¹⁴⁸¹;
- the concept of an “electronic notary” is developing; Russian notaries will be able to certify transactions between two or more persons without their joint presence, between the participants located in the notary’s office in any geographical point of Russia¹⁴⁸². It became a widespread practice to remotely transfer documents of individuals and legal entities to other persons through “teleportation” (Articles 86, 103.8 and 103.9 of the Fundamentals of the Legislation of the Russian Federation on the Notary¹⁴⁸³).

¹⁴⁷⁹ Latysheva N.A. Digital transformation of court archives // Rossiiskii sud'ia. – 2021. – No. 3. – P. 54-59.

¹⁴⁸⁰ Maleshin D.Ya. Promotion of judicial reform by notaries // Vestnik SPbGU. Pravo. – 2020. – Vol. 11. – Iss. 1. – P. 67-86.

¹⁴⁸¹ Yarkov V.V. From bureaucratic notary to active one (actual problems of notary law) // Notary, statehood power and civil society: modern state and prospects. Materials of the All-Russian Scientific and Practical Conference (February 15-16, 2007, Moscow). – Moscow: Wolters Kluwer, 2007. – P. 109-116.

¹⁴⁸² The Resolution No. 603-SF of the Federation Council of the Federal Assembly of the Russian Federation on the Federal Law “On Amending the Fundamentals of the Legislation of the Russian Federation on the Notary and Certain Legislative Acts of the Russian Federation” dated 23 December 2019 // Sobranie zakonodatel'stva RF. – 2019. – Iss. 52 (part I). – Art. 7798.

¹⁴⁸³ The Fundamentals of the Legislation of the Russian Federation on the Notary (approved by the Resolution No. 4462-1 of the Supreme Court of the Russian Federation dated 11 February

Analyzing the content of arbitration proceedings, one can distinguish several advantages of notarizing remote access to a court meeting compared to a regular online meeting through the portal “My Arbitrator”:

1. *Identification of persons participating in the hearing*

Identification means establishing a person’s identity by himself or by his documents¹⁴⁸⁴. The court identifies the participant (party, court representative) based on a passport or other identity documents. The stage of identifying the participant in the online meeting provides for submitting a petition for organizing the process and participating in the online meeting through My Arbitrator, which requires authorization under the confirmed account at the related unified public services portal (the unified identification and authentication system (UIAS) record).

In remote access to the online process, the court cannot determine the signs of forgery of the document; the visual assessment of the corresponding physiological signs of the face is limited by comparing the photo in the document with the person who presented it. There is no biometric system for recognizing faces and voices that help determine the participants’ identities in the process, in the SAS “Justice” and portal “My Arbitrator” options. If there are doubts about the participant’s identity in the court hearing, the court has the right to refuse him admission to participating in the online session, and the court hearing will be postponed. Checking the passport, power of attorney, education documents will allow the notary to establish the powers of representatives accurately.

2. *Provision and sharing of evidence*

Organizing the process through videoconferencing provides several options for transferring documents: uploading documents to an online disk, scanning and sending by e-mail, etc. The functionality of information systems that are used in Russian courts (the SAS “Justice” and portal “My Arbitrator”) allows this to be carried out safely and quickly. A judge providing remote access, among other things, must make it possible to become familiar with evidence through a document camera, immediately send it to the court hearing the case by fax, departmental e-mail or other means of communication (including scanning documents by a document camera). It is possible to demonstrate video evidence, familiarize oneself with the audio recordings presented in the court hearing. The inclusion of a notary in the interaction scheme “the court – the participant in the process” allows exchanging information through notarial “teleportation” of documents, that is, by transferring documents at a distance. The advantages of this option of transferring documents are obvious: information passes through a secure line through the

1993) (as amended on July 26, 2019) // Official Internet portal of legal information. – URL: // <http://www.pravo.gov.ru> (Accessed on September 10, 2023).

¹⁴⁸⁴ Muzychenko P.B. On problems of identification during notarial actions // Notarius. – 2015. – Iss. 2. – P. 38-41.

notarial SIS, it does not fall into web clouds; a notary can transfer the document from paper form to digital form without loss of its legal validity and “send, say, a power of attorney from Moscow to Irkutsk within a few minutes and pay 150 rubles for it”¹⁴⁸⁵. One can convert text files, program codes, photos, video, audio, and any other files to electronic format. The participation of a notary will allow the court to conduct a process with the participation of translators, interrogate witnesses, and receive oral advice from specialists.

Participants in the round table organized by the information law and international information security sector of the Russian Academy of Sciences during the discussions noted information security problems and the related challenges of “infodemic”. In particular, **A.V. Minbaleev**, introducing the new concept of “infodemic,” reveals it as “the mass dissemination of false and inaccurate data that has a negative informative and psychological impact on society”¹⁴⁸⁶. Infodemic is multidimensional. This phenomenon is undoubtedly harmful. The interaction of the court with participants in the proceedings through notaries in the digital era will minimize the manifestations of infodemic.

Rules for the use of videoconferencing in different countries have their characteristics. For example, in Russia, videoconferencing in the closed hearing is not allowed due to the need to ensure the safety of the confidential information protected by law. In Switzerland, a security requirement for data transfer has been introduced. The transfer must be encrypted, and the server used must be located in Switzerland or in the European Union. Unintentional transfer of data to third parties is also prohibited, and any access to the process without authorization¹⁴⁸⁷. The transmission of information through a notary, in this sense, is more secure. The notary community pays attention to the security of the notary automated workplace, the application and development of cryptographic protection of information, and the technology of biometric protection of personal data¹⁴⁸⁸.

¹⁴⁸⁵ Secret office. Digital “cache” at the notary will allow to safely store archives of family documents (Interview with Konstantin Korsik, President of the Federal Notary Chamber of the Russian Federation) // Rossiiskaia gazeta – stolichnyi vypusk. – No. 79 (8133).

¹⁴⁸⁶ Polyakova T.A., Minbaleev A.V. Global Information Society in the Face of Digitalization and New Challenges: Legal Problems and Research // Trudy Instituta gosudarstva i prava RAN. – 2020. – Vol. 15. – Iss. 2. – P. 203.

¹⁴⁸⁷ Département fédéral de justice et police DFJP. Office fédéral de la justice OFJ. Domaine de direction Droit privé. Ordonnance du 16 avril 2020 instaurant des mesures en lien avec le coronavirus dans le domaine de la justice et du droit procédural (Ordonnance COVID-19 justice et droit procédural). Commentaire des dispositions du 25 septembre 2020 // Le Conseil fédéral. – URL: <https://www.admin.ch/gov/fr/accueil/departements/departement-justice-police.html> (Accessed on September 10, 2023).

¹⁴⁸⁸ Timoshkina O.A. Transfer of applications and (or) other documents of individuals and legal entities to other individuals and legal entities by introducing notices to the unified federal register of legally significant information on the acts of economic entities as a way of implementing the

Access to the trial through the notary office has some advantages compared to videoconferencing, including the problem of time zones. Notaries can organize the work of their office in a mode that is convenient for their customers. The potential for reconciliation of the parties to the dispute is increasing – the participation of a notary creates the possibility of resolving the conflict and concluding agreements without a court verdict.

3. *Provision of remote access to court proceedings as notarial action*

The notarial action to ensure remote access to the court session is comprehensive. It must include all mandatory actions for the court to provide remote access to the court session prescribed in the relevant Instructions on Case Management¹⁴⁸⁹. At the request of the participant in the process, the notary performs other notarial actions, for example, “teleportation” of documents.

The procedure for notarizing remote access includes the following steps:

1) the notary shall transmit the application for participation in the online session through the notary’s office to the relevant court. Together with the application, copies of documents (passport, diploma of legal education, lawyer’s certificate and warrant, other documents confirming the representative’s authority) are transmitted. All notary data shall be transmitted to the court for feedback;

2) after the application is granted, the notary holds a test videoconference using the “My Arbitrator” service;

3) the interested persons shall come to the notary’s office to participate in the court hearing at the appointed time. The notary establishes the identities of the participants in the process and checks the credentials of representatives. If the court satisfies the request to interrogate witnesses, specialists, experts, the notary will make a certificate inscription of the authenticity of their signature on forms warning of criminal liability for making knowingly false statements (conclusions, translations). If it is necessary to present new evidence, the notary will ensure the transfer of information to the court and other participants in the process, remotely participating in the court hearing and located in the notary’s offices in another city. The notary shall ensure the recording of the court hearing, and, subsequently, the preparation of the minutes, which specify the date and place of ensuring online access to the court hearing, information on the appearance of the persons involved

notarial function of the notary // *Izvestiia vysshikh uchebnykh zavedenii. Povolzhskii region.* – 2017. – No. 3 (43). – P. 83-88.

¹⁴⁸⁹ The Order No. 36 of the Judicial Department at the Supreme Court of the Russian Federation on Approval of the Instruction on Case Management in District Courts dated 29 April 2003 (as amended on October 12, 2019); the Resolution No. 100 of the Plenum of the Supreme Arbitration Court of the Russian Federation on Approval of the Instruction on Case Management in Arbitration Courts of First, Appellate and Cassation Instances of the Russian Federation dated 25 December 2013 (as amended on July 11, 2014) // SPS “ConsultantPlus”. – URL: <https://www.consultant.ru/> (Accessed on September 10, 2023).

in the case, their representatives and other participants in the arbitration process in his office. Notary records the course of the court hearing and unsuccessful connection attempts, technical problems, including on the part of the court. The notary's protocol notes that there is no technical possibility of communication within 15 minutes, provided that at least five attempts to establish such communication have been made. Fixation of this fact should become the basis for postponing the court hearing for another time or date (see, for example, part 5 of Article 158 of the Arbitration Procedure Code of the Russian Federation)¹⁴⁹⁰;

4) at the end of the court hearing, the notary enters a record in the register of notarial actions and charges a tariff for performing a notarial action and a fee for legal and technical work. Payment for a notarial action should not become an overwhelming burden for the participants in the process.

Within the time set by the court, the notary transmits the minutes and video record on material medium to the relevant court and the participant in the court hearing.

The notarial system is called an institution to implement preventive justice, and the notary is a judge "in the making"¹⁴⁹¹. The legal nature of the notarial system as an institution close to justice allows participants in civilistic procedural legal relations to take advantage of new ways of legal protection in the conditions of digitalization. A high degree of demand has a notarial action – the provision of remote access to participation in a court hearing. The proposed interaction procedure can be used where the court considers complex disputes whose parties are interested in maintaining confidentiality and protecting information. Providing remote access to participation in the court hearing through the notary's office combines the advantages of the online process and videoconferencing, allowing it to overcome their shortcomings and use the notary's conciliatory potential.

Conclusion. The prospect of the development of digitalization in the courts, based on the thoughts presented, is seen in the faster conceptual improvement of informatization in judicial activities, the development of normative legal regulation on this ground, the establishment of clear rules for controlling and monitoring innovations, with the designation of the timing of their implementation.

Paperwork in the organization of judicial activities in current conditions should be limited. The Judicial Department at the Supreme Court of the Russian Federation must modernize the content of its orders and ensure their practical

¹⁴⁹⁰ Arbitration Procedure Code of the Russian Federation No. 95-FZ dated 24 July 2002 (as amended on July 1, 2021, with the changes of July 22, 2021) // *Sobranie zakonodatel'stva RF.* – 29.07.2002. – No. 30. – Art. 3012.

¹⁴⁹¹ Pützer H.-J., Vollhardt J., Assenmacher H.-J. *Das moderne Notariat – Strukturen und Aufgaben.* – Köln: Selbstverlag, 1993. – P. 169; Zhuikov V.M. *Notary as an institution of preventive justice: general goals, principles and powers* // *Rossiiskaia iustitsiia.* – 1998. – No. 6. – P. 33-34.

application through a monitoring system. These actions will ensure the fulfillment of the tasks of the program “Digital Economy of the Russian Federation,” including implementing the superservice “Justice Online”.

Sharing the achievements of digitalization can transform the interaction between courts and notaries to ensure a new quality of access to justice. To reach the goals of improving the notary’s activities, it is possible to amend Article 153-2 of the Arbitration Procedure Code of the Russian Federation, setting out it as follows:

1. Persons participating in the case and other arbitration parties may take part in the court session organized by a notary using videoconferencing.

2. If participation in the court session is carried out by videoconferencing with the participation of a notary, identification of the persons participating in the case and other participants in the arbitration process, confirmation of their authority, the procedure for participating in the court session and the presentation of evidence is carried out taking into account the following features:

2.1. To organize a videoconference call, the notary shall submit to the court, at least five days before the court, an application for participation in the court hearing using the videoconferencing systems of the notary office. The application is submitted to the court in the form of an electronic document signed by the qualified electronic signature of a notary.

2.2. The notary organizing the videoconference call checks the appearance and establishes the identity of the persons who appeared, checks their authority and inquires about the possibility of their participation in the court hearing following the rules established by part 2 of Article 153 of this Code.

2.3. The notary is obliged to ensure the technical possibility of timely connection to the videoconference system at the court session opening and a stable connection that allows ensuring their uninterrupted operation.

2.4. The notary receives the written pledges from witnesses, experts, translators confirming that the arbitral tribunal hearing the case has explained the rights and obligations to such persons and warned them about responsibility for their violation; the notary observes the procedure for questioning witnesses, receiving oral consultations and expert answers, taking into account the requirements of this Code.

2.5. The notary records the impossibility of using videoconferencing by persons taking part in the case or other participants in the arbitration process.

2.6. The persons participating in the case, other participants in the arbitration process submit the evidence, which they refer to as based on their claims and objections, to the arbitral court considering the case and send to each other by remote transfer of documents of natural and legal persons to other persons under the Fundamentals of Notary Law.

3. When using video conferencing systems in the arbitration court considering the case, as well as in the notary's office organizing videoconferencing, a protocol is drawn up and video recording of the court hearing is carried out. The material medium of the video record of the court hearing is sent by a notary within five days to the court considering the case and attached to the minutes of the court hearing.

The round table "Global information society in the face of digitalization and new challenges: legal problems and research", organized by the Information Law and International Information Security Sector of the Institute of State and Law of the Russian Academy of Sciences on May 15, 2020, allowed to project general theoretical reflections of scientists on the organization of judicial activities during civil proceedings. The search for the right solutions will optimize the judicial branch's activities of state power and ensure its practical work for the development of the information society. In such a society, the authorized entities should ensure the creation of convenient and accessible judicial services and solve the problem of forensic digital inequality.

§ 2. Systematicity of civil process: the notion, significance and linkage with the related categories

For a fairly long time, the category of *systematicity*, its notion, essence and significance have been the subject of scientific research in various fields of knowledge, including legal science¹⁴⁹². The latter has traditionally recognized the systemic nature of law, but the essence of systematicity remains debatable.

Academician V.G. Afanas'ev¹⁴⁹³ defined systematicity as a characteristic, a feature of objective reality, which is the ability to enter into interactions. As a result, new qualities that are not inherent in the original objects of interaction are formed¹⁴⁹⁴. Systematicity is the universal feature embedded in any phenomenon and process in the world around us, including law.

The systematicity of law is the multifaceted notion representing the characteristic of law, the principle of legal regulation, the feature of the system of

¹⁴⁹² Drobyazko S.G. Systematicity issues in law // Conceptual Framework for Development of national legal systems in the context of globalization and regional integration processes: post-Soviet experience and prospects for sustainable development: materials of scientific-practical conference, Minsk, October 7-8, 2011. – Minsk: BGU Publ., 2011. – P. 21.

¹⁴⁹³ Viktor Grigor'evich Afanas'ev, Doctor of Philosophy, Professor, Academician of the USSR Academy of Sciences (since 1981, Academician of the Russian Academy of Sciences since 1991, its Corresponding Member since 1972).

¹⁴⁹⁴ Afanas'ev V.G. Society: Systematicity, Cognition and Management. – Moscow: Politizdat, 1981. – P. 3.

law and legal system, the principle of activity reflected in law (for example, law-making)¹⁴⁹⁵. That statement should be accepted. Indeed, systematicity is a category applicable to law from various points of view, further confirming its universality.

One should note that the notions of “systematicity of law” and “system of law” are not identical since the systematicity is precisely a characteristic of law, while the system is the set of legal norms united in a single whole by stable model ties¹⁴⁹⁶.

The study topic is quite relevant and practically significant since the systematicity of the civil process, representing its quality, determines the nature and structure of civil procedure relations. This means that in developing and improving legal regulation and implementing civil procedural relations in the framework of law enforcement, it is necessary to consider the systemic links of the relevant elements. The study outlines the main directions of legal thought in relation to the notion and significance of the systematicity of civil process in developing the science of civil procedure law.

Main research. The science of civil procedure law has developed several approaches to defining and actualizing the category of systematicity concerning the civil process, civil procedure law and legal relations. Such reasoning is grounded on the views of theoretical jurists on the notion and relevance of systematicity in law as a whole. In this regard, it seems necessary to pay attention to the doctrine of systematicity in law formed in the theoretical and legal direction of legal thought as part of the study of the systematicity of civil process.

The doctrine of the systemic nature of law in its modern sense began to develop in Soviet legal science. The notions of “system of law” and “legal system” were developed as early as in pre-revolutionary science. However, in essence, they had the meaning of “order”, which did not consider the connection with the general theory of systems that later formed a whole complex of ideas about systematicity in law¹⁴⁹⁷.

The concepts of academic legal science representatives played an essential role in forming the doctrine of systematicity in law.

The issues of systematicity in law were reflected in the studies of authoritative scientists in the state and law theory. Thus, academician D.A. Kerimov turned to the notion and meaning of the category under consideration

¹⁴⁹⁵ Voronin M.V. Systematicity of law in the context of its grounds and manifestations: theoretical and legal analysis // *Uchenye zapiski Kazanskogo universiteta. Seriya “Gumanitarnye nauki”*. – 2014. – No. 4. – P. 27.

¹⁴⁹⁶ Sherstyuk V.M. *System of Soviet Civil Procedure Law (Theory Issues)*. – Moscow: MGU, 1989. – P. 19.

¹⁴⁹⁷ Antonov M.V. About the systematicity of law and “systemic” notions in law // *Izvestiia vysshikh uchebnykh zavedenii. Pravovedenie*. – 2014. – No. 1. – P. 25.

in his works¹⁴⁹⁸. He defines the systematicity of law as “an objective combination (connection), according to the substantive features, of certain legal parts into the structurally ordered, holistic unity with relative independence, stability and autonomy of functioning”¹⁴⁹⁹.

Some scientists consider systematicity as a necessary qualitative feature of law¹⁵⁰⁰. It is characterized by “the whole variety of direct and inverse links between legal norms, the implementation of which has a common orientation for all these norms”¹⁵⁰¹.

In other words, the critical aspect of the notion of systematicity becomes the presence of unique connections of all combination elements. The existence of this connection, as some scholars note, means the interdependence of legal norms.

Some researchers determine the relationship between the norms of a particular branch of law using the concept of “hypothesis, disposition and sanction”. Thus, B.V. Sheindlin understands the systematicity of law as such linkage of legal norms, under which some rules determine the conditions for the existence of other legal rules, the violation of which, in turn, should entail the application of rules defining the relevant coercive measures¹⁵⁰².

This approach looks pretty narrow, as N.L. Dvornikov believes, and one cannot but agree with this view. Moreover, this position is not unique since it offsets or even excludes the links between the legal norms of the same type, the existence of which should be recognized.

Systematicity in law has an internal and external manifestation. Internal systematicity characterizes the structure of the legal norm. That is, it determines the system links between elements of the legal norm. External systematicity, in turn, makes it necessary for a particular legal norm to interact with other norms. This means that the legal norm fits into the system of law, having the ability to form systemic ties with other legal norms. Such inclusion in the system is selective, consistent with the nature of the regulated legal relations¹⁵⁰³.

¹⁴⁹⁸ Dzhangir Abbasovich Kerimov, Doctor of Law, Professor, Corresponding Member of the USSR Academy of Sciences (1966) and the Russian Academy of Sciences (1991), Academician of the Academy of Sciences of Azerbaijan (1967), Chief Researcher at the Institute of Socio-Political Research of the Russian Academy of Sciences, member of the Department of Social Sciences of the Russian Academy of Sciences.

¹⁴⁹⁹ Kerimov D.A. *Methodology of law: subject, functions, challenges of philosophy of law*. – Moscow: SGA, 2003. – P. 250.

¹⁵⁰⁰ Baranov A.V. Systemically defining specialized rules of law in the legal regulation mechanism // *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Pravo*. – 2011. – No. 22. – P. 5.

¹⁵⁰¹ Dvornikov N.L. Systematicity of law as the basis for a systematic way of interpreting law // *Rossiiskii sud'ia*. – 2006. – No. 12. – P. 37.

¹⁵⁰² Sheindlin B.V. *Essence of Soviet law*. – Leningrad: Leningradskii universitet, 1959. – P. 7.

¹⁵⁰³ Voronin M.V. Systematicity of law and systematicity of legal norms // *Shestoi permskii kongress uchenykh-iuristov. Izbrannye materialy*. – Moscow: Statut, 2016. – P. 85-86.

Academician S.S. Alekseev¹⁵⁰⁴ wrote that “each legal construct is, albeit primary, elementary, but already known "arrangement"; moreover, it is of a "systemic" and "structural" nature. In this construct, separate legal elements – rights, obligations, measures of responsibility – are built following the requirements of a rigid structure, in a clear systemic sequence, dependence”¹⁵⁰⁵. According to S.S. Alekseev, any construct in law has the feature of systematicity, which is inherent in the civil process.

One should note that the literature uses the notions of systematicity of civil process and systematicity of civil procedure law, which are not identical. They have a link since the civil process is governed by civil procedure law, but their definitions differ significantly.

The notion of “systematicity of civil procedure law” is logically synthesized based on the terms of “system of civil procedure law” and “systematicity in law”. Since some approaches to the idea of systematicity in law have already been considered, attention should be paid to the concept of the system of civil procedure law.

One should note that the notion of the system of civil procedure law is closely related to the notion of civil procedure law. The meaning of the system of civil procedure law depends on what elements are proposed to be included in the meaning of civil procedure law¹⁵⁰⁶. Depending on the type of legal understanding, the system of civil procedure law may include only norms of civil procedure law, legal norms and civil procedure relations, and other elements.

The doctrine also includes the notion of a “civil procedure system”, which is “a combination of legislation, the practice of its application and social and cultural conditions of people’s life, procedural actions and the doctrines related to the protection of rights in civil cases, as well as the specifics of the organization of judicial authorities”¹⁵⁰⁷. This approach seems broad enough, which may indicate the author’s comprehensive approach to the notion of “law”. However, in this study, it is appropriate to consider a different notion of the “system of civil procedure law”.

The system of civil procedure law can be defined as follows: based on the unity of civil procedure relations, the internally agreed set of civil procedure norms, institutions and others, the relatively independent structural elements of this branch of law aimed at protecting the violated rights and merged by stable model ties¹⁵⁰⁸.

¹⁵⁰⁴ Sergei Sergeevich Alekseev, Doctor of Law, Professor, Corresponding Member of the USSR Academy of Sciences (1987), Corresponding Member of the Russian Academy of Sciences (1991), Founder and First Director of the Institute of Philosophy and Law of the Ural Branch of the Russian Academy of Sciences.

¹⁵⁰⁵ Alekseev S.S. *Ascent to law. Search and Solutions.* – Moscow: Norma, 2001. – P. 283.

¹⁵⁰⁶ Bakulina L.T. *Problems of the theory of law and law enforcement: textbook.* – Moscow: Statut, 2017. – P. 80.

¹⁵⁰⁷ Mareshin D.Ya. *Russian Civil Procedure System.* – Moscow: Statut, 2011. – P. 39.

¹⁵⁰⁸ Nikitin S.V. *Civil process: Textbook.* – Moscow: RGUP, 2016. – P. 18; Sherstyuk V.M. *System of Soviet Civil Procedure Law (Theory Issues).* – Moscow: MGU, 1989. – P. 19.

Considering the outlined definitions, one can conclude that the systematicity of civil procedural law is a feature of civil procedure norms, institutions and other, relatively independent structural elements of civil procedure law, which implies their relationship, reciprocity and mutual effect.

O.V. Isaenkova and A.A. Demichev point out that the systematicity of civil procedure law implies the formation of the logically unified legislative integrity by all structural elements of the branch of law¹⁵⁰⁹. Proposing a definition of one of the features of the branch of law, the authors draw attention to the close connection between the notions of “civil procedure law” and “civil procedure legislation”. The term “legislative integrity” appeared to fit the definition quite well since it was legislative acts that constituted an external form of expression of civil procedure law.

The systematicity of civil procedure law is its fundamental characteristic, which is a prerequisite for the successful development and reformation of legal institutions of civil proceedings¹⁵¹⁰.

The systematicity of the civil process largely determines the systematicity of civil procedure law due to the way the notions of civil procedure law and civil procedure are interrelated. The legal norms of the branch in question are a means of regulating the civil process, that is, these norms are a “guide” for subjects of civil procedure law, participants in the civil process.

The systematicity of the procedural actions of the participants in the proceedings, which characterizes the systematicity of the civil process, directly affects the nature of the norms of civil procedure law. While enshrining the rights and obligations of subjects of civil procedure law, these norms are also in a systemic relationship. One can say that the system of procedural actions of participants in civil proceedings is the basis for the systematicity of civil procedural law.

Thus, the systematicity of civil procedure law derives from the systematicity of civil process¹⁵¹¹. Namely, systemic ties that determine the interaction of participants in civil proceedings directly impact the content of the systematicity of civil procedure law. However, inverse interaction is not excluded. Amendments to the legislation governing civil procedure relations may impact the systematicity of the actions of the subjects of civil procedure law, and therefore on the nature of the systematicity of civil process.

The civil process is a holistic system of procedural actions of the court and other participants in the civil process that are interconnected and interact with each

¹⁵⁰⁹ Isaenkova O.V. *Russian Civil Procedure Law: textbook*. – Moscow: Norma, 2009. – P. 22.

¹⁵¹⁰ Samsonov N.V. About the systematicity of civil procedure law // *Arbitrazhnyi i grazhdanskiy protsess*. – 2017. – No. 10. – P. 11.

¹⁵¹¹ Kurochkin S.A. Civil procedure law through a systemic approach // *Vestnik OmGU. Seriya. Pravo*. – 2012. – No. 3 (32). – P. 200.

other¹⁵¹² and relations between them arising in civil proceedings. The concept of civil process as a system of actions of subjects of civil procedure relations is quite common in the legal literature¹⁵¹³, and it is beyond doubt. This approach makes it possible to conclude that the systematicity is a necessary and mandatory characteristic of civil process.

Thus, the systematicity of civil process is its feature meaning the unity and interrelation of the procedural actions of participants in civil proceedings as elements of the structure of a single, holistic procedural mechanism.

The systematicity manifests itself at all stages of civil proceedings. At each stage of civil process, the subjects' actions should be interrelated, mutually conditioned and interdependent. Systemic links in civil proceedings should be provided in all directions:

- link between actions at one stage of civil proceedings (horizontal one);
- link between actions in their sequence (vertical one)¹⁵¹⁴;
- link between the actions of different participants in civil proceedings at various stages (mixed or diagonal one).

The horizontal link implies the coherence of the civil process participants' actions at one stage of the proceedings. That is, the rights and obligations of one participant should not contradict the rights and obligations of another. In this sense, actions, and therefore legal norms, should correspond to each other.

The vertical link provides for the logic of sequential actions of a civil process participant. One action follows another in a logical sequence, following the tasks of the proceedings at different stages.

The mixed or diagonal link is necessary to ensure conceptual compatibility of the actions of the participants in the proceedings. The actions of the participant at one stage should be agreed with the actions of the other participants at other stages of the civil proceedings.

The combination of these conditions provides for the systematicity in civil process. This requires all three levels of systemic links. The absence of one of them impedes the effect of systematicity, which causes legal conflicts.

The systematicity of civil process ensures the consistency of civil procedure law, the effectiveness of civil proceedings and the achievement of the objective of civil proceedings – a quick, correct and fair resolution of a civil dispute¹⁵¹⁵.

¹⁵¹² Ibid.

¹⁵¹³ Kovalenko A.G., Mokhov A.A., Filippov P.M. Civil process: textbook. – Moscow: Iuridicheskaja firma “KONTRAKT”; INFRA-M, 2008. – P. 5; Nekhoroshikh A.M. Civil Procedure Law (General Part): handbook. – Kursk: Iugo-Zapadnyi gosudarstvennyi universitet, 2014. – P. 20.

¹⁵¹⁴ Isaenkova O.V. Russian Civil Procedure Law: textbook. – Moscow: Norma, 2009. – P. 27.

¹⁵¹⁵ Samsonov N.V. About the systematicity of civil procedure law // Arbitrazhnyi i grazhdanskii protsess. – 2017. – No. 10. – P. 9.

Conclusion. Thus, the systematicity of civil process is its necessary and mandatory feature providing a vertical, horizontal and functional link between the actions of participants in civil proceedings carried out in civil procedure relations. As a quality of civil process, systematicity is inherent in any civil procedure relations and aims at ensuring their completeness and effectiveness.

Thus, the systematicity of civil process is its necessary and mandatory feature providing a vertical, horizontal and functional link between the actions of participants in civil proceedings carried out in civil procedure relations. As a quality of civil process, systematicity is inherent in any civil procedure relations and aims at ensuring their completeness and effectiveness.

The systematicity of civil process, as a mandatory characteristic, directly affects the content of the norms of civil procedure law governing the relations of participants in civil proceedings. Under the influence of the systematicity of civil process, civil procedure law also acquires the feature of systematicity.

Only if this quality is preserved can the full-fledged civil procedure relations exist, and effective legal regulation in civil proceedings can be established.

In this regard, it seems necessary to consider the concept of the systematicity of civil process in developing and improving the norms of civil procedure law. This will avoid legal conflicts and help fill gaps in law, contributing to the efficient, correct and fair administration of justice in civil cases.

§ 3. Court decision on the special proceeding's cases in civil and arbitration trials

Introduction. The modern reform of the legislation regulating civil and arbitration proceedings caused by the general objectives of the implementation of civilistic procedural legal relations and, undoubtedly, it is aimed at improving the entire mechanism of the implementation of the right to judicial protection. In this regard, research is continuing on both new and basic effective procedural institutions, on the basis of which ways of their development are being sought. The absolute interest of modern researchers is caused by the issue of judgment in special proceedings in civilistic process. It should be noted that the issues of the court's powers are relevant, that the court is entitled and obliged to implement in the court decision as an act of justice in cases of special proceedings. These powers reveal the particular characteristics of such judicial acts. Also, questions about the possible transformation of special proceedings into claims and vice versa are relevant. Mechanisms and structures that are used in other judicial procedures can be borrowed for special proceedings.

Currently, the procedure, the form and content of a court decision as an act of justice in cases considered by courts of general jurisdiction in civil proceedings and arbitration courts in arbitration proceedings, and, in particular, in special proceedings, are regulated in chapter 16 of the Civil Code of the Russian Federation¹⁵¹⁶ and chapter 20 of the Arbitration Procedure Code of the Russian Federation¹⁵¹⁷, respectively. As for the issue of making a decision in civilistic proceedings, an Act of official interpretation was adopted: the Ruling No. 23 of the Plenary Session of the Supreme Court of the Russian Federation on Judgment dated 19 December 2003¹⁵¹⁸.

As it is known, “special proceeding in civil process is the proceeding that regulate not only the order for ascertaining legal facts, but also legal conditions, as well as control over the activities of notary and registry offices in the absence of a dispute about subjective material law”¹⁵¹⁹.

Andrei Vladimirovich Yudin, in his research identified “mandatory (necessary and essential) and optional signs of special proceedings. The first ones include the objective necessity for its existence and the absence of a dispute about right. In turn, the optional signs are divided into objective ones (a combination of private and public principles, the specific effect of the process principles, the unity of the procedural form for cases of claim and special proceedings, the commonality of procedural rules, the independent subject of protection, the subject of the trial, the subject of proof, the means and method of interest protection, the non-use of a number of procedural institutions, the special subject composition, peculiarities of the procedural order of the cases consideration, the peculiarities of decisions and their execution) and subjective (for example, the right of a court in certain categories of special proceedings to recognize uncontested subjective rights)”¹⁵²⁰. It should be noted that procedures of special proceedings are currently in demand and are being implemented, as practice shows, effectively.

Main research

1. Some theoretical ideas regarding the court's decision in civil and arbitration proceedings, and in particular in special proceeding cases.

¹⁵¹⁶ The Civil Procedure Code of the Russian Federation dated 14 November 2002 No. 138-FZ (amended on July 1, 2021) // Sobranie zakonodatel'stva RF. – November 18, 2002. – No. 46. – Art. 4532.

¹⁵¹⁷ The Arbitration Procedure Code of the Russian Federation dated 24 July 2002 No. 95-FL (amended on July 1, 2021, with changes from July 22, 2021). // Sobranie zakonodatel'stva RF. – July 29, 2002. – No. 30. – Art. 3012.

¹⁵¹⁸ The Ruling No. 23 of the Plenary Session of the Supreme Court of the Russian Federation on Judgment dated 19 December 2003 (amended on June 23, 2015) // Rossijskaja gazeta. – No. 260. – December 26, 2003.

¹⁵¹⁹ Chudinovskaya N.A. Ascertainment of legal facts in civil and arbitration proceedings. – Moscow: Wolters Kluwer, 2008. – P. 25.

¹⁵²⁰ Yudin A.V. Special proceedings in the arbitration process: abstract of Candidate of Sciences in Law thesis. – Samara, 2002. – P. 7.

In the science of civil procedural law, issues related to a court decision as an act of justice are constantly in the focus of research. Significant scientific developments were carried out during the Soviet period of our domestic state. In particular, Pyotr Yakovlevich Trubnikov, as a part of his dissertation study, considered a number of questions about the court judgment¹⁵²¹. Universally recognized scientific achievements on issues of judicial judgment in civil cases are presented in the works of famous Russian researchers such as: Mark Arkadyevich Gurvich¹⁵²², Nadezhda Alexandrovna Chechina¹⁵²³ and Nikolai Borisovich Seider¹⁵²⁴, as well as others.

In his day, M.A. Gurvich stated: “The judgment of the Soviet court in the lawsuit is a court decision issued by the name of the State, which, on the basis of the assessment of the evidence examined by the court and the ascertainment of legal facts of significance in the case on the principle of objective truth, resolves the civil law dispute about the civil relations according to the Soviet law with enforcement”¹⁵²⁵.

Nowadays many ideas have changed with the development of our State as a democratic, and in particular, the content of the principle of objective truth. Thus, the position of V.V. Ershov is justified on this issue, who noted that “the principle of objective truth is theoretically more justified if it is considered as the final goal of civil proceedings related to the real necessity to study all the circumstances of a particular case as fully and comprehensively as possible”. The principle of objective truth, according to V.V. Ershov, “can be hardly attributed to the principles of civil procedural law itself, being mandatory for an indefinite number of persons who did not participate in this civil case”¹⁵²⁶.

Herewith, the essential characteristics of the act of justice remain unchanged. “A judgment shall be rendered and proclaimed by the name of the State that underlines the fullness of the power of the court as a body of justice and the significance of the judgment as an act, the obligation of which is ensured by the entire might of the state power”¹⁵²⁷.

M.A. Gurvich highlighted the following elements of the court judgment: “a) a controversial legal relationship that constitutes the subject of the court decision

¹⁵²¹ Trubnikov P.Ya. The Soviet court in fight against civil offences: abstract of Candidate of Sciences in Law thesis. – Moscow, 1953. – 16 p.

¹⁵²² Gurvich M.A. The decision of the Soviet court in the lawsuit. – Moscow: n/a, 1955. – 128 p.; Gurvich M.A. Judgment: theoretical problems. – Moscow: Yurid. lit., 1976. – 173 p.

¹⁵²³ Chechina N.A. Rule of law and judgment. – Leningrad: publishing house of Leningrad University, 1961. – 78 p.

¹⁵²⁴ Seider N.B. The judgment in a civil case. – Moscow: Yurid. lit., 1966. – 190 p.

¹⁵²⁵ Gurvich M.A. The decision of the Soviet court in the lawsuit. – Moscow: n/a, 1955. – P. 5.

¹⁵²⁶ Ershov V.V. Legal and individual regulation of the public relations: monograph. – Moscow: RGUP, 2018. – P. 274.

¹⁵²⁷ Gurvich M.A. The decision of the Soviet court in the lawsuit. – Moscow: n/a, 1955. – P. 6.

(a court judgment was made about it); b) the basis of the court decision - the considerations on the basis of which the court came to a decisive conclusion (why the court made such a decision; c) the content of the decision is an indication of how the court resolved the legal issue posed to it in the claim (what exactly the court decided)”¹⁵²⁸.

N.A. Chechina considered as a subject of a court judgment “material and legal relations, the truth and indisputability of which was ascertained by the court”¹⁵²⁹. She focused on the sources of the court decision and noted that this “is what affects public relations as a result of judicial activity. If the sources of judicial activity are the rules of law applied by the court for the purpose of regulating relations, then the sources of the decision fixing the result of the application of the law are the same rules of law”¹⁵³⁰. In her paper, the author states that “the legal force of the court judgment is to endow it with the same qualities, the same properties as the normative act”¹⁵³¹.

N.A. Chechina noted that “after the court judgment entered into force, besides the properties that the concept of legality itself consists of, it also acquires the property of prejudiciality. The prejudiciality or preclusion of the decision means the truth of the relations and facts ascertained by the court and fixed in the decision, which has entered into legal force. These relations and facts cannot be questioned or secondary researched by the judicial and administrative authorities, as well as public organizations”¹⁵³².

Speaking about the lawfulness of the judgment, N.A. Chechina emphasized that “being its quality, determined by the rule of law, it extends the force of the norm to a certain circle of social relations and to specific subjects of these relations. If the rule of law itself regulates a certain range of social relations, establishes rules of behavior for all persons who may become or are already subjects of these social relations, then the rule of law applied by the court regulates via a court decision not all possible, similar relations, but only relations investigated by the court. The decision, in accordance with the rules fixed in the applied norm, establishes the procedure and deadlines for the fulfillment of duties by certain entities of specific relations”¹⁵³³. At the same time, she noted that “the difference between a court decision endowed with the power of law and law itself is the difference between the rule of law and the act of law application”¹⁵³⁴.

¹⁵²⁸ Ibid. – P. 7.

¹⁵²⁹ Chechina N.A. Rule of law and judgment. – Leningrad: publishing house of Leningrad University, 1961. – P. 32.

¹⁵³⁰ Ibid. – P. 38.

¹⁵³¹ Ibid. – P. 55.

¹⁵³² Ibid. – P. 64.

¹⁵³³ Ibid. – P. 72.

¹⁵³⁴ Ibid. – P. 57.

N.B. Seider considering the court decision as a procedural act, noted that “the court decision is an act emanating from the judicial body, issued in known procedural forms, in a certain order, which is established by Soviet law for consideration of civil cases by a court i.e., is a procedural act”¹⁵³⁵. In this regard, the author has identified features that distinguish the court's decision from the court determination. In particular, a) a court decision is a judgment which seeks to resolve a case on the merits; b) a court decision is a judgment that always ends the proceedings in the first instance court; c) the court decision is the procedural act to which all proceedings in the case, all procedural actions of the court, the parties and other participants in the case are ultimately directed; d) the court decision can be made only by the collegiate composition of the court; e) the court decision can be made only in the deliberation room¹⁵³⁶.

It must be recognized that most of the above-mentioned features of the court decision, justified in the works of N.B. Seider, meet the realities of modern times. However, such features as possibility of a decision-making only by the collegiate composition of the court are not valid currently. As you know, in 1966, when the author researched, there existed the principle to exercise justice by the collegiate composition of the court, enshrined in Art. 103 of the Constitution of the USSR¹⁵³⁷.

In his work, it was N.B. Seider who substantiated that “a court decision must meet certain requirements arising from the very nature of the court decision as an act of justice”. Among the main requirements, he called “legality and validity”. He also named such requirements as “the exhaustive nature of the court judgment, its categoricity and certainty”¹⁵³⁸.

Among the scientific developments of the post-perestroika period of the domestic development, Konstantin Alexandrovich Lebed's studies¹⁵³⁹, conducted by this senior researcher belonging to the Civil Law Sector, Civil and Arbitration Process of the Institute of State and Law of the Russian Academy of Sciences, Candidate of Sciences in Law, are of undoubted interest.

Considering the problems of the theory and practice of the arbitration court decisions, the author proposed a set of procedural actions aimed at considering the

¹⁵³⁵ Seider N.B. The judgment in a civil case. – Moscow: Yurid. lit., 1966. – P. 61.

¹⁵³⁶ Ibid. – P. 62-67.

¹⁵³⁷ The Constitution (Basic Law) of the Union of Soviet Socialist Republics: adopted by the Decree of the Extraordinary VIII Congress of Soviets of the USSR on December 5, 1936 // *Izvestia of the Central Executive Committee of the USSR and the All-Russian Central Executive Committee*. – No. 283. – December 6, 1936.

¹⁵³⁸ Seider N.B. The judgment in a civil case. – Moscow: Yurid. lit., 1966. – P. 67-75.

¹⁵³⁹ Lebed' K.A. Decision of arbitration court: Problems of the theory and practice: abstract of Candidate of Sciences in Law thesis. – Moscow, 2002. – 24 p.; Lebed' K.A. Decision of arbitration court. – Moscow: ISL RAS, 2005. – 116 p.; Lebed' K.A. Types of judgments in civil process // *Rossijskoe pravosudie*. – 2016. – No. S1. – P. 196-205.

court decision-making as a separate stage of the arbitration process¹⁵⁴⁰. Thus, K.A. Lebed' stated: "The judgment of the court on the merits of the dispute is an independent stage of the arbitration process, where a court is an only participant. In frames of this stage, the court assesses the evidence, recognizes the relevant circumstances ascertained (or not ascertained), defines the rules of law applicable to this particular case and makes a final conclusion on the merits of the declared claims and objections"¹⁵⁴¹.

According to the author's position: "The decision of the arbitration court is a state act of protection of violated or challenged rights and legitimate interests. As a rule, it concerns business participants (organizations and individual entrepreneurs). The solution contributes to the formation and maintenance of the rule of law in the field of entrepreneurial relations, the development of civil (market) turnover"¹⁵⁴².

In his works K.A. Lebed' justifies the conclusion that "the decision of the arbitral tribunal should have not only the properties of legality and validity, but also the properties of fairness and reason". "The characteristic of the arbitral tribunal decision from the fairness and reason point of view", according to the author, "will make it possible to most objectively assess the effectiveness of justice as a whole, which will ultimately contribute to the formation and maintenance of the proper law and order in the country, to predefine the proper behavior of participants (and not only participants) in entrepreneurial relations"¹⁵⁴³.

According to K.A. Lebed', "the legal validity of an arbitral tribunal decision is considered as a state expressed in the properties of obligation, exclusivity, prejudication and enforceability. Irrefutable is not a property of the arbitral court legal validity. The decision of the arbitral tribunal that has entered into force can be refuted by the persons involved in the case by appealing to the cassation court of the arbitral tribunal"¹⁵⁴⁴.

K.A. Lebed's position seems to be important concerning the application of the concept of "solution" to the activities of the verification bodies and it does not reflect the aims of the activities of these bodies and distorts the essence of the decision as an act resolving the dispute. Thus, he argues that "the cassation and supervisory authorities cannot, by their very essence, make decisions, since they are not empowered to investigate and evaluate evidence, as the court of first instance does. They can only change, correct the decision made by the court of first instance. The difference between the decision of the arbitral court of first instance and the decisions of higher instances is due to the different tasks that are solved at

¹⁵⁴⁰ Ibid. – P. 8.

¹⁵⁴¹ Ibid. – P. 9.

¹⁵⁴² Ibid. – P. 8.

¹⁵⁴³ Ibid. – P. 9.

¹⁵⁴⁴ Ibid. – P. 9-10.

a particular stage of the arbitration process and due to the content of the activities of the relevant courts instances”¹⁵⁴⁵.

Unlike other researchers, K.A. Lebed’ believes that the Arbitration Procedure Code of the Russian Federation “should provide the possibility of making interim decisions and the procedure for making them”¹⁵⁴⁶. In this regard, it should be noted that in his day N.B. Seider noted that intermediate and private decisions take place in civil proceedings, but “are the result of certain shortcomings in the administration of justice” and “represent exceptions to the general rule”¹⁵⁴⁷.

The above-mentioned positions of scientists regarding the court's decision are certainly applied to court acts, which are issued by the court not only in suit, but also in non-suit proceedings.

Currently, the study of the legal regulation of the order, form and content of a court decision ruling as an act of justice is carried out by taking into account the fundamental changes that have occurred in the nation-state, in the legislation and in the organization of the judiciary.

Modern researchers consider some issues of court decisions in cases of special proceedings in the framework of papers devoted to certain categories of cases. Thus, Vsevolod Vladimirovich Argunov, addressing issues of summoning proceedings, focuses on the right to appeal the court’s decision on the case which is granted only to persons participating in the case, which do not include those unknown interested persons whose rights may be violated by the court act issued to satisfy the applicant’s claims¹⁵⁴⁸. Currently, this gap in legislation has been eliminated in relation to a number of verification instances (part 3 of Art. 320, part 1 of Art. 376, part 1 of Art. 390.2, part 1 of Art. 391.1 of the Civil Code of the Russian Federation). However, in Art. 394 of the Civil Code of the Russian Federation the right to appeal judicial acts on new and newly discovered circumstances is not granted to persons whose rights were violated by a judicial act.

Natalia Andreevna Chudinovskaya, in her works, focused on the fact that “the legal nature of judicial decisions in cases of special proceedings has peculiarities. In cases in which a dispute over a right is being resolved, the decision only states a legal fact, but does not resolve the issue of legal relations of the persons concerned”¹⁵⁴⁹.

This conclusion is not new, for example, in his day D.M. Chechet noted that the decision in cases of special proceedings although it concludes their

¹⁵⁴⁵ Ibid. – P. 15.

¹⁵⁴⁶ Ibid. – P. 10.

¹⁵⁴⁷ Seider N.B. The judgment in a civil case. – Moscow: Yurid. lit., 1966. – P. 72-73.

¹⁵⁴⁸ Argunov V.V. Summoning proceedings in civil process. – Moscow: Gorodets, 2006. – P. 83.

¹⁵⁴⁹ Chudinovskaya N.A. Ascertainment of legal facts in civil and arbitration proceedings. – Moscow: Wolters Kluwer, 2008. – P. 51.

consideration, it does not fully resolve the issue of legal relations between the applicant and other interested persons. The solution of this issue is beyond special production¹⁵⁵⁰.

The study of urgent issues of theory, legal regulation and the practice of interpretation and application regarding court decisions, including those made in special proceedings, continues.

2. The court's powers in certain special proceedings under the rules of the Civil Code of the Russian Federation and the Arbitration Procedure Code of the Russian Federation: problems of legal regulation.

Raising questions about the powers of the court, reflected in court decisions in cases of special proceedings in the civilistic process, it should be noted that at present in Chap. 27 of Subsection IV of the Civil Procedure Code of RF, which contains general provisions on special proceedings, there are no rules on the peculiarities of the court decision as an act of justice in such categories of cases. At the same time, part 1 of Art. 263 contains a rule according to which “cases of special proceedings are considered and resolved by the court according to the general rules of claim proceedings...” Respectively, it is necessary to be guided by the provisions of Chapter 16 of the CC RF. There is similar decision of the issue in the Arbitration Procedure Code of the Russian Federation (part 1 of Art. 222).

Herewith, judicial practice shows certain problems in the application of procedural law. In particular, there are cases where the content of decisions rendered by the court in special proceedings includes information that can only be reflected in the decision on the lawsuit. In particular, in the Decision of the Kislovodsky City Court of the Stavropol Region on the case No. 20190/220 dated 29 July 2020 rendered a decision, the introductory part of which states that “a civil case was considered on the claim of I. to C.A., C.D. for ascertaining the fact of being dependent”.¹⁵⁵¹ Accordingly, it turns out that for a court that considered a case of special proceedings, the difference between a “statement of claim” and a “statement” as petition documents is not important. This fact is also reflected in the resolute part of this judicial act, where the court indicated that it had satisfied the statement of claim and ascertained the legal fact of being dependent. Such cases are not a few. Many judges who administer justice in district courts and act as courts of first instance do not pay due attention to the distinction between the types of proceedings, which in most cases clearly follows from the content of their

¹⁵⁵⁰ Melnikova A.A. (ed.). Course of Soviet Civil Procedure Law. Theoretical Foundations of Civil Justice. In 2 vols. Vol. 1. – Moscow: Nauka, 1981. – P. 184.

¹⁵⁵¹ The Decision of the Kislovodsky City Court of the Stavropol Region on the case No. 20190/22020 dated 29 July 2020 // SPS “ConsultantPlus”. – URL: <https://www.consultant.ru/> (Accessed on September 7, 2023).

decisions. It should be recognized that such an approach cannot be acceptable to highly qualified lawyers in judicial positions.

It is known, however, that in some cases the court may also make a determination as a final act based on the outcome of the special proceedings. As we know, according to part 3 of Art. 263 of the Civil Code of the Russian Federation, the court makes a determination on leaving an appeal without consideration, if submitting an application or considering a case in special proceedings it is ascertained that there is a dispute over the right. In such a court act, the court is obliged to explain to the applicant and other interested persons that they have the right to apply for protection of their right in the lawsuit.

Thus, G. appealed to the Nevsky District Court of St. Petersburg, in which she asked to ascertain the fact that there was a second true copy of the act of acceptance and transfer of the apartment dated 23 December 2014 of the agreement of participation in shared construction No. 0100027502 dated 9 December 2013 signed between ST-Invest LLC and G., she asked to reflect in the resolute part of the decision, that the court decision entered into force on this request is the basis for the state registration of G.'s ownership of the apartment. The Nevsky District Court of St. Petersburg ruled on the abandonment of this application without consideration by June 28, 2019. The court, considering the declared claims, was guided by Art. 11, 12, 130, part 1 of Art. 131 of the Civil Code of the Russian Federation. In accordance with the current legislation, the establishment of the declared fact does not have an independent legal significance itself, since the basis for state registration of the ownership right of a real estate object is a court judgment that has entered into force on recognition of the ownership right on property in dispute. In regard with the above-mentioned, the court concluded that G.'s statement is essentially aimed at resolving the dispute over the rights to the real estate object. Such claims are subject to litigation. The decision of the court of first instance to leave the application without consideration was left unchanged by the appellate determination of the civil cases judicial board of the St. Petersburg City Court. The Third Cassation Court of General Jurisdiction, by decision No. 88-8039/2020 dated 6 May 2020, upheld the determinations of the court of first and appellate instances¹⁵⁵².

Herewith, domestic civil procedure law did not always state that if there was a dispute over the right, the court should determine to leave the application without consideration. So, according to the rules of the CPC of the RSFSR of 1923, when a dispute was discovered over the right in cases of special

¹⁵⁵² The Determination No. 88-8039/2020 of the Third Cassation Court of General Jurisdiction dated 6 May 2020 // SPS "ConsultantPlus". – URL:<https://www.consultant.ru/> (Accessed on September 7, 2023).

proceedings, the court had to make a decision on the termination of proceedings in the case (Art. 193)¹⁵⁵³.

Later, in paragraph 3 of Art. 246 of the CPC of the RSFSR of 1964¹⁵⁵⁴, a similar modern rule appeared, according to which “if a dispute arises during the consideration of a case in special proceedings about the right subordinate to the courts, the court leaves the application unresolved and explains to the interested persons that they have the right to bring a lawsuit on general grounds”.

Application practices of part 3 of Art. 263 of the Civil Code of the Russian Federation show ambiguous positions, also reflected in the decisions on the case. Thus, in the appeal determination of the Moscow City Court in case No. 33-12743/2020 dated 10 April 2020¹⁵⁵⁵, which canceled the court ruling on leaving the application without consideration made by the Meshchansky District Court, it was noted that “the court’s resolutions about the existence of a dispute over the right can be made only by considering the application on the merits, the arguments and circumstances to which the applicant refers needed verification”. Accordingly, at the moment the court accepts the application for proceedings, the court's resolutions on the existence of a dispute over the right were considered premature by a higher authority. Such positions are not a few in judicial practice. In this regard, it can be proposed to clarify in the procedural legislation the current formulation of part 3 of Art. 263 of the Civil Code of the Russian Federation, taking into account the fact that the court has the right to exercise the power to leave an application without consideration only when preparing a case for trial or during the trial.

Also, the above-mentioned allows us to formulate a proposal on the possible transformation of special proceedings into claims. It seems that such a transformation can be carried out on the initiative of both the court and the parties and on the basis of the powers granted to the court by procedural legislation. So, in our opinion, the court at the legislative level may be given the right to decide on the issue of transformation when accepting requirements to the proceedings received from interested persons, as well as during the preparation of the case for the trial (for example, in a preliminary court hearing) or in a main court hearing to

¹⁵⁵³ The Decree of the All-Russian Central Executive Committee on the Enactment of the Civil Procedure Code of RSFSR.” (together with the Civil Procedure Code of RSFSR) dated 10 July 1923 (amended on January 31, 1958) // *Sobranie zakononij RSFSR. – 1923. – No. 46-47. – Art. 478.*

¹⁵⁵⁴ The Law of the RSFSR dated 11 June 1964 (amended on March 21, 1991) on the Approval of the Civil Procedure Code of the RSFSR (together with the Code) // *Vedomosti Verhovnogo Soveta RSFSR. – 1964. – No. 24. – Art. 407.*

¹⁵⁵⁵ The Appeal Determination of the Moscow City Court in case No. 33-12743/2020 dated 10 April 2020 // SPS “ConsultantPlus”. – URL: <https://www.consultant.ru/> (Accessed on September 7, 2023).

raise the issue of transformation (on the transition from special to lawsuit proceedings) and formulate the result of such a discussion by court ruling.

Herewith, such a transformation, in our opinion, is quite possible and vice versa from a lawsuit to a special one, both for all claims in general and in particular for the declared claims.

Indirectly the above-mentioned position is confirmed now by the existing structure settled in sec. 2, part 2, Art. 33.1 of the Civil Procedure Code of the Russian Federation, which makes it possible for the court to accept claims as claims for consideration in the order of administrative proceedings. Also, the mechanism enshrined in part 3 of Art. 33.1 of the Civil Code of the Russian Federation concerning the possibility of transforming the lawsuit into an administrative one during the preparation of the case for trial or during the trial, allows us to model the possibility of its application to other types of proceedings, in particular to a special one.

Turning to the analysis of the powers exercised by the court in certain types of special proceedings, it is necessary to mark a number of their general and special characteristics. Thus, currently in Chapter 28 of the Civil Procedure Code of the Russian Federation, devoted to the regulation of the procedure for establishing facts of legal significance, in the Art. 268 a provision is fixed according to which “the court judgment on the lawsuit for ascertaining the fact of legal significance is a document that confirms a fact of legal significance, and in relation to the fact to be registered, it serves as the basis for such registration, but does not replace documents issued by the registering authorities”. Accordingly, after a court decision, the applicant must take actions aimed at his right registration.

In the Arbitration Procedure Code of the Russian Federation, the procedure for considering cases of ascertaining facts of legal significance is regulated in Chapter 27. The decision is made according to the rules enshrined in Art. 222 of the Arbitration Procedure Code of the Russian Federation. The legislation focuses on the resolute part of the decision on the case, where it should be indicated the fact of legal significance presented and the ascertained fact should be stated (part 2 of Art. 222 of the Arbitration Procedure Code of the Russian Federation). According to part 3 of Art. 222 of the Arbitration Procedure Code of the Russian Federation, the decision of the arbitration court of ascertained fact of legal significance is the basis for the registration by the relevant authorities of such a fact, or the registration of rights that arise in connection with the ascertained fact and do not replace the documents issued by these bodies. Respectively, on this issue, legal regulation according to the norms of the Civil Code of the Russian Federation and the Arbitration Procedure Code of the Russian Federation is similar.

Igor Evgenievich Manylov rightly emphasized that “a court judgment about ascertaining a fact of legal significance that has entered into force is mandatory for

bodies registering such facts or formalizing rights that arise in connection with a fact ascertained by the court. Thus, par. 21 of the Ruling No. 10 of the Plenary Session of the Supreme Court of the Russian Federation, the Ruling No. 22 of the Plenary Session of the Higher Arbitrazh Court of the Russian Federation dated 29 April 2010 "On certain issues, arising in judicial practice in the settlement of disputes related to the protection of ownership and other property rights"¹⁵⁵⁶ states, that by virtue of Art. 268 of the Civil Code of the Russian Federation the court decision on ascertaining the fact of good faith, open and continuous ownership of property as its own during the acquisitive period is also the basis for registration of ownership in the Unified State Register of Real Estate Rights and Transactions"¹⁵⁵⁷.

In civil proceedings in Art. 274 (Chapter 29) of the CPC of the Russian Federation regulating an order of child adoption are enshrined a number of the regulations which are important for ruling on such categories of cases.

So, in part 1 of Art. 274 of the Civil Code of the Russian Federation the following powers of the court are enshrined: a decision can be made to satisfy the application or refuse to satisfy the application. In the case of a positive resolution of the question raised, the court in its decision "recognizes the child as adopted by certain persons (person) and indicates in the court decision all the data on the adopted and adoptive parents (adoptive) necessary for the state registration of adoption in the civil registration authorities".

Herewith, in par. 2 of part 1 of Art. 274 of the CPC RF, the court, when making a positive decision in general, has the right "to refuse to satisfy the request of the adoptive parents to record them as parents (parent) of a child in the recording of his birth act, as well as to change the date and place of birth of the child".

Part 2 of Art. 274 of the Civil Code of the Russian Federation states the moment when the rights and obligations of adopted children and their adopted parents enter into legal force in full: "they are stated from the date the court decision on the adoption of a child entered into force".

It should be borne in mind that the decision in such a case is announced in closed court sitting, as should it be indicated in the decision itself (item 6)¹⁵⁵⁸.

¹⁵⁵⁶ The Ruling No. 10 of the Plenary Session of the Supreme Court of the Russian Federation, the Ruling No. 22 of the Plenary Session of the Higher Arbitrazh Court of the Russian Federation dated 29 April 2010 "On certain issues, arising in judicial practice in the settlement of disputes related to the protection of ownership and other property rights" // Rossijskaja gazeta. – No. 109. – May 21, 2010.

¹⁵⁵⁷ Manylov I.E. Comment on the Civil Procedure Code of the Russian Federation // Bulletin of civil process. – 2016. – No. 4. – P. 89-112; No. 5. – P. 110-142; – No. 6. – P. 63-107.

¹⁵⁵⁸ The Ruling No. 8 of the Plenary Session of the Supreme Court of the Russian Federation "On application of the legislation by courts in hearing the cases about children adoption" dated 20 April 2006 (amended on December 17, 2013) // Rossijskaja gazeta. – No. 92. – May 3, 2006.

Herewith, there determined a reduced period of appeal to the appellate court in such cases, which, as it is known, is ten days from the date of the final decision (part 2.1. of Art. 274 of the CPC RF). Respectively, it is necessary to take into account the general provisions of part 2 of Art. 199 of the Civil Code of the Russian Federation, which determines that “the compilation of a reasoned court decision can be postponed for a period of no more than five days from the day the trial ended”. As a result, the total period of appeal in cases of adoption is no more than fifteen days.

In this particular category of cases the legislator established another feature. Thus, according to part 3 of Art. 274 of the Civil Code of the Russian Federation, the court considering the case is obliged, after the adoption court decision entered into force, within three days to send a copy of this act to the civil registration body at the place of court decision to provide state registration of child adoption.

It should be noted that in other categories of special proceedings, the court does not have the obligation to send a copy of the decision on the case to special bodies authorized to perform registration actions.

The judgment on the case of adoption annulment shall be made by the court according to the general rules of the lawsuit, since such a claim is not considered according to the rules of special proceedings.

In Chapter 31 of the Civil Procedure Code of the Russian Federation, devoted to the procedure for the consideration and resolution of three types of cases on the ascertainment of a certain status of individuals, Art. 285 and 286 of the Civil Procedure Code of the Russian Federation are devoted to issues of the content of the court decision.

So, these are cases of legal incapacity of the citizen; about recognition of the citizen incapacitated; about restriction or deprivation of the minor aged from fourteen up to eighteen of the right to dispose independently of the income. As well as in other cases, the decision on such cases can be both positive (meeting requirements) and negative (refusal in meeting requirements). Practice knows many examples of consideration and resolving of such cases, at the same time opinions of court of the first and verification instances can be opposite. In particular, on November 22, 2018, Cheryomushki District Court refused meeting requirements about recognition of the citizen incapacitated, and the Moscow City Court appeal determination dated 24 May 2019 on the case No. 33-4169/19 cancelled the decision and met requirements of the applicant¹⁵⁵⁹.

Respectively, as a result of cases recognizing the citizen’s incapacity or in cases of restriction or deprivation of the minor aged from fourteen up to eighteen

¹⁵⁵⁹ The Appeal Determination of the Moscow City Court dated 24 May 2019 on the case No. 33-4169/2019 // SPS “ConsultantPlus”. – URL: <https://www.consultant.ru/> (Accessed on September 7, 2023).

of his right to dispose independently his income there will be the court judgment stated that the citizen is limited in capacity. Further the tutorship and guardianship authorities are obliged to appoint a trustee (part 1 of Art. 285 of the CPC of the Russian Federation).

Whereas as a result of cases recognizing the citizen to be incapacitated there will be the court judgment stated that the citizen is incapacitated. Further the tutorship and guardianship authorities are obliged to appoint a trustee (part 2 of Art. 285 of the CPC of the Russian Federation). There is no court obligation to send the copy of the decision on such case to tutorship and guardianship authorities at the place of residence (stay) of the citizen in this article. Respectively, it turns out that the judgment copy to these bodies is provided by applicants.

At the same time, within special proceedings the procedure of cancellation of the restrictions of the citizen in capacity and in recognizing the citizen to be incapacitated can be realized. The order of such procedure is defined in Art. 286 of the CPC of the Russian Federation where the powers of the court are also stated. So, the court with its new decision has the right to rehabilitate the citizen limited in capacity and to cancel the guardianship (part 1 of Art. 286 of the CPC of the Russian Federation).

As for the incapacitated citizen the court has the right with the new decision to restore his/her capacity and to cancel guardianship (part 2 of Art. 286 of the CPC of the Russian Federation). Herewith, the existing procedural legislation doesn't establish special rules concerning sending copies of such judicial act.

The chapter 32 of the CPC of the Russian Federation defines an order of carrying out the following procedure of special proceedings in civil process within which the minor can be declared fully capable (emancipation). Special rules concerning the judgment on a case of this category are enshrined in Art. 289 of the CPC of the Russian Federation according to which the court has two powers: to make the satisfactory decision or to reject the applicant's request (part 1). At the same time, the law focused attention that "at satisfaction of the stated request the minor who reached age of sixteen years appears fully capable (emancipated) from the date the judgment on emancipation entered into force (part 2 of Art. 289 of the CPC of the Russian Federation)".

In chapter 33 of the CPC of the Russian Federation two procedures have been regulated: on the recognition of a movable thing as ownerless and on the recognition of ownership of an ownerless immovable thing.

Herewith, in part 1 of Art. 293 of the CPC of the Russian Federation it is enshrined that the court makes the decision not only on recognition of a movable thing ownerless, but also resolves an issue of transfer it into the person's property who entered possession of it. The basis for such decision is court's recognition of the fact that the owner refused ownership of a movable.

According to part 2 of Art. 239 of the CPC of the Russian Federation the court makes the decision on recognition of the property right of municipal or federal cities of Moscow, St. Petersburg or Sevastopol on a certain thing if only as a result of case consideration the court finds out that the immovable thing has no owner or the owner of an immovable thing isn't known and it is accepted on account in accordance with the a stated order.

In chapter 34 of the CPC of the Russian Federation the order of rights restoration on lost bearer securities or order securities (summoning proceedings) is settled, and where there is Art. 300 devoted to the issues of court judgments and according to which the court can make the positive decision on satisfaction of an applicant request. Such decision includes statement of the fact that the lost document is recognized as not valid and the rights on the lost bearer securities or the order security are restored. The law states accurately that such decision is the basis for issuing a new document for the applicant instead of nullified. At the same time, the court has no obligation in such category of cases to send the copy of the judgment to special bodies and the organizations.

Herewith, the decision of such a case that has entered into force is the basis to state a claim for the unreasonable acquisition or saving of property. Such a requirement is submitted to the court to a person whose right to receive a new document is recognized instead of a document lost by the holder who, for any reason, has not declared his rights to this document in a timely manner (Art. 301 of the Civil Procedure Code of the Russian Federation).

The chapter 36 of the Civil Code of the Russian Federation considers the order of corrections or amendments procedure to the civil registry, it also includes Art. 309 of the Civil Code of the Russian Federation, dedicated to a court decision in such cases. Thus, according to the provisions of Art. 309 of the Civil Code of the Russian Federation, a positive decision states that the record was not entered correctly and serves as the basis for making corrections or changes to such a record by the civil registration body. The obligation of the court to send a copy of the judicial act to any bodies and organizations is not supported by law. However, it is known that interested persons in such a category of cases are invited by the registration authorities and, thus, they will receive a copy of such an act as participants of the proceedings.

Sergey Nikitovich Loburev rightly noted that “the obligation to submit a court decision about corrections (changes) to the civil status act to the RDCSA (Registration Department of Civil Status Act) is assigned to the applicant. To do this, the applicant must wait when the court decision enters into force and act upon order and receipt of a certified court's decision copy in court, which is withdrawn by the RDCSA”¹⁵⁶⁰.

¹⁵⁶⁰ Loburev S.N. Current problems of realization (execution) of judicial acts on introduction of corrections (changes) in civil registration // The Administrator of Court. – 2020. – No. 3. – P. 26-30.

The following procedure of special proceedings is devoted to the order of considering applications about notarial actions or refusing to do it (chapter 37 of the Civil Procedure Code of the Russian Federation). Art. 312 of the Code of Civil Procedure Code of the Russian Federation stipulates that the court can make a decision on both satisfaction and refusal to satisfy the applicant's requirements. In the first case, the court cancels the notarized act or obliges it to do so.

The legal regulation of the court decision issued in accordance to chapter 38 of the Civil Code of the Russian Federation, dedicated to the restoration of lost court proceedings, differs. So, according to Art. 317 and Art. 318 of the CPC RF, according to the results of such proceedings, both a court decision and a determination can be made. The decision as an act of justice restores judicial proceedings.

The current civil procedure legislation focuses on the reasoning part of the decision in such a case, which should include the court's conclusions on the provability of the circumstances discussed by the court and an indication on the procedural actions conducted by the court for the lost proceedings (par. 2 of part 2 of Art. 317 of the Civil Procedure Code of the Russian Federation).

The court makes a decision to terminate the proceedings in the case if the interested persons provided insufficient materials to the process in order to accurately restore the court order related to the lost proceedings. In such a determination, the court explains to interested persons the right to sue in the general order (part 1 of Art. 318 of the Civil Code of the Russian Federation).

According to part 2 of Art. 318 of the Civil Code of the Russian Federation, the court must make a determination on the termination of proceedings in such a case and if an application has been received to restore the lost court proceedings for the purpose of its execution and, at the same time, the deadline for presenting the execution sheet has expired and it is not restored by the court.

V.V. Argunov rightly noted that “the categories of cases that are resolved in special proceedings are specific not only in their subject matter, the absence of a dispute about the right, the means of proof, the subject composition (the absence of the second party in the process in some of them), but also they differ from the procedure of execution of most judicial acts in civil cases: no enforcement proceedings are carried out, no execution sheets are issued”¹⁵⁶¹. Respectfully, for the final resolution of legal relations of the parties, applicant's active actions are necessary after the decision in the case of special proceedings entered into force.

¹⁵⁶¹ Argunov V.V. On the “standard of proof” in cases of special proceedings // Development of legal science in new conditions: unity of theory and practice. Collection of the materials of International scientific and practical conference, Rostov-on-Don, October 26, 2019. – Rostov-on-Don: Publishing House of SFU, 2019. – P. 288-290.

Conclusion. In general, the current legal regulation of the court's decision content in special proceedings cases in the current civil procedure and arbitration procedure legislation contains some gaps that need to be addressed.

The current formulation of part 3 of Art. 263 of the Civil Code of the Russian Federation requires clarification in procedural legislation, taking into account the fact that the court has the right to exercise the power to leave an application without consideration only when preparing a case for trial or during the trial.

At the legislative level, the transformation of special proceedings into claims should be allowed. Such a transformation can be carried out on the initiative of both the court and the parties and on the basis of the powers granted to the court by procedural legislation. The court, at the legislative level, may be given the right to decide on the issue of transformation when accepting requirements to the proceedings received from interested persons, as well as during the preparation of the case for a court hearing (for example, in a preliminary court hearing) or in the main court hearing, to raise the issue of transformation (on the transition from special to lawsuit proceedings) for discussion and formalize the result of such a discussion by court determination.

An analysis of the court's powers showed that the decision in cases of special proceedings is an interim act aimed at consolidating the relevant legal fact, legal status, as well as an act of monitoring the activities of notary and registry offices, about which a statement had been received from interested persons. After the decision has taken place, it is necessary to take a number of actions that entail the necessary legal consequences. In other words, unlike cases in which a dispute over a right is resolved, the court decision in special proceedings only states a legal fact (condition, etc.), but does not resolve the issue of legal relations of the persons concerned.

In the cases of adoption as the distinctive feature of such court proceedings, it is revealed a court's duty: after the decision on case entered into force within three days it's necessary to send the copy of this act to civil registration body in the place of court decision-making for the state registration of child adoption. Such power of the court on interaction with public authorities is directed to final settlement of a question of parties' legal relationship. With other categories of special proceedings, the court has no duty to send the copy of the decision on the case on its own to special bodies, authorized of registration character. The above-mentioned finds problems of legal regulation of court on special proceedings obligation to send the copy of the judgment with results of case consideration to specialized bodies and the organizations. In this part the current civil procedural legislation demands improvement.

In general, content of the decision made by the court of special proceedings according to provisions of the current civil procedural legislation has to be similar to the decision made by court of lawsuit. At the same time, judicial practice shows that

first instance courts don't pay due attention to differentiation of types of proceedings within which cases are considered, and that obvious reflects in contents of decisions on cases of special proceedings. In particular, it should be recognized that it is not admissible to use the terms "statement of claim", "claimant" and other terms which are peculiar to lawsuit but not to decisions of special proceedings cases.

In the civil procedural legislation, the attention is only twice focused on structural elements of the court decision made in special proceedings: resolutive part (part 2 of Art. 222 of the Arbitration Procedure Code of the Russian Federation); motivation part (subpar. 2 of part 2 of Art. 317 of the CPC of the Russian Federation). Seeing complex structure of the cases considered as special proceedings it is necessary to regulate in more details in the CPC RF and the Arbitration Procedure Code of the Russian Federation the content of certain parts of the decisions made by court.

On categories of special proceedings cases, on the basis of relevant grounds, the court has the right to make not only the decision, but also the determination. So, according to the general rule, the court makes determination about leaving the application without consideration if when filing application or consideration of the case as special proceedings the existence of a dispute on the right (part 3 of Art. 263 of the CPC of the Russian Federation) is ascertained. It is obviously possible to settle this issue in Art. 222 of chapter 19 of the CPC of the Russian Federation.

Rules on the ability of a court to make a determination about termination of the proceedings on restoration of the lost judicial proceedings are an exception. The bases are stated the following:

- if in the process there was insufficient information provided by interested persons for exact recovery of the court order connected with the lost production (part 1 of Art. 318 of the CPC of the Russian Federation);
- if the statement for restoration of the lost judicial proceedings for the purpose of his execution arrived and, at the same time, the term of presentation of the court order to execution expired and it isn't restored by court (part 2 of Art. 318 of the CPC of the Russian Federation).

It seems possible to settle these bases in Art. 220 of chapter 18 of the CPC of the Russian Federation.

§ 4. Interpretation of certain provisions of academician A.Ya. Vyshinsky's theory of evidence in the works of professor H.A. Gustov

Introduction. The creation of the Imperial Academy of Sciences was one of the steps taken by Emperor Peter I to reform Russia according to the Western model.

Members of the Imperial Academy of Sciences, its successors (the Russian Academy of Sciences, and then the Academy of Sciences of the Union of Soviet

Socialist Republics and again the Russian Academy of Sciences), from its inception until now, have been and are well-known scientists, including lawyers, who have made a significant contribution in the development of law and legal traditions in Russia.

Among the very first lawyers, members of the Academy of Sciences, one can name Johann Simon Bekenstein (1684-1742) – a German Doctor of Sciences in Law in the Russian service, full-time Academician, Professor of Jurisprudence. Before coming to Russia, he was an Associate Professor at Königsberg University. By invitation, he arrived to St. Petersburg in 1725, where he was a Professor of Law at the Academy of Sciences. During his stay at the Academy of Sciences, J.S. Bekenstein gave lectures to students, and also, he prepared the paper “Interpretation of the Russian Statute” and compiled the “History of Public Law”.

The next lawyer – a member of the Academy of Sciences was Friedrich Heinrich Strube de Piermont (1704-1776), Russian scholar of German origin, Professor of Law, member of the St. Petersburg Academy of Sciences (1738). He was one of the authors of the “Norman theory” in the formation of Russian statehood.

Georg Friedrich Fedorovich (1730-1790), Russian lawyer of German origin, Professor of common law, full member of the Imperial Academy of Sciences. He studied law before coming for service to the Russian Empire. Once in Russia, he served first at the medical office, then as chief auditor in the Admiralty.

Quite famous in pre-revolutionary Russia, in the USSR and in modern Russia was A.F. Koni (1844-1927), Russian lawyer, judge, statesman and public figure, writer, acting privy councilor, member of the State Council of the Russian Empire. A.F. Koni was an Honorary Academician of the Imperial Academy of Sciences in the category of fine literature.

Also, in 1900, K.K. Arseniev (1837-1919), lawyer, publicist, public figure, organizer of an independent advocacy in pre-revolutionary Russia was elected an Honorary Academician of the Imperial Academy of Sciences in the category of fine literature. It is noteworthy that Anatoly Fedorovich Koni and Konstantin Konstantinovich Arseniev dealt with issues of criminal law and process, as well as issues of morality in criminal proceedings.

In Soviet times, out of 835 members of the Academy of Sciences, lawyers were in an absolute minority. The same situation continues to this day. So, for example, 5 lawyers are represented in the modern Russian Academy of Sciences. They are:

- Andrey Gennadyevich Lisitsyn-Svetlanov, Soviet and Russian jurist, lawyer, specialist in private international law and civil procedure, corresponding member of the Russian Academy of Sciences in the Department of social sciences;
- Viktor Nikolaevich Rudenko, Russian philosopher and legal scholar, Doctor of Sciences in Law, Candidate of Sciences in Philosophy, Professor,

Academician of the Russian Academy of Sciences; corresponding member, director of the Institute of philosophy and law of the Ural Branch of the Russian Academy of Sciences, he deals with the problems of civic participation in the administration of public power;

– Georgy (Yuri) Kirillovich Tolstoy, Doctor of Sciences in Law, Professor, specialist in the field of general theory of law, civil and business law, Academician of the Russian Academy of Sciences;

– Garegin Ashotovich Tosunyan, Russian banker, President of the Association of Russian Banks, Doctor of Sciences in Law, Candidate of Sciences in Physics and Mathematics, corresponding member of the Russian Academy of Sciences, Academician; he organized and headed the first in Russia department of banking law and financial and legal disciplines at the Academy of National Economy;

– Taliya Yarullova Khabrieva is a Soviet and Russian legal scholar, specialist in constitutional law, Doctor of Sciences in Law, Professor, and Academician of the Russian Academy of Sciences. She is a codifier of the migration legislation of the Russian Federation and the initiator of the formation of a new branch of Russian law – “Arctic law”; director of the Institute of Legislation and Comparative Law under the Government of the Russian Federation, representative of the Russian Federation in the European Commission for Democracy through Law.

Main research. Looking back, it can be stated that one of the most controversial members of the USSR Academy of Sciences was Doctor of Sciences in Law, Professor A.Ya. Vyshinsky¹⁵⁶², Soviet statesman, lawyer, diplomat, Prosecutor General of the Union of Soviet Socialist Republics, Minister of Foreign Affairs, Permanent Representative of the USSR to the United Nations.

The biography of A.Ya. Vyshinsky is of great interest. It is known that in 1901 he entered the law faculty at Kiev University, and he graduated from it in 1913. In 1915-1917, he worked as an assistant to jury solicitor of the Moscow City Court Chamber P.N. Malyantovich known for defending the revolutionary movement for free, and in September 1917 the jury solicitor P.N. Malyantovich on the proposal of Kerensky became Minister of Justice of the Interim Government (the fourth structure).

In 1920-1921, A.Ya. Vyshinsky worked as a teacher at Moscow University and at the same time he was a dean of the economic faculty of the Plekhanov Institute of National Economy. Then his fate takes a turn, and in 1923-1925 he worked as a prosecutor of the Criminal Investigation Collegium of the Supreme

¹⁵⁶² In the future, when quoting, we omit those criticisms of A.Ya. Vyshinsky regarding bourgeois evidentiary law, with its inherent doctrine “confession is a queen of evidence” (regina probationum) and politicized statements that do not relate to the topic of our article.

Court of the USSR. In this position, he acted as public prosecutor in many high-profile trials: the case of “Gukon” (1923), the case of the Leningrad judicial workers (1924), the Konservtrest case (1924). It should be noted that A.Ya. Vyshinsky was a court orator of a fairly high level, which was facilitated by his high level of education compared to many of his colleagues, his experience as a jury solicitor, and teaching experience.

In 1923-1925, A.Ya. Vyshinsky already worked as a prosecutor of the Criminal Judicial Collegium of the Supreme Court of the RSFSR, and at the same time he taught as a professor at Moscow State University in the Department of Criminal Procedure.

In the period from 1925 to 1928 A.Ya. Vyshinsky was the Rector of Moscow State University, from May 11, 1931 – the Prosecutor of the RSFSR, from May 21 of the same year he was also the Deputy People’s Commissar of Justice of the RSFSR. From June 1933 he was the Deputy Prosecutor General of the USSR, and from March 1935 to May 1939 – the Prosecutor General of the USSR, and in this position, he became in fact the “commander-in-chief of the legal front”, while combining practical activity with scientific activity, stood at the origins of the formation of the science of theory State and law in Soviet jurisprudence. In July 1938, at the First Council devoted to the Science of the Soviet State and Law, A.Ya. Vishinsky’s report “The main tasks of the science of Soviet socialist law” formed the basis of the “general line of the party” in legal science. “His ideas became a kind of “mirror of the epoch”, which reflected social processes and, in particular, the actual return of the traditional constants of Russian statehood into the life of Soviet Russia: orthodoxy, sovereignty and the sobornost, transformed under the influence of communist ideology”¹⁵⁶³. He combined the theory of the State and the theory of law, putting forward the concept of “Marxist-Leninist theory of law and the State”¹⁵⁶⁴.

At the same time, one cannot deny the fact that certain provisions of the developed by A.Ya. Vyshinsky theories of judicial evidence are relevant today; they have been developed in the works of Soviet legal scholars, and still continue to be developing in modern works of Russian scientists.

For example, until now, his statements are relevant that “the cogency of a court decision means confidence not only in the fact that it fully complies with the circumstances of the case, the tasks and principles of the judicial policy expressed in the verdict. The cogency of a court decision also means confidence in an

¹⁵⁶³ Anisimov I.I. Synthesis of communist ideology and traditions of Russian statehood in the political and legal ideas of A.Ya. Vyshinsky: abstract of Candidate of Sciences in Law thesis. – Kursk, 2012. – P. 4, 9-10.

¹⁵⁶⁴ Musatov F.V. The formation of the science of the theory of state and law in domestic jurisprudence // Electronic appendix to the Russian Law Journal. – 2013. – No. 4. – P. 11-13.

exhaustive analysis of all the circumstances of the case, that the case has been decided taking into account all the circumstances that could only be ascertained and clarified. When it concerns criminal cases, it means such an analysis of all the circumstances of the case, in which the actions and facts that constitute the crime are fully revealed, the conditions and facts that contributed to its implementation are clarified, and the main reasons that gave rise to this crime are exhaustively ascertained”¹⁵⁶⁵.

The well-known English jurist James Stephen frankly expressed this idea as early as in the last century and in the following words, written in the work “Criminal Law of England”: “It must be remembered that it is equally important for society not only that the sentences are fair but also that they should be recognized as fair”¹⁵⁶⁶.

“The cogency of the court decision” that A.Ya. Vyshinsky said about, i.e. the combination of legality, validity, motivation and fairness, is today the most important requirement of the criminal procedure law for all court decisions made in criminal proceedings, including sentences.

Existing scientific discussions about the relationship between fairness and legality, the legality and validity of a court decision, in particular a sentence, only emphasize the unity of the criteria for a sentence referred in Art. 297 of the CPC of the RF¹⁵⁶⁷.

We fully agree with E.A. Galkina, who wondered about the legitimacy of considering the fairness of the sentence only as it is used in the Criminal Code of the Russian Federation, exclusively as a characteristic of punishment: “Can a

¹⁵⁶⁵ Vyshinsky A.Ya. Theory of judicial evidence in Soviet law. – Moscow: AYuR NKYu USSR, 1941. – P. 7-8.

¹⁵⁶⁶ Ibid.

¹⁵⁶⁷ Ashirbekova M.T., Zaitseva E.A. On the essential properties of the sentence // Bulletin of the Tomsk State University. Law. – 2021. – No. 40. – P. 21-31; Belyaev M.V. On the relationship between the validity of judicial decisions and proof in criminal proceedings // Law: history, theory, practice. Collection of articles and materials. – Bryansk: Novyj proekt, 2018. – P. 49-57; Magankova A.A. Modern issues of the fairness of the first instance court verdict in the contemporary criminal process in Russia: Candidate of Sciences in Law thesis. – Chelyabinsk, 2013. – 263 p.; Saprunova M.P. Fairness of the sentence in criminal proceedings // Actual problems of Russian law and legislation. Collection of materials of the All-Russian Scientific and Practical Conference. – Kasnoyarsk: Siberian Institute of Business, Management and Psychology, 2017. – P. 254-255; Akhundov N.A. Fairness of the verdict: abstract of Candidate of Sciences in Law thesis. – Moscow, 1990. – 21 p.; Nasibullina D.R. Legality and fairness of the sentence in a criminal case // XXVIII International Scientific and Practical Conference. Collection of materials. – Astrakhan: Olimp, 2017. – P. 600-603; Kudryavtseva A.V., Petrov A.V. Constitutional and legal meanings of modern judicial reform // Bulletin of the South-Ural State University. Series: Law. – 2021. – Vol. 21. – Iss. 1. – P. 79-83; Maryina E.V. Implementation of the principle of legality in the sentence revision // Verification of the legality and validity of court decisions in criminal proceedings. Collection of materials of the All-Russian scientific and practical conference. – St. Petersburg: Asterion, 2021. – P. 268-273.

sentence be considered fair if the punishment is imposed on a person who has not committed a crime? Can a sentence be regarded as fair if a punishment that is fully consistent with the Criminal Code of the Russian Federation, and the gravity of the crime and the personality of the convicted person, was imposed outside the judicial procedure or without observing the principles of a fair procedure? Does the goal as a fair sentence justify such a means as an unfair trial? Fair, as well as legal and justified is only the sentence that is decided in accordance with the requirements of the criminal procedure law and is based on the correct application of the criminal law”¹⁵⁶⁸.

The opinion of A.Ya. Vyshinsky on the tasks of the investigation and the court, about the role of science in judicial proof is also urgent.

“Court cases – both at the stage of preliminary investigation, and at the stage of their judicial consideration – are very often so complex and intricate, filled with so many contradictions, scraps of facts and human actions, that to sort out this incredible labyrinth of factual, psychological, logical and similar circumstances are possible only by firmly relying on the granite foundation of science, only by having a sufficiently reliable and proven scientific method of research”¹⁵⁶⁹.

“The task of the investigation is the correct understanding and evaluation of the facts that are evidence ... The task of science is to make it easier for the judge and investigator to have the most unmistakable, and, therefore, objective knowledge of those facts, phenomena, things that they have to deal with as evidence”¹⁵⁷⁰. These questions continue to be investigated by modern scientists¹⁵⁷¹.

However, A.Ya. Vyshinsky, paying attention to the natural and technical sciences, ignored the methodology of philosophy, the provisions of psychology, in particular, the cognitive approach, the laws of psychophysiology, which he criticized very harshly¹⁵⁷².

The opinion of A.Ya. Vyshinsky about the obligatory ascertainment of the truth in criminal proceedings has been repeatedly considered by modern scientists,

¹⁵⁶⁸ Galkina E.A. Fairness of the verdict or fairness of the criminal process? // Bulletin of the Samara Law Institute. – 2018. – No. 2 (28). – P. 134; Markovicheva E.V. Fairness as a moral criterion for evaluating court litigation: problems of interpretation and implementation // Judiciary and criminal process. – 2017. – No 4. – P. 130-133.

¹⁵⁶⁹ Vyshinsky A.Ya. Theory of judicial evidence in Soviet law. – Moscow: AYUR NKYu USSR, 1941. – P. 140.

¹⁵⁷⁰ Ibid. – P. 137.

¹⁵⁷¹ Belousov A.V., Smakhtin E.V. Investigator: procedural status and problems of its implementation // Siberian Criminal Procedure and Forensic Readings. – 2019. – No. 3 (25). – P. 19-25; Kalinovskiy K.B. Judicial control and inadmissibility of evidence // Criminal process. – 2016. – No. 12 (144). – P. 9; Konin V.V. Criminal procedural function of the court: a brief analysis of the content // Russian judge. – 2008. – No. 4. – P. 15-16; Konin V.V. On the functions of the investigator in criminal proceedings // Russian judge. – 2009. – No. 4. – P. 31-33.

¹⁵⁷² Vyshinsky A.Ya. Op. cit. – P. 24, 133, 134, 140.

despite the fact that the Criminal Procedure Code of the Russian Federation of 2001, unlike the Criminal Procedure Code of the RSFSR of 1960, does not contain a requirement to ascertain the truth, and gave rise to a scientific discussion that has not been completed up to date¹⁵⁷³.

As one of the scientists who researched A.Ya. Vyshinsky's scientific legacy in the field of development of investigative and judicial technique we can rightfully name Professor H.A. Gustov.

In our opinion, we can say that Professor H.A. Gustov interpreted the provisions on "objective, material truth"¹⁵⁷⁴, its finding with the help of scientific methods, adapted and formulated by him for a reliable, true, establishment of the circumstances of what happened, the formation of an internal conviction in the correctness of the results of knowing the circumstances of what happened.

These are formulated by Professor H.A. Gustov methods of forensic modeling¹⁵⁷⁵, program-targeted method¹⁵⁷⁶, integrated approach¹⁵⁷⁷, factor analysis¹⁵⁷⁸.

H.A. Gustov formulated these methods to solve the problems of investigating crimes, however, he does not detract from and does not deprive the possibility of using these methods to achieve the goals of the entire legal proceedings as a whole, based on the fact that the activity in criminal proceedings is characterized as cognitive-evidential¹⁵⁷⁹, one element of which is knowledge of what happened and proving the reliability, correspondence of the known to reality. At the same time,

¹⁵⁷³ Maryina E.V. On the problem of the truth cognoscibility in a criminal process // Legal truth in criminal law and process. Materials of the All-Russian scientific and practical conference. – St. Petersburg: ID "Petropolis", 2018. – P. 131-136; Kudryavtseva A.V. Understanding the truth in the procedural branches of law as an expression of epistemological models of knowledge // Bulletin of the Orenburg State University. – 2006. – No. 3 (53). – P. 102-105; Makarova Z.V. What is truth in criminal procedure // Legal truth in criminal law and process. Materials of the All-Russian scientific and practical conference. – St. Petersburg: ID "Petropolis", 2018. – P. 125-130; Konin V.V. Proof in criminal proceedings and issues of truth ascertainment // Russian judge. – 2008. – No. 9. – P. 48-50.

¹⁵⁷⁴ Vyshinsky A.Ya. Op cit. – P. 18, 19, 89-94, 115-122, 127, 141-145, 156.

¹⁵⁷⁵ Gustov H.A. Modeling in the investigator's work. – Leningrad: n/a, 1980. – 188 p.

¹⁵⁷⁶ Gustov H.A. Program-targeted method of organizing the murder disclosure: Textbook. – St. Petersburg: In-t povysheniya kvalif. prokurorsko-sledstvennyh rabotnikov Prokuratury RF, 1997. – 122 p.

¹⁵⁷⁷ Gustov H.A. An integrated approach to the murder solving. – Leningrad: In-t povysheniya kvalif. prokurorsko-sledstvennyh rabotnikov Prokuratury SSSR, 1988. – 142 p.

¹⁵⁷⁸ Gustov H.A. Discovery of a method of official embezzlement solving in a difficult situation: Factor analysis: Textbook: In 2 vols. – Leningrad: LGU, 1985. – 142 p.

¹⁵⁷⁹ Korsakov K.A. Methods of scientific knowledge in criminal proceedings: Lecture notes. – St. Petersburg: Sankt-Peterburgskij juridicheskij institute General'noj prokuratury RF, 2004. – P. 3-14; Korsakov K.A. The concept of cognitive and evidence-based activity. Scientific school of criminal procedure and criminalistics of St. Petersburg State University. Materials of conferences. – Moscow: KnoRus, 2019. – P. 152-157.

the results of cognition are formed in the form of an image, a mental model, which is finally fixed in the indictment, and then in the verdict.

Researches, initiated by H.A. Gustov, are being continued to the present time¹⁵⁸⁰.

So, for example, I.Yu. Pankina, considering the issues of studying the methodology of the criminal process, indicates the vector of the relationship between forensic methods of cognition and proof, which “allows solving a number of scientific and practical problems related to the improvement of applied methods of investigating crimes”¹⁵⁸¹.

And in the judicial stage of criminal proceedings, these methods are applicable by both the public prosecutor and the defender¹⁵⁸².

The use of these methods makes it possible to build a model with the highest degree of reliability and check its compliance with reality.

The technology of the modeling method allows to build a model, the factor analysis method – to establish whether all the elements of the model are taken into account; the program-target method assists in collecting information and planning activities; the integrated approach method – to check the relationship between the elements of the model and the completeness of the study of each element.

It must be immediately stated that it is difficult to divide the application of these methods into stages, sequences, etc., as well as to separate them from other methods, observations, measurements, descriptions, comparisons, analogies, etc.

These methods are not simply based on mental activity, in fact, like all other methods, they are aimed at organizing thinking, its methods, discipline, planning activities.

In accordance with the technology of the modeling method, the basis, the skeleton of the event model, is compiled from known information, in which

¹⁵⁸⁰ Volchetskaya T.S., Yablokov N.P. Prerequisites for the formation of forensic situational science // Bulletin of Moscow University. Series 11: Law. – 1997. – No. 3. – P. 41-50; Volchetskaya T.S., Osipova E.V. Forensic modeling in criminal proceedings. Study guide. – Kaliningrad: BFU, 2020. – 126 p.; Volchetskaya T.S., Renner N.A., Makarova O.A. Development of the situational approach in legal science and didactics // Modern law. – 2017. – No. 12. – P. 88-92.

¹⁵⁸¹ Pankina I.Yu. The relationship between the methodology of cognition and proving in criminal proceedings and forensic science // Union of Criminalistic specialists and Criminologists. – 2019. – No. 2. – P. 122-129.

¹⁵⁸² Korsakov K.A., Sidorenko E.V. Criminalistic aspects of the public prosecutor's preparation to public prosecuting // Collection of articles of St. Petersburg School of Criminalistics. Materials of the annual forensic forum, St. Petersburg, October 25-26, 2019. – St. Petersburg: St. Petersburg Law Institute (branch) of the University of the Prosecutor's Office of the Russian Federation, 2019. – P. 66-75; Konin V.V. Participation of the defender in litigation: a situational approach // Actual issues of the State and law development. Anniversary collection of scientific papers. – Kaliningrad: Kaliningrad State University, 2002. – P. 198-209.

unknown elements are filled proceeding from the knowledge of the patterns of certain activities, professional, everyday knowledge and experience, and other sources. The model is studied to determine exactly what traces and where exactly they should be left if the events occurred in accordance with this model, then it is checked for the presence of exactly such traces and finding exactly where they should be in case the constructed model coincides with reality. Discrepancies provide grounds for planning the search for missing information, setting specific tasks that need to be solved.

The program-target method is aimed at the organization of thinking, its discipline in solving the tasks set. The technology of the method involves the programming of activities similar to scientific research. Programs are created by the researcher independently or pre-compiled standard programs are used, the purpose of which is to study the event (circumstances of the event) as a whole and each of its elements separately. The program is created in the form of the most optimal sequence of tasks that must be solved to achieve the goal of the program. Tasks are formulated in the form of questions to be answered. The technology prescribes the following procedure: formulation, clarification of the problem, analysis of the available information related to its resolution, determination of the sufficiency of information to solve it (in case of insufficiency, its collection), formulation of conclusions, since conclusions are new knowledge, they are subject to study and are used to resolution of previously unsolved problems. Programs do not provide a rigid sequence of actions, unlike algorithms, but provide an opportunity to postpone the solution of a problem until new information is obtained in the process of solving subsequent problems with a mandatory check of previously made conclusions, their correctness or the need to change based on the new knowledge gained. At the same time, fixing the application of the method allows tactical planning of individual actions, their complex, and strategic activities as a whole in order to create a reliable model, its elements and the relationships between them.

The method of factor analysis prescribes to study the results of an event, its consequences, in order to identify the factors in the dynamics of the event development that must be present in order to follow exactly those results. That is, to determine the obligatory elements of the event model, since the absence of at least one factor or its other quality gives reason to categorically state that such an event could not lead to the known results. In our case, the incorrectness of the constructed model, which requires its change or the creation of a new one.

An integrated approach prescribes the study of the central event along with the events that preceded it and those that followed it, as well as the identification and study of events accompanying and related to the previous, central and subsequent events and their relationship. With regard to the event model, the use of

this method allows, when each of the model elements is put in turn as central, to trace the dynamics of its development from the moment of its occurrence to its state at the time of study, and, taking all other elements of the model as accompanying and related events, to establish and trace their interrelationships, their presence or absence, means to check the entire system of the model, its reliability.

Conclusion. Thus, we can conclude that despite all the contradictory of the figure of A.Ya. Vyshinsky, his active participation in political processes, where questions of legality and justice were replaced by questions of class and political expediency, many thoughts and proposals for organizing a preliminary investigation, trial were absolutely correct, gave rise to a scientific discussion, led to the development of new areas of scientific research, and found their development over time, including being fixed in the system of principles of modern criminal justice, which we observe in modern criminal procedure.

§ 5. Theoretical model of the criminal procedure legislation in the USSR and RSFSR of 1990 and its role in the development of the Russian criminal justice

Introduction. More than 30 years ago, in the wake of the 19th Conference of the Communist Party of the Soviet Union, held in the summer of 1988 and outlining the reform of the country's political system in the direction of democratization, the researchers from the Department of Justice Problems of the Institute of State and Law of the USSR Academy of Sciences, with the involvement of a number of other well-known scientists (team of authors under the guidance of G.N. Vetrova, L.D. Kokorev, Yu.V. Korenevsky, A.M. Larin, A.G. Mazalov, I.L. Petrukhin, V.M. Savitsky, G.I. Changuli, N.F. Chistyakov)¹⁵⁸³ created and published in 1990 an ambitious theoretical model designed to update the criminal procedure legislation of the Union of Soviet Socialist Republics (USSR) and the Russian Soviet Federative Socialist Republic (RSFSR). However, in our days, references to it in legal research are extremely hard to find, and it's almost impossible to acquire a book describing it. Only sometimes this model is remembered as some kind of next step in the development of criminal procedure science. So, for example, giving his assessment, N.A. Kolokolov writes: "The more than cautious proposals of the authors of this model soon received a powerful impetus for development in the Concept of Judicial Reform in the RSFSR"¹⁵⁸⁴.

¹⁵⁸³ Savitsky V.M. (ed.). Criminal procedure legislation of the USSR and the RSFSR. Theoretical model. – Moscow: Institute of State and Law of the Academy of Sciences of the USSR, 1990. – 317 p.

¹⁵⁸⁴ Kolokolov N.A. Criminal justice: three decades of reforms // *ZakonRU*. – URL: https://zakon.ru/blog/2019/1/2/ugolovnoe_sudoproizvodstvo_tri_desyatiletiya_reform (Accessed on September 8, 2023).

Main research. However, three decades later, we can be sufficient certain about the real role played by this theoretical model in the fate of domestic criminal procedure law and whether it was really modest and cautious, despite the fact that it contributed to a “powerful impetus” for further judicial reforms.

It should be noted that the ideas put forward by the scientists of the Institute of State and Law of the USSR Academy of Sciences and their colleagues largely anticipated the main innovations, which subsequently, one way or another, were included in the new (current) Criminal Procedure Code of 2001¹⁵⁸⁵.

Thus, they were the first to formulate the previously absent from the Code of Criminal Procedure of RSFSR principles of legality (Article 6), publicity (Article 10), competitiveness (Article 20), respect for the dignity of the individual (Article 12), protection of the rights and freedoms of citizens (Article 13), presumption of innocence (Article 18). All these guiding principles were later enshrined in the Code of Criminal Procedure of the Russian Federation (Article 7, 9, 11, 14, 15 and 21).

At the same time, the competitiveness was limited only to court proceedings. The court was supposed to be exempted from performing actions that were not characteristic for it, such as sending an indictment to the accused and its announcement in court (Article 427, 488 of the model). If the prosecutor refused to charge, the court had to pass a not guilty verdict (Article 514). The court was not supposed to take the initiative in questioning the defendant, the victim, witnesses and experts (parts 6, 7 of Article 492), etc. All these recommendations, one way or another, were subsequently introduced into the new Code of Criminal Procedure of the Russian Federation. In the article 15 entitled “Adversarial system”, it is literally stated that criminal proceedings are carried out on the basis of the adversarial nature of the parties (part 1); the functions of accusation, defense and resolution of a criminal case are separated from each other and cannot be assigned to the same body or the same official (part 2); the court is not a body of criminal prosecution, does not act on the side of the prosecution or the side of the defense; it creates the necessary conditions for the parties to fulfill their procedural obligations and exercise the rights granted to them (part 3); the prosecution and defense parties are equal before the court (part 4). The activities of the court during the judicial investigation under the Code of Criminal Procedure of the Russian Federation are also limited in favor of the parties. In fact, we use the rules of the so-called cross-examination, when the court has the right to questions the witness, the victim and other interrogated persons only after the parties question them, in order to clarify certain circumstances of the case that remained out of sight of the parties (part 3 of Article 275, part 3 of Article 278). It must be said that in this matter the new Code

¹⁵⁸⁵ The Criminal Procedure Code of the Russian Federation No. 174-FZ dated 18 December 2001 // *Sobranie zakonodatel'stva RF*. – No. 52 (part I). – December 24, 2001. – Art. 4921.

has gone along the path of adversarial principle even further than the theoretical model, since according to the part 8 of Article 492 of the model it was assumed that the presiding judge and lay judges would have the right to question the interrogated persons at any moment of the judicial investigation, whereas according to the Code of Criminal Procedure of the Russian Federation, the court does not have such a right, and the interrogation of the defendants at any moment of the judicial investigation is allowed only at their will, although such a deviation from the usual procedure (first the prosecution presents the evidence, then the defense) requires the permission of the presiding judge. Apparently, the model still pays a certain tribute here to Soviet ideas about the goal of a court in criminal proceedings, which played a leading role of the court in examining evidence in the name of establishing the so-called objective truth (Article 17 of the “Establishment of objective truth” section), but, in fact, inherited elements of the inquisitorial order of legal proceedings.

Another major deviation from the adversarial principle, which is allowed by the authors of the model, is organically connected with the preservation of the institution of returning a criminal case for additional investigation, for example in order to make up for the incompleteness of the preliminary investigation, which cannot be eliminated in court (Article 447, 470, which practically reproduced the content of part 1 of Article 232 of the Code of Criminal Procedure of the RSFSR), i.e. to supplement the evidence base of the prosecution. Of course, this was a step backwards in comparison with other, progressive ideas of the model, since the possibility of returning the case for additional investigation made it possible to correct any errors of the prosecution and lower courts, thereby actually nullifying the entire adversarial nature. At the same time, it should be noted that the institution of “additional investigation” demonstrated amazing vitality. In the Criminal Procedure Code of the Russian Federation, the power to return the case to the investigator for additional investigation was expressly reserved only to representatives of the prosecution, precisely to the head of the investigative body (paragraph 11, part 1, Article 39) and the prosecutor (paragraph 15, part 2, Article 37, paragraph 2, part 1, Article 221). Moreover, the article 237 of the Code of Criminal Procedure of the Russian Federation, in practice, allows returning the criminal case to the prosecutor in order to eliminate obstacles to its court trial. De facto, this possibility is often used by the investigation and the prosecutor’s office to collect missing evidence, even though the highest judicial bodies of the country attempt to delimit this option from the option of sending the case for additional investigation.

So, according to paragraph 4 of the Resolution of the Constitutional Court of the Russian Federation of December 8, 2003 No. 18-P “On the case of constitutional review of the provisions of articles 125, 219, 227, 229, 236, 237, 239,

246, 254, 271, 378, 405 and 408, as well as chapters 35 and 39 of the Code of Criminal Procedure of the Russian Federation in connection with requests from courts of general jurisdiction and complaints from citizens”¹⁵⁸⁶ the provisions of the first part of Article 237 of the Code of Criminal Procedure of the Russian Federation do not exclude, in their constitutional and legal sense, the power of the court at the request of a party or on its own initiative to return the case to the prosecutor in order to eliminate obstacles to the court trial in cases of significant violations of the criminal procedure that cannot be eliminated in trial, if the return of the case to the prosecutor is not connected with the completion of the inquiry or preliminary investigation.

A similar stance was taken by the Plenary Session of the Supreme Court of the Russian Federation, which in paragraph 14 of its Ruling of March 5, 2004 No. 1 “On the application of the norms of the Code of Criminal Procedure of the Russian Federation by the courts”¹⁵⁸⁷ explained that in “... cases where significant violations of the law that cannot be eliminated in a court session, and the elimination of such violations is not connected with completion of the inquiry or preliminary investigation, the judge, in accordance with part 1 of Article 237 of the Code of Criminal Procedure of the Russian Federation, on his own initiative or at the request of a party in the manner prescribed by Article 234 and 236 of the Code of Criminal Procedure returns the case to the prosecutor to eliminate the committed violations”.

At the same time, an extremely important innovation, which actually introduced a significant element of adversity at the pre-trial stages, was the institution of judicial control over the observance of the rights and legitimate interests of citizens, including checking, based on their complaints, the legality of refusal to initiate a criminal case or its termination, application of detention, removal of the accused from office (articles 94, 128, part 3 of Article 368, part 4 of Article 415). Without a doubt, this creative innovation of the theoretical model authors later formed the basis of the current institution of judicial control over the actions (inaction) and decisions of the preliminary investigation bodies and the prosecutor, which can damage the constitutional rights and freedoms of participants in criminal proceedings or hinder citizens’ access to justice (articles 125, 125¹ of the Code of Criminal Procedure).

In addition, the accused was supposed to have a right to object to the termination of the criminal case and demand a trial, regardless of the grounds for the termination of the case (articles 40, 416 of the model). As we know, the current Code of Criminal Procedure of the Russian Federation provides such a right only in relation to a number of reasons that do not rehabilitate the accused (part 2 of Article 27). However, from the point of view of the most complete observance of

¹⁵⁸⁶ Sobranie zakonodatel'stva RF. – No. 51. – December 22, 2003. – Art. 5026.

¹⁵⁸⁷ The Bulletin of the Supreme Court of the Russian Federation. – 2004. – No. 5.

the interests of the individual, the option proposed by the authors of the model seems to be the best practice. After all, a public acquittal restores the reputation of the accused much more effectively than a “secret” decision to dismiss the case, even if on rehabilitating grounds. Moreover, the accused may be far from indifferent (for example if they are planning to protect their financial interests in civil trial on what basis, be it an absence of an event or *corpus delicti*, criminal prosecution is terminated).

The authors of the model were the first to formulate in a normative description the institution of rehabilitation of the accused (suspect) and its consequences, including the compensation for property and moral damages caused by illegal conviction, detention, and removal from office, illegal placement in a medical facility. It also offered the idea of the restoration of the labor, housing, pension and other rights of the accused (chapter 42 of the model). These humanistic ideas, revolutionary for their time, were accepted and specified in the new Code of Criminal Procedure of the Russian Federation of 2001 (chapter 18 “Rehabilitation”).

The model gave the accused, the attorney and other parties the right to participate in sessions of the court of cassation and supervisory instances when considering complaints or protests related to their interests, as well as in proceedings based on new or newly discovered circumstances (Article 40, part 5, 7 Article 529). The Code of Criminal Procedure of the RSFSR (Article 335) at first did not provide that right. It took the intervention of the Constitutional Court of the Russian Federation¹⁵⁸⁸, which officially recognized the right of the accused to participate in the sessions of a higher court, which, in fact, fully confirmed the legitimacy of the position previously formulated in the academic model. After that, this right was enshrined in the Code of Criminal Procedure of the Russian Federation.

An innovation unprecedented in the Soviet criminal process, which was also proposed by the model, was the institution of the admissibility (inadmissibility) of evidence. It appeared in the Code of Criminal Procedure of the RSFSR four years later, after the adoption in 1993 of the Law of the Russian Federation¹⁵⁸⁹, which also established a jury trial, which was also anticipated in the academic model.

¹⁵⁸⁸ The Resolution of the Constitutional Court of the Russian Federation No. 27-P dated December 10, 1998 on the constitutional review of the part 2 article 335 of the Criminal Procedure Code of the RSFSR regarding the complaint of M.A. Baronin // SPS “ConsultantPlus”. – URL: <https://www.consultant.ru/> (Accessed on September 8, 2023).

¹⁵⁸⁹ The Law of Russian Federation No. 5451-1 “On Introducing Amendments and Additions to the Law of the RSFSR “On the Judiciary of the RSFSR”, the Code of Criminal Procedure of the RSFSR, the Criminal Code of the RSFSR, and the Code of the RSFSR on Administrative Offenses” dated 16 July 1993 // SPS “ConsultantPlus”. – URL: <https://www.consultant.ru/> (Accessed on September 8, 2023).

In it, the jury was titled an extended panel of twelve lay judges, with the participation of one professional judge (articles 527¹-527⁵ of the Code of Criminal Procedure), which was extremely bold if not revolutionary for the Soviet period, at the end of which this concept was created. It was assumed that the right of the accused to such a trial arises when the person is accused of committing crimes for which the death penalty or imprisonment for more than 10 years can be imposed. It must be noted, that the model offered a very original and interesting form of jury trial. So, for the formation of the collegium the lay judges were chosen by a lot from the persons who had previously been elected to the lay judges. The drawing of lots in the selection of lay judges was to be carried out in the presence of the defendant and the attorney. Only the defense team was entitled to three unmotivated recall of candidates. Members of the lay judges' collegium became active participants in the study of evidence; the collegium decided the question of the guilt of the defendant in the deliberation room independently in the absence of a professional judge. However, in the case of a guilty verdict, the collegium had to decide on the sentencing together with the judge. The lay judges could vote for the acquittal of the defendant, who, in their opinion, although guilty of a crime, was not socially dangerous. The change of the decision to the worse was strictly prohibited: the acquittal was not subject to appeal. The review of the guilty verdict in an unfavorable direction for the convicted was also not allowed. These recommendations show the bold intention of the creators of the model to combine the advantages of a jury trial and a lay assessors' trial, creating a new, extremely democratic and more consolidated form of active popular participation in legal proceedings, which, in our opinion, the legislator should carefully look at if he decides to further reform Russian jury.

The authors of the model imagined the pre-trial stages in a different way comparing to the way they were regulated by the Code of Criminal Procedure of the RSFSR. First of all, the preliminary investigation was to become the prerogative of an independent unified Investigative Committee under the Council of Ministers of the USSR. This idea was ahead of its time by more than two decades: only on January 15, 2011, the Investigative Committee of the Russian Federation started functioning¹⁵⁹⁰.

Noteworthy is the deep understanding by the authors of the essence of inquiry, which in the Code of Criminal Procedure of the RSFSR, and especially in the current Code of Criminal Procedure of the Russian Federation, is mixed with the concept of a simplified and accelerated form of preliminary investigation. The

¹⁵⁹⁰ The Decree No. 38 of the President of the Russian Federation dated 14 January 2011 "On the questions of activities of the Investigative Committee of the Russian Federation" // The official website of the President of the Russian Federation. – URL: www.kremlin.ru (Accessed on September 8, 2023).

inquiry in the model was designed exclusively as the initial stage of the investigation, where only urgent investigative actions could take place (Article 374). At the inquest, charges could not be brought, measures of restraint could not be chosen, a criminal case could not be dismissed, a final charge could be formed. All this fell within the competence of the investigator and the prosecutor. Indeed, theoretically, the purpose of a classical inquiry should be, first of all, to promptly identify and, if necessary, detain specific suspects in hot pursuit of a crime using predominantly covert methods of investigation and identify sources of future evidence of guilt so that they can be implemented in the course of subsequent preliminary investigation¹⁵⁹¹. It is this procedure that potentially allows for a flexible and not too formalized approach, and hence greater efficiency in the investigation of crimes. The transformation of the inquiry into a simplified copy of the investigation that took place in our criminal process, and replacing it with an ersatz in the form of a brief “pre-investigation check” at the stage of initiating a criminal case, violates a reasonable balance between investigative and operational and search activities, moreover, taking the latter beyond criminal process, giving rise to the problem of their competition.

However, it should be taken into account that this model was created on the eve of the reforms of criminal justice that followed later, and in a certain sense its authors were pioneers. Therefore, it is not surprising that some of their ideas were not entirely viable. For example, the institution of suspension, resumption and termination of suspicion and accusation (articles 405–408) did not take root, along with the preservation of the institution of suspension of the investigation and (partial) termination of the criminal case. True, in fairness it should be noted that later, in the Code of Criminal Procedure of the Russian Federation, it received, to a certain extent, an analogue in the form of the termination of criminal prosecution. However, the requirement to end suspicion in case when charges are not brought within a short period of detention (up to 5 days), contained in Article 101¹ of the model seems clearly unrealistic.

The proposed transmission of powers to investigate crimes to the prosecutor (part 3 of Article 29, part 2 of Article 380), in spite of the proposal to create a single Investigative Committee, seems to us not too consistent, since it is undesirable for the criminal process to mix the procedural functions of the investigation (including the management of the investigation) and prosecutorial supervision¹⁵⁹² (which was

¹⁵⁹¹ Professor of St. Petersburg University N.N. Rozin pointed out that “inquiry refers to the measures taken by the bodies specified in the law to establish in hot pursuit the event of a criminal act, its emerging legal features and its alleged culprit. These measures should collect the necessary material on which the prosecution can rely” (Rozin N.N. Criminal procedure. – St. Petersburg: Pravo, 1914. – P. 415).

¹⁵⁹² Rozin N.N. Op. cit. – P. 244; Antonov I.A., Gorlenko I.A. The functions of the prosecutor’s office in the field of criminal justice: the concept, content, “reduction trend” // *Rossijskij sledovatel*. – 2008. – No. 20. – P. 5-9.

also recognized by a part of the team of authors), or – with a different approach (typical, for example, for the French type of process) – the functions of investigation and criminal prosecution (public prosecution)¹⁵⁹³.

Conclusion. However, while leaving private remarks of this kind one cannot deny the obvious fact that the explored model law laid a number of cornerstones in the foundation of the Russian criminal procedure, on which it rests to this day. Moreover, some of the brilliant scientific ideas presented in it retain their heuristic potential for further steps to reform it.

§ 6. The problem of determining the jurisdiction of cases of embezzlement of funds from a bank account

Introduction. The relevance of countering crimes against property is due to the importance of its criminal law protection. As far back as the ancient laws of Kievan Rus, there was criminal liability for encroaching on property. In some historical periods, crimes against property were punished more severely than crimes against the person. Thus, the Criminal Code of the RSFSR of 1960¹⁵⁹⁴ for the specially qualified theft of state or public property provided for punishment in the form of imprisonment for a term of 5 to 15 years with confiscation of property, and for murder without qualifying signs – in the form of imprisonment for a term of 3 to 10 years.

Furthermore, the high prevalence of crimes against property in the Russian criminal structure demonstrates the importance of fighting this phenomenon.

As such, in 2020 these crimes accounted for 39% of all the crimes convicted by the courts of general jurisdiction: out of 530,998 convicted, 206,313 were convicted of property crimes. The total number of convicts for committing crimes in the economic sphere (Section VIII of the Criminal Code of the Russian Federation¹⁵⁹⁵) amounted to 213,178 people, of which 97% of convicts (206,313

¹⁵⁹³ “One of the main principles of criminal procedure according to the Code d’instruction criminelle is the separation of the criminal prosecution function from the functions of investigation and substantial resolution of criminal cases, emphasized by all authors. Such a divide is explained in theory by the desire to ensure the completeness, comprehensiveness and impartiality of the investigation and trial of cases that would not be possible if these functions were combined with criminal prosecution, that is, activities of an accusatory nature” (Cheltsov-Bebutov M.A. The course of Soviet criminal procedure law. Essays on the history of the court and the criminal process in the slave-owning, feudal and bourgeois states. – St. Petersburg: Alfa, 1995. – P. 479-480).

¹⁵⁹⁴ The Criminal Code of the RSFSR (approved by of the Supreme Court of the RSFSR on October 27, 1960) (as emended on July 30, 1996) // SPS “ConsultantPlus”. – URL: <https://www.consultant.ru/> (Accessed August 30, 2023).

¹⁵⁹⁵ The Criminal Code of the Russian Federation No. 63-FZ dated 13 June 1996 (as amended on July, 2021), (with amendments and additions effective from August 22, 2021) // SPS “ConsultantPlus”. – URL: <https://www.consultant.ru/> (Accessed August 30, 2023).

people) for crimes against property. For comparison, 150,444 people were convicted of crimes against public safety and public order (Section IX of the Criminal Code of the Russian Federation) in 2020, of which 115,019 were convicted of acts against the person¹⁵⁹⁶.

In the first half of 2021, out of 273,888 convicted by courts of general jurisdiction, 105,810 people were found guilty of crimes against property, that is, about 39%. In total, 109,707 people committed crimes in the economy (section VIII of the Criminal Code of the Russian Federation). At the same time, 77,165 people were convicted of crimes against public safety and public order (section IX of the Criminal Code of the Russian Federation) over the same period, of which 60,829 were convicted of acts against the person¹⁵⁹⁷.

The total damage from embezzlement, the cases of which were considered by the courts in 2020, amounted to 69,164,919,173 rubles¹⁵⁹⁸, in the first half of 2021 – 14,471,672,569 rubles¹⁵⁹⁹.

Since property crimes constitute a dominant part of the Russian criminal structure, they do not only harm the individual who owns the stolen property but also weaken the country's financial system, worsen the economic situation, and lead to a general deterioration in the standard of living for Russians.

Specifically, the theft of money, materials during the construction of roads leads to a poor state of the road network, the off-road leads to a rise in the cost of goods delivered on these roads, since the depreciation costs of carriers increase as well, resulting in an increase in the cost of transportation itself, which is reflected in the final price of the goods.

Taking property and money from individuals reduces their purchasing power, worsens their standard of living, and takes their assets to the shadow economy, where these resources can be used for developing the drug business, preparing larger thefts, strengthening organized crime, etc.

¹⁵⁹⁶ Judicial statistics of the Judicial Department at the Supreme Court of the Russian Federation // The Judicial Department at the Supreme Court of the Russian Federation. – URL: <http://www.cdep.ru/index.php?id=79&item=5669>; http://www.cdep.ru/userimages/sudebnaya_statistika/2021/k3-svod_vse_sudy-2020.xls (Accessed August 30, 2023).

¹⁵⁹⁷ Judicial statistics of the Judicial Department at the Supreme Court of the Russian Federation // The Judicial Department at the Supreme Court of the Russian Federation. – URL: <http://www.cdep.ru/index.php?id=79&item=5895>; http://www.cdep.ru/userimages/k3-svod_vse_sudy-1-2021.xls (Accessed August 30, 2023).

¹⁵⁹⁸ Judicial statistics of the Judicial Department at the Supreme Court of the Russian Federation // The Judicial Department at the Supreme Court of the Russian Federation. – URL: <http://www.cdep.ru/index.php?id=79&item=5671>; http://www.cdep.ru/userimages/sudebnaya_statistika/2021/F4-svod_vse_sudy-2020.xls (Accessed August 30, 2023).

¹⁵⁹⁹ Judicial statistics of the Judicial Department at the Supreme Court of the Russian Federation // The Judicial Department at the Supreme Court of the Russian Federation. – URL: <http://www.cdep.ru/index.php?id=79&item=5896>; http://www.cdep.ru/userimages/F4-svod_vse_sudy-1-2021.xls (Accessed August 30, 2023).

Due to the statistics set out above and the importance of the problem of fighting crimes against property, the state must implement a set of effective measures to combat these crimes. In addition to being harmoniously integrated into existing criminal law, such measures must also not cause controversy and misunderstanding among law enforcement officers. Otherwise, even the deepest and most necessary initiatives will not have the desired results, and will have little impact on the criminal situation in the country. In addition, not all amendments in the Criminal Law of Russia are understood by specialists who apply them in practice.

Main research. Introduced into the Criminal Code of Russia by the Federal Law No. 111-FZ¹⁶⁰⁰ dated 23 April 2018, the specially qualified constituent elements of theft provided for by paragraph G of part 3 of Article 158 of the Criminal Code of the Russian Federation (“from a bank account, as well as in relation to electronic funds...”)¹⁶⁰¹ posed many questions to law enforcement officers of our country. Among them are: the moment of the end of such an act, the methods of its commission, as well as the problem of determining the territorial investigative jurisdiction and court jurisdiction of cases of such crimes. A special place in this series is occupied by the problem of determining the place of embezzlement from a bank account determined by the peculiarities of the method and object of the said act.

The listed difficulties of enforcement are due to the ambiguous interpretation of the new norm of the Criminal Law by its subjects. The decisions of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation, which follows from Article 126 of the Constitution of the Russian Federation¹⁶⁰² and paragraph 1, part 3 of Article 5 of the Federal Constitutional Law No. 3-FKZ on the Supreme Court of the Russian Federation dated 5 February 2014¹⁶⁰³.

The purpose of the interpretation, in turn, is to clarify what legislative thought is embedded in this law, or to reproduce those ideas and concepts that its creator associated with this norm. At the same time, as academician of the USSR Academy of Sciences and the Russian Academy of Sciences V.N. Kudryavtsev rightly noted, the disclosure of the meaning of the norm “should not mean an actual change in the

¹⁶⁰⁰ Sobranie zakonodatel'stva RF. – No. 18. – April 30, 2018. – Art. 2581.

¹⁶⁰¹ The Criminal Code of the Russian Federation No. 63-FZ dated 13 June 1996 (as amended on July, 2021) (with amendments and additions in force since August 22, 2021) // SPS “ConsultantPlus”. – URL: <https://www.consultant.ru/> (Accessed August 30, 2023).

¹⁶⁰² The Constitution of the Russian Federation (with amendments approved during the all-Russian vote on July 1, 2020). The official text of the Constitution of the Russian Federation, as amended as of March 14, 2020, is published on the Official Internet portal of legal information. (URL: <http://www.pravo.gov.ru>) on July 4, 2020.

¹⁶⁰³ The Federal Constitutional Law No. 3-FKZ on the Supreme Court of the Russian Federation dated 5 February 2014 (with amendments and additions in force since August 13, 2019) // SPS “ConsultantPlus”. – URL: <https://www.consultant.ru/> (Accessed August 30, 2023).

content of the law, since only the legislator has the right to correct the law, bringing the outdated or inaccurate text in line with the meaning of the right act, with the goal pursued when publishing the norm”¹⁶⁰⁴.

Although the version (dated 29 June 2021) of the Ruling No. 29 of the Plenary Session of the Supreme Court of the Russian Federation on Judicial Practice in Cases of Theft, Robbery and Robbery dated 27 December 2002 gives relevant explanations, however, from the point of view of criminal law and criminal law theory, the unresolved contradictions remain. The amendments made in June 2021 to the specified ruling of the Plenary Session of the Supreme Court of the Russian Federation did not remove the severity of the problem of determining the jurisdiction of these cases, affecting not only the quality and timeliness of the administration of justice, but also directly affecting the rights of participants in the proceedings.

The paragraph 25.2 of the mentioned ruling No. 29 of the Plenary Session of the Supreme Court of the Russian Federation dated 27 December 2002 clarifies that *the place of termination of theft from a bank account is the location of an bank office or other organization in which the owner of the funds opened a bank account or the electronic funds without opening an account were recorded.*

However, this position seems ambiguous, since the provisions of the Criminal Code of the Russian Federation and the Code of Criminal Procedure of Russia regulate the issue in a different way.

Thus, according to the requirements of Article 32 of the Code of Criminal Procedure of the Russian Federation¹⁶⁰⁵, according to the general rule, a criminal case is subject to consideration in court at the place where the crime was committed. The part 2 of the same article of the Code of Criminal Procedure of the Russian Federation¹⁶⁰⁶ establishes the requirement to apply a similar rule in cases of the end of a crime in a place different from the place of its beginning – the case is considered at the place of the end of the **crime**.

The **concept of a crime** is enshrined in the Criminal Law of the Russian Federation. The Article 14 stipulates that a **crime is recognized** as the culpably, socially dangerous act prohibited by this Code under the threat of punishment¹⁶⁰⁷.

According to part 2 of articles 9, 14, 17 and other norms of the Criminal Code of the Russian Federation¹⁶⁰⁸, **a criminal act can be committed in the form of an**

¹⁶⁰⁴ Kudryavtsev V.N. General theory of the characterization of crimes. – Moscow: Yurist, 1999. – P. 88.

¹⁶⁰⁵ The Code of Criminal Procedure of the Russian Federation No. 174-FZ dated 18 December 2001 (as amended on July 1, 2021, with additions as of September 23, 2021) // SPS “ConsultantPlus”. – URL: <https://www.consultant.ru/> (Accessed August 30, 2023).

¹⁶⁰⁶ Ibid.

¹⁶⁰⁷ The Criminal Code of the Russian Federation No. 63-FZ dated 13 June 1996 (as amended on July, 2021), (with amendments and additions in force since August 22, 2021) // SPS “ConsultantPlus”. – URL: <https://www.consultant.ru/> (Accessed August 30, 2023).

¹⁶⁰⁸ Ibid.

act or inaction, that is, it does not include other elements belonging to the wider categories, the objective side of the crime and its qualification, the degree of completion of criminal intent, the onset of criminal consequences (including, in relation to the crime in question, in the form of debiting money from the victim's account).

The mentioned part 2 of Article 9 of the Criminal Code of the Russian Federation¹⁶⁰⁹ establishes the moment of the end of the act determining the territorial jurisdiction of the criminal case – the commission of a socially dangerous act (inaction), regardless of the time the consequences occurred.

Similarly, in accordance with the provisions of Article 152 of the Code of Criminal Procedure of the Russian Federation¹⁶¹⁰, the place of preparation of the preliminary investigation is determined – “at the place of commission of an act containing signs of a crime” (but not at the place of occurrence of consequences affecting the qualification of the crime).

At the same time, the Criminal Code of the Russian Federation and the Code of Criminal Procedure of the Russian Federation do not contain requirements to take into account when establishing the territorial court jurisdiction of the case the moment and place of occurrence of criminal consequences, as well as other circumstances affecting the legal assessment (qualification) of an act containing signs of a crime (for example, the presence of all signs of the subject of the crime, including in a number of cases established for a long period of sanity).

Thus, following the requirements expressly enshrined in the Criminal Code and the Code of Criminal Procedure of the Russian Federation, the territorial court jurisdiction (as well as the investigative jurisdiction) of a criminal case is determined only by the place of commission of the act prohibited by the Criminal Law, with the exception of the special cases expressly established in Articles 32 and 152 of the Code of Criminal Procedure of the Russian Federation¹⁶¹¹.

The similar position on the matter was expressed by the Constitutional Court of the Russian Federation in the Resolution No. 22-P dated 16 October 2012 (see subparagraph 2 of paragraph 3): “By the general rule provided by part one of Article 32 of the Criminal Procedure Code of the Russian Federation, **criminal case is subject to consideration in court in the place of commission of crime to which that place of commission of the act containing signs of crime where it is stopped or ended is recognized**”¹⁶¹².

¹⁶⁰⁹ Ibid.

¹⁶¹⁰ The Code of Criminal Procedure of the Russian Federation No. 174-FZ dated 18 December 2001 (as amended on July 1, 2021, with additions as of September 23, 2021) // SPS “ConsultantPlus”. – URL: <https://www.consultant.ru/> (Accessed August 30, 2023).

¹⁶¹¹ Ibid.

¹⁶¹² Sobranie zakonodatel'stva RF. – No. 44. – October 29, 2012. – Art. 6071.

In addition, based on the regulatory regulation of banking activities in the Russian Federation, the address of the division of the bank in which the victim's account was opened is not identical to the address of the account on which the theft item was stored.

Thus, Article 845 of the Civil Code of the Russian Federation¹⁶¹³ stipulates that the bank account agreement is concluded with the bank (but not its branch, office, etc.). According to Article 846 of the Civil Code of the Russian Federation¹⁶¹⁴, when concluding a bank account agreement with a client or a person indicated by him, an account is opened in the bank (not in its branch or office).

According to Article 1 of the Federal Law No. 395-1 on Banks and Banking dated 2 December 1990¹⁶¹⁵, *the bank is credit institution which has, in addition, the exclusive right to carry out banking operations, including opening and maintaining bank accounts of natural and legal persons.*

According to provisions of Article 5 of the Federal Law No. 395-1 on Banks and Banking dated 2 December 1990¹⁶¹⁶, *opening and maintaining bank accounts are different banking operations, and they are carried out only by a credit institution* (but not its office, branch as independent economic entity).

Similar provisions (about assigning only the banks the rights of opening and maintaining the bank account) are contained in the Instruction of The Central Bank of Russian Federation No. 153-I on Opening and Closing Bank Accounts, Savings Accounts (Deposits), Deposit Accounts dated 30 May 2014 (including Chapter 1, paragraph 1.1)¹⁶¹⁷.

It follows from the above regulatory acts that *the bank account agreement is concluded with the bank, the account is also subject to opening with the bank, regardless of the address of the branch (office) of the bank, that is, the address of maintaining the bank account in accordance with Russian law is the legal address of the bank in which this account is maintained* (but not the address of the branch, office of the bank).

Therefore, determination by the place of commission of the crime in question of the address of the branch of the bank in which the account is opened, it seems

¹⁶¹³ The Civil Code of the Russian Federation (part two) No. 14-FZ dated 26 January 1996 (edition as of July 1, 2021, with amendments on July 8, 2021) // SPS "ConsultantPlus". – URL: <https://www.consultant.ru/> (Accessed August 30, 2023).

¹⁶¹⁴ Ibid.

¹⁶¹⁵ The Federal Law No. 395-1 on Banks and Banking dated 2 December 1990 (edition as of July 2, 2021) (with amendments and additions in force since October 18, 2021) // SPS "ConsultantPlus". – URL: <https://www.consultant.ru/> (Accessed August 30, 2023).

¹⁶¹⁶ Ibid.

¹⁶¹⁷ The Instruction of The Central Bank of Russian Federation No. 153-I on Opening and Closing Bank Accounts, Savings Accounts (Deposits), Deposit Accounts dated 30 May 2014 (edition as of February 2, 2021). It is registered by the Ministry of Justice of the Russian Federation under No. 32813 on June 19, 2014 SPS "ConsultantPlus". – URL: <https://www.consultant.ru/> (Accessed August 30, 2023).

inaccurate, and the recognition of the position on the address of a credit institution as a crime scene, under paragraph G of part 3 of Article 158 of the Criminal Code of the Russian Federation¹⁶¹⁸, should entail the establishment of the legal address of the bank as the place where all such crimes were committed against its clients, regardless of the location of the business unit the customer contacted to open an account.

No fewer questions arise about the actual attribution by law enforcement practice of non-criminal elements – the occurrence of criminal consequences and the causal relationship between the act and the consequences.

It follows from the provisions of part 1 of Article 854 of the Civil Code of the Russian Federation¹⁶¹⁹ that the withdrawal of funds from the account is carried out by the bank on the basis of a client's order. Therefore, when performing any settlement transaction (both legal and illegal), the bank receives an order (instruction) of the client to debit funds from his account, after which, subject to the conditions for checking the legitimacy of such order, the bank executes it and debits funds from the account. The crucial point in this scheme for performing any transaction with a bank account is the fact that it is performed by a bank, without a client, whose participation ceases after giving an order to the bank.

Therefore, when stolen from a bank account, the criminal act ends at the time of ordering the bank to debit funds. Further activity of the bank to execute the order is only the consequences of such an act.

This structure of the objective side of the crime in question is fully consistent with the achievements of Criminal Law science.

A significant contribution to the development of the doctrine of crimes was made by V.N. Kudryavtsev, Doctor of Sciences in Law, Professor, Honored Scientist of the RSFSR, Academician of the USSR Academy of Sciences and the Russian Academy of Sciences, Vice President of the Academy of Sciences. Describing the relationship between the act and the objective side of the crime, he pointed out that “a human act... is of both subjective and objective nature, since it is a manifestation of the internal properties of the human person, at the same time, serving as a form of interaction between a person and external reality. Therefore, the action does not completely enter the objective side of the crime (as in the case of the criminal result), but only with its external performing, physical side, its external expression”¹⁶²⁰.

¹⁶¹⁸ The Criminal Code of the Russian Federation No. 63-FZ dated 13 June 1996 (as amended on July, 2021), (with amendments and additions in force since August 22, 2021) // SPS “ConsultantPlus”. – URL: <https://www.consultant.ru/> (Accessed August 30, 2023).

¹⁶¹⁹ The Civil Code of the Russian Federation (part two) No. 14-FZ dated 26 January 1996 (edition as of July 1, 2021, with amendments on July 8, 2021) // SPS “ConsultantPlus”. – URL: <https://www.consultant.ru/> (Accessed August 30, 2023).

¹⁶²⁰ Kudryavtsev V.N. Objective side of the crime. – Moscow: Gosyurizdat, 1960. – P. 10. (See also Durmanov N.D. (Senior Researcher at the Institute of State and Law of the USSR Academy of Sciences). Concept of crime. – Moscow–Leningrad: Izd-vo Akademii nauk SSSR, 1948. – P. 3-4).

Developing the thesis about the objective side of the crime as a category broader than the criminal act, V.N. Kudryavtsev noted that “the significant characteristics of a criminal act (inaction) are the way, place, time and atmosphere of the crime. However, they are not independent elements of the objective side, since they only characterize the act (action or inaction) of the offender. *The objective side*, therefore, does not include the method, place, time and setting of the commission of the crime taken in addition to or along with the action (inaction), but *the external side* of the socially dangerous action (inaction) performed in a certain way in these conditions of place, time and setting”¹⁶²¹.

Academician V.N. Kudryavtsev argued that “the action (inaction) of a person... forms the first, but not the only, stage of the criminal assault process. By committing socially dangerous actions, the subject affects the surrounding reality, makes various changes in it, which, in turn, cause further development of events. At this stage, which is called the causal link between the act and the criminal result, the development of events can take a different direction, depending on both the nature of the act and the conditions of the place, time and setting”¹⁶²².

Thus, in the theory of criminal law, the criminal act and the consequences resulting from its implementation are considered to be connected by causal relations, but they are still different elements of the objective side of the crime.

Speaking about the crime in question, it is clear that the act of the perpetrator ends when the bank is instructed to debit funds from the account (and it does not matter how – through the ATM, payment terminal in the store, or using the banking application in the victim’s mobile phone), and the process of implementing such an order by a bank with debiting money from the victim’s account or blocking such a transaction is precisely the consequence of a criminal act – this is the result of influencing the surrounding reality, “changes that... cause further developments”¹⁶²³.

For this reason, if a bank blocks the order given to it by an improper person to debit money from the victim’s account, the crime should be qualified as an attempt to steal, since the act was committed by the guilty, but the criminal result did not occur due to circumstances beyond its control, which in the material structure of the theft is a mandatory element of the completed crime.

Conclusion. Based on the above analysis, one can conclude that, in accordance with the provisions of the Criminal Code of the Russian Federation, **the place of commission of a crime under paragraph G of part 3 of Article 158 of the Criminal Code of the Russian Federation is the place of execution of the**

¹⁶²¹ Kudryavtsev V.N. Op. cit. – P. 10.

¹⁶²² Ibid. – P. 11.

¹⁶²³ Ibid.

criminal act prohibited by criminal law¹⁶²⁴ (manipulations with computer, mobile device, credit card, ATM, etc.) **regardless of the address of the unit of the credit institution to which the victim applied to open an account where the object of theft was stored.** Based on the place of commission of the crime in question, the territorial jurisdiction of such criminal cases should also be determined – at the place of commission of the criminal act.

The current law enforcement practice of including in the content of the act all elements of the objective side of the crime (both the direct act and the consequences that have occurred, and the causal relationship between them) entails many difficulties. This approach actually makes the determination of the jurisdiction of criminal cases dependent on the degree of completion of criminal intent, while the volume and place of the criminal act is unchanged, which is unacceptable based on the legislative concept of the crime and the position of the Constitutional Court of the Russian Federation on this issue above.

A similar situation arises in cases of crimes under consideration, in which the places of commission of an act and opening an account are separated by thousands of kilometers and many regions of Russia. In the event of a significant territorial distance of a credit institution from the place of execution of a criminal act and the residence of participants in the proceedings, the emerging practice will lead to the actual impossibility of considering such cases due to a time gap between, for example, the Kamchatka Krai and the Kaliningrad Region (10 hours). With such a difference in time, even the use of videoconferencing systems is unable to provide an opportunity to consider the case of embezzlement of funds from the account of a bank whose branch is open in Kaliningrad, but the act was committed in Petropavlovsk-Kamchatsky, since at the time of the start of the working day in the westernmost city of Russia in the Kamchatka Krai, working time is already over.

Even more difficult in practice, the understanding of the place of commission of the crime under consideration may entail in the investigation of the case at the place of commission of the act, and not at the location of the unit of the credit institution visited by the victim to open an account. From the interconnected provisions of paragraph 3, part 2 of Article 75 of the Code of Criminal Procedure of the Russian Federation¹⁶²⁵ and Article 152 of the Code of Criminal Procedure of the Russian Federation¹⁶²⁶ it follows that without the use of special mechanisms for changing the territorial jurisdiction of a criminal case, the evidence collected by the investigative body at the place of execution of the act may subsequently be declared

¹⁶²⁴ See details on the key role of the act as the element of crime in Kudryavtsev V.N. General theory of the characterization of crimes. – Moscow: Yurid. lit., 1972. – P. 72.

¹⁶²⁵ The Code of Criminal Procedure No. 174-FZ of the Russian Federation dated 18 December 2001 (edition as of July 1, 2021, with amendments on September 23, 2021) // SPS “ConsultantPlus”. – URL: <https://www.consultant.ru/> (Accessed August 30, 2023).

¹⁶²⁶ Ibid.

inadmissible by the court (provided that the bank's division is located in the territory not within the jurisdiction of this investigative body). The decision to find all the evidence in the case inadmissible would obviously entail substantial organizational and financial costs for the re-investigation.

Prevention of the described situation is possible, but only through the use of special mechanisms for changing the investigative jurisdiction of a large number of criminal cases, while they are intended not for mass adjustment of law enforcement practice, but for the one-time, isolated cases.

For the above reasons, we are convinced that the current Ruling of the Plenary Session of the Supreme Court of the Russian Federation in the above part requires adjustment, indicating the need to determine the place of commission of the crime under consideration only on the basis of the commission of a socially dangerous act – in strict accordance with the provisions of Article 14 of the Criminal Code.

§ 7. Contribution of international justice into the development of the state legal system of Russia: participation of academicians of the Russian Academy of Sciences in the resolution of interstate conflicts

Introduction. The significance of the institution of justice both in the development of the state-legal system of Russia and in the exercise of its internal and external functions by the modern State cannot be underestimated. Today, the State justice system is not only an instrument for sustaining the democratic gains of mankind, in particular the human right to a fair trial, but also one of the main means of upholding the interests of our country abroad.

The nature and specificities of international justice, the problems associated with the implementation of the legal positions of international courts in the national legislation of States, still cause some discussion. The various bodies of international justice, although not hierarchically subordinate to each other (like the internal domestic organizational subordination of the courts of first, appellate and cassation ones, up to the supreme courts), nevertheless interact with each other.

This testifies to the achievement of a fundamental agreement between States, as the main subjects of international law, on the issue of the competence and powers of various international judicial bodies. At the same time, the process of expanding international cooperation in this area creates the prerequisites for strengthening the role of international courts.

International judicial bodies are called upon to work in concert with the member States of the association, and their law enforcement practice should contribute to the improvement of the national legislation of the member States of

the world community, especially in terms of respect for human rights and freedoms, avoiding the mistakes of the past. In this regard, the study of modern and historical approaches to international litigations and the role of academicians of the Russian Academy of Sciences in the study of relevant methods for resolving international conflicts in various periods of the evolution of wartime and post-war diplomacy is being updated.

Main research. After the devastating consequences of World War II and the death of millions of civilians due to the atrocities of fascist Germany, the world community was forced to look for ways to prevent this in the future.

The most important step towards this was to bring the perpetrators to justice for crimes against humanity. In 1942, British Foreign Secretary Anthony Eden said that the guilt of the leaders of Nazi Germany “is so black... that it goes beyond any process”. Winston Churchill was of the same opinion that “after identification, criminals should be hanged without the possibility of pardon. A forced measure to avoid a conflict of jurisdictions”¹⁶²⁷.

The mass execution was opposed by the U.S. Vice President H.S. Truman, a former judge and senator from Missouri. Harry Truman was an irreconcilable opponent of any form of political solution to the issue and insisted on a trial.

Earlier, the Russian neo-Kantian philosopher, teacher, jurist, publicist, co-editor of the “Logos” magazine Sergei Iosifovich Hessen studied the problems of criminal punishment in the paper “Philosophy of Punishment”. Unfortunately, the Russian scientist did not return more specifically to this topic. Nevertheless, his conclusions deserve reflection in the modern system of human rights and freedoms guarantees. “Contrasting punishment with the act of vengeance sends humanity to blood-related revenge”¹⁶²⁸.

S.I. Hessen and H.S. Truman insisted on the exclusively legal nature of punishment, which retains the value of law as an integral part of world order and security.

S.I. Hessen in his study cites a position that is not quite ordinary and even somewhat contrary to the doctrine of modern criminal law. He relates punishment not so much to the duty of a person to endure the hardships imposed on him by a court sentence, but to the right of the person who has committed a crime to be punished. As an example, Rodion Raskolnikov is cited, whose torments of conscience for murder led to the fact that he deliberately surrendered to the authorities and went to hard labor. S.I. Hessen underlines that “like any activity meant to establish justice in society, punishment serves the law and, consequently,

¹⁶²⁷ Shaw T.W. Injury to Humanity: Moral Injury, Auschwitz, Nuremberg and Levinas // Academia Letters. – 2021. – Article 1425.

¹⁶²⁸ Solonitsyn P.S. Philosophical meaning of punishment in the work of S.I. Hessen // Bulletin of SSC. – 2021. – No. 4 (45). – P. 53-57.

the criminal himself, who is a creature punished as a subject with legal rights. Punishment is imposed on him in his own interests, for, having rights; he is just as interested in restoring justice as his judges”¹⁶²⁹.

The war criminals’ trial first took place after the end of the First World War. So, on May 23, 1921, a trial of 45 German officers accused of committing war crimes was held in Leipzig. But then only the executors’ cases were considered, without affecting the German generals and admirals, who gave orders, for the execution of which their subordinates went to trial.

At the Nuremberg trial, held by the International Military Tribunal dated from November 20, 1945 to October 1, 1946, the first persons of the State accused of committing war crimes and genocide appeared in the dock (the word “genocide” was first openly heard in Nuremberg). This gives the right to call the Nuremberg Tribunal the main court of the 20th century¹⁶³⁰.

The main prosecutor from the Soviet Union was the acting prosecutor of the Ukrainian SSR, Lieutenant General of Justice Roman Andreevich Rudenko, the future Prosecutor General of the USSR, a highly qualified lawyer, a brilliant speaker, to whom coalition partners were filled with a sense of deep respect and sincere sympathy¹⁶³¹.

When R.A. Rudenko worked together with his foreign colleagues, all charges against Nazi criminals were assigned to one of four sections. The first section dealt with the plans of the Nazi party and the waging aggressive wars; the second section was related to crimes against peace with the wording of the participation of defendants in “planning, preparing, launching and waging wars of aggression, which also constituted wars in violation of international treaties, agreements and obligations”. The third section was called “War crimes” and it included all crimes committed in violation of military laws and customs during the Second World War. The fourth section was “Crimes against humanity”, which included the acts of the Nazis against their own people and all those who, according to Nazi ideology, belonged to the “subhuman”¹⁶³².

On November 12, 1948, the Tokyo trial ended, which also examined the cases of Japanese war criminals.

The Soviet Union was represented at the trial by: as a judge – a member of the Military Collegium of the Supreme Court of the USSR, Major General Ivan

¹⁶²⁹ Hessen S.I. Philosophy of punishment // Logos. – 1912-1913. – Vol. 1-2. – P. 182-232.

¹⁶³⁰ Chayka K.L. The Genesis of International Justice // Rossijskoe pravosudie. – 2021. – No. 2. – P. 13-19.

¹⁶³¹ Nikitina I.E., Volevodz A.G. Forensic expertise in the international dimension. – Moscow: Prometheus, 2021. – P. 15-20.

¹⁶³² Vovk E.V. Concretization of the idea of justice in criminal law and justice: conceptual and techno-legal aspects // Papers of the Institute of State and Law of the Russian Academy of Sciences. – 2021. – Vol. 16. – No. 2. – P. 204-226.

Mikheevich Zaryanov, as a prosecutor – Head of the Treaty and Legal Department of the USSR Ministry of Foreign Affairs Sergey Alexandrovich Golunsky, who was then replaced by Moscow prosecutor Alexander Nikolaevich Vasiliev¹⁶³³.

Recently, there has been a renewed interest in the role that international courts can play in shaping international law. This is mainly due to two reasons. First, despite the increase in the number of international judicial institutions in recent decades, there was little discussion of the court's role in the development of international law; most researchers were limited to discussing the problem of the potential fragmentation of international law. Fragmentation concerns have now been joined by fears that the application of "fragmented" international law by national courts would be detrimental to national law. Second, doubts are again expressed about the effectiveness of international courts: are they capable of occupying exactly the place assigned to them by States, and will they not replace the discretionary powers of States with their discretionary powers? Courts were known to be called upon to settle disputes on the basis of international law, but judges were often faced with the fact that there was no clear rule and there was a temptation to formulate a new rule.

International justice bodies contributing to the peaceful settlement of international disputes. An urgent problem at present is the problem of increasing the efficiency of the work of international judicial bodies. Their large number, the lack of hierarchy between them, the possibility of different interpretations of international legal norms and principles by judges serving in different bodies of international justice, result in the conflicts in the jurisdictions of various international judicial bodies and the rendering of inconsistent decisions on the same issues of international law.

Overcoming or minimizing conflicts of jurisdiction is one of the major challenges that must be addressed in the development of international law and international justice.

The independence and impartiality of the judges of the international judiciary is also a pressing issue.

In general, problems related to the activities of international judicial bodies will always be relevant because, according to paragraph 1 of Article 38 of the Statute of the International Court of Justice, judicial decisions are a subsidiary means for determining a legal norm, that is, a subsidiary source of international law.

Modern international justice bodies as guarantors of the resolution of international disputes by peaceful means. In accordance with Article 33 of the UN Charter, the only possible means of resolving interstate disputes are peaceful

¹⁶³³ Chayka K.L. Op. cit.

means, namely, negotiations, surveys, mediation, conciliation, appeals to regional bodies or agreements, as well as arbitration and judicial proceedings.

The legal basis for the functioning of peaceful methods of resolving interstate disputes is one of the principles of *jus cogens* – the principle of resolving international disputes by peaceful means. This principle, as one of the universally recognized principles of international law, is enshrined not only in such a crucial international legal instrument as the UN Charter, but also in such fundamental international legal acts as the Declaration on the Principles of International Law of 1970, the Final Act of the CSCE of 1975, etc.

Nowadays, there are a large number of international justice bodies in the world, including judicial, quasi-judicial and arbitration bodies (courts, tribunals, chambers, arbitration, etc.), their main function is the resolving international disputes.

The modern stage in the development of international law and the international justice system is characterized by such development trends as diversification, fragmentation of international law, proliferation of international judicial bodies and the imperative of decisions of international courts.

The diversification was due to the existence of a large number of international judicial institutions, the lack of hierarchy among them, their decentralization, the possibility of different interpretations of international law and principles by judges serving in various bodies of international justice. It is determined by the impossibility of existence of unified international legislative body ensuring the unity of international law.

The diversity of international judicial bodies, including universal, regional and other international judicial bodies, is also a factor in the diversification of international law.

The diversification of international law, its decentralization, the existence of a large number of international justice bodies, the possibility for international judges and arbitrators to express different opinions on the interpretation of international law and principles contribute to the development of law and its adaptation to the changing conditions of international life.

According to the Report of the Commission on International Law of the United Nations, a negative point in the diversification of international law and international justice bodies is the risk of contradictions between various legal norms, as well as the creation of conditions for the forced fulfillment of mutually exclusive obligations by the State. Since they are unable to fulfill all obligations, they inevitably bear the appropriate responsibility of States.

However, it should be noted that diversification is an objective phenomenon. Thus, the 2006 Report of the Commission on International Law “Fragmentation of International Law: Difficulties Arising from the Diversification and Expansion of

International Law” states that deviations from the general principles of law reflect different goals and preferences of subjects of a pluralistic (global) society.

Thus, diversification is consistent with the spirit of the times and reflects the pluralism of the modern world. The strengthening of the rule of law in international relations was a positive development. There has been a constant decline in the areas of international relations not covered by international law. Fragmentation is a consequence of the diversification of international law.

Fragmentation of contemporary international law. One of the main trends in the development of modern international law is its fragmentation, i.e., splitting up. Researchers of the fragmentation of international law have identified seven areas that determine its development: 1) courts’ diversification applying international law; 2) increase of the number of legal norms and emergence of potential conflict between them; 3) increasing the opportunities for access by persons other than the state to the bodies of international justice; 4) the differences between jurisdiction and the applicable law of the international justice bodies; 5) the rapid development of inter-judicial dialogue; 6) the fusion of procedure and tradition in courts and legal systems; 7) the formation of mixed courts uniting national and international elements.

Three types of collisions are distinguished and it is noted that fragmentation is manifested differently in each of these types: a) a collision between common law and private, non-traditional interpretation of common law; b) a collision between common law and a private norm that claims to exist as an exception to common law; c) collisions between the norms of two types of special law.

The basic legal reasons for the fragmentation of the system of international law are: the lack of centralized institutions ensuring homogeneity and conformity of legal norms; the possibility of parallel regulation of the same problem at the universal and regional levels; competition of rules related to splitting of international law by branches, specializations.

International judicial bodies are called upon to work in concert with the member States of the association, and their law enforcement practice should help to improve the national legislation of the member States of the world community, especially in respect for human rights and freedoms, without making mistakes of the past.

With very significant differences in legal regulation, the activities of international judicial bodies have specific and, in fact, unified substantive bases – the principles and rules of international law.

The category of justice is traditionally considered as one of the systems forming backbone philosophical, political and legal principles of human existence. Understanding the essence of the concept of “justice” in the legal sense will differ from its philosophical or political meaning, as well as philosophical and legal, since

to the legal concepts and categories used to regulate social relations, slightly different criteria of accuracy and adequacy are applied than, for example, to the categories of political or sociological science¹⁶³⁴.

Thus, a number of authors in this respect distinguish between “formal-legal” and “general-legal concepts and categories”¹⁶³⁵. It is no coincidence that I.P. Kozhokar considers conceptual defects as a serious problem of practical jurisprudence¹⁶³⁶.

From the A.I. Ovchinnikov’s scientific point of view, legal thinking is based on intuition and irrational grounds of legal reality interpretation¹⁶³⁷. Consequently, legal science does not fall into the category of exact sciences, although attempts to standardize it do not stop due to the introduction of artificial intelligence in justice.

D.A. Grishin also believes that “the orientation of the use of certain information technologies in the course of criminal proceedings is different. It is permissible to talk about their use for purely forensic purposes - search, detection, seizure, fixation, research of evidence. However, the achievements of technical scientific thought are also used to solve exclusively procedural issues – fixing information, organizing procedural actions, ensuring the participation of interested parties, etc. In this case, the implemented information technologies make it possible to optimize criminal proceedings without changing its essence and purpose”¹⁶³⁸.

The idea of justice is presented in criminal law in the sense of one of the principles of criminal law. It is no coincidence that Art. 6 of the Criminal Code of the Russian Federation (hereinafter – the CC RF) is called “The principle of justice”.

The European Court of Human Rights, with regard to Art. 6 of the European Convention on Human Rights, refers to the right to a fair trial also the independence of the judiciary. The requirement of “independence” is closely intertwined with the requirement “based on the law”, since it implies the existence of procedural protection mechanisms for the separation of the judiciary from other authorities, primarily from the executive bodies¹⁶³⁹.

¹⁶³⁴ Vovk E.V. Concretization of the idea of justice in criminal law and justice: conceptual and techno-legal aspects // Papers of the Institute of State and Law of the Russian Academy of Sciences. – 2021. – Vol. 16. – No. 2. – P. 204-226.

¹⁶³⁵ Avdeev D.A. Voters as a source of power, or the Legal dimension of the category “people” // Modern law. – 2015. – No. 11. – P. 25-30.

¹⁶³⁶ Kozhokar I.P. Conceptual defects of normative-legal regulation // Issues of Russian and international law. – 2019. – Vol. 9. – Iss. 4A. – P. 308-316.

¹⁶³⁷ Ovchinnikov A.I. Legal thinking: theoretical and methodological analysis. – Rostov-on-Don: RGU, 2003. – P. 63.

¹⁶³⁸ Grishin D.A. Digitalization of pre-trial criminal proceedings // Bulletin of Tomsk State University. – 2020. – No. 455. – P. 208-215.

¹⁶³⁹ Vitkauskas D., Dikov G. Protection of the right to a fair trial under the European Convention on Human Rights. Council of Europe Benefits Series. – Voronezh: Elist, 2014. – 211 p.

Nevertheless, today in the European Union, the question of the independence of administrative (executive) bodies and the right of the individual to effective judicial protection again arises. The European Commission ensures compliance with EU antitrust laws by combining the functions of investigation, judicial investigation and adjudications.

Law enforcement practice allows revealing differentiated approaches when dealing with unfair competition cases, favoring the executive branch of the EU government in strengthening influential economic entities and persons affected by alleged violations of antitrust laws.

In the EU, there are no limits of administrative discretion in antitrust proceedings in the constituent treaties of the EU. The EU General Court (General Court of the EU, formerly the Court of First Instance), which acts as the court of first instance in EU in competition law cases and the EU Court, which acts as the appellate and final instance in EU competition cases, exercise “soft judicial control”. This differentiated judicial control exercised by the EU Court does not limit the administrative discretion of the EU Commission.

Finally, the scope of procedural possibilities of the EU Court for participation in the competition law is far from having a real impact on the administrative discretion of the EU Commission.

The concentration of economic power affects branches such as finance, media, airlines, telecommunications and, more importantly, the digital industry, where giants such as Google, Apple, Facebook and Amazon play a special role in the life of the global community.

This is especially relevant in relation to the use of high technologies, in relation to artificial intelligence, since it is in this scientific and technical sphere that there is a competition mainly between companies. Will a company that will win and put world artificial intelligence at its service be also able to control the future of mankind?

Louis D. Brandeis is an American lawyer. He is considered to be one of the leading antitrust theorists who ever sat on the US Supreme Court, in 1912 helped Woodrow Wilson introduce the concept of an election company that featured a model of communication between control over large monopoly enterprises and democratic principles. This model remained popular in the United States until the end of the 20th century, and is currently possibly undergoing a re-revival.

In fact, Louis D. Brandeis showed that the concentration of political or administrative power was akin to alienating the State from democracy and from ensuring the rights and freedoms of man and citizen¹⁶⁴⁰. What this can lead to, history has repeatedly shown.

¹⁶⁴⁰ Teleki C. Due process and fair trial in EU competition law: the impact of Article 6 of the European Convention on Human Rights. – Leiden; Boston: Brill/Nijhoff, 2021. – 392 p.

Conclusion. The modern concept of national and international justice has its philosophical basis in the genesis of ideas about human rights and fundamental freedoms. The right to a fair trial is defined as the legal and procedural activity of an independent judiciary to enforce the law and resolve legal conflicts.

Thus, the legal positions of the European Court of Human Rights on the independence of administrative bodies and the right of the individual to effective judicial protection are of particular importance, as they relate to the shortcomings of EU administrative law, namely, freedom of discretion and accountability to the authorities.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Абрамов С.Н. Гражданский процесс. – М.: Юрид. изд-во МЮ СССР, 1948. – 483 с.
2. Авдеев Д.А. Избиратели как источник власти, или Юридическое измерение категории «народ» // Современное право. – 2015. – № 11. – С. 25-30.
3. Адиханов Ф.Х. Теоретические проблемы правовой охраны земель сельскохозяйственного назначения. – Томск: Изд-во Том. ун-та, 1989. – 209 с.
4. Аквинский Ф. Сумма теологии. Ч. 1. Вопросы 1-64. = Sancta Thomas Aquinas. Summa Theologiae. Pars Prima. Quaestiones 1-64. – М.: Издатель Савин С.А., 2006. – 817 с.
5. Александровский С.В. Гражданский процессуальный кодекс РСФСР. С постатейно систематизированным материалом. – М.: Юридическое издательство Народного Комиссариата Юстиции. 1925. – 453 с.
6. Алексеев В.Б. Финансовое право Российской Федерации: учеб. пособие. – М.: Волтерс Клувер, 2010. – 304 с.
7. Алексеев С.С. Восхождение к праву. Поиски и решения. – М.: Норма, 2001. – 752 с.
8. Алексеев С.С. Социальная ценность права в советском обществе. – Екатеринбург: Гуманитарный университет, 2019. – 223 с.
9. Алексеев С.С. Право: опыт комплексного исследования. – М.: Статут, 1999. – 712 с.
10. Андрощук Г.А. Вино раздора, или Бесконечный спор о Токайском регионе // ИС. Промышленная собственность. – 2017. – № 4. – С. 59-68.
11. Анисимов А.П. Земельно-правовая ответственность за нарушение правового режима земель поселений // Журнал Российское право. – 2004. – № 2. – С. 80-86.
12. Анисимов И.И. Синтез коммунистической идеологии и традиций российской государственности в политико-правовых идеях А.Я. Вышинского: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. – Курск, 2012. – 23 с.
13. Анисимова А.С. Электронное правосудие как показатель информационного развития общества и государства // Цивилистика: право и процесс. – 2019. – № 3 (7). – С. 15-17.
14. Антимонопольное регулирование: проблемы законодательства теории и практики / Под ред. Тенишева А.П., Шишко И.В., Лужбина Е.Л. – М.: Проспект, 2018. – 272 с.
15. Антонов И.А., Горленко В.А. Функции прокуратуры в сфере уголовного судопроизводства: понятие, содержание, «тенденции к сокращению» // Российский следователь. – 2008. – № 20. – С. 5-9.

16. Антонов М.В. О системности права и «системных» понятиях в правоведении // Известия высших учебных заведений. Правоведение. – 2014. – № 1. – С. 24-42.
17. Антонова К. Развод в цифрах – статистика разводов в России // Планета Закона. – URL: <https://www.planeta-zakona.ru/blog/razvod-v-tsifrakh-statistika-razvodov-v-rossii.html/> (Дата обращения: 30.08.2023 г.).
18. Аргунов В.В. Вызывное производство в гражданском процессе. – М.: Городец, 2006. – 320 с.
19. Аронов Д.В., Садков В.Г. Научная (научно-педагогическая, творческая) школа в системе российского высшего образования // Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. Гуманитарные науки. – 2014. – № 2 (30). – С. 236-246
20. Архипов С.И. Либертатная теория права В.С. Нерсесянца: достоинства и недостатки // Электронное приложение к «Российскому юридическому журналу». – 2015. – № 5. – С. 5-14.
21. Асосков А.В. Правовые формы участия юридических лиц в международном коммерческом обороте. – М.: Статут, 2003. – 347 с.
22. Афанасьев В.Г. Общество системность, познание и управление. – М.: Политиздат, 1981. – 432 с.
23. Афанасьев И.В. Сервитут в гражданском праве. – М.: Юрайт, 2018. – 154 с.
24. Ахундов Н.А. Справедливость приговора: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. – М., 1990. – 21 с.
25. Аширбекова М.Т., Зайцева Е.А. О существенных свойствах приговора // Вестник Томского государственного университета. Право. – 2021. – № 40. – С. 21-31.
26. Бабкин Д.С. Комментарии: Радищев. Письмо А.Р. Воронцову, 20 января 1791 г. // Радищев А.Н. Полное собрание сочинений. – М.; Л.: Изд-во Академии Наук СССР, 1938-1952. – Т. 3 (1952). – С. 635-636.
27. Бакулина Л.Т. Проблемы теории права и правореализации: учебник. – М.: Статут, 2017. – 384 с.
28. Балашенко С.А., Быстров Г.Е. Олег Степанович Колбасов // Журнал БГУ. – 2017. – С. 113-114.
29. Баранов А.В. Системоопределяющие специализированные нормы права в механизме правового регулирования // Вестник Томского государственного университета. Право. – 2011. – № 2. – С. 5-11.
30. Баулин О.В. Бремя доказывания при разбирательстве гражданских дел. – М.: Городец, 2004. – 272 с.
31. Бауман З., Донскис Л. Моральная слепота. Утрата чувствительности в эпоху текучей современности. – СПб.: Изд.-во Ивана Лимбаха, 2019. – 368 с.

32. Белов В.А. Договор аренды: научно практический очерк. – М.: Статут, 2018. – 159 с.
33. Белоусов А.В., Смахтин Е.В. Следователь: процессуальный статус и проблемы его реализации // Сибирские уголовно-процессуальные и криминалистические чтения. – 2019. – № 3 (25). – С. 19-25
34. Белых В.С. Правовое регулирование предпринимательской деятельности в России: монография. – М.: Проспект, 2011. – 432 с.
35. Беляев М.В. О взаимосвязи обоснованности судебных решений и доказывания в уголовном судопроизводстве // Право: история, теория, практика. Сборник статей и материалов. – Брянск: Новый проект, 2018. – С. 49-57.
36. Бердяев Н.А. Судьба России. Самопознание. – Ростов/Д: Феникс, 1997. – 544 с.
37. Берман Г.Дж. Западная традиция: эпоха формирования. – М.: МГУ, Норма, Инфра-М, 1998. – 624 с.
38. Беспалов Ю.Ф. Право справедливости и российская семья: социально-правовой аспект // Семейное и жилищное право. – 2019. – № 2. – С. 6-11.
39. Боголюбов С.А. Олег Степанович Колбасов – Ученый мирового уровня // Парадигмы российской истории сквозь призму биографистики (к 140-летию Алексея Ивановича Яковлева). Сборник трудов Всероссийской научной конференции с международным участием / ФГБОУВО «Чувашский государственный университет им. И.Н. Ульянова». – Чебоксары: Среда, 2019. – С. 110-115.
40. Боголюбов С.А. Сочетание теории и судебной практики в сфере экологии: пример О.С. Колбасова // Применение принципов и норм экологического, природоресурсного и земельного права: проблемы и решения: Сборник научных статей. – М.: РГУП, 2019. – С. 38-42.
41. Бондарь Н.С. Аксиология судебного конституционализма: конституционные ценности в теории и практике конституционного правосудия. – М.: Юрист, 2014. – 184 с.
42. Борисов А.Б. Большой юридический словарь. – 2-е изд., переработанное и дополненное. – М.: Книжный мир, 2012. – 847 с.
43. Борисов В.В. Проблемы Российской академии наук // Управление наукой: теория и практика. – 2021. – Т. 3. – № 2. – С. 252-272.
44. Ботанцов И.В. Этнополитика в России: историко-правовой анализ. – СПб.: Астерион, 2020. – 161 с.
45. Брагина Е.А. Роль и правовое положение международного ядерного права в системе отраслей международного публичного права // Глобальная ядерная безопасность. – 2015. – № 1 (14). – С. 86-92.

46. Братановский С.Н. Административное право России: учебник. – М.: РИОР: ИНФРА-М, 2019. – 499 с.
47. Браташова Н.И. Уголовно-правовые и криминологические аспекты борьбы с преступлениями в сфере охраны животного мира: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. – Саратов, 2011. – 30 с.
48. Братусь С.Н. Предмет и система советского гражданского права. – М.: Госюриздат, 1963.– 197 с.
49. Братусь С.Н. Юридическая ответственность и законность. – М.: Юридическая литература, 1976.– 215 с.
50. Бринчук М.М. Гражданское право не может самостоятельно регулировать правоотношения в экологической сфере // Экологическое право. – № 4. – 2018. – С. 12-18.
51. Бринчук М.М. О понятийном аппарате экологического права // Государство и право. – 1998. – № 9. – С. 20-28.
52. Бринчук М.М. Проблемы юридической ответственности в охране природы // Актуальные правовые проблемы охраны окружающей среды и природопользования: Материалы Международной науч.-практ. конференции (17 октября 2008 г.) / Науч. редактор З.Ф. Сафин. – Казань: Казанский государственный университет, 2009. – С. 62-68.
53. Бринчук М.М. Так существует ли эколого-правовая ответственность? // Экологическое право. – № 2/3. – 2009. – С. 16-23.
54. Бринчук М.М. Экологическое право (право окружающей среды): учебник для высших юридических учебных заведений. – М.: Юристъ, 1999. – 688 с.
55. Бринчук М.М. Экологическое право (право окружающей среды): учебник. – М.: Юристъ, 1998. – 542 с.
56. Будылин С. Преддоговорная ответственность в юрисдикциях общего права // M-Logos. – URL: http://www.m-logos.ru/img/Tezis_M-Logos_23052018_S_Budilin2.pdf (Дата обращения: 09.09.2023 г.).
57. Будылин С. Реформа французского ГК: Сводка ключевых новелл // Zakon.RU. – URL: https://zakon.ru/blog/2016/3/17/reforma_francuzskogo_gk_svodka_klyuchevyh_novell (Дата обращения: 09.09.2023 г.).
58. Булаевский Б.А. Правовая охрана интересов ребенка (памяти А.М. Нечаевой) // Вестник Университета им. О.Е. Кутафина (МГЮА). – 2019. – № 2. – С. 117-123.
59. Булгаков М.Б., Ялбулганов А.А. Природоохранные акты: от «Русской Правды» до петровских времен // Государство и право. – 1996. – № 8. – С. 136-146.
60. Бургасов П.Н., Иойрыш А.И., Петросянц А.М. Советское атомное право. – М.: Наука, 1986. – 208 с.

61. Быковский В.К. Лесное право России. – М.: Юрайт, 2021. – 262 с.
62. Варламова Н.В. Российская теория права в поисках парадигмы // Журнал российского права. – 2009. – № 12 (156). – С. 68-84.
63. Варламова Н.В. Типология правопонимания и современные тенденции развития теории права. – М.: Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», 2010. – 136 с.
64. Варламова Н.В. Философия права и юридическая догматика (проблема внутренней непротиворечивости правовой теории) // Юриспруденция XXI века: горизонты развития. Очерки. – СПб.: Санкт-Петербургский университет МВД России, 2006. – С. 269-300.
65. Васьковский Е.В. Учебник гражданского процесса. – М.: Бр. Башмаковы, 1917. – 429 с.
66. Величко В. Преддоговорная ответственность во Франции // M-Logos. – URL: http://m-logos.ru/img/Tezis_M-Logos_23052018_V_Velichko.pdf (Дата обращения: 09.09.2023 г.).
67. Веревичева М.И. Экологические преступления в уголовном праве России (проблемы понятия и системы). – Ульяновск: Ульяновский государственный университет, 2004. – 181 с.
68. Веремеенко И.И. Концепция предмета советского административного права и необходимость ее коррекции // Пенитенциарная наука. – 2008. – № 2. – С. 67-74.
69. Виткаускас Д., Диков, Г. Защита права на справедливое судебное разбирательство в рамках Европейской конвенции по правам человека. Серия пособий Совета Европы. – Воронеж: Элист, 2014. – 211 с.
70. Владимиров Л.Е. Учение об уголовных доказательствах. – СПб: Законоведение, 1910. – 440 с.
71. Власов А.В. Деньги. Кредит. Банки: учебное пособие. – Ростов н/Д: Феникс, 2013. – 158 с.
72. Власова О.И. Либертарно-юридическая концепция В.С. Нерсисянца в контексте нашего времени // Право и Общество. – 2011. – № 3-4. – С. 362-368.
73. Вовк Е.В. Конкретизация идеи справедливости в уголовном законодательстве и правосудии: концептуальные и технико-юридические аспекты // Труды Института государства и права РАН. – 2021. – Том 16. – № 2. – С. 204-226.
74. Волков А.М., Микадзе Ю.В., Солнцева Г.Н. Деятельность: структура и регуляция. – М.: МГУ, 1987. – 208 с.
75. Волчецкая Т.С., Осипова Е.В. Криминалистическое моделирование в уголовном судопроизводстве. Учебно-методическое пособие. – Калининград: БФУ, 2020. – 126 с.

76. Волчецкая Т.С., Ренер Н.А., Макарова О.А. Развитие ситуационного подхода в юридической науке и дидактике // Современное право. – 2017. – № 12. – С. 88-92.
77. Волчецкая Т.С., Яблоков Н.П. Предпосылки формирования криминалистической ситуалогии // Вестник Московского университета. Серия 11: Право. – 1997. – № 3. – С. 41-50.
78. Воронин М.В. Системность права в контексте ее оснований и проявлений: теоретико-правовой анализ // Учен. зап. Казан. ун-та. Сер. Гуманит. науки. – 2014. – № 4. – С. 26-34.
79. Воронин М.В. Системность права и системность правовых норм // Шестой пермский конгресс ученых-юристов. Избранные материалы. – М.: Статут, 2016. – С. 85-92.
80. Вулфел Ч.Дж. Энциклопедия банковского дела и финансов. – Самара: ЗАО «Корпорация Федоров», 2003. – 1584 с.
81. Вышинский А.Я. К положению на фронте правовой теории. – М.: Юрид. изд-во НКЮ СССР, 1937. – 60 с.
82. Вышинский А.Я. Марксистско-ленинское учение о суде и советская судебная система. Очерк второй. – М.: Сов. законодательство, 1934. – 53 с.
83. Вышинский А.Я. Основные задачи науки советского социалистического права: Доклад на I Совещании по вопросам науки советского государства и права (16-19 июля 1938 г.) // Всероссийский научный журнал «Вопросы правоведения». – 2009. – № 1. – С. 191-284.
84. Вышинский А.Я. Проблема оценки доказательств в советском уголовном процессе // Социалистическая законность. – 1936. – № 7. – С. 21-36.
85. Вышинский А.Я. Теория судебных доказательств в советском праве. – М.: Юрид. изд-во НКЮ СССР, 1941. – 219 с.
86. Гаврилов Э.П. Как надо защищать наименования мест происхождения товаров и географические указания // Патенты и лицензии. – 2017. – № 5. – С. 9-14.
87. Галенская Л.Н. Международная институциональная система // Российский ежегодник международного права. – СПб.: СКФ «Россия-Нева», 2003. – С. 263-267.
88. Галкина Е.А. Справедливость приговора или справедливость уголовного процесса? // Вестник Самарского юридического института. – 2018. – № 2 (28). – С. 133-138.
89. Галузин А.Ф. Правовая безопасность и ее принципы. – СПб.: Юридический центр Пресс, 2008. – 358 с.
90. Галузин А.Ф. Правонарушения как основная угроза правовой и социальной безопасности. – Самара: Самарский гос. экономического ун-т, 2007. – 402 с.

91. Генкин Д.М. Право собственности как абсолютное субъективное право // Советское государство и право. – 1958. – № 6. – С. 92-102.
92. Гессен В.М. Основы конституционного права. – Петроград: Издание юридического книжного склада «Право», 1917. – 439 с.
93. Гессен В.М. Теория правового государства // Политический строй современных государств. Т. 1. – СПб.: Слово, 1905. – 652 с.
94. Гессен С.И. Философия наказания // Логос. – 1912-1913. – Кн. 1-2. – С. 182-232.
95. Гишинский Я.И. Девиантология: социология преступности, наркотизма, проституции, самоубийств и других отклонений. – СПб.: Юридический центр Пресс, 2004. – 520 с.
96. Гинцбург Л.Я., Пашуканис Е.Б. Курс советского хозяйственного права. В 2-х томах. Т. I. – М.: Соцэкгиз, 1935. – 488 с.
97. Глазырин В.А. Методологические основания становления социологии права в западноевропейской социологии XIX – начала XX веков. – Saarbrücken: LAP LAMBERT Academic Publishing, 2010. – 388 с.
98. Гнищевич К.В. Преддоговорная ответственность в гражданском праве (*culpa in contrahendo*): дис. ... канд. юрид. наук. – СПб., 2009. – 209 с.
99. Гоббс Т. Соч. в 2-х томах. Т.1. – М.: Мысль, 1984. – 622 с.
100. Годме П.М. Финансовое право. – М.: Прогресс, 1978. – 429 с.
101. Гойхбарг А.Г. Курс гражданского процесса. – Москва-Ленинград. Гос. издат-во, 1928. – 320 с.
102. Головина С.Ю. Понятийный аппарат трудового права / М-во общ. и проф. образования РФ. Ур. гос. юрид. акад. – Екатеринбург : Изд-во УрГЮА, 1997. – 178 с.
103. Гольбах П.А. Избранные произведения в 2-х томах. Т. 2. – М.: Соцэкгиз, 1963. – 715 с.
104. Горшенков Г.Г. Безопасность личности и государственное управление. – Н. Новгород: ВВАГС, 2006. – 107 с.
105. Градовский А.Д. Собрание сочинений. Т. 4. – СПб.: Тип. М.М. Стасюлевича, 1900. – 829 с.
106. Градовский А.Д. Собрание сочинений. Т. 5. – СПб.: Тип. М.М. Стасюлевича, 1902. – 557 с.
107. Гражданский кодекс Франции (Кодекс Наполеона) / Пер. с фр. В.Н. Захватаева. – М.: Инфротропик Медиа, 2012. – 624 с.
108. Гражданское уложение Германии: введ. закон к Гражд. уложению / Пер. с нем.; науч. ред. В. Бергманн и др. 3-е изд., перераб. – М.: Волтерс Клувер, 2008. – 816 с.
109. Графский В.Г. Интегральная (общая синтезированная) юриспруденция как теоретическое и практическое знание // Материалы философско-

- правовых чтений памяти академика В.С. Нерсисянца «Наш трудный путь к праву» / Сост.: Графский В.Г. – М.: Норма, 2006. – С. 140-165.
110. Грачева Е.Ю. Финансовое право: учебник. – М.: Норма: Инфра-М, 2012. – 351 с.
111. Грачева Е.Ю., Соколова Э.Д. Финансовое право: учебник. – М.: Норма: Инфра-М, 2010. – 351 с.
112. Гринь Е.С. Отдельные вопросы использования результатов творческого труда в составе сложных объектов интеллектуальных прав // *Lex russica*. – 2018. – № 10. – С. 50-57.
113. Гришин Д.А. Цифровизация досудебного уголовного судопроизводства // *Вестник Томского государственного университета*. – 2020. – № 455. – С. 208-215.
114. Грищенко А.И. Ядерное право России: учебное пособие. – М.: ООО «Издательство «Юрист», 2017. – 150 с.
115. Гурвич М.А. Решение советского суда в исковом производстве / М-во высш. образования СССР. Всесоюз. юрид. заоч. ин-т. – М.: ВИЮН, 1955. – 128 с.
116. Гурвич М.А. Судебное решение: теоретические проблемы. – М.: Юрид. лит., 1976. – 173 с.
117. Густов Г.А. Комплексный подход к раскрытию убийства. – Л.: Институт повышения квалификации прокурорско-следственных работников прокуратуры СССР, 1988. – 142 с.
118. Густов Г.А. Моделирование в работе следователя. – Л.: б/и, 1980. – 188 с.
119. Густов Г.А. Обнаружение способа должностного хищения в сложной ситуации: факторный анализ: учебное пособие: В 2 ч. – Л.: ЛГУ, 1985. – 142 с.
120. Густов Г.А. Программно-целевой метод организации раскрытия убийств: учебное пособие. – СПб.: Институт повышения квалификации прокурорско-следственных работников прокуратуры Российской Федерации, 1997. – 122 с.
121. Дворников Н.Л. Системность права как основа системного способа толкования норм права // *Российский судья*. – 2006. – № 12. – С. 36-38.
122. Демкина А.В. Преддоговорное правоотношение-обязательство: основы теории. Монография. – Москва: Проспект, 2020. – 272 с.
123. Дигесты Юстиниана. Титул I. О правосудии и праве (*De iustitia et iure*) // История Древнего Рима. – URL: <http://ancientrome.ru/ius/i.htm?a=3300101001> (Дата обращения: 25.08.2023 г.).

124. Дмитриева Г.К., Луткова О.В. Национальные механизмы регулирования трансграничных авторских отношений, объектом которых являются сиротские произведения // Lex russica. – 2019. – № 11. – С. 18-29.
125. Дробязко С.Г. Проблемы системности в праве // Концептуальные основы развития национальных правовых систем в контексте процессов глобализации и региональной интеграции: постсоветский опыт и перспективы устойчивого развития: материалы науч.-практ. конф., 7-8 окт., г. Минск. – Минск: БГУ, 2011. – С. 21-26.
126. Дубовик О.Л. Значение идей О.С. Колбасова для исследования проблем современной экологической политики // Применение принципов и норм экологического, природоресурсного и земельного права: проблемы и решения: сборник научных статей. – М.: РГУП, 2019. – С. 207-211.
127. Дубовик О.Л. Уголовное право и охрана окружающей среды: реальный потенциал и ограниченные возможности в условиях современных экологических кризисов // Юридические исследования. – 2020. – № 8. – С. 30-38.
128. Дубовик О.Л. Экологические преступления: Комментарий к главе 26 Уголовного кодекса РФ. – М.: СПАРК, 1998. – 352 с.
129. Дубовик О.Л. Экологическое право: реальность и попытки ревизионизма // Труды Института государства и права. – 2010. – № 2. – С. 7-37.
130. Дубовик О.С. Формирование экологической политики: история, достижения, тенденции и задачи (анализ теоретического наследия О.С. Колбасова) // Экологическое право. – № 6. – 2007. – С. 22-25.
131. Дурманов Н.Д. Понятие преступления. – М.-Л.: Изд-во Академии наук СССР, 1948. – 315 с.
132. Евраев М.А. Писенко К.А. Основные направления развития законодательства о размещении государственных и муниципальных заказов, а также законодательная об использовании ограниченных природных ресурсов в свете актуальных задач конкурентного реформирования отечественного законодательства и управления в сфере экономической деятельности. – М.: Юрист, 2006 – С. 22-29.
133. Елистратов А.И. Административное право // Вестник Университета имени О.Е. Кутафина. – 2016. – № 5 (21). – С. 234-247.
134. Ершов В.В. Правовое и индивидуальное регулирование общественных отношений: монография. – М.: РГУП, 2018. – 627 с.
135. Ершов П.М., Звоненко Д.П., Иванов М.В. Административное право: учебник. – М.: Юстицинформ, 2011. – 560 с.
136. Жильцов М.А. Дефекты трудового права: монография. – Екатеринбург: Изд-во УГТУ-УПИ, 2010. – 312 с.

137. Жуков В.И. Вклад ученых Института государства и права в разработку норм уголовного права и других отраслей юридической науки в годы Великой Отечественной войны // Государство и право. – 2020. – № 12. – С. 16-24.
138. Занковский С.С., Михайлов Н.И., Клеандров М.И. и др. Предпринимательское (хозяйственное) право в XXI веке: истоки и перспективы: монография. – М.: Проспект, 2018. – 672 с.
139. Защита гражданских прав: избранные аспекты: сборник статей / Рук. авт. кол. и отв. ред., Рожкова М.А. – М.: Статут, 2017. – 432 с.
140. Зверева А.И. Экологические преступления, посягающие на безопасность водных объектов: характеристика и разграничения со смежными деликтами: монография / Под ред. Ю.В. Грачевой. – М.: Проспект, 2019. – 200 с.
141. Звягинцев А.Г. Прокуратура и законность в период Гражданской войны // Государство и право. – 2021. – № 9. – С. 148-158.
142. Зейдер Н.Б. Судебное решение по гражданскому делу. – М.: Юридическая лит., 1966. – 190 с.
143. Зейдер Н.Б. Юридическая природа признания в гражданском процессе // Вестник советской юстиции. – 1926. – № 11. – С. 428-433.
144. Зиатдинов Д.Ф. Теоретические подходы к проблемам безопасности в международных отношениях: концепция безопасности человека // Мировая политика. – 2020. – № 4. – С. 32-52.
145. Ибрагимов К.Х. Вопросы земельно-правовой ответственности // Журнал Российское право. – 2006. – № 10. С. 102-107.
146. Иванов А.А. Идеи А.В. Венедиктова и их отражение в проекте изменений Гражданского кодекса Российской Федерации // Закон. – 2013. – № 4. – С. 77-78.
147. Иеринг Р. *Culpa in contrahendo*, или Возмещение убытков при недействительности или незаключенности договоров // Вестник гражданского права. – 2013. – № 3. – С. 190-266.
148. Избранные произведения русских мыслителей второй половины XVIII века. Т. 1. / Под общей редакцией И.Я. Щипанова. – М.: Госполитиздат, 1952. – 697 с.
149. Измайлов О.В. Ответственность за нарушение земельного законодательства: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. – М., 1973. – 24 с.
150. Ильина О.Ю. Современная российская семья как договор простого товарищества // Семейное и жилищное право. – 2019. – № 1. – С. 12-15.
151. Иойрыш А.И. А-бомба. – Вильнюс: Минтис, 1986. – 364 с.
152. Иойрыш А.И. Атом и право. – М.: Международные отношения, 1969. – 221 с.

153. Иойрыш А.И. Атомная энергия и международно-правовая охрана окружающей среды. – М.: Знание, 1975. – 64 с.
154. Иойрыш А.И. Евратом и контрольная деятельность МАГАТЭ в области нераспространения атомного оружия // Правоведение. – 1977. – № 2. – С. 74-83.
155. Иойрыш А.И. Запрещение военного использования окружающей среды // Советское государство и право. – 1977. – № 2. – С. 66-70.
156. Иойрыш А.И. Концепция атомного права: науч. издание. – М.: ЮНИТИ-ДАНА, 2008. – 719 с.
157. Иойрыш А.И. МАГАТЭ: сотрудничество в области мирного использования атомной энергии // Вопросы международного права. – 1976. – С. 40-54.
158. Иойрыш А.И. Научно-технический прогресс и новые задачи права. – М.: Международные отношения, 1987. – 168 с.
159. Иойрыш А.И. Нюрнбергский процесс и ядерное оружие // Нюрнбергский процесс и современность. – М.: ИГП АН СССР, 1986. – С. 165-173.
160. Иойрыш А.И. О чем звонит колокол. – М.: Политиздат, 1991. – 399 с.
161. Иойрыш А.И. Правовое регулирование влияния атомной энергии на окружающую среду // Советское государство и право. – 1973. – № 6. – С. 82-89.
162. Иойрыш А.И. Правовые проблемы мирного использования атомной энергии. – М.: Наука, 1987. – 222 с.
163. Иойрыш А.И. Ракеты должны служить миру: из истории появления ракетно-ядерного оружия. – М.: Международные отношения, 1985. – 152 с.
164. Иойрыш А.И. Хиросима: 40 лет спустя. – М.: Политиздат, 1985. – 120 с.
165. Иойрыш А.И., Лазарев М.И. Договор, оздоравливающий атмосферу... О запрещении испытаний ядерного оружия в атмосфере, в космическом пространстве и под водой. – М.: Соцэкгиз, 1963. – 63 с.
166. Иойрыш А.И., Новиков Г.А., Супатаева О.А. О концепции атомного права // Атомная стратегия XXI века. – 2004. – № 6. – С. 22-35.
167. Иойрыш А.И., Чопорняк А.Б. Атомное законодательство капиталистических стран: сравнительно-правовой анализ. – М.: Наука, 1990. – 320 с.
168. Иойрыш А.И., Петровский В.Ф., Петросянц А.М. Международное атомное право. – М.: Наука, 1987. – 400 с.
169. Иоффе О.С. Избранные труды по гражданскому праву: Из истории цивилистической мысли. Гражданское правоотношение. Критика теории «хозяйственного права». – 4-е изд. – М.: Статут, 2020. – 782 с.
170. Исаенкова О.В. Гражданское процессуальное право России: учебник. – М.: Норма, 2009. – 448 с.

171. Казанцев М.Ф. Договорное регулирование: цивилистическая концепция. – Екатеринбург: УрО РАН РФ, 2005. – 452 с.
172. Казанцев Н.М. Публично-правовое регулирование государственной службы: институционально-функциональный анализ. – М.: РАГС, 1999. – 373 с.
173. Казанцева О.Л. Конституционные ценности: современный опыт России и зарубежных стран. – Барнаул: Алтайский гос. ун-т, 2013. – 136 с.
174. Калиновский К.Б. Бремя доказывания в уголовном процессе: динамический или статический подходы // Юридическая истина в уголовном праве и процессе. Сборник статей по материалам Всероссийской научно-практической конференции. 16-17 марта 2018 г. / Северо-Западный филиал ФГБОУВО «Российский государственный университет правосудия». – СПб.: ИД «Петрополис», 2018. – С. 94-103.
175. Калиновский К.Б. Судебный контроль и недопустимость доказательств // Уголовный процесс. – 2016. – № 12 (144). – С. 9.
176. Камю А. Бунтующий человек. – М.: Изд.-во политической литературы, 1990. – 415 с.
177. Кант И. Критика чистого разума. – М.: Мысль, 1994. – 591 с.
178. Кант И. Метафизика нравов; Метафизические начала учения о праве. – СПб.: Изд. П.П. Сойкина, 1903. – 60 с.
179. Карасева М.В. Финансовое право Российской Федерации: учеб. пособие. – 3-е изд., перераб. и доп. – М.: КноРус, 2014. – 608 с.
180. Кашепов В.П., Голованова Н.А., Гравина А.А. Криминализация и декриминализация как формы преобразования уголовного законодательства: монография. – М.: ИЗиСП, КОНТРАКТ, 2018. – 208 с.
181. Кванина В.В. Понятие и признаки научной школы // Вестник университета имени О.Е. Кутафина. – 2016. – № 11 (27). – С. 37-42.
182. Керимов Д.А. Методология права: предмет, функции, проблемы философии права. – М.: СГА, 2003. – 521 с.
183. Киселев М.Ю. Революция 1917 года в документах Архива Российской академии наук // Великая Российская революция 1917 г.: методология, источники, историография: сборник материалов Всероссийской научно-практической конференции, Стерлитамак, 29 сентября 2017 года. – Стерлитамак: Башкирский государственный университет, Стерлитамакский филиал, 2017. – С. 36-42.
184. Клеандров М.И. Институт присяги российского судьи: дефектность формулы и конституционная ответственность за нарушение // Журнал российского права. – 2020. – № 2. – С. 58-71.
185. Клеандров М.И. Конституционно значимые несовершенства судебной власти в Российской Федерации // Вестник Российской академии наук. – 2018. – Т. 88. – № 10. – С. 886-896.

186. Клеандров М.И. Конституционные изменения 2020 г. и механизм правосудия: плюсы и минусы // Государство и право. – 2020. – № 10. – С. 7-23.
187. Клеандров М.И. О необходимости психодиагностирования кандидатов на должности судей // Государство и право. – 2019. – № 6. – С. 5-17.
188. Клеандров М.И. О стратегии совершенствования механизма судейской ответственности // Вестник Тюменского государственного университета. – 2011. – № 3. – С. 8-16.
189. Клеандров М.И. Размышления на тему: может ли судьей быть робот? // Российское правосудие. – 2018. – № 6 (146). – С. 15-25.
190. Клеандров М.И. Статус судьи: правовой и смежные компоненты. – М.: Норма. 2008. – 448 с.
191. Клейнман А.Ф. Советский гражданский процесс. – М.: Издательство Московского университета, 1954. – 407 с.
192. Климашин А.Г. Понятие безопасности: проблемы интерпретации // Социологический альманах. – 2019. – № 10. – С. 290-296.
193. Книпер Р. Скептические замечания по поводу необходимости разработки Хозяйственного кодекса // Российское право: образование, практика, наука. – 2011. – № 6 (77). – С. 34-37.
194. Ковалева А.М. Финансы: учебник для академического бакалавриата. – 6-е изд., перераб. и доп. – М.: Юрайт, 2019. – 443 с.
195. Коваленко А.Г., Мохов А.А., Филиппов П.М. Гражданский процесс: учебник. – М.: Юридическая фирма «КОНТРАКТ»; «ИНФРА-М», 2008. – 448 с.
196. Кодан С.В. С.С. Алексеев о систематизации в праве (к 90-летию со дня рождения) // Юридические исследования. – 2015. – № 1. – С. 22-38.
197. Кожокаръ И.П. Понятийные дефекты нормативно-правового регулирования // Вопросы российского и международного права. – 2019. – Т. 9. – № 4А. – С. 308-316.
198. Козлов Ю.М. Административное право. – М.: Юридическая литература, 1968. – 575 с.
199. Колбасов О.С. Избранное. – М.: Издательство Российского государственного университета правосудия. 2017. – 619 с.
200. Колбасов О.С. Концепция экологического права // Вестник МГЮА. – № 1. – 2016. – С. 174-181.
201. Колбасов О.С. Экология: политика – право. Правовая охрана природы в СССР. – М.: Наука, 1976. – 230 с.
202. Колоколов Н.А. Уголовное судопроизводство: три десятилетия реформ // ZakonRu. – URL: https://zakon.ru/blog/2019/1/2/ugolovnoe_sudoproizvodstvo_tri_desyatiletija_reform (Дата обращения: 08.09.2023 г.).

203. Колчинский Э.И. Академия наук и русские революции 1917 года // Вестник Российской академии наук. – 2017. – Т. 87. – № 2. – С. 166-176.
204. Конин В.В. Доказывание в уголовном судопроизводстве и вопросы установления истины // Российский судья. – 2008. – № 9. – С. 48-50.
205. Конин В.В. К вопросу о функциях следователя в уголовном судопроизводстве // Российский судья. – 2009. – № 4. – С. 31-33.
206. Конин В.В. Уголовно-процессуальная функция суда: краткий анализ содержания // Российский судья. – 2008. – № 4. – С. 15-16.
207. Конин В.В. Участие защитника в судебном разбирательстве: ситуационный подход // Актуальные вопросы развития государства и права. Юбилейный сборник научных трудов. Калининградский государственный университет. – Калининград: Калининградский государственный университет, 2002. – С. 198-209.
208. Конин Н.М., Маторина Е.И. Административное право: учебник для вузов. – М.: Юрайт, 2021. – 431 с.
209. Констан Б. Принципы политики // Классический французский либерализм. – М: РОССПЭН, 2000. – С. 23-259.
210. Коркунов Н.М. Русское государственное право. Т. I, II. – 6-е изд. – СПб.: Тип. М.М. Стасюлевича, 1909. – 623, 739 с.
211. Корниенко В.Т. Введение в ядерное право Российской Федерации // Глобальная ядерная безопасность. – 2014. – № 1 (10). – С. 82-86.
212. Корниенко В.Т. Роль и правовое положение ядерного права в системе отраслей российского права // Глобальная ядерная безопасность. – 2015. – № 1 (14). – С. 80-85.
213. Корсаков К.А. Концепция познавательно-доказательственной деятельности // Научная школа уголовного процесса и криминалистики Санкт-Петербургского государственного университета. Материалы конференций / Под редакцией Н.П. Кирилловой, С.П. Кушниренко Н.Г. Стойко, В.Ю. Низамова. – Москва: КноРус, 2019. – С. 152-157.
214. Корсаков К.А. Методы научного познания в уголовном судопроизводстве: конспект лекций. – СПб.: Санкт-Петербургский юридический институт Генеральной прокуратуры РФ, 2004. – 68 с.
215. Корсаков К.А., Сидоренко Е.В. Криминалистические аспекты подготовки государственного обвинителя к поддержанию государственного обвинения // Санкт-Петербургская школа криминалистики. Материалы Ежегодного криминалистического форума, Санкт-Петербург, 25-26 октября 2019 года. – СПб.: Санкт-Петербургский юридический институт (филиал) Университета прокуратуры РФ, 2019. – С. 66-75.
216. Крашенинников Е.А., Байгушева Ю.В. Обязанности при ведении преддоговорных переговоров // Вестник ВАС РФ. – 2013. – № 6. – С. 82-93.

217. Крохина Ю.А. Финансовое право России: учебник. – 4-е изд., перераб. и доп. – М.: Норма: Инфра-М, 2011. – 720 с.
218. Круглов В.В., Вагина О.В., Шепелява Н.М. О соотношении прав недропользователя и собственника земельного участка, расположенного в границах горного отвода // Экологическое право. – № 1. – 2018. – С. 140-145.
219. Кудрявцев В.Н, Эминов В.Е. Декриминализация (социально-правовой аспект) // Lex russica. – 2005. – № 2. – С. 326-331.
220. Кудрявцев В.Н. Науку уголовного права необходимо модернизировать // Уголовное право. – 2006. – № 5. – С. 130-131.
221. Кудрявцев В.Н. Общая теория квалификации преступлений. – М.: Юрид. лит., 1972. – 352 с.
222. Кудрявцев В.Н. Общая теория квалификации преступлений. – М.: Юрист, 1999. – 304 с.
223. Кудрявцев В.Н. Объективная сторона преступления. – М.: Госюриздат, 1960. – 244 с.
224. Кудрявцев В.Н. Право и поведение. – М.: Юрид. лит., 1978. – 192 с.
225. Кудрявцев В.Н., Нерсисянц В.С., Кудрявцев Ю.В. Социальные отклонения: Введение в общую теорию. – М.: Юридическая литература, 1984. – 320 с.
226. Кудрявцев В.Н., Эминов В.Е. Криминализация и криминология // Lex russica. – 2005. – № 1. – С. 80-85.
227. Кудрявцев В.Н., Эминов В.Е. Криминология и проблемы декриминализации // Журнал российского права. – 2005. – № 4. – С. 103-107.
228. Кудрявцева А.В. Понимание истины в процессуальных отраслях права как выражение гносеологических моделей познания // Вестник Оренбургского государственного университета. – 2006. – № 3 (53). – С. 102-105.
229. Кудрявцева А.В., Петров А.В. Конституционно-правовые смыслы современной судебной реформы // Вестник Южно-Уральского государственного университета. Серия: Право. – 2021. – Т. 21. – № 1. – С. 79-83.
230. Кузнецов Д.А. Правовое регулирование геологоразведочной деятельности. // Vox Juris. – № 2. – 2020. – С. 216 – 223.
231. Кузнецов Д.А., Сварчевский К.Г. Антимонопольный контроль в сфере недропользования / Состояние и развитие антимонопольного регулирования в Российской Федерации. Коллективная монография / Под общ. ред. Молчанова А.В., Петрова Д.А. – М.: Юрист, 2021. – С. 199-214.

232. Кузнецова Н.Ф. К 125-летию со дня рождения Арона Наумовича Трайнина // Российский криминологический взгляд. – 2008. – № 3. – С. 46-49.
233. Куликов Е.А. Правосистемность, системность права, системный подход в праве и категории общего, особенного и единичного // Российско-азиатский правовой журнал. – 2020. – № 4. – С. 20-30.
234. Курочкин С.А. Гражданское процессуальное право через призму системного подхода // Вестник ОмГУ. Серия. Право. – 2012. – № 3 (32). – С. 198-205.
235. Курылев С.В. Юридическая природа бремени доказывания в судопроизводстве // Проблемы гражданского права и процесса. – Иркутск. Иркутский государственный университет им. А.А. Жданова, 1970. – С. 124-137.
236. Лавыгина И.В. Этапы формирования уголовного законодательства России об экологических преступлениях // Актуальные вопросы современной науки. – 2009. – № 6-1. – С. 125-132.
237. Лазаревский Н.И. Лекции по русскому государственному праву Т. 1. – 2-е изд. – СПб.: Слово, 1910. – 479 с.
238. Лазаревский Н.И. Народное представительство и его место в системе других государственных установлений // Конституционное государство. Сборник статей. – СПб.: Типография т-ва «Общественная польза», 1905. – 585 с.
239. Лапаева В.В. Владик Сумбатович Нерсисянц. – Ереван: Нжар, 2009. – 208 с.
240. Лапаева В.В. Типы правопонимания: правовая теория и практика. – М.: РАП, 2012. – 580 с.
241. Лаптев В.В. Акционерное право. – М.: Юридическая фирма «Котракт»; ИНФРА-М, 1999. – 254 с.
242. Лаптев В.В. Вступительное слово // Предпринимательское право. Приложение «Бизнес и право в России и за рубежом». – 2010. – № 3. – С. 2-3.
243. Лаптев В.В. Предпринимательское (хозяйственное) право и реальный сектор экономики. – М.: Инфотропик Медиа, 2010. – 88 с.
244. Лаптев В.В. Предпринимательское (хозяйственное) право. Избранные труды. – Екатеринбург: Бизнес, менеджмент и право, 2008. – 536 с.
245. Лаптев В.В., Малейн Н.С., Абова Т.Е. и др. Хозяйственное право: учебник. – М.: Юрид. лит., 1983. – 528 с.
246. Лаптев В.В. Проблемы совершенствования предпринимательского законодательства // Правовое регулирование предпринимательской деятельности / Под. ред. академика В.В. Лаптева. – М.: Институт государства и права РАН, 1995. – 95 с.

247. Лахно П.Г. Основные понятия энергетического права // Творческое наследие академика В.В. Лаптева и современность. – М.: Щербинская типография, 2014. – С. 205-227.
248. Лебедь К.А. Виды судебных решений в гражданском процессе // Российское правосудие. – 2016. – № S1. – С. 196-205.
249. Лебедь К.А. Решение арбитражного суда. – М.: ИГП РАН, 2005. – 116 с.
250. Лебедь К.А. Решение арбитражного суда: проблемы теории и практики: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. – М., 2002. – 24 с.
251. Левушкин А.Н. Научное наследие и значение трудов А.М. Нечаевой для развития науки семейного права // Семейное и жилищное право. – 2018. – № 5. – С. 15-18.
252. Левушкин А.Н. Научное наследие и значение трудов А.М. Нечаевой для развития науки семейного права // Семейное и жилищное право. – 2018. – № 5. – С. 13-16.
253. Левушкин А.Н. Реформа семейного законодательства: совершенствование структуры Семейного кодекса Российской Федерации и правового регулирования отдельных брачно-семейных отношений // Актуальные проблемы российского права. – 2017. – № 5. – С. 31-34.
254. Левушкин А.Н. Теоретическая модель построения системы семейного законодательства государств – участников СНГ: монография. – М.: Юнити-Дана: Закон и право, 2013. – 327 с.
255. Лилуашвили Т.А. Предмет доказывания и распределение доказывания между сторонами в советском гражданском процессе: автореф. дис. ...канд. юрид. наук. – М., 1961. – 20 с.
256. Лобурев С.Н. Актуальные проблемы реализации (исполнения) судебных актов по внесению исправлений (изменений) в записи актов гражданского состояния // Администратор суда. – 2020. – № 3. – С. 26-30.
257. Локк Дж. Соч. в 3-х т. Т. 3. – М.: Мысль, 1988. – 668 с.
258. Лопаткин В.М. Особенности интеграции региональных образовательных систем России в мировое образовательное пространство – Барнаул: БГПУ, 2004. – 150 с.
259. Лосев А.Ф. Эстетика Возрождения. – М.: Мысль, 1982. – 414 с.
260. Лушников А.М. О Пермской школе трудового права // Вестник Пермского университета. – 2010. – Вып. 1 (7). – С. 8-15.
261. Лушников А.М., Лушникова М.В. Российская школа трудового права и права социального обеспечения: портреты на фоне времени (сравнительно-правовое исследование). – Ярославль: ЯрГУ, 2010. – 360 с.

262. Лысенко М.Н. Международное ядерное право – это отрасль международного права? // Московский журнал международного права. – 2016. – № 4. – С. 11-20.
263. Маганкова А.А. Актуальные вопросы справедливости приговора суда первой инстанции в современном уголовном процессе России: дис. ... канд. юрид. наук. – Челябинск, 2013. – 263 с.
264. Макарова З.В. Что есть истина в уголовном процессе // Юридическая истина в уголовном праве и процессе. Материалы Всероссийской научно-практической конференции / Под общ. ред. К.Б. Калиновского, Л.А. Зашляпина. – СПб.: ИД «Петрополис», 2018. – С. 125-130
265. Малешин Д.Я. Гражданская процессуальная система России. – М.: Статут, 2011. – 496 с.
266. Малешин Д.Я. Содействие нотариата судебной реформе // Вестник СПбГУ. Право. – 2020. – Т.11. – Вып. 1. – С. 67-86.
267. Малый А.Ф., Пермиловский М.С. Теория основ конституционной аксиологии // Конституционное и муниципальное право. – 2015. – № 4. – С. 3-5.
268. Мамутов В.К. Академик В.В. Лаптев – лидер советской школы хозяйственного права // Жизнь, посвященная науке. Памяти акад. В.В. Лаптева – М.: ЮНИТИ-ДАНА, 2013. – 303 с.
269. Мананкова Р.П. Пояснительная записка к концепции проекта нового Семейного кодекса Российской Федерации // Семейное и жилищное право. – 2012. – № 4. – С. 26-42.
270. Манылов И.Е. Комментарий к Гражданскому процессуальному кодексу РФ // Вестник гражданского процесса. – 2016. – № 4. – С. 89-112; № 5. – С. 110-142; № 6. – С. 63-107.
271. Марковичева Е.В. Справедливость как нравственный критерий для оценки судебного разбирательства: проблемы толкования и применения // Судебная власть и уголовный процесс. – 2017. – № 4. – С. 130-133.
272. Марьина Е.В. О проблеме познаваемости истины в уголовном процессе // Юридическая истина в уголовном праве и процессе. Материалы Всероссийской научно-практической конференции / Под общ. ред. К.Б. Калиновского, Л.А. Зашляпина. – СПб.: ИД «Петрополис», 2018. – С. 131-136
273. Марьина Е.В. Реализация принципа законности при пересмотре приговора // Проверка законности и обоснованности судебных решений в уголовном процессе. Сборник материалов Всероссийской научно-практической конференции / Под редакцией К.Б. Калиновского. – СПб.: Астерион, 2021. – С. 268-273.

274. Медведев Д.А. Идею о повышении госпошлины за развод нужно еще обсудить // РИА Новости. – URL: <https://ria.ru/20130923/965241452.html> (Дата обращения: 30.08.2023 г.).
275. Милль Д.С. Утилитаризм. О свободе. – СПб.: Изд-во И.П. Перевозникова, 1900. – 427 с.
276. Минеев В.В. Антинаука и современное образование: время переопределять понятия // Вестник Красноярского государственного педагогического университета им. В.П. Астафьева. – 2013. – № 3 (25). – С. 31-38.
277. Миронов А.Н. Административное право: учебник. – М.: ФОРУМ: ИНФРА-М, 2021. – 320 с.
278. Михайлов Н.И. Предпринимательское право в правовой системе современной России и его развитие в условиях инновационной экономики // Творческое наследие академика В.В. Лаптева и современность. – М.: Щербинская типография, 2014. – С. 41-51.
279. Моздаков А.Ю. Социальная безопасность и безопасность личности // Государство и право. – 2008. – № 6. – С. 102-105.
280. Молодцов М.В. Система советского трудового права и система законодательства о труде. – М.: Юрид. лит., 1985. – 175 с.
281. Молодцов М.В., Сойфер В.Г. Стабильность трудовых правоотношений. – М.: Юрид. лит., 1976. – 238 с.
282. Музыченко П.Б. О проблемах установления личности при совершении нотариальных действий // Нотариус. – 2015. – № 2. – С. 38-41.
283. Муратова О.В. Преддоговорные отношения в международном коммерческом обороте: от материально-правового к коллизионному регулированию: дис. ... канд. юрид. наук. – М., 2017. – 178 с.
284. Мусатов Ф.В. Становление науки теории государства и права в отечественной юриспруденции // Электронное приложение к Российскому юридическому журналу. – 2013. – № 4. – С. 11-13.
285. Насибуллина Д.Р. Законность и справедливость приговора по уголовному делу // XXVIII Международная научно-практическая конференция: сб. материалов конференции. – Астрахань: Олимп, 2017. – С. 600-603.
286. Нерсесянц В.С. Наш путь к праву. От социализма к цивилизму. – М.: Российское право, 1992. – 352 с.
287. Нерсесянц В.С. Право – математика свободы. Опыт прошлого и перспективы. – М.: Юристъ, 1996. – 160 с.
288. Нерсесянц В.С. Право: многообразие определений и единство понятия // Советское государство и право. – 1983. – № 10. – С. 26-35.
289. Нерсесянц В.С. Философия права. – М.: ИНФРА-М: Норма, 1998. – 350 с.

290. Нерсесянц В.С. Философия права. – М.: Норма, 2009. – 848 с.
291. Нерсесянц В.С. Философия права: либертарно-юридическая концепция // Вопросы философии. – 2002. – № 3. – С. 3-15.
292. Нерсесянц В.С. Философия права: учебник для вузов. – М.: Норма, 2005. – 656 с.
293. Нестеренко Н.И. Применение ответственности за нарушение земельного законодательства: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. – М., 1984. – 24 с.
294. Нефедьев Е.А. Учебник русского гражданского судопроизводства. – М: Тип. Моск. ун-та, 1909. – 388 с.
295. Нехороших А.М. Гражданское процессуальное право (Общая часть): учебное пособие. – Курск: Юго-Зап. гос. ун-т, 2014. – 248 с.
296. Нечаева А.М. Детское равноправие и равенство в семейно-правовой сфере // Социально-юридическая тетрадь. – 2014. – № 4. – С. 19-32.
297. Нечаева А.М. Интересы ребенка как объект семейно-правовой защиты // Государство и право. – 2012. – № 1. – С. 77-85.
298. Нечаева А.М. К вопросу о совершенствовании Семейного кодекса РФ // Российская юстиция. – 2017. – № 4. – С. 16-18.
299. Нечаева А.М. Национальная стратегия действий в интересах детей и семейное законодательство // Государство и право. – 2013. – № 2. – С. 72-77.
300. Нечаева А.М. О Концепции совершенствования семейного законодательства // Социально-юридическая тетрадь. – 2015. – № 5. – С. 5-15.
301. Нечаева А.М. Особенности судебной защиты семейных прав ребенка // Российская юстиция. – 2017. – № 8. – С. 14-17.
302. Нечаева А.М. Право доступа в семью как предпосылка защиты интересов ребенка // Семейное и жилищное право. – 2010. – № 1. – С. 23-28.
303. Нечаева А.М. Право и защита семьи государством. – М.: Наука, 1987. – 145 с.
304. Нечаева А.М. Проблемы охраны прав несовершеннолетних в РФ: автореф. дисс. ... д-ра юрид. наук в форме науч. докл. – М., 1995. – 57 с.
305. Нечаева А.М. Семейное право. – М.: Юристъ, 2001. – 318 с.
306. Нечаева А.М. Семейное право: актуальные проблемы теории и практики. – М.: Юрайт-Издат, 2007. – 280 с.
307. Нечаева А.М. Семейное право: проблемы и перспективы развития // Государство и право. – 1996. – № 12. – С. 71-76.
308. Нечаева А.М. Семейное право: учебник для академического бакалавриата. – М.: Юрайт, 2015. – 303 с.
309. Нечаева А.М. Семейное право: учебное пособие. – М.: Юрайт, 2010. – 272 с.

310. Нечаева А.М. Семейный кодекс – путь к переменам // Российская юстиция. – 2015. – № 3. – С. 14-18.
311. Нечаева А.М., Летова Н.В., Максимович Л.Б. Конституционные основы семейного права // Двадцать лет Конституции Российской Федерации: юридическая наука и практика / В.Н. Медведев, А.А. Гришкoveц, В.В. Альхименко и др. – М.: Институт государства и права РАН, 2013. – С. 55-60.
312. Нижник Н.С., Дергилева С.Ю. Государство и право в теоретическом наследии А.И. Елистратова // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. – 2014. – № 2 (62). – С. 66-73.
313. Никитин С.В. Гражданский процесс: учебник. – М.: РГУП, 2016. – 388 с.
314. Никитина И.Э., Волеводз А.Г. Судебная экспертиза в международном измерении. – М.: Прометей, 2021. – 620 с.
315. Нифанов А.Н. Генезис правовых теорий о территории государства // Научные ведомости Белгородского государственного университета. Серия: Философия. Социология. Право. – 2011. – № 14 (109). – С. 144-150.
316. Овчинников А.И. Правовое мышление: теоретико-методологический анализ. – Ростов-на-Дону: РГУ, 2003. – 286 с.
317. Ожегов С.И., Шведова Н.Ю. Толковый словарь русского языка: 80 000 слов и фразеологических выражений. 4-е изд., доп. – М.: ООО «Издательство ЭЛПИС», 2003. – 944 с.
318. Осаке К. Свобода договора в англо-американском праве: понятие, сущность и ограничения // Журнал российского права. – 2006. – № 7, 8. – С. 84-93.
319. Осинцев Д.В. Государственное управление и административное право: проблемы методологии правового исследования // Материалы Международной научно-практической конференции, посвященной 80-летию Заслуженного деятеля науки РФ, д. ю. н., профессора Д.Н. Бахраха «Инновационная Россия: проблемы и перспективы формирования правового государства». – Екатеринбург: УМЦ УПИ, 2012. – С. 264-276.
320. Осипов Ю.С. Академия наук в истории Российского государства. – М.: Наука, 1999. – 204 с.
321. Очхаев Т.Г. Изменение и расторжение договора в связи с существенным изменением обстоятельств. – М.: Статут, 2018. – 208 с.
322. Панькина И.Ю. Взаимосвязь методологии познания и доказывания в уголовном процессе и криминалистике // Союз криминалистов и криминологов. – 2019. – № 2. – С. 122-129.

323. Пекарский П.П. История Императорской академии наук в Петербурге. Т. 1. – СПб.: издание Отд-ния рус. яз. и словесности Императорской акад. наук, 1870. – 774 с.
324. Перченко Ф.Ф. «Дело Академии наук» и «великий перелом» в советской науке // Трагические судьбы: репрессированные ученые Академии наук СССР. – М., 1995. – С. 201-235.
325. Петров Г.И. Советские административно-правовые отношения. – Л.: ЛГУ, 1972. – 157 с.
326. Познышев С.В. Элементарный учебник русского уголовного процесса. – М.: Изд. Г.А. Лемана, 1913. – 328 с.
327. Поисеев И.И. Земельное законодательство и рациональное использование земли // Вестник СВФУ. – № 1. – 2013. – С. 73-78.
328. Полякова Т.А., Минбалеев А.В. Глобальное информационное общество в условиях цифровизации и новых вызовов: правовые проблемы и исследования // Труды Института государства и права РАН. – 2020. – Т. 15. – № 2. – С. 199-210.
329. Попов И.В. Сложные вопросы применения ст. 255 УК РФ и влияние гражданско-правовых понятий на квалификацию преступного нарушения правил охраны и использования недр // Вестник Омского университета МВД России. – № 1. – 2013. – С. 3-7.
330. Попов Л.Л., Студеникина М.С. Административное право: учебник. – М.: Норма, ИНФРА-М, 2021. – 736 с.
331. Правовая наука и юридическая идеология России. Т. 2 (1917–1964 гг.): энциклопедический словарь биографий / Отв. ред. В.М. Сырых. – М.: РАП, 2011. – 976 с.
332. Правовое обеспечение рационального использования земли в СССР / Башмаков, Г.С., Кикоть, В.А., Колбасов, О.С., Краснов, Н.И. и др.; отв. ред.: Краснов Н.И. – М.: Наука, 1969. – 216 с.
333. Предпринимательский кодекс как орудие развала правовой системы Казахстана: сб. статей / Отв. ред. М.К. Сулейменов. – Алматы: НИИ частного права КазГЮУ, 2011. – 228 с.
334. Причины экологических преступлений / Дубовик О.Л., Жалинский А.Э.; отв. ред.: Колбасов О.С. – М.: Наука, 1988. – 240 с.
335. Прозументов Л.М. Криминализация и декриминализация деяний. – Томск: Издательство Томского университета, 2012. – 142 с.
336. Прозументов Л.М. Уголовная ответственность несовершеннолетних по законодательству Российской Федерации. – Томск: Издательство Томского университета, 2015. – 176 с.
337. Рассел Б. История западной философии. – М.: Академический проект, 2009. – 1008 с.

338. Редникова Т.В., Аверина К.Н. Актуальные проблемы уголовно-правовой охраны особо охраняемых природных территорий в Российской Федерации // Полицейская и следственная деятельность. – 2019. – № 2. – С. 40-47.
339. Ренненкампф Н.К. Юридическая энциклопедия. Четвертое издание. – Киев: Тип. Т-ва И. Н. Кушнерев, 1913. – 294 с.
340. Розин Н.Н. Уголовное судопроизводство. – СПб.: Право, 1914. – 542 с.
341. Россинский Б.В. Административное право: учебник для вузов – М.: Норма, НИЦ ИНФРА-М, 2019. – 640 с.
342. Ростиславова А. Антимонопольное путешествие к недрам земли // Конкуренция и право. – № 6. – 2016. – С. 47 – 53.
343. Рузакова О.А., Гринь Е.С. Применение технологии blockchain к систематизации результатов интеллектуальной деятельности // Вестник Пермского университета. Юридические науки. – 2017. – № 4. – С. 508-520.
344. Руссо Ж.-Ж. Трактаты. – М.: Наука, 1969. – 704 с.
345. Рябов А.А. Ответственность за нарушение законодательства о землепользовании. – М.: Юрид. лит., 1981. – 88 с.
346. Савва М.В. Проблема взаимодействия «новых диаспор» и старожильского населения (турки-месхетинцы и курды Краснодарского края в иноэтничном окружении) // Региональные конфликты в контексте глобализации и становления культуры мира / Под ред. Г. М. Гогиберидзе, Э. Т. Майборода, Е. И. Степанова. – М.; Ставрополь: Изд-во Ставроп. гос. ун-та, 2006. – С. 351-366.
347. Савенков А.Н. Государство. Право. Институт: 95 лет истории в лицах // Государство и право. – 2020. – № 3. – С. 7-23.
348. Саликова Н.М. Оплата труда в Российской Федерации. Правовое исследование: Монография. – Екатеринбург: УрГЮА, 2003. – 362 с.
349. Самсонов Н.В. К вопросу о системности гражданского процессуального права // Арбитражный и гражданский процесс. – 2017. – № 10. – С. 6-11.
350. Сапрунова М.П. Справедливость приговора в уголовном процессе // Актуальные проблемы российского права и законодательства. Сборник материалов Всероссийской научно-практической конференции / Составитель Е.В. Василенко. – Красноярск: Сибирский институт бизнеса, управления и психологии, 2017. – С. 254-255.
351. Сауляк О.П. Парадигма правопорядка: современное прочтение // Правоведение. – 2006. – № 3 (266). – С. 166-179.
352. Сварчевский К.Г., Иващенко К.А. Защита частных и публичных интересов при переходе к территориальному зонированию // Защита прав: проблемы теории практики и реализации. Сборник статей по

- материалам Всероссийской научно-практической конференции. – СПб.: Верховный суд РФ; Северо-Западный филиал ФГБОУВО «Российский государственный университет правосудия», 2014. – С. 134-140.
353. Светлов Н. Народная демократия: происхождение идеи и ее реализация // Актуальные проблемы истории России. – М., 2020. – С. 187-206.
354. Серов Д.О. От статского советника до прокурора Прокуратуры СССР: грани судьбы следователя В.И. Громова (1868-1952) // Genesis: исторические исследования. – 2015. – № 3. – С. 221-245.
355. Сийес Э.-Ж. Что такое Третье сословие? – СПб.: Голос, 1905. – 64 с.
356. Синельникова В.Н. Части живой природы как объекты гражданского оборота. – М.: Юрсервитум, 2018. – 158 с.
357. Синюков В.Н. Российская правовая система: введение в общую теорию. – М.: Норма, 2010. – 672 с.
358. Скиннер К. Свобода до либерализма. – СПб.: Издательство Европейского университета в Санкт-Петербурге, 2020. – 128 с.
359. Славин М.М., Ушаков Н.А. Международное сотрудничество и международное право. – М.: ИГП АН СССР, 1977. – 136 с.
360. Смаль С.В. Адаптация мигрантов в Санкт-Петербурге: толерантность в контексте реализации ФЗ № 122 от 22 августа 2004 года // Межэтнические столкновения в поликультурной студенческой среде и пути их разрешения. материалы научно-практической конференции. Комитет по науке и высшей школе Правительства Санкт-Петербурга, Российский государственный педагогический университет им. А.И. Герцена; под научной редакцией: С.А. Гончарова, В.Г. Зарубина, В.Ю. Сморгуновой. – СПб.: РГПУ им. А.И. Герцена, 2008. – С. 122-125.
361. Смирнов А.В. Презумпции и распределение бремени доказывания в уголовном процессе // Государство и право. – 2008. – № 1. – С. 60-68.
362. Смирнов А.В. Формальные средства доказывания в уголовном праве и процессе. – М.: Норма, 2018. – 240 с.
363. Смирнова Г.А. Влияние государства на развития науки (на примере создания Российской академии наук) // Архивариус. – 2017. – Т. 1. – № 4 (19). – С. 81-84.
364. Смолина Л.А., Задесенская Я.В. Институт усыновления в России и странах Европы: сравнительное теоретико-правовое исследование. – М.: Юрлитинформ, 2014. – 192 с.
365. Снапковский В.Е. Международные организации в системе международных отношений // Белорусский журнал международного права и международных отношений. – 2000. – № 3. – С. 71-77.
366. Советское трудовое право / Под ред. Б.К. Бегичева, А.Д. Зайкина. – М.: Юрид. лит., 1985. – 552 с.

367. Соколов К.Н. Парламентаризм. Опыт правовой теории парламентарного строя. – СПб.: Печатный труд, 1912. – 432 с.
368. Солоницын П.С. Философский смысл наказания в работе С.И. Гессена // Вестник СЮИ. – 2021. – № 4 (45). – С. 53-57.
369. Строгович М.С. Курс советского уголовного процесса: в 2 т. Т. 1. – М.: Наука, 1968-1970. – 468 с.
370. Стучка П.И. Курс советского гражданского права. В 3-х томах. Т. III. – М.: Государственное социально-экономическое издательство, 1931. – 206 с.
371. Сулейманов Б.Б. Учение С.С. Алексеева о правовых системах // Вестник КГУ. – 2019. – № 3. – С. 206-210.
372. Сухова Е.А. Ответственность за правонарушения в области охраны и использования земель: дис. ... канд. юрид. наук. – Саратов, 2005. – 202 с.
373. Сухомлинский В.А. «О воспитании» – М.: Политическая литература, 1982 – 272 с.
374. Сухомлинский В.А. Как воспитать настоящего человека: (Этика коммунистического воспитания). Педагогическое наследие / Сост. О.В. Сухомлинская. – М.: Педагогика 1990. – 288 с.
375. Сырых В.М. История и методология юридической науки. – М.: Норма: ИНФРА-М, 2012. – 464 с.
376. Тарусина Н.Н. Семейное право: в «оркестровке» суверенности и судебного усмотрения: монография. – М.: Проспект, 2014. – 288 с.
377. Теория международных отношений / Под ред. Цыганкова П.А. – М.: Юрайт, 2019. – 316 с.
378. Тер-Акопо А.А. Безопасность человека (теоретические основы социально-правовой концепции). – М.: Междунар. независимый экол.-политол. ун-т, 1998. – 194 с.
379. Терентьев Р.В. Меры по противодействию распространению новой коронавирусной инфекции (COVID-19) в свете теории конституционализма // Реализация теории конституционализма в правоприменительной практике Российской Федерации. Сборник статей по материалам научно-практической конференции (Санкт-Петербург, 23 октября 2020 года). – СПб.: Астерион., 2021. – С. 208-214.
380. Терехова Н.Н. Государственно-правовые основы безопасности личности в Российской Федерации. – М.: Наука, 2009. – 125 с.
381. Тишков В.А. Вынужденные мигранты и государство. – М.: ЭКОС, 1998. – 221 с.
382. Тишков В.А. Общая оценка этнополитики в Российской Федерации: материал, использованный в выступлениях в ГУ МДН (январь 2010 года)

// Московский дом национальностей. – URL: <https://mdn.ru/articles/v-atishkov-obshhaya-otsenka-etnopolitiki-v-rossijskoj-federatsii> (Дата обращения: 30.08.2023 г.).

383. Толстой Ю.К. Из пережитого. – М.: Проспект, 2014. – 411 с.
384. Тонков Е.Е., Синенко В.С. Методологические подходы к построению системы права // *НОМОТНЕТИКА: Философия. Социология. Право.* – 2016. – № 10 (231). – С. 135-147.
385. Трайнин А.Н. Борьба прогрессивных сил против уничтожения национальных групп и рас (Конференция в Нью-Йорке по борьбе с геноцидом). Стенограмма публичной лекции, прочитанной в Центральном лектории Общества в Москве. – М.: Правда, 1948. – 16 с.
386. Трайнин А.Н. Защита мира и уголовный закон /под редакцией и с предисловием А.Я. Вышинского. – М: Юридическое издательство НКЮ Союза ССР, 1937. – 216 с.
387. Трайнин А.Н. Нюрнбергский процесс. Сборник статей. – М.: Издание РИО ВЮА, 1946. – 124 с.
388. Трайнин А.Н. Уголовная ответственность гитлеровцев / Под ред. А.Я. Вышинского. – М.: Юридическое издательство НКЮ СССР, 1944. – 108 с.
389. Трайнин А.Н. Уголовная ответственность за пропаганду агрессии. – М.: Издание РИО ВЮА, 1947. – 39 с.
390. Третьяков Н.Н. Исаичев В.В. Защита растений от вредителей. – М., СПб., Краснодар: Лань, 2014. – 528 с.
391. Треушников М.К. Судебные доказательства. – М.: Городец, 2004. – 272 с.
392. Трубецкой С.Н. Метафизика в Древней Греции. – М.: Мысль, 2003. – 589 с.
393. Трубников П.Я. Советский суд в борьбе с гражданскими правонарушениями: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. – М., 1953. – 16 с.
394. Уголовно-процессуальное законодательства Союза ССР и РСФСР. Теоретическая модель / Под редакцией профессора В.М. Савицкого. – М.: Академия наук СССР. Институт государства и права, 1990. – 317 с.
395. Упоров А.Г. Основы безопасности государства и личности. – Новокузнецк: ФГОУ ВПО Кузбасский ин-т ФСИН России, 2009. – 52 с.
396. Уставы Академии Наук СССР / Сост.: Богданова А.А., Киселева Л.Н., Кулябко Е.С., Левшин Б.В., Малькевич Б.А., Филиппова Н.В.; отв. ред.: Скрябин Г.К. – М.: Наука, 1974. – 207 с.
397. Фабричный С.Ю., Рузакова О.А. Новеллы законодательства о промышленных образцах // *Патенты и лицензии.* – 2019. – № 2. – С. 12-19.
398. Федотова Ю.Г. Безопасность личности как элемент конституционной безопасности Российской Федерации // *Адвокатская практика.* – 2014. – № 4. – С. 57-62.

399. Филонова О.И. Правовые основы статуса судьи в Советской России в период НЭПа (1921-1929 гг.) // Российское правосудие. – 2012. – № 4. – С. 91-97.
400. Фойницкий И.Я. Курс уголовного судопроизводства. Том II. – Изд. 3-е. – СПб.: Сенатская типография, 1910. – 572 с.
401. Фуко М. Управление собой и другими. Курс лекций, прочитанных в коллеже де Франс в 1982-1983 учебном году. – СПб.: Наука, 2011. – 432 с.
402. Харт Г.Л.А. Понятие права. – СПб.: Изд-во С.-Петербур. ун-та, 2007. – 302 с.
403. Хвощинский А. В поисках договора о переговорах // Бизнес-адвокат. – 2000. – № 1.
404. Химичева Н.И. Финансовое право: учебник. – 5-е изд., перераб. и доп. – М.: Норма: ИНФРА-М, 2012. – 752 с.
405. Хлуденева Н.И. Экологическое право: краткий курс лекций. – 3-е изд., перераб. и доп. – М.: Юрайт, 2014. – 220 с.
406. Цицерон М.Т. О государстве. О законах. О старости. О дружбе. Об обязанностях. Речи. Письма. – М.: Мысль, 1999. – 782 с.
407. Цицерон М.Т. О пределах блага и зла. Парадоксы стоиков. – М.: Российский государственный гуманитарный университет, 2000. – 474 с.
408. Цуранова А.И. Правовой механизм обеспечения рационального использования недр при геологическом изучении разведке и добыче полезных ископаемых. – М.: Проспект, 2017. – 112 с.
409. Чайка К.Л. Генезис международного правосудия // Российское правосудие. – 2021. – № 2. – С. 13-19.
410. Чельцов-Бebutov М.А. Курс советского уголовно-процессуального права. Очерки по истории суда и уголовного процесса в рабовладельческих, феодальных и буржуазных государствах. – СПб.: Альфа, 1995. – 839 с.
411. Чечина Н.А. Норма права и судебное решение / Ленингр. ордена Ленина гос. ун-т им. А.А. Жданова. – Л.: Изд-во Ленингр.ун-та, 1961. – 78 с.
412. Чудиновская Н.А. Установление юридических фактов в гражданском и арбитражном процессе. – М.: Волтерс Клувер, 2008. – 192 с.
413. Чуева А.С., Курдюк П.М., Иваненко И.Н. Финансовое право (общая часть): учебное пособие для бакалавров. – Краснодар: КГАУ, 2013. – 141 с.
414. Шахов В.Д. Полномочия трудового коллектива: содержание, виды, механизм реализации. – Свердловск: СЮИ, 1989. – 84 с.
415. Шахов В.Д. Правовая основа выборности руководителей: проблемы применения и развития // Правоведение. – 1988. – № 5. – С. 14-18.

416. Шейндлин Б.В. Сущность советского права. – Л.: Изд-во Ленингр. ун-та, 1959. – 140 с.
417. Шелли Дж.Ф. Криминология. – СПб.: Питер, 2003. – 864 с.
418. Шерстюк В.М. Система советского гражданского процессуального права (вопросы теории). – М.: Изд-во МГУ, 1989. – 135 с.
419. Шишкин С.Н. Наука предпринимательского права: преемственность и развитие // Проблемы защиты прав: история и современность: материалы XIV междунар. науч.-практ. конф., 17 октября 2019 г. / Отв. ред. Е.Б. Гоголевская. – СПб.: ЛГУ им. А.С. Пушкина, 2020. – С. 57-62.
420. Шишкин С.Н. Ю.В. Гедеман и становление отечественного хозяйственного права // Бизнес, Менеджмент и Право. – 2017. – № 3-4 (38). – С. 22-27.
421. Шор Л.М. Совершенствование договорно-правовых отношений в сфере материально-технического снабжения // Советское государство и право. – 1973. – № 1. – С. 43-52.
422. Шуплецова Ю.И. Финансовое право: краткий курс лекций. – 5-е изд., перераб. и доп. – М.: Юрайт, 2014. – 196 с.
423. Элиаде М. История веры и религиозных идей. От каменного века до элевсинских мистерий. – М.: Академический Проект, 2009. – 432 с.
424. Эффективность юридической ответственности в охране окружающей среды / Отв. ред. О.С. Колбасов, Н.И. Краснов. – М.: Наука, 1985. – 225 с.
425. Юдельсон К.С. Проблема доказывания в советском гражданском процессе. – М.: Госюриздат, 1951. – 295 с.
426. Юдельсон К.С. Советский гражданский процесс. – М.: Гос. изд-во юрид. лит-ры, 1956. – 439 с.
427. Юдин А.В. Особое производство в арбитражном процессе: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. – Самара, 2002. – 30 с.
428. Яббарова Д.М. Введение А.Н. Трайниным в международное право понятия преступной агрессии // К 100-летию образования СССР: политические, исторические, правовые, социально-культурные предпосылки и последствия. Сборник научных статей по материалам Всероссийской студенческой научно-практической конференции / Науч. ред. Л.Ю. Мхитарян. – Пермь: ПГНИУ, 2022. – С.118-120.
429. Яблочков Т.М. К учению об основных принципах гражданского процесса // Сборник памяти Г.Ф. Шершеневича. – М.: Бр. Башмаковы, 1915. – С. 275-318.
430. Яковлев В.Ф. Избранные труды. Т. 2: Гражданское право: история и современность. Кн. 1. – М.: Статут, 2012. – 976 с.
431. Яковлев В.Ф. Интервью. Законодательство об интеллектуальной собственности кодифицировано! // ЭЖ-Юрист. – 2007. – № 1.

432. Яковлев В.Ф. Модернизация Гражданского кодекса Российской Федерации – развитие основных положений гражданского права // Кодификация российского частного права / Под ред. П.В. Крашенинникова. – М.: Статут, 2015. – С. 10-22.
433. Яковлев В.Ф., Маковский А.Л. О четвертой части Гражданского кодекса России // Журнал российского права. – 2007. – № 2 (122). – С. 3-13.
434. Якубчик М.М. *Culpa in contrahendo* и другие доктрины преддоговорной ответственности // Актуальные проблемы гражданского права: сборник работ выпускников РШЧП 2009 года. – Вып. 14. – М.: Статут, 2012. – С. 199-225.
435. Янжул Е.Н. Американская школа. Очерки методов американской педагогики. – СПб: Типография М.М. Стасюлевича, 1901. – 350 с.
436. Ярков В.В. От бюрократического к активному нотариату (актуальные проблемы нотариального права) // Нотариат, государственная власть и гражданское общество: современное состояние и перспективы. Материалы Всероссийской научно-практической конференции (15-16 февраля года, г. Москва). – М.: Волтерс Клувер, 2007. – С. 109-116.
437. Ярошевский М.Г. Логика развития науки и научная школа // Школы в науке / Под ред. С.Р. Микулинского и др. – М.: Наука, 1977. – С. 7-97.
438. Aaronson E., Shaffer G. Defining Crimes in a Global Age: Criminalization as a Transnational Legal Process // *Law & Social Inquiry*. – 2021. – Vol. 46. – Issue 2. – P. 455-486.
439. Adler F., Mueller G., Laufer W.S. *Criminal Justice*. – New York: McGraw-Hill Companies, Incorporated, 2008. – 600 p.
440. Barber B. *Jihad vs. McWorld*. – 2nd edition. – N.Y.: Ballantine Books, 2001. – 432 p.
441. Behler E. Derrida – Nietzsche. Nietzsche – Derrida. – Munchen: Ferdinand Schoningh, 1988. – 171 p.
442. Botantsov I.V. Efficient production system as part of sustainable environmental management / I.V. Botantsov, K.G. Svarchevsky, K.M. Mensah, D.D. Sayafarova // *IOP Conference Series: Earth and Environmental Science*. – 2021. – Iss. 723. – P. 042075.
443. Botantsov I.V. History of women’s political and civil rights in Sweden / I.V. Botantsov, A.A. Darkov, E.V. Maystrovich [et al.] // *Вопросы истории*. – 2020. – № 2. – P. 142-146.
444. Carré de Malberg R. *La loi, expression de la volonté générale. Étude sur le concept de la loi dans la Constitution de 1875*. – Paris: Sirey, 1931. – 264 p.
445. Dworkin R. *Law’s Empire*. – Cambridge, Mass.: Harvard University Press, 1972. – 470 p.
446. Dworkin R. Paternalism // *Monist*. – 1972. – No. 56. – Iss. 1. – P. 64-84.

447. Dyzenhaus D. The very idea of a judge // University of Toronto law journal. – 2010. – Vol. 60. – Issue 1. – P. 61-80.
448. Dzmitryieva A. Becoming a Judge in Russia: An Analysis of Judicial Biographies // Europe-Asia Studies. – 2021. – Vol. 73. – Issue 1. – P. 131-156.
449. Golding M., Edmundson W.A. The Blackwell Guide to the Philosophy of Law and Legal Theory. – Hoboken, New Jersey: Wiley-Blackwell, 2004. – 368 p.
450. Gray Ch.B. (ed.). The Philosophy of Law: An Encyclopedia, vol. 1, 2. – N.Y. and London: Garland Publishing Inc. 1999. – 486, 512 p.
451. Griffiths M., Roach S.C., Solomon S.M. Fifty Key Thinkers in International Relations. – London: Rutledge, 2009. – 404 p.
452. Habermas J. Between Facts and Norms. – Boston: MIT Press, 1996. – 676 p.
453. Hamon F., Troper M. Droit constitutionnel. – 36-e éd. – Paris: LGDJ, 2015. – 830 p.
454. Hart H. Essays in Jurisprudence and Philosophy. – Oxford: Clarendon Press, 1983. – 224 p.
455. Hart H. The Concept of Law. – Oxford: Clarendon Press, 1961. – 380 p.
456. Hunt A. The Critique of Law: What is “Critical” about Critical Legal Studies? // Journal of Law and Society. – 1987. – No. 14. – P. 5-19.
457. Knutsen T.L. A history of international relations theory. – Manchester: Manchester University Press, 2016. – 532 p.
458. Kuhn T.S. The Structure of Scientific Revolutions. – Chicago: University of Chicago Press, 1962. – 212 p.
459. Lewis J.R., Skutsch C. The Human Rights Encyclopedia. Vol. 3. – Armonk: M.E. Sharpe, Inc., 2001. – 1124 p.
460. Lizikova M.S. Nuclear Energy Prospects and Legal Challenges Towards Achieving Sustainable Development Goals // E3S Web of Conferences. – 2020. – P. 02009.
461. Merle M. Sociologie des relations internationales. – Paris: Dalloz, 1974. – 436 p.
462. Mosteller J. The criminalization of Everything. Criminal Justice // Stand Together Trust. – URL: <https://standtogethertrust.org/stories/the-criminalization-of-everything/> (Дата обращения: 28.08.2023 г.).
463. Prévost-Paradol L.-A. La France nouvelle. – Paris: Michel Lévy frères, 1868. – 423 p.
464. Pützer H.-J., Vollhardt J., Assenmacher H.-J. Das moderne Notariat – Strukturen und Aufgaben. – Köln: Selbstverlag, 1993. – 367 S.
465. Rosenau J.N. Linkage Politics: Essays on the Convergence of National and International Systems. – New York: The Free Press, 1969. – 352 p.
466. Schlag P. Spam Jurisprudence, Air Law, and the Rank Anxiety of Nothing Happening (A Report on the State of the Art) // Georgetown Law Journal. – 2009. – No. 97. – P. 803-835.

467. Shaw T.W. Injury to Humanity: Moral Injury, Auschwitz, Nuremberg and Levinas // *Academia Letters*. – 2021. – Article 1425.
468. Solomon P.H., Jr. Courts and Judges in Authoritarian Regimes // *World Politics*. – 2007. – Vol. 60. – Issue 1. – P. 122-145.
469. Soulier J.-L. Unforeseeability doctrine // *Soulier Avocats*. – URL: <https://www.soulier-avocats.com/en/ordinance-of-february-10-2016-for-the-reform-of-french-contract-law-the-principle-of-the-binding-force-of-contracts-is-considerably-undermined-by-the-new-provisions-of-the-french-civil-code/> (Дата обращения: 09.09.2023 г.).
470. Teleki C. Due process and fair trial in EU competition law: the impact of Article 6 of the European Convention on Human Rights. – Leiden; Boston: Brill/Nijhoff, 2021. – 392 p.
471. Tsai F.-J., Chan C.-C. Occupational stress and burnout of judges and procurators // *International archives of occupational and environmental health*. – 2010. – Vol. 83. – Issue 2. – P. 133-142.
472. Tudor J. *Modern Political Thinkers and Ideas: A Historical Introduction*. – London; N.Y.: Routledge, 2002. – 240 p.
473. Vaklifathi M., Kousser T. Does Judicial Selection Affect Judicial Performance? // *FORUM-A Journal of applied research in contemporary politics*. – 2020. – Vol. 18. – Issue 1. – P. 25-50.

КОЛЛЕКТИВ АВТОРОВ

АНДРИАНОВА МАРИЯ ВЛАДИМИРОВНА, старший преподаватель кафедры общетеоретических правовых дисциплин Северо-Западного филиала Российского государственного университета правосудия.

БАУКИН ВЯЧЕСЛАВ ГЕННАДЬЕВИЧ, доцент кафедры гражданского права Северо-Западного филиала Российского государственного университета правосудия, кандидат социологических наук, доцент.

БОРОДУШКО ИРИНА ВАСИЛЬЕВНА, профессор кафедры прикладной математики и информационных технологий Санкт-Петербургского университета государственной противопожарной службы МЧС России, доктор экономических наук, доцент.

БОТАНЦОВ ИОАНН ВЛАДИМИРОВИЧ, доцент кафедры общетеоретических правовых дисциплин Северо-Западного филиала Российского государственного университета правосудия, кандидат юридических наук.

БОЧКАРЕВ СЕРГЕЙ ВАДИМОВИЧ, доцент кафедры международного права Российского государственного педагогического университета им. А.И. Герцена, кандидат юридических наук, доцент.

ВАСИЛЬЕВ ЮРИЙ АНАТОЛЬЕВИЧ, доцент кафедры уголовного права Северо-Западного филиала Российского государственного университета правосудия, кандидат юридических наук.

ВАСИЛЬЕВА НАТАЛЬЯ ВАСИЛЬЕВНА, доцент кафедры государственно-правовых дисциплин Северо-Западного филиала Российского государственного университета правосудия, кандидат юридических наук.

ВОЙТОВИЧ ЛИЛИЯ ВЛАДИМИРОВНА, заведующая кафедрой гражданского процессуального права Северо-Западного филиала Российского государственного университета правосудия, кандидат юридических наук, доцент.

ВОЛКОВА МАРИЯ АЛЕКСАНДРОВНА, доцент кафедры правового регулирования бизнеса и прикладной юриспруденции Московского финансово-промышленного университета «Синергия», кандидат исторических наук, доцент.

ВОРОНЦОВА МАДЛЕНА АЛЕКСАНДРОВНА, доцент кафедры государственно-правовых дисциплин Северо-Западного филиала Российского государственного университета правосудия, кандидат юридических наук.

ГОНТАРЬ НИНА НИКОЛАЕВНА, доцент кафедры государственно-правовых дисциплин Северо-Западного филиала Российского государственного университета правосудия, кандидат юридических наук.

ДЕМКИНА АЛЕСЯ ВЯЧЕСЛАВОВНА, главный советник аппарата Комитета Государственной Думы по государственному строительству и законодательству, доцент кафедры нотариата Московского государственного

юридического университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА), кандидат юридических наук, доцент.

ДЖУРА ВИКТОРИЯ ВЛАДИМИРОВНА, и. о. заведующего кафедрой гражданского и административного судопроизводства Восточно-Сибирского филиала Российского государственного университета правосудия, кандидат юридических наук.

ДОРСКАЯ АЛЕКСАНДРА АНДРЕЕВНА, заместитель директора по научной работе, заведующая кафедрой общетеоретических правовых дисциплин Северо-Западного филиала Российского государственного университета правосудия, профессор кафедры международного права Российского государственного педагогического университета им. А.И. Герцена, доктор юридических наук, профессор.

ДОРСКИЙ АНДРЕЙ ЮРЬЕВИЧ, заведующий кафедрой менеджмента массовых коммуникаций Санкт-Петербургского государственного университета, доктор философских наук, профессор.

ЖИЛЬЦОВА ЮЛИЯ ВЛАДИМИРОВНА, доцент кафедры трудового права Уральского государственного юридического университета им. В.Ф. Яковлева, кандидат юридических наук, доцент.

ЗАИЧЕНКО ЯНА ИВАНОВНА, доцент кафедры гражданского и административного судопроизводства Восточно-Сибирского филиала Российского государственного университета правосудия, кандидат экономических наук.

КАРАСАЕВА ЛАРИСА ВЛАДИМИРОВНА, доцент кафедры государственно-правовых дисциплин Северо-Западного филиала Российского государственного университета правосудия, кандидат юридических наук, доцент.

КАТУКОВА СВЕТЛАНА ЮРЬЕВНА, доцент кафедры гражданского процессуального права Северо-Западного филиала Российского государственного университета правосудия, кандидат юридических наук, доцент.

КЛЕПАЛОВА ЮЛИЯ ИГОРЕВНА, доцент кафедры гражданского права Северо-Западного филиала Российского государственного университета правосудия, кандидат юридических наук, доцент.

КОНИН ВЛАДИМИР ВЛАДИМИРОВИЧ, доцент кафедры уголовно-процессуального права Северо-Западного филиала Российского государственного университета правосудия, кандидат юридических наук, доцент.

КОРСАКОВ КОНСТАНТИН АЛЕКСАНДРОВИЧ, доцент кафедры уголовно-процессуального права Северо-Западного филиала Российского государственного университета правосудия, кандидат юридических наук, доцент.

КРАСНОВА КРИСТИНА АЛЕКСАНДРОВНА, доцент кафедры уголовного права Северо-Западного филиала Российского государственного университета правосудия, кандидат юридических наук, доцент.

КУЗНЕЦОВ ДМИТРИЙ АЛЕКСЕЕВИЧ, аспирант кафедры гражданского и корпоративного права Санкт-Петербургского государственного экономического университета.

КУЧЕНИН ЕВГЕНИЙ СЕРГЕЕВИЧ, доцент кафедры правового регулирования бизнеса и прикладной юриспруденции Московского финансово-промышленного университета «Синергия», кандидат юридических наук, доцент.

ЛАВРИЩЕВА ОЛЬГА МИРОСЛАВОВНА, старший преподаватель кафедры уголовно-процессуального права Северо-Западного филиала Российского государственного университета правосудия.

ЛАТЬШЕВА НАТАЛЬЯ АРКАДЬЕВНА, доцент кафедры гражданского процессуального права Северо-Западного филиала Российского государственного университета правосудия, кандидат юридических наук, доцент.

ЛЕВУШКИН АНАТОЛИЙ НИКОЛАЕВИЧ, профессор кафедры гражданского права Российского государственного университета правосудия, профессор кафедры предпринимательского и корпоративного права Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА), доктор юридических наук, профессор.

ЛИЗИКОВА МАРИНА СЕРГЕЕВНА, старший научный сотрудник сектора предпринимательского и корпоративного права Института государства и права Российской академии наук, кандидат юридических наук.

МАЛКИН ОЛЕГ ЮРЬЕВИЧ, доцент кафедры гражданского права Северо-Западного филиала Российского государственного университета правосудия, кандидат юридических наук, доцент.

МАРЬИНА ЕВГЕНИЯ ВЛАДИМИРОВНА, доцент кафедры уголовного процесса и криминалистики Самарского национального исследовательского университета, кандидат юридических наук, доцент.

МОРОЗОВА НАДЕЖДА МИХАЙЛОВНА, профессор кафедры социально-гуманитарных, экономических и правовых дисциплин Воронежского института МВД России, доктор философских наук, доцент.

НИКИТИНА ИРИНА ЭДУАРДОВНА, главный научный сотрудник Российского федерального центра судебной экспертизы при Министерстве юстиции России, профессор кафедры гражданского и уголовного права и процесса Московского международного университета, профессор кафедры уголовно-правовых дисциплин Международного юридического института (Королёвский филиал), доктор юридических наук.

ОСТАПЕНКО ВЛАДИМИР САВЕЛЬЕВИЧ, профессор кафедры гуманитарных и социально-экономических дисциплин Центрального филиала Российского государственного университета правосудия, доктор педагогических наук, профессор.

ПЕРВУШИНА ВАЛЕНТИНА НИКОЛАЕВНА, профессор кафедры гуманитарных и социально-экономических дисциплин Центрального филиала Российского государственного университета правосудия, доктор философских наук, профессор.

ПИСАРЕВСКАЯ ЕЛЕНА АНАТОЛЬЕВНА, доцент кафедры уголовного права Северо-Западного филиала Российского государственного университета правосудия, кандидат юридических наук, доцент.

РАХМАНОВА ЕКАТЕРИНА НИКОЛАЕВНА, заведующая кафедрой уголовного права Северо-Западного филиала Российского государственного университета правосудия, доктор юридических наук, доцент.

РУЗАКОВА ОЛЬГА АЛЕКСАНДРОВНА, профессор кафедры гражданского права и процесса Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, профессор Финансового университета при Правительстве Российской Федерации, доктор юридических наук, профессор.

СВАРЧЕВСКИЙ КОНСТАНТИН ГЕННАДЬЕВИЧ, заведующий кафедрой гражданского права Северо-Западного филиала Российского государственного университета правосудия, кандидат юридических наук, доцент.

СИДОРЕНКО ЕЛЕНА ВАСИЛЬЕВНА, доцент кафедры уголовно-процессуального права Северо-Западного филиала Российского государственного университета правосудия, кандидат юридических наук, старший советник юстиции в отставке, Почетный работник прокуратуры Российской Федерации.

СМИРНОВ АЛЕКСАНДР ВИТАЛЬЕВИЧ, профессор кафедры уголовно-процессуального права Северо-Западного филиала Российского государственного университета правосудия, доктор юридических наук, профессор, действительный государственный советник юстиции Российской Федерации 3 класса, Заслуженный юрист Российской Федерации.

СМОЛИНА ЛАРИСА АЛЕКСАНДРОВНА, доцент кафедры гражданского процессуального права Северо-Западного филиала Российского государственного университета правосудия, кандидат юридических наук, доцент.

ТАЛИМОНЧИК ВАЛЕНТИНА ПЕТРОВНА, профессор кафедры общетеоретических правовых дисциплин, старший научный сотрудник Северо-Западного филиала Российского государственного университета правосудия, доктор юридических наук, доцент.

ТЕРЕНТЬЕВ РОМАН ВЛАДИМИРОВИЧ, заместитель заведующего кафедрой государственно-правовых дисциплин Северо-Западного филиала Российского государственного университета правосудия, кандидат юридических наук, доцент.

ТУРАЕВА ЭЛЬГА ВИКТОРОВНА, студентка 2 курса магистратуры факультета подготовки специалистов для судебной системы (юридический факультет) Северо-Западного филиала Российского государственного университета правосудия.

ФИЛОНОВА ОЛИНА ИГОРЕВНА, доцент кафедры гражданского процессуального права Северо-Западного филиала Российского государственного университета правосудия, кандидат юридических наук, кандидат исторических наук

ХАРИТОНОВ ЛЕОНИД АЛЕКСАНДРОВИЧ, доцент кафедры общетеоретических правовых дисциплин, научный сотрудник Северо-Западного филиала Российского государственного университета правосудия, доцент кафедры государственного права Российского государственного педагогического университета им. А.И. Герцена, кандидат юридических наук.

ШИКУЛА ИЛЬМИРА РИФКАТЬЕВНА, заведующая кафедрой гражданского и уголовного права и процесса Московского международного университета, доцент кафедры государственно-правовых дисциплин школы права Института права и управления Московского городского педагогического университета, кандидат юридических наук, доцент.

ШИПЛЮК ВЛАДИМИР АНАТОЛЬЕВИЧ, доцент кафедры уголовно-процессуального права Северо-Западного филиала Российского государственного университета правосудия, кандидат юридических наук, доцент.

ШИШКИН СЕРГЕЙ НИКОЛАЕВИЧ, профессор кафедры гражданского права Северо-Западного филиала Российского государственного университета правосудия, доктор юридических наук.

Научное издание

**РОЛЬ АКАДЕМИИ НАУК В РАЗВИТИИ
ГОСУДАРСТВЕННО-ПРАВОВОЙ СИСТЕМЫ РОССИИ
(К 300-ЛЕТИЮ РОССИЙСКОЙ АКАДЕМИИ НАУК)**

Коллективная монография

Под редакцией
доктора юридических наук, профессора А.А. Дорской

Технический редактор:
А.В. Сидоров

ЦНИТ «АСТЕРИОН»

Заказ № 109. Подписано к использованию: 27.10.2023 г.

Формат 60×84 ¹/₁₆. Объем 44,6 п.л.

Санкт-Петербург, 191015, а/я 174,

тел./факс: (812) 685-73-00, 970-35-70

✉: asterion@asterion.ru 🌐: <https://asterion.ru>

📄: https://vk.com/asterion_izdatelstvo